ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ VII.

ИЗДАНІЕ

А. Е. ЛАНДАУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площ. Больш. Театра, 2.
1879.

Отъ издателя.

Начиная съ предлежащаго, VII-го, тома „Еврейской Библіотеки“, мы имѣли въ виду ввести въ нее отдѣлъ современной хроники. Въ этомъ отдѣлѣ мы имѣли въ виду дать читателю болѣе или менѣе подробный отчетъ обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ въ сферѣ общественной и политической жизни, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ евреевъ, равно какъ и въ сферѣ литературной.

Къ сожалѣнію нѣкоторыя непредвидѣнныя и совершенно случайныя обстоятельства помѣшали намъ осуществить наше намѣреніе уже въ этомъ томѣ, отчасти вслѣдствіе болѣзни одного изъ нашихъ сотрудниковъ, отчасти вслѣдствіе того, что „Кутаисское дѣло“, вмѣсто предполагавшихся нами двухъ-трехъ печатныхъ листовъ, приняло совершенно неожиданно такіе обширные размѣры, уже и безъ того значительно увеличившіе объемъ этого тома „Библіотеки“.

Приступая къ печатанію въ нашемъ изданіи „Кутаисскаго дѣла“, мы имѣли въ виду вмѣстѣ съ нимъ представить читателю сводъ мнѣній, высказанныхъ русской печатью по поводу этого процесса. Но и отъ этого намѣренія мы должны были пока отказаться, такъ какъ дѣло это еще не вполнѣ окончено и будетъ слушаться еще разъ въ тифлисской Судебной Палатѣ. Это наше намѣреніе мы постараемся осуществить въ слѣдующемъ, VIII томѣ „Еврейской Библіотеки“.

Точно также, начиная съ VIII тома, мы осуществимъ наше на-

мѣреніе и относительно введенія въ наше изданіе отдѣла современной хроники.

Въ этомъ отдѣлѣ мы дадимъ нашимъ читателямъ:

I) Лѣтопись наиболѣе выдающихся событій и явленій, касающихся русскихъ евреевъ.

II) Лѣтопись событій и явленій, касающихся евреевъ иностранныхъ.

III) Обозрѣніе русской и иностранной журналистики и литературы по отношенію къ евреямъ—и

IV) Обозрѣніе древне-еврейской журналистики и литературы.

За тѣмъ, начиная съ этого тома, „Еврейская Библіотека" будетъ выходить аккуратно каждые полугода. Слѣдующій томъ, такимъ образомъ, выйдетъ не позже декабря мѣсяца текущаго года.

А. Л.

С.-Петербургъ.
Іюнь 1879 г.

ОПЫТЪ НОВОЙ ПОСТАНОВКИ НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЛИТВѢ И ПОЛЬШѢ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Вступленіе: Критическій очеркъ наиболѣе крупныхъ сочиненій по исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Присоединеніе бывшихъ польскихъ областей создало для русскаго правительства еврейскій вопросъ. Сразу вдвинута была въ среду русскаго населенія двухмилліонная масса, которая не могла быть пріурочена ни къ одному изъ существовавшихъ на лицо общественныхъ классовъ.

Въ самомъ дѣлѣ: и въ Польшѣ, и въ Россіи были помѣщики и крѣпостные, было полуземледѣльческое городское населеніе, но въ Россіи не было класса сколько-нибудь похожаго на евреевъ. Правда, на окраинахъ жили народы чуждаго племени, языка, вѣрованій—инородцы, но они, стоя далеко отъ внутренней жизни, представляли собою незначительныя по числу, неважныя въ промышленномъ и торговомъ отношеніи массы населенія. Между тѣмъ не только для Россіи, но и въ Польшѣ, евреи, въ силу историческихъ обстоятельствъ, представляли оригинальное, обособленное цѣлое, отличное отъ остальнаго населенія рѣзкими, какъ внѣшними, такъ и внутренними особенностями. Желаніе найти объясненіе для этихъ особенностей заставило наше правительство предпринять, въ теченіи почти столѣтняго періода, рядъ изслѣдованій, долженствовавшихъ проникнуть въ сокровенную глубину іудейства.

Къ сожалѣнію, начиная съ первыхъ попытокъ Кіарини и до пресловутой книги г. Брафмана, правительственныя субсидіи попадали въ недостойныя, невѣжественныя руки.

Излишне останавливаться съ особенною подробностью на каждой изъ этихъ попытокъ. Книга Кіарини, какъ доказалъ Цунцъ, есть ничто иное, какъ собраніе выкроекъ изъ Ейзенменгера, Вагензейля,

Соломона Маймона и т. под. Трудъ Пиннера „Der Babilonische Talmud, Traktat Berachot“ остановился на первомъ томѣ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, но судя по другому сочиненію г. Пиннера „Compendium des Jerusalemischen Talmud“, едва-ли онъ въ состояніи былъ удовлетворительно исполнить принятую на себя задачу. Что до книги Ланина, написанной по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и касающейся вопроса объ употребленіи евреями крови для религіозныхъ цѣлей, то напрасно было-бы отыскивать въ ней научный методъ и серьезность изслѣдованія. Это отписки на канцелярскую бумагу и ничего болѣе.

Говорить о пресловутой „Книгѣ Кагала“, послѣ всего, что писалось о ней, было-бы совершенно излишне. Какъ первое изданіе на русскомъ языкѣ, такъ и французскій переводъ этого изданія, исполнены такихъ грубѣйшихъ ошибокъ противъ хронологіи, неточностей въ переводѣ и т. п.*, что второе изданіе, исправившее погрѣшности первыхъ и пріумножившее „Книгу Кагала“ многими новыми актами (при чемъ названные въ первомъ изданіи переводами являются во второмъ копіями, акты, составлявшіе прежде единое цѣлое, теперь раздѣлены на два акта и т. д.) едвали можетъ заслужить большое довѣріе.

Нельзя сказать, чтобы и въ настоящее время чиновники Министерства Внутреннихъ Дѣлъ особенно преуспѣли въ своихъ изслѣдованіяхъ относительно евреевъ. Такъ напр. г. Фуксъ, въ ученой запискѣ, имѣющей цѣлью служить, такъ сказать, отправною точкою для работъ коммисіи по пересмотру русскаго законодательства о евреяхъ, считаетъ вполнѣ надежнымъ источникомъ такого рода трудъ, какъ произведеніе Mousseaux: „Le Juif“ и т. д., считаетъ его основательнымъ еще въ особенности потому, что заключенія Муссо, подтверждаются „Книгою Кагала“. Г. Фуксъ вѣроятно забылъ, что „Всемірныя еврейскія братства“ г. Брафмана написаны не безъ содѣйствія книги Муссо, такъ что сходство въ выводахъ „Книги Кагала“ съ книгою Муссо — не удивительны. Но затѣмъ, что же за авторитетъ самъ Муссо?

Не останавливаясь, напримѣръ, на томъ, какимъ образомъ г. Муссо излагаетъ всѣмъ извѣстные факты, хотя бы извѣстное Дамасское дѣло и т. п., нужно замѣтить, что источники, которыми пользуется Муссо, не могутъ быть названы удовлетворительными. Такъ

* Что ошибки перваго изданія не опечатки—очевидно изъ того, что онѣ буквально повторяются во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ 2 года спустя.

авторъ съ особенною любовью цитируетъ сочиненія De la Mare'a „Traité de la Police“, чуть не черезъ страницу встрѣчаются ссылки съ указаніемъ мѣстъ сочиненія, а болѣе безъ указанія, Де-ла-Маръ на каждомъ шагу, Де-ла-Маръ непоколебимый авторитетъ.

Но книга Де-ла-Мара, представляющая весьма важное пособіе для ознакомленія съ характеромъ внутренняго управленія во Франціи при Людовикѣ XIV, а частію и съ исторіей этого управленія, говоритъ о евреяхъ вскользь, касается слегка ихъ исторіи, при чемъ дѣлаетъ замѣчанія, поражающія своею наивностію, чтобы не сказать совершеннымъ невѣжествомъ. Напр.: „Несправедливая прибыль обогатила ихъ (евреевъ) и сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкими. Для оскорбленія христіанъ, они появлялись на страстной недѣлѣ одѣтыми далеко роскошнѣе обыкновеннаго и проводили эту недѣлю въ разнаго рода увеселеніяхъ; напротивъ, во время пасхальной недѣли они казались весьма задумчивыми и опечаленными“... * Для всякаго совершенно понятна причина веселости евреевъ во время страстной недѣли, приходящейся на еврейскую пасху, но Де-ла-Мару это неизвѣстно.

По приведенному образцу можно судить на сколько основательны источники, которыми пользовался авторъ, а слѣдовательно насколько основательно и самое произведеніе, построенное на такихъ матеріалахъ. Но если-бы даже мы ничего не знали о книгѣ Муссо, то достаточно было-бы прочесть выставленный имъ эпиграфъ **, чтобы получить надлежащее понятіе о его основательности.

И такія произведенія цитируются у насъ въ ученыхъ запискахъ, представляемыхъ коммисіи, занимающейся разработкою законопроектовъ! Дѣйствительно, какъ не опереться на Муссо—вѣдь онъ подтверждается Брафманомъ, а Брафмана подтверждаетъ Муссо!

* Traité de la Police ou l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prerogatives des ses magistrat; tous les laud et tous les reglemens qui la concernent etc., par M. Delamare, Paris, MDCCXXII, in fol, Seconde edition. T. I, Livre II, Titre III, Les Juifs, Chap. p. 300.

** Эпиграфъ этотъ гласитъ: „Le monde est gouvrfné par de tout autres parsonages que ne l'imaginent ceux dant l'oeil ne plonge pas dans les coulisses..... Cette diplomatie mystérieuse de la Russie, qui est la terreur de l'Europe occidentale, est organisée par les Juifs, et ils en sont les principaux agens.... Cette puissante révolution, qui actuellement même, se prépare et se brasse en Alemagne où elle sera, de fait une seconde réforme plus considérable que la première, et dont l'Anglerre sait encore si peu de chose, se développe tout entiére sous les auspices du Juif.... Disraeli, ex-premier ministre de la Grando-Bretagne, fils d'Israélite etc.“ (писано въ 1874 г.)

Подобная неразборчивость въ пользованіи сочиненіями отчасти, можетъ быть, объясняется и бѣдностію нашей литературы по еврейскому вопросу вообще. Въ самомъ дѣлѣ, если отбросить чисто оффиціальныя работы, то почти вся литература вопроса сведется къ мелкимъ замѣткамъ, корреспонденціямъ, передовымъ и инымъ газетнымъ статьямъ.

Если же мы встрѣчаемся съ монографіями, то здѣсь часъ отъ часу не легче.

Кто только не пускается въ литературу!

Здѣсь и унтеръ-офицеръ Алексѣевъ, сообщающій тайны Талмуда, и маіоръ Османъ-Бей—указывающій даже мѣсто и часъ собраній депутатовъ отъ всемірной еврейской компаніи для завоеванія міра. Здѣсь и „70 лѣтній старецъ", отъ роду не писавшій никакихъ литературныхъ произведеній, а занимавшійся только „составленіемъ канцелярско-дѣловыхъ бумагъ", здѣсь и іеромонахъ Лютостанскій, открывающій, что Наполи ди Романія (Навплія, крѣпость въ Греціи) есть Неаполь и Румынія, или что талмудисты и есть именно *сектаторы* евреи, или превращающій не одинъ разъ, на страницахъ своего сочиненія, человѣка въ книгу и. т. д.

До сегодняшняго дня на русскомъ языкѣ появилось всего одно сочиненіе по исторіи евреевъ, за которымъ можно вполнѣ признать научныя достоинства, самостоятельное изученіе (хотя и небольшаго числа) источниковъ и критическое къ нимъ отношеніе. Я говорю о книгѣ *Ѳ. И. Леонтовича* „*Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ*". Что же касается остальныхъ, появлявшихся время отъ времени произведеній по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, то всѣ они, какъ я постараюсь доказать ниже, не вносятъ ничего новаго, большею частью составляютъ или искаженіе труда Чацкаго, или же наборъ клочковъ изъ разныхъ сочиненій.

Начнемъ съ старѣйшаго по времени появленія, съ сочиненія Голлендерскаго „Les israelites de Pologne". Большую часть книги составляютъ выписки изъ Чацкаго. Такъ напримѣръ (38—54) цѣликомъ выписанъ планъ реформы евреевъ; весь историческій очеркъ есть ни что иное, какъ передѣлка и извращеніе прекраснаго очерка Чацкаго, также какъ и весь отдѣлъ о Караимахъ (226 стр. и т. д.); при чемъ заимствованія

не ограничиваются текстомъ, но переходятъ и на примѣчанія, а искаженія показываютъ, что Голлендерскій не понималъ даже того, что переписывалъ, напр. (стр. 228) Notitia Karaere (??) вмѣсто Karaeorum: Theusaurus antiquitatum suorum (??) вмѣсто sacrarum и т. п. и нигдѣ ни словомъ не оговорено, что отдѣлъ этотъ заимствованъ у Чацкаго.

Не лучше идетъ дѣло, когда г. Голлендерскій пытается повѣтствовать самостоятельно: напр. на стр. 19, онъ заявляетъ, что въ законахъ нельзя найти статей, опредѣляющихъ правила судопроизводства какъ между самими евреями, такъ и между евреями и христіанами. „Наше предположеніе подтверждается (!) постановленіемъ Сигизмунда Августа, разрѣшающаго старшинамъ Познанскихъ евреевъ прилагать законы Моисея во всѣхъ дѣлахъ, даже уголовныхъ".

Здѣсь, что ни слово, то перлы. — Не говоря уже о томъ, что вопросы о подсудности евреевъ, какъ въ дѣлахъ между собою, такъ и съ христіанами, а также опредѣленіе компетенціи еврейскихъ судей, разрѣшены въ самыхъ древнихъ постановленіяхъ, касающихся евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, т. е. въ статутахъ Болеслава Калишскаго и Витовта, самыя Познанскія привилегіи о „законахъ Моисея" ровно ничего не говорятъ; да къ тому же привилегіи, данныя Познанскимъ евреямъ, ничуть не были обязательны для евреевъ другихъ мѣстъ.

Но откуда автору было почерпнуть свои свѣдѣнія, когда онъ главный источникъ (по крайности до сихъ поръ) для исторіи законодательныхъ мѣръ: Volumina legum, читаетъ Volumine legum, и сообщаетъ при этомъ изъ него такія данныя, которыя доказываютъ полнѣйшее незнакомство съ приводимымъ источникомъ; напр. (33 стр.): „Постановленія сейма 1717 г. свидѣтельствуютъ, что *крестьяне, возбужденные фанатическими священниками*, позволили себѣ всякаго рода насилія надъ евреями„. Кромѣ того, что приведены неправильно листы Volumina legum, f. 316 вмѣсто 320, и самый текстъ не говоритъ ни слова ни о крестьянахъ, ни о священникахъ, а гласитъ слѣдующее:.. „аппробуемъ всѣ постановленія относительно ихъ (евреевъ) безопасности"

„Такъ какъ вслѣдствіе злоупотребленій вошло въ обычай, что дворня и (иные) люди низкаго происхожденія, соединившись во

время сеймиковъ, съѣздовъ, а также трибуналовъ и иныхъ конгрессовъ въ своевольныя „купы“, нарушаютъ миръ, производятъ грабежи разнаго рода, нападаютъ на (еврейскія) школы, разбиваютъ ихъ и чинятъ всякаго рода безчинства, отчего происходятъ великое своеволіе и убытки: почему, заботясь о томъ, чтобы впредь не было мѣста подобнымъ дерзостямъ, предписываемъ воеводамъ, старостамъ и ихъ гродскимъ урядамъ захватывать и наказывать таковыхъ преступниковъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія и грабителей, подлежащихъ наказаніямъ, установленнымъ для разбойниковъ и своевольныхъ купъ.“

Неудивительны поэтому тѣ ужасныя картины, которыя рисуетъ пламенное воображеніе г. Голлендерскаго относительно положенія евреевъ въ Россіи. „Всѣ думали нажиться грабежемъ евреевъ. Если жертва отказывала въ золотѣ, котораго она не имѣла, то тиранъ предавалъ ее пыткамъ, чтобы *муками* исторгнуть сокровища, которыми она не обладала“ (69). Подумаешь, что читаешь разсказъ о какомъ либо средневѣковомъ баронѣ, а не о мелкомъ чиновникѣ временъ императоровъ Алексадра и Николая.

Понятно, что при такого рода свѣдѣніяхъ и историческомъ пониманіи, взглядъ г. Голлендерскаго на разрѣшеніе еврейскаго вопроса крайне простъ. „Законъ въ *нѣсколько строкъ* могъ бы спасти отъ стыда и бѣдствія 2,500,000 евреевъ, снимая въ то-же время упрекъ съ поляковъ, благородное сердце которыхъ должно страдать при созерцаніи отвратительнаго состоянія 1/4 части жителей ихъ страны.... Эти строки могли бы быть выражены, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: Тѣ только евреи лишаются покровительства туземныхъ законовъ, которые своими *нравами, обычаями, нравственностью, языкомъ и воспитаніемъ* не хотятъ походить на христіанъ.—Что же до *чистой религіи Моисея*, то настоящій законъ не имѣетъ въ виду касаться оной“ (303).

Перейдемъ къ книгѣ Sternrberg'a, вышедшей недавно вторымъ изданіемъ.Носитъ оно громкое заглавіе: „Geschichte der Juden in Polen unter den Piasten und Jagellonen.“ Leipzig 1878. Написана она на основаніи польскихъ и русскихъ источниковъ. И дѣйствительно, какихъ только здѣсь нѣтъ источниковъ: и „*Краткая* церковная россійская исторія“, соч. Митр. Платономъ, 1833, и *Руднева* „Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви“ и т. д. 1838. Но авторъ не оставляетъ

въ сторонѣ и новѣйшей литературы. Не только „Древняя и Новая Россія“ фигурируетъ на страницахъ книжки, но даже не забыты „Воронежскія Епархіальныя вѣдомости“, органъ Воронежскаго епископа! (Das Woronesche Eparchialblatt vom Juni 1877, das Organ des Bischofs von Voronesch) (p. 126). Не буду слѣдить за авторомъ въ темномъ лѣсу многообразныхъ цитатъ, а для образчика обращенія г. Штернберга съ матеріалами *и способности его передавать содержаніе прочитаннаго* приведу слѣдующій примѣръ. Говоря о реформаціонномъ движеніи въ Польшѣ, авторъ какъ примѣръ обращенія въ еврейскую религію, приводитъ гр. Потоцкаго и сообщаетъ о немъ разсказъ, на основаніи біографіи Потоцкаго, *напечатанной* (!) *въ Вильнѣ въ 1805 г.* Къ біографіи сдѣланы дополненія въ стилѣ Голлендерскаго, напр. (стр. 127) „Въ Вильнѣ Потоцкій былъ узнанъ и благодаря вліянію своихъ родныхъ (?) брошенъ въ тюрьму. По интригамъ (?) своей семьи приговоренъ онъ былъ къ сожженію на кострѣ. Предварительно же мучили его, прижигая пятки раскаленнымъ желѣзомъ. Съ самаго костра Потоцкій имѣлъ достаточно силъ произнести слѣдующую рѣчь: „Не думайте, что совершаемое вами справедливо; я охотно умираю за истину; пусть ваши руки, омытыя невинною кровью, измучатъ меня за любовь къ религіи, которая одна справедлива и истинна“. Виленскіе евреи собрали его пепелъ и похоронили на своемъ кладбищѣ“. Какъ ни покажется страннымъ, но несомнѣнно, что въ разсказѣ о графѣ Потоцкомъ, напечатанномъ Крашевскимъ *впервые* въ своей книгѣ „Vilno od poczatkow jego do roku 1750“, т. III. Wil. 1841, нѣтъ ничего похожаго на то, что приведено Штернбергомъ: ни родныхъ, ни пытокъ раскаленнымъ желѣзомъ, ни рѣчи...

Читатели „Евр. Биб.“ легко могутъ провѣрить сказанное по переводу разсказа о Потоцкомъ, помѣщенному въ III т.

Произведеніе Краусгара, подъ заглавіемъ „Historia Żydow w Polsce“. Warsz. 1865—1866, выдѣляется нѣсколько надъ сочиненіями Голлендерскаго и Штернберга, хотя тоже не чуждо многихъ недостатковъ. Также точно вводятся цѣликомъ отдѣлы, или не имѣющіе никакой связи съ исторіею евреевъ въ Польшѣ, напр. исторія евреевъ въ Богеміи (II, p. 99 — 102) или Донъ Іосифъ Нази, князь Наксоса, (II, 305—320) и т. п. или же подробно разсказываются давнымъ давно извѣстныя вещи, въ родѣ избіенія евреевъ въ Краковѣ въ 1407 г. и т. п.; не прочь нашъ

авторъ и пощеголять ученостію, сослаться на неизданные документы въ такомъ дѣлѣ, которое всѣмъ извѣстно изъ печатныхъ источниковъ, напр. текстъ дозволенія, даннаго Сигизмундомъ I шляхтѣ на держаніе въ своихъ имѣніяхъ евреевъ, взятъ г. Краусгаромъ изъ XVIII (неизданнаго) тома рукописей Томицкаго, между тѣмъ, какъ онъ дословно помѣщенъ у Bandtkie, Jus Poloniae; или же сослаться на книги Метрики Литовской, между тѣмъ, какъ акты уже давнымъ давно напечатаны, какъ напр. (II, 244). ссылка на Метрику Коронную, кн. 110, f. 161, гдѣ дѣло идетъ объ извѣстной Познанской привилегіи, о которой есть у Чацкаго, (изд. 1869 г., „Rozprawa", стр. 50, и Perles'a „Geschichte der Juden in Posen")—причемъ, самая привилегія почему-то распространена на всѣхъ евреевъ Польши, между тѣмъ, какъ она касается спеціально одной Познани. Иногда даже авторъ, вѣроятно по забывчивости, выдаетъ за свое мнѣніе мнѣнія, принадлежащія другимъ изслѣдователямъ, такъ, напр., (II, 131, прим.), опровергая г. Гумпловича, авторъ говоритъ: „*по нашему же мнѣнію*, только съ XVII вѣка и т. д.", взято слово въ слово изъ сочиненія Леонтовича, (стр. 36, в. наз. соч.). Въ тѣхъ же актахъ, гдѣ приведены матеріалы изъ Метрики Литовской, авторъ, къ сожалѣнію, пользовался находящимися въ Варшавѣ переводами на польскій языкъ, не имѣющими никакого научнаго достоинства, потому что переводы эти сдѣланы крайне неточно и небрежно.

Точно также у автора нѣтъ отчетливаго представленія о многихъ существенныхъ сторонахъ внутренней еврейской жизни, напр. компетенціи еврейскихъ судовъ; поэтому оказывается, (II, 56), что для евреевъ во время Казиміра Великаго магдебургское право было обязующимъ по дѣламъ съ христіанами (?), но въ тоже время магдебургское право не обязывало ихъ къ обывательскимъ повинностямъ, или же, (68) въ судѣ старосты, воеводы или гродскомъ судились всѣ дѣла евреевъ, неподсудныя ихъ собственному суду, т. е. *дѣла съ христіанами* (?).... или (77), въ уголовныхъ дѣлахъ евреевъ или евреевъ и христіанъ не должны были вмѣшиваться *обыкновенные* (?) суды, а судилъ самъ воевода съ евреями.

Во всякомъ случаѣ книга м. б. прочитана не безъ интереса, хотя дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, чѣмъ было еврейство въ польскомъ королевствѣ, она не въ состояніи. То же нужно сказать и о появившейся въ прошломъ году книгѣ маститаго историка славянскихъ правъ г. Мацѣйовскаго: „Żydzi w Polsce, na Rusi i

Litwie, 1878 г., Warsz. При незначительномъ объемѣ (всего 96 стр. текста и 60 стр. приложеній) г. Мацѣйовскій намѣревается дать исторію евреевъ въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Очевидно, что уже по самымъ размѣрамъ книги нужно ограничиться одними только намеками. Поэтому читатель вправѣ предположить, что г. Мацѣйовскій коснется только самыхъ темныхъ вопросовъ, разъяснитъ спорные и трудные пункты въ исторіи польскихъ евреевъ, а не будетъ повторять избитыхъ мѣстъ, между тѣмъ г. Мацѣйовскій посвящаетъ изъ 96 стр. 12 стр. на *критическій* разборъ давно извѣстнаго статута Болеслава, при чемъ самый разборъ далеко уступаетъ разбору, сдѣланному гораздо раньше Чацкимъ. Затѣмъ Франку и франкистамъ отведены 77—80 стр., при чемъ ни слова новаго, ничего далѣе Гретца. Съ 82 — 90 помѣщены проэкты реформъ евреевъ, всѣ напечатанные уже ранѣе. Что же до первыхъ 3-хъ прибавленій, то въ нихъ мало что можно найти новаго, а четвертое приложеніе, былъ-ли еврей одинъ день польскимъ королемъ, едвали вообще заслуживало мѣсто въ книгѣ, сколько-нибудь претендующей на серьезное научное значеніе. Такимъ образомъ, если отбросить нѣсколько страничекъ вступленія (5), представляющихъ яко бы очеркъ исторіи евреевъ, и 7 — 12 пришествіе евреевъ въ Польшу, то собственно для изслѣдованія объ исторіи евреевъ въ польскомъ королевствѣ останется всего около 50 стр. весьма разгонистой печати. Авторъ пользовавшійся матеріалами, собранными г. Бергсономъ въ Коронной и Литовской Метрикахъ, очевидно могъ приложить и свои глубокія знанія внутренней жизни польскаго и литовскаго государства. Но всѣ эти благопріятныя условія не дали почти ничего для новаго освѣщенія исторіи евреевъ. Возьмемъ для примѣра вопросъ о еврейскомъ судѣ (38 стр.). „Въ числѣ старшихъ еврейскихъ находился *судья*, которымъ могъ быть, какъ кажется, и христіанинъ, если его на эту должность *выбирала* община". Дѣло въ томъ, что г. Моцѣйовскій не раздѣляетъ компетенціи еврейскихъ судей: по дѣламъ между евреями, за исключеніемъ уголовныхъ *, дѣйствительно всегда, начиная съ

* Предоставленіе самимъ евреямъ, какъ было въ Познани, на основаніи грамоты Сигизмунда-Августа и въ Брестѣ, на основаніи грамоты Яна Собѣскаго (Мет. Литов. Записи, кн. № 139, актъ № 82 и 81) уголовной юрисдикціи не есть общее правило, а потому должно быть всякій разъ доказано.

статута Болеслава, судьями были евреи, изъ числа старшихъ, члены кагала; по дѣламъ же уголовнымъ и евреевъ съ христіанами, судили такъ-называемые еврейскіе судьи, которыми были обыкновенно подстароста или иной шляхтичъ по усмотрѣнію старосты, *.

Свѣдѣнія свои авторъ весьма часто беретъ неизвѣстно откуда, какъ напр. (17) въ судахъ еврейскихъ разбирались трояќаго рода дѣла: уголовныя, гражданскія и торговыя—и затѣмъ говорится о судѣ по поводу убіенія евреями христіанскихъ дѣтей. Но изъ статута Болеслава не видно, чтобы еврейскимъ судьямъ предоставлялась уголовная власть, а дѣла объ убіеніи дѣтей разсматривались не въ еврейскомъ судѣ, а передъ королемъ на генеральномъ сеймѣ. Или (21), „когда между евреями споръ шелъ о вещи, то судилъ воевода, а если о лицахъ, то самъ монархъ (?)—Казиміръ В. (28) не только подтвердилъ привилегіи Болеслава, но даже значительно ее расширилъ (?)“.

А что сказать о взглядахъ автора на причины, понизившія юридическое и общественное положеніе евреевъ въ польскомъ королевствѣ? „Наиболѣе же оказались виновными евреи въ томъ, что, не уважая права пропинаціи, принадлежавшаго каждому помѣщику, довели дѣло до возстанія казаковъ, сперва подъ разными предводителями, и наконецъ подъ начальствомъ Хмѣльниц-

* Матеріалы для исторіи евреевъ въ Юго-Западной Россіи и Литвѣ, см. ниже въ приложеніи, актъ № VI, славетный Вилгелмъ Крумъ жалавалъ, обтежливе оповедался *на пана Войтеха Витвинскаго, судью жидовъ Луцкихъ—отъ его милости пана старосты Луцкаго*. № VIII... Передо мною Адамомъ Олшамовскимъ, *намесникомъ и судьею жидовскимъ Луцкимъ*.

Книга Центр. Кіевскаго архива, № 2106, fol. 238.... покладали.... декретъ суда жидовскаго Луцкаго съ печатью и съ подписомъ руки *пана Войтеха Витвинскаго, судьи жидовскаго Луцкаго*.... Также акты виленской Арх. Комм. томъ V, № 503, Рукописи разноязычныя Императорской Публичной Библіотеки, Jurisprudentia f. 614, актъ № 89. Observations sur les pretensions du Grand Tresoriers de la Couronne par rapport à la juridiction des juifs de Cracovie, pendant la vacance du Palatinat (1748 г.).

Въ этомъ актѣ выясняется между прочимъ:

1) C'est le Palatin qui constituë un juje, de juifs.... Le noveau Palatin donne le Charge du juje des juifs a qui il lui plait.

2) Les juifs de Cracovie dependent du Palatin par devent les jujemens du quel, et non ailleurs, 'ils doivent être citès et y repondre. C'est leur premier instance, dont ils peuvent appeler aux jujemens de la Cour du Roi.... далѣе же говорится о спорѣ между пан. Рудницкимъ и пон. Гордономъ.—„жидовскими судьями“.

каго. Такимъ образомъ, водка и снова водка не только уничтожила цвѣтущія общины израильскія въ русско-польско-литовскомъ государствѣ, но таже водка ввергнула и все государство въ бездну несчастій“.

И такъ одною причиною несчастій евреевъ была водка. Другою причиною была *брошюра*, написанная въ 1532 году евреями въ защиту свою отъ нареканій христіанскихъ купцовъ и ремесленниковъ. Брошюра эта вызвала такой протестъ со стороны христіанъ и ихъ, усилія, направленныя противъ евреевъ, настолько были успѣшны, что „съ этихъ поръ (52) одни только мѣщане и по-поламъ съ ними богатые помѣщики занимаются купеческими оборотами“ *.

Что, спрашивается, прибавятъ подобнаго рода сочиненія къ исторіи евреевъ.

Коснувшись вышеназванныхъ сочиненій, я привелъ почти все, что писалось о польскихъ евреяхъ на всѣхъ языкахъ. Чѣмъ же объяснить такую плачевную бѣдность литературы?

Бѣдность нашей литературы объясняется, какъ мнѣ кажется, во первыхъ тѣмъ, что весьма долго, помимо еврейскаго вопроса, стояло на очереди много иныхъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія; во вторыхъ, евреи были до настоящаго царствованія какъ-бы въ отдѣльномъ государствѣ, за стѣною; литература же наша сосредоточена въ мѣстахъ, лежащихъ *внѣ черты осѣдлости*, поэтому читающая публика была знакома съ евреями скорѣе по такого рода произведеніямъ, какъ разсказъ Даля, о похожденіяхъ Ицки, или театральнымъ пьесамъ, въ родѣ „Жидъ за печатью“ и т. п., чѣмъ изъ серьезныхъ изслѣдованій; а не зная евреевъ, мало интересовались ими.

Сюда же нужно присоединить еще и то обстоятельство, что нигдѣ, быть можетъ, не сказалась на столько бѣдность матеріаловъ, на которыхъ можно было бы построить научныя изслѣдованія, какъ въ исторіи Польско-литовско-русскихъ евреевъ.

* Излишне было бы осиаривать вліяніе брошюры, но что евреи и послѣ 1532 г. занимаются какъ купечествомъ, такъ и держатъ на откупѣ королевскіе доходы, это подтверждается не только косвеннымъ путемъ изъ запрещеній, повторяющихся чуть ли не каждый сеймъ, но и прямо изъ напечатанныхъ уже актовъ, ср., напр. Акты Вилен. Археегр. Комит., т. V, №№ 472, 475, 475, 476, 518 (1682), также приложоніе *B.* № 21 (1733). Приложеніе *B.* № 163 и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ отрывочныхъ упоминаній разныхъ польскихъ писателей, до половины настоящаго столѣтія не было иного источника, кромѣ Volumina legum... Но Volumina legum даютъ относительно евреевъ крайне скудный матеріалъ: статутъ Болеслава Калишскаго,—вотъ основаніе, а затѣмъ случайныя распоряженія, въ родѣ запрещенія евреямъ торговать лошадьми, или давать деньги подъ письменныя обязательства, или брать на откупъ таможенныя пошлины, кое какія распоряженія относительно платежа евреями податей—вотъ почти и все, что имѣется на лицо. Въ силу этой отрывочности, неполноты даныхъ, нельзя уяснить причинъ рѣзкой перемѣны въ положеніи евреевъ, происшедшей въ промежутокъ между подтвержденіемъ въ послѣдній разъ Болеславовой привелегіи и концомъ XVIII ст.

Изданія Археографической Экспедиціи, а также Археографическихъ Коммиссій въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ, а равнымъ образомъ разныя польскія изданія, въ родѣ Acta Tomiciana, Codex diplomaticus Mozoviae. Pomniki Helcel'я и проч. даютъ теперь возможность пополнить недостающія звенья, и во многихъ отнощеніяхъ подымаютъ вопросы, которые доселѣ никому изъ писавшихъ о евреяхъ и не приходили въ голову.

Конечно, напечатанныхъ доселѣ матеріаловъ весьма недостаточно для построенія полной исторіи юридическаго и общественнаго положенія польско-литовскихъ евреевъ; но все же оно вполнѣ достаточно, чтобы не дѣлать грубыхъ ошибокъ, чтобы освѣтить болѣе удовлетворительнымъ образомъ хотя нѣкоторыя изъ смутно намѣченныхъ чертъ этой исторіи.

Желая съ своей стороны принести посильную лепту дѣлу установленія безпристрастнаго, чистонаучнаго взгляда на исторію, а слѣдовательно и современное положеніе русскихъ евреевъ, я позволилъ себѣ, изъ находящагося въ моемъ распоряженіи собранія актовъ, извлеченныхъ изъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, предложить вниманію читателей небольшое число документовъ, касающихся разныхъ сторонъ юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Польшѣ, въ XVI и слѣд. столѣтіяхъ.

Изъ документовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, прошу обратить вниманіе на № IX, ярко обрисовывающій характеръ и кругъ дѣятельности еврейскаго управленія, указывающій на крѣпость его организаціи, быстроту и точность исполненія распоряженій; а равнымъ образомъ и № X, характерный по отношенію гродскихъ судей къ письменнымъ доказательствамъ, исходящимъ отъ еврейскихъ властей; №№ VI, VIII, касающіеся дѣятельности *„жидовскихъ судей“*; № XII характеренъ, какъ актъ передачи правъ на недвижимость; № III рисуетъ передъ нами одну изъ сторонъ дѣятельности выдающагося богача еврея; остальные документы касаются отношенія къ евреямъ духовенства и мѣщанъ, отношенія какъ мирныя, такъ и враждебныя.

Въ слѣдующемъ томѣ „Еврейской Библіот.“, я надѣюсь привести нѣсколько болѣе интересныхъ документовъ, касающихся главнымъ образомъ еврейскаго самоуправленія, таковы напр. инструкціи депутатамъ, ѣдущимъ на еврейскій сеймъ; Королевскій дипломъ на *генеральное еврейское писарство*; распоряженія *архираввиновъ* относительно разложенія податей между еврейскими общинами и предоставленія нѣкоторыхъ особенныхъ правъ отдѣльнымъ общинамъ; копію постановленія *Синода четырехъ странъ* и нѣкоторыя другія. Если дозволитъ мѣсто, то тамъ же будутъ помѣщены документы изъ Литовской Метрики, восходящіе къ концу XV и началу XVI вв. —

Желая показать, какой видъ получаютъ многіе вопросы по исторіи евреевъ, если обращаются за ихъ разрѣшеніемъ не къ произвольнымъ измышленіямъ, а къ безпристрастно глаголющимъ актамъ, я помѣщаю ниже два очерка.

Въ первомъ изъ нихъ я стараюсь установить истинную точку зрѣнія на личность пресловутаго Михеля изъ Бреста, перваго, (какъ утверждали до сихъ поръ, плохо понявшіе Чацкаго, писатели) архираввина Литовскихъ евреевъ; во второмъ стараюсь обратить вниманіе читателя на неизвѣстнаго доселѣ „префекта“ коронныхъ польскихъ евреевъ.

Такого рода вопросы выбраны мною потому, что они касаются первой попытки объединить управленіе польскими евреями; этой попыткой выясняется непосильность задачи, предпринятой Сигизмундомъ I, вслѣдствіе сложившейся уже самостоятельности еврейства въ Польшѣ, а съ другой эти хотя и неудачныя попытки даютъ самимъ евреямъ мысль о возможности и выгодности объединенія, но на началахъ болѣе сообразныхъ съ еврейской жизнію и воззрѣніями.

И дѣйствительно, недальше какъ въ XVII же вѣкѣ мы встрѣчаемъ уже твердо намѣченную общую организацію еврейскаго са-

моуправленія, съ центральною властью, съ организованными съѣздами, представительствомъ и т. п.

Вопросъ о времени возникновенія этой организаціи, о ближайшей причинѣ ея появленія, о характерѣ, задачахъ и т. п. можетъ представить предметъ отдѣльнаго изслѣдованія, который со временемъ я надѣюсь предложить, если позволятъ обстоятельства, благосклонному вниманію публики.

Первыя попытки централизаціи еврейскаго управленія при Королѣ Сигизмундѣ I.

I. Старшій Литовскихъ евреевъ—Михель Іозефовичъ изъ Бреста.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ въ исторіи польско-литовскихъ евреевъ представляется, несомнѣнно, вопросъ объ устройствѣ еврейскаго самоуправленія.

Въ напечатанныхъ доселѣ документахъ мы встрѣчаемъ только отрывочные, разрозненные намеки, имѣемъ напр. названія должностей: *войтъ, кагальный, школьникъ, судья, синдикъ и т. п.* * но не имѣемъ свѣдѣній, какія же функціи, какого рода кругъ дѣятельности соотвѣтствовалъ каждой изъ названныхъ должностей.

Знаемъ, что существовали сеймы еврейскіе; но какимъ образомъ они были организованы, какой кругъ дѣлъ подлежалъ ихъ вѣдомству, когда и гдѣ они собирались, все это покрыто мракомъ.

Изъ смутныхъ и отрывочныхъ данныхъ заключаемъ о су-существованіи общееврейскихъ съѣздовъ Waad'овъ, „синода четырехъ странъ“ и т. д., но даже такіе знатоки еврейской исторіи и литературы, какъ напр. Гретцъ, отказываются дать сколько нибудь точный отвѣтъ о времени появленія, составѣ членовъ и характерѣ занятій этихъ съѣздовъ **.

Съ появленія извѣстной книги *Т. Чацкаго* „Rozprawa o Żydach i Karaitach“ а почти каждый, изъ писавшихъ по исторіи еврвевъ въ Польшѣ и Литвѣ, считалъ долгомъ распространиться на счетъ перваго „архи-равина“ Литвы, Михеля изъ Бреста. †

---

* Ѳ. И. Леонтовичъ. Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ. (Въ Кіевскихъ унив. изв. за 1864 г., №№, 3, 4, и отдѣльно— стр. 38, 39 и 40. W. A. Maciejowski. Zydzi w Polsce, na Rusi i Litvie. 1878, Warszava стр. 59, 60, 71).

** Graetz, Geschichte der Juden, T. IX, 866.—Note 9, s, LXXIX, Die regelmäszigen Jüdischen General-Synaden in Polen.

† Kraszewski въ книгѣ Vilno od poczatkow iego do roku 1750 — Т. III,

Да и какъ было не распространяться. Вообще матеріалы скудные, послѣ Чацкаго появилось немногое, по крайности для большинства писавшихъ по исторіи евреевъ, приходится повторять зады— по этому какъ не порадоваться случаю отвести душу на такомъ любопытномъ предметѣ.

Лицамъ, знакомымъ нѣсколько съ характеромъ сочиненія *Голлендеренскаго* „Les israelites de Pologne“, нисколько не покажется странною слѣдующая тирада: „Власть надъ евреями принадлежала раввинамъ, надъ мѣстными раввинами возвышался архираввинъ. Архираввины (?) въ королевскихъ и сеньоральныхъ городахъ отправляли обязанности судей“.

„Власть архираввиновъ надъ евреями была весьма велика, такъ какъ имъ принадлежало право приговаривать, на основаніи израильскихъ законовъ, къ смертной казни и изгнанію“. *

Штернбергъ **, въ свою очередь, если не старается превозойти Голлендерскаго, то все таки ничуть не прочь сообщить нѣчто новенькое. Онъ говоритъ:

„Евреи, живущіе въ Литвѣ, пользовались особеннымъ вниманіемъ короля. Сигизмундъ дозволилъ имъ избрать старѣйшину (einen Aeltesten), на обязанности котораго лежало ходатайство передъ престоломъ по дѣламъ всѣхъ евреевъ Литвы. Онъ носилъ титулъ „Гаонъ“, и всѣ евреи должны были ему повиноваться. Первымъ по времени въ этой должности былъ Михель изъ Бреста. Власть гаоновъ была очень велика, потому что имъ принадлежало право, на основаніи законовъ Моисея, приговаривать къ смертной казни и изгнанію †. Законъ, касавшійся ихъ правъ (das betreffende

---

стр. 157. открылъ даже и предшественника Михеля изъ Бреста: нѣкоего *Якоба Леви Морену*.

Maciejowski, въ Hystorya prawodawstw Slowianskich, Wyd. drugie, T. IV, 1862, krt., 303, § 224 *нѣсколько* ближе къ истинѣ, видя въ Михелѣ изъ Бреста посредника еврейскихъ кагальныхъ судовъ; синдика евреевъ, старшину еврейскаго и *представителя* (?) пребывающаго у королевскаго престола.

* Les Israelites de Palogne. 1846, p. 24. Характеристика сочиненія Голлендерскаго, которое, собственно говоря, есть ничто иное, какъ искаженіе прекраснаго труда Т. Чацкаго, сдѣлана выше.

** Sternberg Geschichte d. Juden in Polen unter den Piasten und den Jagellonen Lpz., 1877. (Первое изданіе подъ заглавіемъ: Versuch einer Geschichte d. Juden in Polen unter der Regierung der Piasten. Wien 1860). S. 112.

† Прошу сличить со словами Голлендерскаго, приведенными выше.

Gesetz) гласилъ: * «„они (Seniores) могутъ по всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ евреевъ изгонять виновныхъ изъ города и даже казнить смертною казнію, и какъ нынѣшніе, такъ и будущіе палатины не должны въ томъ чинить имъ препятствія“».

„Уже гаонъ Михель сдѣлалъ приложеніе этой неограниченной власти, когда 11 Апрѣля 1508 г. объявилъ двухъ брестскихъ евреевъ Ицку и Берека „измѣнниками Богу и королю“, отлучилъ ихъ и приказалъ о приговорѣ возвѣстить трубами“.

Такого рода свѣдѣнія сообщаютъ намъ люди, не видѣвшіе ни одного акта о Михелѣ изъ Бреста, что ясно изъ простаго сличенія ихъ разсказовъ съ грамотою Сигизмунда I Михелю *изъ Бреста* **.

Но обратимся къ лицамъ, которыя имѣли у себя какъ документы Коронной и Литовской метрикъ, такъ и пользовались разными иностранными и домашними собраніями рукописей и рѣдкими печатными сочиненіями: перейдемъ къ сочиненіямъ гг. Мацѣйовскаго и Краусгара.

Почтенный авторъ „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи † ограничивается, однако, слѣдующимъ коротенькимъ замѣчаніемъ—„Сигизмундъ I установилъ для Литвы Архираввина, находившагося въ непосредственной отъ него зависимости. Такимъ и былъ Михель изъ Бреста“.

Гораздо болѣе вниманія посвящаетъ Михелю изъ Бреста г. Краусгаръ *†. Имѣя въ рукахъ списокъ уставной грамоты Сигизмунда I, г. Краусгаръ не могъ, очевидно, ни даровать Михелю никогда не принадлежавшаго ему титула „гаона“, ни произвести его въ Архираввины, но все же не удержался отъ того, чтобы не

* Мнѣ нечего говорить что такого „закона“, опредѣляющаго права „гаоновъ„ ни до Михеля, ни въ послѣдствіи, на сколько мнѣ извѣстно, издаваемо не было. Слова въ кавычкахъ взяты изъ привилегіи, выданной познанскимъ евреямъ въ 1571 г., а Михель умеръ между 1525 и 1533 гг., какъ это постараюсь доказать ниже.

** Напечатана впервые Краусгаромъ въ его сочиненіи Исторія евреевъ въ Польшѣ, т. II, стр. 133, 4, въ польскомъ переводѣ. Очевидно это копія, о которой упоминаетъ Чацкій в. н. с. стр. 48, прим. 1. Въ спискѣ Краусгара есть неточности, пропуски, не обозначена дата. Списокъ на актовомъ русскомъ языкѣ, о которомъ упоминаетъ Чацкій, какъ объ оригиналѣ (тамже), что доказывается и большею полнотою списка, помѣщенъ мною въ приложеніи къ „Гамелицу“, № 4, 1879.

† В. наз. соч., стр. 71.

*† Historija Zydow w Polsce. Warszawa przez A. Kraushara. I T. Okres Piastowski; 1865. II T. Okres Jagielonski 1866.

надѣлить Михеля „правомъ суда по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ“ *, „абсолютною властью“ ** и хотя маленькимъ титульчикомъ „сеньора“. „Сеньоръ“ Михель къ удовольствію короля долго отправлялъ свою должность. Не смотря на большое количество оффиціальныхъ заботъ и занятій, Михель имѣлъ время удѣлить часокъ и для прибыльныхъ предпріятій. Выстроилъ мостъ на рѣкѣ Бугѣ, получивъ предварительно отъ короля право передачи родственникамъ право сбора мостовой пошлины.

„Годъ его смерти неизвѣстенъ. Остались только слѣды привилегій, выданныхъ преемникамъ его по должности“.

Что касается вопроса о пространствѣ власти Михеля Іозефовича изъ Бреста, то какъ мы вскорѣ увидимъ, она далеко не была абсолютна, что же до „удовольствія короля“, „обремененія занятіями по должности сеньора“, „наслѣдственной передачи мостовой пошлины“, то все это составляетъ плодъ фантазіи.

Всѣ вышеприведенныя варіаціи покоятся на слѣдующей простой темѣ.

„Надъ всѣми литовскими евреями, говоритъ Чацкій †, поставленъ былъ начальникъ (zwerchnik) ††; на его обязанности лежали ходатайства передъ королемъ объ интересахъ всего еврейскаго люда“ и далѣе *†: „Первымъ такимъ старшимъ евреемъ былъ Михель изъ Бреста..... Въ актахъ Метрики Литовской имѣются привилегіи и для преемниковъ Михеля. Изъ этого установленія „старшихъ“ возникли архираввины, отправлявшіе судъ какъ въ королевскихъ городахъ, такъ и въ городахъ знатныхъ вельможъ. На Волыни былъ архираввинъ въ Острогѣ. Власть эту ему дали обычай и упоминаніе о его должности въ одномъ изъ универсаловъ подскарбія“.

Факты, приводимые Чацкимъ и обыкновенно истолковываемые въ пользу того, что Михель былъ архиравиномъ, едва ли достаточны для подобнаго вывода.

* Краусгаръ въ названномъ сочиненіи стр. 132.

** Тамъ же. 136, вверху.

† Чацкій в. н. соч., 47.

†† „И маеть Михель Езофовичъ..... надъ вами (евреями) всими старшимъ быти“, какъ сказано въ грамотѣ—этотъ эпитетъ,—„старшій“ ничуть не былъ новостью какъ до Михеля, такъ равнымъ образомъ долго и послѣ практиковался въ жизни.

*† Jbid., 48, прим. 1.

Въ самомъ дѣлѣ, что изъ того, что Михель предалъ анафемѣ двухъ брестскихъ евреевъ: Ицку и Берка, „измѣнниковъ Богу и королю“, и приказалъ оповѣстить проклятіе трубами. Ни самый фактъ проклятія, ни оглашеніе его при помощи трубъ не представляютъ ничего характеризующаго Михеля, какъ какого-то главу евреевъ. Оглашеніе трубами обыкновенно сопровождало наложеніе проклятія, Херема, самое же наложеніе проклятія могло практиковаться всякимъ раввиномъ.

Употребленіе проклятія можно встрѣтить въ это же время и не по такимъ выдающимся преступленіямъ, какъ государственная измѣна, а просто въ качествѣ понудительной мѣры къ исправному взносу государственныхъ податей; проклятія такого рода налагались по приказанію короля *.

Притязанія же Михеля на верховенство надъ караимами совершенно естественно вытекаютъ изъ характера должности „старшаго“. Сборъ податей несомнѣнно доставлялъ прибыли, почему же не забрать въ свои руки еще новаго источника, чѣмъ караимы хуже евреевъ?

Всякому, сколько нибудь знакомому съ еврейскимъ правомъ, извѣстно, какія громадныя трудности нужно преодолѣть, чтобы сдѣлаться у евреевъ признаннымъ „законовѣдомъ.“ — Типъ знатока права, выработанный еврейскимъ міросозерцаніемъ, дѣлаетъ несовмѣстнымъ съ занятіемъ „закономъ“ еще какія либо постороннія дѣла. Принимая даже, что въ началѣ XVI ст. знаніе талмуда въ Польшѣ было мало распространено, все-таки невозможно предположить, чтобы евреи хладнокровно соглашались съ тѣмъ, чтобы отправленіе обязанностей, даже зауряднаго судьи, могло находиться въ рукахъ лица, для котораго талмудъ представлялся закрытою книгою.

Король нигдѣ, впрочемъ, и не старается выставить Михеля правовѣдцемъ.

Еврейскіе источники молчатъ о Михелѣ, самъ король въ послѣдующихъ актахъ, касающихся такъ или иначе Михеля, нигдѣ не упоминаетъ о немъ, какъ о „судьѣ“ евреевъ.

Напротивъ, во всѣхъ дошедшихъ къ намъ актахъ Михель является въ качествѣ фактора королевскихъ пошлинъ, мытника.

* Acta Tomiciana, T. III, № CLCXIII. Doctoribus Judaeorum in regno existentibus.

Сейчасъ же вслѣдъ за возведеніемъ въ „старшіе“, Михель выпрашиваетъ у короля дозволеніе выстроить мостъ на рѣкѣ Бугѣ, собирать на немъ *мостовое*, а въ концѣ моста выстроить корчму для вольной продажи водки *.

Само по себѣ подобное занятіе еще ничего не представляетъ страннаго для „старшаго“ надъ всѣми Литовскими евреями, такъ какъ рядомъ съ Михелемъ о подобныхъ же дозволеніяхъ ходатайствуютъ самые знаменитые изъ вельможъ, въ родѣ напр. Гаштольда, Горностая и т. п. Отчего бы и „старшему“ еврею, главѣ всѣхъ Литовскихъ евреевъ, не пойти въ этомъ случаѣ по стопамъ такихъ знатныхъ особъ.

Посмотримъ же, въ какомъ видѣ представляется намъ личность Михеля Іозефовича изъ Бреста, на основаніи не подлежащихъ сомнѣнію источниковъ: актовъ Литовской Метрики.

Уставная грамота Сигизмунда I, выданная Михелю изъ Бреста, гласитъ слѣдующее. „Обративъ вниманіе на вѣрную намъ службу Брестскаго еврея Михеля Езофовича и желая, чтобы евреи во всѣхъ дѣлахъ, по которымъ имъ приходится обращаться къ королю, получали возможно скорое и справедливое удовлетвореніе, Мы, Сигизмундъ I, признаемъ за благо поручить Михелю Езофовичу ходатайство передъ королемъ о всѣхъ еврейскихъ дѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать его „старшимъ“ надъ всѣми Литовскими евреями. Въ качествѣ „старшаго“ онъ долженъ быть не только посредникомъ между евреями и королемъ, но ему поручается производить надъ евреями судъ и расправу, на основаніи еврейскихъ правъ **, а къ виновнымъ прилагать наказанія, употребляемыя въ королевскихъ судахъ, и денежные штрафы“ †.

Но главное вниманіе обращаетъ король на подати. Всѣ сборы, слѣдуемые съ евреевъ въ королевскую казну, должны поступать въ руки Михеля, а отъ него уже въ королевскую казну. Въ награду за повиновеніе Михеля и исправный взносъ податей, король обѣщаетъ евреямъ положить самыя скорыя рѣшенія по всѣмъ дѣламъ, которыя евреи пожелаютъ повергнуть черезъ посредство Михеля на разсмотрѣніе короля.

* Метр. Лит. Книга Записей, № VII, f. 584.

** Подле обычая правъ вашихъ.

† и винныхъ винами нашими и счаствомъ карати.

Въ заключеніе король дозволяетъ Михелю, для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ еврейскихъ дѣлъ, имѣть при себѣ по собственному выбору знатока еврейскаго права *. Всѣ эти права санкціонируются обѣщаніемъ со стороны короля помощи противъ непокорныхъ.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе грамоты.

Очевидно, что и здѣсь, какъ въ извѣстной грамотѣ императора Рупрейта равви Израелю, имѣются въ виду, главныхъ образомъ, выгоды королевской казны. Право суда поручается въ видѣ синекуры, что очевидно изъ того, что самъ Михель не считаетъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ суда, иначе къ чему бы королевское дозволеніе на избраніе „доктора".

Итакъ, въ 1506 г. былъ установленъ для евреевъ Литвы „старѣйшина"; уставная грамота на лицо, не можетъ подлежать, слѣдовательно, ни малѣйшему сомнѣнію, по крайности, добрая воля короля. Совершенно иное дѣло, на сколько жизненно было подобнаго рода учрежденіе. Очевидно, что попытка эта вся коренилась на совершенномъ незнаніи существа еврейства, на представленіи, что достаточно предоставить кому-либо изъ евреевъ право суда, и евреи сейчасъ станутъ обращаться въ новоустроенный судъ. Фискальные мотивы слишкомъ выступаютъ на первый планъ. Все это въ себѣ самомъ заключало признаки недолговѣчности.

Найди евреи способъ пополненія королевской казны,—не подлежитъ сомнѣнію, что „старѣйшинству" грозила тотчасъ же неминуемая погибель.

Прямыхъ указаній на то, что евреи изобрѣли какой-либо способъ для уничтоженія должности „старѣйшины", и приложили его относительно „старѣйшинства" Михеля, не имѣется. Но едва ли можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, что если бы должность „старѣйшины" удержалась за Михелемъ изъ Бреста, то въ тѣхъ актахъ, которые относятся къ Михелю, король не преминулъ бы упомянуть объ этомъ, назвалъ бы его префектомъ евреевъ, квесторомъ, экзакторомъ и т. п. Но во всѣхъ актахъ, которые имѣются въ нашемъ распоряженіи, за время отъ 1506 до 1527 г., не встрѣчается ни разу подобнаго титула. Не далѣе какъ черезъ полгода послѣ извѣстной грамоты на старшинство, Сигизмундъ I арендуетъ Михелю Іозефовичу „мыта" Луцкіе и Владимірскіе: соляные и восковые—кажется трудно было забыть о „старѣйшинствѣ" Михеля, а между тѣмъ король не даетъ ему даже названія *королевскаго* мытника, фактора королевскихъ сборовъ, а просто заявляетъ: „продали коморы наши... жиду Берестейскому Михелю Іозефовичу".— Въ 1514 г., приказывая Познанскому воеводѣ оказать защиту и помощь Михелю противъ лицъ, разграбившихъ товары Михеля и грозившихъ жизни какъ его, такъ и его родныхъ, король называетъ Михеля „факторомъ нашихъ доходовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ" *.

Въ 1517 г. мы снова встрѣчаемъ Михеля изъ Бреста „восковничаго и Соленичаго Государскаго" — но далеко не въ качествѣ судьи евреевъ; напротивъ: Михель самъ ходатайствуетъ у короля о справедливости **

Дѣло, по которому Михель Іозефовичъ обращается къ королю, не только должно было входить въ кругъ его компетенціи, какъ „старшаго" еврея, но даже, можно сказать, не выходило изъ тѣснаго круга его семьи.

Невѣстка Михеля распространила о своей тещѣ, женѣ Михеля, такого рода слухи, что будто бы теща взяла бархатную одежду (адамашокъ) Михеля изъ принадлежащаго Мойшеевой сундука, при этомъ у нея, Мойшеевой, пропали разныя вещи. Противъ этого Михель заявляетъ, что невѣстка распустила о его женѣ такіе слухи изъ злобы, такъ какъ онъ, Михель, думаетъ невѣстку развести съ своимъ сыномъ.

Неуж-то ни самъ Михель, ни его докторъ не могли разрѣшить подобнаго дѣла. Что думать объ уваженіи къ должности „старѣйшины" евреевъ, если ему приходится по всякому пустому, неосновательному, какъ и оказалось на судѣ, обвиненію взывать для возстановленія своей чести къ королю.

Въ 1519 г. новое дѣло, гдѣ снова фигурируетъ и Михель изъ Бреста, но уже не единолично, а объ „старѣйшинствѣ" и помину нѣтъ.

* доктора вашого.

* Tomiciana. T. III № CLVI.

** Обращеніе къ королю совершенно естественно. Обыкновенно съ должностью „фактора королевскихъ пошлинъ", „мытника", соединялась неподсудность никому, кромѣ короля.

По приказанію короля, коммиссія изъ трехъ лицъ: *Яна Миколаевича*, Маршалка земскаго, старосты Дорогицкаго и Слонимскаго, *Юрія Илинича*, Маршалка его королевской милости, старосты Брестскаго и Лидскаго, и *Авраама Езофовича*, Подскарбія земскаго, старосты Ковенскаго, разсматривали жалобу *Михеля Іозефовича* и *Изака Іозефовича* и всѣхъ Брестскихъ евреевъ на неправильный судъ п. Андрея Борисовича Лазки, намѣстника старосты Брестскаго—Романовича, и лентвойта Брестскаго—Данка, а также на бурмистровъ, радцевъ и всѣхъ мѣщанъ брестскихъ. Мы имѣемъ, говорили евреи, ,,право свое отъ государя нашего, водлугъ жидовства нашего,'' однако, не взирая на то, панъ Лазка вмѣстѣ съ намѣстникомъ Брестскимъ привлекли къ своему суду нашего еврея, Аарона Слѣпаго, по дѣлу его съ подданнымъ государевымъ Иваномъ Пралевичемъ, и не только не ограничились присвоеніемъ себѣ права суда, но еще отослали подсудимаго къ лентвойту, бурмистрамъ и радцамъ, къ магдебургскому праву, а тѣ, неизвѣстно на какомъ основаніи, присудили Аарону отрубить руки.

Оправдываясь отъ взводимаго на нихъ обвиненія, Андрей Лазка и намѣстникъ Брестскій объяснили, что они не сами по себѣ судили Аарона Слѣпого, но ,,осадили'' съ собою на судъ евреевъ Берестейскихъ: Данька Еньковича, Якова и Илью Мошеевичевъ, Еска Янтича, Огрона, Еска и Шлому Галашеевичевъ и многихъ другихъ евреевъ. Вмѣстѣ съ этими евреями, они, Андрей Лазка и намѣстникъ Берестейскій, приступили къ разбору дѣла Аарона Слѣпого, сущность котораго слѣдующая: Ааронъ Слѣпой нанялъ Ивана Пралевича съ тѣмъ, чтобы тотъ ѣздилъ съ нимъ по дорогамъ и водилъ его, слѣпца, для собиранія милости. На дорогѣ въ Люблинъ подъ ихъ возомъ обломилась ось.

Иванъ Пралевичъ, обратившись къ Аарону, сказалъ: подожди меня здѣсь, а я сбѣгаю въ ближайшую деревню и добуду тамъ ось. Въ отвѣтъ на эти слова, Ааронъ сгребъ въ свои руки Пралевича, „связалъ, выдавилъ ему глаза и солью посолилъ" (!!).—Спрошенный на судѣ, Ааронъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно такъ поступилъ изъ опасенія, чтобы Пралевичъ не покусился на его жизнь.

Судьи предложили присутствовавшимъ на судѣ евреямъ взять Аарона на поруки. Въ отвѣтъ на это предложеніе, евреи заявили, что они Аарона брать на поруки не намѣрены, такъ какъ онъ не осѣдлый брестскій житель, а бродяга и преступникъ, что и глазъ онъ лишился за воровство винограда (?). Тогда п. Лазка и намѣстникъ брестскій выдали Аарона Слѣпого мѣстному суду.

Коммиссія нашла п. Лазку и намѣстника брестскаго правыми.

Читая это дѣло, невольно задаешься вопросомъ, гдѣ же „старшинство" Михеля. куда дѣвалось его *право суда во всѣхъ дѣлахъ*?

Намѣстникъ старосты Брестскаго совсѣмъ не хочетъ знать, а всего вѣроятнѣе и не подозрѣваетъ существованія „главы" литовскихъ евреевъ, игнорируетъ бытіе „старѣйшины" евреевъ въ самой его резиденціи... Михель не заявляетъ притязаній на то, что нарушено *его* право, право „старѣйшины" евреевъ, онъ объ этомъ и не заикается. Точно также и коммиссія не поднимаетъ вопроса о правѣ Михеля, находитъ, что не только по формѣ (безъ участія Михеля), но и матеріально Брестскій намѣстникъ поступилъ правильно.—Равнымъ образомъ, Михель ничего не возражаетъ противъ заключенія коммиссіи—очевидно, онъ находитъ ея дѣйствія правильными. Да и самый актъ просто говоритъ: „жаловались намъ Михель и Изакъ Езофовичи и вся *жидова*. Ни слова о старѣйшинствѣ.

Вступленіе—какъ сплошь и рядомъ въ большинствѣ *современныхъ актовъ*. Жалоба идетъ не отъ Михеля или Изака, а отъ лица всѣхъ Брестскихъ евреевъ. Евреи заявляютъ: „Мы маемъ право свое отъ государя нашого водлугъ жидовства нашого".

Самое наказаніе Аарона могло получить мѣсто лишь тогда, когда *Брестскіе евреи* не признали его членомъ своей общины.

Наконецъ, самъ Ааронъ, какъ въ виду грозившаго ему наказанія, такъ и послѣ него, не отозвался къ суду „старѣйшины" евреевъ, къ лицу единственно компетентному въ судѣ надъ евреями по всѣмъ дѣламъ.

Не слѣдуетъ также думать, что дѣло Брестскихъ евреевъ представляетъ по характеру жалующихся лицъ что-либо особенно оригинальное. Какъ въ 1506 г., такъ и во все царствованіе Сигизмунда, а равнымъ образомъ и въ ближайшія къ нему времена (какъ въ напечатанныхъ уже актахъ, такъ и въ тѣхъ, которые мнѣ удалось видѣть въ подлинникахъ), евреи всегда являются въ качествѣ самостоятельныхъ, независимыхъ одна отъ другой общинъ „зборовъ". Обыкновенно и короли прямо обращаются къ этимъ общинамъ, не видя надобности въ посредникахъ. Если же

евреи имѣютъ какое-либо общее дѣло, то ходатаями являются представители отъ всѣхъ евреевъ. Имена этихъ представителей въ болѣе старыхъ грамотахъ не упоминаются, говорится просто: „вси жидове панства нашого“ *, или-же: „подданные наши, жидове всѣхъ замковъ, мѣстъ и дворцовъ“. Въ 1540-мъ г. встрѣчаемъ указанія на представителей отъ крупныхъ еврейскихъ поселеній, напр. Гродно, Бреста, Владиміра, Луцка, Острога, Ковля. Но нигдѣ ни слова нѣтъ ни о старѣйшинѣ Михелѣ, ни о его преемникахъ.

Но въ чемъ же тогда состояли занятія Михеля?

Уже *первые* акты, знакомящіе насъ съ Михелемъ, рисуютъ его какъ „мытника“, сборщика королевскихъ пошлинъ**; остальные, дошедшіе

---

* Акты Западной Россіи, т. II, № 5, г. 1506, декабря 22 .., били намъ челомъ вси *жидове Луцкіе, Рабанове и Караимове.*

Литов. Метр., Книга судныхъ дѣлъ, № 4.

f. 244, 1520 г. марта 20.

... Били намъ челомъ *жидове Берестейскіе вси* о томъ...

ibid. f. 642...

Били намъ челомъ войтъ, бурмистры и радцы и мещане и *жыдове* места нашого Луцкого.

Акты Зап. Росс., т. II, № 28, 1507 г. 3 ноября. ... Били намъ челомъ вси жидове Городеньскіе.

Также А. З. Р., т. II, № 174, 1533 г. сентября 5, ... покладали передъ нами жалобы свои *вси жидове*, подданные наши В. К. Литовскаго.

Ibid. № 194, 1539 г. ... то пакъ тыми разы присылали до насъ *подданные наши, жидове всихъ замковъ и мѣстъ и дворовъ* нашихъ В. К. Л., жалуючи и велико себе обтяжаючи.

Въ особенности же акты Юж. и Зап. Россіи, т. I.

№ 104; 1540 г. ... Гдѣ въ тотъ же часъ *многіе жидова* слышали тую помову на нихъ, того справити, яко: *Городенскіе, Берестейскіе, Володимерскіе и Луцкіе, Острскіе, Ковельскіе и панскіе* до насъ пріѣхали и за то намъ челомъ били.

... Расказали есьмо панамъ радомъ нашимъ В. К. Л. *абы справы тежъ жыдовъ тутошнего панства нашого В. Князьства выслухали...*

Ср. также № 466, Акт. В. Ар. К., т. V, 1568; Антоновича и Козловскаго. Грамоты Великихъ Князей Литовскихъ, Кіевъ, 1870 г., № 44; стр. 96; мая 20.

... били челомъ *подданные наши жидове* Великаго Княжества Литовскаго... а ниже... жидове Берестейскіе зо всимъ зборомъ своимъ а звлаща именемъ: Абрамъ Длукгачъ, Моисей Лизсчинъ, Мендель Изаковичъ, Изакъ Бородавка, Рабей Мордушъ, Лазарь Песаховичъ и Липманъ Шмерлевичъ.

** Лит. Мет., Книга Записей № VII, f. 652; 1506 г. ноября 30.

... Тотъ листъ, писанный отъ стараго мытника Данька Еськовича до *мытника Михеля Езофовича*, разсказалъ г-дрь Король Его Милостъ у книги уписати абы и потомъ *мытники* въ томъ мыте подле того ся справовали... Пріятелю моему милому пану Михелю Езофовичу, *мытнику государскому*, отъ Данька Еськовича жыда, поклонъ и братская пріязнь.

къ намъ акты, способны только укрѣпить ту мысль, что занятія Михеля не только не измѣнились послѣ возведенія въ „старшіе“, но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширились, развивались. Въ дѣлѣ съ своею невѣсткою *, Михель выступаетъ, какъ откупщикъ соляныхъ и восковыхъ пошлинъ въ г. Брестѣ **. Но Михель не ограничивается однимъ Брестомъ; въ 1522 г. мы видимъ его арендующимъ за 1000 копъ-грошей корчмы, восковые и вѣсовые сборы въ городѣ *Могилевѣ* †; вслѣдъ затѣмъ Михель Езофовичъ беретъ на откупъ *Витебскія* корчмы ††, тѣ и другія на 3 года. Въ слѣдующемъ году Михель Езофовичъ арендуетъ мыта и корчмы *Брестскіе, Дорогицкіе, Гродненскіе, Бѣльскіе, Луцкіе* и *Володимерскіе* *†. Въ 1524 г. Михель Езофовичъ вмѣстѣ съ Михелемъ Шписомъ, радцою Краковскимъ, арендуетъ таможенныя и провозныя пошлины *во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ* †*.

Въ 1525 г. Михель Езофовичъ, единолично, снова арендуетъ на на 3 года корчмы, восковые и вѣсовые сборы въ городѣ *Могилевѣ* †** и *Минскѣ* на 2 года *††, удерживая въ то-же время за собою *Брестскія таможни* ††*. Въ 1529 г. онъ является также мытникомъ *Бресткимъ* и *Новгородскимъ*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что таможенные откупа требовали много времени, нетолько вслѣдствіе разбросанности таможенныхъ заставъ на огромномъ пространствѣ, многочисленнаго штата служащихъ, трудности контроля и т. п., но еще въ особенности потому, что приходилось вести множество дѣлъ, возникавшихъ какъ по жалобамъ на произвольное возвышеніе

---

* Выше стр. 21.

** М. Лит.; Книга Судныхъ Дѣлъ № II, fol. 754; 1518 годъ, августа 28... жаловалъ намъ восковничій и соленичій Берестейскій Михель Езофовичъ...

† Метр. Лит., Книга Судныхъ дѣлъ, № IV, f. 15.

†† Ibid., fol. 25.

*† Ibid., fol. 41.

†* Ibid., fol. 59.

†** Ibid., fol. 625.

*†† Ib., f. 627.

††* Ib., f. 627, 15 1525 г. декабря 29.

таможенныхъ пошлинъ, акцизовъ и т. п., такъ, въ особенности, по поводу заарестованія товаровъ въ „промытѣ“ *, т. е. по поводу того, что: или везли недозволенный товаръ, или ненадлежащею дорогою. Иски послѣдняго рода возникали постоянно; люди XVI ст. отличались настойчивостью въ отыскиваніи того, что считали своимъ правомъ; за ничтожный по цѣнѣ товаръ, за какую-нибудь „штуку“ воску, они готовы тягаться по нѣсколько лѣтъ **, обращаться по нѣсколько разъ къ королю, странствовать изъ Новгорода въ Вильну, изъ Вильны въ Брестъ, изъ Бреста въ Краковъ. Но Михеля, повидимому, не смущали подобнаго рода безпокойства, онъ съ такимъ же упорствомъ отстаиваетъ всякую „штуку“ воску, съ какимъ обиженные ее отыскиваютъ.

Завѣдывая собираніемъ таможенныхъ пошлинъ, Михель не могъ не придти къ мысли, что для него никакихъ „промытъ“ не существуетъ, а потому онъ торгуетъ и бархатомъ и сукнами, и разными иными „речами“ †.

Но Михель не только дѣлаетъ обороты товарами, онъ не прочь отъ операцій, сильно напоминающихъ ссуды подъ пенсіонныя книжки, такъ напр. онъ получаетъ отъ короля право дѣлать ссуды офицерамъ королевскаго войска подъ обезпеченіе слѣдуемаго имъ жалованья ††.

Не поставимъ этого въ вину „старшему“ еврею—пусть для него послужитъ смягчающимъ обстоятельствамъ тотъ фактъ, что король не только разрѣшаетъ подобнаго рода сдѣлки, но и получаетъ куртажные проценты *†.

Вообще Михель не пропускаетъ случаевъ къ увеличенію сво-

* Мет. Лит., Кн. Записей, № VII, f. 637, ... „А которые бъ (купцы) хотѣли иными дорогами ездити, таковыхъ есьмо з веку у *промите* господарской забирывали: *на Государя Его Милость половина промыта*, а на насъ бывала половина“...

** Мет. Лит., Книга Суд. Дѣлъ № IV, fol. 713.

† Мет. Лит., Кн. Записей № XVII f. 954.

†† Лит. Мет., К. С. Д., № IV f. 15.

*† Ibidem. . . . . „и которую службу (жалованье) въ служебныхъ нашихъ, говоритъ Король“, онъ (Михель) купить, мытую службу маемъ ему платити на рокъ положоный . . . . потому и какъ служебникамъ нашимъ: половицу готовыми пенезьми, а другую половицу сукны, тыхъ часовъ есмы платили; *и штось дотычеть заплаты тое суконное половицы, онъ маеть намъ съ тыхъ суконъ третью часть отпущати*.

его состоянія, всякими способами: раздаетъ взаймы деньги, покупаетъ земли, устраиваетъ пруды и т. п. *. Несмотря на свое богатство, Михель не прочь и выпросить у короля, при удобномъ случаѣ, какой-нибудь „бездѣлицы“, какъ напр. водяную мельницу на рѣкѣ Городищѣ ** и т. п.

Богатство Михеля постоянно ростетъ; поэтому, когда въ 1527 г. онъ рѣшился раздѣлиться съ своимъ братомъ Исаакомъ, съ которымъ они оперировали въ теченіи 40 лѣтъ, то въ „дельчемъ“ листѣ мы находимъ слѣдующую картину Михелева состоянія:—пришлось дѣлить его съ братомъ „серебро, камнемъ, и перстенцы, и долги, которые были на людяхъ; и тежъ фольварки и именьи, и долги и месты купленными; и мыты и корчмами и коморами, и озеры што они посполито купили и закупили, або сами справили то маютъ посполите держати и вживати; и тежъ подворцамъ коней и быдло и въ гумнехъ сбожья маютъ наполы подѣлити. А которыи записи на кнезехъ, и панехъ, и боярехъ, и на людехъ и на посполитехъ людехъ: на купцахъ литовскихъ и на купцахъ польскихъ и нѣмецкихъ — то маютъ они, выправивши, на полы дѣлити. . . . А мостъ Берестейскій и Дорогицкій маютъ они посполе вживати „. . . . и далѣ . . .“ дѣлились они золотомъ, серебромъ и перлы и каменемъ дорогимъ, и перстени золотыми и оксамиты, атласы тобины; и цевочныхъ золотомъ; ялисеты (?), гарусы, сукны дорогими и дешевыми; и шубы, и япанчами, шины желѣзомъ; и шатами, ... и зверемъ мохнатымъ: куницами, лисицами, горностаи, ласицы.....“

Обладая значительнымъ состояніемъ, Михель, безъ особеннаго труда, могъ оказывать весьма цѣнныя услуги бѣдствующей королевской казнѣ, поэтому совершенно естественно, что король пожелалъ вознаградить своего вѣрнаго „мытника“, фактора королевскихъ пошлинъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и далъ Михелю болѣе цѣнное вознагражденіе, чѣмъ „старѣйшинство“ надъ евреями — возвелъ его съ потомствомъ въ дворянское достоинство.

„Празднуя недавно, говоритъ король, торжественный актъ принесенія намъ ленной присяги маркграфомъ Бранденбургскимъ

* Ср. ниже актъ, касающійся раздѣла между Михелемъ и Изакомъ Іозефоничемъ.

** Метр. Лит. Книга судн. дѣлъ, № IV, fol. 623.

Альбрехтомъ, и возводя при семъ случаѣ, по принятому обыкновенію, нѣкоторыхъ лицъ въ дворянское достоинство, припомнили мы достохвальную и давно признанную доблесть и разнообразныя услуги, многократно оказанныя намъ, преславнымъ нѣкогда Авраамомъ Іозефовичемъ, старостою Ковенскимъ и Солецкимъ, подскарбіемъ нашего Великаго Княжества Литовскаго; припоминая сіе, а также не менѣе важныя и цѣнныя услуги достойнаго мужа Михеля Іозефовича, еврея, нашего Брестскаго мытника, родного брата онаго Авраама Іозефовича, властію нашею возводимъ его въ шляхетское достоинство со всѣмъ его законнымъ потомствомъ и дозволяемъ ему пользоваться всѣми правами, привилегіями,, преимуществами, выгодами и свободами дворянъ коронныхъ и Великаго Княжества Литовскаго.

Какъ символъ шляхетскаго достоинства, предоставляемъ ему гербъ Лелива, который нѣкогда принадлежалъ Георгію Глѣбовичу, палатину Смоленскому *.

* Мет. Лит. кн. записей № XII, fol. 857; 1525 г. Заглавіе акта гласитъ, неизвѣстно почему, о дарованіи дворянскаго достоинства Авраамy Іозефовичу, а именно: Abrahae Ioseffowicz, Thesaurary magni Ducatus Lithuaniae et Capitanei Caunensis et Solecensis, nobilitatio et in militem creatio, cum armis et insignys sibi datis atque cum libertatibus Regni et M. D. Lithuaniae inserendo. Между тѣмъ въ актѣ прямо говорится..... Harum in metu (т. е. принимая во вниманіе заслуги Авраама Іозефовича) ac nonminus fidelium et gratuitarum servitiarum idonei *viri Michaelis* Iosephowicz, haebrei, theloneataris nostri Brescensis, praenominati olim *Abrahae*, thesaurary, fratris germani, rationem habens-ipsum de plenitudine potestatis et auctoritate nostra Regia..... in militem et nobilem facimus, instituimus et creavimus, decernimusque ut ipsius *Michaelis* Iosephowicz conditio inter omnes nobiles sui ordinis..... omnibus juribus, privilegys, gratys, favoribus, libertatibus et immunitatibus nobilium Regni et Magni Ducatus Lithuaniae ac Dominiorum nostrorum ac ubilibet alios exsitentium, plenissime utatur, gaudeat et pateatur, uel ipse *Michael* et suis progenitoribus jura suae nobilitatis, coutraxisset. Къ подлиннику была привѣшена печать Великаго Кляжества Литовскаго. Грамота дана praesentibus, genorosis et nobilibus, et strenuis viris: Iwan Hornostay, secretario et tenutario Darshunensis, Dive Fiedor Michaelewicz Wisniowsky et Jvan Heynkovicz, Wicethesaurario curiae Nostrae et curiensis Magui Ducatus Nostrae Lituaniae et alys quam pluribus officialibus, dignitarys et curiensis Nostris.....

Здѣсь же позволю себѣ нѣсколько словъ объ Авраамѣ Іозефовичѣ.

Фактъ возведенія, хотя бы и крещеннаго, еврея въ должность подскарбія Великаго Княжества Литовскаго, старосты Ковенскаго и Солецкаго, самъ по себѣ былъ бы весьма характернымъ, возвышеніе же Авраама было необыкновенно быстро. Уже въ 1511 году мы встрѣчаемъ его въ качествѣ подскарбія (Акты. Зап-

Пожалованіе дворянскимъ достоинствомъ нисколько не измѣ-

Россіи, Т. II, 1848, № 75, въ 1516 году и Tomiciana, Т. III, № LXVI, 1514 г. 5 апрѣля онъ уже становится „намѣстникомъ“ а затѣмъ „старостою“ Ковенскимъ. (Ю. З. Р., т. I, 1863 г.; №№ 63, 156, 174 и А. З. Р., т. II, №№ 97, 102 и М. Л. К. Суд. Д. № II, 754). Книга Суд. Д. № II, актъ № 35, 1519 г. января 5. Впослѣдствіи, какъ видно изъ вышеприведеннаго акта, Авраамъ Іозефовичъ возведенъ былъ еще и въ старосты Солецкіе. Дѣятельность Авраама Іозефовича сходна въ значительной степени съ дѣятельностію Михеля; также какъ и Михель, Авраамъ Іозефовичъ ведетъ торговлю (Tomiciana, Т. III, № LXVI, тоже Метр. Лит., Записи № XVII, fol. 844...... Авраамъ Іозефов. беретъ у Михеля и у Исаака-аксамитъ и адамашки, сукна и иныи речи.....). Даетъ деньги подъ залогъ имѣній, какъ выдающимся частнымъ лицамъ (М. Л., кн. Суд. В. № IV, 21. Древ. актъ Метр. Лит., № 324, Сендомирскіе акты, 1517 г.) такъ и самому королю (Д. А. Лит. М., Брестскіе № 264; 1519 г., на пергаментѣ). Даетъ Авраамъ Іозефовичъ взаймы огромныя по своему времени суммы, какъ напр. Сигизмунду I—4000 коп. грош., костелу св. Станислава въ Виницѣ 10,000 червон. золот. и т. д. никто не считаетъ удивительнымъ, что Авраамy Іозефовичу кредитуютъ товаръ на 2,000 коп. грошей. (М. Лит., кн. Суд. Д. №№ VII 844). Богатство и значеніе Авраама на столько велико, что самые знатные паны, въ родѣ Богуша Богутиновича, маршалка и писаря, державцы Каменецкаго, Яна Николаевича, Маршалка земскаго, старосты Дорогицкаго и Слонимскаго и друг., не только не прочь подписывать съ Авраамомъ на одномъ актѣ, засѣдать въ одной коммиссіи, но даже, какъ Юрій Ивановичъ Илиничъ, маршалокъ дворный, старшина Брестскій и Лидскій, выдать дочь свою за сына Авраамова. (М. Л.; кн. Суд. Д. №№ 21.)

Знатность Авраама ничуть не препятствуетъ ему вести дѣла съ своими братьями Михелемъ изъ Бреста и Исаакомъ; онъ забираетъ у нихъ товары, принимаетъ участіе въ ихъ семейныхъ дѣлахъ (присутствуетъ напр. на судѣ между Михелемъ и его невѣсткою (ср. выше). *попадаетъ* въ коммисіи, назначаемыя по дѣламъ его братьевъ) и, вообще, до самой смерти остается съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ—Михель и Исаакъ присутствуютъ даже при совершеніи Авраамомъ духовнаго завѣщанія.

Что касается смерти Авраама Іозефовича, то ее можно навѣрное отнести ко времени около 1525 г., такъ какъ отъ 1530 г. мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, что Авраамъ не былъ въ живыхъ, такъ какъ сыну его король дѣлаетъ вновь отсрочку въ платежѣ долговъ его покойнаго отца.—Въ актѣ, возводящемъ Михеля въ дворянское достоинство, объ Авраамѣ глухо говорится magnifici *olim* Abrahae Iosephovicz.

Сыновья Авраама Іозефовича называются *паны Авраамовичи*, между тѣмъ какъ сыновья Михеля—*жидами*. Бракъ сына Авраамова съ дочерью Юрія Илинича показываетъ, что сыновья Авраама были христіане, а потому и удерживаютъ дворянское достоинство; сыновья же Михеля не носятъ почетнаго титула—панъ, не смотря на то, что дворянское достоинство предоставлено было Михелю со всѣмъ *законнымъ* потомствомъ. Но, быть можетъ, еврейскій бракъ не считался законнымъ.

нило характера дѣятельности Михеля Іозефовича, онъ по прежнему арендуетъ таможенныя пошлины, по прежнему торгуетъ.

Годъ его смерти можетъ быть отнесенъ ко времени между 1529 и 1533 гг., такъ какъ въ 1529 г. * Михель еще тягается изъ-за „штуки воску", а въ 1533 ** г. Авраамъ Михелевичъ получаетъ отъ короля утвержденіе въ правахъ, принадлежавшихъ его отцу, на мостъ въ Дорогычинѣ; точно также, въ спорѣ съ Аврамовичами за долгъ отца ихъ Авраама, въ 2,000 копъ-грошей, истцами являются Изакъ Езофовичъ и *Авраамъ Михелевичъ* съ братьями. Михеля, очевидно, уже нѣтъ въ живыхъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется жизнь и дѣятельность Михеля на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ.

Я думаю, совершенно излишне отыскивать преемниковъ Михеля на „старѣйшинствѣ", такъ какъ отъ судебныхъ функцій Михелю пришлось отказаться весьма рано, а собираніе и взносъ еврейскихъ податей лежалъ, какъ при Михелѣ, такъ въ ближайшее къ нему время, на каждой отдѣльной еврейской общинѣ.

II. Авраамъ изъ Богеміи, „префектъ" евреевъ Великой и Малой Польши.

Сигизмундъ I не ограничился попыткою поставить старѣйшину надъ евреями въ Литвѣ, подобнаго же рода старѣйшину онъ попробовалъ дать и евреямъ Малой и Великой Польши.

ВъActa Tomiciana, t, III, MDXIV—MDXV, можно найти нѣсколько документовъ, которые даютъ возможность не только охарактеризовать существенныя стороны должности старѣйшины, „префекта" евреевъ †, но и открыть тѣ мотивы, которые руководили

*) Мет. Лит., Записи. кн. № XVII, fol. 844.

**) М. Л. Записи. кн. № XVII, f. 954.

† Если Т. Чацкій могъ упустить изъ виду этого старѣйшину, что понятно при той массѣ разнообразнаго матеріала, съ которымъ Чацкому приходилось имѣть дѣло, то странно, что лица, писавшія послѣ Чацкаго, или ни единымъ словомъ не упоминали о „префектѣ", какъ напр. Мацейовскій, или же прямо отрицаютъ даже возможность существованія подобнаго института въ Польскихъ коронныхъ земляхъ, какъ напр., г. Краусгаръ.

Г. Краусгаръ въ своей книгѣ приводитъ мѣста изъ ненапечатанныхъ актовъ Томицкаго, почему же онъ не заглянулъ въ напечатанныя? Въ III т. 1514 — 1515 гг. онъ нашелъ бы болѣе 12 документовъ, которые довольно

короля при установленіи имъ должности префекта, указать какимъ образомъ этотъ префектъ отправлялъ свою должность, какъ къ нему относились евреи и т. д.

Уставной грамоты для префекта польскихъ евреевъ мы не имѣемъ; первый актъ, который мы встрѣчаемъ у Томицкаго, говоритъ о должности префекта, какъ о существующей.

Обращаясь къ евреямъ Великой и Малой Польши *, Сигизмундъ I говоритъ: «знайте, что мы поручаемъ префекту вашему Аврааму, еврею изъ Богеміи, отъ насъ поставляемому надъ вами, потребовать, получить и представить въ нашу казну слѣдуемыя съ васъ подати." Въ другомъ мѣстѣ король называетъ Авраама „префектомъ и сборщикомъ еврейскихъ податей" **, а иногда просто „квесторомъ" † „префектомъ" †† „префектомъ евреевъ" *† „экзакторомъ" †*.

Не говоря уже о самомъ словѣ „префектъ", вполнѣ передающемъ понятіе „старшаго", „главы" — самыя обязанности префекта Авраама опредѣляются весьма сходно съ тѣми, которыя были возложены на Михеля. Правда, мы не встрѣчаемъ даже и намека на то, чтобы Аврааму былъ порученъ судъ надъ евреями (видно Литовскій опытъ пропелъ не безслѣдно), напротивъ, рядомъ съ грамотами префекту Аврааму, мы встрѣчаемъ указанія на то, что власть еврейскихъ докторовъ (раввиновъ) въ каждой общинѣ была совершенно независима, что если недовольные рѣшеніемъ своего доктора хотѣли аппелировать, то обращались не къ префекту, а за границы королевства. — Королю это не нравится, но онъ и не думаетъ рекомендовать евреямъ обращаться за разрѣшеніемъ споровъ къ ихъ префекту, а ограничивается только повелѣніемъ, чтобы, „въ случаѣ разногласія относительно своего (еврейскаго) права, вопросъ разрѣшался са-

отчетливо рисуютъ какъ самый институтъ «префекта» евреевъ, такъ точно даютъ возможность указать и на причины недолговѣчности этого института.

* Acta Tomiciana, t. III, № CCLII.

** A. Tom., t. III, № CCLXIV.

† Ibid. №№ CCCIX, CCCXI, CCCXN.

†† Ibid CCCVI.

*† Ibid CCCLXXXII, Abrahamo, Praefecto Jdaeorum.

†* Ibid CCCLXXIX.

мими евреями", живущими въ королевствѣ *. Установленія мира въ спорѣ между евреями и ихъ докторомъ поручается не „префекту" евреевъ, а Палатину, воеводѣ **.

Главная обязанность „префекта"—собираніе податей съ евреевъ въ королевскую казну, †. Для того, чтобы побудить евреевъ вносить исправнѣе подати, король грозитъ имъ штрафами, а также отлученіемъ, проклятіемъ, (херемомъ), которое, по приказанію короля, будетъ произнесено какъ противъ цѣлыхъ общинъ, такъ и противъ всякаго еврея въ отдѣльности ††. Собираніе пошлинъ составляетъ,

* A. Tomiciana, t. III, CXXI, 13 мая 1514 г. Повидимому, королевскія слова навѣяны были, слагавшимися въ жизни, отношеніями. Не болѣе какъ черезъ 18 лѣтъ, при томъ же Сигизмундѣ I, мы встрѣчаемся съ указаніемъ на то, что по особенно важнымъ дѣламъ евреи обращаются не заграницу, а къ собраніямъ собственныхъ польскихъ докторовъ, такъ напр. въ 1533 г. (Лит. Метр. Зап. № XVII, folio, 869) купецъ королевы Боны, Игуда Богдановичъ, по поводу обвиненія его сына Песаха евреемъ польскимъ Еськомъ Шлемичемъ въ неплатежѣ 1,300 копъ грошей, заявляетъ, что «*докторове ихъ жидовскіе, будучи въ Люблине*», того межъ ними смотрели, и въ томъ праваго его отъ него нашли и *листъ свой судовый на то ему дали*...» и судили ихъ «тые докторове ихъ *водле закону свого жидовскаго*...»

Такого рода порядокъ вещей сталъ въ скоромъ времени общепризнаннымъ, „собраніе" докторовъ обычною высшею инстанціею по еврейскимъ „духовнымъ" дѣламъ. Въ 1549 г., ноября 8, королева Бона, обращаясь къ намѣстнику Гродненскому Войтеку Кимбару, говоритъ... „тые жидове Мисанъ а Ицхакъ, ку помоцы справедливости, сознанье нѣкоторыхъ жидовъ тамошнихъ потребуютъ около той клятвы, которую былъ докторъ Мордухай на нихъ, тыхъ прошлыхъ „Кучокъ", положилъ и для того тамъ *посторонняго доктора на выведане а опытане певнаго сведоцтва въ той речи взяти хотятъ и привести*, абы *имъ водлугъ обычаю и закону ихъ тамъ певный опытъ вделали*. А такъ котораго доктора одного ли, оба два они тамъ на своемъ накладѣ для тое речи до Городня приведутъ, хочемо мети, ижъ быхъ тому доктору Мордухаю и иншимъ жидамъ приказалъ, абы тымъ постороннимъ докторамъ того водлугъ *обычая права* и *закону* ихъ *справовати не боронилъ* и въ тымъ имъ переказы никоторыя не делалъ". Противникамъ тоже предоставляется приглашать на свой счетъ постороннихъ докторовъ, „которые докторове, сгодившисе, спольне опытъ около выведыванья речи правдивое дѣлать маютъ конечно".

** Ibid., loco cit.

† Act., Tom. t. III, CCLI, CCLII.

†† Ibid CCLII, 29 сентября 1514. — Въ октябрѣ того же года король для приведенія въ исполненіе угрозы обращается (CCCXIII) къ „Doctoribus Judaeorum in Regno existentibus".—Тоже № CCCXVI „также поручаемъ докторамъ вашего закона, чтобы въ случаѣ неуплаты побудили къ исправности, подвергая васъ цензурѣ вашего закона".

повидимому, для Авраама лишь побочное занятіе; онъ, подобно Михелю, занимается торговыми операціями *, а для спокойнаго веденія *своихъ* дѣлъ выхлопатываетъ сальвъ-кондуктъ, освобождающій его и его друзей отъ какого бы то ни было суда, кромѣ суда самого короля или специально уполномоченныхъ отъ него коммиссаровъ,—до благополучнаго прибытія нашего (короля) въ Краковъ, и четыре недѣли спустя" **.

Авраамъ не прочь, подобно Михелю, выпросить у короля, при удобномъ случаѣ, какой-либо подарокъ такъ напр. (24 окт. 1514 г.) въ Львовѣ выморочный еврейскій домъ, не прочь и притиснуть своихъ единовѣрцевъ, о чемъ свидѣтельствуетъ жалоба Люблинскихъ евреевъ на обложеніе ихъ податями сверхъ обычая †*. Пользуясь своимъ положеніемъ при дворѣ, Авраамъ принимаетъ на себя, конечно за хорошую плату, ходатайства по дѣламъ той или другой общины *†.

Можно думать, что должность „префекта" польскихъ евреевъ на столько же была недолговѣчна, какъ и старѣйшинство Михеля Іозефовича.

Съ одной стороны, не смотря на королевскій сальвъ-кондуктъ, воеводы, быть можетъ не безъ содѣйствія самихъ евреевъ, чинятъ Аврааму разнаго рода притѣсненія и мѣшаютъ ему заниматься не только *своими, но и королевскими дѣлами* ††*. Съ другой, сами евреи не слушаютъ своего префекта, не исполняютъ данныхъ ему обязательствъ, взводятъ на него обвиненія и, наконецъ, прибѣгаютъ къ средству, которое должно было оказаться наиболѣе дѣйствительнымъ.

Устанавливая надъ евреями префекта или старшаго, Сигизмундъ I имѣлъ въ виду главнымъ образомъ интересы казны; едвали въ этомъ можетъ быть сомнѣніе. Какъ грамота Михелю

* CCCXIV.... желалъ бы завести въ Львовѣ торговлю. CCCIX... дозволитъ ему и друзьямъ безъ всякаго препятствія совершать въ Краковѣ, или гдѣ имъ полюбится, свои торговыя операціи.

** CCCIX, CCCXV.

†* Tomiciana, T III CCCLXXXII, II декабря 1514 г.

*† CCCXXI, Judaeis Cracovian seu Casimiriam incolentibns.—Король предписываетъ Краковскимъ евреямъ уплатить Аврааму 200 флор., обѣщанные ему въ вознагражденіе за защиту „отъ взводимыхъ на васъ обвиненій".

†† Tomiciana, III CCCXX... выраженіе самаго акта.

Іозефовичу, такъ точно и всѣ почти акты, касающіеся Авраама, налегаютъ, главнымъ образомъ, на то, чтобы евреи исправно вносили подати своему префекту, а на обязанности „старшаго“, префекта, лежитъ передача этихъ денегъ въ руки короля.—Очевидно, что король, учреждая должность „префекта“, руководился реальными потребностями, старался обезпечить вѣрное и скорое поступленіе въ казну еврейскихъ податей.

Припоминая операцію Михеля Іозефовича по ссудѣ денегъ королевскимъ офицерамъ подъ залогъ жалованья, операцію, въ которой король выговариваетъ себѣ нѣкоторый процентъ — можно предположить, что и въ дѣлѣ „старѣйшинства“ король оставался не безъ выгоды.

Префектъ вноситъ королю впередъ, огульно, сумму, равную суммѣ еврейскихъ податей, взамѣнъ этого ему предоставляется, кромѣ выбиранія этой суммы, разныя статьи дохода: судъ, а слѣдовательно и пошлины съ него, ходатайство за евреевъ передъ королемъ, а слѣдовательно и возможность получать отъ жаждущихъ милостей крупненькія суммы. — По крайней мѣрѣ такіе мотивы очевидны.

Евреи очень скоро поняли, на чемъ опирается сила и значеніе „старшихъ“, „префектовъ“. Среди евреевъ литовскихъ и польскихъ было довольно лицъ, которыя смѣло могли потягаться въ богатствѣ съ Михелемъ или Авраамомъ *.

Поэтому, для сверженія старшихъ, евреямъ только стоило предложить болѣе выгодныя условія и несомнѣнныя гарантіи къ уплатѣ податей. Самое вѣрное средство состояло во взносѣ впередъ слѣдуемой суммы. Къ этому средству и прибѣгаютъ евреи.—I декабря

* Въ 1493 г., Сигизмундъ, будучи еще Литовскимъ княземъ, передаетъ нѣкоему *Іошкѣ изъ Рубѣшова*, таможенныя пошлины въ Любачовѣ за 208 мар. и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ ему пользованіе libertatibus, juribus, modis et consuetunibus universis, quibus praedecessores sui theloneatores gaudebunt. (Лит. Метр. Древніе Белзскіе акты, № 246, на пергаментѣ). Такія же грамоты встрѣчаются въ книгѣ VI, записей В. К. Литовскаго за время 1494—1505, напр. еврею *Екку Есковичу* на мыто въ городѣ Гродно (f. 683), Брестскимъ евреямъ пошлинъ Дорогицкихъ, Гродненскихъ и Белзкихъ (ibid. f. 684); самъ Михель получаетъ мѣсто отъ *стараго* мытника *Данька Еськовича*—затѣмъ мы встрѣчаемъ во все царствованіе Сигизмунда I рядъ евреевъ, которымъ постоянно отдавались на откупъ таможенныя пошлины.

1574 г. Сигизмундъ издаетъ весьма замѣчательное, по своимъ мотивамъ, распоряженіе *.

„Въ городѣ Холмѣ, говоритъ король, живутъ между прочимъ и евреи; Холмъ въ настоящее время обводится укрѣпленіями; желая, чтобы евреи также приняли участіе въ возведеніи укрѣпленій и чтобы сіе *не причинило имъ особенныхъ невыгодъ—мы поручаемъ имъ самимъ собираніе податей въ нашу казну въ теченіе одного года*—посему поручаемъ тебѣ, еврей Авраамъ, не безпокоить ихъ (холмскихъ евреевъ) за подати“.

Соотношеніе между участіемъ въ постройкѣ укрѣпленій и самостоятельнымъ взиманіемъ податей весьма небольшое; по этому, кажется, не трудно замѣтить въ основаніи приводимаго акта совершенно иные мотивы.

С. А. Бершадскій

* Ac. Tomiciana t. III, № CCCLXXIX.

ПОДРАЖАНІЕ ИСАІИ.

Меня Господь изъ всѣхъ людей
Избралъ отъ вѣка для спасенья,
И тѣнію руки своей
Накрылъ отъ злобы и гоненья.

Мои уста Онъ обострилъ,
Какъ грозный мечъ предъ часомъ битвы,
И какъ стрѣлу Онъ для ловитвы
Меня въ колчанѣ сохранилъ.

Равнины, горы, рѣки, долы,
Народы, царства и цари!
Внимайте Господа глаголы,
Склоняйте головы свои!

Онъ рекъ: „Я подниму десницу,
И стягъ Свой людямъ покажу;
Я настежъ отворю темницу,
И Свой народъ освобожу"

„Мнѣ внятенъ громкій плачъ Сіона,
Израиля печальный зовъ:
„«Господь съ небесъ не слышитъ стоны,
Онъ позабылъ Своихъ сыновъ!"»

„Но Я въ отвѣтъ: Когда-жъ то было,
Чтобъ мать покинула дитя?
И еслибъ мать дитя забыла,
То не забуду Я тебя!

„Твоихъ враговъ въ кровавыхъ сѣчахъ
Я славой ослѣплю твоей,
И вознесутъ они на плечахъ
Твоихъ сыновъ и дочерей.

„Цари покорною толпою
Отъ всѣхъ сбѣгутся странъ земныхъ,
И станутъ плакать предъ тобою,
И прахъ лизать у ногъ твоихъ.

„Ты ихъ раздавишь, грозный мститель,
Да всякая познаетъ плоть,
Что Я Сіона покровитель,
Что Я Владыка и Господь!"

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ИЗЪ РОМАНА «ПОХОДЪ ВЪ КОЛХИДУ».

I. Мой первый бракъ.

...Зовутъ меня Мордухеемъ Боруховичемъ или Маркомъ Борисовичемъ Шмальцъ,—и происхожу я, что называется, отъ бѣдныхъ, но честныхъ еврейскихъ родителей.

Не стану докучать вамъ описаніемъ моего дѣтства: оно не интересно ни для васъ, ни для меня, и не отличалось ничѣмъ замѣчательнымъ.

Мнѣ было около шестнадцати лѣтъ, когда однажды отецъ мой, при возвращеніи моемъ изъ школы, указывая на лежавшій на столѣ ворохъ новаго бѣлья и платья, проговорилъ:

— Мотя, одѣвайся скорѣй: намъ нужно ѣхать на свадьбу.

— На чью свадьбу? У кого свадьба?

— У тебя.

Я разинулъ ротъ и выпучилъ глаза.

Когда первый столбнякъ прошелъ, отца въ комнатѣ уже не было: онъ на дворѣ уже распоряжался приготовленіями къ отъѣзду. Но если-бы онъ и былъ еще тутъ, то и тогда я никакихъ объясненій на счетъ интересовавшаго меня предмета не добился бы. Отецъ мой былъ крутого нрава и хотя онъ насъ всѣхъ горячо любилъ, но въ разсужденія и подробныя объясненія съ домашними не входилъ; онъ отдавалъ приказанія или объявлялъ, въ коротких, отрывистыхъ словахъ, о конечномъ результатѣ своихъ дѣйствій—и только.

талу? Получать каждый мѣсяцъ одиннадцать рублей ни за что, ни про что показалось мнѣ такимъ блаженствомъ, о которомъ я до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Одно изъ двухъ— думалъ я себѣ—или ребъ Ицеле Менухесъ очень добрый человѣкъ, желающій мнѣ благодѣтельствовать, или онъ большой дуракъ, бросающій деньги на улицу. Но, съ другой стороны,—думалъ я опять, никто не знаетъ ребъ Ицеле Менухеса за дурака; а объ его благотворительныхъ наклонностяхъ что-то тоже ничего не слышно. Стало быть, такъ слѣдуетъ, такъ принято, и я весьма обрадовался тому, что такъ принято и такъ слѣдуетъ. Я только сожалѣлъ, что мой капиталъ такой маленькій, расчитавъ, что будь у меня вдвое больше, я имѣлъ бы каждый мѣсяцъ двадцать два, втрое больше—тридцать три рубля и т. д. Словомъ, я теперь впервые почувствовалъ цѣну деньгамъ и мнѣ вдругъ захотѣлось имѣть ихъ много, много... Я теперь могу сообразить, что бѣсъ, не покидавшій меня потомъ всю жизнь, народился именно въ ту минуту, когда я изъ рукъ ребъ Ицеле Менухеса получилъ первые одиннадцать рублей, заработанныхъ мною безъ всякаго труда. Такъ вотъ какимъ образомъ зарабатываютъ деньги!—подумалъ я себѣ, и эта дума стала бросать меня то въ жаръ, то въ холодъ, лишила меня душевнаго спокойствія, сна и аппетита.

Но недѣлю спустя, я успокоился; эта дума ушла на второй планъ, а на первый—выступилъ вопросъ: что мнѣ дѣлать вообще? Опять засѣсть за фоліанты талмуда я считалъ для себя дѣломъ не совсѣмъ подходящимъ: я инстинктивно чувствовалъ, что для практической жизни одного талмуда мало. А потому я рѣшился познакомиться немножко со свѣтскою премудростью, которая стала тогда входить у евреевъ въ моду.

Я нанялъ дешеваго учителя и сталъ заниматься. Но, къ сожалѣнію, учитель оказался такимъ дешевымъ, что въ три-четыре мѣсяца онъ передалъ мнѣ всю свою премудрость, такъ что заимствоваться отъ него уже не было никакой возможности. Но я извлекъ покрайней мѣрѣ ту пользу, что узналъ, что на свѣтѣ водятся словари, хрестоматіи, самоучители и другіе учебники, которые я и пріобрѣлъ у букинистовъ и по нимъ самоучкою сталъ изучать языки и „науки“.

Занятія мои пошли весьма успѣшно. Я чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обогащаюсь познаніями, которыя стали сильно интересовать меня. Однимъ только я былъ недоволенъ, а именно тѣмъ, что я долженъ былъ прятаться отъ родителей, въ томъ предположеніи, что мои занятія имъ нравиться не могутъ, и они, пожалуй, еще воздумаютъ препятствовать мнѣ. Но, къ счастію, мои опасенія не оправдались: однажды, когда отецъ засталъ меня врасплохъ за книжками, онъ всмотрѣлся въ нихъ и, потрепавъ меня по плечу, сказалъ:

— Ты, Мотя, занимаешься науками? Хорошо, и этимъ можно иногда зарабатывать деньги; занимайся, пригодится. Ты какимъ языкамъ обучаешься?

— Русскому и нѣмецкому.

— А польскому?

— Нѣтъ.

— Это напрасно: надо учиться и по-польски, потому-что, можетъ быть, будешь имѣть дѣла съ панами, такъ очень выгодно для тебя будетъ, если будешь знать ихъ языкъ, а не будешь мямлить, какъ всѣ наши жидки. Уваженіе другое къ тебѣ будетъ, а это очень важно. Да вотъ кстати у меня тутъ есть старый знакомый, панъ Сярко, чиновникъ такой,—онъ и будетъ обучать тебя по-польски. Я сегодня-же съ нимъ поговорю.

На завтра пришелъ ко мнѣ панъ Сярко. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ добродушнымъ, но испитымъ, угреватымъ лицемъ, въ засаленномъ вицъ-мундирѣ, фалды котораго тянулись почти до самыхъ пятокъ, красовавшихся въ видѣ искривленныхъ каблуковъ къ сапогамъ, бывшимъ, вѣроятно, когда-то цѣлыми, и съ костылемъ, потому что онъ немножко прихрамывалъ. Онъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, состоялъ переводчикомъ при гражданской палатѣ, и свободное время, котораго у него было достаточно, упо-

треблялъ на пьянство, характеристически названное имъ „сидѣньемъ на фольваркѣ“, и на частные уроки въ обывательскихъ домахъ. Приглашали-же его на уроки потому, что, не смотря на свои частыя отлучки „на фольварокъ“, онъ зналъ изрядно не только польскій, но и два иностранныхъ языка, преподавалъ весьма усердно и толково и былъ вообще человѣкъ образованный, добрый и милый, хотя немножечко и чудакъ.

Подъ руководствомъ этого-то чудака и начались мои уроки польскаго языка. И,—надобно отдать ему справедливость,—руководительство его не ограничивалось однимъ преподаваніемъ польскаго языка: онъ принялъ подъ свой надзоръ всѣ мои учебныя занятія, внеся въ нихъ порядокъ и систему, отчего они пошли гораздо успѣшнѣе. Горизонтъ мой расширялся все болѣе и болѣе, и я надѣялся, что современемъ онъ такъ расширится, что упрется въ свои крайніе предѣлы.

Но этому расширенію неожиданно положенъ былъ конецъ. Отецъ мой однажды зашелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Мотя, пора тебѣ опять жениться. Ты проваландался вотъ уже скоро два года, и будетъ.

Я уже имѣлъ смѣлость протестовать.

—Послушай, Мотя,—возразилъ отецъ спокойно, но твердо.—Поучиться немножко языкамъ разнымъ я тебѣ позволилъ; но сдѣлаться философомъ я тебѣ не совѣтую: у тебя зайдетъ умъ за разумъ и ты сдѣлаешься ни на что негоднымъ. Развѣ ты думаешь вѣчно сидѣть на шеѣ у родителей? Ты только подумай.

Я подумалъ и нашелъ, что отецъ дѣло говоритъ, и зная, что если отецъ заговорилъ о женитьбѣ, то, вѣроятно, все уже улажено и рѣшено, я полюбопытствовалъ узнать, какова новая невѣста и не похожа-ли она на первую жену мою?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ отецъ,—теперь и тебѣ понравится: дѣвушка молодая и красивая, изъ хорошаго дома, съ приличнымъ гардеробомъ и тремя стами рублей чистогана, да, кромѣ того, годъ полнаго содержанія у ея родителей въ Грязинскѣ.

III. Ревекка и панъ Стульцевичъ.

Чрезъ недѣлю отпразднована была свадьба.

Отецъ не ошибся: дѣвушка мнѣ дѣйствительно понравилась. Ревекка была молода, хороша, стройна и олицетворенная доброта. Я ее полюбилъ со всѣмъ пыломъ, со всею искренностью и страстностью первой любви. Она платила мнѣ тѣмъ-же. Для моего-же совершеннаго благополучія недоставало только того, чтобы она была немножко образована, и я просто блаженствовалъ, когда Ревекка охотно стала у меня учиться и съ легкостью усвоивала все, что я ей объяснялъ и разсказывалъ.

Но, къ сожалѣнію, блаженство это длилось недолго. Коммерческіе обороты мои пошли очень дурно, и въ добавокъ тесть мой, съ которымъ я было вступилъ въ компанію, не давалъ мнѣ никакого отчета по нашему общему дѣлу, такъ что пришлось написать отцу. Отецъ пріѣхалъ и взялся за тестя энергически и съ трудомъ выжалъ изъ него всего двѣсти рублей. На эти деньги онъ посовѣтовалъ мнѣ открыть мелочную лавочку, „такъ-какъ для болѣе обширныхъ и рискованныхъ оборотовъ я еще не созрѣлъ“. Я сначала не соглашался, стыдясь мелочной торговли, не соотвѣтствовавшей моему образованію, но дѣлать было нечего: отецъ настаивалъ и приказывалъ.

— Стыдиться тутъ нечего, говорилъ онъ;—все одинъ чортъ, торговать-ли сахаромъ или лыками, лишь-бы былъ барышъ и чтобы былъ кусокъ хлѣба. Это—главное, а все прочее—пустяки.

— Но какъ Ревекку, Ревекку-то посадить въ мелочную лавочку?—спросилъ я, чуть не плача. Она такая деликатная!

— Но вѣдь не принцесса-же она, — отвѣтилъ неумолимый отецъ, которому не было никакого дѣла до моихъ нѣжныхъ чувствъ. И развѣ тебѣ лучше посадить ее на хлѣбъ и на воду, или заставить ее голодать? Ничего! Она обтерпится и будетъ даже рада считать засаленные пятаки, лишь-бы ихъ было побольше.

Я открылъ мелочную лавочку. Торговля пошла не дурно, и

мы были весьма довольны. Одно только меня безпокоило: въ нашу лавочку ужъ слишкомъ зачастилъ думскій писарь, панъ Стульцевичъ, отчаянный повѣса и кутила, о которомъ ходило въ городѣ множество скандалезныхъ исторій. По десяти разъ на день приходилъ онъ въ нашу лавочку: то сигарочку купить, то фунтикъ сахару или леденцевъ, то кусокъ миндальнаго мыла, хотя онъ все это могъ-бы забрать въ одинъ разъ. Конечно, съ одной стороны, было хорошо, что онъ былъ нашимъ кліентомъ, потому что забиралъ довольно много и никогда притомъ не торговался; но съ другой стороны... Съ другой стороны, я сталъ подозрѣвать, что онъ такъ часто ходитъ въ нашу лавочку не ради нашихъ товаровъ, которые будто-бы отмѣннаго качества, какъ онъ увѣрялъ, но ради чего нибудь другого. Это что нибудь другое была—моя Ревекка, на которую онъ, какъ я сталъ замѣчать, сильно зарился. Онъ сталъ уже ходить въ нашу лавочку даже не за покупками, а такъ себѣ, посидѣть, покалякать, и наровилъ приходить всегда тогда, когда меня не было. Хотя я въ моей Ревеккѣ былъ вполнѣ увѣренъ, зная, что она честная женщина и любитъ меня, однакожъ сердце мое сильно билось отъ тревоги, когда я, отлучаясь въ городъ, оставлялъ ее съ глазу на глазъ съ паномъ Стульцевичемъ, который можетъ обморочить хоть кого. Я свою жену сильно любилъ, а теперь, когда стали какъ будто оспаривать ее у меня, я полюбилъ ее еще сильнѣе, а потому я сталъ ревнивъ, какъ турокъ, какъ пять турковъ вмѣстѣ. Во снѣ и на яву мнѣ сталъ мерещиться Стульцевичъ, увлекающій, соблазняющій мою Ревекку. Возвращаясь изъ города въ лавку, я не всегда былъ увѣренъ, что найду свою жену на мѣстѣ.

Я сталъ раздражителенъ, капризенъ, придирался къ женѣ ни за что, ни про что, обижалъ, мучилъ ее подозрѣніями, просилъ прощенія и опять обижалъ и мучилъ, словомъ: я съ ума сходилъ. У меня на душѣ такъ уже накипѣло, что я уже не могъ сдержать себя и, встрѣтившись разъ на улицѣ съ паномъ Стульцевичемъ, рѣшился прямо объясниться съ нимъ.

— Ишь что выдумалъ! воскликнулъ онъ, захохотавъ во все горло и, хватившись за бока, нахально и съ самодовольствіемъ покачивался изъ стороны въ сторону. Его Ривка плѣнила меня, ха, ха, ха! Да пойми ты, дуракъ, что я на твою пархатую жидовку и плевать не хочу, не только что. Очень мнѣ нужна его Ривка! Я на женщинъ и почище твоей жены вниманія не обращаю.

Какъ ни обидны были для меня его слова, я однакоже молчалъ, напирая только, чтобы онъ оставилъ насъ въ покоѣ.

— Стало быть, не хочешь, чтобы я забиралъ въ твоей лавкѣ? ну и не буду: чего же ты еще хочешь?

— Больше ничего и не хочу и покорнѣйше васъ благодарю.

— Не стоитъ благодарности,—проговорилъ онъ и зашагалъ по улицѣ, хихикая себѣ въ кулакъ.

Но на завтра онъ опять уже былъ у меня въ лавкѣ, какъ будто между нами не было никакихъ объясненій. Нахальство его меня страшно бѣсило, но я не зналъ что дѣлать. Вытолкнуть его въ зашей я не осмѣливался, потому—дворянинъ, чиновникъ, да мнѣ и вообще не хотѣлось скандала.

Нѣсколько дней спустя, въ одинъ вечеръ, когда я сидѣлъ дома и сводилъ счеты, я вдругъ услышалъ изъ лавочки, находившейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей квартиры, отчаянные крики Ревекки. Въ одну секунду я уже былъ въ лавочкѣ, и что же я увидѣлъ?—Панъ Стульцевичъ крѣпко держитъ мою Ревекку въ своихъ объятіяхъ и порывается поцѣловать ее, а она, моя голубка, барахтается и кричитъ что есть мочи.

Разсуждать было некогда. Я одною рукою вцѣпился въ его кудри, а другою отпустилъ ему двѣ тяжеловѣсныхъ удара и вытолкнулъ его на улицу. Ревекка же, блѣдная, какъ смерть, чуть живая, какъ снопъ упала въ мои объятія и истерически зарыдала. Я тоже зарыдалъ, но отъ радости, что я искренно любимъ, что Ревекка не промѣняетъ меня ни на какого Стульцевича въ мірѣ.

Но не прошло и трехъ дней, какъ по доносу Стульцевича, ко мнѣ ночью нагрянула полиція со стряпчимъ и понятыми,

сдѣлали обыскъ въ моей квартирѣ и въ моей лавочкѣ, нашли порохъ и другой запрещенный товаръ, запечатали лавочку, составили протоколъ и поздравили меня съ уголовщиной.

До уголовщины я однакоже дѣла не допустилъ, поспѣшивъ подмазать кого слѣдовало; но на эту мазку ушла вся моя лавочка, т. е. товары и даже посуда, въ которой они хранились.

Такимъ образомъ я остался на свободѣ, но безъ малѣйшихъ средствъ къ жизни.

За что взяться?—Я купилъ нѣсколько дестей бумаги, дюжину гусинныхъ перьевъ, превратилъ прилавокъ моей бывшей лавочки въ письменный столъ и объявилъ себя „просьбо- и письмописцемъ", рѣшившись утилизировать свои познанія въ языкахъ.

Но, къ сожалѣнію, населеніе города Грязинска было такое спокойное и миролюбивое, что въ просьбахъ, жалобахъ, тяжбахъ, рѣдко кто нуждался. Правда, въ базарные дни не рѣдко происходили драки, сопровождавшіяся „нанесеніемъ жестокихъ побоевъ и увѣчья", чему я, разумѣется, бывалъ радъ, расчитывая, что вѣдь кто же нибудь да будетъ жаловаться и „слезно просить начальническаго распоряженія о поступленіи съ виновнымъ по закону". Но мои расчеты всегда оказывались преждевременными: періодическія драки не влекли за собою желательныхъ для меня послѣдствій: подерутся и разойдутся—впредь до слѣдующей драки. Что же касается имущественныхъ споровъ, то тѣ разбирались преимущественно въ еврейскомъ духовномъ судѣ, такъ-какъ почти все населеніе города состояло изъ евреевъ, питавшихъ, и не безъ основанія—къ своему собственному суду большое довѣріе и уваженіе.

Такимъ образомъ, со стороны, просьбъ для меня не было и не предвидѣлось никакой поживы; оставались только письма. Они и выручали меня изъ бѣды, благодаря тому обстоятельству, что въ городѣ и его окрестностяхъ квартировалъ кавалерійскій полкъ, нижніе чины котораго любили посылать цидульки къ своимъ роднымъ и зазнобушкамъ и довольно щедро платили за эти цидульки,

на которыя я, неожиданно для самого себя, оказался большимъ мастеромъ.

Мои гусары слушали мои сочиненія и ухмылялись, трепали меня по плечу и находили, что я человѣкъ письмѐнный, даромъ что жидъ.

Но вотъ полученъ былъ приказъ, — и полкъ выступилъ изъ города и его окрестностей, къ общему сожалѣнію всѣхъ жителей и къ моему собственному невыразимому отчаянію.

IV. Крымская кампанія, какъ якорь спасенія.

Роковой вопросъ: „что дѣлать?" опять выступилъ на сцену, усложнившись еще тѣмъ, что у меня уже пошли дѣти. А тутъ еще тихія слезы Ревекки, считавшей себя главною виновницею нашего несчастія. Положеніе становилось съ каждымъ днемъ отчаяннѣе, и я не знаю, что бы со мною было, еслибы не... Крымская кампанія.

Не думайте, впрочемъ, что я сдѣлался подрядчикомъ, поставщикомъ, маркитантомъ или тому подобнымъ. Такому голышу, какъ я, нечего было и мечтать о такихъ грандіозныхъ аферахъ. Я съумѣлъ эксплуатировать Крымскую войну совершенно другимъ, можно сказать, оригинальнѣйшимъ способомъ.

Дѣло въ томъ, что евреи, какъ извѣстно, народъ въ высшей степени любознательный: еврей можетъ интересоваться не только тѣмъ, что должно его интересовать, но даже тѣмъ, что, какъ кажется, къ нему вовсе не относится, напримѣръ: политикой, не имѣвшей двадцать пять лѣтъ тому назадъ ни малѣйшаго отношенія къ его гражданскому положенію, умственному развитію и домашнему быту.

Что уже говорить о Крымской войнѣ, о которой всѣ сразу почему-то заключили, что она будетъ упорная, кровавая и богатая очень важными послѣдствіями?

Евреи города Грязинска превратились въ олицетворенное любопытство и затревожились въ ожиданіи чего-то необычайнаго, чуть не самаго пришествія Мессіи, о чемъ уже и стали носиться

темные слухи и пророчества на основанiи книги Данiила, нѣсколькихъ стиховъ Давидовыхъ псалмовъ и перваго стиха, которымъ патрiархъ Iаковъ, предъ смертью, началъ благословлять своихъ сыновей. Евреи города Грязинска зашныряли по всѣмъ направленiямъ за добычею новостей, безъ которыхъ жить стало тошно. Нѣкоторые даже нарочно съѣздили въ губернскiй городъ Болотскъ, чтобы пронюхать, что тамъ слышно о войнѣ Гога и Магога, и привезли, дѣйствительно, цѣлый коробъ новостей. Эти новости гласили, что на Россiю идетъ вся Европа, кромѣ „нашего тестя", короля Прусскаго; что англiйскiй флотъ уже подплываетъ чуть-ли не къ Москвѣ, что главнокомандующими съ „ихъ" стороны будетъ храбрый генералъ Десантъ, а съ нашей—фельдмаршалъ Сухопутный; что „они" вооружены такими удивительными ружьями, которыя никогда не даютъ промаха и секретъ которыхъ извѣстенъ только одному Наполеону, да можетъ быть, и лорду Пальмерстону; и, наконецъ, что споръ идетъ о томъ, кому владѣть уцѣлѣвшею западною стѣною Iерусалимскаго храма,—турку или русскимъ, хотя эта стѣна собственно принадлежитъ намъ, евреямъ; владѣютъ же ею Измаильтяне только на правахъ давности.

Вотъ все, что знали и что пережевывали и комментировали на тысячу ладовъ; но всѣ чувствовали, что этихъ извѣстiй очень мало, что гдѣ-то совершаются важныя событiя, а мы ничего о нихъ не знаемъ. Во всемъ городѣ и уѣздѣ, кромѣ „Сенатскихъ" да „Губернскихъ Вѣдомостей", ничего печатнаго не получалось. Правда, въ почтовой конторѣ получался одинъ экземпляръ „Московскихъ Вѣдомостей" на имя предводителя дворянства, но тотъ жилъ въ имѣнiи, и въ почтовый день отъ него дожидался верховой, который, забравъ пакеты, тотчасъ скакалъ обратно. Любопытство грязинскихъ евреевъ было напряжено до невозможной степени и, кажется, они ничего бы не пожалѣли для его удовлетворенiя.

Этимъ-то настроенiемъ я и рѣшился воспользоваться. А потому, занявъ подъ залогъ жениныхъ сережекъ съ десять рублей, я выписалъ „Сѣверную Пчелу" и наклеилъ на синагогальномъ дворѣ

объявленiе, въ которомъ извѣщалъ почтеннѣйшую публику, что я, Божiею помощью и не жалѣя расходовъ, обзавелся въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ коммиссiонеромъ, который два раза въ недѣлю будетъ присылать мнѣ газеты первый сортъ и съ первыхъ рукъ. А потому, желающiе слѣдить за совершающимися теперь на бѣломъ свѣтѣ важными событiями, могутъ жаловать ко мнѣ по понедѣльникамъ и четвергамъ (почтовые дни) и удовлетворять своему любопытству за умѣренную плату". Слова: „коммисiонеръ" „первый сортъ", „изъ первыхъ рукъ" я выставилъ въ объявленiи для пущей важности, зная, что мои добрые сограждане и понятiя не имѣютъ о томъ, какъ, откуда, черезъ кого выписывается газета, и сколько стоитъ этотъ товаръ; и я въ этомъ отношенiи поступилъ совершенно по-купечески, т. е. пользовался простотою своихъ клiентовъ.

Слушателей мало по малу набралось столько, что моя хатка уже не могла вмѣщать въ себѣ всѣхъ желающихъ и я вынужденъ былъ раздѣлить ихъ на смѣны. Результатъ моего предпрiятiя превзошелъ всѣ мои ожиданiя.

Правда, плата за слушанiе доставалась мнѣ не даромъ. Мнѣ стоило страшныхъ трудовъ, пока я разувѣрилъ мою аудиторiю, что „десантъ" и „сухопутный"—вовсе не генералы, а что нибудь другое! Они долго мнѣ не вѣрили, потому что уже привыкли къ этимъ фельдмаршаламъ. Но, по счастью, на смѣну этихъ излюбленныхъ „генераловъ" подоспѣли Сентъ-Арно, Канроберъ, Пелиссье, Щеголевъ, Остенъ-Сакенъ, Горчаковъ и Тотлебенъ, которые съ теченiемъ времени тоже попали въ милость у грязинскихъ евреевъ и оттѣснили на заднiй планъ военачальниковъ Десанта и Сухопутнаго.

Мое усердiе пошло еще дальше. Для того, чтобы мои слушатели не путали пунктовъ военныхъ дѣйствiй, я, по образцу приложенныхъ къ газетѣ картъ, начертилъ на столѣ театръ войны, при чемъ, для вящшей наглядности, опрокинутый горшокъ изображалъ собою Севастополь, а разставленныя на соотвѣтственныхъ мѣстахъ бутылки съ ярлыками указывали, гдѣ Балаклава, Евпаторiя, Керчь и прочiе города, упоминавшiеся въ реляцiяхъ; большiя же чер-

нильныя пятна на столѣ съ честью разыгрывали роль Азовскаго, Чернаго и Мраморнаго морей. Съ такою картою предъ глазами путанію и умствованію моихъ слушателей, любившихъ знать все до-подлинно, положенъ былъ конецъ, и чтеніе пошло успѣшнѣе. Но, когда весь интересъ сосредоточился на осадѣ Севастополя, то я долженъ былъ призвать на помощь всю гибкость моего ума, всю силу моего воображенія, всю изворотливость моей діалектики, чтобы сдѣлать понятнымъ для моихъ слушателей ходъ осадныхъ работъ и фортели обороны, ибо, будучи слабъ по части военной фортификаціи, я долженъ былъ на угадъ толковать значеніе бастіоновъ, батарей, траншей, минъ, контръ-минъ и прочихъ предметовъ военной премудрости. Я, однакоже, въ грязь лицемъ не ударялъ: никакой вопросъ не ставилъ меня въ тупикъ, на всякій я находилъ соотвѣтственный отвѣтъ, объясняя и толкуя, какъ Богъ на душу положитъ, и слушатели оставались довольными.

Слава о моемъ отличномъ пониманіи газетъ и политики распространилась по всему городу и дошла даже до проживавшаго въ немъ на покоѣ отставного полковника, тяжело-раненаго, подслѣповатаго и подагрика, которому захотѣлось послушать моего чтенія. Испытаніе прошло блистательно.

— Ишь, шельма, какъ навострился! — похвалилъ онъ меня, и мы условились, чтобы за два рубля въ недѣлю я ходилъ каждый день читать ему вслухъ газеты. Два рубля въ недѣлю была изрядная для меня плата, но и труда съ полковникомъ было не мало, потому что я долженъ былъ читать каждый нумеръ, рѣшительно, отъ строки до строки, не пропуская даже объявленій о персидскомъ порошкѣ и сбѣжавшихъ собакахъ. Кромѣ того, мой полковникъ имѣлъ привычку на мнѣ вымѣщать гнѣвъ свой, когда что нибудь не нравилось ему изъ распоряженій нашихъ командующихъ, точно я тутъ былъ виноватъ. Онъ потомъ обыкновенно просилъ у меня прощенія, но во время чтенія онъ все таки ругалъ меня, подозрѣвалъ, что я самъ сочиняю небылицы, что я измѣнникъ, предатель, врагъ отечеству, радуюсь пораженіямъ русской

арміи, храбрости и стойкости которой я нисколько не сочувствую, и кричалъ, что если-бы это отъ него только зависѣло, то онъ бы разстрѣлялъ меня, какъ шпіона, какъ неблагодарную собаку. Словомъ, во время чтенія я находился все равно, что на военномъ положеніи, и долженъ былъ ожидать каждую минуту открытія военныхъ дѣйствій со стороны раздражительнаго полковника, костыль котораго не рѣдко направлялся въ мою сторону съ не совсѣмъ двусмысленнымъ намѣреніемъ. Во время такихъ рѣшительныхъ минутъ я обливался холоднымъ потомъ, но выдерживалъ характеръ, продолжалъ читать, какъ будто я ничего не замѣчаю, и тѣмъ обезоруживалъ моего противника, который былъ, въ сущности, человѣкъ добрый, но вспыльчивый и раздражительный отъ болѣзни и отъ непріятной эпопеи, слушаніе которой на него, стараго воина, не могло дѣйствовать успокоительно. Когда же я читалъ ему дѣло при Черной рѣчкѣ, онъ пришелъ въ такую ярость и остервенѣніе, что, не помня себя, со всего розмаху швырнулъ въ меня своимъ тяжелымъ костылемъ, такъ что чуть не размозжилъ мнѣ голову. Потомъ онъ сорвалъ съ своей головы колпакъ, сталъ рвать его на клочки, заломалъ руки и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Какъ ни болѣла у меня голова, я однакоже ничего не чувствовалъ, будучи весь поглощенъ происходившею предо мною сценою иступленнаго отчаянія глубокоскорбленной благородной души.

Когда онъ пришелъ въ себя и немножко успокоился, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ со слезами на глазахъ:

— Извини, братъ, что я тебя обидѣлъ. Ты чѣмъ виноватъ? Но мнѣ больно, охъ, какъ больно! Нашихъ солдатушекъ рѣжутъ, какъ капусту! Ты ихъ не знаешь, но я ихъ знаю: тридцать лѣтъ командовалъ ими. Я всѣхъ начальниковъ подъ судъ отдалъ бы. Какъ-то государь приметъ это извѣстіе...

Онъ вынулъ трехрублевую и хотѣлъ вознаградить меня за обиду, но я не принялъ и даже обидѣлся, что онъ считаетъ меня такимъ безчувственнымъ.

V. Парижскій миръ и мои мечты по его поводу.

Само собою разумѣется, что моя судьба была тѣсно связана съ судьбою Севастополя, такъ какъ по заключеніи мира не предвидѣлось надобности въ газетахъ и гандель мой долженъ былъ бы прекратиться.

А потому я, съ одной стороны, молился о Севастополѣ, какъ о своемъ кормильцѣ и благодѣтелѣ, желая ему несокрушимой стойкости, вѣрилъ въ Тотлебена, какъ въ чародѣя, возлагалъ на него самыя смѣлыя надежды, словомъ, былъ патріотомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но, съ другой стороны, я желалъ союзникамъ неослабной энергіи и упорства въ задуманномъ ими планѣ, расчитывалъ на ихъ военную честь и гордость, которыя не допустятъ ихъ до стыда—снятія осады, словомъ, съ другой стороны, я весь былъ на сторонѣ непріятеля и вполнѣ заслуживалъ, чтобы полковникъ переломалъ мнѣ всѣ ребра. Но что же было дѣлать? Вѣдь это былъ вопросъ о хлѣбѣ для меня и моей семьи. Кто можетъ тутъ оставаться равнодушнымъ?

Но судьба рѣшила иначе: Севастополь былъ взятъ—и всѣ стали чувствовать, что война близится къ концу. Мои фонды стали быстро падать. Когда же наступило перемиріе и въ Вѣнѣ начались конференціи, моя аудиторія совершенно опустѣла.

—Теперь пойдутъ толки и переговоры,—основательно рѣшили мои вольные слушатели,—это уже насъ не касается, потому—пустяки...

Мнѣ оставалось только доѣдать свои крохи...

Въ Парижѣ былъ, наконецъ, подписанъ миръ. Отъ этого мира вдругъ повѣяло на всю Россію чѣмъ то теплымъ, отраднымъ. Всѣ почему-то вдругъ стали ожидать чего-то новаго, небывалаго, почти невозможнаго. Правда, все пока оставалось по прежнему, но всѣ чувствовали, знали и даже убѣждены были, что не будетъ по прежнему, что будетъ совершенно противоположное прежнему. Откуда эта увѣренность? Кто увѣрялъ? Кто сказалъ? Никто ничего не зналъ, но всѣ чувствовали, въ воздухѣ носилось... Лица прояснялись, согбенность выпрямлялась, языки свободнѣе зашевелились, руки искреннѣе протягивались другъ другу. Славное было время, мессіанское время; не могу и теперь вспоминать о немъ безъ сердечнаго умиленія...

Темныя, туманныя предчувствія стали мало по малу сбываться. Газеты заговорили другимъ, совершенно новымъ для публики языкомъ: то, что прежде читалось между строками, писалось теперь въ самыхъ строкахъ, сперва, конечно, робко, прозрачными иносказаніями, но потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Правительственныя распоряженія стали принимать какой-то новый колоритъ, въ нихъ зазвучала нотка „облегченія, смягченія, упрощенія". Мало по малу, и личный составъ управленія обновился. Наѣхали новые люди, новые городничіе, новые исправники, даже новые становые,—почти все герои Севастополя: кто безъ руки, кто безъ ноги, а кто съ сильно тронутою, контуженною головою, но герои, а не прежніе звѣри въ форменныхъ мундирахъ. И какіе вѣжливые и гуманные! Десятскимъ на строго было приказано не таскать гражданъ за шиворотъ, а вѣжливо препровождать ихъ въ часть. Брать и они брали, но какимъ-то особеннымъ манеромъ, что даже умиляло, и, такъ сказать, располагало къ даянію; они именно брали, но не „хапали", какъ прежнія выслужившіяся канцелярскія крысы, и ты вообще былъ увѣренъ, что исправникъ тебя не съѣстъ и въ Сибирь не сошлетъ, потому что человѣкъ гуманный, герой, подъ Севастополь ходилъ, а не тянулъ лямку въ становыхъ писаряхъ.

Я, какъ истый еврей, сотканный изъ крайностей и противоположностей, при всемъ своемъ матеріализмѣ, былъ въ тоже время и крайнимъ идеалистомъ, уносившимся своими мечтами въ самыя высшія сферы недосягаемыхъ эмпирей...

Мнѣ, напримѣръ, мечталось, что вѣковыя страданія Израиля уже приближаются теперь къ концу: наступаетъ теперь время новое, лучшее, въ которое и намъ позволено будетъ дышать свободно, полною грудью. Міръ прозрѣлъ; христіане выступаютъ въ нашу защиту; христіане требуютъ для насъ правъ, равноправности, находя, что мы не хуже другихъ племенъ. Въ газетахъ и журналахъ появляются статьи, дышащія самымъ широкимъ къ намъ

благорасположеніемъ, а газеты вѣдь—выраженіе общественнаго мнѣнія, стало быть, общество радикально перемѣнило свой взглядъ въ отношеніи къ намъ. И мнѣ, дѣйствительно, казалось, что каждый встрѣчающійся мнѣ на улицѣ христіанинъ смотритъ на меня мягче, снисходительнѣе, дружественнѣе.

Правительство, съ своей стороны, тоже взглянуло на насъ гуманнѣе. Нѣкоторыя, ужь очень стѣснительныя для насъ распоряженія были отмѣнены и слышно было, что на этомъ не остановятся, а пойдутъ все впередъ и впередъ, пока отъ прежнихъ ограниченій, стѣсненій, исключеній не останется и слѣда. Разомъ, вдругъ—нельзя, потому что переходъ былъ бы слишкомъ рѣзкій, да и мы сами еще не подготовлены для такого скачка. Чтожъ, и пусть себѣ: старое зданіе тоже разбирается по частямъ, по бревнамъ, а не скашивается съ руки, какъ трава. Главное, — чтобы шло впередъ, не останавливаясь и не пятясь назадъ. „Тише ѣдешь, дальше будешь“. Какъ ни тиха будетъ ѣзда, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и, глядь,—я секретарь Грязинской думы! Да, секретарь думы. И отчего мнѣ не быть секретаремъ думы? Чѣмъ я хуже пана Искерки? И какіе такіе университеты проходилъ онъ, чтобы получить должность секретаря думы?—Мальчикомъ шатался онъ по улицамъ и базарамъ и промышлялъ мелкимъ воровствомъ. По субботамъ онъ у евреевъ печки топилъ и подсвѣчники со стола снималъ. Потомъ онъ поступилъ лакеемъ къ ксендзу-пробощу, потомъ разсыльнымъ къ исправнику, а потомъ писцомъ въ полицію, а оттуда въ думу,—сперва бухгалтеромъ, а потомъ секретаремъ, вотъ его формулярный списокъ. У меня формулярный списокъ будетъ почище: я все-таки обывательскій сынъ, въ ворахъ и лакеяхъ не состоялъ. Да я и не въ примѣръ грамотнѣе Искерки, образованнѣе, умнѣе, трудолюбивѣе и, пожалуй, честнѣе его. Почему-же не могу быть секретаремъ думы? На высшее сановничество я и не претендую: „знай сверчокъ свой шестокъ“. Но на сановничество въ Грязинской думѣ я, кажется, имѣю не меньше правъ, чѣмъ панъ Искерка, или правъ нѣтъ никакихъ, а есть только сила, которая

забираетъ для себя все, что можетъ, а слабымъ выставляетъ кукишъ, и еще насмѣхается надъ нимъ, что ему больше кукиша не досталось.

Такъ я мечталъ и грезилъ подъ обаятельнымъ дуновеніемъ откуда то вѣявшаго на насъ новаго пріятнаго вѣтра, и въ этихъ мечтахъ и грезахъ прошли 1857 и 1858 гг., лучшіе годы моей жизни.

Но въ 1859 году я сталъ уже немножко нетерпѣливиться тѣмъ, что мои мечты и ожиданія, даже самыя скромныя, нисколько не сбываются. Все остается по прежнему, по старому. Правда, слухи все еще носятся, что перемѣны къ лучшему будутъ, но эти перемѣны, даже по слухамъ, не будутъ первый сортъ, стало быть мечтать о нихъ нѣтъ особенной причины. Во мнѣ пробудился прежній реалистъ, прежній матеріалистъ, тѣмъ болѣе, что мое матеріальное положеніе стало замѣтно ухудшаться.

Я сообразилъ, что въ Грязинскѣ мнѣ больше дѣлать нечего, и если я останусь дольше, то, пожалуй, дойду и до нищенской сумы. Надобно попробовать свои силы на болѣе обширномъ поприщѣ, ну хоть въ губернскомъ городѣ Болотскѣ. Неужели тамъ не найдется для меня чего нибудь подходящаго? И чего я ищу? Вѣдь только хлѣба насущнаго, котораго я въ Грязинскѣ, при всемъ моемъ стараніи, не нахожу и не найду. Стало быть, перемѣняя Грязинскъ на Болотскъ, я не рискую рѣшительно ничѣмъ.

Передавъ семейство попеченію тестя, я отправился.

За время моего пятилѣтняго отсутствія изъ Болотска, въ средѣ его еврейскаго населенія произошла большая перемѣна, которая свѣжему человѣку не могла не бросаться въ глаза. Я замѣтилъ, что всѣ, въ особенности же богачи, что-то ёжатся, жмутся, ходятъ какъ-бы въ какомъ-то чаду и вообще чѣмъ-то недовольны. Дѣло въ томъ, что до Крымской кампаніи, между русскими евреями были богачи, капиталисты, болѣе или менѣе крупные; послѣ-же этой кампаніи, между ними вдругъ появились „милліонеры“. Какъ только появились милліонеры, всѣ богачи, даже стотысячные, почему-то стали смотрѣть на себя, какъ на бѣдняковъ, нищихъ, и имъ

сильно захотѣлось тоже сдѣлаться милліонерами. Резонъ былъ простой: если Авраамъ Татисъ—милліонеръ, то почему и мнѣ, Исааку Мамису, не быть милліонеромъ? Чѣмъ онъ лучше меня, или чѣмъ я хуже его? И вотъ, всѣ Исааки Мамисы, которые находили себя не лучше и не хуже двухъ-трехъ Авраамовъ Татисовъ, взалкали милліоновъ; и, такъ какъ послѣдніе не давались, поелику Крымская кампанія не могла же сдѣлаться постояннымъ, Высочайше утвержденнымъ учрежденіемъ въ государствѣ, поэтому они пріуныли и возроптали, какъ возроптали древніе Израильтяне въ пустынѣ, когда имъ захотѣлось мяса, цѣлыхъ горшковъ мяса. Разъ взглянувъ на себя, какъ на нищихъ,—ибо въ сравненіе съ милліонерами они въ самомъ дѣлѣ не могли считать себя богачами,—они и стали вести себя, какъ нищіе. Они стали скаредничать, дрожать надъ каждою копѣйкою и гнаться за такими заработками, которые они прежде считали для себя унизительными. Зашибить копѣйку такъ или иначе и крѣпко держать эту копѣйку между зубами—сдѣлалось исключительною цѣлью ихъ жизни, въ томъ предположеніи, что эта копѣйка доведетъ ихъ до милліоновъ. Бывало, прежде, еврей, располагавшій двумя-тремя десятками тысячъ рублей, считалъ себя аристократомъ, былъ доволенъ собою и людьми, благодарилъ Бога за свой достатокъ, считалъ своею обязанностью заботиться о меньшей братіи, давалъ милостыню щедрою рукою, поддерживалъ или даже вновь учреждалъ благотворительныя заведенія, видѣлъ свое высшее честолюбіе въ уваженіи и любви къ нему согражданъ, словомъ: жилъ въ свое удовольствіе и съ пользою для другихъ, обиженныхъ судьбою. Теперь этотъ же самый еврей, при тѣхъ же средствахъ, превратился въ совершенно другого человѣка. Не переставая смотрѣть на себя, какъ на аристократа по происхожденію, онъ забылъ все, что прежде сопряжено было съ этимъ званіемъ. Онъ сдѣлался эгоистомъ, мизантропомъ. Десятки тысячъ уже не удовлетворяли его: онъ сталъ на нихъ фыркать, какъ на мелочь, не стоющую вниманія. Уваженіе общества, вниманіе и почести потеряли для него всякую прелесть, онъ за ними уже не

гнался, даже уклонялся отъ нихъ, во избѣжаніе сопряженныхъ съ ними расходовъ. Его честолюбіе создало ему теперь новые идеалы, новыя цѣли въ жизни. Съ какою то жадностью и худо скрываемою завистью сталъ онъ прислушиваться къ разсказамъ о громадныхъ коммерческихъ оборотахъ, баснословныхъ кушахъ, царской роскоши и сумасбродныхъ затѣяхъ и прихотяхъ вновь народившихся милліонеровъ, которые, дѣйствительно, не знали, что имъ дѣлать съ кучами легко нажитаго золота... Онъ мѣнялся въ лицѣ, краснѣлъ, блѣднѣлъ, потѣлъ отъ пожиравшаго его пламеннаго желанія—тоже сдѣлаться милліонеромъ.

VI. Пріѣздъ одного милліонера въ Болотскъ.

Неудивительно поэтому, что когда разнесся слухъ о пріѣздѣ въ Болотскъ сына одного изъ новыхъ милліонеровъ, это взбудоражило весь городъ. Объ этомъ заговорили старъ и младъ, богатые и бѣдные, въ домахъ, на улицахъ и въ синагогахъ. На пріѣздъ сына милліонера въ Болотскъ почему-то смотрѣли, какъ на важное и радостное событіе, котораго всѣ стали ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ.

Еще за мѣсяцъ до его пріѣзда, прискакалъ на курьерскихъ его агентъ, чтобы приготовить ему помѣщеніе. Онъ разъѣзжалъ по городу, осматривалъ квартиры, дома и гостинницы, фыркалъ, плевалъ, ругался и говорилъ, что Болотскъ—свинскій городъ, что въ немъ нельзя найти ни одной порядочной квартиры, а потому онъ „ему" отпишетъ, чтобы „онъ" лучше вовсе не пріѣзжалъ, такъ какъ ему негдѣ будетъ жить. Такимъ образомъ, болотчане находились нѣсколько дней въ страхѣ, что ихъ ожиданія не сбудутся. Къ счастію, агентъ наконецъ умилостивился и остановился на гостинницѣ одного моего родственника, которая находилась въ аристократической части города, насупротивъ городскаго бульвара,—и у всѣхъ отлегло отъ сердца.

Началась кутерьма. Надъ гостинницею завозились архитекторы, столяры, маляры, обойщики, декораторы и мебельщики, которые

съ утра до вечера отдѣлывали, устраивали, прилаживали, расставливали, словомъ: приготовляли царскіе чертоги. Со всѣхъ концовъ и угловъ города натаскали мебели, портьеръ, ковровъ, жирандолей, люстръ и всевозможныхъ другихъ украшеній. Агентъ ежедневно посылалъ „ему“ эстафеты, рапортуя „о ходѣ дѣла“, словомъ: билъ въ набатъ, шумѣлъ, шикарничалъ, какъ будто онъ за тѣмъ только и посланъ былъ въ Болотскъ. Весь городъ ходилъ смотрѣть на эти грандіозныя приготовленія. Думали и говорили только о „немъ“. Всѣ пожимали только плечами, не находя уже словъ для выраженія своего удивленія такимъ несмѣтнымъ богатствамъ.

Когда всѣ приготовленія были окончены и агентъ эстафетой увѣдомилъ „его“ объ этомъ, получена была эстафета-же, что онъ на слѣдующій день выѣдетъ, при чемъ высланъ былъ подробный маршрутъ, гдѣ онъ будетъ обѣдать, чай пить, ночевать и проч. Агентъ еще больше засуетился.

— Батюшки, помогите!—кричалъ онъ, ломая руки. Не могу достать для него экипажа! Смотрѣлъ всѣ здѣшніе экипажи,—все дрянь, на сломъ развѣ. Ну, ужъ городъ! Не знаю, какъ вы можете жить здѣсь? Такого захолустья поискать надо.

— А предводительскій экипажъ вы изволили смотрѣть?—спросилъ кто-то.

— Смотрѣть-то я смотрѣлъ, карета ничегособѣ, будто вѣнская, но какъ ее добыть-то?

— Добудемъ, — отвѣтило нѣсколько голосовъ — съ увѣренностью, недопускавшею сомнѣнія.

И, дѣйствительно, благодаря хлопотамъ, факторству, подаркамъ и порядочному кушу, предводительскую карету, славившуюся, что она первая въ городѣ, добыли, благо предводителя не было въ городѣ, а предводительша польстилась на радужныя ассигнаціи, которыя могли ей пригодиться на булавки.

Наконецъ, получена была эстафета, что „онъ“ сегодня будетъ. Весь городъ поднялся на ноги и повалилъ ко „дворцу“; черный

народъ размѣстился на улицѣ и у подъѣзда, а бѣлый—на бульварѣ, подъ предлогомъ прогулки.

Въ полдень примчались три почтовыхъ четверки съ его походною канцеляріею; часу во второмъ прибыла его кухня на двухъ тройкахъ, а въ семь часовъ вечера прискакалъ верховой съ послѣдней станціи съ извѣстіемъ, что онъ ѣдетъ.

Толпа все густѣла и густѣла. Начались перебранки, ссоры и драки. Прибыла и полиція, что придавало еще больше торжественности этому даровому спектаклю. У подъѣзда стоялъ агентъ съ нижними чинами походной канцеляріи и наускивалъ полиціантовъ на толпу, наровившую занять парадное крыльцо, устланное дорогимъ персидскимъ ковромъ. Квартальный нашелъ для себя небезполезнымъ тоже торчать здѣсь, какъ для поддержанія порядка, такъ равно и для полученія крупной подачки за свое усердіе, въ чемъ его обнадеживалъ агентъ, знавшій, что присутствіе на крыльцѣ полицейской каски весьма понравится его принципалу.

Въ половинѣ восьмаго вечера, почтовый шестерикъ съ форейторомъ, во весь карьеръ, примчалъ къ крыльцу блестящій, щегольской дормезъ и остановился, какъ вкопанный. Агентъ, съ открытою головою и блѣдный, какъ полотно, со всѣхъ ногъ бросился къ дверцамъ и быстро отворилъ ихъ, чуть не сорвавъ съ петель. За дормезомъ прискакали двѣ кареты съ его приближенными.

Когда „онъ“ вышелъ изъ экипажа и на секунду остановился на крыльцѣ и выпрямился во весь ростъ, толпа ахнула отъ благоговѣнія и чуть не крикнула ура! Она еще долго стояла передъ „дворцомъ“, который въ одну минуту освѣтился тысячами огней и въ окнахъ замелкали и засновали силуэты счастливыхъ приближенныхъ милліонера, которымъ теперь позавидовалъ не одинъ солидный богачъ города Болотска.

Въ эту ночь никто изъ евреевъ города Болотска не спалъ: вездѣ шли толки и разговоры о „немъ“; его милліоны росли съ каждымъ часомъ; до полуночи они изъ двухъ выросли въ восемь; послѣ же полуночи ростъ пошелъ crescendo и достигъ круглой

цифры двадцати пяти, что, считая только казенный процентъ, составляетъ... чортъ знаетъ, сколько годового дохода! Можно просто съ ума сойти отъ такого богатства! За этими толками, разговорами и счетами настало утро слѣдующаго дня.

Въ полдень, онъ, разодѣтый въ пухъ и прахъ, поѣхалъ дѣлать визиты губернатору и прочимъ губернскимъ тузамъ. Свита-же поѣхала кататься и осматривать городъ, т. е. себя показать. Свита эта, за исключеніемъ секретаря, который, кажется, былъ человѣкъ серьезный и образованный, состояла изъ цѣлой дюжины отборныхъ шалопаевъ, грубость, нахальство и дерзость которыхъ не знали границъ. Они всѣ были расфранчены по послѣдней модѣ и очень шикозничали своими золотыми цѣпочками, массивными кольцами и серебряными портъ-сигарами; видно было, что эти драгоцѣнности для нихъ еще вновѣ и они сами еще не успѣли досыта налюбоваться ими. А потому они ежеминутно и безъ всякой надобности то вытаскивали изъ кармановъ свои портъ-сигары, то вынимали часы и прикладывали къ своимъ ушамъ, то снимали съ пальцевъ свои массивныя кольца и перебрасывали ихъ изъ рукъ въ руки, забавляясь этими вещами, какъ дѣти игрушками.

На завтра, губернаторъ и прочіе губернскіе тузы отплатили ему визитъ, и съ тѣхъ поръ пошли обѣды, чаи и вечера, то у него въ честь ихъ, то у нихъ въ честь его. Первымъ, важнѣйшимъ дѣломъ на этихъ обѣдахъ, чаяхъ и вечерахъ были—карты, и слышно было, что онъ много проигрываетъ, и еще слышно было, что онъ это дѣлаетъ нарочно, потому что, вѣроятно, такъ слѣдуетъ, такъ принято...

Евреи города Болотска потирали себѣ руки отъ удовольствія, что ихъ собратъ, такой же еврей, какъ и они, находится въ такой чести, водится за панибрата съ первыми тузами города, разъѣзжаетъ въ одномъ экипажѣ съ такими особами, у которыхъ они передничаютъ по цѣлымъ часамъ и едва удостоиваются трехминутнаго разговора. Правда, они догадывались, что на этихъ обѣдахъ, чаяхъ и вечерахъ, онъ, вѣроятно для приличія, „притрогивается“ и къ трэфу, но... милліоны! Милліоны очищаютъ отъ всѣхъ грѣховъ и проступковъ, вольныхъ и невольныхъ, а потому ропотъ по поводу его „вынужденнаго“ трэфованія себя раздавался едва слышно. Другому, не столь богатому, они бы этого такъ легко не спустили, но ему, милліонеру!... Про милліонера и законъ Моисеевъ не писанъ. Это всѣ находили понятнымъ и естественнымъ, а потому молчали, позволяя себѣ только шушукаться.

Будучи въ сущности героемъ только у своихъ единоплеменниковъ, „онъ“, однакоже, считалъ для себя лишнимъ знакомиться съ послѣдними; но послѣдніе, съ своей стороны, тѣмъ не менѣе находили для себя необходимымъ заявить ему, какими чувствами благоговѣнія и преданности они къ нему проникнуты.

Съ этою цѣлью они рѣшились пойти къ нему всѣмъ кагаломъ, выбравъ почетнѣйшихъ лицъ изъ купечества, обывателей и духовенства. Они хотѣли было поставить во главѣ своей депутаціи достопочтеннаго рабби Арона, многоуважаемаго мѣстнаго раввина; но послѣдній отклонилъ отъ себя эту честь, говоря, что, какъ гость, „онъ“ долженъ первый сдѣлать ему визитъ и что онъ вообще не ребъ Мозесъ Монтефіоре, чтобы ходить къ нему съ депутаціями. Правда, они, съ одной стороны, сознавали, что раввинъ въ сущности правъ; но, съ другой стороны, они тѣмъ не менѣе находили, что съ милліонерами нечего считаться визитами, а потому отправились къ нему депутаціею въ тридцать человѣкъ.

Полтора часа заставилъ „онъ“ ихъ ждать въ пріемной, будучи въ кабинетѣ занятъ важнымъ дѣломъ—чисткою своихъ длинныхъ ногтей. Закуривъ затѣмъ очень дорогую сигару, онъ вышелъ къ нимъ въ своемъ утреннемъ сѣромъ костюмѣ, съ бантикомъ отъ медали въ петлицѣ.

Впереди всѣхъ стоялъ тщедушный, сгорбленный и искривленный рабби Палтіэль, духовное лице, которому поручено было говорить отъ имени всей депутаціи и даже всей общины.

Когда „онъ“ вошелъ въ пріемную, депутація отвѣсила ему низ-

кій-пренизкій поклонъ, на который „онъ“ отвѣтилъ покровительственнымъ наклоненіемъ головы.

— Мы пришли — началъ рабби Палтіэль и легко кашлянулъ — мы пришли привѣтствовать нашего господина и сказать ему отъ имени священной общины города Болотска шаломъ-алейхемъ!

Сказалъ и протянулъ свою костлявую, желтую, какъ пергаминъ, и запачканную табакомъ руку.

„Онъ“ щелчкомъ стряхнулъ золу съ своей сигары, сунулъ ее въ ротъ и протянулъ рабби Палтіэлю указательный палецъ своей правой руки, за который тотъ ухватился обѣими руками.

— Благодаримъ Всемогущаго — продолжалъ рабби Палтіэль, — благодаримъ и славословимъ Его, что Онъ сподобилъ насъ лицезрѣть въ стѣнахъ нашего города великое величіе Израиля.

„Онъ“ сладко улыбнулся и поклонился, понявъ, что великое величіе Израиля это — онъ.

Наступила пауза: депутація, молча и благоговѣйно смотрѣла на него, а „онъ“, молча и тупо смотрѣлъ на нее. Всѣ чувствовали, что теперь очередь говорить за нимъ. Онъ и заговорилъ:

— Какъ идетъ здѣсь у васъ торговля? Есть-ли здѣсь фабрики, шоссе, портъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! — заголосила вся депутація и зашевелилась, въ пріятной надеждѣ, что онъ и фабрики откроетъ, и шоссе проведетъ и сдѣлаетъ судоходною лужу, на гнилыхъ берегахъ которой процвѣталъ богоспасаемый городъ Болотскъ.

— Довольны-ли вы начальствомъ? — продолжалъ онъ.

— Начальство — ничего, хорошее, не обижаетъ, — отвѣчалъ рабби Палтіэль съ разными ужимками, но...

„Онъ“ шагнулъ къ депутаціи, подставилъ ухо, какъ бы приготовляясь выслушать жалобу.

— Но оно хочетъ перевести нашу скотобойню за городъ! — съ азартомъ и чуть не съ пѣною у рта заголосилъ ребъ Нахманъ Фидельсъ, во владѣніяхъ котораго и находилась скотобойня.

— Почему такъ?

— Инспекторъ врачебной управы разгнѣвался на насъ за какую-то глупость и подалъ рапортъ, что наша скотобойня будто распространяетъ дурной запахъ по городу, а потому проситъ распоряженія, чтобы ее перевели за городъ.

— Ну что за бѣда, если она будетъ за городомъ?

— Далеко будетъ ходить и присмотръ за кошеромъ затруднится, потому что духовные живутъ на другомъ концѣ города.

— Подайте записку губернатору, и я уже поговорю съ нимъ.

Депутація разсыпалась въ благодарностяхъ.

— Если господинъ къ намъ такъ милостивъ, — началъ рабби Палтіэль, — то да позволено будетъ просить еще объ одномъ дѣлѣ.

— Извольте, — отвѣтилъ онъ поощрительно.

Рабби Палтіэль обернулся къ депутаціи и обвелъ всѣ ряды ея своими подслѣповатыми глазами, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли здѣсь „постороннихъ“, и, убѣдившись, что нѣтъ никого, онъ сказалъ:

— Вотъ... мы хотѣли-бы... на счетъ училищъ.

— Это на счетъ казенныхъ еврейскихъ?

— Да.

— Мы ихъ закроемъ; мы уже хлопочемъ объ этомъ у высшаго правительства; надѣемся, что успѣемъ. Кто хочетъ сдѣлать своего сына докторомъ, пусть посылаетъ его въ гимназію, а кто не хочетъ, того принуждать не слѣдуетъ. Свѣчной сборъ — лишнее обремененіе для народа.

— Совершенно справедливо! — гаркнула депутація, обрадовавшаяся, что ненавистныя училища не будутъ мозолить имъ глаза.

— А на счетъ новыхъ казенныхъ раввиновъ изъ нѣмчиковъ какъ будетъ? спросилъ кто-то.

— Мы и объ этомъ похлопочемъ, — отвѣтилъ онъ. — Этимъ молокососамъ не бывать у насъ раввинами! Все останется по старому. Мы нашими раввинами довольны, а потому не допустимъ, чтобы ихъ трогали. Правительство наше — вѣротерпимое, религіи нашей оно и не думаетъ касаться. Законъ же о новыхъ раввинахъ былъ маленькій недосмотръ, мы теперь и поправимъ его. Я съ ми-

нистромъ уже говорилъ объ этомъ и опять поговорю. Будьте спокойны.

На лицахъ депутатовъ изобразилась невыразимая радость; они загоготали, зашевелились и чуть не заржали отъ удовольствія. Они, многозначительно перемигиваясь другъ съ другомъ, стали подталкивать другъ друга — ковать желѣзо, пока оно горячо, т. е. просить еще о чемъ нибудь. Но милліонеръ, слегка зѣвнувъ, вынулъ часы, намекая, что аудіенція кончилась и что у него минуты расчитаны. Депутація поняла этотъ тонкій намекъ и откланялась, очень довольная его пріемомъ и его обѣщаніями.

Дальнѣйшее его пребываніе въ Болотскѣ ознаменовано было пожертвованіемъ довольно крупныхъ суммъ въ пользу разныхъ благотворительныхъ учрежденій города, за исключеніемъ еврейскихъ, которыя должны были удовольствоваться пока обѣщаніемъ, что онъ пришлетъ для нихъ изъ Петербурга.

Передъ его отъѣздомъ опять явилась къ нему депутація — благодарить его, что онъ осчастливилъ Болотскъ своимъ посѣщеніемъ и пожелать ему счастливаго пути, при чемъ рабби Палтіэль, воздѣвъ руки къ небу, торжественно произнесъ слѣдующее библейское благословеніе:

„Да благословитъ тебя Предвѣчный и сохранитъ тебя; да озаритъ тебя Предвѣчный ликомъ своимъ и помилуетъ тебя; да обратитъ на тебя Предвѣчный ликъ свой и дастъ тебѣ миръ!“

— Аминь! — благоговѣйно произнесла депутація и разошлась.

VII. Послѣдствія пребыванія милліонера въ Болотскѣ.

„Онъ“ уѣхалъ — и послѣдствія его недѣльнаго пребыванія въ Болотскѣ очень скоро сказались. Они были гораздо важнѣе, чѣмъ можно было ожидать, и весьма непріятнаго свойства.

Прежде всего, стало чувствоваться, что между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ города какъ будто пробѣжала черная кошка. Отношенія сдѣлались очень натянутыми, а иногда даже явно враждебными. Христіане, при каждомъ случаѣ, стали пикировать евреевъ ихъ милліонеромъ, при чемъ не преминули прибавлять, что хотя онъ и милліонеръ, однакоже все таки жидъ, богатый, пребогатый, но жидъ. Поднимались на смѣхъ его роскошь, его шикъ, его расточительность. „Хотя онъ купается въ Eau de Cologne, отъ него однакоже за версту несетъ чеснокомъ“, и тому подобныя ядовитыя замѣчанія. Словомъ, не скупились на разнаго рода шпильки, посредствомъ которыхъ хотѣли донять евреевъ за ихъ дерзость — имѣть въ своей средѣ милліонера, держащаго, съ своей стороны, жить по-барски и задавать тонъ. На балконѣ предводителя дворянства каждое утро поднимали пасквиль на предводительшу за то, что она позволила дать „ему“ свой экипажъ и тѣмъ замарала свою дворянскую честь, при чемъ предупреждали ее, что если она осмѣлится выѣзжать въ оскверненномъ экипажѣ, съ нею поступятъ такъ, что она жизни не будетъ рада. Предводительша, проклявъ „его“ и всѣхъ жидовъ, ускакала въ имѣніе и стала вымѣщать гнѣвъ свой на своихъ арендаторахъ-евреяхъ, которые не могли ума приложить, откуда взялась такая немилость у магнатки, всегда столь мягкой и сердобольной?

Начальство также стало замѣтно коситься на евреевъ, придираться къ нимъ ни за что, ни про что, прижимать ихъ подъ разными предлогами. Рапортъ инспектора врачебной управы, лежавшій въ губернскомъ правленіи шесть мѣсяцевъ безъ всякаго движенія, вдругъ пущенъ былъ въ ходъ, и въ одну недѣлю еврейская скотобойня очутилась за-городомъ, чего евреи никакъ не ожидали, имѣвъ торжественное обѣщаніе, что скотобойня останется на своемъ старомъ мѣстѣ. Когда же представители общества тонко намекнули, что они будутъ жаловаться министру, губернаторъ имъ совсѣмъ не тонко далъ понять, что онъ жалобщиковъ упечетъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Одинъ же изъ губернскихъ тузовъ вдругъ воспылалъ противъ евреевъ такимъ гнѣвомъ и такою враждебностью, что клялся при всякомъ случаѣ, что не будь онъ Иванъ Ивановичъ Бредниковъ, если не утопитъ всѣхъ евреевъ, для чего у него есть всѣ средства и способы. Это было тѣмъ

страннѣе и неожиданнѣе, что этотъ же Иванъ Ивановичъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и либеральный, смотрѣвшій до сихъ поръ на евреевъ съ самой гуманной точки зрѣнія. Внезапная-же вражда его къ нимъ была тѣмъ прискорбнѣе и опаснѣе, что онъ, какъ способнѣйшій и дѣльнѣйшій чиновникъ въ губерніи, не сегодня, завтра могъ очутиться въ самомъ центрѣ высшихъ административныхъ сферъ и получить возможность напакостить евреямъ самымъ чувствительнѣйшимъ образомъ. Вражда же его, кромѣ общей, имѣла и свою частную причину. Дѣло въ томъ, что, когда милліонеръ разъ былъ въ болотинскомъ театрѣ, ему сильно приглянулась мѣстная примадонна, которая, какъ на бѣду, находилась подъ „особымъ покровительствомъ“ этого Ивана Ивановича, до безумія влюбленнаго въ свою фаворитку. Пошли переговоры, посулы, заигрыванья—и кончилось тѣмъ, что примадонна сдалась... Пока милліонеръ былъ въ городѣ, все было шито и крыто, но какъ только онъ уѣхалъ, тайна обнаружилась и дошла до Ивана Ивановича, который чуть съ ума не сошелъ отъ такого афронта. Этотъ казусъ и заставилъ либеральнаго Ивана Ивановича перемѣнить свой взглядъ на евреевъ и еврейскій вопросъ, и, въ ожиданіи возможности, изъ мести къ милліонеру, утопить всѣхъ евреевъ, онъ сталъ топить по одиночкѣ каждаго еврея отдѣльно, кто только подвертывался подъ его всемогущую руку.

Болотинскіе евреи дорого поплатились за прихоть своего собрата, на котораго они чуть не молились. Какъ ни снисходительно они относились къ его „вынужденнымъ“ нарушеніямъ Моисеевыхъ законовъ, они стали теперь находить, что онъ уже пересаливаетъ и тѣмъ наноситъ всѣмъ евреямъ вредъ, чего они уже никакъ не ожидали отъ „великаго величія Израиля“.

— Погодите, дѣти, — выразился однажды достопочтенный рабби Аронъ въ одномъ общественномъ засѣданіи, — не то еще будетъ. Эти скороспѣлыя богатства и употребленіе, которое изъ нихъ дѣлаютъ, до добра насъ не доведутъ. Волею Божіею настали теперь лучшія времена; на престолѣ сидитъ монархъ великодушный, милостивый, благосклонный и къ намъ. Но мы сами испортимъ все дѣло и будетъ худо. „Дерзновеннѣйшій между племенами—Израиль“—сказали наши древніе мудрецы; отъ этой дерзости мы не излечились до сихъ поръ, и Богъ знаетъ, до чего она доведетъ насъ.

Всѣ находили, что устами достопочтеннаго рабби Арона говоритъ сама мудрость, но это однакоже нисколько не помѣшало каждому порознь стремиться къ скороспѣлымъ богатствамъ всѣми силами души своей. Недѣльное пребываніе милліонера въ Болотскѣ еще больше укрѣпило всѣхъ и каждаго въ мнѣніи, что безъ милліоновъ—нельзя. Всѣ съ азартомъ ринулись пріобрѣтать эти милліоны. Торговавшіе до сихъ поръ солидно, расчетливо, бросились теперь, очертя голову, въ омутъ самыхъ отчаянныхъ предпріятій. Рискъ, самый очевидный, сдѣлался обычнымъ явленіемъ. Смѣлость болотинскихъ купцовъ стала превосходить всякое вѣроятіе.

Такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное милліонами и ихъ обладателемъ на умы разныхъ слоевъ еврейскаго населенія города Болотска! И — нечего грѣха таить — эти милліоны задѣли за живое и меня. Не переставая быть идеалистомъ, я однакоже пришелъ къ заключенію, что, какъ ты тутъ не мудрствуй, а деньги—великая сила, предъ которой все преклоняется, которая все подчиняетъ себѣ. Правда, я это зналъ и прежде, но зналъ, такъ сказать, теоретически или чувствовалъ инстинктивно; но теперь, имѣвъ возможность, въ качествѣ родственника содержателя гостинницы, въ которой остановился милліонеръ, видѣть все, что у него дѣлалось и творилось, я нагляднымъ образомъ убѣдился во всемогуществѣ металла, называемаго безденежными мудрецами презрѣннымъ. Положимъ, думалъ я себѣ,—этотъ металлъ самъ по себѣ и презрѣнный, но его обладателю тѣмъ не менѣе воздаютъ великія почести, и для него нѣтъ ничего невозможнаго. Стало быть, этотъ металлъ всѣмъ нуженъ, а если нуженъ, то жалокъ и смѣшенъ тотъ, кто его не имѣетъ, потому что... кто препятствуетъ ему пріобрѣтать то, что ему нужно?

Путемъ этой логики я дошелъ до убѣжденія, что бѣдность,

чтобы ни говорили о ней моралисты и филантропы,—есть большой порокъ, или необходимое слѣдствіе какого нибудь положительнаго порока, заслуживающаго презрѣнія, а не снисхожденія.

Хорошенько порывшись въ себѣ самомъ, я открылъ, что мой порокъ состоитъ въ томъ, что я лѣнивъ, непредпріимчивъ и имѣю какія-то ребяческія понятія о чести и честности, недостойныя человѣка нормальнаго и практическаго. И, въ самомъ дѣлѣ, не лѣнь-ли это, что я живу въ такомъ захолустьѣ, какъ Болотскъ, довольствуясь грошевыми заработками и еще удивляюсь, что я такъ бѣденъ, и утѣшаюсь тѣмъ, что есть еще и бѣднѣе меня? Почему мнѣ не жить въ Петербургѣ или Москвѣ, т. е. въ центрѣ самой разнообразной и кипучей дѣятельности обширнѣйшей въ мірѣ имперіи?

Словомъ, я сталъ перерождаться въ совершенно другаго человѣка; я чувствовалъ, что я возмужалъ, прозрѣлъ, понялъ философію жизни и всю суть успѣховъ въ ней. Мнѣ недоставало только поприща, круга дѣятельности.

И я рѣшился ѣхать въ Петербургъ.

VIII. Напутствіе рабби Арона и рекомендація пана Сярко.

Хотя я былъ очень твердъ въ своемъ рѣшеніи, однакоже, изъ приличія и изъ уваженія къ отцу, котораго я считалъ очень практическимъ человѣкомъ, нашелъ нужнымъ посовѣтоваться съ нимъ о моемъ намѣреніи.

— Знаешь что, Мотя?—сказалъ онъ мнѣ, подумавъ немного,—ты надумалъ очень хорошую вещь. Въ Болотскѣ ты въ самомъ дѣлѣ ничего не высидишь: городъ мертвый, дѣлъ никакихъ. Ты человѣкъ—молодой, твое счастье еще впереди. Ищи же его, гдѣ всѣ его ищутъ и находятъ, на то вѣдь Петербургъ, столица. Уже многіе туда отправились и не возвращаются, значитъ не жалѣютъ, что отправились. Писать просьбы ты никогда не опоздаешь.

— Стало быть, ты со мною согласенъ?

— Совершенно. Однакоже не мѣшаетъ сходить къ рабби Арону.

— За чѣмъ?—спросилъ я, не понимая, при чемъ тутъ раввинъ.

— Онъ, знаешь, приходится намъ родственникомъ и любитъ тебя.

— Такъ чтожъ?

— Онъ очень мудрый, понимаетъ свѣтъ не хуже свѣтскаго человѣка, а потому его совѣтъ—вещь не совсѣмъ лишняя.

— Да мнѣ никакихъ совѣтовъ не нужно,—возразилъ я,—я своего намѣренія не перемѣню ни за что: я рѣшился ѣхать и поѣду. Мнѣ сердце говоритъ, что я въ Петербургѣ сдѣлаю карьеру.

— Дай-то Богъ, но къ рабби Арону все таки сходить нужно, хоть бы за полученіемъ на дорогу его благословенія. Онъ человѣкъ праведный, святой, а благословеніе такого человѣка не шутка.

— На это я согласенъ,— отвѣтилъ я, обрадовавшись, что отецъ не ставитъ мою поѣздку въ зависимость отъ совѣта рабби Арона, имѣющаго, вѣроятно, свои взгляды на вещи и могущаго поэтому находить, что мнѣ не зачѣмъ ѣхать въ Петербургъ,—я и то хотѣлъ передъ отъѣздомъ пойти къ нему проститься.

Въ одно утро мы къ нему отправились и нашли его въ его библіотекѣ сидящимъ, какъ обыкновенно, за большими фольянтами раввинской письменности. Онъ принялъ насъ очень ласково: отцу онъ подалъ руку, а меня погладилъ по плечу.

— Мордухей? спросилъ онъ, вглядываясь своими умными и добродушными глазами въ мое лице.—Какъ ты выросъ и возмужалъ! Сколько лѣтъ я тебя не видалъ?

— Лѣтъ пять.

— Въ пять лѣтъ молодой человѣкъ много перемѣняется. А что, ты отъ ученія, вѣрно, ужъ отсталъ?

— Не совсѣмъ,—солгалъ я.

— Хорошо и то, удовлетворился рабби Аронъ. Совершенно бросивъ ученіе, можно сдѣлаться невѣждою. А ты, помню, учился очень хорошо, и я думалъ, что изъ тебя выйдетъ большой ламданъ. Но можно быть добрымъ евреемъ и не будучи ученымъ.

Онъ усадилъ насъ насупротивъ себя и обратился къ отцу.

— Ну, что скажете намъ хорошаго, ребъ Борухъ?

Отецъ коротко и ясно объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Рабби Аронъ немножко нахмурился.

— Тоже въ Петербургъ? — спросилъ онъ, пожимая плечами. Всѣ бѣгутъ теперь въ Петербургъ, за дѣломъ и безъ дѣла! Точно манна небесная про всѣхъ тамъ запасена! А здѣсь мы всѣ такъ-таки съ голоду умираемъ?

— Чтожъ, здѣсь въ самомъ дѣлѣ дѣлать нечего — сказалъ отецъ.

— Отчего же до сихъ поръ было что дѣлать!

— То было время, а нынѣ другое.

— Нѣтъ, ребъ Борухъ, — возразилъ рабби Аронъ съ нѣкоторою живостью, — не времена перемѣнились, а люди перемѣнились. Жить всегда было и всегда будетъ чѣмъ даже здѣсь; но дѣло въ томъ, что людямъ захотѣлось теперь жить лучше, роскошнѣе.

— Развѣ это грѣхъ?

— Положимъ, что не грѣхъ; но дѣло въ томъ, что для лучшей жизни нѣтъ нормы. Будешь жить лучше, захочется еще лучше, будешь жить еще лучше, захочется еще и еще лучше и такъ до безконечности. А когда человѣкъ думаетъ только о жизни, то онъ перестаетъ думать и забываетъ, что онъ человѣкъ, имѣющій болѣе возвышенныя обязанности, чѣмъ холеніе своего бреннаго тѣла. Богъ отдалъ въ нашу руку жизнь животныхъ, потому что послѣднія живутъ только тѣлесною жизнью; если же мы сравнимся съ ними, то какое право мы будемъ имѣть убивать и употреблять въ пищу себѣ подобныхъ? Вотъ почему стремленіе къ лучшей жизни есть грѣхъ, потому что это есть стремленіе къ животному состоянію, къ господству грѣшнаго тѣла надъ святою душею и вотъ почему мнѣ такъ не нравится бѣготня нашихъ братьевъ въ Петербургъ и Москву за богатствами, за земными сокровищами. Дай Богъ, чтобы мое предчувствіе обмануло меня, но я предчувствую, что усиленная погоня за богатствами не послужитъ къ чести Израиля, не доведетъ насъ до добра. Наши мудрецы не даромъ сказали, что „Бѣдность такъ красива для Израиля, какъ красная

попона на сѣрой лошади“. Богатство же совсѣмъ сбиваетъ ихъ съ толку, такъ и Исаія сказалъ: „утучнѣлъ Іешурунъ — и сталъ лягаться“.

— Рабби правду говоритъ, — сказалъ отецъ со вздохомъ. Слова раввина, какъ видно, сильно на него подѣйствовали. Онъ энергически взглянулъ на меня, какъ-бы вызывая и меня на согласіе, но я молчалъ, потому что мое намѣреніе было твердо и не могло быть поколеблено никакими доводами и цитатами. Въ другое время слова такого умнаго и ученаго человѣка, какъ рабби Аронъ, можетъ быть, произвели бы и на меня сильное впечатлѣніе, но теперь я безъ всякаго напряженія пропустилъ ихъ мимо ушей: матерьялистъ росъ во мнѣ не по днямъ, а по часамъ; образъ всемогущаго милліонера былъ слишкомъ живъ въ моемъ воображеніи... Отъ прозорливаго рабби Арона, какъ видно, не ускользнуло чувство, которымъ я былъ теперь проникнутъ, а потому онъ произнесъ съ грустью:

— Видно, что вы нашего молодого человѣка ничѣмъ не урезоните: соблазнъ слишкомъ великъ, а потому пусть ѣдетъ. Можетъ быть, онъ образумится на мѣстѣ, и можетъ быть такъ предопредѣлено Богомъ, чтобы евреи полѣзли въ болото и, погрязнувъ по уши, покаялись... Мы противъ этого ничего не можемъ сдѣлать, а потому пусть ѣдетъ съ Богомъ.

— И то правда, — опять согласился отецъ, который въ присутствіи рабби Арона обыкновенно стушевывался и терялъ свою самостоятельность: такъ велико было его благоговѣніе предъ нимъ. Онъ всталъ, чтобы идти, но вдругъ что-то припомнилъ и прибавилъ:

— Не будете ли столь добры, дорогой рабби, благословить его?

— Давать благословеніе на дѣло, котораго не одобряю, я не могу, — отвѣтилъ онъ, — могу только напутствовать его нѣкоторыми добрыми пожеланіями. И, обратившись ко мнѣ, онъ продолжалъ:

— Да будетъ милость Того, имени котораго не смѣю произнести, — чтобы ты, Мордухей, оставался честнымъ евреемъ и честнымъ человѣкомъ. Это, въ сущности, одно пожеланіе, потому что, если ты будешь честнымъ евреемъ, то ты будешь и честнымъ че-

ловѣкомъ, и если ты будешь честнымъ человѣкомъ, то ты будешь и честнымъ евреемъ: одно безъ другого не мыслимо. Если ты и всѣ тѣ, которые отправляются теперь въ Россію, будете это помнить, то имя Израиля не будетъ посрамлено между народами и нашъ старый Отецъ на небеси не отниметъ отъ васъ своей милости.

— Аминь!—произнесъ отецъ, поцѣловавъ рукавъ его сутаны, я сдѣлалъ тоже самое, и мы откланялись.

Въ одну субботу, предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, я нечаянно встрѣтился съ моимъ бывшимъ учителемъ, паномъ Сяркою, котораго я не видалъ во все время моего пребыванія въ Болотскѣ.

— Ба, ба, ба!—кричалъ онъ, идя мнѣ на встрѣчу съ распротертыми объятіями,—кого я вижу! Мотя! панъ Шмальцъ!

— Онъ самый,—отвѣтилъ я, тоже обрадовавшись нашей встрѣчѣ. Мы обнялись и облобызались, какъ закадычные друзья.

— Давно ли ты въ Болотскѣ?

— Скоро годъ будетъ.

— И ни разу не подумалъ провѣдать своего стараго профессора?—произнесъ онъ съ укоромъ.

Какъ-то не случилось,—сказалъ я, сконфузившись, сознавая, что я въ самомъ дѣлѣ поступилъ неблагодарно, ни разу не подумавъ объ учителѣ, который былъ ко мнѣ всегда добръ и которому я былъ очень много обязанъ.

— Фи, Мотя,—сказалъ онъ, качая головой,—я не ожидалъ отъ тебя такой забывчивости. А я тебя помню; спроси у отца, сколько разъ я его распрашивалъ о тебѣ, гдѣ ты, что съ тобой, какъ?

— Простите, профессоръ, сознаю, что я очень виноватъ предъ вами; притомъ я не зналъ, гдѣ вы живете.

— Не городи вздору, Мотя!—сказалъ онъ, приложивъ указательный палецъ къ своему носу,—не зналъ, гдѣ я живу! Да кто изъ мальчугановъ не знаетъ, гдѣ живетъ Сярко? За кладбищемъ первая избушка на курьихъ ножкахъ, подпертая пастернакомъ—вотъ и дворецъ вельможнаго пана Сярко. Каждый слѣпой укажетъ

тебѣ дорогу. Но... не будемъ ссориться,—прибавилъ онъ, смягчившись. Ну, какъ тебя Богъ милуетъ?

— Не особенно.

— Фи, такъ говорить не слѣдуетъ,—укорялъ онъ меня.—Кого Богъ не милуетъ? Ты молодъ, здоровъ и не глупъ, чего тебѣ еще надо?

— Жрать, а жрать-то нечего, вотъ въ чемъ бѣда!

И я разсказалъ ему въ короткихъ словахъ о своихъ дѣлахъ и о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ, такъ въ Петербургъ,—согласился онъ,—можетъ, повезетъ,—ты вѣдь не промахъ, башка на плечахъ здоровая,—а городъ хорошій: весь изъ золота выстроенъ и ассигнаціями вымощенъ, протяни руку и бери, сколько въ карманъ влѣзетъ. Но... шутки въ сторону, поговоримъ серьезнѣе. Ты какою нибудь протекціею запасся?

— Гдѣ мнѣ!

— А безъ протекціи въ Петербургѣ и шагу нельзя сдѣлать. Но не тужи, Мотя, Сярко доставитъ тебѣ и протекцію, разумѣется, не Богъ знаетъ какую, а на первое время пригодится. Вотъ, видишь-ли, у меня въ Петербургѣ есть благопріятель, старый коллега, съ которымъ мы вмѣстѣ въ гимназіи учились. Я всегда былъ старше его, но онъ всегда былъ умнѣе меня. Я билъ баклуши, а онъ учился, университетъ кончилъ, пошелъ служить, дослужился уже до „радцы стану“ и занимаетъ очень видное мѣсто въ какомъ-то департаментѣ. Къ нему-то и дамъ тебѣ рекомендацію; онъ славный малый, сдѣлаетъ для тебя все возможное, если онъ только еще не освинился между москалями; но думаю, что онъ тотъ же Владукъ—жирный индюкъ, какимъ былъ: добродѣтельныя эти птицы никогда не перемѣняются.

Я искренно поблагодарилъ его и сказалъ, что завтра же забѣгу къ нему.

— Завтра нельзя,—сказалъ панъ Сярко,—завтра я буду „на фольваркѣ“: тетушка, блаженной памяти, моей бабушки, блаженной

памяти, у меня завтра имянинница. Она у меня каждое воскресенье имянинница, потому святая женщина была, при томъ хорунжина, нельзя не праздновать: обидится. А вотъ послѣ завтра пожалуй. Я настрочу моему Владуку такую цидульку, что онъ тебя приметъ, какъ сына родного, nota bene, если онъ только не освинился между москалями. Онъ,—слышу,—живетъ бариномъ, имѣетъ много связей, потому-что ubi opes, ibi amici. Это по славянски означаетъ: „коль кто богатъ, тотъ каждому и другъ и братъ". Онъ за уши вытащитъ тебя въ люди. Но, мой милый Мотя,—продолжалъ чудакъ, понизивъ голосъ и наклонивъ голову,—дѣло вотъ какое: мнѣ кажется, что ты честный малый, а, впрочемъ, Богъ васъ знаетъ... вы всѣ, жидки,—шахеръ-махеръ, гешефтъ, словомъ: крючки, а потому прошу тебя, не осрамись, по крайней мѣрѣ, передъ Владукомъ, потому что осрамишь и меня, понимаешь?

— Будьте спокойны, панъ профессоръ,—отвѣтилъ я, и не думая даже обидѣться словами добраго чудака,—я не осрамлю ни себя, ни васъ, вы не будете жалѣть, что рекомендовали меня. Неужели всѣ жиды мошенники?

Чудакъ сконфузился и, бросившись мнѣ на шею, сталъ просить у меня прощенія, увѣряя, что онъ ни малѣйше не сомнѣвается въ моей честности, что онъ говорилъ вообще, что онъ за меня, своего ученика, ручается, какъ за себя и т. д.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ него толстый пакетъ съ надписью: „Его высокородію, г. статскому совѣтнику и разныхъ орденовъ кавалеру, Владиславу Ипполитовичу Близневичу",—съ обозначеніемъ мѣстожительства послѣдняго.

IX. На привалѣ у корчмы.

Былъ теплый, лунный, августовскій вечеръ, когда я, съ дешевымъ зонтикомъ въ одной рукѣ и съ небольшимъ мѣшкомъ багажа въ другой, въ числѣ цѣлой дюжины, а, можетъ быть, и больше, другихъ пассажировъ, влѣзалъ въ вмѣстительную еврейскую буду, этотъ Ноевъ ковчегъ или дикій первообразъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ омнибусовъ и дилижансовъ. Эта буда аккуратно, разъ въ недѣлю, совершала рейсъ отъ города Болотска до города Гнилинска и имѣла то преимущество, что за какіе нибудь два рубля съ полтиной можно было ѣхать въ ней много, дней пять, не то цѣлую недѣлю, продѣлывая въ день верстъ двѣнадцать или пятьнадцать. Но это дешевое удовольствіе имѣло, съ другой стороны, то маленькое неудобство, что возница, какъ только выѣзжалъ за городскую черту, дѣлался неограниченнымъ властелиномъ, почти деспотомъ надъ колоніею, ввѣрившеюся его попеченію. Онъ останавливался, гдѣ и на сколько ему угодно было, дѣлалъ крюки, чтобы побывать въ томъ или другомъ мѣстечкѣ, лежавшемъ по большей части на сторонѣ отъ большой дороги, словомъ: распоряжался по своему произволу, не слушая ни резоновъ, ни жалобъ. Какъ только мы проѣхали версту, онъ остановилъ лошадей у какой-то жалкой корчемки, въ которую онъ зашелъ и просидѣлъ битый часъ, ничего не дѣлая, покуривая лишь трубку и прохлаждаясь разговоромъ съ корчмаремъ чуть не о прошлогоднемъ снѣгѣ. Пассажиры изъ себя выходили, кликали его, голосили, ругались, грозили, но онъ былъ невозмутимъ: выкуривая трубку за трубкой, онъ преспокойно продолжалъ себѣ вялую бесѣду, которая собственно интересовала его столько же, сколько и насъ.

Во время этой скучной паузы я развлекалъ себя разглядываніемъ пестраго содержанія нашей буды, которая на этотъ разъ оказалась достойною своей репутаціи. Она заключала въ себѣ: престарѣлаго ксендза съ очень толстымъ брюхомъ и его молодую экономку съ очень тоненькимъ голоскомъ; заштатнаго кантора, отправлявшагося пѣть въ предстоящіе праздники въ какой-то мѣстечковой синагогѣ, и молодую бабенку, выѣхавшую искать по-міру своего муженка, находившагося въ бѣгахъ; мелочнаго торговца, торопившагося за полученіемъ наслѣдства, которое состояло изъ небольшаго домика, сгорѣвшаго полгода тому назадъ, и драгунскаго унтеръ-офицера, малоросса, ѣдущаго въ домовой отпускъ; трехъ

или четырехъ еврейскихъ юношей-гимназистовъ и другихъ лицъ безъ опредѣленныхъ профессій, которые въ разговоръ не вступали.

На слѣдующій день болѣе продолжительный привалъ пришелся подъ вечеръ у корчмы, находившейся въ великолѣпной и живописной мѣстности, которая казалась еще красивѣе, будучи мягко освѣщена блѣднѣющими лучами заходящаго августовскаго солнца.

Наша колонія, по одиночкѣ и групами, разсыпалась по красивому ландшафту—расправить свои члены и насладиться еще однимъ хорошимъ вечеромъ кончающагося лѣта. Я тоже, перекусивъ чѣмъ Богъ послалъ, пошелъ бродить по околицѣ. Проходя затѣмъ мимо рощи, вдругъ я услышалъ голоса какой-то веселой залихватской пѣсни, а вскорѣ увидѣлъ и самыхъ пѣвцовъ: это были четыре гимназиста и драгунъ, которые, какъ видно, уже немножко подкутили, такъ-какъ штофъ водки, стоявшій въ срединѣ этой компаніи, расположившейся кругомъ, былъ на половину уже опорожненъ. На растянутомъ листѣ газетной бумаги, исправлявшемъ должность скатерти, валялись въ хаотическомъ безпорядкѣ разныя закуски, состоявшія изъ сыра, селедки, огурцовъ, бубликовъ, булокъ и солдатскаго хлѣба. Розовыя лица юношей и загорѣлое, но добродушное лице драгуна были озарены беззавѣтною веселостью и беззаботностью. У меня на душѣ тоже повеселѣло, когда я очутился вблизи пирующей компаніи.

— Милости просимъ! Милости просимъ къ намъ!—радушно окликнули меня юноши, Вы вѣдь попутчикъ?

— Попутчикъ.

Все едино что свой, за котораго треба стоять горой!—провозгласилъ драгунъ, у котораго шапка была уже на затылкѣ. А ну-ка, панычи,—продожалъ онъ, покручивая усъ и умильно глядя на штофъ:

Ѣхалъ чижъ на лодочкѣ
Въ енаральскомъ чинѣ.
Выпьемъ, выпьемъ водочки
По ефтой причинѣ!

—Выпьемъ, какъ-же не выпить по ефтой причинѣ,—сказали юноши, взявшись за рюмки и приглашая и меня слѣдовать ихъ примѣру. Драгунъ-же, выпивъ двѣ рюмки одну за другою, вскочилъ на ноги, крякнулъ и полетѣлъ въ корчму закурить трубку, такъ-какъ у компаніи вышли всѣ спички.

— Куда вы изволите отправляться? спросилъ я, желая покороче познакомиться съ веселыми юношами.

— Въ Колхиду! брякнулъ одинъ изъ нихъ, здоровенный брюнетъ съ очень выразительнымъ, энергическимъ и немножко плутоватымъ лицемъ. Онъ былъ старше, веселѣе, развязнѣе и одѣтъ изящнѣе своихъ товарищей.—Да, сударь, въ Колхиду, область такая, понимаете?—повторилъ онъ, подмигнувъ своимъ товарищамъ, какъ бы говоря: а вотъ погодите, я этого еврейчика такъ озадачу и одурачу, что будетъ любо.

— А гдѣ эта область находится?—спросилъ я, притворяясь непонимающимъ, что такое Колхида.

Вмѣсто отвѣта, онъ сталъ декламировать:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ высокихъ полнъ...

— Значитъ, Петербургъ,—осѣкъ я его, не давая ему продолжать.

Юноши были озадачены въ свою очередь, а декламаторъ даже сконфузился немного. Тутъ они въ первый разъ удостоили меня внимательнаго, почти испытующаго взгляда.

— Эге, сударь, такъ и вы тово!.. воскликнулъ декламаторъ.—А я, признаться, принялъ васъ было за простого еврейчика и, грѣшный человѣкъ — хотѣлъ экспромтомъ съиграть съ вами маленькую комедію. Ну, извините.

— Ничего,—отвѣтилъ я развязно,—жалѣю только, что не доставилъ вамъ невиннаго удовольствія подшутить надъ простымъ еврейчикомъ. Но шутки въ сторону.—Вы, если не ошибаюсь, окончили гимназію и ѣдете для поступленія въ высшее учебное заведеніе, да?

— Точно такъ, отвѣтили юноши.

— И вы уже такъ увѣрены, что въ этомъ заведеніи вы пріобрѣтете золотое руно?

— Да мы вовсе не за золотымъ руномъ ѣдемъ, — отвѣтили трое изъ гимназистовъ.

— Врутъ они! — воскликнулъ брюнетъ запальчиво, — и они ѣдутъ не ради науки, но ради выгодъ, доставляемыхъ дипломомъ о прохожденіи этихъ наукъ. А я вамъ прямо говорю: ѣду не зачѣмъ инымъ, какъ только за золотымъ руномъ и, что всего вѣроятнѣе, — достану его!

— Чѣмъ обезпеченъ вашъ успѣхъ? — спросилъ я.

— Тѣмъ, что знаю, какъ взяться за дѣло. Да я вообще не понимаю, какъ можно не достигнуть того, чего сильно желаешь?

— Ишь хватъ какой! — иронически замѣтили товарищи.

— Я тоже нахожу вашу сентенцію слишкомъ смѣлою, — замѣтилъ я.

— А между тѣмъ она очень справедливая и испытанная.

— Даже испытанная? — спросилъ я.

— Все равно, что испытанная, — отвѣчалъ онъ. — Да вы, пожалуста, не принимайте меня за сумасброда или молокососа: мнѣ уже стукнулъ двадцать второй годъ; а что я не сумасбродъ, такъ доказательство на лицѣ: вы видите предъ собою круглаго, бездомнаго сироту, словомъ, Ивана не помнящаго родства, который во все время своей школьной жизни, ни разу не протянувъ руки за подаяніемъ, жилъ баричемъ, одѣвался франтомъ, переходилъ изъ класса въ классъ съ наградами и окончилъ курсъ съ отличіемъ! Что вы на это скажете?

— Это дѣлаетъ честь вашимъ способностямъ и прилежанію.

— Вотъ эти мои товарищи способнѣе и прилежнѣе меня.

— Или... вашей ловкости?

— Именно ловкости — подхватилъ онъ живо, довольный тѣмъ, что я угадалъ, въ чемъ дѣло, — это въ жизни самое главное, а все прочее балластъ. И, чтобы высказать вамъ всю правду, — хотя я самъ не знаю, почему я съ вами, человѣкомъ совершенно мнѣ незнакомымъ, такъ откровененъ...

— Потому — что лишнюю рюмку хватилъ, — замѣтилъ кто-то изъ товарищей.

— Положимъ, что такъ, но я, ей Богу, не пьянъ. И, чтобы высказать всю правду, я долженъ вамъ заявить, что успѣхами въ жизни я обязанъ не одной только моей природной ловкости, но и мудрому наставленію, которое я получилъ отъ одного очень умнаго человѣка въ одну изъ труднѣйшихъ минутъ моей жизни, о которой лучше умолчу. Онъ мнѣ такъ сказалъ: „для успѣха въ жизни нужны двѣ простыя вещи, а именно: во первыхъ, чтобы человѣкъ зналъ въ точности, чего онъ хочетъ, — и во вторыхъ, чтобы онъ прямо и энергически шелъ къ тому, что онъ себѣ намѣтилъ, не уклоняясь ни на право, ни на лѣво". Это наставленіе я зарубилъ себѣ на носу, слѣдовалъ ему и не раскаиваюсь. Я это наставленіе постоянно проповѣдую вотъ этимъ моимъ товарищамъ, но они меня не слушаютъ, потому — дураки.

— Ты завираешься, Миша, — замѣтилъ кто-то изъ товарищей.

— Не завираюсь, а правду говорю. — И какъ-же не дураки? Извольте посудить: люди отправляются, такъ сказать, въ Колхиду... Знаете, я давеча хотѣлъ сошкольничать, а между тѣмъ ненарокомъ высказалъ большую правду. Вѣдь мы, въ сущности, на самомъ же дѣлѣ отправляемся все равно, что въ Колхиду. И такъ, люди отправляются въ Колхиду, за золотымъ руномъ, и знаете-ли, чѣмъ они намѣрены тамъ заниматься? — Ловленіемъ мухъ.

— Какъ такъ? — спросилъ я, не понимая, что онъ хочетъ этимъ сказать. Юноши улыбнулись.

— Да такъ. Изволите видѣть: сей бѣлобрысый юноша, — сказалъ онъ указывая на одного изъ своихъ товарищей, бѣлокураго юношу съ очень симпатичнымъ и задумчивымъ лицомъ, — хочетъ посвятить себя юриспруденціи, слышите? ю-рис-пру-ден-ціи!

— И посвящу себя, — сказалъ сердито блондинъ.

— А этотъ мальчикъ съ пальчикъ, — продолжалъ онъ паясничать, указывая на крошечнаго гимназиста, но уже съ очень зрѣлымъ лицемъ, — собаку съѣлъ на математикѣ и, не довольствуясь

этимъ, хочетъ въ Петербургѣ съѣсть еще одну собаку все во славу минусовъ и нулей, которые въ его карманѣ никогда не переведутся.

— Это бабушка еще на двое гадала,—огрызнулся математикъ. Математика—базисъ всего въ мірѣ.

— И будешь базисомъ, т. е. будешь лежать подъ самымъ низомъ всего въ мірѣ,—опредѣлялъ онъ карьеру математика.—А эта сухая щепка,—продолжалъ онъ, указывая на третьяго товарища, юношу вялаго, блѣднаго и, кажется, чахоточнаго,—забралъ себѣ въ башку, что онъ откроетъ Америку по части филологіи. Откроетъ или не откроетъ,—это еще вопросъ; но что его нужно будетъ открывать, выкапывать изъ-подъ груды архивной пыли, такъ это вѣрно. Вообразите, онъ уже на шести языкахъ умѣетъ отлично спрягать глаголъ „голодать" и не успокоится, пока не дотянетъ до дюжины, хотя я день и ночь доказываю ему, что этотъ глаголъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ спрягается одинаково.

Ахъ ты, шутъ гороховый—меланхолически и добродушно упрекнулъ его филологъ, бросивъ въ него селедочною головкою.

— Теперь я спрашиваю васъ,—обратился онъ исключительно ко мнѣ,—какое отношеніе имѣютъ эти спеціальности къ золотому руну? Что онѣ могутъ давать вещественнаго такимъ горемыкамъ, какъ мы? Много-много — чиновничество съ пятисотеннымъ или шестисотеннымъ окладомъ, хотя еще вопросъ, дадутъ-ли даже и это, потому-что для евреевъ, какъ извѣстно, мѣста не припасены. А расчитываютъ однакоже на золотое руно.

— Да что ты наладилъ золотое руно, да золотое руно?—накинулся на него блондинъ, который не въ шутку сталъ сердиться. Это ты да тебѣ подобные франты ѣздятъ въ университетъ за золотымъ руномъ, а мы ѣдемъ главнѣе за наукою и баста!

— За наукою? ха, ха, ха!—расхохотался брюнетъ.—Ишь, аристократъ какой! Ему не хлѣба нужно, а науки! Да вы ему не вѣрьте, онъ вретъ, рисуется. Да ты, мой милый Мозесъ, чѣмъ кормить будешь твою Аннушку,—если она только тебя подождетъ,—наукою, пандектами, а?

Послѣднія слова брюнета, какъ видно, попали не въ бровь, а въ глазъ, ибо милый Мозесъ вспыхнулъ и покраснѣлъ, какъ ракъ, и на глазахъ его даже показались слезы.

— А вы чему хотите посвятить себя?—спросилъ я брюнета, любопытствуя знать, въ чемъ этотъ практическій юноша видитъ вѣрнѣйшій залогъ въ полученіи золотого руна.

— Я-то?—спросилъ онъ, выпрямившись во весь ростъ и подбоченившись.—Имѣю честь рекомендоваться: Михаилъ Цемаховичъ, будущій докторъ медицины, хирургіи и акушерства, ординаторъ во всѣхъ госпиталяхъ и больницахъ, домашній врачъ всѣхъ аристократическихъ домовъ города Н., другъ и надежда истерическихъ барынь и барышень, компаньонъ всѣхъ аптекарей въ городѣ, и, какъ вѣнецъ всего этого, великій магистръ ордена золотого руна!...

Онъ комически расшаркнулся и прибавилъ:

Теперь вы уже знаете, съ кѣмъ имѣете честь говорить?

— Но, г. великій магистръ,—возразилъ я,—кто вамъ ручается, что все такъ и будетъ? Вы можете себѣ быть докторомъ медицины, хирургіи и акушерства, и въ тоже время не имѣть ни мѣста, ни практики. Вѣдь бываютъ такіе случаи?

— Бываютъ, конечно, но со мною такіе случаи не возможны. Я вамъ давеча сказалъ, что главное въ жизни—ловкость, умѣнье взяться за дѣло, а я, смѣю васъ увѣрить, умѣю. Спросите у моихъ товарищей: умѣю-ли я обдѣлывать дѣла?

— Еще-бы!—засвидѣтельствовали товарищи.

Но, г. докторъ,—возразилъ я опять,—успѣхъ медика, кажется, зависитъ отъ успѣшности его леченія; кто же вамъ ручается, что ваше леченіе будетъ успѣшное?

— Опять вамъ скажу: ловкость. Я-бы могъ обстоятельно выяснить вамъ и это ваше недоумѣніе, но у меня уже пересохло въ горлѣ, стало быть, надо выпить.

Онъ опустился на колѣни и протянулъ руку къ штофу.

— И такъ-какъ я люблю выпивать только при какой нибудь чрезвычайной оказіи,—продолжалъ онъ, взявъ рюмку,—то поз-

вольте мнѣ считать такою оказіею—знакомство съ вами. Кстати, какъ ваше имя, отчество и прозваніе?

— Мордухъ Боруховичъ Шмальцъ.

— То есть, въ переводѣ на языкъ порядочныхъ людей—Маркъ Борисовичъ Шмальцъ?

— Пожалуй, пусть такъ.

— Ладно. А куда изволите держать путь?

— Тоже въ Колхиду, т. е. въ Петербургъ, и, чтобы платить вамъ откровенностью за откровенность, ѣду, какъ вы изволили мѣтко выразиться, за золотымъ руномъ.

— Хвалю,—одобрялъ онъ съ комическою важностью.—А вамъ сильно хочется этого руна?

— Кажется, что сильно.

— Эге, такъ вы сами еще сомнѣваетесь въ томъ, чего вы собственно хотите? Это уже не хорошо. Нужно или совсѣмъ не желать, или желать сильно.

— Ну, желаю, сильно.

— И получите: будущій докторъ Цемаховичъ головою вамъ ручается, что получите. А нельзя-ли знать, примѣрно, сколько вы себѣ намѣтили?

Нужно было удивляться, какъ этотъ замѣчательный юноша, начинавшій интересовать меня все болѣе и болѣе, шутилъ, школьничалъ и паясничалъ, соблюдая при томъ очень серьезную мину, точно онъ и не думаетъ шутить. Я не могъ удержаться и разсмѣялся.

—Чему вы смѣетесь?—спросилъ онъ, какъ будто обидѣвшись.—Вы отвѣчайте мнѣ на мой вопросъ: вы сколько себѣ намѣтили?

— Милліонъ!—отвѣтилъ я въ шутку, чтобы хоть что нибудь отвѣчать.

— Хорошо, получите,—сказалъ онъ серьезно, точно онъ сейчасъ возьметъ и отсчитаетъ мнѣ этотъ милліонъ.—Господа!—скомандовалъ онъ своимъ товарищамъ,—за бокалы, vulgo рюмки!

Рюмки были наполнены.

— Господа!—продолжалъ онъ, торжественно поднявъ свою рюмку и съ серьезнѣйшею на свѣтѣ миною,—будущій докторъ Цемаховичъ пьетъ здоровье будущаго милліонера Шмальца, а потому приглашаю васъ грянуть ура!

— Ура!!—грянули гимназисты, покатываясь со смѣху.

. . . .

На прощаньи, въ Гнилинскѣ, гдѣ я долженъ былъ нѣсколько дней остановиться, Цемаховичъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Пока прощайте, Маркъ Борисовичъ. Въ Петербургѣ мы, вѣроятно, съ вами встрѣтимся. Прошу быть знакомымъ.

— Очень радъ,—отвѣтилъ я, крѣпко пожимая ему руку,—ваше знакомство будетъ мнѣ пріятно и полезно. Чувствительнѣйше благодарю за наставленія.

— Въ которыхъ вы нуждались и еще будете нуждаться,—перебилъ онъ меня безъ всякой церемоніи.—Говорю вамъ это прямо, безъ глупой скромности, которая вовсе не въ моихъ правилахъ и привычкахъ. Вы сами, на сколько я успѣлъ раскусить васъ въ эти три дня, тоже не промахъ, но вамъ недостаетъ опытности, сноровки.

— Это точно,—не могъ я не соглашаться.

— И не достаетъ вамъ потому, что вы до сихъ поръ жили на готовыхъ хлѣбахъ, а эти хлѣба къ добру никогда не ведутъ: отъ этихъ хлѣбовъ человѣкъ самъ превращается въ безотвѣтную булку, годную только на съѣденіе. На свѣтѣ такъ: жри, сколько въ тебя влѣзетъ, не то—тебя сожрутъ вмѣстѣ съ копытами.

— Вотъ какъ!—удивился я, услыхавъ въ первый разъ подобную сентенцію.

— Такъ,—сказалъ Цемаховичъ твердо, съ апломбомъ, недопускающимъ никакихъ сомнѣній и возраженій. Повѣрьте, Маркъ Борисовичъ, я вовсе не злодѣй, я только человѣкъ, т. е. животное, со всѣми природными, стало быть, узаконенными инстинктами, сему званію присвоенными. Эти-то инстинкты и говорятъ мнѣ: Миша, жри, не плошай, не то—тебя сожрутъ.

— Странно,—замѣтилъ я, пожавъ плечами,—мнѣ эти инстинкты не говорятъ ничего подобнаго.

— Ошибаетесь, другъ мой,—возразилъ онъ, потрепавъ меня по плечу,—они и вамъ говорятъ тоже самое, что мнѣ. Я вамъ сейчасъ это докажу. Вы человѣкъ здоровый, любите жизнь?

— Я думаю.

— Вамъ ѣсть, пить, спать, одѣваться, наслаждаться хочется?

— Разумѣется, что тутъ спрашивать.

— И чтобы все это было, если возможно, первый сортъ?

— Почему-же нѣтъ?

— Что же для этого нужно?

— Я думаю—богатство.

— Совершенно вѣрно. Что-же вы говорите, что инстинкты ничего вамъ не говорятъ? Они вамъ даже послѣднее слово подсказали: богатство; вы только не знаете, какъ заполучить его, это самое богатство, но со временемъ узнаете, я въ томъ не сомнѣваюсь. Вотъ, васъ тянетъ теперь въ Петербургъ, значитъ, инстинктъ, нюхъ у васъ хорошій: онъ уже подсказалъ вамъ, гдѣ раки зимуютъ, и вамъ остается только слѣдовать ему, куда онъ ни повлечетъ васъ. А потому совѣтую вамъ еще разъ: желайте сильно и идите смѣло и неуклонно къ тому, чего желаете, и вы получите, я головою ручаюсь, что получите. За тѣмъ, прощайте и не поминайте меня лихомъ.

X. Первые дебюты въ столицѣ.

Двѣ недѣли спустя, я очутился въ Петербургѣ.

Трудно описать то нестерпимо-острое и безотрадное чувство, которое овладѣло мною, когда я очутился по среди незнакомой мнѣ улицы незнакомаго города, импонирующая внѣшность котораго не могла не подѣйствовать на меня, новичка-провинціала, подавляющимъ образомъ. У меня голова закружилась и въ глазахъ зарябило отъ громадныхъ, многоэтажныхъ зданій, тянувшихся сплошными рядами по обѣимъ сторонамъ улицы, и отъ шума и гама пестрой толпы, сновавшей взадъ и впередъ, и въ которой я не могъ подмѣтить ни одной знакомой физіономіи, которой я теперь обрадовался бы, какъ лучшему другу. Въ эту минуту я дорого бы далъ, чтобы очутиться опять въ скромномъ Болотскѣ, среди его сонливыхъ, общарпанныхъ, исхудалыхъ, но родственныхъ обитателей. Словомъ, тоска была невыносимая.

Но, мало-по малу, я сталъ оправляться отъ перваго наплыва неиспытанныхъ мною до селѣ чувствъ, впечатлѣній и мыслей, и мое одиночество и безпомощность перестали казаться мнѣ столь страшными. Я вспомнилъ, что въ моемъ карманѣ есть до полусотни рублей, и—замѣчательно—это ощущеніе подѣйствовало на меня такъ освѣжительно и ободрительно, что я почти совершенно успокоился.

Мало по малу, впрочемъ, стали попадаться мнѣ и типичныя физіономіи единоплеменниковъ. Одного ихъ нихъ я выбралъ себѣ въ путеводители.

— Будьте такъ добры, г. честной—обратился я къ нему—я только что пріѣхалъ...

— Вы пріѣзжій?—перебилъ онъ меня,—шоломъ алейхемъ!—проговорилъ онъ, протянувъ мнѣ руку.—Откуда вы?

— Изъ Болотска!

— За товаромъ, за дѣломъ или за подрядомъ?—счелъ онъ нужнымъ спросить.

— Я послѣ разскажу вамъ, за чѣмъ я пріѣхалъ, а теперь будьте такъ добры, укажите мнѣ, гдѣ могу заквартировать? Я въ Петербургѣ въ первый разъ, а потому я не знаю, гдѣ, что и какъ?

Указать мы укажемъ,—сказалъ мой собесѣднинъ, погладивъ свою маленькую рыженькую бородку, — но вы должны знать, что Петербургъ не то, что провинція: здѣсь время дорого и даромъ ничто не дѣлается.

— Куда бы вести васъ,—спросилъ онъ въ раздумьи, почесывая свой затылокъ, послѣ того, какъ мы согласились на счетъ гонорара. Онъ думалъ—думалъ и наконецъ повелъ меня въ домъ Яковлева со стороны Екатерингофскаго проспекта, потащилъ меня черезъ громаднѣйшіе корридоры, которые показались мнѣ переул-

ками, на четвертый этажъ, завелъ къ какой-то не то полькѣ, не то нѣмкѣ, не то крещеной еврейкѣ, у которой оказался свободный нумеръ, т. е. чуланъ или кладовая. Она запросила 15 рублей и уступила за 10. Потомъ мой чичероне повелъ и отрекомендовалъ меня старшему дворнику, которому я обязался платить 2 рубля въ мѣсяцъ за покровительство, т. е. за непрописку паспорта и, наконецъ, объявилъ мнѣ, что теперь могу жить въ Петербургѣ также спокойно, какъ въ Болотскѣ. На прощаньи онъ пожелалъ мнѣ успѣха во всѣхъ моихъ дѣлахъ и начинаніяхъ и вручилъ мнѣ свой адресъ.

— Это на случай, если вамъ чего понадобится,—объяснялъ онъ мнѣ,—знаю Петербургъ, какъ свои пять пальцевъ, знаю, гдѣ что есть и что кому нужно, а потому чуть что вамъ понадобится, адресуйтесь ко мнѣ и дѣло будетъ улажено. Я этимъ и живу.

— А не знаете-ли, — спросилъ я въ шутку, — гдѣ и какъ можно заполучить милліонъ?

— Знаю и это,—отвѣтилъ онъ весьма серьезно,—въ болѣе свободное время и за бутылкой пива объясню вамъ, гдѣ и какъ заполучаются милліоны. Вы не смѣйтесь, я таки видалъ виды....

Въ первые три дня я ничего не дѣлалъ, а только фланировалъ по городу, чтобы, такъ сказать, рекогносцировать мѣстность и освоиться съ ареною, на которой долженъ былъ подвизаться. По вечерамъ же я въ своемъ уединенномъ чуланѣ, лежа на койкѣ, предавался мечтамъ, въ которыхъ — страннымъ образомъ—Михаилъ Цемаховичъ, этотъ удивительный юноша, игралъ первенствующую роль. Я припоминалъ себѣ его полушутливые и полусерьезные парадоксы, афоризмы и сентенціи, вдумывался въ ихъ внутренній смыслъ и сталъ находить, что они вовсе не такъ поверхностны, какъ мнѣ прежде казалось. Мало того, я въ нихъ сталъ вѣрить, какъ въ непреложную истину. Въ самомъ дѣлѣ—думалъ я себѣ—отчего невозможно трудомъ, прилежаніемъ, терпѣніемъ и устойчивостью достигать самыхъ блестящихъ разультатовъ? Съ чего началъ Ансельмъ Ротшильдъ, великій Ротшильдъ, съ чего началъ Соломонъ Гейне? Да, Цемаховичъ правъ: главное—желаніе, а за этимъ, вѣроятно, дѣло у меня не станетъ. Я чувствую, что желаніе растетъ во мнѣ съ каждою минутою. Я, къ своему собственному удивленію, убѣдился, что я до сихъ поръ не только не желалъ богатства, но даже не имѣлъ приблизительнаго понятія о немъ. Не въ Болотскѣ-ли можно было получить это понятіе? И какъ, и гдѣ вообще можно имѣть это понятіе, не видавъ блестящихъ дворцовъ на Морской, Галерной, Англійской набережной и грандіозныхъ магазиновъ на Невскомъ? А я все это видѣлъ теперь, и не только видѣлъ, но и сообразилъ, сколько все это стоитъ. Какими жалкими показались мнѣ болотинскіе богачи съ ихъ грошовыми капиталами! Богачи, ха, ха, ха! Да они просто нищіе, которымъ подъ стать ходить по-міру! Всѣхъ ихъ капиталовъ, вмѣстѣ взятыхъ, не хватитъ на одну лѣстницу въ домѣ Утина.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ за богатствомъ, а что такое богатство?—я теперь уже знаю. Это милліонъ, милліоны. Если ужъ протянуть руку, такъ ужъ во всякомъ случаѣ не за какою нибудь мелочью. Или милліоны, или—ничего. Средины нѣтъ и быть не можетъ. А я чувствую, что моего аппетита хватитъ даже на милліарды.

Такого сорта были мои мечты въ чуланѣ, на четвертомъ этажѣ дома Яковлева, въ первые три дня моего пребыванія въ Петербургѣ, когда въ моемъ карманѣ было сорокъ рублей бумажками и столько-же копѣекъ звонкой монетой.

На четвертый день я приступилъ къ дѣлу.

Позавтракавъ рано утромъ селедкою, я отправился къ моимъ землякамъ, къ которымъ я имѣлъ рекомендательныя письма.

Не стану описывать во всей подробности, какъ приняли меня земляки. Скажу коротко: они приняли меня такъ, какъ евреи всегда принимаютъ своего соплеменника, отъ котораго они не ожидаютъ для себя какой нибудь матеріальной выгоды или духовной пріятности, т. е. едва удостоили вниманія.—Одинъ изъ нихъ не стѣснялся даже предложить мнѣ заниматься съ его дѣтьми часа три или четыре въ день Библіей и Талмудомъ за пятнадцать, двадцать рублей въ мѣсяцъ.

Слышите? Я пріѣхалъ въ Петербургъ за богатствомъ, за милліонами, а онъ предлагаетъ мнѣ меламедство, т. е. учительство съ блестящею перспективою имѣть пятнадцать или двадцать рублей въ мѣсяцъ! Я разсмѣялся въ душѣ и сказалъ ему, гордо поднявъ голову, точно въ карманѣ у меня уже было если не милліонъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько сотъ тысячъ:

— Вы должны знать, милостивый государь, что я пріѣхалъ сюда не за тѣмъ, чтобы быть у васъ меламедомъ. Я пріѣхалъ сюда за совершенно другимъ дѣломъ, а именно за тѣмъ, за чѣмъ и вы сюда прибыли—сдѣлать карьеру, а не меламедствовать—и съ этими словами я, едва поклонившись, быстро вышелъ изъ комнаты.

Я чувствовалъ, что лице мое пылаетъ и кровь во мнѣ кипитъ. Не знаю, унизительное-ли предложеніе или вообще пріемъ моихъ земляковъ такъ взбѣсилъ меня, но я готовъ былъ наговорить всякому чортъ знаетъ какія дерзости.

Только, ужъ очутившись на улицѣ, я успокоился немного и почувствовалъ, что я собственно совершилъ колоссальную глупость. Но уже дѣлать было нечего, и я отчасти былъ радъ, что это такъ случилось. Лучше будь что будетъ, лишь бы не закабалить себя меламедствомъ. Тутъ человѣкъ уже пропадетъ непремѣнно.

Совсѣмъ другаго пріема удостоился я у статскаго совѣтника Владислава Ипполитовича Близневича.

— Изволятъ еще почивать, — сказалъ мнѣ его человѣкъ, предъ которымъ я предсталъ часу въ десятомъ утра.

— Когда-же мнѣ можно будетъ зайти?

— Часу эдакъ въ седьмомъ вечера, они будутъ дома.

Я оставилъ человѣку для передачи письмо пана Сярко и сказалъ, что приду въ семь часовъ.

— Они уже изволили васъ спрашивать, — сказалъ мнѣ человѣкъ, когда я въ семь часовъ опять предсталъ предъ нимъ. Пожалуйте въ залъ, пойду доложить, они въ кабинетѣ.

Должно быть, пріемъ будетъ почище, чѣмъ у моихъ соплеменниковъ,—подумалось мнѣ, когда я перешагнулъ черезъ порогъ

обширнаго и богато-убраннаго зала. Спустя двѣ минуты, ко мнѣ вышелъ мужчина высокаго роста и необыкновенно тучной комплекціи, по которой я догадался, что это и есть „Владукъ—жирный индюкъ“ моего добраго учителя Сярко. Онъ, скрипя и сопя, подошелъ ко мнѣ и, положивъ свою правую руку на мое лѣвое плечо, проговорилъ, заглядывая мнѣ въ лице ясными, сѣрыми глазами, которые показались мнѣ необыкновенно добродушными:

— Г. Шмальцъ?

— Точно такъ, ваше высокородіе.

— Изъ Болотска?

— Изъ Болотска.

— И я родомъ изъ Болотска, стало быть, мы земляки, а я землякамъ всегда очень радъ. Пойдемте въ кабинетъ.

И, взявъ меня подъ руку, онъ ввелъ меня, черезъ анфиладу комнатъ, въ свой кабинетъ, яркое освѣщеніе и роскошная обстановка котораго чуть не ослѣпили меня, бѣднаго провинціала, въ первый разъ въ своей жизни очутившагося среди такого изящества и комфорта. На меня повѣяло чѣмъ-то теплымъ, чѣмъ-то отраднымъ и отъ богатой и красивой обстановки, и отъ радушія хозяина. Всѣ его манеры изобличали барина, богатаго, умнаго, но добраго барина, любящаго пожить. Усѣвшись на мягкомъ диванѣ, онъ усадилъ меня возлѣ себя на креслѣ, самъ закурилъ трубку, а мнѣ подалъ сигару и, позвонивъ, приказалъ подать чай.

— Давно-ли вы пріѣхали?—спросилъ онъ, глотнувъ кусочекъ льда изъ серебряной вазы, стоявшей возлѣ него на кругломъ мраморномъ столикѣ.

— Скоро будетъ недѣля.

— А что, немножечко жутко? Петербургъ—городъ бѣдовый, въ особенности для новопріѣзжаго. Но не унывайте: обтерпитесь и такъ привыкнете, что даже полюбите его со всѣмъ его шумомъ, гамомъ и туманами. Со мною тоже самое было. Мнѣ сначала показалось, что и года не выдержу и при первомъ удобномъ случаѣ удеру. Однако прожилъ здѣсь безъ малаго двадцать пять лѣтъ и

не могу теперь вообразить себѣ другой жизни, кромѣ петербургской. Здѣсь человѣкъ шлифуется, въ люди выходитъ и имѣетъ шансы на карьеру. Вотъ и вы, какъ мнѣ пишетъ Сярко, пріѣхали сюда искать счастія...

— Кто не ищетъ счастія? — замѣтилъ я, — а многіе-ли его находятъ?

— Почемъ знать, можетъ и найдете. Вы человѣкъ способный и трудолюбивый, какъ мнѣ пишетъ Сярко, почему-же не надѣяться вамъ на успѣхъ? Вы, вѣдь, вѣроятно, по коммерческой части. А коммерція теперь оживилась и оживляется. Какія громадныя предпріятія уже затѣялись и какія еще имѣются въ виду! Богъ дастъ, и вы къ чему нибудь пристроитесь.

— Если будетъ протекція,—намекнулъ я тонко.

— Найдется и протекція,—намекнулъ онъ тонко и съ своей стороны. Кстати, что мой Карлуша, т. е. Сярко, все еще чудачитъ?

— Какъ изволите знать.

— И... пьетъ?

— Періодически.

— Какъ мнѣ жаль его!—воскликнулъ онъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ. Пропалъ человѣкъ ни за что, ни про что. Если бы вы знали, что это за человѣкъ! Да вы, впрочемъ, его знаете: вы были его ученикомъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ зову его сюда, чтобы жилъ при мнѣ, но онъ не соглашается. Онъ, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ погостилъ у меня здѣсь съ мѣсяцъ и удралъ, потому что немножко недолюбливаетъ русскихъ. Я хоть тоже полякъ, однакожъ уживаюсь съ русскими, какъ нельзя лучше. Они люди хорошіе, необтесаны немножко, но что за бѣда? Это иногда и лучше: польская фанаберія во сто кратъ хуже.

Подали чай и интимная бесѣда продолжалась. Я, просто, не вѣрилъ глазамъ своимъ, видя, какъ такая важная особа, которая при томъ чуть не вдвое старше меня, сидитъ и разговариваетъ со мною, какъ равный съ равнымъ и какъ старый и добрый знакомый. Вотъ что значитъ христіанская рекомендація, подумалъ я про себя, сравнивая въ умѣ своемъ пріемъ моихъ соплеменниковъ. Владиславъ Ипполитовичъ не только ободрялъ и утѣшалъ меня, но въ теченіи разговора сказалъ мнѣ даже нѣсколько любезностей, которыя возвысили меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Это для начинающаго очень важно, это уже поддержка.

Разговоръ коснулся и Болотска, и я имѣлъ случай убѣдиться, что Владиславъ Ипполитовичъ, не смотря на свое двадцатипятилѣтнее отсутствіе изъ этого города, питалъ еще къ нему, какъ къ своей родинѣ, очень нѣжныя чувства.

— Знаете-ли что—сказалъ онъ между прочимъ—мнѣ бы очень хотѣлось пріобрѣсти въ Болотскѣ домъ, который нѣкогда принадлежалъ моимъ родителямъ. Это все таки отцовское и даже дѣдовское наслѣдство. Мы продали этотъ домъ, когда наши дѣла были очень плохи. Надо теперь вернуть его. Вопросъ только въ томъ, захочетъ-ли нынѣшній владѣлецъ продать?

— Я думаю, что захочетъ — сказалъ я — нынѣшній владѣлецъ—человѣкъ не богатый и за хорошую цѣну онъ охотно продастъ.

— Неужели? — воскликнулъ онъ, подскочивъ на мѣстѣ отъ удовольствія. Какъ я радъ! Какъ я радъ! А не знаете-ли, уцѣлѣли еще оранжерея, садъ?

— Уцѣлѣла-ли оранжерея—не знаю, но что уцѣлѣлъ садъ—это я знаю положительно, онъ даже доходъ приноситъ.

— Превосходно!—воскликнулъ онъ, потирая руки. Я за цѣну не постою, дамъ, сколько запросятъ. Но какъ это сдѣлать?

— Очень просто: я напишу своему отцу и онъ уже поведетъ дѣло какъ слѣдуетъ.

— Великолѣпно! — воскликнулъ онъ, чуть не бросаясь мнѣ на шею.—Напишите, пожалуста, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И, чтобы не забыть... вотъ вамъ на предварительные расходы,—сказалъ онъ, вынувъ изъ портмоне двадцатипяти рублевую и передавая ее мнѣ.

Я отказывался.

— Молодой человѣкъ—сказалъ онъ наставительно,—когда даютъ, такъ берите: иначе вы въ Петербургѣ не далеко уѣдете.

Даю вамъ на расходы и... на разживу. У меня рука легкая, такъ по крайней мѣрѣ, говорятъ многіе. Вы съ землякомъ не церемоньтесь.

На прощаньи онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Разъ въ недѣлю бывайте у меня непремѣнно, а именно по субботамъ, вотъ о сю пору, я тогда всегда дома. А если будете имѣть надобность, то хоть всякій день. Я радъ быть вамъ полезнымъ, чѣмъ только возможно будетъ. Да, чуть не забылъ... оставьте мнѣ свой адресъ. Можетъ, понадобится.

Я былъ такъ восхищенъ пріемомъ Владислава Ипполитовича, что, уходя, не пожалѣлъ опустить въ руки его человѣка цѣлый двугривенный, который казался мнѣ тогда чуть не графскимъ подаркомъ.

Дѣло о покупкѣ дома было окончено въ два мѣсяца. Владиславъ Ипполитовичъ заплатилъ за него семь тысячъ, а мнѣ отсчиталъ семь сотъ рублей куртажа.

Получивъ такой кушъ, я сто рублей выслалъ женѣ, на сто рублей ремонтировалъ свой гардеробъ, перемѣнилъ свой чуланъ на болѣе приличную квартирку все въ томъ-же домѣ Яковлева, и позволилъ себѣ роскошь—пообѣдать въ кухмистерской, разумѣется еврейской.—Столовой въ этой кухмистерской служила комната довольно большая, порядочно меблированная, даже съ нѣкоторою претензіею на роскошь и шикъ. По серединѣ комнаты стоялъ большой столъ, сервированный какъ на богатыхъ еврейскихъ свадьбахъ въ провинціи. У каждаго прибора лежала бѣлая пшеничная булочка еврейскаго фасона, та булочка, съ которою я не видѣлся со дня моего выѣзда изъ Болотска и которой я теперь обрадовался, какъ чему то родному. Изъ столовой была открыта дверь въ другую комнату, размѣромъ меньшую, но меблированную съ большимъ шикомъ и комфортомъ. Въ столовой и смѣжной комнатѣ было около пятнадцати человѣкъ гостей, изъ которыхъ одни были одѣты со всѣмъ по-европейски и даже по модѣ, другіе не совсѣмъ по-европейски, а третіе совсѣмъ по-еврейски и даже съ покрытыми головами. Разговоръ шелъ громкій, энергическій съ

обычными жестикуляціями, на жаргонѣ, и слова „подрядъ" и „биржа" играли въ немъ первую роль. Когда я вошелъ, гости на минуту прекратили разговоръ, окинули меня съ ногъ до головы любопытствующимъ взглядомъ, переглянулись между собою, и затѣмъ продолжали разговоръ по прежнему. Я усѣлся, и ко мнѣ подскочилъ лакей въ манишкѣ не совсѣмъ безукоризненной бѣлизны и въ засаленномъ фракѣ, сунулъ мнѣ меню на русскомъ и еврейскомъ языкахъ и, въ ожиданіи моихъ приказаній, теръ себѣ салфеткою лобъ и переминался съ ноги на ногу. Когда я сидѣлъ за супомъ, въ столовую влетѣлъ молодой человѣкъ однихъ со мною лѣтъ съ лицемъ выразительнымъ, но немножко глуповатымъ. Онъ повертѣлся въ столовой, заглянулъ въ смежную комнату, поздоровался съ нѣкоторыми изъ гостей и подсѣлъ къ столу насупротивъ меня, предварительно давъ щелчокъ лакею въ ухо.

— Обѣдать!—скомандовалъ онъ, развернувъ салфетку и положивъ ее себѣ на колѣни.

— Что прикажете?—спросилъ лакей на жаргонѣ.

— Выбирай самъ, я на тебя полагаюсь, ты вѣдь умница; да?—спросилъ онъ, овладѣвъ ухомъ лакея и начиная дергать его немилосердно.

— Ай, ой!—завизжалъ лакей, отпустите, г. Зальцъ, больно.

— Скажи-же, умница?

— Умница—пропищалъ лакей сквозь слезы.

— Ну, если умница, такъ принеси мнѣ рыбы и выпей за мое здоровье.

Онъ, повидимому, былъ въ духѣ по какому-то случаю и сообщителенъ вообще по природѣ. Онъ пожиралъ меня своими веселыми, смѣющимися глазами и видно было, что ему сильно хочется заговорить со мною. Онъ сталъ потирать руки, крякнулъ и проговорилъ:

— Славный морозъ сегодня.

— Восемьнадцать градусовъ—отвѣтилъ я, чтобы облегчить ему вступленіе въ разговоръ.

— Вы, если не ошибаюсь, здѣсь въ первый разъ? Недавно пріѣхали?

— Пожалуй, недавно, однако три мѣсяца уже будетъ.

— Гдѣ вы изволите квартировать?

— Въ домѣ Яковлева.

— Въ домѣ Яковлева? Стало быть, мы съ вами сосѣди: я тоже въ домѣ Яковлева. Позвольте рекомендоваться — сказалъ онъ, вставъ и протягивая мнѣ руку, — Зальцъ, прошу быть знакомымъ.

Я пожалъ протянутую мнѣ руку и произнесъ: Шмальцъ.

— Зальцъ и Шмальцъ отлично рифмуются, а потому мы должны быть знакомы, — съострилъ онъ.

Потомъ разговоръ пошелъ непринужденнѣе и искреннѣе, по крайней мѣрѣ, съ его стороны. Въ продолженіе обѣда онъ успѣлъ познакомить меня вкратцѣ съ своею біографіею, а именно, что онъ родомъ изъ Житоміра, сынъ не бѣдныхъ родителей, окончилъ съ успѣхомъ два класса гимназіи; окончилъ-бы и всю гимназію, какъ и его двоюродный братъ, который состоитъ уже баталіоннымъ врачемъ и носитъ маіорскіе эполеты, а къ новому году получитъ Станислава 2-ой степени, но онъ въ третьемъ классѣ влюбился, женился и пошелъ по коммерческой части, въ которой, правда, нѣтъ ни чиновъ, ни орденовъ, но есть за то деньги, которыя въ концѣ концовъ все таки лучше и чиновъ и орденовъ, съ чѣмъ согласенъ даже его двоюродный братъ, баталіонный врачъ, едва сводящій концы съ концами. Онъ имѣетъ въ Житомірѣ порядочный гандель, а именно ренсковый погребъ, которымъ завѣдуетъ его жена, отличная комерсантка; живетъ-же онъ въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ годъ тому назадъ, чтобы дѣлать дѣла, наживать деньгу, такъ какъ наживать деньгу можно только въ Петербургѣ.

— Походъ въ Колхиду! — подумалось мнѣ, когда я выслушалъ послѣднее признаніе моего новаго знакомаго, — значитъ, время, повѣтріе такое: всѣхъ тянетъ въ Петербургъ, всѣмъ захотѣлось золотаго руна. Значитъ, я не эксцентрикъ, не сумасбродъ,

не фантазеръ, а только сынъ вѣка, слѣпо повинующійся велѣнію послѣдняго. И я этому былъ очень радъ, потому-что въ минуты размышленія мною иногда овладѣвало сомнѣніе, не рехнулся-ли я, не гоняюсь-ли за фантомомъ, созданнымъ моимъ собственнымъ разстроеннымъ воображеніемъ?

— Я человѣкъ веселый, — сказалъ Зальцъ, окончивъ свой обѣдъ и бросивъ салфетку на голову лакея, — я почти всегда въ духѣ, а сегодня въ особенности, потому-что я сегодня совершенно неожиданно заработалъ таки порядочный купъ, просто съ неба свалилось. А потому хочу сегодня покутить немножко. И если вы не особенно заняты, то вы-бы доставили мнѣ большое удовольствіе, если-бы посвятили мнѣ сегодняшній вечеръ. Я заберу васъ къ себѣ, напьемся чаю съ ромомъ, кстати потолкуемъ о многомъ-многомъ...

— Пожалуй — согласился я.

Вечеромъ, за пуншемъ, мой Зальцъ сдѣлался еще экспансивнѣе и почему-то счелъ нужнымъ посвятить меня во всѣ свои тайны, даже сердечныя, въ свои отношенія къ его горячо любимой имъ женѣ, красавицѣ Фанни — исторія о которой еще впереди. Здѣсь-же скажу только, что мы сдѣлались не только друзьями, но и компаніонами по подрядамъ и, при помощи Близневича, вмѣстѣ дѣлали очень и очень недурныя дѣла.

XI. Я факторствую, а меня принимаютъ за геніальнаго адвоката.

Съ Близневичемъ я между тѣмъ сходился все ближе, такъ что онъ даже сталъ принимать меня при своей Казимірѣ, съ которою я и успѣлъ уже его примирить послѣ довольно серьезной размолвки. Въ одинъ вечеръ, когда мы сидѣли вдвоемъ въ кабинетѣ, Близневичъ, безъ всякихъ предисловій и околичностей, сказалъ мнѣ слѣдующее:

— У меня въ докладѣ находится теперь дѣло купцовъ Цимeринговъ изъ Пр. Дѣло громадное, оно идетъ о наслѣдствѣ въ 80,000 рублей, тянется лѣтъ восемь или десять, а теперь приближается къ концу, и, понимаешь, можно рѣшать его такъ, и

иначе, смотря какъ... Я слышалъ, что отъ Цимерринговъ сидитъ здѣсь ходатай, какой-то Пинкусъ, чуть ли не зять ихъ или вообще родственникъ. Этотъ Пинкусъ, какъ видно, дуракъ, ходовъ не знаетъ, а потому можетъ проиграть дѣло, хотя по справедливости оно должно быть рѣшено въ ихъ пользу. Понимаешь? по справедливости, т. е. по совѣсти, но не по закону, если держаться его буквально. Такъ вотъ, отыщи этого дурака Пинкуса, поговори съ нимъ, надоумь, такъ и такъ, дѣло отчаянное, но поправимое. Цѣна — 10,000, ни копѣйки меньше. Самъ понимаешь, восемьдесятъ тысячъ — не шутка.

На завтра-же я отыскалъ этого Пинкуса въ домѣ Зарембы, въ довольно-порядочномъ нумерѣ. Это былъ франтоватый молодой человѣкъ довольно красивой наружности, необразованный, какъ всѣ богатые еврейскіе парни Западнаго края, глупый, какъ пробка, но чрезвычайно самонадѣянный и даже нахальный. По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что этотъ парень, который дѣйствительно состоялъ зятемъ у Цимеринговъ, порученнымъ ему дѣломъ вовсе не занимается, да и не способенъ заниматься, а, попавъ въ Питеръ, сталъ кутить на пропалую, играть въ карты, таскаться по вечерамъ по Пассажу и по танцклассамъ, и считаетъ себя необыкновеннымъ хватомъ, что одержалъ полную побѣду надъ сердцемъ... какой-то солдатки. Эта солдатка совсѣмъ свела его съ ума: онъ своею Аленкою только жилъ и бредилъ, и если-бы она была франтихою извѣстнаго сорта, а не простая русская душа, то могла-бы подвинуть этого дурака чортъ знаетъ на какія глупости. Аленка была поэтому даже его добрымъ геніемъ, не допускавшимъ его до сумасбродствъ и раззоренія, такъ-какъ она, какъ я вскорѣ замѣтилъ, была бабенка довольно разсудительная и искренно ему преданная.

Много труда и времени мнѣ стоило, пока я заставилъ Пинкуса выслушать меня толкомъ. То ему некогда, то онъ усталъ, то тащитъ меня къ Марцинкевичу или въ какой нибудь ресторанъ, словомъ, дѣлалъ все возможное, лишь-бы я не говорилъ о

дѣлѣ, точно оно главнѣе касалось меня, а не его. Видя, что я съ безпутнымъ Пинкусомъ толку не добьюсь, я, улучивъ минуту, прибѣгъ къ помощи Аленки, которая одна и могла на него дѣйствовать.

— Послушай, шутъ гороховый, — накинулась она на него — человѣкъ съ дѣломъ къ тебѣ пришелъ, а ты водишь его двѣ недѣли ни тпру, ни ну. Сію-же минуту выслушай его, не то — я тебя поколочу, ей Богу!

Пинкусъ присмирѣлъ, какъ ягненокъ, и выслушалъ меня. Изъ всего дѣла онъ понялъ только то, что требуется десять тысячъ рублей.

— Такъ вы говорите, десять тысячъ? — спросилъ онъ.

— Десять тысячъ.

— Хорошо, изъ-за денегъ дѣло не станетъ; но при мнѣ нѣтъ теперь такой суммы.

— Такъ напишите домой.

— Вы правы, я въ самомъ дѣлѣ напишу или лучше пошлю телеграмму; эдакъ будетъ скорѣе, или, какъ вы говорите, нужно ковать желѣзо, пока оно горячо.

Я тутъ-же составилъ телеграмму, самъ свезъ ее, и на слѣдующій-же день полученъ былъ отвѣтъ и ордеръ, по телеграфу-же, на извѣстную банкирскую контору въ Петербургѣ. Нѣсколько дней спустя, я привезъ Пинкусу копію съ рѣшенія, получилъ условленную сумму, свезъ ее Владиславу Ипполитовичу, который, потрепавъ меня по плечу и назвавъ молодцомъ, отсчиталъ мнѣ двѣ тысячи рублей, сказавъ:

— Это для начала, а впредь ты будешь получать у меня ровно четвертую часть.

Хотя это дѣло ведено было весьма келейно, однакожъ оно очень скоро сдѣлалось извѣстнымъ всей еврейской колоніи Петербурга. Подробностей, конечно, никто не зналъ, знали только и говорили, что я выигралъ очень большой и запутанный процессъ, который лѣтъ десять никакъ не давался самымъ опытнымъ ходокамъ и адвокатамъ, и выигралъ, какъ всѣ увѣряли, благодаря геніальной докладной запискѣ, будто-бы поданной мною въ общее

собраніе. Этого слуха было довольно, чтобы мое темное имя вынырнуло изъ мрака и сдѣлалось популярнымъ и внушительнымъ въ средѣ моихъ единовѣрцевъ. Я сдѣлался героемъ дня. На меня стали смотрѣть съ подобострастіемъ, мнѣ стали почтительно кланяться не только знакомые, но и незнакомые. И, что всего замѣчательнѣе или поучительнѣе—мои земляки, болотинцы, съ которыми я до сихъ поръ рѣдко или вовсе не встрѣчался, стали теперь какъ-бы нарочно очень часто попадаться мнѣ на глаза, заговаривать со мною, возобновляя и освѣжая наше знакомство, которое теперь вдругъ стало имъ очень дорого. Въ кухмистерской-же, гдѣ я обѣдалъ, мнѣ чуть не дѣлали овацій: вставали, когда я являлся, очищали или даже уступали мнѣ мѣсто за столомъ и въ диванной, подсовывали мнѣ обѣденную карту, заводили со мною знакомство тѣ, которые прежде не обращали на меня ни малѣйшаго вниманія.

И, надобно отдать себѣ справедливость, я съумѣлъ найтись въ моемъ новомъ, неожиданномъ положеніи. Я напустилъ на себя нарочитой серьезности, былъ немногорѣчивъ и задумчивъ, точно въ головѣ моей Богъ знаетъ какія геніальныя докладныя записки сочиняются, являлся въ кухмистерской не иначе, какъ съ портфелемъ, туго набитымъ... газетной бумагой, словомъ, я эксплуатировалъ глупость и низость людей, какъ слѣдуетъ.

Эти маневры, кромѣ уваженія, имѣли результатомъ и болѣе вещественные плоды: евреи повалили ко мнѣ со всѣхъ сторонъ съ своими хроническими и болѣе и менѣе отчаянными процессами, требуя помощи и обѣщая золотыя горы. Я набралъ очень много дѣлъ, хотя пока не зналъ, что я буду съ ними дѣлать и какъ я ихъ поведу: мои юридическія познанія были ничтожны, да и опытности почти никакой. Но я надѣялся на свою звѣзду и... на Владислава Ипполитовича.

Мои надежды не обманули меня: Владиславъ Ипполитовичъ охотно согласился быть моимъ учителемъ и руководителемъ. Оказалось, сверхъ моего ожиданія, что мой панъ Владиславъ—тертый калачъ и дока, даромъ, что смотритъ благодушнымъ сибаритомъ. Записки, написанныя мною подъ его диктовку или по его указанію и наставленію, получали необыкновенный вѣсъ и приводили въ отчаяніе противную сторону, которую я разбивалъ на всѣхъ пунктахъ. Теперь только я понялъ, что значитъ быть дѣльнымъ юристомъ, т. е. теоретикомъ и практикомъ. Какими жалкими и смѣшными показались мнѣ мои сверстники и соперники, т. е. доморощенные адвокаты-самоучки съ ихъ прошеніями, въ которыхъ было много провинціальнаго краснорѣчія, ябеднической юриспруденціи и невѣжественнаго задора, но мало толку и дѣла! Полъ-листа настоящей юриспруденціи, продиктованной паномъ Владиславомъ, разрушалъ всѣ хитросплетенія противниковъ и рѣшалъ дѣло: докладъ писался какъ-бы подъ наитіемъ этого полулиста и даже его выраженіями. Въ случаяхъ-же, когда законъ и казуистика были противъ меня, т. е. противъ защищаемаго мною дѣла, меня выводили знакомства и связи во всѣхъ вѣдомствахъ Владислава Ипполитовича, который никогда не отказывался рекомендовать меня нужному человѣку и даже опредѣлялъ въ точности, сколько нужно этому нужному человѣку. Такимъ образомъ я познакомился и сошелся со всѣми нужными людьми, у которыхъ я вскорѣ сдѣлался фактотумомъ и любимцемъ, и они дѣлали для меня все возможное и даже невозможное. Лакеевъ-же ихъ я держалъ на жалованьи, дабы они предъ ходатаями противной стороны держали запертыми двери какъ парадной, такъ и черной лѣстницы. Благодаря этимъ мѣрамъ, поле дѣйствія находилось, такъ сказать, въ моемъ полномъ распоряженіи и я могъ творить чудеса на поприщѣ тяжебнаго состязанія, и творилъ.

Конецъ концовъ, наканунѣ годовщины моего пріѣзда въ Петербургъ, когда я сдѣлалъ балансъ результатамъ моей годовой дѣятельности, оказалось у меня въ активѣ—около пятидесяти тысячъ рублей серебромъ....

Пятьдесятъ тысячъ, конечно, еще очень далеко отъ милліона, отъ золотаго руна, за которымъ я пріѣхалъ, но... „чтожъ, на-

чало есть"—сказалъ я себѣ вмѣстѣ съ Лермонтовскимъ гусаромъ и легъ спать, довольный собою и судьбою.

XII. Первая годовщина моего пребыванія въ Петербургѣ.

Смѣйтесь или нѣтъ, утро 16-го сентября, т. е. годовщины моего пріѣзда въ Петербургъ, застало меня въ какомъ-то умилительно-праздничномъ настроеніи. Если вы не забыли, что я, при всемъ моемъ матеріализмѣ, страдаю немножко и идеализмомъ, то вы легко поймете, что, сравнивая въ умѣ моемъ мое нынѣшнее положеніе съ положеніемъ, въ которомъ я находился въ прошломъ году о сю пору, я не могъ не расчувствоваться и не умилиться, и рѣшился отпраздновать этотъ день, какъ подобаетъ.

Но какъ отпраздновать его? Задать пиръ на весь міръ? Но въ мои расчеты не входило посвятить міръ въ положеніе моихъ финансовъ: я рѣшился, до поры до времени, соблюдать строжайшее инкогнито, не потому, чтобы я кого нибудь боялся, а потому, что такъ лучше и дешевле. Гдѣ много тщеславнаго шума, тамъ мало полезнаго дѣла, а мнѣ еще предстояло много труда, много черной работы; разыгрывать сытаго буржуа, покоящагося на лаврахъ вѣрнаго годоваго дохода, было для меня еще рано. Угостить себя келейно? Но это не имѣло ужь ровно никакого смысла, ибо я не понималъ, какое отношеніе можетъ имѣть умилительное настроеніе души къ бутылкѣ самаго лучшаго вина, отъ котораго только пьянѣютъ?

Нѣтъ, я, какъ идеалистъ, рѣшился опраздновать памятный для меня день совершенно идеальнымъ образомъ.

Вы знаете, какъ евреи празднуютъ, напримѣръ, свою Пасху, т. е. день исхода Израильтянъ изъ Египта? Они яствами, костюмомъ, пѣснями, обстановкою, отличающимися строго-историческою и даже археологическою вѣрностью, приводятъ себѣ на память событіе, случившееся три тысячи лѣтъ тому назадъ, но которое отъ, такъ сказать, академическаго mise en scéne получаетъ такую живость, такую осязательность, дышетъ такою современностью, точно оно случилось на дняхъ, и праздникъ выходитъ осмысленный, трогательно-поучительный и въ высшей степени оригинальный. Нѣчто въ этомъ родѣ затѣялъ и я въ годовщину пріѣзда моего въ Петербургъ.

Въ полу-веселомъ, полу-серьезномъ настроеніи я вынулъ заброшенный куда-то старый мой болотинскій костюмъ, который хранится у меня и доднесь, облачился въ него, добылъ селедку, пару огурцовъ и фунтъ ржанаго хлѣба и сѣлъ завтракать. Что я думалъ и чуствовалъ за этимъ спартанскимъ завтракомъ въ виду лежавшаго предо мною щегольскаго портфеля, заключавшаго въ себѣ пятьдесятъ тысячъ рублей годоваго заработка,—не передать никакими словами. Кажется, трудно было придумать болѣе разительный контрастъ между изящнымъ портфелемъ, изображавшимъ собою меня въ моемъ нынѣшнемъ положеніи, и моею особою, облеченною чуть не въ лохмотья, жующею ржаной хлѣбъ съ соленымъ огурцомъ и изображающею собою меня-же, какимъ я былъ годъ тому назадъ. Скажу коротко: за этимъ спартанскимъ завтракомъ я чувствовалъ себя гораздо здоровѣе, бодрѣе, довольнѣе и счастливѣе, чѣмъ много лѣтъ спустя, когда я сидѣлъ въ своей княжеской столовой, за лукулловскимъ обѣдомъ, среди моего семейства, знакомыхъ, почетныхъ гостей и презрѣнныхъ блюдолизовъ.

„А Цемаховичъ?"—вдругъ припомнилось мнѣ, когда я, разбирая въ умѣ своемъ главнѣйшіе случаи и событія истекшаго года, вспомнилъ и о томъ, что предшествовало моему пріѣзду въ Петербургъ. Что подѣлываетъ этотъ практическій юноша съ его особенной теоріей жизни?—И я отправился навѣстить его.

Я его нашелъ на Выборгской сторонѣ, въ маленькой, но уютной и довольно порядочно меблированной квартиркѣ на третьемъ этажѣ и—за фортепіано.

— Ба, ба, ба, кого я вижу!—воскликнулъ онъ весело, вставъ изъ-за фортепіано и идя мнѣ на встрѣчу. Герръ Шмальцъ, или... какъ бишь васъ по-русски?

— Маркъ Борисовичъ.

Мы дружески обнялись и поцѣловались.

— Ну, теперь садитесь, Маркъ Борисовичъ,—сказалъ онъ, усадивъ меня на диванъ и самъ сѣвъ насупротивъ меня на креслѣ. Я такъ радъ видѣть васъ! А я было думалъ, что вы обратились вспять и процвѣтаете теперь въ благословенномъ Болотскѣ.

— Могъ бы быть и этотъ грѣхъ, если-бы не вы.

— При чемъ тутъ я?—спросилъ онъ, уставивъ на меня недоумѣвающій взглядъ.

— Ваши слова, сказанныя мнѣ, помните, на прощаньѣ, спасли меня, удержавъ отъ постыдной ретирады, о которой я на первыхъ порахъ сильно подумывалъ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ онъ, обрадовавшись и вскочивъ съ своего мѣста. Стало быть, мои слова пошли вамъ въ прокъ? Да вы, какъ я вижу, въ самомъ дѣлѣ оперились—сказалъ онъ, окинувъ меня пытливымъ взглядомъ съ головы до ногъ.—Вы совершенно столичнымъ смотрите. Разскажите-же, по крайней мѣрѣ, какъ это было? что вы подѣлывали? Сгораю отъ нетерпѣнія знать, какъ вы принялись за дѣло и что вамъ въ особенности удалось? Это любопытно.

Я въ короткихъ словахъ разсказалъ ему все, что меня касалось, избѣгая, разумѣется, подробностей.

— Какъ я радъ, какъ я радъ!—воскликнулъ онъ, когда я окончилъ свой разсказъ. Я вдвойнѣ радъ: за васъ и за свою теорію, которая оправдывается. Я, впрочемъ, никогда не сомнѣвался въ ея основательности. Нужно только умѣть приложить ее къ дѣлу, а вы, какъ я вижу, съумѣли, съ чѣмъ я васъ отъ души и поздравляю.

— Ну, а васъ какъ Богъ милуетъ?—спросилъ я въ свою очередь.

— Меня-то? Что вамъ о себѣ разсказывать? Я студентъ. Мое время еще не наступило, я только приготовляюсь къ нему.

— Однакожъ, все таки... настаивалъ я.

— Однакожъ я и теперь не могу жаловаться,—сказалъ онъ, придвинувъ ко мнѣ ящикъ съ папиросами.—Обстановка моя, какъ видите, сносная. Имѣю два урока, которые приносятъ мнѣ около

пятидесяти рублей въ мѣсяцъ. Стало быть, жить можно, а сотняга-другая на черный день тоже есть,—это еще остатокъ отъ моихъ болотскихъ богатствъ.

— А ученіе какъ идетъ?

— Ученіе?—переспросилъ онъ, сдѣлавъ презрительную гримасу,—оставимъ астрономамъ доказывать, что только и свѣту, что въ ученіи и наукѣ. Я ученымъ не буду и не хочу быть. Мнѣ только дипломъ и—Богъ съ вами со всѣми. А дипломъ я въ свое время имѣть буду. На лекціи хожу исправно, во первыхъ, потому, чтобы намозолить профессорамъ глаза своею физіомордіею. Это необходимо: съ знакомою физіономіею они какъ-то мягче и снисходительнѣе. А во вторыхъ, чтобы изучать самыхъ профессоровъ.

— Какъ это изучать профессоровъ?

— Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ: каждый профессоръ, какъ ученый, какъ спеціалистъ, есть человѣкъ не нормальный, словомъ маньякъ. Точка его помѣшательства состоитъ обыкновенно въ томъ, что онъ по своему предмету открылъ, или воображаетъ себѣ, что открылъ какую нибудь новость, и вотъ эта новость, по большей части глупость какая нибудь, отъ которой онъ тѣмъ не менѣе ожидаетъ для себя безсмертія, дѣлается его конькомъ, на которомъ онъ не только самъ неутомимо разъѣзжаетъ, но хочетъ, чтобы разъѣзжали и студенты, воображая, что этимъ утвердится его „школа“ на прочныхъ основаніяхъ. А потому, студентъ, желающій быть на хорошемъ счету у своего профессора, долженъ заботиться ни о чемъ больше, какъ о конькѣ послѣдняго. Онъ можетъ не имѣть ни малѣйшаго понятія о цѣломъ предметѣ, но если онъ знакомъ съ конькомъ, то конекъ вывезетъ его изъ всѣхъ бѣдъ и напастей: ужь профессоръ похлопочетъ, если ты съумѣлъ потрафить на него. Вотъ почему гораздо важнѣе изучать профессоровъ, т. е. точки ихъ помѣшательства, чѣмъ читаемые имии предметы. Этимъ я главнѣе и занимаюсь на лекціяхъ, и надѣюсь, успѣю.

— Еще-бы вы не успѣли!—замѣтилъ я,—задача не очень трудная.

— А я вамъ говорю, что не легкая. Прошу покорно имѣть

дѣло съ цѣлымъ табуномъ коньковъ, потому что сколько профессоровъ, столько и коньковъ. Тутъ безъ наблюдательности и природной сметки совершенно растеряешься.

— Но вы, какъ видно, не растеряетесь: у васъ хватаетъ времени даже на музыку. Это вы изволите упражняться? — спросилъ я, указывая на стоявшее въ углу фортепіано.

— Какъ-же-съ — отвѣтилъ онъ, самодовольно покручивая свои усики,—я и музыкою занимаюсь, и къ французу за французскимъ діалектомъ хожу и къ танцмейстру за выправленіемъ моихъ ходулей навѣдываюсь.

— Это собственно для чего?—спросилъ я, желая знать цѣль этихъ побочныхъ занятій, такъ какъ практическій Цемаховичъ ничего безъ цѣли не сдѣлаетъ.

— А все для того же, для моей будущей карьеры. Сидя здѣсь и изучая свѣтъ, я убѣдился, что медвѣдь, т. е. человѣкъ не шлифованный, не имѣетъ и не можетъ имѣть успѣха въ свѣтѣ, будь онъ даже семи пядей во лбу. Вотъ я и шлифуюсь, потому безъ свѣтскаго лоска—ничего не возьмешь.

Онъ закурилъ папироску и продолжалъ: кромѣ того, этимъ занятіямъ я обязанъ еще тѣмъ, что они, отнимая у меня весь мой досугъ, избавляютъ меня отъ необходимости искать общества студентовъ или принимать ихъ у себя, что теперь не совсѣмъ безопасно. Они, изволите видѣть, не довольны нынѣшнимъ порядкомъ вещей на свѣтѣ и хотятъ перестроить весь міръ на ново. Коммунизма имъ захотѣлось, слышите?— ком-му-низма, т. е. общности имущества и жонъ, въ особенности жонъ.

— Неужели?—воскликнулъ я съ непритворнымъ страхомъ собственника, боящагося грабежа.

— Я вамъ правду говорю. Они не только этого хотятъ, но даже убѣждены, что такъ и будетъ. И хоть я теперь не имѣю ни имущества, ни жены, я однакоже стою за права собственности и совершенно расхожусь съ моими сотоварищами, объ умѣ которыхъ я вообще не очень высокаго мнѣнія. По мнѣ, коммунизмъ

есть утопія, вещь невозможная и несообразная. Допущу его только въ томъ случаѣ, когда у всего человѣчества будетъ одинъ общій желудокъ, такъ что, когда *вы* будете ѣсть, то и я буду сытъ, а когда *я* буду пить, то и ваша жажда будетъ утолена. Безъ этого условія — коммунизмъ невозможенъ. И такъ какъ можно разсчитывать, что этого условія никогда не будетъ, то мои товарищи все равно, что строятъ зданіе на пескѣ, и я не хочу имѣть съ ними ничего общаго.

— И хорошо дѣлаете—похвалилъ я его очень искренно, раздуясь, что разрушительная теорія далеко не одобряется такими разсудительными юношами, какъ Цемаховичъ, стало быть опасность еще не такъ велика.

— Но удивительнѣе или смѣшнѣе всего то—продолжалъ Цемаховичъ,—что многіе изъ еврейскихъ студентовъ тоже поютъ въ унисонъ съ утопистами. Это наши-же, жидки, а? Какъ вамъ это нравится?

— Я этого не ожидалъ.

— Да и никто не ожидалъ, ибо, согласитесь, возможно-ли, чтобы еврей былъ коммунистомъ? Еврей и коммунизмъ! Семитъ и отрицаніе правъ собственности! Да это понятія, исключающія другъ друга. Сила правъ собственности такъ крѣпко сидитъ въ крови нашей, что собственность чуть не дороже для насъ самой жизни, а они, жидки-то наши, увѣряютъ себя и другихъ, что модная теорія увлекла и ихъ... Какое тутъ, чортъ, увлеченіе! Увлекаются русскіе, но не они; у русскихъ оно искренне, а у нихъ оно лицемѣріе, ханжество, фанфаронство, что и мы-де не лыкомъ шиты, тоже съ вѣкомъ идемъ, не отстаемъ отъ стада. А вотъ увидимъ, что они запоютъ, когда вступятъ въ жизнь, когда въ ихъ рукахъ очутится собственность. Любопытно будетъ видѣть, какъ они это своею собственностью дѣлиться будутъ съ ближними и меньшею братіею. Полагаю однакоже, что ближніе и меньшая братья будутъ радехоньки и тому, когда эти ветхозавѣтные коммунисты, въ образѣ медиковъ, аптекарей, юристовъ и другихъ привиллегированныхъ эксплоататоровъ, не будутъ сдирать съ нихъ кожу. Сужу это, нечего

грѣха таить, по себѣ; но увѣряю васъ, Маркъ Борисовичъ, что мои товарищи не лучше меня: мы одного поля ягоды, съ тою только разницею, что они хитрятъ, обманываютъ себя и другихъ, а я прямъ и откровененъ. Не угодно-ли вамъ закусить? Уже адмиральскій часъ.

— Покорнѣйше благодарю, не безпокойтесь. Я еще не сказалъ вамъ, за чѣмъ я собственно къ вамъ пріѣхалъ. Я, изволите видѣть, праздную сегодня годовщину моего пріѣзда въ Петербургъ, а потому заѣхалъ, чтобы захватить васъ съ собою, если вы будете любезны и не откажетесь отъ моего приглашенія.

— На столько любезности у меня еще хватитъ—сказалъ онъ, пощупавъ свой подбородокъ, чтобы освидѣтельствовать, не нужно-ли ему бриться. Отдаю себя въ полное ваше распоряженіе, я сегодня свободенъ. Кто еще у васъ будетъ?

— Да ровно никого. Мнѣ бы только хотѣлось захватить еще съ собою и вашихъ товарищей по гимназіи...

— А, книжныхъ червей! — перебилъ онъ меня. Ладно. Они на Васильевскомъ, т. е. были на Васильевскомъ три недѣли тому назадъ, когда я ихъ лицезрѣлъ въ ихъ зимнемъ дворцѣ, на пятомъ этажѣ. А, гдѣ они теперь — не могу знать; можетъ быть, уже перебрались въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни вздоховъ, ни стенаній, ни квартирныхъ хозяекъ, требующихъ аккуратной платы.

— Бѣдненькіе!—пожалѣлъ я ихъ отъ чистаго сердца,—такъ имъ такъ плохо?

— Страшно бѣдствуютъ — отвѣтилъ онъ уже серьезно и съ участіемъ. Удивляюсь, какъ душа въ нихъ держится. Проводить вотъ уже второй годъ въ проголодь — не шутка; я, по крайней мѣрѣ, не выдержалъ-бы такой шутки.

— А они держатся?

— И какъ еще! Они отличные студенты, чуть не молятся на своихъ профессоровъ, которыхъ они хотѣли-бы проглотить цѣликомъ съ ихъ наукою и когда нибудь проглотятъ,—а все таки толку будетъ мало.

— Почему?

— А потому, что дѣло не въ ученіи, не въ книгахъ, а въ жизни, а жизни-то они и не понимаютъ, ну и пойдетъ она у нихъ шиворотъ на-выворотъ.

Наши земляки оказались еще въ живыхъ, но я ихъ нашелъ въ такой жалкой обстановкѣ, описывать которую мнѣ и теперь тошно. Когда Цемаховичъ вошелъ въ ихъ мансарду, то для меня тамъ уже не было мѣста и я остался на порогѣ, держась за ручку дверей.

Шлейхеръ, Лапласъ, Миттермайеръ!—закричалъ Цемаховичъ съ обычнымъ ему паясничествомъ, — веду къ вамъ стараго знакомаго, земляка, нашего бывшаго попутчика, словомъ, г-на Шмальца! Юноши бросились ко мнѣ и стали пожимать мнѣ руку съ неподдѣльнымъ радушіемъ, но очень сконфуженные своею болѣе чѣмъ жалкою обстановкою.

— Обождите немножко, г. Шмальцъ, будетъ мѣсто и для васъ—сказалъ Цемаховичъ и однимъ прыжкомъ очутился на столѣ, съ котораго онъ ногами сталъ швырять лежавшія на немъ книги и тетради на полъ.

Юношей передернуло.

— Миша, что ты дѣлаешь?—завопили они.

— Порядокъ дѣлаю: на столѣ, въ аудіенцъ-залѣ у порядочныхъ людей, не должно быть книгъ, перьевъ и тетрадей, на то есть кабинетъ или библіотека.

Юношамъ ничего болѣе не оставалось, какъ смѣяться, что они и дѣлали, хотя имъ было не до смѣху. Они были такъ блѣдны и исхудалы, что сердце у меня сжималось, на нихъ глядя. Эти блѣдныя и исхудалыя лица говорили о многомъ, о чемъ мнѣ, сытому, жутко было и думать. Однакожъ, особеннаго отчаянія или даже недовольства я на лицахъ бѣдныхъ юношей не замѣчалъ: они были даже веселы.

— Слушайте, книжники и фарисеи! — продолжалъ Цемаховичъ съ высоты стола, на которомъ онъ стоялъ, одною рукою под-

боченившись, а другою покручивая свой усъ.—Маркъ Борисовичъ празднуетъ сегодня свои имянины...

— Не имянины!—поправилъ я его.

— Ахъ да, виноватъ,—годовщину своего прiѣзда въ Петербургъ. А празднуетъ онъ потому, что ему повезло; а повезло ему потому, что онъ человѣкъ современный, практическiй, понимающiй жизнь и людей; повезло, какъ везетъ и повезетъ всѣмъ людямъ, черпающимъ мудрость изъ живой жизни, а не изъ мертвыхъ книгъ, въ которыхъ, за немногими исключенiями, кромѣ вздора ничего нѣтъ. А потому... а потому... что-же я хотѣлъ сказать? Ахъ да, а потому Маркъ Борисовичъ проситъ васъ къ себѣ отобѣдать, съ чѣмъ я васъ и поздравляю.

Сказалъ и спрыгнулъ со стола, и сталъ торопить студентовъ одѣваться.

Въ пять минутъ они были готовы и мы поѣхали.

Обѣдъ былъ такой удачный, такой веселый, такой задушевный, что я долго его помнилъ, помню и до сихъ поръ. Помню въ особенности потому, что мнѣ на немъ удалось сдѣлать доброе дѣло: именно мнѣ удалось склонить бѣдныхъ, умиравшихъ съ голоду студентовъ, чтобы они получали отъ меня небольшую стипендiю, отъ которой они упорно отказывались и непремѣнно остались бы при своемъ отказѣ, если бы не Цемаховичъ, который чуть не подрался съ ними за ихъ „глупое деликатничанье". Ему они, наконецъ, уступили, потому что онъ все еще продолжалъ имѣть на нихъ какое-то нравственное влiянiе, хотя ихъ нравственные принципы были дiаметрально противуположны другъ другу, да и жизненные пути ихъ разошлись въ разныя стороны: онъ учился въ медицинской академiи, а они въ университетѣ.

Л. Леванда.

ШЕЙЛОКЪ ИЗЪ БАРНОВА.

(Разсказъ К. Э. Францоза).

Прямо противъ стараго сѣраго монастыря доминиканцевъ, какъ разъ у большой дороги, ведущей изъ Лемберга въ Скалу и перерѣзывающей мрачный городокъ, стоитъ большой бѣлый домъ еврея. Всякiй, родившiйся въ одномъ изъ грязныхъ домишекъ еврейскаго городка, возрастаетъ въ почтенiи и благоговѣнiи къ этому дому и его обладателю, старому Моисею Фрейденталю. И домъ этотъ и его хозяинъ составляютъ гордость мѣстечка Барнова и каждый изъ нихъ по своему оправдываетъ эту гордость.

Во-первыхъ домъ. Гордо и величественно, точно сознавая свое достоинство, стоитъ онъ въ своемъ бѣломъ опрятномъ нарядѣ, съ длиннымъ рядомъ блестящихъ оконъ втораго этажа, съ разнообразными торговыми помѣщенiями внизу, по обѣимъ сторонамъ массивныхъ, гостепрiимно отворенныхъ воротъ. Этотъ домъ есть гостинница, достоинства которой умѣютъ цѣнить помѣщики, прiѣзжающiе въ городъ для справокъ въ окружномъ управленiи, или на еженедѣльный базаръ, а также и кавалерiйскiе офицеры изъ сосѣднихъ деревень, загоняемые сюда скукой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь отдаются и квартиры въ наемъ. Во второмъ этажѣ живутъ почетнѣйшiе представители Барнова—окружной начальникъ, докторъ и проч. и проч.; а что помѣщается въ нижнемъ этажѣ—того и не перечислишь. Тутъ есть и контора для продажи лотерейныхъ биле-

товъ, и общество застрахованія скота, человѣческой жизни и зерноваго хлѣба, и магазинъ суконъ, бакалейныя лавки, винный погребъ для чистой публики и шинокъ для простаго люда. Контора, агентъ, купецъ и хозяинъ—все это совмѣщается въ лицѣ Моисея Фрейденталя.

Но значеніе этого высокаго старика съ угрюмой физіономіей далеко не исчерпывается всѣмъ этимъ. Его фамилія съ незапамятныхъ временъ считается важнѣйшею въ городкѣ. Его мѣсто въ „школѣ"—первое въ первомъ ряду. Какъ, по смерти его дѣда, его отецъ, такъ и онъ, по смерти своего отца, сдѣлался старшиною общины. Это произошло само собою, безъ всякихъ домогательствъ съ его стороны, при чемъ даже никому и не пришло въ голову выбрать кого-нибудь другого. Онъ считается однимъ изъ набожнѣйшихъ и честнѣйшихъ представителей еврейства. И къ этому еще его богатство, и какое громадное богатство!

Его единовѣрцы считаютъ его милліонеромъ; и они правы: ему не только принадлежитъ домъ, со всѣмъ, что находится въ немъ и вокругъ него, но и многія помѣстья въ окрестностяхъ города онъ можетъ назвать своими съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ польскіе бароны и дворяне, ихъ владѣльцы. Даже великолѣпное имѣніе Комаровка принадлежитъ вполнѣ ему, съ тѣхъ поръ, какъ его бывшіе владѣльцы—маленькій графъ Смольскій со своею прекрасною супругой Авророй—прожили его въ нѣсколько лѣтъ. Это—прекрасное большое помѣстье и не даромъ графъ, въ тотъ день, когда онъ принужденъ былъ покинуть его, напился съ отчаянія какъ никогда къ своей жизни.

Послѣ всего этого, вы конечно не удивились бы, если бы я вамъ сказалъ, что Моисей Фрейденталь—не только самый богатый и гордый человѣкъ въ городѣ, но что ему и завидуютъ болѣе чѣмъ кому-либо другому.

Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Спросите послѣдняго бѣдняка въ еврейскомъ городкѣ, напр. школьнаго учителя, голодающаго съ шестерыми дѣтьми, или водоноса, который цѣлую недѣлю, съ

ранняго утра до поздняго вечера, запыхавшись, совершаетъ свой однообразный путь къ городскому колодцу и обратно, — спросите ихъ: не желаютъ ли они помѣняться своею долею съ Моисеемъ,—и они скажутъ вамъ: „нѣтъ"; потому что богатство этого человѣка не такъ велико, какъ его несчастье.

Вы, конечно, не можете замѣтить этого по его лицу, когда онъ гордо и величественно стоитъ у воротъ своего дома. Изъ-подъ маленькой черной бархатной ермолки выбиваются серебристые волосы; серебристы, также, и рѣдки два длинныхъ пейса, извивающіеся по его щекамъ. Но его фигура еще крѣпка и не согнута, и черный суконный еврейскій кафтанъ какого-то страннаго покроя, нѣчто въ родѣ мантіи, драпируетъ ее довольно красиво. Старикъ стоитъ почти неподвижно, глядя на маляра, покрывающаго двери шинка свѣжею ярко-зеленою краской и изображающаго на ней бутылку, стаканъ и булки. Только изрѣдка онъ поворачиваетъ глаза въ другую сторону, чтобы отвѣтить на поклонъ какого-нибудь прохожаго, потому что сегодня на улицѣ весьма мало оживленія. Въ городѣ бродитъ толпа пьяныхъ крестьянъ-русиновъ, по временамъ проѣзжаетъ мимо какой-нибудь помѣщикъ въ легковой бричкѣ; нѣсколько бѣдныхъ, торгующихъ по деревнямъ разнощиковъ, которые цѣлую недѣлю ходили по крестьянскимъ дворамъ, покупая кожи прямо за деньги или вымѣнивая на нихъ свои платки, возвращаются въ городъ съ накупленными товарами. Ноша ихъ тяжела, выручка незначительна, но на блѣдныхъ истощенныхъ или плутоватыхъ ихъ лицахъ все-таки видѣнъ проблескъ радости и гордости, такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ они не будутъ болѣе жалкими, одѣтыми въ лохмотья торгашами-евреями, на которыхъ и мужикъ и дворянинъ пробуетъ свое остроуміе и свой хлыстъ, а гордыми князьями, которые въ своихъ дворцахъ торжественно принимаютъ обворожительную невѣсту—субботу съ ея отдыхомъ и спокойствіемъ.

Черезъ нѣсколько часовъ;—потому что солнце клонится уже къ закату и послѣ-полуденное время пятницы приходитъ къ концу. По домамъ происходятъ приготовленія ко дню покоя, и

улица, залитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, опустѣла. Только изъ окружнаго управленія возвращается судья, желтый, худой панъ Лозинскій, съ какимъ-то молодымъ незнакомцемъ и, прежде чѣмъ подняться по лѣстницѣ въ свою квартиру, останавливается на нѣсколько минутъ, чтобы поболтать съ Моисеемъ.

Они толкуютъ о плохихъ временахъ, о лажѣ на серебрянную монету, о томъ, какъ хорошъ въ этомъ году мѣсяцъ апрѣль. Вотъ и сегодня такой прекрасный, настоящій весеній день, какихъ въ этой странѣ почти не бываетъ и въ маѣ. Улицы города за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ лужъ въ центрѣ круглой площади, высохли, воздухъ вѣетъ почти лѣтнимъ тепломъ, а тамъ въ монастырскомъ саду уже цвѣтутъ фруктовыя деревья и сирень. „Весна! весна!“ кричатъ христіанскіе школьники, которыя въ эту минуту бѣгутъ изъ своихъ послѣобѣденныхъ классовъ. „Начинается весна!“ говоритъ г-нъ окружной судья, приподнимаетъ свою шляпу и ведетъ своего гостя по лѣстницѣ на верхъ. „Начинается весна“, повторяетъ про себя старикъ и проводитъ рукой по лбу, какъ бы пробуждаясь отъ сна... „начинается весна!“

Замѣчательный человѣкъ — этотъ старый Моисей! — говоритъ на верху окружной судья своему гостю, новому актуарію.— Чудакъ. Но его не проведешь; онъ знаетъ больше любого адвоката. И подумайте только, это богатѣйшій человѣкъ во всемъ округѣ. Говорятъ, что онъ имѣетъ нѣсколько милліоновъ. И при всемъ томъ онъ хлопочетъ цѣлую недѣлю, точно долженъ заработать себѣ пищу для шабаша.

— Скряга, какъ всѣ жиды, — сказалъ актуарій, выпуская на воздухъ кольцами дымъ своей сигары.

— Гмъ-—нѣтъ! Онъ благотворителенъ, должно признаться,— очень благотворителенъ. Но это не доставлетъ ему никакой радости, не доставляютъ ему никакой радости и его барыши. И однако же онъ постоянно занятъ спекуляціями. Для кого?—скажите мнѣ — для кого?!

— Развѣ онъ не имѣетъ дѣтей? — спросилъ актуарій.

— Конечно, имѣетъ. То есть, въ общепринятомъ смыслѣ. По его же понятію, у него нѣтъ дѣтей. Но развѣ вы еще не знаете его исторіи?.. Вѣдь она извѣстна всему міру. Вотъ и видно, что вы пріѣхали изъ Лемберга. Такъ вы тамъ вѣрно и не слыхали о дочери старика, о прекрасной Эсѳири Фрейденталь?—Это цѣлый романъ, который вамъ слѣдуетъ выслушать!..

Между тѣмъ старикъ, исторія котораго извѣстна всему свѣту, все еще стоитъ внизу, прислонившись къ двери своего дома и смотритъ—какъ осыпанныя цвѣтомъ вѣтки въ монастырскомъ саду, колеблются отъ вѣтра. О чемъ это думаетъ онъ? Не о дѣлахъ своихъ, потому что его глаза сдѣлались влажными и на его губахъ мелькнуло на одинъ моментъ выраженіе какъ бы сдержаннаго горя. Онъ прикладываетъ руку къ глазамъ, какъ будто прикрывая ихъ отъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта.

Затѣмъ онъ выпрямляется и трясетъ головой, какъ бы желая стряхнуть съ себя бремя мрачныхъ мыслей. Поторопитесь! скоро наступитъ шабашъ, — кричитъ онъ затѣмъ маляру и подходитъ ближе, чтобы посмотрѣть на его работу. Маленькій горбатый человѣкъ въ поношенной польской чамаркѣ со шнурками, только что покончилъ съ обѣими половинками двери и ковыляетъ теперь, таща свой горшокъ съ красками, къ оконнымъ ставнямъ. Нѣкогда, въ лучшіе дни, онѣ были раскрашены самою яркою киноварью; на этомъ красномъ фонѣ было написано шутливое изрѣченіе, которое можно найти вездѣ на шинкахъ еврейско-польскихъ мѣстечекъ: „Сегодня за деньги, завтра — даромъ“. Но прежнее великолѣпіе уже давно исчезло; словъ уже нельзя прочесть; и маленькій человѣчекъ усердно водитъ по нимъ кистью обмакнутою въ ярко-зеленую краску.

— А помните ли, пане Мошко, говоритъ онъ, что вотъ и это— тоже моя работа?—и онъ указываетъ на грязную коричнево-красную краску старой малевки.

Но Моисей думаетъ о чемъ то болѣе важномъ и только мелькомъ бросаетъ взглядъ по указанному направленію.

— Да?—говоритъ онъ затѣмъ равнодушно.

— Разумѣется!—продолжаетъ человѣчекъ съ жаромъ.—Развѣ вы не помните? Это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ; и какъ разъ въ такой же прекрасный день какъ сегодня, я росписывалъ это. Домъ былъ еще новый, а я былъ молодымъ парнемъ. „Я доволенъ вами, Янко", сказали вы тогда, Вы стояли передъ дверью, кажется, даже на этомъ же самомъ мѣстѣ; возлѣ васъ—была ваша маленькая Эстерка. Святая Дѣва! какой это былъ прекрасный ребенокъ! и какъ мило она смѣялась, видя какъ на красномъ фонѣ выступаетъ одна бѣлая буква за другою! И тотчасъ же она спрашивала, что значатъ эти буквы,—милое дитя! И вы дали мнѣ три терезіанскихъ цванцигера за работу. Я это хорошо помню. Тогда я подумалъ: „Янко! это твоя послѣдняя работа въ Барновѣ"; потому что старый графъ Полянскій хотѣлъ послать меня въ Лембергъ въ рисовальную школу. Но у него самаго скоро ничего не осталось, и онъ долженъ былъ продать даже свою дочь, и такимъ образомъ я остался малярамъ. Да! человѣкъ предполагаетъ, а... Чортъ возьми! старикъ то ушелъ, а я громко болтаю самъ съ собой какъ дуракъ. Навѣрное еврей теперь снова пересчитываетъ свои милліоны.

Но Янко ошибается. Моисей Фрейденталь не считаетъ своихъ сокровищъ въ эту минуту. Онъ даже, быть можетъ, не считая отдалъ бы ихъ, если бы этою цѣною могъ вычеркнуть изъ своей жизни одинъ фактъ, вслѣдствіе котораго онъ сдѣлался болѣе бѣднымъ и жалкимъ чѣмъ послѣдній нищій у его порога. Онъ убѣжалъ въ большую мрачную комнату, куда не проникаетъ ни одинъ солнечный лучъ, ни одинъ звукъ человѣческаго говора. Здѣсь онъ можетъ упасть въ кресло и рыдать отъ глубины сердца, здѣсь люди не спросятъ его—что съ нимъ; здѣсь онъ можетъ склонить свою голову и рвать на себѣ волосы и прижимать руки къ лицу. Онъ не плачетъ, не молится, не проклинаетъ, но въ пустой комнатѣ безпрестанно раздаются, скорбнымъ рѣзкимъ шопотомъ, слова: „какъ мило смѣялось дитя!"... Такъ онъ долго сидитъ въ сумракѣ. Затѣмъ онъ подымается и устремляетъ взоръ вверхъ, не съ видомъ молящагося, а какъ человѣкъ, который требуетъ принадлежащаго ему по праву. „Господь мой и Богъ мой!—взываетъ онъ,—я не молю о томъ, чтобы она была счастлива: она слишкомъ много согрѣшила противъ тебя и противъ меня; я не молю, чтобы ее постигло бѣдствіе: вѣдь она—моя плоть и моя кровь; я молю только, чтобы она умерла, дабы я не былъ принужденъ проклинать мое единственное дитя,—да, пошли ей смерть, Господь и Богъ мой! ей, или мнѣ!..."

А наверху окружной судья оканчиваетъ свой разсказъ:

„Что сдѣлалось съ прекрасной малюткой—этого никто не знаетъ. Объ ней больше ужь и не думаютъ; да и старикъ повидимому забылъ эту исторію. Вѣдь это безсердечный народъ, эти евреи,—какъ одинъ такъ и всѣ...

Наступили сумерки въ городкѣ, но загорѣлся свѣтъ въ сердцахъ его обитателей. Мрачные закоулки еврейскаго квартала сіяютъ отъ блеска множества свѣчь и множества весёлыхъ человѣческихъ лицъ. Подобно обыкновенному естественному событію, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ нѣкое таинственное сладостное откровеніе, въ сердцахъ и жилищахъ водворилась суббота, изгнавъ изъ нихъ всякую тьму, всякую печаль другихъ дней недѣли. Сегодня каждая комната освѣщена, каждый столъ накрытъ, каждое сердце блаженствуетъ. Школьный учитель забылъ свой голодъ, разнощикъ—насмѣшки и удары, богатый ростовщикъ—проценты. Сегодня всѣ равны, сегодня всѣ—вѣрующіе, веселые, кроткіе сыны одного отца. Скудная сальная свѣча въ глиняномъ подсвѣчникѣ и восковыя свѣчи въ серебряномъ канделябрѣ освѣщаютъ одну и ту же картину. Дочери дома и маленькіе мальчики сидятъ тихо глядя на мать, которая по прекрасному старому обычаю, произноситъ свое благословеніе надъ субботними свѣчами; отецъ беретъ съ книжной полки большой молитвенникъ и отдаетъ его своему старшему мальчику,

чтобы тотъ несъ эту книгу за нимъ до дверей синагоги. Затѣмъ они выходятъ на улицу. Мущины идутъ съ мущинами, женщины—съ женщинами, какъ того требуетъ строгое приличіе. Они говорятъ мало другъ съ другомъ, но и эти немногія слова произносятся серьезно и спокойно. Сегодня не слышно ни одной громкой жалобы, ни одного громкаго восклицанья радости, потому что во всѣхъ сердцахъ теперь суббота, глубокій, священный божественный миръ.

Въ большомъ бѣломъ домѣ противъ монастыря тоже сіяютъ субботнія свѣчи. Но ничья набожная рука не зажигаетъ ихъ, ничьи набожныя женскія уста не произносятъ надъ ними благословенія. Въ парадной комнатѣ красуются самыя тонкія скатерти на столахъ, и самая богатая тяжелая домашняя посуда разставлена на полкахъ, но не слышно веселаго дѣтскаго смѣха, ни одного милаго слова. Здѣсь раздается только тихій трескъ сгорающихъ свѣчей,—звукъ, наводящій уныніе.

Но старикъ, который входитъ теперь въ праздничномъ одѣяніи въ комнату, давно уже привыкъ къ этому уединенію и къ этимъ звукамъ, въ теченіе долгихъ, безконечно долгихъ пяти лѣтъ. Правда, въ прежнее время онъ, бывало, часто оглядывался вокругъ себя и прислушивался—не зазвучитъ ли опять милый голосъ,—потому что его дочь оставила его именно въ такой вечеръ. Однако же теперь онъ быстро идетъ черезъ комнату, беретъ съ полки тяжелую книгу въ кожаномъ переплетѣ и поспѣшно выходитъ изъ дому. Не пугаютъ-ли его именно сегодня духи воспоминанія, которые должны возстать передъ нимъ изъ всѣхъ угловъ и концовъ одинокой, озаренной свѣтомъ комнаты!

Если такъ, то безумно это желаніе—уйти отъ нихъ, Моисей Фрейденталь! Они преслѣдуютъ тебя по пятамъ, они роемъ летаютъ вокругъ твоей головы, какъ ни бѣжишь ты по узкимъ, темнымъ переулкамъ. Они шумятъ въ твоихъ ушахъ, хотя ты пытаешься болтать со встрѣчными; они стоятъ передъ твоими глазами, какъ ни набожно смотришь ты на священныя скрижали, виднѣющіяся на столбахъ дома Божьяго. И когда ты идешь по рядамъ и

опускаешься на свое мѣсто, они покрываютъ твою голову своими крыльями и смотрятъ на тебя изъ буквъ твоей книги и вопіютъ къ тебѣ въ голосахъ молящихся!...

„Торжествуйте предъ Богомъ! изливайтесь въ радости, въ звукахъ ликованія и въ пѣніи. Онъ судитъ вселенную по правдѣ своей, народы—по справедливости!“

„А отдѣльнаго человѣка?!—раздается голосъ въ душѣ несчастнаго,—отдѣльнаго человѣка онъ превращаетъ въ прахъ!“ Глаза его устремлены на строки книги, губы его шепчутъ слова молитвы, но онъ не молится, онъ не можетъ молиться! Какъ привидѣніе возстаетъ предъ нимъ вся его жизнь, она неотступно является предъ его глазами,—подобно призраку, но съ какою мучительною яркостью и жизненностью!...

„Кто не можетъ болѣе молиться, часто говаривалъ ему отецъ его—и онъ долженъ вспомнить теперь эти слова,—кто не можетъ болѣе молиться, тотъ да будетъ удаленъ отъ лица Вѣчнаго“. Онъ еще въ точности помнитъ тотъ день, когда услышалъ ихъ въ первый разъ. Тогда онъ былъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ и только что надѣлъ филактеріи, въ знакъ вступленія своего въ союзъ взрослыхъ мущинъ. Въ тотъ день жизнь возставала предъ нимъ не въ видѣ нѣжной, очаровательной волшебницы, а суровая и прозаичная, какъ и для другихъ сыновъ его народа. Подобно всѣмъ его окружавшимъ, онъ тоже постепенно научился жить ради двухъ вещей: для того, чтобы молиться и чтобы зарабатывать деньги. И когда ему минуло семнадцать лѣтъ, то отецъ позвалъ его въ свою комнату и холодно сказалъ ему, что черезъ три мѣсяца онъ будетъ женатъ и что его невѣста—Резеле, дочь Хаима Гринштейна. Онъ не зналъ этой дѣвушки, онъ видѣлъ ее только два раза передъ тѣмъ, да собственно говоря и не разглядывалъ ее, какъ слѣдуетъ. Но отецъ выбралъ ее для него,—значитъ, такъ и слѣдовало. И черезъ три мѣсява Резеле сдѣлалась его женою...

Чу! ликующимъ, страстнымъ хватающимъ за сердце тономъ канторъ начинаетъ древнюю субботнюю пѣсню: „Лехо доди Лик-

расъ кала“. Другіе подхватываютъ ее бурнымъ хоромъ: „Лехо доди ликрасъ кала“—Выходи, о другъ, на встрѣчу невѣстѣ, примемъ весело Субботу!!

Странное сочетаніе идей въ душѣ народа! Божеству, и только божеству приписываетъ онъ весь пылъ, всю чувственность своего сердца и своего ума. Для того самаго народа, который нѣкогда создалъ пѣснь пѣсней,—этотъ вѣчный гимнъ любви, — и исторію Руѳи,—эту прекраснѣйшую идиллію женственности, — для этого самаго народа, среди тысячелѣтняго мрака, угнетенія и разсѣянія, бракъ превратился въ сдѣлку, заключаемую ради пріобрѣтенія денегъ и для того, чтобы не дать вымереть избранному Богомъ племени. И эти избранники даже не подозрѣваютъ страшной преступности подобнаго взгляда.

Въ томъ числѣ и Моисей Фрейденталь. Онъ относился къ своей женѣ съ большимъ уваженіемъ во всѣ дни ея жизни, такимъ же точно образомъ какъ и она оставалась ему вѣрною и въ радости и въ горѣ. Надъ его дѣлами покоилось благословленіе, все, что начиналъ онъ, сопровождалось удачей. Съ неутомимымъ рвеніемъ изучалъ онъ языкъ христіанъ и нѣмецкіе законы; тридцатилѣтній мущина учился какъ мальчикъ. Его побуждала къ этому не одна корысть, но и гордая жажда почестей и знанія. И это знаніе принесло свои плоды; онъ сдѣлался богатымъ, очень богатымъ человѣкомъ. Помѣщики и офицеры посѣщали его домъ и преклонялись предъ его деньгами; но посредствомъ своей гордости и честности онъ принуждалъ ихъ преклоняться также и предъ нимъ самимъ. Въ тѣ времена ему всѣ завидовали; и, когда онъ проходилъ, шептали другъ другу: „Это счастливѣйшій человѣкъ въ цѣломъ округѣ“.

Но было ли это такъ въ дѣйствительности? Почему же лобъ его такъ часто хмурился, отчего же, оставаясь одна, Резеле плакала, точно сердце ея готово было разорваться на части? На благополучіи этихъ двухъ людей, которые только постепенно пріучили себя къ взаимному уваженію, лежала густая тѣнь: ихъ бракъ остался

бездѣтнымъ. И такъ какъ ихъ соединила чужая рука, такъ какъ въ глубинѣ души они все таки остались чуждыми другъ другу, то они не могли съ этимъ примириться и не находили въ себѣ самихъ никакого противовѣса для этого горя. Гордый человѣкъ таилъ свою печаль въ груди своей и почти безучастно смотрѣлъ какъ таяла его жена. Когда его родные заговаривали о разводѣ, онъ отрицательно качалъ головою, но его губы не находили также и ни одного слова любви къ несчастной женщинѣ. Такъ прошли долгіе годы. Но однажды вечеромъ,—это было зимой,—когда онъ вошелъ въ комнату и пожелалъ своей женѣ „добраго вечера“,—она отвѣтила на его привѣтствіе не тихимъ голосомъ, какъ обыкновенно, взглянула на него не застѣнчиво и смиренно какъ прежде, но поспѣшила къ нему навстрѣчу, кинулась въ его объятія, какъ будто она теперь въ первый разъ имѣла право прижаться къ его сердцу. Въ радостномъ предчувствіи, онъ, изумленный, взглянулъ на ея взволнованное сильно покраснѣвшее лицо. Затѣмъ схватилъ ея руку, усадилъ ее возлѣ себя и положилъ ея голову къ себѣ на грудь. Губы ихъ дрожали, но они оба не находили ни одного слова для выраженія своего блаженства, — ни одного бѣднаго человѣческаго слова!...

„Хвалите Бога Всесильнаго!“ раздается голосъ кантора среди грезъ задумавшагося старика. И община отвѣчаетъ: „Да будетъ восхваленъ Богъ, нашъ Господь, который создаетъ день и создаетъ ночь, который отдѣляетъ свѣтъ отъ тьмы и тьму отъ свѣта; Онъ Всемогущій, Предвѣчный, Богъ Савоѳъ?“....

„Да будетъ восхваленъ Господь?“... Съ какими чувствами Моисей Фрейденталь присоединялъ свой голосъ къ этому возгласу въ субботній вечеръ двадцать два года тому назадъ, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ домъ Божій въ качествѣ отца! Какъ ликовало и, вмѣстѣ, обливалось кровью сердце его отъ радости и отъ горя! Потому что, хотя у него родилась дочь, но жена его умерла отъ позднихъ, тяжкихъ родовъ. Покорно и безъ жалобы переносила она страшныя муки и даже въ ея послѣднія минуты

по ея блѣдному лицу пробѣгала блаженная улыбка каждый разъ, когда она слышала голосъ новорожденной малютки. И въ эти-то мучительные часы слились во едино сердца супруговъ, оставшихся чуждыми другъ другу въ теченіе долгихъ лѣтъ своего супружества. Только онъ одинъ понималъ, почему его жена сказала: „теперь я могу умереть спокойно“, и одна она понимала, почему онъ безпрестанно наклонялся надъ ея рукою и говорилъ всхлипывая! „прости меня, Резеле, прости!“—„Ребенка, сказала она,—береги ребенка!“ Затѣмъ она судорожно скорчилась и—умерла. На слѣдующее затѣмъ утро ее унесли въ „благое мѣсто“. Онъ же разорвалъ свою одежду, сбросилъ съ ногъ своихъ башмаки и семь дней и семь ночей сидѣлъ на полу посѣщенной смертью комнаты, по траурному обычаю во Израилѣ. Онъ не плакалъ; его глаза, сухіе и лишенные блеска, устремлены были на пламя заупокойной свѣчи, которая должна горѣть цѣлую недѣлю, чтобы бездомная душа имѣла пріютъ на землѣ, до тѣхъ поръ, пока Богъ не укажетъ ей ея мѣсто. „Онъ говоритъ съ умершею“, робко шептали его родственники, когда онъ бормоталъ про себя, безпрестанно повторяя! „Теперь все могло-бы пойти хорошо, и ты умерла именно теперь!“ Но его печаль излилась въ тихихъ слезахъ, когда они принесли къ нему его дитя и спросили—какъ назвать его. Эсѳирью—отвѣчалъ онъ,—Эсѳирью,—какъ звали мою мать“. Долго держалъ онъ на рукахъ свою малютку и слезы его падали на ея маленькое личико. Затѣмъ онъ снова отдалъ ее кормилицѣ, и съ этой минуты къ нему возвратились самообладаніе и спокойствіе. Такъ миновало время траура. Съ неутомимымъ рвеніемъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, онъ принялся за свои дѣла. Казалось новый духъ вошелъ въ этого человѣка; съ каждымъ днемъ у него являлись новыя смѣлыя предпріятія, новые рискованные планы. Онъ безъ страха брался за то, на что не рѣшился-бы никто другой,—и счастье не измѣняло ему. Онъ теперь осуществилъ также свое завѣтное желаніе: купилъ мѣсто противъ доминиканскаго монастыря и началъ тамъ постройку большаго дома. Такъ проходили въ неутомимой работѣ, дни; а

вечеромъ онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ у колыбели своего ребенка и глядѣлъ на его мягкія еще не опредѣлившіяся черты. И въ теченіе многихъ мѣсяцевъ кормилица часто слышала,—и это почти пугало ее,—какъ онъ вставалъ по ночамъ съ постели, и пробирался въ комнату дитяти. Присѣвъ тамъ въ темнотѣ, онъ долгое время безмолвно и неподвижно прислушивался къ дыханью спящей малютки. Дни превратились въ мѣсяцы и годы, маленькая Эсѳирь выросла и сдѣлалась изумительно умна и прекрасна. Она почти совсѣмъ походила на отца: у нея были его черные кудрявые волосы, высокій лобъ и рѣзко очерченныя сжатыя губы, но на этомъ гордомъ дѣтскомъ лицѣ трогательный контрастъ съ остальными чертами представляли кроткіе голубые глаза матери. Отецъ часто и долго всматривался въ эти ясныя и дѣтскія очи. И въ такія минуты онъ обнималъ свою маленькую дочь и прижималъ ее къ сердцу, и давалъ ей тысячу нѣжныхъ, ласкательныхъ именъ. Въ другое-же время этотъ серьезный, несообщительный человѣкъ почти не высказывалъ своей безумной любви къ ребенку. Когда Эсѳири минуло пять лѣтъ, они перебрались изъ тѣснаго дома въ еврейскомъ кварталѣ въ большой бѣлый домъ противъ монастыря. Съ этихъ поръ Моисей началъ заботиться о воспитаніи ея, конечно, по своему, или правильнѣе, согласно старымъ, давно установившимся обычаямъ. Эсѳирь училась стряпать, молиться и считать. Этихъ знаній было достаточно для дома, для неба и для жизни. Да и чему другому, кромѣ этого, долженъ бы былъ учить ее отецъ? Не польскому-ли и нѣмецкому языкамъ? Но на обоихъ она умѣла говорить; чтеніе-же и письмо казалось Моисею, какъ и всѣмъ евреямъ въ Барновѣ, излишнею роскошью для дѣвушки. Самъ онъ выучился этимъ вещамъ для того, чтобы писать свои дѣловыя письма и понимать книгу гражданскихъ законовъ; но его дочь не нуждалась ни въ томъ ни въ другомъ. Или-же пріобрѣтеніе болѣе обширныхъ свѣдѣній могло сдѣлать ее лучше и счастливѣе? Но у этихъ мрачныхъ людей есть поговорка: „Если еврейское дитя умѣетъ хорошо молиться, то ему не нужно ничего

другаго, чтобы быть веселымъ и добрымъ". И однако-же маленькой Эсѳири все-таки пришлось учиться читать по нѣмецки, и еще многому, очень многому другому!

— Это была минута слабости!" бормочетъ про себя старикъ и встаетъ вмѣстѣ съ другими для долгой молитвы, которую должно произносить стоя; — „минута слабости и безумiя! Горе мнѣ, что я уступилъ, и проклятiе тому, кто ввелъ меня въ искушенiе!"

О, какъ грѣшишь ты, Моисей Фрейденталь! Какъ ни много просвѣтило и очистило тебя несчастiе, заставивъ тебя узнать твое собственное сердце, но ты все еще не можешь уразумѣть, что ты совершилъ грѣхъ, когда вздумалъ замкнуть для своего ребенка свѣтъ и мiръ, и что ты поступилъ хорошо въ тотъ часъ, когда позволилъ другому лицу открыть ему доступъ въ эту область. О какъ согрѣшаешь ты, старикъ, какъ сердце твое ожесточается въ эгоизмѣ и неразумiи, когда ты говоришь далѣе: „Это было моимъ и ея несчастiемъ! съ той минуты ея чувства спутались и отвратились отъ меня и отъ моего Господа! О, да будетъ проклятъ, проклятъ тотъ часъ!"

Это было за тринадцать лѣтъ передъ тѣмъ, въ тихiй ясный лѣтнiй вечеръ... Дома на площади были залиты луннымъ свѣтомъ и уличная пыль блистала подобно матовому серебру, далеко раскидывая покровъ свой. Моисей Фрейденталь сидѣлъ на каменной скамейкѣ у своего дома и думалъ свои думы. Душа его находилась въ какомъ-то особенно-мягкомъ настроенiи; онъ противъ воли своей долженъ былъ часто вспоминать о своей юности и о своей покойной женѣ. Возлѣ него сидѣла его девятилѣтняя дочь и широко раскрытыми глазами смотрѣла въ глубину лунной ночи. На улицѣ показался какой-то человѣкъ и остановился передъ ними. Моисей не вдругъ узналъ его, но маленькая Эсѳиръ вскочила и радостно вскричала: „Дядя Шлема!" Теперь и Моисей узналъ незнакомца и поднялся съ своего мѣста съ видомъ удивленья. Чего хотѣлъ отъ него Шлема Гринштейнъ и какимъ образомъ маленькая дочь Моисея знала этого „мешумеда?" Это былъ товарищъ его дѣтскихъ игръ

и братъ его жены, но вотъ уже въ теченiи двадцати лѣтъ слишкомъ, Моисей не промолвилъ съ нимъ ни одного слова. Вѣдь съ „*мешумедомъ*", съ отступникомъ вѣры, благочестивый человѣкъ не долженъ имѣть никакого общенiя, а такимъ отступникомъ и былъ Шлема, въ глазахъ всего гетто. И все-таки этотъ блѣдный болѣзненный человѣкъ съ мягкими задумчивыми чертами остался евреемъ и жилъ тихо и смирно среди другихъ и употреблялъ свое богатство для дѣлъ благотворительности и милосердiя. Но пятно и прозвище, данныя ему въ юности, остались при немъ неизмѣнно до этой минуты.

Съ нимъ произошло въ тѣ времена нѣчто странное. Отецъ его рѣшилъ воспитать робкаго и задумчиваго мальчика, — который жилъ только въ своихъ книгахъ и только тамъ выказывалъ остроту ума и проницательность, — для званiя раввина. Шлема былъ доволенъ этимъ; онъ учился даже въ ущербъ своему здоровью и скоро превзошелъ своихъ учителей. Въ слабомъ мальчикѣ горѣла пожирающая жажда знанiя и познаванiя. Эта жажда знанiя была гибелью и проклятiемъ его жизни. Посредствомъ денегъ и неотступной мольбы, онъ уговорилъ мѣстнаго школьнаго учителя христiанина преподавать ему тайно, въ позднiе ночные часы, запрещенный ненавистный нѣмецкiй языкъ и „христiанскую мудрость". Но изъ послѣдней и самъ учитель зналъ не слишкомъ много и выпутался изъ затрудненiя тѣмъ, что началъ снабжать своего назойливаго ученика, — когда тотъ едва выучился читать, — всякими книгами изъ монастырской библiотеки, какiя только могъ достать. Такимъ образомъ подрастающiй юноша прочелъ самыя странныя и запутанныя вещи въ пестромъ смѣшенiи, безъ всякаго порядка, и часто выводилъ изъ нихъ довольно странныя заключенiя. Однажды ему попала въ руки книга, которая довела его почти до сумасшествiя. Форма выраженiя и тонъ этой книги были ему хорошо знакомы, вѣдь они напоминали священную Тору, но духъ, проникающiй эти листы, былъ другой и — при такой мысли у юноши кровь остановилась въ жилахъ — этотъ духъ казался ему мягче и лучше. Книга

та называлась Новымъ Завѣтомъ. Точно весеннимъ воздухомъ повѣяло на юношу изъ этой книги, и, однако-же, волосы у него стали дыбомъ отъ ужаса. Такъ вотъ оно, это языческое ученіе христіанъ и такимъ-то образомъ жилъ и дѣйствовалъ человѣкъ, котораго его отцы распяли на крестѣ и отъ изображенія котораго еще и нынѣ учатъ его отвращать свое лицо съ ненавистью и презрѣніемъ! Ударъ былъ слишкомъ силенъ, и бѣдный Шлема опасно заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько недѣль въ сильной горячкѣ. Часто и много плакалъ онъ и въ безпамятствѣ говорилъ о блѣдномъ Назарянинѣ, о крестѣ и о той нечестивой книгѣ. Въ ужасѣ слушали его родители и сосѣди; они стали доискиваться источниковъ этого бреда и наконецъ узнали о тайныхъ занятіяхъ юноши. Скоро въ гетто распространился ужасный слухъ, что Шлема хотѣлъ сдѣлаться христіаниномъ и что за это Богъ покаралъ его безуміемъ. Но юноша выздоровѣлъ и снова вступилъ въ общество своихъ единовѣрцевъ, сдѣлавшись еще болѣе застѣнчивымъ, блѣднымъ и грустнымъ чѣмъ прежде. Никто не зналъ, что бушевало и боролось въ его груди, но каждый ребенокъ въ еврейской улицѣ называлъ его „мешумедомъ“ и умѣлъ разсказать, что онъ поклялся своему отцу священною клятвой остаться евреемъ, если тотъ позволитъ ему двѣ вещи: во-первыхъ — покупать и читать всякія книги, которыя онъ захочетъ, и во-вторыхъ — остаться не женатымъ. И онъ сдержалъ свою клятву даже и послѣ того, какъ смерть его родителей сдѣлала его человѣкомъ богатымъ и независимымъ. Такъ проходила его жизнь въ тѣсномъ мрачномъ гетто. Онъ имѣлъ только одного друга; это былъ Давидъ Блумъ, ремесло котораго состояло въ уходѣ за больными, человѣкъ тоже несчастный, которому выпала на долю въ высшей степени странная судьба. Но этого друга онъ нашелъ поздно и скоро потерялъ: Давидъ Блумъ умеръ,—вслѣдствіе-ли нервной горячки или разбитаго сердца — трудно было рѣшить. „Мешумедъ“ очень жалѣлъ о немъ и эта смерть внесла глубокую рану въ его и безъ того безрадостную жизнь; ему казалось какъ будто часть его собственнаго сердца

сошла преждевременно въ могилу. И при всемъ этомъ не только по судьбѣ своей но и по свойствамъ своей натуры эти два человѣка существенно разнились другъ отъ друга. Давидъ былъ энергиченъ и стремился въ высь, но застѣнчивъ и склоненъ увлекаться фантазіями, и потому онъ былъ разбитъ навсегда, какъ только разъ его постигла рука судьбы. Шлема былъ слабъ и кротокъ,—это былъ мученикъ, котораго судьба могла согнуть, но не уничтожить. Такимъ образомъ онъ продолжалъ жить среди людей, но въ ужасномъ одиночествѣ;—даже бѣдняки не охотно принимали отъ него благодѣянія. И, однако-же, онъ любилъ всѣхъ людей, въ особенности дѣтей, единственныя существа, которыя отвѣчали на эту любовь взаимностью, хотя они изъ страха предъ своими родителями, только изрѣдка осмѣливались находиться въ его обществѣ. Маленькую Эсѳирь, единственное дитя его умершей сестры, онъ любилъ почти до обожанія; съ своей стороны и она больше льнула къ нему, чѣмъ къ своему серьезному, несообщительному отцу.

Таковъ былъ человѣкъ, который въ ту лунную ночь подошелъ къ каменной скамьѣ, гдѣ сидѣли Моисей Фрейденталь и его маленькая дочь.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, — зять, — сказалъ онъ, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній смотрѣлъ на него холодно и вопросительно. Затѣмъ, когда дѣвочка, по его просьбѣ, пошла спать, онъ еще разъ повторилъ: —мнѣ нужно съ вами поговорить о многомъ и очень важномъ. Только присядьте возлѣ меня... Теперь вѣдь вы можете рѣшиться на это: на улицѣ нѣтъ ни одной живой души...

Моисей сѣлъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— Это относительно ребенка,—началъ „мешумедъ“. — Дѣло это давно уже лежитъ у меня на сердцѣ, и такъ какъ я только что проходилъ здѣсь и увидѣлъ васъ, то и не желалъ откладывать болѣе. Вотъ видите, зять, ваша дочь растетъ великолѣпно. Со временемъ она будетъ очень красива, но, что еще лучше, она уже и теперь очень добра и такъ умна, что это почти можно на-

звать чудомъ, для ея лѣтъ. Едва ли вы знаете, какіе вопросы дѣлаетъ этотъ ребенокъ и какъ своеобразно все это укладывается въ ея головкѣ!—Вы представить себѣ не можете этого.

— Откуда же вамъ это извѣстно?—прервалъ его Моисей, и его голосъ зазвучалъ жестко и рѣзко.—Развѣ я позволилъ вамъ"...

Но его собесѣдникъ поднялъ руку какъ бы отклоняя нападеніе.

— Оставьте это, прошу васъ, оставьте это! Я могъ бы вамъ запальчиво возразить, что Эсѳирь—дитя моей сестры и что я имѣю право и полное основаніе—заботиться о вашей дочери и любить ее. Но я не могу и не хочу говорить такимъ образомъ; запальчивость и гнѣвъ и безъ того уже довольно долго разлучали насъ другъ съ другомъ. И даже если бы вы мнѣ сказали, что я чуждъ вашему дому,—чуждъ, или отчужденъ по моей собственной винѣ, то я ничего не возразилъ бы на это. Чтобы любить кого нибудь, для этого нѣтъ надобности обладать правами родства, а міръ не такъ богатъ любовью, чтобы нужно было отъ нея воздерживаться. Но—у васъ на умѣ есть нѣчто другое! Вы боитесь опасности для вашего ребенка, если онъ находится въ моемъ обществѣ. Что вы позволяете каждому вашему слугѣ, того вы не считаете себя въ правѣ позволять мнѣ. И такъ, я долженъ спросить васъ: зять! неужели, по вашему мнѣнію, я хуже вашего послѣдняго слуги?

Онъ замолчалъ, но и Моисей ничего не возразилъ. Въ сущности, этотъ суровый человѣкъ былъ тронутъ, снова услыхавъ теперь тотъ голосъ, который нѣкогда, во времена его юности, звучалъ для него такою добротою и искренностью. Но Моисей подавилъ въ себѣ это чувство и когда Шлема повторилъ свой вопросъ, то онъ холодно и сурово отвѣчалъ:

— Мои слуги набожные и твердо держатся вѣры отцовъ.— Эти слова онъ произнесъ не подымая глазъ, иначе онъ увидѣлъ бы печаль и горесть промелькнувшія судорогой на губахъ его собесѣдника. Но съ этихъ губъ не сорвалось ни одного горькаго слова.

— Послушайте, Моисей, сказалъ онъ, глубоко вздохнувъ,— въ книгахъ написано хорошее изреченіе: „Вы узнаете ихъ, по

плодамъ ихъ!" А моя жизнь лежитъ открытая передъ вашими глазами, какъ и предъ глазами всѣхъ. Я былъ страшно одинокъ, покинутъ, отринутъ, но я отъ всей души старался связать эту жизнь съ жизнью людей окружавшихъ меня. Я старался сдѣлать ее полезною настолько, на сколько это было для меня возможно послѣ того, что нѣкогда случилось. Вы—первый человѣкъ—и останетесь единственнымъ,—которому я говорю, что, по моему собственному сознанію, я дѣлалъ все что могъ въ той области, которую называютъ благотворительностью, но которую слѣдовало бы называть только человѣческимъ долгомъ. Правда, моя жизнь не сдѣлалась чрезъ это счастливою и хорошею, но судите, зять, судите — есть ли въ ней намекъ на преступленіе или безуміе?

Моисей провелъ рукою по лбу и глазамъ, какъ бы обдумывая отвѣтъ; затѣмъ сказалъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Постановить приговоръ относительно цѣлой жизни и приговоръ правдивый не можетъ никакой человѣкъ, это доступно только всевѣдущему Богу. Я желаю вѣрить, что вы говорите совершенную правду, и благо вамъ, если это такъ. Тогда вы можете спокойно ждать того часа, когда васъ будетъ судить Всевышній. Но,—прервалъ онъ свою рѣчь и за тѣмъ почти боязливо продолжалъ:—вѣруете ли вы въ Бога?

— Да, отвѣчалъ Шлема и поднялъ голову. Да, я вѣрую въ него. Я искалъ его и думалъ о немъ во времена моего дѣтства,— тогда онъ представлялся мнѣ Богомъ гнѣва и мести, давшимъ свѣтъ и спасеніе только одному народу. Я искалъ его и думалъ о немъ въ юности—и тогда онъ былъ для меня Богомъ любви и милосердія, но милостивымъ только къ тѣмъ, которые ищутъ его по извѣстнымъ опредѣленнымъ формамъ и уставамъ. Но въ послѣдствіи я нашелъ и позналъ его: онъ есть Богъ не гнѣва и не милосердія, а Богъ справедливости и необходимости. Онъ существуетъ и существуетъ для всѣхъ, даже для тѣхъ, которые отрицаютъ его!...

Онъ всталъ и выпрямился и когда такимъ образомъ онъ стоялъ передъ Моисеемъ, озаренный луннымъ свѣтомъ, то его видъ произ-

водилъ на этого послѣдняго какое то странное внушительное впечатлѣніе; ему казалось, что лицо этого человѣка сіяетъ. Онъ не зналъ, какъ это случилось, но невольно взглянулъ на статую распятаго, которая была воздвигнута въ монастырскомъ саду и при яркомъ лунномъ свѣтѣ рѣзко выдѣлялась на темномъ ночномъ небѣ.

— А тотъ, что тамъ? спросилъ онъ невольно и почти испугался своихъ собственныхъ словъ.

— А тотъ что тамъ, — отвѣчалъ мешумедъ, — и его голосъ прозвучалъ удивительно грустно и мягко,—тотъ былъ благородный и великій человѣкъ, можетъ быть лучшій изъ всѣхъ, которые когда либо ходили по землѣ. Но онъ умеръ, и его духъ угасъ,—угасъ даже въ тѣхъ, которые называютъ его своимъ искупителемъ! Безумцы!—только посредствомъ себя самаго человѣкъ получаетъ спасеніе, посредствомъ себя и въ себѣ...

Онъ замолчалъ, Моисей тоже не говорилъ ни слова. Такъ сидѣли они нѣсколько минутъ безмолвно другъ возлѣ друга, каждый занятый своими собственными мыслями. Затѣмъ Моисей спросилъ.

— Что же хотѣли вы сказать мнѣ о дочери?

— Я хочу быть ея учителемъ,—отвѣчалъ Шлема,—потому что я очень полюбилъ ее въ тѣ рѣдкіе часы, когда могъ говорить съ ней. И вѣрьте мнѣ—это вовсе не обыкновенное дитя! о, если бы она была мальчикомъ! часто думалъ я и тотчасъ же прибавлялъ про себя,—вы, можетъ быть, знаете почему:—хорошо, что она—дѣвочка!... Въ душѣ этого ребенка живетъ великая жажда знанія и рѣдкое предчувствіе свѣта...

Но Моисей прервалъ его:

— Вы грезите, Шлема! Эсѳири едва минуло девять лѣтъ отъ роду, и я, отецъ, никогда не замѣчалъ ничего подобнаго.

— Потому что вы не хотѣли видѣть или же, извините меня,—не могли видѣть. Вы считаете это бредомъ, или глупостью, или чѣмъ либо въ этомъ родѣ. Но я знаю что значитъ носить такое тоскливое желаніе въ одинокомъ юномъ сердцѣ. Вѣрьте мнѣ, что дать заглохнуть всему, что возникаетъ въ немъ, было бы съ

вашей стороны преступленіемъ. И поэтому то я прошу васъ: позвольте мнѣ сдѣлаться учителемъ Эсѳири".

Снова между обоими собесѣдниками установилось долгое молчаніе. Наконецъ Моисей возразилъ:

— Не могу, зять, не смѣю, хотя бы даже и желалъ. Не изъ недовѣрія къ вамъ я долженъ дать вамъ такой отвѣтъ: отъ васъ и отъ того также, чему вы стали бы учить моего ребенка, я охотно ожидалъ бы всего хорошаго. Но это не годится для моей дочери. Она должна остаться простымъ еврейскимъ ребенкомъ; я желаю этого, такъ оно и будетъ. Что испытала она такое, что могло-бы наполнить ея сердце печалью и тоскливыми порывами? Моя дочь должна быть набожною, простою женщиной; это наилучшая для нея судьба и именно поэтому, я желаю ее видѣть такою. Я позаботился о томъ, чтобы она имѣла богатаго и уважаемаго мужа.

— Да,—возразилъ мешумедъ, при чемъ въ первый разъ во время этого разговора голосъ его зазвучалъ горько и рѣзко,—да! Вы очень богаты и право на вашей сторонѣ; поэтому вы позаботились также и о богатомъ зятѣ. Дѣвочкѣ теперь девять лѣтъ отъ роду. Черезъ шесть, черезъ семь лѣтъ вы выберете для нея самаго богатаго и самаго благочестиваго юношу, или же вдовца, если онъ окажется еще богаче и благочестивѣе. Правда, она не будетъ знать его, но это ничего не значитъ: для знакомства будетъ довольно времени послѣ свадьбы! Затѣмъ, можетъ быть, она будетъ бояться его или ненавидѣть, или относиться къ нему съ полнымъ равнодушіемъ. Но и это ничего не значитъ! И въ самомъ дѣлѣ: для чего нужна любовь еврейской женщинѣ? только для того, чтобы любить Бога и своихъ дѣтей, а также... да, какъ бы мнѣ не забыть этого!—свое богатство...

— Я не понимаю васъ,—сказалъ Моисей нерѣшительно, какъ бы удивленный.

— Вы не понимаете меня?—вскричалъ его собесѣдникъ и поднялся въ волненіи. И вы можете это говорить „*вы!*... зять, вспомните о *моей сестрѣ!*...

Моисей Фрейденталь вздрогнулъ какъ дикій звѣрь, которому пуля попала въ сердце. Онъ хотѣлъ дать гнѣвный отвѣтъ, хотѣлъ отогнать отъ своего порога этого чуждаго непрошеннаго наставника. Но не могъ. Онъ долженъ былъ склонить свою голову подъ взглядомъ презираемаго и избѣгаемаго человѣка; онъ, послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою, былъ принужденъ сказать тихо и съ глубокимъ вздохомъ:

— Это была не моя вина!

— Да, — сказалъ мешумедъ, и голосъ его опять зазвучалъ мягко и спокойно,—да, это была не ваша вина, а вина вашего и моего отца. Но отвѣтственность за то, какимъ образомъ поступите вы съ вашею дочерью, лежитъ, всею своею тяжестью, единственно на васъ!—И такъ какъ Моисей, потрясенный его словами, былъ не въ состояніи ничего отвѣтить, то мешумедъ продолжалъ:

— Не ожесточайте своего сердца. Вспомните изрѣченіе писанія: „Дайте пить жаждущимъ!“—Зять, могу ли я показать вашему жаждущему ребенку свѣтъ и жизнь?

И на это также Моисей ничего не отвѣтилъ; но на слѣдующій день распространился странный, почти невѣроятный слухъ, что Моисей Фрейденталь примирился со Шлемой-отступникомъ и даже довѣрилъ ему свое единственное дитя.

Вотъ объ этомъ-то часѣ вспомнилъ теперь въ синогогѣ одинокій старикъ и проклялъ его отъ глубины своего сердца. Воспоминаніе объ этомъ часѣ преслѣдовало его и тогда, когда онъ, вмѣстѣ съ другими, всталъ и вышелъ изъ синагоги на свѣтлый воздухъ весенней ночи. Тѣсныя улицы были полны жизни; изъ оконъ падалъ на улицу яркій блескъ свѣчей, у дверей домовъ стояли дѣти и дѣвушки, ожидая своихъ родителей. Несчастный человѣкъ съ душевной мукой, представлялъ себѣ — какъ хорошо было бы, если бы и онъ возвращался теперь съ зятемъ и дочерью и если-бы дома радостно встрѣтили его внуки. Каждый дѣтскій смѣхъ, каждое слово привѣта — вонзались въ его сердце острымъ ножемъ. Увы! старикъ, можетъ быть, не заслуживалъ слишкомъ строгаго

осужденія, когда онъ, останавливаясь, тихимъ глухимъ голосомъ говорилъ себѣ: „Если Богъ справедливъ, то его кара постигнетъ того, кто соблазнилъ сердце моей дочери, и того, кто открылъ слухъ ея для словъ искусителя!...

Вдругъ онъ почувствовалъ прикосновеніе чьей то руки къ его плечу. Онъ обернулся и отскочилъ въ ужасѣ назадъ, точно увидѣлъ привидѣніе. Грудь его тяжело дышала, глаза сверкали, рука сжалась въ кулакъ. Предъ нимъ стоялъ тотъ, кого онъ проклиналъ, больной, сѣдой разбитый человѣкъ — Шлема-„мешумедъ“.

Мнѣ нужно поговорить съ вами? сказалъ онъ Моисею.—Есть письмо...

Но Моисей затрепеталъ отъ гнѣва и горя.

— Замолчи, несчастный... я не хочу ничего слышать!... Задохнись отъ словъ своихъ...

Вокругъ нихъ собралась группа любопытныхъ.

Мешумедъ подступилъ ближе къ Моисею и повторилъ:

— Я долженъ поговорить съ вами. Ругайте меня, но выслушайте. Она...

Но больше ему не пришлось говорить. Подобно преслѣдуемому звѣрю, Моисей кинулся прочь; онъ бѣжалъ чрезъ улицы, черезъ рыночную площадь и остановился только у своего дома. Въ изнеможеніи онъ опустился на каменную скамью, возлѣ порога. Здѣсь онъ отдыхалъ, пока дыханіе его не сдѣлалось болѣе спокойнымъ, пока его пульсъ не началъ биться ровнѣе. Тогда ему показалось, что гдѣ то надъ нимъ произнесли его имя. Окна во второмъ этажѣ были освѣщены и отворены настежь; вверху раздавался громкій смѣхъ. У жены окружнаго судьи былъ пріемный вечеръ. И вотъ Моисей опять услыхалъ, совершенно явственно, свое имя, затѣмъ—бурный взрывъ хохота. Но старикъ не обращалъ на это вниманія; онъ пошелъ въ свою комнату и тамъ отодвинулъ отъ себя пищу и питье, поставленныя передъ нимъ его старою служанкой. „Она умерла“,—безпрестанно раздавался въ его, ушахъ и сердцѣ какой то голосъ,—„это вѣрно, — она умерла“.

Такъ сидѣлъ онъ, полный дикихъ, мрачныхъ, одна съ другою сталкивавшихся мыслей, въ одинокой залитой свѣтомъ комнатѣ. Вокругъ него была глубокая тишина; только по временамъ слышали тихій трескъ горѣвшихъ свѣчей,—и это была унылая музыка.

У госпожи судейши былъ сегодня пріемный вечеръ. Въ сосѣдней комнатѣ мужчины играли въ вистъ и тарокъ, а можетъ быть также и въ какую нибудь маленькую невинную азартную игру. Въ гостинной сидѣли дамы вокругъ большаго чайнаго стола, держали большія чашки въ рукахъ, ѣли очень много печеній и вообще очень весело проводили время. Только толстая жена толстаго управляющаго государственными имуществами была не въ духѣ. Въ качествѣ наиболѣе знатной особы изъ всего этого общества, она обыкновенно давала ему тонъ; но въ этотъ вечеръ скипетръ былъ исторгнутъ изъ ея рукъ женою этого голоднаго новаго актуарія. Дѣло въ томъ что фрау Эмилія пріѣхала изъ главнаго города, изъ Лемберга, и привезла оттуда съ собою новыя моды и кучу скандальныхъ исторій. Въ благодарность за это ей разсказывали мѣстныя сплетни городка, въ особенности насчетъ отсутствовавшихъ дамъ. Но этотъ матеріалъ скоро истощился, такъ какъ только немногихъ изъ дамъ не было на лицо. Тогда г-жѣ Эмиліи пришло въ голову счастливая мысль спросить:—въ чемъ состоитъ эта замѣчательная исторія, о которой г-нъ окружной судья сегодня разсказывалъ ея мужу.

— Я могу передать вамъ ее изъ наилучшихъ источниковъ,— сказала тогда г-жа судейша съ жаромъ. — Мы живемъ уже двѣнадцать лѣтъ въ этомъ домѣ, все это произошло у меня на глазахъ. Это очень интересно; тутъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть даже одинъ красивый гусарскій офицеръ. Подобной исторіи вамъ вѣроятно не случалось слышать даже и въ Лембергѣ!

И она начала разсказывать.

— Вы знаете, что дѣло идетъ объ Эстеркѣ, дочери старика. Когда мы пріѣхали сюда, ей было десять лѣтъ; она была высока

для своего возраста, имѣла черные волосы и большіе голубые глаза. Ее рѣдко можно было видѣть, а слышать и вовсе не приходилось: она цѣлый день, а часто и ночью сидѣла надъ книгами. Моя Мальвина была почти однихъ съ нею лѣтъ и часто звала ее поиграть вмѣстѣ. Но маленькая заносчивая жидовка не хотѣла и слышать объ этомъ, до такой степени она была помѣшана на своемъ ученьи. Впрочемъ, въ этомъ безуміи ея былъ виноватъ также безумецъ, ея дядя Гринштейнъ. Это—сумасбродный человѣкъ, безъ правилъ, ни еврей, ни христіанинъ, совершенный безбожникъ; — говорятъ, будто-бы онъ можетъ вызывать мертвыхъ. Право! мертвыхъ изъ могилъ!—Таковъ былъ учитель Эстерки. Должно быть, онъ научилъ ее дѣйствительно хорошимъ вещамъ, потому что черезъ три года она сдѣлалась такою же сумасшедшею и такою же безбожницей какъ онъ. Однажды лѣтомъ, въ августѣ, въ очень душный день, послѣ полудня, она была у насъ. Дѣло въ томъ, что она въ совершенствѣ обладала искусствомъ вышивать и помогала моей Мальвинѣ докончить одну работу. Вдругъ сгустились облака, и разразилась страшная буря: громъ, градъ, молнія,— точно пришелъ конецъ міру. Моя дочь, которая, слава Богу, получила христіанско-католическое воспитаніе, начинаетъ громко молиться, но еврейка остается совершенно спокойною. „Эсѳирь,—спрашиваю я, — неужели ты не боишься кары Божіей“? — Но это вовсе не кара Божія — отвѣчаетъ дерзкая дѣвчонка. — Такъ что же такое по твоему молнія? — Разряженіе электричества. — „И ты не боишься молніи? —Какъ не бояться, боюсь, потому что на нашемъ домѣ нѣтъ громоотвода!—Такихъ безбожныхъ рѣчей я не могла допустить въ присутствіи Мальвины; потому и закричала строгимъ тономъ: „Ты безбожное дитя;—замѣть себѣ хорошенько, что милосердый Богъ направляетъ молнію!“—Въ такомъ случаѣ, почему же прошлымъ лѣтомъ молнія убила на открытомъ полѣ Бериша Катца, бѣднаго деревенскаго разнощика?—возразила дерзкая дѣвчонка. Онъ былъ очень набожный человѣкъ и его дѣти теперь умираютъ съ голоду.—На это я уже ничего не возразила, но на слѣдующій день, встрѣ-

тившись съ Моисеемъ, передала ему весь разговоръ. „Ребенокъ успѣлъ уже получить прекрасное воспитаніе,—сказала я въ заключеніе,—и если оно будетъ продолжаться въ такомъ же родѣ, то сдѣлается еще прекраснѣе“.—Такъ не будетъ продолжаться,—отвѣтилъ онъ мрачно, — я уже давно рѣшилъ положить этому конецъ, а вчерашняя выходка переполнила чашу. — И, дѣйствительно, онъ сдержалъ свое слово. Онъ отобралъ у Эстерки всѣ книги и посадилъ ее въ лавку дѣлать изъ бумаги фунтики и развѣшивать сахаръ, а Шлему выгналъ изъ дома.

Это произошло девять лѣтъ тому назадъ. Но однажды зимой, въ субботу послѣ обѣда, приходитъ Эстерка къ моей дочери и плачетъ, проситъ, умоляетъ, чтобы ее ссудили какой нибудь нѣмецкою книгой, иначе она умретъ съ тоски. Дѣло въ томъ, что старикъ отнялъ у нея всѣ книги и, кромѣ того, держитъ ее такъ строго, что ей невозможно достать никакой. Но онъ позволилъ ей заходить къ намъ. Это, конечно, была для него честь, да при томъ же онъ зналъ, что я — женщина строгихъ правилъ. Дѣвочка умоляла, плакала и жаловалась съ такой проникающей въ сердце горестью, что я была тронута. И я давала ей изъ нѣмецкихъ книгъ то, что случайно было у насъ въ домѣ: Путевыя картины Гейне, Мессіаду Клопштока, Императора Іосифа Луизы Мюльбахъ, Новый Питоваль, стихотворенія Эйхендорфа и романы Поль-де-Кока. И она проглотила все это,—какъ голодный волкъ проглатываетъ ягненка,—читая книги въ лавкѣ въ отсутствіи отца, а также по ночамъ. Только первый романъ Поль-де-Кока ее сначала какъ то озадачилъ, и она принесла мнѣ книгу назадъ, прося поискать для нея чего нибудь другаго. Но въ ту минуту я не имѣла времени и сказала ей: „Прочти только до конца и эта вещь тебѣ понравится“. И въ самомъ дѣлѣ понравилась, потому что втораго романа дѣвочка уже не принесла назадъ, а когда переварила третій,—то желала читать только одного этого писателя. Этимъ я могла ей служить: у насъ есть полное собраніе сочиненій Поль-де-Кока. Она цѣлую зиму питалась этими сто

восемью десятью томиками. Потому что—увѣряю васъ—всѣ эти жидовскія дѣвчонки въ сущности не обладаютъ никакимъ нравственнымъ чувствомъ!...

Дамы съ жаромъ подтвердили такое мнѣніе, кромѣ супруги управляющаго государственными имуществами. Эта дама очень толста и притомъ неумна, но у ней прекрасное сердце.

— Это было не хорошо съ вашей стороны! — говоритъ она очень громко и очень серьезно. — Вы взяли на себя очень тяжкую вину.

Судейша смотритъ на нее съ удивленіемъ. Если-бы она не была дамой вѣжливой, свѣтской и притомъ хозяйкой дома, то она бы насмѣшливо улыбнулась и пожала плечами. При настоящихъ-же условіяхъ, она удовольствовалась тѣмъ, что сказала, въ видѣ извиненія:

— Mon Dieu! „вѣдь дѣло идетъ не болѣе какъ о жидовкѣ!“

— Не болѣе какъ о жидовкѣ! — повторяетъ хоръ другихъ, кто громко, кто тихо. Было также много хихиканья... „Только о жидовкѣ!“

— Не болѣе какъ о жидовкѣ! раздается среди женскихъ дискантовъ серьезный густой мужской голосъ. Игра въ сосѣдней комнатѣ кончилась и кавалеры идутъ къ дамамъ.

— Вы страшно не правы, г-жа директорша.

Это говоритъ городовой врачъ, высокій статный мужчина. Онъ самъ еврей. Его ненавидятъ за его религію, но его боятся за его сарказмъ. Но его соціальное положеніе такое, что его все-таки принуждены терпѣть въ этомъ обществѣ; съ своей стороны и онъ долженъ посѣщать это общество потому, что никакого другаго нѣтъ въ этомъ захолустьѣ.

— Вы не правы, — повторилъ онъ. Вы все еще не можете освободиться отъ предразсудковъ вашего нѣмецкаго отечества, которое даже и евреевъ признаетъ людьми. Какъ это вы до сихъ поръ не научились приспособляться къ здѣшнимъ воззрѣніямъ!

— Вы шутите, — говоритъ хозяйка дома, — а я все-таки

утверждаю, что въ необразованныхъ еврейкахъ очень мало нравственнаго чувства!

— Да! — сухо отвѣчаетъ докторъ, — въ особенности когда ихъ просвѣщаютъ романами Поль-де-Кока, — и въ особенности еще полнымъ собраніемъ... Но прошу васъ, не стѣсняйтесь пожалуйста, — продолжайте свой разсказъ.

Судейша продолжаетъ:

— Хорошо, — на чемъ же я остановилась? — Да! — И такъ, въ началѣ слѣдующаго года она покончила съ моимъ Поль-де-Кокомъ. А другихъ нѣмецкихъ книгъ у меня не было больше. Тогда она начала просить меня достать книгъ такъ не отступно, что я абонировалась для нея въ библіотекѣ въ Тарнополѣ. Я сдѣлала это не охотно: это доставляло мнѣ много хлопотъ, но она просила такъ настоятельно, что мнѣ нужно было имѣть каменное сердце для того, чтобы отказать ей. И тогда она прочла всѣ книги по катологу отъ Абу до Цшокке включительно. Старикъ не подозрѣвалъ ничего, да и въ послѣдствіи не узналъ объ этомъ. Она читала только по ночамъ, въ своей комнатѣ. Но это напряженіе не вредило ея глазамъ. Это были самые прекрасные, самые свѣтлые глаза, большіе, голубые какъ небо. А фигура — точно у какой нибудь королевы — стройная, гордая и роскошная. Короче она была красивая, очень красивая дѣвушка, экзальтированная и испорченная, фантазерка, напичканная романическимъ бредомъ. Когда отецъ нашелъ ей, — тогда ей было шестнадцать лѣтъ, — когда отецъ нашелъ ей жениха, сына Мошки Френкеля въ Чортковѣ, здороваго еврейскаго парня ея лѣтъ, то она объявила, что она скорѣе умретъ, чѣмъ выйдетъ за него замужъ. Но нашъ Фрейденталь не такой человѣкъ, чтобы съ нимъ можно было шутить. И вотъ, обрученіе было отпраздновано, и прекрасная Эсѳирь сидѣла на пиру блѣдная и дрожащая, точно она была при смерти больна. Знаете-ли, — у меня далеко не такое мягкое сердце, чтобы оно таяло какъ воскъ, но когда я увидѣла тогда Эсѳирь, — я сошла внизъ, желая посмотрѣть на церемонію, — то почувствовала состраданіе къ дѣвушкѣ.

„Зачѣмъ вы принуждаете свою дочь?“ — спросила я у старика. Но онъ почти грубо отвѣтилъ мнѣ: „извините, но вы этого не понимаете, у насъ это дѣлается совсѣмъ иначе, нежели у васъ. У насъ яйцо не бываетъ умнѣе курицы. И при томъ намъ, благодаря Бога, не извѣстны глупости любви и т. д. У насъ для брака нужны только двѣ вещи: здоровье и деньги. И это здѣсь на лицо. Эсѳири сдѣлана та уступка, что свадьба будетъ только черезъ годъ. До тѣхъ поръ она привыкнетъ къ мысли объ этомъ замужествѣ. Въ теченіе года можетъ измѣниться многое.

Слова старика оправдались. Дѣйствительно, многое измѣнилось въ одинъ годъ, въ особенности хорошенькая Эстерка сдѣлалась другою, — но совершенно въ иномъ смыслѣ, чѣмъ разумѣлъ онъ. Видите-ли, нашъ докторъ считаетъ меня врагомъ евреевъ, но я все-таки справедлива и говорю, что это дѣвушка, хотя внутренно испорченная, держала себя до тѣхъ поръ, съ внѣшней стороны, отлично. А искушеній и сильныхъ соблазновъ было очень много. Ее знали во всемъ округѣ, и вездѣ ее называли „прелестной еврейкой“. Въ гостинницѣ и погребкѣ внизу тогда бывало больше гостей, чѣмъ сколько было желательно хозяину. Когда молодые дворяне пріѣзжали въ окружное управленіе, то судебный съѣздъ ихъ продолжался не одинъ, а три дня; не занятые чиновники суда и податнаго управленія отсиживали въ винномъ погребкѣ свои служебные часы, а гусарскіе офицеры — такъ тѣ, буквально, превратили его въ свой постоянный гарнизонъ. Всѣ интересовались Эсѳирью, она-же не интересовалась ни кѣмъ. Она рѣдко встрѣчалась съ гостями, объ этомъ позаботился ея отецъ. При случайныхъ встрѣчахъ, она вѣжливо отвѣчала на ихъ поклоны. Но никакіе, ни грубые, ни тонкіе комплименты на нее не дѣйствовали, точно она была глухая. Если-же кому-нибудь приходило въ голову загородить ей дорогу, то онъ долженъ былъ удалиться со стыдомъ. На этотъ счетъ молодой баронъ Старскій, — вы, вѣроятно знаете его: длинный блондинъ, у котораго была любопытная исторія съ графиней Бортинской — можетъ поразсказать кое-что: Эстерка,

однажды, встрѣтилась съ нимъ, когда онъ, подвыпивши, выходилъ изъ погребка. Онъ будетъ помнить эту встрѣчу, которой онъ обязанъ самою звонкою пощечиною въ своей жизни.

Но со времени ея помолвки произошла перемѣна. Не то, чтобы она сдѣлалась ласковѣе ко всѣмъ. Но она была ласкова къ одному болѣе чѣмъ это было необходимо. Этимъ однимъ былъ ротмистръ вюртембергскаго гусарскаго полка, графъ Геза Чапани. Онъ былъ далеко не дюжинный человѣкъ, этотъ ротмистръ! Высокій, стройный, съ темными волосами, интересными черными глазами и прехорошенькими усиками. Я не льщу ему; нашъ другъ Гортензія подтвердитъ мои слова: она тоже знала его...

Фрау Гортензія, жена окружнаго адъюнкта, роскошная блондинка, покраснѣла до ушей и бросила на своего „друга“, хозяйку дома, ядовитый взглядъ. Затѣмъ, по возможности равнодушно, сказала:

— Да, я припоминаю; онъ былъ не дуренъ собою.

— Не дуренъ? переспросила разскащица. Онъ былъ красавецъ, настоящій красавецъ. И какой интересный! И съ какими изящными манерами! Онъ зналъ толкъ въ женщинахъ; впрочемъ, надо и то сказать: у него накопилось достаточно опытности. Онъ съумѣлъ скоро обворожить и Эстерку. Онъ подошелъ къ ней застѣнчиво, какъ будто проникнутый глубокимъ уваженіемъ и не сказалъ ей никакого комплимента. Вотъ это-то именно и подѣйствовало. Впрочемъ, какъ я уже говорила, она была внутренно испорчена и притомъ экзальтирована. Исторія мало по малу развивалась. Сперва—рѣдкія встрѣчи, потомъ—частыя; сперва—немного словъ, потомъ много; сперва—одинъ поцѣлуй, затѣмъ—безчисленное множество... Было очень весело!...

Общество раздѣляетъ это мнѣніе. — Дамы хихикаютъ, мужчины смѣются. Только одна дама не хихикаетъ: честная, толстая нѣмецкая женщина въ углу дивана.

Вы, кажется не находите эту исторію веселою,—спросилъ ее сосѣдъ, докторъ.

— Нѣтъ! отвѣчала она; вѣдь въ сущности она печальна; бѣдная дѣвушка была только жертвой!

— Да, подтверждаетъ докторъ, и его голосъ странно задрожалъ,—она была жертвой! Но жертвою не прекраснаго ротмистра и не нашей любезной хозяйки. Причина лежитъ глубже, гораздо глубже. Какъ сумерки опаснѣе ночи, такъ полуобразованіе гибельнѣе невѣжества. Невѣжество и ночь покрываютъ наши глаза тьмою и прикрѣпляютъ наши ноги къ почвѣ; знаніе и день открываютъ намъ глаза и позволяютъ намъ весело идти впередъ; но полузнаніе и сумерки снимаютъ повязку съ нашихъ глазъ только на половину, заставляя насъ ступать невѣрными шагами и—спотыкаться! Бѣдное дитя! Ее оторвали отъ чистаго источника; но ее томила жажда—и она начала пить изъ лужи. Бѣдное дитя! Она...

Но довольно явственно послышавшаяся зѣвота заставила доктора замолчать: эта толстая дама — славная женщина, но она не отличается умомъ и не охотно слушаетъ непонятныя рѣчи.... Между тѣмъ г-жа судейша продолжаетъ свой разсказъ.

Графъ Геза съумѣлъ скоро уговорить ее на все. И когда онъ былъ переведенъ въ гарнизонъ въ Марбургъ, то и она отправилась туда за нимъ. Однажды, въ пятницу вечеромъ—вечеръ былъ какъ разъ такой-же какъ сегодня—Моисей, вернувшись домой, нашелъ гнѣздо пустымъ. Тогда подъ нами въ низу поднялась суматоха,—крикъ, плачъ, поиски; словами невозможно передать это. Мой мужъ находился внизу. Моисей былъ разъяренъ, какъ дикій звѣрь. Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, но мнѣ никогда не забыть этой ночи.

Слѣдующіе дни прошли тоже очень мрачно. Онъ велъ себя такъ, какъ будто Эстерка умерла. Лавки и погребки были заперты, картины въ комнатѣ были завѣшены чернымъ флеромъ, зеркала повернуты стеклами къ стѣнѣ. Въ одномъ углу ея комнаты семь дней и семь ночей горѣли свѣчи и столько-же времени сидѣлъ Моисей, босый, въ разорванной одеждѣ, на полу своей комнаты. Не знаю, правда-ли это, но говорятъ, что въ слѣдующее

воскресенье евреи отнесли на кладбище пустой гробъ и закопали его въ пустую могилу. Говорятъ также, будто-бы Эсөири поставили тамъ надгробный памятникъ. Но на восьмой день Моисей всталъ и спокойно принялся за свои дѣла. Не правда-ли,—еврей, какъ есть! Онъ даже пришелъ въ тотъ-же день къ намъ требовать денегъ за квартиру. Я едва узнала его, онъ посѣдѣлъ въ одну недѣлю. Онъ былъ совершенно спокоенъ, а теперь, повидимому, совсѣмъ забылъ о своей дочери. Вѣдь извѣстно, что еврею деньги дороже его дѣтей.

— И затѣмъ не было уже никакихъ слуховъ объ Эсөири?— спросила толстая дама.

— Какъ-же! были однажды. Но на нихъ нельзя положиться. Маленькій поручикъ Чилаги,—вы вѣдь знаете этого глуповатаго лгуна,—ѣздилъ въ Венгрію, въ отпускъ, и разсказываетъ, что онъ видѣлъ графа съ Эсөирью въ ложѣ, въ Пештскомъ національномъ театрѣ. Но этотъ маленькій офицерикъ постоянно вретъ. Притомъ, это могла быть какая-нибудь другая хорошенькая дѣвушка.

— Знаете-ли, mesdames,— говоритъ Фрау Эмилія, образованная уроженка Лемберга, знаете-ли о чемъ напомнила мнѣ эта исторія? объ одной очень забавной пьесѣ, которую я, однажды, видѣла въ Лембергѣ. Она переведена съ англійскаго,—это сочиненіе нѣкоего.... охъ, эти англійскія имена!...

— Можетъ быть Шекспира?—помогаетъ ей докторъ.

— Шекспира, — повторилъ окружной судья; — это довольно извѣстный писатель.

— Да! очень недурной талантъ!—замѣчаетъ докторъ самымъ серьезнымъ тономъ.

— Именно—Шекспира! продолжаетъ фрау Эмилія,—а пьеса называется — „Венеціанскій купецъ“. Въ ней на сценѣ является одинъ еврей, по имени Шейлокъ, у котораго также похищаютъ дочь и для котораго тоже деньги милѣе его ребенка! И потому, я предлагаю вотъ что: съ этого дня не будемъ называть Фрейденталя его настоящимъ именемъ, а... здѣсь фрау Эмилія сдѣлала артистическую паузу—„Шейлокомъ изъ—Барнова!“

И актуарій гордится своею остроумною женою; кавалеры смѣются, дамы хихикаютъ, и даже толстая директорша улыбается:

— Ха, ха, ха! Шейлокъ изъ Барнова!

Но на слѣдующее утро они уже не смѣялись болѣе. Они не смѣялись и никогда впослѣдствіи надъ Шейлокомъ. Не смѣялся болѣе надъ нимъ и никто другой.

Этому утру, утру субботы, предстояло освѣтить своимъ тусклымъ свѣтомъ нѣчто ужасное. Это было сырое, туманное непривѣтливое утро. Послѣ полуночи, вѣтеръ, который сначала былъ тихъ, а потомъ становившійся все сильнѣе, нагналъ массу тяжелыхъ черныхъ тучъ, которыя затмили мѣсяцъ и начали спускаться надъ пустынною мѣстностью. Затѣмъ вѣтеръ умолкъ, а облака, спускаясь все ниже и ниже, наконецъ покрыли, въ видѣ густаго, холоднаго тумана, мрачный городокъ и окружающую его равнину.

Въ маленькихъ домахъ все спало. Ничьихъ шаговъ не было слышно въ узкихъ улицахъ. Бодрствовали только собаки на дворахъ и ночной сторожъ у Ратуши. Этотъ достойный стражъ, противъ своего обыкновенія, не спалъ, потому что ему мѣшали спать собаки. Онѣ лаяли безпрестанно. Сперва—собаки у въѣзда въ городокъ, затѣмъ громадная дворовая собака доминиканцевъ, потомъ черный „Британъ“ Моисея Фрейденталя. Изъ этого опытный сторожъ заключилъ, что вѣроятно по улицѣ идетъ какой нибудь чужой человѣкъ мимо монастыря къ дому еврея. Но ему не пришло въ голову прослѣдить за нимъ. Ночь была очень темна отъ тумана и улицы скользки. И сторожъ остался въ своей будкѣ передъ домомъ ратуши. „Британъ“ лаетъ такъ громко, — утѣшалъ онъ себя, что еврей услышитъ его.

Онъ не обманулся. Въ домѣ Фрейденталя услыхали этотъ бѣшеный лай. Онъ разбудилъ старую служанку, и она встала посмо-

трѣть что тамъ такое, или разбудить работника. Проходя мимо комнаты хозяина, она увидѣла тамъ свѣтъ пробивавшійся сквозь щель двери. На шумъ ея шаговъ, вышелъ самъ Моисей. Онъ былъ одѣтъ; онъ, очевидно, еще не ложился спать, хотя было уже около часу ночи. У него былъ очень изнуренный видъ.

— Ступайте спать,—сказалъ онъ старухѣ,—я посмотрю самъ.

Въ эту минуту собака снова громко залаяла, за тѣмъ лай превратился въ радостный визгъ. Слышно было, какъ огромное животное прыгало туда и сюда и царапалось въ дверь калитки. Она, должно быть, узнала посѣтителя и рвалась къ нему.

Старикъ поблѣднѣлъ какъ смерть. „Кто бы это могъ быть?“ — бормоталъ онъ. Затѣмъ нерѣшительными шагами пошелъ къ сѣнямъ. Служанка хотѣла слѣдовать за нимъ. „Назадъ!“ вскричалъ онъ запальчиво. Онъ не взялъ съ собою свѣчи,—вѣдь тогда былъ шабашъ. Онъ ощупью пробирался во тьмѣ, направляясь къ воротамъ. Служанка остановилась и начала прислушиваться. Она слышала, какъ собака кинулась на встрѣчу своему господину и затѣмъ снова бросилась къ воротамъ съ тѣмъ же порывистымъ радостнымъ визгомъ.

Затѣмъ она слышала какъ Моисей крикнулъ: „кто тамъ“?

Затѣмъ все смолкло. Только собака на мгновеніе прервала тишину короткимъ лаемъ.

Моисей крикнулъ въ другой разъ.

Тогда изъ-за воротъ послышался отвѣтъ. Служанка не разобрала словъ. Въ нихъ ей послышался какъ-бы жалобный вопль.

Но старикъ, должно быть, понялъ эти слова. Онъ отворилъ калитку вышелъ и захлопнулъ за собою дверь. Собака, вѣроятно, тоже проскользнула за нимъ: ея лай теперь звучалъ болѣе глухо.

Тогда послышался голосъ Моисея. Онъ говорилъ очень громко и запальчиво. Его слова отзывались сперва бранью, затѣмъ какъ будто проклятіемъ, или заклинаніемъ. Но смысла ихъ она не могла уловить... никто не слышалъ словъ, сказанныхъ Моисеемъ существу, которое въ эту роковую ночь стучалось въ его двери.

Минуту спустя, старуха услышала скрипъ калитки, это возвращался Моисей. Онъ возвращался одинъ. Собака также осталась за воротами.

Потомъ на одно мгновеніе все стихло. Затѣмъ служанка услыхала стукъ какого-то тяжелаго паденія.

Она схватила свѣчу, — въ этомъ смертельномъ страхѣ какое было ей дѣло до благочестивыхъ уставовъ еврейскаго закона?— и побѣжала къ выходной двери. Тамъ лежалъ Моисей Фрейденталь, безъ движенія, блѣдный какъ мертвецъ. Когда она приподняла его голову, онъ тихо захрипѣлъ.

Старуха испустила пронзительный жалобный крикъ. Работникъ и другіе слуги въ домѣ проснулись и сбѣжались. Они подняли своего господина и уложили его въ постель. Затѣмъ одинъ изъ нихъ поспѣшилъ къ окружному врачу, жившему въ ближайшемъ сосѣдствѣ, именно во второмъ этажѣ того же дома. Онъ пустилъ больному кровь и задумчиво покачалъ головою: со старикомъ сдѣлался ударъ.

Служанка выла, слуги стояли вокругъ, не зная что дѣлать, докторъ возился около больнаго. Такъ прошло время до утра. Никто не думалъ о существѣ, стучавшемся ночью у воротъ.

Когда начало разсвѣтать, послышался сильный стукъ въ ворота. За ними стоялъ ночной сторожъ съ толпою людей, которые, не смотря на раннюю пору, уже прибыли на рынокъ. Они нашли у воротъ какую то мертвую женщину, худую и бѣдно одѣтую. Черный Британъ лежалъ возлѣ ея трупа, визжалъ и лизалъ ей руки. Когда кто нибудь хотѣлъ подойти къ покойницѣ ближе, собака рычала.

Окружной врачъ вышелъ на улицу и наклонился надъ умершею. Онъ положилъ руку на ея сердце—оно не билось. Затѣмъ онъ взглянулъ на ея неподвижное блѣдное лицо. И онъ узналъ это лицо...

Онъ поднялся, глубоко взволнованный. Онъ велѣлъ перенести

трупъ въ домъ. Затѣмъ онъ возвратился къ больному, лежавшему въ безпамятствѣ.

На слѣдующій день Эсѳирь Фрейденталь была погребена. Никто не зналъ къ какой религіи она принадлежала; осталась ли она еврейкой, или сдѣлалась христіанкой. Не зналъ этого и дядя Шлема, который въ безумной горести сидѣлъ скорчившись у ея трупа. Поэтому ее похоронили на кладбищѣ самоубійцъ. Но она умерла отъ голода.

Въ карманахъ ея платья нашли только маленькій пакетъ съ письмами. Всѣ они были написаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ и всѣ имѣли одну и туже подпись: Геза. Въ послѣднемъ письмѣ, съ почтовымъ штемпелемъ какого то маленькаго венгерскаго городка, говорилось: „Я тебѣ честно признаюсь, что эта исторія мнѣ надоѣла! Я теперь служу въ драгунахъ, останься здѣсь и не думай меня отыскивать. Мой вахмистръ Коломанъ обѣщалъ мнѣ принять тебя къ себѣ. Ты нравишься ему. Если же онъ тебѣ не нравится, то воротись домой.

И она вернулась.

Старый Моисей не умеръ вслѣдствіе этой ночи. Онъ жилъ еще долго; онъ пережилъ своего шурина и многихъ счастливыхъ людей. Угрюмый, одинокій, мрачный онъ наконецъ дошелъ до могилы. Когда онъ умеръ, плакали только плакальщицы, нарочно для этого нанятыя. Свое громадное богатство онъ отказалъ цадику Садогорскому, жесточайшему врагу просвѣщенія, ревностнѣйшему поборнику старой мрачной вѣры.

Такова исторія Моисея Фрейденталя, котораго прозвали „Шейлокомъ изъ Барнова“.

Перев. **А. Плещеевъ.**

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ОТНОСИТЕЛЬНО ЕВРЕЕВЪ ЗА ИСТЕКШЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

Въ первыхъ №№ одесской газеты „День“ помѣщенъ былъ „Очеркъ законодательныхъ мѣръ, относительно евреевъ въ послѣдніе годы“, составленный покойнымъ И. Г. Оршанскимъ. Въ этомъ очеркѣ даровитый авторъ разсматриваетъ тѣ измѣненія, которыя послѣдовали въ законодательствѣ о евреяхъ въ періодъ времени отъ 1862 до 1867 года включительно, и бѣгло освѣщаетъ эти измѣненія, съ одной стороны въ отношеніи того вліянія, которое они должны были оказать на бытовой строй и положеніе евреевъ, а съ другой въ отношеніи того направленія и настроенія, которыя правительство выказывало въ нихъ по еврейскому вопросу. Такъ какъ всѣ законодательныя мѣры о евреяхъ за указанный промежутокъ времени носятъ на себѣ характеръ расширенія правъ послѣднихъ и облегченія въ извѣстной степени того гнета, который издавна тяготѣетъ надъ ними, то авторъ съ полнымъ правомъ могъ ожидать, что воздѣйствіе этихъ мѣръ на общее благосостояніе евреевъ будетъ благотворное. Что-же касается духа и мотивовъ, которые руководили законодателемъ при изданіи этихъ законодательныхъ мѣръ, то авторъ очерка не менѣе справедливо могъ замѣтить, что въ этихъ мѣрахъ видно „больше уваженія къ личности еврея, какъ человѣка и члена извѣстнаго религіознаго общества, и что онѣ вызваны сознанной полезностью ихъ для народнаго благосостоянія Россіи“. Поэтому также Оршанскій, заканчивая свой очеркъ, могъ сказать, что изъ его обзора законода-

тельныхъ мѣръ, онъ выноситъ отрадное впечатлѣніе, которое состоитъ „въ сознаніи необходимой внутренней связи между общимъ прогрессомъ русской народной жизни и гражданскимъ полноправіемъ евреевъ“, въ сознаніи, что „интересы общественнаго благосостоянія требуютъ не ограниченія, а расширенія правъ евреевъ“. Чтобы убѣдиться въ томъ, что это впечатлѣніе, это сознаніе, эти свѣтлыя упованія не были простымъ оптимистическимъ самообманомъ, достаточно перечесть двѣ, три главныя законодательныя мѣры, какъ-то: предоставленіе правъ свободнаго проживанія по всей имперіи евреямъ-ремесленникамъ, уравненіе въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ евреевъ, получившихъ ученыя степени, коренное измѣненіе дѣйствовавшаго законодательства о евреяхъ въ привислянскомъ краѣ и т. под. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ эти мѣры были вызваны не однимъ лишь либеральнымъ вѣяніемъ, побуждавшимъ къ изданію законовъ на основаніи общечеловѣческихъ, гуманныхъ началъ, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти законы явились результатомъ здравой внутренней политики, результатомъ болѣе яснаго пониманія нуждъ всего государства. Все это, конечно, одушевляло самыми розовыми надеждами всѣхъ русскихъ евреевъ, а между ними интелигентная часть подкладывала этимъ надеждамъ логическіе вѣскіе соображенія и выводы, такъ что всѣ въ то время были весьма довольны и находились въ трепетномъ ожиданіи какъ бы близко предстоявшаго пришествія Мессія равноправности и очеловѣченія. Наша печать — разумѣя ту преобладающую тогда часть ея, которая честно руководила общественнымъ мнѣніемъ — не только не противилась этимъ надеждамъ, но, напротивъ, поддерживала ихъ, признавая въ нужныхъ случаяхъ ихъ правомѣрность и указывая на способы ихъ осуществленія.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло и, можетъ быть, много коечего лучшаго. Правда, какой нибудь дѣсятокъ лѣтъ — это совершенно ничтожно по отношенію къ вѣчности вообще, часто весьма мало и по отношенію къ исторіи одного даннаго народа и государства, но, по отношенію къ самому прожившему его поколѣнію,

этотъ десятокъ лѣтъ всегда имѣетъ большое значеніе. Осуществились ли въ немъ тѣ надежды, съ которыми встрѣчено было его наступленіе? Былъ ли онъ дѣйствительно преемникомъ и вершителемъ тѣхъ задачъ по отношенію къ русскому еврейству, которыя казалось, настойчиво завѣщало ему предшествовавшее десятилѣтіе? Вѣдь надежды, упованія и ожиданія, съ которыми русскіе евреи вступили въ только что прожитое ими нынѣ десятилѣтіе, были не пустыми, субъективными мечтаніями, которыя невольно лелѣетъ всякая придавленность, но они явились какъ логическіе выводы изъ общаго направленія государственной политики и изъ указаній экономическихъ и общественныхъ выгодъ государства. Слѣдовательно съ разрѣшеніемъ вопроса: на сколько исполнились эти надежды? — опредѣлится не только то: насколько уменьшилась вѣковая придавленность замѣтной части населенія, но и то: на сколько цѣлесообразно, въ данномъ отношеніи, дѣйствовала внутренняя политика государства для его экономическихъ и общественныхъ интересовъ.

Во всемъ районѣ, въ которомъ положеніе евреевъ было до крайности исключительное и до крайности же приниженное (а предѣлы этого района — предѣлы земнаго шара), видоизмѣненіе этого положенія въ ту или другую сторону обусловливалось, въ концѣ концовъ, двумя факторами: общественнымъ мнѣніемъ въ обширномъ смыслѣ и направленіемъ законодательства. Замѣчательно, что общественное мнѣніе и законодательство, которое — въ особенности въ странахъ отсталыхъ — столь часто дѣлаютъ другъ другъ опозицію, въ еврейскомъ вопросѣ всегда и вездѣ шли рука объ руку, взаимно себя подбадривая. У насъ, въ Россіи, согласіе между этими двумя факторами, въ указанномъ отношеніи, было также почти всегда самое трогательное, а когда случалось, что одинъ изъ нихъ нѣсколько отставалъ или немного отклонялся въ сторону, то подбадриваніе доходило подчасъ даже чуть-ли не до степени экзальтаціи. Было бы, конечно, интересно прослѣдить какова, за послѣдніе дѣсять лѣтъ, была, по отношенію къ еврей-

скому вопросу, дѣятельность этихъ факторовъ во взаимной ихъ связи, но рамки нашей статьи позволяютъ намъ только остановиться на одномъ изъ нихъ, на законодательствѣ.

При первомъ же взглядѣ на движеніе нашего законодательства въ разсматриваемый нами промежутокъ времени, намъ, прежде сего, бросаются въ глаза слѣдующія двѣ основныя черты этого движенія: во первыхъ, спеціальныхъ мѣръ, прямо направленныхъ къ радикальному разрѣшенію еврейскаго вопроса, вовсе не предпринимается, а прежде установленныя мѣры даже подвергаются фактически ограниченіямъ; во-вторыхъ, въ мѣрахъ, которыя имѣютъ общегосударственный характеръ, не проводится больше столь широко практиковавшійся принципъ изъятія изъ подъ ихъ дѣйствія еврейскаго населенія, хотя исконное недовѣріе къ этому населенію продолжаетъ обнаруживаться или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ опредѣленіяхъ этихъ мѣръ или же въ способахъ примѣненія послѣднихъ. Эти основныя черты несомнѣнно свидѣтельствуютъ только о томъ, что весь смыслъ только что истекшаго законодательнаго періода заключался лишь въ удаленіи на неопредѣленное разстояніе той конечной цѣли, состоящей въ полной эманципаціи евреевъ, къ которой, казалось, такъ стремительно близился предыдущій періодъ. Истекшій періодъ является съ характеромъ явныхъ выжиданій, скрытыхъ задержекъ и подчасъ порывистыхъ, хотя существенныхъ отступленій отъ пути дѣйствительнаго уничтоженія всѣхъ законодательныхъ различій между евреями и не-евреями. Взглядъ законодателя продолжаетъ опираться на просвѣщенный духъ времени и на сознаніе истинной государственной пользы, но этотъ взглядъ въ общемъ отодвигается въ сторону тѣми вѣчно инсинуирующими предубѣжденіями противъ евреевъ, истинная суть которыхъ заключается почти только въ ихъ столь трудно одолимой живучести. Непреоборимая же живучесть этихъ предубѣжденій съ одной стороны, а съ другой невозможность раціональнаго примиренія между ними и требованіями, предъявленными духомъ времени и здоровой внутренней политикой, слѣдуетъ считать чуть ли не главными причинами того, что еврейскій вопросъ по сію пору остается вопросомъ, а наши надежды такъ и остаются надеждами съ постоянно колеблющимся напряженіемъ.

Разсмотрѣніе отдѣльныхъ законодательныхъ мѣръ, къ которому теперь приступимъ, должно, кажется, убѣдить безпристрастнаго читателя въ справедливости всего нами высказаннаго и наглядно выяснить настоящее положеніе еврейскаго вопроса, на сколько оно зависитъ отъ законодательной дѣятельности. Мѣры эти до того немногочисленны, что нѣтъ никакой надобности сгрупировать ихъ по тѣмъ сторонамъ быта и отношеній, которыя ими захватываются, а совершенно достаточно придерживаться хронологическаго порядка ихъ осуществленія.

Въ 1870 году первая мѣра, касающаяся евреевъ, имѣетъ въ виду расширеніе круга лицъ, которымъ предоставлено право поступленія на государственную, гражданскую службу. Въ началѣ этого года Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, постановлено: дозволять евреямъ, окончившимъ курсъ въ землемѣро-таксаторскихъ классахъ, служить по межевому вѣдомству. Мѣра эта, конечно, сама по себѣ незначительная, но въ связи съ воспослѣдовавшимъ еще въ 1867 году разрѣшеніемъ поступленія на медицинскую службу повсемѣстно, кромѣ столицы, евреямъ-врачамъ, хотя и не получившимъ высшей ученой степени, свидѣтельствуетъ, что въ правительствѣ все это время довольно живо было стремленіе все болѣе раскрывать предъ евреями двери гражданской службы. Первая брешь въ безусловномъ запретѣ принимать евреевъ на гражданскую службу пробита была, какъ извѣстно, еще въ 1863 г. закономъ, предоставившимъ право службы по всѣмъ вѣдомствамъ евреямъ, удостоеннымъ ученыхъ степеней доктора, магистра или кандидата. Съ тѣхъ поръ эти исключительныя и непомѣрно высокія требованія, которыя законъ ставитъ еврею, желающему посвятить свои знанія и способности служенію своему отечеству, были сначала понижены, какъ мы сейчасъ сказали, по отношенію къ лекарямъ-евреямъ, а затѣмъ, при разрѣшеніи при-

нятія на службу евреевъ - таксаторовъ, оказались какъ-бы совершенно оставленными. Хотя эти льготныя условія для поступленія евреевъ на медицинскую или таксаторскую службу и вызваны были отчасти, а можетъ быть даже главнымъ образомъ, постояннымъ чувствительнымъ недостаткомъ у насъ въ людяхъ для замѣщенія подлежащихъ должностей, но, во всякомъ случаѣ, въ указанныхъ мѣрахъ выражалось и то, что само правительство вовсе не считаетъ требованія закона 1863 года чѣмъ либо непреложнымъ, неизмѣннымъ, послѣднимъ возможнымъ съуженіемъ ограниченій евреевъ въ дѣлѣ правъ на службу. Эти мѣры все-таки имѣли значеніе новыхъ уступокъ, хотя конечно, незначительныхъ, а оптимисты, пожалуй, могли не безъ основанія видѣть въ нихъ провозвѣстниковъ подвигающихся, болѣе важныхъ уступокъ. Спѣшимъ прибаприбавить здѣсь же, что въ 1872 году законъ 1863 года получилъ частное расширеніе въ томъ смыслѣ, что Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта дѣйствіе этого закона распространено и на евреевъ, окончившихъ полный курсъ ученія въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологичкскомъ институтѣ съ званіемъ техниковъ перваго и втораго разрядовъ, а также удостоенныхъ степени инженеръ-техника. Это, если хотите, опять уступка, но, конечно, ни по своему объему, ни по своему содержанію, она не та, которая должна была бы удовлетворить ожиданія, лелѣемыя съ 1863 года. Какъ бы то ни было, но въ этой мѣрѣ уже довольно ясно проглядываетъ сознаніе, что установленная офиціальная высокая мѣра знаній для еврея, притязающаго на государственную службу, не есть что либо абсолютное и нуждается въ сокращеніи. Крайне любопытны въ этомъ отношеніи тѣ соображенія, которыя повели къ растространенію закона 1863 г. на евреевъ-технологовъ.

Иниціатива предложенія этой мѣры принадлежитъ министру финансовъ, который въ своемъ представленіи государственному совѣту указывалъ на то, что „Техническій институтъ есть спеціальное, высшаго разряда учебное заведеніе для образованія свѣдущихъ людей по технической части, для устройства фабрикъ и заводовъ и управленія оными, и что евреи, имѣющіе дипломы на ученыя степени доктора, магистра или кандидата, не только допускаются на службу внѣ черты, для постоянной осѣдлости евреевъ опредѣленной, но имъ разрѣшено постоянное пребываніе во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ имперіи для занятій, между прочимъ, торговлей и промышленностью“. Далѣе министръ находитъ, что лица, окончившія курсъ въ Технологическомъ институтѣ, по спеціальности образованія, стоятъ не ниже *окончившихъ курсъ въ университетахъ*, а потому и „*въ видахъ содѣйствія преуспѣянію отечественной промышленности*“ слѣдуетъ евреямъ-технологамъ предоставить одинаковыя права съ евреями, окончившими университетъ. Въ этихъ соображеніяхъ важно во-первыхъ то, что министръ, совершенно вѣрно приравнивая евреевъ, окончившихъ курсъ въ Технологическомъ институтѣ, къ евреямъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ, находитъ обѣ категоріи лицъ одинаково достойными уравненія въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ, а не однихъ только евреевъ, пріобрѣвшихъ высшую ученую степень; а во-вторыхъ то, что министръ ходатайствуетъ во имя преуспѣянія отечественной промышленности и, слѣдовательно, безъ всякихъ оговорокъ даетъ понять свое убѣжденіе, что образованные евреи могутъ быть только полезны отечеству. Государственный совѣтъ, съ своей стороны, также признавалъ цѣлесообразность ходатайства министра финансовъ,—„во вниманіе къ ощущаемой въ нашей заводской и фабричной промышленности настоятельной потребности въ образованныхъ техникахъ“, а статсъ-секретарь князь Урусовъ высказалъ во время преній слѣдующее мнѣніе, противъ котораго государственный совѣтъ *по существу* не возражалъ. Князь Урусовъ полагалъ, что такъ какъ лица, окончившія курсъ въ Технологическомъ институтѣ, не стоятъ на высшемъ уровнѣ образованія, чѣмъ дѣйствительные студенты, то *не соотвѣтствовало бы строгой справедливости*, если бы мѣру, о которой ходатайствуютъ для евреевъ-технологовъ, не

примѣнить также къ евреямъ-дѣйствительнымъ студентамъ. Такимъ образомъ, изъ сопоставленія указанныхъ нами мѣръ и приведенныхъ соображеній, которыя высказаны были по поводу принятія послѣдней изъ нихъ, нельзя не придти къ заключенію, что со времени изданія закона 1863 года взглядъ правительства въ частномъ вопросѣ о предоставленіи евреямъ правъ на службу не только не оставался неподвижнымъ или измѣнялся въ неблагопріятномъ смыслѣ, но, напротивъ, все болѣе уяснялся и укрѣплялся на почвѣ строгой справедливости и вѣрно понятыхъ государственныхъ интересовъ. Послѣ благосклонно принятаго ходатайства министра финансовъ и послѣ того, какъ государственный совѣтъ согласился въ принципѣ съ заявленіемъ статсъ-секретаря князя Урусова, естественно было ожидать, что постепенное удаленіе преградъ, препятствующихъ евреямъ поступать на государственную службу, пойдетъ быстрыми шагами и, во всякомъ случаѣ, не оборвется на мѣрахъ относительно евреевъ-таксаторовъ и технологовъ. Между тѣмъ на дѣлѣ случилось именно это послѣднее, — и съ 1872 года мы не можемъ указать ни на одну, относящуюся сюда, положительную мѣру. Если бы не было никакихъ данныхъ къ объясненію подобнаго застоя въ законодательной дѣятельности тамъ, гдѣ, казалось, она такъ настойчиво вызывалась строгой справедливостью и государственными интересами, то пришлось бы отнести его на счетъ временнаго ослабленія этихъ стимуловъ. Но нѣкоторыя данныя прямо указываютъ на то, что этотъ застой, независимо отъ состоянія означенныхъ стимуловъ самихъ по себѣ, связанъ съ извѣстной пертурбацiей, происшедшей въ самомъ взглядѣ правительства на вопросъ о допущеніи евреевъ къ занятію государственныхъ должностей. То общеизвѣстное обстоятельство, что законъ 1863 года далеко не имѣетъ того примѣненія, которое онъ долженъ имѣть по своей буквѣ и разуму, что евреи остаются фактически устраненными отъ большинства отраслей гражданской службы, а по инымъ отраслямъ доступъ имъ по возможности затрудняется, — развѣ это обстоятельство не говоритъ ясно, что видѣть евреевъ

въ рядахъ чиновниковъ и правительственныхъ дѣятелей почему-то не желательно? Никто, даже самый отъявленный юдофобъ, не скажетъ, чтобы опытъ, накопленный за все время дѣйствія закона 1863 года и послѣдующихъ однородныхъ съ нимъ мѣръ, могъ привести къ столь невыгоднымъ для достоинства чиновниковъ-евреевъ выводамъ, которые оправдали бы рѣзкую перемѣну, очевидно происшедшую во взглядѣ правительства на службу евреевъ, и неослабную устойчивость этой перемѣны. Но эту перемѣну приходится тѣмъ не менѣе констатировать, какъ не подлежащую ни малѣйшему сомнѣнію.

Къ тому же 1870 году относится одна общегосударственная мѣра, затронувшая права евреевъ на службу по выборамъ. Мы говоримъ о новомъ Городовомъ Положеніи, въ которомъ, какъ извѣстно, постановляется между прочимъ, что евреи не могутъ быть ни избираемы въ городскіе головы, ни исправлять ихъ должность, что число гласныхъ изъ не-христіанъ не должно превышать одной трети общаго числа гласныхъ и, наконецъ, что также число членовъ городской управы изъ нехристіанъ не должно превышать одной трети всего ея состава. Городовое положеніе все основано на принципѣ самоуправленія городскихъ обывателей своими общественными дѣлами, принципѣ, проведенномъ очень послѣдовательно и широко. Вмѣстѣ съ этимъ въ положеніи установлена такъ-сказать общественная полноправность каждаго городскаго обывателя при наличности съ его стороны извѣстныхъ, общихъ условій. Казалось-бы, что никакой новый законъ, какъ именно этотъ, не представлялъ болѣе удобнаго случая вытѣснить изъ значительнаго района стереотипное въ нашемъ законодательствѣ „кромѣ евреевъ“, замѣнивъ его простымъ игнорированіемъ послѣднихъ въ законѣ. Вѣдь въ сущности вся основа рѣшенія еврейскаго вопроса, въ законодательномъ смыслѣ, состоитъ изъ условій отрицательныхъ, а не положительныхъ, а самая огромная часть его зависитъ отъ болѣе или менѣе рѣшительнаго вытравленія изъ нашего законодательства роковой вставки „кромѣ евреевъ“ съ оставленіемъ на ея

мѣстѣ многознаменательнаго пробѣла. Между тѣмъ мы видимъ, что въ „Городовомъ Положеніи“, законѣ образцовомъ и общемъ для всей имперіи, не выражено абсолютное отреченіе отъ принципа исключенія евреевъ, а лишь ограниченіе примѣненія этого принципа до извѣстныхъ, правда довольно узкихъ предѣловъ. Оказывается, что вѣковыя воззрѣнія на евреевъ, насквозь проникнутыя глубокимъ недовѣріемъ и какою-то „инородческою и иновѣрческою“ отчужденностью, только нѣсколько поколеблены, но не совсѣмъ оставлены и не замѣнены всецѣло тѣми воззрѣніями, которыя должна была внушить всеобщая побѣда просвѣщенія надъ темными предразсудками и полусознательными антипатіями. Опредѣленія, которыми праву участія евреевъ въ управленіи городскими дѣлами ставятся болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ праву христіанскаго городскаго населенія, — опредѣленія не новыя, весьма точно проведенныя въ законоположеніяхъ о службѣ по выборамъ городскихъ обывателей; но то обстоятельство, что они вполнѣ удержаны въ „Городовомъ Положеніи“ до самого запрещенія избирать евреевъ въ городскіе головы, съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ о справедливости только что высказаннаго нами взгляда. Въ уставѣ о службѣ по выборамъ, воспрещеніе евреямъ быть городскими головами мотивируется, напримѣръ, тѣмъ общимъ началомъ, что въ такія по городамъ должности, которыя по роду обязанностей не могутъ быть *съ удобностью и приличіемъ* поручаемы евреямъ, послѣдніе не допускаются; а настоящій смыслъ общаго правила для выбора евреевъ, именно: „что въ составѣ присутствія члены отъ ихъ общества должны образовать не болѣе третьей части“, заключается, конечно, не въ чемъ иномъ, какъ въ стремленіи по возможности парализировать участіе въ общественныхъ дѣлахъ той части населенія, за которой всегда почти не признавалось общегражданскихъ правъ. Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы въ Городовомъ Положеніи выдѣленіе, въ извѣстномъ отношеніи, еврейской части населенія изъ всего состава послѣдняго имѣло мотивы новые или инаго свойства. Противъ такихъ мотивовъ, ко-

нечно, не имѣютъ никакого значенія соображенія, въ родѣ напримѣръ слѣдующихъ: При примѣненіи абсолютнаго ограниченія одною третью числа гласныхъ и членовъ городскихъ управъ изъ городскихъ обывателей нехристіанскаго исповѣданія въ городахъ съ сильно преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ, это ограниченіе должно быть равносильнымъ фактическому лишенію евреевъ всякаго вліянія на дѣла самоуправленія, въ которыхъ они, между тѣмъ, наиболѣе заинтересованы въ данномъ случаѣ. Это разъ. Во вторыхъ, предполагается, конечно, что въ городскіе головы избираются такія личности, которыя снискали себѣ особое уваженіе и симпатіи своихъ горожанъ выдающимся нравственными и умственными качествами и общественнымъ положеніемъ. Слѣдовательно, безусловное запрещеніе избирать евреевъ въ городскіе головы есть, собственно говоря, ни что иное, какъ прямое, санкціонированное закономъ признаніе, что евреевъ, отличающихся не совсѣмъ заурядными нравственностью и умомъ и занимающихъ почетное общественное положеніе, быть не должно, и такой взглядъ на евреевъ навязываемый христіанскому населенію, не можетъ, конечно, содѣйствовать сліянію первыхъ съ послѣднимъ, сліянію, которое, однако, офиціально и неофиціально считалось и считается крайне желательнымъ. На основаніи всего высказаннаго приходится придти къ выводу, что „Городовое Положеніе“, при всемъ своемъ несомнѣнно-прогрессивномъ характерѣ въ общемъ, не внесло ничего прогрессивнаго въ положеніе евреевъ, а уже потому одному является въ отношеніе къ нимъ сугубымъ шагомъ назадъ.

Затѣмъ, за исключеніемъ уже разсмотрѣннаго нами, воспослѣдовавшаго въ 1872 году распространенія закона 1863 года на технологовъ, мы вплоть до марта 1873 года не встрѣчаемся ни съ одной достойной-вниманія законодательной мѣрой относительно евреевъ. Къ 16 же марта упомянутаго года относится именной Высочайшій указъ, коимъ повелѣно было раввинскія училища въ Вильнѣ и Житомірѣ преобразовать въ учительскіе институты, казенныя еврейскія училища втораго разряда закрыть безусловно, а

казенныя еврейскія училища перваго разряда въ мѣстностяхъ, гдѣ, при многочисленномъ еврейскомъ населеніи, число общихъ училищъ недостаточно, преобразовать въ еврейскія же начальныя училища, въ прочихъ же мѣстностяхъ также закрыть. Въ мотивахъ къ этому указу прежде всего признается, что „раввинскія училища и казенныя еврейскія училища перваго и втораго разрядовъ принесли свою долю пользы общему образованію еврейскаго юношества“. Однако, говорится далѣе, „раввинскія училища, какъ опытъ показалъ, *не могутъ быть устроены* такъ, чтобы вполнѣ удовлетворять одному изъ своихъ спеціальныхъ предназначеній, приготовлять, кромѣ учителей для еврейскихъ училищъ, раввиновъ; а остальныя училища, въ настоящее время, требуютъ устройства ихъ на иныхъ основаніяхъ, болѣе соотвѣтственныхъ системѣ общихъ училищъ“. При всѣхъ ихъ существенныхъ недостаткахъ раввинскія училища принесли огромную пользу не только тѣмъ, что давали образованіе еврейскому юношеству, но и тѣмъ—а быть можетъ даже главнымъ образомъ,—что они довольно долгое время служили чуть ли не единственнымъ источникомъ, откуда исходилъ на русскихъ евреевъ свѣтъ общеевропейской мысли и науки и проникалъ въ самые глухіе притоны закоснѣлаго фанатизма. Слова нѣтъ, что раввины и учителя изъ окончившихъ курсъ въ раввинскихъ училищахъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ стоятъ неизмѣримо ниже предназначенной имъ высокой роли, хотя было бы несправедливо взвалить на нихъ однихъ вину въ этомъ. Но тѣмъ не менѣе каждый раввинъ, каждый учитель, даже каждый ученикъ раввинскаго училища вносилъ съ собою, сознательно, или безсознательно, частицу свѣта въ темное царство вогнанныхъ въ замкнутость и застывшихъ въ ней евреевъ. Каждый раввинъ, учитель и ученикъ, какъ бы онъ ни былъ неваженъ самъ по себѣ, все таки представлялъ въ еврейской средѣ ворвавшійся кусокъ просвѣщенія, къ которому присматривались изъ любопытства и поневолѣ привыкали. А извѣстно, что чѣмъ больше привыкаешь даже къ самому страшному пугалу, тѣмъ больше оно теряетъ свойство пугать. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, но намъ

все таки кажется, что именно то обстоятельство, что большинство окончившихъ курсъ раввиновъ и учителей стояли не на надлежащемъ высокомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, во многомъ содѣйствовало тому, что лучи просвѣщенія проникали въ непроглядную еврейскую среду исподоволь и сравнительно безъ упорныхъ препятствій. Дѣло въ томъ, что врагъ представлялся въ такомъ дрябломъ видѣ, который усыплялъ бдительность противника. Страстная, сильная ненависть превратилась въ какую-то самоувѣренную презрительность — а между тѣмъ, разъ внесенная въ еврейскую среду самобытная сила просвѣщенія, медленно и вѣрно, шагъ за шагомъ завоевывала себѣ свое мѣсто. Впрочемъ въ нашихъ бѣглыхъ замѣткахъ не мѣсто всестороннему обсужденію затронутаго предмета: мы хотѣли только указать, что вліяніе спеціальныхъ казенныхъ еврейскихъ училищъ было гораздо болѣе обширное и глубокое, чѣмъ признаютъ мотивы къ разсматриваемому нами закону. Затѣмъ, хотя эта сторона полезности собственно раввинскихъ училищъ дѣйствительно уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ могла оказаться не столь насущной, но за то именно къ этому времени вполнѣ назрѣла ихъ настоящій raison d'étre, ихъ прямая задача—давать намъ вполнѣ достойныхъ, истинно образованныхъ умственно и нравственно, даже ученыхъ раввиновъ, спросъ на которыхъ началъ тогда раздаваться довольно громко, не получая удовлетворенія. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ почва для просвѣщенія и дальнѣйшее, широкое піонирующее дѣйствіе его въ еврейской средѣ были уже прочно обезпечены и тогда, конечно стоящіе на высотѣ своей истинной роли, раввины могли пріобрѣсти весьма важное значеніе. Но мотивы закона намъ говорятъ, что, *какъ дознано опытомъ, раввинскія училища не могутъ быть устроены такъ, чтобы приготовлять раввиновъ* (подразумѣвается, конечно, раввиновъ настоящихъ, въ европейскомъ смыслѣ слова, а не какихъ-то еврейскихъ чиновниковъ по духовно-фискальной части, какъ было до того), и мы должны преклониться предъ этимъ приговоромъ. Но все таки

скорбѣть и удивляться можно по поводу того, что какъ-таки и заграницей существуютъ и процвѣтаютъ раввинскіе и еврейски-богословскіе институты и факультеты, изъ которыхъ вышло и выходитъ много достойныхъ раввиновъ, талантливыхъ проповѣдниковъ, ученыхъ еврейскихъ богослововъ и оріенталистовъ, изъ которыхъ не малое число стали знаменитостями въ наукѣ,—между тѣмъ какъ у насъ невозможно существованіе даже намека на что либо похожее. Это доказано опытомъ, т. е. всесторонними попытками и преобразованіями, и, стало быть, въ силу какихъ-то таинственныхъ, органическихъ недостатковъ среда русскихъ евреевъ обречена на безплодіе въ дѣлѣ приготовленія изъ самой себя вполнѣ годныхъ раввиновъ.—Что же касается остальныхъ, кромѣ раввинскихъ, казенныхъ еврейскихъ училищъ, то относительно ихъ законъ, повидимому, допускаетъ возможность преобразованій, которыя выражаются совершеннымъ закрытіемъ—какъ второразрядныхъ, еврейскихъ училищъ, съ оставленіемъ, впрочемъ, ограниченнаго числа послѣднихъ на началахъ училищъ начальныхъ. Такимъ образомъ оказывается, что фактически и преобразованіе второразрядныхъ еврейскихъ училищъ признано было точно также невозможнымъ, какъ и раввинскихъ училищъ, а какимъ-то счастливымъ исключеніемъ осталось лишь нѣкоторое число перворазрядныхъ училищъ, къ которому даже и пріурочены были цѣлыхъ два учительскихъ института. Каждый, кто хоть мало-мальски знакомъ былъ съ положеніемъ бывшихъ еврейскихъ училищъ, не скажетъ, конечно, что это положеніе было удовлетворительное съ какой бы то ни было стороны, но весьма трудно утверждать, чтобы эти училища, по времени постигшаго ихъ „преобразованія", не имѣли ужъ никакой жизненности, никакого значенія до того, что объ ихъ оживленіи вновь лучшимъ духомъ и подъ болѣе цѣлесообразной формой не стоило и помышлять. Но дѣло въ томъ, что „училищная реформа", очевидно, вовсе не обусловливалась стремленіемъ придать извѣстнымъ учрежденіямъ новый духъ и форму, сообразно съ опредѣлившимися болѣе ясно и шире потребностями. Въ этой „реформѣ"

сквозитъ только принципъ, что въ дѣлѣ ученія и образованія евреи не должны занимать никакого отдѣльнаго отъ прочаго населенія положенія, благо въ этомъ отношеніи они пользуются дѣйствительною полноправностію. Если закрыть глаза на все высказанное нами относительно необходимости въ хорошихъ раввинахъ и на многое другое, чѣмъ оправдывалось существованіе спеціальныхъ еврейскихъ училищъ, то этотъ принципъ самъ по себѣ, конечно, совершенно разумный и справедливый; но нельзя не замѣтить, что онъ какъ-то странно противорѣчитъ тому болѣе общему принципу выгораживанія евреевъ, который еще далеко не оставленъ нашимъ законодательствомъ и который соблюденъ хотя бы въ томъ же „новомъ" Городовомъ Положеніи.

Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1874 году послѣдовала мѣра, вполнѣ соотвѣтствующая сейчасъ указанному нами общему принципу, хотя, правда, сфера этой мѣры стоитъ довольно далеко отъ „невещественнаго" ученія и образованія. Высочайше утвержденнымъ 14 мая того года мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено: 1) „раздробительная продажа крѣпкихъ напитковъ въ селеніяхъ, въ чертѣ усадебной осѣдлости, вообще разрѣшается не иначе, какъ по мірскимъ приговорамъ сельскихъ обществъ, съ тѣмъ, что, если въ означенную черту входятъ земли, составляющія собственность какого либо вѣдомства или частнаго лица, то для открытія на такихъ земляхъ раздробительной питейной продажи, сверхъ общественнаго приговора, должно быть испрошено согласіе владѣльца земли; 2) евреямъ дозволяется питейная торговля только въ мѣстностяхъ, опредѣленныхъ для постоянной ихъ осѣдлости, и притомъ не иначе, какъ въ собственныхъ домахъ; сидѣльцы евреи могутъ быть только въ заведеніяхъ своихъ единовѣрцевъ". Эта мѣра одна изъ тѣхъ, подкладкой для которыхъ служитъ ставшее общимъ мѣстомъ мнѣніе о кромѣшной эксплоатаціи евреями христіанскаго населенія вообще, въ особенности же крестьянъ. Мы считаемъ излишнимъ говорить здѣсь о томъ, насколько безпристрастной, неприкрашенной правды въ этомъ общемъ мнѣніи, и насколько вѣрно, вообще,

понимается въ настоящемъ случаѣ слово „эксплоатація". Обо всемъ этомъ было уже писано много, дѣльно и убѣдительно, а безплодно повторять зады не стоитъ. Согласно системѣ, которой мы слѣдуемъ въ нашемъ очеркѣ, мы сдѣлаемъ только нѣсколько краткихъ замѣчаній относительно духа и вліянія указанной мѣры. Прежде всего эта мѣра поражаетъ своимъ грустнымъ свидѣтельствомъ, что какъ будто наше законодательство по отношенію къ евреямъ, не смотря на многіе либеральные и прогресивные признаки, въ концѣ концовъ все таки ничего не позабыло и ничему не научилось. Одна изъ главныхъ чертъ нашихъ прежнихъ мѣропріятій по отношенію къ евреямъ заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что тамъ, гдѣ дѣло шло о какихъ либо законодательныхъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ евреевъ, съ ними, такъ сказать, не церемонились. Обязательно присущее законодателю безстрастіе и педантическая его заботливость о томъ, чтобы вредъ, наносимый его мѣрой извѣстнымъ интересамъ въ огражденіе другихъ, защищаемыхъ имъ, интересовъ, довести до крайняго минимума, почти всегда отсутствовали, когда регламентировались евреи. Этотъ пріемъ, казалось, былъ оставленъ съ началомъ нынѣшняго царствованія, и мы дѣйствительно съ нимъ не встрѣчаемся вплоть до разсматриваемой нами мѣры. Но въ этомъ лаконическомъ, безъ всякихъ оговорокъ, дозволеніи евреямъ производить питейную торговлю только въ собственныхъ домахъ нельзя не видѣть внезапнаго возвращенія къ оставленному пріему, нельзя не видѣть удара несоразмѣрнаго и какъ бы безотчетнаго. Мы вовсе не намѣрены отстаивать здѣсь праведность и чистоту помысловъ и дѣяній еврейскихъ шинкарей и питейныхъ торговцевъ; мы даже допускаемъ, что подчасъ еврей шинкарь можетъ быть неправеднѣе и нечище нееврейскаго кабатчика, потому что первый обыкновенно изворотливѣе и смышленѣе послѣдняго. Но неужели эта пресловутая „эксплоатація" ужъ такая неопровержимая истина, неужели эта „эксплоатація" составляетъ исключительное свойство однихъ лишь *евреевъ*-шинкарей, неужели, наконецъ, разныя неправедности и развращенности, живущія въ сферѣ питейной части, не создаются

самыми условіями этой части, чтобы изъ за нихъ оправдывалось разореніе безъ запинки цѣлаго класса людей? По нѣкоторымъ нашимъ свѣдѣніямъ, питейнымъ промысломъ содержалось чуть ли не до шестидесяти тысячъ еврейскихъ семействъ, изъ которыхъ девяносто девять процентовъ эта мѣра должна была пустить по міру. Дозволять евреямъ заниматься шинкарствомъ, но требовать при этомъ, чтобы они непремѣнно владѣли собственными домами — это, если можно такъ выразиться, тонкая, законодательная иронія. Что-бы ни говорили о еврейской эксплоатаціи, но безпристрастному наблюдателю очень хорошо извѣстно, что въ необозримой, страшной массѣ еврейской бѣдности еврейское шинкарство фигурируетъ какъ весьма печальный элементъ. Требовать непремѣнно, чтобы еврей-кабатчикъ имѣлъ имущественный цензъ въ видѣ собственнаго дома, значитъ просто замаскированнымъ образомъ изъять питейный промыселъ изъ еврейскихъ рукъ, въ тѣхъ видахъ, конечно, чтобы питейная нравственность могла проводиться черезъ нееврейскихъ кабатчиковъ. Могла-ли отъ этого дѣйствительно выиграть питейная нравственность и требовалъ ли такой, болѣе чѣмъ проблематическій выигрышъ нещаднаго разоренія огромной массы людей?.... Отъ этой мѣры питейный промыселъ евреевъ не могъ не сократиться до минимума, но такъ какъ это сокращеніе было неестественное, обусловленное внезапнымъ и безисходнымъ нарушеніемъ извѣстныхъ, глубоко укоренившихся интересовъ, то установленіе его не могло, конечно, не сопровождаться съ одной стороны нѣкоторыми неодобрительными способами спасенія, къ которымъ прибѣгали лица, пораженныя этой мѣрой, а съ другой стороны нѣкоторыми слабыми уступками, на которыя вынуждала самая сила вещей лицъ, примѣнявшихъ мѣру. Въ одномъ министерскомъ циркулярѣ отъ 1875 года мы находимъ указаніе, напримѣръ, на то, что „бездомные" шинкари-евреи придумали и практиковали уже обходъ закона 14 мая предыдущаго года, который лишалъ ихъ способа существованія. Евреи, поясняется въ томъ циркулярѣ, пріобрѣтали торговые документы для торговли питьями на имя христіанъ, ко-

торымъ предоставляли производить эту торговлю въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, въ которыхъ сами торгуютъ закусками. Вслѣдствіе этого и предписывается, что евреевъ должно устранять отъ всякаго участія въ торговлѣ въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ производится питейная продажа и въ коихъ она евреямъ не дозволяется. Оправдывать обходъ закона вообще нельзя, но если принять во вниманіе, что законъ, идущій въ разрѣзъ съ какими либо категорически сложившимися условіями жизни, вынуждаетъ саму эту жизнь по возможности его обезсиливать, то степень виновности въ данномъ случаѣ значительно уменьшается. Десятки тысячъ человѣкъ, вдругъ обездоленныхъ и брошенныхъ въ ту ужасающую нищету, которая господствуетъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, гдѣ сотни тысячъ рукъ судорожно тянутся къ двумъ, тремъ скуднымъ, случайнымъ кускамъ,—какъ тутъ не соблазняться возможнымъ обходомъ закона, какъ не ухищряться въ спасительныхъ фортеляхъ? Это относительно лицъ, подлежавшихъ дѣйствію разсматриваемаго закона, но и въ лицахъ, на которыхъ лежало его примѣненіе, замѣтны колебанія и раздумье, вызываемыя весьма серьезными затрудненіями, встрѣчавшимися при этомъ на каждомъ шагу. 9 Ноября 1874 года циркулярно сообщался кому слѣдуетъ министерскій взглядъ на „*права* евреевъ по отношенію къ питейной торговлѣ“ на основаніи закона 14 мая того же года, взглядъ, во всѣхъ своихъ частяхъ совершенно соотвѣтствовавшій духу и лаконическому изложенію закона. Но уже черезъ два мѣсяца выяснилась необходимость оставить этотъ взглядъ, и оказалось, что отношенія и факты, давно окрѣпшіе и сросшіеся со всею суммою данныхъ условій обстановки, не такъ легко поддаются уничтоженію. Въ циркулярѣ отъ 3 января 1875 года уже говорится: „Принимая во вниманіе, что сказанный циркуляръ (отъ 9 ноября 1874 года) въ различныхъ мѣстностяхъ постоянной осѣдлости евреевъ *былъ понимаемъ неодинаково, вслѣдствіе чего произошли нѣкоторыя недоразумѣнія*, въ особенности въ губерніяхъ западнаго края...“, признано необходимымъ обсудить этотъ вопросъ во всей его совокупности, а поэтому слѣдуетъ *пріостановиться исполненіемъ циркуляра отъ 9 Ноября*. Самый фактъ пріостановленія исполненія этого циркуляра, пріостановленія, вынужденнаго, очевидно, неотразимыми требованіями дѣйствителности, а не произвольными, умозрительными соображеніями, ясно указываетъ на неодолимую путаницу и гибельную ломку, которыя не могли не сопровождать примѣненіе закона 14 Мая 1874 года. Но какъ бы то ни было, а со времени изданія этого закона прошло уже пять лѣтъ *,—время, въ которое дѣйствіе такой несложной мѣры могло вполнѣ обозначиться,—и мы видимъ только одно, именно: что сильное экономическое разстройство, внезапно внесенное въ бытъ цѣлаго бѣднаго класса еврейскаго населенія, не успѣло еще изгладиться, а утратило лишь свой острый характеръ. Если же цѣль этого закона, которой принесли въ жертву экономическое положеніе десятковъ тысячъ людей, заключалась въ томъ, чтобы избавить нееврейское населеніе отъ вліянія „еврейской язвы“ въ сферѣ питейной, то едва ли кто въ состояніи указать, чтобы питейная нравственность въ народѣ и ожидаемое отъ нея преуспѣяніе стали воцаряться съ того времени. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни смотрѣть на законъ 14 Мая 1874 года, нельзя не видѣть въ немъ печальнаго анахронизма, вызваннаго къ искуственной и незавидной жизни, нельзя не пожалѣть о томъ, что въ немъ какъ бы вновь повѣяло тѣмъ духомъ прошлаго, свободныя эманаціи котораго, казалось, навсегда парализованы.

Тѣмъ отраднѣе остановиться теперь на законѣ, насквозь проникнутомъ истинно просвѣщеннымъ духомъ и воплощающимъ въ себѣ начало равенства всѣхъ предъ государствомъ. Мы говоримъ о новомъ уставѣ о воинской повинности, обнародованномъ въ началѣ того же 1874 года, въ которомъ, нѣсколько только мѣсяцевъ позже, появился вышеразсмотрѣнный законъ о торговлѣ питьями.

* Черезъ мѣсяцъ послѣ изданія закона 14 мая 1874 г. было обнародовано, что установленное имъ ограниченіе правъ евреевъ по питейной торговлѣ слѣдуетъ ввести въ дѣйствіе съ 1 Января 1875 г.

Уставъ о воинской повинности есть, конечно, прежде всего мѣра высокой, общегосударственной важности, но—для евреевъ онъ еще, кромѣ того, имѣетъ неоцѣнимое, избавительное значенiе. Прежде всего въ уставѣ о воинской повинности впервые ясно и безусловно проведено то отрицательное начало, въ которомъ, однако, единственно заключается положительное рѣшенiе еврейскаго вопроса. Это начало —полное игнорированiе евреевъ, и оно соблюдено во всѣхъ общихъ статьяхъ устава, за однимъ, впрочемъ очень важнымъ, исключенiемъ. Это исключенiе мы видимъ именно въ томъ, что въ статьѣ объ изъятiяхъ по званiю отъ воинской повинности отъ послѣдней освобождаются священнослужители *всѣхъ христiанскихъ вѣроисповѣданiй*. Это, если хотите, своего рода игнорированiе евреевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма ощутительное косвенное ихъ признанiе. Нечего говорить, что исторированiе евреевъ слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что права и преимущества даруются одному лишь нееврейскому населенiю, а въ томъ, что въ законѣ евреи представляются слитыми со всѣми гражданами въ общемъ понятiи: народъ. Законы, спецiально относящiеся къ евреямъ, собственно говоря должны имѣть своимъ предметомъ одну лишь формально-церковную сферу и иныя соприкасающiяся съ нею отношенiя. Указанное нами предоставленiе льготы отъ воинской повинности только священнослужителямъ христiанскихъ вѣроисповѣданiй не есть, конечно, законъ, относящiйся къ церковной сферѣ, но оно выражаетъ, что нехристiанскiя вѣроисповѣданiя не пользуются у насъ покровительствомъ государства. Впрочемъ съ этимъ исключенiемъ, какъ оно ни важно въ извѣстныхъ отношенiяхъ, можно все таки помириться, въ виду того, что, какъ мы сказали, въ общемъ принципѣ признанiя евреевъ сынами отечества, наравнѣ съ прочимъ составомъ населенiя, выдержанъ въ уставѣ строго и безъ колебанiй. „Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго. Мужское населенiе, безъ различiя состоянiй, подлежитъ воинской повинности"—гласитъ первая статья устава. До этого устава эта священная обязанность долго лежала на евреевъ, какъ извѣстно, въ значительно большей мѣрѣ и тяготила ихъ въ гораздо болѣе суровой формѣ, чѣмъ всѣхъ другихъ русскихъ поданныхъ. Въ отправленiи воинской повинности евреи должны были участвовать количественно всегда больше, чѣмъ прочiя части населенiя, правами же выслуги они не пользовались, да и кромѣ того существовали весьма многiя неизгладимыя изъ памяти условiя, такъ что рекрутчина по праву была въ глазахъ евреевъ злѣйшимъ бичемъ. Уставъ о воинской повинности превращаетъ этотъ бичъ въ дѣйствительно священную обязанность; этотъ уставъ есть первый правительственный актъ, въ которомъ евреи признаются русскими подданными въ настоящемъ смыслѣ, т. е. съ обязанностями, но также и съ правами гражданина; въ этомъ уставѣ, можно сказать, русскiе евреи впервые обрѣли себѣ отечество.

Нѣкоторыя практически небезинтересныя для насъ данныя представляютъ иныя болѣе частныя опредѣленiя устава и послѣдовавшiя по нимъ разъясненiя, въ видахъ огражденiя правильнаго отправленiя евреями воинской повинности. Главныя неправильности въ этомъ отношенiи справедливо можно было предвидѣть отъ неурядицы, которая неминуемо должна была произойти при опредѣленiи возраста и семейнаго положенiя мужскаго еврейскаго населенiя, подлежащаго воинской повинности. Неурядица эта должна была явиться необходимымъ послѣдствiемъ того неустройства и запущенiя, въ которыхъ постоянно находились у евреевъ метрическая и ревизская часть. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ причинъ этого неустройства и запущенiя, но достаточно упомянуть, что чуть ли не главною причиною метрическихъ и ревизскихъ безпорядковъ была все таже прежняя, грозная рекрутчина. Неудивительно, да и нельзя пенять на еврея, напримѣръ, если онъ, при дѣйствiи ея съ придачей еще нѣкоторыхъ кагальныхъ условiй, всегда старался какъ бы порѣже фигурировать въ какихъ либо государственныхъ или общественныхъ записяхъ, какъ бы входить въ нихъ елико возможно старше годами, болѣе убогимъ источниками существованiя, болѣе сиротливымъ въ семейномъ отношенiи. Въ виду этого въ

уставѣ предписывается, что, относительно обязанности отправлять воинскую повинность, возрастъ лицамъ нехристіанскихъ исповѣданій опредѣляется по наружному виду во всѣхъ случаяхъ, когда возникнетъ сомнѣніе въ правильности имѣющихся о возрастѣ документовъ; кромѣ того же разными разъясненіями устанавливается особый порядокъ составленія призывныхъ списковъ евреямъ, удостовѣренія ихъ семейнаго положенія и обязанности ихъ относительно приписки къ мѣстамъ жительства. Въ сущности нельзя было бы ничего возразить противъ всѣхъ этихъ мѣръ, если бы въ нихъ можно было видѣть лишь стремленіе по возможности устранить тѣ неудобства къ примѣненію новаго закона, которыя всецѣло были порождены, взлелѣяны и завѣщаны намъ прежнимъ порядкомъ. Нельзя, напримѣръ, ничего сказать противъ того министерскаго циркуляра, въ которомъ предписывается Присутствіямъ по воинскимъ дѣламъ немедленно приступить къ опредѣленію по наружному виду возраста евреевъ, „такъ какъ количество послѣднихъ, подлежащихъ такому опредѣленію возраста, весьма значительно и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ доходитъ до сорока тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ при составленіи устава о воинской повинности не имѣлось въ виду почти поголовное опредѣленіе возраста евреевъ по наружному виду“. Быть можетъ, что при данномъ положеніи вещей правильность отправленія евреями воинской повинности не была бы достаточно ограждена безъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ мѣръ; но давала ли необходимость установленія этихъ мѣръ основанія къ тому, чтобы возродилось старое мнѣніе, будто евреи неизбѣжно, при существованіи даже наисправедливѣйшаго закона, уже какъ-бы по внутренней природѣ своей, будутъ всячески уклоняться отъ отбыванія воинской повинности? Конечно, нѣтъ, а между тѣмъ это именно мнѣніе не замедлило сейчасъ ожить, какъ только явились затрудненія въ дѣлѣ истребленія укоренившейся, при прежнемъ порядкѣ, системы „улизываній“ евреевъ отъ драконовскаго рекрутскаго закона. Первые признаки возвращенія къ этому мнѣнію и вообще отступленія относительно евреевъ отъ общихъ началъ устава

стали пробиваться наружу уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ обнародованія его, именно въ томъ, что 10 Мая 1874 года испрошено было Высочайшее разрѣшеніе на устраненіе выбора евреевъ въ члены отъ городскаго общества, которыми, на основаніи устава о воинской повинности, въ извѣстномъ случаѣ дополняется составъ присутствія въ призывномъ участкѣ. Затѣмъ это мнѣніе начинаетъ обозначаться все рѣзче и рѣзче, такъ что въ 1876 году оно уже выражается, напримѣръ, въ такомъ явномъ нарушеніи духа устава, какое нельзя не видѣть въ опредѣленіи, чтобы лица, оказавшіяся неспособными къ службѣ, а также не объявившіяся по призыву, замѣнялись: христіане—христіанами, а нехристіане—лицами ихъ исповѣданія. Намъ кажется, что по тѣмъ статистическимъ даннымъ о дѣйствительномъ исполненіи евреями воинской повинности въ послѣдніе годы, по тѣмъ даннымъ о поведеніи солдата изъ евреевъ въ недавнюю войну, никакъ нельзя сказать, чтобы мнѣніе о повальномъ и природномъ отвращеніи и неспособности евреевъ къ военной службѣ имѣло какую нибудь надежную опору. По статистическимъ даннымъ число евреевъ, отбывающихъ воинскую повинность и уклоняющихся отъ нея, пропорціонально соотвѣтствуютъ тѣмъ же числамъ по отношенію къ нееврейскому населенію, а что касается способности къ военной службѣ и исполненія воинскаго долга, то даже наша печать, не слишкомъ ужъ дружелюбная и безпристрастная къ евреямъ, не позволяетъ себѣ ни одного неодобрительнаго отзыва, а напротивъ отмѣчала нѣсколько случаевъ особой храбрости и отличія еврейскихъ воиновъ въ перипетіяхъ послѣдней войны. При этомъ не нужно забывать, что страхъ предъ бичемъ рекрутчины засѣлъ слишкомъ глубоко, чтобы исчезнуть такъ скоро, что условія, въ которыя нынѣ поставленъ еврейскій солдатъ, на дѣлѣ также не всегда удовлетворительны, и что, наконецъ, отъ массы евреевъ, которой даваемо было столько недвусмысленныхъ поводовъ считать себя чуждой и еле терпимой въ собственной родинѣ, трудно требовать проникновенія себя сразу сознаніемъ священнаго долга защиты отечества. Но что же дѣлать, когда такова уже участь евреевъ у

насъ, что не только при какихъ нибудь праздныхъ сужденіяхъ о нихъ, но и при весьма существенныхъ мѣропріятіяхъ рѣшающими мотивами бываютъ не просто разумно добытые изъ данной группы фактовъ выводы, но прежде всего фантастическое представленіе о какихъ-то чудовищныхъ, роковыхъ, неискоренимо присущихъ еврейской націи свойствахъ.

Между всѣми мѣрами, предпринятыми правительствомъ „для предотвращенія уклоненія евреевъ отъ военной службы" (слова закона) заслуживаетъ еще нѣкотораго вниманія состоявшаяся въ 1875 году перепись евреевъ. Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи общаго собранія государственнаго совѣта о введеніи общей воинской повинности, было между прочимъ сказано: „Въ видахъ предотвращенія уклоненія евреевъ отъ военной службы сообразить... вопросъ о болѣе правильномъ, чѣмъ нынѣ, учетѣ еврейскаго населенія, возложивъ при этомъ обязанности по веденію еврейскихъ метрикъ на гражданское начальство" и „немедленно по изданіи закона о воинской повинности изыскать мѣры къ приведенію въ точную извѣстность всего мужскаго еврейскаго населенія до 25 лѣтняго возраста включительно". Вслѣдствіе этого и состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о переписи евреевъ, положеніе, въ извѣстныхъ отношеніяхъ небезинтересное. Прежде всего комитетъ министровъ принялъ во вниманіе, что возложеніе переписи евреевъ внѣ городовъ на волостныхъ старшинъ, при содѣйствіи еврейскихъ сборщиковъ податей, не годится между прочимъ потому, что „лица эти (т. е. еврейскіе сборщики податей), принадлежа къ числу самыхъ зажиточныхъ евреевъ и будучи выборными отъ еврейскихъ обществъ и членами еврейскаго кагала, относятся вообще крайне неблагопріятно къ переписи своихъ единовѣрцевъ и, по самому положенію своему въ средѣ еврейскихъ обществъ, склонны къ послабленію въ пользу богатыхъ евреевъ и въ ущербъ бѣдному еврейскому населенію". Затѣмъ комитетъ министровъ призналъ, что приведеніе въ извѣстность мужскаго еврейскаго населенія до 25 лѣтняго возраста включительно представляетъ

вообще особыя затрудненія, и какъ мѣра чрезвычайная требуетъ и средствъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Такія выходящія изъ ряда обыкновенныхъ средства комитетъ министровъ нашелъ въ правилахъ, указанныхъ по уставу о десятой народной переписи для мѣстной повѣрки ревизскихъ сказокъ. Установивъ, на основаніи этихъ правилъ, производство предполагавшейся переписи, комитетъ министровъ, между прочимъ, опредѣлилъ, чтобы возрастъ евреевъ обозначался и по ревизскимъ сказкамъ, и по паспортамъ, и по метрическимъ свидѣтельствамъ, и по другимъ документамъ, и наконецъ по наружному виду. Такимъ образомъ комитетъ министровъ серьезно оцѣнилъ затрудненія предлежавшей задачи, не упустилъ даже изъ виду неудобства отъ участія въ переписи еврейскихъ сборщиковъ податей, далъ такія мѣрила для опредѣленія возраста, разнообразнѣе и „вольнѣе" которыхъ и придумать было нельзя, такъ что послѣ этого всѣ наличные ко дню переписи евреи мужскаго пола, такъ или иначе, а должны были оказаться пріуроченными къ извѣстному возрасту. Разъ этотъ темный пунктъ въ опредѣленіи „состоянія" евреевъ былъ устраненъ, въ особенности когда въ добавокъ приняты были еще разныя мѣры относительно приписки евреевъ къ мѣстамъ жительства и удостовѣренія ихъ семейныхъ положеній, то въ дѣйствительности осталось только обезпечить и на будущее время правильный учетъ еврейскаго населенія, и затѣмъ отбываніе евреями воинской повинности было ограждено настолько, насколько требовали самая строгая предусмотрительность и справедливость. То обстоятельство, что доселѣ еще не преобразована надлежащимъ образомъ метрическая часть у евреевъ, нельзя, конечно, имъ ставить въ вину, а затѣмъ все таки не остается никакихъ вѣскихъ данныхъ, которыя бы оправдывали недовѣріе къ евреямъ, вновь всплывшее и разросшееся на почвѣ устава о воинской повинности, одного изъ наиболѣе разумныхъ, справедливыхъ, гуманныхъ и просвѣщенныхъ нашихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе не далѣе какъ въ прошломъ 1878 году состоялась мѣра, которою доводятся, такъ сказать, до апогея правительственныя распоряженія,

имѣвшія въ виду постепенное выключеніе евреевъ изъ общихъ правилъ о призывѣ къ воинской повинности и отведеніе евреямъ, по прошлымъ примѣрамъ, особаго темнаго угла. Эта мѣра заключается въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, которымъ разрѣшается привлекать къ дѣйствительной военной службѣ евреевъ, пользующихся даже льготой перваго разряда по семейному положенію, въ случаѣ недостатка такихъ лицъ съ льготами втораго и третьяго разрядовъ. Такимъ образомъ оказывается, что относительно евреевъ признано было возможнымъ примѣнить тотъ исключительный случай, на который указываетъ ст. 152 уст. о воинской повинности, а именно, „что имѣющіе льготу по семейному положенію перваго разряда вносятся въ пріемную роспись только въ такомъ случаѣ, когда о привлеченіи ихъ на службу въ войска состоится особое, по представленію Военнаго министра, Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта“. Мѣра эта является какъ бы съ характеромъ кары и какъ бы говоритъ, что чаша правительственнаго долготерпѣнія переполнена. Уставъ о воинской повинности, ко времени изданія этой мѣры, дѣйствовалъ всего неполные четыре года; евреи же долго, безропотно, только съ робкимъ стономъ, выносили страшную рекрутчину— такъ неужели подобное мученичество не давало имъ права на маломальски продолжительную снисходительность, если она дѣйствительно оказывалась нужною? Если бы евреи не принадлежали къ той породѣ людей, одно представленіе о которыхъ безотчетно располагаетъ къ слѣпому обвиненію и нещадности, то хладнокровное взвѣшиваніе дѣйствительныхъ фактовъ и соображеніе ихъ со всею совокупностью прошлыхъ и настоящихъ условій положенія евреевъ могли убѣдить, что если и требовалось снисхожденіе, то не слишкомъ долговременное. Въ концѣ же концевъ оказывается, что и воинскій уставъ какъ бы раскаивается, что сразу безъ обиняковъ включилъ и евреевъ въ свои патріотическія нѣдра и старается поотстранить ихъ немного.

Мы обозрѣли въ общихъ чертахъ болѣе выдающіяся части того скуднаго законодательнаго матеріала, который дало намъ послѣднее десятилѣтіе. Безпристрастный читатель, сведя итоги всего нами изложеннаго, признаетъ, надѣемся, что въ бѣглую характеристику этого законодательнаго періода относительно евреевъ, которую мы дали въ началѣ этой статьи, мы по меньшей мѣрѣ не внесли никакого шаржа, никакого предвзятаго пессимизма. Этотъ періодъ былъ по преимуществу періодомъ застоя и колебаній съ болѣе или менѣе явною наклонностью становиться вновь на überwundene Standpunkte. Новый духъ, торжествовавшій нѣсколько побѣдъ въ предыдущемъ періодѣ, находился въ состояніи сладкаго усыпленія, а разные призраки прежняго времени такъ и порывались погулять въ тихомолку, чтобы не будить его и съ нимъ еврейскія упованія. Только въ недавнее время эти упованія вновь было встрепенулись съ почти забытой силой, но напряженіе было минутное и.... мимолетное. Разскажемъ въ заключеніе о томъ толчкѣ, который чуть было окончательно не разбудилъ эти упованія. Исторія эта, сама по себѣ интересная и характерная, получаетъ еще особое значеніе въ виду того, что для дремлющихъ упованій она представляетъ богатый матеріалъ для весьма пріятныхъ сновидѣній и грезъ на цѣлое новое десятилѣтіе. Мы говоримъ о промелькнувшемъ недавно въ печати проектѣ дальнѣйшаго расширенія правъ евреевъ, проектѣ, превращеніе котораго въ законъ предстоитъ будто въ близкомъ будущемъ. Вотъ вкратцѣ исторія этого проекта, безъ всякаго съ нашей стороны толкованія.

7 Февраля 1877 года отдѣлъ коммиссіи по устройству быта евреевъ имѣлъ сужденіе по вопросу о правахъ евреевъ по образованію. Сужденія эти заключались въ слѣдующемъ: Въ декабрѣ 1867 г. московскій военный генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи права постояннаго жительства и практики въ столицѣ зубному врачу, еврею Борису Леви, а также проживанія въ Москвѣ для поступленія ученикомъ въ кудринскую аптеку еврею Арнштейну. Ходатайство основывалось на аналогіи и выводахъ изъ правъ, предоставленныхъ евреямъ, получившимъ ученую степень,

евреямъ ремесленникамъ и отставнымъ солдатамъ. По этому ходатайству министръ внутреннихъ дѣлъ снесся съ министромъ народнаго просвѣщенія, затребовалъ заключенія медицинскаго совѣта и наконецъ, въ 1869 году испросилъ Высочайшаго соизволенія на внесеніе означеннаго ходатайства въ государственный совѣтъ. Въ концѣ этого же года государственный совѣтъ „нашелъ *совершенно справедливымъ*“ это ходатайство, „но вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, государственный совѣтъ не могъ не принять во вниманіе съ одной стороны, что при изданіи предположеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ правила надлежало бы дать ему видъ болѣе общій, распространивъ его дѣйствіе на всѣхъ вообще лицъ, имѣющихъ медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя степени и званія, равно какъ на приготовляющихся къ дѣятельности сего рода, а съ другой стороны, что въ дѣйствующемъ законодательствѣ содержатся еще нѣкоторыя ограниченія относительно вступленія въ службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постояннаго пребыванія въ столицахъ, даже для евреевъ, получившихъ медицинскія степени“. Поэтому, предоставленіе правъ однимъ лишь дантистамъ и фармацевтамъ государственный совѣтъ въ концѣ концевъ, призналъ *не вполнѣ послѣдовательнымъ и справедливымъ* и возвратилъ все дѣло министру внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы онъ внесъ проектъ правилъ въ государственный совѣтъ, въ смыслѣ, указанномъ послѣднимъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ снесся, разумѣется, предварительно съ подлежащими вѣдомствами, съ министромъ народнаго просвѣщенія, съ министромъ финансовъ, а время все шло, и неизвѣстно, что между тѣмъ дѣлали евреи Леви и Арнштейнъ, которые, однако, несомнѣнно были главными виновниками всей этой правительственной переписки. Оказалось, что ни одно изъ вѣдомствъ не выказало препятствій предположеніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, а министръ финансовъ уже отъ себя, успѣлъ даже отдѣльно выхлопотать права технологамъ-евреямъ, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Было это въ 1871 году, когда по поводу преній, именно, о технологахъ, статсъ-секретарь князь Урусовъ возбудилъ вопросъ о еврейскихъ дѣйствительныхъ студентахъ и тѣмъ натолкнулъ государственный совѣтъ на то, чтобы взглянуть на предметъ еще шире. Государственный совѣтъ обобщилъ немедленно частный вопросъ князя Урусова, превративъ его въ общій „вопросъ о дозволеніи повсемѣстнаго жительства евреямъ, получившимъ извѣстное образованіе“. При этомъ государственный совѣтъ, вспомнивъ свое указанное выше порученіе на счетъ проекта правилъ, данное министру внутреннихъ дѣлъ, поручилъ послѣднему за одно ужъ войдти и въ соображенія по „общему вопросу“ и „по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами внести предположенія свои о томъ на разсмотрѣніе“. Въ виду такого расширенія порученія министра внутреннихъ дѣлъ и еще дальнѣйшаго его разростанія, которое предвидѣлось дальнозоркому уму, образована была въ 1872 году, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коммиссія по устройству быта евреевъ. Въ ноябрѣ того же года поручено было двумъ членамъ этой коммиссіи разработать и представить докладъ о тѣхъ правахъ личныхъ и по имуществу, которыя могутъ быть предоставлены евреямъ въ настоящее время. Такимъ образомъ задача, имѣвшая сначала въ виду однихъ дантистовъ и фармацевтовъ, захватывала все глубже и шире и стала теперь чуть ли не всеобъятною. Къ 26 января 1873 года оба члена коммиссіи окончили возможенный на нихъ трудъ и представили ей свой докладъ.

На томъ дѣло и остановилось на цѣлыхъ четыре года, до 7 февраля 1877 года, когда было засѣданіе отдѣла коммиссіи, въ которомъ имѣли сужденіе по вопросу о правахъ евреевъ по образованію. Такъ какъ только этотъ вопросъ подлежалъ теперь обсужденію отдѣла коммиссіи и только этотъ вопросъ непосредственно относился до возложеннаго на министра внутреннихъ дѣлъ порученія, коммиссія и выдѣлила изъ всего доклада членовъ только эту часть, а изъ этой части опять признано было возможнымъ разсматривать только права евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также получившихъ медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя степени и званія. Сужденія же

по вопросу о правахъ евреевъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, отложены до того времени, когда дойдетъ очередь до разсмотрѣнія вопроса о мѣстожительствѣ евреевъ вообще; что же касается оставленной для обсужденія въ настоящемъ засѣданіи частицы доклада, то отдѣлъ коммиссіи призналъ—вполнѣ правильною „мысль объ уравненіи, по возможности, въ правахъ евреевъ, окончившихъ курсъ въ разнаго рода высшихъ учебныхъ заведеніяхъ". По мнѣнію отдѣла коммиссіи будетъ „совершенно справедливо предоставить такимъ евреямъ права поступленія на службу, повсемѣстнаго жительства и свободной приписки къ обществамъ внѣ губерній, опредѣленныхъ для постоянной осѣдлости евреевъ". Но предполагается, что права эти могутъ быть предоставлены только евреямъ, дѣйствительно „прошедшимъ полный курсъ наукъ въ какомъ либо заведеніи, а не только выдержавшимъ установленный для полученія извѣстной степени экзаменъ". „Различіе это,— разсуждаетъ отдѣлъ коммиссіи,—оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что главная задача, къ которой должно стремиться, состоитъ въ содѣйствіи возможному слiянію евреевъ съ прочимъ населеніемъ имперіи. Прохожденіе же полнаго курса наукъ въ учебномъ заведеніи, связанное съ постояннымъ общеніемъ съ русскою молодежью, имѣетъ несомнѣнно огромное нравственное вліяніе, какъ бы вырывающее евреевъ изъ той тѣсной и вредной среды, въ которой они чахнутъ и извращаются умственно и нравственно. Но нельзя того сказать о тѣхъ лицахъ, кои, подготовляясь дома къ экзамену для полученія извѣстной степени, большею частью продолжаютъ вращаться въ еврейской средѣ и, въ силу этого вращенія, нравственно воспитываются въ духѣ, враждебномъ христіанскому ученію и гражданскому строю государства". Другое исключеніе, которое проектируется отдѣломъ коммиссіи, поражаетъ инженеровъ-евреевъ путей сообщеній. Этихъ лицъ предполагается изъять изъ предоставленія евреямъ правъ государственной службы и это изъятіе отдѣлъ коммиссіи мотивируетъ слѣдующимъ незамысловатымъ образомъ. „Въ послѣднее время, разсуждаетъ отдѣлъ коммиссіи, большинство концессіонеровъ и подрядчиковъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, а равно и значительное число членовъ правленій уже дѣйствующихъ дорогъ, принадлежитъ къ еврейской національности, а потому усиленіе этого элемента допущеніемъ евреевъ инженеровъ къ занятію офиціальныхъ должностей съ правами государственной службы было бы крайне нежелательно". Наконецъ имѣется въ виду обогрѣть лучемъ свѣта также и дантистовъ и фармацевтовъ (въ томъ числѣ, конечно, и томящихся съ 1867 года Леви и Арнштейна), а ровно и еврейскихъ фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ. Въ заключеніе же всѣ пространныя сужденія сводятся къ слѣдующимъ четыремъ „предположеніямъ": Во первыхъ, евреямъ, прошедшимъ полный курсъ наукъ въ университетахъ въ одномъ изъ поименованныхъ въ докладѣ семнадцати высшихъ учебныхъ заведеній, предоставить безъ различія степеней и званій, права поступленія на государственную службу на общемъ основаніи, повсемѣстнаго жительства, свободной приписки къ обществамъ и занятія торговлей и промышленностью внѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ. Во вторыхъ, евреямъ инженерамъ путей сообщенія предоставить тѣ же права, за исключеніемъ права на государственную службу. Въ третьихъ, евреямъ и еврейкамъ, желающимъ изучать фармацію, фельдшерское или повивальное искуство, дозволить для этой цѣли повсемѣстное жительство, если они будутъ не старше двадцати пяти лѣтъ и, сверхъ того, будутъ соблюдать извѣстныя установленныя для нихъ паспортныя ограниченія. Въ четвертыхъ, наконецъ, евреямъ, удостоеннымъ званія аптекарскихъ помощниковъ, дантистовъ и фельдшеровъ, а также и еврейкамъ, получившимъ званіе повивальной бабки, разрѣшить постоянное повсемѣстное жительство и право свободной приписки къ обществамъ губерній, внѣ постоянной осѣдлости евреевъ.

Какъ ни пріятно звучитъ все это, не смотря на иные вкравшіеся диссонансы, но—пока эта еще Zukunftsmusik. Впрочемъ, скажемъ устами святаго старца Зосима въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы": „Нечего смущать

себя временами и сроками, ибо тайна временъ и сроковъ въ мудрости Божіей, въ предвидѣніи его и въ любви его. И что по разсчету человѣческому можетъ быть еще и весьма отдаленно, то по предопредѣленію Божіему можетъ быть уже стоитъ накануне своего появленія, при дверяхъ. Сіе послѣднее буди, буди" Нетерпѣніе — слабость сильныхъ, уныніе — гибель слабыхъ. У евреевъ оспаривали всѣ сколько нибудь хорошія душевныя свойства, но въ томъ имъ никто, кажется, не откажетъ,—что они умѣютъ терпѣть и уповать. Мудрствовать надъ сообщенною нами частицею одной доли отъ одной части цѣлаго доклада, выработаннаго двумя членами коммиссіи, значило бы понапрасну отравлять тѣ два, три новыя „мечтанія", которыя такъ необходимы для жизненности евреевъ, народа мечтателя по преимуществу. Скоро ли сбудутся эти мечтанія или нѣтъ, одно то ужъ даетъ право евреямъ лелѣять ихъ открыто и самоувѣренно, что (какъ видно изъ журнала засѣданій отдѣла коммиссіи) и министры, и высшія вѣдомства, и самъ государственный совѣтъ давно признаютъ ихъ „вполнѣ справедливыми". Дай Богъ только, чтобы объ этихъ мечтаніяхъ да кстати уже и о тѣхъ, которыя находятся еще въ скрытомъ видѣ въ неразсмотрѣнныхъ покуда частяхъ доклада, намъ не пришлось говорить, какъ о таковыхъ, и въ слѣдующемъ обозрѣніи законодательной дѣятельности относительно евреевъ.

Я. Розенфельдъ.

СООБЩЕНІЯ О ХАЗАРАХЪ.

А. ХАЗАРСКІЯ ПИСЬМА.

(По рукописямъ Императорской Публичной Библіотеки).

Какъ извѣстно, въ еврейской литературѣ сохранился весьма важный историческій памятникъ изъ начала второй половины X вѣка по Р. X., а именно, переписка между испанскимъ евреемъ *Хасдаи ибнъ-Шапрутомъ*, занимавшимъ весьма важное мѣсто при арабскихъ халифахъ, въ Кордовѣ, Абдуррахманѣ III (отъ 911 до 961 по Р. X.) и сынѣ его Аль-Хакимѣ II (отъ 961 до 976), и тогдашнимъ *Хазарскимъ Царемъ* (или *Хаканомъ*, какъ гласилъ его титулъ на туземномъ нарѣчіи) *Іосифомъ*. Означенная переписка (по моему расчету она писана около 960 г.) впервые стала извѣстна слишкомъ 300 лѣтъ тому назадъ, когда *Исаакъ Акришъ* издалъ сборникъ подъ заглавіемъ *Колъ Мебассеръ* (Возвѣщающій Гласъ, напечатанъ въ 1577 году въ Константинополѣ). Но, къ сожалѣнію, издателю попалась въ руки сокращенная и искаженная редакція самаго интереснаго документа, т. е. отвѣта царя Іосифа, такъ какъ въ напечатанномъ текстѣ пропущены многія въ высшей степени интересныя данныя, какъ по исторіи Хазаръ со времени ихъ прибытія въ южную Россію, такъ и по географіи и этнографіи Хазарскаго государства въ началѣ второй половины X столѣтія, предъ тѣми гибельными пораженіями, которыя Святославъ нанесъ Хазарскому царству въ 964-мъ и 969-мъ годахъ и которыя навсегда положили конецъ преобладанію Хазаръ на Югѣ.

Такъ какъ критическое изданіе текста съ обстоятельнымъ разборомъ въ историко-филологическомъ отношеніи замедлилось вслѣдствіе разныхъ причинъ *, то я рѣшился представить пока читателямъ „Еврейской Библіотеки“ точный русскій переводъ, впервые сдѣланный по рукописямъ нашего богатаго государственнаго книгохранилища, съ нѣкоторыми примѣчаніями въ мѣстахъ, гдѣ это показалось мнѣ нужнымъ для уразумѣнія текста.

I.

Письмо раввина Хасдаи сына Исаакова (да почіетъ онъ въ почести) къ царю Козарскому 1).

1. Чудесному государству, украшенному діадимою и скипетромъ 2).
2. Да будетъ ему милость Божія и да господствуетъ согласіе между его законодателями (судьями) и многочисленнымъ войскомъ!
3. Счастіе побѣды да окружаетъ его жилища и собранія!
4. Чудесной силой да восторжествуютъ его ратники и щиты его храбрыхъ!
5. Да не отступаютъ никогда обезкураженными его колесницы съ ихъ вожатыми!
6. Знамена его полководцевъ и оружіе его ратниковъ да покрываются величіемъ!
7. Стрѣлы его стрѣлковъ и лезвія его тяжеловѣсныхъ кинжаловъ
8. Пусть проникаютъ въ сердца враговъ царя, моего государя, и причинятъ имъ бѣдствія!
9. Пусть на его колесницахъ пребываютъ храбрость, страхъ и ужасъ (врагамъ)!
10. Да восторжествуютъ его всадники и спокойно да возвратятся они съ грознаго (поля брани)!
11. Душа моя жаждетъ (видѣть) это; блаженъ глазъ который видитъ
12. Выходъ царя въ день сраженія, словно солнце, чудесно сіяющее!
13. Воины его летятъ какъ молніи, одинъ изъ нихъ противъ ста враговъ, а двое противъ миріадъ.
14. Противниковъ они притискиваютъ, словно нагруженная телѣга 3).
15. Поймите-же это, правители міра! кто (изъ васъ) слышалъ и видѣлъ подобное,
16. Чтобы остатки (Израиля) одолѣвали храбрыхъ, обращенныхъ въ бѣгство и скрывающихся?
17. Но мощная рука Всевышняго бываетъ имъ (Хазарамъ) силою и помощью, что всѣмъ удивительно.
18. Все это Всемогущій совершаетъ надъ грѣшными государствами по заслуженному ими наказанію.

* На русскомъ языкѣ приготовлено мною изданіе, долженствующее появиться въ трудахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества, а на нѣмецкомъ языкѣ—въ Мемуарахъ Академіи наукъ.

Слѣдующія примѣчанія подъ цифрами помѣщены въ концѣ статьи.

19. Все это служитъ къ возвеличенію и къ прославленію остатка народа, отъ рожденія избраннаго.
20. Когда вспоминаю о знаменіяхъ древнихъ временъ, то упиваюсь желчью и горечью,
21. (Когда вспоминаю о томъ времени) когда Израиль жилъ въ благополучіи и спокойствіи 4),
22. Тогда онъ только отличался (счастливымъ положеніемъ), а нынѣ онъ разсѣянъ по всѣмъ сторонамъ.
23. Солнце жжетъ его и наноситъ ему удары, (а онъ все странствуетъ), не находя пристанища.
24. Не искупился онъ (изъ плѣна), и часъ свободы для него не пробилъ.
25. Проткнуты у него уши (на вѣчное рабство) и не можетъ онъ выйдти на свободу 5).
26. Остается онъ въ состояніи бѣднаго и опьяненнаго, но онъ не пьянъ отъ горькихъ напитковъ (а отъ горькой судьбы).
27. Хищники на него напали, и изъ святилища его вытащили.
28. Время долго тянется, дни удлиняются, но чудо (избавленіе Израиля) не показывается.
29. Нѣтъ ужь больше пророка и видѣній духа (святого) и явленій (пророческихъ) ужь не бываетъ.
30. Рѣченія пророка Даніила еще не сбываются и ничего не осталось отъ его пророчества.
31. Богу, моей крѣпости, я молюсь и къ нему простираю руки жаждущею душою (съ просьбою):
32. Разсѣянныхъ по краямъ свѣта, разбросанныхъ по отдаленнымъ мѣстностямъ да соблаговолитъ Онъ собрать изъ мрака (изгнанія),
33. Для того чтобы нынѣ сокрушенные бѣдствіемъ могли сказать Богу: вотъ настало ожидаемое время!
34. Столица Великаго Царя (Іерусалимъ) навсегда выброситъ ихъ (враговъ Израиля), какъ она уже разъ ихъ выбросила (во время Исуса Навина).
35. Глаза остатковъ (Израиля) будутъ зрѣть вышины крѣпости (Ціона)
36. И царство сына Іессеева (Давида), предсказанное въ тайнѣ пророческаго видѣнія.
37. „Тогда (скажетъ Богъ) рогъ твой (т. е. силу, крѣпость твою) сдѣлаю мощнымъ какъ желѣзо на вѣки вѣчные“!

Отъ меня Хасдаи, сына Исаакова, сына Эздры, изъ Іерусалимскихъ изгнанниковъ въ Испаніи, раба царя моего государя, падающаго ницъ передъ нимъ и стоящаго на колѣняхъ въ отдаленной землѣ противъ страны, обитаемой его величествомъ, радующагося его (царя) спокойствію и наслаждающагося его величіемъ и миромъ, простирающаго руки къ Богу въ небесахъ о продленіи времени его царствованія во Израилѣ.

Кто я и что (значитъ) моя жизнь 6), чтобы у меня хватило силы (духа) писать къ царю моему государю и посѣщать (пись-

момъ) его великолѣпіе? Но я полагаюсь на мой справедливый путь (жизни) и правильные шаги (поступки). Какія хорошія слова можетъ находить мысль изгнанниковъ, позабывшихъ о своихъ обиталищахъ, у коихъ отнято величіе царства, а надъ которыми продолжаются дни стѣсненія и (тяжкаго) суда, и коихъ знамена (или дѣянія) не видны на землѣ? Такъ какъ мы, остатки Израиля, рабы царя моего государя, въ изгнаніи—сначала однако мы жили здѣсь спокойно, ибо Богъ насъ не оставлялъ и не отвращалъ отъ насъ своего покровительства, — то, когда мы согрѣшили передъ Нимъ, Онъ судилъ насъ строго и привелъ насъ въ стѣсненное положеніе, побудилъ духъ властителей надъ Израилемъ, и они поставили начальниковъ надъ нимъ для вынужденія налоговъ: они этимъ отягчали ярмо, стѣсняли его (Израиля) своимъ сильнымъ гнѣвомъ, унижали его и такимъ образомъ настали для него большія и ужасныя бѣдствія. Но когда Господь увидѣлъ ихъ несчастіе и что нѣтъ имъ никакой помощи, то привелъ меня къ царю (Испанскому), склонилъ его и обратилъ его милость ко мнѣ; не по моимъ заслугамъ, но по Своей милости и ради Своего союза (съ Израилемъ). Вслѣдствіе этого бѣдныя овцы подкрѣплены были помощью, руки притѣснителей ослабли и удержаны отъ наказаній и ярмо ихъ (Евреевъ) облегчено по милости Божіей.

Да будетъ извѣстно царю моему государю, что имя земли, въ которой мы живемъ (называется) по еврейски—*Сефарадъ* 7), на языкѣ-же Измаильтянъ обитателей страны—*Аль-Андалусъ* 8). Названіе столицы государства—*Куртуба* (Кордова), которой длина 25,000 локтей, ширина 10,000 локтей, она находится налѣво отъ моря, идущаго до вашей страны и вытекающаго изъ Великаго Моря, окружающаго всю землю 9). Разстояніе между этимъ городомъ и Великимъ Моремъ, за которымъ нѣтъ болѣе обитателей земли—9 небесныхъ градусовъ, изъ коихъ, по мнѣнію астрономовъ, солнце проходитъ каждый день по одному градусу. Каждый градусъ на землѣ имѣетъ $66^2/_3$ мили, каждая миля 3,000 локтей, всего въ 9 градусахъ—600 миль. Разстояніе отъ Великаго Моря, окружающаго всю землю, до города Кустантины 10)—3,100 (миль): Куртуба же отстоитъ отъ моря, идущаго до вашей земли, на 80 миль. Я нашелъ въ сочиненіяхъ мудрецовъ, что пространство земли Аль-Хозаръ находится на 60-мъ градусѣ, что составляетъ 270 миль, по разстоянію Куртубы отъ Кустантины.

Прежде-же, чѣмъ изложу о Куртубѣ, предпошлю описаніе ширины и границъ ея,—твоему рабу извѣстно, что малѣйшій изъ слугъ царя моего государя болѣе знаетъ, чѣмъ наши мудрецы; но онъ не намѣренъ учить, а только припоминаетъ.—Мудрецы-астрономы говорятъ, что мѣсто, обращенное къ солнечному пути, находится въ соединеніи *овна* и *вѣсовъ*. Если проведемъ эту черту съ востока на западъ, то можно по ней узнать широту разныхъ странъ и тамъ всегда день и ночь равны, ибо солнце идетъ по этой чертѣ кругомъ (экваторъ).

Пространство разстояній нашего города отъ экватора 38 градусовъ, разстояніе Кустантины (отъ экватора)—44 градуса, а вашей границы отъ него—47 градусовъ.

Привелъ-же я это потому, что сначала я весьма удивлялся, почему не доходило до насъ никакихъ свѣдѣній о вашемъ государствѣ: (но теперь) мы подумали, что далекое растояніе было причиной тому, что мы до сихъ поръ не слыхали о славѣ и величіи государства царя моего государя. Однако слышалъ я, что двое изъ нашей страны попали въ землю царя моего государя; имя одного Іуда, сынъ Меира, сына Наѳанова: человѣкъ благоразумный и ученый, а другаго—Іосифъ Гагрисъ, также ученый. Блаженна и счастлива ихъ участь, что они удостоились видѣть величіе и возвышенность государя и царя моего, состояніе его слугъ и подданныхъ, и спокойствіе удѣла Божія. Можетъ быть, Богъ окажетъ и мнѣ эту великую милость, и я удостоюсь увидѣть величіе моего государя, его царскій престолъ и быть имъ ласково принятымъ.

Извѣщаю также царя моего государя, что имя царя, царствующаго у насъ—Абдъ аль-Рахманъ бенъ Мухамедъ (бенъ Абдъ-Аллахъ бенъ Мухаммедъ) 11), бенъ Абдъ аль-Рахманъ бенъ Хакимъ, бенъ Гишамъ бенъ Абдъ аль-Рахманъ. Всѣ эти царствовали одинъ за другимъ, кромѣ Мухаммеда, отца нынѣшняго царя, который не царствовалъ, ибо онъ умеръ при жизни отца своего.

Абдъ аль-Рахманъ же восьмой 12) пришелъ въ Испанію въ то время, когда на нихъ возстали сыны Аль-Абаса 13), родственники ихъ, а до сего времени они (Оммаяды) властвовали въ землѣ Синеаръ 14). Абдъ аль-Рахманъ этотъ восьмой, который отправился въ Испанію, когда возстали сыны Аль-Абаса, есть сынъ Моавіи бенъ Гишама, бенъ Абдъ аль-Маликъ; онъ зовется (также) Эмиръ

аль-Мумининъ (правитель вѣрныхъ). Имя его общеизвѣстно, и не было ему подобнаго между предшествовавшими царями.

Пространство Испаніи, царства Абдъ аль-Рахмана и Эмира-аль-Мумииина (да будетъ Богъ ему въ помощь!)—16 градусовъ или 1,100 миль; это есть пространство государства по границамъ его. Земля эта жирна, изобилуетъ рѣками, источниками, водоемами; она есть земля хлѣба, вина и елея; она богата плодами и всѣмъ пріятнымъ, имѣетъ огороды и сады, производитъ всѣ роды деревьевъ, плодоносныхъ и шелководныхъ и посему у насъ много шелку. Въ горахъ и рѣкахъ нашихъ собираютъ много пурпуровыхъ червей. Находятся у насъ горы шафрана, разнаго рода рудники, золотые, серебрянные, рудники красной мѣди, желѣза, олова, свинца, камней шаукъ, сѣры, мрамора, стекла. Производится у насъ также то, что на Измаильскомъ языкѣ называется *Лулунъ* 15). Купцы и торговцы стекаются къ намъ со всѣхъ странъ и дальныхъ островов, изъ Египта и изъ другихъ верхнихъ (южныхъ) странъ. Привозятъ они ароматы и драгоцѣнные камни; (страна наша) торгуетъ съ царями и князями; (торгуетъ она) всѣми драгоцѣнностями египетскими.

Царствующій у насъ царь собираетъ сокровища золотыя и серебрянныя, также драгоцѣнныя вещи. Войско его многочисленно, какъ не бывало у прежнихъ царей. Ежегодные доходы его, поступающіе ко мнѣ, составляютъ 100,000 червонцевъ 16); это есть его доходъ отъ однихъ только иностранныхъ купцовъ, чьи торговыя дѣла, какъ и все до нихъ касающееся, идутъ чрезъ меня и по моимъ приказаніямъ (хвала Господу за его многія милости ко мнѣ!).

Цари земли, слыша о величіи и могуществѣ царя нашего, приприносятъ ему дары и драгоцѣнные подарки для снисканія его расположенія, какъ то: царь *Ашкеназскій* 17), царь *Гебалимскій* т. е. *Аль-Саклабъ* 18), царь Кустантиніи 19) и другіе. Чрезъ меня приходятъ эти дары и производятся соотвѣтственные подарки (мои уста произносятъ хвалу Царю небесъ за то, что онъ склонилъ свои благодѣянія на меня, не по моимъ заслугамъ, но по Своей милости). Всѣхъ этихъ посланниковъ, приносящихъ дары, я постоянно распрашивалъ о нашихъ братьяхъ Израильтянахъ, остаткахъ изгнанія, не слышали ли они (посланники) чего нибудь о свободѣ (независимомъ состояніи) тѣхъ, которые томятся въ

рабствѣ и не находятъ отдыха, пока не увѣдомили меня посланники Хорасана 20), что существуетъ государство еврейское, по имени *Аль-Хазаръ*. Но я не повѣрилъ ихъ словамъ, думая, что они говорятъ это нарочно, заискивая у меня и льстя мнѣ и удивлялся я ихъ разсказу, пока не пришли послы изъ Кустантиніи съ дарами и письмомъ отъ ихъ царя къ нашему и не распросилъ я ихъ объ этомъ дѣлѣ. Они мнѣ отвѣтили, что это правда, что названіе этого государства Аль-Хазаръ, что между Кустантиніей и этой страной 15 дней пути моремъ 21), но на сушѣ между ними многіе народы; что имя царствующаго (въ Аль-Хазарѣ) царя—Іосифъ; что многія суда приходятъ изъ этой страны къ нимъ (въ Константинополь) и привозятъ рыбу, кожи и всякаго рода товары; они (Хазаре) союзники ихъ (Грековъ) и пріятели; мы (говорили послы) ихъ почитаемъ и между нами и ими постоянныя сношенія чрезъ посольства и обмѣнъ дарами, имѣютъ они большую военную силу и по временамъ дѣлаютъ нашествія.

Услышавъ все это, я получилъ новыя силы и надежды мои укрѣпились. Повергшись на землю, чтобы благодарить Царя небесъ, я началъ отыскивать вѣрнаго посланника для отправленія въ вашу страну, чтобы узнать истину объ этомъ дѣлѣ, о состояніи царя моего государя и его подданныхъ, нашихъ братьяхъ. Однако это было довольно затруднительно по отдаленности (вашего) мѣста; но Богъ, по своей милости, послалъ мнѣ человѣка, по имени Исаакъ бенъ Наѳанъ, который отважился на это предпріятіе и изъявилъ готовность отправиться съ моимъ письмомъ къ царю моему государю. Я щедро вознаградилъ его серебромъ и золотомъ и, кромѣ того, далъ на издержки для него самаго, его слугъ и на другія путевыя надобности.

Послалъ я также изъ моего собственнаго имущества значительный даръ царю Кустантиніи и просилъ его помогать моему посланнику во всѣхъ нуждахъ, пока онъ не достигнетъ того мѣста, гдѣ находится государь мой. Посланникъ мой дѣйствительно отправился въ Кустантинію, представился тамошнему царю, передалъ ему мое письмо и подарокъ, и былъ имъ принятъ съ почетомъ. Тамъ онъ (Исаакъ) пробылъ около 6 мѣсяцевъ вмѣстѣ съ посланниками нашего государя, царя Куртубы. Однажды царь Кустантиніи сказалъ имъ, чтобы они возвратились домой; также и моему посланнику приказалъ онъ возвратиться съ письмомъ (ко мнѣ),

аль-Мумининъ (правитель вѣрныхъ). Имя его общеизвѣстно, и не было ему подобнаго между предшествовавшими царями.

Пространство Испаніи, царства Абдъ аль-Рахмана и Эмира-аль-Муминина (да будетъ Богъ ему въ помощь!)—16 градусовъ или 1,100 миль; это есть пространство государства по границамъ его. Земля эта жирна, изобилуетъ рѣками, источниками, водоемами; она есть земля хлѣба, вина и елея; она богата плодами и всѣмъ пріятнымъ, имѣетъ огороды и сады, производитъ всѣ роды деревьевъ, плодоносныхъ и шелководныхъ и посему у насъ много шелку. Въ горахъ и рѣкахъ нашихъ собираютъ много пурпуровыхъ червей. Находятся у насъ горы шафрана, разнаго рода рудники, золотые, серебрянные, рудники красной мѣди, желѣза, олова, свинца, камней шаукъ, сѣры, мрамора, стекла. Производится у насъ также то, что на Измаильскомъ языкѣ называется *Лулунъ* 15). Купцы и торговцы стекаются къ намъ со всѣхъ странъ и дальныхъ острововъ, изъ Египта и изъ другихъ верхнихъ (южныхъ) странъ. Привозятъ они ароматы и драгоцѣнные камни; (страна наша) торгуетъ съ царями и князями; (торгуетъ она) всѣми драгоцѣнностями египетскими.

Царствующій у насъ царь собираетъ сокровища золотыя и серебрянныя, также драгоцѣнныя вещи. Войско его многочисленно, какъ не бывало у прежнихъ царей. Ежегодные доходы его, поступающіе ко мнѣ, составляютъ 100,000 червонцевъ 16); это есть его доходъ отъ однихъ только иностранныхъ купцовъ, чьи торговыя дѣла, какъ и все до нихъ касающееся, идутъ чрезъ меня и по моимъ приказаніямъ (хвала Господу за его многія милости ко мнѣ!).

Цари земли, слыша о величіи и могуществѣ царя нашего, приприносятъ ему дары и драгоцѣнные подарки для снисканія его расположенія, какъ то: царь *Ашкеназскій* 17), царь *Гебалимскій* т. е. *Алъ-Саклабъ* 18), царь Кустантиніи 19) и другіе. Чрезъ меня приходятъ эти дары и производятся соотвѣтственные подарки (мои уста произносятъ хвалу Царю небесъ за то, что онъ склонилъ свои благодѣянія на меня, не по моимъ заслугамъ, но по Своей милости). Всѣхъ этихъ посланниковъ, приносящихъ дары, я постоянно распрашивалъ о нашихъ братьяхъ Израильтянахъ, остаткахъ изгнанія, не слышали ли они (посланники) чего нибудь о свободѣ (независимомъ состояніи) тѣхъ, которые томятся въ

рабствѣ и не находятъ отдыха, пока не увѣдомили меня посланники Хорасана 20), что существуетъ государство еврейское, по имени *Аль-Хазаръ*. Но я не повѣрилъ ихъ словамъ, думая, что они говорятъ это нарочно, заискивая у меня и льстя мнѣ и удивлялся я ихъ разсказу, пока не пришли послы изъ Кустантиніи съ дарами и письмомъ отъ ихъ царя къ нашему и не распросилъ я ихъ объ этомъ дѣлѣ. Они мнѣ отвѣтили, что это правда, что названіе этого государства Аль-Хазаръ, что между Кустантиніей и этой страной 15 дней пути моремъ 21), но на сушѣ между ними многіе народы; что имя царствующаго (въ Аль-Хазарѣ) царя—Іосифъ; что многія суда приходятъ изъ этой страны къ нимъ (въ Константинополь) и привозятъ рыбу, кожи и всякаго рода товары; они (Хазаре) союзники ихъ (Грековъ) и пріятели; мы (говорили послы) ихъ почитаемъ и между нами и ими постоянныя сношенія чрезъ посольства и обмѣнъ дарами, имѣютъ они большую военную силу и по временамъ дѣлаютъ нашествія.

Услышавъ все это, я получилъ новыя силы и надежды мои укрѣпились. Повергшись на землю, чтобы благодарить Царя небесъ, я началъ отыскивать вѣрнаго посланника для отправленія въ вашу страну, чтобы узнать истину объ этомъ дѣлѣ, о состояніи царя моего государя и его подданныхъ, нашихъ братьяхъ. Однако это было довольно затруднительно по отдаленности (вашего) мѣста; но Богъ, по своей милости, послалъ мнѣ человѣка, по имени Исаакъ бенъ Наѳанъ, который отважился на это предпріятіе и изъявилъ готовность отправиться съ моимъ письмомъ къ царю моему государю. Я щедро вознаградилъ его серебромъ и золотомъ и, кромѣ того, далъ на издержки для него самаго, его слугъ и на другія путевыя надобности.

Послалъ я также изъ моего собственнаго имущества значительный даръ царю Кустантиніи и просилъ его помогать моему посланнику во всѣхъ нуждахъ, пока онъ не достигнетъ того мѣста, гдѣ находится государь мой. Посланникъ мой дѣйствительно отправился въ Кустантинію, представился тамошнему царю, передалъ ему мое письмо и подарокъ, и былъ имъ принятъ съ почетомъ. Тамъ онъ (Исаакъ) пробылъ около 6 мѣсяцевъ вмѣстѣ съ посланниками нашего государя, царя Куртубы. Однажды царь Кустантиніи сказалъ имъ, чтобы они возвратились домой; также и моему посланнику приказалъ онъ возвратиться съ письмомъ (ко мнѣ),

въ которомъ было сказано, что народы, обитающіе между нами (между Хазарами и Константинополемъ), воюютъ между собою, что море очень бурно, такъ что плавать по немъ можно только въ извѣстное время. Услышавъ это дурное извѣстіе, я сильно опечалился; мнѣ стало досадно за то, что онъ, (греческій царь) не удовлетворилъ моему желанію и моей просьбы не исполнилъ, и обстоятельство это привело меня въ величайшее отчаяніе.

Затѣмъ я намѣревался отправить письмо къ царю моему государю черезъ святой городъ Іерусалимъ, потому что нѣкоторые Евреи ручались мнѣ отвезти письмо мое изъ ихъ страны въ Несибимъ: отсюда оно пошло бы въ Арменію, оттуда въ Бардаа, а оттуда дошло-бы и до вашей страны. Покуда я все это обдумывалъ, прибыли къ намъ послы царя Гебалимскаго, между которымъ были два Еврея, имя одного — Саулъ, а другого Іосифъ. Когда они услышали о моемъ замѣшательствѣ, то начали утѣшать меня, сказавъ: „Дай намъ письма твои, мы передадимъ ихъ царю Гебалимскому, который, ради чести твоей, перешлетъ ихъ къ Евреямъ, живущимъ въ землѣ *Гунгаринъ* 22), тѣ отправятъ ихъ въ *Русь* 23), отсюда они пойдутъ въ *Булгаръ* 24) и такимъ образомъ дойдутъ до назначеннаго тобою мѣста“.

Тотъ, кто, испытываетъ сердца и почки, знаетъ, что все это я дѣлалъ не ради чести моей, но только для того, чтобы узнать истину — есть-ли гдѣ остатокъ и царство изгнанному Израилю, гдѣ-бы онъ не былъ подчиненъ и подвластенъ другимъ. Еслибъ я зналъ, что это дѣйствительно правда, то я отказался-бы отъ почетнаго мѣста, бросилъ бы высокій санъ, оставилъ бы семейство и ходилъ бы по горамъ и по холмамъ, моремъ и сушей, пока не достигъ бы мѣста жительства царя моего государя, чтобы увидѣть тамъ его величіе и славу жилища его подданныхъ, положеніе его служителей и спокойствіе остатка Израилева. Смотря на его великолѣпіе и славу, возсіяютъ мои очи, возрадуются мои почки, и уста мои произнесутъ хвалу Господу, не отвратившему своей милости отъ своихъ угнетенныхъ.

Если моему царю благоугодно будетъ и если онъ соблаговолитъ исполнить просьбу мою, то да будетъ ему моя жизнь дорога и да прикажетъ онъ секретарямъ, находящимся передъ нимъ, написать обстоятельный отвѣтъ его слугѣ изъ дальней земли, дабы я зналъ начало и основаніе дѣла, какъ попалъ Израиль въ эту

мѣстность. Предки наши разсказывали намъ, что мѣсто, гдѣ они (Хазарскіе Евреи) жили, прежде называлось „Гора *Сеиръ*“; но государь мой знаетъ, что гора эта далека отъ его мѣстожительства. Наши старцы же говорятъ, что сначала жили они на горѣ *Сеиръ*, но впослѣдствіи времени, когда они терпѣли гоненія и бѣдствія ихъ увеличились, перешли они на настоящее мѣстожительство 25). Старцы предшествовавшаго поколѣнія разсказываютъ также, что по грѣхамъ ихъ (Хазарскихъ Евреевъ) воздвигнуты были на нихъ преслѣдованія, и когда возстали на нихъ *Хасдеи* 26) съ необузданной яростью, то они (Евреи) спрятали свои свитки Пятикнижія и другія священныя книги въ пещерѣ, гдѣ и стали молиться, а также обучали своихъ дѣтей, по причинѣ этихъ книгъ, молиться утромъ и вечеромъ 27). Впослѣдствіи же времени они совершенно забыли о причинахъ, заставившихъ ихъ молиться въ пещерѣ, а только слѣдовали примѣру своихъ предковъ, не зная почему. Наконецъ появился между нимъ одинъ Еврей, желавшій узнать причину сему; онъ зашелъ въ пещеру, нашелъ ее полною книгами, вытащилъ ихъ оттуда, и съ того времени между ними распространилось изученіе закона. Такъ разсказывали наши предки, какъ они слышали другъ отъ друга, и вещь эта извѣстно издавна.

Помянутые же двое людей изъ земли Гебалимъ, Іосифъ и Саулъ, ручавшіеся мнѣ отвести письмо мое къ царю моему государю, сказали мнѣ, что около шести лѣтъ тому назадъ прибылъ къ нимъ одинъ слѣпой Еврей, человѣкъ мудрый и благоразумный, по имени Амрамъ, который говорилъ, что онъ изъ Хазарской земли, гдѣ онъ бывалъ приглашаемъ къ царскому столу и пользовался тамъ уваженіемъ. Услышавъ это, я послалъ за нимъ посланниковъ, чтобъ привести его ко мнѣ, но его уже не нашли. Тѣмъ не менѣе укрѣпилась моя надежда и усилилось упованіе.

Теперь я написалъ это письмо къ царю моему государю, и умоляю его, чтобы ему не была тягостна просьба моя, и чтобъ онъ приказалъ извѣстить раба своего о всѣхъ этихъ дѣлахъ: подробности о его странѣ, изъ какого колѣна онъ происходитъ, какой у васъ порядокъ престолонаслѣдія, наслѣдуютъ ли члены извѣстнаго колѣна или рода назначеннаго къ царствованію, или же сынъ наслѣдуетъ отцу, какъ это было въ то время, когда предки наши обитали въ своей землѣ. Пусть царь мой государь извѣститъ меня, какъ велико пространство его царства въ длину

и ширину, сколько укрѣпленныхъ и сколько открытыхъ городовъ находится въ немъ, бываетъ-ли земля орошаема искусственно или дождемъ, до какой мѣстности простирается его власть, какъ велико число его войска и полководцевъ. Да не сердится на меня царь мой государь за то, что я спрашиваю о числѣ его войскъ (да умножитъ Богъ число ихъ!), ибо государь мой понимаетъ, что я спрашиваю объ этомъ только ради того, чтобы я могъ радоваться умноженію святаго народа.

Да извѣститъ меня государь мой также о числѣ подвластныхъ ему городовъ (или странъ), о количествѣ дани отъ нихъ поступающей, даютъ-ли они десятину (доходовъ); живетъ ли государь мой въ извѣстной, постоянной столицѣ или объѣзжаетъ свои области 28), принимаютъ-ли іудейство жители сосѣднихъ острововъ; чинитъ-ли онъ (царь) самъ судъ или же поставляетъ судей; какъ онъ отправляется въ домъ Божій; съ какимъ народомъ ведетъ онъ войну, и ведется-ли она по субботнимъ днямъ; какія государства и народы окружаютъ васъ; какъ зовутъ ихъ и земли ихъ; какъ называются города близкіе къ вашему государству изъ (областей) *Хорасана*, *Бардаа* 29) и *Бабъ-аль-Абваба* 30); какъ производятъ торговлю купцы, прибывающіе въ землю царя моего государя. Да увѣдомитъ онъ меня также, сколько царей царствовали до него, какъ ихъ звали; сколько времени каждый изъ нихъ царствовалъ, и на какомъ языкѣ вы разговариваете.

Во время нашихъ предковъ попалъ къ намъ мудрый Израильтянинъ, который сказывалъ, что онъ происходитъ изъ колѣна Данова и зналъ свою родословную до Дана, сына Іакова. Этотъ человѣкъ говорилъ на чисто-еврейскомъ языкѣ, и имѣлъ названіе для каждой вещи на священномъ языкѣ, ничто не было скрыто ему. Когда онъ проповѣдывалъ о законахъ, онъ постоянно начиналъ слѣдующимъ образомъ: „Такъ сказалъ Атніэль (Гоѳоніилъ) бенъ-Кеназъ, слышавшій отъ Исуса (Навина), слышавшаго отъ Моисея, который въ свою очередь слышалъ отъ Всемогущаго“.

Еще странная (покорнѣйшая) просьба у меня до царя моего государя—увѣдомить, 31) есть-ли у васъ свѣдѣнія о концѣ чудесъ (о пришествіи Моссіи), чего мы ожидаемъ уже долгое время, скитаясь изъ плѣна въ плѣнъ, изъ изгнанія въ изгнаніе. Гдѣ намъ взять больше силъ, чтобы далѣе ждать? Какъ мы можемъ умолчать (забыть) о разрушеніи нашего славнаго храма, объ остаткахъ

(спасшихся отъ) меча, которые подвергаются испытанію въ огнѣ и водѣ, (такъ что) мы остались изъ многочисленныхъ немногими! Низвергнутые съ высокаго положенія, пребываемъ въ изгнаніи и ничего не можемъ отвѣчать говорящимъ намъ: „У каждаго народа есть царство, а у васъ нѣтъ на землѣ и слѣда (царства)“.

Когда же мы услышали про царя моего государя, о силѣ его государства и множествѣ его войскъ, мы внезапно обрадовались и подняли голову, духъ нашъ воскресъ и руки укрѣпились; (ибо) царство моего государя служитъ намъ отвѣтомъ. О кабы вѣсть о немъ усилилась (подтвердилась)! этимъ увеличится и наша слава. Да будетъ благословенъ Богъ Израилевъ, который не отнималъ у насъ спасителя и не уничтожилъ царства у колѣнъ Израилевыхъ! Да здравствуетъ царь нашъ государь вѣчно!

Я бы предложилъ еще вопросы, еслибъ не боялся быть тягостнымъ царю моему государю многословіемъ моимъ, неприличнымъ предъ царями. И безъ того я ужъ слишкомъ много говорилъ, въ чемъ прошу извиненія у государя моего, ибо я говорилъ все это лишь отъ избытка словъ и досады (на печальное положеніе Евреевъ). Но люди подобные мнѣ (неопытные) грѣшатъ, а подобные вамъ (великодушные и мудрые) прощаютъ, ибо моему государю извѣстно, что нѣтъ мудрости у изгнанниковъ и соображенія у плѣнниковъ. Я же, рабъ твой, отворилъ глаза (родился) въ изгнаніи и бѣдности; посему достойно царя моего государя быть справедливымъ и милостивымъ, и отпустить мнѣ согрѣшенія мои. Тебѣ безъ сомнѣнія извѣстно каковы были письма царей Израилевыхъ, и какіе обычаи соблюдались при отправленіи ими посланій (о чемъ мнѣ конечно ничего не извѣстно), посему да будетъ благоугодно царю моему простить мою вину по добротѣ и милости своей. Много мира государю и царю моему, его дѣтямъ, семейству и престолу на вѣки! Да продлится царствованіе его и потомства его во Израилѣ!

II.

Письмо царя Іосифа, сына Аарона, царя тогорманскаго (Защити его Создатель!) къ главѣ раввинской Академіи Хасдаи, сыну Исаака, сына Эздры.

Много мира отъ царя Іосифа, сына храбраго царя, котораго

войска (противниковъ) не приводятъ къ отступленію и арміи не обращаютъ въ бѣгство, который боится Бога и благоговѣетъ предъ Его словомъ, который самъ мудръ и оказываетъ почтеніе мудрецамъ, который смиренъ и защищаетъ бѣдныхъ, который исполняетъ, любитъ повелѣнія закона, который всѣмъ сердцемъ и всею душою совершаетъ волю Создателя, — его любимому раввину Хасдаи, сыну Исаака, сына Эздры, который намъ дорогъ и нами почитаемъ (Да защититъ и сторожитъ его, мудростью надѣленнаго, Богъ!) 32).

Симъ я тебя извѣщаю, что твое письмо, украшенное превосходнымъ языкомъ, нами получено, чрезъ одного еврея изъ страны *Нѣмецъ*, 33) по имени Исаакъ, 34) сына Эліазара, и мы радовались тобою и твоею мудростью. Въ твоемъ письмѣ сообщено: описаніе твоего отечества; его разстояніе отъ экватора; генеалогія Абдаррахмана, который тамъ царствуетъ и блескъ и великолѣпіе его владычества, какъ Богъ былъ ему въ помощь для завоеванія восточныхъ странъ, принадлежавшихъ его предкамъ; непріятности твои отъ того, что твое письмо должно было опоздать прибытіемъ къ намъ по причинѣ отдаленности государствъ и народовъ, прекращенія торговыхъ сообщеній, о сомнительности дѣла (о хазарскомъ государствѣ) до тѣхъ поръ, пока могущество вашего государства не распространилось по всѣмъ концамъ земли и государи всѣхъ странъ не отправили къ вашему государю посланниковъ; тогда пришли посланники царя Кустантиніи съ подарками для вашего царя и сообщили вамъ вѣрное извѣстіе о нашемъ государствѣ и о нашей религіи, такъ какъ раньше считали это выдумкой и не вѣрили этому 35). Потому ты желаешь имѣть вѣрное описаніе о нашемъ государствѣ, нашемъ происхожденіи и какимъ образомъ наши предки приняли вѣру Израиля, которою Богъ намъ открылъ глаза, поднялъ нашу десницу и сокрушилъ нашихъ враговъ.

Ты просишь также, чтобы тебѣ сообщили о протяженіи нашей страны и народахъ, находящихся въ сосѣдствѣ съ нами, живущихъ съ нами въ мирѣ и воюющихъ съ нами; также (желаешь ты) если то возможно, чтобы наши посланники, пришли въ вашу землю, чтобы привѣтствовать вашего дорогого и превосходнаго царя (да защититъ его Создатель!), который своимъ поведеніемъ очаровалъ всѣ сердца, и вслѣдствіе своихъ честныхъ дѣяній превратилъ всѣхъ въ друзей. Это описаніе, какъ ты полагаешь, послужитъ въ пользу Израиля, для возвышенія духа, для опроверженія (противниковъ) и для пріобрѣтенія хвалы и славы отъ народовъ, говорящихъ, что для Израиля не осталось мѣста власти и царствованія 36).

Мы отвѣчаемъ тебѣ, на всѣ вопросы, такой отвѣтъ, который тебѣ покажетъ, что мы радуемся тобою и твоею мудростью. То, что ты намъ разсказалъ о твоей странѣ и происхожденіи ея государя, было намъ уже извѣстно, потому что между нашими предками уже существовала переписка и благопожеланія другъ другу, что сохранилось въ нашихъ писаніяхъ и что нашимъ старцамъ извѣстно. Мы часто получаемъ свѣдѣнія о вашей странѣ и величіи вашего царя, да защититъ его Богъ и возвратитъ ему государства своихъ предковъ на востокѣ (въ Азіи), о которомъ ты упомянулъ! Мы нынѣ возобновимъ то, что нѣкогда уже существовало между нашими предками (дружественная переписка) и оставимъ это въ наслѣдство нашимъ сыновьямъ.

Ты насъ спрашиваешь въ твоемъ письмѣ: „Изъ какого народа, какого племени и какого поколѣнія происходишь ты?". Я симъ тебя извѣщаю, что я происхожу отъ сыновей Іафета, отъ потомковъ Тогармы. Я нашелъ въ генеалогическихъ писаніяхъ моихъ отцовъ, что Тогарма имѣлъ 10 сыновей, имена которыхъ суть:

1) Самый старшій назывался *Уюр* (или *Авиръ*) 37);
2) второй—*Таурисъ* (или *Турисъ*) 38);
3) третій—*Авазъ* (или *Авозъ*, *Аворъ*) 39);
4) четвертый—Угузъ; 40)
5) пятый—Бизаль; 41)
6) шестой—Тарна; 42)
7) седьмой—Хазаръ;
8) восьмой—Януръ (или Зануръ); 43)
9) девятый—Булгаръ;
10) десятый—Савиръ; 44)

Я происхожу отъ потомковъ Хазара, седьмого сына, у меня писано, что хотя мои предки были немногочисленны, однако имъ Господь (будь Онъ благословенъ!) далъ силу, могущество и храбрость, такъ что они вели войну за войною съ болѣе многочисленными народами и съ помощью Всемогущаго прогнали эти народы и взяли страны ихъ во владѣніе, частью-же обязывали ихъ платить дань до нынѣшняго дня. Въ странѣ, въ которой я

живу, жили когда-то Венентеры 45). Затѣмъ пришли наши отцы Хазаре, и воевали съ ними. Венентеры были многочисленны, какъ песокъ на берегу моря, но они не могли однако устоять предъ Хазарами и они оставили свою сторону и бѣжали; Хазаре-же преслѣдовали ихъ, до тѣхъ поръ, пока не загнали ихъ до рѣки Дуна, 46) гдѣ они живутъ и по сіе время, въ сосѣдствѣ съ Кустантиніею, и Хазаре завоевали ихъ землю и владѣютъ ею и въ настоящее время.

Затѣмъ прошло много поколѣній, до того времени, когда явился одинъ царь по имени Буланъ, бывшій мудрымъ и богобоязненнымъ, праведнымъ и всѣмъ сердцемъ довѣрялся Создателю. Царь этотъ истребилъ колдуновъ и язычниковъ въ странѣ своей и искалъ защиты подъ тѣнь божьяго крыла. Тогда показался ему во снѣ ангелъ и сказалъ ему: „О Буланъ! Богъ послалъ меня къ тебѣ сказать: о сынъ мой! я услышалъ твою просьбу и смотри! я благословляю тебя и сдѣлаю тебя плодороднымъ и очень многочисленнымъ, государство твое укрѣпится до тысячнаго поколѣнія и всѣхъ твоихъ враговъ передамъ въ твои руки“. На завтрашній день онъ всталъ и благодарилъ Бога и оказывалъ ему еще больше благоговѣнія и покорности. Тогда явился къ нему ангелъ во второй разъ и сказалъ ему. „О сынъ мой! Я видѣлъ твое поведеніе, и мнѣ нравятся твои поступки; я знаю, что ты покорился мнѣ всею душою и всею силою, а потому я хочу тебѣ дать законы и постановленія, когда ты исполнишь мои приказанія и законы, (то я тебя благословлю и умножу)“. Онъ отвѣтилъ ангелу, сообщившему ему это: „О господинъ мой! Ты вѣдь знаешь помыслы моего сердца и ты изслѣдовалъ мои почки, что я довѣряюсь только тебѣ, но народъ, надъ которымъ я царствую—язычники, такъ что я не знаю повѣрятъ-ли они мнѣ или нѣтъ. Если ты смилостивишься надо мною, то явись также NN., великому князю ихъ, который послужитъ мнѣ помощью въ этомъ дѣлѣ 47). Господь (будь имя Его благословенно!) исполнилъ его желаніе и явился тому человѣку во снѣ, и когда тотъ на слѣдующій день утромъ проснулся, то пришелъ къ царю и разсказалъ ему объ этомъ. Вслѣдъ затѣмъ государь собралъ всѣхъ князей, служащихъ и весь народъ и объяснилъ имъ все дѣло, вслѣдствіе чего народъ принялъ еврейскую вѣру и сталъ подъ крыломъ божьяго величія. Это совершилось 340 лѣтъ тому назадъ 48). Затѣмъ явился ангелъ къ нему еще разъ и сказалъ ему: „О сынъ мой! Хотя небо и земля не могутъ обнимать меня, я все таки хочу, чтобы ты выстроилъ храмъ ради имени моего, гдѣ я буду пребывать“. На это онъ отвѣтилъ: „О Господь вселенной! ты вѣдь знаешь: я не имѣю ни золота, ни серебра, чѣмъ же мнѣ строить“? На это сказалъ онъ (ангелъ) ему: „Будь мужествененъ и не падай духомъ! возьми твой народъ и все войско твое и иди по дорогѣ *Даралань* 49) въ странѣ *Ардавилъ* 50). Я поселю въ сердцахъ ихъ жителей страхъ и боязнь предъ тобою и передамъ ихъ въ твои руки. Тамъ я приготовилъ для тебя два сокровища, изъ которыхъ одно-золотое, а другое серебрянное, ты это возьмешь, и я буду съ тобою, защищу тебя и помогу тебѣ, такъ что ты эти деньги благополучно принесешь на твою родину и выстроишь изъ нихъ храмъ ради имени Моего“. И онъ довѣрялъ Богу и исполнилъ его приказанія. Онъ пошелъ и велъ много войнъ, изъ которыхъ съ помощью Всемогущаго вышелъ побѣдителемъ, разрушилъ (непріятельскую) страну, взялъ деньги, воротился благополучно домой и выстроилъ шатеръ (скинію), ковчегъ завѣта, подсвѣчникъ, столъ, алтарь и священную посуду 51). По милости Божіей и по всемогуществу Господа всѣ эти вещи хранятся у меня и по сіе время.

Послѣ этого происшествія молва о немъ распространилась по всей землѣ, такъ что царь эдомскій и царь Измаильтянъ услышали объ немъ и послали къ нему пословъ со множествомъ денегъ и многочисленными подарками. Они прислали къ нему также мудрыхъ людей, для того, чтобы обратить его въ свою вѣру. Но царь былъ благоразуменъ (да будетъ его душа завязана въ узлѣ жизни у Господа Бога!) 52), и онъ велѣлъ привести также одного израильскаго мудреца, самъ распрашивалъ, изслѣдовалъ основательно, и собиралъ всѣхъ мудрецовъ вмѣстѣ для того, чтобы они могли разсуждать о религіи, но каждый изъ нихъ противорѣчилъ другому, и они не могли прійдти въ соглашеніе на счетъ вѣры. Когда государь увидѣлъ это, онъ имъ сказалъ! „Теперь идите домой, а на третій день явитесь ко мнѣ еще разъ“, и мудрецы пошли домой. На другой день царь послалъ за священникомъ царя эдомскаго и сказалъ ему: „Я знаю, что царь эдомскій больше (т. е. важнѣе) всѣхъ другихъ царей и что его религія хороша и почитаема, такъ что она мнѣ также нравится; но я тебѣ предложу одинъ вопросъ, и когда ты мнѣ отвѣтишь сущую правду,

то я тебя буду любить и уважать: Какъ ты думаешь, какая вѣра по твоему взгляду лучше: Израильская или измаильская?“ На что священникъ отвѣтилъ: „Да живетъ царь вѣчно! если ты спрашиваешь о достоинствѣ вѣры, такъ знай, что израильская превосходна, потому что Господь (будь онъ благословенъ!) избралъ Израиля между всѣми народами и языками, называлъ его мой „первородный сынъ“, показалъ имъ великія чудеса, вывелъ ихъ изъ земли египетской, превратилъ для нихъ море въ сушу, спасъ ихъ отъ рукъ Фараона и египтянъ, потопилъ ихъ преслѣдователей въ морской тинѣ, кормилъ ихъ манной во время ихъ голода, утолялъ ихъ жажду водой, пущенной изъ камня, далъ имъ Тору среди огня и пламени, привелъ ихъ въ землю Ханаанскую и выстроилъ имъ святой храмъ. Въ послѣдствіи-же времени, когда они стали строптивы, когда согрѣшили и не соблюдали закона, то Богъ разгнѣвался на нихъ, изгналъ ихъ, удалилъ ихъ отъ лица Своего и разсѣялъ ихъ по четыремъ странамъ свѣта. Не будь этого, никакая религія не могла-бы сравняться съ религіею Израиля. Какъ это можно сравнивать вѣру Измаиля съ вѣрой Израиля? (Измаильтяне) не имѣютъ ни субботы, ни праздника, никакихъ постановленій и никакихъ законовъ, ѣдятъ все нечистое, мясо лошади, верблюда, собаки и всѣхъ нечистыхъ насѣкомыхъ. Вѣра Измаиля не настоящая и равна той, какая у другихъ народовъ (язычниковъ)“. На это отвѣтилъ царь и сказалъ ему. „Ты мнѣ сказалъ настоящую истину, почему я буду къ тебѣ милостивъ, отошлю тебя обратно къ царю эдомскому съ большою почестью“. На другой день царь послалъ за кадіемъ царя Измаильтянъ и сказалъ ему: „Я тебѣ предложу одинъ вопросъ, на который отвѣчай мнѣ правду и не скрой отъ меня ничего: которая изъ двухъ религій, назарійской и еврейской, тебѣ больше нравится?“ На это отвѣчалъ кадій: „Еврейская вѣра правдивая; они (евреи) имѣютъ (хорошіе) постановленія и законы, но когда они согрѣшили, то Богъ (будь Онъ благословенъ!) на нихъ разгнѣвался и передалъ ихъ въ руки враговъ; однако въ концѣ концовъ имъ предстоитъ избавленіе и спасеніе. Противъ ихъ религіи, назарійская совсѣмъ не религія: они (назарійцы) ѣдятъ свинину и все нечистое; молятся собственноручнымъ издѣліямъ и не имѣютъ никакого упованія 53). Государь отвѣтилъ и сказалъ ему: „Ты говорилъ правду и я буду къ тебѣ милостивъ“. На третій день онъ велѣлъ всѣмъ собратся

вмѣстѣ и сказалъ имъ: „Говорите и разсуждайте между собою, какая религія самая лучшая“. Тогда они начали спорить и не могли прійдти къ какому нибудь результату, до тѣхъ поръ пока царь не обратился къ священнику и сказалъ ему: „Какъ ты думаешь, какая религія лучше израильская или измаильская?“—На что священникъ отвѣтилъ: „Вѣра Израильтянъ лучше вѣры Измаильтянъ.“ Тогда царь спросилъ кадія: „Какъ ты думаешь, какая вѣра лучше: назарійская или израильская?“—Кадій отвѣтилъ: „Израильская лучше“. На это царь сказалъ: „Если такъ, то вы сами своими устами признали, что религія Израильтянъ самая лучшая, посему, я по милости Божіей и силѣ Всемогущаго, предпочелъ вѣру Израиля, которая и была вѣрой Авраама. Когда Богъ будетъ мнѣ въ помощь, то я какъ деньги такъ и золото и серебро, которыя вы мнѣ обѣщаете, получу безъ труда отъ Бога, которому я довѣряюсь и въ тѣни крыла котораго я ищу защиты. А теперь воротитесь съ миромъ въ вашу землю“!

Съ этого времени Всемогущій ему помогалъ и усилилъ его могущество и укрѣпилъ его руки и онъ (царь) обрѣзалъ себя, прислугъ, рабовъ и весь народъ свой. Затѣмъ послалъ онъ во всѣ страны за израильскими мудрецами, которые обучили его Торѣ и привели законы въ порядокъ, такъ что мы остались вѣрны этой вѣрѣ до нынѣшняго дня (будь благословено и хвалимо имя Священнѣйшаго и да будетъ возвышена память Его вѣчно!) Съ того времени, какъ отцы мои приняли эту вѣру. Богъ Израилевъ унижалъ всѣхъ враговъ ихъ и покорялъ всѣ народы, окружающіе ихъ, какъ царей эдомскихъ и царей измаильскихъ, такъ и царей языческихъ народовъ, такъ что никто не могъ устоять противъ нихъ и всѣ они (противники Хазаръ) стали обязаны платить дань 54).

Послѣ этихъ происшествій всталъ одинъ царь изъ его (Булана) потомковъ, по имени Обадія, который обновилъ (реформировалъ) государство и укрѣпилъ истинную вѣру. Онъ строилъ молельни и школы, собиралъ мудрецовъ Израиля, награждалъ ихъ золотомъ и серебромъ и они объяснили ему 55) (священныя) книги, мишну, талмудъ и обряды молитвъ хазановъ (канторовъ въ синагогахъ). Онъ былъ богобоязненъ и любилъ Тору, настоящій служитель Бога. (Да успокоитъ его духъ Божій!).

Этому Обадіѣ наслѣдовалъ его сынъ Хизкіяу; сему послѣднему его сынъ Менаше, ему наслѣдовалъ Ханука, братъ Обадіи; ему

наслѣдовалъ его сынъ Исаакъ; ему—его сынъ Забулонъ; ему—его сынъ Моисей (или Менаше II). Ему—его сынъ Ниси; ему—его сынъ Ааронъ II. Я Іосифъ, сынъ этого царя Аарона, сынъ, внукъ и потомокъ царей, чужой не можетъ наслѣдовать престолъ моихъ отцовъ, потому что таковъ у насъ обычай и уставъ моихъ предковъ съ самаго начала ихъ существованія 55). Да будетъ воля того, который назначаетъ всѣхъ царей, чтобы нашъ царскій престолъ былъ-бы продолжителенъ до конца всѣхъ поколѣній!

Ты также спрашиваешь меня о моей землѣ и о протяженіи моего государства — я тебя извѣщаю, что моя столица при рѣкѣ *Итиль* (Волга); у конца этой рѣки находится (море) Джорджанъ (Каспійское море).Начало этой рѣки клонится къ востоку на разстояніи 4-хъ мѣсяцевъ пути. При этой рѣкѣ живутъ много народовъ въ городахъ и деревняхъ, въ открытыхъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ. Вотъ ихъ названія: *Буртасъ, Буларъ, Суваръ, Арису, Цармисъ, Вентитъ, Сѣверъ, Славіунъ* 56). Каждый изъ этихъ народовъ весьма многочисленъ и всѣ они платятъ мнѣ дань. Оттуда граница направляется къ Буаразму до Джордажна, всѣ жители морскаго берега, живущіе на разстояніи одного мѣсяца пути, платятъ мнѣ дань. Съ южной стороны: *Семендеръ, Бакъ-Тадлудо* воротъ *Бабъ-аль-Абваба* 57), которыя находятся на берегу моря. Оттуда направляется граница къ горамъ: *Азуръ, Бакъ-Багда, Сриди, Китонъ, Арку, Шаула, Сагсартъ, Альбусеръ, Укусеръ, Кіадусеръ, Цилагъ, Зунихъ,* которыя находятся на очень высокихъ горахъ, и всѣ Алланы до границы *Каса, Калкіалъ, Такатъ, Гебуль* 58) до границы моря Кустантиніи, на разстояніи 2-хъ мѣсяцевъ пути платятъ мнѣ дань. Къ западу: *Шаркель, Самкрцъ, Керцъ, Сугдаи, Алусъ, Ламбатъ, Бартнитъ, Алубика, Кутъ, Манкупъ, Будакъ, Алма,* и *Грузинъ* 59). Всѣ эти мѣстности находятся на берегу моря Кустантиніи къ западу. Оттуда направляется граница къ сѣверу, къ мѣстности, по имени *Басра*, которая находится у рѣки *Вагезъ* 60). Эти племена живутъ въ открытыхъ и неукрѣпленныхъ мѣстностяхъ, кочуютъ и имѣютъ стоянку въ степяхъ до границы *Гагріевъ* 61) и они многочисленны, какъ песокъ на берегу моря. Всѣ платятъ мнѣ дань. Ихъ мѣстожительства находятся на протяженіи 4-хъ мѣсяцевъ пути.

Знай и замѣчай, что я живу при устьѣ рѣки (Волги) и съ помощью Всемогущаго сторожу входъ въ эту рѣку и не пускаю

Русскихъ, которые пріѣзжаютъ на корабляхъ, вступить въ Каспійское море, для того, чтобы переправиться къ Измаильтянамъ. Точно также не пускаю враговъ, находящихся на сушѣ, подъѣзжать къ вратамъ Бабъ-аль-Абвабу. Я веду съ ними изъ-за этого войну и еслибъ я-бы ихъ пустилъ хоть разъ, то они опустошили-бы всю землю измаильскую до Багдада и до страны 62)... Вотъ описаніе протяженія моихъ границъ и владычества моего государства.

Ты меня также спрашиваешь о моемъ мѣстожительствѣ — знай, что я съ помощью Божіею, живу при вышесказанной рѣкѣ (Волгѣ), при которой находятся три резиденціи (провинціи). Въ одной изъ нихъ живетъ царица мать. Это моя родина и она велика и заключаетъ въ себѣ 50 квадратныхъ фарсанговъ, она кругла и кругообразна. Во второй — живутъ: Евреи, Измаильтяне, и она средней величины, 8 квадр. фарсанговъ. Въ третьей живу я, мои вельможи, рабы, прислуга, гофшенки и близкія мнѣ особы. Она кругообразна и заключаетъ въ себѣ 3 фарсанга. Между ея стѣнами течетъ рѣка. Это моя резиденція въ зимнее время. Въ мѣсяцѣ-же Нисанѣ (апрѣль) выѣзжаемъ изъ этого города, и каждый направляется къ своимъ виноградникамъ, къ своимъ полямъ и къ своей работѣ. Каждый родъ имѣетъ свое наслѣдственное имѣніе и туда онъ направляется и живетъ тамъ. Я-же съ моими вельможами и прислугою проѣзжаемъ пространство въ 20 фарсанговъ, пока мы не достигаемъ рѣки *Варшанъ* (или *Удшанъ*) 63). Оттуда направляемся, безъ боязни и страха, до предѣла моей страны, такъ что къ концу мѣсяца Кислевъ (Октябрь-Ноябрь), ко времени праздника Ханука, мы опять возвращаемся въ нашу резиденцію. Вотъ описаніе протяженія нашей земли и нашихъ столицъ. Земля-же наша не обильна дождями, но имѣетъ множество рѣкъ и источниковъ, а въ рѣкахъ ловится огромное количество рыбы. Земля плодородна, имѣетъ много полей, лѣсовъ (?), виноградниковъ и безчисленное множество огородовъ, которые орошаются рѣкой (Волгой), отъ которой они плодоносны.

Я тебя также извѣщаю, что граница области, въ которой живу, простирается къ востоку на 20 фарсанг. до моря *Джорджанъ*, къ югу — до большой рѣки *Угру* — 30 фарсанг.; къ западу до рѣки *Бузанъ*, которая вытекаетъ изъ рѣки *Угру* — 30 фарсанг.; къ сѣверу до *Бузанъ* и до устья рѣки въ море *Джор-*

джанъ — 40 фарсангъ. 64). Я живу на одномъ островѣ, мои поля, виноградники и все нужное мнѣ находятся на этомъ островѣ, и съ помощью Всемогущаго Бога живу въ безопасности.

Еще ты спрашиваешь меня о концѣ чудесъ (о пришествіи мессіи); но наши очи (обращены) къ Богу и къ мудрецамъ Израиля, находящимся въ академіяхъ Іерусалима и Вавилона. Мы далеки отъ Ціона, но мы слышали: что вслѣдствіе многихъ грѣховъ нашихъ, счеты запутались, такъ что мы ничего не знаемъ. Да будетъ угодно Богу, чтобы онъ ради великаго имени Своего и ради того, что уничтоженъ Его храмъ и прекращена Его служба и ради бѣдствій, постигшихъ насъ, внезанно явился, такъ что исполнится (сказаніе пророка): Внезанно Онъ явится въ Свое святилище и т. д. (Мелахіи III. 1). Мы только имѣемъ (о мессіи) указанія пророка Даніила. Да ускоритъ Богъ Израиля искупленіе наше и да собираетъ нашихъ изгнанниковъ во время мое, твое и всего дома Израиля, любящаго Его имя. Ты упоминаешь въ твоемъ письмѣ, что ты очень желаешь видѣть меня, — я тоже желалъ бы видѣть твое дорогое лице, твою извѣстную мудрость и величіе твое. О, да исполнится такъ, какъ ты обѣщался, чтобы я былъ удостоенъ видѣть твое почтенное, любезное и драгоцѣнное лице! Ты бы мнѣ былъ отцомъ, а я тебѣ сыномъ. Весь мой народъ послѣдовалъ-бы твоимъ повелѣніямъ, исполнялъ-бы твои приказанія, и я входилъ-бы и выходилъ-бы по твоимъ словамъ и твоему совѣту. Затѣмъ желаю тебѣ много мира!

А. Гаркави.

Примѣчанія къ предъидущей статьѣ.

1) Письму Хасдаи предшествуетъ стихотвореніе, состоящее изъ 37 стиховъ и имѣющее въ акростихѣ сперва слова: „Я, Хасдаи, сынъ Исаака, сына Эздры, сына Шапрута“, а затѣмъ слѣдуетъ имя ученаго, грамматика и поэта „Менахемъ бенъ Сарукъ“, писавшаго это письмо для Хасдаи. Конецъ этаго акростиха, а именно начало стиховъ, заключающихъ имя составителя, во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ искаженъ. Но С. Д. Луццатто и А. Гейгеръ догадались, что текстъ испорченъ, а найденная мною рукопись подтвердила догадку упомянутыхъ ученыхъ, какъ я объяснилъ это обстоятельно въ „Гакармелѣ“, т. III, 1875, стр. 206.

2) Или: колѣну властителей да будетъ чудесная держава, украшенная діадимою!

3) Ср. кн. пр. Амоса, гл. II, ст. 13.

4) Ср. кн. пр. Софоніи, гл. I, ст. 12.

5) Намекъ на ст. 6 XXI главы кн. Исходъ.

6) Ср. перв. Кн. Самуила XVIII, 18.

7) Слова пр. Авдія (ст. 20) „И изгнаніе іерусалимское, находящееся въ Сефарадѣ“ евреи искони относили къ Испаніи.

8) Арабское названіе Испаніи, сохранившееся въ имени провинціи Андалузіи.

9) Тогдашніе восточные географы считали Черное и Каспійское моря соединеннымъ продолженіемъ Средиземнаго Моря, и что посредствомъ рукава, вытекающаго изъ сѣвернаго Океана, они соединяются также и съ послѣднимъ.

10 Арабское названіе Константинополя.

11) Слова, заключенныя въ скобкахъ, дополнены мною на основаніи генеалогическихъ свѣдѣній въ арабскихъ источникахъ, и навѣрно копистъ пропустилъ по ошибкѣ отъ одного Мухамеда до другого.

12) Восьмой вверхъ, отъ Абдъ аль-Рахмана III до родоначальника, Абдъ аль-Рахмана I.

13) Династія Аббасидовъ, низвергнувшая Оммаядскую династію.

14) Библейское названіе Вавилоніи.

15) Арабское названіе жемчуга.

16) Число, предшествующее числу 100,000, въ текстѣ искажено; оно могло быть пять (500,000) или девять (900,000).

17) Средневѣковые и нынѣшніе ново-еврейскіе писатели называютъ Германію Ашкеназъ.

18) Гебалимъ значитъ горные жители; вѣроятно имѣются въ виду Хорваты.

19) Византійскіе императоры Константинъ Багрянородный и Романъ отправляли посольства къ Абдъ аль-Рахману III.

20) Названіе области въ Персіи, владѣтели которой (Саманиды) играли въ X вѣкѣ важную роль въ юго-восточной и средней Азіи.

21) Хазаре владѣли въ то время какъ свидѣтельствуетъ отвѣтъ царя Іосифа, юго-западною частью Крыма, и 15 дней требовалось тогда для того, чтобъ переплыть Черное море, изъ Константинополя въ Крымъ.

22) Т. е. Hungaria, Венгрія.

23) Нѣкоторыя изданія имѣютъ ошибочное чтеніе Румъ, ошибка, которая легко могла произойти въ еврейскомъ письмѣ.

24) Хорватскіе посланники имѣли очевидно не совсѣмъ ясное понятіе о географическомъ положеніи означенныхъ странъ: попавъ въ Русь, непосредственную сосѣдку Хазаріи, письму незачѣмъ было идти въ Булгаръ.

25) Тутъ, очевидно, имѣлась въ виду часть Кавказа, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Хазаріею, носящая у арабскихъ географовъ названіе Серирь, что испанскіе евреи смѣшали съ библейскимъ названіемъ Сеиръ (Идумея).

26) Въ библіи имя это обозначаетъ Халдейцевъ или Вавилонянъ, а здѣсь оно обозначаетъ какой-нибудь кавказскій народъ, можетъ быть Касоговъ русскихъ лѣтописей, т. е. Черкесовъ также сосѣдившихъ съ Хазаріею.

27) Извѣстіе о томъ, что для исполненія обрядовъ своей вѣры евреи должны были скрываться въ пещерѣ, повторяется также въ отвѣтѣ царя Іосифа и въ Хазарской книгѣ (Сеферѣ Козри).

28) Этимъ вопросомъ Хасдаи деликатнымъ образомъ хотѣлъ выразить: вышли ли Хазаре изъ состоянія кочевниковъ и стали осѣдлымъ народомъ?

29) Извѣстный тогда городъ на Каспійскомъ Морѣ, близъ Хазаріи.

30) По арабски значитъ врата вратъ, такъ назывался тогда городъ Дербентъ въ Закавказьѣ.

31) Или же: Еще одна просьба моя у царя моего государя—увѣдомить о неизвѣстномъ (у насъ, а именно) и т. д.

32) Въ изданной сокращенной редакціи письма Іосифа пропущено это обстоятельное вступленіе, какъ пропущены тамъ почти всѣ географическія и этнографическія названія, равно какъ и другія интересныя подробности.

33) Славянское названіе Германіи и германцевъ Нѣмецъ было заимствовано также восточными народами, Арабами, Персіянами, Турками, Венгерцами и нѣкоторыми византійскими писателями.

34) Въ печатной редакціи Яковъ.

35) Въ печатномъ текстѣ предложеніе это искажено; см. нашу замѣтку въ Literaturblatt д-ра Рамера 1878. № 3.

36) Все это мѣсто исковеркано въ печатномъ текстѣ.

37) Имѣется вѣроятно въ виду или Иверъ (родоначальникъ иверійцевъ на Кавказѣ), или же Угуръ праотецъ Угровъ.

38) Повидимому родоначальникъ Таврическаго (крымскаго) населенія.

39. Если чтеніе Аваръ вѣрно, то рѣчь идетъ объ Аварахъ или Обрахъ русскихъ лѣтописей.

40) Вѣроятно родоначальники гузскихъ племенъ, кочевавшихъ въ то время близъ Хазаріи.

41) Армянскіе и византійскіе источники называютъ племя Басиловъ или Берзиліевъ составною частью хазарскаго народа.

42) Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный знаетъ также про хазарское племя Тарянъ.

43) Можетъ быть Занаріе на Кавказѣ.

44) Савиры упоминаются также въ византійскихъ источникахъ.

45) Дунайскіе Булгаре, по историческимъ свидѣтельствамъ, жили прежде около Кавказа, они называются въ армянскихъ источникахъ Ванандъ, отъ стариннаго названія славянъ, Венды, Винды, что вмѣстѣ съ тюрскимъ окончаніемъ мн. чис. теръ составляетъ Ванантеръ или Венентеръ (вм. Вендтеръ). Въ печатной рецензіи пропущенъ весь разсказъ.

46) Арабское названіе Дуная (по-турецки Туна).

47) Изъ показаній арабскихъ и византійскихъ писателей извѣстно, что Хазаре имѣли двухъ хакановъ (царей), изъ которыхъ первый былъ духовнымъ главою, а второй завѣдывалъ свѣтскими дѣлами государства.

48) Такъ какъ письмо царя писано около 960 по Р. Х., то обращеніе царя имѣло такимъ образомъ мѣсто около 620 по Р. Х., въ это время (622) совершилось только бѣгство Мухамеда и конечно не могла еще быть рѣчь объ исламѣ и мусульманскомъ Кадіи, но, во первыхъ, диспутъ происходилъ позже обращенія самого царя; во вторыхъ отъ легендарнаго сказанія о религіозномъ преніи нельзя и требовать точнаго соблюденія хронологіи.

49) Аланское обиталище на Кавказѣ въ сосѣдствѣ съ Хазаріею.

50) По свидѣтельству арабскихъ географовъ городъ Ардебиль былъ въ доисламское время самымъ многолюднымъ и самымъ богатымъ городомъ на Кавказѣ и служилъ столицею Адербиджана.

51) Очевидно, что все это было подраженіемъ скиніи и священныхъ сосудовъ, устроенныхъ израильтянами, въ пустынѣ, вѣроятно потому, что Хазаре въ то время еще не вышли совсѣмъ изъ кочеваго состоянія, см. ниже описаніе образа жизни царя и народа лѣтомъ.

52) Это благопожеланіе заимствовано изъ первой книги Самуила (Царствъ), ст. 29 XXV гл.

53) Знакомыхъ съ пріемами средневѣковой полемики не удивитъ это каррикатурное представленіе христіанской вѣры, ср. напр. описаніе ислама въ Лаврентьевской лѣтописи изд. подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова (Спб. 1872), стр. 84.

54) Здѣсь имѣются въ виду христіанскія, мусульманскія и языческія племена и народности на Кавказѣ, въ Крыму и по Волгѣ, подчиненныя Хазаріи.

55) Арабскіе писатели также разсказываютъ, что престолонаслѣдіе въ Хазаріи сохранялось всегда въ одномъ и томъ-же семействѣ.

56) Въ сокращенномъ печатномъ изданіи пропущены всѣ эти географическія и этнографическія названія, равно какъ и имя Волги Итиль и вмѣсто всего этого сказано тамъ глухо: „При рѣкѣ (ка-

кой не сказано) живутъ девять многочисленныхъ народовъ“. Первыя три названія извѣстны и совре-
менным арабскимъ географамъ; Арису очевидно Эрза, эрзяне; Цармисъ-Черемысы, извѣстные уже
Іорнанду подъ названіемъ Sarmis; подъ загадочнымъ именемъ Веннтитъ, какъ кажется, слѣдуетъ
разумѣть Вятичей, коихъ первоначальное названіе было Вентичи, Северъ навѣрно сѣверяне, бывшіе
подвластными Хазарамъ до войнъ Святослава; Славіунъ арабск. мн. числ. отъ Слави (Славянинъ).

57) Семендеръ—весьма извѣстный городъ въ арабской, персидской, армянской и грузинской
литературѣ, по всей вѣроятности онъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Тарку (близъ Темиръ-ханъ-
Шуры), въ имени Бакъ-Тадлу первая часть есть, повидимому, тюркское бакъ или бекъ крѣпкій,
укрѣпленный, Бабъ аль-Абвабъ, какъ мы уже замѣтили, есть араб. имя Дербенда.

58) Изъ всѣхъ этихъ именъ сокращенный печатный текстъ сохранилъ только Баса и Танатъ,
эти географическія названія, которыя, повидимому, должны были находиться на Кавказѣ, почти всѣ
еще не разгаданы, хотя можно въ имени Бакъ—Багда легко узнать частицу бакъ или бекъ, объяс-
ненную въ предыдущемъ примѣчаніи, въ названіи Шаула или Шавала, мы склонны видѣть нынѣшній
Савалянъ-дагъ (дагъ значитъ гора), Кіадусеръ напоминаетъ имя деревни Кадусера на Кавказѣ, въ
которомъ Ходзько видитъ остатокъ названія древнихъ Кадусіевъ (Cadussii, см. Дорна Каспій стр. 69),
окончаніе серъ въ нѣкоторыхъ названіяхъ указываетъ на персидское происхожденіе, гдѣ оно озна-
чаетъ главу, вершину.

59) Вмѣсто всѣхъ этихъ именъ, печатный текстъ имѣетъ. „Къ западу живутъ 13 могучихъ наро-
довъ“, несмотря на то, что здѣсь идетъ рѣчь не о народахъ, а о городахъ и областяхъ. Названія эти
легко объяснимы. Шаркель—извѣстная хазарская крѣпость, взятая Святославомъ, Самкерцъ упоми-
нается также арабскимъ географомъ X в. (Самкершъ), Керцъ или Корцъ нынѣшній Керчь, въ визан-
тійскихъ и древне-русскихъ источникахъ онъ также названъ Корцъ или Корчъ, Сугдаи древнее наз-
ваніе Судака въ Крыму, Алусъ нынѣ Алушта, тамъ же, погречески Алустонъ, Ламбатъ существуетъ
понынѣ, Бартенитъ существуетъ и понынѣ подъ названіемъ Партенитъ, Алубика (сомнительно въ
рукописи) нынѣ Алупка, см. нашу замѣтку въ извѣстіяхъ Географическаго общ. за 1876 г. стр. 37—8;
Кутъ, нынѣшній Искутъ или Ускутъ или-же Кутлакъ? Манкупъ (или Манкутъ, чтеніе рукописи со-
мнительно) и нынѣ называется такъ, Будакъ можетъ-быть—Булганакъ (евр. письмена допускаютъ
также чтеніе Коракъ м. б. древній Corax, нынѣ мысъ Аинда), Алма, позднѣе Альма-Сарай, Грузинъ
или Грузивъ—нынѣ Гурзуфъ.

60) Объясненіе этихъ именъ представляется затруднительнымъ, можетъ быть, что вмѣсто Басра,
слѣдуетъ читать Басна и объяснить Печенѣгами, коихъ названіе по-гречески гласитъ Пацнакъ, Патц-
накъ, а по-арабски—Баджнакъ, подъ названіемъ рѣки Вагезъ или Угузъ слѣдуетъ м. б. разумѣть
рѣку Гузовъ или Узовъ кочевавшихъ въ то время въ южно-русскихъ степяхъ. Арабскій географъ
Абульфеда (стр. 33—80) называетъ Днѣпръ Узу.

61) Въ печатномъ текстѣ ошибочно Гагріевъ, подразумѣваются Угры или Венгерцы.

62) Мѣсто это о войнѣ Хазаръ съ русскими искажено въ печатномъ текстѣ. Послѣ слова страны
очевидно пропущено имя той страны, м. б. Персія.

63) Арабскіе источники знаютъ городъ Вартсанъ или Варсанъ, близъ Бардаа, этотъ же городъ вѣ-
роятно и слѣдуетъ понимать подъ именемъ Варачанъ, который упоминается въ географіи, приписы-
ваемой Моисею Херонскому (изд. г. Патканова Спб. 1877 стр. 38), и еслибъ издатель припомнилъ
бы городъ Варсанъ, то онъ-бы не искалъ его въ прим. 138 въ Баланджарѣ.

64) Нынѣ Бузаномъ, называется одно изъ сѣверныхъ устьевъ Вольги, что, во всякомъ случаѣ, не
примѣнимо къ настоящему описанію. Если подъ Угру слѣдуетъ понимать Кубань, которая рѣка на-
зывается Константиномъ Багрянороднымъ Укрухъ, то придется допустить, что Таманскій заливъ, въ
который изливается Кубань однимъ изъ своихъ рукавовъ, носилъ тогда названіе Бузанъ, или-же, что
одинъ изъ рукавовъ Кубани назывался Бузаномъ.

ИЗЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЖИЗНИ ЕВРЕЕВЪ.

Извѣстно, что евреи занимали въ средніе вѣка во всей Европѣ совершенно особое правовое отношеніе, чѣмъ прочіе граждане. Для нихъ издавались спеціальные законы, отчасти имѣвшіе цѣлью доставленіе имъ защиту государства противъ невыносимыхъ и тяжелыхъ преслѣдованій, которымъ они подвергались со стороны нетерпимаго и фанатичнаго христіанскаго населенія; отчасти-же и государство имѣло въ виду, изданіемъ спеціальныхъ законовъ относительно евревъ, ограничить ихъ права по отношенію къ тѣмъ, которыми пользовались христіане. Отсюда породилось цѣлое огромное законодательство, созданное исключительно ad usum hebraeorum.

Отто Штоббе нѣсколько лѣтъ тому назадъ далъ себѣ трудъ изучить по первымъ источникамъ это законодательство въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, и плодомъ его добросовѣстнаго труда явилась книга, подъ заглавіемъ: „Die Juden in Deutschland während des Mittelalters in politischer, socialer und rechtlicher Beziehung“. (Евреи въ Германіи въ средніе вѣка въ политическомъ, общественномъ и правовомъ отношеніи). Въ книгу эту вошло множество частныхъ законовъ, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ Штоббе въ своемъ предисловіи, тутъ недостаточно было нарисовать общей картины: евреи въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи терпѣли весьма различную участь. Въ одномъ мѣстѣ имъ оказывали нѣкоторую защиту, въ другомъ самъ законодатель притѣснялъ ихъ; поэтому Штоббе весьма подробно распространяется о правовомъ положеніи евреевъ въ различныхъ — конечно только болѣе крупныхъ—городахъ Германіи. Онъ объясняетъ также, почему онъ ограничился изображеніемъ положенія евреевъ только въ Германіи, и только въ средніе вѣка. Не то, чтобы въ другихъ государствахъ Европы положеніе ихъ въ средніе вѣка было иное, чѣмъ

въ Германіи, или чтобы послѣ эпохи, извѣстной въ исторіи подъ именемъ среднихъ вѣковъ, положеніе ихъ рѣзко измѣнилось. Напротивъ: въ средніе вѣка положеніе евреевъ, въ общемъ, было во всей Европѣ очень схоже съ положеніемъ ихъ въ Германіи, и исключительность этого положенія не прекратилась съ 16-мъ вѣкомъ, а продолжалась до 18-го, а мѣстами до 19 вѣка, и даже до нашихъ дней. (Примѣръ: существующіе еще исключительные законы относительно евреевъ въ Россіи и положеніе ихъ въ Румыніи и Сербіи, о чемъ еще не далѣе, какъ въ 1878-мъ году, заходила рѣчь на берлинскомъ конгрессѣ). Причины, заставившія Штоббе съузить предметъ своего трактата, заключаются въ соображеніяхъ болѣе личнаго характера: во первыхъ, собственно средніе вѣка составляли постоянно предметъ его научныхъ изслѣдованій, и затѣмъ относительно правоваго отношенія евреевъ въ Германіи онъ имѣлъ подъ руками весьма обширные источники, чего нельзя сказать про другія страны. Но въ виду вышеупомянутаго сходства положенія евреевъ въ Германіи и въ другихъ странахъ, книга Штоббе получаетъ, toutes proportions gardées, извѣстный интересъ и для исторіи евреевъ въ Европѣ вообще.

I.

Обращаясь прежде всего къ распредѣленію евреевъ въ Германіи въ средніе вѣка, нельзя не замѣтить того, что, во первыхъ, они селились исключительно по городамъ, и что ни въ одномъ тогдашнемъ документѣ нѣтъ указаній на евреевъ сельскихъ обывателей. Во-вторыхъ они встрѣчались до 13-го вѣка и даже позднѣе, только въ южной и западной Германіи, и ихъ вовсе не было въ городахъ, лежащихъ близъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, и вообще въ сѣверной Германіи. Съ одной стороны это указываетъ на то, что они очевидно переселились въ Германію изъ Италіи и Франціи, съ другой стороны дѣятельность Ганзы въ сѣверогерманскихъ городахъ не представляла очевидно удобной почвы для ихъ предпріимчивости. Но за то они были весьма многочислены въ прирейнскихъ и придунайскихъ городахъ, начиная отъ Эльзаса до Богеміи, Моравіи и Австріи, а также въ Силезіи, преимущественно въ древнихъ городахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ еще римлянамъ. Весьма вѣроятно, что они прибыли сюда вмѣстѣ съ римскими легіонами, сопровождая ихъ въ видѣ

торговцевъ, хотя исторически доказать это можно только относительно Кельна. Впослѣдствіи, когда римляне были истреблены или слились съ германцами, евреи съумѣли сохранить свою самостоятельность и образовали въ бывшихъ римскихъ и вновь возникшихъ по сосѣдству съ ними городахъ особыя общины.

О правовомъ положеніи евреевъ въ Германіи до эпохи крестовыхъ походовъ имѣются лишь весьма скудныя данныя; но повидимому между ними и прочими жителями не дѣлалось въ то время особаго различія. Они, подобно другимъ, были подчинены князьямъ, епископамъ и императорскимъ чиновникамъ на общемъ основаніи, и до конца 11-го вѣка не встрѣчается никакихъ указаній на особое ихъ положеніе по отношенію къ императорской власти. Въ 1084-мъ г., мы находимъ первый примѣръ исключительныхъ законовъ для евреевъ, хотя на этотъ разъ и въ пользу ихъ. Тогдашній Шпейерскій епископъ Рюдигеръ предоставилъ евреямъ, жившимъ въ этомъ городѣ, обширныя права; онъ отвелъ имъ для жительства особый кварталъ, обнесенный стѣною, чтобы обезпечить ихъ отъ притѣсненій черни, предоставилъ имъ полную свободу торговли, дозволилъ пріобрѣтать недвижимую собственность, далъ право держать у себя прислугу и рабовъ изъ христіанъ, право имѣть собственные суды, особое кладбище и т. д., Въ 1090 году, когда императоръ Генрихъ IV находился въ Шпейерѣ, къ нему явилась депутація тамошнихъ евреевъ съ просьбой о подтвержденіи и расширеніи предоставленныхъ имъ епископомъ правъ и это ходатайство ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: императоръ предоставилъ имъ полную свободу торговли во всей германской имперіи, повелѣлъ, чтобы никто не имѣлъ права крестить ихъ рабовъ противъ ихъ желанія, не допустилъ примѣненія къ евреямъ „Божьяго суда“, предоставилъ имъ право приносить присягу по постановленіямъ ихъ религіи, повелѣлъ строго карать всякое преступленіе, совершенное противъ евреевъ и т. д. Но всѣ эти права и привилегіи имѣли, конечно, характеръ не всеобщій, распространявшійся на всѣхъ евреевъ въ Германіи, а частный, мѣстный, касавшійся только шпейерскихъ евреевъ, обратившихся къ императору съ ходатайствомъ о спеціальномъ его покровительствѣ. Интересно въ этомъ фактѣ то обстоятельство, что тутъ впервые появляется мысль, такъ сказать о *спеціальномъ подданствѣ* евреевъ императору, о томъ, что они должны быть какъ бы непосредственными крѣпостными (Knechte) императора, а онъ — ихъ прямой и непосредственный покровитель — мысль, которая, какъ мы увидимъ ниже, получила въ дальнѣйшемъ теченіи среднихъ вѣковъ широкое развитіе и примѣненіе.

Когда во время крестовыхъ походовъ фанатическая чернь и духовенство и жадное до наживы рыцарство стали неистово преслѣдовать евреевъ, утверждая, что они мстятъ за пролитую кровь Христа Спасителя, а мелкіе князья и власти почти всюду были слишкомъ слабы, чтобы доставлять имъ должную защиту, императоры стали считать своею обязанностью принять евреевъ подъ свое спеціальное покровительство. Первый шагъ къ тому сдѣлали тотъ-же Генрихъ IV, который въ 1103 году клятвенно обѣщалъ евреямъ защиту и безопасность. Равнымъ образомъ во время втораго крестоваго похода императоръ Конрадъ принялъ евреевъ, умолявшихъ его о защитѣ, подъ свое особое покровительство, и велѣлъ дать имъ убѣжище въ укрѣпленномъ Нюренбергѣ. Такимъ образомъ мало по малу всѣ германскіе евреи перешли подъ непосредственное покровительство императоровъ, и сдѣлались „коронными, императорскими крѣпостными“ (Kammerknechte). Хотя нѣкоторые историки относятъ присвоеніе евреямъ положенія „коронныхъ крѣпостныхъ“ еще къ 12-му вѣку, именно къ царствованію Фридриха Барбароссы, но окончательно такой порядокъ установился лишь въ 13-мъ столѣтіи. Въ 1209 и 1212 годахъ появлялись императорскія распоряженія, предоставлявшія нѣкоторымъ епископамъ и князьямъ право облагать поселенныхъ въ ихъ владѣніяхъ евреевъ налогами; изъ этого видно, что, значитъ, безъ особаго разрѣшенія императора, мѣстные владѣтели уже не могли въ то время облагать евреевъ податями. Наконецъ новое положеніе евреевъ, которое до сихъ поръ подразумѣвалось, такъ сказать, косвенно, въ 1238-мъ г. впервые выражается въ положительной формѣ: въ граматѣ о привилегіяхъ, данной императоромъ Фридрихомъ II вѣнскимъ евреямъ и являющейся почти буквальнымъ повтореніемъ шпейерской граматы Генриха IV, императоръ прямо называетъ евреевъ „*своими* коронными крѣпостными“. За предоставляемыя ими привилегіи и спеціальное покровительство, евреи обязаны были платить императору извѣстные налоги, но послѣднему не принадлежало права распоряжаться по своему усмотрѣнію жизнью и имуществомъ евреевъ.

Если начало такого отношенія императорской власти къ евреямъ и наоборотъ—слѣдуетъ искать въ безправномъ и беззащитномъ положеніи евреевъ и въ желаніи оказать имъ специальное покровительство за извѣстные, платимые ими императорамъ налоги, то вскорѣ эта точка зрѣнія уступила мѣсто другой, и беззащитность стала являться только предлогомъ, чтобы сдѣлать притѣсненіе и выжиманіе соковъ изъ евреевъ монополіей высшей государственной власти въ Германіи. Послѣдующіе германскіе императоры стали защищать евреевъ только въ эгоистическихъ видахъ, стали запрещать подвергать ихъ различнымъ притѣсненіямъ въ тѣхъ видахъ, чтобы доведенные до отчаянія евреи не вздумали выселяться, такъ какъ отъ этого уменьшились бы доходы императоровъ. Нѣсколько позднѣе, именно въ 1480-мъ году, императоръ Фридрихъ III, весьма откровенно объявилъ въ одномъ изъ своихъ декретовъ, что „евреевъ Регенсбурга слѣдуетъ держать такъ, чтобъ они, по прошествіи 5 лѣтъ, были въ состояніи уплатить императору сумму въ 10,000 гульд.“ Вообще нужно замѣтить, что положеніе „коронныхъ крѣпостныхъ“ никогда не приносило евреямъ существенной пользы; оно возлагало на нихъ извѣстныя обязанности по отношенію къ императору, между тѣмъ какъ предоставляемыя имъ этимъ положеніемъ права и защита отъ притѣсненій оставались болѣе или менѣе фиктивными. Въ особенности это относится къ эпохѣ крестовыхъ походовъ, когда положеніе евреевъ съ каждымъ годомъ становилось все хуже и хуже: центральная власть, наравнѣ съ мѣстными владѣтелями, рыцарями и чернью не переставали безнаказанно грабить, изгонять и даже убивать ихъ. Особенно ухудшилось ихъ положеніе съ половины 14-го столѣтія. Между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ чинимыя имъ притѣсненія имѣли характеръ частныхъ проявленій грубости нравовъ и алчности, съ этого времени поборы съ нихъ возводятся какъ бы въ принципъ, и нетолько выставляется, но и строжайше примѣняется на практикѣ принципъ, что имущество евреевъ находится лишь какъ бы во временномъ пользованіи ихъ и что оно, во всякій данный моментъ, можетъ быть отнято у нихъ ихъ непосредственнымъ патрономъ—императоромъ. Историческихъ примѣровъ тому можно найти не мало, не только въ 14-мъ и 15-мъ, но даже въ 16-мъ столѣтіяхъ. Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ виду еще и того обстоятельства, что всякая привилегія, выдаваемая

императорами евреямъ, имѣла характеръ личный, обязательный (и то только болѣе или менѣе) лишь для того, кто ее выдалъ, но вовсе не обязательный для его преемниковъ; и поэтому со смертью каждаго императора евреямъ приходилось хлопотать о продленіи или возобновленіи привилегій, а это сопровождалось обыкновенно увеличеніемъ требованій со стороны центральной власти.

Такъ какъ средневѣковая исторія Германіи выработала мало по-малу принципъ, что евреи состоятъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ императоровъ и въ непосредственной зависимости отъ нихъ, то, само собою разумѣется, логическимъ выводомъ изъ такого положенія являлось то, что императоры имѣли право делегировать свои права, цѣликомъ или отчасти, кому имъ заблагоразсудится: владѣтельнымъ князьямъ, городамъ, епископамъ или же коронным чиновникамъ; при этомъ не однократно случалось, что императоры передавали свои права, нимало не стѣсняясь территоріальными условіями: напримѣръ майнцскому епископу права по отношенію къ франкфуртскимъ евреямъ, баварскимъ герцогамъ—права относительно евреевъ въ имперскомъ городѣ Регенбургѣ, базельскому епископу—права относительно страсбургскихъ евреевъ, и т. д. Делегированіе или передача этихъ правъ производилась въ двухъ различныхъ формахъ: во 1-хъ, относительно евреевъ, уже ранѣе поселившихся въ извѣстной мѣстности, въ особенности въ большихъ городахъ; во 2-хъ въ такомъ видѣ, что разрѣшалось въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ не было евреевъ, поселять ихъ, („держать евреевъ“, Judaeos tenere). Иногда сроки поселенія евреевъ и число ихъ ограничивались заранѣе, иногда же такого ограниченія не дѣлалось. Бывали случаи, что такое делегированіе получало характеръ залога: императоръ, состоя должнымъ вассальнымъ владѣтелямъ, предоставлялъ имъ право пользоваться специальными доходами съ евреевъ до уплаты долга; но случалось, что долги не уплачивались цѣлыя сотни лѣтъ, и такимъ образомъ право, предоставленное на время, въ видѣ залога, дѣлалось постояннымъ. Иногда делегированіе императоромъ своихъ правъ другимъ лицамъ и учрежденіямъ имѣло характеръ частичный: императоръ передавалъ въ другія руки лишь часть своихъ правъ и обязанностей по отношенію къ евреямъ, оставляя за собою право облагать ихъ нало-

гами по своему усмотрѣнію. Причины, заставившія князей, епископовъ и города просить императоровъ о представленіи имъ права „держать" у себя евреевъ, заключались отчасти въ желаніи имѣть подъ рукою людей, располагающихъ значительными денежными суммами и могущихъ въ случаѣ надобности открыть кредитъ; но преимущественно при этомъ имѣлась въ виду фискальная сторона дѣла,—возможность увеличить свои доходы, такъ какъ евреи не безъ основанія считались въ средніе вѣка въ Германіи лучшей податной силой.

Такимъ образомъ съ теченіемъ времени евреи въ Германіи мало по малу превратились изъ коронныхъ крѣпостныхъ въ крѣпостныхъ вассальныхъ князей и городовъ. Карлъ IV, въ своей извѣстной „Золотой буллѣ" (1356 г.), прямо постановилъ, что всѣ курфирсты имѣютъ право держать евреевъ. („Statuimus, qnod universi principes electores Iudaeos habere possint"). Весьма характеристична форма, въ которой въ означенномъ документѣ выражено это право. Послѣ того, какъ въ Золотой буллѣ упомянуто было о томъ, что курфирсты могутъ пользоваться всѣми минеральными богатствами своихъ территорій, какъ-то золотыми, серебрянными, мѣдными, свинцовыми, желѣзными и другими рудниками, а также соляными копями, говорится далѣе: „а также держать евреевъ и получать доходы съ пошлинъ". Такимъ образомъ рудники, пошлины и евреи поставлены на одну доску; евреи являются какъ бы тѣми же рудниками, изъ которыхъ добываются металлы, но только не разработкой ихъ, а давленіемъ и выжиманіемъ.

Въ виду важнаго финансоваго значенія евреевъ для императоровъ, князей и городовъ имъ было запрещено удаляться изъ своего мѣста жительства безъ особаго на то разрѣшенія. Когда въ 1286 году среди германскихъ евреевъ распространился слухъ, что въ Сиріи находится новый мессія и многіе евреи стали готовиться къ выселенію въ обѣтованную землю, императоръ Рудольфъ предписалъ строгія мѣры для воспрепятствованія такому выселенію. Властямъ было приказано водворять на прежнихъ мѣстахъ жительства евреевъ, ушедшихъ самовольно, точно такъ же, какъ это дѣлалось съ бѣглыми крестьянами; объявлено было, что самовольное удаленіе евреевъ наказывается конфискаціей всего имущества. Право выселяться давалось обыкновенно евреямъ лишь по уплатѣ ими значительныхъ денежныхъ суммъ. Но съ другой стороны, хотя фискальныя соображенія побуждали князей и города принимать и держать у себя евреевъ, случалось и наоборотъ, что ярость черни, нетерпимость духовенства, желаніе должниковъ избавиться отъ своихъ кредиторовъ, вызывали распоряженія о томъ, что въ такой-то мѣстности никогда не должно быть ни одного еврея.

II.

Мы уже неоднократно указывали выше на то, что отношенія законодательства къ евреямъ въ средніе вѣка въ Германіи опредѣлялись преимущественно фискальными соображеніями; поэтому однимъ изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ факторовъ въ этомъ законодательствѣ является та часть его, которая касается обложенія евреевъ податями и налогами.

Количество уплачиваемыхъ евреями налоговъ опредѣлялось обыкновенно на извѣстное число лѣтъ; по истеченіи срока устанавливался новый налогъ, обыкновенно въ увеличенномъ размѣрѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что евреи облагались гораздо выше, чѣмъ прочіе граждане, причемъ норма обложенія однако сильно колебалась даже въ теченіе сравнительно незначительныхъ сроковъ. Такъ изъ сохранившихся бреславльскихъ городскихъ книгъ 14 столѣтія обнаруживаются слѣдующія интересныя данныя: Въ 1326 году сумма всѣхъ налоговъ, платимыхъ населеніемъ города, простирались до 917 марокъ; изъ этой суммы на долю евреевъ приходилось 165 марокъ, т. е. составлялась приблизительно слѣдующая пропорція: 1:5½. Въ послѣдующіе годы пропорція эта подвергалась слѣдующимъ колебаніемъ: въ 1327 г.—1:18½, въ 1328—1:19, въ 1329—1:23, въ 1334—1:13, въ 1335—1:8½, въ 1338—1:39 въ 1342—1:5½, въ 1344—1:8½. (Нужно замѣтить, что кромѣ этихъ сравнительно значительныхъ суммъ, въ пользу города, бреславскимъ евреямъ приходилось ежегодно платить еще болѣе значительныя суммы королямъ Богеміи). При обложеніи какой либо еврейской общины извѣстной суммой осмотрительно дѣлалась оговорка, что эта сумма должна увеличиться, если въ общинѣ поселятся еще другіе евреи. Распредѣленіе общей суммы налоговъ между отдѣльными членами ея большею частью возлагалось на старшинъ общины, причемъ принималось въ соображеніе имущество и доходъ каждаго члена общины; иногда же, какъ напр. въ Регенсбургѣ, распредѣленіе

это производилось городскими чиновниками. Нѣкоторые евреи освобождались отъ обязанности вносить свою долю въ общинные налоги тѣмъ, что вносили извѣстную выкупную сумму непосредственно императору или владѣтельному князю, и въ такомъ случаѣ они получали особую грамату, патентъ, освобождавшіе ихъ отъ ежегодныхъ налоговъ. Бывали случаи, что за особыя заслуги нѣкоторые евреи (въ особенности врачи) безвозмездно освобождались отъ платежа налоговъ. Но такъ какъ подобныя изъятіи были невыгодны для остальныхъ членовъ еврейской общины, то многія изъ нихъ неоднократно хлопотали о томъ, чтобы такихъ изъятій не дѣлалось.

Изъ вышеизложеннаго мы видѣли, что императоръ съ теченіемъ времени роздалъ своимъ вассаламъ и городамъ значительную часть своего права на обложеніе налогами евреевъ; это, понятно, имѣло послѣдствіемъ нѣкоторую пустоту въ кассахъ самихъ императоровъ, которую послѣдніе старались пополнить тѣмъ, что приказывали силою взимать съ евреевъ деньги или заключали у нихъ принудительные займы. Но всѣ эти поборы имѣли характеръ случайный, неурегулированный, и потому императоръ Людвигъ Баварецъ нашелъ нужнымъ придать имъ въ 1342-мъ году, такъ сказать, законную форму. Въ этихъ видахъ онъ постановилъ, что всякій еврей и всякая еврейка свыше 12-лѣтняго возраста, если у нихъ есть имущество не менѣе чѣмъ на 20 гульденовъ, должны ежегодно вносить императору, независимо отъ налоговъ, платимыхъ ими князьямъ и городамъ, по одному гульдену; этотъ налогъ былъ названъ „золотымъ жертвеннымъ пфеннигомъ". Евреямъ волей неволей пришлось помириться съ этимъ новымъ налогомъ: а опасаясь, чтобы императоры не отдали и этого налога на откупъ другимъ лицамъ и чтобы затѣмъ не выдуманъ былъ еще новый, предназначенный собственно для императоровъ, налогъ на евреевъ, они даже стали испрашивать себѣ особыя привилегіи, въ которыхъ подтверждалось, что „золотой жертвенной пфеннигъ" платится ими непосредственно императору. Впослѣдствіи бывали примѣры, что этотъ налогъ утрачивалъ характеръ подушнаго и замѣнялся извѣстной суммой, которая вся еврейская община извѣстной мѣстности, смотря по численности своей, должна была платить императору.

Наконецъ мы встрѣчаемъ въ концѣ 14-го вѣка еще новый довольно оригинальный видъ побора съ евреевъ, облеченный въ якобы законную форму. Нѣкоторые города, сильно задолжавшіе частнымъ лицамъ изъ евреевъ или цѣлымъ еврейскимъ общинамъ, обратились къ императору Венцеславу съ просьбой о томъ, чтобы его повелѣніемъ долги городовъ евреямъ были сложены, за что они предлагали уступать въ его пользу половину, треть, четверть или какую-либо иную часть ежегодныхъ ихъ доходовъ съ евреевъ. Для городовъ подобныя сдѣлки были выгодны, такъ какъ, во-первыхъ, они сразу освобождались отъ всѣхъ своихъ долговъ евреямъ, а во-вторыхъ въ виду того, что право на обложеніе евреевъ давалось имъ только на извѣстное число лѣтъ, они могли опасаться, что, по истеченіи срока привилегіи, императоръ не захочетъ возобновить ее и оставить это право за собою; для императоровъ же оно было выгодно, потому что на чужой счетъ—на счетъ евреевъ-заимодавцевъ—онъ значительно пріумножалъ ежегодные свои доходы. Въ этомъ смыслѣ императоръ Венцеславъ въ 1385, 1388, 1390 и въ послѣдующіе годы выдалъ граматы различнымъ городамъ. Иногда половина, треть или иная часть, слѣдующая императору изъ доходовъ съ евреевъ, замѣнялись извѣстной круглой суммой, заранѣе опредѣляемой.

Изо всего вышеизложеннаго видно, что поборы съ евреевъ были весьма многоразличны. Но на основаніи имѣющихся данныхъ невозможно опредѣлить, сколько именно приходилось платить евреямъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ. Счетныя книги городовъ кое-гдѣ сохранились и изъ нихъ, какъ мы видѣли выше, можно составить себѣ хотя приблизительное понятіе о томъ, сколько евреи платили городамъ. Но счетныхъ книгъ о приходахъ и расходахъ императоровъ въ ту эпоху не сохранилось и поэтому невозможно даже приблизительно опредѣлить общую сумму императорскихъ доходовъ съ евреевъ. Дѣло это еще болѣе затрудняется тѣмъ, что императоры не довольствовались обыкновенными доходами съ евреевъ, а, въ случаѣ нужды въ деньгахъ, прибѣгали еще къ чрезвычайнымъ налогамъ, причемъ нельзя сказать, чтобъ они были особенно разборчивы въ средствахъ для вымогательства. Евреямъ угрожали изгнаніемъ и конфискаціей всего ихъ имущества; имъ не позволяли выходить изъ ихъ домовъ или даже заключали ихъ въ темницу, а затѣмъ, когда они соглашались на внесеніе чрезвычайнаго побора, въ роспискахъ о полученіи съ нихъ слѣ-

дуемыхъ денегъ наивно замѣчалось, что „любезные коронные крѣпостные“ добровольно и безъ всякаго принужденія согласились на уплату такой-то суммы.

Неоднократно съ евреевъ взимались также значительныя суммы въ видѣ пени за якобы совершенныя ими преступленія и проступки. Такъ какъ въ то время народъ былъ весьма склоненъ приписывать евреямъ всевозможныя преступленія противъ жизни и религіи христіанъ, то не трудно было отыскать предлоги, хотя бы и недоказанные, къ подобнымъ поборамъ. При этомъ денежной пенѣ подвергался не только совершившій или якобы совершившій преступленіе и его семейство, но, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, облагались новыми поборами вся община, къ которой онъ принадлежалъ, и даже сосѣднія общины. Города и вассалы обыкновенно дѣлились въ этихъ случаяхъ съ императорами отобранными у евреевъ деньгами. Особенно тяжелы были эти поборы для евреевъ при императорѣ Сигизмундѣ. Этотъ императоръ былъ долженъ гражданамъ города Цнаима (въ Моравіи) 905 гульденовъ; въ 1421-мъ году онъ далъ имъ право взыскать эту сумму съ его, императора, „коронныхъ крѣпостныхъ“, евреевъ Цнаима, Ольмюца и Брюнна, „принуждая ихъ, въ случаѣ надобности, къ уплатѣ угрозой ихъ жизни и имуществу“. Тотъ же императоръ, безъ малѣйшаго основанія, что называется „здорово живешь“, велѣлъ взыскать съ евреевъ расходы по Констанцскому собору. При этомъ съ нихъ были собраны громадныя по тому времени суммы: нюренбергскимъ евреямъ пришлось уплатить на расходы по Констанцскому собору 12,000 гульденовъ, столько же евреямъ Кельна (съ послѣднихъ потребовали было даже 84,000 гульденовъ); съ франкфуртскихъ евреевъ императоръ повелѣлъ взыскать третью часть ихъ имущества. Въ 1418-мъ году тотъ же Сигизмундъ изобрѣтаетъ новый предлогъ для поборовъ съ евреевъ: послѣднимъ пришлось уплачивать расходы по возведенію на папскій престолъ избраннаго Констанцскимъ соборомъ папы Мартина. Гусситскія войны дали новые предлоги для значительныхъ поборовъ съ евреевъ. Вообще 15-й вѣкъ былъ въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, особенно тяжелъ для германскихъ евреевъ.

Кромѣ денежныхъ поборовъ и налоговъ, съ евреевъ неоднократно взимались поборы натурою. Такъ въ 14-мъ столѣтіи, по случаю посѣщенія императоромъ города Франкфурта, на тамошнихъ евреевъ была возложена обязанность доставлять весь пергаментъ, необходимый для императорской канцеляріи, снабжать императорскій дворъ постельными принадлежностями, а императорскую кухню—посудой, и платить суточныя деньги гофмейстеру, гофмаршалу, каммергеру и другимъ придворнымъ; подобныя же обязательства при такомъ же случаѣ были возложены и на нюренбергскихъ евреевъ. При отъѣздѣ двора посуда, постельныя принадлежности и пр. дѣлались собственностью придворныхъ чиновниковъ. Иногда на евреевъ возлагалась обязанность содержать императорскихъ пословъ.

Хотя евреи, не числясь гражданами городовъ въ собственномъ смыслѣ слова, не имѣя права занимать общественныя должности, участвовать въ собраніяхъ гражданъ, будучи ограничены въ пользованіи недвижимою собственностью и въ ремесленной своей дѣятельности, и не платили обыкновенныхъ общинныхъ налоговъ, однако это ихъ не избавляло отъ участія въ налогахъ на нужды города. Нужно-ли было возвести городскія укрѣпленія—къ расходамъ на этотъ предметъ привлекались евреи; расходы по охранѣ города тоже во многихъ случаяхъ оплачивались ими же. Наконецъ въ пользу церкви они платили десятую часть дохода съ своихъ недвижимыхъ имуществъ.

Покровительство, которое евреи покупали себѣ цѣною такихъ тяжелыхъ налоговъ и поборовъ, простиралось только на тотъ городъ или на ту область, гдѣ они жили. Въ случаѣ же, если они отлучались изъ мѣста своего постояннаго жительства, имъ нужно было платить еще особый налогъ, который можно назвать „конвойнымъ налогомъ“ (Geleitgeld). Извѣстно, какъ мало безопасны были большія дороги въ средніе вѣка. Всякій купецъ, отправлявшійся съ товаромъ на ярмарку или возвращавшійся съ деньгами домой, долженъ былъ ежечасно опасаться попасться въ руки рыцарямъ-грабителямъ и лишиться не только своего имущества, но и жизни. Нѣкоторую гарантію противъ нападеній можно было пріобрѣсти, только заплативъ извѣстную сумму владѣтельному князю той области, черезъ которую приходилось проѣзжать; тотъ или давалъ за это путешественнику конвой, или же гарантировалъ ему извѣстную сумму въ возмѣщеніе за убытки, которые могли быть причинены путешественнику отъ разбойниковъ на его территоріи. (Этотъ послѣдній видъ гарантіи представляетъ собою

какъ-бы первообразъ позднѣйшаго страхованія имущества и жизни).
Такъ какъ въ средніе вѣка евреи были въ Германіи торговцами по преимуществу, то имъ чаще всего приходилось платить конвойный налогъ, тѣмъ болѣе, что они въ путешествіяхъ, какъ и у себя дома, подвергались бо̀льшимъ опасностямъ, чѣмъ христіане. Для нихъ даже дѣлалось то различіе, что, между тѣмъ какъ путешественнику-христіанину предоставлялось на выборъ или платить конвойный налогъ, или, не платя его, путешествовать на свой страхъ и рискъ, еврей *непремѣнно* долженъ былъ платить этотъ налогъ. Послѣдній превращался такимъ образомъ какъ бы въ „странствующій подушный налогъ"; еврею нельзя было разсчитывать хотя бы на относительную безопасность, ни сидя на мѣстѣ, ни путешествуя, не платя подушнаго налога. Иногда этотъ налогъ взимался съ евреевъ не только при вступленіи въ территорію чужаго владѣльца, но даже при выѣздѣ ихъ изъ города, въ которомъ они жили, хотя бы они совершали поѣздку лишь по владѣніямъ того князя, подданными котораго они считались. Налогъ этотъ взимался не только съ живыхъ, но и съ мертвыхъ, напримѣръ при перевозкѣ умершаго на чужбинѣ еврея въ мѣсто его постояннаго жительства. Бывали случаи, что нѣкоторые князья, желая избавить своихъ подданныхъ отъ конкурренціи евреевъ-торговцевъ, обѣщали первымъ вовсе не давать евреямъ пропуска черезъ свои владѣнія. „Конвойный налогъ" не имѣлъ опредѣленныхъ нормъ, и размѣры его были весьма различны, достигая порой весьма почтенной суммы. Такъ напр. сохранилось извѣстіе о томъ, что въ 1311-мъ году за проѣздъ по небольшому пространству въ 16 миль между городами Пассау и Страубингомъ съ евреевъ взимался въ видѣ конвойнаго налога 1 фунтъ серебра, т. е. 169 гроша.

Кромѣ „конвойнаго налога" и независимо отъ него взималась еще особая заставная пошлина съ провозимыхъ товаровъ. Въ этомъ отношеніи не дѣлалось впрочемъ различія между евреями и христіанами; а нѣкоторые императоры, какъ напр. Генрихъ IV, давалъ даже евреямъ особыя привилегіи касательно заставныхъ пошлинъ.

Мы видѣли выше, что покровительство, оказывавшееся въ средніе вѣка въ Германіи евреямъ, обусловливалось преимущественно, даже почти исключительно, фискальными соображеніями, желаніемъ

выжать изъ нихъ по возможности больше денегъ для наполненія казны императоровъ, князей, епископовъ, городовъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что рядомъ съ постановленіями, касающимися возможно большаго обложенія евреевъ, мы встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ средневѣковыхъ документахъ постановленія, имѣвшія въ виду, по крайней мѣрѣ de jure, если не de facto, оказывать защиту и покровительство евреямъ, въ особенности при императорѣ Генрихѣ IV, особенно благоволившемъ евреямъ, и при ближайшихъ его преемникахъ. Такъ въ первомъ „земскомъ мирѣ", заключенномъ при императорѣ Генрихѣ IV въ 1103 году въ Майнцѣ на четыре года, упоминается весьма обстоятельно о евреяхъ. Въ другихъ постановленіяхъ той же эпохи, евреямъ, какъ и всѣмъ прочимъ „безоружнымъ" лицамъ, обѣщается неприкосновенность жизни и имущества. „Папы и другіе духовныя лица, говорится въ „Sachsenspiegel", женщины, дѣвицы, и евреи неприкосновенны въ своемъ имуществѣ и въ своемъ тѣлѣ"; и далѣе: „если христіанинъ убьетъ еврея или причинитъ ему иное насиліе, то онъ подлежитъ суду, какъ нарушившій императорскій миръ". Эти постановленія не распространялись впрочемъ на евреевъ, носящихъ оружіе. Въ другихъ постановленіяхъ 12 и 13 столѣтія налагались высокія денежныя пени за убіеніе или пораненіе евреевъ, въ размѣрѣ напр. 10 фунт. серебра за пораненіе и 20 фунт. серебра за убіеніе; иногда убіеніе еврея христіаниномъ наказывалось отрубленіемъ правой руки; въ одной австрійской грамотѣ 12-го столѣтія за убіеніе еврея христіаниномъ установливалась даже смертная казнь. Случалось, что и папы издавали буллы въ защиту евреевъ; такъ напр. папа Иннокентій IV угрожалъ отлученіемъ отъ церкви лицамъ, виновнымъ въ поруганіи еврейскихъ кладбищъ или въ оскорбленіи ихъ святыни. Интересно распоряженіе папы Павла, относящееся къ 1169 году, которымъ духовникамъ предписывалось не отказывать въ отпущеніи грѣховъ судьямъ, участвовавшимъ въ процессахъ между евреями и христіанами, ибо, говорилъ папа, „нельзя считать достойнымъ порицанія и несовмѣстнымъ съ спасеніемъ души, если справедливость, которая должна быть одинакова для всѣхъ, оказывается и евреямъ".

Но читая обо всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ постановленіяхъ, нельзя не замѣтить, что вообще довольно рискованно, на основаніи законодательства страны, выводить заключеніе о социаль-

ныхъ отношеніяхъ ея гражданъ, и что далеко не всегда оказываются самыми нравственными тѣ народы, у которыхъ изданы самые строгіе законы. Поэтому было бы ошибочно, на основаніи дошедшихъ до насъ благопріятныхъ для евреевъ привилегій, выводить заключеніе о положеніи ихъ и объ обращеніи съ ними въ тѣхъ странахъ, гдѣ издавались эти законы. Въ средніе вѣка, еще болѣе чѣмъ въ наше время въ иныхъ странахъ, законы оставались законами, а жизнь шла, совершенно независимо отъ нихъ, по своимъ собственнымъ путямъ. Предоставляемыя евреямъ привилегіи большею частью являлись результатомъ мимолетныхъ добрыхъ побужденій того или другаго изъ власть имущихъ лицъ, или же покупались евреями цѣною тяжелыхъ жертвъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы народъ въ своихъ отношеніяхъ къ евреямъ сообразовался съ ними, или чтобы сами императоры и князья особенно энергически настаивали на выполненіи ихъ. Беззащитность евреевъ въ сущности оставалась все та же, безразлично отъ того, получили ли они формальныя привилегіи, или нѣтъ. Когда въ эпоху гоненій на евреевъ совершались преступленія противъ жизни и имущества послѣднихъ, императоры и князья рѣдко брали евреевъ подъ свою защиту или преслѣдовали по закону виновныхъ; а если они и дѣлали это, то, конечно, не столько ради гуманныхъ побужденій, сколько изъ того соображенія, что убіеніемъ и ограбленіемъ евреевъ ихъ казнѣ наносился чувствительный вредъ.

Совершенно особое положеніе по отношенію къ германскимъ евреямъ занималъ въ средніе вѣка архіепископъ Майнцскій. Кромѣ непосредственнаго покровительства надъ поселенными на его территоріи евреями, онъ считался какъ бы вице-покровителемъ германскихъ евреевъ вообще. Начиная съ 13-го вѣка вошло въ обычай, что когда императоръ, по какимъ либо причинамъ, покидалъ свои владѣнія, онъ передавалъ высшую судебную власть старшему изъ курфирстовъ, пфальцграфу Рейнскому, а покровительство надъ евреями—императорскому канцлеру, епископу Майнцскому. Епископъ Майнцскій пользовался по закону десятою частью того, что евреи платили императору. Это не былъ самостоятельный налогъ, съ евреевъ, а, такъ сказать, процентныя деньги съ получаемыхъ императоромъ отъ евреевъ доходовъ, получаемыя епископомъ за спеціальныя обязанности, налагавшіяся на него

закономъ по отношенію къ евреямъ; иногда вмѣсто десятаго процента императоры назначали епископамъ извѣстную валовую сумму. Въ 14 и 15 столѣтіяхъ случалось, что императоры временно поручали покровительство надъ евреями не на всемъ протяженіи германской имперіи, а въ извѣстныхъ областяхъ, кромѣ епископа майнцскаго, и другимъ владѣтельнымъ князьямъ; но о томъ, получали ли и эти послѣдніе въ такихъ случаяхъ процентныя деньги, до насъ не дошло извѣстій.

III.

Все, что мы говорили выше о личномъ и имущественномъ положеніи евреевъ въ средніе вѣка въ Германіи, имѣетъ характеръ болѣе или менѣе общій для всей Германіи, хотя и при этомъ читатели могли видѣть, что въ разныхъ областяхъ и городахъ Германіи встрѣчались значительныя особенности. Значительная часть разсматриваемой нами книги Штоббе посвящена изложенію особенностей положенія евреевъ въ нѣкоторыхъ изъ германскихъ значительныхъ городовъ, гдѣ было особенно много евреевъ, а именно въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Кельнѣ, Регенсбургѣ, Аугсбургѣ и Нюренбергѣ. Не находя возможнымъ останавливаться на всѣхъ интересныхъ подробностяхъ, сообщаемыхъ въ книгѣ Штоббе по этому предмету, такъ какъ это слишкомъ раздвинуло-бы рамки настоящей статьи, мы ограничимся сообщеніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ подробностей о положеніи евреевъ только въ Франкфуртѣ, Кельнѣ и Регенсбургѣ.

Положеніе еврейской общины въ Регенсбургѣ было особенно сложно, потому что регенсбургскіе евреи были подчинены не только императору, мѣстному епископу, городу, но еще и мѣстному владѣтелю, герцогу баварскому. Всѣ эти хозяева вмѣшивались въ дѣла евреевъ, часто противорѣча другъ другу въ своихъ распоряженіяхъ; всѣ они облагали евреевъ денежными взносами, часто не обращая никакого вниманія на то, что евреямъ приходилось платить другимъ. Словомъ такое положеніе дѣлъ вело къ спорамъ между властителями и къ вящему отягощенію регенсбургскихъ евреевъ.

Регенсбургская еврейская община принадлежитъ къ числу старѣйшихъ въ Германіи. Между самими евреями ходило преданіе, что евреи жили въ Регенсбургѣ еще до Р. Х.; чтобы доказать неви-

новность своихъ предковъ въ смерти Христа, регенсбургскіе евреи ссылались на письмо, будто бы полученное ихъ предками отъ евреевъ Палестины, въ которомъ послѣдніе якобы извѣщали о дѣятельности и распятіи Христа. Но въ дошедшихъ до насъ документахъ въ первый разъ упоминается въ 10-мъ столѣтіи о принадлежности евреямъ земельной собственности въ одномъ изъ предмѣстій Регенсбурга. Во время перваго крестоваго похода регенсбургскіе евреи, подобно своимъ соплеменникамъ въ другихъ мѣстностяхъ Германіи и Европы, подвергались разнымъ гоненіямъ; но императоръ Генрихъ IV, вообще благоволившій евреямъ, прибывъ въ 1097 году въ Регенсбургъ, простеръ свою терпимость до того, что предоставилъ евреямъ, силою обращеннымъ въ христіанство, возвратиться къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Хотя и въ Регенсбургѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, евреи облагались значительными платежами въ пользу то императора, то епископовъ регенсбургскихъ, то города, но вообще нельзя не замѣтить, что городъ Регенсбургъ оказывалъ поселеннымъ въ немъ евреямъ болѣе дѣйствительное покровительство, чѣмъ другіе средневѣковые города Германіи. Когда въ 1298-мъ году евреи во всей Франконіи, Баваріи и Швабіи подвергались величайшимъ гоненіямъ по обвиненію въ убіеніи христіанскихъ дѣтей и въ оскорбленіи Св. Таинствъ, городской совѣтъ Регенсбурга энергически принялъ подъ свою защиту мѣстныхъ евреевъ. „Граждане города Регенсбурга", пишетъ лѣтописецъ того времени, „считали дѣломъ чести запрещать убіеніе и преслѣдованіе евреевъ помимо судебнаго приговора. Еслибы Господь Богъ желалъ смерти евреевъ, то они (граждане) тому не воспротивились бы; но они прежде желаютъ съ большею достовѣрностью убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли то воля Божья". Такимъ образомъ, регенсбургскіе евреи, хотя и не безъ труда, избѣгли смерти на кострѣ. Подобную же защиту оказалъ городъ „своимъ евреямъ" въ 1338-мъ году, и въ особенности въ 1349-мъ году, во время жестокаго, почти повсемѣстнаго преслѣдованія евреевъ въ Германіи. Любопытенъ слѣдующій фактъ: Въ послѣднемъ изъ означенныхъ годовъ герцогъ баварскій, во владѣніяхъ котораго производилась повсемѣстная травля евреевъ, счелъ нужнымъ даровать „своему вѣрному городу Регенсбургу" патентъ на преслѣдованіе и ограбленіе мѣстныхъ евреевъ, „сообразно чести и нуждамъ города", причемъ городу предоставлялось посту-

пать съ евреями, какъ ему заблагоразсудится, изгонять ихъ и не стѣсняться относительно ихъ никакими постановленіями закона; но городъ Регенсбургъ не счелъ возможнымъ и нужнымъ воспользоваться этой привилегіей. Въ 1371-мъ году сосѣдніе рыцари похитили у одного регенсбургскаго еврея ребенка и увезли его въ ближайшій замокъ; но граждане Регенсбурга такъ энергически вступились за отца похищеннаго ребенка, что похитители должны были не только возвратить ребенка, но и дать удовлетвореніе городу. Когда въ 1373 году императоръ Карлъ IV обложилъ всѣхъ германскихъ евреевъ вообще, а слѣдовательно въ томъ числѣ и регенсбургскихъ, произвольнымъ налогомъ, регенсбургскіе граждане опять заступились за „своихъ евреевъ", угрожавшихъ выселеніемъ, и благодаря ихъ посредничеству по этому дѣлу состоялся компромиссъ между императоромъ и баварскими герцогами съ одной, и регенсбургскими евреями—съ другой стороны. Живя въ относительно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, регенсбургскіе евреи достигли такой степени благосостоянія, что представляли собою въ глазахъ властей предержащихъ, т. е. императоровъ, баварскихъ герцоговъ, регенсбургскихъ епископовъ городскаго совѣта Регенсбурга, весьма цѣнный и обильный объектъ обложенія. Такъ въ 1322-мъ году императоръ Людвигъ Баварецъ, которому война съ его соперникомъ Фридрихомъ Австрійскимъ стоила большихъ денегъ, заложилъ между прочимъ герцогу Нижней Баваріи причитающіеся ему доходы съ регенсбургскихъ евреевъ за весьма значительную по тому времени сумму 20,000 марокъ серебромъ. Въ пользу города евреи также отбывали какъ натуральныя, такъ и денежныя повинности; но при распредѣленіи послѣднихъ между членами еврейской общины мы встрѣчаемъ въ Регенсбургѣ болѣе справедливыя и гуманныя начала, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: здѣсь особое городское жюри опредѣляло, какую часть своихъ доходовъ долженъ платить въ пользу города каждый гражданинъ, будь онъ христіанинъ или еврей. Это впрочемъ не мѣшало тому, чтобы городъ въ экстренныхъ случаяхъ (какъ напр. въ 1328-мъ году во время борьбы его съ баварскими герцогами) не бралъ съ евреевъ чрезвычайныхъ налоговъ, или не дѣлалъ у нихъ принудительныхъ займовъ.

Особенно интересны отношенія императора Венцеслава къ регенсбургскимъ евреямъ. Этотъ императоръ, повидимому особенно

изъ всѣхъ германскихъ императоровъ нуждавшійся въ деньгахъ, предоставилъ въ 1381 г. герцогу Фридриху Баварскому и ландграфу Іоанну Лейхтенбергскому право по своему произволу облагать поселенныхъ въ Баваріи евреевъ. Городъ Регенсбургъ воспротивился этому распоряженію, и едва не подвергся вслѣдствіе того осадѣ со стороны герцога Баварскаго. Передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій дѣло было перенесено въ имперскій судъ, который рѣшилъ его въ пользу города; послѣдній счелъ однако болѣе благоразумнымъ войти въ мировую сдѣлку и уплатить герцогу баварскому 4000 гульденовъ (взятыхъ конечно съ евреевъ). Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1389-мъ году), императоръ назначилъ двухъ баварскихъ рыцарей „покровителями и завѣдующими" регенсбургскими евреями. Понятно, что дѣло тутъ шло не столько о покровительствѣ, сколько о противодѣйствіи регенсбургскому городскому совѣту въ его попыткахъ посильно блюсти интересы мѣстныхъ евреевъ. Горожане Регенсбурга отлично это поняли и рѣшили не допускать въ свою среду этихъ „покровителей", но какъ люди практическіе, они заплатили за это императору и герцогу баварскому около 11,000 гульденовъ. Однако Венцеславъ, получивъ отъ города Регенсбурга извѣстную сумму, въ слѣдующемъ же году, вспомнивъ, что евреи все-таки считаются „коронными крѣпостными", поручилъ своимъ уполномоченнымъ въ Регенсбургѣ поступать съ ними, какъ съ таковыми; при этомъ имъ разрѣшено было занять военною силою еврейскіе кварталы и арестовать въ случаѣ надобности евреевъ, для того, чтобы недопустить ихъ уклониться бѣгствомъ отъ поборовъ. Наконецъ тотъ же Венцеславъ, вспомнивъ о вышеупомянутомъ „золотомъ жертвенномъ пфеннигѣ", пытался, хотя и тщетно, взыскать его съ регенсбургскихъ евреевъ.

Съ теченіемъ времени регенсбургскій городской совѣтъ, утомившись ли борьбою съ императорами и съ баварскими герцогами изъ-за евреевъ, или по другимъ причинамъ, сталъ менѣе энергически отстаивать права „своихъ евреевъ" и предпочелъ входить въ компромиссы на счетъ послѣднихъ. Такъ уже въ началѣ 15-го столѣтія мы видимъ, что городъ Регенсбургъ уступаетъ баварскому герцогу право облагать по своему произволу мѣстныхъ евреевъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы часть полученныхъ съ послѣднихъ денегъ отчислялась въ пользу города. Въ виду такого соглашенія регенсбургскимъ евреямъ пришлось платить при импе-

раторѣ Сигизмундѣ, по условію его съ баварскими герцогами и съ городскимъ совѣтомъ Регенсбурга, значительныя суммы на покрытіе расходовъ по Констанцскому собору и по гуситскимъ войнамъ. Еще хуже стало ихъ положеніе при послѣдующихъ императорахъ, въ особенности въ послѣдней четверти 15-го столѣтія, при Фридрихѣ III, когда, подъ устарѣлымъ предлогомъ убіенія христіанскихъ дѣтей, привлекались къ отвѣтственности цѣлыя еврейскія общины. Регенсбургскій городской совѣтъ, забывъ свои прежнія традиціи, пересталъ уже заступаться за „своихъ евреевъ"; послѣднихъ подвергали пыткамъ, вымучивали у нихъ ложныя признанія, и, на основаніи этихъ признаній, привлекали къ отвѣтственности, личной и имущественной, не только лицъ, сознавшихся подъ пыткою, но и цѣлыя еврейскія общины, къ которымъ принадлежали подозрѣваемые; это послужило къ немалому обогащенію казны императора и регенсбургскаго городскаго совѣта. Отъ такихъ компромиссовъ между совѣтомъ города Регенсбурга, императорами и баварскими герцогами положеніе евреевъ нимало не улучшилось, а скорѣе, наоборотъ, ухудшалось. Въ 1486-мъ году герцогъ предоставилъ совѣту города Регенсбурга облагать евреевъ по произволу, „для того, чтобы ихъ тѣмъ скорѣе можно было изгнать". Попы и монахи возбуждали публично чернь противъ евреевъ. Городской совѣтъ обѣщалъ имъ свое покровительство, но народное возбужденіе росло съ каждымъ днемъ. Мельники отказывались молоть для евреевъ муку, пекари—продавать имъ хлѣбъ, потому что духовенство запретило имъ это подъ страхомъ отлученія отъ церкви; городской совѣтъ также сталъ дѣлать имъ различныя стѣсненія, запрещая имъ, напримѣръ, покупать до извѣстнаго часа что-либо на рынкѣ. Дѣло дошло до того, что наконецъ перемѣнились роли и герцогъ баварскій возсталъ противъ притѣсненій, чинимыхъ евреямъ городскимъ совѣтомъ Регенсбурга, ссылаясь на то, что это вредно отзывается на его доходахъ. Въ 1519-мъ году, послѣ смерти императора Максимиліана, во время происшедшаго до избранія Карла V междуцарствія, регенсбургскій городской совѣтъ, который во времена оны такъ мужественно противился нападеніямъ черни на евреевъ, постановилъ изгнать изъ города всѣхъ евреевъ. Послѣднимъ предписано было, подъ опасеніемъ смертной казни, покинуть городъ въ теченіе пяти дней, предварительно заплативъ въ

его пользу 5500 гульденовъ; при этомъ граждане собственноручно разнесли еврейскую синагогу и поставили на ея мѣстѣ часовню.

Такъ печально окончила свое существованіе еврейская община въ Регенсбургѣ, одна изъ самыхъ старѣйшихъ въ Германіи и пользовавшаяся въ свое время особымъ покровительствомъ, не только императоровъ, но и мѣстныхъ городскихъ властей.

IV.

Въ Кельнѣ, какъ и въ Регенсбургѣ, евреи были поселены еще со временъ римлянъ. Съ введеніемъ въ Германіи христіанства они были подчинены мѣстному архіепископу и эти отношенія не прекращались и по установленіи вышеупомянутаго коронняго крѣпостничества евреевъ. Къ 1252-му году относится первая дошедшая до насъ грамата, опредѣляющая отношенія между кельнскими евреями и архіепископомъ города, и по образу этой граматы, съ небольшими измѣненіями, составлялись всѣ послѣдующія такого же рода. Въ этой граматѣ говорится, что честь города требуетъ того, чтобы живущіе въ Кельнѣ или прибывающіе туда евреи могли разсчитывать на милость и покровительство мѣстныхъ властей, и поэтому запрещаются всякія посягательства на жизнь и имущество евреевъ; за это они должны платить архіепископу ежегодно, въ два срока (на Іоанна Крестителя и на Рождество), извѣстную сумму (размѣръ которой впрочемъ въ граматѣ не опредѣленъ). Въ случаѣ обвиненія еврея въ совершеніи какого-либо тяжкаго преступленія, надъ обвиняемымъ долженъ быть учиненъ судъ, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ формальностей и съ выслушаніемъ свидѣтелей, какъ христіанъ, такъ и евреевъ, и только тогда, когда судъ признаетъ обвиненіе доказаннымъ, обвиняемый можетъ быть подвергнутъ наказанію, которому впрочемъ во всякомъ случаѣ подвергается онъ одинъ, а не члены его семейства или же цѣлая община. Изгнаніе изъ города еврея не можетъ совершиться иначе, какъ по ходатайству о томъ цѣлой еврейской общины, признавшей такого-то своего члена порочнымъ и вреднымъ для общины. Евреямъ предоставляется избирать изъ своей среды епископа (Judenbischoff), впрочемъ срокомъ не болѣе, какъ на одинъ годъ, и съ уплатой за то каждый разъ архіепископу 5 марокъ серебра. Городской совѣтъ не имѣлъ никакихъ правъ относительно евреевъ, подчиненныхъ непосредственно и исключи-

тельно архіепископу; впрочемъ евреи платили и въ пользу города извѣстный налогъ, вчетверо меньшій чѣмъ тотъ, который они платили архіепископу. Въ 1266-мъ году, въ виду нарушенія нѣкоторыми чиновниками правъ и привилегій евреевъ, архіепископъ подтвердилъ ихъ новою граматой, а для того, чтобы его повелѣнія были постоянно на глазахъ у исполнителей, онъ велѣлъ высѣчь ихъ на двухъ каменныхъ плитахъ и прибить послѣднія къ ризницѣ кельнскаго собора. Въ этой новой граматѣ онъ, кромѣ прежнихъ привилегій, постановилъ, чтобы съ евреевъ не взималось болѣе налоговъ, чѣмъ съ христіанъ, чтобъ уважалась святыня ихъ кладбищъ, и пр. Начиная съ 14-го столѣтія городу также предоставлена была извѣстная власть надъ евреями, которую они дѣлили съ архіепископомъ; это видно изъ того, что отъ этой эпохи осталась грамата, въ которой и городъ Кельнъ предоставляетъ евреямъ различныя привилегіи. Когда въ 1349-мъ году, во время свирѣпствовавшей въ Европѣ чумы, на евреевъ взводилось обвиненіе въ отравленіи и они подвергались убійствамъ и гоненіямъ, кельнскій городской совѣтъ старался заступиться за евреевъ, но повидимому тщетно; такъ можно по крайней мѣрѣ заключить изъ того, что въ слѣдующемъ 1350-мъ году архіепископъ и городъ заключили между собою договоръ, согласно которому оставшееся послѣ убіенія евреевъ имущество, какъ выморочное, поступаетъ во владѣнія архіепископа, а онъ уже отъ себя уступаетъ половину его въ пользу города.

Неизвѣстно, были ли въ то время перебиты и изгнаны всѣ кельнскіе евреи и городъ впослѣдствіи, въ болѣе спокойныя времена, заселился новыми пришельцами, или же часть ихъ оставалась въ Кельнѣ, но только въ 1373-мъ году мы встрѣчаемъ новую грамату о привилегіяхъ кельнскихъ евреевъ. Въ ней заявляется, что евреи способствуютъ благосостоянію города и потому тогдашній архіепископъ беретъ ихъ на 10 лѣтъ подъ свое покровительство; сумма, уплачиваемая ими, не опредѣлена; изъ вносимыхъ ими денегъ одну половину получаетъ городъ, другую—архіепископъ; они не участвуютъ въ случаѣ войны въ оборонѣ города, а обязаны лишь охранять одни изъ городскихъ воротъ. Но въ 15-мъ столѣтіи, когда почти повсемѣстно въ Германіи происходили гоненія противъ евреевъ во славу Божью и Пр. Богородицы, и кельнскіе не избѣгли этой участи: въ 1426-мъ году они были изгнаны

изъ Кельна, а синагога ихъ, какъ нѣсколько позднѣе въ Регенсбургѣ, обращена въ католическую часовню.

Евреи населяли въ Кельнѣ особый кварталъ, отдѣленный отъ другихъ стѣной и воротами. Каждый день съ закатомъ солнца ворота запирались и отпирались лишь съ восходомъ солнца; за это евреи обязаны были платить ежегодно городскому ключарю 20 марокъ серебромъ. Евреи имѣли право владѣть въ Кельнѣ домами, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ эти дома пріобрѣтались отъ другихъ евреевъ, а не отъ христіанъ. Кельнская еврейская община имѣла особую организацію, свою печать, синагогу, кладбище, госпиталь, бани, наконецъ особенный еврейскій общественный колодезь. У нихъ былъ также свой собственный судъ, и только тяжкія преступленія (воровство, подлоги, нанесеніе ранъ и убіеніе, прелюбодѣяніе съ христіанами) были подчинены, какъ мы уже упомянули выше, юрисдикціи архіепископа; присягу на судѣ они приносили по установленію своей религіи; ихъ судъ имѣлъ право приговаривать своихъ порочныхъ членовъ къ изгнанію и эти приговоры должны были приводиться въ исполненіе архіепископскими чиновниками. Въ случаѣ предъявленія христіаниномъ жалобы противъ еврея онъ былъ обязанъ лично явиться для того въ еврейскую синагогу и заявить свою жалобу такъ называемому „еврейскому епископу" и старшинамъ. Духовныя лица находили неудобнымъ и оскорбительнымъ для себя обязательство, въ случаѣ процессовъ съ евреями, являться въ синагогу, и жаловались архіепископу; тотъ призналъ ихъ жалобу основательной по существу, но оправдывался тѣмъ, что евреи не только доставляютъ ему значительный доходъ, но, при финансовыхъ затрудненіяхъ, еще ссужали ему значительныя суммы, и въ виду этого оставилъ въ силѣ вышеозначенное постановленіе. Когда городской совѣтъ и архіепископы стали дѣлить между собою власть надъ кельнскими евреями, первый сталъ избирать изъ своей среды двухъ консуловъ для сбора съ евреевъ налоговъ и пенныхъ денегъ, и вообще для завѣдыванія еврейскими дѣлами.

Еврейская община *въ Франкфуртѣ на Майнѣ* принадлежитъ къ числу самыхъ позднѣйшихъ и повидимому образовалась не ранѣе конца 12-го столѣтія. Первыя достовѣрныя извѣстія о ней мы находимъ лишь въ Эрфуртской лѣтописи 13-го столѣтія, изъ которой видно, что императоръ Конрадъ, какъ покровитель „своихъ евреевъ", старался оказать имъ защиту и удовлетвореніе во время гоненія на нихъ, во Франкфуртѣ, происходившаго въ 1241 г. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, императоры, находясь въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, продавали или закладывали причитающіеся имъ доходы съ евреевъ своимъ вассаламъ. Такъ императоръ Рудольфъ заложилъ ихъ въ 1286 году графу Адольфу Нассаускому, а этотъ послѣдній, самъ сдѣлавшись императоромъ, заложилъ ихъ въ 1297 и 1303-мъ году архіепископу майнцскому, на котораго такимъ образомъ перешло и покровительство надъ франкфуртскими евреями. Кромѣ императоровъ и архіепископовъ, евреи были подчинены и городу. Въ привилегіи 1331-го года императоръ обѣщаетъ своимъ „любезнымъ коронньмъ крѣпостнымъ", франкфуртскимъ евреямъ, не облагать ихъ чрезвычайными налогами и приглашаетъ городъ оказывать имъ всяческую защиту, „даже противъ императора, если-бы тотъ вздумалъ посягнуть на привилегіи евреевъ". Въ другой граматѣ онъ приглашалъ архіепископа и городъ оказывать другъ другу поддержку въ дѣлѣ защиты евреевъ. Это не помѣшало однако тому же императору въ 1346-мъ году, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, конфисковать всю недвижимую собственность франкфуртскихъ евреевъ и продать ее затѣмъ городу за 3000 фунта. Тотъ же императоръ обложилъ франкфуртскихъ евреевъ вновь введеннымъ имъ налогомъ, такъ называемымъ „золотымъ жертвеннымъ пфеннигомъ".

Не избѣгли и франкфуртскіе евреи почти повсемѣстныхъ въ Германіи гоненій противъ нихъ въ половинѣ 14-го вѣка. Ожидая и въ Франкфуртѣ такихъ гоненій, начавшихся уже въ другихъ мѣстахъ, не намѣреваясь особенно энергично заступаться за своихъ „коронныхъ крѣпостныхъ", но не желая также лишаться получаемыхъ отъ нихъ доходовъ, тогдашній императоръ Карлъ IV нашелъ весьма остроумный способъ выйти изъ этой дилеммы: онъ заложилъ свои права относительно евреевъ городу Франкфурту за значительную сумму 15,200 фунтовъ; городъ же долженъ былъ получать еврейскіе доходы и принять на себя относительно нихъ обязанности, лежавшія на императорѣ; при этомъ было оговорено впрочемъ, что если городъ получитъ отъ евреевъ болѣе 15,200 фунтовъ, то излишекъ долженъ поступить въ казну императора. Хотя въ императорской граматѣ и повторялась обычная фраза, что городъ не долженъ давать евреевъ въ обиду, но подобная

фраза никого не могла ввести въ заблужденіе относительно того, что за громадную сумму 15,200 фунтовъ императоръ предоставлялъ христіанскимъ горожанамъ Франкфурта грабить и обирать евреевъ, сколько душѣ угодно. Четыре недѣли спустя послѣ изданія этой граматы начались давно предвидѣвшіяся событія, т. е ожесточенныя гоненія на евреевъ. Доведенные до отчаянія евреи сами зажгли свои дома, вслѣдствіе чего сгорѣли и сосѣдніе кварталы; уцѣлѣвшее имущество ихъ было конфисковано.

Когда впослѣдствіи евреи опять стали селиться въ Франкфуртѣ (правда въ гораздо менѣе значительномъ числѣ), императоръ и архіепископъ майнцскій опять стали было предъявлять свои права къ нимъ; но городской совѣтъ, ссылаясь на выплаченную въ 1349-мъ году императору сумму и на предоставленныя за то городу исключительныя права на евреевъ. воспротивился притязаніямъ того и другаго; дѣло однако окончилось мировой, по которой евреи и городской совѣтъ выплатили извѣстныя суммы, и затѣмъ городъ Франкфуртъ сдѣлался неограниченнымъ властителемъ мѣстныхъ евреевъ. Это впрочемъ не мѣшало императорамъ и впослѣдствіи дѣлать чрезвычайные поборы съ евреевъ; такъ напр. поступилъ императоръ Сигизмундъ для покрытія расходовъ по Констанцскому собору, о чемъ мы упоминали выше.

Объ организаціи еврейской общины во Франкфуртѣ мы имѣемъ менѣе свѣдѣній, чѣмъ объ организаціи кельнской общины. Извѣстно, что сначала они имѣли здѣсь свой особый кварталъ (въ которомъ впрочемъ жили и христіане), а съ 1462-го года только одну улицу, въ которой ихъ запирали на ночь. За городской стѣной у нихъ было свое отдѣльное кладбище. Въ отличіе отъ кельнскихъ порядковъ, они имѣли право пріобрѣтать дома и у христіанъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ уплачивать десятину съ этихъ домовъ въ пользу церкви. Община имѣла своего еврейскаго старшину, назначаемаго однако городомъ; но своей особой юрисдикціи она не имѣла, а члены ея подлежали вѣдѣнію городскаго суда; отъ вызова въ имперскій верховный судъ и въ церковные суды они были впрочемъ освобождены. Городъ опредѣлялъ также размѣръ процентовъ, свыше котораго евреи не могли взимать съ своихъ должниковъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тою частью книги Штоббе, въ которой рѣчь идетъ, такъ сказать, о государственномъ положеніи евреевъ, объ отношеніяхъ ихъ къ императорамъ, князьямъ, епископамъ и городамъ, о повинностяхъ, которыми они были обложены въ пользу своихъ властителей, и о правахъ, которыми они за это пользовались, объ особенностяхъ положенія ихъ въ главныхъ центрахъ поселенія евреевъ въ Германіи.

Не менѣе, если еще не болѣе, интересна другая половина книги Штоббе, въ которой излагается общественное положеніе евреевъ въ Германіи въ средніе вѣка: ихъ торговля и денежныя дѣла, ихъ отношенія къ должникамъ, ихъ общинное и судебное устройство, стѣсненія, которымъ они подвергались въ религіозномъ и соціальномъ отношеніяхъ, и наконецъ преслѣдованія, которымъ они неоднократно подвергались.

Изложенію этой стороны положенія германскихъ евреевъ въ средніе вѣка мы и посвятимъ слѣдующія главы нашей статьи, придерживаясь по прежнему сочиненія Штоббе.

V.

До эпохи крестовыхъ походовъ вся торговля въ Германіи находилась почти исключительно въ рукахъ евреевъ, между тѣмъ какъ нѣмцы занимались земледѣліемъ. Въ тогдашнихъ документахъ не разъ встрѣчаются такого рода обороты: „евреи и купцы", „евреи и прочіе купцы" и т. д. Но съ началомъ крестовыхъ походовъ, когда религіозный фанатизмъ повсюду воздвигъ гоненія на евреевъ и поставилъ ихъ въ положеніе презрѣнныхъ илотовъ, роль ихъ измѣнилась и въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе походовъ своихъ на дальній востокъ нѣмцы сами завязали торговыя сношенія съ другими народами; въ Германіи стали образоваться и развиваться обширные торговые центры, явилось учрежденіе гильдій, доступъ въ которыя строго воспрещался презрѣннымъ въ то время евреямъ; у евреевъ стали отнимать право на производство оптовой торговли; ихъ не допускали на ярмарки и всячески оттѣсняли ихъ въ область мелочной торговли и ростовщичества; спеціальностью ихъ сдѣлалась покупка и продажа подержанныхъ вещей, выдача мелкихъ и крупныхъ ссудъ, подъ залоги или безъ оныхъ, но во всякомъ случаѣ за высокіе проценты. Деньги выдавались ими и бѣдному ремесленнику, приносившему имъ подъ залогъ раз-

ную домашнюю рухлядь, и промотавшемуся рыцарю, подъ залогъ доходовъ съ его помѣстій, и императорамъ, подъ залогъ доходовъ различныхъ наименованій. Такъ какъ евреямъ вообще воспрещался доступъ въ гильдіи, то имъ eo ipso воспрещалось и производство оптовой торговли; поэтому мы въ документахъ той эпохи рѣдко встрѣчаемъ прямое указаніе на это запрещеніе. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ привилегіи, данной въ 1238 г. императоромъ Фридрихомъ II вѣнскимъ евреямъ и представляющей въ сущности лишь повтореніе вышеупомянутой нами шпейерской привилегіи 1090 года, пропущена именно та статья послѣдней, въ которой евреямъ предоставляется полная свобода торговли.

Своей роли ростовщиковъ по преимуществу средневѣковые евреи обязаны были тѣмъ, что, несмотря на національную ненависть и религіозную нетерпимость, ихъ всюду терпѣли въ Германіи; но ей же они обязаны были и тѣмъ, что ненависть къ нимъ порою прорывалась наружу самымъ ужасающимъ образомъ. Желаніе имѣть подъ рукой людей, у которыхъ, въ моментъ нужды, можно было призанять денегъ, хотя бы и за высокіе проценты, побуждало средневѣковыхъ германцевъ терпѣть въ своей средѣ евреевъ; но съ другой стороны гнетущая тяжесть долговъ, размѣръ процентовъ и зависть, съ которою христіане смотрѣли на быстрое накопленіе богатствъ евреями, возбуждало неудержимое желаніе отдѣлаться отъ ненавистныхъ и презираемыхъ кредиторовъ, хотя бы путемъ грабежа и убійства.

Несомнѣнно, что евреи часто неумѣренно пользовались предоставленной имъ монополіей; несомнѣнно, что своими ростовщическими процентами они въ конецъ разорили многихъ изъ своихъ должниковъ; поэтому вполнѣ понятна ненависть средневѣковаго нѣмца къ еврею-ростовщику. Но съ другой стороны нельзя не спросить себя: справедливо ли упрекать евреевъ за то, что они посвятили себѣ исключительно этому печальному промыслу, когда у нихъ отнята была всякая возможность посвятить себя болѣе почетнымъ занятіямъ—земледѣлію, ремесламъ, оптовой торговлѣ? Ихъ устраняли отъ участія въ государственной жизни; они не могли пріобрѣтать земельной собственности; цеховое и гильдейское устройство средневѣковой Германіи исключало для нихъ возможность заниматься, рядомъ съ нѣмцами, ремеслами и торговлей. Что же имъ оставалось? Торговать старымъ платьемъ

и заниматься ростовщичествомъ! Но справедливо ли упрекать голоднаго за то, что онъ съѣлъ слишкомъ много того *единственнаго* яства, которое было ему предложено.

Христіане считали грѣхомъ не только давать, но и занимать у другихъ деньги подъ ростовщическіе проценты. Но бываютъ моменты, когда деньги нужны, когда для полученія извѣстной, въ данное время необходимый суммы, заплатишь какіе угодно проценты. Какъ тутъ быть? Нельзя же вводить въ грѣхъ своего единовѣрца. Такъ вотъ пускай, молъ, беретъ на свою душу грѣхъ не христіанинъ, а еврей. И въ виду такихъ соображеній даже епископы и другія духовныя лица частенько входили съ евреями въ денежныя сдѣлки, въ основѣ которыхъ лежало запрещаемое Новымъ Завѣтомъ и отцами церкви ростовщичество. Но это не мѣшало духовенству и мірянамъ считать ростовщичество евреевъ дѣломъ преступнымъ, и даже подъ часъ принимать противъ этого строгія мѣры. Такъ въ 1200 году папа Иннокентій III потребовалъ, чтобы евреи возвратили христіанамъ всѣ полученные съ нихъ лихвенные проценты, какъ незаконно пріобрѣтенные. Въ 1215 году латеранскій соборъ обратилъ вниманіе на то, что чѣмъ строже церковь запрещаетъ христіанамъ заниматься ростовщичествомъ, тѣмъ безпрепятственнѣе занимаются имъ евреи, и пришелъ къ заключенію, что противъ этого должны быть приняты мѣры. Поэтому онъ постановилъ, что если впредь евреи будутъ взимать съ христіанъ высокіе и лихвенные проценты, то они должны быть исключаемы отъ всякаго общенія съ христіанами, которымъ, подъ опасеніемъ церковныхъ наказаній, запрещалось водить съ ними какія-либо дѣла. Но несмотря на всѣ эти строгія постановленія, ростовщичеству евреевъ нельзя было положить предѣлъ по весьма простой причинѣ: христіане не могли обходиться безъ займовъ; займовъ, безъ процентовъ, евреи понятно не давали, и если бы ихъ стали принуждать къ тому, то они прятали и зарывали бы свои деньги и прикидывались бы ничего не имущими; ergo—чтобы тамъ ни постановляли папы, соборы и свѣтскія власти, но самая сила вещей заставляла общество относиться къ евреямъ и къ ихъ ростовщичеству съ извѣстной снисходительностью, и даже принимать послѣднее нѣкоторымъ образомъ подъ свою защиту. Такъ напр. во время втораго крестоваго похода, въ 1146 году, извѣстный Бернгардъ изъ Клерво, совѣтуя

не слишкомъ преслѣдовать евреевъ, приводилъ такого рода аргументъ, что еслибы не было евреевъ, то ростовщики-христіане поступали бы еще хуже евреевъ. Взиманіе лихвенныхъ процентовъ дозволялось евреямъ даже въ оффиціальныхъ документахъ; такіе документы дошли до насъ изъ 13, 14-го и даже 16-го столѣтій, и въ книгѣ Штоббе приведены любопытныя выдержки изъ нихъ. Но съ другой стороны порою тотъ или другой законодатель ставилъ себѣ задачей искоренить ростовщичество не только среди христіанъ, но и у евреевъ, и въ этихъ видахъ издавались строгія постановленія (преимущественно во второй половинѣ 15-го столѣтія). Но постановленія эти, само собою разумѣется, оставались мертвою буквою, какъ и постановленія новѣйшаго законодательства, запрещающія взиманіе лихвенныхъ процентовъ: дѣйствительность брала свое. Какія бы строгія постановленія ни издавалъ законодатель, и заимодавецъ, которому нужно было помѣстить свой капиталъ, и заемщикъ, которому до зарѣзу нужны были деньги подъ какіе бы то ни было проценты, совмѣстно старались обойти постановленія закона, направленныя противъ ростовщичества.

Но если всѣ попытки совершенно уничтожить законодательнымъ путемъ ростовщичество евреевъ оставались тщетными, то болѣе успѣха имѣли попытки ограничить черезъ чуръ уже высокіе проценты. Въ этомъ отношеніи до насъ дошли весьма любопытные документы, изъ которыхъ можно вывести заключеніе, судя по размѣру *дозволяемыхъ* процентовъ, о томъ, до какой высоты доходили проценты недозволяемые. Такъ въ постановленіяхъ майнцскаго сейма 1255 года евреямъ разрѣшается взимать процентовъ не болѣе 2 пфенниговъ *въ недѣлю* съ фунта пфенниговъ; при разсчетѣ же процентовъ не понедѣльно, а погодно, проценты должны были составлять не болѣе $^4/_{12}$ всей суммы. Въ фунтѣ считалось 240 пфенниговъ. Значитъ при понедѣльномъ разсчетѣ процентовъ взималось $2 \times 52 - 104$ пфенниговъ за 240, т. е. $43\frac{1}{3}$ %; а при разсчетѣ погодномъ — треть ссуженной суммы, т. е. $33\frac{1}{2}$ %. Въ 1340 году Мюнхенъ, Ингольштадтъ и другіе баварскіе и швабскіе города разрѣшили поселеннымъ въ нихъ евреямъ взимать съ мѣстныхъ жителей не болѣе 2 пфенниговъ съ фунта въ недѣлю, т. е. тѣ же $43\frac{1}{3}$ % съ иногородныхъ же— по 3 пфеннига съ фунта, т. е. 65%. Въ одномъ документѣ 1259

года законнымъ процентомъ опредѣляется 110 пфенниговъ за 20 фунтовъ въ недѣлю; $110 \times 52 = 5720$ пфеннигамъ, т. е. 24 фунтамъ. Итакъ годовой процентъ за 20 фунтовъ въ данномъ случаѣ равнялся 24 фунтамъ, или 120%. Вообще *узаконенный* процентъ въ 14 и 15-мъ столѣтіяхъ, за исключеніемъ такихъ фактовъ, какъ вышеприведенный, колебался между $21\frac{2}{3}$ и $86\frac{2}{3}$ годовыхъ. Почти всегда съ иногородныхъ разрѣшалось брать большіе проценты, чѣмъ съ мѣстныхъ гражданъ; иногда же въ этомъ отношеніи не дѣлалось никакихъ ограниченій: для городовъ было выгодно, когда евреи обогащались насчетъ иностранцевъ, такъ какъ это давало возможность взимать съ евреевъ болѣе высокіе налоги. Взиманіе процентовъ на проценты также допускалось тогдашнимъ законодательствомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодатель поставилъ за правило, чтобы размѣръ взимаемыхъ процентовъ и процентовъ на проценты не превышалъ ссуженаго капитала.

Если принять въ соображеніе высоту даже разрѣшавшихся закономъ процентовъ (причемъ очень можетъ быть, что евреи, пользуясь нуждою заемщиковъ, переходили еще за эти предѣлы); если вспомнить, что съ одной стороны, вслѣдствіе постановленій христіанской церкви, евреи дѣлались монополистами въ дѣлѣ ростовщичества, и что съ другой они одни имѣли свободные капиталы для отдачи ихъ въ ростъ—то станетъ понятна ненависть къ евреямъ-ростовщикамъ крупныхъ и мелкихъ должниковъ—ненависть, прорывавшаяся иногда наружу въ самыхъ ужасающихъ формахъ. Особенно страдала отъ ростовщичества евреевъ мелкая сошка,—ремесленники, мелочные торговцы и пр., такъ какъ они брали взаймы небольшія суммы на короткіе сроки, за которые и проценты разсчитывались выше. Но кромѣ того и лица и учрежденія болѣе высокопоставленныя—рыцари, свѣтскіе и духовные владѣтельные князья, монастыри, города—были кругомъ въ долгу у евреевъ. Эта задолженность ихъ часто доходила до того, что порою императоры находили нужнымъ особыми постановленіями сокращать размѣры долговъ евреямъ или даже объявлять эти долги вовсе несуществующими.

Когда тяжесть долговъ дѣлалась уже черезъ чуръ невыносимой, то естественно у многихъ возникало желаніе облегчить ее. Самымъ простымъ средствомъ было убить ненавистнаго кредитора, и это средство дѣйствительно частенько и практиковалось.

Но оно было сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, такъ какъ императоры, владѣтельные князья и города видѣли въ истребленіи евреевъ ущербъ для своей казны. Поэтому чаще прибѣгали къ другому средству: папы, императоры и даже вассальные князья самовольно вмѣшивались въ имущественныя отношенія евреевъ въ видахъ доставленія облегченія кредиторамъ ихъ; они объявляли заключенныя съ евреями обязательства недѣйствительными или произвольно уменьшали сумму долговъ, или же постановляли, что долженъ быть возвращенъ только капиталъ, безъ всякихъ процентовъ, и т. д. Такъ во время втораго крестоваго похода папа Евгеній издалъ буллу, въ которой объявлялось, что всѣ крестоносцы не обязаны платить евреямъ проценты. Папа Иннокентій III, взывая въ 1213 году къ крестовому походу, также обѣщалъ всѣмъ участникамъ въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ освобожденіе отъ обязательства платить проценты, и всѣмъ мѣстнымъ властямъ было предписано не дозволять евреямъ никакихъ сношеній съ христіанами, пока первые не отступятся отъ всѣхъ своихъ притязаній къ послѣднимъ по уплатѣ процентовъ. Но вообще въ Германіи подобныя сокращенія или признаніе недѣйствительности долговъ евреямъ стали особенно часто повторяться съ 14-го столѣтія, преимущественно при императорахъ Генрихѣ VII и Лудвигѣ Баварцѣ. Случалось, что такое посягательство на имущественныя права евреевъ дѣлалось безъ всякой мотивировки; иногда подъискивались для оправданія ихъ какіе-либо спеціальные мотивы, какъ напр. то, что такіе-то евреи позволили себѣ враждебныя относительно имперіи дѣйствія; но чаще всего подобныя мѣры просто вытекали изъ того соображенія, что евреи—коронные крѣпостные императора, что, слѣдовательно, послѣдній можетъ безотчетно распоряжаться не только ихъ имуществомъ, но даже ихъ жизнью.

Чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе евреевъ въ этомъ отношеніи становилось хуже. При императорахъ Лудвигѣ Баварцѣ и Карлѣ IV подобныя посягательства на ихъ имущество имѣли преимущественно характеръ частныхъ случаевъ, касались отношеній такого-то должника къ такому то кредитору-еврею. Но при императорѣ Венцеславѣ они принимаютъ болѣе общій характеръ и возводятся въ цѣлую систему. Въ 1383 году этотъ императоръ потребовалъ отъ рейнскихъ и швабскихъ городовъ десятый процентъ съ получаемыхъ ими доходовъ съ евреевъ; но встрѣтивъ въ этомъ своемъ требованіи энергическій отпоръ, онъ два года спустя вошелъ въ сдѣлку съ этими же городами и сократилъ всѣ долги евреямъ подъ условіемъ, чтобы города уплатили въ его казну извѣстную долю должныхъ евреямъ суммъ; эта доля представляла весьма значительную по тому времени сумму въ 40,000 гульденовъ. При этомъ уменьшены были всѣ притязанія, которыя евреи имѣли къ князьямъ, графамъ, рыцарямъ, горожанамъ, крестьянамъ, мужчинамъ или женщинамъ, свѣтскимъ или духовнымъ лицамъ. За долги, сдѣланные у евреевъ въ послѣдніе годы, предоставлено было не платить процентовъ; относительно болѣе древнихъ долговъ установлено было слѣдующее: суммы капитала и процентовъ складывались вмѣстѣ, и четвертая часть образовавшейся общей суммы прощалась должникамъ; на остальныя $^3/_4$ послѣдніе должны были представить *городамъ* (а не заимодавцамъ-евреямъ) залоги, движимостью или недвижимостью; уплата этихъ $^3/_4$ долга разсрочивалась на два года; евреи, которые вздумали бы выселиться изъ мѣстъ своего поселенія, должны быть возвращаемы обратно, для каковой цѣли между городами заключается особый договоръ. Такимъ образомъ, въ силу этого договора, евреи теряли de jure $^1/_4$ розданныхъ ими взаймы денегъ, de facto же—все, такъ какъ залоги представлялись должниками евреевъ городамъ, и отъ доброй воли послѣднихъ зависѣло или вовсе простить должникамъ долги и возвратить имъ по прошествіи установленныхъ двухъ лѣтъ залоги, или же продать залоги въ свою пользу, или же возвратить что либо изъ вырученной отъ продажи залоговъ суммы евреямъ.

Но путемъ ли сдѣлокъ съ городами, или потому, что у нихъ оставались еще не розданныя ранѣе вышеупомянутаго договора сбереженія—но только евреи вскорѣ послѣ того опять стали давать ссуды, и черезъ какихъ нибудь пять лѣтъ многіе дворяне и горожане снова очутились въ неоплатномъ долгу у евреевъ. Тогда императоръ Венцеславъ въ 1390 году не задумался прибѣгнуть вторично къ разъ уже испытанному средству, но только въ еще болѣе радикальной формѣ: Въ Нюрнбергѣ съѣхались многіе владѣтельные князья и порѣшили, что въ силу предоставленныхъ имъ императорами полномочій, слѣдуетъ постановить слѣдующее: Никто изъ задолжавшихъ еврею не долженъ платить ни капитала, ни процентовъ; евреи же должны возвратить всѣ находящіеся въ

ихъ рукахъ залоги и обязательства; а для того, чтобы получить императорскую санкцію къ означенному рѣшенію, члены этого оригинальнаго нюренбергскаго земскаго собора постановили уплатить въ пользу императора: трое—по 15,000 гульденовъ, одинъ—4000, одинъ 1000, остальные— меньшія суммы до 30 гульденовъ включительно. Императоръ Венцеславъ не замедлилъ согласиться на это крайне выгодное для него предложеніе, и даже принялъ на себя трудъ подробно мотивировать эту мѣру. Въ мотивировкѣ указывалось на то, что императоръ убѣдился въ многоразличномъ и губительномъ вредѣ, проистекающемъ для императорскихъ князей, графовъ, рыцарей, дворянъ, горожанъ и пр. отъ неумѣреннаго ростовщичества евреевъ. Еслибы должникамъ евреевъ пришлось цѣликомъ уплатить проценты, то имъ не оставалось бы ничего больше, какъ бѣжать изъ страны, вслѣдствіе чего императоръ и имперія лишились бы ихъ услугъ. Для предотвращенія такого ущерба ему и странѣ, онъ, императоръ, по соглашенію съ своими вѣрноподданными и на основаніи своихъ верховныхъ правъ, постановляетъ...... и затѣмъ повторяются вышеприведенныя постановленія нюренбергскаго соглашенія. Словомъ оказалось, что, въ виду неумѣреннаго размѣра процентовъ, взимаемыхъ евреями съ своихъ должниковъ, послѣдніе освобождались не только отъ уплаты процентовъ, но и отъ возвращенія самого капитала, да къ тому же евреи еще должны были возвратить всѣ имѣвшіеся въ ихъ рукахъ залоги и обязательства.

Хотя вышеприведенныя сокращенія долговъ евреямъ, произведенныя въ 1385 и 1390 годахъ, не распространялись на всю Германію, а только на нѣкоторыя, преимущественно юго-западныя ея части, но тѣмъ не менѣе этими постановленіями нанесенъ былъ сильный ударъ кредиту. Въ виду этого, начиная съ 1401, сталъ появляться новый, довольно оригинальный видъ привилегій евреямъ. Въ означенномъ году императоръ Рупрехтъ обѣщаетъ майнцскимъ евреямъ, что въ ближайшіе три года не будетъ произведено сокращенія долговъ, подобнаго тѣмъ, которыя были произведены при императорѣ Венцеславѣ; (по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ, въ 1405 году, тогдашній епископъ Майнцскій сократилъ долги евреямъ на одну пятую долю, а остальныя $^4/_5$ разсрочилъ на четыре срока); въ 1406 году въ Австріи запрещено было сокращеніе долговъ евреямъ. Изъ подобныхъ постановленій

видно, что императоры и вассальные князья по прежнему продолжали считать себя полными хозяевами добра и имущества евреевъ; и если они не пользовались этимъ своимъ правомъ въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ напр. императоръ Венцеславъ въ 14 столѣтіи, то это не мѣшало тому, чтобы и впослѣдствіи не встрѣчались примѣры частичнаго сокращенія долговъ евреямъ. Положеніе евреевъ въ этомъ отношеніи (какъ впрочемъ и въ другихъ) оставалось весьма печальнымъ. Штоббе весьма остроумно сравниваетъ его съ тѣмъ, что изъ копилки высыпаютъ набравшіяся въ ней деньги, когда по вѣсу копилки слѣдуетъ заключить, что уже стоитъ открыть и опорожнить ее.

Отдача евреями взаймы денегъ подъ проценты считалось не только правомъ ихъ, но и обязанностью. Не говоря уже о томъ, что владѣтельные князья считали себя въ правѣ заключать у евреевъ принудительные займы, бывали случаи, что закономъ прямо постановлялось, что евреи не имѣютъ права отказывать въ ссудахъ частнымъ лицамъ, которыя къ нимъ обратятся за ними. Такъ въ аугсбургскомъ городскомъ правѣ говорится, что евреи *обязаны* давать ссуды, если имъ представлены будутъ залоги, цѣнность которыхъ превышаетъ на одну треть требуемую ссуду. Въ швейцарскомъ городѣ Винтертурѣ въ 1304 году было издано оригинальное постановленіе, гласившее, что „еврей не подлежитъ наказанію, если онъ докажетъ, что *не въ состояніи былъ* дать гражданину ссуду; но если окажется, что онъ имѣлъ деньги и не далъ ихъ взаймы, то онъ подлежитъ пенѣ, по усмотрѣнію городскаго совѣта“. Возлагая на евреевъ такое обязательство, власти иногда присоединяли къ нимъ, въ видѣ компенсаціи, привилегію, что никто, кромѣ евреевъ, не долженъ отдавать взаймы денегъ и что христіанинъ, нарушившій это постановленіе, подлежитъ наказанію.

Залоги, представляемые евреямъ въ обезпеченіе ссудъ, были весьма многоразличнаго свойства. Въ качествѣ залоговъ принимались: 1) Доходы извѣстнаго лица или учрежденія, не исключая и платимой въ пользу церкви „десятины“, неоднократно представлявшейся евреямъ въ видѣ залога. 2) Земельная и иная недвижимая собственность; но такъ какъ евреямъ почти повсюду запрещалось владѣть землей, то они обязаны были, въ случаѣ если извѣстный земельный участокъ оставался за ними по неуплатѣ

ссуды, непремѣнно продать его христіанину въ годичный срокъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ напр. въ Виртембергѣ) евреямъ безусловно запрещалось принимать въ видѣ залога земельную собственность. 3) Наконецъ самымъ обыкновеннымъ и распространеннымъ видомъ залога была движимая собственность: бѣднякъ закладывалъ еврею свою одежду, свой домашній скарбъ, богатый—серебрянную и золотую посуду, драгоцѣнные камни, дорогіе уборы и пр. Для евреевъ-заимодавцевъ этотъ видъ залога былъ самый удобный, въ виду сравнительной легкости реализаціи его въ случаѣ несостоятельности должника, и потому они охотнѣе всего къ нему прибѣгали. Наконецъ въ виду младенческаго состоянія, въ которомъ въ то время находилось нотаріальное дѣло, въ виду затрудненій, съ которыми сопряжено было заключеніе ипотечныхъ и всякихъ иныхъ договоровъ, для еврея было весьма важно имѣть, въ видѣ ручнаго залога, несомнѣнное доказательство своей претензіи къ такому то лицу. Правда и тутъ часто возникали споры и пререканія. Иной разъ должникъ, не желая платить своего долга и разстаться съ своимъ залогомъ, утверждалъ, что такая-то, находящаяся въ рукахъ еврея движимая собственность, не отдана имъ въ залогъ, а украдена у него. Заимодавцу стоило иногда немалыхъ хлопотъ и трудовъ доказать противное; иногда ему не удавалось этого сдѣлать, и тогда у него не только отбиралась взятая въ залогъ вещь, но и онъ самъ еще наказывался, какъ воръ. Впрочемъ христіане прибѣгали къ такимъ уловкамъ лишь въ видѣ исключеній, такъ какъ для нихъ самихъ было бы невыгодно, еслибы евреи, въ виду несомнѣнной опасности принимать залоги, стали бы вовсе отказываться отъ выдачи ссудъ подъ ручные залоги. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что евреямъ строго запрещалось, даже подъ угрозой отрубленія правой руки, принимать подъ залогъ распятія, ризы, молитвенники и вообще всякую церковную утварь. Бывали случаи, что имъ запрещалось принимать въ залогъ оружіе. Окровавленныя платья они также не могли принимать въ залогъ, потому что предполагалось, что закладчикъ такого платья совершилъ убійство и заложилъ еврею одежду убитаго. Право евреевъ подвергать неисправныхъ должниковъ личному задержанію было обставлено величайшими затрудненіями, въ особенности когда дѣло касалось должника изъ высшихъ со-

словій, и потому евреи пользовались имъ крайне рѣдко, лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

VI.

Однороднаго общиннаго устройства для всѣхъ германскихъ евреевъ въ средніе вѣка не существовало. Раввины лишь частнымъ образомъ собирались порою, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, въ особые соборы или съѣзды для принятія общихъ рѣшеній. Такъ напр. въ 1223 въ Майнцѣ состоялся съѣздъ раввиновъ, на которомъ рѣшено было, что въ случаѣ возникновенія споровъ между различными еврейскими общинами споры эти должны рѣшаться раввинскими управленіями майнцскимъ, вормсскимъ и шпейерскимъ, какъ старѣйшими. Императоры также до начала 15-го столѣтія не принимали никакихъ мѣръ для того, чтобы дать всѣмъ еврейскимъ общинамъ общаго, верховнаго главу. Только въ 1407 году императоръ Рупрехтъ сдѣлалъ попытку подчинить всѣхъ евреевъ одному главному раввину, нѣкоему Израилю, имѣвшему мѣстопребываніе кажется въ Нюренбергѣ. Но евреи очевидно неохотно подчинились этому распоряженію, что видно между прочимъ изъ того, что уже черезъ полгода, въ концѣ того же 1407 года, императоръ Рупрехтъ счелъ нужнымъ повторить въ болѣе настоятельной формѣ это свое распоряженіе, причемъ онъ повелѣлъ, чтобы лица и общины, недовольныя распоряженіями главнаго раввина, обращались съ жалобами на него непосредственно къ нему, императору. Изъ того обстоятельства, что главному раввину поручено было также заботиться объ исправномъ поступленіи въ императорскую казну „золотаго жертвеннаго пфеннига“ и другихъ доходовъ съ евреевъ, можно заключить, что главная побудительная причина учрежденія этой новой должности была фискальнаго характера, а вовсе не желаніе дать евреямъ лучшее судебное или общинное устройство.

Евреи, поселенные въ извѣстномъ городѣ, образовали не только отдѣльную религіозную общину, имѣвшую свое средоточіе въ синагогѣ, они не только были отдѣлены въ топографическомъ отношеніи отъ остальныхъ жителей, занимая отдѣльные кварталы, но они во многихъ городахъ имѣли также свои особыя учрежденія въ общинномъ и правовомъ отношеніи. Еврейская община, находясь подъ вѣдѣніемъ особыхъ городскихъ чиновниковъ, пользовалась

извѣстною самостоятельностью въ общинномъ управленіи и особой юрисдикціей, которая распространялась не только на членовъ этой общины, но и на третьихъ лицъ, въ случаѣ гражданскаго или уголовнаго столкновенія ихъ съ евреями. Но въ этомъ отношеніи не было никакихъ общихъ правилъ и установленій: общинныя и правовыя отношенія евреевъ опредѣлялись по усмотрѣнію городовъ и князей. Мы видѣли уже выше, при описаніи положенія евреевъ въ главнѣйшихъ городахъ Германіи, что какъ общинное устройство, такъ и спеціальная юрисдикція ихъ были весьма различны въ разныхъ мѣстностяхъ. Штоббе приводитъ въ этомъ отношеніи много весьма интересныхъ данныхъ, но размѣръ нашей статьи, къ сожалѣнію, не позволяютъ намъ остановиться болѣе обстоятельно на этомъ предметѣ. Поэтому мы ограничимся лишь приведеніемъ нѣсколькихъ, наиболѣе выдающихся постановленій по этому предмету.

Въ неоднократно упоминавшейся выше шпейеровской привилегіи 1084 года было сказано, что настоятель еврейской синагоги разбираетъ не только тяжбы евреевъ между собою, но и иски противъ нихъ христіанъ. Императоръ Генрихъ IV въ своей, также упомянутой выше, привилегіи 1090 года, постановилъ еще опредѣленнѣе, что евреевъ должны судить только ихъ же соплеменники и что въ процессахъ, въ которыхъ участвуютъ евреи, допускаются только свидѣтельскія показанія евреевъ; далѣе въ императорской граматѣ говорилось, что тяжбы между евреями должны разрѣшаться исключительно на основаніи еврейскаго права. Съ теченіемъ времени, какъ мы видѣли выше, въ привилегіяхъ евреевъ постановлялось, что, при сохраненіи для менѣе значительныхъ дѣлъ особой еврейской юрисдикціи, въ дѣлахъ болѣе важныхъ, напр. убійствахъ, грабежахъ, святотатствахъ и пр., евреи подлежатъ вѣдѣнію общихъ судовъ. Однако спеціальные еврейскіе суды продолжали существовать и даже формально узаконялись въ періодъ всеобщаго преслѣдованія евреевъ, въ 14-мъ и 15-мъ столѣтіяхъ. Такъ напр. мы видимъ изъ привилегіи, данной въ 1312 году Вормскимъ евреямъ, что разборъ споровъ и тяжбъ между евреями предоставлялся особому совѣту еврейскихъ судей, состоявшему изъ 12 членовъ. Въ 1412 году епископъ Вюрцбургскій въ привилегіи, данной евреямъ, постановилъ, что евреи должны разбирать свои тяжбы по своему праву и что власти должны оказывать

содѣйствіе для приведенія въ исполненіе постановленій еврейскихъ судовъ. Въ 1416 году императоръ Сигизмундъ далъ евреямъ во всей имперіи привилегію имѣть своихъ собственныхъ судей и быть освобожденными отъ вызова въ имперскій судъ. Въ привилегіи 1444 года сказано, что раввинъ можетъ творить судъ надъ евреями „по ихъ порядкамъ и по еврейскому праву". Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ южной Германіи, въ видахъ безпристрастнаго разбора дѣлъ, установлены были въ синагогахъ смѣшанные суды изъ христіанскихъ и еврейсхихъ судей.

Относительно права евреевъ приносить, по установленію своей религіи, присягу въ тяжбахъ съ христіанами въ Германіи, за немногими исключеніями, существовали вообще довольно гуманныя и либеральныя постановленія, въ особенности въ эпоху, предшествовавшую крестовымъ походамъ. Мы уже упоминали выше, что въ извѣстной шпейеровской привилегіи 1090 года императоръ Генрихъ IV повелѣлъ, чтобы показанія подъ присягой евреевъ допускались наравнѣ съ показаніями христіанъ и запретилъ вызывать евреевъ къ Божьему суду. Впослѣдствіи въ этомъ отношеніи дѣлались нѣкоторыя ограниченія, при сохраненіи однако вообще принципа допускаемости еврейской присяги. Такъ напр. въ 13-мъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ городахъ было постановлено, что если христіанинъ желаетъ изобличить въ чемъ либо еврея, то онъ долженъ подкрѣпить свои слова показаніями или трехъ свидѣтелей—двухъ евреевъ и одного христіанина, или же двухъ—одного еврея и одного христіанина; если же еврей изобличаетъ христіанина, то онъ долженъ привести не менѣе трехъ свидѣтелей христіанъ, къ которымъ онъ могъ присоединить иногда еще одного свидѣтеля еврея. Въ этихъ ограниченіяхъ не слѣдуетъ впрочемъ видѣть стремленія къ притѣсненію евреевъ. Они вытекали напротивъ изъ общаго принципа, по которому въ средніе вѣка не допускалось равенство въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Такъ благородный не могъ быть изобличаемъ человѣкомъ „подлаго" происхожденія, человѣкъ свободный—крѣпостнымъ, рыцарь—горожаниномъ, горожанинъ—крестьяниномъ, туземецъ—иностранцемъ. Такъ какъ евреи въ социальномъ и правовомъ отношеніяхъ считались стоящими ниже христіанъ, да къ тому же и иностранцами, то понятно, что на нихъ распространялось общее правило о случаяхъ ограниченія свидѣтельскихъ показаній.

На счетъ обрядности при принесеніи евреями присяги въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи существовали весьма разнообразныя постановленія, часто довольно курьезнаго свойства. Иногда ихъ заставляли становиться при этомъ на шкуру свиньи; иногда имъ надѣвали терновый вѣнецъ и продѣвали между ногъ терновый прутъ; иногда шкура свиньи замѣнялась стуломъ на трехъ ножкахъ, причемъ еврей, если онъ во время принесенія присяги падалъ съ этого стула до трехъ разъ, платилъ пеню, а если упадалъ въ четвертый разъ, то проигрывалъ свое дѣло. Большею частью присяга приносилась на Моисеевомъ Пятикнижіи. Что касается формулы еврейской присяги, то она въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, была весьма различна. Вотъ самая простая и распространенная формула такой присяги: „Клянусь Богомъ, давшимъ Моисею законы на Синайской горѣ; да буду я избавленъ отъ проказы, постигшей Неамана и Сири; да поглотитъ меня земля, какъ она поглотила Даѳана и Абирона—я въ этомъ дѣлѣ не причинилъ тебѣ никакого зла“. Иногда эти формулы безъ всякой надобности удлинялись и усложнялись, на что жаловались евреи, и бывали случаи (напр. въ Кельнѣ въ 1302 г., въ Вюрцбургѣ въ 1414 году и др.), когда имъ давали обѣщаніе, что ихъ не будутъ принуждать къ какимъ нибудь необыкновеннымъ формуламъ присяги.

Впрочемъ, согласно общимъ обычаямъ среднихъ вѣковъ, относительно евреевъ прибѣгали и къ другимъ способамъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельскихъ показаній и присяги. Такъ по особо важнымъ обвиненіямъ, какъ напр. въ похищеніи христіанскихъ дѣтей, въ оскорбленіи христіанской святыни и пр., ихъ подвергали пыткамъ. Хотя вообще евреи не имѣли права носить оружія и слѣдовательно предполагалось, что они не умѣютъ и обращаться съ нимъ, однако бывали случаи, что еврея заставляли выходить на такъ называемый „Божій судъ“. Иногда онъ долженъ былъ выходить на этотъ судъ лично, иногда ему дозволялось ставить вмѣсто себя замѣстителя. Какъ въ фискальныхъ постановленіяхъ—мы это видѣли выше—евреи приравнивались къ рудникамъ, такъ мы встрѣчаемъ примѣры тому, что въ отношеніи уголовнаго законодательства они приравнивались „безумнымъ, идіотамъ и дѣтямъ“. Такъ въ Госларскомъ уставѣ мы встрѣчаемъ такого рода постановленіе: „Несовершеннолѣтніе, слабоумные, сумашедшіе, *евреи* и женщины не допускаются къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній“. Конечно подобнаго рода постановленія являлись только въ видѣ исключеній.

Общій принципъ, выраженный въ имперскомъ и городскихъ уложеніяхъ, былъ тотъ, что еврей за совершенное имъ преступленіе подвергался тому же наказанію, какъ и христіанинъ. Но отъ этого общаго правила часто дѣлались отступленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пенныя деньги съ евреевъ назначались въ увеличенномъ противъ христіанъ размѣрѣ, а тѣлесныя наказанія и смертная казнь производились болѣе позорнымъ образомъ: напр. иногда евреевъ вѣшали между двумя бѣшенными собаками, иногда головой внизъ, иногда ихъ влачили на мѣсто казни на свиной шкурѣ и т. п. Особенно строго наказывалось прелюбодѣяніе между евреемъ и христіанкой; такъ аугсбургское городское право постановляетъ, что въ этихъ случаяхъ виновныхъ слѣдуетъ класть одного на другаго и въ такомъ видѣ сжигать.

Кромѣ наказаній, которымъ подвергали евреевъ общія имперскія или городскія власти, существовали еще спеціальныя наказанія, присуждаемыя еврейскими общинами, раввинами и такъ называемымъ „еврейскимъ епископомъ“. Самое строгое изъ этихъ наказаній было изгнаніе и отлученіе. Свѣтскія власти обязаны были оказывать еврейскимъ общинамъ содѣйствіе въ исполненіи этихъ приговоровъ и въ удаленіи изъ городовъ тѣхъ, отъ которыхъ желала избавиться еврейская община. Дѣти отлученнаго исключались изъ школъ, а жена его—изъ синагоги; членамъ его семейства отказывали въ похоронахъ и у него отбирались всѣ особые внѣшніе признаки принадлежности къ еврейской общинѣ.

VII.

Извѣстно, что христіане испоконъ вѣка питали къ евреямъ племенную и религіозную ненависть и что эта ненависть не только проявлялась въ практической жизни, но находила себѣ выраженіе и въ законодательствѣ, въ литературѣ, въ искусствѣ. Въ судебныхъ постановленіяхъ, въ которыхъ требовалось представленіе въ качествѣ поручителя безупренаго человѣка, дѣлалась спеціальная оговорка, что этимъ „безупречнымъ человѣкомъ“ можетъ быть и еврей; безъ этой оговорки представленіе поручителемъ еврея не допускалось.

Въ литературныхъ произведеніяхъ того времени евреи подвергались всевозможнымъ глумленіямъ; художники въ своихъ картинахъ съ особенною любовью останавливались на сюжетахъ непріятныхъ или унизительныхъ для евреевъ.

Понятно, что при господствѣ такихъ взглядовъ насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство считалось не только дѣломъ совершенно естественнымъ, но и хорошимъ, богоугоднымъ, и что частенько имъ ставилась слѣдующая альтернатива: или креститься, или умереть мучительною смертью. Часто истинными мотивами этихъ притѣсненій и преслѣдованій были корысть, зависть или какія-либо иныя низкія побужденія; но и въ такихъ случаяхъ всякіе ужасы творились надъ евреями подъ предлогомъ распространенія истинной вѣры и наказанія еретиковъ. Хотя до насъ дошло нѣсколько документовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что законодатели порою запрещали насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство и велѣли производить это обращеніе лишь мѣрами любви, кротости и убѣжденія, но подобныя постановленія, какъ и многія другія, касавшіяся евреевъ, оставались мертвою буквой, и достаточно было самаго ничтожнаго повода, самаго нелѣпаго слуха, для того, чтобъ и знатный рыцарь, и духовное лицо, и люди изъ черни, съ рвеніемъ принимались огнемъ и мечомъ распространять христіанство между евреями, подъ угрозой поголовнаго истребленія всѣхъ евреевъ. Католическая церковь брала подъ свою защиту эти насильственныя обращенія, постановляя, что разъ крещеный еврей, при какихъ бы обстоятельствахъ ни совершилось это крещеніе, не можетъ уже возвратиться къ вѣрѣ своихъ отцовъ; иначе онъ подвергался самымъ тяжкимъ карамъ. Генрихъ IV, который, какъ мы уже не разъ имѣли случай убѣдиться выше, относился къ евреямъ съ особою гуманностью, по возвращеніи въ 1097 году изъ Италіи, повелѣлъ, чтобы евреи, крещенные насильно въ предшествовавшемъ году, во время перваго крестоваго похода, могли возвратиться къ своей прежней религіи. Папа Климентій III съ негодованіемъ требовалъ отмѣны этого распоряженія; императоръ Генрихъ не послушался его, но послѣдующіе императоры не имѣли такой твердости.

Однимъ изъ особо часто практиковавшихся средствъ обращенія евреевъ въ христіанство было тайное похищеніе у нихъ дѣтей

и крещеніе ихъ въ христіанскую вѣру. Императоры, и даже нѣкоторые папы (какъ напр. Мартинъ V), запрещали, правда, крестить еврейскихъ дѣтей ранѣе 12-лѣтняго возраста, но эти постановленія постоянно нарушались. Да и не мудрено: у всѣхъ насъ еще слишкомъ свѣжо въ памяти извѣстное дѣло еврейскаго мальчика Мортары. Если подобный фактъ могъ случиться во 2-й половинѣ 19-го столѣтія, то что же должно было твориться въ глубокій мракъ среднихъ вѣковъ? Другой способъ обращенія евреевъ въ христіанство заключался въ миссіонерскихъ проповѣдяхъ. Но такъ какъ чаще всего, несмотря на проповѣди ревностныхъ миссіонеровъ, евреи отказывались измѣнять религіи своихъ отцовъ, то нерѣдко дѣло кончалось тѣмъ, что, по выслушаніи ими проповѣди, въ которой объяснялось превосходство христіанской религіи надъ еврейской, ихъ силою обращали въ христіанство; особенно часто это стало повторяться въ 15-мъ столѣтіи, послѣ базельскаго собора 1434 года, который одобрилъ такой способъ обращенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ христіане пришли къ тому заключенію, что у еврея, перешедшаго въ христіанство, слѣдуетъ конфисковать все его имущество, какъ пріобрѣтенное незаконнымъ путемъ; но духовенство и власти, отчасти изъ личныхъ, корыстныхъ интересовъ, отчасти, чтобы не затруднять еще болѣе обращеніе евреевъ въ христіанство, не только энергически противились примѣненію такихъ взглядовъ, но даже заботились о доставленіи матеріальной помощи крещеннымъ евреямъ. Вообще послѣдніе находились въ большей части случаевъ въ самомъ печальномъ положеніи: ихъ родственники, единоплеменники и единовѣрцы презирали, ненавидѣли ихъ и отталкивали отъ себя, а христіане лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ относились къ нимъ съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Всюду, гдѣ допускались еврейскія общины, имъ дозволялось имѣть свою синагогу. Правда не разъ фанатическое рвеніе побуждало къ разрушенію этихъ синагогъ ad majorem Dei gloriam; но свѣтскія власти въ большинствѣ случаевъ противились такимъ проявленіямъ фанатизма. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовало правило, что евреи не имѣютъ права строить новыхъ синагогъ, а могутъ лишь поправлять и реставрировать старыя; но очевидно, что это правило не строго соблюдалось, такъ какъ мы видимъ, что евреи построили себѣ синагоги и въ мѣстахъ новѣйшихъ

своихъ поселеній. Хотя, какъ мы имѣли случай видѣть выше, въ выдаваемыхъ евреямъ привилегіяхъ обыкновенно упоминалось, что они имѣютъ право свободно отправлять свое богослуженіе, однако въ эпохи преслѣдованій евреевъ, въ особенности въ 1349 году, преслѣдованія обыкновенно начинались съ того, что фанатическая чернь бросалась на синагоги и на еврейскія школы, въ которыхъ евреи искали убѣжища, и предавала послѣднихъ истязаніямъ и смерти, а самыя зданія — разграбленію. Нерѣдко бывали случаи, что евреи сами зажигали свои синагоги, чтобы погибнуть подъ ихъ развалинами вмѣстѣ съ своими драгоцѣнностями. По окончаніи преслѣдованій синагоги обыкновенно конфисковались, причемъ онѣ иногда обращались въ христіанскія церкви и часовни, иногда отдавались въ даръ или продавались частнымъ лицамъ, иногда же сравнивались съ землей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами императоры находили доходную для себя статью въ продажѣ еврейскихъ синагогъ.

Въ большей части городовъ, гдѣ были еврейскія общины, послѣднія имѣли свои особыя кладбища. Хотя во многихъ еврейскихъ привилегіяхъ прямо запрещалось поруганіе этихъ кладбищъ, но постановленія эти тоже далеко не всегда исполнялись. Такъ въ 1278 г. вормскіе евреи должны были заплатить городу значительную сумму для того, чтобы не была снесена стѣна, окружавшая ихъ кладбище; въ 1345 г. самъ императоръ Іоаннъ разрѣшилъ бреславскимъ и лигницкимъ гражданамъ взять надгробные камни съ еврейскихъ кладбищъ для возведенія городскихъ стѣнъ. При этомъ приводилось въ оправданіе то, что евреи— враги христіанъ, а гробницы враговъ не имѣютъ никакого права на неприкосновенность.

Если евреямъ съ грѣхомъ пополамъ дозволяли исполнять свои религіозные обряды, то съ тѣмъ большею строгостью отъ нихъ требовали уваженія къ христіанскимъ религіознымъ обрядамъ. Не только съ величайшею строгостью преслѣдовалось всякое оскорбленіе послѣднихъ со стороны евреевъ, но и присутствіе при этомъ евреевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ евреямъ запрещалось показываться на улицахъ или рынкахъ, начиная съ Великаго Четверга до Свѣтлаго Христова Воскресенія; въ Страстную Пятницу они должны были сидѣть въ своихъ домахъ съ закрытыми окнами и дверьми. Латеранскій соборъ 1215 года тоже счелъ нужнымъ

запретить евреямъ показываться на улицахъ въ страстные дни, мотивируя это запрещеніе тѣмъ, что нѣкоторые евреи позволяли себѣ показываться на улицахъ въ дни христіанской скорби въ праздничныхъ одеждахъ. При пронесеніи Св. Таинствъ мимо евреевъ, они должны были удаляться въ свои дома и запирать двери и окна, чтобы даже взглядомъ своимъ не оскорбить святыню.

Понятно, что церковь всячески старалась затруднять личныя сношенія и соприкосновенія евреевъ съ христіанами. Такъ особыми церковными постановленіями евреямъ запрещалось сидѣть за однимъ столомъ съ христіанами. Христіанинъ, который посадитъ за свой столъ еврея или сядетъ за его столъ, подвергался церковному отлученію, а духовное лицо, обличенное въ томъ же—лишенію сана. Въ виду особенности обрядовъ, соблюдаемыхъ евреями при убоѣ животныхъ и приготовленіи мяса, для евреевъ отводились особыя мясныя лавки и христіанамъ запрещалось покупать мясо животныхъ, зарѣзанныхъ евреями. Въ нѣкоторыхъ городахъ евреямъ запрещалось покупать постомъ рыбу, чтобы не повышалась цѣна на нее; въ другихъ имъ вообще запрещалось прикасаться на рынкѣ къ покупаемой рыбѣ, прежде чѣмъ за нее не будетъ заплачено. Совмѣстное мытье евреевъ и христіанъ также строго запрещалось, и для послѣднихъ всюду отводились особыя бани и купальни.

Въ видахъ ограниченія распространенія еврейства, церковь и государство уже съ древнѣйшихъ временъ запрещали евреямъ держать христіанскую прислугу — рабовъ, слугъ и кормилицъ, подъ угрозой строгихъ каръ для евреевъ и отлученія отъ церкви христіанъ, нарушающихъ эти постановленія. Но изъ встрѣчающихся въ средневѣковыхъ документахъ частаго повторенія этихъ запрещеній можно заключить, что въ сущности они не соблюдались особенно строго. Въ нѣкоторыхъ правилахъ въ этомъ отношеніи прямо дѣлались исключенія; такъ шпейерскій епископъ въ 1084 году, императоръ Генрихъ IV въ извѣстной шпейерской привиллегіи 1090 года, дозволили евреямъ держать христіанскихъ кормилицъ и слугъ. Вообще съ конца 11-го до начала 15-го столѣтія житейская практика допускала въ этомъ отношеніи значительныя отступленія отъ постановленій церковнаго и свѣтскаго законодательства, и только съ 15-го вѣка опять замѣчается нѣкоторое усиленіе строгости. Такъ напр. въ 1452 году въ Регенсбургѣ повивальнымъ бабкамъ изъ христіанъ запрещено было оказывать

помощь еврейкамъ-родильницамъ; былъ даже такой случай, что когда заболѣла повивальная бабка еврейка, то понадобилось спеціальное разрѣшеніе регенсбургскаго епископа на то, чтобы христіанка-повитуха оказала нужную помощь еврейкѣ-родильницѣ. Въ 1472 году въ томъ же городѣ одинъ христіанинъ-цирюльникъ подвергся наказанію за то, что въ христіанскій праздникъ пустилъ кровь больной еврейкѣ. Для оправданія такихъ строгостей католическое духовенство не затруднялось ссылаться на каноническіе законы.

Одними изъ самыхъ тягостныхъ и самыхъ унизительныхъ для евреевъ постановленій, были постановленія о томъ, чтобы евреи въ своей одеждѣ имѣли извѣстныя особенности, отличавшія ихъ отъ христіанъ. Эти постановленія имѣли цѣлью проводить на практикѣ принципъ отчужденности евреевъ отъ христіанъ, и въ этомъ смыслѣ они являлись какъ бы краеугольнымъ камнемъ всего средневѣковаго законодательства о евреяхъ. Даже на вселенскихъ соборахъ (какъ напримѣръ на четвертомъ латеранскомъ соборѣ 1215 года) издавались подобныя постановленія. По инціативѣ папы Иннокентія III соборъ 1215 года постановилъ, что „всѣ евреи и еврейки должны отличаться своей одеждой отъ прочихъ народовъ“. Мотивомъ этого постановленія выставлялось то, что только этимъ способомъ можно предотвратить браки и плотское общеніе между христіанами и евреями. Особенные признаки еврейской одежды были весьма многоразличны. Почти каждый городъ вводилъ по этому предмету особые знаки, да притомъ въ одномъ и томъ же городѣ они подвергались весьма частымъ измѣненіямъ; но общій принципъ тѣмъ не менѣе оставался все тотъ же. Иногда, путемъ значительныхъ взятокъ, евреи, какъ видно изъ средневѣковыхъ лѣтописей, освобождались отъ этого клеймленія sui generis; но для большинства, для массы евреевъ это клеймленіе оставалось обязательнымъ. Грецъ въ своей „Исторіи евреевъ“ въ слѣдующихъ яркихъ, но очевидно не преувеличенныхъ строкахъ изображаетъ результаты подобной внѣшней отмѣтки евреевъ: „Особый знакъ для евреевъ, имѣлъ ли онъ круглую или четырехугольную форму, былъ ли оранжеваго или инаго цвѣта, носили ли его на шапкѣ или на плащѣ—во всякомъ случаѣ являлся какъ бы приглашеніемъ для уличныхъ мальчишекъ смѣяться надъ носителями этого знака, забрасывать ихъ грязью, для черни—

нападать на евреевъ, чинить надъ ними насилія или даже убивать ихъ, для высшихъ сословій—считать ихъ отребьемъ человѣчества, всячески оскорблять ихъ и изгонять изъ страны. Не менѣе деморализующее дѣйствіе производили эти внѣшнія отличія на самихъ евреевъ. Они мало по малу стали свыкаться съ своимъ приниженнымъ положеніемъ и утратили чувство собственнаго достоинства и самоуваженія. Они утратили всякое мужество и самостоятельность, такъ что ихъ могъ запугать любой мальчишка; они даже мало по малу утратили чувство изящнаго, такъ какъ, что бы они ни надѣвали, они въ глазахъ толпы все равно являлись несчастными, заклейменными особымъ знакомъ евреями“.

Понятно, что при униженномъ, плотскомъ положеніи евреевъ, они были устраняемы отъ всякихъ должностей, а въ особенности отъ такихъ, съ которыми соединялась какая-либо власть надъ христіанами. Такъ ихъ безусловно устраняли отъ всякаго участія въ податныхъ или таможенныхъ сборахъ; въ случаѣ же если они—что не рѣдко случалось — брали эти сборы на откупъ, то они должны были производить таковые не лично, а черезъ сборщиковъ изъ христіанъ. Но такъ какъ евреи вообще считались хорошими финансистами, то и изъ общаго правила объ устраненіи евреевъ отъ общественныхъ должностей дѣлались исключенія въ томъ смыслѣ, что имъ поручалось завѣдываніе финансами той или другой страны или области. Иногда духовенство протестовало противъ этого; но въ исторіи есть и такой примѣръ, что завѣдывавшій финансами папы Александра III былъ чистокровный еврей.

Духовенство противилось также и тому, чтобы евреи лечили христіанъ. При этомъ имѣлось въ виду, кромѣ общаго желанія ограничить общеніе евреевъ съ христіанами, еще опасеніе, какъ бы евреи-врачи, мстя за угнетеніе христіананами ихъ соплеменниковъ, не причиняли преднамѣреннаго вреда своимъ паціентамъ-христіанамъ при прописываніи лекарствъ или при производствѣ операцій. По этому случаю ходили даже цѣлыя легенды о томъ, что такой-то король или такой-то владѣтельный князь, ввѣрившись попеченіямъ врача-еврея, былъ уморенъ имъ. Духовенство считало даже нужнымъ прибѣгать къ весьма строгимъ мѣрамъ, чтобы не допускать христіанъ лечиться у евреевъ. Такъ неоднократно епископами, синодами и пр. постановлялось, что христіанинъ, который обратится за медицинской помощью къ еврею, бу-

детъ отлученъ отъ церкви, а духовное лицо за то же прегрѣшеніе лишалось сана. Но эти строгія постановленія, по самымъ условіямъ жизни, большею частью оставались мертвою буквою такъ какъ евреи-врачи, по своимъ научнымъ познаніямъ, вообще значительно превосходили врачей-христіанъ—достаточно вспомнить напр. знаменитаго Маймонида—то не только простой народъ, но и духовенство, и владѣтельные князья, сплошь да рядомъ обращались къ ихъ помощи, императоры назначали ихъ своими лейбъ-медиками, а города приглашали ихъ общинными врачами на жалованьи. И тутъ еще разъ подтверждалось общее правило, что законы и предъубѣжденіе - сами по себѣ, а житейскія условія—сами по себѣ.

VIII.

Штобве въ своей книгѣ отказывается представить сколько нибудь полный очеркъ преслѣдованій евреевъ въ Германіи въ средніе вѣка, замѣчая, что было бы мрачной и неблагодарной задачей собирать за нѣсколько вѣковъ свидѣтельство о проявленіяхъ нетерпимости, варварства, корыстолюбія и суевѣрія владѣтелей и народовъ съ одной стороны, и безпримѣрную живучесть, способность къ пассивному сопротивленію евреевъ—съ другой стороны. Да къ тому же подробное описаніе всѣхъ этихъ печальныхъ явленій не представляло бы ничего особенно интереснаго, по своему крайнему однообразію: всюду и всегда властители, духовенство и чернь творили все тѣ же ужасы надъ евреями, всюду и всегда на евреевъ возводились все тѣ же нелѣпыя обвиненія, жертвами которыхъ дѣлались тысячи человѣческихъ жизней. Поэтому достаточно, въ дополненіе къ тому, что мы говорили въ прежнихъ главахъ по этому предмету, намѣтить здѣсь въ общихъ чертахъ различные колеблющіеся періоды въ длинной мартирологіи германскихъ евреевъ *.

* Желающихъ ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, мы отсылаемъ къ недавно вышедшей въ Лейпцигѣ брошюрѣ профессора М. I. Шлейдена: „Die Romantik des Martyriums bei den Juden im Mittelalter“. Но считаемъ своимъ долгомъ предостеречь читателя отъ имѣющагося русскаго перевода этой брошюры, могущаго смѣло быть выставленнымъ какъ образецъ безграмотности и безсмысленнаго искаженія текста. Переводъ этотъ сфабрикованъ нѣкіимъ г. Хашкесомъ, и то же самое слѣдуетъ сказать и о другой брошюрѣ Шлейдена „Die Bedeutung der Juden für Erhaltung und Wiederbelebung der Wissenschaften im Mittelalter“, изданный тѣмъ же Хашкесомъ. *Издат.*

Еще до эпохи крестовыхъ походовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи встрѣчались отдѣльные случаи преслѣдованія евреевъ изъ-за религіозныхъ мотивовъ. Такъ въ 1012 году императоръ Генрихъ II въ религіозномъ рвеніи своемъ велѣлъ изгнать всѣхъ евреевъ изъ Майнца; въ 1066 году епископъ Трирскій угрожалъ мѣстнымъ евреямъ изгнаніемъ, если они не окрестятся. Но первое всеобщее кровопролитное преслѣдованіе евреевъ совпадаетъ съ первымъ крестовымъ походомъ. Въ своемъ религіозномъ экстазѣ первые крестоносцы считали своею священною обязанностью начать великое предпринятое ими дѣло истребленіемъ евреевъ у себя на родинѣ. Въ ожиданіи заевоеванія Палестины они неистово накинулись на германскихъ евреевъ и щадили только тѣхъ, кто изъявлялъ желаніе креститься. Эти печальныя явленія повторялись всюду—на Дунаѣ и на Рейнѣ, въ Франконіи, Швабіи, Баваріи, Богеміи. Сколько тысячъ евреевъ погибло при этомъ—трудно вычислить. Одни искали спасенія своей жизни въ крещеніи, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, по минованіи бури, возвратиться въ іудейство, другіе бѣжали. Затѣмъ евреи опять поселились на прежнихъ мѣстахъ жительства, и въ теченіи 50 лѣтъ до 1146 года, когда начался второй крестовой походъ, наступило сравнительное затишье. Но когда стали проповѣдывать этотъ походъ, то папа прежде всего объявилъ, что всѣ крестоносцы освобождены отъ своихъ долговъ евреямъ, а затѣмъ мѣстные проповѣдники стали внушать вѣрующимъ, что для похода нужны деньги, у евреевъ денегъ много, и что слѣдовательно будетъ дѣломъ вполнѣ богоугоднымъ, если для такой высокой цѣли у евреевъ будутъ отниматься деньги. Подобные голоса разумѣется не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и христіане принялись, если не убивать, то по крайней мѣрѣ грабить евреевъ насколько хватало силъ.

Этотъ предлогъ для ограбленія евреевъ оказался очень съ руки частнымъ лицамъ и даже владѣтельнымъ князьямъ, желавшимъ поживиться на счетъ богачей-евреевъ. Поэтому въ 12-мъ и 13-мъ столѣтіяхъ мы видимъ множество примѣровъ тому, что евреевъ обвиняли во всевозможныхъ преступленіяхъ въ тѣхъ видахъ, чтобы подвергать конфискаціи имущество не только отдѣльныхъ, обвиненныхъ въ извѣстномъ преступленіи личностей, но и цѣлыхъ еврейскихъ общинъ, даже всѣхъ евреевъ, поселенныхъ на

извѣстной территоріи. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій противъ евреевъ было то, что они убиваютъ христіанскихъ дѣтей, для того, чтобы воспользоваться кровью христіанскихъ младенцевъ для своихъ опрѣсноковъ въ день еврейской Пасхи. Откуда возникъ этотъ слухъ—это вопросъ, на которомъ мы не станемъ здѣсь останавливаться. Но, разъ возникнувъ, онъ быстро распространился и усердно эксплуатировался. Такъ въ 1236 году въ Фульдѣ были убиты многіе евреи по обвиненію въ томъ, что они убили нѣсколькихъ христіанскихъ дѣтей, чтобы взять нѣсколько капель христіанской крови для своихъ опрѣсноковъ. Дѣло это показалось настолько серьезнымъ тогдашнему германскому императору Фридриху II, что онъ созвалъ многихъ ученыхъ мужей и предложилъ имъ на разрѣшеніе вопросъ: правда ли, что, какъ ходятъ слухи, евреи при исполненіи своихъ религіозныхъ обрядовъ употребляютъ христіанскую кровь; если это правда, то онъ готовъ истребить всѣхъ евреевъ въ своихъ владѣніяхъ. Ученая коммиссія отвѣтила, что по этому вопросу нельзя сказать ничего утвердительнаго; императоръ удовлетворился этимъ отвѣтомъ и всеобщаго истребленія евреевъ не послѣдовало.

Но зерно суевѣрія, разъ брошенное въ малообразованный народъ, не погибаетъ; оно даетъ ростъ и распускается со временемъ въ пышный цвѣтъ. Подобно какой-то эпедеміи распространялось въ народѣ повѣріе, что евреи, при своихъ религіозныхъ обрядахъ, или какъ цѣлебное средство, употребляли кровь христіанскихъ дѣтей. Ужасы, творившіеся вслѣдствіе распространенія этого повѣрія, приняли такіе страшные размѣры, что даже папы обратили наконецъ на это вниманіе и Иннокентій IV въ 1247 году счелъ нужнымъ издать по этому поводу особую буллу.

„До нашего слуха доходятъ", говорится въ этой замѣчательной буллѣ, „жалобные стоны германскихъ еврeвъ. Многіе изъ вашихъ духовныхъ и свѣтскихъ властителей, дворяне и иные власть имущіе люди въ вашихъ городахъ и епархіяхъ ищутъ всевозможныхъ предлоговъ, чтобы незаконными путями присваивать себѣ ихъ имущество, забывая притомъ, что нѣкоторымъ образомъ изъ еврейскихъ архивовъ исходятъ свидѣтельства христіанской вѣры. Въ чтимомъ ими священномъ писаніи между прочимъ прямо сказано: „Не убій", и поэтому евреямъ строго воспрещается прикасаться во время празднованія своей Пасхи до чего-либо убитаго; а между тѣмъ противъ нихъ возводится обвиненіе, будто въ этотъ праздникъ они принимаютъ въ пищу сердце христіанскаго ребенка. Хотятъ увѣрить, будто это предписываетъ имъ ихъ законъ, между тѣмъ какъ онъ напротивъ прямо запрещаетъ имъ это. Ихъ тотчас же обвиняютъ въ убійствѣ, какъ только гдѣ либо окажется мертвое тѣло. Подъискиваютъ эти и тому подобные предлоги, чтобы неистово преслѣдовать ихъ; безъ всякаго съ ихъ стороны признанія, безъ вѣскихъ доказательствъ, вопреки постановленіямъ апостолической куріи, противъ всякихъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, ихъ грабятъ, морятъ голодомъ, томятъ въ темницахъ, пытаютъ, подвергаютъ различнымъ наказаніямъ и убиваютъ многихъ изъ нихъ самимъ возмутительнымъ образомъ, такъ что участь евреевъ подъ властью такихъ свѣтскихъ и духовныхъ властителей гораздо ужаснѣе, чѣмъ участь ихъ предковъ при египетскихъ фараонахъ. Они принуждены въ виду всего этого покидать мѣста, гдѣ ихъ отцы и дѣды жили съ незапамятныхъ временъ, и въ этомъ своемъ стѣсненномъ положеніи обратились къ нашему святому апостолическому престолу и т. д." Въ заключеніе буллы папа ставитъ евреевъ подъ покровительство князей и запрещаетъ дальнѣйшія преслѣдованія ихъ.

Вслѣдствіе этой буллы герцогъ Богемскій Оттокаръ дважды, въ 1254 и 1268-мъ годахъ, запрещалъ въ своихъ владѣніяхъ возводить противъ евреевъ обвиненіе въ употребленіи христіанской крови. Но буллами и законами нельзя искоренить глубоко вкоренившихся предразсудковъ, и потому преслѣдованія евреевъ вслѣдствіе означенныхъ ложныхъ обвиненій продолжались не только въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, но и въ послѣдующія столѣтія, не исключая и 19-го. Такъ въ 1834-мъ году въ Германіи, въ нѣкоторыхъ прирейнскихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе возникновенія подобнаго слуха, были разграблены дома многихъ евреевъ и разрушена синагога. Въ 1842-мъ году въ Дамаскѣ, при участіи консуловъ европейскихъ державъ, многіе евреи были подвергнуты самимъ жестокимъ пыткамъ, вслѣдствіе подобнаго же ложнаго обвиненія. Въ Россіи въ 1817-мъ году Императорскимъ указомъ было воспрещено распространять слухи объ употребленіи евреями при своихъ религіозныхъ церемоніяхъ христіанской крови; а между тѣмъ уже 6 лѣтъ спустя, въ 1823-мъ году, въ Велижѣ, Витебской губерніи, противъ 43 евреевъ было возбуждено, по случаю

нахожденія трупа умершаго христіанскаго мальчика, обвиненіе въ томъ, что они выпустили изъ него всю кровь; 12 лѣтъ тянулся этотъ процессъ по различнымъ инстанціямъ, пока наконецъ въ 1835-мъ году онъ не окончился въ Государственномъ Совѣтѣ полнымъ оправданіемъ обвиняемыхъ. Въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія подобное же дѣло возникло въ Саратовской губерніи, съ менѣе благополучнымъ исходомъ для подсудимыхъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ. Наконецъ, упоминать ли о возбужденномъ въ 1878-мъ, начавшемся 5-го марта 1879 и окончившемся разсмотрѣніемъ 12 марта того же года извѣстномъ кутаисскомъ дѣлѣ о девяти евреяхъ, обвинявшихся въ умерщвленіи, съ религіозной цѣлью, христіанской дѣвочки и оправданныхъ судомъ?

Кромѣ этого, самаго распространеннаго повода, для преслѣдованія евреевъ придумывались и другіе, столь же нелѣпые поводы. Такъ напр. въ 1298-мъ году въ Франконіи, Баваріи и Австріи производилось ожесточенное преслѣдованіе евреевъ по обвиненію въ поруганіи св. причастія. Увѣряли, что евреи украли гостію и растолкли ее въ ступѣ, причемъ изъ нея потекло столько крови, что они уже не могли скрыть слѣдовъ своего „преступленія". Многія тысячи евреевъ пали жертвой этой нелѣпой басни; досталось и тѣмъ христіянамъ, которые пытались было защитить евреевъ. Немалаго труда стоило императору Альбрехту, по возвращеніи его изъ Аахена, положить конецъ этой безчеловѣчной рѣзнѣ. Нѣчто подобное повторилось въ Баваріи и Австріи и въ 1338-мъ году. Современные лѣтописцы разсказываютъ, что еслибы князья, пытавшіеся въ это время защитить евреевъ, не спаслись бѣгствомъ, то и имъ пришлось бы плохо. Герцогъ Альбертъ Австрійскій писалъ въ этомъ году папѣ Бенедикту, что преслѣдованія евреевъ подъ предлогомъ оскорбленія ими св. причастія производятся преимущественно съ цѣлью грабежа, что въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе и нѣкоторые члены духовенства, которые, въ видахъ возбужденія народнаго фанатизма, нарочно разбрасываютъ по близости еврейскихъ домовъ гостіи, запятнанныя кровью; въ заключеніе герцогъ Австрійскій просилъ папу положить предѣлъ такимъ продѣлкамъ со стороны духовныхъ лицъ. Герцогъ же баварскій поступилъ въ данномъ случаѣ иначе: онъ даровалъ своимъ подданнымъ христіанамъ полную амнистію за

всѣ насилія, совершонныя ими надъ евреями, и позволилъ имъ не только оставить у себя все награбленное у евреевъ имущество, но и не платить долговъ евреямъ.

Но самимъ общимъ и ужаснымъ было преслѣдованіе евреевъ въ 1348, 1349-мъ и въ послѣдующихъ годахъ во время свирѣпствованія въ Германіи чумы. Появленіе и распространеніе этой страшной болѣзни подало поводъ къ возникновенію слуха, будто евреи отравили колодцы—и всюду началась кровавая расправа съ мнимыми отравителями. По мѣрѣ того, какъ „черная смерть" переходила изъ одной области Германіи въ другую, за нею неизмѣнно слѣдовалъ длинный кровавый слѣдъ, оставляемый избіеніемъ евреевъ. Доказать справедливость обвиненій, возводимыхъ противъ евреевъ, было нетрудно: для этого существовали самыя утонченныя, самыя усовершенствованныя орудія пытки, которыя могли заставить и самаго невиннаго человѣка сознаться въ какомъ угодно преступленіи. Тщетно папа пытался противодѣйствовать распространенію этого суевѣрія, тщетно императоръ стараяся защитить евреевъ. Отчаяніе, вызываемое распространеніемъ ужасной болѣзни, способствовало и распространенію нелѣпой басни объ отравленіи евреями колодцевъ. Тутъ власти въ большинствѣ случаевъ уже ничего не могли сдѣлать. Страсбургскій магистратъ, пытавшійся заступиться за евреевъ, былъ объявленъ подкупленнымъ ими и устраненъ, послѣ чего 2000 евреевъ были убиты, а имущество ихъ разграблено. Новый магистратъ поспѣшилъ возвратить сосѣднимъ князьямъ находившіеся въ рукахъ евреевъ залоги, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они оказали городу поддержку въ случаѣ, если императоръ вздумаетъ наказать его за избіеніе евреевъ. Но этого послѣдняго нечего было опасаться: нѣкоторымъ городамъ и владѣтелямъ императоръ Карлъ IV (какъ мы видѣли въ одной изъ предшествовавшихъ главъ) обѣщалъ еще ранѣе, чѣмъ начались преслѣдованія, полное прощеніе, конечно за приличное вознагражденіе, другимъ же городамъ онъ даровалъ это прощеніе впослѣдствіи. Встрѣчаются граматы въ этомъ смыслѣ, относящіяся къ 1352-му году, т. е. три года спустя послѣ преслѣдованій. По избіеніи евреевъ между императорами, владѣтельными князьями и городами начинался дѣлежъ награбленной у убитыхъ добычи, причемъ каждая сторона старалась захватить львинную часть.

Однако сколько ни было перебито евреевъ въ 1349 и 1350 годахъ, совершенно истребить ихъ не удалось, да это и не входило въ виды власть имущихъ, такъ какъ совершенное истребленіе ихъ было бы невыгодно въ фискальномъ и въ кредитномъ отношеніи. Поэтому уже начиная съ 1356 года владѣтельные князья и города опять стали ходатайствовать у императора о дозволеніи „держать евреевъ“ и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій ихъ оставляли въ покоѣ, чтобы дать имъ время хорошенько оправиться послѣ недавняго всеобщаго разгрома. Но начиная съ 80-хъ годовъ 14-го столѣтія вновь начинаются усиленныя преслѣдованія евреевъ, все подъ тѣми же пустыми и нелѣпыми предлогами.

Начиная съ 15-го столѣтія начались, какъ мы уже видѣли при описаніи положенія евреевъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ Германіи, изгнанія евреевъ изъ разныхъ мѣстностей и притомъ уже не какъ результатъ вспышекъ народныхъ и религіозныхъ страстей, а съ разсчетомъ, по распоряженію властей, по обвиненію въ томъ. что они люди безнравственные, занимающіеся ростовщичествомъ и оскорбляющіе религіозное чувство христіанъ. Такъ въ 1420-мъ году они были изгнаны изъ Майнца, въ 1421-мъ году изъ Австріи, въ 1424-мъ году изъ Фрейбурга, и Цюриха, въ 1426-мъ году изъ Кельна („во славу Божію и Пресвятой Дѣвы“), въ 1432-мъ году изъ Торгау и другихъ саксонскихъ городовъ, въ 1435-мъ году изъ Шпейера, въ 1439-мъ году изъ Аугсбурга, въ 1450-мъ году изъ Баваріи, въ 1453-мъ году изъ Вюрцбурга, въ 1455-мъ году изъ Бреславли, въ 1454-мъ году изъ Брюнна и Ольмюца, и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ ко второй половинѣ 15-го столѣтія евреи лишены были осѣдлости въ большей части городовъ Германіи, гдѣ они прежде были поселены; имъ предоставлялось только право, по уплатѣ извѣстнаго конвойнаго налога, переѣзжать съ мѣста на мѣсто, оставаясь всюду только по нѣскольку часовъ, много-много по нѣскольку дней. Съ этихъ поръ начинается для нихъ жизнь еще болѣе жалкая, чѣмъ даже во время крестовыхъ походовъ: они, не по собственной винѣ, а силою самыхъ обстоятельствъ, дѣлаются бродягами, тѣми несчастными „вѣчными жидами“, которые осуждены на то, чтобы всю свою жизнь переѣзжать съ мѣста на мѣсто, не находя, гдѣ преклонить свою голову.

Въ такомъ жалкомъ положеніи они оставались въ теченіе многихъ вѣковъ. Лишь съ половины 18-го столѣтія, когда Моисей Мендельсонъ съумѣлъ пріобрѣсти высокое уваженіе въ литературномъ мірѣ, когда Лесингъ и Гердеръ мужественно выступили впередъ борцами за эманципацію евреевъ, когда изъ Франціи раздалось ученіе о равноправности людей — только съ тѣхъ поръ улучшилось соціальное положеніе германскихъ евреевъ. Девятнадцатый вѣкъ, благодаря стараніямъ такихъ выдающихся дѣятелей еврейской національности, какъ Моисей Монтефіоре, Кремьё и др., сдѣлалъ въ этомъ отношеніи еще значительный шагъ впередъ; онъ далъ наконецъ евреямъ въ большей части Европы родину и обезпечилъ за ними покровительство законовъ. Правда, и въ этомъ отношеніи въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ осталось еще сдѣлать очень многое; но этотъ вопросъ выступаетъ уже изъ рамокъ настоящей нашей статьи.

Э. Ватсонъ.

„СВЯЩЕННОЕ ПРИСУТСТВІЕ“

И ЕГО РЕЛИГІОЗНЫЕ АКТЫ *.

> Es ist eine traurige Aufgabe, der man sich nur mit Widerwillen unterziehet, besonders wenn man selbst Christ heisst, die endlose Reihe der Scheusslichkeiten aufzuzæhlen, die die Christen unter Missbrauch des Namen Gottes begangen haben.
>
> M. I. Schleiden.

> Gottlob! es lebt nicht mehr, es ward zu nichte;
> Doch dem Entsetzen zeigt noch die Geschichte
> Sein Bild, des Unthiers Bau, Gestalt und Glieder;
> Die Menschheit schlægt davor die Augen nieder;
> Vergessen möchte sie den Schreckenston,
> Des Molches Namen: Inquisition.
>
> Lenau.

Французскій іезуитъ, извѣстный графъ де-Фаллу, въ своей вдохновенной защитѣ священной инквизиціи, къ не малому удовольствію просвѣтленныхъ душъ, доказываетъ, что „Священное Присутствіе“ проникнуто было высокоидеальными стремленіями и свою дѣятельность направляло къ достиженію высокоидеальныхъ цѣлей и что никогда ни малѣйшая тѣнь низости не запятнала чистое зеркало благородной воли и дѣятельности „религіознаго суда“.

Какъ больно противорѣчить такому испытанному ревнителю „царствія небеснаго“, и наперекоръ заявить, что и его правило имѣло свои исключенія! Фатальная штука — эта безбожная

* Johannes Scherr: „Menschliche Tragikomödie“ B. I, Leipzig, 1874.—M. Kayserling: „Ein Feiertag in Madrid“. Berlin, 1859. — M-me Aulnoy: „Memoires de la cour d'Espagne“ u „Voyages d'Espagne“ La Haye, 1691 u 1705,—H. Graetz: „Geschichle der Juden“ B. VIII, Leipzig, 1864. — M. I. Schleiden: „Die Romantik des Martiriums bei den Juden im Mittelalter“. Westermanns Monats-Hefte April u Mai 1878.

мірская „исторія“, которая иногда позволяетъ себѣ разсматривать вещи и людей совершенно съ другой точки зрѣнія, чѣмъ ея духовная сестрица. Осуществится-ли когда-нибудь восхитительная, чарующая мысль, что настанетъ такой аута-да-фе, на которомъ эта семь разъ семьдесятъ проклятая „книга исторіи“ будетъ предана сожженію, и уже навсегда!

Въ этой-то адской книгѣ яркими, неизгладимыми буквами можно читать, что въ основѣ „испанской“ инквизиціи лежала ни болѣе ни менѣе какъ простая, самая низкая денежная спекуляція—простой финансовый грабежъ.

Возможность дѣлать такую финансовую операцію предоставлялъ господствовавшій тогда въ Испаніи страшный религіозный фанатизмъ. Изъ столѣтней борьбы противъ ислама, т. е. противъ безконечно болѣе просвѣщенныхъ, болѣе благородныхъ, болѣе гуманныхъ и болѣе терпимыхъ морисковъ, испанско-готическій католицизмъ вышелъ совершеннымъ молохизмомъ, какою-то религіей гнѣва и ярости. Быть не-христіаниномъ, т. е. не-христіаниномъ въ смыслѣ испанско-католическаго молохизма—это въ глазахъ каждаго испанца eo ipso заслуживало смертной казни. Само собою разумѣется, что испанскіе короли съумѣли воспользоваться этимъ направленіемъ „религіи любви“, какъ дѣятельнымъ орудіемъ для своихъ политическихъ цѣлей, именно для окончательнаго уничтоженія магометанства на испанской почвѣ. Бракомъ Фердинанда Аррагонскаго съ Изабеллой Кастильской 19 октября 1469 года возстановлено было національное объединеніе Испаніи и въ то же время рѣшена была окончательная гибель морисковъ. Ихъ „католическія величества“, вмѣстѣ со всѣми силами христіанской Испаніи, вели войну „изъ-за Гранады“, которая война и уничтожила мусульманское царство на испанской почвѣ. 2 января 1492 года Фердинандъ и Изабелла побѣдоносно вступили въ Алгамбру, и въ тотъ же день несчастный Боабдиль Элъ-Хико, послѣдній мавританскій король въ Испаніи, съ вершины скалы Алпухарскихъ высотъ послалъ восхитительной Гранад-

ской Вегѣ послѣдній прощальный вздохъ.—„El ultimo sospiro del Moro“—еще и теперь называется это мѣсто.

Однако спеціально „испанская“ инквизиція нѣсколько старше этого торжества католическаго оружія. Она развилась изъ святой „старой“ инквизиціи, которая уже въ то время, когда она изъ любви пожирала албигойцевъ въ южной Франціи, была любезно принята и въ Испаніи, и въ особенности въ Аррагоніи достигла широкаго примѣненія. Она дѣйствовала тамъ такъ усердно, что уже въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія стала ощущать недостатокъ въ еретическомъ матеріалѣ. Но теперь ей имѣлъ быть предоставленъ новый матеріалъ, и притомъ въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что она, чтобы съ достоинствомъ выполнить свою задачу, должна была, такъ сказать, обновиться, чтобы работать съ новыми, юношескими силами.

Матеріалъ этотъ прежде всего образовало собою „проклятое“ еврейское отродье... Сѣмя Авраама, Исаака и Іакова нашло себѣ въ Испаніи весьма благопріятную почву и дало роскошные плоды. Подъ гуманнымъ владычествомъ высокопросвѣщенныхъ мавровъ, евреи, своимъ прилежаніемъ, богатствомъ и научною дѣятельностью, пріобрѣли себѣ повсюду высокое положеніе. Поэтическія произведенія Габироловъ, Эзръ, Галеви и Алхаризи показываютъ съ какимъ успѣхомъ еврейско-испанскіе поэты соперничали съ поэтами арабско-испанскими и какъ привольно и свободно имъ жилось среди морисковъ. Съ прекращеніемъ господства мавровъ и съ воцареніемъ христіанства все приняло другой оборотъ, и евреи тотчасъ же почувствовали какъ „кротко“ дѣйствуетъ ярмо католичества. Та самая церковь, которая вышла изъ лона юдаизма, которой первыми возвѣстниками и проповѣдниками были евреи, съ неописанною яростью, съ пѣною у рта обрушивала теперь на евреевъ презрѣніе и ненависть, огонь и мечь. Нельзя безнаказанно относиться къ религіи человѣчески, а евреи именно упорствовали въ этомъ смыслѣ; они не хотѣли понять сверхъестественныхъ таинствъ и мистерій христіанской догматики—и дорого поплатились за это.

Испанское христіанство въ своемъ побѣдоносномъ шествіи противъ ислама вездѣ также враждебно выступало противъ евреевъ, а часто даже и гораздо враждебнѣе. Этому возрастанію религіозной ненависти могло содѣйствовать то, впрочемъ совершенно мірское обстоятельство, что въ еврейскихъ домахъ можно было захватить и награбить нѣсколько больше, чѣмъ въ домахъ магометанъ. Вѣдь исторіею неопровержимо доказано, что при колоссальныхъ „бойняхъ евреевъ“, которыя въ теченіи XIV столѣтія имѣли мѣсто въ Германіи и въ остальной средней Европѣ, не однимъ изъ мотивовъ, а *главнымъ* мотивомъ было богатство евреевъ. А испанскіе евреи не только были богаты, но они, кромѣ того, еще любили показать, что они богаты, какъ вообще люди денежные всегда одной рукою собираютъ богатство для того, чтобъ другою рукою хвастливо бросать его. А евреи къ тому же всегда любили наряжать своихъ женъ, и весьма можетъ быть, что именно съ этою цѣлью они при своемъ исходѣ изъ Египта взяли съ собою золотыя и серебрянныя вещи египтянъ. По крайней мѣрѣ еще и въ наши дни еврейскія малліонерши иногда совершенно по мицраимски звенятъ своимъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, и такъ точно въ XV столѣтіи поступали въ Испаніи жены и дочери іудейскія, между тѣмъ, какъ ихъ отцы, мужья, сыновья и братья горделиво выставляли на показъ свои одежды и дорогихъ коней, свои великолѣпныя оружія и великолѣпныя колесницы, какъ это средства ихъ имъ позволяли.

Когда, съ бракомъ Ферденанда и Изабеллы, совершенное уничтоженіе ислама на Испанской почвѣ сдѣлалось лишь вопросомъ времени, тогда въ христіанской Испаніи съ особеннымъ рвеніемъ принялись за „изученіе“ еврейскаго вопроса, т. е. христіанское усердіе стало пожирать евреевъ тѣмъ или другимъ способомъ. Повсюду не только стали раздаваться крики о еврейскомъ растовщичествѣ, но вѣрующія христіанскія уши, которыя не всегда оказывались короткими, весьма охотно прислушивались ко всѣмъ страшнымъ легендамъ, распространявшимся на счетъ евреевъ. Здѣсь эти не-

вѣрныя жидовскія собаки плевали на образъ Св. Дѣвы, тамъ они топтали ногами крестъ, въ другомъ мѣстѣ они похитили христіанскаго ребенка, чтобы убить его для своихъ страшныхъ пасхальныхъ обрядовъ. Могло-ли христіанство терпѣть такіе мерзости? Разумѣется нѣтъ. „Врывайтесь въ дома этихъ проклятыхъ потомковъ палачей Спасителя, грабите, оскверняйте, убивайте и сожигайте все во славу Св. Троицы и всѣхъ ея святыхъ!"...

И приверженцы „религіи любви" въ точности исполняли этотъ призывъ своихъ пастырей. Положеніе евреевъ сдѣлалось безъисходнымъ, тѣмъ болѣе, что благочестивый доминиканскій монахъ Виценціо Феррери изъ Валенсіи нашелъ нужнымъ совершить цѣлую массу чудесъ для того, чтобы убѣдить сыновъ Израиля въ необходимости принять святое крещеніе. Они не были въ состояніи противуустоять необыкновенно убѣдительнымъ аргументамъ святаго чудотворца и еще болѣе убѣдительнымъ аргументамъ приверженцевъ „религіи любви", которые, грабя, убивая и опустошая, врывались въ ихъ дома — и массами приняли христіанство. Этимъ путемъ они на время избѣгли преслѣдованій. „Новые христіане", какъ называли тогда крещенныхъ евреевъ, вслѣдствіе своей интелигенціи, способностей и высокой степени образованія, не говоря уже объ ихъ богатствѣ, вскорѣ достигли во всѣхъ городахъ и даже при дворѣ высокихъ должностей и почестей. И не рѣдко также случалось въ тѣ времена, что бѣдные отпрыски гордыхъ гидальговъ смѣшали свою старохристіанскую кровь съ новохристіанскою кровью богатыхъ дщерей Сіона, точно также какъ и въ наши времена иногда случается, что какой нибудь гордый христіанско-германскій воинъ или дипломатъ изъ заплеснѣвшаго уже отъ дряхлости дворянства, свою остановившуюся было жизненную колесницу, вслѣдствіе нагроможденія слишкомъ тяжелой ноши чужой мѣди („aes alienum"), приводитъ въ движеніе впряганіемъ въ нее золотоносныхъ коней черноокихъ розъ Сарона, которыя произросли однако не на землѣ Ханаанской, а на мостовыхъ Франкфурта, Гамбурга или Берлина.

Но этимъ путемъ начавшееся сліяніе испанскихъ евреевъ съ

испанскими христіанами не продолжалось долго. Не помогло евреямъ то, что они послѣдовали извѣстному реально-политическому принципу — „кто разсудительнѣе, тотъ уступаетъ". Ихъ „новохристіанскую кровь" вскорѣ снова стали презирать, какъ „mala sangre", ее проклинали и отказывались отъ нея, и гдѣ впослѣдствіи въ какой либо испанской родословной уже ее никакъ нельзя было отрицать или изгладить, тамъ она считалась позорнымъ пятномъ, вѣчною позорною печатью („tizon").

По всей вѣроятности потомки Израиля отчасти и сами были виною такого оборота дѣлъ. Не только потому, что многіе изъ нихъ, послѣ прекратившихся повидимому преслѣдованій, снова обратились въ вѣру своихъ предковъ, которая, между прочимъ, находилась на болѣе дружеской ногѣ съ таблицей умноженія, чѣмъ имъ насильно навязанная религія, но еще и потому, что они, какъ всѣ вообще люди, еще меньше могутъ переносить счастіе, чѣмъ несчастіе. Безпристрастные и разсудительные евреи признаютъ, что ихъ единовѣрцы, коль скоро они чувствуютъ себя на конѣ, гордо галопируютъ на немъ и не обращаютъ вниманія, что они своимъ галопомъ завидываютъ грязью прохожихъ. Вездѣ, гдѣ евреи чувствовали себя въ силѣ, они пользовались ею всласть, и, кромѣ того, позволяли себѣ еще особое удовольствіе—посыпать перцемъ своего остроумія раны оскорбленныхъ „гоимъ". Какъ избранный народъ „Бога гнѣва и мести", они тѣмъ болѣе чувствовали себя въ правѣ дѣлать это, что не успѣла остыть еще та ненависть, которую не могли не внушить имъ обращенныя на нихъ всѣмъ извѣстныя изъявленія христіанской любви.

Такія изъявленія послѣдовали и теперь въ еще болѣе усиленной степени. Около 1478 года крики противъ дѣтей Израиля раздавались во всей христіанской Испаніи. „Новые христіане" отпали будто бы отъ истинной вѣры, чтобы „снова валяться въ старомъ омутѣ юдейства", и вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, они совершаютъ всѣ тѣ противухристіанскія мерзости, которыя творили прежде. Андалузскій хронистъ того времени, священникъ изъ Лосъ-

Палаціосъ, составилъ длинный списокъ грѣховъ этого „проклятаго отродья“, но въ концѣ этого списка довольно ясно проглядываетъ причина этого вновь возбужденнаго преслѣдованія. „Евреи — говоритъ онъ—считаютъ себя находящимися въ рукахъ египтянъ, которыхъ обманывать и обкрадывать есть доброе дѣло. При помощи ихъ гнусныхъ уловокъ и изворотовъ имъ удалось скопить громадныя богатства“. Hinc illae irae christianae! Испанскій хронистъ XV столѣтія, конечно, не былъ на столько честенъ, какъ нѣмецкій лѣтописецъ XIV столѣтія, Яковъ Твингеръ изъ Кенигсгофена, который въ 1386 году, говоря въ своей страсбургской хроникѣ о страшныхъ избіеніяхъ евреевъ на Рейнѣ, также упоминаетъ о еврейскихъ богатствахъ, но прямо прибавляетъ: „Das war ouch die Vergift, so die Juden dötete“.

Послѣ того, какъ общественное мнѣніе, которое всегда и вездѣ въ 99 случаяхъ изъ 100 высказывалось, высказывается и будетъ высказываться *за* нелѣпость и *противъ* здраваго смысла,—было достаточно возбуждено всякою ложью и небылицами, доминиканскій пріоръ Алонзо де Оіеда изъ Севиллы, воспламенился священнымъ гнѣвомъ и сталъ трубить въ священный рогъ, а папскій нунцій при испанскомъ дворѣ, монсиньоръ Франко подкрѣплялъ эти звуки ударами въ священный барабанъ. Царствіе Божье должно быть во что бы то ни стало спасено, кричали эти благочестивые высокодостойные мужи, и единственная вѣрная спасительница — это святая инквизиція. Король Фердинандъ, который въ дѣлахъ государственнаго управленія не особенно стѣснялся неудобною вещью, извѣстною подъ именемъ совѣсти, осклабился и развѣсилъ уши. Онъ съ удовольствіемъ предвкушалъ сладкіе звуки звенящаго золота и серебра, которыми связанная съ конфискаціей имущества процедура священнаго суда обѣщала пополнить его вѣчнопустую кассу, и онъ ни на минуту не колебался дать свое королевское согласіе на открытіе дѣятельности „Священнаго Присутствія“. Что же касается лучшей половины ихъ „католическихъ величествъ“, королевы Изабеллы, то въ ней чувства человѣчности противились введенію инквизиціи.

Она, какъ извѣстно, была отличная женщина, можетъ быть даже самая замѣчательная женщина своего вѣка, но она все таки была женщиною и притомъ испанкою *ея* эпохи; это, по новѣйшему воззрѣнію, все равно, что совершенная раба, всецѣло преданная попамъ, которую легко было убѣдить, что то, что неособенно щепетильный въ дѣлахъ совѣсти мужъ ея считалъ выгоднымъ финансовымъ дѣломъ, есть истинно благочестивое дѣло, дѣло, которое должно быть допущено „для вящаго возвеличенія славы Господней“. Король Фердинандъ былъ политикъ изъ школы „итальянской практики“—королева же Изабелла была истинно благочестивою христіанкою. Къ тому же въ дѣвичьи годы духовникомъ ея былъ тогдашній пріоръ изъ Санта Круза въ Сеговіи, Ѳома де Торквемада, и онъ съумѣлъ настроить душевныя струны Изобеллы на тонъ *его* собственнаго религіознаго рвенія. Замѣчательнѣйшій историческій изслѣдователь, котораго Испанія имѣла въ XVI вѣкѣ, Геронимо Цурита, въ своихъ „Аналлахъ“ (IV, 323), говоритъ, что Торквемада потребовалъ у молодой инфантины и получилъ обѣщаніе, „что она, если она когда нибудь возсядетъ на кастильскій престолъ“—братъ ея, король Генрихъ, былъ тогда еще въ живыхъ — „во славу Божію и для возвеличенія католической вѣры посвятитъ себя уничтоженію еретичества“.

Этимъ ея обѣщаніемъ теперь воспользовались и заставили ее такимъ образомъ заглушить въ себѣ чувства женщины, боровшіяся съ долгомъ строгой католички. Изабелла согласилась, чтобъ обратились къ папѣ за буллой, разрѣшающей введеніе въ Кастиліи священнаго суда. Святой отецъ, папа Сикстъ IV, который очень хорошо зналъ, что отъ этого финансоваго оборота и ему перепадетъ довольно кругленькая сумма, буллою отъ 1-го ноября 1478 года, поспѣшилъ удовлетворить желаніе испанскаго двора, и такимъ образомъ инквизиція, уже введенная раньше въ Аррагоніи, теперь учреждена была во всей христіанской Испаніи. Однако инвизиція свою священную дѣятельнось начала только въ 1480 году, такъ какъ королева Изабелла требовала и добилась этой отсрочки, чтобы пред-

варительно испробовать относительно евреевъ средства ласковаго напоминанія и мирнаго убѣжденія. Видно доброй королевѣ не легко было забыть вдругъ, что она женщина. Можетъ быть ей къ тому же пришло въ голову, что вѣдь и основатель христіанской религіи нигдѣ не проповѣдывалъ и не училъ, чтобъ невѣрующихъ въ него убивали или сожигали живыми. Но и это послѣднее слабое сопротивленіе Изабеллы было побѣждено, и она, представленіемъ коммисіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ упомянутаго выше пріора Оіеды, дала убѣдить себя, что всѣ дружелюбныя и миролюбивыя попытки сломать упорство евреевъ и превратить ихъ въ искреннихъ и стойкихъ христіанъ кончились самымъ печальнымъ образомъ, и поэтому не остается ничего больше, какъ предоставить инквизиціи начать свою священную работу.

Такимъ то образомъ „Священное Присутствіе“ съ новымъ 1481 годомъ начало свою борьбу за царствіе небесное. Прежде всего оно обнаружило свою дѣятельность въ Севиллѣ, гдѣ религіозный трибуналъ помѣстился въ монастырѣ Св. Павла. Первымъ его офиціальнымъ дѣломъ было обнародованіе посланія, которымъ всякій призывается оказывать суду посильную помощь для захвата и обвиненія лицъ, заподозрѣнныхъ или кажущихся заподозрѣнными въ еретичествѣ, причемъ особенно напиралось на то, что и анонимныя заявленія также принимаются. Въ дѣлѣ религіознаго спасенія, само собою разумѣется, нѣтъ средства, которое бы не оправдывалось цѣлью. Великій флоретинскій статсъ-секретарь, какъ извѣстно, сказалъ, что мораль и политика ничего общаго между собою не имѣютъ, что въ политикѣ нравственности нѣтъ и быть не можетъ, и онъ это сказалъ о свѣтской только политикѣ потому, что говорить это также о религіозной политикѣ онъ считалъ и долженъ былъ считать совершенно излишнимъ.

Севильское Священное Присутствіе дѣйствовало съ прекраснѣйшимъ успѣхомъ. 2-го января 1481 оно начало свою дѣятельность и уже 6-го января ему удалось совершить первый „религіозный актъ“ (auto de fé), предавъ сожженію на кострѣ шесть изобличенныхъ еретиковъ. Въ мартѣ оно препроводило въ лучшій міръ 17 человѣкъ, а въ ноябрѣ того же года общее число закланныхъ ею „во славу Божію“ достигло уже почтенной цифры 289. Въ монастырѣ Св. Павла вскорѣ не оказалось достаточнаго помѣщенія, въ виду грандіозныхъ размѣровъ, до которыхъ развивалась дѣятельность религіознаго трибунала. Поэтому онъ долженъ былъ перемѣститься въ обширный замокъ Тріану, находившійся въ одномъ изъ предмѣстій Севиллы и получившій надпись „Sanctum inquisitionis officium“. Этотъ замокъ сдѣлался и остался самымъ надежнымъ оплотомъ испанской инквизиціи. Но уничтоженіе еретиковъ вовсе не было дѣломъ одного только главнаго города Андалузіи. Вездѣ въ провинціи учреждены были филліальные трибуналы, и дѣйствовали они съ такимъ рвеніемъ, что къ концу этого *одного* перваго года, по весьма достовѣрнымъ исчисленіямъ, на испанской почвѣ до 2,000 человѣкъ были сожжены живыми, а 17,000 „примирены“—т. е. осуждены къ вѣчному заключенію, къ гражданской смерти и другимъ наказаніямъ.

Это выраженіе: „примиренные“—для обозначенія такихъ осужденныхъ еретиковъ, которые не подвергались сожженію, но обреченныхъ гибели тѣмъ или другимъ путемъ—есть одно изъ остроумнѣйшихъ изобрѣтеній „религіи любви“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это сладко, какая кротость: „прощены“, „примирены“ съ любящею матерью церковью. Это точно сладкозвучный тонъ, мягкіе звуки золотой арфы, нѣчто въ родѣ граціознаго движенія когтей, когда кошка дѣлаетъ послѣдній скачекъ за подстереженной мышкой. „О, Вольфгангъ—восклицаетъ Шерръ, обращаясь по этому поводу къ Гете — великій и единственный поэтъ и министръ! Страшно-истинное слово произнесъ ты: „люди существуютъ только для того, чтобы мучить и убивать другъ друга; такъ оно было искони, такъ оно и теперь, такъ оно и будетъ во вѣки вѣчные“. Но ты долженъ былъ бы прибавить, что они слишкомъ трусливы и слишкомъ низки для того, чтобы открыто и свободно играть роль хищныхъ звѣрей, и слишкомъ часто похожи на ту свинью, которая,

съѣвши малютку, батистовымъ платкомъ вытирала себѣ сострадательныя слезы“.

Понятно, что одного еврейскаго мяса оказалось недостаточнымъ для пасти инквизиціоннаго дракона: и старымъ христіанамъ пришла очередь удовлетворять ежедневно разроставшійся аппетитъ неукротимаго чудовища. Священное Присутствіе распростерло свою всезахватывающую и неразрываемую желѣзную сѣть на всю Испанію и дѣйствовала съ такою неослабною тираніею, которая едва-ли когда либо и гдѣ либо могла повториться. Не физическое убійство было худшимъ его дѣломъ; еще болѣе возмутительна была нравственная смерть, убіеніе души. Если съ точностью хотятъ знать, *что* инквизиція причинила Испаніи, пусть посмотрятъ, что сталось съ испанскимъ геніемъ, въ его самыхъ блестящихъ представителяхъ. Раскройте „Донъ-Кихота“, и если у васъ есть уши, то вы тотчасъ услышите этотъ отчаянный смѣхъ безконечнаго горя, пожирающаго этого испанскаго Фауста. Или загляните въ драмы Лопеца и Кальдерона: не пламя-ли ауто-да-фе обвѣваютъ васъ и изрыгается изъ этихъ огнедышащихъ произведеній?!.....

Но неужели испанцы такъ таки, безъ всякаго возраженія, признали надъ собою тиранію „Священнаго Присутствія“? спроситъ, можетъ быть, читатель. Далеко нѣтъ. Они сначала даже очень энергически сопротивлялись учрежденію этого спасающаго института. Одного изъ самыхъ яростныхъ инквизиторовъ они даже публично убили во время священнодѣйствія въ Сарагосскомъ соборѣ, въ 1485 году. Но они дорого поплатились за это. 200 человѣкъ были казнены и еще большее число были „примирены“, т. е. погибли въ подземельяхъ инквизиціонной тюрьмы. Убитый же инквизиторъ Донъ-Педро Арбуэсъ і-Епила только очень недавно удостоился награды за свое мученичество, именно лишь во второй половинѣ нашего вѣка онъ былъ торжественно канонизованъ Піемъ IX и формальнымъ образомъ причисленъ къ лику святыхъ.

Но когда Торквемада назначенъ былъ великимъ инквизиторомъ, сопротивленіе испанцевъ, если не вдругъ, то мало по малу

стало ослабѣвать. Демоническая энергія этого человѣка съумѣла уничтожить всѣ препятствія, мѣшавшія распространенію силы инквизиціи. Онъ дѣйствовалъ методически, онъ организовалъ фанатизмъ и привелъ жестокость въ опредѣленную систему. Французскіе террористы куда отъ него отстали! Въ 1484 году онъ созвалъ въ Севиллѣ генеральное собраніе инквизиторовъ и посредствомъ этого собранія декретировалъ 28 статей „Инструкціи“ Священнаго Присутствія. Онъ до такой степени съумѣлъ внушить своимъ испанцамъ торквемадское христіанство, что они въ огромномъ большинствѣ также проникнулись инквизиторскими тенденціями. Презрѣніе и страхъ, съ которыми испанцы сначала смотрѣли на Священное Присутствіе, какъ на страшное несчастіе для страны, превратились въ почитаніе и обожаніе. Дошло до того, что инквизиція сдѣлалась предметомъ національной гордости испанцевъ. Потомки самыхъ благородныхъ семействъ стали считать для себя честью служить „фамильярами“ Священнаго Присутствія. Короли и королевы, инфанты и инфантины присутствовали при „религіозныхъ актахъ“ инквизиціи и съ благочестивымъ умиленіемъ вдыхали въ себя запахъ сожигаемаго еретическаго мяса. Инквизиція опредѣляла и регулировала все не только въ религіозномъ бытѣ, но и въ государственной и частной жизни, въ сферахъ интеллектуальной и соціальной. Въ теченіи двухъ вѣковъ она была не только господствующимъ центромъ Испаніи — нѣтъ, въ ней олицетворялась сама Испанія.

„Страшная сила любви“ (dira vis amoris), о которой поетъ одна средневѣковая церковная пѣснь, направляла и регулировала всю дѣятельность инквизиціи. Торквемада наложилъ на нее неизгладимую печать своего мрачнаго жестокосердія съ такою силою, что его единомышленнику и преемнику въ должности великаго инквизитора почти уже ничего не оставалось дѣлать для усовершенствованія Священнаго Присутствія. Кто разъ былъ захваченъ механизмомъ этой машины, тотъ уже погибъ навѣки. Образъ дѣйствій инквизиціи съ начала до конца былъ покрытъ непроницае-

мымъ мракомъ, былъ ужасный, убійственный. Обвиняемый и заарестованный съ первой минуты былъ обреченъ одиночеству и чудовищной силѣ, которая своими желѣзными руками не только уничтожала жизнь, но и не задумывалась осквернять величіе смерти, вытаскивая изъ могилъ бренные останки заподозрѣнныхъ въ еретизмѣ, которые избѣгли ея палачей при жизни, и бросая ихъ на пылающій костеръ.

Къ этимъ страшнымъ мукамъ, которыя уже сами по себѣ въ состояніи довести человѣка до сумашествія и самоубійства, присоединяли еще придуманныя Священнымъ Присутствіемъ пытки, для того, чтобы вынудить у обвиняемаго признаніе въ еретичествѣ. Въ подземныхъ застѣнкахъ инквизиціи доведены были до совершенства три рода пытки: веревкой, водой и огнемъ, которые слѣдовали другъ за другомъ. Нужно быть католическимъ священникомъ Торквемадскаго пошиба, чтобы быть въ состояніи описывать эти омерзительныя процедуры. Надо было обладать сверхъестественною силой воли, чтобы выдержать эти страшныя мученія и не высказать всего того, чего только ни требовала инквизиція. И при всемъ томъ тысячи людей геройски переносили эти ужасныя муки, и съ непоколибимой душой, среди невыразимыхъ мученій и судорожныхъ страданій твердо стояли на своемъ и не измѣняли своимъ убѣжденіямъ, будучи при этомъ увѣрены, что ихъ, какъ „совершенно неисправимыхъ“, живыми сожгутъ на кострѣ.

„Преклонитесь въ благоговѣніи предъ такимъ геройствомъ!— восклицаетъ Шерръ.—Высшаго геройства человѣчество не знаетъ“.

Защита, которую повидимому предоставляли обвиняемому, была просто насмѣшка. Религіозный трибуналъ выходилъ изъ того принципа, что всякій обвиняемый долженъ быть разсматриваемъ какъ виновный, пока онъ не докажетъ своей невинности. Но какъ же онъ могъ доказывать ее? Ему не сообщали ни имени того, кто его обвиняетъ, ни даже именъ свидѣтелей, подтверждающихъ показанія обвинителя. О томъ, чтобы обвинитель или свидѣтели были поставлены съ нимъ лицомъ къ лицу—объ этомъ не было и рѣчи.

Весь процессъ производился при страшной таинственности. Попавшій въ тюрьму Священнаго Присутствія разомъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ всего міра. Какъ сама инквизиція, такъ и всѣ ея должностныя лица до самаго послѣдняго сторожа были связаны страшною клятвой держать все происходящее въ безусловной тайнѣ. Ясно, такимъ образомъ, что обвиняемый былъ совершенно предоставленъ произволу судей, сирѣчь палачей своихъ. Но эти судьи были не только невѣжественные и фанатическіе монахи—для нихъ, кромѣ того, была прямая выгода осудить обвиняемаго—прямая выгода въ самомъ низкомъ — просто въ денежномъ — смыслѣ этого слова. Осужденіе за еретичество, какъ мы уже сказали, было сопряжено съ конфискаціей имущества, но конфискованыя имущества передавались въ государственную казну не раньше, какъ послѣ отчисленія изъ нихъ значительной части на судебныя издержки и на постоянныя сверхсмѣтныя вознагражденія высоко чтимыхъ господъ инквизиторовъ. При всемъ уваженіи къ „dira vis amoris“, силѣ фанатическаго и религіознаго тупоумія, все таки нельзя будетъ не признать, что тысячи испанскихъ еретиковъ были осуждены по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ, какъ увѣряютъ истинные знатоки исторіи процессовъ противъ колдовства, осуждены были и тысячи нѣмецкихъ колдуньей, т. е. по причинамъ самаго низкаго любостяжанія.

Всю свою силу и великолѣпіе священная инквизиція развертывала при ауто-да-фе, при религіозныхъ актахъ, какъ съ возмутительнымъ ханжествомъ называла католическая церковь эти казни en masse. Эти омерзительныя торжества, на которыхъ сожигалось живое человѣческое мясо, долгое время были самыми высшими національными праздниками въ Испаніи. Были большіе и малые, обыкновенные и чрезвычайные ауто-да-фе. Первые происходили ежегодно въ извѣстные, опредѣленные дни, послѣдніе же съ своими многочисленными чаловѣческими жертвоприношеніями сберегались для особенно торжественныхъ или особенно радостныхъ моментовъ и случаевъ. По случаю коронацій, королевскихъ свадебъ, рожденій ин-

фантовъ или инфантинъ пылали многочисленные костры большихъ „религіозныхъ актовъ“.

Одинъ изъ достойнѣйшихъ ревнителей царствія небеснаго, католическій патеръ Парамо написалъ въ 1598 г. сочиненіе, въ которомъ онъ съ большею эрудиціей и еще большимъ остроуміемъ трактуетъ о происхожденіи и развитіи Священнаго Присутствія. Въ этомъ знаменитомъ твореніи, озаглавленномъ: „De origine et progressu officii sanctae inquisitionis“, между прочимъ доказывается, что инквизиція получила свое начало еще въ раю, что первый инквизиторъ былъ самъ Богъ-Отецъ, а изгнаніе Адама и Евы былъ первый приговоръ, произнесенный надъ еретичествомъ. Адамъ и Ева были, безъ сомнѣнія, первые „примиренные“ еретики, кожанная одежда ихъ—первообразъ „Санъ-бенито,“ а ихъ изгнаніе изъ Эдема—тоже, что конфискація инквизиціей имущества еретиковъ. Не менѣе геніально увѣреніе Парамо, что развитіе инквизиціи можно прослѣдить по всему Ветхому и Новому Завѣту. Авраамъ Исаакъ и Іаковъ, затѣмъ Моисей, Самуилъ и Давидъ, далѣе Іоаннъ Креститель, самъ Іисусъ, равно какъ и нѣкоторые его апостолы—были инквизиторами, и несомнѣнными признаками ауто-да-фе отличается тотъ разсказъ въ Новомъ Завѣтѣ, гдѣ говорится, что апостолы Іоаннъ и Яковъ призвали съ неба огонь на ту самаританскую деревню, которая не хотѣла дать доступъ ихъ Учителю. И такъ какъ самаритане были еретики того времени, то отсюда ясно, что еретики вообще должны быть уничтожаемы посредствомъ огня — и если кто нибудь не соглашается съ этимъ способомъ доказательствъ и ихъ выводами тотъ—„да будетъ проклятъ“.

Испанскіе города имѣли всегда достаточно времени приготовиться къ зрѣлищамъ, которыя предоставлялись имъ человѣческими жертвоприношеніями инквизиціи. За мѣсяцъ до совершенія такого великаго „религіознаго акта“ большой штандартъ инквизиціи переносился изъ дворца ея на главную площадь, гдѣ долженъ былъ происходить ауто-да-фе. Весь персоналъ „священнаго трибунала“ слѣдовалъ торжественной процессіей за штандартомъ, и при звукахъ трубъ и барабановъ оповѣщаемы были день и часъ предстоящаго поучительнаго зрѣлища.

Затѣмъ приступали къ приготовленіямъ. Если ауто-да-фе происходилъ въ королевской резиденціи, то деревянный инквизиціонный театръ устраивался обыкновенно насупротивъ главнаго балкона королевскаго дворца, или же такъ, что эстрада, предназначенная для избранной публики, прислонялась одной стороной къ стѣнѣ королевскаго дворца и выходила амфитеатромъ на свободную площадь. Замѣчательно, что покрытое балдахиномъ мѣсто, предназначенное для великаго инквизитора, всегда непремѣнно возвышалось надъ этимъ амфитеатромъ и было въ тоже время гораздо выше того, которое занималъ король. Площадь, полуокруженная двумя крыльями амфитеатра, назначалась для осужденныхъ и для прелатовъ и чиновниковъ, функціонировавшихъ при произнесеніи приговоровъ. Тутъ былъ устроенъ алтарь; затѣмъ тутъ же возвышалась каѳедра для проповѣдника и пультъ для того, кто читалъ сентенціи суда. Насупротивъ этого пульта устроены были двѣ деревянныя клѣтки, куда помѣщались несчастные, которымъ читали приговоры.

Въ день, назначенный для „религіознаго акта“, мѣста для избранной публики уже очень рано наполнялись зрителями. Королевская фамилія обыкновенно уже въ 7 часовъ утра находилась въ своей ложѣ. Часомъ позже открывались главныя ворота дворца инквизиціи, и торжественная процессія, окруженная многочисленною набожною толпою, отправлялась на мѣсто дѣйствія. Во главѣ процессіи маршировали сто вооруженныхъ пиками и ружьями угольщиковъ, гильдія которыхъ пользовалась привилегіей доставлять матеріалъ для костровъ. За ними слѣдовали всѣ доминиканцы города и окрестностей, имѣя за собою главный штандартъ „Священнаго Присутствія.“ Онъ былъ сдѣланъ изъ краснаго дама; на одной сторонѣ его былъ изображенъ гербъ Испаніи, а на другой—обнаженный мечъ. Драгоцѣнная привилегія носить этотъ штандартъ принадлежала герцогской фамиліи Медина-Целли. За штандар-

томъ слѣдовалъ длинный цугъ осужденныхъ, распредѣленный по ожидавшимъ ихъ карамъ, всѣ съ желтыми восковыми свѣчами въ рукахъ и одѣтые въ мѣшкообразныя блузы изъ грубой шерсти, названныя „Санъ-бенито“. Приговоренные къ не столь тяжкимъ наказаніямъ, къ денежномъ штрафамъ, или заключенію въ тюрьмѣ, шли впереди съ непокрытой головой и босыми ногами, съ большими желтыми андреевскими крестами на груди и на спинѣ ихъ санъ-бенито. За ними слѣдовали тѣ, которые были осуждены къ тѣлесному наказанію, къ пожизненному заключенію или галерамъ, за ними далѣе—тѣ, которые уже послѣ произнесенія приговора обнаружили раскаяніе и тѣмъ избѣгли участи быть сожженными живыми и осуждены были „лишь“ къ смерти посредствомъ веревки. Ихъ санъ-бенито былъ испещренъ чертовыми главами и пламенемъ ада, точно также ихъ кароца т. е. высокая трехфутовая шапка изъ бумажной папки. Слѣдовали за тѣмъ еле живые архиеретики, т. е. тѣ, которые остались непоколебимыми, а также и отпавшіе, т. е. тѣ, у которыхъ страшными мученіями пытки вынуждены были нѣкоторыя „признанія“, но которые затѣмъ взяли ихъ обратно. Ихъ санъ-бенито и шапки испещрены какъ и у тѣхъ, которые были осуждены „лишь“ къ веревкѣ, съ тою только разницей, что у нихъ огненные языки были нарисованы поднимающимися кверху, между тѣмъ какъ у „помилованныхъ къ веревкѣ“ они склонялись внизъ. Нѣкоторые изъ архиеретиковъ носили намордники для того, чтобы помѣшать имъ нарушать торжественность ауто-да-фе своими богопротивными рѣчами. Все было предусмотрѣно, все было принято во вниманіе, чтобы какъ нибудь не случилось скандала, чтобъ какой нибудь проклятый архиеретикъ не вздумалъ извергнуть отчаянный крикъ къ солнцу: „И все это ты можешь видѣть и не ослѣпнуть?“ — За архиеретиками, осужденными къ сожженію живьемъ, носили деревянные гробообразные ящики. Въ нихъ заключались трупы тѣхъ, которые умерли въ промежутокъ времени между произнесеніемъ приговора и приведеніемъ его въ исполненіе, а также вырытыя изъ могилы тѣла тѣхъ,

которые уже послѣ смерти были заподозрѣны и обвинены въ еретичествѣ: католическая церковь во что бы то не стало и мертвымъ хотѣла оказать свою горячую любовь... Генеральный совѣтъ инквизиціи замыкалъ шествіе. Инквизиторы ѣхали верхами въ своемъ орнатѣ, окруженные одѣтыми въ черное добровольными служителями инквизиціи—фамильярами, принадлежавшими къ цвѣту испанской аристократіи. Послѣднимъ былъ великій инквизиторъ въ фіолетовомъ таларѣ, окруженный своей вооруженною лейбъ-гвардіею.

По прибытіи процессіи на мѣсто дѣйствія, когда всѣ уже находились на своихъ мѣстахъ, священникъ подходилъ къ алтарю и начиналъ служить обѣдню. Когда онъ доходилъ до „Евангелистовъ“ наступала интермедія. Служившій обѣдню священникъ пріостанавливался, и великій инквизиторъ, которому одѣвали стихарь и митру, отправлялся въ королевскую ложу, чтобы принять отъ короля обычную при ауто-да-фе присягу. Этой присягой король обязывался высоко держать знамя единоспасающей котолической вѣры, уничтожать еретичество и поддерживать священную инквизицію въ ея спасительной дѣятельности. Король произносилъ присягу, вдохновенные ею зрители повторяли ее за нимъ и за тѣмъ одинъ изъ доминиканцевъ всходилъ на каѳедру и произносилъ проповѣдь противъ еретичества, метая противъ послѣдняго громы и молніи и заключая такимъ пламеннымъ гимномъ во славу „Священнаго Присутствія“, что зрители уже заранѣе предвкушали пріятное зрѣлище зажженныхъ костровъ и запахъ горящаго живьемъ человѣческаго мяса.

Затѣмъ заканчивалась обѣдня и начиналось чтеніе приговоровъ, при чемъ осужденные запирались въ описанныя выше клѣтки.

Этимъ заканчивалась вдохновляющая часть „религіознаго акта“, а затѣмъ начиналась часть ужасающая, предъ которою однако благочестивые испанскіе христіане нисколько не ужасались, а напротивъ, она какъ будто доставляла имъ какое-то особенное удовольствіе. По знаку, данному великимъ инквизиторомъ, фамильяры давали знать толпѣ, чтобы она открыла свой кругъ. Когда толпа разступа-

лась, то появлялось столько костровъ, сколько было осужденныхъ къ сожженію еретиковъ. Тѣхъ, которые не были приговорены къ смерти, отдѣляли и отправляли назадъ въ инквизиціонную тюрьму. Тѣхъ же, которые подлежали сожженію, фамильяры подводили къ кострамъ и передавали „свѣтской рукѣ". „Ite in pace!"—говоритъ Шерръ. Наши нервы обонянія не на столько благочестиво организованы, чтобы вкушать единоспасающій запахъ сожигаемыхъ человѣческихъ жертвъ".

Иногда самъ великій инквизиторъ, послѣ прочтенія приговоровъ, торжественно и формально передавалъ осужденныхъ къ сожженію коррегидору города для исполненія надъ ними приговора, и всегда присовокуплялъ слова: „Поступайте съ ними со всею любовью и милосердіемъ!", между тѣмъ какъ „свѣтской рукѣ" ничего не оставалось дѣлать, какъ только тотчасъ же привести въ исполненіе приговоры инквизиціи. Нѣжная мать „Ecclesia" всегда и вездѣ имѣла на готовѣ „mel in ore, venenum in corde".

Два особенно блестящихъ и торжественныхъ ауто-да-фе имѣли мѣсто въ Валладолидѣ въ царствованіе Филиппа Второго и описаны его біографомъ и панегиристомъ Кабророй. Нѣмецкая реформація стала въ то время проникать въ Испанію, и Филиппъ, вернувшись изъ Нидерландовъ, рѣшился искоренить въ своей Испаніи всякіе слѣды не только „новыхъ" христіанъ изъ евреевъ и морисковъ, но и старыхъ, склонявшихся къ протестантизму. Инквизиція напрягала всѣ свои силы. 21 мая 1559 года совершился въ Валладолидѣ торжественный религіозный актъ, на которомъ присутствовала регентша донна Жуанна, сестра Филиппа, молодой инфантъ Донъ-Карлосъ, масса грандовъ, прелатовъ и дворъ во всемъ своемъ блескѣ. Четырнадцать протестантовъ были сожжены и шестнадцать „примирены". Въ числѣ осужденныхъ была уже умершая, богатая, добродѣтельная и всѣми высокоуважаемая донна Леонора де-Виберо. Священное Присутствіе пришло къ убѣжденію, что она умерла тайною протестанткою. Ея имущество было конфисковано, ея тѣло вырыто изъ могилы и сожжено на кострѣ, ея домъ былъ сравненъ

съ землею и на его мѣсто воздвигнута позорная статуя, которая лишь въ 1809 году была разрушена французами... Еще болѣе велелѣпный религіозный актъ происходилъ въ Валладолидѣ же въ томъ же году, именно 8 октября, по случаю благополучнаго возвращенія Филиппа на родину. Весь дворъ былъ въ парадной формѣ. Въ ложѣ короля находились его сынъ Карлосъ, его племянникъ Александръ Фарнезе, всѣ высшіе сановники государства, двора и церкви и множество дамъ. Великій инквизиторъ донъ Гернандо де-Вальдесъ, кардиналъ архіепископъ Севильскій, принялъ отъ короля присягу, которую Филиппъ произнесъ съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, желая этимъ еще выразительнѣе заявить свое рвеніе католической церкви. Избранными жертвами этой трагедіи были Донъ-Жуанъ Санхецъ, происходившій изъ высокоаристократической фамиліи, доминиканскій монахъ Фра Доминго де-Рожасъ и прославившійся на высокихъ гражданскихъ и военныхъ постахъ Донъ-Карлосъ де-Сезо. Эти три лютеранина оставались непоколебимыми въ своей вѣрѣ и потому были приговорены къ сожженію живьемъ. Девять другихъ, въ томъ числѣ два священника и пять монахинь, въ виду костровъ „признали" свое заблужденіе, вслѣдствіе чего ихъ „лишь" гаротировали и потомъ предали огню. Вырытое изъ могилы тѣло монахини донны Жуанны Санхецъ, тоже было предано сожженію. Но тутъ случилось слѣдующее памятное событіе. Когда Донъ-Карлосъ де-Сезо на своемъ пути къ ожидавшему его костру приблизился къ балкону, съ котораго король смотрѣлъ на это спасительное зрѣлище, то этотъ гордый еретикъ закричалъ ему: „Какъ можете вы допустить, чтобы меня сожгли, и еще смотрѣть какъ меня сожигаютъ?"—на что Филиппъ Второй ему отвѣтилъ: „Я бы самъ поднесъ хворостъ для костра, чтобы сжечь моего собственнаго сына, если бы онъ былъ такой проклятый еретикъ, какъ ты!" Вѣроятно покойный Пій IX не зналъ объ этой сценѣ и этомъ отвѣтѣ. Иначе было бы совершенно непонятно, почему этотъ благочестивый король не былъ причисленъ къ лику святыхъ вмѣстѣ съ благочестивымъ инквизиторомъ Арбуэсъ.

Остановимся еще на одномъ праздникѣ, происходившемъ уже въ послѣдней четверти XVII столѣтія, на которомъ исключительно фигурировали евреи.

Разслабленный Карлъ II девятнадцати лѣтъ сдѣлался королемъ Испаніи и тотчасъ же вступилъ въ бракъ съ французской принцессой, съ милою, любезною и остроумною Маріей Луизой Бурбонскою, дочерью Филиппа Орлеанскаго. Празднествамъ по случаю свадьбы не было конца. Все было пущено въ ходъ, чтобы молодой королевѣ сдѣлать пріятнымъ ея пребываніе въ новой резиденціи. Театры и зрѣлища, придворные балы и турниры устроивались въ честь нововобрачной и всякія другія удовольствія, какія только можно было придумать.

Религія также должна была принять участіе въ чествованіи молодой королевы. И она также, въ лицѣ священной инквизиціи, должна была устроить какое нибудь торжество, конечно совершенно особаго характера...

Какъ ни низко пала тогда Испанская монархія, но зданіе католицизма стояло крѣпко и непоколебимо, и священная инквизиція не только ничего не потеряла въ своей ужасающей силѣ и могуществѣ, но, напротивъ, еще болѣе окрѣпла, по мѣрѣ того какъ усиливались бѣдствія и нищета. Карлъ пожелалъ устроить церковное празднество, чтобы выказать свою преданность святой вѣрѣ и явиться дойстойнымъ преемникомъ своихъ, упоенныхъ страстью къ сжиганію и мученію, предковъ—достойнымъ внукомъ Изабеллы и Филиппа II. Въ сущности Карлъ хотѣлъ только конфискаціи; онъ хотѣлъ пополнить свою пустую казну имуществомъ сожженныхъ и казненныхъ за невѣріе евреевъ и юдѣйствующихъ. Это и ничто иное было его единственнымъ желаніемъ и стремленіемъ, которое искренно раздѣляла съ нимъ его почтенная соучастница—инквизиція. Финансовыя соображенія скрывались здѣсь подъ мантіей религіознаго рвенія—и жертвами явились исключительно евреи...

Совершенно особенныя мысли приходятъ въ голову, когда бросаешь взглядъ на длинный рядъ испанскихъ празднествъ, на эти, по выраженію одного современнаго философа, совершенныя на Пиренейскомъ полуостровѣ во имя христіанства неслыханныя варварства, жертвами которыхъ постоянно видишь только евреевъ. Тысячами отпрыски еврейской расы бросаемы были на пылающіе костры со времени введенія инквизиціи; двѣсти слишкомъ лѣтъ испанскій адъ питался еврейскою кровью, а его служители—еврейскимъ золотомъ, а это проклятое племя все еще не было уничтожено. Чему тутъ больше удивляться: полипообразной-ли живучести евреевъ, присущей крови евреевъ, или всосанной съ молокомъ матери любви къ религіи предковъ? Испано-португальскіе евреи навсегда останутся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и загадочнѣйшихъ явленій новой исторіи. Настоящій еврейскій духъ не вымеръ даже у тѣхъ, которые знали о своемъ іудействѣ только то, что они въ немъ родились и что ихъ предки были евреи. Вѣрные своему древнему обѣту, они и на кострѣ хотѣли показать свое постоянство и готовность жертвовать собою и умереть, какъ отпрыски благороднаго еврейскаго рода.

Карлъ II празднества въ честь своей любезной супруги хотѣлъ заключить торжественнымъ жертвоприношеніемъ евреевъ. Вѣдь точно также поступали и его предки. Они устраивали такіе-же праздники въ честь своихъ французскихъ принцессъ. Въ 1560 г. городъ Толедо отпраздновалъ свадьбу молодой дочери Генриха II посредствомъ ауто-да-фе, а 4 іюля 1632, по случаю разрѣшенія отъ бремени Елизаветы Бурбонской, въ Мадридѣ сожгли на кострахъ еврейскихъ мучениковъ. Съ этого времени мадридская публика не имѣла подобнаго праздника; впродолженіи 48 лѣтъ инквизиціонные костры не пылали на площадяхъ испанской столицы и вопли евреевъ не раздавались тамъ до небесъ. Тѣмъ блистательнѣе былъ праздникъ 30 іюня 1680 г. *

* Описаніе этого праздника, заимствованное нами у Кайзерлинга, сдѣлано по офиціальной реляціи объ этомъ ауто-да-фе, составленной алкадомъ и фамильяромъ инквизиціоннаго трибунала Іосифомъ дель-Олмо и озаглавленной:

Какъ только король выразилъ желаніе, чтобы праздникъ происходилъ не въ Толедо, какъ предполагали великіе инквизиторы, а въ самой резиденціи,—немедленно было приступлено къ необходимымъ приготовленіямъ. Инквизиція немедленно подняла свой флагъ, свой „Estandarte de la Cruz verde“. Назначены были различныя коммиссіи; дали знать всѣмъ инквизиціоннымъ трибуналамъ въ государствѣ и въ особенности Толедскому трибуналу предложили держать на готовѣ своихъ преступниковъ, и представить ихъ заблаговременно, дабы ни въ чемъ не было недостатка. Всѣмъ министрамъ и посламъ иностранныхъ дворовъ посланы были приглашенія непремѣнно явиться въ резиденцію къ предстоящему торжеству.

Для самаго торжества назначенъ былъ день Св. Павла, а за мѣсяцъ до этого, именно въ Вознесенье, въ четвергъ 30 мая, мадридская публика была публично оповѣщена объ этомъ праздникѣ. Уже одно оповѣщеніе было праздникомъ. Но выборъ дня оповѣщенія былъ не удаченъ. Инквизиторы хотѣли этимъ почтить день смерти и память Фердинанда Святаго; но они забыли, что храбрый императоръ, завоеватель Севиллы, дѣятель варварскихъ среднихъ вѣковъ, ни въ какомъ случаѣ не участвовалъ бы въ упоительномъ возгласѣ поэтическаго новаго времени: „раздувайте пламя для евреевъ!“— При Фердинандѣ Св. евреи жили въ мирѣ и спокойствіи и даже сами устраивали праздники въ честь своего монарха. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы почтить, инквизиторы обезчестили память императора публикаціей о сожженіи евреевъ.

Самое оповѣщеніе совершилось слѣдующимъ образомъ. Въ три часа по полудни богато украшенный золотомъ флагъ инквизиціи былъ поднятъ надъ дворцомъ великаго инквизитора. Всѣ служители трибунала, такъ называемые фамильяры Священнаго Присутствія, и члены всѣхъ коммисій были въ сборѣ; улицы были переполнены

„*Relacion Historica del Auto general de fe, que se celebro en Madrid en presencia de sus Mg-des el dia 30 Junio de 1680*. Dedicado al Rey N. S. Carlos Seg-do, gran Monarcha de Espana y del nuevo Mundo, que Dios guarde. Por *Joseph del Olmo*, Alcayde y Familiar del Santo Officio etc. Madrid, Roque Rico de Miranda, 1680.

народомъ. Въ пять часовъ показалась конница, состоявшая изъ однихъ только духовныхъ лицъ, числомъ 150, на пестро украшенныхъ лошадяхъ, блиставшая шелкомъ, брилліантовыми крестами и искрившимися драгоцѣнными камнями, съ своимъ начальникомъ во главѣ, съ своимъ знаменемъ, носимымъ достойнѣйшимъ изъ нихъ; по срединѣ подвигалась процессія, представляя великолѣпную картину могущества и богатства священнаго трибунала—говоритъ офиціальный хроникеръ этого торжества, упомянутый выше Іосифъ-дель-Олмо. Къ этой процессіи на пути примкнули чиновники, секретари ихъ величествъ и многіе знаменитые рыцари, одни верхомъ на лошадяхъ, другіе на мулахъ. На главныхъ площадяхъ города процессія останавливалась и провозглашала: „Да будетъ извѣстно всѣмъ гражданамъ и жителямъ королевской резиденціи, что инквизиціонный трибуналъ 30 іюня текущаго года будетъ праздновать ауто-да-фе на большой площади города, пусть всѣ это себѣ замѣтятъ“. Предъ дворцомъ королевы-матери и короля процессія также остановилась. Ихъ величества показались на балконѣ, и громкимъ „Viva la Fe!“ толпа выразила имъ свою радость. Процессія въ замѣчательномъ порядкѣ возвратилась во дворецъ инквизиціи, и знамя опять развѣвалось съ высокаго балкона.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня начались приготовленія на главной площади Мадрида. Шестнадцать мастеровъ должны были выставить всѣхъ своихъ подмастерьевъ. Религіозное рвеніе воодушевляло рабочихъ: въ четыре недѣли были готовы громадныя и роскошныя зданія; весь городъ былъ пораженъ ихъ величиной,—это былъ театръ, на которомъ евреи должны были играть главную роль. Балконъ слѣдовалъ за балкономъ, драгоцѣннѣйшіе ковры красовались изъ ложъ ихъ королевскихъ величествъ—и все было приготовлено къ празднеству и великолѣпно убрано.

Наконецъ насталъ роковой день.

Но къ чему говорить о дальнѣйшихъ приготовленіяхъ? Къ чему упоминать о герцогахъ, графахъ и маркизахъ, которые, въ надеждѣ попасть въ небо, поступили пока на службу инквизиціи?

Къ чему вспоминать о большой компаніи, образовавшейся съ спеціальною цѣлью слѣдить за порядкомъ и спокойствіемъ на этомъ празднествѣ? Появилась же въ голодавшемъ Мадридѣ такая пышность, какую едвали тамъ видѣли когда-либо раньше. Мы будемъ говорить о „вѣнцѣ этого праздника“, о „славѣ суда“ и о „гордомъ величіи вѣры“,—какъ выражается дель-Олмо—или о тѣхъ „гордыхъ герояхъ еврейской націи и благородныхъ охранителяхъ еврейскаго духа“—какъ выражается Кайзерлингъ—которые охотно проливали свою кровь за свои сокровенныя, непоколебимыя убѣжденія.

Наканунѣ торжества, въ исходѣ субботы, жертвы предназназначенныя для завтрашнихъ костровъ, незадолго предъ тѣмъ привезенныя въ столицу со всѣхъ концовъ королевства, были отдѣлены другъ отъ друга и опять брошены въ подземелья. Не дали матери обнять въ послѣдній разъ любимое дитя, брату—обнять нѣжную сестру, мужу—прижать еще разъ къ сердцу обожаемую жену. Ихъ лишили даже послѣдняго утѣшенія—возможности сказать другъ другу послѣднее „прости“. Послѣ того какъ имъ поднесли послѣдній ужинъ въ десятомъ часу ночи, старшій инквизиторъ прочелъ каждому слѣдующую краткую сентенцію трибунала: „Братъ (сестра), приговоръ надъ тобой произнесенъ; твое преступленіе велико и должно быть наказано; ты долженъ завтра умереть; а для того, чтобы ты могъ умереть—вотъ тебѣ духовникъ“...

30-го іюня, на разсвѣтѣ, арестантамъ надѣли платье, которое они должны были носить идя къ мѣсту казни. Въ шесть часовъ процессія двинулась изъ дворца инквизиціи. Тысячи людей уже толпились на „Plaça major“, самой большой, избранной для этаго празднества, мадридской площади; со всѣхъ концовъ монархіи стеклись любители, чтобы присутствовать при этомъ чудесномъ зрѣлищѣ. Необозримая толпа стояла во всѣхъ улицахъ, по которымъ должна была пройдти процессія. Король, королева, матъ короля, придворныя дамы, графы и герцоги, послы иностранныхъ дворовъ, всѣ знатнѣйшіе граждане и представители корпорацій явились въ

изысканныхъ нарядахъ и уже очень рано заняли назначенныя для нихъ мѣста.

Яркій свѣтъ факеловъ, однообразный звукъ колоколовъ и хоръ священниковъ возвѣстили приближеніе процессіи.

Сто вооруженныхъ пиками и мушкетами угольщиковъ, согласно ихъ старинной привиллегіи, открыли шествіе. Затѣмъ слѣдовали доминиканцы, покрытые черными мантіями, и герцогъ Медина-Сели съ флагомъ священнаго трибунала въ рукахъ; два фамильяра изъ первостепеннаго дворянства держали концы флага, а шнурки—два доминиканца. Сзади тихими шагами шелъ старый священникъ съ зеленымъ крестомъ (Cruz verde), покрытымъ черною матеріей.

Вдругъ раздалось громкое: „Viva la Fe“. Толпа увидѣла носимые палачами портреты 34-хъ умершихъ въ тюрьмѣ и спасшихся бѣгствомъ евреевъ, имена которыхъ были обозначены большими буквами; по бокамъ шли доминиканцы съ маленькими гробами, въ которыхъ находились вырытыя кости и останки „преступныхъ“ покойниковъ.

Затѣмъ показались 54 „Reos judicantes con sambenito“—„раскаявшіеся“ евреи въ разрисованныхъ огненными фигурами длинныхъ одеждахъ; у нихъ во время пытки вырвали обѣщаніе посѣщать церковь и не исполнять еврейскихъ обрядовъ. Ихъ высокія шапки и одежды были испещрены крестами и змѣями, и каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ зажженную восковую свѣчу.

Наконецъ приблизились и тѣ, которые въ послѣдній разъ привѣтствовали прекрасный солнечный свѣтъ *. Восемьнадцать евреевъ за свою вѣру и убѣжденія рѣшились взойти на костеръ; восемьнадцать евреевъ рѣшились принять мученическую смерть и не захотѣли отречься отъ своего іудаизма — отъ поклоненія единому

* Одинъ изъ нихъ, который впродолженіи своего многолѣтняго заключенія ни разу не видѣлъ солнечнаго свѣта, теперь вновь увидя его на своемъ послѣднемъ пути, упоенный восторгомъ воскликнулъ: „Какъ можно, чтобы люди, видѣвшіе это прекрасное солнце, могли обожать что-либо кромѣ Того, Кто его создалъ“. Geddes At view of the Court of Inquisition, въ его Miscellaneous Tracts London, 1702) 410.

Богу. Съ поникшей головой, но съ веселымъ сердцемъ, они надѣли покаянное платье, справа и слѣва шли монахи, уговаривая одного, утѣшая другаго; они, по долгу службы, употребляли всѣ усилія, чтобы облегчить путь этимъ непоколебимымъ въ вѣрѣ евреямъ.

Ничего подобнаго Марія Луиза еще не видѣла. По обѣимъ сторонамъ королевской ложи стояли обреченные на жертву еврейскія дѣти; Марія Луиза слышала рыданія, до нея доходили стоны и плачь юныхъ сыновъ и дочерей, оторванныхъ отъ всего имъ дорогого на землѣ и приговоренныхъ къ смерти или пожизненному тюремному заключенію. Стоявшая близко около мѣста Маріи Луизы, семьнадцатилѣтняя очаровательная Франциска Негуейра осмѣлилась просить заступничества у молодой государыни. ,,Великодушная королева!" воскликнула она сердце раздирающимъ голосомъ,—,,неужели ваше королевское присутствіе не можетъ облегчить мое положеніе? Взгляните на мою молодость. Вѣдь дѣло идетъ о вѣрѣ, о религіи, которую я всосала вмѣстѣ съ молокомъ матери!" Королева бросила сострадательный взглядъ на эту удивительную красавицу. —,,Elle était d'une beauté merveilleuse", говоритъ m-me d'Aulnoy въ своихъ «Memoires de la cour d'Espagne». Глаза королевы наполнились слезами, которыя она однако быстро вытерла. Карлъ не долженъ былъ видѣть, что подруга его жизни еще имѣетъ сердце и чувство для еретиковъ...

Всеобщая тишина господствовала на большомъ амфитеатрѣ; слышались только стенанія евреевъ.

Пробило двѣнадцать часовъ. Великій инквизиторъ оставилъ свое мѣсто; два его помощника—одинъ изъ нихъ королевскій духовникъ—шли предъ нимъ съ зелеными крестами и евангеліями въ рукахъ; третій несъ черную книгу. Они приблизились съ поклонами къ королю, и великій инквизиторъ предложилъ ему — громкимъ и внятнымъ голосомъ прочесть написанную въ черной книгѣ присягу и поклясться въ томъ, что онъ, какъ католическій монархъ, какъ всехристіаннѣйшій король и достойный преемникъ Филиппа, будетъ преслѣдовать невѣрующихъ и еретиковъ безъ всякаго исключенія и различія и своею королевскою властью будетъ помогать и поддерживать священную инквизицію. ,,Клянусь своимъ королевскимъ достоинствомъ"! произнесъ Карлъ. Все собраніе— ,,рыцари, муниципалитетъ, добрые люди, граждане и жители благородной столицы, истинные и вѣрные приверженцы католической религіи и послушные сыны церкви" дали клятву ненавидѣть невѣрныхъ и еретиковъ и быть вполнѣ преданными «Santo Madre Iglesia Romana y al Santo Oficio de la Inquisicion». ,,Да поможетъ намъ Господь, Святое Евангеліе и крестъ, стоящіе предъ нами; да охранитъ Господь тѣло наше на этомъ свѣтѣ, а душу нашу на томъ свѣтѣ"—и многократное ,,Аминь", ,,Аминь!" раздалось со всѣхъ сторонъ.

Великій инквизиторъ возвратился на свое мѣсто, а придворный, извѣстный въ то время, проповѣдникъ его величества, Ѳома Наварро взошелъ на каѳедру, устроенную въ самомъ центрѣ амфитеатра. Его слова раздавались такъ громко, что были слышны и далеко стоявшимъ. Проповѣдь его продолжалась цѣлые часы. Послушаемъ изъ нея хоть слѣдующіе отрывки:

,,Мудрецъ сказалъ: ,,Duas gentes odivit anima mea, et tertia non est gens, quam oderim". Душа моя ненавидитъ два народа, а третій, который она ненавидитъ, не можетъ даже называться народомъ. Я питаю отвращеніе къ двумъ народамъ, а третій, котораго я больше всего ненавижу, не заслуживаетъ названія народа, потому что понятіе о народѣ заключаетъ въ себѣ и понятіе о человѣкѣ; они же безсмысленныя животныя, а не разумныя существа. Какіе же это три народа? Первый народъ — евреи, по объясненію Рабанусъ Мауруса; второй — языческіе филистимляне, которыхъ можно сравнить съ мусульманами; и послѣдній—самаритяне, на половину идолопоклонники, и на половину истинно-вѣрующіе, поклонники истиннаго Бога. Такъ и мудрецъ говоритъ: ,,Я презираю мечты и обряды евреевъ; я постоянно вижу ихъ лицемѣріе; противенъ мнѣ мусульманинъ; но больше всѣхъ наводятъ на меня ужасъ тѣ еретики, которые принимаютъ нѣкоторые пункты

моей вѣры и упорно и дерзко отрицаютъ остальные: «Exurge Domine, judica causam tuam!»" Эти слова служили ему текстомъ и часто повторяемымъ заключительнымъ предложеніемъ.

„Какіе же грѣшники суть наибольшіе враги Бога и больше достойны наказанія, чѣмъ послѣдователи Моисеева закона, невѣрные евреи? Ихъ надежда—одна слѣпота, ихъ терпѣніе — одна закоснѣлость, ихъ постоянство—упорство и упрямство".

Затѣмъ проповѣдникъ обратился къ осужденнымъ евреямъ, которые, надо думать, были слишкомъ серьезно настроены для того, чтобы обратить вниманіе на его слова, позорившія самое сокровенное святилище ихъ сердца.

„Что мнѣ вамъ сказать о мерзкомъ и богохульномъ вашемъ Талмудѣ?" съ паѳосомъ воскликнулъ ученый проповѣдникъ. Поневолѣ вспомнишь при этомъ прекрасныя слова тоже христіанскаго ученаго, Гильдемейстера: „Талмудъ ругали всѣхъ больше тѣ, которые всѣхъ меньше его понимали".—„Откройте глаза, потому что вы слѣпы и не видите вашего заблужденія... Вы презираемы Богомъ и людьми, вы Его величайшіе враги; за это вполнѣ заслуженно и во имя Бога караетъ васъ священный трибуналъ—Exurge Domine, judica causam tuam!"...

Да, о Господи, веди свою борьбу!—по всей вѣроятности лепетали также и тѣ несчастные, которыхъ жадность и изувѣрство обрекли на жертву и которымъ рѣчь эта была послѣднимъ прощальнымъ словомъ.

Часъ спасенія насталъ.

Великій инквизиторъ поднялъ свой жезлъ и „преступниковъ", одного за другимъ, повели на возвышенное мѣсто по срединѣ амфитеатра, чтобы выставить ихъ позоръ и прочесть имъ послѣднее рѣшеніе. На долю восторженнаго хроникера этого достопамятнаго торжества, уже упомянутаго выше Іосифа дель-Олмо, выпало славное и богоугодное дѣло вызвать поименно всѣхъ этихъ „закоснѣлыхъ злодѣевъ", или этихъ героевъ мученичества, которыхъ затѣмъ

служители инквизиціи и доминиканскіе монахи подводили къ позорному столбу...

Да, къ позорному столбу вели тѣхъ, которымъ скорѣе слѣдовало воздвигнуть монументальныя статуи, нерукотворный памятникъ съ золотою надписью: „Здѣсь покоятся мученики!.."

И кого только тутъ не было, среди этихъ 106 человѣкъ осужденныхъ, перечисленныхъ дель-Олмо! Едва распустившіеся цвѣтки женской красоты и покрытые сѣдинами старцы, мужчины, женщины, дѣти, люди всякаго возраста, отъ двѣнадцати и до семидесятилѣтняго, всякаго званія, сословія и состоянія, ремесленники, купцы, ученые, — инквизиція, видно, строго держалась принципа равноправности, даже по отношенію къ мертвымъ, которыхъ она, вмѣстѣ съ лицами, спасшимися отъ ея праведнаго суда, сожигала «in iffigie»

На этомъ ауто-да-фе сожжены были между прочимъ портреты двухъ спасшихся евреевъ, нѣкоего юноши Измаила, и отца его, еврейскаго раввина. Четыре года томились они въ инквизиціонной тюрьмѣ, но наконецъ Измаилу удалось спастись изъ нея. Онъ продѣлалъ въ своей конурѣ небольшое отверстіе, взобрался на вершину тюремной башни и при помощи веревки спустился по стѣнѣ. Измаилъ былъ спасенъ. Но онъ не могъ помириться съ мыслью, чтобы отецъ его остался въ темницѣ и погибъ отъ рукъ своихъ палачей. Это было незадолго до описываемаго мадридскаго праздника, который и они предназначены были прославить. Не смотря на ожидавшую его очевидную гибель, Измаилъ тѣмъ же путемъ черезъ башню вернулся назадъ въ инквизиціонную тюрьму, выпустилъ сперва отца, и потомъ спасся самъ. M-me d'Aulnoy, разсказывая объ этомъ подвигѣ, говоритъ, что онъ „digne d'être donné pour exemple aux chretiens dans un siècle où le coeur se revolte aisément contre les devoirs les plus indispensables de la nature".

— — — — — — — — —

Послѣдніе лучи солнца озаряли своимъ блескомъ торжественное зрѣлище. Наступилъ вечеръ, и весь хоръ патеровъ и монаховъ запѣлъ гимнъ: . .

Veni creator spiritus
Mentes tuorum visita,
Imple superna gratia,
Quae tu creasti pectora.

Accende lumen sensibus,
Infunde amorem cordibus,
Infima nostri corporis,
Virtute firmans perpeti.

Отслужили вечерню, и великій инквизиторъ, не смотря на всѣ его хлопоты въ теченіе цѣлаго дня, бодро пошелъ на встрѣчу своему монарху. Всѣхъ удивляло терпѣніе короля. Не смотря на невыносимую жару, онъ присутствовалъ на празднествѣ слишкомъ четырнадцать часовъ,—съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера, не давая себѣ даже и нѣсколькихъ минутъ отдыха. Онъ самъ исполнилъ священную обязанность: сынъ австрійской эрцгерцогини и супругъ французской принцессы, Карлъ, король Испаніи, 30-то іюня 1680 года собственноручно зажегъ костеръ, на которомъ евреи должны были превратиться въ пепелъ.

Весь городъ былъ ярко освѣщенъ; такая иллюминація давнымъ давно не видана была въ столицѣ Испаніи. Пламя костровъ поднималось къ небу, и при восторгѣ и радостныхъ кликахъ дикой толпы евреи взошли въ огонь, привѣтствуя этотъ послѣдній вечеръ какъ свое первое утро.

„Рѣшимость, съ которою эти евреи пошли на казнь — разсказываетъ M-me d'Aulnoy — возбудила всеобщее удивленіе: одни сами бросились въ огонь, другіе дали себѣ сперва сжечь руки, потомъ ноги, и все переносили съ такимъ спокойствіемъ, которое поразило даже короля и заставило его пожалѣть, что такія непоколебимыя души, люди съ такою энергіею, не хотятъ проникнуться свѣтомъ истинной вѣры“.... „Я не могла присутствовать, когда

ихъ сжигали — продолжаетъ мягкосердая француженка — потому что кромѣ того, что это было уже въ полночь.... я еще днемъ такъ поражена была горемъ, при видѣ осужденныхъ, что чувствовала себя совершенно больною. Но король долженъ былъ присутствовать при этомъ страшномъ зрѣлищѣ, такъ какъ дѣло шло о религіи, и его присутствіе должно было санкціонировать все, что творила инквизиція. Но не должно думать—говоритъ далѣе M-me d'Aulnoy — что этотъ ужасающій примѣръ могъ содѣйствовать обращенію евреевъ; это на нихъ нисколько не вліяло, и даже въ самомъ Мадридѣ находится значительное число евреевъ, которыхъ знаютъ за евреевъ, но которые состоятъ правительственными чиновниками по финансовому вѣдомству, и никто ихъ не безпокоитъ“.

Другая француженка, маркиза де-Вилларъ, въ письмѣ своемъ отъ 26 іюля 1680 г., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее по поводу этого поучительнаго празднества.

„У меня не хватило духу присутствовать при этомъ страшномъ избіеніи евреевъ; это было ужасающее зрѣлище, насколько я могу судить по переданнымъ мнѣ разсказамъ. Но во время производства суда необходимо было присутствовать, развѣ только врачъ засвидѣтельствуетъ, что ты находишься при смерти, иначе самому можно было попасть въ еретики. Находили уже очень дурнымъ и то, что я не особенно восхищалась тѣмъ, что тамъ происходило. Но тѣ жестокости, которымъ эти несчастныя подвергались предъ смертью, описать нѣтъ возможности“ *.

По поводу этого мученичества евреевъ, *М. І. Шлейденъ* приводитъ слѣдующія слова Гретца:

„Соберите въ одно, если можете, всѣ бѣдствія, причиненныя

---

* „Je n'ai pas en le courage d'assister à cette horrible exécution de Juifs. Ce fut un affreux spectacle, selon ce que j'en ai entendu dire; mais pour la semaine du jugement il fallut bien y être, à moins de bonnes attestations de médecins, d'être à l'extrémité, car autrement on eût passé pour hérétique. On trouva même très mauvais que je ne parusse pas mé divertir tout-à-fait de ce que s'y passait. Mais ce qu'on a vu exercer de cruautés à la mort de ces misérables, c'est ce qu'on ne vons peut écrire“. (*Lettres de la Marquise de Villars*, Amsterdam, 1760, p. 246).

какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ націямъ свѣтскимъ и духовнымъ деспотизмомъ съ ихъ служителями-палачами; измѣрьте, если это возможно, все то количество слезъ, которое пролито людьми объ исковерканномъ существованіи, о растоптанномъ счастіи, о неосуществленныхъ надеждахъ; — воскресите передъ вашими глазами тѣ пытки и мученья, которыми, къ благоговѣйному ужасу вѣрующихъ, напряженная фантазія наполнила тысячи религіозныхъ легендъ, — и вы все еще не получите ту сумму тяжелыхъ испытаній, которую въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій переносилъ безмолвно и съ умоляющими о пощадѣ глазами мученикъ-народъ. Точно всѣ сильные міра сего составили между собою заговоръ — *и это дѣйствительно такъ было* — съ цѣлью стереть еврейское племя съ лица земли или превратить его въ одичалую, дошедшую до животнаго состоянія толпу. Къ ранамъ, побоямъ, пинкамъ, кострамъ присоединилось еще оскорбительное издѣваніе. И тѣ самые люди, которые покрывали евреевъ стыдомъ и позоромъ, которые волочили ихъ по грязи, — тѣ самые люди признавали высокое происхожденіе этого народа, прославляли его прошедшее, ставили его пророковъ и боговдохновенныхъ дѣятелей на ряду со своими собственными святыми, пѣли въ своихъ храмахъ его пѣсни, почерпали свое утѣшеніе и свою усладу изъ его догматовъ, — но всѣ эти блага присвоивали себѣ такъ, какъ будто это было ихъ исконною, наслѣдственною собственностью. Они срывали вѣнецъ съ головы еврейскаго народа и надѣвали его на свою, дѣлая себя такимъ образомъ наслѣдниками еще живаго существа. Исторія не имѣетъ права умалчивать объ этихъ фактахъ, она, напротивъ того, обязана наглядно выставлять ихъ на показъ, — обязана не для того, чтобы вонзать жало въ грудь внуковъ несмѣтнаго количества забитыхъ и затравленныхъ жертвъ и подстрекать ихъ къ мщенью, но чтобы возбуждать сочувственное удивленіе къ великой мученической выносливости этого народа и доказывать фактами, что онъ, этотъ народъ, по примѣру своего прародителя, сражался съ богами и людьми и остался побѣдителемъ".

Самъ Шлейденъ, обозрѣвая мартирологію евреевъ, говоритъ слѣдующее:

„Такимъ образомъ евреи сдѣлались мало по малу жертвами убійства, сожжены, изгнаны. Тѣ, которые уцѣлѣли, видѣли, какъ безсмысленнѣйшими, грубѣйшими законами отнималась у нихъ собственность, запрещалось всякое честное добываніе насущнаго хлѣба, — мало того, какъ предоставлялась имъ исключительно самая грязная профессія — ростовщичество *. Несчастный, гонимый народъ стоялъ на общественной лѣстницѣ ниже нищихъ. На нихъ смотрѣли, съ ними обращались какъ съ нечистыми домашними животными, которыя должны были отыскивать себѣ пищу въ навозныхъ кучахъ, или же какъ съ хорошими дойными коровами, доставлявшими пищу, густошерстыми овцами, которыхъ можно было стричь для устройства себѣ теплыхъ одѣялъ, и которыхъ, въ видахъ благонадежнаго обезпеченія, запирали въ крѣпкіе, но въ тоже время грязные и душные хлѣва. Вотъ что сдѣлало изъ благороднаго народа христіанство съ его „всемірною любовью къ человѣческому роду"! Если теперь евреи возбуждаютъ отвращеніе въ столь многихъ христіанахъ, то эти послѣдніе никогда не должны забывать, что они сами, и только они — виновники этого состоянія физическаго и нравственнаго упадка. Христіанинъ относительно еврея въ настоящее время тоже самое, что человѣкъ стоящій передъ дымящимися развалинами того великолѣпнаго храма, который онъ зажегъ своею же собственною рукою! Если сохранилась въ немъ еще хоть капля нравственнаго чувства, то душа его не можетъ не наполняться раскаяніемъ и глубокимъ стыдомъ, и онъ долженъ употреблять всевозможныя средства для искупленія своихъ прежнихъ позорныхъ дѣяній.

„Пусть не думаютъ, что все, только что разсказанное мною **,

* Шлейденъ говоритъ это въ концѣ вышеприведенной статьи его „Die Romantik des Martyriums etc".

** Ср. помѣщенную выше статью *Э. К. Ватсона*: „Изъ средневѣковой жизни евреевъ".

представляетъ полную картину бѣдствій, претерпѣнныхъ евреями; для такого изображенія потребовались бы цѣлые томы, и притомъ мое перо отказывается останавливаться долѣе на подобныхъ гнусностяхъ. Сотни, многія сотни тысячъ утучнили своею кровью европейскую почву, сотни тысячъ герейскимъ самопожертвованіемъ перенесли чистѣйшее мученичество за свою чистую вѣру въ Бога. Исторія страданія евреевъ подъ гнетомъ христіанъ еще не кончилась, но все болѣе и болѣе распространяющаяся цивилизація охватываетъ одинъ народъ за другимъ и заставляетъ ихъ стыдиться самихъ себя и постепенно возвращать евреямъ такъ насильственно и жестоко отнятыя у нихъ человѣческія права. Но до полнаго удовлетворенія еще далеко, и грубое невѣжество, въ которомъ до сихъ поръ коснѣетъ низшій классъ въ большинствѣ христіанскаго міра, причиною того, что даже въ нашемъ столѣтіи совершаются отвратитпльныя травли евреевъ,—напр. въ Кельнѣ, Мюнстерѣ и особенно въ Румыніи...“

— — — — — — — — — — — —

Утромъ 1-го іюля костеръ погасъ, и доминиканцы заботливой рукой смели пепелъ погибшихъ евреевъ.

Карлу досталась богатая добыча — имущество всѣхъ осужденныхъ,—которую онъ братски раздѣлилъ съ инквизиціей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого религіознаго торжества, тотъ же благочестивый Карлъ, который своею высочайшею рукою зажегъ костеръ для еврейскихъ еретиковъ, возвелъ въ маркизы еврея Авентуру Діониса за 50,000 талеровъ. Нѣсколько мѣсяцевъ раньше, сынъ этого же Авентуры былъ посвященъ въ рыцари ордена Св. Якова за кругленькую сумму въ 70,000 талеровъ. „Все это, говоритъ M-me d'Aulnoy—знали при дворѣ, но никто не обращалъ на это никакого вниманія.... и такъ какъ евреи были очень богаты, то на нихъ нагоняли страхъ и опоражнивали ихъ кошельки, давая имъ возможность искупить жизнь золотомъ. Такимъ путемъ король пріобрѣталъ громадныя суммы“...

— — — —

Первый великій инквизиторъ Ѳома де-Торквемада 16 сентября 1489 года мирно и тихо почилъ на вѣки. На его смертномъ одрѣ ему лишь одного было жаль, именно, что ему не суждено еще дольше работать для царствія небеснаго. Какъ заострена была его коса, какъ ревниво и старательно благочестивыя ноги его топтали еретическій виноградъ и выдавливали изъ него красный сокъ цѣлыми потоками!

Торквемада былъ человѣкъ принципа comme il faut, и въ то же время человѣкъ практическій, это былъ демонъ и счетчикъ. Онъ бѣшенствовалъ и расчитывалъ среди самаго яраго бѣшенства. Никогда и никто не осуществлялъ собою религіозную идею такъ полно, честно и послѣдовательно. Онъ весь жилъ только въ своемъ дѣлѣ, онъ самъ былъ воплощенная идея инквизиціи. И какъ онъ умѣлъ внѣдрять свой пламенный духъ всѣмъ основаннымъ и руководимымъ имъ тринадцати инквизиціоннымъ трибуналамъ, точно онъ самъ утринадцатерился!

Когда онъ передъ смертью обозрѣлъ свою дѣятельность, то долженъ былъ чувствовать нѣкоторое удовлетвореніе. Во время исполненія имъ должности великаго инквизитора, по исчисленію Лорента *, сожжено было 10,220 еретиковъ, предано сожженію тѣлъ умершихъ и изображеній отсутствовавшихъ 6,860, приговорены къ конфискаціи имущества, тѣлеснымъ наказаніямъ и тюремному заключенію 97,321. Да, даже какой-нибудь Торквемада могъ остаться довольнымъ этимъ результатомъ своей благочестивой дѣятельности!

— — — — — — — — — — — —

Чрезъ сто лѣтъ по смерти Карла II, инквизиція совершила свой послѣдній подвигъ: она сожгла въ Севиллѣ еврея Лоренца Бельтрана.

Правда, нельзя отрицать, что инквизиція лишила страну, вслѣдствіе сожженія, заточенія и изгнанія, болѣе третьей части ея

* Llorente, Hist. crit. de l'inquisition de Espagne, Paris, 1817, I, 272 и слѣд.

самыхъ интеллигентныхъ, образованныхъ, прилежныхъ и состоятельныхъ гражданъ, да, что она, сказать прямо, даже совершенно сломала и уничтожила интеллектуальную культуру, нравственную силу и политическое могущество Испаніи. Однако, этотъ фактъ мірской исторіи едва-ли можетъ быть положенъ на вѣсы въ виду того факта исторіи церковной, что въ Испаніи непосредственно, а въ остальной Европѣ косвенно спасено было „царствіе небесное" дѣятельностью „Священнаго Присутствія".

А. Л.

ПОСЛѢ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ.

I.

Каждому еврею, цѣнящему свою національность и заботящемуся объ успѣхѣ своего племени, всемірная выставка 1878 года должна быть дороже всѣхъ выставокъ всемірныхъ, какія только до сихъ поръ бывали на свѣтѣ. Никогда еще еврейское племя не играло такой блестящей, такой высокой и важной роли, какъ нынѣшній разъ. И если не все еврейство, то по крайней мѣрѣ главнѣйшіе органы его очень хорошо это сознавали. Одинъ изъ парижскихъ еврейскихъ журналовъ писалъ въ маѣ прошлаго года: „Великолѣпія всемірной выставки сосредоточиваютъ въ настоящую минуту на себѣ вниманіе цѣлаго свѣта. Всякій чувствуетъ, что тутъ дѣло идетъ не объ одномъ только простомъ торжествѣ промышленномъ и художественномъ. Нѣтъ, великое это предпріятіе, удавшееся столь блестящимъ образомъ, имѣетъ гораздо большее и обширнѣйшее значеніе, и мы разсмотримъ, въ свое время, вопросъ этотъ съ разныхъ сторонъ. Въ настоящую же минуту заявимъ, что въ этомъ мощномъ усиліи проявляется также и утѣшительное знаменіе возрожденія нашего дорогаго отечества; при этомъ для насъ вдвойнѣ пріятно указать на то значительное участіе, какое приняли наши единовѣрцы въ великомъ предпріятіи французскаго народа... Сближеніе нашего племени съ другими народностями, до степени полной равноправности, установленное нравами и законами французскими, бросится само собою въ глаза многочисленнымъ иностранцамъ, пріѣхавшимъ въ Парижъ во время всемірной выставки. Примѣръ свободной страны, гдѣ ни законы, ни общество ни у кого не

спрашиваютъ отчета въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ, навѣрное произведетъ свое впечатлѣніе на людей, пришедшихъ изъ такихъ земель, гдѣ существуютъ еще законы исключенія противъ приверженцевъ того или другаго вѣроисповѣданія. Сравненіе невольно явится само собою, выводы также, и впечатлѣніе будетъ тѣмъ значительнѣе, что Франція снова начинаетъ получать преобладаніе надъ другими, и что блестящій успѣхъ всемірной выставки проявляетъ настоящую мѣру ея генія и средствъ" (Archives Israélites, № 10).

Понадобилось-бы много мѣста тому, кто вздумалъ-бы подробно перечислить все то, что представлено евреями замѣчательнаго на всемірной парижской выставкѣ 1878 года по самымъ разнообразнымъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, интеллектуальной, художественной и промышленной. Результаты дѣятельности воспитательныхъ заведеній, напримѣръ. Сиротскаго дома Ротшильда, Еврейскаго дома трудящихся, разныхъ школъ, превосходныхъ по идеѣ и по всѣмъ частностямъ выполненія; рисунки и чертежи многочисленныхъ новыхъ синагогъ, начатыхъ строеніемъ во всѣхъ частяхъ свѣта, въ стилѣ, ищущемъ воспроизведенія истинной еврейской архитектуры; картины и скульптуры еврейскихъ художниковъ, все болѣе и болѣе обращающихся къ исключительно еврейскимъ сюжетамъ, послѣ долгихъ столѣтій, отмѣченныхъ любопытнымъ и страннымъ фактомъ — полнымъ отсутствіемъ и еврейскихъ художниковъ, и еврейскаго національнаго художества; великолѣпныя изданія мелодій древне-еврейской музыки *; наконецъ, блестящее участіе евреевъ во всемъ, что только создавалось и создается замѣчательнѣйшаго въ европейской промышленности и производствѣ, куда ни посмотри, по части-ли всевозможныхъ заводовъ и фабрикъ, и самыхъ громадныхъ и самыхъ мелкихъ, по части-ли обработки всяческихъ металловъ, начиная отъ золота и кончая желѣзомъ, по части-ли всяческой обработки дерева или стекла, фарфора или глины, шелка, шерсти, или бумаги, и такъ далѣе до безконечности — все это явилось на всемірной выставкѣ, представленное въ такихъ многочисленныхъ и значительныхъ образцахъ что если-бы выдѣлить эту еврейскую

* Изданія: Авраама Бэра — въ Готембургѣ (Щвеція), Наумбурга — въ Парижѣ.

массу изъ остальной общеевропейской массы, гдѣ еврейство распустилось и расплавилось какъ кусокъ сахара въ стаканѣ чая, незримое для глаза, но чувствительное въ каждомъ глоткѣ — еслибъ выдѣлить всю еврейскую массу въ одно особое цѣлое, составилось-бы нѣчто поразительное по своей громадности и значительности. Одинъ уже списокъ (опубликованный нѣкоторыми еврейскими газетами) крупныхъ и многочисленныхъ наградъ, присужденныхъ евреямъ всѣхъ странъ судомъ всемірнаго жюри, довольно явственно доказываетъ, какова въ настоящую минуту значительность еврейскаго почина и еврейской дѣятельнести на всемірной сценѣ. Вычеркните вонъ, уничтожьте и этотъ еврейскій энергическій починъ, и эту талантливую, многоспособную еврейскую дѣятельность, — Европа и весь міръ на много-много градусовъ поблекнули бы и потускнѣли. Но есть люди, не только въ средѣ пестрой народной массы, но даже среди писателей, публицистовъ, т. е. людей обязательно образованныхъ и прочищенныхъ головою, которые все-таки ни на шагъ отъ традиціонной нелѣпости и ограниченнаго безумія, и которые, не то что глубоко презираютъ всякую техническую, промышленную, мануфактурную и иную матеріальную дѣятельность евреевъ, какъ-бы она хороша, полезна или нова ни была, но даже умственную, художественную, творческую дѣятельностью еврейства съ насмѣшкой попираютъ ногами. Они кричатъ: „Не надо намъ евреевъ! Не надо намъ ихъ интеллигенціи! И безъ нихъ обойдемся! Что намъ въ ихъ Гейне и Бёрне! И своихъ найдемъ!". Эта примѣрная нищета и безобразіе мысли, это глубокое невѣжество, это безсмысленное попираніе исторіи—еще болѣе забавны, чѣмъ возмутительны. Намъ, русскимъ, можно за такихъ писателей только стыдиться.

Они наносятъ вредъ—самимъ лишь авторамъ.

Я не имѣю, конечно, возможности подробно разсматривать все то значительное, что представлено было еврействомъ на всемірную выставку—задача, которую признавали затруднительной даже спеціально-еврейскіе журналы. Но мнѣ хочется обратить вниманіе читателей на одну изъ характернѣйшихъ особенностей парижской выставки: на Еврейскій музей, составлявшій одинъ изъ отдѣловъ „Исторической выставки", въ дворцѣ Трокадеро. Ничего подобнаго не было еще никогда видано въ Европѣ. Еврейскій музей—одна изъ особенностей нынѣшняго вѣка, нынѣшняго

взгляда, нынѣшняго интеллектуальнаго уровня. Еще очень недавно, немного десятковъ лѣтъ тому назадъ, коллекція еврейскихъ предметовъ, подобная выставленной въ 1878 году, въ особой специальной залѣ Трокадерскаго дворца, была-бы просто немыслима: ею могли-бы тогда интересоваться лишь сами евреи, и никто больше. Всѣ остальные не обратили-бы на нее никакого вниманія, или, еслибъ даже замѣтили ее, навѣрное отнеслись-бы къ ней съ презрѣніемъ. Какая разница ныньче! Толпы всемірной публики, съ болѣе просвѣтленною противъ прежняго времени головою, значитъ болѣе справедливыя и интеллигентныя, разсматривали и этотъ отдѣлъ съ тою самою симпатіей, любопытствомъ и внимательностью, съ какими разсматривали, въ томъже Трокадерскомъ дворцѣ, отдѣлы африканскій или океанійскій, египетскій или камбоджскій, испанскій или норвежскій, персидскій или финляндскій, турецкій или польскій (послѣдній тоже былъ одною изъ богатѣйшихъ новинокъ и роскошнѣйшихъ диковинокъ парижской всемірной выставки), древне-греческій или французскій, испанскій или нѣмецкій средне-вѣковой. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, учеными разныхъ европейскихъ народностей столько сдѣлано громадныхъ и симпатичныхъ усилій для того, чтобъ наконецъ изслѣдовать и узнать древнееврейское искусство Палестины во всей его ширинѣ, изяществѣ и разнообразіи, что не могла уже никого дичить мысль: узнать и изучить еврейское искусство тоже и на нашей европейской почвѣ, въ теченіе среднихъ вѣковъ и слѣдовавшихъ за ними столѣтій. Превосходныя книги Соси: „Histoire de l'art judaïque“ (Исторія еврейскаго искусства), и «Voyage autour de la mer Morte» (Путешествіе вокругъ Мертваго моря), главы, отведенныя знаменитымъ Віолле-ле-Дюкомъ въ его „Entretiens sur l'architecture“ (Бесѣды объ архитектурѣ) чудному возстановленію и изученію еврейской архитектуры и орнаментаціи, по уцѣлѣвшимъ до сихъ поръ въ Палестинѣ памятникамъ, долгое время въ какой-то слѣпотѣ считавшимся римскими; раскопки и розысканія въ Палестинѣ лондонскаго „Общества еврейскихъ изслѣдованій“ (Palestine Exploration Society); «Mission da la Phénicie» (Путешествіе въ Финикію) Ренана; наконецъ труды и изданія нѣкоторыхъ другихъ еще ученыхъ и обществъ, возбудили повсюду живѣйшія симпатіи къ древнему еврейскому искусству. Было-бы неестественно, чтобъ

вслѣдъ за тѣмъ не возбудилось столько-же симпатіи и интереса къ судьбамъ національнаго еврейскаго искусства и въ теченіе столѣтій, пронесшихся надъ еврействомъ послѣ паденія древняго міра. Результаты этихъ симпатій и интересовъ въ первый разъ явились на глаза всѣхъ, въ большомъ блескѣ, на всемірной выставкѣ 1878 года, въ формѣ Еврейскаго музея.

Главные два вкладчика этого оригинальнаго, неожиданнаго музея были два еврея: великій раввинъ города Шарлевилля и извѣстный французскій собиратель еврейскихъ предметовъ — Штраусъ. Первый изъ нихъ выставилъ, подъ стекломъ, драгоцѣнную коллекцію еврейскихъ библій, собранныхъ имъ въ разныхъ странахъ Европы и Востока: многія изъ нихъ отличались богатою и цвѣтистою орнаментаціей и золотыми украшеніями: впрочемъ, это собраніе не единственное въ своемъ родѣ, и при всей красотѣ и рѣдкости многихъ рукописей, равняется однимъ европейскимъ коллекціямъ, и уступаетъ другимъ. Но что касается до другой половины выставки, то она была уже единственная въ своемъ родѣ, и не имѣетъ никакихъ себѣ соперниковъ не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Это была великолѣпная коллекція Штрауса, до сихъ поръ слишкомъ мало извѣстная, но отъ времени парижской всемірной выставки узнанная цѣлымъ свѣтомъ, и тотчасъ же оцѣненная по достоинству.

Впрочемъ, надо замѣтить, даже и люди, не бывавшіе въ Парижѣ въ 1878 году, получили теперь возможность узнать содержаніе этой коллекціи: ко времени открытія выставки былъ выпущенъ въ свѣтъ превосходно изданный иллюстрированный каталогъ этого собранія, подъ заглавіемъ: „Collection de M. Strauss.—Description des objets d'art religieux hébraïques exposés dans les galeries du Trocadéro, à l'exposition universelle de 1878.—Poissy, 1878, 4⁰“. (Коллекція г. Штрауса.—Описаніе религіозно-художественныхъ предметовъ, выставленныхъ въ галереяхъ Трокадеро на всемірной выставкѣ 1878 года.—Пуасси. 1878, 4⁰).

Въ предисловіи, написанномъ Жоржемъ Стенномъ (Georges Stenne), мы читаемъ: „Собраніе г. Штрауса есть, по всей вѣроятности, единственное въ мірѣ собраніе еврейскихъ религіозно-художественныхъ предметовъ: г. Штраусу удалось составить его цѣною совѣстливыхъ и неустанныхъ розысканій во Франціи и другихъ странахъ.... Коллекція довольно многочисленна, и нужны

были искренняя страсть къ искусству и рѣдкая энергія, чтобъ собрать всѣ эти предметы съ такимъ своеобразнымъ характеромъ. Конечно, впослѣдствіи многіе другіе предметы мало по малу увеличатъ это собраніе: но, уже и въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, оно образуетъ такое цѣлое, гдѣ заключается самый высокій интересъ для художника и для любителя, и которое представляетъ богатое поле для наблюденія и изученія столь мало еще изслѣдованнаго до сихъ поръ художественнаго движенія въ средѣ еврейскаго искусства прошлаго времени».

Въ этихъ словахъ все отъ начала до конца правда. Значительность и своеобразность предметовъ, входящихъ въ составъ коллекціи, не можетъ не бросаться въ глаза каждому, даже и вовсе не спеціально изучавшему исторію искусства. Попробуемъ дать понятіе объ этой оригинальной коллекціи.

Въ каталогѣ описано всего 82 предмета. Они распредѣляются здѣсь слѣдующимъ образомъ:

1) Кивотъ Завѣта (Аронъ Гакодешъ), деревянный.—№ 1 (съ рисункомъ).

2) Налой кантора (хазана) (Тэба), деревянный; надъ нимъ бронзовый свѣтильникъ для 9-ти огней.—№ 2 (съ рисункомъ).

3) Переносный Кивотъ Завѣта (Аронъ Гакодешъ), серебряный.—№ 3 (съ рисункомъ).

4) Свѣтильники для 8-ми и 9-ти огней, деревянные, бронзовые и серебряные, одни въ формѣ канделябръ на ножкѣ, другіе въ видѣ металлическихъ вертикальныхъ пластинокъ, съ прорѣзными узорами, и выемками для масла, по горизонтальной линіи.—№№ 4—14 (съ тремя рисунками).

5) Ковчежцы для духовъ (Габдала), бронзовые и серебряные. №№ 15—24 (съ тремя рисунками).

6) Вѣнецъ Закона (Кетеръ), серебряный вызолоченный—№ 25.

7) Орнаментальная пластинка на цѣпочкахъ, для украшенія Свитка закона (Тасъ), серебряная.—№№ 26—31 (съ рисункомъ).

8) Руки-указательницы при чтеніи Свитка Закона (Іадъ), серебряныя.—№№ 32—37 (съ тремя рисунками).

9) Ковчежцы для цедрата, употребляемаго въ праздникѣ Кущей (Этрогъ), серебряные.—№№ 38—39.

10) Украшенія для Свитка Закона—Дерево жизни (Эц-Хайимъ), серебряныя.—№№ 40—41 (съ двумя рисунками).

11) Кубки для благословенія въ субботу и праздники (Косъ), серебряные вызолоченныее.—№№ 42—44 (съ рисункомъ).

12) Чаша и ножъ для обрѣзанія, серебряные вызолоченные.—№№ 45—46 (съ двумя рисунками).

13) Футляръ для свитка рукописи (Мегила), серебряный.—№ 47 (съ рисункомъ).

14) Флаконъ для духовъ, носимый женщинами въ храмѣ, въ день Прощенія, серебряный вызолоченный, и составленный изъ группы священныхъ предметовъ: Седьмисвѣщника, Скрижалей Завѣта, Кадильницы, Митры первосвященника и Лампы.—№ 48 (съ рисункомъ).

15) Обручальныя кольца, золотыя, бронзовыя и мѣдныя.—№№ 49—69 (съ четырьмя рисунками).

16) Молитвенныя книги, рукописныя и печатныя, въ металлическихъ и деревянныхъ переплетахъ.—№№ 70—73 (съ рисункомъ).

17) Брачные контракты, на пергаментѣ, съ украшеніями.—№№ 74—75.

18) Свитки рукописей, съ миніатюрами и украшеніями.—№№ 76—80 (съ рисункомъ).

19) Завѣса Кивота Завѣта, красная бархатная, съ орнаментальными нашивками изъ парчи и зеленой и синей шелковой матеріи; посрединѣ вышиты золотомъ—10 заповѣдей по серебрянымъ парчевымъ скрижаламъ. На верху вѣнецъ.

20) Завѣса для Тэбы, одного стиля съ предыдущей завѣсой.

Предметы интересной коллекціи Штрауса не слишкомъ древни: большинство ихъ относится къ XVI-му вѣку *; менѣе значите-ныя группы принадлежатъ XVII-му ** и XVIII-му вѣку ***. Самыхъ

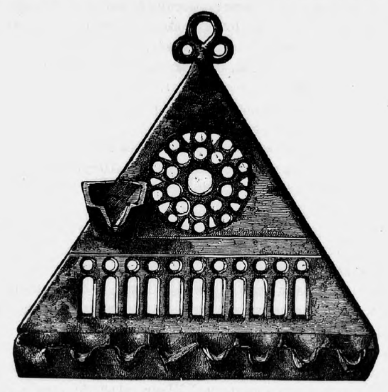
* Главные между ними: Кивотъ Завѣта № 1 (1505 г.), Налой № 2 (того-же времени), свѣтильники №№ 11—12, ковчежцы для духовъ №№ 16—24, ор-наментальная пластинка Тасъ № 30, ножъ и чаша для обрѣзанія №№ 45—46, рукопись съ футляромъ № 47, флаконъ для духовъ № 48, обручальныя кольца №№ 49—50, 52—59.

** Главные предметы здѣсь: переносный Кивотъ завѣта № 3, свѣтиль-ники №№ 6—7, ковчежцы для духовъ № 15, орнаментальныя пластинки Тасъ №№ 26—27, руки-указательницы №№ 32—33, кубокъ № 43, печатная книга 1655 г., № 73.

*** Главные предметы здѣсь: свѣтильники №№ 5—8, вѣнецъ № 25 (1780 г.,) орнаментальная пластинка Тасъ № 28, руки-указательницы №№ 34—35 (1713 и 1710 г.), печатная книга № 72 (1768 г.), свадебные контракты №№ 74—75 (1756 и 1776 г.).

древнихъ предметовъ, изъ средневѣковой эпохи, всего повидимому только три, но и тѣ не восходятъ выше XIII-го, или въ крайнемъ случаѣ, конца XII-го вѣка. Это: 1) Свѣтильникъ № 14, 2) кубокъ № 42 и 3) обручальное кольцо № 51.

Свѣтильникъ № 14—безспорно одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ всей коллекціи. Какъ показываютъ его 8 ячеекъ для масла,

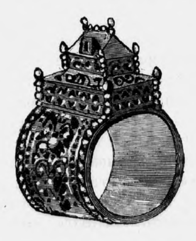

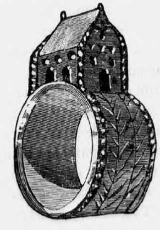
Бронзовый свѣтильникъ, XIII вѣка. Колл. Штрауса, № 14.

онъ служилъ для праздника Маккавеевъ, значитъ происхожденіе его несомнѣнно еврейское. Но форма его никоимъ образомъ не еврейская: у насъ передъ глазами художественный предметъ, имѣющій видъ фронтона христіанской церкви послѣдняго времени романскаго періода, т. е. конца XII-го или начала XIII-го вѣка. Этотъ треугольникъ, кончающійся вверху трилиственникомъ и подъ нимъ громадное окно-розетка, а подъ розеткой этой рядъ узкихъ закругленныхъ оконъ съ круглымъ отверстіемъ поверхъ каждаго—все это несомнѣнные признаки послѣдняго періода романскаго стиля. Впрочемъ, нельзя не подумать, что средневѣковые евреи, дѣлавшіе этотъ свѣтильникъ, повиновались, вѣроятно, не только господствовавшему въ ихъ время стилю архитектуры и орнаментаціи, но также и тому таинственному голосу который подсказывалъ имъ, что и самъ-то этотъ „романскій стиль“ есть ничто иное, какъ чадо Востока, и весь почти цѣликомъ сложился изъ воспоминаній европейцевъ, побывавшихъ въ Сиріи и Палестинѣ.—Свѣтильникъ этотъ бронзовый, и, судя по тончайшей красивой зеленой пленкѣ (patina), его покрывающей, очень долго пролежалъ въ землѣ. Открытъ онъ въ Ліонѣ, въ мѣстности стариннаго еврейскаго квартала: значитъ, былъ онъ въ употребленіи у средневѣковыхъ евреевъ-французовъ.

Серебряный вызолоченный кубокъ № 42—очень любопытенъ по формѣ своей. Онъ шестигранный, и стоитъ на очень коротенькой круглой ножкѣ. На каждой изъ шести сторонъ по выпуклому орнаменту въ видѣ простеганныхъ подушечекъ; на ножкѣ внизу идетъ сплошной восточный орнаментъ, вычеканенный довольно грубо. Вверху, подъ подушечками, вырѣзана еврейская крупная надпись, содержащая текстъ 4-й заповѣди: „Помни день субботній, святити его“.

Обручальное кольцо № 51—самое древнее, повидимому, изъ всѣхъ колецъ Штраусовской коллекціи. Обручальныхъ колецъ не знали древніе евреи. Въ древнихъ текстахъ нигдѣ нѣтъ о нихъ помину. Они получены новой Европой въ наслѣдство отъ римлянъ, евреи же переняли эту моду отъ европейцевъ не ранѣе XIII-го вѣка. Представленный на нашемъ рисункѣ, на право, перстень

Обручальныя кольца XIII и XVI вѣка Колл. Штрауса, №№ 49 и 51.

(№ 51 коллекціи Штрауса)—образчикъ стариннѣйшихъ еврейскихъ обручальныхъ колецъ. Онъ массивный золотой. и покрытъ довольно простымъ награвированнымъ орнаментомъ, въ видѣ двухъ паралельно идущихъ маленькихъ вѣточекъ (быть можетъ мирта). На верху-же, тамъ, гдѣ вставляется камень, помѣщенъ маленькій домикъ со средневѣковой островерхой крышей, маленькой дверью и маленькими оконцами. На одной изъ сторонъ кровли награвирована обычная еврейская фраза привѣтствія: „Съ доброй звѣздой!“ Очень вѣроятно, что мы имѣемъ тутъ изображеніе одного изъ тѣхъ домиковъ французскаго или италіанскаго Гетто, гдѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ проживали евреи на Западѣ. „Съ доброй звѣздой!“ —это встрѣча молодому жениху или невѣстѣ, готовящимся вступить на житье въ подобный домикъ.

По мѣрѣ приближенія къ XVI-му вѣку и періоду Возрожденія, обручальныя кольца становятся все богаче, роскошнѣе и сложнѣе. Крученые золотые жгуты, цвѣточки и орнаменты изъ разноцвѣтной эмали, филигрань, львы, шарики, домики съ эмальными пестрыми крышами, уже вовсе не средневѣковые, но все-таки вѣроятно еврейскіе—вотъ изъ чего составлены и вылѣплены въ это время еврейскія обручальныя кольца. Одно изъ нихъ, изъ коллекціи Штрауса, мы представили на рисункѣ, рядомъ съ кольцомъ XIII-го вѣка налѣво.

Многіе изъ ковчежцевъ для духовъ (Габдала) тоже воспроизводятъ формы французской и итальянской архитектуры XVI-го вѣка. Передъ нами являются нагроможденныя одна на другую въ нѣсколько этажей башеньки, изъ серебряной филиграни или сплошныхъ серебряныхъ пластинокъ, съ золоченными витыми колонками по угламъ, увѣнчанными флюгерами, съ закругленными вверху дверями и окнами, и все это на тоненькой изящной ножкѣ. На первый взглядъ, покажется пожалуй, что все тутъ европейское. И нерѣдко, однакоже, къ мотивамъ европейской архитектуры вдругъ присоединяются мотивы чисто восточные. Такъ напримѣръ, многіе изъ красивыхъ этихъ зданьицъ увѣнчаны сквозной воздушной бесѣдочкой, покрытой сверху оріентальнымъ куполочкомъ, съ шаромъ и стрѣльчатымъ флюгеромъ, все это чисто семитическаго склада и стиля. Таковъ напримѣръ, въ коллекціи Штрауса, красивый, весь филигранный ковчежецъ № 16.

Руки-указательницы, „Древо жизни“, „Тасы,“ флаконы для духовъ, чаши и ножи для обрѣзанія, свѣтильники и проч., всѣ эти предметы выполнены всегда въ стилѣ того времени и народа, когда и у кого они появились на свѣтъ, но среди всего этого *чужаго* нерѣдко можно отличить нѣсколько характерныхъ чертъ не европейскихъ, а восточныхъ, *своихъ*. То вы встрѣчаете львовъ и леопардовъ, то звѣзды, шарики и цѣпочки, то колокольчики и купола, наконецъ узоры всякаго рода, иногда также цвѣточки и листики, вовсе не похожіе на цвѣточки и листики, на узоры и орнаментистику европейскаго склада, и вотъ эти-то немногочисленныя, но характерныя, черты на столько своеобразны, что тотчасъ же останавливаютъ на себѣ глазъ того, кто привыкъ разлагать на составныя части смѣшанную разнообразную массу, часто представляемую его взорамъ художественными произведеніями, мало еще изслѣдованными.

Всего менѣе характера и своеобразности можно встрѣтить, до сихъ поръ, въ кивотахъ, налояхъ и другихъ, по большей части, деревянныхъ еврейскихъ предметахъ, имѣющихъ смыслъ мебели. Все, что до сихъ поръ извѣстно въ этомъ родѣ по коллекціи г. Штрауса, принадлежитъ исключительно эпохѣ Ренесанса, и отъ начала до конца полно признаковъ этого стиля. „Кивотъ Завѣта„ № 1, „Налой кантора (хазана)“ № 2, принадлежатъ эпохѣ итальянскаго Возрожденія и происходятъ изъ моденской синагоги. Витыя раскрашенныя колонки, капители, карнизы, ряды квадратныхъ вставокъ съ помѣщенными внутри розетками принадлежатъ частью Готикѣ, частью Возрожденію, и еврейскаго тутъ почти ничего нѣтъ, кормѣ надписей. Серебряный Кивотъ завѣта № 3, относящійся къ XVII вѣку и происходящій изъ Германіи, точно также носитъ на себѣ всѣ отличительные признаки нѣмецкаго Рококо, какъ въ общемъ, такъ и въ каждой частности. Но все эти предметы, слишкомъ близко еще напоминающіе мебель общаго, домашняго употребленія, и потому-то они легко подчинились европейскимъ вкусамъ, стилямъ и модамъ.

За то посмотрите на тѣ предметы, которыхъ евреи не встрѣчали въ ежедневномъ употребленіи европейцевъ: тутъ, вопреки множеству мелкихъ деталей, все таки европейскихъ, вы тотчасъ же отличите что-то, и крупное, и *свое*,—характерное и своеобразное. Многочисленные свѣтильники—лучшее тому доказательство. Взгляните хотя-бы даже на тотъ бронзовый свѣтильникъ, который,

Налой кантора (хазана), XVI вѣка. Колл. Штрауса, № 2.

Хранилище для свитка рукописи, XVI вѣка. — Коллекція Штрауса № 47.

на представленномъ, нами стр. 268, рисункѣ, помѣщенъ надъ налоемъ кантора (хазана) № 2. Не совершенно ли восточный семитическій характеръ имѣютъ эти 9-ть вѣтвей, составленныя изъ лилій, входящихъ одна въ другую, и поддерживаемыя внизу кручеными закругляющимися жгутами, у основанія которыхъ воздвигаются стоймя змѣи? Не восточный ли характеръ и у кубка № 42, съ его своеобразной формой и орнаментами, у многочисленныхъ „Тасовъ“, не взирая даже на украшающія ихъ иногда фигуры ангеловъ, у рукъ-указательницъ, у многихъ „Вѣнцовъ“, обручальныхъ колецъ и т. д.?

И вотъ, не присутствуетъ-ли всего болѣе восточная характерность и еврейская особенность въ томъ „Футлярѣ для свитка рукописи“ (Мегила), который стоитъ въ каталогѣ Штрауса подъ № 47?

Въ эстетическомъ отношеніи, эта серебряная вещица, вся украшенная эмалью и осыпанная драгоцѣнными камнями (подобно многимъ другимъ еврейскимъ предметамъ: Тасамъ, Вѣнцамъ, обручальнымъ кольцамъ и т. д.) — есть истинный chef d'oeuvre

орнаментальнаго искусства. Но еще не въ этомъ главное ея значеніе. Характеръ ея чисто-еврейскій, совершенно исключительный. Назначеніе ее — содержать внутри маленькій рукописный свитокъ, поворачивающійся на стержнѣ, служащемъ снаружи ручкой, а такъ какъ эту рукопись должны были держать въ рукахъ присутствующіе на богослуженіи, то и ей самой, и ея хранилищу даны самые миніатюрные размѣры. Но взгляните на этотъ продолговатый шестиугольный домикъ, сверкающій разноцвѣтными камнями, выглядывающими изъ филигранныхъ сѣтокъ и разводовъ, подобно цвѣтамъ изъ густой зелени; посмотрите на этотъ полукруглый красивый куполокъ, увѣнчанный летящимъ вверхъ остріемъ, изъ сложившихся пластами шариковъ — и скажите, есть-ли во всей этой изящной вещицѣ хоть что-нибудь европейское, итальянское, французское или нѣмецкое XVI вѣка? Все тутъ семитическое, еврейское. Точно также полна семитическихъ формъ и рисунковъ сама рукопись, спрятанная внутри этого еврейскаго домика. Текстъ ея, само собою разумѣется, еврейскій. Онъ содержитъ исторію Эсѳири, и назначенъ для чтенія во время праздника „Пуримъ". Поля усѣяны фигурами и орнаментами, относящимися къ этой исторіи. Правда, царица Вашти, изображенная со скипетромъ въ рукѣ, на лѣво, и царь Ахашверошъ, стоящій vis-à-vis на право, также со скипетромъ въ рукѣ, уже слишкомъ сильно отзываются вкусами и понятіями Италіи, или Франціи, XVI вѣка: на царицѣ платье декольте, манжеты на рукахъ и корона на головѣ, на ногахъ башмаки съ каблуками; у царя длинный кафтанъ, корона и сапоги совершенно въ томъ стилѣ, какой во времена европейскаго Ренесанса употреблялся на Западѣ для того, чтобъ представлять разныхъ восточниковъ, особенно евреевъ, и это всего лучше доказывается изображеніями „бубноваго короля" и „бубновой королевы" на французскихъ картахъ. времени Людовика XIII *; украшенія надъ текстомъ, изъ летающихъ птицъ и круглыхъ медальоновъ— тоже вполнѣ принадлежатъ Франціи и Италіи временъ Ренесанса. Но, не взирая на всѣ эти чуждыя формы, есть тутъ и крупная несомнѣнная доза Востока и еврейства. Матерія на платьѣ обоихъ

* См. Jeux de cartes tarots et de cartes numérales. Paris, 1844 f°, рисунокъ на листѣ 98-мъ. Эта книга—очень рѣдкое изданіе „Общества французскихъ библіофиловъ".

персонажей, очень оригинальная, низко подъ животомъ повязанный кушакъ у царя, медальоны внизу съ какими точно ассирійскими или сассанидскими львами, фантастическіе цвѣты въ фонѣ, наконецъ, общее расположеніе и складъ—все это не европейское, все это восточное.

Любопытный и рѣдкій историческій документъ, напечатанный въ предисловіи къ каталогу Штрауса, даетъ намъ нѣкоторое объясненіе того факта, что не смотря на весь наплывъ европейскаго элемента въ предметахъ еврейскаго употребленія, національный элементъ все-таки не былъ потушенъ и задавленъ, все-таки уцѣлѣлъ и сохранился. Секретарь „Alliance Israélite Universelle", г. Лебъ, открылъ важный документъ: контрактъ, писанный на латинскомъ языкѣ, 24-го марта 1439 года, въ городѣ Арлѣ, въ силу котораго пять байлоновъ (главъ) арльской синагоги заказали авиньонскому серебренику, Робену Азаръ, французу, серебряный вызолоченный „Вѣнецъ" для свитка Закона. Въ контрактѣ подробно объяснялась форма заказаннаго предмета (въ видѣ замка съ башнями), цѣнность его и проч., и здѣсь же, между прочимъ, мы встрѣчаемъ, слѣдующія любопытныя подробности: „Вѣнецъ будетъ украшенъ орнаментами и листьями, выдѣланными такъ хорошо, какъ серебреникъ только съумѣетъ и способенъ будетъ сдѣлать... Мастеръ Робенъ Азаръ будетъ производить свою работу въ домѣ у Бонъяхеса Каркасона (одного изъ 5-ти байлоновъ), гдѣ ему будетъ отведена особая комната. При этомъ, ему воспрещается работать надъ „Вѣнцомъ" по субботамъ и другимъ еврейскимъ праздникамъ".

Что намъ говорятъ эти условія контракта? Во первыхъ то, что евреи не вдавались, тогда, въ мелкія детали и предоставляли ихъ вкусу и умѣнью самаго мастера, но строго слѣдили за общею, дорогою для нихъ и употребительною въ еврействѣ формою, такъ что исчисляли даже количество столбовъ и дверей, львиныхъ головокъ съ выходящими изъ пасти цѣпочками, кончающимися внизу серебреными бубенцами или колокольчиками, какія необходимо должны были войти въ составъ устраиваемаго „Вѣнца." Сверхъ того, мастеръ обязанъ былъ работать непремѣнно на дому у одного изъ евреевъ-заказчиковъ — и это, конечно, не изъ опасенія, чтобъ онъ, уважаемый въ городѣ мастеръ, похитилъ частицу отпу-

щенной ему массы серебра, а для того, чтобъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, что̀ и какъ онъ будетъ работать.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, не взирая на весь упадокъ современнаго вкуса и на все невѣжество въ дѣлѣ національнаго стиля—евреевъ, въ большинствѣ случаевъ разбогатѣвшихъ купцовъ, все-таки извѣстная доля восточности и семитизма неминуемо сохранялась въ предметахъ еврейскаго употребленія и передавалась отъ одного поколѣнія‘ другому.

Долго никто не различалъ ничего еврейскаго въ предметахъ и созданіяхъ еврейскихъ, долго самостоятельныя черты ихъ были смѣшиваемы съ чертами тѣхъ народностей, среди которыхъ доводилось жить евреямъ въ Европѣ и Азіи. Поэтому ничего нѣтъ мудренаго, что до сихъ поръ можетъ длиться споръ о все еще не признаваемомъ еврейскомъ стилѣ и характерѣ въ „Гробницахъ царей“ и другихъ палестинскихъ постройкахъ. Тѣмъ болѣе можетъ быть спора о предметахъ малаго размѣра и домашняго или религіознаго употребленія, деревянныхъ и бронзовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ, филигранныхъ и эмалевыхъ, на которые эпоха Готики и Ренесанса, Рококо и XVIII вѣка положили крупную печать. Но теперь, кажется, пришло время, когда надо хлопотать о томъ, чтобъ уже не смѣшивать, а различать, и умѣлымъ анатомическимъ ножомъ отдѣлять посторонній наростъ отъ коренной національной основы.

II.

Прохаживаясь по заламъ Трокадеро, не разъ я спрашивалъ себя: А что, какъ смотрятъ на этотъ еврейскій музей—сами евреи? Понимаютъ они его значеніе, или смотрятъ какъ на новую, любопытную игрушку, немножко ласкающую народное чувство, но въ самой сущности очень мало значительную? Что мудренаго, если большинство евреевъ, живущихъ постоянно въ Парижѣ или на время выставки только съѣхавшихся туда со всѣхъ краевъ свѣта, очень не высоко цѣнятъ коллекцію Штрауса, и пожалуй всегда предпочтутъ ей тысячи мелочей обще-европейскихъ, блестящихъ или дорогихъ, но всетаки ничтожныхъ.

„Что тутъ важнаго, что тутъ особеннаго, говорили, быть можетъ, десятки, сотни зрителей изъ числа евреевъ. Все одни только какія-то бездѣлицы, перстни да канделябры, шкапы да столики, бронзовые да серебряные орнаменты и вещицы. Ничего во всемъ этомъ нѣтъ ни монументальнаго, ни великаго. А объ настоящемъ искуствѣ смѣшно и думать, глядя на это крохотное собраніе, величаемое такъ некстати пышнымъ именемъ "Еврейскаго музея!“ Но жаль, если въ самомъ дѣлѣ такъ думали и говорили многіе изъ евреевъ. Тогда, значитъ, они собственнаго дѣла и интереса не понимаютъ. Какъ же иначе начинались всѣ капитальнѣйшія собранія предметовъ народныхъ, если не съ „мелочей“? Вѣдь все монументальное приходило потомъ. Надо напередъ полюбить и отыскать все маленькое и скромное, все не-казистое и не торжественное, все, что не бьетъ въ носъ величіемъ и колоссальными формами, но гдѣ за то все-таки умѣстились характерныя народныя черты, и гдѣ онѣ, притаившись въ кажущемся ничтожествѣ, уцѣлѣли отъ гоненій смѣнявшихся модъ, отъ преслѣдованій невѣжества или злобы.

Посмотрите, съ чего началось признаніе, въ послѣдніе пол-или три четверти вѣка, всѣхъ народныхъ стилей и искуствъ, загнанныхъ, пришибленныхъ и на половину стертыхъ въ теченіе долгихъ тысячелѣтій, въ честь какого-то общаго европейства и безумнаго поклоненія давно отцвѣтшимъ Греціи и Риму? Всегда начиналось оно съ маленькаго конца, точно съ задняго подъѣзда, куда никто и заглядывать-то не хотѣлъ, съ маловажныхъ, ровно ничего не стоющихъ народныхъ предметовъ, на которые никто изъ настоящихъ знатоковъ и цѣнителей искусства никогда и глазъ-то не захотѣлъ бы поворотить. И однакоже, глядишь, черезъ короткое время, то, что входило съ этихъ маленькихъ концовъ и заднихъ дверей, непомѣрно росло и укрѣплялось, выпроваживало вонъ беззаконныхъ хозяевъ и занимало ихъ мѣсто. Таковъ повсюду былъ нынче ходъ новаго, національнаго искусства. Нельзя сомнѣваться, что точно тоже-будетъ и съ еврейскимъ.

По этому-то самому, многочисленные, энергичные, ревностные, упорные въ предпринятомъ дѣлѣ, неутомимые и не жалѣющіе никакого труда, знающіе Штраусы всего нужнѣе теперь для еврейскаго племени, если изъ среды его должны возникнуть, наконецъ, серьезное, важное, глубокое и могучее художество и художественная школа. На нашемъ вѣку, на нашихъ глазахъ возникло, одна за другою, изъ руинъ и пепла, столько національныхъ школъ, что приходитъ кажется, наконецъ, очередь и еврейской. А то по-

смотрите, какъ, за отсутствіемъ крѣпкаго сосредоточенія на *своемъ*, еврейскій талантъ и силы идутъ на вспахиваніе чужихъ полей и возращеніе чужихъ плодовъ и жатвъ.

Въ продолженіе прошлогодней всемірной выставки это поминутно можно было видѣть, и примѣры на каждомъ шагу сами лѣзли въ глаза. Рядомъ съ нарождающейся, еще покуда не многочисленной группой новыхъ евреевъ, наряду съ прочими племенами отыскивающихъ національнаго выраженія своему чувству и фантазіи въ формахъ самобытнаго искусства, вы-бы тутъ увидали множество художниковъ-евреевъ, которые совсѣмъ забыли, что они евреи, и кажется изо всѣхъ силъ лѣзутъ доказать всѣмъ и каждому изъ проходящихъ, что ничуть въ нихъ нѣтъ ничего еврейскаго, и вовсе не лежитъ на нихъ ни единой черточки этой несчастной печати. Талантливый голландскій живописецъ, еврей Израэльсъ, точно будто и не видывалъ всѣхъ тысячъ евреевъ, которыми кишитъ Голландія, и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ получить золотую медаль за картины, гдѣ голландскія крестьянки угощаютъ въ бѣдной избѣ своихъ голодныхъ дѣтей картофелемъ или кашей, но никакъ не за картинами, гдѣ была-бы представлена бѣдная еврейская хата, и изголодавшіяся еврейскія дѣти. Талантливый французскій живописецъ, еврей Леви, точно также употреблялъ всѣ усилія (хотя, впрочемъ не получалъ никакой медали), чтобъ въ разныхъ залахъ строющейся заново парижской Ратуши изобразить всякіе піетистическіе католическіе сюжеты, ничуть даже и не помышляя, что на эти задачи и безъ него найдется множество способныхъ живописцевъ изъ числа самихъ французовъ и іезуитовъ. Столько же даровитые еврейскіе архитекторы, французы и нѣмцы по нынѣшнему своему отечеству, являлись на всемірной выставкѣ съ еврейскими синагогами, сочиненными безъ всякаго стыда и совѣсти въ стилѣ французскаго или нѣмецкаго Ренесанса. Еще болѣе талантливый чѣмъ всѣ эти художники, вмѣстѣ сложенные, да еще съ прибавкой многихъ десятковъ другихъ,—нашъ Антокольскій получилъ первую по всей выставкѣ медаль за скульптуру за своего „Христа", въ самомъ дѣлѣ прекраснаго, превосходнаго, впервые являвшагося въ костюмѣ еврейскомъ, но все-таки ничуть не еврея и не историческую личность, а сентиментальнаго и жиденькаго духомъ, на манеръ всяческихъ обще-европейскихъ элегій. И это былъ тотъ самый Антокольскій, который такъ великолѣпно, такъ оригинально началъ своей глубоко-національной, глубоко-исторической „Инквизиціей надъ евреями", своимъ „Споромъ въ шинкѣ о Талмудѣ", своими правдивыми жанрами: „Евреемъ портнымъ" и „Евреемъ скупцомъ". Куда теперь дѣвалось все прежнее, крѣпкое, оригинальное еврейство его сюжетовъ и творчества; какимъ чудомъ оно распустилось и растаяло такъ быстро подъ роскошными и красивыми, но разслабляющими и обезличивающими лучами итальянскаго солнца!—Куда все прежнее дѣвалось?

Все это, вмѣстѣ со многими другими примѣрами того же сорта и той же категоріи, какіе все это были, на мои глаза, печальные примѣры измѣны національному своему знамени, родному своему племени! Не знаю какъ другимъ, но мнѣ такіе продукты безцвѣтнаго, анти-національнаго художества представлялись чѣмъ-то непріязненнымъ и безцѣльнымъ, почти враждебнымъ. Нашъ вѣкъ чѣмъ далѣе идетъ, тѣмъ болѣе доказываетъ безсиліе всякаго искусства, не покоющагося на національныхъ корняхъ, и изъ нихъ не исходящаго. Съ чѣмъ художникъ родился, какими впечатлѣніями и картинами былъ постоянно окруженъ, среди чего выросъ и возмужалъ, къ чему глубоко прильнули его глаза и душа, только то и способенъ онъ высказать съ великимъ выраженіемъ и правдой, съ истинной силой. Все остальное, какъ бы ни было красиво на взглядъ и умѣло по формѣ, будетъ бѣднымъ пустоцвѣтомъ, взошедшимъ на пескѣ, и его сдунетъ прочь первый вѣтеръ.

Отчего-же столькимъ новымъ художникамъ-евреямъ все это остается и чуждо, и неизвѣстно? Или еврейская національность кажется имъ, по старымъ общимъ привычкамъ, все еще бѣдною или ничтожною? Или темъ у ней мало въ ея старой и новой исторіи, начиная отъ сѣдой древности и кончая нынѣшними днями? Или типовъ у ней нѣтъ, и красоты тѣла и духа тоже? Пускай такъ. Но отчего-же иначе думали художники-европейцы, и старые и новые, тѣ, у которыхъ именно было много таланта, таланта всего больше оригинальнаго и самобытнаго между всѣми современными имъ художниками? Посмотрите на Рембрандта, посмотрите на Кнауса. Эти два живописца величины ничуть не равныя: первый—одинъ изъ величайшихъ художественныхъ геніевъ міра, второй—только прекрасный талантъ. Но оба они, одинъ два столѣ-

тія тому назадъ, другой въ наше время, видѣли ясными глазами, сколько богатаго, сколько самаго благодарнаго для художества матеріала лежитъ въ окружающемъ ихъ еврействѣ, и дѣлали не разъ за евреевъ художниковъ то, что должны были бы дѣлать эти послѣдніе, забывшіе и презирающіе свою коренную задачу. Я не остановлюсь уже здѣсь на тѣхъ многочисленныхъ chefs d'oeuvre' ахъ съ еврейскими современными сюжетами, которые блещутъ яркими алмазами въ вѣнцѣ Рембрандта (довольно вспомнить его „еврейскихъ нищихъ", его „еврейскаго слѣпца" изображающаго древняго Товію, его „еврейскую невѣсту", и превыше всего его геніальный портретъ „еврейскаго врача", задумчиво сходящаго, по лѣстницѣ, отъ больнаго); но мнѣ хотѣлось-бы указать многимъ изъ нынѣшнихъ евреевъ-художниковъ хоть на двѣ новѣйшія картины Кнауса, занимавшія одно изъ самыхъ первыхъ и почетнѣйшихъ мѣстъ въ германскомъ художественномъ отдѣлѣ всемірной выставки. Одна изъ этихъ картинъ была: мальчикъ-еврей, которому старикъ еврей (отецъ или дядя) гдѣ-то въ подвалѣ, въ лавчонкѣ, даетъ урокъ на счетъ того, какъ ему надо ловчѣе торговать, какъ ладить дѣло съ покупщиками; другая картина представляла того-же мальчика-еврея, съ портмоннэ въ рукахъ, радующагося на первый выторгованный имъ барышъ. Какія ничтожныя пустыя тэмы! скажутъ одни, гадкіе жеманники и лже-аристократы искусства. Какія славныя вѣрныя правдивыя тэмы! скажутъ другіе, не заботящіеся о высокости, но чувствующіе за то жизненность и истину. И какъ прелестна оба раза, улыбка и поза этого мальчика, сколько въ ней юности и неиспорченной еще граціи, сколько свѣжести и непринужденности! Какъ не было ко всему этому вниманія у стольких художниковъ-евреевъ, которымъ раньше всѣхъ другихъ принадлежали эти тэмы, наравнѣ съ множествомъ иныхъ еще еврейскихъ тэмъ стараго и новаго времени, тэмъ милыхъ и граціозныхъ, высокихъ и грозныхъ, страстныхъ и трагическихъ, или же наивныхъ и полныхъ комизма? Гдѣ у нихъ были глаза?

Трудно было бы въ прошломъ году, во время всемірной выставки, не обратиться съ подобнымъ же упрекомъ и ко множеству другихъ еврейскихъ художниковъ, дѣйствовавшихъ тогда передъ всемірною публикою, въ Парижѣ. Возьмите, сколько тутъ присутствовало, въ ту минуту, еврейскихъ музыкантовъ, композито-

ровъ, фортепіанистовъ, скрипачей, пѣвцовъ и пѣвицъ, блиставшихъ талантомъ (талантомъ истиннымъ и глубокимъ), привлекавшихъ всѣ глаза и сердца, но забывшихъ о племени и народности.
Ни единой еврейской черты и звука тутъ не было, все уже превратилось въ нѣчто обще-европейское, безнаціональное, безхарактерное и безличное. Какая тутъ была громадная потеря силъ!
И, какъ подумаешь, эти самые объевропеенные евреи—сколько они способны были бы представить остальному міру оригинальныхъ мелодій, самобытныхъ ритмовъ, характернѣйшаго выраженія и никѣмъ нетронутыхъ нотъ душевныхъ!

Мнѣ хотѣлось всякій разъ громко, вслухъ, пожалѣть обо всѣхъ этихъ людяхъ, музыкантахъ, скульпторахъ, архитекторахъ, живописцахъ, точно столько же, сколько я жалѣлъ тысячу разъ объ англичанахъ и русскихъ, изъ кожи лѣзущихъ вонъ, чтобы писать картины на манеръ итальянцевъ, или о французахъ и нѣмцахъ, душу полагающихъ за то, чтобы строить соборы и дворцы на манеръ грековъ и римлянъ. И тутъ и тамъ, нелѣпость все одна и та-же. Только безуміе поддѣлки новой Европы подъ старую Италію и Грецію уже довольно ясно и часто сознано, а безуміе поддѣлки со стороны еврейскихъ художниковъ подъ чужое творчество—еще, кажется, и не подозрѣвалось никогда.

О комъ мнѣ еще много разъ приходилось жалѣть—это о еврейскихъ актерахъ и актрисахъ. Сколько между ними всегда бывало великолѣпныхъ, яркихъ талантовъ, просто изумляться надо! Имена ихъ хорошо знакомы всей Европѣ, всему міру. Но здѣсь опять та же бѣда: полнѣйшее равнодушіе къ собственной своей національности, полнѣйшее забвеніе ея. Конечно, актеръ существо въ высшей степени не самостоятельное, подвластное, въ девяти стахъ случаяхъ изъ тысячи зависящее не отъ своей воли и вкусовъ, а отъ дирекціи театра, отъ царствующихъ понятій публики и литературы, отъ того, что въ данный моментъ есть на лицо и въ обращеніи на театрахъ, отъ современной моды и предразсудковъ. И все-таки есть всегда у актера свое гнѣздышко и уголокъ, гдѣ онъ полный хозяинъ, гдѣ онъ распоряжается какъ любитъ и знаетъ. У него во многихъ случаяхъ остается вся власть выбирать, что ему нравится, назначать и заказывать авторамъ, влiять на нихъ своимъ талантомъ и вѣсомъ, и въ результатѣ—исполнять то, что ему дорого. Отчего актеры-евреи ни-

когда не воспользовались этою властью и возможностью? Охоты, потребности не было! Или знанія? Но подумайте только, еслибъ такая геніальная женщина, какъ Рашель, хоть иной разъ, хоть изрѣдка, швырнула бы на единую минуту въ сторону свой нестерпимый лже-классическій котурнъ, скроенный во времена версальскаго царя-солнца, Людовика XIV, задавленнаго саженнымъ парикомъ, и подпертаго аршинными каблуками, и окунулась бы въ истинную еврейскую исторію, въ истинные еврейскіе характеры и сцены! Что бы это была тогда за глубина, правда, страстность и красота! Но бѣдной Рашели, испорченной ложнымъ тогдашнимъ художественнымъ воспитаніемъ, наравнѣ со всею ея европейскою публикою, не могло еще этого и приходить на мысль, и она всю силу громаднаго, чуднаго своего таланта продолжала расточать на искусственную пластичность и условную красивость выраженія Федръ, Герміонъ и Роксанъ. Пробованныя же ею роли Юдифи, Эсѳири, Аталіи были ничто иное, какъ мистификаціи: тутъ не было и тѣни чего-либо еврейскаго, все только та-же корнеліевская и расиніевская несносная реторика. Надобна была вся глубокая страстность этой еврейки, чтобъ, не смотря ни на что, въ ея классическихъ роляхъ сіяли все-таки ослѣпительнымъ блескомъ ея внутренній огонь, душевная ея сила и поразительное великолѣпіе ея драматической пластики. Бѣдная Рашель! На какія пустыя задачи потратила она всю свою жизнь и талантъ!

Послѣ долгаго антракта, у Рашели нашлась, на нашемъ еще вѣку, наслѣдница: Сара Бернаръ. Эта новая еврейка далеко не равнялась прежней по силѣ выраженія и красотѣ пластики, по геніальной необузданности вдохновенія, но талантъ ея многостороннѣе и разнообразнѣе. Она не только изумительная актриса, она талантливая скульпторша и живописица, она тоже и талантливая писательница. И каждымъ искусствомъ она занимается съ тою энергическою страстностью, которая на половину всегда ручается за успѣхъ таланта. Для самаго серьезнаго изученія своего дѣла она себя не жалѣла. Сюда она вкладываетъ всѣ свои силы, и не смотря на тяжкую усталость отъ театральнаго представленія, проводитъ потомъ иногда цѣлыя ночи напролетъ въ своей мастерской, за лѣпкой бюста или статуи. На большой парижской выставкѣ 1876 года жюри присудилъ ей „почетный

отзывъ“ за группу ея, изображавшую сумасшедшую отъ горя старуху надъ трупомъ молодого сына ея, только что вытащеннаго изъ воды, на берегу моря. Много еще было тутъ технической неопытности и неумѣлости, но ярко бросалась въ глаза глубокая драматичность и правда выраженія бѣдной женщины: она была скопирована съ натуры, Сара Бернаръ собственными глазами видѣла эту страшную минуту, эту потрясающую сцену. Вылѣпливая свою группу, она торопилась не художникомъ себя выказать, а выразить въ глинѣ то, что мучительнымъ гнетомъ давило ея душу. Но такъ глубоко принимаютъ впечатлѣнія и творятъ только одни настоящіе художники. На выставкѣ 1878 года (одновременно со всемірной выставкой) Сара Бернаръ выставила два бюста, вылитыхъ изъ бронзы: одинъ Эмиля Жирардена, другой какого-то еще другого литератора. Тутъ успѣхъ былъ громадный уже и по техникѣ, и не было художника въ Парижѣ, который не сознавалъ бы этого успѣха и съ восхищеніемъ громко не трубилъ бы о немъ повсюду: вѣдь нынче Сара Бернаръ — божество всего Парижа, особенно всѣхъ художниковъ. И какъ имъ было не радоваться на блестящее усовершенствованіе своей фаворитки, глядя на чудесно вылѣпленную голову Жирардена, на тонкое выраженіе его лица, на умъ въ глазахъ, на сложившуюся складкой хитрую улыбку его губъ. Представьте же себѣ, какъ великолѣпна должна быть на сценѣ, какъ должна постоянно развиваться та актриса, глубоко талантливая уже по природѣ, да въ добавокъ такъ сильно и постоянно работающая надъ разнообразными сторонами своей богатой художественной натуры.

И дѣйствительно, Сара Бернаръ — одно изъ самыхъ яркихъ явленій современной художественности въ Европѣ. Страстность, сила, правдивость выраженія, естественность и простота, сарказмъ и насмѣшка, наивная грація, трагичность, прелесть позы, голоса и произношенія — все въ ней соединяется. Къ несчастію, она слишкомъ стала француженкой, и слишкомъ мало осталась еврейкой. Но что, еслибы ей случилось однажды напасть, среди своихъ многочисленныхъ ролей, на еврейскую роль и личность. Вѣдь у талантливаго Айры Ольдриджа что было самаго поразительнаго, самаго великолѣпнаго, самаго талантливаго? Конечно, роль Отелло: тутъ на сценѣ было его племя, его раса, ду-

шевныя движенія, натура и ухватки негра, и съ безпредѣльной правдой выраженія, тутъ вылившейся, уже ничто другое не могло равняться. Мнѣ кажется, что-то подобное могло бы случиться въ прежнее время съ Рашелью, въ настоящее время съ Сарой Бернаръ. Пусть бы она немножко поменьше играла на своемъ вѣку реторичныхъ лжегреческихъ Андромахъ Расина, или испанскихъ донна Соль Виктора Гюго, (подчасъ столькоже вычурныхъ и реторичныхъ), играла бы поменьше нелѣпыхъ и невообразимыхъ „Иностранокъ" Александра-Дюма-сына и пусть бы хоть когда-нибудь счастливый случай заставилъ ее взять и создатать со всею талантливостью типъ и характеръ которой нибудь еврейки прежняго или нынѣшняго времени — и, кажется, тутъ можно было-бы ожидать чего-то такого, что выдвинуло бы талантъ ея въ еще болѣе чудесномъ блескѣ и оригинальности. Вѣдь не до такой-же степени вытравлено еврейство въ Европѣ, чтобъ талантливому художнику или художницѣ этого племени нечего было тамъ и черпать характернаго и оригинальнаго, т. е. самаго драгоцѣннаго для искусства.

Удивительно, какъ еврейскіе художники сами не видятъ и не понимаютъ собственныхъ-же своихъ пользъ и выгодъ. Впрочемъ они въ этомъ не одни.

Придетъ-же, однако, должно быть, и то время, когда уже съ этой стороны не придется болѣе упрекать ни одного изъ нихъ, и евреевъ, и не-евреевъ.

Не будучи евреемъ, я считалъ интереснымъ и важнымъ разсмотрѣть права и обязанности еврейскаго художника и еврейскаго художества.

Мнѣ казалось, что надо же кому-нибудь и изъ не-евреевъ этимъ заняться, когда сами евреи того не дѣлаютъ, что должны были-бы дѣлать. При этомъ, у меня нѣтъ и не было никакой исключительной симпатіи специально къ еврейскому искусству. Въ продолженіе долгой моей жизни, посвященной изученію исторіи искусства и художниковъ, мнѣ приходилось не разъ печатно высказывать мое мнѣніе о многихъ художественныхъ школахъ: особенно меня всегда интересовали тѣ школы, которымъ, наконецъ, удавалось возродиться, на нашемъ вѣку, изъ долгаго ледянаго омертвенія.

Таковы были новыя школы: испанская, венгерская, польская, тирольская, шведская, всѣ итальянскія, американская; наконецъ, и болѣе всего—русская. Еврейская школа—только одна изъ нихъ. Какъ-же о ней не говорить, какъ-же ее тоже не разсматривать?

В. Стасовъ.

ОБОЗРѢНІЕ ЕВРЕЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

До-журнальное время. — Литературные сборники добраго стараго времени. — Зарожденіе правильной періодической печати. — Погоня г. Цедербаума за двумя зайцами и что изъ этого вышло. — Второй періодъ еврейской журналистики: Гашахаръ, Гацфира и проч.

I.

Если судить о состояніи какой-нибудь литературы по количеству ея періодическихъ изданій, то надо будетъ признать, что для еврейской литературы насталъ теперь золотой вѣкъ, что она дошла до такой высоты процвѣтанія и развитія, какой она прежде никогда не знала. Въ самомъ дѣлѣ, никогда на еврейскомъ языкѣ не существовало столько повременныхъ изданій и никогда эти изданія не представляли такого разнообразія, такого шумнаго и оживленнаго движенія, какъ въ настоящее время. Явленіе, составляющее характеристическую черту культурной жизни нашего времени и состоящее въ томъ, что журналистика, этотъ могучій рычагъ нашей общественной и политической жизни, поглощаетъ и порабощаетъ себѣ всѣ отрасли литературнаго творчества, повторилось и на почвѣ старинной еврейской письменности. Еще лѣтъ десять - пятнадцать назадъ еврейскіе писатели, за неимѣніемъ литературныхъ органовъ, принуждены были печатать всѣ произведенія своего пера отдѣльными книгами и брошюрами, такъ что нерѣдко случалось видѣть въ печати тощенькую книжонку въ десятокъ страницъ, въ которой крошечное содержаньице тонуло въ цѣломъ потокѣ предисловій и отзывовъ разныхъ признанныхъ и непризнанныхъ литературныхъ авторитетовъ, безъ защиты которыхъ рѣдкій авторъ дерзалъ посылать свое духовное дѣтище на свѣтъ Божій и судъ людской. Кто хотѣлъ печатать стихотвореніе—

а такихъ охотниковъ среди еврейской пишущей братіи всегда было не мало,—тотъ долженъ былъ написать ихъ цѣлый томъ, и затѣмъ печатать на свой счетъ и страхъ, что обыкновенно, кромѣ расходовъ и хлопотъ, ничего ему не приносило. Теперь положеніе дѣла совершенно измѣнилось. Книгъ и брошюръ выходитъ все меньше и меньше, а, вмѣсто того, возникаетъ одна газета за другой, одинъ журналъ за другимъ. Мало того, въ еврейской журналистикѣ стало обнаруживаться даже что-то въ родѣ направленія, вещь для періодической еврейской письменности рѣшительно новая и неслыханная. Въ доброе старое время, во времена „Меасфимъ", „Биккуре-Иттимъ", „Керемъ-Хемедъ", когда идея созданія періодической еврейской литературы впервые получила свое осуществленіе, о какомъ нибудь направленіи смѣшно было-бы и думать. Названные журналы, выходившіе всего одинъ разъ въ годъ, обыкновенно пополнялись чѣмъ Богъ пошлетъ, хотя по мнѣнію ихъ редакторовъ все, что печаталось въ ихъ изданіяхъ, была несомнѣнно серьезная еврейская наука. Тутъ были: ученые трактаты о какихъ то, никому невѣдомыхъ, манускриптахъ, уже многія сотни лѣтъ покоющихся въ знаменитыхъ еврейскихъ книго хранилищахъ, комментаріи къ труднымъ мѣстамъ библіи и талмуда, какія нибудь ужь через-чуръ невинные разсказцы, болѣе умѣстные въ книжкахъ для первоначальнаго чтенія и часто оттуда заимствованные, не менѣе невинныя стихотворенія, сюжетомъ которыхъ обыкновенно бывали „звуки сладкіе и молитвы", воспѣваніе златой луны, лучей солнца, зелени луговъ и лѣсовъ, чистоты пастушеской любви; дальше шли болѣе чѣмъ наивныя эпиграммы, загадки и поговорки, а иногда, для разнообразія, размышленія о бренности міра сего, хвалебные гимны добродѣтели и душеспасительная мораль для юношества. Бывали впрочемъ и статьи тенденціознаго характера. Въ нихъ, обыкновенно, съ самой педантической серьезностью доказывалось, что образованіе, вѣдь въ сущности, дѣло вовсе не богопротивное, что знаніе языковъ вовсе не мѣшаетъ быть богобоязненнымъ евреемъ, что земледѣліе и ремесла вовсе не унижаютъ достоинства занимающихся ими. Такая незлобивая мудрость преподавалась на разные лады, подкрѣплялась цитатами изъ талмуда и его камментаріевъ и предназначалась для того, чтобы образумить благочестивыхъ читателей и внушить имъ любовь къ просвѣщенію. Серьезныя литературныя работы, какъ

статьи Крахмаля или нѣкоторыя изъ статей Раппапорта въ „Бяккуре-Иттимъ“, были весьма рѣдкими, почти единственными исключеніями. Такова была общая картина, представляемая еврейской журналистикой того времени. Понятно, что при такомъ состояніи послѣдней, о направленіи нечего было и думать.

Впрочемъ, не многимъ лучше стало и послѣ, когда возникли еврейскія еженедѣльныя газеты. Первая такая газета появилась подъ именемъ „Гамаггидъ“ въ Лыкахъ, въ восточной Пруссіи, хотя, конечно, издавалась она преимущественно для русскихъ евреевъ. Это было въ 1854 году, когда крымская война была въ разгарѣ, когда газетное дѣло въ Россіи было вообще въ чрезвычайно незавидномъ положеніи, а евреи, громадное большинство которыхъ не понимало по русски, должны были утолять свою жгучую жажду новостей свѣдѣніями, добытыми въ лакейскихъ разныхъ господъ портными, обойщиками и тому подобнымъ людомъ, приходящимъ въ столкновеніе съ нееврейскимъ міромъ. Время, какъ видите, было выбрано весьма ловко. Дѣйствительно, на первые №№ „Гамаггида“ евреи набросились съ такимъ азартомъ, съ такой жадностью, что его стали читать даже въ синагогахъ и въ молитвенныхъ домахъ—дѣло неслыханное въ еврейскомъ мірѣ. Лишне было бы сказать, что евреевъ интересовалъ только отдѣлъ новостей, по преимуществу извѣстія съ театра войны. Впрочемъ, какъ бы эти отдѣлы въ названной газеткѣ ни были составлены безтолково и неумѣло, они всетаки составляли самую интересную часть изданія, даже въ литературномъ отношеніи; другіе отдѣлы были ниже всякой критики. Они наполнялись разными полуграматными письмами со всѣхъ концовъ земли, неустававшими хвалить великія заслуги издателя г. Зельбермана и величать его такими гиперболическими титулами, которые въ настоящее время возможны развѣ только еще въ Поднебесной имперіи. Разумѣется, что тутъ не чувствовалось также недостатка въ бездарныхъ стихотвореніяхъ, загадкахъ и тому подобныхъ прелестяхъ литературы временъ Мендельсона и Веселли; были даже разсказы о чудесахъ въ святыхъ мѣстахъ. Но все это не мѣшало г. Зильберману дѣлать изъ своего изданія хорошій гешефтъ. Съ теченіемъ времени, онъ увеличилъ форматъ своей газетки, сообщилъ ей вообще болѣе опрятную внѣшность; но духъ и характеръ газетки остался все тотъ же; только самъ г. Зильберманъ сталъ самоувѣреннѣе и высокомѣрнѣе. Если случалось, что кто нибудь изъ болѣе даровитыхъ и развитыхъ еврейскихъ писателей былъ настолько наивенъ, чтобы прислать въ редакцію „Гамаггидъ“ болѣе или менѣе дѣльную и интересную статью, то г. Зильберманъ обыкновенно считалъ болѣе удобнымъ для себя не печатать такой статьи. Если же авторъ изъявлялъ неудовольствіе, то всемогущій редакторъ выходилъ изъ себя, и будучи самъ человѣкомъ весьма ограниченныхъ познаній, онъ не совѣстился однако принимать строго-наставительный тонъ, чтобы отдѣлать русско-еврейскихъ молодыхъ людей за ихъ слишкомъ строптивый нравъ и слишкомъ рѣзкія новаторскія стремленія. Нѣкоторымъ изъ болѣе даровитыхъ и добросовѣстныхъ онъ даже прямо объявилъ войну на жизнь и на смерть, при чемъ оборонительнымъ оружіемъ служила ему непроницаемая броня безстыднаго высокомѣрія и непроходимаго невѣжества, а наступательнымъ—клевета, ложь, инсинуація, даже проклятія. Какъ на примѣръ такой литературной развязности, укажемъ только на отношеніе издателя „Гамаггида“ къ г. Лиліенблюму. Какъ разъ въ то время, когда этотъ честный и талантливый писатель сталъ предметомъ самыхъ дикихъ преслѣдованій со стороны вильномирскихъ, ковенскихъ и разныхъ другихъ мракобѣсовъ, г. Зильберманъ, вмѣсто того, чтобы взять угнетеннаго, и тогда уже весьма замѣтнаго литературнаго дѣятеля подъ свою защиту, еще болѣе разжигалъ страсти его обвинителей, обзывая его то „охеръ-исросль“, (предателемъ своего народа) то современнымъ Ейзенмелиромъ, проклиная его на семъ свѣтѣ и пророчествуя ему всѣ мученія ада въ будущемъ. Такова была дѣятеность Hamaggid во все время его существованія; таковой она осталась и теперь, когда онъ уже, впрочемъ, потерялъ большую часть своего кредита.

Гораздо серьезнѣе и толковѣе отнесся къ своему дѣлу редакторъ другой газеты, возникшей въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Вильнѣ, подъ именемъ „Гакармель“. Редакторъ этой газеты, единственный еврейскій историкъ въ Россіи, С. I. Финъ, человѣкъ съ громадной эрудиціей и серьезнымъ взглядомъ на вещи, повидимому имѣлъ намѣреніе создать серьезный общественно-литературный органъ на еврейскомъ языкѣ. Дѣйствительно, въ „Гакармель“ довольно часто появлялись дѣльныя статьи съ серьезнымъ содержаніемъ; особенно дѣльны и содержательны бывали статьи самаго г. Фина. Но во-первыхъ, и „Гакармель“ не обнаруживалъ

склонности стать на твердую почву, принимать какое-нибудь опредѣленное направленіе, покрайней мѣрѣ, онъ былъ крайне неустойчивъ въ избранномъ направленіи; во-вторыхъ слишкомъ серьезный тонъ многихъ изъ его статей, извѣстная тяжеловатость языка, хотя вообще правильнаго и логическаго, сдѣлали „Гакармель" почти неудобочитаемымъ для большинства евреевъ, вообще не привыкшихъ къ сколько нибудь сложнымъ предложеніямъ, построеннымъ по всѣмъ правиламъ современной техники рѣчи. Слѣдствіемъ всего этого было то, что „Гакармель" не имѣлъ успѣха, а по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ его существованія, г. Финъ принужденъ былъ превратить свою газету въ требующій сравнительно меньше расходовъ, ежемѣсячный журналъ, который, впрочемъ, выходилъ весьма неаккуратно, такъ что одно время, онъ, по видимому, совсѣмъ было прекратился, но мѣсяцъ тому назадъ онъ опять сталъ выходить—съ твердымъ обѣщаніемъ—быть аккуратнымъ. Этотъ журналъ имѣетъ много серьезныхъ сотрудниковъ и читателей, но—мало подписчиковъ, т. е. представляетъ собою совершенную противоположность съ „Гамаггидомъ".

Первый примѣръ еврейскаго періодическаго изданія въ Россіи не остался, однако, безъ подражателей. Вслѣдъ за „Гакармелемъ" въ Одессѣ появилась другая еженедѣльная газета, подъ именемъ „Гамелицъ", подъ редакціей г. Цедербаума, человѣка до тѣхъ поръ мало извѣстнаго въ литературѣ. Эта новая газета впервые стала обнаруживать признаки нѣкотораго направленія, кое какихъ сознательныхъ стремленій, и надо отдать справедливость г. Цедербауму: онъ съумѣлъ составить себѣ комплектъ сотрудниковъ, писавшихъ не съ одною цѣлью упражненія въ еврейской стилистикѣ, какъ писало тогда большинство еврейскихъ корреспондентовъ. Многіе изъ бывшихъ сотрудниковъ „Гамелица" и теперь еще принадлежатъ къ самымъ почетнымъ именамъ еврейской литературы. По преимуществу, „Гамелицъ" держался направленія обличительнаго, при чемъ богатое поле для подобнаго рода дѣятельности представлялъ хассидизмъ, преобладавшій и, къ сожалѣнію, донынѣ еще преобладающій въ еврейскомъ населеніи юго-западной Россіи и новороссійскаго края. Конечно, и „Гамелицъ" не обходился безъ колебаній въ разныя стороны, безъ статей, цѣли которыхъ никто не понималъ, безъ скучно-наставительнаго тона въ назиданіе юношеству, при всемъ томъ, тутъ была жизнь, была

борьба: обсуждались жизненные интересы еврейскаго народа; слышалось живое слово страсти и увлеченія; молодыя еврейскія силы, задавшись широкими планами о переустройствѣ быта своихъ единоплеменниковъ, изливали свою желчь противъ тѣхъ, кого они считали помѣхой на пути къ этому переустройству. Можетъ быть, что многія изъ этихъ филиппикъ „дѣтей" были усердіемъ не по разуму, такъ какъ страстность защиты часто мѣшала дѣлу, которое она защищала, широкіе планы оказывались хорошими только на бумагѣ, но, какъ бы то ни было, главное все-таки было сдѣлано: равнодушіе и апатія „отцовъ" были пробиты, нашлись люди, которые поняли больныя стороны русскихъ евреевъ и стали принимать ихъ горячо къ сердцу,

А остальное — все сдѣлаетъ время;
Сѣетъ онъ всетаки доброе сѣмя.

Да, доброе сѣмя сѣялъ въ то время „Гамелицъ", и еще долго могъ бы быть полезнымъ органомъ для русскихъ евреевъ, если-бы слишкомъ энергическому г. Цедербауму не вздумалось взяться за дѣло, для котораго онъ меньше всего годился — за изданіе еврейскаго органа на русскомъ языкѣ, которое оказалось ему не по плечу. Слѣдствіемъ этого „превышенія власти" было то, что г. Цедербаумъ сталъ небрежно относиться къ дѣламъ „Гамелица", а равно и другаго, чрезвычайно полезнаго, его изданія на еврейскомъ жаргонѣ „Колъ-Мевассеръ", и „Гамелицъ", пришелъ въ такой упадокъ, что о немъ скоро забыли даже самые преданные его друзья.

Съ паденіемъ „Гамелица" начинается второй періодъ въ еврейской журналистикѣ, въ который заграничная печать опять преобладаетъ. Она то и составляетъ задачу настоящаго обозрѣнія. Чтобы покончить однако съ первымъ періодомъ, слѣдуетъ еще оговориться, что кромѣ названныхъ органовъ, въ разныхъ странахъ еврейской осѣдлости появлялись еще многія другія еврейскія изданія, какъ напримѣръ „Га-Либанонъ" въ Майнцѣ, „Хабацелетъ" въ Іерусалимѣ, „Мевассеръ" во Львовѣ, "Гоибри" въ Бродахъ и еще другіе; но на нихъ долго останавливаться не приходится. „Хабацелетъ" посвящалъ себя спеціально палестинскимъ интересамъ и для міра сего значенія не имѣетъ. Впрочемъ, надо признать, что для Іерусалима эта газетка довольно либеральная. Статьи „Мевассера" обыкновенно бывали собраніемъ трескучихъ, избитыхъ, пустыхъ и часто совер-

шенно безсмысленныхъ фразъ, которыми г. Когенъ-Цедекъ всегда любитъ кормить своихъ читателей до тошноты. „Гоибри“ былъ образцомъ безтолковости, безтактности и самаго наивнаго спекуляторства. Что же до „Га-Либанона“, этого газетнаго Тартюфа, составляющаго, по своей продажности, небывалое въ еврейской печати явленіе, то, изъ уваженія къ читателямъ, обойду его презрительнымъ молчаніемъ. Скажу только, что напрасно этотъ изолгавшійся іезуитъ величаетъ себя органомъ нашихъ раввиновъ. Къ чести послѣднихъ, я могу утверждать, что лучшіе изъ нихъ также презираютъ майнскаго іезуита, какъ вообще вся лучшая часть читающей публики. Что же касается остальныхъ, имѣющихъ еще нѣкоторое довѣріе къ этому проходимцу, то ихъ тоже нельзя особенно винить: не вѣдаютъ бо, что творятъ.

II.

Назадъ тому лѣтъ десять, въ Вѣнѣ возникъ новый еврейскій журналъ, подъ именемъ „Гашахаръ“. Сначала на этотъ журналъ обратили мало вниманія, отчасти потому, что имя его редактора, г. Смоленскаго, тогда было извѣстно развѣ только самымъ рьянымъ чтецамъ, по какимъ-то, не особенно значительнымъ, брошюрамъ, а больше потому, что любители еврейской литературы въ Россіи привыкли относиться съ довольно основательной недовѣрчивостью къ изданіямъ заграничной печати. Къ тому же въ періодъ времени, о которомъ идетъ рѣчь, жаръ къ новостямъ еврейской литературы вообще уже сильно остылъ даже въ Россіи. Молодежь стала все болѣе и болѣе стремиться къ сліянію съ кореннымъ населеніемъ и увлекаться грандіозными произведеніями новыхъ литературъ; въ такое время было слишкомъ мало надежды на процвѣтаніе новаго еврейскаго журнала. Кромѣ всѣхъ этихъ внѣшнихъ причинъ г. Смоленскій, казалось, самъ создалъ для своего изданія еще одно внутреннее затрудненіе, и довольно значительное. Дѣло въ томъ, что съ самаго начала своей редакторской дѣятельности, г. Смоленскій отказался принимать какіе-либо переводы, объявивъ, что будетъ печатать въ своемъ журналѣ одни только оригинальныя еврейскія произведенія. А между тѣмъ, стоило посмотрѣть на какое бы то нибыло изъ прежнихъ періодическихъ изданій на еврейскомъ языкѣ, чтобы убѣдиться, что безъ переводовъ существованіе ихъ было почти невозможно: во

многихъ журналахъ переводы составляли большую половину всего изданія. Переводились всякія нѣмецкія и французскія бредни и обветшалости; переводились сказки, басни, стишки, эпиграмочки, поэтическія грезы, философскія размышленія, словомъ все, начиная отъ назидательной мудрости школьныхъ книжекъ и кончая ученой затхлостью средневѣковыхъ схоластиковъ; все это съ гордостью и самодовольствомъ преподносилось еврейскимъ читателямъ въ переводѣ на ихъ священный языкъ, переводѣ въ большинствѣ случаевъ или дѣтскомъ, поверхностномъ, или туманномъ, жесткомъ и неудобоваримомъ. Оригинальныя же статьи вообще встрѣчались не часто; порядочная же оригинальная статейка была прямо рѣдкостью. Изъ сказаннаго легко будетъ понять, что предпріятію г. Смоленскаго, рѣшившагося помѣщать въ своемъ журналѣ только литературныя работы, такъ сказать родившіяся на еврейской почвѣ, нельзя было предсказывать особеннаго успѣха. Вышло однако другое. Уже во второй годъ своего существованія, „Гашахаръ“ сталъ обращать на себя вниманіе молодежи; его стали читать. Благодаря своей энергіи, г. Смоленскій успѣлъ заручиться сотрудничествомъ самыхъ серьезныхъ и даровитыхъ писателей. Кромѣ того, онъ самъ неустанно работалъ для своего журнала, подвизаясь преимущественно на пути беллетристики и публицистики. Направленіе „Гашахаръ“, какъ органа прогрессивной національной дѣятельности, настолько уже выяснилось, что сторонники этого направленія въ еврейской жизни стали смотрѣть на „Гашахаръ“, какъ на горячаго защитника ихъ дѣла; все же враждебно относящееся къ этому направленію, почуяло въ новомъ журналѣ своего опаснѣйшаго противника, съ которымъ надо бороться всѣми силами и средствами.

Около этого времени, Л. О. Гордонъ сталъ печатать въ „Гашахаръ“ свои въ высшей степени талантливыя „Маленькія Басни для большихъ дѣтей“, которыя имѣли такой блистательный и вполнѣ заслуженный успѣхъ, что я позволю себѣ поговорить о нихъ нѣсколько подробно. Въ этихъ чрезвычайно оригинальныхъ басняхъ что ни строка, то глава еврейской жизни, что ни слово, то неотразимый ударъ рутинѣ и мракобѣсію; сюжеты взяты, такъ сказать, изъ самаго водоворота еврейской бытовой жизни, а постройка и изложеніе поражаютъ какой то очаровательной свѣжестью. Но преобладающей ихъ чертой, это — юморъ, ѣдкій,

острый игривый и вмѣстѣ трогательный, неподражаемый юморъ, который по мѣстамъ сильно напоминаетъ молніеносный гейневскій смѣхъ, въ которомъ такъ часто звучала надтреснутая нотка едва сдерживаемыхъ слезъ. Въ этихъ маленькихъ басняхъ Л. О. Гордономъ затронуты самыя разнообразныя явленія еврейской жизни. Есть тутъ и купцы, и раввины, и кагальные дѣятели и вообще разный людъ типичной еврейской выдѣлки, но особенно часто героями его басень бываютъ раввины, которые далеко не пользуются расположеніемъ поэта, въ особенности они вооружаютъ его противъ себя своей педантической и подчасъ безтолковой строгостью въ отношеніи не только къ догматамъ еврейской вѣры, насколько они выражаются въ Св. писаніяхъ и разъясненіяхъ первыхъ талмудистовъ, но и ко всѣмъ тѣмъ безчисленнымъ прибавленіямъ, предписаніямъ и запрещеніямъ, которыя составляютъ громаднѣйшій наростъ среднихъ вѣковъ и новаго времени; при этомъ поэтъ весьма удачно подбираетъ моменты, въ которыхъ закорузлая педантичность раввиновъ является во всей роковой силѣ своего гнетущаго дѣйствія на бѣдные классы еврейскаго населенія. Такъ напримѣръ, въ одномъ разсказѣ бѣдная еврейка съ трудами и лишеніями выкармливаетъ въ продолженіи цѣлой зимы пару индюковъ, чтобы хоть разъ въ годъ, въ пасхальные вечера, накрывать свой столъ не хуже другихъ; все время она бредитъ своими индюками, мысленно распоряжается каждой частью ихъ тучнаго, богато откормленнаго туловища для соотвѣтственнаго употребленія, имѣетъ надежду еще выручить что нибудь за перья и жиръ, и ждетъ не дождется праздниковъ, чтобы пожинать наконецъ плоды своихъ неустанныхъ трудовъ и попеченій. Настаетъ наконецъ вождѣленный день, этотъ грозный мучитель еврейскихъ хозяекъ и служанокъ — канунъ пасхи. Бѣдная еврейка отправляется съ своими индюками къ рѣзнику, полная надежды и самыхъ розовыхъ плановъ и возвращается оттуда—несчастная, убитая горемъ и печалью: въ ея индюкахъ оказалась какая то неладность, какая то ничтожная царапинка, къ которой раввинъ придирается и, не смотря на мольбы и горькія слезы бѣдной женщины, грозно объявляетъ индюковъ трефными. Представивъ въ сильныхъ и яркихъ краскахъ положеніе несчастной женщины, всѣ надежды которой были безжалостно разбиты пастырскимъ приговоромъ, поэтъ съ демоническимъ сарказмомъ успокаиваетъ

ее, говоря: „Что же ты такъ горюешь, неразумная женщина? Что жестокосердіе раввиновъ отняло у тебя послѣднюю пищу? Но вѣдь исходъ еще найдется тебѣ: ты можешь, напримѣръ, еще отправиться съ своими дѣтьми по домамъ, по домамъ милостыни просить; евреи народъ сострадательный“.

Въ другомъ разсказѣ поэтъ вводитъ насъ въ домъ еврейскаго извощика, опять въ первый вечеръ Пасхи. Послѣ тяжелыхъ непосильныхъ трудовъ, для добыванія всего необходимаго къ великому національному празднику, хозяинъ наконецъ сидитъ, окруженный своими дѣтьми за накрытымъ чистой скатертью столомъ, на которомъ находятся всѣ нужныя принадлежности для традиціонныхъ символическихъ обрядовъ этого вечера и съ непривычной ему торжественностью въ лицѣ освящаетъ величіе и торжественность минуты чаркой незатѣйливаго вина. Во время чудныхъ, полныхъ восточной прелести разсказовъ объ исходѣ предковъ изъ страны глубокаго рабства и сопровождавшихъ его чудесахъ, какъ самъ хозяинъ, такъ и его дѣти, по обычаю не ѣвшіе съ самаго утра, бросаютъ страстные и нетерпѣливые взгляды на кухню, гдѣ въ этотъ день кипѣла особенно жаркая дѣятельность. Наконецъ настаетъ время ужина; всѣ чувствуютъ самые сильные припадки волчьяго аппетита. Глава семейства кличетъ свою Сару, которая все еще копошится на кухнѣ; но она что то мѣшкаетъ. Она стоитъ въ кухнѣ блѣдная, какъ смерть, съ выраженіемъ ужаса и отчаянія въ лицѣ. Что же такое случилось? А случилось то, что въ горшкѣ съ супомъ Сара вдругъ увидѣла, страшно сказать... ячменное зерно, которое въ пасху не только не можетъ идти въ пищу, но даже оскверняетъ посуду, въ которой оно нашлось и ту посуду, въ которую попала какая нибудь капля съ первой посуды и т. д. до безконечности. Въ страшномъ испугѣ и ломая руки, Сара разсказала мужу, что они остались безъ ужина и безъ посуды, но онъ, по своей грубой неотесанной натурѣ, и знать не хочетъ о случившемся и голосомъ, не допускающимъ возраженія, велитъ скорѣе подать яства ко столу. Страхъ предъ грубой силой мужа, а, можетъ быть, и жалость къ проголодавшимся дѣтямъ, заставляетъ Сару побороть въ себѣ возмутившееся религіозное чувство и, скрѣпя сердце, она исполняетъ приказаніе грознаго главы семейства; только сама она не можетъ пересилить себя и, послѣ голоднаго, хлопотливаго дня, ложится спать почти

натощакъ. Но этимъ страданія ея еще не кончены: „бѣда рѣдко приходитъ одна“: на завтра Сара, оправившись немного отъ вчерашняго несчастія, опять стоитъ въ кухнѣ и мысли ея сильно заняты кипящими предъ ней на очагѣ горшками, въ которыхъ готовится праздничный обѣдъ, какъ вдругъ — о, ужасъ! о, кара Божья! — опять ячменное зерно въ горшкѣ! „Тяжесть двухъ зернышекъ Сара выносить не могла“ и, пользуясь отсутствіемъ мужа, отправляется къ раввину спросить, что ей дѣлать. Раввинъ наморщилъ лобъ, погладилъ бороду, порылся въ толстыхъ фольянтахъ и, къ невыразимому отчаянію бѣдной женщины, объявляетъ, что всю пищу, какъ и всю посуду надо какъ можно скорѣе удалить изъ дому и уничтожить. Какъ громомъ пораженная, стоитъ Сара предъ жестокимъ оракуломъ; она плачетъ, умоляетъ его, говоритъ, что вся ея семья останется безъ всякой пищи, что ее ждетъ грозная расправа мужа за то, что пошла къ раввину, не слушаясь его предостереженій, и раввинъ наконецъ тронутъ ея мольбой. „Но что же вы думаете, читатель? Что онъ велѣлъ дать бѣдной семьѣ новую посуду и праздничныя трапезы на общинный счетъ? Отъ этого сохрани его Создатель!“ Онъ поступилъ гораздо рѣшительнѣе: отдалъ строгое повелѣніе упрятать мужа Сары въ темную и положить на него денежный штрафъ за неслыханное отступничество. Послѣдствіемъ этого благочестиваго распоряженія является то, что ребры бѣдной Сары хоть на время были защищены отъ мести мужа; но за то, лишь только мужъ очутился на свободѣ, онъ, набравшись куражу въ чаркѣ водки, расправляется съ женой по своему. „И Елифелетъ вспомнилъ о Сарѣ, какъ сказалъ, и дѣлалъ Елифелетъ Сарѣ, какъ говорилъ.“ Съ тѣхъ поръ домашній миръ въ домѣ Сары былъ навсегда нарушенъ, а въ концѣ концовъ, нашъ герой, не будучи болѣе въ состояніи преодолѣть возникшую въ немъ непріязнь къ женѣ, разводится съ ней и прогоняетъ ее изъ дому. Съ этого времени, когда Сара въ день девятаго Аба слушаетъ изъ устъ свѣдущихъ подругъ на женской половинѣ синагоги печальный разсказъ о томъ, что изъ за деревяннаго дышла былъ разрушенъ большой и многолюдный городъ Бетеръ, она, заливаясь горючими слезами, восклицаетъ: о, Богъ мой, а два ячменныя зерна разрушили мое счастье!“

Я такъ долго остановился на этихъ двухъ разсказахъ не потому, чтобы они были самыми лучшими продуктами гордоновскаго юмора: не менѣе таланта и ума проявляется и въ его „умирающемъ богачѣ,“ и во многихъ другихъ изъ упомянутыхъ басень, о которыхъ я здѣсь распространяться не могу, хотя они по истинѣ принадлежатъ къ перламъ беллетристической еврейской литературы. Но приведенные два разсказа заслуживаютъ особеннаго вниманія по своему сюжету, составляющему рѣзкій и энергическій протестъ противъ излишняго ригоризма раввиновъ, ригоризма не всегда искренняго. Въ то время вопросъ о нашихъ духовныхъ,—какъ ихъ называютъ для отличія отъ новыхъ, казенныхъ,—раввиновъ стоялъ на очереди. Онъ принадлежалъ къ самымъ животрепещущимъ вопросамъ дня, и въ періодической литературѣ занимались имъ и старъ и младъ. Сигналъ былъ поданъ тѣмъ же г. Гордономъ въ чрезвычайно талантливой, впрочемъ, болѣе остроумной чѣмъ содержательной, статьѣ въ „Гамелицъ“; въ томъ же духѣ и направленіи выступилъ затѣмъ и г. Лиленблюмъ и еще нѣкоторые другіе, а затѣмъ—уже пошла писать губернія. Оппозиція раввинамъ сдѣлалась вопросомъ моднымъ, о которомъ заговорили всѣ и повсюду; онъ чуть-ли не прокрался даже въ постничествующій органъ г. Зильбермана. Справедливость требуетъ признать, что въ отместку за нанесенныя имъ обиды, почтенные пастыри наши могли тогда, съ весьма понятнымъ злорадствомъ, отмѣчать многія безтактныя выходки со стороны ихъ самыхъ опасныхъ противниковъ. Что весь этотъ шумъ и гамъ значительно надорвалъ кредитъ раввиновъ въ глазахъ читающей публики, не подлежитъ сомнѣнію; но стали-ли сами раввины отъ этого лучше—судить не берусь. Впрочемъ, эти нападки на раввиновъ en-gros не долго сохранили свой острый характеръ; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, шумъ мало-по-малу сталъ утихать, только тамъ и сямъ еще раздавался какой-нибудь запоздалый голосъ; тамъ и сямъ раввинскій вопросъ служилъ еще матерьяломъ для какой-нибудь журнальной статьи или очерка, которые, впрочемъ, уже писались въ гораздо болѣе спокойномъ и достойномъ тонѣ.

Кромѣ г. Гордона, въ Hacchachar стали участвовать и другіе талантливые писатели, обсуждая и разрабатывая самыя разнообразныя явленія литературнаго и общественнаго міра. Изъ мрака забытья или неизвѣстности стали являться литературныя силы, которыхъ прежде никто не зналъ или знали очень немногіе и ко-

торые съ появленіемъ своимъ на литературномъ поприщѣ сразу обратили на себя всеобщее вниманіе. Къ такимъ мы причисляемъ гг. Еренкранца и Брандштедтера. Первый напечаталъ въ „Гашахарѣ“ весьма замѣчательную эпическую поэму подъ именемъ „Румыня“, которая настолько изобилуетъ чисто поэтическими красотами, что можетъ быть причислена къ лучшимъ этого рода во всѣхъ литературахъ. Что же касается г. Брандштедтера, то его разсказы такъ милы, такъ умно и талантливо написаны, что онъ почти съ перваго раза сдѣлался любимцемъ читателей „Гашахара“ и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди самыхъ даровитыхъ сотрудниковъ этого журнала. Впрочемъ, г. Брандштедтеръ уже нѣсколько извѣстенъ и читателямъ „Еврейской Библіотеки“, по одному изъ его разсказовъ, переведенному въ третьемъ томѣ этого изданія. Въ послѣднее время онъ помѣстилъ въ „Гашахарѣ“ еще одинъ разсказъ подъ именемъ „Докторъ Алпасси“. Говорятъ, въ основаніе этого разсказа легло дѣйствительное происшествіе, въ свое время надѣлавшее много шуму въ Галиціи. Этимъ обстоятельствомъ мы вѣроятно должны объяснить себѣ нѣкоторую неправдоподобность разсказанной г. Брандштедтеромъ исторіи.

Обработка этой пьесы не повсюду вполнѣ удачна; нѣкоторыя событія слишкомъ сжато переданы; но за то сколько тутъ прелестныхъ, дышащихъ правдой и жизнью страницъ! Какая сила и изящность языка! Какой веселый, здоровый юморъ! Какая правдивость въ сгруппированіи и обрисовкѣ лицъ и явленій! Очень хороши также многія изъ юмористическихъ картинокъ г. Брандштедтера; нѣкоторыя изъ нихъ по-истинѣ достойны кисти художника.

Но если г. Брандштедтеръ былъ, до появленія его имени въ „Гашахарѣ“, совершенно неизвѣстенъ, то этого нельзя сказать про другаго сотрудника этого журнала—г. Л. Левина, помѣстившаго въ немъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ стихотвореній. Его имя уже было извѣстно многимъ читателямъ по изданному имъ отдѣльному тому своихъ, впрочемъ довольно слабыхъ стихотвореній. Тѣмъ большими достоинствами блещутъ поэтическія произведенія, помѣщенныя имъ въ „Гашахарѣ“, въ особенности сатирическія пiесы. Подобныя стихотворенія дѣлаютъ честь любому журналу, любой европейской литературѣ. Характеръ этихъ стихотвореній по преимуществу обличительный, серьезный; предметами обличенія служатъ здѣсь не только темныя стороны

исключительно еврейской жизни, но и вообще больныя мѣста нашего больнаго вѣка. Написаны они языкомъ сильнымъ, мѣткимъ, богатымъ, а по мѣстамъ замѣчательно обработаннымъ. Хотя вліяніе Некрасова и другихъ русскихъ поэтовъ обличительной школы сквозитъ иногда въ нихъ изъ каждой строки, тѣмъ не менѣе мы должны признать стихотворенія г. Левина оригинальными и весьма талантливыми произведеніями. Я надѣюсь, что если г. Левину возможно будетъ серьезно заниматься развитіемъ своего недюжиннаго таланта, и если онъ не послѣдуетъ примѣру другихъ нашихъ знаменитостей, забывшихъ о своемъ талантѣ и своемъ призваніи за зеленымъ столомъ или за алтаремъ золотаго тельца, то онъ скоро займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди дѣятелей новой еврейской литературы.

Приведенными именами однако далеко не исчерпывается число дѣльныхъ сотрудниковъ „Гашахара“. За 10 лѣтъ его существованія въ немъ было помѣщено громадное число разсказовъ, очерковъ, стихотвореній и описаній, изобличавшихъ въ своихъ авторахъ положительныя дарованія, и если я не называю ихъ здѣсь по именамъ, то только потому, что это повело бы меня слишкомъ далеко. Но, кромѣ большаго отдѣла беллетристики, въ другихъ отдѣлахъ „Гашахара“ также не было до сихъ поръ недостатка въ значительныхъ литературныхъ силахъ. По отдѣлу литературной критики, я упомяну только статьи г. Лиліенблюма. Этотъ даровитый писатель всегда умѣетъ своими простыми, не обнаруживающими претензіи на глубокую мудрость, но за то глубоко прочувствованными словами, приковать къ себѣ вниманіе и симпатію своихъ читателей, особенно молодыхъ, болѣе искреннихъ и отзывчивыхъ, такъ что его имя стало въ нѣкоторомъ родѣ знаменемъ для читающей еврейской молодежи. Самое значительное, написанное г. Лиліенблюмомъ въ „Гашахара“, это—нѣсколько очень серьезныхъ и глубоко обдуманныхъ критическихъ статей о романѣ „Ханжа“ покойнаго Мапу (изъ школы котораго, впрочемъ, вышелъ и самъ г. Лиліенблюмъ), въ которыхъ намъ опять встрѣчается таже простота, безъискуственность и замѣчательная ясность изложенія въ соединеніи съ искренностью, продуманностью и убѣдительностью въ высказываемыхъ мысляхъ, которыя составляютъ исключительную особенность пера нашего критика; и здѣсь, какъ вездѣ въ послѣднихъ его произведеніяхъ, холодный, но честный, прямой но

не банальный умъ беретъ верхъ надъ безнадежнымъ и безконтрольнымъ преувеличеніемъ. Смотря на жизнь такимъ образомъ, г. Лиліенблюмъ, конечно, не могъ относиться вполнѣ одобрительно по многимъ идеалистическимъ, не выдерживающимъ здравой реальной критики явленіямъ и мыслямъ въ романѣ талантливаго самоучки. И дѣйствительно, при всемъ уваженіи, обнаруживаемому г. Лиліенблюмомъ къ несомнѣнно сильному таланту перваго еврейскаго романиста, ему довольно часто приходится указывать на недостатки и несообразности въ разбираемомъ имъ сочиненіи, и надобно сказать, что слова критика имѣли на многихъ фанатическихъ поклонниковъ идеализма à la Mapu очень отрезвляющее дѣйствіе. Они убѣдились, что хотя ихъ учитель былъ очень даровитый человѣкъ, но для того, чтобы быть великимъ романистомъ, недоставало ему одного, очень важнаго условія — всесторонняго знанія жизни, въ ея реальныхъ, бытовыхъ проявленіяхъ.

Изъ историческихъ изслѣдованій, печатавшихся въ разное время въ „Гашахарѣ", особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи г. Д. Кагано изъ Одессы о многихъ важныхъ болѣзненныхъ явленіяхъ въ культурно-исторической жизни евреевъ за послѣднія столѣтія; какъ напримѣръ, о франкистахъ, о Саббатай-Цеби и приверженцахъ его ученія. Въ статьяхъ о Саббитай-Цеби авторъ затронулъ также интересный эпизодъ о спорѣ двухъ знаменитыхъ корифеевъ талмудическаго міра прошлаго столѣтія — Емдена и Ейбшитца, споръ, который все болѣе и болѣе разгораясь, вышелъ наконецъ изъ области литературныхъ или догматическихъ несогласій (въ которой онъ вращался сначала, при всемъ его личномъ характерѣ), и принялъ характеръ борьбы на жизнь и и на смерть, въ которую должно было наконецъ вмѣшаться и правительство. Изъ фактовъ и документовъ, собранныхъ г. Кагано въ своихъ этюдахъ, видно, что подозрѣніе въ приверженности къ лжеученію Цеби, павшее на болѣе геніальнаго, чѣмъ прямодушнаго Ейбшитца, не было лишено всякаго основанія. Вообще работы г. Кагано отличаются рѣдкой содержательностью, безпристрастіемъ и большимъ знаніемъ дѣла.

Другія болѣзненныя явленія въ сферѣ всеобщей культуры служатъ предметомъ изслѣдованія другаго сотрудника „Гашахара" д-ра Робина, которому пришла счастливая мысль познакомить вреевъ съ сущностью миѳологіи, ученія Зароастра, со многими

замѣчателяными проявленіями суевѣрія и мистицизма въ среднихъ и новыхъ вѣкахъ, съ дѣятельностью алхимиковъ, астрономовъ. магиковъ и т. д. Что ознакомленіе съ сказанными явленіями можетъ принести еврейскимъ читателямъ громадную пользу — не подлежитъ сомнѣнію, если еще прибавить, что г. Робинъ обладаетъ рѣдкой эрудиціею и къ тому *умѣетъ* писать такія вещи, въ чемъ ему отчасти даже помогаетъ нѣкоторая сухость и кажущаяся необработанность изложенія, то легко будетъ понять, какимъ драгоцѣннымъ матерьяломъ г. Робинъ обогатилъ еврейскую литературу.

III.

Въ заключеніе своего сужденія о „Гашахарѣ", я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о дѣятельности самаго г. Смоленскаго, при чемъ я постараюсь опредѣлить его мѣсто, какъ весьма дѣятельнаго и талантливаго сотрудника своего журнала. Для этого мнѣ придется различить у него главнѣйшимъ образомъ два рода дѣятельности: беллетристическую и историко-публицистическую. Разумѣется, я не намѣренъ представить здѣсь полный разборъ сочиненій г. Смоленскаго по той и другой части; при замѣчательной плодовитости его пера, для этого потребовалась бы не статейка скромныхъ размѣровъ, а цѣлая книга внушительнаго объема, но я поговорю здѣсь только, такъ сказать, о главныхъ моментахъ дѣятельности нашего автора.

Первый его романъ, печатавшійся въ первыхъ годахъ „Гашахара" подъ названіемъ „Блуждающій по пути жизни", надѣлалъ въ свое время много шуму и завоевалъ почти неизвѣстному дотолѣ автору громкое имя. Если нельзя не признать, что романъ этотъ имѣетъ очень крупные недостатки, то, съ другой стороны, нельзя отрицать въ немъ также и довольно замѣтныя достоинства. Во всякомъ случаѣ, огромная масса еврейскихъ читателей сразу угадала въ г. Смоленскомъ значительное дарованіе и возлагала на него большія надежды, которыя, къ сожалѣнію, оправдались только на половину. Дѣло въ томъ, что чутье дѣйствительно не обмануло почитателей г. Смоленскаго; второй его романъ „Кебуратъ-Хаморъ" убѣдилъ даже людей, относившихся прежде скептически къ дарованіямъ новаго романиста, что у него талантъ есть и даже очень недюжинный. „Кебуратъ-Хаморъ" — разсказъ изъ

еврейской жизни въ Россіи, относящійся къ недавнему прошлому, въ которомъ мы встрѣчаемся съ типами и явленіями, хорошо намъ знакомыми, преимущественно по своему губительному вліянію на положеніе евреевъ, въ то время, вообще очень печальное. Тутъ выступаютъ міроѣды во всеоружіи своего ехиднаго ханжества, кагальные дѣльцы, жестокость которыхъ переходитъ всякія границы, но которые испрашиваютъ благословенье Божье, когда собираются отнять единственнаго сына у одинокой вдовы, совершаютъ богоугодныя дѣла на деньги, выжатыя всякими неправдами отъ работающихъ въ потѣ лица бѣдняковъ. Есть тутъ и дѣйствительно благочестивые, строго-нравственнные люди, которые, однако, даютъ вести себя за носъ разнымъ проходимцамъ-міроѣдамъ, пользующимся именемъ честныхъ людей для нечестныхъ дѣлъ; есть тутъ и простой народъ, существующій для того, чтобы быть дойной коровой для своихъ благодѣтелей — кровопійцъ; простой народъ, который въ мѣстностяхъ, гдѣ совершаются разсказанныя авторомъ событія, составляетъ не болѣе, какъ стадо овецъ, которыхъ стрижетъ всякій, кому придетъ охота, которыя часто дѣлаются жертвами вѣроломныхъ собакъ, находящихся при стадѣ для охраненія его отъ волковъ; волки и собаки соединяются для общаго дѣла хищничества и недогадливыя овцы дѣлаются ихъ общей добычей.

Такія печальныя картины часто попадаются намъ въ романахъ г. Смоленскаго; онъ вообще умѣетъ рисовать ихъ такими яркими красками, которыя не одну слезу вынудятъ у болѣе чувствительныхъ овцелюбцевъ. Но особенно рельефно, даже, можетъ быть, слишкомъ рельефно, эти явленія выступаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже упомянутаго нами романа „Блуждающій по пути жизни“ и затѣмъ въ „Кебуратъ-Хаморъ“. Послѣдній романъ есть въ нѣкоторомъ родѣ энциклопедія еврейской жизни въ маленькихъ городахъ въ Россіи, онъ одинъ изъ всѣхъ романовъ г. Смоленскаго представляетъ нѣчто стройное, цѣльное, законченное; тутъ есть строго обдуманный планъ, послѣдовательность явленій и выдержка характеровъ; это правдивый и съ большимъ умѣньемъ написанный разсказъ изъ еврейской жизни, изобилующій характеристическими и талантливо подобранными частностями, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о другихъ романахъ г. Смоленскаго, особенно о послѣднихъ. Почти всѣ они, кромѣ

развѣ „Симхатъ-Холефъ,“ носятъ отпечатокъ крайней скороспѣлости; концепція характеровъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно слабая; ходъ разсказа сшитъ на живую нитку; вялыя, частью, избитыя, философскія размышленія сопровождаютъ каждое новое явленіе или событіе; дешевый юморъ весьма сомнительной доброты замѣняетъ собою связный, живой разсказъ; на каждомъ шагу встрѣчаются повторенія; все пахнетъ какой-то дѣланностью, выдуманностью, лица и явленія, особенно такъ называемаго положительнаго характера, кажутся вамъ въ не естественной величинѣ, а на ходуляхъ; они не говорятъ, а умничаютъ, лекціи читаютъ, а если дѣлаютъ что нибудь, то все выходитъ какъ то не такъ, какъ оно дѣлается въ жизни, въ дѣйствительности; словомъ, на всѣхъ ихъ лежитъ печать искуственности, вымысла. Конечно, я не хочу этимъ сказать, что въ романахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, нѣтъ ничего хорошаго; при несомнѣнномъ талантѣ ихъ автора, это было-бы просто удивительно; напротивъ, многія страницы можно назвать прямо прекрасными; многія мысли поражаютъ новизной и глубиной; нѣкоторые лица хорошо очерчены; а иныя даже съ вполнѣ законченной типичностью; во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ авторъ наблюдательность, а иногда и глубокое пониманіе человѣческаго сердца; но во всемъ ихъ объемѣ эти романы представляютъ огромную массу бытоваго и психилогическаго матерьяла, совершенно необработаннаго или обработаннаго очень небрежно, съ плеча, напоминая собою то безконечное число французскихъ романовъ, которые представляютъ собою настоящій фейерверкъ всевозможныхъ неожиданностей и которые, повидимому, пишутся съ спеціальной цѣлью подготовленія возможно большаго контингента больныхъ для врачей психіатровъ. Г. Смоленскій, правда, больше щадитъ нервы своихъ читателей, не потрясая ихъ страшными убійствами и возмутительными преступленіями, какъ это дѣлается французскими романистами извѣстной школы, онъ не заставляетъ своихъ героевъ бѣжать изъ герметически запертыхъ тюремныхъ замковъ, получать сотни смертельныхъ ранъ и оставаться въ живыхъ; но у него также, какъ у сказанныхъ романистовъ, событія часто совершаются въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ, безъ достаточнаго анализа вызывающихъ ихъ причинъ, безъ психологическаго освѣщенія нравственной, внутренней ихъ стороны. Пока г. Смоленскій находится въ сферѣ чисто

еврейской жизни, его разсказы еще имѣютъ почву, обстановку; но лишь только онъ оставляетъ эту хорошо извѣстную ему область и обнаруживаетъ стремленіе создавать романы, что называется, im grossen Stil, то его разсказы теряютъ всякую обстановку, всякую бытовую физіономію. Вообще, по всему видно, что г. Смоленскій хочетъ писать большіе романы, писать ихъ какъ можно больше, но писать какъ-то не занимаясь ими, писать ихъ между дѣломъ, не заботясь ни о глубокомъ обдумываніи характеровъ и явленій, ни даже о сколько нибудь сносной обработкѣ ихъ. Такое халатное отношеніе г. Смоленскаго къ своей литературной дѣятельности заслуживаютъ самаго строгаго порицанія по двумъ причинамъ. Во первыхъ, такая манера писать со стороны человѣка, играющаго теперь первую скрипку въ довольно нестройномъ хорѣ еврейскихъ писателей и журналистовъ, должна извращать вкусъ юныхъ читателей и можетъ вызвать весьма не желательныя подражанія; во вторыхъ, многія мѣста въ „Блуждающемъ по пути жизни,“ „Кебуратъ-Хаморъ“ и „Симхатъ-Холефъ“ дали намъ право предвидѣть въ г. Смоленскомъ будущаго еврейскаго романиста, котораго намъ можно будетъ поставить рядомъ съ лучшими дѣятелями этого рода въ другихъ литературахъ, а не Romanenfabrikant'а a la Понсонъ-де-Терайль, Ксавье-де-Монтепенъ и какъ они тамъ всѣ еще называются. Не имѣть таланта—только досадно; но имѣть и извращать его, расходовать на мелочи — грѣшно и не простительно.

Совершенно въ другомъ свѣтѣ является намъ дѣятельность г. Смоленскаго на поприщѣ публицистики. Тамъ онъ пишетъ не для того, чтобы написать столько-то листовъ бумаги, а для того, чтобы высказывать свои, большей частью, очень зрѣлыя и хорошо придуманныя мысли; тамъ онъ говоритъ, какъ человѣкъ, въ высшей степени преданный интересамъ своего народа, развертывая предъ нами свои возрѣнія на историческое значеніе евреевъ и ихъ будущность. Онъ, конечно, можетъ ошибаться, удариться въ крайность; но онъ приноситъ несомнѣнную пользу, нарушая рутинный застой еврейской мысли, разрушая вѣковые предразсудки, направляя пытливый умъ молодыхъ читателей на рѣшеніе вопросовъ, о которыхъ они, благодаря умственному убожеству и безсодержательности большинства еврейскихъ писателей, до тѣхъ поръ не имѣли никакого понятія. Расширяя кругъ понятій своихъ читателей, г. Смоленскій обыкновенно обнаруживаетъ большую ясность ума, значительную силу комбинацій, здравое пониманіе исторіи, и нерѣдко становится оригиналенъ и поучителенъ. Владѣя вообще языкомъ въ замѣчательномъ, до сихъ поръ небываломъ, совершенствѣ, онъ умѣетъ такъ увлекательно и съ такой убѣдительностью излагать свои мысли, что никто изъ еврейскихъ писателей до него не можетъ похвалиться и частицей того вліянія, которое г. Смоленскій имѣетъ на умы большинства своихъ читателей, такъ что не безъ основанія нѣкоторыя нѣмецко-еврейскія газетки жалуются, что г. Смоленскій съ какой-то деспотической силой владычествуетъ въ еврейской литературѣ нашего времени. Оно, впрочемъ, и не удивительно, До г. Смоленскаго среди еврейскихъ писателей не было ни одного, который бы въ такой степени, какъ онъ, соединилъ въ себѣ дарованіе, смѣлый полетъ мысли, порядочное европейское образованіе, независимость характера и удивительное умѣнье владѣть языкомъ. Отъ него въ первый разъ еврейскій читатель слышитъ живое, свободно льющееся слово о вопросахъ, не надоѣвшихъ ему своей казенной стереотипностью и не выкапанныхъ въ грудахъ архивной пыли; въ первый разъ ему говорятъ о значеніи его народа въ прошломъ, объ ожидающей его будущности, и говорятъ не трескучими, кудрявыми, пустыми фразами, но стройно, увлекательно и ясно изложенными мыслями; въ первый разъ его вводятъ въ кругъ историческихъ идей, знакомятъ его съ тихимъ, спокойнымъ но величественнымъ теченіемъ историческихъ событій, и онъ, весьма естественно, увлекается и преклоняется предъ новымъ руководителемъ, съумѣвшимъ расшевелить его мозгъ и увлечь его чувство. Къ тому же, и само направленіе г. Смоленскаго тоже не мало способствуетъ его большой популярности среди еврейской читающей публики, Дѣло въ томъ, что г. Смоленской всей силой своего увлекательнаго краснорѣчія возстаетъ противъ мысли: что евреи уже перестали быть націею; онъ, напротивъ, утверждаетъ, что евреи, какъ нація, не перестали и не перестанутъ существовать; онъ допускаетъ, что еврей во Франціи можетъ и долженъ быть, по своимъ политическимъ чувствамъ и мыслямъ, совершеннымъ французомъ, въ Англіи—англичаниномъ, въ Россіи—русскимъ; но все это, по его мнѣнію, нисколько не исключаетъ возможности чувствовать себя евреемъ по національности, по принадлежности къ великому племени съ та-

кимъ славнымъ прошлымъ. По этому поводу г. Смоленскій подвергаетъ безпощадной критикѣ дѣятельность знаменитаго еврейсконѣмецкаго писателя и философа Мойся Мендельсона, этого полубога всѣхъ еврейскихъ писателей до настоящаго времени. Съ свойственной ему рѣзкостью и стремительной горячностью, г. Смоленскій силится доказать, что въ основаніе всей мендельсоновской дѣятельности легла мысль о томъ, что евреи только религіозная корпорація, но не нація, что самый переводъ библіи на нѣмецкій языкъ чуть-ли не былъ предпринятъ только съ цѣлью сдѣлать для евреевъ ихъ національный языкъ—еврейскій—совершенно ненужнымъ. Довольно надежной точкой опоры для обвиненія Мендельсона въ равнодушіи къ національнымъ интересамъ еврейства служитъ г. Смоленскому то обстоятельство, что въ одно время съ дѣятельностью Мендельсона, въ Берлинѣ съ страшной силой господствуетъ что-то въ родѣ Tauferpidemie; самыя даровитыя еврейскія женщины бросаются въ объятія разныхъ Шлейермахеровъ и К°, и дочь самого Мендельсона, Доротея, бросаетъ своего мужа, оставляетъ свою вѣру и выходитъ замужъ за Фридриха Шлегеля, съ которымъ уже прежде состояла въ открытой связи. Критическая оцѣнка редакторомъ „Гашахара" мендельсоновской дѣятельности страшно переполошила всю еврейскую пишущую братію; отвѣты и опроверженія посыпались со всѣхъ сторонъ, при чемъ однако больше слышалось ругани, чѣмъ логическихъ доводовъ. Участь г. Смоленскаго въ этомъ отношеніи раздѣляетъ съ нимъ и одинъ изъ его сотрудниковъ—г. А. Шульманъ, который въ очень дѣльной и безпристрастной, но написанной слишкомъ жесткимъ языкомъ, біографіи Гейнриха Гейне, также становится на точку зрѣнія г. Смоленскаго въ отношеніи къ берлинскому реформатору. Меня, признаться, нисколько не удивляетъ, что оба они сдѣлались предметомъ нападеній самаго неприличнаго тона; на тонкомъ приличіи наши писатели, какъ извѣстно, никогда не были помѣшаны; но гораздо досаднѣе, что и г. Смоленскій, защищая себя противъ этихъ холостыхъ зарядовъ, также не могъ удержаться, чтобы не впадать въ площадность, что съ нимъ, впрочемъ, не въ первый разъ бываетъ. Вообще, я не могу не замѣтить г. Смоленскому, что его манера полемизировать недостойна его литературнаго положенія; особенно непріятное впечатлѣніе производятъ его уже черезъ-чуръ частыя напоминанія о своемъ безпристрастіи и неумѣньи расхваливать свой журналъ или свои произведенія. Неужели г. Смоленскій не чувствуетъ, что въ такія минуты онъ становится похожъ на имъ же самимъ созданный типъ свата, который то и дѣло клянется своей женой и дѣтьми, что никогда ни въ чемъ не клялся? Если г. Смоленскій уже дѣйствительно считаетъ нужнымъ вступать въ препирательства съ людьми, для которыхъ молчаніе было-бы самымъ подходящимъ отвѣтомъ, то вѣдь онъ можетъ, покрайней мѣрѣ, вести эту полемику въ болѣе достойномъ его тонѣ. Ни онъ, ни чататели не были-бы отъ этого въ накладѣ...

Но если наше время вообще способствуетъ развитію журналистики, то послѣднія пять лѣтъ оказались особенно благопріятными для еврейской журналистики. Въ послѣдніе пятилѣтіе число еврейскихъ органовъ сильно размножилось, такъ что, кромѣ „Гашахара" и другихъ вышесказанныхъ изданій, въ настоящее время существуютъ еще слѣдующіе органы на еврейскомъ языкѣ: „Гацфира", „Гаколъ", „Габокеръ-Оръ". Въ самое послѣднее время, г. Цедербаумъ возобновилъ также изданіе „Гамелица". Понятно, что „Гамелицъ" теперь не можетъ уже имѣть того значенія, какое онъ имѣлъ прежде. Впрочемъ, за первые три мѣсяца его возобновленнаго изданія, въ немъ помѣщались нѣкоторыя довольно серьезныя статьи по вопросамъ еврейской жизни. Жаль только, что языкъ „Гамелица", за немногими исключеніями, совершенно неудобоваримъ, особенно для читателей не знающихъ другихъ языковъ, которыхъ вѣдь, главнымъ образомъ, долженъ имѣть въ виду еврейскій писатель. Я увѣренъ, что изъ десяти читателей этой категоріи по крайней мѣрѣ семь не въ состояніи понимать политическихъ обозрѣній „Гамелица": это русская рѣчь, неумѣлой рукой облеченная еврейскими словами, безъ всякой обработки и отдѣлки свойственныхъ одному языку и чуждыхъ другому формъ и оборотовъ, такъ что выходитъ какая-то странная смѣсь іерусалимскаго съ нижегородскимъ.

Гораздо болѣе легкимъ и изящнымъ языкомъ отличается „Гацфира", еженедѣльная газета, издаваемая нашимъ извѣстнымъ математикомъ Слонимскимъ. „Гацфира" впервые стала выходить въ 1862 году въ Варшавѣ; но вскорѣ затѣмъ г. Слонимскій былъ призванъ занимать мѣсто инспектора въ б. житомірскомъ раввинскомъ училищѣ, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ прекра-

тить изданіе своей газеты; но двадцать пять номеровъ „Гацфиры", выпущенныхъ въ свѣтъ, имѣли такой громадный успѣхъ, что по закрытіи раввинскихъ училищъ г. Слонимскій рѣшился возобновить изданіе, сначала въ Берлинѣ, а затѣмъ опять въ Варшавѣ. Успѣхъ и на этотъ разъ сопровождалъ его предпріятіе, хотя уже не въ прежнемъ размѣрѣ. Главная задача „Гацфира"—распространять въ популярной формѣ естественно-научныя свѣдѣнія въ средѣ читающей публики, и надобно признать, что въ „Гацфирѣ" дѣйствительно появлялось уже до сихъ поръ очень много статей популярно-научнаго содержанія, по весьма разнообразнымъ отраслямъ человѣческаго знанія; многія изъ нихъ написаны очень дѣльно; замѣчательное популяризаторское умѣнье проглядываетъ въ статьяхъ самого г. Слонимского, этого Altmeister по части распространенія положительныхъ математическихъ свѣдѣній между евреями, неимѣющими возможности получить эти свѣдѣнія на какомъ либо европейскомъ языкѣ; всѣ его статьи относительно ясности изложенія не оставляютъ ничего желать. Очень полезны также математическія задачи, время отъ времени являющіяся въ „Гацфирѣ", онѣ вызываютъ многія даровитыя натуры между молодыми людьми, занимающимся исключительно талмудомъ, изъ ихъ узкой сферы умственной дѣятельности и направляютъ ихъ въ другую, болѣе полезную сторону. Направленіе общихъ отдѣловъ „Гацфира"—либеральное, хотя желательно-бы видѣть въ нихъ по больше устойчивости. Политическія обозрѣнія составляются довольно дѣльно и излагаются вполнѣ ясно. По части еврейской публицистики нерѣдко встрѣчаются довольно дѣльныя статьи, также хорошія корреспонденціи въ „Гацфирѣ" нерѣдкость, хотя часто бываютъ и такія, которыя съ большей пользой для читателя могли-бы оставаться подъ спудомъ. Вообще, корреспонденція—слабая сторона еврейскихъ недѣльныхъ изданій. Съ легкой руки г. Зильбермана, который давалъ мѣсто — какъ говорятъ, впрочемъ, за *отрицательный* гонораръ—всякой чепухѣ, писанной хоть самымъ невѣроятнымъ языкомъ, лишь бы только дешевымъ образомъ наполнить столбцы своей газетки, всякая мелкая сошка, умѣющая съ грѣхомъ пополамъ написать нѣсколько словъ по-еврейски, мнитъ себя писателемъ и шлетъ свои корреспонденціи налѣво и направо, благо за содержаніемъ не далеко идти; писались въ „Гамаггидѣ" самымъ кудрявымъ и высокопарнымъ слогомъ извѣстія о томъ, что такой-

то, напримѣръ, пожертвовалъ цѣлыхъ пятнадцать рублей на богоугодное дѣло, а въ такомъ-то городишкѣ сгорѣло нѣсколько хатъ и даже чуть не захватило пламенемъ общественную баню. Понятно, что въ такихъ „необыкновенныхъ" случаяхъ нигдѣ и никогда нѣтъ недостатка, такъ что еврейскія редакціи просто наводняются разными безконечно-длинными и большей частью полуграмотными іереміадами о сгорѣвшихъ баняхъ, о раввинахъ, приказавшихъ долго жить и т. п. Болѣе же порядочные корреспонденты, не желая, чтобы ихъ имена стояли рядомъ съ именами какихъ-то темныхъ писакъ, перестали совсѣмъ писать, не соображая, что этимъ самымъ они вынуждаютъ редакторовъ прибѣгать къ услугамъ всякихъ безтолковыхъ щелкоперовъ. Такимъ образомъ выходитъ, что даже въ лучшихъ еврейскихъ изданіяхъ можно встрѣчать корреспонденціи, поражающія своей пустотой и безалаберностью. Во всякомъ случаѣ, я не хочу отрицать, что часть отвѣтственности за это крайне небрежное отношеніе къ читающей публикѣ падаетъ и на редакторовъ. Изъ сотрудниковъ „Гацфиры" я приведу здѣсь имена: К. Шульмана, Л. Левина, А. Раковскаго, Н. Соколова, Шперлинга, Ишъ-Нооми (псевдонимъ) І. Брилля, какъ болѣе выдающихся.

Объ издающемся въ Кенигсбергѣ „Гаколъ" сказать что нибудь довольно трудно. Опредѣлить его направленіе, все равно что описать цвѣтъ хамелеона. Въ самомъ дѣлѣ, какъ прикажете назвать направленіе газеты, которая съ легкостью и проворствомъ бѣлки перебѣгаетъ отъ ультра-хассидизма къ крайнему либерализму, отъ каббалистическаго мистицизма къ проэктамъ реформы въ области іудейства. Въ проспектѣ и пробномъ номерѣ г. редакторъ является достойнымъ приверженцемъ и горячимъ поклонникомъ цаддиковъ, такъ что прямо можно было прочить „Гаколъ" въ будущіе лейбъ-органы какихъ-нибудь ребъ Лейбеле, ребъ Менделе и т. п. Каково же было мое удивленіе, когда спустя пару лѣтъ, я встрѣчалъ въ томъ же „Гаколъ" имена гг. Л. Левина и Лиліенблюма! Вообще, въ „Гаколъ" господствуетъ непостижимый хаосъ: статьи, повидимому, печатаются безъ всякаго контроля; какая нападется, та и пойдетъ, такъ что лѣвая рѣшительно не знаетъ, что творится правой. Странные, однако, бываютъ органы на еврейскомъ языкѣ!

Ежемѣсячный журналъ „Габокеръ-Оръ", выходившій до сихъ поръ

во Львовѣ подъ редакціею г. Готлобера, не отличается никакими особенными достоинствами предъ другими, прежними изданіями этого рода. Правда, даровитый г. Гаттлоберъ часто печатаетъ тамъ свои талантливыя стихотворенія; но этимъ дѣло почти и кончается. Беллетристика большей частью вяла; другіе отдѣлы— безъ серьезнаго содержанія; полемическія статьи принимаютъ часто характеръ публичной брани. Только изрѣдка является что нибудь новое, оригинальное и достойное вниманія. Впрочемъ, какъ слышно, г. Готлоберъ думаетъ теперь перевести свою редакцію въ Варшаву. Пожелаемъ ему успѣха и болѣе плодотворной дѣятельности.

Бенъ-Іосифъ.

Берлинъ, февраль 1879.

КУТАИССКОЕ ДѢЛО.

Засѣданіе кутаисскаго окружнаго суда 5-го марта 1879 г.

По открытіи засѣданія и исполненіи обычныхъ формальностей былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Преданы суду жители Шаропанскаго уѣзда, мѣстечка Сачхери, евреи: Исхакъ Мордаховъ, Бичія Шамуеловъ, Шамуель Ароновъ, Мордахъ Исхаковъ Хундіашвили, Исхакъ, Моша и Яковъ Абрамовы Цвеніашвили, Моша Еловъ Цаціашвили и Михаилъ Абрамовъ Еликшивили.

4-го апрѣля 1878 года въ послѣобѣденное время, приблизительно около 3 часовъ по полудни, исчезла малолѣтняя крестьянская дочь Сарра Іосифова Модебадзе, проживавшая въ домѣ своихъ родителей, въ селеніи Перевиси, Шаропанскаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ мѣстечка Сачхери.

6-го апрѣля въ двухъ съ половиною верстахъ отъ селенія Перевиси, въ полѣ, прилегающемъ къ селенію Дорбаидзе, по указанію крестьянскихъ мальчиковъ Арджевана Цирдидзе и Сачино Дорбаидзе, былъ найденъ трупъ Сарры Модебадзе.

Произведеннымъ по поводу этого происшествія предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее: 4-го апрѣля послѣ обѣда Сарра Модебадзе со старшей сестрой Маіей ушла изъ дома родителей въ домъ сосѣда, крестьянина Павла Цхададзе. Въ усадьбѣ Цхададзе старшая сестра Сарры, Маія, помогала женщинамъ Турфѣ и Елизаветѣ Цхададзевымъ выжигать бѣлила. Выжиганіе бѣлилъ производилось недалеко отъ дома Павла Цхададзе въ мелкомъ лѣсу, въ 66 саженяхъ отъ проѣзжей, такъ называемой, сардзаглиневской дороги, ведущей черезъ селеніе Перевисы въ мѣстечко Сачхери. При выжиганіи бѣлилъ находилась и Сарра Модебадзе. Въ три часа по полудни, въ то время, когда Маія Модебадзе и Елизавета Цхададзе, по просьбѣ Турфы, выжигавшей бѣлила, стали собирать валежникъ для поддержанія огня, Сарра Модебадзе удалилась съ мѣста выжиганія бѣлилъ и направилась по дорогѣ къ своему дому. По этой же дорогѣ одновременно съ удаленіемъ Сарры Модебадзе проѣхало нѣсколько человѣкъ евреевъ, вслѣдъ за проѣздомъ которыхъ Сарра Модебадзе исчезла. Два часа спустя послѣ исчезновенія Сарры, отецъ ея Іосифъ Модебадзе и его дочь Маія

искали Сарру какъ по дорогѣ, такъ и въ сторонѣ отъ нея, причемъ два раза прошли безъ успѣха въ поискахъ путь, по которому Сарра должна была возвратиться домой. Въ этотъ же день крестьяне Павелъ и Дата Цхададзе и Иванъ Капанадзе также искали и звали Сарру Модебадзе и продолжали свои поиски до наступленія темноты. На другой день поиски продолжались собранными для этой цѣли многими крестьянами и сосѣдями родителей исчезнувшей Сарры. Въ этотъ же дӗнь, т. е. 5-го апрѣля, около селенія Дорбаидзе, по тому мѣсту, гдѣ на утро 6-го апрѣля былъ найденъ трупъ Сарры Модебадзе, проходили нѣсколько человѣкъ крестьянъ, не видавшихъ этого трупа, а именно: Теодоръ и Соломонъ Модебадзе, Захарій и Теймуразъ Дорбаидзе. Крестьяне эти искали Сарру, но трупа ея не видѣли. Свидѣтели, видѣвшіе на мѣстѣ нахожденія трупъ Сарры Модебадзе, объяснили, что умершая Сарра лежала на спинѣ со сложенными руками, одною на груди, а другою на животѣ, ногами къ забору, отдѣлявшему лѣсъ отъ посѣва, въ той же самой одеждѣ, въ которой была въ день исчезновенія. Трупъ и платье на немъ были сухи и не имѣли слѣдовъ пребыванія въ водѣ. Платье и рубаха вдоль передней части всего тѣла были разорваны. На правой рукѣ въ мякоти промежутка большаго и указательнаго пальца и на тыльной сторонѣ лѣвой руки на суставѣ указательнаго пальца были усмотрѣны двѣ довольно большія раны. Изъ акта судебно-медицинскаго вскрытія трупа Сарры, составленнаго 27-го апрѣля шаропанскимъ уѣзднымъ врачемъ Берно, видно, что на обѣихъ рукахъ между большими и указательными пальцами замѣтна значительная потеря мягкихъ частей, величиною около трехъ дюймовъ. На правой рукѣ рана доходитъ до обнаженія сухожилія большого пальца. Раны эти имѣютъ видъ рвано-укушенныхъ съ неровными, ушибленными, безкровными краями, какъ будто нанесенныхъ какимъ либо рвущимъ орудіемъ. По мнѣнію врача, раны эти причинены послѣ смерти и произошли отъ нападенія на трупъ мелкихъ звѣрей и хищныхъ птицъ. По изслѣдованію внутренностей, врачъ Берно нашелъ: а) переполненіе кровью мозга; б) нахожденіе въ гортани взбитой бѣловатой жидкости; в) налитіе слизистой оболочки гортани; г) вздутость легкихъ, изъ которыхъ при разрѣзахъ выступало обильное количество темной пѣнистой крови; д) переполненіе правой и пустоту лѣвой половины сердца и е) обильное количество мутноватой воды въ желудкѣ. По заключенію врача, смерть Сарры Модебадзе произошла отъ несчастнаго случая — утопленія во время проливнаго дождя. Такъ какъ заключеніе врача Берно не согласовалось съ данными предварительнаго слѣдствія, а именно: съ актомъ осмотра мѣстности, гдѣ былъ найденъ трупъ и съ показаніями многихъ свидѣтелей, утверждавшихъ, что въ день исчезновенія Сарры дождя не было и что трупъ Сарры и бывшее на немъ платье не носили на себѣ признаковъ утопленія и были

совершенно сухи, 16-го мая произведено переосвидѣтельствованіе трупа. Изъ составленнаго по этому поводу губернскимъ врачемъ Гулобинскимъ свидѣтельства видно, что при наружномъ осмотрѣ на тыльной сторонѣ лѣвой руки, на мѣстѣ перваго сустава указательнаго пальца, оказалось кругловатое отверстіе, величиною въ 10 копѣечную серебряную монету, причемъ уничтожены только общіе покровы кожи и подкожная клѣтчатка. Сухожилія и мышцы оказались цѣлы. На правой рукѣ, съ тыльной же стороны, недостатокъ кожи между большимъ и указательнымъ пальцами безъ поврежденія мышцъ и сухожилій. По гнилости трупа врачъ отказался дать заключеніе о времени нанесенія этихъ ранъ, точно также и о причинѣ смерти. При этомъ врачъ, основываясь на данныхъ, имѣющихся въ первомъ свидѣтельствѣ о вскрытіи трупа, нашелъ, что изложенные въ немъ признаки утопленія недостаточны и что, по его мнѣнію, смерть Сарры Модебадзе произошла отъ задушенія. По мнѣнію общаго присутствія управленія медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ и Закавказскомъ краѣ, смерть Сарры Модебадзе произошла отъ воспрепятствованія доступа воздуха къ легкимъ, причемъ по недостаточности данныхъ, имѣющихся въ актѣ вскрытія трупа, общее присутствіе не могло опредѣлить, произошла ли смерть Сарры отъ задушенія, или утопленія. Хотя выводы судебно-медицинской экспертизы надъ трупомъ Сарры Модебадзе и не даютъ положительныхъ данныхъ, приводящихъ къ заключенію, что смерть Сарры Модебадзе произошла путемъ насильственнымъ, а не вслѣдствіе прегражденія доступа воздуха къ легкимъ, по какому-либо другому, вполнѣ неопредѣленному случаю, тѣмъ не менѣе является несомнѣннымъ, что смерть Сарры именно связана съ ея исчезновеніемъ. Нахожденіе трупа вблизи селенія Дорбаидзе, куда ни Сарра, ни кто-либо изъ ея домашнихъ никогда не заходили, то обстоятельство, что трупъ, по указанію мальчиковъ, былъ найденъ на открытомъ мѣстѣ у забора, гдѣ наканунѣ проходило нѣсколько человѣкъ, искавшихъ Сарру, но не видѣло ея трупа и, наконецъ, исчезновеніе Сарры съ сардзаглиневской дороги одновременно съ проѣздомъ по этой дорогѣ евреевъ, въ числѣ семи человѣкъ, приводятъ къ убѣжденію, что малолѣтняя Сарра была похищена съ дороги проѣзжавшими евреями и что трупъ ея былъ подброшенъ къ селенію Дорбаидзе. Дознаніемъ полиціи и слѣдователемъ обнаружено, что проѣзжавшими по сардзаглиневской дорогѣ въ то время, когда исчезла Сарра, были жители Шаропанскаго уѣзда, мѣстечка Сачхери, евреи: Исхакъ, Яковъ и Моша Абрамовы Цвенліашвили, ШамуелъАроновъ и его сынъ Бичія, Исхакъ Мордоховъ и его сынъ Мордахъ Хундіашвили. На допросѣ у слѣдователя означенныя лица, не отрицая факта проѣзда 4-го апрѣля по сардзаглиневской дорогѣ, виновными себя въ похищеніи и умерщвленіи Сарры Модебадзе не признали, причемъ объяснили, что проѣзжая по сардзаглиневской дорогѣ че-

резъ селеніе Перевиси въ мѣстечко Сачхери, они никакой дѣвочки не встрѣтили; что везли съ собою въ переметныхъ сумкахъ куръ, гусей, лобію и козла, что примѣтъ лошадей, на которыхъ они ѣхали, описывать не желаютъ, такъ какъ обвиненіе ихъ въ похищеніи дѣвочки Модебадзе взведено на нихъ ложно, что могутъ доказать поименованные ими свидѣтели евреи, въ числѣ многихъ лицъ, но что именно каждый изъ этихъ свидѣтелей можетъ показать въ ихъ пользу, они не знаютъ, что, пріѣхавъ въ мѣстечко Сачхери, они проѣхали немного по Базарной улицѣ и свернули въ переулокъ, потому что имъ совѣстно было везти куръ и гусей по людной улицѣ. Изъ обвиняемыхъ Бичія Шамуеловъ Хундіашвили между прочимъ показалъ, что онъ ѣхалъ на лошади, а отецъ его, Шамуель шелъ пѣшкомъ. Кромѣ того, всѣ обвиняемые показали, что во вторникъ, 4-го апрѣля, по дорогѣ въ Сачхери, чрезъ селеніе Перевиси, проѣзжали они въ слѣдующемъ порядкѣ: въ началѣ Исхакъ, Шамуель и Бичія Хундіашвили, причемъ одинъ изъ нихъ шелъ пѣшкомъ и затѣмъ остальные четверо въ далекомъ отъ нихъ разстояніи. Несмотря на запирательство обвиняемыхъ въ похищеніи съ сардзаглиневской дороги Сарры Модебадзе, къ изобличенію ихъ предварительнымъ слѣдствіемъ открыты весьма важныя и сильныя улики.

1) Достовѣрность ухода 4-го апрѣля Сарры съ сестрой своей Маіею изъ дома родителей въ домъ сосѣда Павла Цхададзе подтверждается показаніями отца Сарры Іосифа Модебадзе, матери ея Кекелы, сестры Маіи, Павла, Дата, Турфы и Елизаветы Цхададзе, разсыльнаго сельскаго управленія Ивана Капонадзе, судебнаго пристава Кадусая и разсыльнаго Симона Церетели. Свидѣтели эти единогласно утверждали, что 4-го апрѣля около полудня Сарра Модебадзе съ сестрой своей Маіей ушла изъ дома своихъ родителей и направилась къ дому Павла Цхададзе.

2) Показаніями свидѣтелей: Павла, Дата, Турфы и Елизаветы Цходадзе и Маіи Модебадзе удостовѣрено, что Сарра Модебадзе присутствовала при выжиганіи бѣлилъ; спустя же нѣсколько времени ушла оттуда и направилась по тропинкѣ, ведущей къ дому ея родителей, одновременно съ проѣздомъ около этого мѣста четырехъ евреевъ.

3) Изъ показаній свидѣтельницы Турфы Цходадзе видно, что когда проѣзжали евреи и на ея спросъ отвѣтили, что имъ нѣтъ времени продать ей что либо, она шутя сказала Саррѣ: „Вотъ если бы ты попала къ нимъ въ руки, они дали бы тебѣ хорошее платье"; послѣ этого Сарра тотчасъ же пошла навстрѣчу къ проѣзжавшимъ евреямъ.

4) Свидѣтели: Дмитрій Бесоновъ Церетели, Григорій Датиковъ и Георгій Григоловъ Модебадзе утвердили, что они видѣли какъ Сарра Модебадзе вышла по тропинкѣ на дорогу, вслѣдъ за проѣздомъ по ней четырехъ евреевъ, изъ коихъ одинъ былъ пѣшій и что на этой дорогѣ вскорѣ показались еще трое конныхъ евреевъ.

5) Судебный приставъ Кодусая, бывшій въ день происшествія по дѣламъ службы въ одномъ изъ домовъ вблизи отъ сардзаглиневской дороги и въ разстояніи полуверсты отъ мѣста схода Сарры съ тропинки на дорогу, видѣлъ какъ по дорогѣ проѣзжали евреи, но Сарры свидѣтель уже не видѣлъ, изъ чего слѣдуетъ, что Сарра уже была похищена обвиняемыми.

6) На дорогѣ во время проѣзда евреевъ и недалеко отъ мѣста схода Сарры на эту дорогу были слышны стоны и крики ребенка „Ай, ай, мама, спаси", исходящіе изъ среды евреевъ. Обстоятельство это подтверждаютъ свидѣтели: Георгій Датиковъ Модебадзе и Димитрій Бесоновъ Церетели.

7) Похищенная евреями Сарра Модебадзе была положена однимъ изъ обвиняемыхъ въ переметную сумку. Обстоятельство это подверждается показаніемъ свидѣтеля Дмитрія Церетели, объяснившаго, что, услыхавъ крикъ ребенка „ай, ай, мама, спаси", онъ выбѣжалъ на дорогу и въ 25 шагахъ увидѣлъ семь человѣкъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ, пѣшій, привязывалъ верховому большую переметную сумку, а трое стоявшихъ спереди кричали: „Скорѣй, скорѣй".

8) Возможность насильственнаго похищенія Сарры Модебадзе въ переметную сумку доказывается тѣмъ, что обвиняемые евреи во время проѣзда имѣли съ собою сумку такого размѣра, что въ одной изъ нихъ сидѣлъ годовалый козелъ значительныхъ размѣровъ и что ребенокъ такого же роста какъ Сарра Модебадзе могъ быть легко помѣщенъ въ переметную сумку, о чемъ въ дѣлѣ есть особо составленный слѣдователемъ актъ.

9) Похищенная евреями около селенія Перевиси Сарра Модебадзе была ими увезена въ мѣстечко Сачхери, что доказывается показаніями свидѣтелей: Бесо Гогатишвили, объясняющаго, что на половинѣ дороги отъ села Перевиси къ мѣстечку Сачхери въ день происшествія онъ видѣлъ проѣзжавшихъ евреевъ и слышалъ продолжительные стоны ребенка, причемъ свидѣтель прибавилъ, что одинъ изъ евреевъ закрутилъ козлу ухо, отчего козелъ закричалъ и заглушилъ дѣтскіе стоны; Самсона Гочечиладзе — утверждающаго, что въ 5 верстахъ отъ мѣстечка Сачхери онъ въ день происшествія встрѣтилъ ѣдущихъ евреевъ и, замѣтивъ у одного изъ нихъ переметную сумку, въ которой шевелилось что-то живое, величиною съ козла, сталъ спрашивать, что лежитъ въ этой сумкѣ. На этотъ вопросъ еврей отвѣтилъ, что въ сумкѣ лежатъ гуси. На замѣчаніе свидѣтеля, что такъ гусей не возятъ и что они подохнутъ, еврей сказалъ, что не важно, если и подохнутъ. При этомъ свидѣтель объяснилъ, что не могъ разсмотрѣть, что именно шевелилось въ сумкѣ, такъ какъ она сверху была заложена вещами.

10) Привезенная въ переметной сумкѣ въ мѣстечко Сачхери

Сарра Модебадзе была еще жива, что подверждается показаніями свидѣтелей: Саломы Колмихелидзе, Максима Надирадзе, Нателы Дурманидзе, Пепы Алашевой, Нателы Тушевили и Кесаріи Горквіани, удостовѣрившихъ, что когда обвиняемые проѣзжали 4-го апрѣля подъ вечеръ по Базарной улицѣ, то они слышали крики и стоны ребенка. Изъ показаній этихъ же свидѣтелей между прочимъ видно, что евреи старались заглушить эти крики, такъ какъ ѣхали съ большимъ шумомъ, крича другъ другу: „скорѣй, скорѣй“, причемъ одинъ изъ евреевъ билъ нагайкой козла, отчего козелъ кричалъ. Обвиняемые, по удостовѣренію этихъ свидѣтелей, были замѣтно чѣмъ-то встревожены.

11) Показаніями многихъ свидѣтелей удостовѣрено, что между Іосифомъ Модебадзе и евреями вражды и повода къ ней не существовало, чѣмъ опровергается объясненіе евреевъ, что обвиненіе ихъ въ совершеніи означеннаго преступленія взведено на нихъ ложно по враждѣ къ нимъ и съ цѣлью ихъ разоренія.

Въ виду такихъ данныхъ дѣла является вполнѣ доказаннымъ, что дѣвочка Сарра Модебадзе 4-го апрѣля, за день до еврейской пасхи, была похищена обвиняемыми евреями, во время проѣзда ихъ по сардзаглиневской дорогѣ, причемъ обвиняемые, желая скрыть Сарру отъ глазъ постороннихъ, насильно посадили ее въ переметную сумку, прикрывъ эту сумку вещами и, несмотря на сопротивленіе и крики дѣвочки, увезли ее за 15 верстъ въ мѣстечко Сачхери, откуда трупъ этой дѣвочки, съ признаки задушенія, былъ вывезенъ и подброшенъ къ селенію Дорбаидзе, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ селенія Перевиси. Независимо отъ сего, разслѣдованіемъ по этому дѣлу обнаружено, что 6-го апрѣля, въ четвергъ, около полудня, сосѣдъ обвиняемыхъ и ихъ родственникъ еврей Михаилъ Еликшвили, прибѣжавъ во дворъ дома предводителя дворянства Шаропанскаго уѣзда князя Сико-Церетели, сталъ требовать отъ домашнихъ и слугъ князя Церетели, чтобы его допустили видѣть предводителя дворянства, которому онъ хочетъ сообщить сердечную тайну. Требованіе это Еликшвили повторялъ нѣсколько разъ. На распросы бывшихъ въ это время на дворѣ княгинь Дарьи и Елизаветы Церетели, управляющаго имѣніемъ Баана Якобидзе и слугъ: Датія Оміадзе, Шакрисахары Георгіевой, Еликшвили, будучи въ возбужденномъ состояніи, говорилъ: „Наши евреи замучили вашего христіанина“, „наши замучили христіанскаго ребенка“, причемъ ругалъ еврейскую религію, называя ее свинскою.

По показанію означенныхъ свидѣтелей, вскорѣ послѣ этого во дворъ вбѣжала толпа евреевъ, причемъ многіе изъ евреевъ бросились на Михаила Еликшвили и съ большимъ шумомъ вынесли его со двора на рукахъ. На распросахъ у слѣдователя Михаилъ Еликшвили, находившійся въ отсутствіи около мѣсяца, отрекся отъ своихъ словъ, объяснивъ, что онъ ничего не помнитъ, такъ

какъ въ день происшествія былъ сильно пьянъ. Это объясненіе обвиняемаго Михаила Еликшвили не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ прикосновенность его къ дѣлу вполнѣ доказывается показаніями свидѣтелей княгинь Даріи и Елизаветы Церетели, Баана Якобидзе и другихъ, утверждавшихъ между прочимъ, что обвиняемый Еликшвили, разсказывая во дворѣ предводителя дворянства о томъ, что евреи замучили христіанскаго ребенка, пьянъ не былъ, а находился лишь въ возбужденномъ состояніи и говорилъ съ ними, вполнѣ сознавая, что говоритъ.

Относительно отвоза трупа Сарры Модебадзе изъ мѣстечка Сачхери и подброса этого трупа къ мѣстечку Добраидзе, кромѣ показаній свидѣтелей Теодора и Соломона Модебадзе, Теимурадзе и Захарія Добраидзе, утверждающихъ, что наканунѣ отысканія трупа они проходили по тому мѣсту, гдѣ 6-го апрѣля найдено тѣло Сарры, но не видѣли этого трупа, слѣдствіемъ добыты слѣдующія данныя: свидѣтель Иванъ Барголадзе и Максимъ Добраидзе, удостовѣряли, что къ мѣсту нахожденія трупа Сарры и обратно къ дорогѣ въ Сачхери были видны на протяженіи 76 шаговъ по направленію отъ мѣста, гдѣ былъ найденъ трупъ, слѣды двухъ лошадей. Слѣды эти пропадали за 80 шаговъ отъ дороги, такъ какъ на этомъ мѣстѣ поле было перепахано передъ самымъ осмотромъ. Это же самое обстоятельство подтверждается и протоколомъ осмотра мѣстности, произведеннымъ полицейскимъ приставомъ. По показанію дьячка Іосифа Якобшвили видно, что, проходя въ Сачхери мимо еврейской синагоги, свидѣтель слышалъ, какъ еврейскій мальчикъ 6-го апрѣля утромъ спрашивалъ еврея Илью Хундіашвили: „Скажи, трупъ замученнаго ребенка нашими взяли и увезли отъ насъ въ ту же ночь, или нѣтъ?“ Хундіашвили въ отвѣтъ на это ударилъ мальчика такъ сильно, что тотъ упалъ, причемъ ударившій мальчика еврей сказалъ: „Ахъ ты, хомура (оселъ).“ Показаніе этого свидѣтеля подтверждаетъ свидѣтель Дмитрій Абашидзе, объяснившій, что въ четвергъ 6-го апрѣля, Іосифъ Якобшвили заявилъ ему, что одинъ изъ евреевъ ударилъ мальчика за обращенный къ нему вопросъ о замученномъ ребенкѣ. Изъ показаній свидѣтелей Ивана и Григорія Церетели видно, что въ ночь на 6-е апрѣля, передъ разсвѣтомъ, на полудорогѣ отъ селенія Дорбаидзе къ мѣстечку Сачхери они встрѣтили двухъ евреевъ, изъ которыхъ они узнали Мошу Цаціашвили. У одного изъ этихъ евреевъ, по удостовѣренію свидѣтелей, была переметная сумка. Привлеченный къ слѣдствію еврей Моша Еловъ Цаціашвили въ отвозѣ изъ мѣстечка Сачхери и подкинутіи къ селенію Дорбаидзе трупа Сарры Модебадзе не сознался, объяснивъ, что въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля онъ былъ въ Сачхери и никуда не отлучался; что, по ихъ закону, онъ не могъ въ ту ночь никуда ѣздить, такъ какъ въ это время былъ праздникъ Пасхи. Объясненіе это не заслуживаетъ уваженія какъ въ виду показаній свидѣтелей Ивана и Григорія Церетели, утверж-

давшихъ, что они въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля видѣли на дорогѣ изъ селенія Дорбаидзе къ Сачхери двухъ евреевъ, изъ которыхъ они узнали Мошу Цаціашвили, такъ и въ виду удостовѣренія однимъ изъ означенныхъ свидѣтелей того обстоятельства, что Моша Цаціашвили просилъ его никому не говорить, что его видѣли въ означенную ночь на дорогѣ изъ села Добраидзе къ мѣстечку Сачхери. Кромѣ того къ изобличенію подсудимаго Цаціашвили въ укрывательствѣ слѣдовъ преступленія служатъ показаніе свид. Башило Комушидзе, утверждавшаго, что въ четвергъ на Святой недѣлѣ къ нему приходилъ еврей Моша Цаціашвили и сказавъ ему, что съ нимъ случилось несчастіе, просилъ погадать ему на рукѣ, хорошо ли окончится его дѣло; при этомъ свидѣтель объяснилъ, что въ прежнее время онъ занимался гаданіемъ; а также и показаніе свидѣтеля Виктора Юркевича, объяснившаго, что онъ слышалъ, какъ однажды Моша Цаціашвили сказалъ какому то еврею: „Наша вина будетъ доказана."

Такимъ образомъ, имѣющіяся въ дѣлѣ улики вполнѣ изобличаютъ: 1) обвиняемыхъ евреевъ Исхака Мордахова, Бичія Самуелова, Шамуеля Аронова и Мордаха Исакова Хундіашвиливыхъ, Исака, Моши и Якова Абрамовыхъ Цвеніашвиливыхъ въ захватѣ на дорогѣ около села Перевиси малолѣтней дѣвочки Сарры Модебадзе и въ увозѣ ея въ мѣстечко Сачхери, гдѣ она была задержана одинъ день и двѣ ночи, послѣ чего Сарра, будучи мертвой, вывезена изъ Сачхери и подброшена къ селу Добраидзе, и 2) въ прикосновенности къ настоящему дѣлу обвиняемыхъ Моши Елова Цаціашвили и Михаила Абрамова Еликшвили.

Относительно же опредѣленія по закону признаковъ преступленія преступнаго дѣянія и степени участія въ немъ обвиняемыхъ въ дѣлѣ имѣются слѣдующія весьма важныя данныя:

а) Противозаконное и насильственное задержаніе обвиняемыми евреями, въ числѣ 7 человѣкъ, Сарры Модебадзе на сардзаглиневской дорогѣ въ то время, когда она направлялась къ дому своихъ родителей.

б) Общее участіе сихъ обвиняемыхъ въ захватѣ на дорогѣ Сарры Модебадзе, причемъ однако цѣль этого захвата предварительнымъ слѣдствіемъ вполнѣ не обнаружена.

в) Оскорбительное обращеніе обвиняемыхъ евреевъ съ жертвою преступленія, выразившееся въ насильственномъ задержаніи Сарры Модебадзе и способѣ привоза ея въ мѣстечко Сачхери.

г) Причиненіе Саррѣ Модебадзе тяжелыхъ страданій помѣщеніемъ ей въ переметной сумкѣ, причемъ сумка эта была сверху заложена вещами, и перевозкой ея, Сарры, въ такомъ крайне неудобномъ положеніи въ мѣстечко Сачхери, отстоящее въ 15 верстахъ отъ мѣста захвата Сарры.

д) Задержаніе лишенной свободы Сарры Модебадзе въ мѣстечкѣ Сачхери въ продолженіе одного дня и двухъ ночей, изъ которыхъ одна была ночь еврейской Пасхи, причемъ цѣль задержанія Сарры Модебадзе слѣдствіемъ не обнаружена.

е) Невыясненіе предварительнымъ слѣдствіемъ дѣйствительной причины смерти Сарры Модебадзе, происшедшее главнымъ образомъ вслѣдствіе несвоевременнаго составленія врачемъ, производившимъ первое вскрытіе трупа Сарры, акта медицинскаго освидѣтельствованія и его заключенія о причинахъ смерти, съ допущеніемъ въ этихъ актахъ неточныхъ и недостаточныхъ для опредѣленія причины смерти свѣдѣній.

ж) Несомнительность того обстоятельства, что смерть Сарры въ данномъ случаѣ является какъ послѣдствіе противозаконнаго и насильственнаго захвата ея по дорогѣ и задержанія въ мѣстечкѣ Сачхери,

з) Отсутствіе въ дѣлѣ положительныхъ данныхъ, могущихъ привести къ убѣжденію въ совершеніи умышленнаго кѣмъ-либо умерщвленія Сарры Модебадзе посредствомъ задушенія или инымъ какимъ-либо способомъ прегражденія доступа воздуха къ легкимъ.

к) Невозможность, въ виду упорства въ запирательствѣ обвиняемыхъ, опредѣлить съ точностью степень участія каждаго изъ нихъ въ совершеніи преступленія.

По соображеніи этихъ обстоятельствъ дѣла, нельзя не придти къ полному убѣжденію, что совершенное обвиняемыми преступленіе по признакамъ своимъ вполнѣ подходитъ подъ случаи, предусмотрѣнные въ 1540, 1541, 1542 и 1543 ст. Улож. о наказ.

На основаніи вышеизложеннаго, приведенныхъ статей закона и согласно 200 ст., 2 кн., XV т. Св. зак., издан. 1876 г., жители Шоропанскаго уѣзда, мѣстечка Сачхери, евреи: Исхакъ Мордуховъ, Бичія Шамуеловъ, Шамуель Ароновъ и Мордахъ Исхаковъ Хундіашвили, Исхакъ, Моша и Яковъ Абрамовы Цвеніашвили, Моша Еловъ Циціашвили и Михаилъ Абрамовъ Еликшвили предаются суду кутаисскаго окружнаго суда по обвиненію: Исака, Шамуеля, Бичія, Мордоха Хундіашвили, Исака, Моша и Якова Цвеніашвилевыхъ въ томъ, что 4-го апрѣля 1878 года они, проѣзжая около села Перевиси, Шаропанскаго уѣзда, по сардзаглиневской дорогѣ, захватили встрѣтившуюся съ ними малолѣтнюю дѣвочку Сарру Модебадзе, положили ее въ переметную сумку, причемъ заложили сверху отверстіе этой сумки разными вещами, и въ такомъ видѣ увезли Сарру въ мѣстечко Сачхери, гдѣ она была противозаконно задержана одинъ день и двѣ ночи и послѣдствіемъ такого задержанія была смерть задержанной. Преступленіе это предусмотрѣно 1540, 1541, 1542 и 1543 ст. Улож. о наказ.; Моша Елова Цаціашвили—въ томъ, что, желая скрыть слѣды преступленія, онъ, съ участіемъ другаго лица, въ ночь еврейской Пасхи вывезъ изъ мѣстечка Сачхери трупъ Сарры и подбросилъ его къ селенію Дорбаидзе (14 и 124 ст. Улож. о наказ.); Михаила Абра-

мова Еликшивили — въ томъ, что, зная о перевозѣ съ мѣстечка Сачхери, захваченной его сосѣдями и родственниками Сарры, и имѣя возможность довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства, не исполнилъ этой обязанности (15 и 128 ст. Улож. о наказ.)

Судъ составляли, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя А. П. Колчина, члены суда А. М. Павловъ и А. П. Пипиновъ; обвинялъ прокуроръ суда А. А. Лидовъ. Изъ 108 свидѣтелей не явились пятеро: одинъ за смертію, одинъ по болѣзни и трое безъ объясненія причинъ, почему княженъ Дарью и Елизавету Церетели судъ оштрафовалъ 25-ю рублями каждую. Защитниками подсудимыхъ явились присяжные повѣренные Александровъ, Куперникъ, Кикодзе и частный повѣренный Лолуа, изъ которыхъ первый взялъ на себя процессуальную сторону дѣла, а второй—религіозную.

По прочтеніи обвинительнаго акта были черезъ переводчика опрошены подсудимые, которые виновными себя не признали.

Затѣмъ судъ приступилъ къ опросу и приводу къ присягѣ свидѣтелей, послѣ чего засѣданіе въ три часа дня было прервано для обѣда и возобновилось въ 7 часовъ вечера.

Вслѣдствіе ходатайства защиты было прочитано слѣдующее прошеніе гражданскаго истца Модебадзе, поданное имъ въ судъ 16-го февраля:

„Въ кутаисскій окружный судъ, жители Шаропанскаго уѣзда, села Перевиси, кр. Іосифа Симонова Модебадзе.

Прошеніе.

Въ ономъ судѣ на 5-е число будущаго марта мѣсяца назначено къ слушанію уголовное дѣло о евреяхъ Цвеніашвили, Цаціашвили, Еликшвили, Хундіашвили и др., обвиняемыхъ въ похищеніи и убійствѣ малолѣтней дочери моей Сарры. Обвиняемые дѣяніемъ этимъ причинили мнѣ значительный убытокъ, а именно не менѣе какъ на тысячу рублей, а потому, предъявляя искъ этотъ къ обвиняемымъ, покорнѣйше прошу, по признаніи ихъ виновными, взыскать съ нихъ въ мою пользу или единовременно одну тысячу рублей, или же, по усмотрѣнію суда, присудить мнѣ съ нихъ ежегодную плату, въ виду того, что дочь моя Сарра, помогая мнѣ, какъ бѣдному отцу, приносила пользу не менѣе какъ на сорокъ рублей въ годъ, чего я лишился навсегда. Въ доказательство своего гражданскаго иска я поставлю свидѣтелей въ день разсмотрѣнія уголовнаго дѣла“.

Въ вызовѣ просимыхъ Модебадзе (торговецъ) свидѣтелей было судомъ отказано еще ранѣе дня засѣданія по этому дѣлу.

Свид. І. С. Модебадзе показалъ, что дочь его Сарра, вмѣстѣ съ своею сестрою Маіею, 4-го апрѣля отправились въ домъ Цхададзе для выжиганія бѣлилъ. Передъ вечеромъ Маія вернулась назадъ и сказала, что Сарра ушла по секрету, не вернулась изъ лѣса и гдѣ находится—неизвѣстно. Свидѣтель отправился на поиски за дочерью, но не имѣлъ успѣха; возвращаясь отъ Цхададзе онъ по всей дорогѣ кричалъ и звалъ Сарру, но отклика не было. Взявши съ собою Ивана Копонадзе, онъ пошелъ опять къ Цхададзе, который также заявилъ, что Сарра ушла и гдѣ надится—ему неизвѣстно. Проискавши дочь до полуночи, Модебадзе на другой день обратился къ старшинѣ Нико Дорбаидзе, который снарядилъ жителей для поисковъ; они проходили цѣлый день, но Сарры не нашли. Затѣмъ свидѣтелю сказали, что въ то время, когда пропалъ ребенокъ, по дорогѣ проѣзжало нѣсколько человѣкъ евреевъ, и Модебадзе подумалъ, не взяли-ли эти люди его дочь, и вотъ онъ рѣшился заявить мѣстнымъ властямъ и полицейскому приставу о случившемся съ нимъ несчастіи. Приставъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ евреевъ, проживающихъ въ сачхерскомъ участкѣ, допросилъ ихъ, и потомъ велѣлъ свидѣтелю идти домой, причемъ заявилъ, что если онъ что-либо по этому дѣлу узнаетъ, то чтобы донесъ ему. Придя домой, Модебедзе сказали, что ребенокъ найденъ. Онъ осмотрѣлъ Сарру, и видѣлъ, что на обѣихъ рукахъ между указательнымъ и большимъ пальцами было вырвано по куску мяса, о чемъ онъ тотчасъ же заявилъ приставу, и такимъ образомъ возникло предварительное слѣдствіе.

Прокуроръ. Вы сказали: „по секрету“; это значитъ, что Маія не видѣла какъ ушла Сарра? — Свид. І. С. Модебадзе. Маія и потомъ Елизавета Цхададзе пошли въ лѣсъ собирать валежникъ, а на мѣстѣ, гдѣ выжигали бѣлила, осталась Сарра и Турфа Цхададзе, которая сказала, что Сарра ушла безъ ея вѣдома.—Не говорила ли Турфа Цхададзе, что по дорогѣ, гдѣ пошла Сарра, проѣзжали евреи?—О. На другой день говорила объ этомъ.—В. Въ какое время ушла Сарра изъ вашего дома и когда вернулась Маія?—О. Она ушла послѣ полдника, а Маія вернулась вечеромъ — В. Это бываетъ между полуднемъ и закатомъ солнца?—О. Да, на половинѣ.—В. Когда Маія пришла съ извѣстіемъ и когда вы пошли разыскивать Сарру, долга ли вы ходили по дорогѣ?—О. Къ дому Цхададзе я пошелъ по дорогѣ, а оттуда я съ этой дороги свернулъ и все время кричалъ ее. Потомъ мы съ разсыльнымъ ходили къ дому Цхададзе. — В. Когда вы второй разъ вернулись домой было уже темно? — О. Почти полночь. — В. Значитъ искали очень долго? — О. Да, очень долго, и много я исходилъ въ ту ночь. — В. Ваша дочь Сарра ходила когда-нибудь одна къ ближайшимъ сосѣдямъ.—О. Мы ни разу не посылали, и она не ходила. — В. Отъ вашего дома есть прямая дорога къ селенію Дорбаидзе, или же нужно пройти сначала къ Цхададзе и оттуда уже идти?—О. Туда нѣтъ дороги, а если къ Цхададзе идти отъ Дорбаидзе, то дорога лежитъ мимо моего дома. В.—Есть по дорогѣ овраги и идетъ ли она въ гору, или нѣтъ?—О. Тамъ есть маленькіе овражки.—В. Виноградники

попадаются по этой дорогѣ? — О. До Дорбаидзе садовъ нѣтъ, но по деревнѣ сады дѣйствительно есть. — В. Вы были на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли трупъ? — О. Потомъ ходилъ. — В. Отъ этого мѣста къ Дорбаидзе есть дорога, или нѣтъ? — О. Тамъ въ деревнѣ дорога есть. — В. Деревня лежитъ на одной плоскости съ мѣстомъ, гдѣ нашли трупъ или нѣтъ? — О. Почти на одной плоскости. — В. А ниже, въ ущельѣ, есть усадьбы или нѣтъ? — О. Около оврага есть сады. — В. Если попасть въ оврагъ, можно тамъ погибнуть, голоса оттуда не слышно? — О. Когда идетъ дождь. — В. Сарра вѣдь была хромая, могла ли она туда попасть? — О. Нѣтъ. И этотъ оврагъ, о которомъ говорите, гораздо ниже мѣста, гдѣ нашли трупъ. — В. Если Сарра была хромая, то значитъ она плохо ходила? — О. Дѣйствительно, шибко ходить не могла.

Свидѣтелю предъявлены рубашка и платьице Сарры, находящіяся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, и относительно которыхъ Модебадзе заявилъ, что дѣйствительно дочь его въ день исчезновенія была одѣта въ эти сорочку и платьице, но что они не были разорваны спереди въ такомъ видѣ, какъ теперь есть.

Прокуроръ. Когда нашли и принесли къ вамъ трупъ Сарры, на немъ не было ничего мокраго? — Свид. І. С. Модебадзе. Нѣтъ. — В. И платье было сухое? — О. Да, я это очень хорошо помню. — В. Когда она пропала, такъ въ тотъ день былъ дождь или нѣтъ? — О. Дождя не было, но погода стояла пасмурная. — В. Можетъ быть было такъ темно, что нельзя было видѣть ровно ничего, или же просто было только темно. Вѣдь вы живете въ горахъ? — О. Далеко человѣка нельзя было видѣть, а такъ — саженъ на 12 — 13 можно было различить. Этотъ туманъ послѣ обѣда сдѣлался гуще и оставался до другого дня. — В. Если идти отъ Цхададзе и повернуть къ селу Дорбаидзе, то по дорогѣ будетъ оврагъ или нѣтъ? — О. Тутъ только пашня есть, потомъ встрѣчаются бугорки. Далѣе свидѣтель заявилъ, что въ то время, когда онъ разыскивалъ дочь свою — дождя не было, что трупъ Сарры держали три дня и потомъ разрѣшили похоронить, приказавъ положить такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, трупъ легко можно было вынуть изъ земли, въ которую онъ былъ зарытъ на глубинѣ одного аршина; сначала гробъ засыпали землею, а потомъ наложили камней, такъ что вода никоимъ образомъ въ него попасть не могла. — В. Когда копали могилу, то шелъ дождь? — О. Нѣтъ, была сухая погода. — В. Когда осматривали трупъ, не были ли ступни его въ грязи? — О. Нѣтъ. В. У Сарры руки и ноги всегда были бѣлыя? — О. Иногда бѣлыя, иногда нѣтъ. — В. Обыкновенно какъ она ходила: съ грязными руками? — О. Руки у нея были обыкновеннаго цвѣта. — В. А когда принесли вамъ трупъ, руки у него были запачканы въ грязи или нѣтъ? — О. Руки были такого же цвѣта, какъ и у меня (относительно бѣлыя). — В. У васъ есть духанъ (т.-е. шинокъ или заѣзжій домъ)? — О. Есть. — В. Сарра

часто бывала въ духанѣ, любила стоять за прилавкомъ, любила подарки или нѣтъ? — О. Она постоянно была въ духанѣ. — В. Деньги любила? — О. Она какъ бывало возьметъ деньги, сейчасъ же ихъ и положитъ за пазуху. — В. А счетъ имъ знала? — О. Нѣтъ. — В. Сколько разъ она ходила къ сосѣдямъ одна, и когда именно? — О. Два раза приходила изъ дома Цхададзе, да нѣсколько разъ ходила къ сосѣдямъ, живущимъ саженъ за 10 — 15 отъ насъ. — В. А съ сестрой она часто ходила къ Цхададзе? — О. Въ двѣ недѣли разъ. — В. Послѣ заката солнца вы не посылали Сарру къ Цхададзе? — О. Такого случая не было.

Прис. пов. Александровъ. Я не понялъ вашего отвѣта о тропинкѣ. Она проходитъ мимо вашего дома; какъ близка дорога отъ Дорбаидзе къ Цхададзе? — Свид. І. С. Модебадзе. Отъ тропинки до моего дома будетъ всего саженъ 20. — В. По этой тропинкѣ отъ Цхададзе къ Дорбаидзе вы искали вашу дочь? — О. Искалъ все по этой дорогѣ. Искалъ и въ селеніи Перевиси, и спрашивалъ всѣхъ, не видалъ ли кто. Но мнѣ всѣ говорили — нѣтъ. — В. Случалось ли вашимъ домашнимъ ходить къ Цхададзе и возвращаться отъ него домой по этой верхней тропинкѣ? — О. Случалось, но очень рѣдко. — В. Почему вы стали искать вашу дочь по этой именно тропинкѣ? — О. Да я ее искалъ вездѣ, куда только можно было зайти. — В. Вы вѣрно знаете, что въ день пропажи Сарра пошла къ Цхададзе вмѣстѣ со своею сестрою? — О. Онѣ изъ дома ушли вмѣстѣ. Уходя, онѣ сказали, что пойдутъ по садзаглихевской дорогѣ, и, дѣйствительно, я видѣлъ, какъ онѣ пошли по этой дорогѣ. — В. Что вамъ сказалъ Павелъ Цхададзе о евреяхъ: сколько ихъ ѣхало и въ какомъ порядкѣ? — О. Онъ сказалъ, что сначала проѣхало четверо, а потомъ еще трое въ скорости послѣ этого. — В. Вы были на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ трупъ наканунѣ его разысканія. — О. Самъ-то я не былъ, но другіе были, и они сказали. — В. Почему вы искали вашу дочь въ различныхъ мѣстахъ, и какъ вообще вы предполагали: куда она дѣлась? — О. Пока я не узналъ, что проѣзжали евреи, я искалъ вездѣ, но какъ только мнѣ сказали, что ѣхали евреи, то я и предположилъ объ этомъ мѣстѣ, и подумалъ, что она пропала около времени проѣзда евреевъ, которые, пожалуй, что и взяли ее. — В. Ну, а раньше вы не думали, что дочь ваша просто не заблудилась ли? — О. Я такъ полагалъ, что или заблудилась, или забрела куда-нибудь. В. Почему вы предполагали, что она заблудилась. Былъ туманъ въ то время? — О. Я искалъ ее, но не нашелъ. — В. Чѣмъ она вамъ помогала въ хозяйствѣ? — О. За ребенкомъ смотрѣла, кушанье приготовляла, по воду ходила. В. Сколько ей было лѣтъ? — О. Семь лѣтъ и одинъ мѣсяцъ.

Прис. пов. Куперникъ. Почему вы подумали, что Сарру взяли евреи? — Свид. І. С. Модебадзе. Я слышалъ, что случались подобныя вещи. — В. Вы слышали, что евреи похищали дѣ-

тей? — О. Да, я слышалъ, что въ Сурамѣ былъ похищенъ ребенокъ.—В. Для чего же? — О. Говорятъ, что мучить нужно было евреямъ, а больше я ничего не знаю.

Прис. пов. Александровъ. Когда вамъ передавали о проѣзжихъ евреяхъ, говорили вамъ, что это были за люди, кто они такіе?—Свид. І. С. Модебадзе. Одного изъ нихъ узнали, а другихъ нѣтъ.—В. Вамъ сразу назвали имя, или же заявили, что объяснятъ фамилію потомъ, когда будетъ нужно? — О. Я не знаю, почему они не хотѣли сказать сразу, и я ихъ потомъ не спрашивалъ. — В. Когда было второе освидѣтельствованіе трупа Сарры, докторъ показывалъ вамъ, что подъ колѣнками у нея никакихъ порѣзовъ или царапинъ нѣтъ?—О. Говорилъ объ этомъ.—В. Вы только что сказали, что слышали о сурамскомъ дѣлѣ; въ чемъ же оно заключалось?—О. Слышалъ, что будто бы въ Сурамѣ мучили ребенка.

Прис. пов. Кикодзе. А давно это было?—Свид. І. С. Модебадзе. Не знаю, право, сколько тому назадъ лѣтъ.—В. О подробностяхъ этихъ мученій вы ничего не знаете?—О. Я не разспрашивалъ, но мнѣ говорили, что мучили. В. А вы слышали, что ребенокъ, котораго будто бы замучили въ Сурамѣ, оказался потомъ живымъ?—О. Нѣтъ, я этого не слыхалъ — В. Когда Маія вернулась домой и сказала, что Сарра пропала, и когда вы ей сказали потомъ, что ходили, но не нашли ее, она въ то время заплакала или нѣтъ?—О. Когда она пришла, я сказалъ, что ходилъ искать, но дочки не нашелъ, то она на мое приказаніе идти самой поискать—не пошла.—В. Почему же?—О. Да говорила: одна не пойду. — В. Не можете ли вы указать лицо, которое первое вамъ сообщало, что быть можетъ евреи, похитили, ребенка?—О. На другой день мнѣ сказалъ объ этомъ Савелъ Цхададзе. — В. А Турфа Цхададзе не говорила? — О. Она ничего не говорила. Павелъ Цхададзе мнѣ не говорилъ того, что евреи похитили Сарру, а говорилъ, что по этой дорогѣ ѣхали евреи и что объ этомъ онъ слыхалъ отъ Дмитрія Церетели, который слышалъ плачъ ребенка, и что крики его слышались въ сторону того направленія, гдѣ тогда находились евреи. — В. Какъ плакалъ ребенокъ, какъ онъ кричалъ? — О. Ай, ай, ай, мамоа, мамоа!! (ай, ай, ай, батюшки, батюшки). — В. Дмитрій Церетели не говорилъ, почему онъ не обратилъ вниманія на крикъ ребенка, слышаннаго имъ съ того мѣста, гдѣ были евреи? — О. Онъ сказалъ, что взглянулъ въ ту сторону, но никакого ребенка не видалъ. Да, кромѣ того, какъ онъ могъ предполагать, чтобы ребенокъ мой могъ пропасть, да еще такъ. — В. Когда вы пошли заявлять объ исчезновеніи ребенка, то шли люди по дорогѣ, между вашимъ домомъ и домомъ Дорбаидзе, къ которому вы отправились; такъ вотъ по этой дорогѣ нѣтъ овраговъ?—О. Нѣтъ.—В. Часто въ вашей мѣстности бываютъ туманы?—О. Бываютъ иногда дня по два, по три.—В. Не

было ли у Сарры какой-нибудь особенной болѣзни, напр. въ видѣ падучей?—О. Нѣтъ.

Частн. повѣр. Лолуа. Вамъ Маія не говорила, какимъ образомъ ушла отъ нея Сарра?—Свид. І. С. Модебадзе. Она сказала, что онѣ всѣ сидѣли у огня, и что Сарра ушла потомъ куда-то.—В. Не говорила ли Маія о томъ, что въ то время проѣзжали евреи?—О. Объ этомъ мнѣ говорили другіе, на слѣдующій день.—В. По какому поводу вамъ сказали объ этомъ обстоятельствѣ?—О. Я спрашивалъ, куда могла дѣться Сарра, и мнѣ сказали, что Дмитрій Церетели говорилъ, что въ то время по дорогѣ проѣзжали евреи. — В. Турфа не передавала вамъ, что она говорила Саррѣ, что: „вотъ если бы ты попала къ евреямъ, то они бы тебѣ дали хорошее платье?"—О. Это мнѣ говорили.—В. Кромѣ тѣхъ лицъ, о которыхъ вы сказали, кого еще видѣли въ день исчезновенія Сарры? — О. Я со многими говорилъ, и всѣ они объяснили, что по дорогѣ проѣзжали евреи. — В. Такъ что, вы уже перестали искать вашу дочь? — О. Да зачѣмъ ее было искать?—В. Какъ же, не нужно было искать? — О. Нужно было, да гдѣ найдешь. — В. Вы вполнѣ увѣрены, что евреи навѣрное взяли вашего ребенка? — О. Насъ много искало, но нигдѣ не нашли, и тогда порѣшили, что, вѣроятно, евреи взяли, потому что больше ей некуда было дѣться. — В. Вы отъ Дмитрія Церетели не слыхали о стонахъ ребенка?—О. Мнѣ объ этомъ никто не говорилъ.

Прокуроръ. Я долженъ заявить суду, что присяжный повѣренный Кикодзе позволяетъ себѣ противные нашимъ законамъ поступки: онъ остановилъ меня, когда я еще предлагалъ свои вопросы. Во избѣжаніе повторенія подобныхъ вещей, я покорнѣйше прошу судъ обратить свое вниманіе на подобнаго рода обстоятельство.

Прис. пов. Кикодзе. Въ настоящемъ засѣданіи есть предсѣдательствующій, который руководитъ ходомъ слѣдствія и заявленіе г. прокурора, сдѣланное мнѣ сейчасъ, само по себѣ является беззаконнымъ, и я прошу судъ и это заявленіе мое, какъ и заявленіе прокурора, внести въ протоколъ, т. е. что онъ остановилъ меня въ то время, когда я еще не кончилъ опроса свидѣтеля.

Прокуроръ. Я обратился съ вопросами къ свидѣтелю послѣ того, какъ прис. пов. Александровъ заявилъ, что онъ окончилъ допросъ свидѣтеля.

Прис. пов. Кикодзе. Если г. прокуроръ думалъ...

Предс. Я предлагаю на будущее время не прерывать г. прокурора. Дѣлать вопросы свидѣтелямъ вы можете, но прежде вы должны обратиться ко мнѣ съ заявленіемъ о такомъ намѣреніи, и я опредѣлю, настала ли ваша очередь спроса свидѣтеля.

Прис. пов. Александровъ. Я имѣю честь сдѣлать суду слѣдующее заявленіе: здѣсь поднялся и будетъ подниматься воп-

рось относительно того, сколькихъ лѣтъ была дѣвочка Сарра. Такъ, чтобы покончить разъ навсегда съ этимъ вопросомъ, которому, позволю себѣ замѣтить, я придаю особенное значеніе, я попросилъ бы судъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ теперь же прочесть метрическое свидѣтельство Сарры, которое ,сколько я помню, кажется, находится въ дѣлѣ, т. е. собственно прочитать только то мѣсто, гдѣ говорится о лѣтахъ.

Изъ прочитанной затѣмъ справки изъ метрической книги видно, что Сарра Модебадзе родилась 23-го апрѣля 1872 года.

Предс. (къ свид. І. С. Модебадзе). Въ какихъ вы отношеніяхъ состоите съ Цхададзе?—Свид. І. С. Модебадзе. Турфа Цхададзе — племянница моей матери, и въ отношеніяхъ нашихъ особеннаго ничего нѣтъ. Это наши сосѣди вмѣстѣ съ Дорбаидзе.— В. Чѣмъ вы сами занимаетесь въ деревнѣ?—О. Я кузнецъ, и веду мелочную торговлю въ селеніи Перевиси. — В. Почему ваша дочь Маія пошла выжигать бѣлила къ Цхададзе.—О. Да она сама не умѣла.—В. У кого брали свинецъ для бѣлилъ?—О. У меня былъ свинецъ. —`В. Что же, это былъ самородокъ, или же вы купили гдѣ-нибудь?—О. Купилъ въ лавкахъ въ Кутаисѣ.

На вопросъ члена суда свидѣтель показалъ, что Маія раньше условилась съ Цхададзе относительно времени для выжиганія бѣлилъ: что мѣсто выжиганія бѣлилъ отстояло отъ дороги, по которой, какъ говорили, проѣзжали евреи, весьма близко, примѣрно, саженяхъ въ 4 и 5, и что эту дорогу отъ мѣста обжиганія отдѣляетъ небольшой лѣсъ. Заявленіе объ уходѣ Сарры передала Турфа Цхададзе, объяснивъ, что Сарра, кажется, пошла по дорогѣ, гдѣ ѣхали евреи, но что она не можетъ положительно сказать, по какому направленію ушла дѣвочка.

Членъ суда Пипиновъ. Вы говорите, что можно ходить къ Дорбаидзе и по тропинкѣ. Вы также заявили, что эта тропинка идетъ посѣвами и что вы ходили по ней, когда посѣвовъ еще не было; теперь скажите: въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, посѣвовъ, конечно, еще не было, но были ли загорожены концы этой дорожки? — Свид. І. С. Модебадзе. Нѣтъ, еще не были загорожены, такъ что пройти можно было. — В. Вамъ Дмитрій Церетели о евреяхъ и крикахъ Сарры говорилъ на другой день?—О. Да. — В. Онъ показалъ и мѣсто, откуда слышалъ крикъ, и мѣсто, гдѣ онъ самъ стоялъ?—О. Онъ показалъ на мѣсто въ лѣсу, недалеко отъ дороги, и что когда услыхалъ стонъ ребенка: „ай, ай, мама, мамоа!“—то вышелъ на дорогу и увидѣлъ евреевъ, но ребенка не видѣлъ. — В. Дочь ваша Сарра прежде видѣла евреевъ; привыкла ли она къ нимъ, могла ли подходить и просить у нихъ дать ей что нибудь?—О. Она много разъ видѣла, какъ евреи останавливались около духана.

Прис. пов. Александровъ. По поводу измѣренія разстоянія дороги, которая играетъ въ настоящемъ дѣлѣ весьма существенную роль, я прошу дозволить мнѣ сдѣлать замѣчаніе и указать на ошибку, допущенную свидѣтелемъ. Я обращаю вниманіе суда на планъ мѣстности, который приложенъ къ дѣлу и въ которомъ исчислено разстояніе, имѣющее значеніе, и весьма важное. Если это мнѣ будетъ дозволено, то я представлю свои замѣчанія относительно разстоянія.

Предс. Судъ вамъ разрѣшаетъ это.

Прис. пов. Александровъ (предъявляетъ суду планъ). Въ такомъ случаѣ обратите, господа, вниманіе на планъ, гдѣ разстояніе между мѣстомъ обжиганія бѣлилъ и дорогою, по которой проѣзжали евреи, обозначено въ 66 саж. по птичьему полету, т. е. по прямой перпендикулярной линіи, а не по той кривой, по которой извивается дорожка. Я прошу васъ обратить на это обстоятельство особое вниманіе. Главная неправильность въ исчисленіи линіи заключается въ томъ, что хотя свидѣтель и говоритъ, что домъ его отъ дороги къ Дорбаидзе стоитъ въ разстояніи въ 20 саж., но, какъ видно по плану, разстояніе это равняется по меньшей мѣрѣ 136 саж.

Предс. Не больше ли, свидѣтель, разстояніе отъ вашего дома до дороги, чѣмъ вы намъ говорили здѣсь? — Свид. І. С. Модебадзе. Можетъ быть больше, можетъ быть и меньше: я не мѣрилъ, да и не знаю, сколько въ сажени мѣры. Я не могу сказать, сколько саженъ въ 30 или 40 шагахъ.

Прокуроръ. Я долженъ заявить суду, что планъ мѣстности, составленный судебнымъ слѣдователемъ, человѣкомъ не спеціалистомъ, представляетъ собою такого рода снимокъ мѣстности, въ которомъ является много недостатковъ, въ особенности относительно вычисленія разстоянія. Это вычисленіе имѣется въ актахъ осмотра мѣстности, при прочтеніи которыхъ недостатки плана и измѣреніе разстоянія могутъ быть исправлены.

Прис. пов. Кикодзе. Имѣли ли вы какое-нибудь знакомство съ евреями?—Свид. І. С. Модебадзе. Нѣтъ.—В. А какія нибудь дѣла имѣли съ ними?—О. Нѣтъ!—В. Не сдѣлали ли вамъ евреи какого нибудь зла? — О. Не помню объ этомъ. Кажется нѣтъ.

Свидѣтельница Кекела Модебдадзе показала, что дочь ея Сарра пошла съ своею сестрою Маіею къ Цхададзе, но оттуда не возвращалась. Сначала отецъ Сарры одинъ, а затѣмъ въ сообществѣ постороннихъ людей искали пропавшую въ теченіе полутора дней, но ничего не нашли, пока, наконецъ, именно 6-го апрѣля, не былъ найденъ трупъ Сарры. Въ поискахъ принимали участіе даже мѣстные жители, по распоряженію старшины. Узнавъ, что трупъ разысканъ, свидѣтельница отправилась было посмотрѣть, но не доходя до мѣста, гдѣ онъ лежалъ, съ нею сдѣлалось дурно и она принуждена была вернуться домой, куда потомъ и принесли ея мертвую дочь. Осмотрѣвъ ребенка,

Кекела увидѣла, что на обѣихъ рукахъ трупа были значительные порѣзы, равно какъ и подъ колѣнками. Трупъ былъ разысканъ мальчиками изъ селенія Дорбаидзе.

Прокуроръ. Вамъ кто говорилъ, что на рукѣ и подъ коленками ребенка были порѣзы, или же вы сами видѣли и, вообще, хорошо ли помните объ этомъ?—Свид. Кекела Модебадзе. Я сама все это видѣла. — В. Когда принесли трупъ, платье на немъ и рубашка были мокрыя или нѣтъ? —О. Нѣтъ. Если бы были мокрыя, то объ этомъ я бы хорошо помнила. —В. Не было ли платье Сарры забрызгано грязью?—О. Этого также не было.—В. А на спинѣ трупа одежда была сухая или нѣтъ! — О Была сухая. — В. Руки у Сарры были замараны грязью или были чистыя?—О. Были чисты, какъ и обыкновенно.—В. Не замѣтили ли вы, что руки покойницы были какъ-будто сморщены?—О. Это такъ, и все тѣло было мягкое, какъ тряпка. Трупъ былъ какъ будто совсѣмъ живой.—В. Не замѣтили ли вы краснаго пятна на трупѣ съ боку?—О. Всего тѣла я не осматривала. — В. Если вы не осматривали тѣла, то какъ же могли замѣтить раны, о которыхъ говорите? — О. Когда я замѣтила, что тѣло Сарры какъ тряпка, полюбопытствовала поднять ногу, и увидѣла порѣзы подъ колѣнками, порѣзы были очень глубокіе.—В. Въ какомъ платьѣ Сарра пошла изъ дома 4-го апрѣля? — О. Да вотъ въ этомъ самомъ (показываетъ на платье и рубаху, лежащія на столѣ вещественныхъ доказательствъ), но только онѣ не были разорваны пополамъ, и прорѣхи у нихъ были только для ворота, а все остальное было сшито. — В. Не говорилъ ли вамъ кто-нибудь, что эту одежду разорвали какъ нибудь при поднятіи трупа?—О. Мнѣ объ этомъ никто ничего не говорилъ.—В. Вы не знаете, кто велѣлъ похоронить трупъ Сарры? — О. Не знаю. — В. Вѣдь вы мать: какъ же вы не пошли на похороны своей дочери? — О. Я пошла домой.—В. Не старшина ли велѣлъ похоронить? — О. Да, тутъ были и старшина, и другіе, но кто велѣлъ — не знаю?—В. Какъ вамъ передали о пропажѣ Сарры?—О. Маія пошла за дровами и когда вернулась, то ей сказали, что Сарра ушла куда-то.—В. Часто вы бывали у Цхададзе?—О. Нѣтъ, не часто. — В. Ну, а Сарра, сколько разъ бывала она тамъ?—О. Можетъ быть, въ двѣ недѣли разъ.—В. А случалось, что она ходила одна?—О. Бывало. —Далѣе свидѣтельница объяснила, что когда Саррѣ было три мѣсяца, она сдѣлалась больна, и вслѣдствіе этого-то недуга, который остался неразъясненнымъ, Сарра начала хромать и не могла долго ходить, такъ что бывало пройдетъ съ версту, а потомъ отдыхаетъ.

Прис. пов. Александровъ. Въ то время, когда пропала Сарра, былъ туманъ или нѣтъ?

Свид. Кекела Модебадзе. Когда она ушла изъ дома, тогда были только облака, а потомъ, во время ужина, спустился туманъ.—В. Чѣмъ занималась Сарра въ вашемъ хозяйствѣ?—О. Носила воду, за ребенкомъ смотрѣла.—В. Такъ что, будучи шестилѣтнимъ ребенкомъ, она была подспорьемъ въ хозяйствѣ?—О. Конечно, шести или семи лѣтъ ребенокъ уже способенъ работать дома.

Частн. пов. Лолуа. Вы говорили съ мужемъ о томъ, что могло случиться съ вашей дочерью? — Свид. Кекела Модебадзе. Онъ пошелъ искать ее, но потомъ сказалъ, что нѣтъ никого, не могъ найти.—В. Вы не предполагали, что она заблудилась?—О. Можетъ быть, что и заблудилась.—В. Случается ли у васъ во время тумана, что и взрослый человѣкъ можетъ заблудиться, и даже скотъ?—О. Еще никто не заблуживался.—В. Почему у васъ явилось предположеніе, что вашу дочь похитили евреи. — О. Въ то время, какъ она пропала, по дорогѣ проѣзжали евреи, и если не они взяли, то кто же другой могъ сдѣлать это? — В. Не говорилъ ли вамъ кто-нибудь, какое употребленіе хотѣли сдѣлать евреи изъ ребенка? -О. Объ этомъ никто ничего мнѣ не говорилъ.

Въ виду разнорѣчія въ показаніяхъ, было прочитано прежнее, данное свидѣтельницею судебному слѣдователю, и именно то мѣсто, гдѣ говорится, что когда Маія Модебадзе вернулась домой, то первымъ дѣломъ спросила, гдѣ Сарра; ей отвѣтили, что ея нѣтъ, и вотъ въ то время Маія заплакала и вышла изъ дома. Въ настоящемъ засѣданіи Кекела заявила, что не помнитъ объ этомъ обстоятельствѣ, а по прочтеніи приведеннаго мѣста она объяснила, что можетъ быть говорила объ этомъ слѣдователю.

На вопросы члена суда свидѣтельница отвѣчала, что въ дурную погоду, а въ особенности при туманѣ, и когда бывали вѣтры, Сарра изъ дому никуда не выходила; если она и посѣщала сосѣдей, то возвращалась отъ нихъ очень скоро, и что подруги у нея во всемъ селѣ были лишь всего въ трехъ домахъ. Когда приходилось немного больше ходить, Сарра жаловалась на боль въ ногѣ, тѣмъ не менѣе все-таки не ложилась отдыхать, а большею частью рѣзвилась. Тѣлосложенія Сарра была „такъ себѣ“.

Предсѣдательствующій. Вы говорите, что видѣли на трупѣ Сарры порѣзки на ногахъ: не были ли это просто ушибы? —Свид. Кекела Модебадзе. Нѣтъ, это не были ушибы.—В. Когда принесли трупъ Сарры, то вещи, бывшія на ней, были также изорваны, какъ онѣ представляются въ настоящее время?—О. Да. — В. Не спрашивали вы, почему оказались изорванными вещи Сарры: можетъ быть это случилось въ то время, когда она шла отъ Дорбаидзе домой или же, идя по лѣсу, изорвала? -О. Я объ этомъ никогда не спрашивала, потому что была сильно огорчена смертью дочери.—В. Маія была въ дружбѣ съ Цхададзе?—О. Дружбы никакой между ними не было, а Маія пошла выжи-

гать бѣлила къ Цхададзе потому, что еще не умѣла сама выжигать.

Членъ суда. Вы спрашивали Турфу Цхададзе, какъ ушла Сарра?—Свид. Кекела Мадебадзе. Она говорила, что когда Маія отправилась въ лѣсъ за дровами, то Сарра была еще возлѣ нея, Турфы, а потомъ куда-то вдругъ ушла.—В. По вечерамъ Сарра бывала всегда дома?—О. Бывала.—В. Что же, она исполняла какія-нибудь обязанности въ домѣ?—О. Я ей поручала дѣлать кое-что, и она дѣлала.

Свид. Тинія Модебадзе показала, что когда услыхала о пропажѣ Сарры, то домашніе принялись разыскивать ее, но нигдѣ не нашли. Когда былъ доставленъ трупъ, то свидѣтельница видѣла, что на рукѣ Сарры были порѣзы между большимъ и указательнымъ пальцами. „Она была измучена, и я обмывала ее къ похоронамъ".

Прокуроръ. Кромѣ порѣзовъ на рукѣ, не видали еще чего-нибудь?—Свид. Тинія Модебадзе. Подъ колѣнками также были порѣзы, хотя и неглубокіе.—В. А вы не говорили Кекелѣ Модебадзе о томъ, что вотъ вы нашли подъ колѣнями Сарры порѣзы?—О. У меня духу не хватило, чтобы говорить объ этомъ матери.—В. Пятенъ на тѣлѣ не видали никакихъ?—О. Никакихъ знаковъ на тѣлѣ я не замѣтила.—В. Въ семьѣ Модебадзе есть еще хромыя дѣти?—О. Есть еще хромой сынъ.—В. Что это—природный недостатокъ?—О. Нѣтъ, Сарра хромала отъ болѣзни, случившейся съ нею, когда она была еще маленькою, но потомъ она была совсѣмъ здорова. В. Была ли она чувствительна къ холоду?—О. Какъ и обыкновенно.—В. Ну, напримѣръ, въ декабрѣ ходила она босикомъ или нѣтъ? О. И босикомъ ходила. Она была рѣзвая, и все бывало бѣгала съ другими дѣтьми.—В. Какой голосъ у нея былъ: громкій, слабый?—О. Посредственный.—В. Она была глухая?—О. Нѣтъ.

Свидѣтельницѣ предъявлены вещественныя доказательства, въ которыхъ она признала, что рубаха и платье дѣйствительно принадлежать Саррѣ, но только эти вещи не были разорваны спереди, въ видѣ халата; но позднѣе онѣ были въ такомъ видѣ, когда принесли домой трупъ Сарры, причемъ платье было такое же сухое въ то время, какъ и теперь, а равно и рубаха.—В. На спинѣ трупа платье было мокрое?—О. Нѣтъ, было сухое.—В. Ну, грязью было запачкано?—О. Нѣтъ, этого не было.

Прис. пов. Александровъ. Кто снималъ рубаху и платье съ Сарры?—Свид. Тинія Модебадзе. Снимала я, и сняла безъ всякаго труда.—В. Не разорвали ли вы при этомъ платье ради того, чтобы удобнѣе было снять одежду съ покойницы?—О. Нѣтъ, я не разрывала.

Прис. пов. Кикодзе. А для чего, по вашему мнѣнію, евреи похитили эту дѣвочку?—Свид. Тинія Модебадзе. А я не знаю, для какой нужды.

Частн. пов. Лолуа. Когда вы обмывали трупъ Сарры, тогда у васъ не было подозрѣнія противъ евреевъ?—Свид. Тинія Модебадзе. Мы подозрѣвали евреевъ въ томъ преступленіи еще до того, какъ былъ найденъ трупъ.—В. Когда вы нашли раны на рукѣ, то не объясняли вы этого тѣмъ, что евреи замучили этого ребенка?—О. Да, объ этомъ всѣ были того мнѣнія.—В. Не было ли въ другихъ мѣстахъ тѣла порѣзовъ?—О. Я не осматривала, такъ-какъ не думала, что изъ этого возникнетъ подобнаго рода дѣло.—В. Не говорилъ ли вамъ кто-нибудь, что евреямъ нужна была христіанская кровь, и почему они похитили Сарру?—О. Да, объ этомъ говорили многіе.—В. Вы нашли подъ колѣнками порѣзы, потомъ знали, что евреи употребляютъ христіанскую кровь, такъ почему же вы не обратили на это вниманія какъ сами, такъ и не предложили родителямъ покойной?—О. Я не въ силахъ была сдѣлать этого; но что порѣзы видѣли многіе—это правда.

Предс. Вы обмывали трупъ Сарры. Какъ же вы могли управиться съ платьемъ ея предъ тѣмъ, какъ приступить къ обмыванію.—Свид. Тинія Модебадзе. Я управилась съ этимъ очень скоро.—В. А вамъ не пришло въ голову, почему платье Сарры было разорвано?—О. Вѣроятно платье сорвали съ ея тѣла.—В. Но можетъ быть Сарра въ лѣсу сама зацѣпилась за что нибудь и разорвала?—О. Нѣтъ, мы были твердаго мнѣнія, что платье ея разорвано евреями.—В. Не видали ли вы на тѣлѣ Сарры какихъ-нибудь пятенъ?—О. Нѣтъ, не видала.—В. Можетъ быть вмѣсто порѣзовъ были однѣ ссадины?—О. Нѣтъ, это не ссадины были.—В. Не было ли уколовъ у подошвы ногъ?—О. Я не подробно осматривала трупъ, но видѣла, что на рукѣ не было мякоти между большимъ и указательнымъ пальцами, не знаю только, была ли эта мякоть вырвана или вырѣзана. Цвѣтъ тѣла Сарры былъ на видъ такой, что нельзя было полагать, что она лежитъ мертвою.

На вопросы членовъ суда, свидѣтельница показала, что вообще, когда въ горахъ спускается туманъ, то обыкновенно всѣ дѣти со двора стремятся поскорѣе домой, боясь, чтобы ихъ не застала ночь. Случаевъ, чтобы кто-нибудь пропадалъ во время тумана—Тинія не знаетъ и не слыхала о томъ ни отъ кого.

Членъ суда. Почему дорога, о которой идетъ въ дѣлѣ рѣчь, называется садзаглихевскою?—Свид. Тинія Модебадзе. Я не знаю. Называютъ такъ, и больше—ничего. В. Не знаете ли мысли этого названія?—О. Нѣтъ *).

*) *Сад.*—означаетъ „*сзади*"; *загли*—„*собака*", *хеви*—„*ущелье*".

Свидѣтельница Маія Модебадзе (сестра убитой) объяснила, что она вмѣстѣ съ Саррою отправилась къ Цхададзе обжигать бѣлила, и во время этого занятія Сарра ушла куда-то безъ позволенія. Когда Маія вернулась съ дровами, за которыми ходила въ лѣсъ, то ей сказали, что Сарра исчезла; она отправилась домой, спросила о сестрѣ и потомъ пошла назадъ искать Сарру вмѣстѣ съ отцемъ, но нигдѣ не нашли. Платье и рубаха, лежащія на столѣ вещественныхъ доказательствъ — принадлежатъ Саррѣ, но эти вещи не были разорванными такъ, какими представляются въ настоящее время.

Прокуроръ. Когда вы собирали валежникъ для обжиганія бѣлилъ, не видали ли какъ по дорогѣ проѣзжали евреи? — Свид. Маія Модебадзе. Видѣла.—В. Далеко вы тогда были отъ Турфы Цхададзе?—О. Нѣтъ, недалеко, но только не могла ее видѣть. — В. Не слыхали ли какъ Турфа кричала евреямъ, нѣтъ ли у нихъ продажнаго товара? — О. Когда проѣзжали евреи, я была вмѣстѣ съ Турфою и тутъ же была Сарра; но я не спрашивала у евреевъ о товарѣ и Турфа также при мнѣ не предлагала Саррѣ пойти къ евреямъ для того, что они, можетъ быть, дадутъ ей товару. — В. Вы и другую группу евреевъ, въ 3 чел., видѣли? — О. Другой группы евреевъ въ три человѣка я не видала; но ихъ видѣла, вѣроятно, Турфа. Когда я вернулась изъ лѣса съ дровами, Турфа мнѣ сказала, что Сарра пошла по дорогѣ, гдѣ ѣхали евреи, и я сейчасъ же побѣжала домой. — В. Утромъ слѣдующаго дня говорилъ вамъ кто-нибудь, почему пропала Сарра?—О. Говорили, что евреи проѣзжали по дорогѣ, такъ вѣроятно, и взяли Сарру.—В. Долго вы искали Сарру на другой день? — О. Долго искали и много людей ходило по всѣмъ мѣстамъ. — В. И по оврагамъ? — О. Вездѣ, и по оврагамъ. — В. Когда обжигали бѣлила, вѣтеръ былъ?—О. Нѣтъ, но былъ туманъ, и очень густой, такой, что ничего нельзя было видѣть вокругъ.—В. А какъ же вы евреевъ-то видѣли?—О. Тогда еще не было тумана; когда же я пошла въ лѣсъ, то туманъ нависъ и такъ оставался до вечера.—В. И все время былъ густой?—О. Иногда сильнѣе, иногда слабѣе былъ.—В. Дорога-то была видна или нѣтъ?—О. Иной разъ хорошо было видно, а иной разъ нѣтъ.—В. Можетъ быть Сарра сбилась тъ дороги и заблудилась гдѣ-нибудь въ оврагѣ?—О. Она не могла заблудиться, потому что часто бывала въ тѣхъ мѣстахъ. Далѣе, свидѣтельница показала, что во время пропажи Сарры дождя не было, и шелъ ли онъ ночью — Маія не знаетъ, такъ какъ рано легла спать. Помнитъ лишь, что на утро земля была мокрая.—В. Предъ тѣмъ, какъ нашли трупъ Сарры, шелъ дождь или нѣтъ? — О. Ночью шелъ сильный. — В. Когда принесли трупъ вашей сестры, что вы замѣтили на немъ? — О. Мясо на пальцахъ было вырѣзано. — В. А трупъ былъ окоченѣлый?—О. Нѣтъ, мягкій.—В. Не видали ли вы на немъ какихъ-

нибудь ранъ?—О. Подъ колѣнками были на обѣихъ ногахъ, и я это сама хорошо видѣла.—В. Большія раны?—О. Порядочныя.—В. Что же это были за раны: отъ укола или порѣза?—О. Нѣтъ. были прорѣзаны. В. Не видали ли вы пятенъ гдѣ-нибудь? — О. Я не замѣчала никакого пятна.—В. Руки у Сарры были замараны кровью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оказались порѣзы, или нѣтъ?—О. Крови не было ни въ тѣхъ мѣстахъ и нигдѣ, а также и на платьѣ крови не было видно.—В. А на ногахъ, гдѣ были порѣзы, видѣли кровь?—О. Нѣтъ.

Пр. пов. Александровъ. Сколько вы въ первый разъ видѣли евреевъ, ѣдущихъ по дорогѣ?—Свид. Маія Модебадзе. Ихъ было четверо. — В. Не видали ли вы, что у нихъ была лошадь съ переметными сумками и не видали ли вы въ нихъ чего-нибудь?—О. Сумки были, и они везли съ собой козла и гусей.—В. Съ этими евреями разговаривала Турфа? — О. Нѣтъ, она съ ними не говорила, а то бы я могла это слышать, а я не слыхала.—В. Далеко ли вы ушли въ лѣсъ?—О. Нѣтъ не далеко—В. Дорога была видна вамъ съ того мѣста, гдѣ брали валежникъ?—О. Я не видала дороги.—В. Такъ что вы второй партіи евреевъ по дорогѣ не видали?—О. Нѣтъ.—В. Съ первою партіею евреевъ Турфа не разговаривала и Сарра оставалась при ней?—О. Да.

Пр. пов. Кикодзе. По какой дорогѣ вы шли съ Саррою отъ своего дома къ Цхададзе? — Свид. Маія Модебадзе. По верхней дорогѣ.—В. А пошли искать ее по верхней или по нижней? — О. По верхней, потому что мнѣ такъ и сказали, что она пошла тутъ. — В. Всѣ четверо евреевъ были верхомъ? — О. Да, всѣ.—В. Они были старые или молодые? — О. И старые, и молодые. Я ихъ хорошо видѣла.—В. Какъ принесли къ вамъ трупъ Сарры: на рукахъ или на чемъ другомъ? — О. Завернули въ коверчикъ, и трое принесли.—В. Когда вы пошли разыскивать сестру, вы никого не встрѣтили по дорогѣ?—О. Нѣтъ; но меня видѣли многіе, какъ я разыскивала.

Пр. пов. Куперникъ. Когда евреи проѣзжали по дорогѣ, въ то время былъ вѣтеръ, и усиливался ли онъ или нѣтъ? — Свид. Маія Модебадзе. И тогда вѣтра не было, и потомъ точно также.—В. Когда вамъ мать сказала, что Сарра пропала, вы заплакали или нѣтъ?—О. Нѣтъ, не плакала.

Частн. пов. Лолуа. Вы говорили, что евреи везли гусей и козла; не въ такой ли сумкѣ они везли все это (показываетъ свидѣтельницѣ сумку, хранящуюся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ)? — Свид. Маія Модебадзе. Та сумка была больше; впрочемъ, я не такъ близко стояла отъ евреевъ, чтобы положительно могла опредѣлить размѣръ сумки. — В. Была ли то переметная сумка или что другое? — О. Кажется, что хуржинъ (переметная сумка). Я видѣла было что-то привязано къ сѣдлу, и знаю, что тамъ былъ посаженъ козелъ, висѣвшій сбоку, и на той

же сторонѣ висѣли привязанными гуси. — В. Вы видите здѣсь платье Сарры. Посмотрите пожалуйста: на немъ есть какъ будто толстыя нитки, въ родѣ тесьмы. Такъ вотъ, для чего онѣ тутъ? Повидимому, платье будто завязывалось ими спереди?—О. Этими нитками оно было, кажется, сшито.

Частн. Пов. Лолуа. Я прошу судъ обратить свое вниманіе на эти нитки, которыя я показываю: это платье очевидно такое, что было сшито, со сквозною прорѣхою спереди во всю длину и завязывалось на эти нитки; тѣмъ болѣе можно принять за вѣрное, что слѣдовъ разорванія платья здѣсь никакихъ не видно, а также и того, чтобы оно расшилось.

Предсѣд. Если бы вы шли по тропинкѣ на дорогу, то вы раньше евреевъ пришли бы на нее или нѣтъ?— Свид. Маія Модебадзе. Я могла съ ними сойтись.—В. Вѣдь евреи проѣхали уже; какъ же Сарра могла встрѣтится съ ними тамъ? Вѣдь она должна была догнать ихъ и встрѣтиться?— О. Евреи еще не могли опередить Сарру, такъ что она могла перейти наперерѣзъ имъ.— В. Вы говорите, что евреи везли козла; онъ кричалъ?— О. Кричалъ.

Членъ суда. То мѣсто, гдѣ Сарра могла пересѣчь дорогу евреямъ, далеко отстоитъ отъ вашего дома? — О. Далеко. — В. Нижняя дорога была больше или нѣтъ?—О. Нѣтъ.—В. Если она шла домой тропинкою между кустами, то могла себѣ оцарапать ноги или нѣтъ?—О. Оцарапать не могла.—В. Почему, развѣ дорога эта широкая?—О. Да, широкая.—В. Сарра имѣла привычку уходить одна куда-нибудь?—О. Нѣтъ, она была послушная.

Засѣданіе закрыто въ $12^1/_2$ час. ночи до слѣдующаго дня.

Засѣданіе 6-го марта.

Свидѣтельница Турфа Цхададзе показала, что Сарра была съ нею при выжиганія бѣлилъ, но потомъ куда-то исчезла, въ то время какъ ея дочь и Маія Модебадзе пошли въ лѣсъ за дровами. Когда пропала Сарра, въ то время по дорогѣ проѣзжали двѣ партіи евреевъ. Сарру долго искали, но найти не могли и и наконецъ лишь только въ четвергъ наткнулись на ея трупъ. Одежда на Саррѣ была хотя и сухая, но разорванная, вотъ какъ та, которая лежитъ здѣсь (указывая на столъ вещественныхъ доказательствъ). Сумка, находящаяся при дѣлѣ, вовсе не та, которую свидѣтельница видѣла у проѣзжавшихъ тогда евреевъ. По словамъ Турфы, сумка была такой величины, что даже она могла помѣститься въ ней (Турфа средняго роста и довольно полная старуха).

Прокуроръ. Не предлагали ли вы евреямъ какіе-нибудь вопросы?—Свид. Турфа Цхададзе. Я крикнула имъ, чтобъ они завернули къ намъ, что намъ нужно купить кое-что, но евреи

сказали, что имъ некогда, и поѣхали шибко. В. Какую партію евреевъ вы остановили: въ 4 или 3 человѣка? О. Когда ихъ проѣхало четверо. В. Когда эти четверо проѣхали, при васъ была Сарра или нѣтъ? О. Всѣ оставались около меня, и я при всѣхъ предлагала евреямъ остановиться. В. Не говорили-ли вы Саррѣ, что если она попадетъ въ руки къ евреямъ, то они дадутъ ей хорошее платье? О. Я просила не отлучаться отъ насъ. В. А такихъ словъ не говорили? О. Какъ же я могла сказать это? Можетъ быть иначе записали мое показаніе; а я тогда не говорила. В. Не говорили ли вы отцу Сарры, что по дорогѣ проѣзжали евреи, и если говорили, то когда? О. На другой день. В. Отчего вы не сказали въ тотъ же день? О. Я не подозрѣвала, что евреи могли похитить Сарру. В. Какъ скоро послѣ первой проѣхала вторая партія евреевъ? О. Чрезъ четверть часа, и я тогда на томъ же мѣстѣ стояла, но только одна.

Пр. пов. Александровъ. Когда проѣзжали четверо евреевъ, вы все были при Саррѣ и не ходили за валежникомъ въ лѣсъ?

Т. Цхададзе. Они пошли сперва, а потомъ и я, полагая, что Сарра отправилась за ними.—В. Между четырьмя евреями былъ одинъ пѣшій.—О. У меня было свое дѣло, и я знаю, что ихъ ѣхало четверо; но былъ ли между ними пѣшій – я на это вниманія не обращала.—В. При какой группѣ евреевъ былъ козелъ: при первой или при второй въ 3 человѣка?—О. Козелъ былъ при второй группѣ.

Прис. пов. Куперникъ. Когда вернулась изъ лѣсу Маія Модебадзе, она вамъ ничего не говорила о Саррѣ? Свидѣтельница Турфа Цхададзе. Когда она вернулась, я спросила: „Гдѣ же дѣвка?“ (Сарра). Она отвѣтила, что оставила ее здѣсь и что она вѣроятно пошла домой. В. Вы не видѣли, когда Сарра шла къ садзаглихевской дорогѣ? О. Она пошла за дровами за Маіей и за моей дочерью. В. Вы видѣли, какъ Сарра отошла отъ васъ? О. Видѣла. В. Значитъ Сарра пошла туда же, куда и тѣ? О. Да. В. Вы видѣли съ того мѣста, гдѣ стояли, большой кусокъ дороги или маленькую ея часть? О. Мнѣ большое пространство дороги было видно. В. Когда обѣ партіи евреевъ проѣхали, вы не смотрѣли имъ въ слѣдъ. О. Это не рѣдкость, что по дорогѣ у насъ проѣзжаютъ евреи, а потому и не было нужды глядѣть на нихъ. В. Не проѣзжалъ ли кто другой по этой же дорогѣ? О. Около того времени никто кромѣ евреевъ не проѣзжалъ, но вообще дорога эта проѣзжая, и послѣ того, какъ пропала Сарра, конечно проѣзжали и другіе.

Предсѣдат. Когда пошли за дровами, не говорила ли Маія Саррѣ, что ей нужно идти домой? Свид. Т. Цходадзе. Она говорила и предлагала Саррѣ идти домой „намъ, говоритъ, нельзя здѣсь оставаться вдвоемъ“.

Здѣсь нужно замѣтить, что обжиганіе бѣлилъ у сачхерцевъ

сопряжено съ нѣкоторымъ суевѣріемъ. Такъ, при этомъ занятіи, между прочимъ не должны присутствовать два лица изъ одной семьи, потому что это испортитъ бѣлила и вліяетъ на дурной глазъ, скрытый до того у врага.

Свидѣтельницѣ предъявлены платье и рубаха Сарры, по разсмотрѣніи которыхъ она сказала, что кромѣ дыръ на этихъ вещахъ все остальное было сшито и не имѣло сквозной прорѣхи напереди.

Предсѣдат. Вы вотъ видите на платьѣ кусочки нитокъ, довольно толстыхъ, такъ не завязывалась ли передняя часть платья этими нитками? Свид. Т. Цходадзе. Нѣтъ; здѣсь все было зашито.

Част. пов. Лолуа. Посмотрите хорошенько. Вѣдь тутъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы платье было разорвано. Свид. Т. Цхададзе. Я знаю, что все было зашито. В. Ну, а на рубахѣ? Посмотрите. О. И эта была сшита. А тутъ вѣроятно совсѣмъ разорвана, и если приглядишься, то здѣсь (показываетъ) не достаетъ цѣлаго куска противъ того, какъ должно быть.

Прис. пов. Куперникъ. Почему вы говорили Саррѣ, чтобы она не отлучалась, иначе пропадетъ? Т. Цходадзе. Сарра была ребенокъ, и мы хотѣли, чтобъ она около насъ оставалась В. Почему Сарра не возражала, когда Маія посылала ее домой? О. Сарра сказала: „Нѣтъ, зачѣмъ я пойду, я хочу остаться здѣсь". В. Когда вы сказали, что дѣвочки нѣтъ, Маія сейчасъ же пошла домой? О. Да, а потомъ вернулась черезъ короткое время и долго оставалась у насъ. В. Вы уже кончили обжигать бѣлила? О. Намъ было не до этого, — мы отправились всѣ сейчасъ же на поиски. Обжиганіе нужно производить цѣлыя сутки. В. Туманъ былъ въ то время или нѣтъ? О. Былъ густой туманъ. В. А ночью шелъ дождь или нѣтъ? О. Нѣтъ.

Прис. пов. Кикодзе. Когда Маія получила отъ васъ отвѣтъ, она не сказала: „Господи, гдѣ же она?" Т. Цхададзе. Она и это говорила и говорила то, что вѣроятно Сарра пошла домой. В. Почему же она могла сказать „Господи, гдѣ же она. Гдѣ же Сарра?" О. Сказала, полагая, что Сарра отстала въ лѣсу. В. Въ какихъ отношеніяхъ была Маія къ своей сестрѣ Саррѣ? О. Онѣ повидимому любили другъ друга, и во время обжиганія бѣлилъ никакого неудовольствія между ними не было. Напротивъ, онѣ шутили другъ съ другомъ. В. А евреи какъ ѣхали? О. Очень шибко ѣхали, такъ шибко, что шибче нельзя было. В. Обѣ группы такъ ѣхали? О. Да. В. Не знаете ли, когда былъ найденъ трупъ Сарры? О. Это было подъ вечеръ; по крайней мѣрѣ мы узнали объ этомъ подъ вечеръ,—но можетъ быть нашли и раньше.

Частн. пов. Лолуа. Въ вашемъ показаніи вы употребили слово: „Прокралась." Кто смотрѣлъ за Саррою — вы или сестра ея? Почему вы говорили ей, чтобъ она не пропадала, и почему вы ровно ничего не сказали Маіи объ этомъ обстоятельствѣ? Т. Цхададзе. Я больше не въ силахъ говорить. Если всякій присутствующій на судѣ будетъ допрашивать меня отчего, да почему, да какъ, я могу совершенно обезсилѣть.

Предсѣдат. Вы можете нѣсколько успокоиться, но давать отвѣты вы должны на всѣ вопросы, которые вамъ предлагаютъ. Т. Цхададзе. Тутъ вѣроятно есть и защитники; но я вижу Судъ и полагала что меня будетъ только судъ допрашивать. Предсѣдат. Вы и даете свое показаніе суду, а защитники только предлагаютъ вамъ вопросы.

Т. Цхададзе. Я что знаю, то и показываю.

Предсѣдат. Такъ и потрудитесь отвѣтить на вопросъ, который вамъ былъ только-что предложенъ.

Т. Цходадзе. Я собственно остерегалась за Сарру, потому что тутъ была лѣсистая мѣстность и неровная. Сарра же была некрѣпкая на ходу. Такъ вотъ я и говорила ей потому, что она могла ушибиться или заблудиться въ лѣсу.

Частн. пов. Лолуа. Вы говорили, что Дмитрій Церетели отправился розыскивать своей скотъ передъ тѣмъ, какъ пропала Сарра?

Т. Цхададзе. Да.—В. Откуда это вамъ извѣстно? О. Мы другъ отъ друга близко живемъ, не въ далекомъ разстояніи, такъ что можно было видѣть все. Заключила же объ этомъ я изъ того, что Дмитрій Церетели потомъ гналъ свой скотъ назадъ изъ лѣсу, а это было въ скорости послѣ отлучки Сарры. В. Вы говорите, что были не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга; слѣдовательно могли и разговаривать? О. Можно было и говоритъ, но у насъ было свое дѣло, и разговаривать было некогда. В. Въ тотъ же день вы не слышали, чтобы евреевъ обвиняли въ томъ что они похитили Сарру? О. Это рѣдкость, и въ другое время евреи проѣзжали. В. Почему, на какомъ основаніи стали потомъ говорить объ этомъ? О. Можетъ быть и правда, что евреи похитили ее, да и подослали человѣка, чтобы завезти въ Сачхери. В. Для чего же они похитили? Послѣ этого хотѣли продать, что ли, Сарру? О. Этого намъ неизвѣстно. В. Вы не слыхали ничего объ употребленіи евреями христіанской крови? О. Они мучаютъ христіанъ. Объ этомъ мы слышали. В. Вы слыхали, какъ они мучаютъ? О. Я не знаю; я у евреевъ кухаркой не была, такъ откуда мнѣ знать?

Въ виду разнорѣчія въ показаніи свидѣтельницы судъ поставилъ прочитать три показанія, данныя ею на предварительномъ слѣдствіи, которыя заключаютъ въ себѣ слѣдующее;

„Въ апрѣлѣ, не помню какого числа, день былъ вторникъ, во время нашего обѣда пришли ко мнѣ дочери Іосифа Модебадзе, Маія и Сарра, варить бѣлила вмѣстѣ съ моею дочерью Елизаветою. Я, Елизавета, Маія и Сарра, взявъ все, что нужно для приготовленія бѣлилъ, пошли въ лѣсокъ по близости моего вино-

градника, гдѣ въ то время работали: мой мужъ Павелъ и сыновья Давидъ и Сачино. Я приступила къ приготовленію для варки бѣлилъ, а Елизавета и Маія пошли въ сосѣдній лѣсъ за дровами. Сарра осталась при мнѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ того я видѣла, какъ проѣзжали четыре еврея: нѣкоторые были пѣшкомъ, а нѣкоторые верхомъ. На лошадяхъ у нихъ были переметныя сумки. Я крикнула имъ: „приходите сюда, я хочу купить у васъ матеріи на платье". Но они отвѣтили, что не могутъ заѣхать, что имъ некогда. Даже сынъ мой, Давидъ, перескочивъ черезъ заборъ, звалъ ихъ подъѣхать, такъ какъ желалъ купить товару, но они сказали, что торопятся, что имъ некогда заѣхать. Въ это время Сарра еще при мнѣ была. Но спустя нѣсколько минутъ послѣ того Сарра ушла, просто исчезла, а я, будучи занята варкою бѣлилъ, не замѣтила, куда именно она исчезла; вѣроятно, пошла, думаю себѣ, къ Маіи и Елизаветѣ въ лѣсъ. Не прошло и четверти часа, какъ проѣхали по дорогѣ еще трое евреевъ, и ѣхали они довольно шибко. На лошадяхъ у нихъ были хуржины. Послѣ того пришли изъ лѣсу Маія и Елизавета съ дровами и спрашивали: гдѣ Сарра? Я отвѣтила: развѣ она не пришла къ вамъ? Нѣтъ, отвѣтили. Такъ вѣрно она пошла домой. „Господи, что мнѣ дѣлать, гдѣ Сарра", говорила Маія, и побѣжала къ себѣ домой; но узнавъ, что Сарра не приходила домой, вернулась вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Іосифомъ, и тутъ всѣ взбудоражились, засуетились, и стали искать несчастную вдали, но не нашли ее нигдѣ. Модебадзе ушли, и Іосифъ въ тотъ же день еще разъ прибѣжалъ къ намъ и рыдалъ—нѣтъ ребенка. Съ нимъ приходилъ сельскій старшина Иванъ Капанадзе. Мнѣ пришла мысль: не евреи ли тѣ похитили ребенка, но я въ тотъ день Модебадзе ничего не говорила, и только на другой день утромъ, очень рано, высказала ему это. Въ среду и четвергъ народъ все разыскивалъ пропавшую Сарру — но нигдѣ не нашли, и я узнала только въ четвергъ вечеромъ, что нашли ее мертвою въ селеніи Добраидзе. Я въ тотъ же день отправилась къ Модебадзе, и видѣла мертвое тѣло, причемъ обратила вниманіе на вырванные куски мяса между большими и указательными пальцами обѣихъ рукъ. Руки и вообще тѣло были блѣдныя. Въ день, когда Маія и Сарра приходили къ намъ, на послѣдней была холщевая рубашка и синее платье, а голова была повязана кускомъ ситцу бѣлаго цвѣта съ красными полосами. Въ тотъ день былъ туманъ и вѣтеръ, но дождя не было. Сарра часто бывала у насъ и одна, и всегда одна отправлялась домой. Я позабыла еще сказать, что когда мы позвали евреевъ для того, чтобы купить у нихъ на платье, и они не пришли, я сказала Саррѣ шутя: „вотъ, если ты попадешь имъ въ руки, они тебѣ дадутъ хорошее платье". Сарра хромала и ходила вообще медленно. Такъ какъ Сарра исчезла передъ тѣмъ, какъ проѣхали трое евреевъ—то эти послѣдніе могли нагнать ее.

„Въ дополненіе къ данному мною показанію прибавлю: сколько лѣтъ было Саррѣ—я не знаю, а родители говорили, что ей было 8 лѣтъ. Сарра была дѣвочка веселая, рѣзвая, крѣпкаго сложенія и голосъ имѣла крѣпкій. Крестили Сарру, когда ей было около полугода. Меня тогда приглашали крестною матерью, но я не могла быть. Маія и Сарра пришли ко мнѣ вмѣстѣ. Когда Маія и Елизавета собирали валежникъ, то Сарра играла съ моимъ двухлѣтнимъ ребенкомъ около Маіи. Когда я говорила съ проѣзжавшими четырьмя евреями, то въ это время Маія и Елизавета пошли за валежникомъ, и въ это же время отошла отъ меня Сарра. Маія и Елизавета собирали валежникъ меньше времени, нежели сколько необходимо, чтобы дойти отъ моего дома до дома Модебадзе. Какъ только Маія возвратилась изъ лѣсу, то тотчасъ же пошла домой за Саррой. Подъ колѣнами у Сарры была царапина, именно небольшая подъ однимъ колѣномъ, и царапина такая маленькая, что докторъ могъ не замѣтить ея. Ладони рукъ и подошвы ногъ были, какъ обыкновенно у всѣхъ покойниковъ, и ничего особеннаго не было. Во вторникъ вечеромъ и ночью на среду дождя не было, а былъ дождь утромъ, въ среду около обѣденнаго времени.

„Къ даннымъ мною двумъ показаніямъ прибавляю: примѣтъ евреевъ и примѣтъ ихъ лошадей я не замѣтила, и если ихъ мнѣ предъявятъ, то я ихъ не узнаю. Сначала проѣхало три еврея, и между ними былъ пѣшій, а вскорѣ за ними проѣхало еще три еврея. Мы просили первыхъ евреевъ, чтобъ они продали намъ товаръ. Когда я звала евреевъ, то Сарра играла возлѣ меня, и въ это же время она, неизвѣстно куда, исчезла. Я ей тогда сказала, что если евреи ее увидятъ, то снимутъ съ нея старое платье и дадутъ ей новое и похитятъ ее. Я это сказала ей въ видѣ предостереженія, чтобъ она не уходила сама, такъ какъ она часто уходила отъ меня сама домой. Всѣ говорятъ въ деревнѣ, что когда проѣзжали евреи, то я будто сказала Саррѣ, что если она пойдетъ къ евреямъ, то они дадутъ ей хорошее платье, и что вслѣдствіе моихъ словъ будто пошла Сарра къ евреямъ, и они ее похитили. Руки и ноги Сарры были чисты, и песку на нихъ не было. Вообще на трупѣ ничего такого не было, что указало бы на то, что Сарра была въ водѣ. Сарра была ласковая и добрая дѣвочка, и ее какъ родители, такъ и всѣ знавшіе ее любили. Сарра ходила по деревнѣ одна къ сосѣдямъ. Сына Сачино въ то время, когда проѣзжали евреи, не было съ нами, онъ былъ на мельницѣ. Я не говорила Саррѣ словъ, что если она пойдетъ къ евреямъ, то они дадутъ ей хорошее платье. Послѣ этихъ словъ Сарра вскорѣ ушла отъ меня".

По поводу прочитанныхъ показаній, свид. Турфа Цхададзе объяснила, что показанія ея въ томъ и заключаются, что она первая спросила, гдѣ „дѣвка" (Сарра). Маія вскорѣ ушла домой; свидѣтельница просила ее сходить за дровами, но Маія отвѣчала, что ей

нужно отправиться домой, чтобы получить разрѣшеніе матери присутствовать при обжиганіи бѣлилъ, и обѣщала вернуться назадъ.

Председ. Говорили вы Саррѣ слѣдующее: „Если попадешь къ евреямъ, то они могутъ тебѣ дать платье и могутъ тебя похитить?“ Цхададзе. Я только сказала ей не отлучаться никуда, а оставаться при мнѣ. Первыхъ же словъ я не говорила. В. Но вы повторили ихъ два раза на предварительномъ слѣдствіи? О. я бы этого не сказала, пототу что у меня было свое дѣло, гдѣ же мнѣ было шутить? Что касается Маіи, то она безпокоиться—не безпокоилась, потому что Сарра не разъ отлучалась одна. В. Вы еще говорили, что Маія сказала: „Ахъ, Господи, Боже мой, гдѣ же Сарра?“ и что она потомъ побѣжала? О. А развѣ можно все слышанное запомнить?

Прок. Свидѣтельница очевидно не припомнитъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, такъ какъ со времени происшествія прошелъ цѣлый годъ.

Гражд. истецъ Модебадзе объяснилъ, что хотя свидѣтельница и отзывается запамятованіемъ, но что она давала такое показаніе судебному слѣдователю.

Прис. повѣр. Александровъ. Какъ велики были порѣзы на рукахъ Сарры?

Турфа Цходадзе. Довольно порядочные. В. Вы сами увидѣли тѣ порѣзы, или вамъ показывали? О. Я сама осматривала трупъ и видѣла, что на рукахъ были вырѣзаны куски мяса, а потомъ увидѣла порѣзы на одной ногѣ, и тутъ же мнѣ сказали, что такіе же порѣзы имѣются и на другой ногѣ, на икрахъ.

Председ. Какъ вы понимаете на икрахъ?

Турфа Цхададзе. Внизу подъ колѣнками. В. Это были разрѣзы или просто ссадины? О. На всемъ пространствѣ ноги были разрѣзы. В. Отчего же вы на другую ногу не обратили вниманія? О. Я подробно не осмотрѣла, да и нельзя было: тамъ было много народу. Впрочемъ я еще замѣтила уколы на ступняхъ сверху. В. Какого же рода были уколы: поверхностные или глубокіе? О. Не глубокіе, незначительные. В. На обѣихъ ногахъ были или нѣтъ? О. Нѣтъ, только на правой ногѣ. В. Не можете ли вы объяснить слѣдующее: вы говорите, что Сарра была съ вами. Куда же дѣлся вашъ ребенокъ, съ которымъ она играла? О. Во время отлучки Сарры мой ребенокъ спалъ. В. Гдѣ вы видѣли козла: у первой или у второй партіи евреевъ? О. Во второй партіи. В. Не было у этихъ евреевъ живности? Напримѣръ, гусей, куръ? О. Я видѣла и гуся, и курицу. В. Это у одного изъ евреевъ или же и у другого? О. У двоихъ. В. Козелъ въ сумкѣ сидѣлъ или такъ былъ привязанъ? О. Въ сумкѣ сидѣлъ.

Членъ суда. Вы предостерегали Сарру не ходить, потому что мѣсто неровное, а она хромала?

Т. Цходадзе. Тамъ кустарникъ и колючки много, такъ я и боялась, чтобы не случилось чего-нибудь съ Саррой. В. Когда вы видѣли подъ колѣнами порѣзы, не поняли ли вы, что это произошло вслѣдствіе того, что та ходила по колючкѣ? О. Колючка не сдѣлаетъ такихъ порѣзовъ, а тутъ даже жилы вышли наружу. В. Сарра раньше приходила къ вамъ, и если приходила, то оставалась ли до темноты или же уходила засвѣтло? О. Она до заката солнца никогда не оставалась. В. Когда обжигали бѣлила, былъ вѣтеръ или нѣтъ? О. Была очень хорошая погода до самаго вечера, но потомъ былъ туманъ. В. А вѣтеръ подъ вѣчеръ былъ? О. Былъ, но очень слабый.

Частн. пов. Лолуа. Какъ вы объяснили раны на рукахъ и ногахъ Сарры?

Турфа Цходадзе, Мы полагали, что это было сдѣлано острымъ орудіемъ—ножемъ. В. Вы полагали, что ножемъ? О. Вѣроятно, что это было сдѣлано острымъ концомъ ножа. Предположить, что это было сдѣлано животнымъ, нельзя, такъ какъ раны отъ животныхъ постоянно бываютъ на лицѣ. В. Кто могъ сдѣлать такія раны, по-крайней-мѣрѣ какъ вы подумали объ этомъ обстоятельствѣ? О. Я боюсь грѣха сказать объ этомъ положительно. В. Не говорили ли, что это сдѣлали евреи? О. Многіе говорили объ этомъ.

Членъ суда. Говорили, что евреи добываютъ кровь именно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя вы видѣли поврежденными у Сарры?

Т. Цхададзе. Видѣть, этого, конечно, никто невидалъ, но что кровь всегда выходитъ изъ жилъ, то это всякому извѣстно. Всѣ знаютъ. В. Существуетъ мнѣніе, что евреи собствено изъ подобныхъ мѣстъ—между пальцами—добываютъ кровь посредствомъ иголокъ ипроч. Есть ли такое мнѣніе? О. Слышала, что евреи дѣлаютъ уколы. В. Не приходилось ли вамъ слышать объясненіе, почему именно здѣсь дѣлаются порѣзы. О. Этого я не знаю. В. Изъ евреевъ первой и второй партіи былъ вамъ знакомъ кто нибудь? Заѣзжали ли они раньше къ вамъ продавать товаръ или нѣтъ? О. Изъ нихъ я только знаю Мошу Цаціашвили, котораго не было съ ними. В. Почему же вы объ этомъ знаете? О. Онъ часто ходилъ въ нашу деревню, и я бы могла узнать его въ числѣ другихъ евреевъ. В. Вы говорите о большомъ размѣрѣ сумки. Почему вы знаете объ этомъ? Вы выходили на дорогу? О. Нѣтъ, но я видѣла съ мѣста, гдѣ обжигали бѣлила, что сумка была очень большая. В. Сумки были наполнены чѣмъ-нибудь до верху или же такъ, что въ нихъ можно было еще кое-что положить? О. Были не совсѣмъ полныя. В. А сверху, сумки были покрыты чѣмъ-нибудь или нѣтъ? О. Одинъ изъ евреевъ былъ въ буркѣ, которою и была прикрыта сумка, но тѣмъ не менѣе она была видна. В. Сарра бывала у васъ въ дождливое и туманное время? О. Случалось. В. И уходила во время тумана? О. Бывало. В. Развѣ въ туманѣ можно различить дорогу? О. Тутъ одна прямая дорога идетъ, и никакихъ

поворотовъ и развѣтвленій нѣтъ. В. Пересѣчена дорога или нѣтъ. О. Дорога идетъ прямая, никуда не сворачивая. Я видѣла Сарру на дорогѣ на маленькомъ разстояніи; она шла по ней по направленію къ своему дому, т. е. по тому направленію, по которому ѣхали евреи. В. Можете ли вы утверждать, что Сарра перешла дорогу или продолжала идти дальше по прямому направленію? О. Сарра никуда не сворачивала, и если бы она свернула въ лѣсъ, то лѣсъ этотъ имѣетъ маленькое пространство, и мы могли бы ее въ немъ найти. Лѣсъ не густой, и въ немъ нѣтъ никакихъ рытвинъ и канавъ, и къ тому же лѣсъ въ то время былъ еще голый, такъ что можно было видѣть дорогу. А вотъ, если бы лѣсъ былъ въ листьяхъ, то дорогу видѣть нельзя бы было. В. Развѣ въ апрѣлѣ лѣсъ былъ еще не распустившись? О. Въ прошломъ году была очень суровая зима, а мы живемъ въ высокой мѣстности, такъ что лѣсъ распускается очень поздно, а въ прошломъ году и того позже.

Прис. повѣр. Александровъ. Вы говорите, что дѣвочка пошла по такому то направленію: что же, она пошла къ дому Модебадзе или въ другую сторону.

Т. Цхададзе. Она вышла на дорогу по направленію къ дому Модебадзе.

Предсѣдательствующій. Гдѣ вы видѣли Сарру, когда она ушла отъ васъ: на большой дорогѣ или на тропинкѣ?

Т. Цхададзе. На тропинкѣ, которая шла возлѣ меня, и я ее видѣла на разстояніи четырехъ саженъ.

Членъ суда. А отъ этого дома до большой дороги было значительное разстояніе?

Турфа Цходадзе. Небольшое пространство, но все-таки прикрывается небольшимъ бугоркомъ. В. Когда ушла Сарра, туманъ былъ въ то время или нѣтъ? О. Послѣ ухода Сарры туманъ опустился. В. Но вы Сарру видѣли потомъ? О. Я не видѣла. В. Когда вы видѣли Дмитрія Церетели въ этотъ день? О. Это было до тумана. Онъ противъ насъ работалъ въ своемъ виноградникѣ и видѣлъ насъ, хотя мы и не разговаривали. В Съ того мѣста, гдѣ былъ Дмитрій Церетели, можно было слышать крики Сарры, и вы также могли слышать этотъ крикъ? О. Даже шопотъ—и тотъ можно было слышать.

Прис. повѣр. Александровъ. Какимъ образомъ вы могли слышать Дмитрія Церетели и разговаривать съ нимъ, когда, онъ былъ по ту сторону дороги, а разстояніе между вами, какъ оказывается, было 66 саженъ.

Турфа Цходадзе. Онъ не такъ далеко отъ меня стоялъ. В. Онъ по ту сторону дороги стоялъ? О. Нѣтъ, онъ былъ на самой дорогѣ.

Свидѣтельница Елизавета Цходадзе показала, что Сарра была съ ними. Потомъ отлучилась безъ разрѣшенія; ее искали, но не нашли. Во время ея исчезновенія по дорогѣ проѣзжали 4 еврея верхомъ, а вслѣдъ за ними еще 3 еврея; чтобы Турфа Цхададзе говорила что нибудь евреямъ — свидѣтельница не слыхала. Домъ Модебадзе отъ того мѣста, гдѣ обжигали бѣлила, находится въ такомъ разстояніи, что если бѣжать до него, то не устанешь. Сарру искали положительно вездѣ, звали ее по имени, но отклика не было, и потомъ трупъ ея нашли въ четвергъ, передъ закатомъ солнца.

Прокуроръ. Не могла ли Сарра пойти въ Дорбаидзе; не было ли у нея тамъ знакомыхъ?

Елизавета Цхададзе. Никакихъ знакомыхъ у нея тамъ не было. В. Не было ли такъ, что когда Маія шла съ Саррою, то послѣ уходила отъ нея куда-нибудь? О. Нѣтъ, не случалось. В. Во время тумановъ случалось ли, чтобы Сарра уходила, а потомъ принимались ее искать? О. Этого никогда не было и случилось только въ первый разъ. Раньше она никогда не терялась, а тутъ вдругъ пропала. В. Случалось, чтобы Сарра уходила отъ сестры и потомъ отправлялась домой одна? О. Сарра много разъ приходила съ сестрами, иногда же и одна приходила. В. Когда нашли Сарру, то платье на ней было подпоясано какъ халатъ или же было какъ платье? О. Какъ платье. В. Оно съ завязками было или просто сшито наглухо? О. Платье было сшито, какъ слѣдуетъ. В. Рубаха не была разорвана сверху до низу? О. Хотя она и была дырявая, но цѣлая и разорвана не была.

Свидѣтельницѣ предъявлены платье и рубаха, по осмотру которыхъ она сказала, что эти вещи въ настоящее время находятся не въ томъ видѣ, какъ были на Саррѣ, а именно тогда, кромѣ дыръ, никакихъ сквозныхъ разрѣзовъ не было.

Прис. повѣр. Александровъ. Не замѣтили ли вы у евреевъ козла.

Елизавета Цхададзе. Да. В. Когда проѣзжали 4 или когда проѣзжали 3? О. Козелъ былъ у четверыхъ. В. Вы къ Модебадзе ходили по верхней или по нижней дорогѣ? О. Ходила и по той, и по другой. В. Видѣли, что дѣвочка пошла по нижней дорогѣ? О. Мы полагали, что она играетъ около этой дороги. В. Съ мѣста обжиганія бѣлилъ вы далеко уходили отъ матери въ лѣсъ? О. Не очень далеко.

Присяжный повѣренный Куперникъ. То мѣсто, съ котораго вы пошли за дровами, находится по той же сторонѣ, гдѣ обжигали бѣлила, или нѣтъ?

Елизавета Цхададзе. На той же сторонѣ. В. Сумки у евреевъ были большія или маленькія? О. Сумокъ я не видѣла и не осматривала.

Предсѣдательствующій. Не взяли ли евреи чего-нибудь съ собою на сѣдлахъ?

Елизавета Цходадзе. Не замѣтила. В. Не слыхали ли вы,

чтобъ козелъ или гусь кричали? О. Евреи взяли козла, и я разъ слышала крикъ.

Членъ суда. При васъ не предупреждали Сарру, чтобъ она не ходила къ евреямъ, а то можетъ пропасть.

Елизавета Цходадзе. Нѣтъ. В. Туманъ былъ въ то время, когда вы уходили за дровами? О. Нѣтъ, но до нашего возвращенія туманъ сдѣлался гуще.

Далѣе, свидѣтельница объяснила, что вторую партію евреевъ она видѣла въ то время, когда пошла за дровами, и хотя это было въ лѣсу, но близко отъ ея матери, и дорога была видна. Лѣсъ, гдѣ все это происходило, большой, но за дровами отъ мѣста обжиганія бѣлилъ ходить было не далеко, такъ что многіе видятъ и замѣчаютъ на дорогѣ все. Мѣстность въ лѣсу легко проходимая. Звѣрей въ лѣсу никакихъ нѣтъ, и свидѣтельница въ жизни своей не знаетъ случая, чтобъ у мѣстныхъ обывателей звѣрь похищалъ птицу. Въ этомъ отношеніи никто не опасался.

Павелъ Цхададзе показалъ, что когда стало извѣстно о пропажѣ Сарры, сестра ея, Маія, пошла домой узнать, не пришла ли она одна, но дѣвочка не приходила, и ее потомъ долго розыскивали.

Прокуроръ. Вы видѣли, какъ проѣзжали евреи?

Павелъ Цхададзе. Сначала проѣхало четверо, изъ которыхъ одинъ былъ пѣшій; эти евреи везли съ собою козла или другое животное—не знаю, потому что видѣлъ ихъ издалека.

В. Садзаглихевская дорога вамъ была видна?

О. Да, была видна. В. Сарра тутъ прошла или нѣтъ? О. Не видно было. В. А какъ по тропѣ она шла —видѣли? О. Да, она шла по тропѣ, а евреи ѣхали по проѣзжей дорогѣ. В. Послѣ того, какъ Сарра прошла къ садзаглихевской дорогѣ, скоро потомъ проѣхали евреи? О. Послѣдняя партія въ три человѣка проѣхала вскорѣ послѣ того, какъ Сарра пришла къ мостику на садзаглихевской дорогѣ. Она раньше этихъ евреевъ могла выйти на дорогу. Далѣе свидѣтель объяснилъ, что мѣсто соединенія тропы съ дорогою ему видно не было. Въ время пропажи Сарры и проѣзда евреевъ былъ густой туманъ, такъ что человѣка можно было видѣть не болѣе какъ сажени за четыре; этотъ туманъ стоялъ почти до разсвѣта. Дождя не было днемъ, но послѣ ужина пошелъ маленькій. 5-го апрѣля, когда искали Сарру, день былъ не пасмурный и не дождливый. Когда трупъ Сарры принесли домой, П. Цхададзе его видѣлъ; онъ былъ мягкій, какъ вата. В. Какъ вамъ показалось, когда умерла Сарра? О. Еслибъ она умерла раньше, то трупъ былъ бы окоченѣвшій, а это какъ будто она умерла вечеромъ 5-го апрѣля,—это я опредѣляю по состоянію трупа. На рукахъ я замѣтилъ вырванныя мѣста около большого и указательнаго пальцевъ, и такъ, что было вырѣзано только съ наружной стороны, а не съ внутренней. Крови на трупѣ не было никакой, и около ранъ тѣло было совершенно бѣлое, какъ ни въ чемъ не бывало. В. Но можетъ быть птицы или звѣри произвели эти раны? О. Это ясное дѣло, что птицы и звѣри до рукъ не будутъ касатся. В. А до чего раньше коснутся? О. Раньше всего до глазъ и носа. В. Можетъ быть мыши полевыя выѣли? О. Этого никогда не бываетъ. В. Нѣтъ ли у васъ какихъ-либо мелкихъ звѣрей, которые, если положить теленка, то объѣдятъ его? О. Звѣри вездѣ бываютъ, но они всегда бросаются на глаза и носъ. В. Лисицы есть у васъ? О. Есть. В. А шакалы? О. Нѣтъ. В. Не случалось ли видѣть, какъ лисицы объѣдаютъ мертвое тѣло? О Мнѣ случалось видѣть падаль—овецъ, и къ ней подходила лисица: такъ она понюхаетъ и отскочитъ отъ падали, а тѣмъ болѣе она не можетъ подойти къ человѣческому тѣлу, такъ какъ она боится подойти, когда еще нѣтъ разложенія трупа. В. Не былъ ли трупъ Сарры уже разложившимся? О. Черезъ одну ночь нельзя, чтобы трупъ человѣческій завонялъ. В. Трупъ не былъ распухши? О. Ничего не было замѣчено. В. Что вы видѣли? О. Края ранъ были разрѣзаны совершенно ровно. На одной рукѣ была разрѣзана мякоть, а на другой была снята даже кожа съ пальцевъ. Одна рана была величиною съ двухабазникъ, (40 к. сер.), а на другой рукѣ рана была не больше монеты въ рубль серебряный. Другихъ частей я не видѣлъ, и были ли тамъ поврежденія—не знаю.

Прис. пов. Александровъ. Можете ли вы опредѣлить разстояніе, въ которомъ была Сарра отъ садзаглихевской дороги?

Павелъ Цхададзе. Отъ того мѣста, гдѣ я видѣлъ Сарру до соединенія тропы съ большою дорогою. будетъ саженъ 20. В. А. сколько пространства было отъ мѣста, гдѣ видѣли Сарру до васъ? О. Саженъ 12, такъ что всего по прямой линіи было 32 сажени. В. Сколько времени нужно было пройти Саррѣ эти 20 саженъ до дороги? О. И четверти часа не нужно для этого. В. А вторая партія евреевъ проѣзжала черезъ четверть часа или больше? О. Да.—В. Почему вы думаете, что Сарра на тропѣ была съ тѣмъ, чтобы идти на садзаглихевскую дорогу? — О. Чтобы идти домой, ей нужно было идти по садзаглихевской дорогѣ. — В. Почему вы думаете, что Сарра должна была идти по этой дорогѣ. — О. Потому что она пошла по направленію къ ней. — В. Можно было слышать крикъ на этомъ пространствѣ?—О. На всемъ пространствѣ, которое было видимо для меня, могъ быть слышенъ не только крикъ, но даже простой разговоръ. — В. Чрезъ сколько времени, по вашему, трупъ принимаетъ положеніе застывшаго?—О. Трупъ окоченѣетъ всегда спустя пять часовъ послѣ смерти. – В. Вы видѣли трупъ въ четвергъ, 6-го апрѣля?—О. Да.—В. Онъ былъ въ мягкомъ состояніи?—О. Да.—В. Да вѣдь тутъ прошло болѣе сутокъ со времени пропажи? — О. Это и удивило насъ, какая причина тому, что трупъ не окоченѣлъ.

Прис. пов. Куперникъ. Не думали ли вы что тутъ слу-

чилось чудо?—Свид. П. Цхададзе. Никакого чуда нѣтъ.—В. Не объясняли ли тѣмъ, что евреи замучили ребенка, а потому онъ такъ долго и не коченѣетъ?—О. Объ этомъ только Богу одному извѣстно.

Прис. пов. Кикодзе. Видѣлъ ли васъ кто-нибудь съ садзаглихевской дороги, какъ вы работали въ виноградникѣ? Свид. П. Цхададзе. Если кто хотѣлъ посмотрѣть на меня, тотъ могъ видѣть. Далѣе, свидѣтель тоже подтвердилъ, что Сарру искали рѣшительно вездѣ, но не могли найти.

Предс. Вы говорите, что тѣло Сарры не осматривали, а между тѣмъ заявляете, что оно было мягкое. Изъ чего вы это заключили? — Свид. П. Цхададзе. Я пощупалъ руку, и изъ этого заключилъ.

Членъ суда. На другой день вы, не видѣли Дмитрія Церетели?—Свид. П. Цхададзе. Нѣтъ—В. Не говорилъ онъ, что слышалъ крикъ ребенка?—О. Нѣтъ.—В. Вамъ извѣстно что-нибудь о сурамскомъ дѣлѣ?—О. Слышалъ.—В. Есть преданіе, что евреи для полученія крови вырѣзаютъ мясо между пальцами?—О. Имѣютъ ли подобное обыкновеніе евреи или нѣтъ—я не знаю. —В. Но вообще имѣютъ такое обыкновеніе?—О. Я человѣкъ пожилыхъ уже лѣтъ и относительно подобныхъ ранъ не слыхалъ. Слыхалъ, что евреи мучатъ христіанскія души, но какъ—не знаю. —В. До Дорбандзе нужно все лѣсомъ идти?—О. Лѣсомъ приходится идти не больше версты. — В. Есть тутъ густой лѣсъ?—О. На маленькомъ пространствѣ есть.

Перерывъ засѣданія для обѣда.

Свид. Симонъ Цхададзе знаетъ лишь только, что кандидатъ сельскаго старшины заявилъ о пропажѣ Сарры Модебадзе и сказалъ, что нужно искать ребенка, и вотъ свидѣтель искалъ, но нигдѣ дѣвочки не нашелъ.

Свид. Датуа Цхададзе показалъ, что къ нимъ въ домъ пришли Сарра и Маія, изъ которыхъ первая подъ вечеръ ушла незамѣтно куда-то. Около вечерняго завтрака мимо виноградника, въ которомъ работалъ свидѣтель, проѣзжали четыре еврея, у которыхъ онъ спросилъ, нѣтъ ли чего на платье, но тѣ отвѣтили: „Нѣтъ, мы спѣшимъ", и уѣхали. Датуа не видѣлъ, какъ сходила Сарра съ тропинки на дорогу; видѣлъ ее лишь сажени двѣ, какъ она шла по тропинкѣ; это было послѣ проѣзда четырехъ евреевъ, и куда она пошла—неизвѣстно, вѣроятнѣе всего къ садзаглихевской дорогѣ. Вскорѣ проѣхало еще три еврея.

Прок. Если бы Сарра шла по тропинкѣ, вышла ли бы она на дорогу позже второй группы евреевъ или раньше?

Датуа Цходадзе. Этого я не могу опредѣлить. В. А вы бы могли спуститься или нѣтъ? О. Я бы вышелъ. В. Ну, Сарра? О. Нѣтъ, не могла. В. Значитъ промежутокъ времени между партіями евреевъ былъ очень маленькій? О. Да. В. Не слышали

ли, какъ Турфа Цхададзе хотѣла купить у евреевъ товару? О. Слышалъ, какъ она звала ихъ, а потомъ поручила мнѣ спросить, и я спрашивалъ евреевъ о товарѣ. В. Какъ она сказала вамъ? О. Что хочетъ купить на платье; если у евреевъ есть, то позвать ихъ сюда, но тѣ отвѣтили, что нѣтъ и уѣхали. В. Были ли у евреевъ переметныя сумки и что въ нихъ лежало? О. Переметныя сумки были, и я замѣтилъ только козла, котораго везли четыре еврея. Какого росту онъ былъ—не знаю, но рога уже имѣлъ. В. Какія были сумки: большія или маленькія? О. У торговцевъ переметныя сумки всегда большія, а тутъ были больше вотъ этой, которая лежитъ на столѣ. В. Ходила ли Сарра съ вашими домашними въ селеніе Дорбандзе? О. Нѣтъ. В. Не было ли тамъ родныхъ у Модебадзе? О. Нѣтъ. В. Не было ли у Модебадзе по сосѣдству вражды какой, и что это вообще за человѣкъ? О. Не знаю и ничего дурного объ немъ не слышалъ. В. Не было ли у него съ евреями какого дѣла? О. Не знаю.

Передопрошенный Симонъ Цхададзе добавилъ, что онъ ходилъ розыскивать Сарру но не нашелъ. Во время вечерняго завтрака онъ встрѣтился съ Дмитріемъ Церетели, который о ребенкѣ не спрашивалъ, и свидѣтель ему объ этомъ ничего не говорилъ.

Свид. Сино Церетели объяснилъ, что когда онъ былъ съ судебнымъ приставомъ Коджаіей въ селеніи Перевиси, то видѣлъ, какъ по полямъ проходила дѣвочка. Приставъ спросилъ: „Что это такое синее идетъ?", и Сино отвѣтилъ, что это Сарра идетъ или къ нему или къ себѣ въ домъ. Черезъ два часа послѣ обѣда Церетели замѣтилъ, что проѣхало четыре еврея и вскорѣ проѣхали еще трое.

Прок. Были между ними пѣшіе?

Сино Церетели. Были и пѣшіе. В. Далеко ли отъ дороги вы видѣли ихъ? О. Недалеко. В. Вы могли сосчитать, сколько евреевъ ѣхало? О. Да, и у нихъ были переметныя сумки, но что лежало въ этихъ сумкахъ — я не знаю. В. Какъ далеко евреи ѣхали другъ отъ друга? О. Минутъ черезъ 20. В. Сколько времени вы были на балконѣ, откуда видѣли евреевъ? О. Не больше получаса. В. Если бы это синее (Сарра) проходило опять по дорогѣ, вы замѣтили бы оное или нѣтъ? О. Если бы мы обращались въ ту сторону, то конечно увидѣли бы. В. Сколько человѣкъ искали Сарру? О. Я не знаю. Старшина собралъ народъ, но я его не считалъ. В. Въ среду, 5-го апрѣля, не говорили ли уже, что въ Сачхери привезли какого-то ребенка? О. Пока не нашли его, никто ничего не зналъ. В. Когда вы ѣхали въ Сачхери, дождь былъ? О. Былъ дождь порядочный и продолжался до полудня. В. А въ тотъ день, когда Сарра пропала? О. Былъ туманъ цѣлый день, а дождя не было. В. Во время проѣзда евреевъ не былъ ли туманъ очень густымъ, такъ что нельзя было видѣть ничего? О. Туманъ стоялъ съ утра до вечера, иногда разсѣевался,

а иной разъ нависнетъ еще гуще. — В. Если бы Сарра сбилась съ дороги къ Дорбаидзе, могла она заблудиться во время тумана или нѣтъ?—О. Она не могла добраться туда; могла упасть въ пропасть.

Пр. пов. Александровъ. Почему вы думаете, что Сарра не могла дойти до Дорбаидзе?—Свид. Сино Церетели. Потому что я ходилъ по этой мѣстности и знаю, какъ трудно добраться туда, а она тѣмъ паче не могла.—В. Но вѣдь туда идетъ дорога?—О. Идетъ, но только она выше.—В. Что же, эта дорога проѣзжая или пѣшеходная?—О. Пѣшеходная.—В. Но все-таки по ней ходятъ?—О. Ходятъ.—В. Почему же Сарра не могла идти?—О. Она хромая, а тамъ пашни, посѣвы есть.—В. Чѣмъ пашня можетъ препятствовать хожденію по дорогѣ?—О. Колючки отъ ограды и пашни могутъ преграждать путь, такъ что только взрослые могутъ идти по этой дорогѣ, а маленькимъ ходить нельзя.—В. Если сбиться съ дороги, то можно ли было пройти къ Дорбаидзе по пашнѣ?—О. Нельзя было бы, потому что тутъ овраги, ущелье.

Пр. пов. Куперникъ. Послѣ того, какъ прошла Сарра, вы говорите, что черезъ два часа проѣхали евреи. Вы объ этомъ хорошо помните?—Свид. Сино Церетели. Я примѣрно говорю объ этомъ: я часовъ не имѣю.

Пр. пов. Кикодзе. Когда евреи ѣздятъ по деревнямъ продавать товаръ, имѣютъ ли они обыкновеніе возить съ собою дѣтей?—Свид. Сино Церетели. Они торгуютъ въ селеніяхъ, и потомъ съ семействомъ, въ праздники, возвращаются домой.

Частн. пов. Лолуа. Вы знаете Сарру, не могли ли ошибиться, сказавши приставу Коджая, что она идетъ.—Свид. Сино Церетели. Я не могъ ошибиться, такъ какъ это мои ближайшіе сосѣди.- В. Раньше Сарры или послѣ нея проходилъ кто нибудь по дорогѣ или нѣтъ?—О. Кромѣ нея я никого не видалъ.—В. Вы не видали, чторы Маія Модебадзе проходила мимо васъ?—О. Можетъ быть и проходила впереди- я не знаю.—В. Почему же вы запомнили только, что евреи тутъ проѣзжали?—О. Евреи отличаются и не похожи совсѣмъ на насъ, поэтому и замѣтилъ.

Членъ суда. Овраги по дорогѣ, между Цхададзе и Модебадзе къ Дорбаидзе усѣяны колючками какими нибудь или нѣтъ?—Свид. Сино Церетели. Видите ли: тамъ есть сухая рѣчка. и вотъ для огражденія пашень отъ залива водой ставятся заборы. Только эти заборы вмѣстѣ съ оврагами, по которымъ протекаетъ эта рѣчка, служатъ, можно сказать, огражденіемъ для пашень. Идти черезъ нихъ маленькому положительно нельзя.—В. Слѣдовательно, чтобы выбраться изъ оврага, нужно еще перебраться и черезъ заборъ?—О. Да. В. На садзаглихевской дорогѣ есть развѣтвленіе, такъ что можно сбиться съ нея и заблудиться—или нѣтъ?—О. Если сбиваться съ дороги, такъ можно сбиться вездѣ. -В. Во время тумана легче сбиться съ дороги?—О. Кто хорошо знаетъ дорогу, тотъ не собьется, а также дѣвочка Сарра не могла сбиться.

Судебный приставъ Коджая показалъ, что 4-го апрѣля онъ былъ въ селеніи Перевиси. Прохаживаясь по балкону училища, онъ видѣлъ проходящую дѣвочку, которую назвали Саррою Модебадзе. Она бѣжала сломя голову. Черезъ три часа или меньше, проѣхали евреи къ м. Сачхеры, а черезъ четверть часа проѣхало еще четверо евреевъ по той же дорогѣ, и изъ нихъ былъ одинъ пѣшій.

Прокуроръ. Вы хорошо помните, что сначала проѣхало трое а потомъ четверо евреевъ?—Свид. Коджая. Да, я это хорошо помню.

Пр. пов. Александровъ. Не замѣтили ли вы у евреевъ козла?—О. Это было такъ далеко, что я незамѣтилъ.—В. Вы участвовали при осмотрѣ мѣстности, проходившейся судебнымъ слѣдователемъ?—Свид. Коджая. Да,—В. Вы знаете тропинку, которая идетъ отъ дома Церители къ Дорбаидзе. — О. Знаю. Она идетъ черезъ овраги, и очень неудобная. Въ то время былъ туманъ. Дорога эта идетъ по прямому направленію, но тамъ есть еще другая, по которой можно проходить какъ угодно.

Членъ суда. Чтобы попасть изъ Сачхеры въ томъ мѣстѣ гдѣ былъ найденъ трупъ, нужно было пройти по людной мѣстности или нѣтъ? — Свид. Коджоя. Тутъ почти никакого жилья нѣтъ.

Пр. пов. Куперникъ. Евреи скоро ѣхали?—Свид. Коджая. Какъ и обыкновенно.

Прокуроръ, Вы знаете, когда въ Сачхеры пріѣзжалъ прокуроръ судебной палаты и по какому обстоятельству? — Свид. Кождоя. По настоящему дѣлу.—В. По чьему приказанію пріѣзжалъ, знаете?—О. По приказанію Намѣстника.—В. Не знаете ли, въ чемъ заключалось это приказаніе?—О. Чтобы произвесть дознаніе и провѣрить показанія свидѣтелей, такъ-какъ со стороны евреевъ были подаваемы жалобы.—В. Что же сдѣлалъ прокуроръ палаты: передопрашивалъ всѣхъ главныхъ свидѣтелей?—О. Я былъ въ то время въ деревнѣ, и слышалъ, что передопрашивали.

Членъ суда. Вы знаете, гдѣ живутъ подсудимые? — Свид. Коджая. Знаю.—В. Отъ нихъ есть прямая дорога на проѣзжую, или имъ нужно выбираться на нее черезъ мѣстный базаръ? — О. Одна дорога идетъ черезъ базаръ, а другая позади города, и эта будетъ кратчайшая.

Предс. Вы на предварительномъ слѣдствіи показали, что первая партія евреевъ состояла изъ четырехъ человѣкъ, а вторая изъ трехъ. Какъ же васъ понимать? Какому объясненію дать

вѣру?—Свид. Коджая. Первая партія состояла изъ трехъ евреевъ. а другая изъ четырехъ.

Передопрошенный, Сино Церетели заявилъ, что первая группа евреевъ была въ четыре человѣка, а вторая въ три.

На очной ставкѣ Сино Церетели и Коджая остались каждый при своемъ показаніи.

Свид. Сосико Цившвили разсказалъ, что, работая на пашнѣ, онъ видѣлъ партію евреевъ, слѣдомъ за которой проѣхали и другіе евреи; сколько ихъ было, не помнитъ, но удостовѣряетъ, что были и пѣшіе, но только во второй партіи. Около пашни Сосика идетъ садзаглихевская дорога, по которой и ѣхали эти евреи. Ѣхали они шибко, и отъ нихъ свидѣтель ничего не слыхалъ

Прокуроръ. Случалось ли вамъ раньше видѣть, что когда евреи шибко ѣдутъ, то съ ними успѣваетъ идти пѣшій, и притомъ всегда на ровномъ разстояніи. — Свид. С. Церетели. Мнѣ этотъ случай представился въ первый разъ: обыкновенно евреи ѣздятъ шагомъ.

Предс. Не видали ли вы, чтобы дѣвочка проходила по дорогѣ?—Свид. С. Церетели. Нѣтъ.—В. А увидали бы вы ее, если бы она проходила.—О. Непремѣнно, потому что дорога отъ того мѣста, гдѣ я работалъ, всего саженяхъ въ 4 или 5.

Свид. Гогіу Цивилашвили показалъ, что, узнавъ объ исчезновеніи Сарры, онъ ходилъ разыскивать ее ночью, а за тѣмъ на другой день, но не нашелъ. Видѣлъ какъ проѣхали евреи въ числѣ четырехъ человѣкъ. Въ день исчезновенія дѣвочки послѣ полудня опустился туманъ. Вѣтеръ дулъ тогда очень слабый, дождя же до полуночи не было, а потомъ пошелъ, но небольшой.

Свидѣтель Дмитрій Церетели показалъ, что работалъ въ своемъ имѣніи, находящемся противъ того мѣста, гдѣ происходило выжиганіе бѣлилъ. Онъ видѣлъ, какъ Сарра ушла оттуда и направилась на большую дорогу. Вскорѣ по той же дорогѣ проѣхало четверо евреевъ, изъ которыхъ одинъ былъ пѣшій, а немного погодя прослѣдовало еще трое верховыхъ евреевъ. Затѣмъ опустился туманъ, и вотъ въ это время свидѣтель пошелъ искать по лѣсу свой скотъ, боясь что онъ заблудится. Когда вошелъ въ лѣсъ, то услыхалъ голосъ ребенка, и когда Дмитрій вышелъ на дорогу, то замѣтилъ стоящими одного верховаго и другого пѣшаго еврея, которые что-то дѣлали, сумку подвязывали.

Прокуроръ. Вы дѣтскій голосъ услыхали?—Свид. Церетели. Да.—В. Это былъ простой возгласъ или слова какія?—О. „Ой, мама, спаси“. — В Но можетъ быть это было что-нибудь другое, чей нибудь другой крикъ?—О. Нѣтъ это было произнесено уплачевнымъ голосомъ.—В. Положительно утверждаете, что слышали такой крикъ?—О. Я принялъ присягу и говорю правду. — В. Не козелъ ли это кричалъ? — О. Развѣ я не могу отличить голосъ козла отъ голоса ребенка? Потомъ козелъ кричалъ, но это по-

томъ. — В. Когда подвязывали сумку, евреи останавливались или ѣхали по дорогѣ?—О. Впереди былъ верховой еврей и говорилъ, чтобы скорѣе ѣхать.—В. Кто поправлялъ сумку?—О. Пѣшій.—В. Большая сумка была?—О. Больше, чѣмъ лѣжитъ здѣсь на столѣ.—В. Не замѣтили, что было въ сумкѣ?—О. Было что-то, но что—не знаю.—В. Козла видѣли?—О. Пока я не слыхалъ голоса ребенка, я козла видѣлъ. — В. Долго евреи простояли у мостика? — О. Я оставилъ ихъ и пошелъ домой. — В. Отъ васъ посылали искать Сарру?—О. Да, но я не участвовалъ. — В. Какъ же вы не участвовали, когда почти всѣ принимали участіе въ розыскѣ?—О. Я дворянинъ, а вызвали для поисковъ только крестьянъ. — В. На второй день вы объявляли, что слышали стоны ребенка? — О. Я никому не говорилъ.—В. Почему же вы не сказали?—О. Если бы я видѣлъ, что ее задержали, то я бы разсказалъ.—В. Что же, вы трусили или умышленно молчали объ этомъ?—О. Никто не спрашивалъ, чего же мнѣ было говорить.

Прис. пов. Александровъ. Когда разыскивали трупъ, гдѣ ходили?—Свид. Д. Церетели. По лѣсу, около котораго идетъ дорога?—В. Почему вы думаете, что крики, которые вы слышали, исходили изъ группы евреевъ? — О. Отъ дороги было слышно. — В. Въ первый разъ слышали этотъ крикъ, или это было повтореніе крика?—О. Я только одинъ разъ слышалъ.

Прис. пов. Куперникъ. Съ мѣста, гдѣ работали, вы видѣли всю дорогу, или только часть ея?—Свид. Д. Церетели. Всю дорогу.—В. Долго ли вы видѣли какъ дѣвочка шла по дорогѣ?—О. Пока не вышла на общую дорогу съ мѣста гдѣ обжигали бѣлила, но когда она шла по садзаглихевской дорогѣ — я не видалъ. — В. Если бы съ мѣста обжиганія бѣлилъ говорилъ кто нибудь съ тѣми которые находились на большой дорогѣ, вы могли бы слышать этотъ разговоръ?—О. Очень хорошо, но никто такого разговора не велъ.

Прис. пов. Кикодзе. Почему вы не обратили вниманіе на крикъ ребенка? — Свид. Д. Церетели. Я не могъ подумать что это ребнокъ.—В. Вѣдь такой крикъ, какъ крикъ дѣвочки, могъ навести на предположеніе, что предстоитъ опасность: почему же вы не пошли на этотъ крикъ? — О. Такой крикъ слышится постоянно, когда одинъ ребенокъ бьетъ другого.—В. Вы слышали, что евреи похищаютъ христіанскихъ дѣтей? — О. Слышалъ, но здѣсь не могъ подумать на это. — В. Въ какое же время похищаютъ и для какой нужды?—О. Я не знаю: говорятъ, что евреи употребляютъ христіанскую кровь.

Частн. пов. Лолуа. Вы говорите, что весь вашъ міръ утверждаетъ, что евреи похитили Сарру. На чемъ это основывается? —Свид. Д. Церетели. Я не знаю, на чемъ это основывается. —В. Не разсказывали объ этомъ?—О. Я ничего не слыхалъ. Что касается разсказа другимъ о крикѣ, то меня никто объ этомъ не

спрашивалъ, и кто могъ отъ меня насильственно требовать этого? Пріѣхалъ слѣдователь, я и разсказалъ.

Предс. Къ вамъ на первый день пропажи никто не приходилъ спрашивать о Саррѣ?—Свид. Д. Церетели. Нѣтъ.—В. Вы присутствовали при вторичномъ вскрытіи трупа Сарры?— О. Смотрѣлъ.—В. Кромѣ поврежденій на рукахъ, ничего другого не замѣтили на тѣлѣ Сарры?—О. Другихъ поврежденій не замѣтилъ.

Членъ суда. Когда вы пошли смотрѣть скотъ, дошли до мостика на дорогѣ? — Свид. Д. Церетели. Да, потомъ пошелъ въ лѣсъ.—В. И вотъ тутъ-то и слышали крикъ?—О. Да.— В. Когда вы пришли къ мостику сколько времени прошло до того, какъ услыхали крикъ?—О. Одна минута.

Членъ суда. Вы были у начальника?—Свид. Д. Церетели. Былъ.—В. Чрезъ кого васъ позвали?—О. Чрезъ старшину.— В. Когда вы пришли, то какъ вамъ былъ предложенъ вопросъ: что вамъ извѣстно по дѣлу или слышали вы крикъ?—О. "Что вы знаете о ребенкѣ Модебадзе?"—В. Когда вы вышли на дорогу и увидѣли евреевъ, подвязывавшихъ сумку, вы сказали имъ что-нибудь?—О. Нѣтъ, ничего не сказалъ.—В. Что же вы испугались чего?—О. Я скоро ушелъ.—В. Вслѣдствіе чего вы вышли на дорогу: вслѣдствіе крика ребенка или по другой причинѣ? — О. Я не нашелъ своего скота въ лѣсу, вышелъ на дорогу, пошелъ на другое мѣсто, и вотъ въ это время слышалъ крикъ. В. Когда подвязывали сумку, въ ней былъ козелъ или нѣтъ?—О. Былъ туманъ и я рѣшительно не видалъ, не видалъ еще и потому, что сумка, которую подвязывали была на сторонѣ между двумя лошадьми.— В. Когда проѣзжали евреи, то наступалъ вечеръ или же нѣтъ?— О. Это было во время ужина.

Предс. У судебнаго слѣдователя вы показали, что, услыхавъ крикъ, вы пошли на него изъ лѣсу, а здѣсь вы говорите, что искали лошадей въ лѣсу, и, не найдя ихъ, вышли на дорогу и совершенно случайно услыхали крикъ. — Свид. Д. Церетели. Меня судебный слѣдователь и не спрашивалъ, почему я вышелъ на дорогу.—В. Такъ что значитъ то вѣрно, что вы теперь говорите?—О. Да.

Засѣданіе прервано до слѣдующаго дня.

(Засѣданіе 7-го Марта).

Свид. Георгій Дотиковъ Модебадзе объяснилъ, что когда онъ дѣлалъ заборъ около усадьбы, то видѣлъ, какъ проѣхало четверо евреевъ, которые везли въ сумкѣ козла, гусей и куръ. Модебадзе услыхалъ голосъ какъ-будто ребенка, и заключилъ, что евреи везутъ дѣйствительно ребенка. На другой день свидѣтель пошелъ въ сельскую канцелярію, гдѣ старшина собиралъ народъ на поиски за христіанскимъ ребенкомъ, который

оказался пропавшимъ. Это было въ среду, а въ четвергъ трупъ Сарры былъ найденъ и доставленъ въ домъ ея родителей.

Прок. Можете-ли утверждать, что вы дѣйствительно слышали крики ребенка, или это вамъ показалось? — Свид. Г. Д. Модебадзе. Я замѣтилъ, что это былъ непремѣнно голосъ ребенка.—В. Словъ не слыхали?— О. Онъ только кричалъ. — В. Не можете ли воспроизвести этотъ звукъ?—О. Вотъ такъ: а... а... а... —В. Но вѣдь это похоже и на блеяніе козла?—О. Мнѣ показалось, что это былъ голосъ ребенка. — В. Значитъ, вы убѣждены въ этомъ?—О. Да, убѣжденъ. — В. Въ какомъ разстояніи евреи ѣхали другъ отъ друга? — О. Саженъ 60; впрочемъ рѣшительно сказать не могу. — В. Вы видѣли трупъ? — О. Близко видѣлъ.— В. Что вы на немъ замѣтили? — О. Мясо на рукахъ было вырѣзано.—В. Какой формы? — О. Въ одну рану можно было палецъ воткнуть, а другая была меньше. Формою раны были круглыя, правильныя, и потомъ кожа была снята съ того мѣста.—В. Трупъ былъ окоченѣлый или мягкій? — О. Мягкій. — В. Имѣлъ онъ запахъ?—О. Запаха никакого не было. Онъ одѣтъ былъ въ рубашку и платье, которыя сзади были цѣлы, а спереди разорваны. — В. Вы осматривали трупъ?—О. Нѣтъ.—В. А старшина? — О. Тоже нѣтъ.—В. Кто позволилъ поднять трупъ съ мѣста?—О. Не знаю; старшина тутъ былъ.

Прис. пов. Александровъ. Въ которой группѣ везли козла: гдѣ ѣхало четверо или трое евреевъ?—Свид. Г. Д. Модебадзе. Когда ѣхали четверо, и изъ этой группы и крикъ слышалъ.—В. Вы не видали, чтобы евреи подвязывали сумку?—О. Этого я не видалъ.—В. По сторонамъ дороги, гдѣ вы работали, есть виноградники?—О. И посѣвы есть.—В. Четвертаго апрѣля было рабочее время или нѣтъ? — О. Нѣкоторые работали, другіе нѣтъ.

Прис. пов. Куперникъ. Дмитрій Церетели прошелъ мимо васъ?—Свид. Г. Д. Модебадзе. Онъ пробѣжалъ. —В. Евреи скоро ѣхали или нѣтъ? — О. Скоро. — В. Вы осматривали слѣды лошадей, бывшіе на мѣстѣ нахожденія трупа? — О. Объ этомъ я не знаю ничего.

Прис. пов. Кикодзе. Не слыхали ли вы разговора, что такъ-какъ трупъ Сарры найденъ, то нужно просить, чтобы дѣло было прекращено?—Свид. С. Д. Модебадзе. Этого не знаю.— В. Вы помните слова матери, когда она увидѣла трупъ ребенка? —О. Она до того мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, не дошла, такъ-какъ тутъ оврагъ есть. — В. Что она говорила по поводу нахожденія трупа. О. Плакала, и больше ничего.

Частн. пов. Лолуа. Не говорила ли мать или отецъ Сарры, что у нея не достаетъ платья или башмаковъ? — Свид. С. Д. Модебадзе. Не говорили.—В. Когда брали трупъ, не былъ ли тутъ кто-нибудь на лошади?—О. Нѣтъ.

Членъ суда. Со времени пропажи до нахожденія трупа Сарры, какая погода была? — Свид. С. Д. Модебадзе. Въ среду былъ дождь и холодно было. — В. Грязь была и влажность? — О. Немного. — В. На платьѣ слѣдовъ грязи и мокроты не было? — О. Оно было сухое. — В. А на спинѣ было мокро? — О. Было мокро. В. Вы слышали крикъ и видѣли ѣхавшихъ евреевъ. Одновременно это было или нѣтъ? — О. Когда я увидалъ евреевъ, то тутъ же услыхалъ и крикъ. — В. Дмитрій Церетели раньше первой партіи евреевъ пробѣжалъ или послѣ? — О. Не помню: знаю, что пробѣжалъ.

На вопросы предсѣдателя свидѣтель заявилъ, что онъ видѣлъ обѣ партіи евреевъ; что Турфа Цхададзе многимъ говорила, что когда проѣзжали евреи, то Сарра тутъ же пропала, такъ вѣроятно они похитили. — В. Услыхавъ объ этомъ, вы не сказали, что слышали крикъ ребенка? — О. Нѣтъ.

Гражд. истецъ замѣтилъ, что на предварительномъ слѣдствіи Г. Д. Модебадзе показалъ, что когда пришли къ Турфѣ и узнали, что Сарра пропала, то свидѣтель сказалъ: нечего искать, евреи взяли ее.

На это свид. Г. Д. Модебадзе возразилъ, что это дѣйствительно было сказано, но не имъ, а Турфою.

Свид. Георгій Гавриловъ Модебадзе заявилъ, что, работая на своей пашнѣ, онъ видѣлъ, какъ проѣхало трое евреевъ, съ которыми былъ одинъ еще пѣшій, потомъ по тропѣ на дорогу прошла дѣвочка, а затѣмъ проѣхало еще трое евреевъ.

Прок. Хорошо было видно мѣсто, гдѣ шла Сарра? — Свид. Г. Д. Модебадзе. Я видѣлъ ребенка на разстояніи 16 шаговъ отъ задзаглихевской дороги по тропѣ къ ней. — В. А самая дорога на большое пространство была видна? — О. На небольшое пространство, но спускъ къ ней былъ видѣнъ хорошо. — В. Не говорили въ народѣ, что евреи похитили дѣвочку? — О. Говорили, что евреи проѣзжали, такъ можетъ быть они взяли.

На вопросы прис. пов. Александрова свидѣтель показалъ, что первая группа евреевъ проѣхала въ 40 саженяхъ отъ Сарры, когда та шла по тропинкѣ. Затѣмъ на томъ же мѣстѣ онъ видѣлъ еще троихъ евреевъ, и промежутокъ времени между проходомъ первыхъ и появленіемъ вторыхъ свидѣтель опредѣлилъ такъ: „я бы могъ пройти 20 саженъ".

Прис. пов. Куперникъ. Если бы съ того мѣста, гдѣ обжигали бѣлила, стали кричать, услыхали ли бы, вы стоя на своемъ мѣстѣ? — Свид. Г. Г. Модебадзе. Если бы кричали, то я бы слышалъ. — В. Вы не слыхали, чтобы евреевъ просили остановиться съ того мѣста, гдѣ обжигали бѣлила? — О. Не слыхалъ ничего.

Членъ суда. Когда Сарра вышла на дорогу и вы видѣли какъ проѣзжала вторая партія евреевъ, что же мѣшало вамъ потомъ видѣть Сарру? Дорога что ли тутъ скрывается? — Свид. Г. Г. Модебадзе. Дорогу лѣсъ закрываетъ, а потомъ въ то время туманъ былъ. — В. Крика вы не слыхали никакого? — О. Не слыхалъ.

Предс. Когда проѣзжали евреи? Свид. Г. Г. Модебадзе. Во время ужина.

Прис. пов. Александровъ находилъ разнорѣчіе въ показаніи Г. Г. Модебадзе. данномъ здѣсь съ тѣмъ, что онъ показывалъ на предварительномъ слѣдствіи относительно разстоянія. которое было между евреями и Саррою. Значеніе этого разстоянія имѣетъ для дѣла существенное значеніе. а потому г. Александровъ просилъ судъ ознакомиться съ показаніемъ, даннымъ Г. Г. Модебадзе судебному слѣдователю.

Окружный судъ постановилъ прочесть два показанія свидѣтеля, которыя заключаются въ слѣдующемъ.

„Я Георгій Григоловъ Модебадзе, къ данному мною показанію прибавляю: Изъ указаннаго мною, при производствѣ осмотра мѣстности, пункта, я видѣлъ въ вербный вторникъ послѣ обѣда около времени самхроди—евреевъ, и Сарру Модебадзе на садзаглихевской дорогѣ, направлявшихся вверхъ къ сельскому управленію. Я видѣлъ ихъ на дорогѣ противъ мѣста моей работы. Сарра была одѣта въ синее платье здѣшняго издѣлія, и имѣла что-то на головѣ, но что именно—я не замѣтилъ. Замѣтилъ только, что одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ пальто. Примѣтъ ихъ лошадей я также описать не могу, и видѣлъ только, что между ихъ лошадьми были гнѣдыя. Если предъявить евреевъ—я ихъ не узнаю. Съ то время, когда евреи проѣхали мимо меня, опустился туманъ. по временамъ разносимый вѣтромъ. Со вторникъ предъ разсвѣтомъ и ночью дождя не было, а предъ разсвѣтомъ въ среду пошелъ небольшой дождь. Съ среду днемъ и ночью, со среды на четвергъ, дождя не было. Какая погода была послѣ того, какъ похоронили ее—я не знаю. Трупа я не осматривалъ. Мѣсто нахожденія трупа я осматривалъ въ то время, когда осматривалъ его уѣздный начальникъ, и въ это время на томъ мѣстѣ была трава. Сарра Модебадзе была въ платьѣ, подобномъ предъявляемому мнѣ; но въ этомъ ли самомъ или нѣтъ—я незнаю. Свидѣтелю было предъявлено платье Сарры. Имѣли ли евреи сумки—я не замѣтилъ. Вечеромъ я узналъ отъ брата Андрея, что разыскиваютъ Сарру. Окончилъ я работу въ этотъ день въ то время, когда начало темнѣть, и отправился домой. Я живу за церковью. Если кричать отъ дома Мерабa Церетели на уклонъ холма къ садзаглихевской дорогѣ, то у церкви крики будутъ слышны. Братъ мой Андрей слыхалъ во вторникъ вечеромъ, что разыскиваютъ Сарру, и сказалъ мнѣ объ этомъ. Когда проѣзжали евреи и проходила Сарра, я только взглянулъ на нихъ, и видѣлъ ихъ предъ самымъ временемъ Самхрода.

Когда я работалъ въ лѣсу во вторникъ, на вербной недѣлѣ, на указанномъ мною при осмотрѣ мѣстѣ, то видѣлъ какъ Сарра спустилась по дорогѣ, идущей между домомъ Цхададзе и садзаглихевскою дорогою въ части ея отъ мѣста работы до ручейка на всемъ протяженіи этой части дороги отъ пункта пересѣченія ея съ дорогою, идущею отъ дома Цхададзе, и по этой дорогѣ по направленію къ дому она прошла отъ пункта пересѣченія на моихъ глазахъ примѣрно шестнадцать шаговъ. Когда евреи проѣзжали мимо меня, то они проѣзжали въ такомъ порядкѣ, что сначала проѣхало четверо евреевъ, изъ которыхъ одинъ пѣшій и изъ нихъ двое верховыхъ впереди, а за ними слѣдомъ верховой и пѣшій. Когда они отъѣхали отъ пересѣченія примѣрно саженъ 20, то въ это время взошла на дорогу Сарра. Съ разстояніи, примѣрно 40 саженъ отъ передовыхъ евреевъ, ѣхало еще трое евреевъ верхомъ. Со время проѣзда ихъ мимо меня Сарра была въ 20 саж. отъ каждой группы.

Предс. На какомъ разстояніи находилась Сарра отъ первой и второй группы евреевъ, когда вышла на дорогу?—Свид. Г. Г. Модебадзе. Отъ первыхъ на 40, а отъ вторыхъ на 20 саженъ.—В. На предварительномъ слѣдствіи вы показали, что между партіями было 40 саж. и Сарра была какъ разъ на серединѣ?—О. Какъ я тогда говорилъ, что на 40 саж. отъ первой партіи евреевъ.—В. А вторая партія была на какомъ же разстояніи?—О. На 20 саженъ. В. Вы говорите, что видѣли Сарру на тропинкѣ, которая ведетъ къ садзаглихевской дорогѣ, на разстояніи 16 шаговъ, когда она шла все на дорогу?—Нѣтъ, я видѣлъ, что она прошла по тропинкѣ, а тропинка эта всего-на-всего 16 шаговъ въ длину до дороги, и вотъ по ней и шла дѣвочка.—В. Сколько же шаговъ она сдѣлала, когда вышла на дорогу?—О. Я не считалъ.

Членъ суда. Изъ вашихъ словъ видно, что былъ моментъ, когда вы разомъ оглянули своимъ взоромъ пространство, и видѣли обѣ партіи евреевъ, потомъ дѣвочку, и затѣмъ вы отвернулись отъ этой дороги и не видѣли болѣе ничего; такъ, что ли?—Свид. Г. Г. Модебадзе. Я передаю свое мнѣніе, что евреи столько-то могли проѣхать.—В. А вы не знаете, можетъ быть, кто-нибудь изъ евреевъ завернулъ въ сторону?—О. Не видалъ.—В. Такъ что все это основано на одномъ предположеніи?—О. Да.

Предс. Вы не разомъ видѣли обѣ партіи?—Свид. Г. Г. Модзебадзе. Нѣтъ.—В. Долго ли вы были на работѣ послѣ обѣда?—О. Передъ вечеромъ пошелъ на другое мѣсто, и тамъ работалъ.

Прис. пов. Александровъ. Когда вы узнали о пропажѣ Сарры?—Свид. Г. Г. Модебадзе. Во вторникъ вечеромъ узналъ отъ своего брата, а на другой день старшина собралъ жителей на поиски за дѣвочкой.—В. Вы тогда говорили, что видѣли Сарру на дорогѣ?—О. Нѣтъ, не говорилъ.—В. Какъ же это такъ: знали, что Сарру отыскиваютъ родственники, и вы не сказали, что видѣли Сарру на дорогѣ и что тогда проѣзжали евреи?—О. Она пропала во вторникъ, а я въ среду говорилъ, что проѣхали евреи: говорилъ старшинѣ и всѣмъ.—В. Но вы же сейчасъ сказали, что никому не говорили?—О. Годъ прошелъ послѣ того: можетъ быть, я и не припомню всего; я человѣкъ не ученый. Знаю, что говорилъ старшинѣ или же его помощнику.—В. А родителямъ Сарры говорили?—О. Говорилъ. В. Вы родственникъ отцу Сарры и Іосифу Модебадзе? О. Я лишь однофамилецъ.

Прис. пов. Кикодзе. Почему у васъ явилась мысль, что дѣвочку похитили евреи; что послужило поводомъ къ тому?—Свид. Геге Модебадзе. А то, что видѣли евреевъ и въ то же время ребенокъ пропалъ.

Свид. Елизавета Нипаридзе показала, что пошла за дровами, и услыхала плачъ ребенка, и увидѣла, что на дорогѣ были евреи съ привязанною къ сѣдлу сумкою, въ которой былъ козелъ. Евреевъ проѣхало четыре человѣка, другихъ же она не видала.

Прок. Можетъ быть вы ошибаетесь: можетъ быть это козелъ кричалъ?—Свид. Елизавета Нипаридзе. Нѣтъ, это вѣроятно былъ плачъ ребенка. Я такихъ лѣтъ женщина, больная, немощная, даже безъ присяги и то не солгала бы; а я вѣдь присягу приняла.

Предс. А сколько вамъ лѣтъ?—Свид. Елизавета Нипаридзе. Болѣе 40, а можетъ и больше 60; вѣрно не знаю.

Прок. Да хорошо ли вы слыхали или нѣтъ плачъ ребенка.—Свид. Елизавета Нипаридзе. Я вѣдь только немного глуховата.—В. Вы могли слышать крикъ козла, а вы подумали, что ребенка?—О. Смѣшать этого невозможно.—В. Такъ вы положительно утверждаете, что слышали крикъ ребенка?—О. Положительно.—В. Не можете ли вы намъ изобразить этотъ крикъ?—Свидѣтельница зажимаетъ ротъ рукою и произноситъ: „вай, вай.... вай, вай".—В. Плакалъ ребенокъ или же стоналъ?—О. Плакалъ.

Прис. пов. Александровъ. Вы на предварительномъ слѣдствіи говорили, что видѣли четырехъ евреевъ и одинъ изъ нихъ поправлялъ сумку на лошади. Помните это или нѣтъ?—Свид. Елизавета Нипаридзе. Нѣтъ, я вернулась домой.—В. Почему же вы оставили ребенка, съ которымъ занимались, и вышли на дорогу, чтобы тамъ послушать крикъ?—О. Я дрова носила и шла домой.—В. Вы этому крику не придали значенія?—О. Нѣтъ.—В. Теперь же положительно утверждаете, что слышали крикъ ребенка?—О. Да.—В. А на предварительномъ слѣдствіи вы говорили, что этого утверждать не можете?—О. Нѣтъ, я не говорила этого.—В. Не знаете ли, сколько козлу лѣтъ было?—О. Не менѣе одного года. Я увидѣла голову, и по ней можно было опредѣлить возрастъ.

Прис. пов. Кикодзе. Вы не разсказывали, что слышали крикъ ребенка, до тѣхъ поръ, пока не разнесся слухъ, что дѣвочку похитили евреи?—Свид. Елизавета Нипаридзе. Я не скрывала объ этомъ ни отъ кого и говорила вездѣ, но кому—не знаю.

Предс. Въ вашемъ показаніи есть противорѣчіе, и мы не знаемъ, какому изъ нихъ вѣрить: тому ли, что давали слѣдователю, или тому, что даете здѣсь. Такъ, наприм., на какомъ разстояніи вы слышали этотъ крикъ.

Свидѣтельница показываетъ разстояніе приблизительно саженъ восемь.

(Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что кавказскіе туземцы положительно не знаютъ русской мѣры и разстоянія опредѣляютъ лишъ приблизительно по времени ходьбы, ѣзды и пашни. Такъ, напримѣръ, они говорятъ: столько-то шаговъ; такъ далеко, какъ одна распашка; какъ отъ этого дома до такого-то и т. п.).

Предс. Гдѣ вы слышали крикъ: въ лѣсу или на дорогѣ?—Свид. Елизавета Нипаридзе. На дорогѣ.

Членъ суда. Вы видѣли тамъ у васъ постоянно евреевъ и слѣдовательно видѣли, что они всегда возятъ съ собою что-нибудь? Свид. Нипаридзе. Да.—А козловъ тоже возили?—О. Я видѣла въ первый разъ.—В. Когда услышали крикъ, не обернулись вы посмотрѣть, но только по близости? кто изъ дѣтей плачетъ.—О. Я осмотрѣлась.

Прокуроръ. просилъ прочитать показаніе свидѣтельницы, данное ею на предварительномъ слѣдствіи и которое заключается въ слѣдующемъ:

„Не помню, когда это было, и было ли это на вербной недѣлѣ или въ другое время, и не помню дня, послѣ обѣда, въ то время, когда рабочіе, поработавши, послѣ обѣда отдыхаютъ и закусываютъ, я собирала въ лѣсу щепки, примѣрно, въ 20 шагахъ отъ общей дороги. Въ это время я услыхала явственный крикъ ребенка „ай, ай“. Я оглянулась кругомъ, но ничего не могла видѣть, такъ-какъ былъ туманъ, и кромѣ того у меня слабое зрѣніе. Я вышла на большую дорогу и увидѣла проѣзжавшихъ мимо трехъ евреевъ и съ ними же былъ четвертый, который поправлялъ сумку на своей лошади. Въ этой сумкѣ съ одной стороны былъ козелъ, а что было съ другой стороны—я не замѣтила. Мнѣ показался явственный крикъ ребенка, такъ что я даже стала вокругъ себя осматриваться, и искать но утверждать я этого не могу—слабо слышу. Евреевъ этихъ я не знаю, и ни ихъ примѣтъ и ни примѣтъ ихъ лошадей—я не замѣтила. У троихъ евреевъ были небольшія сумки, и съ ними товаровъ не было, а у четвертаго была довольна большая сумка и въ ней помѣщался козелъ, которому было больше года. Кромѣ этихъ четырехъ, я другихъ евреевъ не видѣла. Послѣ

того какъ я узнала, что исчезла Сарра Модебадзе, я разсказала отцу ея о слышанномъ мною крикѣ дитяти“.

Предс. Вы говорите, что собирали щепки около забора, а на предварительномъ слѣдствіи говорили, что собирали въ лѣсу? Что вѣрно? — Свид. Елизавета Нипаридзе. Я собирала около забора, а тамъ лѣсъ.—В. Потомъ, на предварительномъ слѣдствіи вы говорили, что слышали крикъ ребенка, а здѣсь говорите, что слышали плачъ: „ва. ва?“—О. И то и другое я называю крикъ.—В. На предварительномъ слѣдствіи вы показали, что одинъ изъ четырехъ евреевъ подвязывалъ сумку; теперь же говорите, что этого не видали и что евреи проѣхали прямо, не останавливаясь.—О. Да, они не останавливались.—В. Почему же въ вашемъ показаніи слѣдователю такъ записано: можетъ быть, вы такъ и говорили.—О. Когда я отошла отъ евреевъ дальше, тогда одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, я такъ и показывала.—В. На предварительномъ слѣдствіи вы говорили, что, какъ только узнали о пропажѣ Сарры, вы тотчасъ же сказали объ этомъ отцу. — О. Отца ея я видѣла послѣ и сказала ему. — В. На предварительномъ слѣдствіи говорили, что слышали ясно крикъ ребенка и осмотрѣлись вокругъ себя, но что этого не утверждаете положительно, такъ-какъ плохо слышете?—О. Я показывала, что я положительно слышала, что это былъ крикъ ребенка. Я, дѣйствительно, глуховата и далеко не слышу, а вѣдь тутъ было близко.

Членъ суда. Тогда былъ туманъ или хорошая погода?—Свид. Елизавета Нипаридзе. Туманъ — но слабый.—В. Блеяніе козла не имѣетъ сходства съ крикомъ ребенка? — О. Нѣтъ.

По обозрѣніи вещественныхъ доказательствъ, свидѣтельница заявила, что сумки у евреевъ были больше, чѣмъ тѣ, которыя лежатъ передъ нею.

Предс. Вы слабаго зрѣнія; былъ туманъ; а между тѣмъ вы разсмотрѣли козла и различили даже, что онъ былъ годовой? — Свид. Елизавета Нипаридзе. Я вѣдь близко подошла и разсмотрѣла.—В. Развѣ вы подходили къ евреямъ?—О. Да.—В. Вы успѣвали такъ шибко идти, какъ евреи? Вѣдь вы говорите, что они ѣхали, не останавливаясь?—О. Я догнала ихъ. — В. Значитъ, вы шли шибче, чѣмъ ѣхали евреи?—О. Они шибко ѣхали, но я догнала ихъ.—В. Значитъ, вы шибче ихъ шли?—О. Нѣтъ.

Прокуроръ. Вы показали сейчасъ, что догнали евреевъ. Какъ догнали: отъ того мѣста, гдѣ собирали щепки, вы пошли на перерѣзъ къ дорогѣ, или же пошли вслѣдъ за евреями?—Свид. Елиз. Нипаридзе. Когда я собирала щепки, они близко отъ меня проѣхали. — В. Вы съ этого мѣста направились къ дорогѣ на перерѣзъ къ нимъ, или же нѣтъ? — О. Нѣтъ, не на перерѣзъ, а я немного пошла позади. — В. Такъ вы догнали ихъ и рядомъ шли, или же вы были сзади ихъ?—О. Я увидала разъ и ушла.—

В. Значитъ, не вы догоняли евреевъ, а евреи васъ?—О. Нѣтъ.—В. Что вы все такъ различно показываете: на предварительномъ слѣдствіи говорите одно, здѣсь другое, а потомъ выставляете третье. Можетъ быть вы не помните всѣхъ подробностей отъ старости лѣтъ?—О. Я помню навѣрное.

Членъ суда. Не произошло-ли съ вами въ настоящее время рѣзкой перемѣны въ здоровьѣ; можетъ быть, вы въ то время ходили шибче? — Свид. Елиз. Нипаридзе. Въ прошломъ году я шибче ходила.—В. Что же случилось съ вами?—О. Ѣхавши сюда въ засѣданіе, я на дорогѣ заболѣла, и теперь едва говорю.

Свид. Бесо Гогачишвили показалъ, что отправившись изъ своего селенія Каретели въ селеніе Ипхвисъ, онъ по дорогѣ увидалъ ѣхавшими четырехъ евреевъ, изъ которыхъ трое оставались позади, а четвертый ѣхалъ впереди, и остановился около свидѣтеля. До этого момента Гогачишвили слышалъ что-то въ родѣ плача ребенка, исходящаго изъ среды евреевъ. У того, который остановился около свидѣтеля, была у сѣдла привязана переметная сумка съ козломъ, которому этотъ еврей крутилъ ухо, отчего козелъ и кричалъ.

Членъ суда. Можете вы изобразить стонъ ребенка или крикъ? Свидѣтель зажимаетъ рукою ротъ и произноситъ: „ой, ой!“

Прок. Почему еврей остановился около васъ?—Свид. Гогачишвили. Въ томъ мѣстѣ дорога была очень грязная и нужно было это мѣсто пройти по тропинкѣ, и вотъ, когда я шелъ по ней, еврей остановился. Впрочемъ, я не знаю, почему онъ остановился, потому ли, что ждалъ, когда я пройду, или же поджидалъ, когда его догонятъ товарищи. — В. Такъ у этого еврея и была сумка съ козломъ?—О. У тѣхъ которые потомъ ѣхали.

Предс. Г. переводчикъ, потрудитесь хорошенько перевести показаніе свидѣтеля относительно козла.

Переводчикъ. Который былъ посрединѣ трехъ евреевъ, такъ у того былъ козелъ.

Прок. Тѣ трое евреевъ не останавливались около васъ? — Свид. Гогачишвили. Нѣтъ. — В. Когда вы слышали этотъ глухой стонъ, который вы здѣсь изобразили—такъ одновременно съ этимъ и козелъ кричалъ? — О. Вотъ какъ: около того мѣста, гдѣ это было, живетъ крестьянинъ. Когда я услыхалъ тотъ стонъ, такъ я подумалъ, что кричитъ гдѣ ребенокъ и посмотрѣлъ во дворъ, но только тамъ никого не было, и потомъ я увидалъ евреевъ, и подумалъ не они ли везутъ ребенка, а какъ увидѣлъ козла, то подумалъ, что это козелъ кричитъ.

Прис. пов. Александровъ. Тотъ, который остановился, долго стоялъ около васъ? — Свид. Гогачишвили. Пока другой еврей не переправился черезъ грязь, которая тамъ была.—В. А скоро они переправились? — О. Скоро, потому что грязь была небольшого пространства. — В. Вы совершенно успокоились, что тѣ звуки, которые слышали, были звуки козла?—О. Я не ученый человѣкъ: я не могу со всѣми говорить. Когда я увидѣлъ, что кричитъ козелъ, я успокоился и пошелъ.—В. На которой сторонѣ былъ козелъ—на вашей?—О. Не помню.

Прис. пов. Куперникъ. Узнать этихъ евреевъ не можете?—Свид. Гагачишвили. Я долго не останавливался, но узнаю.

Предс. Гдѣ вы встрѣтились съ евреями, мѣстность лѣсистая или нѣтъ? — Свид. Гогачишвили. Съ обѣихъ сторонъ пахатныя земли, а потомъ дальше лѣсъ.

Членъ суда. Вамъ не случалось закручивать уши у козла, и если случалось, то зачѣмъ? — Свид. Гагачишвили. Не случалось — В. Но можетъ быть евреи играли съ козломъ? — О. Мнѣ некогда было тутъ разсматривать.—В. Онъ не могъ крутить все время, какъ вы тутъ были?—О. Держалъ все время за ухо, и козелъ кричалъ. — В. Одно ухо или оба крутилъ? — О. Оба уха одною рукою. — В. Козелъ былъ маленькій? — О. Я въ сумку не смотрѣлъ. — В. Что сверху сумки лежало? — О. Былъ узелъ. — В. Сумки подвязываются веревками: такъ вотъ этотъ узелъ былъ подверевками или же совсѣмъ сверху? — О. Узелъ былъ подъ веревками. — В. Если бы въ этой сумкѣ сидѣлъ ребенокъ, могъ ли онъ остаться живъ? — О. Я не знаю. — В. Если напр. взять гусей и куръ и если хотятъ ихъ довезти до другого мѣста—закупориваютъ ли сумку, въ которой сидятъ куры и гуси?—О. Я не знаю. Когда я бралъ съ собою птицу, то я держалъ ее открытою; задохнуться можетъ.—В. Не замѣтили ли, какого цвѣта былъ узелъ, положенный поверхъ сумки? Не такого, какъ вотъ это платье (показываетъ на платье, лежащее на столѣ вещественныхъ доказательствъ)?—О. Нѣтъ.

Свид. Симонъ Гогочиладзе (учитель сельскаго училища) показалъ, что по дорогѣ проѣзжали разъ евреи, и онъ подошелъ къ нимъ, чтобы купить платье. Онъ замѣтилъ, что въ переметной сумкѣ лежалъ козелъ и другая какая-то вещь. Въ другой половинѣ сумки было что-то живое; свидѣтель спросилъ: „что тамъ есть“, и ему отвѣтили: „это гуси лежатъ тамъ“.

Прок. Когда вы подходили къ евреямъ, не ударилъ ли одинъ изъ нихъ козла нагайкой?—Свид. Гогочиладзе. Тогда не билъ. —В. То, что шевелилось въ сумкѣ, какъ вамъ показалось на взглядъ: что такое тамъ было?—О. Я не обратилъ вниманія, и подумалъ, что дѣйствительно, тамъ гуси лежатъ.—В. А гусей возятъ такъ?—О. Я спрашивалъ, но евреи сказали, что гуси снаружи не помѣстятся.—В. Спросили вы такъ: „что такое въ сумкѣ“ и когда вамъ сказали, что гуси, то вы замѣтили, что такъ гусей не возятъ, потому что они могутъ подохнуть, и вотъ на это вамъ евреи отвѣтили: „не важность, если и подохнутъ?“ — О. Евреи сказали, что не важность, если который-нибудь изъ гусей подохнетъ. Впрочемъ, когда меня

спрашивали въ первый разъ, тогда я лучше помнилъ обо всемъ а потому прошу обратить вниманіе на мое первое показаніе, такъ какъ я съ тѣхъ поръ могъ кое-что забыть.

Пр. пов. Александровъ. На какомъ разстояніи шелъ этотъ разговоръ?—Свид. Гогочиладзе. Я былъ около нихъ шагахъ въ четырехъ.—В. Сколько минутъ всего вы провели около нихъ?—О. Минутъ 10 или 15, не больше.—В. Вы ни какихъ криковъ не слыхали?—О. Нѣтъ.—В. Ни дѣтскихъ, ни козлиныхъ?—О. Козелъ иногда блеялъ.—В. Въ другой сторонѣ сумки, какъ вы говорите, была какая-то вещь? — О. Вещи были положены сверху сумки и перевязаны веревкою.

Предс. А сумка была стянута? — О. Нѣтъ, просто такъ переплетена.

Прис. пов. Александровъ. Это живье, о которомъ вы говорите, что шевелилось сильно—движеніе какъ было замѣтно?—Свид. Гогочиладзе. Было замѣтно, но я не обращалъ большого вниманія на это; но вообще замѣтилъ, что шевелилось. Твердое или нетвердое тамъ лежало—не знаю.

Прис. пов. Куперникъ. То мѣсто, на которомъ вы видѣли евреевъ, далеко отъ Сачхеры? — Свид. Гогочиладзе. Верстъ шесть будетъ.

Предс. Сколько было евреевъ? — Свид. Гогочиладзе. Кажется, четверо, хорошенько не помню.

Членъ суда. Зданіе вашей школы помѣщается возлѣ дороги?—Свид. Гогочиладзе. Нѣтъ. Я тогда стоялъ на балконѣ—это не болѣе 5-ти саженъ отъ дороги.—В. Вы говорите, что одинъ изъ евреевъ просилъ у васъ огня; гдѣ были евреи, когда просили у васъ огня?—О. Евреи уже проѣхали мимо меня, но одинъ изъ нихъ вернулся и спрашивалъ, нѣтъ ли у меня огня. — В. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ евреи подъѣхали къ вамъ, потомъ спросили огня и затѣмъ скрылись. Было это съ полчаса или больше?—О. Я не могу опредѣлить времени.

Предс. Вотъ въ это время гуси кричали?—Свид. Гогочиладзе. Нѣтъ.—В. Вѣдь вы знаете какъ кричитъ гусь? — О. Знаю.—В. Ну, а козелъ кричалъ?—О. Иногда блеялъ громко.

Членъ суда. Продолжительные звуки издавалъ козелъ или нѣтъ?—Свид. Гогочиладзе. Продолжительные. —В. Когда вы спросили еврея, что у него въ сумкѣ, на которую вы обратили вниманіе, то въ ней происходило движеніе или нѣтъ?—О. Движеніе было постоянно.

Свид. Соломія Колмохелидзе объяснила, что она вышла изъ одного изъ своихъ домовъ (которыхъ у нея два) и услыхала стонъ ребенка; она испугалась и подумала, что, кажется душатъ дѣтей. Полагая что это кричатъ ея внучата, она отправилась въ другой домъ, гдѣ былъ нѣкто Максимъ въ находящемся тамъ духанѣ, который сказалъ ей: „что вы думаете о ребятахъ; нечего бояться: евреи провезли козла“. Я посмотрѣла, говоритъ свидѣтельница, и дѣйствительно видѣла козла у проѣзжавшихъ евреевъ. Тутъ я успокоилась; но потомъ отъ испуга упала въ обморокъ. Потомъ на другой день говорили, что ребенокъ пропалъ, и я тогда же сказала, что слышала стонъ ребенка у проѣзжавшихъ евреевъ, такъ, вѣроятно, это она и была.

Прок. Какой стонъ ребенка вы слышали; убѣждены ли вы, что это былъ именно крикъ ребенка, а не козла? — Свид. Соломія Колмохелидзе. Непремѣнно: былъ стонъ ребенка, а не козла, потому-то я и перепугалась.—В. Изобразите, пожалуста, этотъ стонъ?—Свидѣтельница зажимаетъ ротъ и производитъ звукъ, который еле слышенъ.—В. Громкіе были звуки? — Свид. Колмохелидзе. Я упала въ обморокъ и не помню.—Что вы, услыхавъ крикъ, испугались, что ваши внучата задыхаются?—О. Ей Богу такъ.

Прис. пов. Александровъ. Громкій ли былъ стонъ или крикъ, или же такой, какой вы здѣсь произвели?—Свид. Колмохелидзе. Не громче, какъ я сказала. — В Слѣдовательно, эти звуки были близки къ вамъ?—О. Да, это было на улицѣ.—В. Вскорѣ послѣ того евреи проѣхали?—О. Тотчасъ послѣ этихъ стоновъ.—В. Вы подумали, что это ваши внучата стонутъ?—О. Да. —В. Какъ вамъ показалось, что это собственно за звуки были: словомъ, отчего они происходили?—О. А вотъ, когда дѣти поделрутся и одинъ на другого ляжетъ, то тотъ кричитъ оттого, что задыхается.—В. Когда вамъ сказали, что эти звуки происходятъ отъ козла, вы успокоились?—О. Максимъ указалъ, что возятъ козла но я сказала, что это звуки ребенка, а не козла, а потомъ упала въ обморокъ.—В. Въ то время ваша невѣстка кормила внука?—О. Нѣтъ.—В. На предварительномъ слѣдствіи вы не показывали объ этомъ?—О. Нѣтъ. — В. А какъ велики наши внучата: сколькихъ лѣтъ?—О. Одинъ пяти, другой двухъ лѣтъ.—В. Эти внучата далеко были отъ васъ?—О. Одинъ былъ въ домѣ, а другой во дворѣ.

Прис. пов. Куперникъ. Сколько евреевъ проѣхало тогда?—Свид. Колмохелидзе. Я не считала ихъ.—В. Отъ кого вы слышали, что дѣвочка пропала?—О. Всѣ говорили объ этомъ: отецъ пріѣзжалъ и тоже разсказалъ. — В. Всѣ тѣ, которые говорили о пропажѣ дѣвочки, не говорили ли, что ее взяли евреи?—О. Говорили, что непремѣнно евреи похитили.—В. Тогда вы сказали, что слышали крикъ.—О. Я тогда же сказала, что это непремѣнно былъ голосъ ребенка, который я вчера слышала.

Прис. пов. Кикодзе. Евреи быстро ѣхали? — Свид. Колмохелидзе. Я не обратила на это вниманія. — В. Какъ быстро ѣхали—скакали?—О. Я взглянула, и больше не смотрѣла на нихъ.

Предс. Вы были на улицѣ, когда услыхали крикъ?—Свид.

Колмохелидзе. Я была во дворѣ.—В. Не выходили ли вы уже, когда евреи проѣхали?—О. Нѣтъ.—В. Максимъ откуда вышелъ? —О. Онъ былъ въ другомъ домѣ.—В. На какомъ разстояніи евреи проѣзжали отъ васъ?—О. Я не замѣтила. — В. По какому случаю вышелъ къ вамъ Максимъ (Надирадзе)?—О. Когда я побѣжала и закричала, не мои-ли внучата задыхаются, онъ и вышелъ. —В. Ваша невѣстка кормила грудного ребенка? — О. Нѣтъ, не кормила, потому что она тогда была беременна.

Членъ суда. Когда Максимъ сказалъ, что евреи провезли козла, который кричалъ, то вы успокоились и упали въ обморокъ; вскорѣ вы упали въ обморокъ? — Свид. Колмохелидзе. Я зашла въ свой домъ и упала въ обморокъ. — В. Значитъ, вы были взволнованы сильно?—О. Испугалась сильно. — В. Вамъ часто случается пугаться? — О. Нѣтъ.—В. Что же, это въ первый разъ въ жизни было съ вами?—О. Въ первый разъ.—В. Гдѣ былъ Максимъ?—О. Въ другомъ моемъ домѣ.—В. Внутри?— О. Внутри, и когда евреи проѣзжали, то онъ увидалъ, что везутъ козла. — В. Вы говорите, что успокоились, узнавъ, что это былъ крикъ козла. Теперь скажите, какъ же вы знаете и утверждаете, что это былъ крикъ ребенка, при этомъ вы, по вашимъ же словамъ, успокоились? — О. Я успокоилась потому, что не мои внучата кричали, Максимъ сказалъ мнѣ, что евреи везутъ козла, такъ вѣроятно это козелъ кричитъ, а я отвѣтила, что нѣтъ, это должно, быть, дѣти кричатъ.—В. А вы не зашли къ дѣтямъ и не спросили, не кричали ли?—О. Одинъ изъ внучатъ былъ на базарѣ, а другой дома.—В. Значитъ, вы справлялись? — О. Справлялась. —В. Отчего же тутъ козелъ; къ чему приплели еще козла? — О. Мнѣ Максимъ указалъ и сказалъ: „что-же ты безпокоишься, евреи козла везутъ".—В. Такъ, какъ вы изобразили стонъ его, нельзя слышать даже сажени на двѣ; какимъ образомъ вы могли слышать этотъ стонъ, происшедшій на улицѣ? — О. Я вышла на улицу и была тогда у воротъ.—В. Вы говорите, что были въ одномъ домѣ, а Максимъ въ другомъ—сколько же саженъ до улицы? Признаюсь; я ничего не понимаю? — О. Когда я вышла изъ дому, тогда я слышала стонъ ребенка. Я не знаю, какое разстояніе было до того мѣста. —В. Дворъ вашъ огороженъ?—О. Есть плетень. — В. Между домомъ и этимъ плетнемъ можно было войти? — О. Два человѣка пройдутъ.—В. Заборъ на самой ли улицѣ или нѣтъ? — О. Домъ мой на улицѣ стоитъ.

Предс. То мѣсто, гдѣ проѣзжали евреи, до васъ во сколькихъ шагахъ было приблизительно? — Свид. Колмохелидзе. Я не знаю. Такъ вотъ будетъ (показываетъ разстояніе около пяти саж.).—В. Вы раньше говорили, что были на дворѣ и оттуда слышали?—О. Нѣтъ, я была на улицѣ.

Свид. Максимъ Надирадзе показалъ, что видѣлъ, какъ проѣхали очень шибко евреи, и что онъ услыхалъ крикъ ребенка.

„Трудно вообразить, какъ быстро ѣхали евреи и какъ они нагайками колотили своихъ коней". Свидѣтель видѣлъ. что въ сумкѣ съ одной стороны везли козла; на другой же сторонѣ сумка была закрыта буркою.

Прок. Колотили евреи козла?—Свид. Надирадзе. Не видалъ.—В. А стонъ ребенка вы хорошо разобрали?— О. Въ ту же минуту.—В. Откуда къ вамъ прибѣжала ваша хозяйка?—О. Изъ другого дома.—В. Вы говорили ей, что стонъ, который она слышала, есть стонъ козла?—О. Я только сказалъ ей: видишь — въ сумкѣ козелъ?—В. Значитъ, вы думали, что это кричалъ козелъ? —О. Когда хозяйка выбѣжала и начала искать своихъ внучатъ, то, видя это и ея испугъ, я сказалъ ей: „чего безпокоишься, везутъ козла".—В. Слѣдовательно, вы приписываете эти звуки козлу? — О. Нѣтъ. – В. Тотъ звукъ, который вы изобразили, звукъ не громкій; какъ же вы могли разслыхать его отъ евреевъ, которые ѣхали по улицѣ?—О. Я находился близко отъ нихъ и слышалъ. —В. Сумка, которую везли евреи, была чѣмъ-нибудь прикрыта? —О. На сторонѣ козла ничѣмъ не была прикрыта, а другая сторона сумки была закрыта буркою.—В. Сколько же евреевъ ѣхало. —О. Сначала проѣхало четверо, а потомъ трое, вскорѣ послѣ нихъ. —В. Изъ какой же вы группы слышали звуки?—О. Изъ первой группы.—В. Подсудимыхъ вы знаете?—О. Одного—Исхака Цвеніашвили.—В. Вы видѣли, его въ числѣ проѣзжавшихъ?—О. Какъ же, видѣлъ.—В. Когда вы узнали, что пропала дѣвочка?—О. Въ среду утромъ.—В. А звуки когда вы слышали? О. Во вторникъ. —В. Узнавши, что дѣвочка пропала, вы заявили кому нибудь о томъ, что вы видѣли какъ проѣхали евреи и что слышали крикъ ребенка?—О. Нѣтъ, никому .— В. Почему же вы не говорили?— О. Я человѣкъ мастеровой, былъ занятъ своимъ дѣломъ и полагалъ, что не будетъ никакого дѣла изъ этого, а потому никому и не заявлялъ.—В. Вы знаете Іосифа Модебадзе? — О. Знаю. — В. Когда вы его увидѣли, вы и ему не говорили, что слышали крикъ ребенка?—О. Нѣтъ.

Присяж. пов. Кикодзе. Вы занимали духанъ предыдущей свидѣтельницы?—Свидѣт. Надорадзе. Да.—В. Она въ другомъ домѣ жила?—О. Да.—В. Рядомъ или нѣтъ?—О. Рядомъ.— В. Прежде нужно было проходить домъ, гдѣ живетъ Колмохелидзе, а потомъ вашъ духанъ?—О. Сначала домъ, въ которомъ жила Колмохелидзе, а потомъ духанъ, въ которомъ я былъ. — В. Вы тутъ же убѣдились, что это былъ крикъ ребенка?—О. Я до другого дня не убѣдился, что это былъ крикъ ребенка—В. Вы то-же самое показали и на предварительномъ слѣдствіи? О. Да.—В. На предварительномъ слѣдствіи вы говорили, что, прислушавшись къ крику, убѣдились, что это былъ крикъ ребенка, а теперь говорите, что не убѣдились въ томъ: какому же изъ этихъ показаній вѣрить.

Прок. Я прошу позволенія сдѣлать слѣдующее заявленіе: На предварительномъ слѣдствіи показанія даны были свидѣтелемъ черезъ переводчика, а потому иногда могла встрѣтиться неточность. Здѣсь же гораздо лучше слышать о томъ, что видѣлъ свидѣтель; слышать здѣсь при гласномъ судопроизводствѣ и провѣрить, такъ ли было въ дѣйствительности или нѣтъ, чѣмъ читать показаніе, данное свидѣтелемъ черезъ переводчика.

Прис. пов. Кикодзе. Если у насъ существуетъ законъ, который разрѣшаетъ прочтеніе показаній, данныхъ свидѣтелями на предварительномъ слѣдствіи, то въ случаѣ разнорѣчія нѣтъ основаній къ отказу въ прочтеніи и при этомъ ссылаться на неточность перевода.

Прис. пов. Александровъ. По поводу только что сдѣланнаго заявленія, я обращаю вниманіе суда на показаніе свидѣтельницы Соломіи Колмохелидзе, которая показала тогда, что невѣстка ея кормила внука; здѣсь же она говоритъ, что невѣстка не кормила. Это обстоятельство является чрезвычайно важнымъ для оцѣнки показанія этой свидѣтельницы. А потому я и прошу судъ прочесть также и показаніе свидѣтельницы Колмохелидзе. Я собственно не настаиваю, но прошу обратить на это обстоятельство ваше вниманіе.

Прок. Я сдѣлалъ свое заявленіе, что прочтеніе показаній свидѣтелей, данныхъ ими на предварительномъ слѣдствіи, возможно только, когда обнаружится неточность въ показаніяхъ, данныхъ ими на судѣ. Затѣмъ, ни прокуроръ, ни защита не могутъ требовать прочтенія показаній свидѣтелей, а могутъ только просить объ этомъ судъ, которому не возбраняется читать или не читать; обязательнаго же для суда въ этомъ отношеніи ничего нѣтъ, и просьбы сторонъ должны оставаться только просьбами.

Предс. Въ интересахъ дѣла, не безполезно напомнить то, что показалъ свидѣтель слѣдователю (обращаясь къ свидѣтелю): Вы показали, что когда хозяйка вышла и сказала, что слышала крикъ ребенка, вы на это ей говорили, что кричитъ козелъ; „но прислушавшись, я различилъ, что крикъ этотъ былъ не крикъ козла, а ребенка“. Теперь же вы говорите нѣсколько иначе. — Свид. Надирадзе. Я не говорилъ, что это былъ крикъ козла. В. Теперь-же вы прямо говорите, что это былъ крикъ ребенка? О. Я подумалъ, что это былъ крикъ ребенка.—В. А не голосъ козла?—О. Нѣтъ.

Членъ суда. Зачѣмъ-же вы показали Соломіи на козла?—Свид. Надирадзе. Я потому указалъ, что она вышла испуганная и спросила: „гдѣ мои дѣти“? — В. А сами вы не испугались?—О. Чего же мнѣ было пугаться. — В. Она и успокоилась вашимъ указаніемъ на козла?—О. Да, успокоилась: положила руки на грудь и ушла.—В. А козелъ въ то время дѣйствительно кричалъ?—О. Нѣтъ. — В. Такимъ образомъ ваше указаніе на козла было сдѣлано съ цѣлью успокоить Соломію Колмохелидзе?—О. Да—В. Почему вы вышли изъ духана и взглянули на проѣзжавшихъ евреевъ?—О. Я сидѣлъ въ духанѣ и видѣлъ.—В. Вы чѣмъ занимаетесь?—О. Я сапожникъ. — В. Какъ была надѣта на евреяхъ бурка? — О. Сбоку была надѣта. — В. Передъ вашимъ духаномъ есть мостовая? О. Хрящъ насыпанъ.—В. Шумъ лошади производятъ, когда ѣдутъ по этому мѣсту?—О. Да. — В. Если такъ, то какъ же вы могли услыхать тотъ ничтожный стонъ, какой вы изобразили здѣсь. Можно-ли было слышать? — О. Я слышалъ и шумъ лошадей и голосъ ребенка.

Приглашена свидѣтельница Соломія Колмохелидзе.

Предс. На предварительномъ слѣдствіи вы показали: „при проѣздѣ евреевъ, когда услыхала крикъ ребенка, то стала искать внука, думая, что онъ кричитъ. Въ то время у моей невѣстки былъ ребенокъ, котораго она кормила въ комнатѣ“, куда вы вошли и застали это... Теперь вы говорите, что невѣстка была беременна, а не кормила вашего внука. Чему-же вѣрить?—Свид. Соломія Колмохелидзе. Ребенокъ у моей невѣстки сидѣлъ на колѣняхъ, но она тогда уже его не кормила.—В. Не кормила грудью, а можетъ быть такъ кормила?—О. Нѣтъ.

Передопрошенный свид. Максимъ Надирадзе, на вопросы прис. пов. Кикодзе, показалъ, что видѣлъ скакавшихъ евреевъ, сидя въ духанѣ, и обратилъ на нихъ вниманіе послѣ прихода къ нему Соломіи Колмохелидзе.

(Перерывъ для обѣда).

Свидѣтельница Натела Дурмишидзе показала, что была въ саду, около котораго проскакали евреи и кричали: „скорѣй поѣзжай, скорѣй!“ На лошадяхъ у нихъ были переметныя сумки (по мѣстному—хурджаны). Съ одной стороны въ сумкѣ находился козелъ, котораго били, а въ другой что-то ворочалось, пищало, и это пищаніе и крикъ рѣзко отличались другъ отъ друга.

Прок. Кто такъ можетъ пищать или ворчать? Чей это голосъ напоминаетъ?—Свид. Дурмишидзе. Голосъ дитяти.—В. Вы это утверждаете? Можетъ быть вамъ только такъ показалось? О. Я долго это слышала. — В. Въ какомъ разстояніи это было? — О. Евреи проскакали отъ меня въ разстояніи $2^1/_2$ или 3 саженъ. — В. Какимъ заборомъ отдѣляется вашъ садъ отъ улицы?—О. Плетнемъ.—В. А козла чѣмъ били?—О. Хворостиной.

Прис. пов. Александровъ. Вы однѣ были или съ кѣмъ другимъ? —Свид. Дурмишидзе. Со мною была Пепа. — В. Сумка была завязана или нѣтъ? — О. Завязана.—В. Но вы черезъ заборъ издалека видѣли, что сумка завязана? — О. Я замѣтила это.—В. Въ какую сторону былъ козелъ? — О. Завязанная сумка

была на моей сторонѣ, а козелъ на другой.—В. Какіе же звуки вы слышали, которые раздавались изъ другой половины сумки?—О. Это былъ крикъ изъ завязанной половины и онъ рѣзко отличался отъ голоса козла. Это былъ звукъ, который издаетъ ребенокъ.—В. Ребенокъ издаетъ самые разнообразные звуки, какой же это былъ?—О. А... ай.... Я сейчасъ же сказала Пепѣ, что это что-то нехорошее дѣло и она была того же мнѣнія.

Прис. пов. Куперникъ. Мостовая у васъ есть?—Свид. Дурмишидзе. Улица занимаетъ каменистое пространство, а потомъ идетъ мягкая полоса около домовъ, и вотъ по ней-то и ѣхали евреи. — В. На одной лошади была сумка или на многихъ?—О. Мнѣ одна лошадь бросилась въ глаза, другихъ же я не разсматривала. — В. Когда вы узнали, что Сарра пропала?—О. Въ четвергъ.—В. Вы никому не говорили, что проѣхали евреи и что слышали крикъ ребенка?—О. Нѣтъ.—В. Отъ кого вы слышали, изъ Сарра пропала? — О. По базару носился слухъ объ этой пропажѣ.

Прис. пов. Кикодзе. Какой звукъ былъ слышанъ: какъ ребенка или кошки? — Свид. Дурмишидзе. Какъ дѣти плачутъ. Когда пискъ начался, евреи принялись бить козла.—В Слѣдовательно, вы знали, что ребенокъ былъ въ сумкѣ? — О. Я не знаю. — В. Почему вы никому не сказали объ этомъ? — О. Въ апрѣлѣ кончится годъ тому, какъ я слышала, и я вѣдь женщина и кромѣ того въ то время была огорчена смертью сына и только что вернулась съ кладбища. Мое показаніе есть въ дѣлѣ; если чего я не договорила, то прошу прочитать его и тогда обнаружится все. — В. Почему вы не обратили вниманія на такой поступокъ, что евреи возили ребенка въ сумкѣ?—О. Я за это подарка ни отъ кого не ожидала, такъ для чего мнѣ было выскакивать и кричать?

Членъ суда. Почему Пепа не явилась въ судъ? — Свид. Дурмишидзе. Я пріѣхала раньше сюда и здѣсь узнала, что она вывихнула ногу. — В. Можетъ быть Пепа ближе стояла къ евреямъ и лучше слышала?—О. Мы стояли на одномъ мѣстѣ.— В. Топотъ лошадей раздавался? — О. Почва тогда была грязная и было лишь слышно шлепаніе лошадей по грязи. Евреи проскакали въ одну минуту.

Предс. На какомъ разстояніи вы были отъ забора.—Свид. Дурмишидзе. На разстояніи $2^1/_2$ саженъ. — В. А на какомъ разстояніи ѣхали евреи отъ забора? — О. Я не могу сказать, на какомъ разстояніи, такъ-какъ мнѣ изъ-за забора не было этого видно.

Членъ суда. Еврей, у котораго былъ козелъ, былъ въ буркѣ или нѣтъ?—Свид. Дурмишидзе Я не присматривалась. — В. Вѣдь бурка прикрываетъ всего человѣка и задъ лошади; какъ же вы не видѣли? — О. Они скакали шибко. Я, что видѣла, то и говорю. — В. Какъ же это такъ? Оказывается, что вы ничего не видѣли: ни бурки, ни козла, ни хворостины—какъ же вы говорите. что ѣхали евреи и били козла?—О. Они скакали, скакали шибко; развѣ можно разсмотрѣть все.

Прок. На основаніи рѣшенія уголовнаго касаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, за 1872 годъ, № 997, я прошу судъ дозволить мнѣ сдѣлать слѣдующее заявленіе: въ виду того, что допросъ всѣхъ главнѣйшихъ свидѣлей конченъ, я бы, собственно говоря, не имѣлъ сдѣлать заявленія, но, тѣмъ не менѣе, я прошу васъ, господинъ предсѣдатель, не найдете ли вы возможнымъ руководить судебнымъ слѣдствіемъ такъ, чтобы при допросѣ свидѣтелей не употреблялось никѣмъ, въ томъ числѣ и мною, пріемовъ, не ведущихъ къ разъясненію истины, а только къ запутыванію обстоятельствъ дѣла и къ сбивчивости свидѣтелей.

Предс. Я, г. прокуроръ, не понялъ вашего заявленія.

Прок. На основаніи рѣшенія Правительствующаго Сената, о которомъ я сказалъ, я прошу васъ, господинъ предсѣдатель, не найдете-ли вы возможнымъ, при допросѣ остальныхъ свидѣтелей, руководить судебнымъ слѣдствіемъ и не дозволять никому, въ томъ числѣ и мнѣ, употреблять пріемы, которые ведутъ къ запутанности и сбивчивости показаній свидѣтелей.

Предс. Я тому и слѣдую.

Прок. Напримѣръ, при допросѣ этой свидѣтельницы присяжный повѣренный Кикодзе...

Предс. При допросѣ каждаго свидѣтеля вы можете дѣлать свои заключенія.

Прок. Я прошу занести мое заявленіе въ протоколъ.

Передопрошенный Максимъ Надирадзе добавилъ, что еврей, который возилъ козла, былъ въ буркѣ и этою буркою была прикрыта та половина сумки, въ которой не было козла.

Прочитано показаніе свидѣтельницы Пепы Яламовой слѣдующаго содержанія: „На вербной недѣлѣ, во вторникъ, предъ вечеромъ, около того времени, когда звонятъ въ армянской церкви, я и Натела Дурмишидзе стояли въ моемъ огородѣ возлѣ забора, отдѣляющаго переулокъ. Въ это время мимо насъ по переулку проскакали семь неизвѣстныхъ мнѣ евреевъ, которые, какъ видно было, спѣшили, какъ-бы чего-то боялись, такъ-какъ постоянно оглядывались и говорили одинъ другому: „поскорѣй, не отставай!" По лицамъ ихъ замѣтно было, что они чего-то боялись и были встревожены. Когда они поровнялись съ нами, то въ это время я услыхала крикъ козленка, котораго они везли. Предъ этимъ я никакого дѣтскаго крика и звука не слыхала. Увидѣвши встревоженныя лица евреевъ, я подумала, что случилось что-то недоброе и не знаю почему, у меня появилась мысль, что они везутъ похищеннаго ребенка, о чемъ я тутъ же сказала кумѣ Нателѣ, которая въ отвѣтъ на это сказала мнѣ, что она ясно слышала

крикъ ребенка и что еврей въ то время ударилъ козленка. Евреи ѣхали вмѣстѣ въ кучѣ. Никого изъ евреевъ я не знаю и при предъявленіи ихъ мнѣ узнать не могу. Послѣ этого мы слышали объ исчезновеніи Сарры Модебадзе и я стала всѣмъ разсказывать о видѣнномъ мною и Нателою. Натела стояла ближе меня къ забору. Болѣе я ничего не знаю и ничего не слыхала.

Прис. пов. Александровъ. Я прошу судъ обратить особенное вниманіе на то, что въ показаніи Пепы Яламовой говорится, что она дѣтскаго крика не слышала.

Свид. Наталья Тушишвили показала, что видѣла евреевъ, которые проѣхали съ ужасно встревоженными лицами. Они везли въ одной половинѣ переметной сумки козла, между тѣмъ, другая половина этой сумки висѣла съ лошади. „Я услыхала сначала, сказала свидѣтельница, крикъ козла, потомъ мнѣ послышались совершенно другіе звуки. Еврей, у котораго была эта сумка, сидѣлъ на лошади бокомъ и напиралъ больше къ той сторонѣ, на которой висѣла сумка безъ козла“.

Предс. Вы говорите, что еврей сидѣлъ бокомъ, т. е. склонялся въ одну сторону?—Свид. Тушишвили. Онъ сидѣлъ, какъ сидятъ верхомъ дамы, т. е. ноги его болтались съ одной стороны. Проѣзжающіе ужасно торопились, крича „скорѣе, скорѣе“ и оборачивались назадъ, въ особенности около зданія суда (мѣстнаго); разъ десять оборачивались они назадъ.

Прок. А не колотили козла нагайкой или чѣмъ другимъ?—Свид. Тушишвили. Этого я не видала.—В. Но можетъ быть это кричала кошка или собака? — О. Если къ моемъ показаніи чего не достаетъ, то другое мое показаніе имѣется въ дѣлѣ и я прошу мнѣ его напомнить. — В. Какъ вы думали, кто это кричалъ?—О. Говоря по совѣсти, это было похоже на человѣческій голосъ — на дѣтскій. — В. Звукъ былъ чистый или глухой? — О. Что-то необыкновенное.—В. Нельзя-ли воспроизвести крикъ? — О. Если меня и повѣсятъ, то и тогда я не могу воспроизвести того звука. — В. Ну, покажите какъ нибудь, чтобы было хотя сколько нибудь похоже?—О. Я женщина пожилая, имѣю нѣсколько дѣтей и могу различить голосъ ребенка. Евреи около меня проѣхали со скоростью вѣтра и всего замѣтить нельзя было.

Прис. пов. Александровъ. Для меня было бы гораздо авторитетнѣе, если-бы свидѣтельница изобразила такой звукъ.—Свид. Тушишвили. Я не знаю, какъ это выразить.

Прис. пов. Куперникъ. Предъ вами была допрошена свидѣтельница, которая сказала, что звукъ этотъ былъ: а... э... о... Такъ-ли это было или нѣтъ? — Свид. Тушишвили. Можетъ быть этотъ самый звукъ былъ. — В. А другіе два свидѣтеля закрыли себѣ ротъ рукою и промычали что-то, и это такъ или нѣтъ?—О. Я не знаю.

Членъ суда. У васъ былъ тогда маленькій ребенокъ? —

Свид. Тушишвили. Былъ. — В. Не былъ ли онъ у васъ на рукахъ въ то время?—О. Ребенокъ спалъ у меня на колѣняхъ.—В. Когда услыхали звукъ ребенка, то вы подумали, что этотъ звукъ былъ звукомъ вашего ребенка?—О. Я посмотрѣла на своего ребенка, но онъ спалъ.—В. Вашъ ребенокъ издавалъ такой звукъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ или нѣтъ?—О. Мой ребенокъ не задыхался и никогда въ такомъ положеніи не находился. Я обернулась на улицу, но тамъ уже никого не было, кромѣ евреевъ, и я подумала, что этотъ звукъ идетъ отъ евреевъ.—В. А вашъ ребенокъ продолжалъ спать или же проснулся?—О. Продолжалъ спать.

Свид. Кесарія Чарквіани заявила, что видѣла, какъ проѣхало много евреевъ и въ одной сумкѣ съ одной стороны былъ козелъ, а съ другой стороны она услышала голосъ ребенка, и вотъ въ то-то время еврей ударилъ козла и заставилъ его закричать. Это было во вторникъ передъ вечерней. Судя по голосу, ребенку можно опредѣлить 7 или 8 лѣтъ. Свидѣтельница оглянулась кругомъ, но никакихъ дѣтей на улицѣ не видала. Евреи ѣхали съ встревоженными лицами кричали другъ другу: «Исхакъ, поѣзжай скорѣй“.

Прок. Голосъ чистый былъ, какъ у ребенка?—Свид. Чарквіани. Да.—В. Если вы слышали, что голосъ былъ ребенка, то вы легко можете изобразить его? — О. Голосъ былъ такой, какъ будто ротъ ребенка былъ чѣмъ-то заложенъ.—В. Произведите, по возможности, этотъ звукъ.

Свидѣтельница зажала ротъ и сдѣлала подражаніе.

Прок. Можетъ быть вы ошибаетесь, можетъ быть это что нибудь другое кричало, напримѣръ, козелъ?—Свид. Чарквіани. Я слышала и крикъ козла въ тотъ моментъ, но это были совершенно различные звуки.—В. Евреи шибко ѣхали?—О. Они были какъ-будто испуганны; ѣхали скоро, такъ шибко, что я не успѣла разглядѣть ихъ.—В. Не разслышали ли вы слова Исхака Цвеніашвили?—О. Да.

Прис. пов. Александровъ. Вы ясно различили, что это былъ крикъ 7—8 лѣтняго ребенка?—Свид. Чарквіани. Мое мнѣніе таковое. — В. А если предположить, что ребенокъ былъ 9-ти лѣтній, то это бы не подходило сюда? — О. Нѣтъ, не подходило бы.—В. Ну-съ, а 6-ти лѣтняго возраста ребенокъ подходилъ бы?—О. Я даже не въ силахъ теперь говорить, я устала.—В. Подходитъ ли звукъ, слышанный вами, подъ голосъ 6-ти-лѣтняго ребенка?—О. Что знала, я разсказала прокурору.—В. Вы отказываетесь на этотъ вопросъ отвѣтить. Какъ громко былъ произнесенъ этотъ звукъ?—О. Какъ я недавно произнесла.—В. Значитъ, довольно тихо?—О. Что вы мучаете меня; что я знала, то и показала.

Прис. пов. Александровъ. Я прошу васъ, господинъ

предсѣдатель, занести въ протоколъ эти слова свидѣтельницы, они имѣютъ весьма существенное значеніе.

Предс. (къ свидѣтельницѣ). Я прошу васъ давать отвѣты на вопросы, которые вамъ предлагаютъ, потому что на судѣ открытомъ, гласномъ, вы обязаны отвѣчать на всѣ вопросы, не уклоняясь отъ отвѣтовъ. — Свид. Чарквіани. Что я разсказала теперь, то всякій слышалъ. Я устала и не въ силахъ больше продолжать.

Прис. пов. Александровъ. Что раньше вы слышали: дѣтскій крикъ или крикъ козла? — Свид. Чарквіани. Я дѣтскій крикъ раньше услыхала. Но развѣ необходимо дальше передавать.

Предс. Судъ требуетъ, чтобы вы отвѣчали; уклоняться отъ отвѣтовъ вы не можете.—Свид. Чарквіани. Что знала, я говорила, и полицейскому приставу, и слѣдователю, и тутъ отвѣчаю.

Прис. пов. Александровъ. Въ какомъ мѣстѣ вы слышали эти крики?—Свид. Чарквіани. Передъ моимъ домомъ.—В. Можно было подумать, что звукъ, слышанный вами, подходитъ къ голосу 6-ти-лѣтняго ребенка?—О. Нѣтъ, не подходитъ.—В. Съ большимъ шумомъ проѣхали евреи?—О. Да.—В. Какъ же такъ: былъ большой шумъ, а между тѣмъ вы разслышали тихій дѣтскій крикъ? — О. Шумъ поднимали евреи и козелъ началъ кричать; этотъ крикъ и вся эта исторія случились передъ моимъ домомъ. Евреи тогда испугались.—В. Въ чемъ выразился испугъ евреевъ? — О. Они торопили другъ друга. Далѣе свидѣтельница показала, что до того, какъ не открыли этого дѣла, она полагала, что евреи взяли съ собою своего ребенка, который находился у нихъ гдѣ-нибудь. — В. Почему вы заключаете, что это былъ 7 — 8-ми-лѣтній ребенокъ, какіе характеристическіе признаки?—О. Что я знала, то и разсказала членамъ и суду.

Прис. пов. Александровъ. Я прошу обратить вниманіе суда на форму отвѣтовъ, которые давались этою свидѣтельницею.

Прис. пов. Куперникъ. Козелъ былъ на той сторонѣ, гдѣ вы находились? — Свид. Чарквіани. Да. — В. Голова козла была видна? —О. Я что знала, то и разсказала.—В. Откуда знаете, что это былъ козелъ: по хвосту или по крику? — О. Видѣла, что козелъ, какъ и всякій козелъ. В. Еврей, у котораго былъ козелъ въ сумкѣ, сидѣлъ какъ обыкновенно сидитъ мужчина, или ноги его были на одной сторонѣ?—О. Обыкновенно, какъ сидятъ мужчины.—В. Вы постоянно живете въ Сачхерахъ? — О. Да.—В. Вы кому-нибудь говорили, что слышали крикъ ребенка? —О. Я на Пасху въ обществѣ сказала, что видѣла евреевъ, которые ѣхали и казались испуганными, и что тутъ что-нибудь да не ладно.

Прис. пов. Кикодзе. Въ какое время проѣхали евреи? — Свид. Чарквіани. Вечеромъ, въ то время, когда была пасмурная погода, но дождя все-таки не было. — В. Еврей, который везъ козла, былъ въ буркѣ? — О. Одинъ былъ въ буркѣ, другой въ старомъ пальто. Впрочемъ, я теперь не помню.

Членъ суда. Вы по какому случаю вышли на улицу? — Свид. Чарквіани. Такъ себѣ. — В. Въ это время была грязь?—О. Да.—В. Близко отъ васъ проходили евреи? — О. Сажени $1^1/_2$.—В. Козелъ былъ обвязанъ чѣмъ-нибудь около шеи? — О. Онъ былъ укрытъ буркой, головы же его я не видѣла.—В. Почему вы думаете, что козелъ былъ съ вашей стороны? — О. Съ этой-то стороны и раздавался крикъ.

Свид. Илико Комушидзе объяснилъ, что встрѣтилъ четырехъ евреевъ, изъ которыхъ двое ѣхали впереди, а двое сзади; у нихъ былъ козелъ. „Я спрашивалъ. нѣтъ ли у евреевъ товару, сказалъ свидѣтель, но они ни слова не отвѣтили мнѣ и отправились дальше, а я пошелъ по своему дѣлу и потомъ вернулся домой.

Прок. Гдѣ вы встрѣтили евреевъ? — Свид. Комушидзе. На улицѣ деревни Корети. — В. Евреи ничего не дѣлали съ козломъ?—О. Я этого не видѣлъ. Евреи ужасно торопились.

Прис. пов. Александровъ. Дѣтскаго крика не слыхали?—Свид. Комушидзе. Нѣтъ.

Свид. Давидъ Анасашвили показалъ, что былъ въ деревнѣ Корети и хотѣлъ купить барашка и когда щупалъ его, то въ это время заѣхали туда же евреи, которые купили гуся. Спустя нѣкоторое время свидѣтель вернулся назадъ. Далѣе свидѣтель объяснилъ, что проѣзжавшихъ евреевъ онъ не разсматривалъ и вообще знаетъ только, что эти евреи были товарищи между собою, такъ-какъ тотъ, который купилъ гуся, кричалъ: „скорѣе, скорѣе".

Прис. пов. Александровъ. Долго вы были съ евреями?—Свид. Анасашвили. Я звалъ одного изъ евреевъ зайти, но онъ сейчасъ же отправился.—В. Подходили вы къ лошадямъ евреевъ и видѣли козла?—О. Козелъ былъ у другого и я его видѣлъ, потому что у него торчала голова. -В. Онъ былъ въ другой половинѣ сумки? — О. Я не замѣтилъ. — В. Дѣтскаго крика вы не слыхали? — О. Нѣтъ, не слыхалъ. — В. Вы знали Исхака Цвеніашвили?—О. Онъ и купилъ гуся.—В. Онъ не спрашивалъ васъ, поѣдете ли вы въ Сачхеры? — О. Можетъ быть и спрашивалъ.—В. Другіе куры и гуси были у евреевъ?—О. Я знаю только, что они купили одного гуся. — В. Позвольте васъ спросить, козелъ постоянно кричалъ?—О. Да.

Членъ суда. Вамъ раньше приходилось слыхать гдѣ-нибудь—ну хоть на базарѣ—чтобы козелъ такъ долго кричалъ? — Свид. Анасашвили. Никогда не приходилось.

Прок. Не случалось ли вамъ видѣть, какъ евреи возятъ козловъ? — Свид. Анасашвили. Покрайней-мѣрѣ я этого не

видѣлъ.—В. Ну, а кто другой видѣлъ, какъ возятъ козловъ?—О. На лошади я въ первый разъ видѣлъ козла.—В. Когда покупаютъ козла, то какъ его возятъ, въ сумкѣ?—О. Я въ первый разъ видѣлъ, что въ сумкѣ сидитъ козелъ.

Членъ суда. Васъ сердило, что козелъ кричитъ?—Свид. Анасашвили. Къ чему же мнѣ сердиться, мнѣ какое было дѣло, что тамъ кричитъ козелъ. — В. Что, козелъ самъ по себѣ кричалъ или его били палкой?—О. Я ничего не знаю.—В. Когда козелъ начинаетъ больше кричать: когда его отдѣляютъ отъ другихъ козловъ, или когда онъ находится вмѣстѣ съ другими козлами?—О. Я не знаю, у меня козла нѣтъ, и когда онъ кричитъ больше и меньше тоже не знаю.

Свид. Наталья Капуришвили показала, что видѣла, какъ проѣзжали четверо евреевъ и кричали: „нѣтъ ли у васъ гусей“. У меня, сказала свидѣтельница, былъ продажный гусь, котораго я вывела и оцѣнила въ рубль; еврей предложилъ мнѣ за него 40 к. Нужно сказать, что трое остальныхъ евреевъ оставались на дорогѣ, и вотъ, когда товарищъ ихъ предложилъ мнѣ 40 к. за гуся, то другіе евреи сказали ему: „отдай ей 80 к. и иди скорѣе, намъ нужно спѣшить, у насъ есть свое дѣло!“. Я видѣла, что въ переметной сумкѣ лежалъ козелъ въ одной половинѣ, къ другой же видно было что-то большее, чѣмъ козелъ, но что именно — я право не знаю. Евреи заплатили мнѣ 80 к. за гуся и всѣ вмѣстѣ поѣхали дальше.

Прок. Вы подходили къ евреямъ; гдѣ былъ козелъ?—Свид. Капуришвили. Нѣтъ. — В. Вы видѣли, какъ евреи обыкновенно возятъ козловъ?—О. Нѣтъ, не видѣла. — В. А у васъ самихъ есть козелъ?—О. Нѣтъ, не имѣю.—В. Ну, да не видѣли ли вы, какъ козловъ-то другіе возятъ?—О. Я только въ первый разъ тогда видѣла, какъ евреи тащили козла въ сумкѣ. Впрочемъ, видѣла еще разъ, что возили козла, но онъ былъ привязанъ къ сѣдлу и онъ не кричалъ, но чтобы въ сумкѣ сидѣлъ козелъ — этого я не помню въ жизни никогда.

Прок. Я покорнѣйше прошу судъ занести это показаніе свидѣтельницы защиты въ протоколъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаю на него особенное вниманіе суда.

Засѣданіе отложено до слѣдующаго дня.

(Засѣданіе 8-го марта).

Передопрошенный свидѣтель Бесо Гагочишвили показалъ, что сторона сумки, откуда раздавались крики, была накрыта обложкою, такъ что концы этой обложки не были въ узлѣ; сверху все это было переплетено веревкою. Сумки были большія.

Свид. Самсонъ Гогочиладзе показалъ, что и онъ видѣлъ, что одна сторона сумки сверху была прикрыта узломъ и переплетена веревкою.

Членъ суда. Въ той половинѣ сумки было замѣчено движеніе, и если было, то было-ли это движеніе внизу или-же по всей сумкѣ, или-же, наконецъ, только въ серединѣ ея?—Свид. Гогочиладзе. Почти въ серединѣ. — В. Шевелилось по всей сумкѣ или-же въ одномъ только мѣстѣ?—О. По всей сумкѣ.

Свид. Арджеванъ Цорцидзе (мальчикъ) показалъ, что пасъ барановъ и случайно нашелъ трупъ Сарры Модебадзе у забора селенія Дорбаидзе. Съ нимъ былъ также мальчикъ по имени Сачино.

Прок. Зачѣмъ вы около забора очутились? —Свид. Цорцидзе. Бараны туда пошли, а мы за ними.—В. Въ какое время вы въ этомъ мѣстѣ пасли барановъ?—О. Около полудня.—В. А трупъ нашли послѣ обѣда?—О. Да.—В. Что-же вы сдѣлали?—О. Испугался и заплакалъ.—В. Что сдѣлали съ трупомъ тѣ, которые потомъ пришли?—О. Дали знать старшинѣ и другимъ.—В. Въ этомъ мѣстѣ поле чисто или нѣтъ? — О. Тутъ поле, а за заборомъ, у котораго лежалъ трупъ, тамъ пашня.—В. Вамъ часто приходилось быть около этого мѣста? — О. Часто. — В. Если бы вечеромъ предыдущаго дня трупъ лежалъ на этомъ мѣстѣ, увидѣли-ли бы вы его или нѣтъ?—О. Увидѣлъ-бы.—В. А въ этотъ день вы были у этого мѣста?—О. Былъ.

Свид. Сачино Дорбаидзе (мальчикъ) показалъ то-же самое, добавивъ, что трупъ они не осматривали и онъ не видѣлъ, чтобы около этого мѣста ходилъ скотъ и были слѣды.

Прис. пов. Куперникъ. Слѣдовъ лошадей вы не видали?—Свид. С. Дорбаидзе. Нѣтъ.

Предс. Дождь тогда шелъ?—Свид. С. Дорбаидзе. Нѣтъ, былъ только туманъ.—В. А земля была сырая или нѣтъ?—О. Немного сырая.

Членъ суда. Вы вѣроятно знаете эту мѣстность; скажите, по ней проѣзжаютъ люди верхомъ? Позволяетъ мѣстность эта или нѣтъ? Свид. С. Дорбаидзе. Нѣтъ. — В. Т.-е. что же, нельзя проѣхать?—О. Можно проѣхать.— В. А тамъ можно достать воды, или же вы, когда отправлялись въ то мѣсто, воду брали съ собою?—О. Тамъ нѣтъ никакой воды, мы ее съ собою брали.

Свид. Иванъ Копанадзе (разсыльный сельской канцеляріи) показалъ, что какъ-то вечеромъ туда пришелъ Іосифъ Модебадзе и сказалъ, что потерялъ ребенка. Онъ просилъ содѣйствія къ розысканію. Пошли розыскивать, но ребенка не нашли. Кандидатъ старшины написалъ приставу донесеніе, которое свидѣтель и отвезъ.

Прис. пов. Кикодзе. На другой день вы не слышали отъ Модебадзе, что онъ подозрѣваетъ евреевъ въ похищеніи ребенка?—Свид. Копанадзе. Нѣтъ.—В. Какъ же явилось это подозрѣніе?—О. Я больше ничего не знаю.

Членъ суда. Къ Дорбаидзе заходили, когда искали трупъ?—Свид. Копанадзе. Нѣтъ.—В. Что же, вы перекрикивались?—О. Да, но намъ отвѣчали, что тутъ нѣтъ ребятъ. — В. Почему нужно было вамъ кричать: мѣстность тутъ не открытая?—О. Мы кричали потому, что гдѣ-нибудь услышатъ и найдутъ. — В. Что же, не вся мѣстность открывается взору? — О. Да.

Предс. На томъ мѣстѣ были, гдѣ Сарру нашли потомъ?—Свид. Копанадзе. Нѣтъ, не былъ.

Свид. Соломонъ Дорбаидзе объяснилъ, что онъ работалъ въ лѣсу и услыхалъ крикъ мальчиковъ, которые сказали ему, что вотъ тамъ лежитъ мертвый ребенокъ. Вмѣстѣ съ ними свидѣтель отправился и дѣйствительно увидалъ трупъ Сарры. Тутъ же пришелъ Теймуразъ, котораго Дорбаидзе послалъ заявить старшинѣ и затѣмъ трупъ дѣвочки былъ взятъ. Когда Соломонъ Дорбаидзе осмотрѣлъ мѣстность, то замѣтили слѣды двухъ лошадей, идущіе къ тому мѣсту съ востока. Слѣды эти повернули назадъ по направленію къ дорогѣ.

Прок. Вы не осматривали этотъ трупъ?—Свид. Соломонъ Дорбаидзе. Осматривали и нашли, что на рукѣ между пальцами была вырѣзана мякоть. — В. Значитъ, вы трупъ ворочали? — О. Нѣтъ, я его не трогалъ. — В. У васъ существуетъ приказъ о томъ, что если будетъ найдено мертвое тѣло, то чтобы объ этомъ заявлять старшинѣ тотчасъ же? — О. Да. — В. Всѣ объ этомъ знаютъ. — О. Которые знаютъ, которые нѣтъ. — В. Что дѣлаетъ старшина въ подобныхъ случаяхъ: велитъ хоронить или же даетъ знать кому-нибудь?—О. Долженъ донести полицейскому приставу.—В. А трупъ можетъ отнести куда-нибудь или же трупъ долженъ оставаться на мѣстѣ?—О. Трупъ взяли и отнесли домой.—В. Здѣсь вѣдь убійства очень часты и должно быть, извѣстно, что старшина не можетъ трогать трупъ, а объявить объ этомъ приставу; теперь вы видѣли, что онъ беретъ трупъ? — О. Я не знаю; тогда такъ поступили.—В. Не знаете ли вы случая, когда старшина, увидя трупъ, не трогаетъ его, а даетъ знать приставу.—О. Мнѣ не случалось этого видѣть?—Далѣе свидѣтель объяснилъ, что онъ тоже розыскивалъ Сарру и проѣзжалъ также по тому мѣсту, гдѣ найденъ былъ потомъ трупъ, и если бы онъ лежалъ, то свидѣтель замѣтилъ бы его. Отъ мѣста нахожденія трупа можно весьма скоро попасть въ селеніе Дорбаидзе, такъ-какъ сейчасъ же начинаются усадьбы. Наканунѣ нахожденія трупа шелъ дождь и когда подняли Сарру, земля подъ спиною была немного мокрая. Конскіе слѣды свидѣтель видѣлъ въ тотъ день, когда нашли трупъ, но онъ объ этомъ никому не заявлялъ, такъ какъ не зналъ, что верховые увезли Сарру. Объ этомъ обстоятельствѣ Соломонъ Дорбаидзе говорилъ слѣдователю, но записано ли это его показаніе или нѣтъ, онъ не знаетъ.

Прис. пов. Александровъ. Земля, гдѣ нашли трупъ, была вспахана или нѣтъ? — Свид. Соломонъ Дорбаидзе. Была вспахана, но потомъ и дальше трупа была также вспахана.—В. На какой землѣ видѣли конскіе слѣды? — О. По невспаханной. — В. Какимъ же образомъ могли вы видѣть эти слѣды?—О. Земля отъ дождя была немного мокрая и слѣды были видны.

Прис. пов. Кикодзе. Мать Сарры не подходила къ трупу?—Свид. Соломонъ Дорбаидзе.. Она оставалась въ далекѣ и плакала.

На вопросы предсѣдательствующаго и членовъ суда, Соломонъ Дорбаидзе показалъ, что платье и рубаха на трупѣ были разорваны; внизу же концы связаны были узломъ. Хотя у свидѣтеля и есть собаки, но лаяли ли онѣ въ ночь, послѣ которой нашли трупъ, на чужого человѣка—онъ не знаетъ. На платьѣ и на трупѣ воды замѣтно не было; никакой рѣчки или канавы въ томъ мѣстѣ нѣтъ и все пространство сухое. Хотя лошади и пасутся, но рѣдко, мелкій же скотъ пасется постоянно. 4-го апрѣля лошади еще не выпускались на подножный кормъ. Дорога къ мѣстности, гдѣ найдена была Сарра, очень трудная и ребенокъ не можетъ пройти, такъ какъ есть овраги.

Свид. Теодоръ Модебадзе заявилъ, что, придя на другой день пропажи Сарры въ сельскую канцелярію, онъ сказалъ старшинѣ, что дѣвочку нужно искать, и вотъ вмѣстѣ съ другими онъ отправился на поиски, но нигдѣ не нашли; затѣмъ на слѣдующій день нашли трупъ ея, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ искали вечеромъ. Кому нужно попасть на сачхерскую дорогу, тотъ проѣзжаетъ этимъ мѣстомъ.

Гражданскій истецъ заявилъ, что къ мѣсту нахожденія трупа нельзя ни подойти, ни подъѣхать и съ этимъ согласился потомъ и Теодоръ Модебадзе.

Прис. пов. Куперникъ. А вы сейчасъ сказали, что тамъ можно ѣздить? — Свид. Т. Модебадзе. Выше этого мѣста можно проѣхать, а по немъ нельзя. — В. Вы родственникъ отцу Сарры?—О. Я родной братъ ему.

Прис. пов. Кикодзе. Когда явилась мысль, что ребенокъ похищенъ евреями?—Свид. Т. Модебадзе. Во время исчезно венія ребенка проѣзжали евреи и явилось подозрѣніе, что, вѣроятно, они похитили.—В. Почему же вы на другой день не отправились искать Сарру въ Сахеры, а все искали около Дорбаидзе?—О. Нѣкоторые поѣхали въ Сачхеры нѣкоторые тутъ искали.

Свид. Николай Семеновъ Церетели заявилъ, что вмѣстѣ со старшиною и другими онъ пошелъ къ мѣсту нахожденія трупа, осмотрѣлъ его и нашелъ тѣ же самыя поврежденія, о которыхъ говорили другіе свидѣтели; трупъ Сарры лежалъ ногами къ забору.

Прок. Вы какую должность занимаете?—Свид. Н. С. Це-

ретели. Я письмоводитель въ перевійской сельской канцеляріи.— Далѣе свидѣтель показалъ: какъ лежали руки на трупѣ, какія были раны, и объяснилъ, что раны эти зубами сдѣлать было нельзя. Точно также и звѣрь, по мнѣнію свидѣтеля, не могъ произвести такія раны, а равно и птицы. Свидѣтель полагаетъ, что раны были сдѣланы ножемъ. На боку никакого пятна не замѣтилъ. Трупъ былъ совсѣмъ мягкій—это свидѣтель хорошо помнитъ. 5-го апрѣля сдѣлалось извѣстнымъ, что подозрѣваютъ евреевъ въ похищеніи Сарры. Существуетъ распоряженіе, по которому старшина, извѣстившись о нахожденіи мертваго тѣла, долженъ донести объ этомъ ближайшему своему начальству—въ данномъ случаѣ полицейскому приставу, князю Абашидзе, и хоронить трупъ безъ дозволенія пристава не имѣютъ права. Въ настоящемъ случаѣ такого позволенія отъ пристава не было.—В. Какъ же это такъ: старшина видитъ трупъ, слышитъ обвиненіе евреевъ въ похищеніи дѣвочки и затѣмъ позволяетъ хоронить этотъ трупъ сейчасъ же? Просилъ его объ этомъ кто-нибудь или нѣтъ?—О. Старшина позволилъ. Мнѣ никогда еще не случалось бывать на мѣстахъ нахожденія труповъ и я не знаю, какъ это дѣлается.—В. Земля на томъ мѣстѣ была сухая?—О. Была немного сыровата, потому что 5-го апрѣля шелъ дождь.—В. Слѣдовъ конскихъ вы тамъ не замѣчали?—О. Слѣды были; я ихъ замѣтилъ въ тотъ день.—В. Старшина обратилъ вниманіе на эти слѣды? — О. Не знаю. — В. Вѣдь вы должностное лице, видѣли слѣдъ; можете ли сказать, какой онъ былъ? — О. Лошадиный.—В. Одной лошади? — О. Нѣтъ, двухъ лошадей.—В. Что же, вы по слѣдамъ пошли или нѣтъ, чтобы узнать, куда они ведутъ?—О. Нѣтъ, мы не осматривали. — В. А старшина смотрѣлъ? — О. Не знаю. — В. Вы давно служите? — О. Давно.—В. Какже вы, замѣтивъ слѣды, не сообщили объ этомъ ничего?—О. Да я не знаю, какъ это. — В. Вы переписывали донесеніе старшины?—О. Я переписывалъ.—В. Тамъ не сказано было ничего о слѣдахъ?—О. Нѣтъ, ничего не было сказано.—В. Почему же вы не заявили тутъ же о такомъ важномъ обстоятельствѣ — забыли что ли?—О. Да.—В. Потомъ что сдѣлали съ трупомъ? — О. Его положили на коверъ и отнесли къ отцу.—В. Когда было объявлено о пропажѣ Сарры, то старшина принималъ дѣятельное участіе, чтобы собрать народъ для поисковъ? — О. Меня не было тогда въ канцеляріи, я былъ дома. — В. Не знаете, долго розыскивали?—О. Розыскивали и день и ночь.—В. Когда вамъ стало извѣстно, что найденъ трупъ, то вы заявили объ этомъ старшинѣ и потомъ отправились на мѣсто нахожденія?—О. Да.—В. Взяли съ собою листъ бумаги? — О. Для чего? — В. А для составленія акта. Гдѣ вы его писали?—О. Въ канцеляріи.—В. А не на мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ?—О. Нѣтъ.—В. Не было ли проливнаго дождя въ промежутокъ времени отъ похоронъ Сарры до пріѣзда въ первый разъ доктора?—О. Не помню.

Прис. пов. Александровъ. Гдѣ вы видѣли слѣды лошадей? — Свид. Н. С. Церетели. На вспаханной землѣ, и эти слѣды шли до самой дорбаидзевской дороги. Вспашка была недавняя.—В. Вы первый разъ были на мѣстѣ нахожденія труповъ?—О. Да, первый разъ. — В. Ну, а потомъ приставъ спрашивалъ васъ объ этихъ слѣдахъ? —О. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Прис. пов. Кикодзе. Когда старшинѣ и вамъ стало извѣстнымъ, что въ похищеніи Сарры подозрѣваютъ евреевъ, почему вы не послали на розыски въ Сачхеры, а отправились искать въ другія мѣста?—Свид. Н. С. Церетели. Послали и туда.—В. Не было ли такого разговора и не слыхали ли вы отъ родственниковъ Сарры, что такъ-какъ трупъ найденъ, то напрасно уже подозрѣвать евреевъ? — О. Такого разговора я не слышалъ.

Предс. Когда около трупа собралась толпа, не было ли въ числѣ другихъ верховаго?—Свид. Н. С. Церетели. Учитель перевійской школы былъ на лошади.

Членъ суда. Лошади въ селеніи Дорбандзе есть? — Свид. Н. С. Церетели. Какъ же, есть. — В. Ихъ выпускали, напримѣръ, 4-го апрѣля на подножный кормъ? — О. Не знаю. — В. У васъ въ Перевиси много козловъ? — О. Есть. — В. Эти животныя любятъ жить въ стадѣ?—О. Иногда въ одиночку, иногда собираются.—В. Если одного козла взять куда-нибудь онъ будетъ кричать? — О. Будетъ. — В. Какъ верховые развозятъ козловъ? — О. Гдѣ можно, берутъ на лошадь?—В. Сажаютъ въ сумку?—О. Бываетъ, если козелъ маленькій.

Свид. Сисо Куртанидзе показалъ, что, бывши 6-го апрѣля въ сельской канцеляріи и услышавъ о пропажѣ Сарры, онъ пошелъ искать и затѣмъ послѣ полудня стало извѣстно, что мальчики нашли этотъ трупъ совершенно случайно. Свидѣтель взялъ съ собою писца, сельскаго учителя, еще кое-кого и отправились всѣ на мѣсто нахожденія трупа, который лежалъ въ такомъ же положеніи, какъ говорили объ этомъ прежніе свидѣтели. Потомъ пришелъ Модебадзе, трупъ дѣвочки завернули въ коврикъ и отнесли домой Свидѣтель донесъ приставу, что въ такомъ-то мѣстѣ найденъ трупъ. Сарра была предана землѣ на другой день по пріѣздѣ доктора.

Прок. Вы осматривали трупъ и ворочали его или нѣтъ?—Свид. Куртанидзе. Я не дотрогивался до него, а смотрѣлъ издали. — В. Замѣтили, что трупъ былъ свѣжій? — О. Я его не щупалъ, но другіе говорили что онъ мягкій.—В. Давно вы служите старшиной?—О. Три года.—В. Что же, это первый случай во время вашей службы, что вотъ объявилось мертвое тѣло, или же находили и прежде?—О. Это было въ первый разъ.—В. Сдѣлано распоряженіе, какъ слѣдуетъ поступать въ такихъ случаяхъ старшинѣ?—О. Я, по-крайней мѣрѣ, не имѣлъ. — В. Но что дол-

женъ дѣлать старшина въ подобныхъ случаяхъ?—О. Этотъ случай былъ со мною въ первый разъ и я позволилъ взять трупъ домой.—В. Вы не знаете, что нельзя даже трогать трупъ съ мѣста, а не то, чтобы разрѣшить унести его домой?—О. Я до этого времени не зналъ, что нельзя.—В. Вы собрали сходъ, чтобы искать Сарру?—О. Кандидатъ собралъ, а не я.—В. По вашему распоряженію было сдѣлано это или нѣтъ?—О. Нѣтъ, онъ самъ сдѣлалъ.—В. Много ли народу ходило розыскивать?—О. Говорили, что человѣкъ 30 искали дѣвочку вездѣ—В. Можно было этимъ тридцати человѣкамъ обыскать всю мѣстность между Цхададзе и Дорбаидзе въ одинъ день?—О. Можно обыскать въ одинъ день.—В. Вы присутствовали при вскрытіи трупа?—О. Присутствовалъ.—В. Куда затѣмъ поѣхалъ докторъ?—О. Въ Сачхеры.—В. Сколько времени онъ пробылъ въ Перевисяхъ?—О. Въ тотъ же день уѣхалъ.—В. Былъ съ нимъ мировой судья?—О. Былъ.—В. Что же, когда они вошли въ сельскую канцелярію, приписали тамъ что-нибудь или нѣтъ?—О. Ничего не писали.—В. А когда докторъ осматривалъ трупъ, дѣлалъ онъ записи въ своей книжкѣ или нѣтъ?—О. Не видѣлъ, не знаю.

Прис. пов. Александровъ. Слѣдовъ лошадей не видали?—Свид. Куртанидзе. Я не замѣтилъ.—В. Потому ли, что ихъ не было, или вы не обратили вниманія?—О. Я не искалъ.—В. Чѣмъ вы объясняете нахожденіе трупа въ этомъ мѣстѣ?—О. Дѣвочка не могла дойти до того мѣста.—В. А развѣ она не могла дойти до дорбаидзевской дороги?—О. Эта дорога гораздо выше, а трупъ нашли около пашни.—В. Какъ велико разстояніе отъ этого мѣста до дороги?—О. Саженъ шестнадцать.—В. Но она могла свернуть съ дороги?—О. Это могла сдѣлать.—В. Тутъ не пасется скотъ, лошади напримѣръ?—О. Какъ же можно на пашнѣ пастись скоту.

Прис. пов. Кикодзе. Вы говорили, что вамъ дурно стало, когда вскрыли трупъ; отчего вамъ дурно сдѣлалось? Трупъ сильно вонялъ?—Свид. Куртанидзе. Да.

Членъ суда. Какъ производилось дознаніе по этому дѣлу уѣзднымъ начальникомъ: собиралъ онъ всѣхъ лицъ, которыхъ и разспросилъ?—Свид. Куртанидзе. Чрезъ разсыльнаго.—В. Поголовно всѣхъ собралъ или по заявленію чьему-нибудь?—О. Не знаю.—В. Не знаете ли, какъ производилъ дознаніе полицейскій приставъ? Вѣдь вы же старшина, должны знать.—О. Когда приставъ пріѣхалъ, я не присутствовалъ.

Предс. Когда нашли трупъ, чѣмъ объяснили вы смерть Сарры?—Свид. Куртанидзе. Всѣ удивлялись, какимъ образомъ она забралась сюда.—В. А самую смерть чѣмъ объясняли: упала со скалы, утонула, убилъ ли кто?—О. Никто ничего не говорилъ—только подозрѣвали евреевъ.

Членъ суда. Вы раньше розыскивали по этому мѣсту?—

Свид. Куртанидзе. При розыскѣ я не былъ и ничего не слыхалъ.

Прок. Съ вами пріѣхалъ Филимонъ Микадзе и гдѣ онъ стоялъ съ лошадью?—Свид. Куртанидзе. Около трупа.—В. Какъ онъ доѣхалъ туда отъ дороги?—О. По краямъ вспаханной земли.

Свидѣтель приглашенъ къ столу и началъ объяснять по плану, гдѣ лежалъ трупъ, съ какой стороны къ нему подходилъ и т. д., послѣ чего гражданскій истецъ заявилъ, что всѣ, кто пришелъ къ трупу, прошли по пахатной землѣ. Слѣды лошади видны были по направленію отъ сачхерской дороги.

Свид. Алексѣй Дорбаидзе, работавшій недалеко отъ того мѣста, гдѣ мальчики пасли барановъ, слышалъ отъ нихъ о нахожденіи трупа и всѣ тѣ поврежденія, о которыхъ сказано выше. Былъ ли трупъ мягкій, онъ не знаетъ, но помнитъ, что когда его подняли, то руки откинулись. Могли ли кошки или птицы причинить Саррѣ найденныя на ней раны—свидѣтель не знаетъ.

Прок. По тому мѣсту, гдѣ нашли трупъ, вы наканунѣ ходили или нѣтъ?—Свид. Алексѣй Дорбаидзе. Я каждый день бывалъ на томъ мѣстѣ и всегда ходилъ черезъ него.—В. Можно ли было замѣтить, если бы Сарра лежала у забора?—О. Я не видѣлъ.

Прис. пов. Александровъ. Какимъ образомъ можно проѣхать отъ Сачхеръ въ Добраидзе?—Свид. Алексѣй Дорбаидзе. Со всѣхъ сторонъ есть дороги.—В. Къ тому мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ, нужно проѣхать мимо Дорбаидзе?—О. Черезъ это мѣсто была дорога въ лѣсъ и жители тутъ гоняли скотъ.—В. Отъ мѣста трупа, если бы случилось ѣхать въ Сачхеры, какъ бы вы проѣхали?—О. По пашнямъ, а потомъ выѣхалъ бы на общую дорогу.—В. Видѣли вы слѣды лошадей, когда осматривали трупъ?—О. Видѣлъ слѣды двухъ лошадей на вспаханной землѣ.—В. Слѣды были свѣжіе?—О. Свѣжіе. Это было послѣ дождя и слѣды остались замѣтными.—В. Вы показывали ихъ кому нибудь?—О. Пріѣхалъ приставъ и онъ замѣтилъ.—В. Въ день нахожденія трупа вы показали кому-нибудь на слѣдъ или нѣтъ?—О. Ихъ видѣлъ я и Соломонъ, но говорилъ ли я еще кому—не помню.

Прис. пов. Куперникъ. Платье дѣвочки было завязано узломъ на самомъ низу или повыше?—Свид. Алексѣй Дорбаидзе. Въ самомъ низу.

Предс. Къ трупу вы подходили по сырой землѣ или по сухой?—Свид. Алексѣй Дорбаидзе. По сухой.

Членъ суда. Изъ Дорбаидзе по той дорогѣ, которая ведетъ къ мѣсту, гдѣ нашли трупъ, вы водите своихъ лошадей на водопой?—Свид. Алексѣй Дорбаидзе. Нѣтъ.

Свид. Нико Дорбаидзе объяснилъ, что 5-го апрѣля къ

нему явился Іосифъ Модебадзе, который сказалъ, что накануне у него пропала дочь; что ее искали, но не нашли, а потому онъ проситъ содѣйствія. Свидѣтель собралъ народъ, искалъ цѣлый день, но не нашли и затѣмъ написали донесеніе полицейскому приставу. На третій день мальчики нашли трупъ Сарры, который старшина дозволилъ унести домой.

Прок. Не заявилъ ли Іосифъ Модебадзе подозрѣніе на евреевъ? Свид. Н. Дорбаидзе. Заявлялъ. В. На чемъ онъ основалъ это? О. Ему сказали, что по садзаглихевской дорогѣ, гдѣ пропала дѣвочка, часто проѣзжали евреи, такъ не они ли похитили. В. Сколько народа розыскивало? О. Если не больше, то не меньше 30 человѣкъ и искали по всѣмъ мѣстамъ. В. Какъ вамъ сказалъ Іосифъ Модебадзе: что вотъ моя дочка пропала изъ дома, куда то ушла, или-же онъ говорилъ, что она была въ другомъ мѣстѣ и оттуда пропала? О. Онъ сказалъ, что она съ сестрою отправилась къ Цхададзе для обжиганія бѣлилъ и оттуда куда-то ушла и что она отправилась по дорогѣ. В. Что вы знаете о ранахъ на трупѣ и какъ онѣ были: вырѣзаны или вырваны? О. Вырѣзаны. Впрочемъ я самъ не видалъ. В. О лошадиныхъ слѣдахъ вамъ говорили? О. 22-го апрѣля пріѣхалъ полицейскій приставъ, который нашелъ слѣдъ двухъ лошадей, около того мѣста гдѣ нашли трупъ. В. Не проѣхалъ ли приставъ самъ по тому мѣсту, гдѣ были слѣды? О. Приставъ отправился изъ канцеляріи по дорбаидзевской дорогѣ. В. Слѣды были старые или свѣжіе? О. Не очень свѣжіе. В. Не помните ли. когда я пріѣзжалъ туда съ прокуроромъ палаты? О. Помню, были. В. Остатки слѣдовъ были видны или нѣтъ? О. Земля была уже перепахана. В. Не помните ли содержанія сообщенія приставу, которое было написано? О. Я сказалъ, чтобы написать, что Іосифъ Модебадзе такого-то числа заявилъ о пропажѣ дѣвочки, что ее искали, но нигдѣ не нашли.

Прис. пов. Александровъ. Не говорилъ ли Григорій Григоловъ Модебадзе, что онъ видѣлъ Сарру на садзаглихевской дорогѣ? Свид. Н. Дорбаидзе. Говорилъ послѣ; онъ тогда сказалъ, что былъ въ лѣсу и видѣлъ, какъ Сарра вышла по тропинкѣ на дорогу. Потомъ, кажется, говорилъ, что сначала ихъ проѣхало четверо, потомъ Сарра вышла на дорогу, а за тѣмъ проѣхало еще трое евреевъ, но о промежуткѣ времени, когда проѣхали обѣ партіи, я не разспрашивалъ.

Свид. Соломонъ Модебадзе показалъ, что Сарру искали въ Перевисяхъ и на дорогѣ, но не нашли.

Прок. Когда искали? Свид. С. Модебадзе. Искали въ среду, во время дня.

Свид. Захарій Дорбаидзе объяснилъ, что въ среду осматривали то мѣсто, гдѣ былъ найденъ трупъ, раза два проходили по этому мѣсту, но ничего тамъ не было, а потомъ на

этомъ же мѣстѣ найденъ былъ трупъ дѣвочки. Мѣстность тамъ была вспахана, но около самаго забора оставалась не вспаханною небольшая полоса, сажени въ $1^1/_2$ шириною.

Пр. пов. Кикодзе. Тамъ дороги нѣтъ никакой? Свид. З. Дорбаидзе. Тамъ зимняя дорога и по ней ѣздятъ, пока не посѣятъ хлѣбъ.

Предс. Вода тамъ есть? Свид. З. Дорбаидзе. Эта мѣстность возвышенная и тамъ воды нѣтъ.

Членъ суда. Какая скотина ходитъ по этому мѣсту. Свид. З. Дорбаидзе. Бараны. В. А крупнаго скота не было? О. Нѣтъ. Свид. Таймуразъ Дорбаидзе показалъ, что къ нему пришелъ мальчикъ и заявилъ, что нашелъ трупъ Сарры. Онъ отправился къ мѣсту, гдѣ лежала дѣвочка; это было на томъ мѣстѣ, гдѣ свидѣтель проходилъ утромъ накануне и никакого трупа тамъ не видѣлъ. Онъ также удостовѣрилъ, что на трупѣ оказались тѣ же поврежденія, о которыхъ передавали другіе свидѣтели.

Прис. пов. Александровъ. Не пускаютъ ли у васъ пастись спутанныхъ лошадей? Свид. Т. Дорбаидзе. Пускаютъ, но въ томъ мѣстѣ травы не было, а была пашня. В. Спутанная лошадь вѣдь можетъ и по пашнѣ пройти. А слѣдовъ лошадей не замѣчали? О. Нѣтъ, не замѣчалъ

Прис. пов. Кикодзе. Какое разстояніе было отъ каменной ограды до трупа. Гдѣ онъ лежалъ? Свид. Т. Модебадзе. Сажени двѣ или три. В. А имѣете ли вы понятіе. что значитъ *сажень*? Нѣтъ, я только слышалъ. В. Покажите примѣрно это разстояніе?

Свидѣтель показываетъ и выходитъ, что это разстояніе почти такое же, о какомъ онъ говорилъ.

Свид. Филимонъ Микадзе объяснилъ слѣдующее: Я былъ сельскимъ учителемъ въ селеніи, гдѣ живетъ Іосифъ Модебадзе. Послѣ ученія меня пригласилъ въ гости одинъ родственникъ и тамъ я увидѣлъ пристава Коджаія. Они просили остаться у нихъ ужинать, но такъ-какъ мнѣ нужно было уйти, то я это и сдѣлалъ, обѣщаясь явиться въ свое время. Когда я шелъ на свою квартиру, то на дорогѣ мнѣ встрѣтилась Маія Модебадзе, сестра ея Сарра и младшій ихъ братъ. День этотъ былъ пасмурный. Они мнѣ сказали, что ушли отъ Цхададзе и спросили ее здѣсь? Потомъ я былъ на квартирѣ и ко мнѣ пришелъ Іосифъ Модебадзе проситъ дать сторожа. чтобы съ нимъ искать Сарру. Я приказалъ сторожу идти и они оба пошли на поиски, но ничего не нашли. Потомъ на другой день говорили, что проѣзжали по дорогѣ евреи, такъ можетъ быть и взяли Сарру, и просили меня написать отношеніе полицейскому приставу. Старшій кандидатъ старшины совѣтовалъ сначала поискать; онъ вызвался взять людей, сдѣлалъ съ ними розыски, но Сарры нигдѣ не оказалось. Около полудня Іосифъ Модебадзе снова пришелъ ко мнѣ и просилъ напи-

сать отношеніе полицейскому приставу, что я и сдѣлалъ въ среду утромъ. Въ четвергъ тоже искали, но Сарры не нашли. Послѣ полудня Теймуразъ Дорбаидзе сказалъ, что трупъ Сарры уже найденъ. Старшины въ то время не было дома, но потомъ онъ явился. Затѣмъ ко мнѣ пришла Сидонія Церетели и просила пойти съ нею для осмотра трупа; но я, сказавъ, что мнѣ нельзя, просилъ подождать, пока найду себѣ лошадь, но Сидонія Церетели вмѣстѣ съ Михаиломъ Церетели поѣхали впередъ къ мѣсту, гдѣ найденъ былъ трупъ. Я выпросилъ себѣ лошадь у письмоводителя и поѣхалъ туда верхомъ, а за ними пошла мать Сарры, но не дошла до мѣста, гдѣ лежалъ трупъ—родственники не пустили ее туда. Около мѣста справа и слѣва протекалъ маленькій ручей, а потомъ была каменная стѣна. Правая нога Сарры была загнута въ стѣну; трупъ лежалъ на спинѣ, правая рука была на груди, а лѣвая вытянута по ногѣ. На правой рукѣ оказалось вырѣзаннымъ небольшое мѣсто, а на лѣвой было снято немного кожи. Платье оказалось разорваннымъ, и только тремя ниточками закрѣплено. Я поѣхалъ посмотрѣть ради того, дѣйствительно ли Сарра замучена, но я ничего особеннаго не замѣтилъ, и мнѣ всѣ говорили, что напрасно показываютъ на бѣдныхъ людей, и родственники сказали, что если Сарра не замучена отъ этихъ проклятыхъ евреевъ, то слава Богу. Они хотѣли взять трупъ, но я не велѣлъ и послалъ извѣстить объ этомъ старшину. Однако родственники все-таки положили трупъ на коверчикъ и взяли его съ собою.

Прок. Когда пріѣхали на мѣсто, гдѣ вы стояли? Свид. Ф. Микадзе. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ. В. Вы говорите, что сухожилія не были повреждены? О. Нѣтъ. В. Трупъ былъ мягкій или окоченѣлый? О. Нѣтъ, трупъ былъ (не слышно). В. Запахъ былъ отъ трупа? О. Запаху никакого не было. В. Не замѣтили ли вы какой-нибудь опухоли на трупѣ? О. Ничего не было. Я разсмотрѣлъ трупъ хорошо; я нарочно поѣхалъ, чтобы разсмотрѣть, нѣтъ ли признаковъ истязанія или какихъ нибудь другихъ. В. Платье было на ней надѣто? О. Она лежала вся голая. В. И не завязано было платье на нитки? О. Тутъ она была совсѣмъ голая. В. Слѣдовательно вы осмотрѣли все тѣло? О. Подъ колѣнками смотрѣлъ тоже. В. Не осматривали ли подъ ногами? О. Осматривалъ. В. Не нашли ли вы тамъ камушковъ? О. Отъ дождя на одеждѣ и рукахъ были слѣды песку. В. Вы говорите, что прежде васъ отправилась женщина съ мужчиною къ тому мѣсту, гдѣ нашли трупъ? О. Да; но когда я ѣхалъ, они уже вернулись и встрѣтились намъ на дорогѣ. Я спросилъ ихъ, видѣли ли они трупъ, и они мнѣ сказали, что издали посмотрѣли на него. В. Долго вы тамъ у трупа были? О. Почти полчаса.

Пр. пов. Александровъ. Вы замѣтили ребенка въ сидячемъ положеніи? Свид. Ф. Микадзе. Въ родѣ сидячаго положенія. В. Ноги были согнуты? О. Ноги были уставлены въ камень. В. А спина упиралась? О. Это покатое мѣсто. В. Вы замѣтили тамъ слѣды двухъ лошадей? О. Мы не обращали вниманія. В. Родственники просили старшину взять трупъ. О. Просили. В. Старшина позволилъ? О. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ, но они взяли самовольно. Мы думали, что дѣвочка заблудилась и умерла отъ дождя. В. Вы сказали, что видѣли слѣды дождя на платьѣ и на тѣлѣ ребенка. Мнѣ кажется, что вы еще прибавили, что и слѣды песку были на всемъ платьѣ и на рукахъ? О. Да, были слѣды песку, потому что тамъ земля вспаханая и на другой день шелъ проливной дождь. В. Туманъ былъ сильный въ тотъ день? О. Когда я шелъ оттуда домой, то я самъ было заблудился, такъ что потерялъ было тропинку и подошелъ къ забору. Конечно, заборъ былъ знакомъ мнѣ и я добрался до дому.

Прис. пов. Куперникъ. Почему вы нашли нужнымъ осмотрѣть тѣло подъ колѣнками? Свид. Ф. Микадзе. Потому, что коль скоро говорили, что это жиды требуютъ крови христіанской и было подозрѣніе на нихъ, то я и желалъ узнать, дѣйствительно ли отъ нихъ произошло умерщвленіе дѣвочки и поэтому осмотрѣлъ трупъ подъ колѣнками. В. Развѣ они берутъ кровь изъ-подъ колѣнъ. О. Сельскіе жители говорятъ, что жиды берутъ кровь между пальцевъ или изъ-подъ колѣнъ, или же кладутъ ребенка въ бочку съ гвоздями и катаютъ христіанъ, чтобы изъ нихъ вышло побольше крови. В. Вы о сурамскомъ дѣлѣ знаете что нибудь? О. Говорили, что какъ будто евреи нуждаются въ христіанской крови и вслѣдствіе этого мучаютъ христіанскихъ дѣтей... Вотъ и въ Сурамѣ случай такой былъ, что ребенка нашли потомъ подъ мостомъ связаннаго и положеннаго въ тряпки; но никакихъ поврежденій на немъ не было.

Окружный судъ, въ виду противорѣчиваго показанія этого свидѣтеля съ даннымъ имъ судебному слѣдователю, постановилъ прочитать его показаніе на предварительномъ слѣдствіи. Оно заключается въ слѣдующемъ:

Я учитель перевисской сельской школы. Во вторникъ, 4-го апрѣля, послѣ обѣда Кекела Модебадзе сказала мнѣ, что ея дочь Сарра была у Павла Цхададзе вмѣстѣ съ Маіею и, ушедши отъ Цхададзевыхъ, неизвѣстно, куда исчезла. Объ этомъ она сказала мнѣ часа за два до захода солнца и въ это время отправились розыскивать Сарру—Маія, Іосифъ и Сардіонъ Модебадзевы, а засимъ и Иванъ Капанадзе. До полуночи они ее розыскивали, но не нашли. На другой день старшина созвалъ людей и ее также розыскивали, но тоже не нашли. Во вторникъ крестьянинъ Цивилешвили не знаю его имени, говорилъ, что видѣлъ какъ черезъ село Перевиси проѣхали евреи, и высказалъ предположеніе, что евреи ее похитили. Въ четвергъ, около полудня Теймуразъ Дорбаидзе далъ знать старшинѣ, что трупъ Сарры Модебадзе нашли въ сел. Дорбаидзе. Я со старшиною и другими крестьянами отправился на мѣсто и на

указанномъ при осмотрѣ мѣстѣ у каменнаго забора мы нашли трупъ Сарры. Трупъ мы осмотрѣли, а слѣдовъ, которые были указаны, откуда привезенъ трупъ, никто не искалъ и не видѣлъ. Трупъ лежалъ на спинѣ, правая рука съ согнутою кистью — на груди, а лѣвая, съ выправленными пальцами—на ногѣ. Ни на платьѣ, ни на тѣлѣ, ни на лицѣ. ни на рукахъ, ни на ногахъ, ни въ ушахъ и ни въ глазахъ не было нами усмотрѣно никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что трупъ лежалъ въ водѣ, т.-е. ни камушковъ, ни песку, ни грязи усмотрѣно не было. Платье и рубаха были сухія и были спереди разорваны во всю длину. На правой рукѣ между большимъ и указательнымъ пальцами была рана вырванная и такая же рана на первомъ суставѣ указательнаго пальца лѣвой руки. Раны эти были блѣдныя, безъ признаковъ крови, и были вырванныя, а не вырѣзанныя. Ладони рукъ и подошвы ногъ были какъ обыкновенно у покойниковъ и не были морщинисты, какъ это бываетъ, когда трупъ пролежитъ въ водѣ. Ногтей я не осматривалъ и вниманія не обратилъ. Трупъ ея лежалъ на травѣ. Возлѣ трупа никакихъ слѣдовъ, потоковъ и наносного песку не было. Ни на трупѣ, и ни на платьѣ никакихъ слѣдовъ кровяныхъ пятенъ усмотрѣно не было. Послѣ того какъ осмотрѣли трупъ, его перенесли къ родителямъ въ домъ. Во вторникъ послѣ обѣда былъ легкій туманъ, а часа за полтора до захода солнца спустился густой туманъ, такъ что дорога могла быть видна на разстояніи сажени. Дождь пошелъ послѣ ужина часовъ въ десять и былъ небольшой дождь. Былъ ли дождь ночью, я не знаю, а съ разсвѣта шелъ дождь. Какая была въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля погода я не помню, а 6-го числа погода была хорошая. Болѣе я по этому дѣлу ничего не знаю.

Свид. Ф. Микадзе. Я дѣйствительно такъ показалъ въ то время, потому что между народомъ произошло большое волненіе, такъ что на бѣдныхъ евреевъ каждый день, каждый часъ жители нашего общества нападали и то грабили, то наносили имъ раны, то жгли ихъ имущество. Мнѣ всѣ говорили, что никакъ нельзя увѣрить никакихъ крестьянъ, никакихъ дворянъ, и нація должна была страдать, но нельзя было вразумить, что дѣйствительно это случилось не отъ евреевъ—этихъ бѣдныхъ людей. Вотъ для устраненія волненія и успокоенія націи я и далъ такое показаніе. Коль скоро меня безъ присяги допросили, то я всей истинны не показалъ, а теперь, когда я принесъ присягу, то клянусь предъ Богомъ и моимъ Государемъ, что я говорилъ здѣсь истинную правду. Повторяю, это показаніе я далъ для того, чтобы не было между христіанами неудовольствія на евреевъ. Коль скоро меня допросили подъ присягою, то я долженъ сказать, что то мое показаніе не справедливо.

Предс. Слѣдовательно, вы признаете, что дали ложное показаніе безъ присяги слѣдователю? Свид. Ф. Микадзе. Да, я далъ.

Засѣданіе 9-го марта.

Свид. Іосифъ Купатадзе показалъ, что также видѣлъ трупъ Сарры и найденныя на немъ поврежденія. По чьей просьбѣ взяли трупъ домой—не знаетъ. Въ числѣ прибывшихъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ, былъ одинъ верховой, но дѣло въ томъ, что къ трупу онъ подъѣхалъ съ западной стороны.

Предс. Когда вы шли къ трупу, не видали-ли кого-нибудь ѣхавшимъ оттуда? Свид. І. Купатадзе. Никого.

Членъ суда. Михаила Церетели и Сидонію знаете? Свид. І. Купатадзе. Какъ не знать—знаю. В. Они не повстрѣчались вамъ? О. Нѣтъ. В. И не слыхали, чтобы они были около трупа? О. Нѣтъ. В. Вы не замѣтили, чтобы ноги Сарры были между камнями? О. Ну нѣтъ, ноги ея были вытянуты.

Свид. Иванъ Бораладзе показалъ, что когда пріѣхалъ полицейскій приставъ, то приказалъ помощнику сельскаго старшины Дорбаидзе собрать всѣхъ тѣхъ, которые видѣли трупъ на мѣстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ разслѣдовать, какимъ путемъ ребенокъ попалъ туда и ему передали, что съ восточной стороны къ этому мѣсту шли два конскихъ слѣда, отпечатались на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ, и повернули назадъ по тому-же направленію. Слѣды были недавніе — двѣ или много двѣ съ половиною недѣли тому назадъ.

Членъ суда. Развѣ можно опредѣлить по слѣдамъ время, когда они сдѣланы, и погода часто мѣняется? Свид. И. Бораладзе. Да видно было, что это недавніе слѣды. В. А два мѣсяца не могло имъ быть? О. За два мѣсяца зима была и лошади на то мѣсто не ходили. В. А за двѣ недѣли? О. Я высказываю свое мнѣніе; я такъ полагаю по своимъ примѣтамъ, а объяснить я не могу. В. Такъ и другіе полагали? О. Не знаю какъ другіе, а я такъ думаю. В. Съ 6-го по 22-е апрѣля, когда пріѣхалъ приставъ, который, какъ вы сейчасъ говорили, распорядился собрать народъ и разузнать отъ него о случившемся съ Саррою, такъ вотъ мѣсто, гдѣ нашли трупъ дѣвочки, охранялось кѣмъ-нибудь отъ животныхъ, чтобы они туда не ходили? О. Никто его не охранялъ—вѣдь тамъ пашню производили. В. Вамъ неизвѣстно, было-ли тамъ съ 6-го апрѣля стеченіе народа? О. Меня тогда не было дома. В. Можете-ли вы сказать, что заключается характернаго между слѣдами, сдѣланными недѣлю тому назадъ, и между слѣдами, сдѣланными двѣ недѣли тому назадъ? О. Свѣжій слѣдъ бросается въ глаза, его можно замѣтить съ-разу, а эти слѣды были уже засохшіе.

Предс. Есть въ томъ мѣстѣ какіе-нибудь ручейки по близости? Свид. И. Бораладзе. Нѣтъ ничего. То мѣсто высокое.

Свид. Максимъ Николазовъ Дорбаидзе—(помощникъ сельскаго старшины) заявилъ, что полицейскій приставъ далъ приказъ собрать всѣхъ тѣхъ, которые видѣли трупъ и сдѣлать дознаніе, какимъ путемъ доставленъ былъ трупъ на то мѣсто. Свидѣтель, въ числѣ другихъ, осматривалъ мѣсто нахожденія трупа и видѣлъ тамъ слѣдъ двухъ лошадей, который доходилъ до трупа и послѣ отвернулся по тому же направленію.

Прок. Слѣдъ былъ новый или старый? Свид. М. Н. Дорбаидзе. Старый. Онъ доводилъ до дороги.

Прис. пов. Куперникъ. Когда это было, что пріѣзжалъ приставъ? Свид. М. Н. Дорбаидзе. 22-го апрѣля. В. Вы тогда уже знали, что въ похищеніи ребенка обвиняются сачхерскіе евреи? О. Да, я тогда зналъ.

На вопросы прис. пов. Кикодзе свидѣтель отвѣтилъ, что всѣ заключили, что трупъ былъ доставленъ на лошади съ той стороны, съ которой шелъ слѣдъ, а именно со стороны восточной. Что трупъ былъ доставленъ изъ Сачхеръ, свидѣтель знаетъ потому, что ходилъ такой слухъ. Мѣсто, гдѣ лежала Сарра, есть возвышенность, гдѣ воды нѣтъ и никакихъ ручейковъ тоже нѣтъ.

Свид. Іосифъ Георгіевъ Микадзе показалъ, что 4-го или 5-го апрѣля онъ сидѣлъ у полицейскаго пристава, гдѣ былъ также князь Иванъ Церетели, который теперь умеръ. Въ сумерки къ приставу пришло до 15 человѣкъ сачхерскихъ евреевъ и говорили, что вотъ распространилось, что евреи похитили христіанскаго мальчика, а потому они просятъ поставить строгій караулъ вокругъ ихъ квартала, чтобы къ нимъ не подбросили мальчика, и что если приставъ не дастъ, то чтобы нанять этотъ караулъ на ихъ счетъ. Вотъ все, что свидѣтель знаетъ самъ.

Затѣмъ по наслышкѣ ему извѣстно, что будто евреи похитили дѣвочку и затѣмъ началось слѣдствіе. На третій или четвертый день послѣ происшествія съ Саррою, въ домѣ свидѣтеля былъ племянникъ его, Филимонъ Микадзе, и сказалъ, что дѣйствительно Сарра пропала, что ее розыскивали и въ четвергъ нашли ея трупъ, о чемъ и дали знать, кому слѣдуетъ. „Я принималъ участіе—говоритъ свидѣтель—въ открытіи истины такъ-какъ я тамъ живу и занимаюсь иногда адвокатурою. а потому ко мнѣ имѣли большое довѣріе евреи, ну, и другіе жители. При разспросахъ мнѣ говорили, что слѣды лошадей, которые доходили до мѣста нахожденія трупа, были отъ бывшихъ тамъ для осмотра какого-то Михаила Церетели и тетки его, Сидоніи.

Прок. Когда вы слышали въ первый разъ разсказъ племянника? Свид. І. Г. Микадзе. Черезъ три или четыре дня. В. Не помните: не говорилъ-ли онъ тогда, что самъ осматривалъ трупъ? О. Онъ говорилъ, что тогда былъ день холодный, шелъ дождь со снѣгомъ, такъ что онъ не могъ идти пѣшкомъ и поѣхалъ на лошади. Потомъ онъ говорилъ, что около этой мѣстности ничего особеннаго не было, и что вслѣдствіе дождя мѣстность эта, какъ оно видно было, уравнена пескомъ. В. Не самъ-ли онъ ворочалъ трупъ? О. Этого не знаю. В. На второй разъ, когда вамъ поручили развѣдать объ этомъ дѣлѣ? О. Послѣ пріѣзда уѣзднаго начальника; это было, кажется, больше какъ черезъ 20 дней послѣ происшествія. В. Почему вы не говорили о Михаилѣ Церетели и Сидоніи, ѣздившихъ на мѣсто происшествія? О. Племянникъ мнѣ разсказалъ объ этомъ уже послѣ отправленія дѣла къ прокурору.

Гражданскій истецъ заявилъ слѣдующее: когда онъ отправился къ полицейскому приставу для подачи объявленія о пропажѣ дочери, то Іосифъ Георгіевъ Микадзе подослалъ къ нему своего племянника съ предложеніемъ: что вотъ, дескать, ребенокъ пропалъ—ну, и пропалъ. его воскресить нельзя, такъ вотъ я постараюсь заставить евреевъ удовлетворить васъ (т.-е. семейство дѣвочки) по вашему желанію — сколько хотите? Гражданскій истецъ отвѣтилъ пришедшему, что этого сдѣлать невозможно, потому что заявленіе уже подано и что полицейскимъ приставомъ уже присланъ медикъ.

Прис. пов. Куперникъ. Вы по порученію администраціи производили разслѣдованіе? Свид. І. Г. Микадзе. По этому дѣлу мнѣ сказали, чтобы я принялъ участіе отъ имени уѣзднаго начальника; просилъ самъ полицейскій приставъ.

Прис. пов. Кикодзе. Вы знаете, чтобы кому-нибудь изъ вызванныхъ сюда свидѣтелей вашъ племянникъ говорилъ о лицахъ, которыя возвращались на лошадяхъ съ мѣста, гдѣ лежалъ трупъ Сарры? Свид. І. Г. Микадзе. Онъ сказалъ. что ѣхали многіе, а потому вѣроятно есть и другіе, кто знаетъ объ этомъ. В. Вамъ ничего неизвѣстно, что Іосифъ Модебадзе выдавалъ довѣренность Илларіону Гамкрелидзе и что тотъ обратился къ Мошѣ Цивилашвили съ требованіемъ денегъ? О. Я слышалъ дѣйствительно. что довѣренность была дана, но обращался-ли Гамкрелидзе съ требованіемъ денегъ—я не знаю.

Членъ суда. Не случалось-ли вамъ передавать свѣдѣній, которыя были вамъ переданы племянникомъ вашимъ, напримѣръ о Берно? Свид. І. Г. Микадзе. Я не помню, говорилъ-ли онъ о Берно; но я говорилъ многимъ. В. Когда обращались евреи къ приставу: до или послѣ нахожденія трупа? О. До нахожденія. Это было въ тотъ моментъ, когда пропала дѣвочка: или во вторникъ вечеромъ, или на другой день утромъ, и приставъ тогда не имѣлъ еще донесенія о пропажѣ; а о томъ, что подозрѣваютъ евреевъ—онъ узналъ отъ нихъ-же.

Въ виду разнорѣчія, прочитано показаніе этого свидѣтеля, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи. Показаніе это трактуетъ совершенно другое, и по поводу его свидѣтель сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

Свид. І. Г. Микадзе. Показаніе это мною собственноручно записано, но я бы желалъ умолчать о мотивахъ, потому что тутъ цѣлая крестьянская нація страдала, и крестьяне грозили всякому, кто выскажетъ хотя одно слово въ пользу евреевъ, убить или сжечь. Давая показаніе на предварительномъ слѣдствіи, я зналъ, что тѣмъ допросъ мой не ограничится, что меня вызовутъ въ судъ и спросятъ подъ присягою и предъ закономъ я долженъ высказать все то, что именно знаю, и вотъ въ то время я и умолчалъ о многомъ изъ опасенія.

Предс. Значитъ, показаніе, данное вами на предварительномъ слѣдствіи, было дано завѣдомо неправильно? Свид. І. Г. Микадзе. Да, я признаю это.

Свид., помощникъ мирового судьи Ахумовъ показалъ, что вечеромъ 13-го апрѣля онъ получилъ сообщеніе отъ полицейскаго пристава объ исчезновеніи Сарры Модебадзе и о нахожденіи ея трупа. Пригласивъ съ собою врача Берно, онъ отправился въ Перевиси, для вскрытія трупа, который и вынули изъ могилы. Это было 14-го апрѣля. „При наружномъ осмотрѣ мнѣ бросились въ глаза поврежденія на рукахъ"—говоритъ Ахумовъ—„которыя были не одинаковы какъ по формѣ, такъ и по величинѣ своей: такъ, на правой рукѣ съ тыльной стороны, между большимъ и указательнымъ пальцами, не доставало мягкихъ частей, и эта рана была величиною въ одинъ дюймъ, съ неровными краями, краснаго цвѣта. На лѣвой рукѣ не доставало кожи у основанія указательнаго пальца, и эта рана была меньше первой. Затѣмъ никакихъ другихъ поврежденій на трупѣ не оказалось, за исключеніемъ одного пятна, кажется, на лѣвомъ бедрѣ, величиною съ 10-ти или 15-ти-копѣечную монету.

Предс. Въ какомъ мѣстѣ? Свид. Ахумовъ. Кажется, около колѣна, впрочемъ утверждать положительно не могу. Затѣмъ приступили къ вскрытію трупа. Въ дыхательномъ горлѣ было нѣсколько красноватой пѣнистой жидкости, въ желудкѣ оказалось около одного стакана мутной жидкости. Я спрашивалъ врача, чѣмъ онъ объясняетъ причину смерти Сарры, и онъ сказалъ, что приписываетъ это утопленію, по тѣмъ признакамъ, которые онъ нашелъ при вскрытіи трупа.

Прок. Когда производили наружный осмотръ, вы хорошо осматривали трупъ? Свид. Ахумовъ. Хорошо. В. Что именно осматривали? О. Лицо, руки, ноги, затѣмъ перевернули и осмотрѣли спину и заднюю часть трупа. В. Кто вносилъ въ протоколъ обстоятельства, обнаруженныя при вскрытіи? О. Я записывалъ. В. Со словъ врача или сами? О. Самъ. В. Что-же дѣлалъ врачъ? О. Дѣлалъ свои замѣтки. В. Зачѣмъ-же вы дѣлали свои замѣтки; для себя? О. Чтобы составить протоколъ. В. Куда потомъ вы пошли? О. Въ сельскую канцелярію. В. Зачѣмъ? О. Писать протоколъ. В. Не поднималъ-ли врачъ вѣки у трупа? О. Кажется, нѣтъ. В. На судебномъ слѣдователѣ лежитъ обязанность осмотрѣть всѣ углубленія на трупѣ. Вы осматривали слуховые органы? О. Нѣтъ. В. Носъ? О. Тоже не осматривалъ. В. Полость зѣва? О. Открылъ ротъ и посмотрѣлъ. В. Не ощупывали-ли затылка? О. Нѣтъ. В. Не смотрѣли-ли подъ мышками? О. Смотрѣли. В. И все, что осмотрѣли, внесли въ свои замѣтки, а потомъ въ протоколъ, такъ что все, что вы показываете на судѣ, можно найти въ вашемъ протоколѣ? О. Кажется, все есть. В. Не можете-ли разсказать, какъ производилось вскрытіе трупа? Кто его производилъ? О. Рѣзалъ фельдшеръ по указанію врача. В. А вы составляли протоколъ? О. Протокола вскрытія трупа не было составлено на мѣстѣ. В. А гдѣ онъ былъ составленъ? О. Я получилъ этотъ протоколъ отъ врача только 29-го апрѣля. В. А трупъ когда осматривали? О. 14-го апрѣля. В. Вамъ не былъ извѣстенъ законъ, что въ случаяхъ особой важности протоколъ долженъ быть составленъ на мѣстѣ? Слѣдовательно, этотъ случай не представлялъ такой важности, и вы увѣрены, что врачъ поступилъ, какъ слѣдуетъ? О. Я не соглашался съ его мнѣніемъ. В. Кажется, въ законѣ можно найти статью, въ которой сказано, что, въ случаѣ несогласія съ врачемъ, слѣдователь заноситъ объ этомъ въ протоколъ? О. Я потомъ спрашивалъ, почему онъ такъ объясняетъ причину смерти. В. Это другое дѣло: вы входите въ переписку; но, въ случаѣ несогласія, объ этомъ заносится въ протоколъ. Такъ, напримѣръ, не заинтересовало васъ: прижизненныя или посмертныя были тѣ раны, которыя вы нашли на трупѣ? О. Меня тутъ-же заинтересовало, и я сказалъ, что по моему мнѣнію эти раны произошли... Онѣ какъ будто были вырваны зубами, но... В. Когда вы уже познакомились съ слѣдствіемъ, вы вошли въ переписку съ врачомъ относительно этихъ ранъ? О. Спрашивалъ, и онъ сказалъ, что эти поврежденія посмертныя. В. Сколько времени прошло, когда онъ началъ считать ихъ такими? О. Кажется, это было въ первыхъ числахъ мая. В. Съ чего начато было вскрытіе трупа? О. Съ черепной полости. В. Вы составляли протоколъ, фельдшеръ вскрывалъ, а врачъ наблюдалъ? О. Да. В. Заносили въ протоколъ то, что говорилъ врачъ? О. Я составлялъ вкратцѣ протоколъ. В. Вкратцѣ протоколы не составляются, а составляются...

Предс. Я бы предложилъ не входить въ пререканіе съ свидѣтелемъ, а предлагать ему вопросы.

Прок. Я прекращаю допросъ; съ меня достаточно.

Прис. пов. Александровъ. Вы говорите, что между вами и врачомъ было разногласіе; къ чему оно относилось? Относилось ли къ описанію признаковъ, найденныхъ на трупѣ и констатированныхъ въ протоколѣ, или нѣтъ? Свид. Ахумовъ. Въ этомъ отношеніи разногласія между нами не было. В. Вы констатировали вашею надписью и теперь утверждаете, что въ

полости дыхательнаго горла вами была замѣчена жидкость? О. Да. В. Переполненіе мозга кровью было? О. Было. В. Лѣвая половина сердца была переполнена кровью? О. Была. В. Правая—тоже? О. Да. В. Мутная жидкость въ желудкѣ была? О. Была. В. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи разногласія между вами не было? О. Нѣтъ. В. Было-ли согласіе относительно тѣхъ судебно-полицейскихъ данныхъ, которыя вы имѣли при вскрытіи? О. Никакихъ данныхъ не было. В. Въ чемъ-же разошлись въ мнѣніяхъ? О. Относительно происхожденія поврежденій: докторъ говорилъ, что они посмертныя. В. На основаніи чего? О. Онъ не говорилъ. В. На основаніи судебно-полицейскихъ данныхъ, или же на основаніи своихъ медицинскихъ свѣдѣній? О. Не знаю; онъ сказалъ, что поврежденія посмертныя. В. А вы какъ ихъ считали? О. Прижизненными. В. На какомъ основаніи? О. На основаніи цвѣта ранъ. В. Какой былъ цвѣтъ ранъ? О. Красноватый. В. Это обстоятельство констатировано въ вашемъ протоколѣ, или въ заключеніи врача? О. Кажется, въ протоколѣ значится. В. Врачъ полагалъ, что краснота ранъ не мѣшаетъ признанію ихъ посмертными, а вы находили, что мѣшаетъ? О. Совершенно вѣрно. В. Потомъ, въ чемъ проявилось разногласіе? О. Онъ приписывалъ смерть утопленію, на основаніи медицинскихъ данныхъ; я не могъ согласиться съ этимъ, потому что мѣстность, гдѣ найденъ трупъ, не представляетъ возможности утонуть: мѣсто, гдѣ лежалъ трупъ, представляетъ собою косогоръ, и воды на немъ быть не могло. В. Слѣдовательно, разногласіе ваше относится не къ медицинскимъ, а къ судебно-полицейскимъ даннымъ? О. Такъ. В. Вы не выражали вашего мнѣнія относительно правильности вывода по отношенію къ медицинскимъ даннымъ? О. Нѣтъ. В. Въ распоряженіи вашемъ и доктора были полицейскія свѣдѣнія тутъ-же, или вы получили потомъ? О. У меня до того времени никакихъ свѣдѣній не было. В. Не являлись-ли къ вамъ родственники Сарры и не сообщали-ли вамъ свѣдѣній? О. Ничего. В. Вы не располагали свѣдѣніями при осмотрѣ трупа? О. Нѣтъ. В. Вы вскорѣ приступили къ производству слѣдствія? О. Съ вечера 13-го апрѣля. В. Осматривали мѣстность, гдѣ былъ найденъ трупъ? О. Я осматривалъ въ маѣ, кажется, 16-го числа, во время переосвидѣтельствованія трупа. В. У васъ возникъ споръ о причинѣ смерти уже послѣ вскрытія трупа? О. Да. В. Послѣ того какъ получили судебно-полицейскія свѣдѣнія? О. Да, послѣ полученія медицинскаго акта осмотра трупа. В. Къ тому времени были у васъ судебно-полицейскія свѣдѣнія? О. Никакихъ. В. Когда было второе вскрытіе трупа? О. 16-го мая. В. По вашему требованію? О. Да. В. Вслѣдствіе сомнѣнія? О. Такъ. В. До того времени къ вамъ являлись родственники Сарры и дѣлали какія-нибудь заявленія о порѣзахъ подъ колѣнками трупа? О. Во время допроса свидѣтелей нѣкоторые родственники говорили объ этомъ, вслѣдствіе чего я и нашелъ нужнымъ переосвидѣтельствовать трупъ, полагая, что, можетъ быть, мы и упустили съ врачомъ это изъ виду. В. Родственники заявляли подозрѣніе о причинѣ смерти? О. Ничего не заявляли. Показанія ихъ записаны подробно, но я не могу припомнить содержанія этихъ показаній. В. Второе вскрытіе происходило въ самомъ присутствіи? О. Да. В. Констатированы были тѣ-же факты, которые обнаружены при первомъ вскрытіи? О. Только наружный осмотръ далъ тѣ-же результаты, какъ и при первомъ вскрытіи, но затѣмъ по гнилости трупа ничего нельзя было разобрать. В. Но вы подтверждаете, что данныя при первомъ вскрытіи констатированы вѣрно? О. Подтверждаю.

Прис. пов. Куперникъ. При вторичномъ осмотрѣ трупа нашли разрѣзы подъ колѣнками? Свид. Ахумовъ. Никакихъ. В. О подозрѣніи евреевъ когда вы получили свѣдѣніе? О. Объ этомъ было въ полицейскомъ дознаніи. В. Вы привлекли евреевъ къ отвѣтственности вскорѣ послѣ осмотра? О. Кажется 19-го мая. В. Какіе слухи доходили о цѣли этого похищенія? О. Въ народѣ говорили будто бы Сарра похищена евреями съ цѣлью добыванія христіанской крови. В. Ставили ли это въ связи съ тѣмъ, что Сарра пропала ко времени еврейской пасхи? О. Въ народѣ говорили, вообще я не обращалъ вниманія на это.

Прис. пов. Александровъ. Вы приступили къ производству слѣдствія потому, что имѣли основаніе предполагать здѣсь преступленіе? Свид. Ахумовъ. Я не могъ не приступить къ предварительному слѣдствію, потому что въ сообщеніи полицейскаго пристава было ясно сказано, что подозрѣніе въ похищеніи пало на евреевъ, проѣзжавшихъ чрезъ селеніе Перевиси.

Прис. пов. Кикодзе. Въ дознаніи, кажется, было сказано: „по народной молвѣ“—вы повѣряли эту молву? Свид. Ахумовъ. Я привлекъ евреевъ къ отвѣтственности на основаніи свидѣтельскихъ показаній. В. Вы знаете о существованіи довѣренности отъ имѣни Іосифа Модебадзе на имя Гонгреидзе? О. Да. В. И что онъ съ этою довѣренностью являлся къ Соціашвили и требовалъ отъ него денегъ? О. Объ этомъ ни отъ кого не слышалъ. В. Гонгреидзе занимается авдокатурою? О. Теперь рѣдко. В. Въ довѣренности было сказано, что поручается предъявить уголовный искъ? О. Это была общая довѣренность на управленіе имѣніемъ и на вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ на судѣ. В. Не замѣтили ли вы покатости къ оградѣ, около которой лежалъ трупъ? О. Вся мѣстность покатая и представляетъ косогоръ. В. Нѣтъ ли тамъ кустовъ, въ которые можно подбросить трупъ, такъ чтобы его не замѣтили? О. Кусты есть.

Предс. Вамъ говорили, въ какомъ положеніи нашли трупъ? Свид. Ахумовъ. Трупъ ногою упирался въ стѣну. В. Обѣими или одной? О. Кажется, одной. В. По близости есть тамъ канава? О.

Канава есть. В. Нельзя предположить, что трупъ принесло къ тому мѣсту водою? О. Этого ни въ какомъ случаѣ нельзя предположить. Я забылъ сказать, что видѣлъ присутствіе песку на ладоняхъ и подошвахъ.

Членъ суда. Въ какомъ количествѣ. Свид. Ахумовъ. Очень мало было. В. Не было ли песку между ногтями? О. Не обратилъ на это вниманія. В. Вы сказали, что переосвидѣтельствованіе было рѣшено, потому что подъ колѣнами были разрѣзы. Значитъ, вы допустили возможность не совсѣмъ аккуратнаго освидѣтельствованія или сдѣлали это для очистки совѣсти? О. Такъ какъ нѣкоторые свидѣтели положительно утверждали, что подъ колѣнками были порѣзы, то я полагалъ, что мы это упустили изъ виду, и вотъ я постановилъ о переосвидѣтельствованіи. В. И тутъ никакихъ порѣзовъ не оказалось? О. Нѣтъ. В. Гнилость трупа не мѣшала это видѣть. О. Трупъ на столько сохранился, что можно было бы видѣть порѣзы подъ колѣнами. В. Песку въ волосахъ не замѣтили? О. Не замѣтилъ. В. По той мѣстности потоки воды ходятъ свободно? не могутъ упираться? О. Нѣтъ. В. Какъ вамъ говорили, какое положеніе трупа было: горизонтальное или нѣтъ? О. Ноги были упершись въ стѣну, слегка приподняты, а остальная часть тѣла лежала горизонтально. В. Не было ли положеніе трупа полусидячимъ? О. Я этого не знаю.

Предс. Какой наклонъ былъ къ стѣнѣ, гдѣ лежалъ трупъ? Сколько градусовъ? Свид. Ахумовъ. Около 30 градусовъ.

Членъ суда. Большіе потоки могутъ тутъ образоваться? Свид. Ахумовъ. Не могутъ, потому что эта мѣстность вся волнообразная, такъ что есть и другіе овраги, куда вода можетъ уйти.

Свид. полицейскій приставъ князь Абашидзе. 5-го апрѣля я получилъ рапортъ отъ волостного старшины о пропажѣ ребенка, котораго искали, но не нашли, и что жители подозрѣваютъ евреевъ въ похищеніи. Я приказалъ произвести розыскъ пропавшей, а въ Сачхерахъ произвести негласное дознаніе надъ евреями. Потомъ я получилъ отъ старшины донесеніе, что ребенокъ найденъ и что у него было вырвано на рукахъ мясо. Ко мнѣ также приходилъ отецъ Сарры и говорилъ, что ребенка похитили евреи. Я сообщилъ кандидату на судебныя должности, что, въ виду заявленія обвиненія отцомъ Сарры евреевъ, онъ обязанъ, какъ я полагалъ, приступить къ слѣдствію. Кандидатъ отвѣтилъ мнѣ, что получилъ отпускъ и къ слѣдствію приступить не можетъ, вслѣдствіе чего я счелъ за лучшее донести уѣздному начальнику и просилъ пригласить врача для освидѣтельствованія трупа. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что врачъ вызванъ. По полученіи предписанія, я дознаніе свое передалъ Ахумову. По дальнѣйшему дознанію оказалось, что 4 апрѣля около полудня Марія и Сарра Модебадзе отправились къ Цхададзе (здѣсь свидѣтель подробно

разсказалъ исторію исчезновенія Сарры и нахожденія ея трупа). Затѣмъ ко мнѣ приходитъ Якобидзе и говоритъ, что, проходя мимо одной группы евреевъ, онъ слышалъ, какъ одинъ еврей сказалъ „что сдѣлали съ ребенкомъ, котораго мы замучили", и на это ему отвѣчали, что ребенка увезли уже на мѣсто. Обо всемъ этомъ я сообщилъ слѣдователю. Пятаго апрѣля ко мнѣ пришли евреи и сказали, что на нихъ взваливаютъ обвиненіе въ похищеніи ребенка, что они боятся, какъ бы его къ нимъ не подбросили и просили меня назначить караулъ—окружить часть селенія, гдѣ они живутъ, но такъ какъ для этого нужно было не менѣе тысячи человѣкъ, то я и отказалъ въ просьбѣ.

Прок. Волненіе было сильное между христіанскимъ населеніемъ по поводу этого случая? Свид. Абашидзе. Масса населенія была того убѣжденія, что евреи похитили ребенка. В. Въ Сачхерахъ между христіанами было замѣчено волненіе? О. Я не замѣтилъ. В. Пятаго, шестого или седьмого апрѣля не было ли въ Сачхерахъ слуха, что черезъ нихъ евреи провезли ребенка, что слышали его голосъ? О. Объ этомъ я узналъ послѣ начатія слѣдствія. Я полагаю, что эти слухи ходили въ апрѣлѣ. В. Чтобы успокоить христіанъ, а отчасти и евреевъ, не требовались-ли казаки? О. Евреи подали мнѣ заявленіе, что наступаетъ базаръ и что въ этотъ день христіане собираются сдѣлать нападеніе на нихъ. Я сказалъ, что ничего этого быть не можетъ, но они подали мнѣ прошеніе, и я на ихъ счетъ вызвалъ казаковъ. Они стояли, но ничего не было. В. Не было ли такъ, что христіане хотѣли разорить евреевъ, сжечь? О. Этого ничего я не замѣчалъ. Казаки ходили въ толпѣ на базарѣ, но ничего не было. В. Не было ли случаевъ ограбленія, вслѣдствіе этого похищенія? О. Было четыре случая, когда заявляли о грабежѣ; затѣмъ былъ случай пораненія. В. Эти случаи пораненія были экстраординарные или же они всегда бываютъ? Увеличились ли цыфры преступленій отъ этого или нѣтъ? О. Не только не увеличились, но прекратились. В. Словомъ, не знаете, чѣмъ выразилось озлобленіе христіанъ къ евреямъ... Напр., я слышалъ, что христіане не хотѣли покупать товаръ у евреевъ? О. Евреи говорили объ этомъ, можетъ быть они распространяли это.

Прис. пов. Александровъ. Кто былъ въ числѣ явившихся къ вамъ 5-го апрѣля евреевъ? Свид. Абашидзе. Пятеро изъ настоящихъ подсудимыхъ, потому что если у евреевъ случится какое-либо дѣло, то эти лица являются за нихъ. В. Вы сказали, что въ первый мѣсяцъ послѣ случая съ Саррою было нѣсколько случаевъ ограбленія и пораненія евреевъ и что потомъ всѣ замолкло? О. Черезъ два мѣсяца или раньше—не помню. Евреи разъѣзжаютъ по деревнямъ для торговли, возвращаются ночью, такъ вотъ и были случаи что на нихъ нападали и ранили. В. Какимъ образомъ вы открыли слѣды лошадей на мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ? О. Я пріѣхалъ 20-го—21-го числа туда и просилъ тѣхъ,

которые присутствовали раньше, не обратили-ли они какого вниманія на мѣсто и тутъ-же нашелъ слѣды лошадей, которые, какъ оказалось, шли на разстояніи 8 шаговъ и по серединѣ пашни у холма исчезали. В. Отецъ Сарры ничего не говорилъ о слѣдахъ лошадей? О. Нѣтъ. В. Въ числѣ тѣхъ, которые вамъ разсказывали о нахожденія трупа, никто не говорилъ, что когда первый разъ видѣли трупъ, то что тогда-же были и слѣды? О. Нѣтъ, объ этомъ никто не говорилъ.

Прис. пов. Кикодзе. Вамъ никто не говорилъ, что въ день происшествія была буря? Свид. Абашидзе. Мнѣ говорилъ Кадусая, что тогда былъ такой сильный туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно, что была буря, а ночью шелъ дождь. В. Въ томъ мѣстѣ есть ли мѣсто, куда удобно можно забросить трупъ такъ, чтобы его дольше не нашли О. Тамъ дальше можно.

Прис. пов. Александровъ. Не говорили ли вамъ о томъ, что Мошу Цоціашвили вечеромъ на 6-е апрѣля встрѣтили на сачхерійской дорогѣ?

Свид. Абашидзе. Мнѣ объ этомъ сообщили гораздо позже, такъ что когда я открылъ слѣды лошади, то до этого никто разговора объ этомъ не начиналъ.

На вопросы суда, свидѣтель показалъ, что мѣсто, гдѣ былъ трупъ, есть косогоръ и заходитъ въ оврагъ къ селенію Добраидзе. Рѣчки тамъ нѣтъ никакой, потоки могутъ быть, но гораздо ниже, за стѣной, у которой лежалъ трупъ. Заинтересовавшись слѣдами лошади, Абашидзе спрашивалъ, не былъ ли кто тутъ верхомъ и помнитъ, что ему сказали, что, кажется, Микадзе—учитель былъ на мѣстѣ трупа, но ходилъ туда пѣшкомъ, такъ какъ не могъ достать лошади. Къ празднику Пасхи всѣ евреи стремятся пріѣхать домой; дорога, по которой въ селеніи Сачхеры ѣхали подсудимые, открыта болѣе чѣмъ двѣ другія, по которымъ можно проѣхать незамѣченнымъ.

Прис. пов. Куперникъ. Вы сказали, что сдѣлали распоряженіе о производствѣ дознанія и о томъ, чтобы наблюсти, нѣтъ ли сборищъ между евреями? Свид. Абашидзе. Да. В. Ну, что же оказалось? О. Ничего не оказалось. Евреи были въ своихъ домахъ и никакого сборища не было.

Прис. пов. Кикодзе. Вы всѣ свѣдѣнія собирали непосредственно сами, или же былъ кто нибудь иной, который приходилъ къ вамъ и разсказывалъ?

Прок. Я считаю вопросъ этотъ неумѣстнымъ, потому что полиція при производствѣ негласнаго дознанія не стѣсняется ничѣмъ и это дознаніе должно быть тайною.

Свид. Абашидзе. Я руководствовался слухами и новѣрялъ ихъ. Особыхъ же лицъ у насъ не было, такъ какъ наша полиція не обладаетъ на столько средствами, чтобы имѣть агентовъ.

Свид. Мелко Тинтилозовъ объяснилъ, что когда онъ со старшиною были и спрашивали подсудимыхъ, то они сказали, что пріѣхали въ Сачхеры по перевиской дорогѣ.

Предс. Въ которомъ часу ходили въ еврейскій кварталъ со старшиною? Свид. Тинтелозовъ. Не могу опредѣлить, потому что не знаю, что такое часы. В. Это было наканунѣ ихъ Пасхи? О. Когда это было—не знаю, но было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ среду вечеромъ. В. Въ первый день былъ дождь или нѣтъ? О. Въ среду былъ сильный дождь, а во вторникъ слабѣе гораздо, только моросило.

Свид. Баанъ Якобидзе. Къ намъ заѣзжалъ еврей во дворъ и кричитъ: покажите мнѣ князя!

Предс. Къкому это „къ намъ"? Свид. Якобидзе. Во дворъ князя Сико-Церетели. Онъ тогда просилъ показать князя, что онъ имѣетъ къ нему слово. Князя не было дома и еврей тутъ же сказалъ. „Наша вѣра замучила вашу вѣру". Потомъ пришли евреи и пытались взять его съ собою, но онъ отмахивался отъ нихъ и сказалъ: „дайте мнѣ остаться здѣсь, я долженъ сказать тайну князю Церетели". Толпа евреевъ увеличилась и они поволокли его за собою до рѣчки и потомъ онъ самъ добровольно пошелъ.

Прок. Еврей не говорилъ еще какихъ-нибудь словъ? Свид. Якобидзе. Нѣтъ. В. На дворѣ, кромѣ васъ, былъ кто еще? О. Я стоялъ на балконѣ и кромѣ меня во дворѣ никого не было. В. Еликашвили на балконъ вбѣжалъ? О. Онъ подошелъ къ балкону. В. Княгини выходили? О. Да. В. Еликашвили говорилъ имъ что-нибудь? О. То же самое. В. Не говорилъ ли онъ что-нибудь о христіанскомъ ребенкѣ? О. О христіанскомъ ребенкѣ я не знаю ничего, я слышалъ только эти слова. В. Какъ же его взяли евреи со двора? О. Взяли и поволокли. В. Приподняли съ земли. О. Просто взяли. В. Можетъ быть Еликашвили былъ пьянъ? О. Этого не знаю. В. Когда онъ вошелъ твердо стоялъ на ногахъ? О. Когда я вышелъ на его крикъ, онъ уже сидѣлъ тогда на землѣ. В. Что же онъ дѣлалъ: держался руками за лицо, плакалъ, кричалъ? О. Онъ говорилъ и больше ничего. В. Взволнованнымъ голосомъ. О. Онъ говорилъ это возвышеннымъ голосомъ.

Прис. пов. Александровъ. Когда Еликашвили кричалъ, то въ то время уже было извѣстно о похищеніи ребенка христіанскаго? Свид. Якобидзе. Мнѣ не было извѣстно. В. Произносилъ онъ ругательныя и неприличныя слова? О. Нѣтъ. В. Много сошлось свидѣтелей на это происшествіе? О. Евреевъ было много. В. Такъ-ли я понялъ: Еликашвили вошелъ во дворъ, сѣлъ и сталъ кричать, не видя никого и на этотъ крикъ сбѣжались люди? О. Такъ. В. Пришедшіе евреи не объясняли, почему они его тащутъ? О. Нѣтъ. Онъ отбивался отъ нихъ и кричалъ: „ваша религія свиная, отстаньте отъ меня".

Предс. Эти слова были обращены къ евреямъ? Свид. Яко-

бидзе. Да. В. Не говорилъ-ли Еликашвили прямо: „наши вашего христіанина замучили"?

Переводчикъ. Слова, которыя сказалъ свидѣтель, по буквальному переводу значатъ: „наша вѣра замучила вашу вѣру", а затѣмъ тѣ же самыя слова въ переносномъ переводѣ означаютъ: „наши единовѣрцы замучили вашего единовѣрца". Такъ говорятъ, обращаясь къ личностямъ съ тѣми же словами.

Свид. Датія Оміадзе. Еврей вошелъ во дворъ и сказалъ, что ему нужно видѣться съ Церетели, что онъ долженъ сообщить ему свою сердечную тайну, что „наша вѣра замучила христіанина". Мы старались удалить его, но онъ домогался видѣться съ Церетели и что до тѣхъ поръ не уйдетъ. Собрались евреи, схватили его, но онъ ругалъ одного „свиньею", другого „свиноѣдомъ" и отбивался отъ нихъ. Потомъ его окружили, подняли, вывели со двора, поставили около ручья и потомъ отпустили.

Прис. пов. Александровъ. Почему вы старались удалить Еликашвили со двора? Свид. Оміадзе. Мы просто хотѣли его выгнать. В. Почему-же? Вѣдь онъ пришелъ по серьезному дѣлу, открыть сердечную тайну? О. Барина нашего не было дома и мы сказали еврею, что когда онъ придетъ, такъ пусть тогда и приходитъ говорить, что угодно. В. Что-же онъ, дѣлалъ безпорядки? О. Безпорядковъ никакихъ не дѣлалъ. В. Зачѣмъ-же удалить его хотѣли? О. Просто хотѣли удалить, потому что мы не полицейская власть, чтобы его задерживать. Барина не было дома, гдѣ же его было держать. В. Но почему вамъ его бы не остановить, поговорить? О. Да тутъ собрались евреи, схватили его и не дали ему оставаться.

Прис. пов. Куперникъ. Еликашвили садился на землю? Свид. Оміадзе. Онъ стоялъ, но когда пришли евреи и окружили его, онъ упалъ на землю.

Предс. Былъ онъ пьянъ? Свид. Оміадзе. Онъ не шатался, говорилъ крѣпко и водкой отъ него не пахло.

Членъ суда. Въ тотъ день пьянствовали евреи или нѣтъ? Свид. Оміадзе. Не знаю.

Свид. Шакрисахара Георгіева. Во дворъ вошелъ еврей и сказалъ: покажите мнѣ Сико Церетели, — три раза это повторилъ и заявилъ, что имѣетъ передать ему сердечную тайну, что „наша вѣра замучила вашу вѣру". Потомъ его окружили евреи и старались вывести его оттуда, но онъ отбивался отъ нихъ, говоря: „оставьте меня, чтобы ваша вѣра была собачья, свинская"—потомъ его увели.

Прок. А не говорилъ-ли Еликашвили: „а плачетъ-ли бѣдная мать, что потеряла своего ребенка?" Свид. Георгіева. Я сама не слыхала, но онъ говорилъ. В. Кому говорилъ? О. Да вообще. В. И вы слышали? О. Можетъ быть и я слышала, но я тогда была слаба.

Прис. пов. Александровъ. Произносилъ онъ неприличныя ругательныя слова? Свид. Георгіева. Свою вѣру онъ ругалъ.

Предс. Не замѣтили-ли, чтобы еврей былъ нѣсколько выпивши, или не былъ-ли онъ взволнованъ? Свид. Георгіева. Мы ничего не замѣчали.

Членъ суда. Когда вбѣжали евреи, не былъ-ли кто-нибудь изъ нихъ пьянъ? Свид. Георгіева. Не замѣчала, не былъ. В. Не было-ли драки между евреями? О. Ничего я не слыхала. В. А слухъ о похищеніи христіанской дѣвочки былъ тогда? О. Не помню.

Свид. Бичія Душіашвили. Въ среду вечеромъ я и полицейскій приставъ были въ гостяхъ у Симеона Ходусаева и приставъ тутъ заявилъ, что получилъ донесеніе о пропажѣ дѣвочки и приказалъ произвести дознаніе. Потомъ сказалъ, чтобы постараться узнать, по какой дорогѣ возвратились евреи. Я взялъ съ собою своего писаря, зашелъ къ Цвеніашвили и спрашивалъ всѣхъ троихъ, по какой дорогѣ пріѣхали и они сказали, что по перевиской дорогѣ. Потомъ зашелъ къ Исхаку Хундіашвили, который отвѣтилъ то-же, потомъ зашелъ къ другому двору Хундіашвили и тамъ то-же сказали. Шелъ я мимо синагоги: смотрю—стоятъ евреи; я спросилъ, чего они стоятъ, и мнѣ сказали, что они были у пристава, и теперь такъ себѣ разговариваютъ. На утро приставъ приказалъ доставить къ нему всѣхъ евреевъ, которыхъ я и привелъ.

Прис. пов. Александровъ. Вы сельскій старшина? Свид. Душіашвили. Да. В. Не приходилось-ли вамъ въ четвергъ на вербной недѣлѣ принимать мѣры относительно Еликашвили. О. Въ тотъ день вечеромъ евреи подняли ужасный шумъ и драку. Четверо изъ нихъ вбѣжали ко мнѣ и сказали, что страшная драка происходитъ между евреями: убиваютъ другъ друга. Я пришелъ и видѣлъ, что Еликашвили заперли въ комнату, гдѣ онъ бился, вырывался оттуда и, держа въ рукѣ деревянный подносъ, кричалъ: „пустите меня, я перебью всѣхъ этихъ евреевъ", даже и меня сталъ ругать. Со мною было три человѣка; мы его повалили и стали вязать, онъ былъ совсѣмъ измаранъ въ грязи, вырвался отъ насъ и соскочилъ съ балкона. Это было у Іосифа Каникашвили. В. Слѣдовательно, онъ былъ очень пьянъ? О. Да. В. А часто случается, что онъ бываетъ такъ пьянъ? О. Это былъ второй случай. Первый разъ онъ напился водкой и тогда его привели ко мнѣ въ домъ. В. Послѣ этого Еликашвили побѣжалъ во дворъ Церетели? О. Когда онъ соскочилъ съ балкона, то я оставилъ его на произволъ судьбы и онъ оттуда побѣжалъ.

Предс. Не видали-ли кого-нибудь изъ евреевъ, которые въѣзжали 4-го апрѣля въ Сачхери? Свид. Душіашвили. Я тогда стоялъ возлѣ суда и видѣлъ Исхака Хундіашвили; они проѣхали

лишь и поздоровались. В. Сколько всего проѣхало? О. Четверо или трое — вѣроятно трое. Были еще Шамуель и сынъ его. В. Что они везли съ собою? О. Гусей въ сумкѣ. В. Не слыхали-ли крика какого-нибудь? О. Ничего. В. Въ чемъ они были одѣты? О. Въ буркахъ и чохахъ. В. Какая погода тогда была? О. Дождя не шло, но было грязно. В. Ѣхали шагомъ или скакали? О. Шагомъ. В. Въ какое время дня это было? О. Еще солнце стояло. В. Другихъ евреевъ не видѣли? О. Нѣтъ.

Членъ суда. Когда происходила исторія съ Еликашвили, ходилъ тогда слухъ о похищеніи дѣвочки? Свид. Душіашвили. Наканунѣ слухъ былъ. В. Это вамъ, какъ старшинѣ извѣстно, но по городу ходили-ли слухи? О. Это было въ четвергъ, а въ среду всѣмъ было извѣстно, что ребенокъ пропалъ.

Прис. пов. Александровъ. Такъ какъ обстоятельство о Еликашвили, которое мы хотѣли разъяснить, вполнѣ разъяснено показаніемъ этого свидѣтеля, то въ спросѣ остальныхъ свидѣтелей защиты по поводу того же самаго намъ нужды нѣтъ.

Прок. Какого вѣроисповѣданія свидѣтель? Свид. Душіашвили. Еврейскаго.

Вечернее засѣданіе 9-го марта.

Свид. Іосифъ Якобишвили показалъ слѣдующее: „Я былъ въ Сачхерахъ по своему дѣлу и, проходя мимо синагоги, увидѣлъ толпу евреевъ, передъ которою и остановился, прислушиваясь къ ихъ разговору. Какъ разъ въ это время къ толпѣ подошелъ мальчишка и сказалъ: „что вы съ этимъ ребенкомъ сдѣлали—взяли что-ли его“, и послѣ этихъ словъ одинъ изъ евреевъ далъ ему по шеѣ такъ, что мальчикъ свалился; потомъ подошелъ другой еврей и сказалъ: „чего вы бьете этого мальчишку?“— еврей же, который билъ, отвѣтилъ этому: „ты *хамуръ*; стоитъ нашему старшинѣ написать письмо, такъ онъ вмигъ появится сюда“. Что такое значитъ слово *хамуръ* — я и теперь не знаю, но оно было произнесено евреемъ. О происшествіи съ дѣвочкой тогда я ничего не зналъ. Я пошелъ дальше и видѣлъ, какъ еврей Нато подходитъ къ одному дому и вызывалъ оттуда, говоря: „вѣдь у насъ сборище, чего вы не выходите“, и вслѣдъ за этимъ выскочила изъ дома старуха и сказала: „я не пущу своего сына, вѣдь онъ не присутствовалъ при томъ, какъ вы мучили ребенка; если вы запутаете его въ это дѣло, то кто-же будетъ кормить семейство“. Тотъ, который подходилъ, раскричался на старуху и она убѣжала въ домъ; я также пошелъ по направленію къ дому.

Прок. Что сказалъ мальчикъ еврею?

Переводчикъ. Свидѣтель отвѣтилъ: „замученное дитя въ ту же ночь взяли, или вчера ночью“. В. Не было-ли. такъ сказано: замученное вами дитя въ ту-же ночь взяли или нѣтъ? О. Замученное дитя вы увезли въ ту-же ночь? В. Передайте буквальный переводъ. О. Замученное дитя въ ту ночь увезли или вчера вечеромъ.

Второй переводчикъ. Эти слова значатъ: замученное дитя взяли?

Первый переводчикъ. Эти грузинскія слова можно перевести и *взяли* и *увезли*, будетъ тоже самое.

Прок. Нато Цоціашвили зачѣмъ подходилъ къ дому? Свид. Якобишвили. Собиралъ евреевъ. В. Чѣмъ онъ занимался? О. Говорили, что онъ разсыльнымъ, но у кого—не знаю. В. Какъ старуха отвѣтила? О. „Что вы хотите, онъ не присутствовалъ при замученіи вами ребенка, что вы хотите—не пущу“. В. Говорили вы объ этомъ кому-нибудь? О. Я сказалъ объ этомъ на ѳоминой недѣлѣ, когда былъ праздникъ, гдѣ шелъ разговоръ объ этомъ происшествіи—Дмитрій Абашидзе говорилъ, что евреи замучили ребенка и я тогда-же смекнулъ, о чемъ слышалъ, и сталъ говорить всѣмъ. В. Когда ударили мальчика, то слово *хамуръ* относилось къ мальчику или къ кому другому? О. Оно относилось къ тому еврею, который побилъ мальчика.

Пр. пов. Александровъ. Вы были раньше дьячкомъ? Свид. Якобишвили. Да. В. А теперь при какихъ занятіяхъ состоите? О. Я теперь занимаюсь хозяйствомъ. В. Почему сложили съ себя этотъ санъ? О. По бѣдности, такъ что я болѣе выгоднымъ для себя нашелъ заниматься хозяйствомъ. В. Такъ что вы добровольно сложили съ себя санъ, или васъ попросили? О. Добровольно. В. Непріятностей не было никакихъ? О. Нѣтъ, никакихъ. В. Вы часто бываете въ Сачхерахъ? О. Нѣтъ, не часто. В. По какому дѣлу вы были въ тотъ разъ? О. Я имѣлъ для продажи кукурузу и искалъ въ Сачхерахъ покупателей. В. И ходили безъ дѣла по мѣстечку? О. Другого дѣла у меня не было. В. Гдѣ была кукуруза? О. Дома, въ селеніи. В. Въ Сачхерахъ вы заходили къ кому-нибудь, когда слышали это слово? О Рачинцы, жители села этого названія, проѣзжаютъ черезъ Сачхеры. Я думалъ ихъ встрѣтить и предложить купить у меня кукурузу. В. Откуда вы шли тогда? О. Съ базара домой. В. Кого вы тамъ встрѣтили? О. Былъ какой-то прохожій. В. Отъ него и узнали, что нѣтъ никого изъ покупателей? О. Отъ него. Оказалось, что и онъ пріѣзжалъ въ Сачхеры съ цѣлью продать кукурузу. В. Много-ли было въ кучкѣ евреевъ? О. Человѣкъ десять. В. Почему вы остановились? Развѣ вы не видѣли что-ли никогда десяти евреевъ? О. Я такъ себѣ остановился. В. И долго стояли? О. Съ минуту. В. И все, о чемъ вы говорили, случилось въ продолженіи этой минуты? О. Да. В. Въ тотъ-же день узнали о пропажѣ дѣвочки? О. До ѳоминой недѣли я ничего не зналъ, а это было на вербной недѣлѣ. В. Почему этотъ разговоръ сохранился у васъ въ памяти? О. Они произнесли 2—3 слова, такъ не трудно запомнить. Я тогда никакого понятія не составилъ себѣ объ

этомъ, я подумалъ, что у нихъ есть больной какой-нибудь. В. Вы знали кого изъ евреевъ въ Сачхери? О. Зналъ немногихъ. В. Знали, напримѣръ, Нато Цоціашвили? О. Я видѣлъ его тогда и мнѣ сказали, что это Нато Цоціашвили. Когда меня спрашивалъ слѣдователь, то я разсказалъ примѣты этого человѣка и по нимъ нашли Нато Цоціашвили, показали его и я его призналъ. В. А какъ звали еврея, который билъ мальчика? О Илья Хундіашвили, котораго я знаю—онъ ѣздитъ по деревнямъ.

Прис. пов. Куперникъ. Вы по-еврейски знаете? Свид. Якобишвили. Нѣтъ, но евреи говорятъ по-грузински. В. И вы до сихъ поръ не знаете, что значитъ слово *хамура*? О. Нѣтъ. В. Отчего-же въ вашемъ показаніи есть переводъ этого слова, которое значитъ *оселъ*? О. Я не переводилъ. В. Вы, слѣдовательно, показали, что еврей, ударившій мальчика, сказалъ ему: „ахъ ты хамура“ — а теперь какъ говорите? О. За мальчика заступился другой еврей, и тотъ, который билъ, назвалъ этого „хамуромъ“.

Прис. пов. Кикодзе. Вы сказали, что слыхали, какъ мальчикъ спрашивалъ: когда увезли замученнаго ребенка, а потомъ говорите, что подумали, что у евреевъ есть больной мальчикъ или дѣвочка? Свид. Якобишвили. Случается, что ребенокъ отъ долгой болѣзни страдаетъ года три и мучится, поэтому я и полагалъ, что говорятъ о больномъ ребенкѣ.

Прис. пов. Куперникъ. Я встрѣчаю въ показаніи этого свидѣтеля противорѣчіе съ тѣмъ, которое онъ далъ слѣдователю, но, не желая затягивать слѣдствіе, я прошу судъ только удостовѣрить, что въ первомъ показаніи Якобишвили относительно словъ „ахъ ты хамура“ говорилъ, что они относились къ мальчику, а не къ еврею. Затѣмъ я утверждаю, что на еврейскомъ языкѣ слово *хамуръ* нѣтъ, а есть слово *хаморъ*; кромѣ того, обращаю вниманіе суда на то, что, по словамъ свидѣтеля, онъ по-еврейски не знаетъ, между тѣмъ въ его показаніи въ скобкахъ поставлено: *оселъ*.

Прок. Что касается слова „оселъ“, поставленнаго въ скобкахъ, то это есть только русскій переводъ.

Предс. Слово свидѣтеля записано *хаморъ*, а относительно слова „оселъ“ въ скобкахъ, то это записано слѣдователемъ, вѣроятно.

Прис. пов. Куперникъ. Я прошу обратить вниманіе суда на то, что для перевода древне-еврейскаго слова не былъ приглашенъ переводчикъ.

Свид. Дмитрій Абашидзе въ сущности повторилъ разсказъ предъидущаго свидѣтеля, относительно схода и словъ старухи, не пускавшей сына — все это онъ слышалъ отъ прежняго свидѣтеля Якобишвили.

Прис. пов. Александровъ. Когда это было? Свид. Абашидзе. 22-го апрѣля. Я тогда спрашивалъ Якобишвили, почему онъ не заявилъ объ этомъ никому, и онъ отвѣтилъ, что не зналъ, что евреи похитили дѣвочку.

Свид. Нато Цоціашвили объяснилъ, что онъ состоитъ разсыльнымъ при старшинѣ, по приказанію котораго ему случается собирать сходъ. Въ день пасхи прошлаго года схода не собирали и вообще въ большіе праздники, какъ еврейская пасха, сходовъ не собираютъ.

Прис. пов. Александровъ. Не произносила-ли вамъ женщина, когда собирали на сходъ и звали ея сына, что она не пуститъ его, такъ-какъ онъ не участвовалъ въ умерщвленіи Сарры Модебадзе? Свид. Абашидзе. Вовсе никогда.

Свид. Бичія Душіашвили заявилъ, что Нато Цоціашвили состоялъ при немъ разсыльнымъ и что во время еврейской пасхи схода собирать не случалось. В. Въ большіе еврейскіе праздники вы не собираете схода — онъ и не представляется крайне нужнымъ? О. Если будетъ предписаніе высшаго начальства, тогда дѣло другое. В. Въ прошломъ году, въ день еврейскаго праздника схода не собирали? О. Нѣтъ.

Гражданскій истецъ объяснилъ, что евреи не стали-бы заявлять о своемъ сходѣ этому старшинѣ, такъ-какъ у нихъ свой разсыльный есть.

Передопрошенный свид. Іосифъ Якобишвили пояснилъ, что не знаетъ, по чьему порученію Нато собиралъ евреевъ: по порученію-ли старшины, или по порученію евреевъ.

Прис. пов. Александровъ. Почему вы знаете, что онъ собиралъ на сходъ? Свид. Якобишвили. А вотъ видите: онъ сказалъ: „Что-же ты, видишь, что вонъ сколько уже собралось, а ты не идешь“, и когда сталъ приставать и звать „выходи“, то тутъ вышла женщина и сказала, что не пуститъ.

Членъ суда. Вы видѣли его около одного дома? Свид. Якобишвили. Да.

Прис. пов. Куперникъ. Что-же, онъ называлъ по имени, кого вызывалъ? Свид. Якобишвили. Онъ сказалъ: „Отчего не выходишь“

Предс. Вы на предварительномъ слѣдствіи показали: „Хундіашвили ударилъ мальчика такъ, что тотъ упалъ,—назвавъ его „хамора“ а здѣсь говорите, что эти слова относились не къ мальчику? Свид. Якобишвили. Я и тогда говорилъ такъ, какъ здѣсь говорю—они не поняли.

Свид. Григорій Церетели показалъ, что онъ вмѣстѣ съ Иваномъ Церетели, возвращаясь въ четвергъ изъ дома Абдушелишвили, встрѣтилъ двухъ всадниковъ, въ одномъ изъ которыхъ призналъ Мошу Цоціашвили, сказалъ ему: „Здравствуй Моша“, тотъ ничего не отвѣтилъ.

Прок. Эти всадники ѣхали на лошадяхъ? Свид. Г. Це-

ретели. Да. В. Имѣли сумки съ собою или нѣтъ? О. У Моши не было, а у другого была сумка. В. Какая сумка? О. Больше тѣхъ, которыя лежатъ на столѣ здѣсь. В. Далеко-ли вы встрѣтили всадниковъ? О. Когда мы встрѣтились съ ними, то съ этого мѣста можно доѣхать до Сачхеръ еще до восхода солнца. В. Во сколькихъ верстахъ это было? О. Примѣрно шесть верстъ.

Прис. пов. Александровъ. Эти люди ѣхали въ Сачхеры? Свид. Г. Церетели Да. В. А вы откуда? О. Изъ Буспневи мы ѣхали домой въ Перевиси. В. Вы узнали Мошу Цоціашвили? О. Я такъ замѣчалъ, что это онъ былъ. В. Было уже свѣтло? О. Свѣтло было, такъ что можно было различить человѣка. В. Вы разсказывали объ этомъ происшествіи когда и кому? О. Я никому не разсказывалъ. В. Какимъ-же образомъ это сдѣлалось извѣстнымъ? О. Я не хорошо понимаю русскій языкъ и отвѣчу по-грузински.

Переводчикъ передаетъ вопросъ, на который свид. Церетели далъ по-грузински слѣдующій отвѣтъ: „Полицейскій приставъ вызывалъ насъ и тогда Спиридонъ Церетели сказалъ, что ему передавалъ объ этомъ обстоятельствѣ Иванъ Церетели.

Предс. Когда васъ вызывалъ приставъ? Свид. Церетели. Не знаю. В. А слѣдователь котораго числа спрашивалъ? О. Не помню.

Прис. пов. Александровъ. 11 го іюня. — Я прошу обратить вниманіе суда (къ свидѣтелю). Вы остаетесь при томъ мнѣніи, что не увѣрены, что это былъ Моша Цоціашвили? Свид. Г. Церетели. Я думаю, что это онъ былъ. В. Эти всадники должны были пріѣхать въ Сачхеры, когда будетъ уже совершенно свѣтло? О. Такъ должно быть.

Прис. пов. Куперникъ. Лошади у всадниковъ устали или нѣтъ? Свид. Г. Церетели. Не было замѣтно. Когда поздоровался съ ними мой товарищъ, тогда евреи шибко поѣхали, а до того какъ ѣхали—не знаю.

Прис. пов. Кикодзе. Гдѣ вы спали въ ту ночь: въ домѣ или на балконѣ? Свид. Г. Церетели. Хорошо не помню. В. Ночь была свѣтлая или темная? О. Если-бы я зналъ о томъ, что случилось, то я не сталъ-бы и путаться говорить. В. Что-же съ вами случилось? О. Да ничего не случилось, а такъ.

Прис. пов. Александровъ. Почему Моша не отвѣтилъ: потому-ли, что вы ошиблись въ немъ, или потому, что желалъ, чтобы его не замѣтили. Свид. Г. Церетели. Когда онъ не отвѣтилъ товарищу, то я спросилъ этого, отчего Моша не отвѣчаетъ и товарищъ сказалъ, что не знаетъ, о чемъ Моша думалъ. Такъ ни на чемъ и не порѣшили.

Предс. Въ чемъ были всадники? Свид. Г. Церетели. Въ буркахъ. В. Башлыки были на нихъ? О. Не замѣтилъ. В. Гдѣ

лежалъ перекидной мѣшокъ? О. Вѣроятно, былъ привязанъ къ сѣдлу. В. Его изъ-подъ бурки было видно? О. Да.

Членъ суда. Чѣмъ можно объяснить, что вы одного Мошу знаете изъ сачхерскихъ евреевъ? Свид. Г. Церетели. Потому что часто бывалъ у насъ въ деревнѣ. В. А другіе евреи у васъ не бываютъ? О. Такъ-какъ онъ чаще другихъ бывалъ, то мы его лучше знали. В. Больше никого на знаете? О. Знаю двоихъ или троихъ. В. Не можете назвать ихъ? О. Ело и другой, но фамиліи не знаю. В. Вы больше не встрѣчались съ Мошею до сего дня? О. Въ то время я не встрѣчалъ его.

Въ виду неточности въ показаніи свидѣтеля съ данными имъ у слѣдователя, судъ постановилъ прочесть послѣднія. Первое заключается въ слѣдующемъ: „Въ среду на вербной недѣлѣ, вечеромъ, я съ дядею моимъ Иваномъ Церетели отправились въ село Бяшневы въ домъ Константина Абдушелишвили, у котораго дядя Иванъ хотѣлъ купить домъ, находящійся въ сел. Перевиси. Мы переговорили, но въ цѣнѣ не сошлись и, поужинавши, легли на балконѣ спать, чтобы пораньше уйти домой. Ночью мы встали и ушли, такъ что къ разсвѣту пришли домой. Какъ только мы вышли и прошли нѣсколько саженъ то тамъ встрѣтили двухъ евреевъ, ѣхавшихъ по направленію къ Сачхерамъ. Они были на гнѣдыхъ лошадяхъ, въ буркахъ и въ папахахъ. На шеяхъ были шали, а лица ихъ были открыты. Какъ только мы ихъ увидѣли, то въ одномъ изъ нихъ я узналъ давно мнѣ извѣстнаго еврея Мошу Цоціашвили. У ѣхавшаго съ нимъ другого еврея была на лошади пустая переметная сумка, но впрочемъ точно не могу хорошо припомнить, у кого именно изъ нихъ была переметная сумка Дядя Иванъ, какъ только увидѣлъ ихъ, то крикнулъ: откуда ѣдешь, Моша? Евреи на это ничего не отвѣтили и поѣхали далѣе скорѣе. Ѣхали они скорымъ шагомъ, а когда услыхали вопросъ, то поѣхали еще скорѣе. Я и Иванъ шли имъ навстрѣчу, а какъ только они насъ замѣтили, то своротили немного въ сторону и когда поровнялись съ нами, то были отъ насъ въ десяти шагахъ. Встрѣтили мы ихъ на ровномъ мѣстѣ и въ то время, когда они поровнялись съ нами, то Иванъ спросилъ его. Когда они ничего не отвѣтили, то Иванъ мнѣ сказалъ, что одинъ изъ нихъ Моша Цоціашвили. На что я ему отвѣтилъ, что одинъ изъ нихъ похожъ на Мошу Цоціашвили и что я тоже въ одномъ изъ нихъ узналъ Мошу Цоціашвили, но утверждать этого не могу. На это Иванъ мнѣ отвѣтилъ, что дѣйствительно одинъ изъ нихъ есть Моша Цоціашвили и что онъ его узналъ. Послѣ этого въ концѣ мая мѣсяца мнѣ пришлось быть въ Сачхерахъ. Возлѣ сельскаго управленія меня встрѣтилъ Моша Цоціашвили и, подошедши ко мнѣ, не знаю, по какому случаю, спросилъ меня, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Сачхеры, что слышно по дѣлу Сарры Модебадзе и не вызванъ ли я свидѣтелемъ по этому дѣлу. На мой отвѣтъ, что я не вызванъ свидѣтелемъ, Моша мнѣ

сказалъ, что если я буду вызванъ свидѣтелемъ по этому дѣлу, то чтобы показалъ правду и чтобы я не сталъ причиною ихъ несчастія. Онъ сказалъ вообще, не зная буду ли я свидѣтелемъ по этому дѣлу. Кромѣ показаннаго мною, онъ мнѣ ничего не говорилъ. За симъ 9-го іюня я былъ въ Сачхерахъ и Моша Цоціашвили, встрѣтивши меня, пригласилъ къ себѣ. Я зашелъ къ нему. Въ это время, какъ видно, онъ уже зналъ, что я буду свидѣтелемъ по этому дѣлу. Онъ началъ меня упрашивать и нѣсколько разъ повторилъ просьбу, чтобы, когда я буду допрошенъ по этому дѣлу, я имени его не упоминалъ и чтобы я не показывалъ, что я встрѣтилъ его въ какое-либо время и гдѣ-либо, и чтобы я не упоминалъ его имени, такъ-какъ я съ нимъ нигдѣ не встрѣчался. Болѣе онъ мнѣ ничего не говорилъ, а я, сказавши ему, что покажу по дѣлу, что знаю, ушелъ. Болѣе я ничего по этому дѣлу не знаю".

Второе показаніе слѣдующаго содержанія:

„Въ какомъ положеніи найденъ трупъ Сарры Модебадзе—мнѣ ничего неизвѣстно; племянникъ мой, учитель, сельской школы Филимонъ Микадзе ничего не говорилъ мнѣ о томъ, чтобы онъ видѣлъ трупъ Сарры Модебадзе, окруженный значительнымъ количествомъ свѣжаго наноснаго песку и земли. Равно и отъ другихъ подобнаго не слыхалъ и поэтому ничего подобнаго не могъ сказать никому и врачу Берно я ничего подобнаго не говорилъ, по настоящему дѣлу мнѣ ничего неизвѣстно".

Предс. Вы здѣсь говорите, что не встрѣчались съ Мошею Цоціашвили, а на предварительномъ слѣдствіи показали, что встрѣтились съ Мошею, который просилъ васъ говорить правду и не быть причиной ихъ несчастія—говорилъ вамъ это Моша?—Свид. Г. Церетели. Я былъ въ мировомъ съѣздѣ и стоялъ на балконѣ. Я тогда былъ въ качествѣ свидѣтеля приглашенъ по этому дѣлу. Ко мнѣ подошелъ сынъ Моши Цоціашвили и сказалъ, что имѣетъ до меня дѣло, но въ это время къ намъ подошелъ полицейскій приставъ Абашидзе и сказалъ: „какое ты имѣешь дѣло съ нимъ, кто ты такой?" Тотъ отвѣтилъ, что Никозашвили; приставъ не повѣрилъ и позвалъ старшаго. Потомъ я встрѣтился съ Мошею въ Сачхерахъ, но онъ мнѣ ничего не предлагалъ и не просилъ.—В. Какъ же вы на предварительномъ слѣдствіи показали два раза, что Моша просилъ васъ не свидѣтельствовать противъ нихъ? О. Что я знаю и помню, то такъ и показываю теперь. В. Вы грамотный? О. Да. В. Сами подписали показаніе? О. Самъ. В. Читали вамъ это показаніе? О. Когда слѣдователь пріѣзжалъ второй разъ, тогда я подписалъ показаніе.

Прис. пов. Александровъ. По поводу прочитаннаго показанія въ той части, которой не подтверждаетъ всецѣло свидѣтель — говорится: „Меня моша Цоціашвили просилъ показать правду", потомъ: „просилъ, чтобы не показывалъ, что я его встрѣтилъ въ какое-либо время, такъ какъ я съ нимъ нигдѣ не встрѣчался„.

Свид. Иванъ Церетели. Я былъ въ апрѣлѣ, въ среду, въ домѣ Абдушенашвили и рано до разсвѣта пошелъ домой. Выйдя на поляну, я замѣтилъ двухъ всадниковъ, и когда они приблизились, то я узналъ Мошу Цоціашвили. Они поѣхали дальше, а я домой пошелъ.

Прок. Кто съ вами былъ еще? Свид. И. Церетели. Григорій Церетели. В. Въ какомъ разстояніи вы встрѣтились съ всадниками? О. На десяти саженяхъ. В. Были у нихъ переметныя сумки? О. Была у одного, но не знаю большая или нѣтъ.

Прис. пов. Александровъ. На вашъ окликъ Моша не отвѣчалъ? Свид. И. Церетели. Нѣтъ. В. Что вы подумали: почему онъ не хотѣлъ отвѣчать. О. Помоему это навѣрное онъ былъ, но онъ не отвѣчалъ и я ничего не могъ подумать.

Прис. пов. Куперникъ. Откуда вы ѣхали? Свид. И. Церетели. Изъ Бжинева въ свой домъ въ Перевиси. В. Какъ рано это было? О. Такъ рано, что когда я подъѣхалъ къ деревнѣ, то тогда только просвѣтлѣлось немного. В. Вы говорили кому нибудь объ этой встрѣчѣ? О. Говорилъ. В. Кому? О. Своему двоюродному брату Спиридону. В. Когда? О. Въ тотъ день, когда пришелъ домой. В. А когда васъ спрашивалъ слѣдователь? О. Черезъ три дня или недѣлю—хорошо не помню.—В. Эти всадники ѣхали вамъ на встрѣчу? О. на встрѣчу ѣхали. В. У кого была перекидная сумка—у Моши? О. Нѣтъ, у другого.

Прис. пов. Кикодзе. Они были въ буркахъ? Свид. И. Церетели. Да онѣ (бурки) прикрывали заднюю часть лошади.

Предс. Какая тогда была погода? Свид. И. Церетели. Хорошая.

Свид. Викторъ Юркевичъ. Въ одинъ какъ то вечеръ я шелъ черезъ базаръ въ Сачхерахъ и увидѣлъ двухъ евреевъ, говорящихъ между собою. Въ одномъ я узналъ Мошу Цоціашвили. Другой еврей, обратясь къ Мошѣ, спросилъ: „какъ идетъ наше дѣло?" и Моша отвѣтилъ „я спрашивалъ и мнѣ сказали, что если наши не примутся за дѣло серьезно, то наша вина будетъ открыта". Другой разъ переводчикъ перевелъ такъ: „если за дѣло примутся серьезно, то навѣрное докажется наша вина". Какъ только евреи меня замѣтили, то прекратили этотъ разговоръ и заговорили о другомъ.

Прис. пов. Куперникъ. Какъ сказалъ свидѣтель погрузински?

Переводчикъ. Онъ сказалъ:„ когда я встрѣтилъ евреевъ, то незнакомый человѣкъ спрашивалъ Мошу, въ какомъ положеніи наше дѣло? Моша сказалъ: я спрашивалъ Давыда и онъ мнѣ сказалъ, что за это дѣло принимаются очень серьезно и если мы не постараемся, то наша вина докажется.

Прис. пов. Куперникъ. Какаго мѣсяца и числа это было? Свид. Юркевичъ. Этого не помню, но было уже тогда, когда возбудилось дѣло.

Прис. пов. Александровъ. Мнѣ ясно слышалось въ словахъ свидѣтеля: „окажется наша вина". Окажется или докажется сказано—я могъ ошибиться, но на словѣ наша было сдѣлано удареніе. — Свид. Юркевичъ. „То навѣрно докажется наша вина".

Прис. пов. Александровъ. Я обращаю вниманіе суда на то, что удареніе сдѣлано на словѣ наша, обращаю вниманіе потому, что послѣ этого смыслъ фразы совсѣмъ другой противъ того, если бы было сказано: „докажется наша вина".

Предс. Разъясните, въ какомъ смыслѣ вы поняли слова Моши Цоціашвили? Свид Юркевичъ. Я повторяю только слова его, которымъ не придавалъ никакого значенія. В. Не припомните ли вы, въ какомъ смыслѣ было сказано? О. Не помню.

Прис. пов. Киколзе. Гдѣ вы живете?

Юркевичъ. Въ Сачхерахъ. В. Имѣніе есть у васъ тамъ? О. Нѣтъ никакого. В. Чѣмъ вы занимаетесь? О. Ничѣмъ. В. Что же вы дѣлаете? О. У меня есть тамъ семейство и я живу на средства.

Свид. Басила Камушадзе. Приходитъ ко мнѣ Моша Цоціашвили и говоритъ, что съ нимъ случилось одно дѣло, такъ погадай говорить, выиграю я его или нѣтъ. Онъ сказалъ, что спѣшитъ къ Дота Джазберишвили.

Прок. Угадать или погадать? Свид. Комушадзе. Погадать. В. На чемъ? О. По пульсу. В. Вы прежде знахаремъ были? О. Прежде гадалъ, а теперь нѣтъ. В. Что же, къ вамъ часто обращались съ гаданьемъ подобнаго рода? О. Я только два года гадалъ. В. На чемъ еще гадали? О. Больше ни на чемъ. В. Напримѣръ, если у кого украдутъ что, то вы тоже по пульсу гадали? О. Да. В. И удачно ваше гаданіе выходило? О. Я тогда молодой былъ, я ничего не знаю. В. Сколько лѣтъ какъ бросили гадать? О. Десять лѣтъ.

Прис. пов. Александровъ. А теперь вы не можете ли погадать, чѣмъ кончится дѣло? Свид. Камушадзе. Я почему знаю? Свид. Моша Тетроашвили. Я видѣлъ какъ трое Цвеніашвили и одинъ Хундіашвили ѣхали. Одинъ изъ Цвеніашвили везъ въ сумкѣ козла въ одной половинѣ, а въ другой лоби (мѣстная рыба).

Прок. Какъ же вы это разсмотрѣли, что тамъ лоби была? Свид. Тетрошвили. Когда они ѣхали, я поздоровался и на той половинѣ, которая ко мнѣ была, лежала лоби. Я подошелъ и посмотрѣлъ.

Свид. Исхакъ Абрамовъ Тетроашвили. Ѣхали трое Цвеніашвили и одинъ Хундіашвили. У одного изъ Цвеніашвили была перекидная сумка, въ одной сторонѣ былъ козелъ, а въ другой лоби.

Прок. Я нахожу существенное противорѣчіе съ показаніемъ, даннымъ свидѣтелемъ на предварительномъ слѣдствіи.

Показаніе это прочитано. Въ немъ между прочимъ говорится, что „въ одной сторонѣ сумки былъ козелъ, а въ другой деревянная тарелка, архалухъ и горшокъ"

Предс. какъ же вы говорите тамъ одно, а здѣсь другое? Свид. И. А. Тетроашвили. Я присягу принялъ и долженъ показывать правду. В. Но вы такъ показывали на предварительномъ слѣдствіи? О. Я по-русски не знаю, читать и писать—тоже, я неграмотный, какъ хотѣли, такъ и прочитали. В. Что же, дотрогивались до этихъ сумокъ? О. Я подошелъ, поздоровался и посмотрѣлъ въ сумки—тамъ была лоби. В. Сумка была прикрыта чѣмъ-нибудь? О. Нѣтъ, ничѣмъ.

Гражданскій истецъ. Вѣроятно, онъ поздоровался съ человѣкомъ а не съ сумкой?

Предс. Развѣ нельзя было посмотрѣть и лоби, и козла?

Гражданскій истецъ. Онъ говоритъ, что это было въ разныхъ сторонахъ.

Этимъ лицомъ окончился допросъ свидѣтелей и судъ отложилъ засѣданіе до слѣдующаго дня.

Засѣданіе 10 марта.

Прежде, чѣмъ выслушать мнѣніе экспертовъ, судъ постановилъ прочесть слѣдующіе документы:

I 1878 года, 16-го мая, я, завѣдывающій сачхерскимъ мировымъ участкомъ, Ахумовъ, въ селеніи Дорбандзе произвелъ осмотръ мѣстности, гдѣ былъ найденъ трупъ Сарры Модебадзе, и при этомъ оказалось: заборъ, сложенный изъ дикаго камня, безъ цемента, подъ которымъ (заборомъ) найденъ трупъ Сарры Модебадзе, имѣетъ направленіе отъ сѣвера къ югу и принадлежитъ крестьянину селенія Дорбандзе, Нико Іосифову Дорбандзе. Заборъ этотъ отдѣляетъ пахатную землю того-же Нико Дорбандзе отъ лѣса, принадлежащаго крестьянину того-же селенія Надиру Дорбандзе. Пахатная земля находится на южной сторонѣ забора, а лѣсъ на восточной его сторонѣ. Трупъ Сарры Модебадзе найденъ на южной сторонѣ забора, т.-е. на сторонѣ пахатной земли, между мелкимъ орѣшникомъ и двумя небольшими деревьями, расположенными вдоль стѣны забора. Вспаханная земля поката къ забору. Покатость эта продолжается и за заборомъ, и далѣе оканчивается ущельемъ. Ближайшими къ мѣсту нахожденія трупа жилищами приходятся сакли крестьянъ Теймураза и Нико Басилова Дорбандзе. По близости забора нѣтъ дорогъ, и для того, чтобы добраться до него, нужно идти по вспаханнымъ полямъ. Заборъ

отстоитъ довольно далеко отъ проѣзжей дороги. Никакой осѣдлости съ южной стороны забора нѣтъ. Селеніе-же Дорбаидзе располагается за ущельемъ съ южной стороны. Селеніе Перевиси отстоитъ отъ мѣста нахожденія трупа на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, около трехъ верстъ.

II. 1878 года, 7-го іюня, сел. Перевиси и Дорбаидзе. Я, исправляющій должность судебнаго слѣдователя кутаисскаго окружнаго суда, Енкенъ, прибывъ въ сел. Перевиси и пригласивъ въ качествѣ понятыхъ: полицейскаго пристава Владиміра Семеонова Абашидзе, судебнаго пристава Самсона Таріенова Каждая, мѣстныхъ: сельскаго старшину Сисо Симонова Куртанидзе, сельскаго судью Нико Басилова Дорбаидзе и дворянъ: Спиридона Семенова и Раждена Маихазова Церетели и Филимона Иванова Микадзе, произвелъ осмотръ мѣста исчезновенія Сарры Модебадзе и мѣста нахожденія трупа ея, причемъ оказалось: селеніе Перевиси, въ которомъ находятся дома Павла Цхададзе и Сарры Модебадзе, находится на возвышенной, волнистой и холмистой мѣстности. Дома жителей не находятся въ опредѣленномъ мѣстѣ, а разбросаны по всему селенію. Селеніе Перевиси отстоитъ отъ мѣстечка Сачхеръ на два съ половиною часа ходьбы или ѣзды умѣреннымъ шагомъ и дорога въ Перевиси проходитъ чрезъ селеніе Корети, за симъ Бжиневи, Итхвиси и Шукрути. До селенія Бжинева до мѣста, гдѣ дома Николоза и Константина Абдушелишвили, около и не болѣе одного часа ходьбы или ѣзды умѣреннымъ шагомъ. Домъ Сарры Модебадзе и сельское управленіе расположены у большой дороги, проходящей чрезъ сел. Перевиси въ м. Сачхери, по холму, имѣющему направленіе съ запада на востокъ. Перпендикулярно къ этому холму идетъ холмъ съ сѣвера на югъ около одной версты длины, съ площадью, на которой находятся домъ Мераба Церетели и на южномъ концѣ домъ и усадьба Павла Цхададзе. Верхняя площадь этого холма ровная, открытая, поросшая низкою травою, имѣетъ ширины, смотря по мѣстамъ, отъ трехъсотъ до пятисотъ шаговъ; уклоны этого холма на востокъ и западъ; отъ южной половины этого холма и перпендикулярно къ нему идутъ три небольшихъ отрога къ западу, оканчивающіеся у ручья Богирисъ-Геле и дороги Садзаглисъ-Хеви. Холмъ этотъ въ сѣверной его половинѣ сливается съ другими холмами, ему параллельными, также открытыми и запаханными на протяженіи около двухъ верстъ до сел. Дорбаидзе. Уклоны холмовъ въ этихъ частяхъ незначительны. Юго-восточная часть этого холма, а равно и южныя части холмовъ, параллельныхъ ему, а также и послѣдняго параллельнаго ему холма предъ селеніемъ Дорбаидзе, на которомъ найденъ трупъ Сарры Модебадзе, оканчиваются въ одномъ ущельѣ крутыми, покрытыми лѣсомъ, уклонами. По этому ущелью протекаетъ изъ селенія Дорбаидзе ручеекъ. Холмъ, на которомъ селеніе Дорбаидзе, идетъ далѣе на югъ, составляя восточную сторону ущелья параллельно съ ручьемъ. Тутъ-же въ ущельѣ небольшая канава. Отъ дома Іосифа Модебадзе до дома Павла Цхададзе проходятъ двѣ дороги около версты длины: одна верхняя возлѣ и мимо дома Мераба Церетели, по плоскости холма, по той и другой сторонѣ дома, и другая, параллельная ей нижняя у его подошвы вдоль ручья Багирисъ-Геле. Нижняя дорога проходитъ по садзаглихевской дорогѣ и составляетъ часть ея. Обѣ эти дороги пересѣкаютъ садзаглихевскую дорогу въ верхней ея части противъ дома Мераба Церетели, у сачхерской дороги. Нижняя дорога съ мѣста соединенія съ садзаглихевскою, отстоящаго на сто восемьдесятъ шесть саженъ отъ сачхерской дороги, идетъ по склону холма къ югу на протяженіи сорока двухъ саженъ до родника, изъ котораго ближайшіе берутъ воду. Далѣе дорога направляется на югъ на протяженіи ста сорока шести саженъ до мостика черезъ ручей Багирисъ-Геле и отъ мостика на протяженіи ста тридцати шести саженъ до того мѣста, отъ котораго идетъ вверхъ къ юго-востоку дорога къ дому Павла Цхададзе. До того мѣста, гдѣ выжигали бѣлила, дорога эта имѣетъ протяженіемъ шестьдесятъ шесть саженъ, а самое мѣсто выжиганія бѣлилъ отстоитъ отъ этой дороги въ шести саженяхъ къ югу. Мѣсто это находится въ лѣсу на склонѣ холма, въ которомъ Елизавета Цхададзе и Маія Модебадзе собирали дрова. Противъ этого мѣста къ сѣверу въ усадьбѣ Цхададзе, въ тридцати пяти шагахъ отъ плетня, отдѣляющаго виноградникъ отъ дороги, на холмѣ работали Павелъ и Дата Цхададзевы во время проѣзда по садзаглихевской дорогѣ евреевъ. Съ мѣста ихъ работы имъ была видна дорога, проходящая вокругъ усадьбы и ведущая къ садзаглихевской дорогѣ къ востоку и на протяженіи шестнадцати шаговъ къ западу отъ точки ея, противулежащей мѣсту выжиганія бѣлилъ. Съ этой-же дороги видна садзаглихевская дорога, равно какъ и изъ усадьбы Цхададзе. Эта дорога та самая, по которой Сарра Модебадзе направилась на садзаглихевскую дорогу. Пунктъ, на которомъ, по указанію Георгія Григолова Модебадзе, онъ работалъ во время проѣзда евреевъ, находится въ лѣсу, поросшемъ кустарникомъ на разстояніи менѣе пятидесяти шаговъ отъ садзаглихевской дороги къ востоку и пятидесяти шаговъ отъ пункта соединенія садзаглихевской дороги съ дорогою къ усадьбѣ Цхададзе къ сѣверо-востоку. Съ этого пункта садзаглихевская дорога видна на протяженіи около сорока саженъ и съ этого пункта слышенъ ясно происходящій на садзаглихевской дорогѣ обыкновеннымъ голосомъ разговоръ. Пунктъ, на которомъ во время проѣзда евреевъ работалъ свидѣтель Георгій Ратиковъ Модебадзе, находится, по указанію его, на склонѣ холма близъ дома крестьянина Гочила Цивилашвили у канавы и въ семидесяти шагахъ отъ садзаглихевской дороги къ западу. Съ этого пункта дорога видна и ясно слышенъ происходящій на до-

рогѣ разговоръ обыкновеннымъ, невозвышеннымъ голосомъ. Пунктъ этотъ находится на склонѣ холма къ западу отъ дороги возлѣ канаша въ лѣску, поросшемъ кустарникомъ и отстоитъ отъ пункта соединенія дорогъ садзаглихевской съ цхададзевской на разстояніи семидесяти двухъ саженъ къ сѣверу и отъ мостика въ шестидесяти двухъ саженяхъ къ югу. Пунктъ, въ которомъ работалъ Дмитрій Бежановъ Церетели, по его указанію, во время проѣзда евреевъ, находится въ виноградномъ саду усадьбы Симона Церетели на уклонѣ холма въ разстояніи ста шаговъ къ западу отъ садзаглихевской дороги и южнѣе пункта пересѣченія дорогъ садзаглихевской и цхададзевской на сорокъ двѣ сажени. Пунктъ, по которому онъ прошелъ по лѣску искать свой скотъ, пролегаетъ съ юга на сѣверъ отъ мѣста его работы по концу уклона параллельно садзаглихевской дорогѣ и къ западу отъ нея. Пунктъ, въ которомъ онъ слышалъ крикъ ребенка, находится въ лѣску, поросшемъ кустарникомъ и деревьями на уклонѣ холма, на тридцать семь шаговъ къ западу отъ дороги и южнѣе мостика на пятнадцать саженъ. Изъ этого пункта слышенъ происходящій на дорогѣ обыкновеннымъ голосомъ разговоръ. Съ пункта, въ которомъ работалъ Дмитрій Бежановъ Церетели въ виноградномъ саду, онъ свободно переговаривался во время осмотра, возвысивъ голосъ, съ домашними Павла Цхададзе, находившимися у дома. Дворъ Мерада Церетели находится отъ общей сачхерской дороги на разстояніи пятисотъ шаговъ къ югу посреди площадки холма и изъ его дома ясно видна вся находящаяся предъ домомъ площадь до самой сачхерской дороги. Мѣсто, на которомъ найденъ трупъ Сарры Модебадзе, находится на холмѣ къ востоку отъ домовъ Павла Цхададзе и Мерада Церетели, какъ оказалось при измѣреніи, на пять минутъ ходьбы умѣреннымъ шагомъ, или въ трехъстахъ пятидесяти шагахъ отъ ближайшихъ зданій крестьянъ селенія Дорбандзе. Трупъ найденъ былъ у средины стѣны, пересѣкающей этотъ холмъ съ сѣв.-востока на юго-западъ и съ сѣверо-восточной стороны ея, противолежащей дорбандзевской дорогѣ. Холмъ этотъ песчаный, съ легкою примѣсью чернозема и глины, имѣетъ уклоны къ востоку и западу, а хребтомъ проходитъ по линіи, проходящей чрезъ мѣсто нахожденія трупа съ сѣверо-востока на юго-западъ. Направленіе воды, ежели-бы и образовались потоки, было-бы отъ хребта по уклонамъ къ юго-востоку и сѣверо-западу, а не къ юго-западу и только уклонъ холма идетъ къ стѣнѣ въ послѣднихъ десяти шагахъ до мѣста нахожденія трупа. Канавы передъ стѣною нѣтъ, а есть только болѣе сильный уклонъ холма на протяженіи послѣднихъ двухъ аршинъ, составляющій у стѣны уклонъ на полъ аршина отъ горизонтальной линіи, при протяженіи таковой въ два аршина. Почва легко просачивается водою и образованіе потоковъ въ мѣстѣ нахожденія трупа является невозможнымъ, какъ-бы дождь

силенъ ни былъ. По удостовѣренію понятыхъ, на томъ мѣстѣ, на которомъ найденъ трупъ, во время его нахожденія была трава. При осмотрѣ это мѣсто оказалось распаханнымъ. Въ этомъ мѣстѣ возлѣ забора на протяженіи сажени нѣтъ деревьевъ, а далѣе по обѣ стороны идутъ вдоль забора и у самого забора деревья и кустарникъ. При производствѣ опыта оказалось, что вопросы, задаваемые возвышеннымъ голосомъ съ этого мѣста, были слышны возлѣ дома Дорбандзе и на нихъ даваемы были соотвѣтствующіе отвѣты находившимися у домовъ женщинами. Слова-же, сказанныя возвышеннымъ голосомъ, и крики отражались въ ущельѣ за домомъ Мерада Церетели, и какъ удостовѣрили понятые, въ тихую погоду можно переговариваться, ежели только громко кричать съ холма у дома Мерада Церетели, съ жителями сел. Дорбандзе, расположеннаго также на холмѣ чрезъ ущелье. На путь отъ дома Мерада Церетели до мѣста нахожденія трупа, шедши обыкновеннымъ шагомъ по дорбандзевской дорогѣ, было употреблено двадцать пять минутъ, и разстояніе это, по заключенію понятыхъ, не болѣе двухъ съ половиною верстъ. За стѣною холмъ, покрытый лѣсомъ довольно рѣдкимъ, переходитъ въ общее ущелье, въ которое переходятъ остальные холмы, ему параллельные и холмъ, на которомъ домъ Павла Цхададзе, а холмъ, на которомъ селеніе Дорбандзе, продолжается далѣе. Въ этомъ ущельѣ съ юго-восточной стороны по уклону холма проходятъ тропинки съ юга на сѣверо-западъ. По указанію пристава, князя Абашидзе, усмотрѣнные имъ слѣды лошадей шли отъ мѣста нахожденія трупа прямо на сѣверо-востокъ по напраленію къ общей дорбандзевской дорогѣ, и оканчивались, какъ оказалось по измѣреніи, въ семидесяти шести шагахъ къ сѣверо-востоку. Дорога-же дорбандзевская отстоитъ отъ мѣста нахожденія трупа къ сѣверо-востоку на сто шестьдесятъ шаговъ. Дорога дорбандзевская, поднимаясь за селеніемъ Дорбандзе, выходитъ на общую дорогу мѣстн. Сачхеры чрезъ сел. Итхвиси, Бжиневи и Корети. Стѣна, у которой найденъ трупъ, отдѣляетъ канашу отъ ущелья и чрезъ эту канашу и холмъ нѣтъ никуда никакой дороги; самая стѣна, у которой найденъ трупъ, около аршина вышины, сложена изъ кусковъ мѣстнаго камня неправильной формы, съ довольно значительными между ними щелями, такъ что вода, какъ-бы ни была велика, имѣетъ истокъ чрезъ эти щели. Стѣна имѣетъ направленіе съ сѣв.-зап. на юго-вост., огораживаетъ канашу и простирается до конца обоихъ склоновъ холма. Церковь селенія Перевиси находится въ разстояніи одной версты отъ сельскаго управленія къ юго-зап., на возвышенномъ холмѣ. Параллельно холму, на которомъ находится усадьба Мерада Церетели и Павла Цхададзе, идетъ холмъ, на которомъ находятся усадьбы Дмитрія и Симона Церетели и Гогила Цивилашвили и Гогила Цхададзе.

Протоколъ измѣренія трупа Сарры Модебадзе.

„1878 года, 8-го іюня, с. Перевиси, я, исправляющій должность судебнаго слѣдователя кутаисскаго окружнаго суда, Енкенъ, пригласивъ въ качествѣ понятыхъ жит. сел. Перевиси: священника Гентора Симонова Церетели, старшину Сисо Симонова Куртанидзе, помощниковъ его Нико Басилова Дорбандзе и Ивана Басилова Бареладзе, дворянина Филимона Иванова Микадзе, судебнаго пристава Самсона Таріелова Кождая и полицейскаго пристава князя Владиміра Семенова Абашидзе, произвелъ осмотръ могилы и измѣренія длины трупа Сарры Модебадзе, и понятые указали мѣсто нахожденія могилы. Могила находится въ церковной оградѣ и прикрыта нѣсколькими камнями неправильной формы. По снятіи камней, оказался подъ ними рыхлый черноземъ, свободно пропускающій чрезъ себя воду. На глубинѣ отъ поверхности менѣе полуаршина, въ землѣ лежалъ ничѣмъ неприкрытый и безъ гроба трупъ. Священникъ Давидъ Церетели, хоронившій Сарру Модебадзе, и Іосифъ Модебадзе, а равно и понятые удостовѣрили, что это трупъ Сарры Модебадзе Трупъ лежалъ въ протянутомъ на спинѣ положеніи. По очисткѣ трупа отъ земли и по приведеніи его въ горизонтальное положеніе, была приложена снятая часть черепа и ноги сложены ровно въ длину. Мягкія части ногъ хотя и разложились на ступняхъ ногъ, но еще не вполнѣ, такъ что держались довольно плотно у костей. На черепѣ кожи не оказалось. Послѣ того какъ трупъ былъ приведенъ въ горизонтальное правильное положеніе, была измѣрена его длина, причемъ оказалось, что съ лѣвой стороны трупъ имѣлъ длины отъ макушки до пятки одинъ аршинъ семь съ половиною вершковъ, а съ правой стороны—одинъ аршинъ шесть и три четверти вершка, такъ что правая нога оказалась короче лѣвой на три четверти вершка. Засимъ трупъ былъ зарытъ. Трупъ лежитъ такъ неглубоко и прикрытъ такъ мало землею, что при дождѣ долженъ былъ быть промываемъ водою",

Протоколъ освидѣтельствованія. „1878 года, 14 апрѣля. Я, завѣдывающій сачхерскимъ мировымъ участкомъ, Ахумовъ, пригласивъ Шорапанскаго уѣзднаго врача Берно для освидѣтельствованія мертваго тѣла Сарры Модебадзе, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ селеніе Перевиси и освидѣтельствовалъ трупъ означенной Сарры Модебадзе, въ присутствіи нижеподписавшихся понятыхъ, причемъ оказалось: досчатый гробъ, въ которомъ лежалъ трупъ, былъ зарытъ въ землю, глубиною около полуаршина, въ оградѣ перевисской церкви. По вынутіи изъ могилы гроба, крышка съ него была снята, и трупъ, зашитый въ бѣлый коленкоръ, вынутъ и положенъ на большой надгробный камень, лежавшій рядомъ съ могилой. Затѣмъ швовъ савана былъ распоротъ, и глазамъ нашимъ представился трупъ дѣвицы, повидимому, лѣтъ около девяти, роста средняго, лицо смуглое, волоса каштановые, глаза были закрыты, ротъ полураскрытъ, зубы бѣлые, губы красныя, пальцы на рукахъ полусогнуты и руки сложены на груди накрестъ. Лицо и тѣло чистое. Трупъ сохранился вполнѣ. При взглядѣ на него прежде всего бросаются въ глаза руки, на которыхъ между большими и указательными пальцами съ наружной стороны вырвано по куску мяса, вслѣдствіе чего образовались на тѣхъ мѣстахъ довольно значительныя раны, особенно же на правой рукѣ съ неровными краями, красныя, цвѣта мяса. Видно, что куски эти вырваны тѣмъ или другимъ орудіемъ, но, судя по периферіи раны на правой рукѣ, надо полагать, что мясо то вырвано какъ будто-бы зубами. Затѣмъ бросились въ глаза ладони на рукахъ и подошвы на ногахъ, которыя были очень блѣднаго цвѣта и рѣзко отдѣлялись отъ общаго фона тѣла; кромѣ того, на ладоняхъ былъ песокъ. На берцѣ лѣвой ноги оказался ушибъ незначительной величины. Другихъ-же знаковъ при наружномъ осмотрѣ не оказалось. Затѣмъ было приступлено къ внутреннему освидѣтельствованію, для чего трупъ былъ вскрытъ фельдшеромъ Русвадзе подъ наблюденіемъ и указанію врача. Въ мозгу оказалось налитіе крови. Таковое-же налитіе въ правомъ легкомъ. Правая половина сердца была наполнена кровью. Полость дыхательнаго горла была краснаго цвѣта и мокра пѣнистою жидкостью. Въ желудкѣ оказалась жидкость въ значительномъ количествѣ. Всѣ остальные органы оказались въ нормальномъ состояніи По освидѣтельствованіи дѣтородныхъ частей, дѣвственная плева оказалась цѣлою".

Свидѣтельство о судебно-медицинскомъ вскрытіи мертваго тѣла Сарры Модебадзе. „Изъ рапорта сачхерскаго полицейскаго пристава къ уѣздному начальнику видно, что 4-го апрѣля дочь крестьянина Іосифа Модебадзе, Сарра, передъ вечеромъ неизвѣстно куда пропала; затѣмъ 6-го апрѣля отецъ покойной заявилъ полицейскому приставу, что дочь его найдена мертвою въ селеніи Дорбайдзе, стоящемъ отъ селенія Перевиси на три версты, и что онъ въ похищеніи дочери обвиняетъ евреевъ, которые 4-го апрѣля тутъ проѣзжали. Между тѣмъ мною были собраны частнымъ образомъ свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что Сарра Модебадзе вечеромъ того-же дня отлучилась изъ дому, заходила къ другимъ своимъ родственникамъ и затѣмъ неизвѣстно куда пропала; при этомъ 4-го апрѣля вечеромъ былъ сильный проливной дождь, затѣмъ 6-го апрѣля старшина перевисскаго общества съ нѣкоторыми другими мужиками нашли мертвое тѣло на косогорѣ, окруженное значительнымъ количествомъ свѣжаго наноснаго песку и земли. Затѣмъ сельская полиція, не составивъ надлежащаго формальнаго акта объ осмотрѣ тѣла и окружающей мѣстности, распорядилась самовольно перенесеніемъ тѣла въ церковь въ сел. Перевиси (явное отступленіе отъ существующаго закона). На кладбищѣ могила оказалась заваленною грудою камней, по снятіи которыхъ и по вскрытіи мо-

гилы оказался досчатый гробъ, въ которомъ найдено мертвое тѣло, зашитое въ бѣломъ коленкорѣ; при этомъ могила имѣла приблизительно около одного аршина глубины. Большое отступленіе отъ общихъ законоположеній по этому предмету. Затѣмъ покойница была вынута изъ гроба и положена тутъ-же на надгробномъ памятникѣ, и было приступлено къ наружному осмотру. Вскрытіе произведено на десятый день послѣ исчезновенія Сарры Модебадзе.

А. Наружный осмотръ:

По вскрытіи бѣлаго коленкора, въ которомъ былъ зашитъ трупъ, оказалось, что мертвое тѣло голое, имѣетъ около девяти лѣтъ отъ роду, здороваго тѣлосложенія, волосы на головѣ каштановаго цвѣта, короткіе, глаза и ротъ полуоткрытые, кисти обѣихъ рукъ въ полусогнутомъ положеніи, кожа на ладоняхъ рукъ и подошвахъ ногъ морщиниста и размокшая, какъ-бы отъ продолжительнаго пребыванія въ водѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтна даже отслойка кожицы въ складкахъ размокшей кожи согнутыхъ ручныхъ костей, въ ногтяхъ пальцевъ рукъ и ногъ и въ промежуткѣ между пальцами замѣтное количество наноснаго песку и мелкихъ камешковъ. На тыльной поверхности обѣихъ ручныхъ кистей, въ мякоти промежутка большого и указательнаго пальцевъ, значительная потеря мягкихъ частей, доходящая даже на правой рукѣ до обнаженія сухожилій большого пальца; эта потеря мягкихъ частей имѣетъ характеръ рвано-укушенной раны съ неровными ушибенчыми безкровными разрубленными краями вокругъ своей периферіи, какъ будто какимъ-нибудь рвущимъ орудіемъ были вырваны мягкія части; потеря эта величиною приблизительно около трехъ дюймовъ. Затѣмъ на наружной поверхности лѣваго берца ушибъ мягкихъ частей съ кровоизліяніемъ ткани, величиною около десяти-копѣечной монеты. Дѣвственная плева совершенно цѣла; другихъ знаковъ наружнаго насилія на тѣлѣ никакихъ не найдено. Трупъ вполнѣ хорошо сохранился.

В. Внутреннее изслѣдованіе.

1. Мозговыя оболочки и самъ мозгъ во всѣхъ своихъ частяхъ представляютъ явленія переполненія кровью.

2. Во вскрытой гортани оказалось значительное количество взбитой бѣловатой пѣнистой жидкости. Слизистая оболочка гортани налита кровью (гиперемія).

3. Оба легкія вздуты, изъ разрѣзовъ выступаетъ обильное количество темной пѣнистой крови.

4. Около-сердечная сумка содержитъ нормальное количество жидкости, правая половина сердца переполнена кровью, лѣвая пустая, клапаны и большіе сосуды, выходящіе изъ сердца—нормальны.

5. Въ желудкѣ найдено обильное количество мутноватой воды, пищи нѣтъ. Кишечный каналъ не представляетъ ничего ненормальнаго.

6. Печень и селезенка нормальны, только при разрѣзѣ выходитъ значительное количество темной крови.

7. Почки, мочевой пузырь и внутренніе половые органы не отступаютъ отъ нормы.

Затѣмъ внутренности были уложены на своихъ мѣстахъ, и тѣло было снова предано погребенію.

Мнѣніе и заключеніе.

Принимая во вниманіе, во-1-хъ, характеристичное состояніе кожи на рукахъ, ногахъ и присутствіе замѣтнаго количества песку и мелкихъ камешковъ въ складкахъ кожи, во 2-хъ, явленія, описанныя въ пунктахъ 1, 2, 3, 4, 5-мъ; въ 3-хъ, данныя, собранныя мною, изъ которыхъ оказывается, что въ вечеръ пропажи Сарры Модебадзе былъ сильный проливной дождь и что она была найдена на косогорѣ, окруженная слоемъ песку и наносной земли, все это вмѣстѣ взятое въ совокупности наводитъ па довольно правдоподобное (почти положительное) заключеніе, что смерть Сарры Модебадзе произошла отъ несчастнаго случая вслѣдствіе утопленія во время проливного дождя. Что не одни дѣти, но даже взрослые люди могутъ утонуть не только во время сильнаго проливного дождя, вслѣдствіе образованія большихъ потоковъ, но даже въ простой дождевой лужѣ, тому судебная практика представляетъ много примѣровъ.

На тѣлѣ покойной не найдено ни одного признака насильственной смерти, чѣмъ еще больше подтверждается смерть отъ несчастнаго случая посредствомъ утопленія; а потеря мягкихъ частей на кистяхъ рукъ просто объясняется нападеніемъ на утопленницу хищныхъ птицъ и мелкихъ звѣрей. То обстоятельство, что въ этомъ дѣлѣ не были соблюдены точныя медико-полицейскія мѣры со стороны мѣстной полицейской власти, которая не позаботилась по свѣжимъ слѣдамъ своевременнымъ подробнымъ осмотромъ трупа и окружающей мѣстности, и возложила все попеченіе по этому дѣлу на сельскую полицію, является громаднымъ упущеніемъ въ этомъ случаѣ. Обвиненіе же евреевъ родителями покойной, а равно и жителями въ похищеніи ребенка съ цѣлью добытія крови съ религіозною цѣлью, на которомъ главнымъ образомъ основывается поводъ для вскрытія—является совершенно голословнымъ и недоказаннымъ".

Слѣдуетъ подпись врача Берно.

„1878 года, мая 16-го дня, я, завѣдывающій сачхерскимъ мировымъ участкомъ, Ахумовъ, прибылъ въ селеніе Перевиси для переосвидѣтельствованія, согласно постановленію моему, отъ 8-го числа сего мѣсяца, трупа Сарры Модебадзе. Переосвидѣтельствованіе произведено кутаисскимъ губернскимъ врачемъ, г. Гульбинскимъ, въ присутствіи моемъ и врача г. Берно, производившаго

первое вскрытіе, и понятыхъ. Трупъ Сарры Модебадзе былъ похороненъ въ оградѣ перевисской церкви. По удостовѣреніи священникомъ Давидомъ Церетели, могила была разрыта и переосвидѣтельствуемый субъектъ вынутъ изъ нея съ гробомъ (безъ крыши) и опрокинутъ на надгробый камень, рядомъ съ могилой. По осмотрѣ трупа, въ полостяхъ ушей, рта и горла землистыхъ частицъ или песку не оказалось. Края и вообще очертанія поврежденій на рукахъ, найденныхъ при первомъ вскрытіи и освидѣтельствованіи трупа, нѣсколько измѣнились вслѣдствіе гнилости трупа, но, не смотря на это, поврежденія эти видны еще очень хорошо. По тщательному осмотру въ подколѣнныхъ изгибахъ никакихъ поврежденій не оказалось. Равнымъ образомъ не оказалось поврежденій на другихъ частяхъ тѣла. Протоколъ сей составленъ на мѣстѣ переосвидѣтельствованія.

Протоколъ переосвидѣтельствованія трупа Сарры Модебадзе, жительницы сел. Перевиса. Вслѣдствіе приглашенія помощника мирового судьи, г. Ахумова, отъ 8 го сего мая, № 322, свидѣтельствованъ вторично трупъ упомянутой Сарры Модебадзе въ присутствіи г. Ахумова и понятыхъ, при бытности Шаропанскаго уѣзднаго врача г. Берно: 1) Трупъ первоначально похороненъ 8-го апрѣля; затѣмъ послѣ вскрытія 14-го апрѣля опять похороненъ, при осмотрѣ былъ въ той же могилѣ, въ гробу; гробъ оказался безъ крышки (по обычаю мѣстному). 2) Вынутый изъ могилы, имѣющей всего около $^{3}/_{4}$ аршина въ глубину, трупъ изслѣдованъ возлѣ могилы, на камнѣ. 3) Трупъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, около 7—8 лѣтъ отъ роду, роста, по возрасту средняго, тѣлосложенія посредственнаго. 4) Трупъ уже былъ вскрытъ, какъ упомянуто, гнилость весьма значительна. По снятіи коленкора (замараннаго землею и пропитаннаго гнилостною жидкостью), кожица или сошла, или отстояла и отслаивалась свободно вездѣ; почти черныя пятна по всему трупу—гнилостныя. 5) Вскрытіе черепной полости произведено было обычнымъ порядкомъ, грудной и брюшной полости тоже, причемъ разрѣзы ведены были по обѣ стороны грудной кости, затѣмъ ниже этой кости разрѣзъ и кость эта поднята вверхъ; брюшная полость вскрыта однимъ разрѣзомъ посрединѣ живота сверху внизъ. 6) Размягченіе гнилостное трупа—общее. 7) При осмотрѣ наружныхъ частей ушей—присутствія песку и земли въ нихъ не оказалось. 8) Полость рта тоже не заключала въ себѣ землистыхъ частей. Въ гортани и въ началѣ пищепріемника ничего особеннаго тоже незамѣтно. 9) При осмотрѣ лѣвой руки на тыльной ея сторонѣ, на мѣстѣ перваго сустава указательнаго пальца оказалось кругловатое отсутствіе кожи на пространствѣ 10 коп. серебр. монеты ; уничтожены только общіе покровы: кожа и подкожная клѣтчатка, такъ что сухожиліе и сосѣднія мышцы остались не тронуты. 10) На правой рукѣ, начиная отъ

послѣдняго сустава большого пальца (на тыльной же сторонѣ руки), вверхъ до верхняго сустава того же пальца, затѣмъ по промежуточному пространству между большимъ и указательнымъ пальцами, былъ тоже недостатокъ кожи. При этомъ видно, что сухожилія остались цѣлыми; сухожильное растяженіе, находящееся между пальцами (большимъ и указательнымъ), и подлежащій слой мышцъ оказались цѣлыми. Края поврежденія кожи теперь ровные (вслѣдствіе гнилости),хотя при первомъ вскрытіи они таковыми не были. Пространство второго поврежденія (на правой рукѣ) теперь гораздо больше, чѣмъ въ началѣ, также вслѣдствіе гнилости. 11) По тщательному осмотру подколѣнныхъ областей—никакихъ поврежденій не оказалось, такъ что въ правой подколѣнной впадинѣ соскобленная (снятая) кожица (epidermis) свободно отстала и обнаружила совершенно неповрежденную ткань кожи; въ лѣвой же впадинѣ, хотя кожа гнилостью и повреждена, но тоже незамѣтно никакого травматическаго поврежденія. 12) На мѣстѣ ушиба по наружной сторонѣ правой голени, почти по серединѣ ея, кожа тоже не имѣла ни малѣйшаго другого поврежденія. 13) По снятіи отставшей кожицы со стопъ (которой кожица снялась какъ чулокъ), на лѣвой подошвѣ и на всей стопѣ кожа оказалась совсѣмъ цѣлою, неповрежденною; также оказалось и на правой стопѣ (укороченной отъ природы). На подошвѣ правой стопы на внутреннемъ ея краю н на внутреннемъ мыщелкѣ ,было множество красныхъ пятенъ, величиною въ маковое зерно и до зерна чечевицы. Пятнышки и пятна эти или круглы, или неправильнаго очертанія, но заключить о томъ, что эти пятна прижизненныя—нельзя было по причинѣ гнилости. Замѣтно только при разрѣзахъ, что нѣкоторыя пятнышки имѣли направленіе горизонтальное—тотчасъ подъ кожицею, въ верхнемъ слоѣ кожи (covium), но большая часть пятнышекъ не обнаружила никакого продолженія внутрь. 14) Въ локтевыхъ суставахъ никакихъ поврежденій не оказалось, равно и въ подмышечныхъ впадинахъ и въ пахахъ—съ тою лишь разницею, что на лѣвой половинѣ тѣла (вообще меньше подвергнувшейся гнилости вслѣдствіе положенія трупа въ гробу), отсутствіе всякихъ поврежденій выражалось особенно явственно. Внутренній осмотръ. 15) При осмотрѣ полостей черепной, грудной и брюшной—гнилость настолько измѣняла внутренность этихъ полостей, что въ нихъ ничего особеннаго и болѣзненнаго замѣтить нельзя было. 16) При изслѣдованій всѣхъ вообще костей, онѣ оказались цѣлыми, неповрежденными.

Актъ. Вслѣдствіе отношенія помощника мирового судьи сачхерскаго участка, Шаропанскаго уѣзда, г. Ахумова, 8-го мая сего года, № 322, произведено мною 16-го мая на перевисскомъ кладбищѣ переосвидѣтельствованіе трупа Сарры Модебадзе въ присутствіи того же помощника г. Ахумова, врача Берно и

понятыхъ, причемъ составленъ былъ протоколъ на мѣстѣ переосвидѣтельствованія того же 16-го мая. На основаніи этого протокола и въ отвѣтъ на вопросы г. Ахумова въ его отношеніи г. Берно 7-го мая, № 320, разъясняется слѣдующее: 1) Трупъ Сарры Модебадзе, похороненный первоначально 8-го апрѣля, послѣ перваго вскрытія (14-го апрѣля) похороненъ въ той же могилѣ и переосвидѣтельствованъ 16-го мая. Такъ-какъ деревянный гробъ при вторыхъ похоронахъ не былъ закрытъ крышкою, и трупъ завернутъ былъ только въ саванъ, то земля, лежавшая слоемъ не больше полуаршина толщиною на трупѣ, довольно свободно пропускала воздухъ и влажные атмосферные осадки. 2) При такихъ условіяхъ гніеніе трупа должно было быстро послѣдовать; но по причинѣ довольно высокой мѣстности (должно быть около 4.000 фут. надъ поверхностью моря), известковой почвы и отсутствія въ почвѣ излишка органическихъ веществъ, окончательное гніеніе не наступило. Впрочемъ, гніеніе оказалось уже довольно высокой степени: кожица вездѣ или сошла, или отставшая снималась совершенно свободно; по всему трупу образовались почти черныя пятна; мягкія части размягчились, притомъ вся правая половина трупа (на которой трупъ лежалъ въ гробу) болѣе подверглась гніенію, чѣмъ лѣвая (пункты протокола 4, 6, 13, 14). 3) При такомъ состояніи трупа нельзя уже было различить тѣхъ измѣненій, особенно внутренностей, которыя опредѣлили бы родъ смерти Сарры Модебадзе. Въ этомъ отношеніи приходится только сослаться на медицинское свидѣтельство врача Берно, составленное 27-го апрѣля. Въ свидѣтельствѣ этомъ приведены признаки задушенія въ пунктѣ 1—4, именно переполненіе кровью мозга и его оболочекъ (т.-е. его сосудовъ), налитіе кровью слизистой оболочки гортани и пѣнистая въ послѣдней жидкость; вздутіе легкихъ и выступленіе при разрѣзѣ ихъ темной пѣнистой крови; переполненіе праваго сердца кровью и обиліе ея въ печени (пунктъ свидѣтельства 6). — На этомъ основаніи предполагаю, что смерть послѣдовала отъ задушенія. 4) Хотя же въ свидѣтельствѣ и въ дополнительномъ сообщеніи 12-го мая, № 137, врачъ Берно высказываетъ мнѣніе, что смерть Сарры Модебадзе послѣдовала отъ утопленія, но приведенные врачомъ признаки утопленія недостаточны; при переосвидѣтельствованіи же не оказалось признаковъ, указывающихъ на утопленіе. 5) Никакихъ признаковъ прижизненныхъ порѣзовъ, большихъ или меньшихъ—на трупѣ не оказалось; кожа настолько еще сохранилась, что можно было бы видѣть такіе порѣзы (пунктъ протокола 14). 6) При изслѣдованіи мѣстъ отсутствія кожи на тыльной сторонѣ обѣихъ ручныхъ кистей, между большимъ и указательнымъ пальцами правой руки и на первомъ суставѣ указательнаго пальца лѣвой руки (пункты протокола 9 и 10), нельзя было удостовѣриться: прижизненное ли это явленіе

или посмертное, такъ-какъ и края повреждениія измѣнились, и ткань кожи размягчилась отъ гнилости; нельзя было также удостовѣриться, по тѣмъ же причинамъ, какимъ образомъ произошло это отсутствіе кожи. И потому не можетъ быть мною, по имѣющимся доселѣ даннымъ, разрѣшенъ вопросъ помощника мирового судьи, г. Ахумова (въ его отношеніи г. Берно за № 320): не могла ли произойти блѣдность кожи рукъ отъ истеченія крови? Тѣмъ болѣе, что нѣтъ данныхъ, чтобы ставить въ зависимость и связь блѣдность ногъ и это поврежденіе кожи на рукахъ.

Далѣе, прочитанъ журналъ общаго присутствія управленія медицинскою частію гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ и за Кавказомъ. По выслушаніи доклада непремѣннаго члена присутствія, доктора Верлина, по дѣлу о похищеніи и умерщвленіи Сарры Модебадзе, общее присутствіе постановило:

„Принявъ во вниманіе отсутствіе данныхъ медицинскаго осмотра трупа на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ найденъ, произведенное поздно (не менѣе восьми дней послѣ смерти) вскрытіе его, равно и недостаточность данныхъ, вытекающихъ изъ произведенныхъ вскрытій, постановили, что невозможно съ полною достовѣрностью опредѣлить родъ смерти Сарры Модебадзе. Имѣя въ виду постановленные судебнымъ слѣдователемъ Енкеномъ въ отношеніи отъ 17-го минувшаго іюля за № 231 вопросы, общее присутствіе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

По 1-му вопросу: „Какая въ дѣйствительности была причина смерти Сарры Модебадзе, отъ утопленія или задушенія, и какого рода задушенія, или отъ другой какой-либо именно причины.

Найденные при судебно-медицинскомъ осмотрѣ трупа признаки (см. въ актѣ уѣзднаго врача Берно пункты 2, 3, 4 и 6) указываютъ на смерть асфиктическую или отъ задушенія вообще, въ научномъ смыслѣ, т.-е. задушенія, обусловленнаго воспрепятствованіемъ доступа воздуха къ легкимъ, но вслѣдствіе какой именно причины былъ воспрепятствованъ доступъ къ легкимъ воздуха—трудно сказать, а съ достовѣрностью невозможно, хотя нѣкоторыя явленія, замѣченныя на трупѣ (морщинистость), размокшая кожа ладоней и подошвъ, песокъ и мелкіе камешки подъ ногтями и въ складкахъ кожи ручныхъ кистей и обильное количество мутноватой воды въ желудкѣ встрѣчаются на трупахъ, умершихъ отъ утопленія. Принявъ же въ соображеніе, что всѣ анатомическія явленія смерти отъ задушенія вообще могутъ быть найдены и на трупахъ утопленниковъ, общее присутствіе полагаетъ, что насколько въ данномъ случаѣ возможно приписать смерть Сарры утопленію настолько же ее можно объяснить дѣйствіемъ какой-либо другой причины, за исключеніемъ кровоистеченія, такъ какъ вскрытіе обнаружило полнокровіе внутреннихъ органовъ.

По 2-му вопросу: „Причинены ли раны, найденныя на кистяхъ рукъ Сарры Модебадзе, при жизни или уже по смерти ея„.

Раны, найденныя на ручныхъ кистяхъ, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ поврежденіямъ посмертнымъ, такъ-какъ изъ акта и дополнительныхъ отвѣтовъ врача Берно видно, что на ихъ поверхности не было замѣчено ни выступившей крови, ни кровоподтековъ на краяхъ.

По 3-му вопросу: „Какое наибольшее количество крови можетъ быть добыто изъ этихъ ранъ какъ при жизни, такъ и непосредственно вслѣдъ за наступленіемъ смерти?"

Если бы и допустить противъ всякаго вѣроятія прижизненное происхожденіе этихъ ранъ, то во всякомъ случаѣ какъ мѣсто нахожденія, такъ и характеръ ихъ „ушибенно-разорванныя и рвано-укушенныя" (см. актъ Берно и его дополнительные отвѣты) показали бы, что количество крови, которое могло бы быть извлечено изъ нихъ—было бы самое незначительное.

По 4-му вопросу: „Могутъ ли быть приведены эти раны, нанесенныя при жизни, какимъ-либо способомъ въ родѣ промыванія или другимъ въ такое положеніе, чтобы по внѣшнему виду онѣ походили на посмертныя и незаключали бы въ себѣ явственныхъ признаковъ произведенія ихъ при жизни?"

Если бы раны вышеозначеннаго характера были нанесены при жизни, то можно было смыть кровь лишъ съ поверхности ихъ, и ни въ какомъ случаѣ безъ измѣненія характера ранъ не могли быть удалены изъ тканей кровоподтеки, а такихъ кровоподтековъ не замѣчалось (см. отвѣтъ на 2 вопросъ).

Затѣмъ слѣдуютъ подписи.

Въ протоколѣ осмотра и измѣренія переметныхъ сумокъ обвиняемыхъ Цвеніашвили и Хундіашвили значится:

„1878 года, 13-го іюня, м. Сачхеры. Я, и. д. судебнаго слѣдователя кутаисскаго окружнаго суда, Енкенъ, пригласивъ въ качествѣ понятыхъ: полицейскаго пристава сачхерскаго участка, князя Абашидзе, чихскаго сельскаго старшину Симона Іорданова Мшивашдзе, помощника старшины м. Сачхеры Соломона Гилоева Гившвили и дворянина Николая Теймуразова Церетели, произвелъ осмотръ переметныхъ сумокъ обвиняемыхъ Цвеніашвили и Хундіашвили. По прибытіи въ домъ Исхака Хундіашвили, женою его Сапорою были представлены двѣ старыя сѣрыя шерстяныя переметныя сумки Исхака и Мордоха Хундіашвили, которыя бывъ измѣрены, оказались въ каждомъ отдѣленіи длины и ширины по-три четверти аршина. За симъ жена Шамуэла Хундіашвили, Миро, представила двѣ старыя сѣрыя шерстяныя переметныя сумки, которыя по измѣреніи оказались: первая двѣнадцати съ половиною вершковъ ширины и двѣнадцати вершковъ длины и вторая тринадцати вершковъ ширины и двѣнадцати длины. При осмотрѣ домовъ, другихъ переметныхъ сумокъ не оказалось: и Сипора и Миро Хундіашвили, и Елія Габріеловъ отозвались, что другихъ сумокъ въ домѣ нѣтъ. При измѣреніи этихъ сумокъ присутствовали Миро и Сира Хундіашвили, Елія Габріеловъ и Іосифъ Мардаховъ Хихина-швили. Жена Якова Цвеніашвили, Накима, представила старую шерстяную переметную сумку ея мужа, Якова, заявивъ, что другой сумки въ домѣ нѣтъ. При измѣреніи этой сумки въ ея присутствіи и присутствіи понятыхъ и Мордоха Давидова Хихинашвили и Репела Абрамова Елихашвили, каждое отдѣленіе таковой оказалось ширины тринадцати вершковъ и длины двѣнадцать вершковъ. Жена Исхака Цвеніашвили Сипора представила старую переметную сумку ея мужа, которая, по измѣреніи въ присутствіи ея и тѣхъ же лицъ, оказалось въ каждомъ отдѣленіи три четверти аршина и ширины одиннадцать съ половиною вершковъ. Переметная сумка Якова Цвеніашвили принята для пріобщенія къ дѣлу. Жена Исхака и Якова Цвеніашвили отозвались, что другихъ сумокъ въ домѣ нѣтъ, и при осмотрѣ дома другихъ сумокъ не оказалось. За симъ въ присутствіи тѣхъ же понятыхъ была измѣрена переметная сумка мѣстнаго торговца Давида Автисіева, въ которой онъ развозитъ по деревнямъ товары, и сумка эта оказалась ширины одинъ аршинъ и одинъ вершокъ и длины одинъ аршинъ безъ одного вершка. Сумка эта шерстяная и такого же матеріала, какъ и сумка обвиняемыхъ. Испр. должн. судебнаго слѣдователя Енкенъ. По прочтеніи настоящаго протокола понятымъ, они, подтвердивъ изложенное въ немъ, никакихъ замѣчаній не сдѣлали.

Въ протоколѣ измѣренія козловъ изложено слѣдующее:

1878 года, 26-го іюня, м. Сачхери. Я, исправляющій должность судебнаго слѣдователя кутаисскаго окружнаго суда, Енкенъ, пригласивъ, въ качествѣ понятыхъ, жителей м. Сарчхери торговцевъ-домовладѣльцевъ (перечисляются ихъ имена), произвелъ измѣреніе двухъ козловъ, представленныхъ свидѣтелемъ Амираномъ Бицадзе для опредѣленія размѣра козла, проданнаго имъ обвиняемому Якову Цвеніашвили. Амиранъ Бицадзе заявилъ, что проданный имъ козелъ былъ немного ниже представленнаго имъ козла высокаго роста. По отзыву понятыхъ и Амирана Бицадзе, козелъ меньшаго роста былъ годовалый, а другой болѣе года. При измѣреніи годовалый козелъ оказался росту у заднихъ ногъ четырнадцать вершковъ и у переднихъ ногъ тринадцать вершковъ. Длина козла съ шеею и головою одинъ аршинъ и пять вершковъ, длина туловища тринадцать вершковъ, туловище козла посреди имѣло въ окружности одинъ аршинъ, четыре вершка. Большой козелъ оказался росту у заднихъ ногъ пяднадцать вершковъ, у переднихъ ногъ четырнадцать вершковъ, длина туловища пятнадцать вершковъ. Туловище посреди его въ окружности имѣло одинъ аршинъ пять вершковъ, а длина козла съ шеею и головою имѣла одинъ аршинъ, шесть вершковъ. За симъ въ присутствіи упомянутыхъ лицъ былъ сдѣланъ опытъ помѣщенія козла въ переметную сумку, для чего

были представлены двѣ сумки: первая, употребляемая пѣшеходами, по отзыву понятыхъ, оказалась при измѣреніи двѣнадцать вершковъ длины и двѣнадцать съ половиною ширины, и другая, употребляемая для перевозки вещей на лошадяхъ, имѣла одинъ аршинъ длины и тринадцать вершковъ ширины. Заднія и переднія ноги годовалаго козла были приложены къ туловищу, и въ такомъ положеніи онъ былъ помѣщенъ въ меньшую сумку. Туловище козла въ сумкѣ было немного согнуто и при этомъ, положеніи его оказалось возможнымъ перевязать въ верхней части сумку, такъ что вся шея и голова оставались наружи. При этомъ положеніи козла сумка была перевязана въ верхней части у самой груди козла.

Въ протоколѣ производства опыта помѣщенія мальчиковъ въ переметныя сумки значится:

1878 года, 26-го іюля, м. Сачхеры. Я, исправляющій должность судебнаго слѣдователя кутаисскаго окружнаго суда, Енкенъ, пригласивъ въ качествѣ понятыхъ жителей м. Сачхеръ домовладѣльцевъ (перечисляются по именамъ), произвелъ опытъ помѣщенія въ переметныхъ сумкахъ мальчиковъ различныхъ лѣтъ и роста. Для этого приглашены были мальчики, оказавшіеся при измѣреніи: 1) Василій Семеновъ Тутишвили, 6½ лѣтъ, росту одного аршина, семи съ половиною вершковъ, 2) Сега Гаспаровъ Теръ-Гаспаровъ, 10 лѣтъ, росту одинъ аршинъ, одиннадцать вершковъ, 3)-Бетаико Бичіевъ Душуашвиля, 11 лѣтъ, росту одинъ аршинъ, четырнадцать вершковъ, 4) Нико Михайловъ Всханели, 12 лѣтъ, росту одинъ аршинъ, пятнадцать съ половиною вершковъ и 5) Свомо Ивановъ Гомадзе, 13 лѣтъ, росту двухъ аршинъ и одинъ съ половиною вершокъ. Переметныя сумки были взяты трехъ слѣдующихъ размѣровъ: меньшая—длины двѣнадцать и ширины двѣнадцать съ половиною вершковъ, средняя—длины четырнадцать и ширины тринадцать вершковъ. и большая—длины одинъ аршинъ и ширины одинъ аршинъ два вершка. Части этихъ сумокъ, соединяющія оба отдѣленія, были длины: въ меньшей пять, въ средней шесть и въ большой десять вершковъ. При производствѣ опыта мальчики садились въ сумки такимъ образомъ, что колѣни пригибали къ животу и при этомъ положеніи сгибали спину и наклоняли возможно голову. При подобномъ положеніи въ меньшую сумку вошли мальчики Тутишвили и Теръ-Гаспаровъ, и при нахожденіи въ ней Василія Тутишвили сумку въ верхней части можно было завязать. Въ среднюю сумку помѣщались въ томъ же положеніи всѣ мальчики, за исключеніемъ Соама Гомадзе, и сумку можно было завязать въ верхней ея части. Въ большую сумку помѣщался мальчикъ Соамо Гомадзе, причемъ можно было и ее завязать въ верхней части. При нахожденіи въ меньшей сумкѣ Теръ-Гаспарова сумки нельзя было связать въ верхней части. Переметныя сумки были изъ плотной шерстяной матеріи. По удостовѣренію понятыхъ. мѣстными торговцами, развозящими по деревнямъ товары, употребляются переметныя сумки длины и ширины по полтора аршина".

По прочтеніи всѣхъ этихъ документовъ, врачъ Берно далъ свое заключеніе, вполнѣ согласное съ тѣмъ, которое онъ изложилъ на предварительномъ слѣдствіи.

Прокуроръ. Отчего вы въ первомъ актѣ осмотра ничего не сказали о морщинистости кожи на трупѣ Сарры?—Врачъ Берно. Кажется, тамъ объ этомъ есть. В. Почему вами небыло составлено протокола на мѣстѣ? О. А потому, что всѣ явленія, найденныя мною на трупѣ, я изложилъ въ краткихъ замѣткахъ, на основаніи которыхъ и составилъ потомъ свидѣтельство. В. Вамъ должно быть хорошо извѣстно, что всѣ признаки, которые найдены будутъ на трупѣ и которые окажутся отсутствующими. должны быть занесены въ протоколъ. Затѣмъ объясните, пожайлуста, почему вы составили свидѣтельство о вскрытіи трупа лишь 13 дней спустя послѣ этого случая, тогда какъ по закону на это полагается, и то только въ крайнемъ случаѣ, не болѣе сутокъ? О. Я на это имѣю свое оправданіе. Мы вскрыли трупъ 14-го апрѣля, въ великую пятницу, въ субботу вернулись въ Сачхеры, до воскресенья оставались тамъ, а съ этого дня, какъ вы знаете, началась Пасха. Затѣмъ меня пригласили въ другое мѣсто, тоже по дѣламъ службы, и только по возращеніи оттуда я приступилъ къ составленію акта... времени у меня не было. В. Такое свидѣтельство можно было и въ Сачхерахъ составить, тѣмъ болѣе этотъ случай, по вашему мнѣнію, представлялся крайне простымъ, такъ что для составленія акта достаточно было и двухъ часовъ? Врачъ Берно на этотъ вопросъ не отвѣчалъ.

Прис. пов. Александровъ. Вы говорите, что состояніе кожи на ладоняхъ и подошвахъ указываетъ на пребываніе въ водѣ. Можетъ ли быть это состояніе объяснено пребываніемъ трупа подъ дождемъ? Врачъ Берно. Я не утверждаю, что трупъ лежалъ въ водѣ на извѣстной глубинѣ, а онъ находился подъ вліяніемъ воды. В. Нахожденіе трупа подъ дождемъ приводитъ къ такому состоянію кожи, которое оказалась на рукахъ Сарры? О. Такое состояніе кожи бываетъ на рукахъ прачекъ отъ постоянной стирки бѣлья. В. Заключеніе объ утопленіи слѣдуетъ ли понимать въ смыслѣ обыкновеннаго утопленія въ рѣкѣ, ручьѣ? О. Я не говорю, какое утопленіе произошло, въ какой мѣстности, въ какой средѣ. В. Возможно ли допустить, что Сарра, заблудившись въ ночное время, въ предсмертной агоніи, раскрыла ротъ и, будучи подъ дождемъ, могла воспринять жидкость, которая оказалась въ дыхательномъ горлѣ? О. Это не противорѣчитъ общей практики. подобнаго рода случаи можно допустить. Вѣдь для того, чтобы человѣку умереть отъ холода, не нужно, чтобы температура была ниже нуля; и за тѣмъ нужно принять во вниманіе, что въ дере-

вняхъ вообще питаніе очень плохое, дѣти ходятъ босикомъ, плохо одѣты, и если она заблудилась, то почему же не могла и погибнуть? Далѣе врачъ Берно объяснилъ, что если Сарра находилась въ переметной сумкѣ въ такомъ положеніи, какъ говорятъ свидѣтели, то она могла задушиться еще до пріѣзда евреевъ въ Сачхеры; что если принять во вниманіе всѣ объясненія свидѣтелей, то нужно полагать, что было большое треніе, потому что, какъ всѣ увѣряютъ, евреи ѣхали быстро и на тѣлѣ Сарры были бы какіе-нибудь кровоподтеки и легкія ссадины, а этого не оказалось.

На вопросы прис. пов. Куперника врачъ Берно. отвѣчалъ, что питаніе Сарры вообщо было плохо, такъ что развитія подкожнаго жира не могло быть; что раны, найденныя на трупѣ, ни подъ какимъ видомъ сами по себѣ не могли быть причиною смерти Сарры. Затѣмъ экспертъ Берно высказалъ, что петихіальныя пятна обыкновенно бываютъ при смерти отъ задушенія, причемъ онъ сослался на авторитетъ Тардье, который въ своемъ сочиненіи говоритъ, что эти пятна бываютъ только при смерти отъ задушенія, при смерти же отъ повѣшенія и утопленія ихъ не бываетъ.

На вопросы присяжнаго повѣреннаго Кикодзе врачъ Берно объяснилъ, что раны, найденныя на трупѣ Сарры, онъ признаетъ посмертными, происшедшими или отъ укушенія животными, или же отъ того, что трупъ за что-нибудь зацѣпился.

Прис. пов. Кикодзе. И отъ этого могли произойти? Врачъ Берно. Если колючки были толстыя, крѣпкія, то могли произойти. В. Мѣсто, гдѣ были найдены раны, есть самое удобное для добытія большого количества крови? О. Нѣтъ. В. Сколько можно добыть оттуда крови? О. Не могу опредѣлить сколько, но полагаю, что едва ли можно много добыть.

Прис. пов Александровъ. Могли ли быть эти раны причинены укушеніемъ хищныхъ птицъ? Врачъ Берно. Почему же нѣтъ?

Прокуроръ. Я только хотѣлъ вамъ напомнить относительно мнѣнія Тардье и сказать, что его мнѣніе есть единичное и оно не выдержало ни одной критики въ Германіи. Врачъ Берно. Французскими учеными оно признается.... между прочимъ я только такъ говорю, это вамъ, конечно, извѣстно. В. Сколько ни старались доказать, но мнѣніе Тардье осталось единичнымъ. О. Я не могу не дать ему извѣстной доли вѣроятности. В. Когда вамъ защита предложила вопросъ, что если бы Сарра была задушена, то должны ли быть у нея найдены такія пятна, и вы категорически заявили, что обязательно должны были быть. О. Я это сказалъ на основаніи мнѣнія Тардье — этого авторитета.

Предс. Послѣ смерти трупъ долго остается мягкимъ? Врачъ Берно. Тутъ нѣтъ опредѣленныхъ естественныхъ законовъ. Окоченѣніе наступаетъ иногда очень рано, иногда поздно

и даже чрезъ нѣсколько дней—все зависитъ отъ индивидуальнаго состоянія субъекта. В. Какія этому причины? О. Эти причины до сихъ поръ не разъяснены наукою.

Членъ суда. Состояніе крови и плохое питаніе не имѣютъ вліянія на появленіе этихъ пятенъ, напр. отъ истощенія? Врачъ Берно отвѣтилъ что-то тихо и скороговоркой. В. У Сарры, питаніе которой было плохо, скорѣе должны были образоваться эти пятна или нѣтъ? О. Я не говорю, что Сарра плохо питалась, а говорю, что вообще крестьянское населеніе, въ особенности въ посту, питается очень плохо. У скорбутиковъ подобнаго рода явленія наблюдаются не только во внутренностяхъ, но и на наружныхъ частяхъ тѣла, между тѣмъ скорбутическихъ явленій нами въ то время у Сарры не было замѣчено.

Экспертъ врачъ Гульбинскій высказалъ, что послѣ всего того, что онъ слышалъ во время всего судебнаго слѣдствія и имѣя въ виду вопросы, предложенные окружнымъ судомъ, онъ составилъ себѣ нѣсколько другое понятіе о причинѣ смерти Сарры Модебадзе и допускаетъ возможность, что Сарра могла лишиться жизни вслѣдствіе утомленія, истощенія и изнуренія при недостаткѣ пищи, такъ-какъ въ желудкѣ ея, кромѣ небольшого количества мутной воды, другой пищи найдено не было. Впрочемъ, г. Гульбинскій счелъ нужнымъ оговориться и объяснилъ слѣдующее: Въ своемъ заключеніи онъ долженъ опираться на данныя, которыя есть въ судебной медицинѣ и которыя въ данномъ случаѣ оказались на лицо. И вотъ, основываясь на актахъ, имѣющихся въ дѣлѣ, онъ высказываетъ мнѣніе о причинѣ смерти Сарры въ видѣ предположенія. Если бы трупъ Сарры былъ освидѣтельствованъ не на восьмой или девятый день, а на мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ и притомъ безъ всякихъ измѣненій частей, то тогда картина смерти могла бы броситься въ глаза и наблюденія могли бы быть лучше опредѣлены и обозначены; между тѣмъ въ настоящее время приходится основываться лишь на судебно-медицинскихъ данныхъ, записанныхъ въ протоколы.

Прис. пов. Александровъ. Раздѣляете ли вы мнѣніе медицинскаго управленія о томъ, что раны, найденныя на трупѣ Сарры, представляются явленіемъ посмертнымъ, по всей вѣроятности? — Врачъ Гульбинскій. По тѣмъ описаніямъ, которыя есть у Берно и Ахумова, можно было бы признать, что это—посмертныя явленія, но не безусловно. В. Могли ли быть такія раны нанесены полевыми мышами и другими животными? О. Это вещь возможная, въ особенности если принять во вниманіе, что края ранъ были разорваны и что схвачена только одна кожа—это значитъ, что тутъ были мелкія животныя и возможность причиненія ранъ ими я признаю. — Далѣе экспертъ, на вопросъ защиты, могла ли Сарра, находясь въ сумкѣ, быть привезена въ Сачхеры такъ, чтобы на тѣлѣ ея не оказалось

никакихъ знаковъ отъ тренія, въ видѣ подтековъ, въ сущности отвѣтилъ, что Сарра должна была скорѣе задохнуться въ сумкѣ, чѣмъ быть доставленною живою. Что затѣмъ, если считать разстояніе отъ мѣста ея пропажи до Сачхеръ въ 10 верстъ, что если предположить, что каждый шагъ лошади равняется аршину, то окажется слѣдующее: лошадь должна была сдѣлать 15.000 шаговъ, а такъ какъ при каждомъ шагѣ непремѣнно долженъ быть, хотя и маленькій, но все-таки толчокъ, то Сарра и должна была получить такихъ толчковъ 15.000. Само собою разумѣется, что при скорой ѣздѣ толчки должны усилиться и треніе будетъ гораздо большее, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Изъ показаній же свидѣтелей видно, что евреи ѣхали шибко. Во всякомъ случаѣ, если бы они ѣхали и шагомъ, то, во-1-хъ, никоимъ образомъ невозможно допустить, чтобы Сарра могла долго оставаться живою въ сумкѣ, стѣнки которой настолько плотны, что не пропускаютъ сквозь себя воздухъ: а во-2-хъ, если даже и предположить, что Сарра была привезена въ Сачхеры живою и тамъ умерщвлена, то на тѣлѣ ея должны были остаться знаки отъ тренія во время пути на лошади, хотя бы въ видѣ маленькихъ ссадинъ или подтековъ; но ничего этого на трупѣ найдено не было.

Членъ суда. А если сумка, въ которой везли Сарру, была сверху прикрыта буркою, тогда вашъ отрицательный отвѣтъ усилится?—Врачъ Гульбинскій. Это тѣмъ болѣе усиливало преграждение доступа воздуха въ сумку, и Сарра еще скорѣе должна была задохнуться.

Этимъ закончилось судебное слѣдствіе, которое стороны не пожелали еще чѣмъ-нибудь дополнить.

Подсудимые также не пожелали дать какихъ-либо разъясненій. Вообще они во все времи судебнаго слѣдствія не сказали ни слова.

Прокуроръ, въ виду крайняго утомленія, просилъ судъ отложить засѣданіе, если не до 12-го марта, то покрайней-мѣрѣ до 11-го утра. Судъ уважилъ это ходатайство.

Засѣданіе 11-го марта.

Предс. Слово принадлежитъ прокурору.

Прок. Лидовъ. Гг. судьи! Настоящее судебное слѣдствіе представляетъ, по моему мнѣнію, два матеріала, подлежащихъ вашему разсмотрѣнію. Первый матеріалъ, составляющій положительныя доказательства,—я беру для себя; второй же матеріалъ, составляющій отрицаніе различныхъ фактовъ, касающійся разнорѣчія показаній свидѣтелей, мнѣній экспертовъ, основанныхъ на документахъ, негодность которыхъ достаточно доказана судебнымъ слѣдствіемъ—я предоставляю защитѣ. Положительными данными я считаю присяжныя показанія свидѣтелей. Такъ-какъ я буду

поддерживать обвиненіе на основаніи этихъ данныхъ, то прежде всего я считаю себя обязаннымъ объяснить суду, кого я считаю свидѣтелемъ по уголовному дѣлу. Вообще всѣхъ свидѣтелей можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ должны запомнить то, что имъ показываютъ, другіе же служатъ правосудію и должны показывать по воспоминаніямъ о случайномъ, можетъ быть, фактѣ; первая категорія свидѣтелей принадлежитъ дѣламъ гражданскимъ, а вторая суду уголовному. Разница между этими категоріями та, что предъ свидѣтелемъ по гражданскому дѣлу извѣстные факты проходятъ раньше вызова его въ судъ и это лицо просятъ запомнить о нихъ, для свидѣтеля же по уголовному дѣлу представляется совсѣмъ другое: онъ долженъ показать, что былъ очевидцемъ прошедшаго, можетъ быть, случайнаго явленія, и если онъ говоритъ о немъ положительно, то ему можно всецѣло довѣрять. Приступая къ разсмотрѣнію обстоятельствъ настоящаго дѣла, я утверждаю, что присяжными показаніями свидѣтелей доказано, по моему глубокому убѣжденію, рѣшительно все то, что выработало предварительное слѣдствіе, и если въ показаніяхъ свидѣтелей и были разнорѣчія, то это произошло или въ силу утомленія ихъ, или же потому, что имъ предлагались вопросы, не вполнѣ доступные ихъ пониманію. Изъ всѣхъ этихъ тысячи вопросовъ и отвѣтовъ можно вывести одно заключеніе, а именно, что свидѣтели для обвиненія отвѣтили на судѣ то же, что говорили и на предварительномъ слѣдствіи, и сверхъ того пополнили свои отвѣты категорическими данными на то, что можетъ служить въ пользу защиты. Такимъ образомъ, гг. судьи, изъ этого краткаго предисловія вы вѣроятно пришли къ убѣжденію, что я намѣренъ поддерживать обвиненіе, и затѣмъ я прямо приступаю къ своей обвинительной рѣчи. Я обвиняю настоящихъ подсудимыхъ: жителей Шаропанскаго уѣзда, мѣстечка Сачхери, Исхака, Шамуеля, Бичія, Мордаха Хундіашвили, Исхака, Мошу и Якова Цвеніашвилевыхъ въ томъ, что 4-го апрѣля 1878 года они, проѣзжая около села Перевиси, Шаропанскаго уѣзда, по садзаглихевской дорогѣ, захватили встрѣтившуюся съ ними малолѣтнюю дѣвочку Сарру Модебадзе, положили ее въ переметную сумку, причемъ заложили сверху отверстіе этой сумки разными вещами, и въ такомъ видѣ увезли Сарру въ мѣстечко Сачхери, гдѣ она была противозаконно задержана одинъ день и двѣ ночи, послѣдствіемъ каковаго задержанія была смерть ея. Мошу Цаціашвили — въ томъ, что, желая скрыть слѣды преступленія, онъ съ участіемъ другого лица, въ ночь еврейской пасхи, вывезъ изъ мѣстечка Сачхери трупъ Сарры и подбросилъ его къ селенію Дорбаидзе. Михаила Еликашвили— въ томъ, что зная о перевозѣ изъ мѣстечка Сачхери захваченной его сосѣдями и родственниками Сарры и имѣя возможность довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства, не исполнилъ этой обязанности. 4-го апрѣля прошлаго года, т.-е. почти годъ тому на-

задъ, чрезъ селеніе Перевиси проѣзжали настоящіе подсудимые. Въ тотъ же день утромъ Сарра Модебадзе ушла изъ дома своихъ родителей и часа черезъ два или три послѣ того она была у своихъ сосѣдей Цхададзе. Такъ какъ эти факты достаточно констатированы, то подтверждать ихъ я не намѣренъ. Чрезъ два дня послѣ этого трупъ Сарры Модебадзе былъ найденъ около селенія Перевиси, лежащимъ на открытомъ мѣстѣ у стѣны каменнаго забора. Да... я забылъ сказать, что Сарра Модебадзе, находясь около усадьбы Цхададзе, незамѣтно отъ тѣхъ, которыя обжигали бѣлила, ушла куда-то (большая пауза).

Предс. (обращаясь къ прокурору). Судъ сдѣлаетъ перерывъ...

Прок. Нѣтъ, я могу продолжать: Свидѣтели: Елизавета, Турфа, Павелъ Цхададзе, Симонъ Церетели и другіе удостовѣряютъ, что одновременно съ тѣмъ, какъ обжигались бѣлила, когда Сарра исчезла, проѣзжали по тому мѣсту евреи, сначала четыре, а потомъ три человѣка (пауза). Я считаю фактъ прохожденія Сарры по тропинкѣ одновременно съ проѣздомъ евреевъ вполнѣ доказаннымъ показаніемъ Павла Цхададзе, даннымъ подъ присягою. Онъ утверждаетъ здѣсь, что видѣлъ, что когда проѣхала первая партія евреевъ, то въ то же время Сарра Модебадзе прошла по тропинкѣ. Затѣмъ, послѣ того проѣхало еще трое евреевъ. Главные свидѣтели обвиненія—это Дмитрій Церетели, Григорій Датиковъ Модебадзе и Григорій Григоловъ Модебадзе (большая пауза). Нѣтъ, гг. судьи, я попрошу перерыва.

Послѣ двухчасового перерыва предсѣдатель заявилъ, что, въ виду болѣзни прокурора, засѣданіе отлагается до 10 часовъ утра 12-го марта.

По открытіи засѣданія 12-го марта, предсѣдатель заявилъ, что судъ получилъ отъ прокурора бумагу, въ которой онъ говоритъ, что вслѣдствіе серьезной болѣзни не можетъ принять участія по настоящему дѣлу и поручаетъ продолжать веденіе онаго своему товарищу, г. Малафѣеву.

Гражданскій истецъ объвилъ суду, что отказывается отъ своего иска, вслѣдствіе чего онъ и былъ устраненъ отъ участія въ дѣлѣ.

Затѣмъ, слово было предоставлено товарищу прокурора Малафѣеву.

Товарищъ прокурора А. Я. Малафѣевъ. Господа судьи! Я хотя и слѣдилъ за ходомъ судебнаго слѣдствія, но безъ того напряженнаго вниманія, безъ употребленія тѣхъ вспомогательныхъ для памяти пріемовъ, которые необходимы для лица, поддерживающаго обвиненіе; поэтому вы не найдете въ моей рѣчи той полноты, съ которою я желалъ бы представить вамъ доводы обвиненія. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что дѣло правосудія нисколько отъ того не пострадаетъ. Вы сами такъ внимательно относились къ дѣлу, что, конечно, не упустите изъ вида того, что можетъ быть, останется мною недосказаннымъ. Матеріалъ, который предстоитъ вамъ разобрать, обиленъ и разнообразенъ. Онъ добытъ перекрестнымъ допросомъ семидесяти человѣкъ свидѣтелей, продолжавшимся шесть дней. Вы слышали показанія совершенно опредѣленныя и согласныя съ данными предварительнаго слѣдствія; но многія изъ этихъ показаній, послѣ дополненій и разъясненій, вызванныхъ перекрестнымъ допросомъ, утратили свой первоначальный характеръ. Свидѣтелямъ предлагались вопросы утонченные, съ цѣлью испытать ихъ достовѣрность, убѣдить васъ въ ихъ правдивости или же лживости. Свидѣтелей заставляли отдать себѣ и намъ отчетъ о впечатлѣніяхъ, годъ тому назадъ случайно воспринятыхъ; ихъ заставляли углубляться въ вопросы чуть ли не о рефлексіи головного мозга. Послѣ этого протоколъ судебнаго засѣданія долженъ представлять невообразимую путаницу, изъ которой однако же необходимо вывести заключеніе о виновности или невиновности подсудимыхъ, и въ этомъ, полагаю, единственною путеводною нитью можетъ служить обвинительный актъ. Намъ нужно изслѣдовать, есть ли во всемъ этомъ матеріалѣ тѣ данныя, которыя выставлены въ обвинительномъ актѣ. Если разсмотрѣть внѣ этой рамки протоколы судебнаго засѣданія и то, что осталось въ вашей памяти, то передъ вами пройдутъ безъ всякой связи: Сарра Модебадзе, семь евреевъ, козелъ, гуси, плачъ Маіи, смерть какого-то Малхоца Церетели и множество другихъ обстоятельствъ, которыя ничего изъ себя не изображаютъ. Но если въ этомъ хаосѣ вы станете искать черты событія, описаннаго въ обвинительномъ актѣ, то найдете ихъ всѣ, и вамъ представится осмысленная картина. Указать на это — составляетъ мою первую и главнѣйшую задачу. Такъ, въ показаніяхъ Павла, Дата, Турфа и Елизаветы Цхададзе и Маіи Модебадзе вы найдете, что Сарра Модебадзе 4-го апрѣля присутствовала при обжиганіи бѣлилъ и затѣмъ ушла домой; что во время перехода ея съ тропинки на дорогу, по той дорогѣ проѣзжало четверо евреевъ. Дмитрій Церетели, Григорій Датиковъ и Григорій Григоловъ удостовѣрили, что Сарра вышла съ тропинки на дорогу вслѣдъ за проѣздомъ четырехъ евреевъ, за которыми вскорѣ проѣхали еще три еврея. Изъ показаній судебнаго пристава Коджаія вы усмотрите, что на полверсты далѣе Сарра уже не проходила, евреи же проѣхали. Многіе свидѣтели слышали, что изъ среды этихъ евреевъ раздавались стоны и крикъ ребенка; они слыхали даже нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ: „мама, спаси". Нѣкоторые изъ свидѣтелей обратили свое вниманіе на сумку, откуда издавались эти крики, и замѣтили, что въ той сумкѣ что-то движется; они спрашивали объ этомъ евреевъ и имъ отвѣчали, что тамъ въ сумкѣ находятся гуси. Цѣлая группа свидѣтелей изъ Сачхера показала, что изъ среды тѣхъ же евреевъ раздавался голосъ ребенка. Наконецъ, по показанію двухъ свидѣтелей, вызванныхъ въ судъ по просьбѣ подсудимыхъ, въ сумкѣ, откуда, по словамъ другихъ, раздавались крики,

была лобія. Впрочемъ, одинъ изъ этихъ свидѣтелей на предварительномъ слѣдствіи показалъ совсѣмъ другое, именно: что въ сумкѣ была не лобія, а горшокъ, тарелка и архалухъ. Въ этомъ показаніи можно указать на то, что оно дано было на предварительномъ слѣдствіи не безъ умысла, а съ цѣлью не слишкомъ рѣзко противорѣчить объясненіямъ свидѣтелей, говорившихъ, что они слышали крики ребенка, что видѣли какъ что-то шевелилось въ сумкѣ, такъ-какъ упомянутые три предмета въ сумкѣ могли показаться свидѣтелямъ чѣмъ-то похожимъ на заключеннаго въ ней ребенка. Наконецъ, група свидѣтелей показываетъ о происшествіи, которое имѣло мѣсто въ домѣ князя Церетели, и разсказъ ихъ не оставляетъ сомнѣнія въ ихъ правдивости. Эти лица, не смотря на то, что защита пробовала и старалась сбить ихъ, все-таки устояли на своемъ объясненіи, и хотя встрѣчаются нѣкоторыя противорѣчія, какъ напримѣръ одинъ говоритъ, что Михаилъ Еликашвили, придя во дворъ князя, кричалъ: „наша вѣра замучила вашу вѣру", другіе же сказали: „наши единовѣрцы замучили вашего христіанина" — эти противорѣчія не имѣютъ ровно никакого значенія. Наконецъ, рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено, что на томъ мѣстѣ, гдѣ 6-го апрѣля былъ найденъ трупъ, наканунѣ его не было. Это видно изъ показаній свидѣтелей Теодора и Соломона Модебадзе, Захарія и Теймураза Дорбаште. Свидѣтели Иванъ Бореласте и Максимъ Дорбаште удостовѣряютъ, что видѣли слѣды двухъ лошадей, направлявшихся къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ Сарры Модебадзе, и обратно; Иванъ и Георгій Церетели объяснили здѣсь, что на разсвѣтѣ 6-го апрѣля встрѣтили на пути изъ Дорбандзе къ Сачхери двухъ евреевъ, изъ которыхъ въ одномъ узнали Мошу Цаціашвили, имѣвшаго при себѣ большую переметную сумку. Разговоръ еврейскаго мальчика съ Ильей Хундіашвили воспроизведенъ предъ вами Іосифомъ Якобишвили и Дмитріемъ Абашидзе. Наконецъ, вамъ извѣстно показаніе Виктора Юрковича, который слышалъ разговоръ между Мошею Цаціашвили и другимъ евреемъ, разговоръ, заключавшій въ себѣ нѣчто весьма похожее на сознаніе въ совершонномъ преступленіи. Вотъ тѣ данныя, на которыхъ построено обвиненіе и которыя подтверждены судебнымъ слѣдствіемъ. Утратили ли эти данныя свою доказательную силу вслѣдствіе пребыванія ихъ въ той туманной, мутной серединѣ, изъ которой приходится ихъ теперь извлекать—объ этомъ судить вамъ. Но не распознать ихъ, не признать ихъ наличности вы не можете. Представляются ли они достаточными для обвиненія подсудимыхъ — судить объ этомъ дѣло вашей совѣсти, какъ дѣломъ нашего убѣжденія было преданіе ихъ суду, именно на основаніи этихъ данныхъ. Если изъ всего судебнаго матеріала вы захотите построить что-нибудь положительное, кромѣ того, что изображено въ обвинительномъ актѣ, ничего не выйдетъ. Едва ли защита поставитъ себѣ задачею представить дѣло въ другомъ видѣ; для нея довольно доказать, что наши доводы достаточны для обвиненія. Но для васъ, гг. судьи, этого мало, въ настоящемъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ предъ судомъ является человѣческій трупъ, вы не можете успокоиться до тѣхъ поръ, покуда не употребите всего вашего вниманія на разрѣшеніе вопроса; откуда явился этотъ трупъ, и если настоящіе подсудимые невиновны, то по мѣрѣ возможности все-таки желательно разъяснить нѣтъ ли другого виновника, или же смерть Сарры была случайною. Здѣсь я опять-таки утверждаю, что единственнымъ правдоподобнымъ объясненіемъ смерти дѣвочки Сарры является то, что она умерла вслѣдствіе похищенія ея евреями. Была ли она умерщвлена ими, или же умерла безъ иныхъ насильственныхъ съ ихъ стороны дѣйствій, кромѣ заключенія ея въ переметную сумку, для отвѣта на этотъ вопросъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ экспертизою. Я считаю нужнымъ объяснить слѣдующее: мы вызвали къ судебному засѣданію двухъ врачей, которыхъ заключенія вы выслушали; эти лица были вызваны нами скорѣе въ качествѣ свидѣтелей, нежели экспертовъ, въ виду полной неудовлетворительности актовъ предварительнаго слѣдствія по предмету изслѣдованія трупа. Мы надѣялись, что допросомъ этимъ единственныхъ компетентныхъ лицъ, видѣвшихъ трупъ, можно будетъ разъяснить кое-что, — но что же оказалось? Берно, который долженъ былъ дать наиболѣе опредѣлительное показаніе; отъ котораго можно было ожидать если не полнаго измѣненія, то по-крайней-мѣрѣ удовлетворительнаго дополненія къ составленному имъ акту, далеко не оправдалъ нашего ожиданія. Онъ говорилъ, что нашелъ на трупѣ признаки утопленія, что подъ ногтями, между пальцами рукъ и ногъ онъ нашелъ камешки и песокъ; если эти предметы были на ней до погребенія ея, то какъ могли они оказаться при освидѣтельствованіи трупа, имѣвшемъ мѣсто послѣ погребенія и, слѣдовательно, послѣ омовенія трупа? Далѣе, относительно поврежденій между большими и указательными пальцами рукъ Сарры, показанія врача противорѣчатъ одно другому; онъ объяснилъ, что поврежденія эти могли произойти отъ колючекъ въ лѣсу и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ ихъ за посмертныя; слѣдовательно, Сарра мертвая хваталась руками за колючки? Далѣе онъ сказалъ, что эти раны могли произойти отъ укушеній маленькихъ звѣрей; но тогда что же могло быть въ нихъ похожаго на раны, происшедшія отъ колючекъ? Заключеніе другого эксперта— Гульбинскаго, ничего положительнаго не представляетъ, такъ что экспертиза не имѣетъ никакого значенія для обвиненія, да едва-ли защита захочетъ ею пользоваться. Единственное мнѣніе, имѣющее значеніе для защиты, это мнѣніе Гульбинскаго относительно невозможности для Сарры проѣхать нѣсколько верстъ въ мѣшкѣ безъ всякихъ поврежденій на тѣлѣ; но это мнѣніе не медицинское и съ нимъ легко справиться при помощи одного здраваго

смысла. Кто ѣздилъ верхомъ на лошади, тотъ хорошо знаетъ, что такое толчки; они не оставляютъ по себѣ никакихъ видимыхъ слѣдовъ, а тѣмъ болѣе поврежденій; ссадины на кожѣ являются только вслѣдствіе тренія—если какія-нибудь части подвергаются тренію отъ дурного сѣдла, неправильной посадки и т. п. Также не основательно и то мнѣніе, что Сарра не могла помѣститься въ переметной сумкѣ иначе какъ лежа; она скорѣе должна была тамъ сидѣть, согнувши ноги и упершись колѣнями и спиною въ стѣнки сумки. Итакъ, ни мнѣніе ученаго поклонника авторитета профессора Тардье, ни мнѣніе Гульбинскаго не представляютъ ничего такого, что могло бы поколебать обвиненіе. Скажу нѣсколько словъ относительно одного изъ возраженій, которыя предвижу со стороны защиты, а именно того, что не доказана цѣль похищенія Сарры Модебаезе; по этому поводу замѣчу, что если бы цѣль похищенія была доказана, то обвиненіе было бы формулировано совершенно иначе; къ сожалѣнію, надо сознаться, что многое въ этомъ процессѣ не досказано, какъ и во всякомъ уголовномъ дѣлѣ; въ этомъ отношеніи нужно принять во вниманіе, что мы живемъ въ такомъ краѣ, гдѣ похищеніе дѣвочки не представляетъ ничего особеннаго. Настоящему дѣлу придали особый характеръ, особое значеніе, вслѣдствіе чего оно получило громкую извѣстность; но тѣ, которые ожидаютъ разъясненія религіознаго вопроса, не найдутъ его, и обвиненіе не можетъ касаться этого вопроса, такъ-какъ отношеніе его къ дѣлу слѣдствіемъ не разъяснено. Можно, пожалуй, допустить различныя предположенія; если бы Сарра была похищена въ Гуріи, то виновниковъ искали бы между пограничными турками и другими лицами, извѣстными въ краѣ передачею дѣтей въ Азіятскую Турцію. Въ болѣе близкихъ къ Тифлису мѣстностяхъ нерѣдко бываютъ примѣры продажи дѣвушки извѣстнымъ промышленникамъ, которые терпятся, но не поощряются закономъ. Конечно, очень жаль, что намъ не удалось разъяснить вопросъ о цѣли похищенія, но мы можемъ обойтись и безъ этого.

Повторивъ заключеніе обвинительнаго акта, товарищъ прокурора предложилъ суду признать подсудимыхъ виновными, лишить восьмерыхъ изъ нихъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Мошу Цаціашвили на 6 лѣтъ, а остальныхъ на 10 лѣтъ, Михаила же Абрамова Еликашвили, какъ недоносителя, приговорить къ тюремному заключенію на 1 годъ.

Прис. пов. Александровъ. Гг. судьи! 4-го апрѣля въ селеніи Перевиси исчезла, неизвѣстно куда, приближавшаяся къ 6-лѣтію своей жизни, Сарра Модебадзе. На другой день с л и л а т ъ-дамъ—кровавый навѣтъ, столь памятный еврейству по средневѣковымъ кострамъ, пыткамъ, мученіямъ и гоненіямъ всякаго рода,—грознымъ эхомъ пронесся по всей сачхерской дорогѣ и встревожилъ мирное сачхерское еврейское населеніе. Правда, нечего было опасаться костровъ и пытокъ, но смягченныя бѣдствія новѣйшаго времени,—въ видѣ грознаго самосуда народной толпы, вызваннаго местью исповѣдующихъ иную вѣру и не всегда разборчиваго въ своихъ основаніяхъ напраснаго обвиненія, привлеченія къ слѣдствію и суду, предварительнаго тюремнаго заключенія,—всѣ же бѣдствія и тяжкія бѣдствія, съ которыми приходится считаться. Если опасенія народнаго самосуда оказались въ настоящемъ случаѣ преувеличенными, если казаки, присланные шарапанскимъ уѣзднымъ начальникомъ на случай столкновенія между мѣстными христіанами и евреями, не имѣли повода дѣйствовать, то опасенія другого рода—въ видѣ предварительнаго слѣдствія, подозрѣнія, обвиненія, тюремнаго заключенія — къ несчастію оказались вполнѣ справедливыми. Девять сачхерскихъ евреевъ, оторванные отъ своихъ домовъ и семей, отъ своихъ занятій, были привлечены къ слѣдствію по тяжкому и грозному обвиненію и увеличили собою населеніе мѣстной тюрьмы; пять изъ этихъ девяти, до сихъ поръ томятся тамъ уже десять мѣсяцевъ. Тяжелое время пришлось пережить подсудимымъ. Въ долгій періодъ предварительнаго слѣдствія, въ борьбѣ за свою невиновность, въ борьбѣ съ убѣжденіемъ слѣдователя и прокурора, бывшимъ не въ ихъ пользу подъ тяжкимъ гнетомъ многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній, старавшихся поддержать составившееся противъ нихъ предубѣжденіе, въ этотъ тяжолый періодъ внутреннихъ страданій и внѣшнихъ лишеній, лишенные возможности относиться къ своему положенію съ спокойствіемъ посторонняго наблюдателя, они въ непоколебимомъ сознаніи своей невиности, съ недовѣріемъ съ упрекомъ, съ подозрѣніемъ, съ жалобою относились ко всѣмъ, кто держалъ судьбу ихъ въ своей власти: и къ лицамъ, производившимъ дознаніе, и къ судебному слѣдователю, и къ прокурору, которые, думали они, дѣйствуютъ противъ нихъ съ предубѣжденіемъ, вопреки очевидной истинѣ и справедливости. Даже переводчику, переводившему показанія свидѣтелей на языкѣ, имъ непонятномъ, перестали имъ вѣрить и въ немъ видѣли своего врага, устраивающаго ихъ погибель. Но всѣ эти подозрѣнія, несправедливыя сами по себѣ, но весьма понятныя въ томъ положеніи, въ которомъ находились эти несчастные заподозрѣнные, не шли дальше порога вашего суда. Инстинктивно чувствовали они, что есть справедливость и истина на землѣ, что ихъ невинность должна выясниться, что если ближайшія въ то время къ судьбѣ ихъ лица не видятъ или не хотятъ видѣть этой истины, то стоитъ только дѣлу ихъ подняться выше,—и туманъ, одѣвавшій его, разсѣется, будетъ свѣтъ, и истина раскроется. Въ окружномъ судѣ, говорили они судебному слѣдователю, свидѣтели докажутъ нашу невинность. Въ долгіе дни тюремныхъ страданій они успокоивались на мысли о вашемъ судѣ, они ждали дня суднаго, какъ дня рѣшительнаго ихъ оправданія. Шесть дней шелъ судъ, шесть дней вы внима-

тельно шагъ за шагомъ изучали подробности настоящаго дѣла, и нынѣшній день, день седьмой, не есть еще для васъ день покоя и отдыха отъ понесеннаго труда. Отрадны были для меня эти дни, проведенные съ вами здѣсь, въ этой судебной залѣ; они и останутся для меня навсегда отраднымъ воспоминаніемъ въ моей жизни. Я видѣлъ трудъ, внимательный, неустанный трудъ, который каждый изъ васъ приложилъ къ разсмотрѣнію, къ изученію, къ оцѣнкѣ каждаго изъ представлявшихся вамъ судебныхъ доказательствъ. Я понялъ, господа, ту тяжелую отвѣтственность, которую вы должны нести въ глубинѣ вашей совѣсти, творя судъ и правду, великость отвѣтственности, невѣдомую судьямъ по ту сторону Кавказа. Тамъ судьи права раздѣляютъ свой трудъ съ судьями факта. 12 представителей общественной совѣсти въ тайникахъ своей личной совѣсти составляютъ убѣжденіе о дѣлѣ, невѣдомое никому въ своихъ мотивахъ; это убѣжденіе невидимо зарождается, ростетъ, зрѣетъ, крѣпнетъ и высказывается лишь въ короткомъ словѣ отвѣта. Для васъ, господа, недостаточно составить убѣжденіе въ вашей совѣсти, вы должны реализировать это убѣжденіе въ ясныхъ и доступныхъ постороннему пониманію мотивахъ, которые могли бы быть повѣряемы, обсуждаемы и оцѣниваемы со всѣхъ сторонъ; вы принуждены основывать ваше убѣжденіе на тѣхъ неуловимыхъ, но часто весьма рѣшительныхъ данныхъ, которыя производятъ въ судьѣ то или другое убѣжденіе о дѣлѣ; вы должны найти для вашего приговора такія основанія, которыя бы укладывались на бумагѣ, которыя могли бы быть оцѣниваемы и повѣряемы, если та или другая борющаяся предъ вами сторона станетъ въ высшемъ судѣ подтверждать или опровергать справедливость вашего приговора. Не легко было добывать такія данныя въ настоящемъ дѣлѣ. На ряду съ самымъ наглымъ лжесвидѣтельствомъ вы встрѣтились съ крайнимъ тупоуміемъ, печальною умственною слѣпотою, первобытною простотою знаній и сужденій по самымъ обыкновѣннымъ предметамъ. Въ вопросахъ, гдѣ время и пространство значило все, вы выслушивали людей, измѣряющихъ время и пространство способами, достойными населенія дикарей. Гдѣ были дороги, минуты и вершки, вамъ отвѣчали: скоро, нескоро, далеко, близко, не знаю—не мѣрилъ пока дойдешь такъ устанешь, утромъ, около вечера, въ обѣдъ, послѣ самхрада (послѣобѣденный завтракъ) и т. п. Сорокалѣтняя женщина сказала вамъ, что ей 13 лѣтъ; дряхлая старуха, желая обратить ваше вниманіе на ея преклонную старость ничѣмъ не могла лучше выразить это, какъ сказавши, что она такъ стара, что ей уже больше сорока лѣтъ. Вотъ съ какими свидѣтелями пришлось вамъ имѣть дѣло въ вопросахъ о времени и пространствѣ. Не лучше было и по другимъ вопросамъ,—вопросамъ напримѣръ, вокальнымъ. Припомните сачхерскую группу, которая должна была свидѣтельствовать о дѣтскомъ крикѣ и стонѣ. Но трудности под-

дались упорному труду, и я теперь могу сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣло ясно, что истина, нужная для судейскаго убѣжденія и долженствующая воплотиться въ вашемъ рѣшеніи, раскрыта и разъяснена до такой степени, что это рѣшеніе не можетъ уже составлять предметъ недоумѣнія и спора, а есть только вопросъ времени, можетъ быть, нѣсколькихъ словъ. При такомъ положеніи дѣла самая лучшая и наиболѣе соотвѣтствующая защитительная рѣчь могла бы заключаться въ самой краткой фразѣ: мнѣ не остается ничего болѣе сказать вамъ. Молчаніе защиты въ настоящую минуту было бы самою краснорѣчивѣйшею и вполнѣ убѣдительною защитою. Но настоящій процессъ не есть процессъ этихъ четырехъ стѣнъ. Его желаетъ знать Россія, о немъ будетъ судить русское общественное мнѣніе. Не для васъ, гг. судьи; для тѣхъ, кто, не присутствуя при вашихъ усиліяхъ раскрыть истину и выяснить дѣло, кто, не зная, да и не желая знать основаній вашего убѣжденія, напередъ уже готовъ наглою клеветою осквернить приговоръ вашъ, если онъ будетъ противъ ихъ грязныхъ вожделѣній, для тѣхъ' кто захочетъ искать въ немъ тѣхъ низкихъ мотивовъ, надъ уровнемъ которыхъ онъ самъ никогда не поднимается... да и не для нихъ,—когда ихъ просвѣщалъ свѣтъ истины и правды?.., для тѣхъ, кто пожелаетъ безъ предвзятаго взгляда узнать истину настоящаго дѣла, для тѣхъ, кто пожелаетъ поискать въ немъ основаній для критики стараго предубужденія, —предубѣжденія суевѣрнаго и питающаго племенную рознь, для тѣхъ, кому дороги интересы правды на судѣ, для тѣхъ, кто пожелаетъ найти въ судебномъ рѣшеніи урокъ и полезное указаніе для будущаго отношенія къ еврейству,--позвольте еще разъ въ общихъ контурахъ и очертаніяхъ провести предъ вами все то, что въ мельчайшихъ подробностяхъ прошло предъ вами въ минувшіе шесть дней неустаннаго труда, что уже изучено, взвѣшено, разсмотрѣно и оцѣнено вами. Когда я изучилъ предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу, я не могъ не быть пораженъ той массою труда, энергіи и силы, которыя вложены въ это дѣло. Чего здѣсь не было сдѣлано! Три раза вырывали изъ земли погребенный трупъ Сарры, два раза производимо было его судебно-медицынское вскрытіе въ судебно-медицинской экспертизѣ приняли участіе высшаго слоя медицынскаго персонала здѣшняго края. Осмотрѣны были многія мѣстности—и та, гдѣ найденъ трупъ Сарры, и та, откуда она исчезла, и тотъ путь, по которому проѣзжали евреи,—линіи садзаглихевской и сачхерской дорогъ. Многія мѣстности сняты на планѣ. За одинъ изъ этихъ плановъ моя глубокая признательность г. судебному слѣдователю. На планѣ мѣстности садзаглихевской дороги, среди его геометрическихъ линій и ариѳметическихъ вычисленій разстояній, я вижу крупными буквами написанный оправдательный приговоръ для всѣхъ подсудимыхъ. Экспертиза по дѣлу не ограничилась медицинскими вопросами; она затронула и дру-

гіе предметы, другіе чрезвычайные и своеобразные вопросы. Козловъ измѣряли и въ ширину, и въ долготу, и въ высоту. Невинныхъ младенцевъ сажали въ сумки, приводя ихъ въ такое положеніе, въ которомъ удобно только въ утробѣ матери. Ихъ только не провезли въ этомъ положеніи хотя бы небольшую часть сачхерской дороги. А жаль! Тогда съ поразительною очевидностью представилась бы справедливость соображеній эксперта Гульбинскаго, высказавшаго вчера свое мнѣніе о невозможности провоза Сарры въ этомъ положеніи и при тѣхъ условіяхъ, какъ предполагаетъ г. прокуроръ. Тогда, быть можетъ, не явилось бы на судъ и то обвиненіе, которое теперь приходится судить вамъ. Спрошено было свыше ста пятидесяти свидѣтелей, собраны повидимому улики по всѣмъ мельчайшимъ обстоятельствамъ обвиненія, и тѣмъ не менѣе въ существѣ своемъ, и въ основаніяхъ обвиненіе не перестаетъ быть неяснымъ, шаткимъ, недостаточнымъ или прямо не сбыточнымъ. Когда я затѣмъ подхожу къ обвиненію, какъ оно выразилось въ обвинительномъ актѣ, поддерживаемомъ и здѣсь, на судѣ, во всей его цѣлости, я вижу зданіе, съ виду величественное, обширное, сложное, я вижу стиль и единство въ деталяхъ, я готовъ заподозрить даже и присутствіе въ немъ художественной правды; зданіе готическое, зубчатыя линіи какъ лѣсъ мачтъ Миланскаго собора бѣгутъ въ небеса; на каждой остроконечности повисла улика противъ насъ, крупныя доказательства въ видѣ скульптурныхъ фигуръ расположились въ нишахъ зданія. Вотъ на западѣ у входа семейство Модебадзе съ своимъ главою Іосифомъ, отцемъ Сарры. Іосифъ Модебадзе съ кошелькомъ въ рукахъ. Я думаю, не ошибка ли? Зачѣмъ здѣсь эта фигура съ классическимъ кошелькомъ,—фигура, которую мы обыкновенно видимъ въ группѣ двѣнадцати. Не оттуда ли она, отъ той случайно разрозненной групы? Но мнѣ говорилъ это гражданскій истецъ, и мое недоумѣніе разъясняется. Вотъ другая группа — семейство Цхададзе, сосѣди Модебадзе, готовые по сосѣдской пріязни послужить своимъ свидѣтельствомъ видамъ и вожделѣніямъ гражданскаго истца. Оно такъ услужливо склонялось въ его сторону. Я вижу фигуру Дмитрія Церетели; онъ весь огонь и ревность, онъ видѣлъ дальше всѣхъ, онъ видѣлъ то, чего никто не могъ видѣть. Боюсь, чтобы его пылъ и усердіе не испортили гармонію и согласіе свидѣтельскихъ показаній. Рядомъ съ нимъ Григорій Григоровъ Модебадзе; онъ руками изображаетъ пространство между двумя группами проѣзжавшихъ евреевъ — ту западню, въ которую, по его словамъ, попалась Сарра, — снова боюсь, чтобъ эта западня не стала западнею для обвиненія. Выдвигается фигура Григорія Датикова Модебадзе; онъ какъ-будто готовъ подвинуться назадъ, онъ самъ не убѣжденъ въ прочности своей постановки, но его словамъ дано выдвигающееся значеніе, и обвиненіемъ онъ крѣпко прикованъ къ мѣсту. Замѣчаю Бесо Гогечиладзе, испытующаго и вопрошающаго, что движется въ еврейской сумкѣ; фигура, полная думы, точно Галилей передъ вопросомъ о движеніи земли. Вокругъ купола расположилась группа сачхерскихъ дамъ съ Максимомъ Надорадзе; они всѣ слухъ и мудрая догадка. Много и другихъ характеристичныхъ фигуръ,—я встрѣчусь съ ними впослѣдствіи. Но теперь мои глаза падаютъ на фундаментъ зданія, и зловѣщее предчувствіе закрадывается въ мою душу; я вижу крайнюю непрочность, легкость, шаткость основаній, поддерживающихъ зданіе. Я вижу роковую архитектурную ошибку въ фундаментѣ и заключаю, что какъ ни артистично смотритъ зданіе,—оно не долговѣчно, оно должно пасть при первой невзгодѣ, при первомъ потрясеніи его основаній. Къ этой повѣркѣ, къ этому испытанію основаній я и перехожу. Для основательности обвиненія въ похищеніи необходима наличность всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ только и можетъ совершиться похищеніе. Первое такое условіе относится ко времени и мѣсту. Необходимо доказать, что похититель и предметъ похищенія сошлись въ одно и то-же время въ одномъ и томъ же мѣстѣ и находились въ такой одинъ отъ другого близости, чтобы похититель имѣлъ возможность овладѣть похищаемымъ предметомъ. Нѣтъ этого условія,—похищеніе невозможно. Гг. судьи, слушая меня, вы можете подумать въ эту минуту, что я говорю не передъ судьями, что я забылъ о судѣ, и примѣрами объясняю двѣнадцати лѣтнему юношѣ элементарныя правила логическихъ умозаключеній и выводовъ. Да, это можно подумать. Но я вынужденъ спускаться до такой простоты, такъ какъ въ основаніяхъ и выводахъ обвиненія я именно усматриваю забвеніе одного изъ самыхъ элементарныхъ правилъ логическаго умозаключенія. Обвиненіе именно забыло объ условіяхъ времени и пространства, какъ необходимыхъ условіяхъ похищенія, и въ этомъ его печальная ошибка. Была ли Сарра Модебадзе во время проѣзда евреевъ по садзаглихевской дорогѣ въ такой близости къ проѣзжавшимъ евреямъ, что могла быть ими похищена? Обращаюсь къ показаніямъ свидѣтелей, тѣхъ самыхъ, на которыхъ опирается обвиненіе, которыхъ оно считаетъ свидѣтелями, въ достовѣрности подтвердившими здѣсь свои прежнія показанія и освятившими ихъ присягою. Безспорнымъ признается, что евреи проѣзжали по садзаглихевской дорогѣ, что проѣхали двумя группами: одна группа прежде, другая послѣ, и что мѣсто выжиганія бѣлилъ, гдѣ находилась Сарра въ минуту появленія евреевъ, было отъ мѣста этого появленія въ сторону на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ. Мои слова далеко не были бы лишены основаній, если бы я сталъ доказывать, что Сарра не отлучалась съ мѣста выжиганія бѣлилъ, гдѣ она была возлѣ Турфы Цходадзе, даже и при появленіи второй, позднѣйшей группы евреевъ. Я могъ бы это утверждать на основаніи показаній Маіи Модебадзе и Елизаветы Цходадзе. Обѣ

онѣ утверждаютъ, что онѣ были на мѣстѣ выжиганія бѣлилъ во время появленія параллельно съ этимъ мѣстомъ первой группы евреевъ, что въ то время возлѣ нихъ были и Турфа Цходадзе, и Сарра Модебадзе, и что въ это время Турфа не имѣла никакого разговора съ проѣзжающею группою евреевъ. Вторая группа проѣхала послѣ ухода Маіи Модебадзе и Елизаветы Цходадзе, въ лѣсъ. Какъ Турфа Цходадзе, такъ и другіе свидѣтели утверждаютъ, что Турфа разговаривала съ евреями, спрашивала у нихъ, не продадутъ ли они товаръ. Слѣдуетъ заключить, что Турфа говорила со второю группою. А такъ какъ она послѣ разговора съ евреями, по ея собственнымъ словамъ, говорила потомъ съ Саррою, объясняя ей, что если бы она пошла къ евремъ, то они дали бы ей платье и увезли бы ее, то очевидно, что Сарра могла пойти на садзаглихевскую дорогу лишь послѣ проѣзда по ней второй, послѣдней группы евреевъ, которыхъ она, какъ я сейчасъ докажу, не могла догнать. Такъ какъ другихъ евреевъ, кромѣ этихъ двухъ группъ, въ то время по дорогѣ не проѣзжало, то слѣдовательно и нельзя говорить о возможности похищенія Сарры евреями. Но если даже допустить возможность ошибки въ показаніяхъ Маіи Модебадзе и Елизаветы Цхададзе, если предположить, что Турфа разговаривала съ первою группою евреевъ и что Маія и Елизавета только случайно не слышали ея разговора, находясь однако возлѣ нея, если сдѣлать эти уступки обвиненію, то и тогда еще останется длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній, сопоставляя которыя и соображаясь съ мѣстностью, какъ она измѣрена судебнымъ слѣдователемъ, я не затрудняюсь показать, что Сарра не могла быть похищена евреями, потому что она не могла быть во время ихъ проѣзда вблизи нихъ, и что слѣдовательно дѣтскіе крики, которые были слышны на садзаглихевской дорогѣ, никакъ не могли быть криками Сарры. Въ самомъ дѣлѣ установили факты, которые занесены въ обвинительный актъ и признаніе которыхъ доказанными я слышалъ въ рѣчи прокурора. Двѣ группы проѣзжавшихъ евреевъ распредѣлялись такимъ образомъ: одна въ четыре, а другая въ три человѣка. Въ первой группѣ было трое конныхъ и одинъ пѣшій, тутъ же былъ и козелъ, что подтверждается рядомъ свидѣтельскихъ показаній, а именно: Маіи Модебадзе, Елизаветы Цхададзе, Павла Цходадзе, Дата Цходадзе и Сино Церетели, которые всѣ говорятъ, что впереди ѣхало четверо евреевъ. Григорій Датиковъ и Григорій Григоровъ Модебадзе также видѣли, что въ первой группѣ было четверо евреевъ и что эта группа везла козла въ сумкѣ. Производившій дознаніе полицейскій приставъ князь Абашидзе говоритъ, что при первомъ приступѣ къ дознанію онъ удостовѣрился, что проѣхало двѣ партіи евреевъ, первая въ четыре, а вторая въ три человѣка. Со всѣми этими вполнѣ одинаковыми показаніями не согласуются только два показанія. Я не хочу оставить ихъ безъ разсмотрѣнія и оцѣнки. Свидѣтель Коджаія говоритъ, что впереди проѣхала группа изъ трехъ, а позади изъ четырехъ; козла онъ не видѣлъ ни въ той ни въ другой группѣ, но былъ туманъ, объясняетъ онъ, и онъ не всматривался, что везли евреи. Показаніе Коджаіи, несогласное съ другими свидѣтельскими показаніями, я объясняю ошибкою и запамятованіемъ, весьма возможнымъ по прошествіи почти года. Тѣмъ болѣе я имѣю основаній къ такому заключенію, что въ показаніи своемъ, данномъ на предварительномъ слѣдствіи и имъ собственноручно писанномъ, Коджаія, какъ и прочіе свидѣтели, утверждалъ, что впереди проѣхала группа изъ четырехъ еврѳвъ. Турфа Цходадзе, утверждая также, что впереди проѣхало четверо евреевъ, говоритъ однако, что козелъ былъ во второй группѣ. Но это единственное показаніе о мѣстонахожденіи козла въ группѣ трехъ опровергается всѣми остальными единогласными относительно этого предмета свидѣтельскими показаніями. Впрочемъ Турфа—это та свидѣтельница, о которой самъ г. прокуроръ выразился по выслушаніи ея на судебномъ слѣдствіи, что она, или по старости лѣтъ, или по запамятованію, или почему-либо другому, совершенно неспособна давать показанія. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Коджаіи и Турфы, всѣми остальными свидѣтельскими показаніями установленъ тотъ безспорный фактъ, что впереди проѣхало четыре еврея и что съ ними былъ козелъ. Этотъ фактъ, какъ вы знаете, весьма важенъ, такъ какъ показанія всѣхъ свидѣтелей, слышавшихъ впослѣдствіи дѣтскіе крики, относятся къ этой группѣ, которая была изъ четырехъ и при которой былъ козелъ. Опредѣлю теперь разстояніе, въ которомъ находилась Сарра отъ проѣзжавшихъ евреевъ. Мѣсто выжиганія бѣлилъ было въ сторонѣ отъ садзаглихевской дороги. Чтобы выйти съ этого мѣста на дорогу, нужно было предварительно взойти на тропинку, которая въ видѣ кривой линіи выходила на дорогу. Эта кривая линія можетъ быть принята какъ третья сторона треугольника, двѣ остальныя стороны котораго составляютъ: 1) прямая линія отъ мѣста выжиганія бѣлилъ на садзаглихевскую дорогу въ видѣ перпендикуляра къ этой дорогѣ; точка прикосновенія этого перпендикуляра къ дорогѣ означаетъ мѣсто параллельно мѣсту выжиганія бѣлилъ и на которомъ были въ первый разъ усмотрѣны евреи при проѣздѣ ихъ по дорогѣ и съ котораго они разговаривали съ Турфою; 2) вторая сторона, идущая по дорогѣ, есть прямая линія отъ соединенія упомянутаго перпендикуляра съ дорогою до пункта соединенія съ этою же дорогою тропинки, ведущей отъ мѣста выжиганія бѣлилъ. Демонстрируя предъ вами на планѣ во время судебнаго слѣдствія, я опредѣлилъ протяженіе тропинки въ 81 сажень. Вы имѣли возможность убѣдиться, что вычисленіе мое умѣренно. Но, чтобы быть еще болѣе уступчивымъ, я приму протяженіе тропинки какъ равное перпендикулярной линіи, оказавшейся, по измѣренію судебнымъ слѣдователемъ, въ 66 сажень,

и, прибавляя къ этимъ 66 саженямъ еще 6 саженъ разстоянія отъ мѣста выжиганія бѣлилъ до тропинки, я заключаю, что для выхода на садзаглихевскую дорогу въ мѣстѣ соединенія этой дороги съ тропинкою Сарра должна была пройти 72 саж. по самому умѣренному разсчету. Между тѣмъ до этого же пункта, начиная съ котораго только и возможна становилась встрѣча евреевъ съ Саррою, евреямъ оставалось только проѣхать 42 сажени. Сарра очевидно не могла опередить ихъ, не могла сойтись съ ними на дорогѣ въ одно время, такъ какъ для этого она должна была-бы идти вдвое скорѣе, чѣмъ конные евреи. Первая группа евреевъ должна была слѣдовательно проѣхать раньше выхода Сарры на дорогу. Такъ какъ дѣтскіе крики, по единогласнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, относятся къ первой группѣ, при которой былъ козелъ, а слѣдовательно и похищеніе Сарры могло быть совершено только первою группою, то спрашивается, гдѣ же эта группа могла встрѣтить Сарру? Не поджидали ли ее евреи на дорогѣ? Но этого не предполагаетъ и само обвиненіе, которое въ похищеніи Сарры не усматриваетъ заранѣе обдуманнаго и подготовленнаго плана. Никто не видѣлъ, чтобы евреи останавливались по дорогѣ во все время слѣдованія ихъ черезъ сел. Перевиси. Дмитрій Церетели видѣлъ, что они остановились на короткое время и подвязывали сумку уже въ 180 саж. отъ тропинки, между тѣмъ какъ раньше въ 72 саж. Григорій Датиковъ Модебадзе слышалъ дѣтскій крикъ и видѣлъ проѣзжавшую группу четырехъ евреевъ. Всѣ свидѣтели говорятъ, что евреи ѣхали шибко на лошадяхъ. Коджаія и Сино Церетели удивлялись, какъ пѣшій еврей успѣвалъ не отставать отъ конныхъ. Евреи нигдѣ не хотѣли останавливаться: они не приняли приглашенія Турфы продать ей товары, говоря, что они спѣшатъ, а вѣдь во время ихъ разговора съ Турфою Сарра еще не была похищена и была отъ нихъ въ 66 саж. въ сторону. Евреи дѣйствительно имѣли поводъ спѣшить. Завтра наступалъ канунъ еврейской пасхи; они везли домой необходимые хозяйственные припасы къ празднику, имъ нужно было во-время поспѣть домой, чтобы семейства ихъ могли успѣть сдѣлать необходимыя приготовленія. Доказывая, что Сарра не могла встрѣтиться съ евреями на дорогѣ, я употребилъ нѣсколько грубый пріемъ, сравненія разстояній въ 42 и 72 сажени. Я прошу васъ теперь сообразить, что 42 сажени было разстояніе для ѣхавшихъ, хотя бы только шагомъ, евреевъ, а 72 сажени для Сарры, шестилѣтняго ребенка, хромого, ходившаго медленно и съ трудомъ, какъ говорятъ это всѣ знавшіе Сарру. Путь для Сарры былъ подъ гору, что для хромого гораздо труднѣе ровной дороги. Если предположить, что шагъ Сарры вдвое меньше или вдвое медленнѣе, чѣмъ шагъ лошади или взрослаго человѣка, то 72 сажени для Сарры по самому умѣренному разсчету равняются 144 саж. для евреевъ. Не слѣдуетъ забывать, наконецъ, что евреи разговаривая съ Турфою, не останавливались и продолжали путь, что послѣ разговора съ ними Турфа разговаривала съ Саррою, которая была еще возлѣ нея и никуда пока не уходила, что съ Саррою за тѣмъ разговаривала сестра ея, что если на все это было потрачено двѣ минуты, прежде чѣмъ Сарра удалилась, то въ эти двѣ минуты евреи успѣли уйти впередъ хоть на 100 саж., а слѣдовательно опередить появленіе ея на дорогѣ по-крайней мѣрѣ на 250 саженъ. Такимъ образомъ оказывается, что прежде чѣмъ Сарра могла выйти на садзаглихевскую дорогу, евреи уже миновали селеніе Перевиси и были далеко впереди Сарры. Это соображеніе простое, оно основано на измѣреніяхъ, сдѣланныхъ слѣдственною и обвинительною властью на планѣ, снятымъ судебнымъ слѣдователемъ и подтверждаемомъ актомъ осмотра мѣстности, на показаніяхъ свидѣтелей, которымъ вѣритъ и прокуроръ и которыхъ онъ ставитъ въ основаніе своихъ обвинительныхъ доказательствъ. Это соображеніе было упущено, и упущеніе это составляетъ ту печальную ошибку, которая породила настоящее обвиненіе. Это же соображеніе, поставленое теперь на видъ, въ конецъ и непоправимо разрушаетъ обвиненіе въ его основѣ. Этимъ соображеніемъ я доказываю, что не только Сарра не была похищена евреями и именно первою группою, противъ которой и сводятся улики, но и не могла быть похищена. Съ этой минуты мнѣ остается имѣть дѣло не съ обвиненіемъ, въ основѣ своей разрушеннымъ, а лишь съ обломками обвиненія, которые я долженъ смести съ моей дороги, чтобъ очистить путь къ оправдательному приговору. Всею силою моего убѣжденія я опираюсь на приведенное соображеніе. Напрасно, повѣряя прочность этого соображенія, я ищу возможности какого-либо объясненія встрѣчи Сарры съ евреями. Я не нахожу этого объясненія. Или мысли мои путаются, или въ какомъ-то странномъ туманѣ блуждаютъ мои соображенія и я не вижу очевиднаго, или роковая ошибка на сторонѣ обвиненія. Просвѣтите меня, г. прокуроръ, если я заблуждаюсь; разъясните мнѣ, какимъ образомъ Сарра могла попасть въ руки первой группы евреевъ. Вѣдь никто не говоритъ, что евреи останавливались и поджидали Сарру, что она сама условилась выйти къ нимъ. Напротивъ, по смыслу всѣхъ обвинительныхъ доказательствъ, видно, что только нечаянная, неподготовленная заранѣе встрѣча съ Саррою обусловила ея похищеніе. Очищая предстоящій мнѣ путь, я остановлюсь прежде всего на показаніи Дмитрія Церетели. Я прямо называю этого свидѣтеля самымъ достовѣрнымъ лжесвидѣтелемъ. Онъ слишкомъ поусердствовалъ въ своихъ показаніяхъ. Онъ говоритъ, что видѣлъ Сарру на садзаглихевской дорогѣ впереди обѣихъ группъ евреевъ. Выходитъ, по его показанію, что Сарра вышла на дорогу еще ранѣе появленія евреевъ. Но это опровергается показаніемъ всѣхъ прочихъ свидѣтелей—и семейства Цходадзе, и сестры Сарры Маіи Мо-

дебадзе, которая говорятъ, что Сарра находилась на мѣстѣ выжиганія бѣлилъ при появленіи первой группы евреевъ. Очевидно, Дмитрій Церетели не могъ видѣть Сарру на дорогѣ впереди первой группы. Несправедливо его показаніе и о томъ, что онъ видѣлъ евреевъ и слышалъ дѣтскій крикъ, когда онъ послѣ проѣзда евреевъ отправился по лѣсу отыскивать свою скотину. По показанію Турфы и Елизаветы Цходадзе, Церетели работалъ въ своемъ виноградникѣ во время проѣзда евреевъ. Послѣ ихъ проѣзда, въ виду павшаго тумана, Церетели отправился искать скотину. Мѣсто, на которомъ онъ, по его собственному указанію, видѣлъ евреевъ и слышалъ дѣтскій крикъ, находится въ 180 саж. отъ виноградника Церетели по линіи садзаглихевской дороги. Церетели прошелъ это разстояніе медленно, заглядывая по сторонамъ, ища въ лѣсу скотину и тѣмъ не менѣе успѣлъ догнать евреевъ, уѣхавшихъ раньше его выхода на поиски скотины, ѣхавшихъ скоро и безъ остановокъ. Оказывается, если вѣрить показанію Дмитрія Церетели, что евреи, похитивъ Сарру, нарочно поджидали на дорогѣ Дмитрія Церетели, чтобъ онъ только успѣлъ придти на мѣсто, увидѣть ихъ, услышать дѣтскій крикъ и затѣмъ объ этомъ засвидѣтельствовать. Онъ и свидѣтельствуетъ сначала, что видѣлъ семерыхъ евреевъ, потомъ что не могъ различить, сколько ихъ было за туманомъ, а наконецъ что видѣлъ трехъ. Вѣрно одно, что если Церетели видѣлъ евреевъ изъ своего виноградника, то онъ уже не могъ ихъ нагнать за 180 саж. отъ этого виноградника и пришелъ послѣ продолжительныхъ поисковъ за, неизвѣстно куда, ушедшею скотиною.

Неправдоподобнымъ является и показаніе другаго свидѣтеля Григорія Григорова Модебадзе. Онъ видѣлъ Сарру на дорогѣ между двумя группами евреевъ. Сначала онъ показалъ, что разстояніе между обѣими группами было въ 40 саж.; здѣсь онъ расширилъ это разстояніе до 60 саж. Но и при такомъ разстояніи Сарра не могла попасть между двумя группами въ силу тѣхъ же соображеній, которыя я высказалъ о томъ, сколько времени нужно было для Сарры, чтобы выйти съ мѣста выжиганія бѣлилъ на садзаглихевскую дорогу. Если вторая группа ѣхала въ разстояніи 60 саженъ отъ первой группы, то и эта вторая группа должна была проѣхать раньше, чѣмъ Сарра успѣла бы выйти на дорогу. Показанія Коджаіи и Сино Церетели опредѣляютъ разстояніе между группами на четверть часа времени. При такомъ разстояніи между группами конечно возможнымъ представляется, что Сарра немедленно отправившаяся по тропинкѣ на дорогу, встрѣтилась со второю группою. Но вѣдь всѣ слѣды и улики похищенія относятся къ первой группѣ; тамъ и козелъ, и сумка, и дѣтскіе крики, а первая группа, если она ѣхала на четверть часа ранѣе второй, была уже покрайней-мѣрѣ въ двухъ верстахъ отъ Перевисей, и дѣтскій крикъ, слышанный Григоріемъ Датиковымъ

Модебадзе изъ первой группы, на мѣстѣ въ 15—72 сажени отъ выхода на дорогу тропинки, давно уже раздался и слѣдовательно давно уже совершилось похищеніе. Такимъ образомъ та западня, въ которую по показанію, Григорія Григорова Модебадзе, попала Сарра, оказавшаяся между двухъ еврейскихъ группъ, становится въ дѣйствительности безвыходною западнею для обвиненія. Съуживаетъ обвиненіе эту западню, — Сарра не успѣваетъ попасть въ нее; расширяетъ,—первая группа давно миновала Григорія Датикова Модебадза, козелъ уже проблеялъ, ребенокъ прокричалъ, похищеніе стало быть, совершилось, и на долю второй группы нѣтъ ни козла, ни ребенка, ни дѣтскаго крика. Такимъ образомъ оказывается, что и показаніе Григорья Григорова Модебадзе есть чистѣйшая ложь. Павель Цходадзе не видѣлъ Сарры на дорогѣ, но онъ видѣлъ обѣ группы евреевъ, и, по его соображеніямъ, Сарра могла опередить вторую группу на 10 саженъ. Къ показаніямъ свидѣтелей о разстояніи надо относиться осторожно. Я и отнесся осторожно, спросивъ Цходадзе, на чемъ онъ основываетъ свой разсчетъ? Оказалось, что тропу, по которой должна была пройти Сарра, онъ опредѣляетъ въ 32 сажени. Опредѣленіе невѣрное. По измѣренію, сдѣланному судебнымъ слѣдователемъ, эта тропа никакъ не можетъ быть меньше 66 саженъ. Такимъ образомъ разсчетъ Цходадзе долженъ быть устраненъ, какъ выводъ изъ невѣрнаго основанія. Между тѣмъ, свидѣтель Дотуа Цходадзе свидѣтельствуетъ, что Сарра не могла бы опередить вторую группу евреевъ, и это показаніе дѣйствительно находитъ себѣ подтвержденіе въ соображеніяхъ разстояній, изображенныхъ на планѣ, составленномъ хоть и не спеціалистомъ, но тѣмъ не менѣе, и что всего важнѣе, на основаніи точныхъ измѣреній, произведенныхъ судебнымъ слѣдователемъ. До сихъ поръ я признавалъ какъ-бы безспорнымъ, что Сарра направилась на садзаглихевскую дорогу. Представляется-ли однако доказаннымъ, что Сарра пошла и вышла на эту дорогу? Кто видѣлъ ее на этой дорогѣ? Дмитрій Церетели и Григорій Григоровъ Модебадзе—свидѣтели недостовѣрные, какъ я уже доказалъ. За исключеніемъ ихъ, никто не видѣлъ Сарры на дорогѣ. Не видѣла ея Турфа Цходадзе; она, напротивъ, думала, что Сарра пошла съ сестрою въ лѣсъ, и только видѣла потомъ, что Сарра вышла на тропинку, но не видѣла, куда она направилась. Тропинка была всего въ шести саженяхъ отъ мѣста выжиганія бѣлилъ, и Сарра, ничѣмъ не занятая, легко могла и безъ особой надобности и цѣли, ради одной прогулки, чтобы не оставаться на одномъ мѣстѣ, выйти на тропинку, по которой еще далеко было до дороги. Елизавета Цходадзе видѣла Сарру на этой тропинкѣ „лицомъ къ садзаглихевской дорогѣ“. И этотъ оборотъ Сарры по направленію къ дорогѣ не доказываетъ еще, что она направилась и вышла на дорогу. Павелъ Цходадзе видѣлъ Сарру на тропѣ, видѣлъ, что она сдѣлала нѣсколько ша-

говъ по направленію къ дорогѣ, но онъ не видѣлъ, чтобъ она вышла на дорогу, между тѣмъ какъ онъ могъ бы это видѣть съ своего мѣста. Сарра, и не направляясь къ дорогѣ, могла ходить по тропинкѣ взадъ и впередъ, какъ ничѣмъ не занятый ребенокъ. Да и была-ли надобность для Сарры выходить на садзаглихевскую дорогу? Единственная надобность, которая могла представиться ей, — это возвратиться домой. По объясненію Турфы Цходадзе, Маія Модебадзе говорила своей сестрѣ Саррѣ передъ уходомъ въ лѣсъ, что имъ обѣимъ оставаться у Цходадзе нельзя и что Саррѣ надо идти домой. Послѣ ухода Маіи въ лѣсъ за валежникомъ, Сарра дѣйствительно могла отправиться домой. Но по какой дорогѣ она могла возвратиться домой? Кромѣ садзаглихевской дороги, параллельно съ нею, къ дому отца Сарры, по возвышенію, на которомъ стоятъ дома Цходадзе и Модебадзе, идетъ тропинка соединяющая оба эти дома. Эта тропинка, какъ видно на планѣ и какъ показали свидѣтели, короче пути по садзаглихевской дорогѣ, она удобнѣе, ибо эта тропинка пѣшеходная, идущая по плоскогорью, по которой не нужно подниматься и опускаться, какъ по садзаглихевской дорогѣ, и по которой обыкновенно ходили между домами Цходадзе и Модебадзе. По этой тропинкѣ Сарра и пришла къ Цходадзе, какъ это видѣли Коджаія и Сино Церетели; по этой тропинкѣ Маія возвратилась домой, когда узнала, что Сарра ушла; на эту тропинку прежде всего направились розыски, когда исчезла Сарра. Естественнѣе всего, Сарра отправляясь домой, направилась по этой тропинкѣ, а не по садзаглихевской дорогѣ, гдѣ путь былъ дальше, менѣе удобенъ, гдѣ нужно было спускаться подъ гору и снова подниматься. Тѣмъ болѣе не было для Сарры побужденія выходить на садзаглихевскую дорогу послѣ того предупрежденія, которое сдѣлала ей Турфа, сказавши, что евреи, проѣзжавшіе по дорогѣ, могутъ ее увезти, подаривши ей платье. Что за странный капризъ былъ бы у дѣвочки послѣ всего этого предпочесть садзаглихевскую дорогу удобной и привычной, болѣе короткой и болѣе ей знакомой тропинкѣ.

Обратимъ, наконецъ, вниманіе на садзаглихевскую дорогу. Соотвѣтствуетъ ли она условіямъ похищенія среди дня живого ребенка, возможности того преступленія, которое предлагаетъ обвинительная власть? Дорога эта идетъ съ юга на сѣверъ по долинѣ или, лучше сказать, по ложбинѣ, между двумя удлиненными холмами, ограничивающими ее съ запада и востока. На холмахъ, по обѣ стороны дороги, разсѣяны въ разныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого дома обитателей селенія Перевиси. Дома эти, перемежаясь съ виноградниками и лѣсными кустарниками, служатъ какъ-бы обсерваціонными пунктами по отношенію къ дорогѣ. Съ возвышенности холмовъ всѣ дороги, идущія черезъ Перевиси на разстояніи около 200 саженъ, видны почти во всѣхъ своихъ пунктахъ.

Днемъ въ виноградникахъ, около домовъ, въ кустарникахъ лѣса, то здѣсь, то тамъ, работаютъ жители Перевисей вблизи самой дороги. Проѣзжающіе по дорогѣ видны. Пока проѣзжали 4-го апрѣля евреи чрезъ селеніе Перевиси, ихъ видѣли то Церетели, то Цходадзе, то Модебадзе, Сочано, Цивилишвили, то Коджаія и другой Церетели. Ихъ видѣли изъ домовъ, со дворовъ, изъ виноградниковъ. Со всѣхъ мѣстъ, на которыхъ находились свидѣтели проѣзда евреевъ, они свободно могли разговаривать съ евреями; по опыту, произведенному слѣдователемъ, со всѣхъ этихъ мѣстъ слышенъ обыкновенный человѣческій говоръ, происходящій на дорогѣ. Жители одной стороны дороги могутъ свободно разговаривать съ жителями противоположной стороны. Часть дороги видна съ одного мѣста, другая—съ другого. Дорога вся на виду и въ наблюденіи. При такихъ условіяхъ крайне было бы рисковано и едва ли могло придти кому-либо въ голову рѣшиться на похищеніе ребенка, который, понимая опасность, конечно, употребилъ бы всѣ свои дѣтскія усилія, чтобы закричать, позвать на помощь, и конечно жители Перевисей услышали бы такіе крики отчаянія и ужаса, которые не оставили бы возможности недоумѣвать, крики ли это козла или крики ребенка, плачетъ ли ребенокъ и напрягаетъ свой дѣтскій голосъ, чтобы призвать къ себѣ на помощь. Нѣтъ, я не вижу возможности похищенія Сарры Модебадзе на садзаглихевской дорогѣ. Не видѣли этой возможности вначалѣ и сами жители селенія Перевиси. Всѣ они видѣли проѣзжавшихъ евреевъ, и, однако, когда исчезла Сарра, подозрѣніе на евреевъ пало не вдругъ. Первое и самое естественное предположеніе было, что дѣвочка, уйдя домой, заблудилась, такъ какъ былъ сильный туманъ. Всѣ усилія родственниковъ и знакомыхъ направились къ тому, чтобъ искать дѣвочку по сторонамъ дороги, въ лѣсу, въ кустарникахъ, въ поляхъ. Никто не начиналъ рѣчи о евреяхъ. Будь иначе, розыски въ тотъ же день направились бы въ Сачхеры, куда проѣхали евреи. Подозрѣніе на евреевъ возникло только на другой день, когда Сарры, не смотря на поиски, нигдѣ не оказалось. Іосифъ Модебадзе говоритъ, что подозрѣніе на евреевъ у него явилось только тогда, когда Дмитрій Церетели разсказалъ ему о слышанномъ имъ дѣтскомъ крикѣ. Кекела Модебадзе говоритъ, что на другой день стали думать на евреевъ, такъ какъ дѣвочка нигдѣ не находилась, „а кто же могъ ее похитить, кромѣ евреевъ?" Любопытно, что всѣ свидѣтели, возъимѣвшіе рѣшительное подозрѣніе на евреевъ, при разспросахъ ихъ здѣсь старались свалить другъ на друга честь первоначальнаго заявленія такого подозрѣнія. Такъ, Іосифъ Модебадзе говоритъ, что онъ заподозрилъ евреевъ со словъ Дмитрія Церетели. Церетели говоритъ, что онъ не имѣлъ разговора съ Модебадзе о евреяхъ. Цходадзе говоритъ, что Григорій Датиковъ Модебадзе, придя къ нимъ въ домъ, сказалъ: „Нечего искать ребенка, — евреи похитили". Григорій Модебадзе утверждаетъ, что

былъ такой разговоръ, но что подозрѣніе возбудила Турфа. Однимъ словомъ, подозрѣніе утвердилось на слѣдующемъ умозаключеніи: Евреи проѣзжали, дѣвочка пропала, слѣдовательно евреи ее похитили. Я не стану смѣяться надъ этими простыми людьми, лишенными умственнаго свѣта, надъ дѣтскою наивностью ихъ выводовъ, надъ ихъ суевѣріемъ, нетронутымъ критикою здраваго разсужденія. Какое право имѣю я глумиться надъ шаткостью и легкостью ихъ умозаключеній, когда и теперь, послѣ долгаго предварительнаго и судебнаго слѣдствія, вамъ приподносятъ обвиненіе, построенное на тѣхъ же умозаключеніяхъ и лишь пополненное съ избыткомъ баснями и сплетнями. Поучительно однако прослѣдить, какъ возникшее въ умахъ простыхъ и суевѣрныхъ людей подозрѣніе росло, развивалось, укрѣплялось и сложилось въ грозное обвиненіе. Вы увидите, что жизненность этого подозрѣнія нашла себѣ пищу и поддержку не въ умахъ жителей Перевисей и Сачхеръ, а въ довѣріи къ подозрѣнію и дѣйствіяхъ полицейской и слѣдственной власти; что родственники Сарры только пользовались искусно недоразумѣніями и легковѣріемъ лицъ, разъяснившихъ дѣло о ея смерти. Іосифъ Модебадзе, нигдѣ не находя своей пропавшей дочери, не видя объясненія ея исчезновенія, останавливается хотя и на шаткомъ подозрѣніи противъ евреевъ, о чемъ онъ и дѣлаетъ заявленіе полицейскому приставу. Между тѣмъ, какъ приставъ, не произведя ни розысковъ, ни дознанія объ обстоятельствахъ пропажи Сарры, передаетъ заявленіе Модебадзе судебному слѣдователю, Сарра была отыскана. Съ отысканіемъ ея трупа и для Модебадзе, и для всѣхъ другихъ повидимому стала ясна причина смерти Сарры; дѣвочка заблудилась и погибла несчастнымъ образомъ. По-крайней-мѣрѣ ни Модебадзе, ни старшина, осматривавшій трупъ Сарры, ни другіе, бывшіе при этомъ осмотрѣ, не поддерживаютъ подозрѣнія противъ евреевъ и поступаютъ съ трупомъ Сарры такъ, какъ это бываетъ при безспорныхъ случаяхъ нечаянной несчастной смерти. Старшина приноситъ трупъ въ домъ Модебадзе, семейство Сарры хоронитъ ея трупъ, не ожидая его осмотра слѣдователемъ, не требуя этого освидѣтельствованія и не заботясь о судьбѣ заявленнаго передъ тѣмъ подозрѣнія, которое теперь для самого Модебадзе не представлялось уже основательнымъ и вѣроятнымъ. Между тѣмъ, имѣя предъ собою прежнее заявленіе Модебадзе, слѣдователь приступаетъ къ вырытію и вскрытію трупа. Модебадзе не присутствуетъ при вскрытіи, не интересуется имъ и даже нѣкоторое время не знаетъ о немъ. Между слѣдователемъ и врачомъ происходитъ разногласіе о причинѣ смерти Сарры. Пользуясь невѣрными полицейскими свѣдѣніями, врачъ далъ такое объясненіе случаю смерти Сарры, которое не находитъ себѣ подтвержденія въ осмотрѣ мѣста, гдѣ найденъ трупъ. Первое недоумѣніе, которое было бы не трудно разъяснить, отнесясь къ дѣлу безъ предвзятой мысли, пер-

вое разногласіе, которое могло быть примирено, болѣе соотвѣтственнымъ обстоятельствамъ дѣла, объясненіемъ причины смерти Сарры, даетъ Іосифу Модебадзе случай поднять снова оставленное уже имъ подозрѣніе и тутъ начинаетъ онъ указывать свидѣтелей, слышавшихъ дѣтскій крикъ, обращаетъ вниманіе на разорванное платье Сарры, заявляетъ о томъ, что подъ колѣнами у нея замѣчены были порѣзы. Порѣзы необходимо было придумать, чтобы придать солидность подозрѣнію. Конечно, разсчитывалось при этомъ, что трупъ погребенъ и что показаніе о порѣзахъ примутъ на вѣру. Вторичный осмотръ трупа, вырытаго изъ земли, произведенный въ присутствіи отца Сарры, убѣждаетъ, что никакихъ порѣзовъ на ногахъ Сарры нѣтъ и не существовало. Казалось бы вторичное вскрытіе трупа должно было повести къ разъясненію случая смерти Сарры и указать, съ какимъ подозрѣніемъ и съ какими достовѣрными заявленіями имѣетъ дѣло слѣдствіе. Но оно напротивъ проникается важностью подозрѣнія и даетъ ему преувеличенную цѣну. Чрезъ нѣсколько времени послѣ перваго вскрытія полицейскій приставъ, осматривая мѣсто нахожденія трупа Сарры, замѣчаетъ давніе слѣды двухъ лошадей, шедшіе по направленію къ мѣсту трупа. Приставъ обращаетъ на это вниманіе, и этого достаточно, чтобы его недоумѣніе родственники Сарры обратили въ пользу своего подозрѣнія на евреевъ. Скрываютъ дѣйствительное происхожденіе слѣдовъ и объясняютъ, что на нихъ не обратили вниманія въ то время, когда нашли трупъ Сарры. Странное и невѣроятное обвиненіе. Возможно ли, чтобъ осматривавшіе трупъ на мѣстѣ,—а такихъ было много,—могли упустить тогда еще свѣжіе слѣды, указывавшіе на привозъ Сарры въ то мѣсто, гдѣ она найдена? Возможно ли, чтобъ отецъ Сарры, имѣвшій подозрѣніе на евреевъ, оставилъ безъ вниманія эти слѣды, которые такъ поддерживали его подозрѣніе? Приставъ не остановился на этихъ вопросахъ. Онъ допустилъ, что слѣды существуютъ, но не были замѣчены. И свидѣтели, которые, какъ оказывается, знали о происхожденіи этихъ слѣдовъ, умалчиваютъ, а другіе, пользуясь ихъ молчаніемъ, свидѣтельствуютъ о встрѣчѣ на сачхерской дорогѣ двухъ евреевъ наканунѣ нахожденія трупа Сарры и такимъ образомъ подготовляютъ разъясненіе тому недоумѣнію, которое возбудилось въ умѣ пристава. Слѣдствіе получаетъ новый толчекъ. Крикъ сперва слышали только на садзаглихевской дорогѣ. Этого недостаточно; слѣдствіе желало бы еще новыхъ свидѣтелей дѣтскаго крика на дальнѣйшемъ пути евреевъ. И разъ почувствовали эту надобность, —цѣлая группа свидѣтелей, болѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ пропажи Сарры, является внезапно и, молчавшая до тѣхъ поръ, свидѣтельствуетъ о слышанныхъ крикахъ. Вообще, слѣдя за предварительнымъ слѣдствіемъ, мы видѣли, что при каждомъ новомъ требованіи слѣдствія тотчасъ же является и предложеніе, вполнѣ удовлетворительное. Каждое не-

доразумѣніе, каждое сомнѣніе, которое является у лицъ, производящихъ дознаніе и слѣдствіе, каждая ихъ иногда невольная ошибка тотчасъ же обращаются въ пользу заявленнаго подозрѣнія; за нихъ хватаются какъ за искру и раздуваютъ въ пламя, освѣщающее дѣло совсѣмъ не съ той стороны, на которой была истина. Такъ сложилось настоящее дѣло и настоящее обвиненіе. Я поставилъ себѣ задачею доказать передъ вами не только то, что самое зданіе обвиненія построено на шаткомъ основаніи и должно разрушиться при серьезномъ къ нему прикосновеніи, но я хочу доказать, что и самые матеріалы этого зданія, которое вѣнчалъ теперь своимъ рѣшительнымъ обвинительнымъ словомъ г. прокуроръ, не имѣли и не имѣютъ внутренняго достоинства и прочности. Я долженъ теперь вступить на путь дѣтскихъ стоновъ и криковъ, слышанныхъ нѣсколькими свидѣтелями. Это какой-то мрачный переходъ дантовскаго чистилища, гдѣ души некрещеныхъ младенцевъ въ томительномъ ожиданіи взываютъ о спасеніи. Это продолжительная вокальная музыка, которая однако никакъ не складывается въ концертъ. Нѣтъ согласія, нѣтъ и единобразія въ этихъ звукахъ, подхваченныхъ случайно свидѣтелями; разнообразны впечатлѣнія и заключенія самихъ свидѣтелей. То слышатъ они дѣтскій крикъ, то какое то мычаніе, то крикъ козла, то стонъ задыхающагося ребенка, то плачъ, то цѣлая фраза о призывѣ къ спасенію. Инымъ свидѣтелямъ послышался дѣтскій крикъ, но когда они увидѣли козла, то заключили, что это былъ крикъ козла и успокоились. Другіе слышатъ крикъ, но когда выходятъ на этотъ крикъ,—слышанные звуки умолкаютъ. Слышатъ плачъ, идутъ на помощь, думаютъ увидѣть ребенка, но видятъ евреевъ и, не обращая затѣмъ вниманія на плачъ, уходятъ. Обмѣниваясь мыслями по поводу слышаннаго крика, соглашаются, что это крикъ козла, но когда узнаютъ, что евреями похищенъ ребенокъ, убѣждаются, что слышанный ими крикъ былъ не крикъ козла, а ребенка, и что евреи не просто торопились ѣхать, а были испуганы. Всѣ эти самыя разнообразныя свидѣтельскія впечатлѣнія безъ дальнѣйшаго ихъ разбора, безъ примиренія противорѣчій между ними, выставляются обвиненіемъ какъ улики, и, прибавлю, какъ главнѣйшая улика, связывающая проѣздъ евреевъ съ исчезновеніемъ Сарры. Разсмотрю въ отдѣльности каждое изъ свидѣтельскихъ показаній. Первымъ слышавшимъ крикъ является Григорій Датиковъ Модебадзе. Онъ былъ въ 72 саженяхъ на дальнѣйшемъ пути евреевъ отъ соединенія тропинки съ садзаглихевскою дорогою. На пространствѣ этихъ 72 саженъ должно было совершиться похищеніе Сарры. Модебадзе слышитъ „крики какъ-будто ребенка“, звуки „вай ми дэда мишвиль“. „Вы утверждаете, спрашиваетъ свидѣтеля прокуроръ:—что это дѣйствительно былъ крикъ ребенка?“—„Непремѣнно ребенка“, отвѣчаетъ Г. Д. Модебадзе. „Какой же крикъ, любопытствуетъ защита:—воспроизведите его». Послышалось какое-то мычаніе, а потомъ крикъ а... а... а..., произносимый не особенно громко. Продолжая свидѣтель говоритъ, что ему показалось, что это былъ „крикъ ребенка“. Значитъ, добавляетъ къ его отзыву прокуроръ, вы убѣждены, что это былъ крикъ ребенка. Дмитрій Церетели слышалъ, что ребенокъ плакалъ, „какъ-будто бы побили ребенка“. Но я уже доказывалъ, что этотъ свидѣтель не могъ слышать никакого плача и крика на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ указываетъ, такъ какъ онъ не могъ догнать на этомъ мѣстѣ евреевъ. Нужно замѣтить однако, что и этотъ свидѣтель, и Григорій Модебадзе, выйдя на мѣсто, съ котораго имъ послышался крикъ, видятъ только проѣзжающихъ евреевъ, но крика дѣтскаго уже не слышатъ, видятъ однако козла, успокоиваются и уходятъ, какъ-бы ничего и не случилось. Не внушительны имъ были крики и стоны Сарры. Свидѣтельница Непаридзе — это та самая старуха, которая сказала, что она слишкомъ стара, такъ какъ ей болѣе сорока лѣтъ. Она тоже говоритъ, что слышала плачъ ребенка, а не козла, но прибавляетъ, что она немного глуховата. И этой глуховатой свидѣтельницѣ приходится свидѣтельствовать о слышанныхъ ею звукахъ, предательскихъ звукахъ, долженствующихъ уличить подсудимыхъ. Непаридзе слышала крикъ: ва... ва... ва... Ребенокъ, говоритъ она, плакалъ, одинъ разъ вскрикнулъ. Разспрашивая эту свидѣтельницу, прокуроръ высказалъ, что она на предварительномъ слѣдствіи показывала одно, здѣсь говорила другое, а теперь третье. Прошу теперь, гг. судьи, основать вашъ обвинительный приговоръ на показаніи этой свидѣтельницы. Выступаетъ передъ нами Бесо Гогатишвили. Онъ слышалъ дѣтскій стонъ; просимъ изобразить этотъ стонъ; свидѣтель изображаетъ какое-то мычаніе. Услышавъ дѣтскій крикъ, говоритъ Гогатишвили, я увидѣлъ потомъ, что кричитъ козелъ, и успокоился. Далѣе слѣдуетъ группа сачхерцевъ. Это не отдѣльные свидѣтели, случайно соединенные, но именно цѣльная группа, соединенная узами; одни кумовства, другіе—сожительства и, наконецъ, всѣ единеніемъ умственнаго мрака. Соломея Колмохелидзе услышала крикъ, „какъ будто дѣти душатся“. Это ея собственное характерное выраженіе. Спрашиваемъ, какъ это дѣти душатся? — объясните. Прикладывается рука ко рту, и Соломея изображаетъ, какъ душатся дѣти. Свидѣтельница, услышавъ крикъ, подумала, что это крикъ ея внука, по-крайней-мѣрѣ она такъ говорила на предварительномъ слѣдствіи, здѣсь же она это отвергла. Обезпокоившись криками, она вышла, посмотрѣла, убѣдилась, что ребенокъ невѣстки не кричитъ, и пошла къ своему жильцу Надирадзе, который успокоилъ ее тѣмъ, что ѣдутъ евреи и везутъ козла, кричитъ козелъ, а не ребенокъ. Кажется, оставалось одно — совершенно успокоиться, но Соломея Колмохелидзе не успокоилась; въ недоумѣніи возвратилась она домой, затворила дверь и, добравшись до постели, упала въ обморокъ отъ одного представленія, какъ она объяснила

о томъ крикѣ, который она слышала. Когда на другой день она узнала о похищеніи евреями ребенка, для нея все стало ясно, а черезъ полтора мѣсяца она заявила полиціи о слышанномъ ею крикѣ. Слѣдуетъ затѣмъ жилецъ Соломеи Колмохелидзе, Максимъ Надирадзе, который также говоритъ, что явственно слышалъ стонъ ребенка. Просимъ и его изобразить эти стонущіе звуки; онъ точно такъ же, по одному образцу съ Соломеей Колмохелидзе, прикладываетъ руку ко рту и изображаетъ задыханіе ребенка. „Вошла ко мнѣ, повѣствуетъ онъ:—хозяйка и сказала, что, кажется, слышала она крикъ ребенка“, но Максимъ Надирадзе указываетъ ей на козла, котораго въ то время мимо его провезли евреи, что это козелъ кричитъ; на другой однако день, когда онъ услышалъ о пропажѣ Сарры, онъ самъ понялъ, что слышанный имъ крикъ былъ дѣйствительно крикъ ребенка. Натела Дурмашидзе стоитъ въ своемъ саду, видитъ проѣзжающихъ евреевъ; у нихъ переметная сумка; въ одной половинѣ сумки, говоритъ свидѣтельница, что-то ворчало или пищало, а въ другой былъ козелъ. Не было ли это, спрашиваемъ мы, ворчанье и пищанье куръ и гусей, которыхъ везли съ собою евреи? Нѣтъ, говоритъ, эти звуки напоминали голосъ ребенка, но только все это „было далеко отъ меня, черезъ заборъ я не видѣла такъ какъ далеко стояла отъ забора.“ Просимъ и эту свидѣтельницу изобразить слышанное ворчанье и пищанье, и она издаетъ стонущее а... а... а... Какая, спрашиваемъ была сумка? Небольшая, отвѣчаетъ, она была завязана. „Я въ то время, поясняетъ свидѣтельница — была огорчена смертью своего сына“. Натела Дурмашидзе была въ саду не одна, а съ своею кумою Пепою Яламовою. Съ любопытствомъ ждемъ показанія Яламовой, но она не явилась, вывихнула себѣ ногу. Прочитывается ея показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи. Въ немъ узнаемъ слѣдующее: „Когда евреи поровнялись съ нами, говоритъ свидѣтельница: — въ это время я услышала крики козленка. Передъ этимъ я никакого дѣтскаго крика и звуковъ не слышала. Увидѣвши встревоженныя лица евреевъ, я подумала, что случилось что-то недоброе, и, не знаю почему, у меня появилась мысль, что они везутъ похищеннаго ребенка, о чемъ я тутъ же и сказала кумѣ Нателѣ, а кума отвѣчала, что она ясно услыхала крикъ ребенка. Послѣ того, какъ мы узнали о похищеніи Сарры, я стала всѣмъ разсказывать о видѣнномъ мною“. И такъ, рядомъ стоятъ въ саду подъ вечеръ двѣ кумы: одна слышитъ ясно, что кричитъ ребенокъ, а другая слышитъ крикъ козленка, но думаетъ, что евреи везутъ похищеннаго ребенка; обмѣнялись кумы своими впечатлѣніями и порѣшили на томъ, что евреи дѣйствительно провезли никого другого, какъ ребенка, а когда на другой день онѣ услышали о пропажѣ Сарры, то для нихъ стало ясно, какъ день, что ее-то и везли евреи. Наталія Тушишвили видѣла то, чего никто другой не видѣлъ. Она видѣла, что еврей сидѣлъ на лошади по-дамски. Недоставало только, чтобы еврей былъ въ длинномъ костюмѣ амазонки и складками юбки прикрывалъ драгоцѣнную, но и опасную ношу, бывшую въ сумкѣ. Тушишвили слышала звуки, эти звуки отличались отъ крика козла. Давъ терпѣливо отвѣты на вопросы предсѣдателя и прокурора, свидѣтельница во время вопросовъ со стороны защиты утомляется, жалуется на болѣзненность и ссылается на свое показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи; подкрѣпленная внушительнымъ словомъ предсѣдателя, который объясняетъ свидѣтельницѣ, что она отвѣчаетъ суду, а не защитѣ, Тушишвили удовлетворяетъ наше любопытство о томъ, какіе звуки слышала она изъ сумки. „Звукъ былъ глухой, говоритъ она:—если бы меня повѣсить, то я не въ состояніи была бы изобразить этого звука. Если бы было громче:— продолжаетъ она, то я бы могла выразить, впрочемъ времени не было, чтобы замѣтить все въ подробности“. Такъ мы и не узнали слышанныхъ свидѣтельницею звуковъ. Слѣдуетъ синьора Кесарія Чарквіани. Слышала, говоритъ крикъ: ай, ай, какъ-будто ротъ былъ чѣмъ-то заложенъ у ребенка. Потомъ она закрываетъ рукою свой ротъ, совершенно такъ же, какъ дѣлали это Соломея Колмахелидзе и Максимъ Надирадзе и издаетъ совершенно такой же звукъ. „Звукъ этотъ подходилъ къ звуку 7 или 8-лѣтняго ребенка“, утверждаетъ свидѣтельница. Удивительная слуховая способность опредѣлять посредствомъ звука лѣта! Пробуемъ провѣрить эту способность и спрашиваемъ, могла ли бы она отличить голосъ тридцати-лѣтняго отъ двадцатипяти-лѣтняго человѣка. Свидѣтельница въ отвѣтъ бросаетъ на меня недовольный взглядъ. Могъ ли быть похожъ слышанный вами звукъ, даю я вопросъ болѣе простой, на голосъ, напримѣръ, 9-лѣтняго ребенка? Нѣтъ, отвѣчаетъ свидѣтельница. А на голосъ 6-лѣтняго? То же, говоритъ, нѣтъ, и какъ разъ ошиблась, потому что Саррѣ Модебадзе было только 6 лѣтъ. „Евреи были испуганы, когда поровнялись со мною“. Смотрю на свидѣтельницу и, кромѣ пріятности, не вижу въ ней ничего, что могло бы испугать евреевъ, увидѣвшихъ ее...

Предсѣдатель. Я бы попросилъ не касаться личностей.

Присяжн. повѣр. Александровъ. Спрашиваю затѣмъ, по чему она заключаетъ объ испугѣ евреевъ? „По тому, говоритъ, что они торопились“; вотъ вамъ и объясненіе испуга евреевъ. „Подумала, продолжаетъ свидѣтельница, что у еврея въ сумкѣ дитя“, но она подумала это на другой день, когда узнала о пропажѣ Сарры.

Гг. судьи! Полтора дня мы слышали всѣхъ этихъ свидѣтелей, изучали звуки, ими слышанные. Мы были въ душной атмосферѣ тяжкаго уголовнаго преступленія; мы видѣли предъ собою эти арестантскіе халаты, эти лица, изможденныя одиннадцатимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ; надъ ними грозною тучею нависло обвиненіе, оно готово было разразиться каторгою. Не до

шутокъ и смѣха было. Но когда чрезъ нѣсколько дней настоящій процессъ станетъ минувшимъ дѣломъ, когда къ нему можно будетъ подойти съ безмятежностью посторонняго наблюдателя, когда можно будетъ спокойно взглянуть на эту страницу процесса, занявшую у васъ полтора дня, что-то странное представитъ воображенію наблюдателя. Представитъ взору какой-то комическій дивертиссементъ, какъ будто для развлеченія, для успокоенія нервовъ вдвинутый въ страшную уголовную драму; какой-то юмористическій листокъ среди страницъ уголовнаго дѣла о кровавомъ преступленіи. И подъ этимъ юмористическимъ листкомъ васъ приглашаютъ подписать приговоръ, присуждающій нѣсколько человѣкъ къ каторгѣ. Обратимся теперь къ другимъ свидѣтелямъ, которые тоже могли бы слышать дѣтскіе крики и стоны, но которые ихъ не слышали. Самсонъ Гогечиладзе говоритъ, что дѣтскихъ криковъ не слышалъ, хотя и былъ близко около евреевъ, прошелъ съ ними нѣсколько шаговъ и слышалъ лишь, что козелъ блеялъ. Правда, обратилъ онъ вниманіе на какое-то движеніе въ еврейской сумкѣ. Онъ полюбопытствовалъ узнать, что движется въ сумкѣ. Ему отвѣчали, а можетъ быть и не отвѣчали, что въ сумкѣ гуси. Да вѣдь они подохнутъ, предупреждаетъ онъ; пусть подохнутъ, отвѣчаютъ ему. Очевидно любопытство Гогечиладзе не интересовались удовлетворить, отвѣчали какъ попало. Двигалось ли что либо въ сумкѣ или не двигалось, важно то, что если бы то было движеніе ребенка, желающаго высвободиться изъ сумки, Гогечиладзе не успокоился бы на объясненіи, что въ сумкѣ гуси. Илихо Комушадзе тоже встрѣтилъ евреевъ, но не могъ замѣтить, что было у нихъ въ сумкѣ; съ козломъ евреи ничего не дѣлали, его за ухо не трепали, хворостиною не били, дѣтскихъ криковъ свидѣтель не слыхалъ. Давидъ Анасашвили— свидѣтель случая покупки евреями гуся на дворѣ Нателы Капуршвили. Одинъ изъ евреевъ вошелъ во дворъ; началась торговля; хозяйка проситъ за гуся 1 р. 20 к., еврей даетъ только 40 коп. Товарищи его торопятъ домой, совѣтуютъ дать за гуся 80 коп., и наконецъ гусь купленъ. Анасашвили и Капуршвили видятъ другихъ евреевъ, остановившихся въ ожиданіи покупки ихъ товарищемъ гуся, видятъ у нихъ козла, слышатъ, что козелъ постоянно кричитъ, но дѣтскихъ криковъ и стоновъ не слышитъ. Евреи торопятся, но тѣмъ не менѣе ждутъ, пока товарищъ окончитъ покупку гуся. И это въ то время, когда по мысли обвиненія евреи везли Сарру, когда каждую минуту они рисковали быть открытыми, изобличенными въ тяжкомъ преступленіи, когда ежеминутно можно было опасаться предательскаго для нихъ крика и стона заключеннаго въ сумку ребенка. Есть ли смыслъ въ спокойномъ торгѣ изъ-за гуся въ то время, когда всѣ мысли должны быть заняты сокрытіемъ коварно похищеннаго ребенка? Евреи въѣзжаютъ въ Сачхеры; ихъ встрѣчаетъ Бичія

Душіашвили, старшина, представитель полицейской власти; онъ разговариваетъ съ евреями, но никакихъ дѣтскихъ криковъ изъ ихъ сумокъ не слышитъ. Обратите, господа, вниманіе на планъ мѣстечка Сачхеры и замѣтьте ту дорогу, по которой ѣхали домой евреи; вы увидите, что они ѣхали по самой людной улицѣ Сачхеръ. Это преступники-то, везущіе съ собою опасную ношу! Князь Абашидзе, полицейскій приставъ, объяснилъ, что путь, по которому ѣхали евреи по Сачхерамъ, наиболѣе отдаленъ отъ еврейскаго квартала и что они могли, если бы пожелали, проѣхать совсѣмъ другою дорогою, которая даже не была дорогою, болѣе длинною, тамъ, гдѣ не было домовъ, гдѣ, слѣдовательно, стоны и крики ребенка никто бы не услыхалъ. Удивительное пренебреженіе къ опасности, въ которой евреи не могли не находиться, которую они не могли не сознавать, если вѣрить г. прокурору, что они везли похищенную Сарру. Въ какомъ положеніи могла находиться Сарра Модебадзе, когда ее везли въ сумкѣ? Была ли она герметически закупорена? Тогда она задохлась бы очень скоро, и криковъ изъ сумки никакихъ не могло быть; было ли ей просторно въ сумкѣ? Но тогда она старалась бы высвободиться, кричала бы, рвалась наружу; вѣдь, находясь въ такомъ опасномъ положеніи, Сарра, которой было 6 лѣтъ и которая не могла не сознавать его, напрягла бы всѣ свои, хотя бы дѣтскія, усилія, кричала, звала на помощь, рвалась изъ сумки, прогрызла бы ее наконецъ и дала бы о себѣ знать болѣе яркимъ способомъ, чѣмъ звуки, которые можно было принять и за голосъ ребенка, и за блеяніе козла. Очевиднымъ представляется, что въ сумкѣ у евреевъ былъ и кричалъ не ребенокъ, а козелъ. Молодое животное, въ полной неизвѣстности за предстоящую ему будущность, въ тоскѣ, можетъ быть, о покинутыхъ поляхъ своей родины, стѣсненное въ своихъ движеніяхъ, предпочитавшее побѣгать, пощипать траву, скучавшее очевидно непривычнымъ для него положеніемъ пассажира, выражало свое огорченіе въ жалобныхъ крикахъ, пискливомъ блеяніи и тому подобныхъ звукахъ. Развлекали себя на его счетъ и спутники его; то хворостиною его ударятъ, то ухо закрутятъ. Все дѣлалось на чистоту, по душѣ, и никто не ждалъ грознаго обвиненія. Были съ евреями индѣйки, куры и гуси, и эти не ощущали надобности оставаться безгласными. Вотъ правдивое соображеніе о происхожденіи тѣхъ звуковъ, которые стали вдругъ звуками и стонами ребенка, какъ только разнеслась вѣсть о похищеніи евреями Сарры. Покончимъ съ комической страницей дѣла; впереди предстоитъ что-то повидимому серьезное; это событіе въ домѣ предводителя дворянства князя Церетели. Что-то необычайное слышится, напоминающее какъ-будто событіе изъ первыхъ вѣковъ христіанства, Еврей, только-что покинувшій своихъ единомышленниковъ, бѣжитъ въ ближайшій домъ, домъ предводителя дворянства, и громкимъ

крикомъ заявляетъ, что пришелъ открыть сердечную тайну, говоритъ о замученномъ христіанскомъ ребенкѣ, о вѣрѣ христіанской, замученной евреями. Такъ и ждешь какого-то великаго событія, во-очію совершающагося обращенія еврея въ послѣдователя Христа. Предъ этимъ евреемъ не разверзлись небеса, онъ не слышалъ голоса: „Савле, что мя гониши!" но онъ только-что окончилъ пасхальную трапезу со своими друзьями, онъ знаетъ за ними преступленіе, возмутившее его совѣсть, отвратившее его отъ прежнихъ убѣжденій; предъ нимъ открылся свѣтъ истины, и онъ идетъ обличать великое преступленіе своихъ единовѣрцевъ. Еврей потонулъ въ человѣкѣ, и этотъ человѣкъ съ раскаяніемъ, съ желаніемъ порвать съ своимъ прошедшимъ, съ желаніемъ, можетъ быть, полнаго обновленія, приходитъ исполнить великій нравственный долгъ. Прибѣгаетъ Еликишвили и садится на землю. Нѣсколько разъ неистово кричитъ онъ: подайте мнѣ предводителя дворянства! Предводителя нѣтъ. У Еликишвили любопытствуютъ, на что ему предводителя? Сидя на землѣ все въ томъ же положеніи, продолжаетъ кричать Еликишвили, кричитъ такъ, что на крикъ сбѣгаются люди съ разныхъ сторонъ, кричитъ безъ всякой надобности, кричитъ. когда съ нимъ говорятъ обыкновеннымъ голосомъ, и все кричитъ: подайте мнѣ предводителя, я хочу открыть сердечную тайну! Пьянъ былъ Еликишвили, закрадывается во мнѣ подозрѣніе, по всему видно, что пьянъ. Спрашиваю свидѣтелей. Нѣтъ, говорятъ, мы стояли близко, никакого виннаго запаха не было слышно. Что же, можетъ быть, у свидѣтелей обоняніе не особенно сильно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы М. Еликишвили не былъ пьянъ. Мы его прогоняли, говорятъ свидѣтели, хотѣли удалить со двора. Зачѣмъ же вы прогоняли, спрашиваю, человѣка, который пришелъ по серьезному дѣлу, охотно разговариваетъ съ вами, хочетъ открыть сердечную тайну? Предводителя нѣтъ, положимъ, но Еликишвили вамъ безпокойства не причиняетъ? Напротивъ, онъ долженъ былъ возбуждать ваше вниманіе, любопытство, вы могли ждать отъ него разсказа о важномъ событіи. Зачѣмъ же было гнать со двора? На этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта не получаю. Справляюсь у мѣстнаго старшины, имѣя въ виду, что въ день происшествія праздновалась еврейская пасха, что Еликишвили былъ на праздничномъ обѣдѣ и что весьма возможно нѣкоторое съ его стороны послѣобѣденное возбужденіе. Бичія Душіашвили, свидѣтель, вызванный обвиненіемъ, говоритъ: да, М. Еликишвили человѣкъ вообще не пьющій, но изрѣдка раза два—три я видѣлъ его пьянымъ. Въ день пасхи онъ напился. Онъ обѣдалъ въ этотъ день въ еврейскомъ домѣ, по близости двора предводителя дворянства, затѣялъ тамъ драку, гнался съ деревяннымъ подносомъ за однимъ евреемъ; позвали проходившаго мимо старшину, тотъ вступился, связалъ Еликишвили, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ развязался и, ругаясь, побѣжалъ въ домъ предводителя. Вотъ объясненіе событія съ Еликишвили, и если онъ дѣйствительно даже говорилъ о замученномъ ребенкѣ, то и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ еще наканунѣ всѣ Сачхерцы знали о пропажѣ Сарры и о томъ, что ея похищеніе приписывается евреямъ. Выхожу со двора предводителя дворянства и встрѣчаю Іосифа Якобишвили,—это свидѣтель своеобразный, съ показаніемъ въ видѣ движущейся панорамы. Іосифъ Якобишвили, бывшій дьячекъ, бросилъ тихое и сладкогласное псалмопѣніе, и судьба, не то смѣясь надъ нимъ, не то серьезно указуя ему новый путь служенія, выдвинула его въ роль, которая требуетъ не только голоса, но и такта, добросовѣстности, правды, въ особенности правды. Онъ вдругъ совершенно неожиданно становится свидѣтелемъ двухъ фактовъ, важныхъ для обвиненія. Идетъ Якобишвили по улицѣ Сачхеръ, куда онъ прибылъ по своимъ дѣламъ, идетъ и остановился. Почему, спрашиваютъ его, вы остановились? Такъ себѣ, говоритъ. Думаю, могло случиться. Бываетъ, что часы идутъ и остановятся, а потомъ опять идутъ. Остановившись, Якобишвили видитъ, что мальчикъ лѣтъ одиннадцати подбѣжалъ къ еврею на улицѣ и спрашиваетъ: а что, замученнаго нашими ребенка отвезли въ ту же ночь или нѣтъ? и получаетъ за это отъ еврея подзатыльникъ и названіе осла. Якобишвили не понялъ собственно смысла словъ мальчика; онъ пошелъ своею дорогою. Но эти слова, значеніе которыхъ онъ не понялъ, остались въ его памяти, и онъ припомнилъ ихъ, когда, черезъ двѣ-три недѣли, онъ услыхалъ споръ по поводу обвиненія, взведеннаго на евреевъ. Страннымъ однако представляется то, что евреи, похитившіе Сарру, такъ неосторожно обращались съ предметомъ своего преступленія, что даже малые ребята знали о немъ и болтали на улицѣ. Но слова еврейскаго мальчика не единственное пріобрѣтеніе на пользу дѣла со стороны Якобишвили. Было еще другое, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ. Было это 6-го апрѣля. Идетъ онъ, разсказываетъ Якобишвили,—и на этотъ разъ не останавливается. Видитъ онъ, что десятскій ходитъ по домамъ евреевъ, стучитъ и созываетъ ихъ на сходъ; а Якобишвили все идетъ и идетъ, такъ что, надо полагать, десятскій очень скоропостижно заходилъ въ дома, дѣлалъ вызовы, да и самые дома были расположены какъ разъ по пути Якобишвили. Стучитъ десятскій въ одномъ домѣ и конечно, постучавъ, остановился, а Якобишвили все продолжаетъ идти. На стукъ выходитъ женщина. Десятскій проситъ ее вызвать сына. Между тѣмъ Якобишвили все идетъ. Женщина отвѣчаетъ: „Зачѣмъ вамъ моего сына? Онъ на сходъ не пойдетъ, онъ въ замученіи ребенка съ вами не участвовалъ, незачѣмъ ему быть на сходѣ". Якобишвили, не забывайте, все идетъ, да идетъ. Что же такое его показаніе, какъ не движущаяся панорама? Я припоминаю разсказъ, какъ одинъ сановникъ,

призвавъ къ себѣ художника, предложилъ ему написать картину баталіи, продолжавшейся четыре дня. Войска выступали, двигалась артиллерія, развертывалась и скакала кавалерія, колонны перемѣняли мѣста, шелъ бой, побѣда склонялась то въ ту, то въ другую сторону, и, наконецъ, на четвертый день на мѣстѣ битвы остались только трупы и стаи вороновъ. „Вамъ угодно, чтобъ я написалъ нѣсколько картинъ?" спросилъ художникъ. „Зачѣмъ нѣсколько, напишите все это на одной картинѣ". Художникъ отказался. Якобишвили—этотъ бы изобразилъ все на одной картинѣ. Выслушавъ разсказъ Якобишвили, спрашиваемъ десятскаго, не собиралъ-ли онъ 6-го апрѣля сходъ. Онъ отвѣчаетъ, что не могъ собирать сходъ, потому что это былъ день еврейской пасхи, и въ этотъ день, какъ день большого праздника, сходовъ не собираютъ. Модебадзе возражаетъ, что Нато Циціашвили не десятскій. Спрашиваемъ объ этомъ старшину Душіашвили. Онъ не еврей, и я всегда радъ, когда могу опираться на свидѣтеля-христіанина. Бичія Душіашвили подтверждаетъ, что схода 6-го апрѣля не было. Нато Циціашвили дѣйствительно десятскій, но схода собирать не могъ, потому что въ этотъ день въ сходѣ надобности не было. Разстанемся съ Якобишвили. Мнѣ предстоитъ говорить по поводу обвиненія Моши Циціашвили. Я долженъ вамъ открыться по душѣ. Если 61-лѣтній И. Хундіашвили возбуждаетъ во мнѣ серьезныя мысли, если я, смотря на него, не могъ отрѣшиться отъ мысли, что 61 годъ жизни Хундіашвили былъ первымъ годомъ его тюремнаго заключенія; если я смотрю на него и думаю, что нѣтъ условій, которыя бы застраховали отъ тюрьмы, что, собственно говоря, мѣста столь и нестоль отдаленныя есть только понятіе относительное, что въ сущности они близки каждому изъ насъ и что близость ихъ зависитъ отъ обстоятельствъ, которыми располагаетъ наша воля, — если Хундіашвили возбуждаетъ во мнѣ серьезныя мысли, то мои симпатіи посвящены Мошѣ Циціашвили. Я его люблю, какъ любитъ мать своего несчастнаго сына; Моша—это мой Іосифъ, котораго всѣ продаютъ, къ кому онъ братски обращается. И дѣйствительно, Моша замѣчательно несчастливъ, ничто ему не удается. Захотѣлъ Моша погадать о будущемъ. Онъ зналъ уже, что противъ него собирается грозное обвиненіе, а тутъ какъ нарочно подвернулся магъ и волшебникъ Комушидзе, который по пульсу узнавалъ судьбу человѣка. Мошѣ хочется немножко приподнять завѣсу будущаго, узнать, чѣмъ кончится его дѣло, которое его такъ безпокоитъ. Конечно, Моша преступаетъ этимъ законъ моисеевъ, запрещающій обращаться къ магамъ и волшебникамъ. Но если бы не было закона, не было-бы и преступленій. Съ другой стороны царь Саулъ былъ и посерьезнѣе Моши, да и тотъ обращался къ аендорской волшебницѣ, вызывая черезъ нее тѣнь Самуила. Моша тѣни Самуила не тревожилъ;

онъ желалъ только предложить свой пульсъ, чтобы Комушидзе посредствомъ его рѣшилъ вопросъ, сильно занимавшій Мошу.

Предсѣд. Я бы попросилъ не говорить лишняго и не касаться вещей, которыя къ дѣлу не идутъ.

Прис. пов. Александровъ. Я принужденъ касаться этого предмета только потому, что гаданье ставится въ улику М. Циціашвили въ обвинительномъ актѣ и я по необходимости долженъ считать эту улику существенною, ибо обвинительный актъ есть собраніе существенныхъ уликъ. Я думаю, что изъ показанія покушенія Моши на гаданье можно вывести заключеніе не о его виновности по дѣлу, а только о его нервной нетерпѣливости. Моша дѣйствительно нетерпѣливъ, онъ не можетъ спокойно выжидать теченія событій. Онъ обращается къ одному свидѣтелю по дѣлу и проситъ его ни о чемъ другомъ, какъ только сказать правду на слѣдствіи; Моша уже знаетъ, что этотъ свидѣтель указанъ какъ встрѣтившій будто-бы его въ ночь на 6-е апрѣля невдалекѣ отъ Дорбаидзе. Моша нетерпѣливъ,—это понятно въ его положеніи. Покажите правду, говоритъ онъ этому свидѣтелю, —скажите, что вы меня не встрѣчали, потому что вы вѣдь дѣйствительно меня не встрѣчали. И эти наивныя и невинныя слова, гдѣ нѣтъ никакого намека на подговоръ сказать неправду, и эти обращенія Моши къ свидѣтелю ставятся ему въ улику, и улика эта, какъ существенная, заносится въ обвинительный актъ. Нетерпѣливый Моша то и дѣло говоритъ о своемъ дѣлѣ, но и тутъ неудача. Онъ говоритъ, и какъ нарочно удается ему построить такое выраженіе, которое можно объяснить и такъ, и иначе. Свидѣтель Юркевичъ и прокуроръ понимаютъ это выраженіе въ одномъ смыслѣ, защита имѣетъ основаніе понимать его въ другомъ. Моша, говоритъ Юркевичъ, выразился такъ: „Если не будемъ хлопотать по нашему дѣлу, если будемъ сидѣть сложа руки, то докажется или окажется наша вина". Тутъ два смысла, и все зависитъ отъ того, надъ какимъ словомъ сдѣлать повышеніе голоса. „Докажется" наша вина,—понятно, что дѣло идетъ о дѣйствительно совершенномъ преступленіи. Повысьте голосъ надъ словомъ „наша", смыслъ будетъ другой: взвалятъ на насъ и окажется наша вина. Я полагаю, что Моша употребилъ это выраженіе именно во второмъ смыслѣ, потому что если-бы онъ имѣлъ въ виду первый смыслъ, то не сталъ-бы такъ громко говорить, чтобы Юркевичъ могъ слышать его слова. Что же связываетъ Мошу съ настоящимъ обвиненіемъ? Его встрѣтили, онъ ѣхалъ наканунѣ дня, когда найденъ трупъ Сарры, по сачхерской дорогѣ, вблизи коей оказался трупъ. Но въ дѣйствительности трупъ отъ этой дороги лежалъ далеко. Можно остановиться въ недоумѣніи надъ вопросомъ: зачѣмъ нужно было привозить трупъ такъ далеко, когда его можно было бросить въ другомъ ближайшемъ мѣстѣ. Свидѣтели говорятъ: мы видѣли, что ѣхали два еврея;

Мошу узнали. Моша былъ единственный еврей, котораго свидѣтели знали. Окликнули они Мошу, назвали его по имени, но встрѣтившіеся всадники не отвѣчали. Почему не отвѣчали? Не отвѣчали потому, что между ними не было М. Циціашвили, или не хотѣли отвѣтить, хотѣли скрыться—неизвѣстно. Возлѣ трупа оказались слѣды двухъ лошадей. Если видѣли Мошу вдвоемъ съ другимъ всадникомъ, и если затѣмъ оказываются возлѣ трупа слѣды двухъ лошадей, то кто же, заключаютъ, какъ не Моша привезъ трупъ? Но я полагаю, что Моши не было при встрѣчѣ съ двумя свидѣтелями, если даже они встрѣтили какихъ-либо всадниковъ. Моша Циціашвили вечеромъ былъ вмѣстѣ съ другими евреями у полицейскаго пристава, вмѣстѣ съ другими онъ просилъ поставить на ночь караулъ около еврейскихъ домовъ, такъ какъ евреи боялись, что ребенокъ въ виду сдѣланнаго противъ нихъ обвиненія, можетъ быть къ кому нибудь подброшенъ. Такая просьба, которая только случайно осталась безъ удовлетворенія, не указываетъ на предстоящую необходимость для Моши вывозить изъ Сачхеръ трупъ ребенка. Затѣмъ ночь на 6-е апрѣля была лунная, та ночь еврейской пасхи, которая въ отличіе отъ нашей празднуется въ полнолуніе. Въ свѣтлую ночь выѣзжать изъ селенія съ трупомъ Сарры Модебадзе было-бы рискованно. Предположить такую неосторожность со стороны Моши трудно. Да и зачѣмъ было увозить трупъ такъ далеко, когда этотъ трупъ можно было всюду спрятать, хотя-бы даже въ одномъ изъ еврейскихъ домовъ или огородовъ. Но какъ же объяснить слѣды двухъ лошадей около трупа? Относительно слѣдовъ лошадей я не стану исключительно основываться на свидѣтельствѣ Филимона Микадзе не потому, чтобы не вѣрилъ этому свидѣтелю; нѣтъ, личное мое впечатлѣніе было въ пользу того показанія, которое онъ далъ. Не знаю, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на васъ, гг. судьи, это зависитъ отъ вкуса и взгляда; на меня его показаніе произвело впечатлѣніе правды, но я не могу не признать, что свидѣтельство Микадзе нѣсколько запоздалое. Правда, я не согласенъ съ тѣмъ, что свидѣтельское показаніе Микадзе, данное здѣсь, находится въ противорѣчіи съ показаніемъ его на предварительномъ слѣдствіи, это не совсѣмъ справедливо. Здѣсь Микадзе показалъ болѣе того, что показалъ онъ на предварительномъ слѣдствіи; на предварительномъ слѣдствіи онъ далеко не показалъ всей правды; но то, что онъ показалъ тогда, не исключаетъ того, что онъ болѣе откровенно показалъ здѣсь. На предварительномъ слѣдствіи онъ говорилъ напр., что не видѣлъ слѣдовъ наноснаго песку на трупѣ. Но вѣдь на предварительномъ слѣдствіи вопросъ былъ о томъ, дѣйствительно-ли Сарра Модебадзе утонула или нѣтъ? Такого количества песку, чтобъ можно предположить утопленіе, на трупѣ не было. Здѣсь Модебадзе утверждаетъ, что были слѣды песку, но какіе? Крайне незначительные слѣды, которые

могли быть оставлены мышами или другими звѣрями, которые бѣгали по трупу. Наконецъ, эти слѣды песка, какъ и замѣченные слѣды сырости, могли остаться отъ дождя, подъ которымъ трупъ оставался у забора; частицы песку могли быть занесены на трупъ вѣтромъ. Такимъ образомъ въ теперешнемъ показаніи Микадзе я не вижу противорѣчія съ тѣмъ показаніемъ, которое далъ онъ на предварительномъ слѣдствіи. Какъ совершенно новое, Микадзе между прочимъ разсказалъ здѣсь умолчанное имъ прежде о происхожденіи конныхъ слѣдовъ возлѣ трупа Сарры. Я принялъ, гг. судьи, за правило оперировать только тѣми доказательствами, которыя считаетъ достовѣрными самъ обвинитель. Я не стану опираться на показаніе Микадзе, которое, какъ данное поздно, можетъ быть заподозрѣно обвиненіемъ, но для меня важно это показаніе въ томъ отношеніи, что оно даетъ мнѣ мысль объяснить хотя-бы только предположительно, какъ возможное, происхожденіе слѣдовъ возлѣ трупа. Микадзе говоритъ, что родственники Сарры, узнавъ о розысканіи трупа, на двухъ лошадяхъ отправились къ мѣсту трупа, съ дороги свернули по направленію къ трупу и тѣмъ же путемъ вернулись назадъ. Дѣйствительно, весьма возможно, что при первомъ извѣстіи о розысканіи Сарры въ трехъ верстахъ отъ дома ея отца семейные Сарры на лошадяхъ поспѣшили къ трупу и слѣды лошадей возлѣ трупа оставлены были пріѣзжавшими посмотрѣть Сарру. Въ справедливости этого моего предположенія убѣждаетъ меня не показаніе Микадзе, которое только наводитъ меня на эту мысль, а другое соображеніе, имѣющее, для меня по крайней-мѣрѣ, всю силу убѣдительности. Трупъ Сарры Модебадзе найденъ уже послѣ того, какъ подозрѣніе было заявлено противъ евреевъ. Вы знаете, гг. судьи, что родственники Сарры ничего не пропускали, чтобъ обличить вину евреевъ. Вы помните, что, по ихъ словамъ, у Сарры оказались даже порѣзы подъ колѣнами, въ дѣйствительности никогда не существовавшіе, какъ это безспорно доказано. Безъ сомнѣнія, эти люди, которые для своихъ цѣлей находили возможнымъ изобрѣтать порѣзы у Сарры, видя слѣды двухъ лошадей около мѣста нахожденія трупа, слѣды свѣжіе, происхожденія которыхъ они однако не знали, не простили-бы ихъ евреямъ, не упустили бы въ свое время обратить на нихъ вниманіе. Тогда же бы они указали на эти предательскіе слѣды, какъ на доказательство того, что ребенокъ не самъ пришелъ къ стѣнѣ виноградника, но что его привезли неизвѣстные люди на двухъ лошадяхъ и подбросили. Но объ этихъ слѣдахъ ничего не было говорено, никто не возбудилъ вопроса и подозрѣнія, а людей, осматривавшихъ трупъ и мѣстность въ самое первое время по розысканіи трупа, было много. Конечно, они останавливались на вопросѣ, какъ попала дѣвочка къ забору виноградника, конечно въ сужденіяхъ, въ предположеніяхъ о характерѣ случая не было недостатка. Ко-

нечно, было обращено вниманіе и на положеніе трупа, и на мѣстность, гдѣ трупъ находился, конечно вспоминали о евреяхъ, которыхъ до того подозрѣвали, и среди естественныхъ разсужденій о всѣхъ этихъ предметахъ никто не замѣтилъ возлѣ самого трупа свѣжіе слѣды двухъ лошадей и никто не указалъ на эти слѣды. Этого нельзя допустить. Нѣтъ, происхожденіе этихъ слѣдовъ понимали и не могли не смотрѣть на нихъ какъ на улику, какъ на указаніе, что трупъ Сарры привезенъ и подброшенъ. Слѣдами воспользовались послѣ, когда приставъ, не зная дѣйствительнаго происхожденія этихъ слѣдовъ, обратилъ на нихъ вниманіе. Тогда эти слѣды стали приводить въ связь съ привозомъ трупа Сарры, тогда оказалось, что никому не пришло въ голову обратить вниманіе на слѣды. „Мы, дескать, люди простые, не доглядѣли. А вотъ порѣзы подъ колѣнами доглядѣли". Я покончилъ съ разборомъ уликъ, которыя выставляютъ обвинительный актъ и обвинительная рѣчь. Я могъ бы, какъ совершенно справедливо замѣтилъ прокуроръ, задачу мою ограничить только тѣмъ, чтобы опровергнуть выставленныя улики. Я не слѣдователь, я не прокуроръ, не лицо, производящее дознаніе, я не обязанъ искать объясненія, какъ, отчего послѣдовала смерть Сарры, я могу оставаться въ полномъ на этотъ счетъ недоумѣніи и тѣмъ не менѣе просить для обвиняемыхъ оправдательнаго приговора. Но въ настоящемъ дѣлѣ есть достаточно данныхъ, которыя даютъ возможность разъяснить случай смерти Сарры Модебадзе. Пусть эти объясненія будутъ только предположеніемъ; важно, что можно допустить это предположеніе и что оно не только не противорѣчитъ даннымъ дѣла, но даже ими подтверждается, что предположеніе это во всякомъ случаѣ болѣе состоятельно чѣмъ предположеніе о похищеніи евреями Сарры для какой-то невѣдомой цѣли. Я объясняю случай смерти Сарры такимъ образомъ. Сарра очевидно пошла съ мѣста выжиганія бѣлилъ домой. Это заключеніе я основываю на томъ разговорѣ, который былъ у нея съ сестрой ея Маіей и о которомъ свидѣтельствуетъ Турфа Цходадзе. Турфа Цходадзе говоритъ, что, уходя за валежникомъ, Маія сказала сестрѣ: „Уходи домой, намъ обѣимъ здѣсь оставаться нечего". По всей вѣроятности, послѣ этого дѣвочка рѣшилась отправиться домой и дѣйствительно, не прощаясь ни съ кѣмъ,—да очевидно этого и не находили нужнымъ,—ушла незамѣченною. Когда вернулась Маія и Сарры не было, всѣ подумали, что дѣвочка пошла домой. Пойти домой она могла по верхней тропинкѣ, идущей по плоскогорью. На этой тропинкѣ видѣли ее С. Церетели и Коджаія, когда она шла къ Цходадзе; вернуться ей домой по той же тропинкѣ было совершенно естественно. Зачѣмъ ей было для возвращенія домой спускаться на садзаглихевскую дорогу? Тамъ предстоялъ ей подгорный стокъ, который былъ для нея тяжелъ, а затѣмъ горный подъемъ у дома отца. Мы имѣемъ показанія многихъ свидѣтелей о томъ, что во

время, совпадающее съ временемъ исчезновенія Сарры послѣ проѣзда евреевъ, густой туманъ палъ на ту мѣстность, гдѣ находилось селеніе Перевиси. Я признаю лживымъ свидѣтельство Д. Церетели; но въ этомъ свидѣтельствѣ, изъ котораго такъ много черпаетъ обвиненіе, я возьму только одно указаніе, по моему мнѣнію, совершенно свободное отъ подозрѣнія во лжесвидѣтельствѣ, потому что это указаніе въ цѣломъ строѣ показаній Д. Церетели представляется незначительнымъ. Д. Церетели говоритъ, что послѣ проѣзда евреевъ палъ такой густой туманъ, что онъ, боясь, чтобы не заблудилась скотина въ лѣсу, отправился ее отыскивать и загонять. Конечно, скотина—животное неразумное, она съ человѣкомъ сравнена быть не можетъ; но если мы сравнимъ эту скотину съ шестилѣтнею дѣвочкою, то не можемъ не придти къ заключенію, что если скотина, которая руководится инстинктомъ, могла въ туманѣ заблудиться, если этотъ туманъ относительно скотины могъ возбудить опасенія Д. Церетели, то нѣтъ ничего удивительнаго, что Сарра, направившись по тропинкѣ и достигши того мѣста, гдѣ эта тропинка развѣтвляется и впадаетъ съ одной стороны направо въ дорбаидзевскую дорогу, а съ другой—налѣво ведетъ къ дому Модебадзе, что въ туманѣ, который препятствовалъ видѣть передъ собою въ нѣсколькихъ шагахъ, Сарра попала на правую вѣтвь тропинки, тогда какъ она должна была идти налѣво. Попавъ на этотъ путь, она выходила на дорбаидзевскую дорогу, по которой она и пошла сначала, думая, что она идетъ къ дому отца, а потомъ, вѣроятно догадавшись, что она ошиблась и заблудилась, шла до какого-либо жилья, гдѣ бы она могла узнать дорогу домой и вернуться. Очевидно Сарра шла по дорбаидзевской дорогѣ до тѣхъ поръ, пока не дошла до мѣста, съ котораго она могла увидать каменную стѣну. Увидѣвши эту стѣну и думая вѣроятно, что это слѣдъ жилья, она пошла по направленію къ стѣнѣ. Замѣтивъ однако, что жилья нѣтъ, не догадываясь, какъ попасть въ деревню, конечно утомленная и истощенная продолжительною ходьбою, въ испугѣ, Сарра усѣлась около стѣны на покатости, гдѣ она потомъ и была найдена. Конечно она кричала, плакала. Но крика Сарры, говорятъ, никто не слыхалъ, а между тѣмъ по произведенному опыту, съ мѣста, на которомъ нашли Сарру, звуки человѣческаго голоса слышны въ деревнѣ Дорбаидзе. Но произведенный опытъ не можетъ опровергнуть того предположенія, что Сарра Модебадзе кричала и крикъ ея однако не былъ услышанъ. Иное дѣло напрягать вниманіе, слушать, когда предупрежденъ о томъ, что слѣдуетъ слушать, какъ это было при производствѣ опыта, и другое дѣло, когда человѣкъ не предупрежденъ, не обращаетъ вниманія, не прислушивается, когда кричащій находится въ полѣ, а тотъ, кто могъ бы услышать крикъ, сидитъ запершись въ домѣ. Слышать голосъ взрослаго—одно, а совсѣмъ другое услышать крикъ ослабѣвшаго

шестилѣтняго ребенка. Наступила тяжелая ночь. Сарра не знала, куда дѣваться, куда идти. Ей предстояло одно—остаться на этомъ мѣстѣ у стѣны. На этомъ мѣстѣ она уснула. Ее такъ и нашли. Если вѣрить показанію Ф. Микадзе,—а не вѣрить ему, по-крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, нѣтъ основанія, — Сарра найдена въ полусидячемъ положеніи, согнувши нѣсколько ноги, опираясь спиною на покатость. Отчего Сарра умерла? Отъ истощенія, отъ утомленія, отъ дождя, отъ ночнаго холода, наступившаго за этимъ дождемъ. Вѣдь для того, чтобы умереть отъ ночнаго холода шестилѣтнему ребенку, который былъ одѣтъ въ рубище, босый, промокшій отъ дождя, истощенный ходьбою, голодный, не нужно температуры ниже 0°,—Сарра могла умереть отъ холода даже при 3 или 4 градусахъ выше нуля. Мы, взрослые люди, съ трудомъ переносимъ въ комнатѣ температуру 10—12°, что же удивительнаго, что ребенокъ могъ умереть, пробывши долго подъ холоднымъ дождемъ. Случай съ Саррой—ни что иное какъ несчастіе. У насъ, къ сожалѣнію, нерѣдки такіе случаи съ дѣтьми, за которыми родители по бѣдности средствъ, а иногда и по небреженію, не имѣютъ внимательнаго присмотра. Случаи эти не возбуждаютъ ни въ комъ подозрѣнія, объясняются очень просто, какъ объяснили вначалѣ и случай съ Саррою Модебадзе. Когда трупъ ея нашли, причина смерти была для всѣхъ ясна, и ни въ комъ, ни въ родныхъ, ни въ старшинѣ, ни въ постороннихъ свидѣтеляхъ, не возбудилось никакихъ подозрѣній относительно причины смерти. Старшина, который, конечно, зналъ, какъ слѣдуетъ поступать въ случаяхъ сомнительной смерти, безъ колебанія согласился на просьбу І. Модебадзе отдать домой тѣло дочери, и умершая была похоронена родителями безъ заявленій какихъ-либо подозрѣній. На тѣлѣ Сарры Модебадзе нашлись однако нѣкоторыя подозрительныя пораненія. Наружные знаки на трупѣ—обстоятельство очень важное. Іосифъ Модебадзе и все его семейство замѣчательно, поняли что вся сущность ихъ подозрѣній на евреевъ держится на замѣченныхъ наружныхъ знакахъ на трупѣ. Но такъ какъ этихъ наружныхъ знаковъ было мало, такъ какъ этимъ знакамъ не безъ основанія приписывалось посмертное происхожденіе, то нужно было указать что либо болѣе серьезное, и вотъ послѣ того какъ трупъ былъ освидѣтельствованъ и зарытъ на вѣчный покой, является со стороны родственниковъ Сарры заявленіе, что у нея были порѣзы подъ колѣнами. Въ виду этого заявленія трупъ былъ снова вырытъ, было произведено вторичное освидѣтельствованіе мѣстнымъ медицинскимъ авторитетомъ, произведено оно было въ присутствіи отца, которому показаны были подколѣнки его дочери, для того, чтобы онъ могъ убѣдиться собственными глазами, что порѣзовъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе все семейство Модебадзе заявляетъ и здѣсь, что были порѣзы. Тщетно г. прокуроръ старается чрезъ разспросы объяснить чѣмъ-нибудь это очевидно ложное свидѣтельство; онъ

спрашиваетъ у свидѣтелей, не были ли это пятна на тѣлѣ, не приняли ли свидѣтели пятенъ на трупѣ за порѣзы? Нѣтъ, съ каждымъ отвѣтомъ утверждаютъ они болѣе и болѣе существованіе порѣзовъ и добавляютъ: это были глубокіе порѣзы. Послѣ этого прокуроръ уже болѣе вопросовъ не дѣлаетъ. Вы, г. предсѣдатель, вновь передопрашиваете этихъ свидѣтелей о порѣзахъ, вы стараетесь найти какое-либо объясненіе очевидно ложному показанію, вы ищете возможности объяснить ихъ слова ошибкою. Нѣтъ, новыя утвержденія, и теперь уже не о порѣзахъ, а о глубокихъ ранахъ. Теперь остановимся на знакахъ на рукахъ. Знаки на рукахъ, по моему мнѣнію, объясняются весьма легко, какъ объяснили ихъ врачъ Берно и докторъ Гульбинскій. Они говорятъ, что полевыя мыши или другія какія нибудь-грызущія животныя могли обгрызть эти мягкія части. Раны не были вырѣзанными, а были выгрызенными; они затрогивали только кожу и не проникали ни въ мышцы, ни въ сухожилія. По мнѣнію врача Берно, который дѣйствительно можетъ быть признанъ свидѣтелемъ очевидцемъ, раны были посмертными и притомъ рваными. Говорятъ, свидѣтельство врача Берно не заслуживаетъ вниманія, мнѣніе его невѣрно и не имѣетъ значенія. Это не совсѣмъ такъ. Если въ свидѣтельствѣ врача Берно и не соблюдены всѣ условія, которыя требуются для актовъ этого рода, то во всякомъ случаѣ въ немъ содержатся такіе факты, которые подтверждены г. Ахумовымъ, помощникомъ мироваго судьи, присутствовавшимъ при вскрытіи Сарры и, вопреки мнѣнію врача Берно, подозрѣвавшимъ въ случаѣ смерти Сарры слѣды преступленія. Ахумовъ говоритъ, что описаніе ранъ, какъ оно сдѣлано врачомъ Берно, -вѣрно, но что онъ разошелся съ врачомъ только относительно времени происхожденія этихъ ранъ. Это разномысліе было въ виду высшей гражданской медицинской власти на Кавказѣ, и признано по отношенію ранъ, —въ чемъ согласны и Берно, и Ахумовъ, —что раны, по всей вѣроятности, посмертныя и что если даже допустить прижизненное происхожденіе этихъ ранъ, то извлеченное изъ нихъ количество крови могло быть только самое незначительное. Если стать на почву обвиненія, то происхожденіе ранъ и количество крови имѣетъ серьезное значеніе. Весьма важно и другое мнѣніе общаго присутствія управленія медицинскою частію на Кавказѣ, которое допускаетъ возможность объяснить смерть Сарры дѣйствіемъ не только утопленія, удушенія но и другихъ причинъ, за исключеніемъ одного —смерти отъ потери крови. Вскрытіе дѣйствительно обнаружило переполненіе кровью внутреннихъ органовъ. И такъ, раны на рукахъ, если бы вопреки мнѣнію врачей и принять ихъ прижизненное происхожденіе, не дали и не могли дать много той драгоцѣнной крови, которая повидимому должна бы составлять существенную цѣль похищенія Сарры. Это соображеніе даетъ мнѣ поводъ, гг. судьи, привести вамъ одинъ аргументъ, которымъ я и закончу

разборъ фактической стороны дѣла. Это было уже давно, вѣка три тому назадъ: въ одной изъ мѣстностей Россіи судили какую-то старуху по обвиненію въ томъ, что она вѣдьма, портитъ людей, разныя бѣды накликаетъ на мѣстность. Множество уликъ, множество свидѣтелей было собрано противъ старухи, но она энергически защищалась. Это не басня, гг. судьи, у насъ извѣстны процессы о вѣдьмахъ, они существовали и въ Западной Европѣ, хотя теперь сдѣлались явленіемъ невозможнымъ. Изнемогая подъ тяжестью уликъ, старуха однако такъ энергически защищалась, что производила впечатлѣніе. Судьи колебались и медлили приговоромъ. Тогда изъ публики,—обычаи въ то время были проще, и публикѣ не воспрещалось высказывать свои мнѣнія,—тогда изъ публики одинъ мудрый старецъ, нетерпѣливый видѣть торжество правосудія, для того, чтобы подавить ее силою безспорнаго доказательства, говоритъ судьямъ: „Да что вы на нее смотрите? Если она вѣдьма, у нея долженъ быть хвостъ, потому что вѣдьма всегда съ хвостомъ, и скрыть этого хвоста она никакъ не можетъ.“ Изслѣдовали, — хвоста не оказалось; старуха ушла оправданной къ великому огорченію старца, побитаго его же аргументомъ. Я не имѣю авторитета старца, тѣмъ болѣе мудраго, но мнѣ кажется я могу воспользоваться и для настоящаго дѣла мыслью старца. Вѣдь оба дѣла—и настоящее, и о вѣдьмахъ—по характеру своему довольно близки между собою. Я спрашиваю: если, обращая вниманіе на эти раны, хотятъ доказать, что онѣ были ранами прижизненными, что онѣ были произведены для извлеченія изъ ребенка крови съ извѣстною религіозною цѣлью, то дайте характеристическіе признаки, о которыхъ существуетъ цѣлое обрядовое богословіе. Укажите тѣ характеристическіе признаки, которые бы показывали, что этотъ ребенокъ похищенъ евреями съ цѣлію добыванія крови. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь эти признаки составляютъ цѣльный кодексъ, по которому обыкновенно люди, поддерживающіе обвиненіе противъ евреевъ, признаютъ и доказываютъ, что ребенокъ похищенъ евреями и похищенъ для извѣстной цѣли. Гдѣ же слѣды катанья въ бочкѣ, гдѣ слѣды полукруглаго долота для выдалбливанія жолоба для стока крови? Гдѣ обрѣзаніе ногтей и сосковъ на груди. А обрѣзаніе ногтей — предварительное слѣдствіе тщательно изслѣдовало, и этого обрѣзанія не оказалось. Гдѣ же знаки и синяки отъ тугихъ перевязокъ? Гдѣ знаки, которые показывали, что кожа какъ будто истерта? И этого нѣтъ. Нѣтъ хвоста, нѣтъ вѣдьмы. Этимъ послѣднимъ, надѣюсь, весьма сильнымъ, а въ особенности самымъ соотвѣтственнымъ свойству настоящаго обвиненія, аргументомъ я оканчиваю разборъ фактической стороны дѣла.

Мнѣ остается говорить о внутренней сторонѣ преступленія, приписываемаго обвиняемымъ, о побужденіяхъ и цѣляхъ похищенія Сарры Модебадзе. Цѣль побужденія всегда играетъ существенную или покрайней-мѣрѣ важную роль не только въ опредѣленіи свойства преступленія, внутренней виновности преступника, но и въ системѣ доказательствъ и уликъ въ совершеніи лицомъ дѣянія. Не всегда конечно эта цѣль и побужденіе могутъ быть доказаны, съ точностью опредѣлены, но покрайней-мѣрѣ они должны предполагаться, какъ возможныя и вѣроятныя. Если дѣяніе безцѣльно, если оно не можетъ быть объяснено, хотя бы предположительно, никакимъ возможнымъ побужденіемъ, тогда возникаетъ основательное сомнѣніе или въ дѣйствительности существованія этого дѣянія, или во вмѣняемости его, какъ дѣянія безцѣльнаго, безмотивнаго, а слѣдовательно едвали и здравомысленнаго. Цѣль похищенія и задержанія Сарры Модебадзе, говоритъ прокуроръ, слѣдствіемъ не обнаружена или не вполнѣ обнаружена. Полно, такъ-ли? Цѣль не была обнаруживаема, она, и то не всегда, не была называема, не была доказываема, но обнаруживать ее и не было надобности, ибо для обвинителей она всегда была ясна. Когда, сопоставивъ исчезновеніе Сарры съ проѣздомъ евреевъ, заявляли подозрѣніе въ похищеніи ребенка на евреевъ, въ чемъ лежала основа этого подозрѣнія—въ проѣзжавшемъ или въ евреѣ?—Конечно въ евреѣ. Ни грузинъ, ни армянинъ, ни вообще христіанинъ не былъ-бы заподозрѣнъ въ похищеніи ребенка при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ исчезла Сарра, потому что такое похищеніе показалось бы безцѣльнымъ. Подозрѣніе, а затѣмъ и слѣдствіе направились бы на другіе пути раскрытія истины. Что до еврея, то цѣль похищенія казалась ясна и побужденіе несомнѣнно. Цѣль похищенія слѣдствіемъ не вполнѣ обнаружена, говоритъ прокуроръ. А развѣ слѣдствіе старалось обнаружить эту цѣль? Развѣ имъ было предпринято что-либо въ этомъ направленіи? Если когда-либо для настоящаго слѣдствія цѣль была не ясна, если она возбуждала сомнѣніе и недоумѣніе, требовавшія разъясненія, то слѣдуетъ сознаться, что это сомнѣніе, эта неясность убѣжденій слѣдователя и прокурора не оставили никакихъ видимыхъ слѣдовъ въ актахъ слѣдствія. Цѣль похищенія не обнаружена, говоритъ прокуроръ, а между тѣмъ два раза въ томъ же обвинительномъ актѣ онъ датируетъ разныя обстоятельства кануномъ еврейской пасхи. Что за своеобразная дата? Если простолюдины означаютъ иногда время праздниками и постами, то это имѣетъ свои причины, не приложимыя къ просвѣщенному составителю обвинительнаго акта. Къ чему въ русскомъ обвинительномъ актѣ еврейскій календарь, если съ нимъ не связывается, какъ въ настоящемъ случаѣ, указанія на цѣль преступленія, на его смыслъ и значеніе? Еврейская пасха не говоритъ, она киваетъ на цѣль похищенія Сарры Модебадзе, и этотъ кивокъ вразумителенъ не менѣе словъ. Нѣтъ, ужъ нечего шила въ мѣшкѣ таить. Надо поставить прямо вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ и мистическихъ цѣлей. Не

пугайтесь, гг. судьи. Я не ставлю моею задачею подробный разборъ этого вопроса съ его исторической, литературной и религіозной сторонъ. Съ одной стороны этого не дозволяютъ мнѣ размѣры и характеръ судебныхъ преній; съ другой—мои сужденія по этому вопросу, какъ не специалиста въ еврейской исторіи и литературѣ, не могли бы быть самостоятельныя и, какъ неоснованныя на непосредственномъ изученіи источниковъ, не могли бы конечно внести ничего новаго въ обширныя работы, составившія богатую литературу вопроса. Не сомнѣваясь затѣмъ, что въ вашихъ сужденіяхъ по настоящему дѣлу вы постараетесь и сами устранить вліяніе возбуждаемаго мною вопроса, я хочу только изложеніемъ немногихъ соображеній представить нѣкоторый противовѣсъ тому подозрѣнію, на которое наводитъ невольно обвиненіе по настоящему дѣлу,—подозрѣніе, которое вы не въ состояніи будете забыть или вычеркнуть изъ вашихъ мыслей и которое опасно въ томъ отношеніи, что оно помимо вашего желанія можетъ оказать неотвратимое вліяніе на оцѣнку внѣшнихъ фактовъ дѣла, уликъ и доказательствъ виновности. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстна по крайней мѣрѣ ближайшая часть литературы, относящейся къ возбуждаемому мною вопросу. Въ 1876 году въ русской литературѣ появилось сочиненіе Лютостанскаго. Родившійся евреемъ, бывшій раввиномъ, промѣнявшій одежды раввина на сутану католическаго ксендза, сутану на рясу православнаго іеромонаха и эту послѣднюю на сюртукъ мірянина, Лютостанскій составилъ длинный, не хочу сказать доказательный и сильный, обвинительный актъ противъ евреевъ, погрѣшивъ въ немъ разомъ и противъ добросовѣстности честнаго человѣка, и писателя, ибо не указалъ главнаго источника своего сочиненія—записки директора департамента иностранныхъ исповѣданій Скрипицына, составленной въ 1844 году и въ прошедшемъ году обнародованной въ газетѣ „Гражданинъ",—записки, относительно которой сочиненіе Лютостанскаго въ значительной своей части представляетъ лишь перепутанную и извращенную перепечатку; погрѣшивъ и противъ серьезности, и безпристрастія литературнаго слѣдователя, ибо въ своей тенденціозной рекламѣ Лютостанскій представляется невѣдающимъ такого серьезнаго сочиненія по разбираемому Лютостанскимъ вопросу, появившагося еще въ 1861 г., какимъ представляется сочиненіе профессора Хвольсона, глубоко ученаго гебраиста, всю свою долгую ученую жизнь посвятившаго еврейской литературѣ и исторіи, человѣка, принявшаго христіанство по искреннему убѣжденію, человѣка честной жизни и безупречной нравственности, ветерана-профессора двухъ высшихъ—свѣтскаго и духовнаго учебныхъ заведеній. Глубоко и серьезно, какъ истый добросовѣстный ученый, пользуясь всею обширною литературою вопроса, разбираетъ Хвольсонъ въ своемъ сочиненіи вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови, подвергая его всестороннему обсужденію, разбирая шагъ за шагомъ всѣ доводы своихъ противниковъ и основывая свои опроверженія на непосредственномъ знакомствѣ съ самыми отдаленными историческими и литературными источниками. Этимъ сочиненіемъ г. Хвольсона, съ которымъ слѣдовало бы почаще справляться нашимъ обвинителямъ и которое я стыжусь назвать противовѣсомъ сочиненію Лютостанскаго,—до того они несоизмѣримы между собою по своему характеру, — я прошу позволенія воспользоваться, чтобы представить мои соображенія по занимающему насъ вопросу. Древніе христіане никогда не обвиняли евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Напротивъ, христіане первыхъ вѣковъ сами были обвиняемы въ употребленіи крови, такъ что древніе апологеты христіанства, какъ Тертулліанъ, Августинъ и друг., находились вынужденными оправдывать христіанъ во взводимомъ на нихъ обвиненіи. Замолкнувшее съ побѣдою христіанства обвиненіе противъ нихъ возобновилось уже со стороны христіанъ противъ евреевъ не раньше двѣнадцатаго вѣка и получило болѣе значительное распространеніе лишь въ тринадцатомъ вѣкѣ. Съ тѣхъ поръ и до конца шестнадцатаго вѣка кровавою полосою проходитъ въ исторіи преслѣдованіе евреевъ по разнымъ случаямъ обвиненія въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей съ цѣлью полученія крови для разныхъ религіозныхъ, мистическихъ и медицинскихъ цѣлей. Періодомъ особенной жизненности такихъ обвиненій былъ періодъ крайняго умственнаго застоя и невѣжества, суевѣрія и религіознаго фанатизма. Дѣтоубійство въ средніе вѣка встрѣчалось очень часто; чтобъ избавиться наказанія за преступленіе, дѣтоубійцы первые распространяли молву, что найденное убитое дитя есть дѣло рукъ ненавистныхъ евреевъ. Съ другой стороны средніе вѣка были по преимуществу вѣками выдумыванія благочестивыхъ обмановъ, чудесъ и убѣжденія людей посредствомъ суевѣрія. Всякая мѣстность нуждалась въ чудотворныхъ образахъ, мѣстной святынѣ, мѣстныхъ чудотворныхъ мощахъ или вообще въ какихъ-либо средствахъ внушенія благоговѣнія. Мертвое дитя, убійство котораго можно было взвести на евреевъ, являлось удобнымъ случаемъ имѣть своего мѣстнаго мученика вѣры, свою мѣстную святыню, привлекавшую благоговѣніе своихъ и чужихъ и становившуюся доходною статьею не только для клерикальныхъ установленій, но и для цѣлой мѣстности, куда привлекалась масса народа, спѣшившаго довѣрчиво выразить свое благоговѣніе провозглашенному мученику. Тысячи безвинно-казненныхъ, сожженныхъ и замученныхъ евреевъ и еще большія тысячи изгоняемыхъ и преслѣдуемыхъ были плодомъ средневѣковаго суевѣрія, невѣжества и фанатизма. Но уже до реформаціи были пастыри церкви, имѣвшіе вѣсъ и значеніе въ христіанствѣ и не страшившіеся подозрѣнія со стороны ученой и неученой толпы, а послѣ реформаціи и многіе міряне, которые ревностно заступались за евреевъ и смѣло ополчались на нелѣпое обвиненіе. Многіе

папы, какъ Григорій IX, Климентъ VI, Сикстъ IV и другіе, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія основаній, на которыхъ опирается мнѣніе, будто евреи употребляютъ человѣческую кровь и что ради этого они будто бы способны на убійство христіанскихъ дѣтей, признавали и возвѣщали торжественно, что нѣтъ никакихъ доказательствъ, достаточно ясныхъ и вѣрныхъ, чтобы признать справедливымъ существующее противъ евреевъ предубѣжденіе и объявить ихъ виновными въ подобныхъ преступленіяхъ. Подъ вліяніемъ оппозиціи, шедшей изъ нѣдръ самого христіанства, подъ вліяніемъ реформаціи, успѣховъ цивилизаціи и раціоналистической критики, рушилось средневѣковое обвиненіе противъ евреевъ, и съ половины семнадцатаго вѣка Западная Европа не знаетъ уже процессовъ по обвиненію евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Даже простые слухи о случаяхъ добыванія евреями мученической христіанской крови исчезли, и въ этомъ отношеніи обвинители евреевъ за полтора вѣка могли сослаться только на одинъ случай, и то послѣдній, ничѣмъ не подтвержденный и имѣвшій мѣсто въ 1823 г. въ Баваріи. Съ тѣхъ поръ такія обвиненія противъ евреевъ остались только въ Польшѣ, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и на Востокѣ — въ Турціи, Сиріи и здѣсь, на Кавказѣ. Но и въ Россіи правительство сдѣлало торжественное отъ лица Монарха заявленіе противъ взводимаго на евреевъ обвиненія. Въ 1817 г. состоялось высочайшее императора Александра I повелѣніе слѣдующаго содержанія: „По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, яко бы для полученія христіанской крови, его императорское величество, пріемля во вниманіе, что таковые извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, высочайше повелѣть соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что яко бы они имѣютъ нужду въ христіанской крови; но если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однакожъ, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличились бы въ преступленіи смертоубійства“. Подъ вліяніемъ такого торжественнаго и высокоавторитетнаго заявленія, подъ вліяніемъ тѣхъ простыхъ соображеній, что убійство и употребленіе крови въ снѣдь воспрещены коренными догматами ветхозавѣтной религіи и талмудическихъ ученій, обвиненіе противъ евреевъ должно было ограничиться, съузиться до той формы и предѣловъ, въ которыхъ оно могло бы еще влачить между лег-

ковѣрными людьми свое жалкое въ послѣднихъ позорныхъ издыханіяхъ существованіе. Теперь уже и ярый обвинитель еврейства, пожелавшій выдать себя за охранителя христіанскихъ дѣтей отъ изувѣрнаго неистовства, покусившійся, негодными впрочемъ средствами, возвести средневѣковую невѣжественную басню на степень историко-богословскаго изслѣдованія, Лютостанскій говоритъ: Обычай употребленія крови, не составляя вовсе религіозной принадлежности цѣлаго еврейства, составляетъ религіозную особенность невѣжественныхъ фанатическихъ талмудистовъ-сектаторовъ. „Обрядъ этотъ, говоритъ Скрипицынъ въ своей запискѣ, — не только не принадлежитъ всѣмъ вообще евреямъ, но даже безъ всякаго сомнѣнія весьма немногимъ извѣстенъ. Онъ существуетъ только въ сектѣ хасидовъ, но и тутъ онъ составляетъ большую тайну, можетъ быть не всѣмъ имъ извѣстенъ и по-крайней мѣрѣ, конечно не всѣми хасидами и не всегда исполняется. Польша и западныя губерніи наши, служащія со временъ среднихъ вѣковъ убѣжищемъ закоренѣлаго и невѣжественнаго жидовства, представляютъ и понынѣ самое большое число примѣровъ подобнаго изувѣрства, особенно губернія Витебская, гдѣ секта хасидовъ значительно распространилась“. По поводу мнѣнія Скрипицына я прежде всего долженъ замѣтить, что покойному директору департамента иностранныхъ исповѣданій, вѣдающаго дѣла евреевъ, подобало бы знать, что секта хасидовъ появилась между евреями лишь около половины прошедшаго столѣтія и распространилась постепенно въ Литвѣ, Польшѣ и Галиціи, а обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови возникло и жило въ Западной Европѣ уже съ двѣнадцатаго вѣка. Далѣе, если Польша и наши западныя губерніи служатъ убѣжищемъ невѣжественнаго жидовства, какъ выражается Скрипицынъ, и представляютъ большую часть примѣровъ изувѣрнаго умерщвленія христіанскихъ дѣтей, то не слѣдуетъ забывать и того, что эти же мѣстности населены и другими племенами: русскимъ, польскимъ, литовскимъ, которыя въ низкихъ своихъ соціальныхъ слояхъ не представляютъ также высокой степени образованія и культуры и которыя наравнѣ съ евреями ждутъ просвѣщенія отъ интеллигентныхъ и счастливѣе ихъ въ соціальномъ отношеніи поставленныхъ своихъ единоплеменниковъ. Если невѣжественная масса еврейства способна, по мнѣнію Скрипицына, представлять примѣръ невѣжественнаго изувѣрства, то другая не менѣе невѣжественная масса населенія способна вѣрить такимъ примѣрамъ со сказочнымъ характеромъ и въ своей наивной вѣрѣ давать суевѣрныя толкованія событіямъ, возбуждать подозрѣнія и обвиненія, которыя отвергаетъ здравый смыслъ и просвѣщенный взглядъ, какъ невѣжественныя и неоправдываемыя критически провѣренною дѣйствительностью. „Въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей, говоритъ Лютостанскій,—обвиняетъ евреевъ не одинъ народный голосъ; они неоднократно обвинялись въ томъ и передъ

судомъ. Въ большинствѣ такихъ случаевъ собственнаго ихъ сознанія не было, несмотря ни на какія улики; но были однако же и такіе примѣры, что евреи сознавались сами, обличали своихъ родителей и родственниковъ и потомъ, сознавъ свои религіозныя заблужденія, принимали крещеніе". Что касается до ссылки на обвинительный народный голосъ, то не мѣшаетъ помнить, что этимъ голосомъ надобно пользоваться съ разборомъ, отличая въ немъ истинно-народное, разумное, плодъ здраваго смысла и пониманія, отъ чуждаго, навѣяннаго, предразсудочнаго и суевѣрнаго. Иначе съ голоса народнаго пришлось бы усвоить много суевѣрій и несообразностей. Что касается до указаній на судебныя производства, то прежде всего я хотѣлъ бы обратить вниманіе на слѣдующее. Страшнымъ, кровавымъ заревомъ костровъ со многими тысячами погибшихъ на нихъ освѣщена исторія процессовъ о вѣдьмахъ, колдунахъ, чародѣяхъ, волшебникахъ, сознавшихся и уличенныхъ въ чародѣйствѣ, въ сношеніяхъ съ нечистою силою, въ порчѣ людей сверхъестественными средствами, въ чернокнижествѣ и другихъ мистическихъ преступленіяхъ. Куда дѣвались теперь эти преступленія? Они угасли вмѣстѣ съ кострами, освѣщавшими ихъ вмѣстѣ съ судами, ихъ судившими. А были вѣдь то суды святой инквизиціи, творившіе судъ во имя и славу Божію, мнившіе своими приговорами службу приносить Богу. Судебные приговоры не возвели суевѣрія на степень истины; они только доказали, что суевѣріе порождало и питало эти самые приговоры. Я не могу входить въ разборъ всѣхъ случаевъ судебныхъ приговоровъ, приводимыхъ въ доказательство употребленія евреями христіанской крови. Но къ чести русскаго судопроизводства, даже и до-реформеннаго, слѣдуетъ сказать, что наши обвинители могутъ указать только единственный случай обвинительнаго приговора, въ которомъ впрочемъ вопросъ объ употребленіи крови устраненъ. Прочіе случаи подозрѣнія противъ евреевъ или не выходили изъ сферы сплетенъ, не доходя до суда, а нерѣдко будучи даже категорически опровергнуты, или оканчивались оправдательными приговорами. Знаменитое велижское дѣло, на которое любятъ ссылаться въ доказательство противъ евреевъ, окончилось тѣмъ, чѣмъ оно и должно было окончиться по всей справедливости. Государственный совѣтъ призналъ, что показанія доносчицъ, заключая въ себѣ многія противорѣчія и несообразности безъ всякихъ положительныхъ уликъ или несомнѣнныхъ доводовъ, не могутъ быть приняты судебнымъ доказательствомъ противъ евреевъ и составляютъ ничѣмъ не подтвержденные извѣты, за которые доносчицы подвергнуты наказанію. Не менѣе знаменитое саратовское дѣло ждетъ своего изслѣдователя, который подвергъ бы его весьма поучительному всестороннему изслѣдованію съ точки зрѣнія исторической, историко-богословской, судебно-медицинской. Не пускаясь въ такое изслѣдованіе, я не могу не замѣтить, что

саратовское дѣло разсматривалось въ порядкѣ стараго судопроизводства, признаннаго несовершеннымъ и недостаточнымъ для достиженія правильнаго судебнаго убѣжденія. Саратовское дѣло, разсмотрѣнное теперешнимъ порядкомъ,—порядкомъ перекрестнаго допроса и состязанія сторонъ, можетъ быть, разъяснило бы то недоумѣніе и тотъ вопросъ, который ставятъ обвинители евреевъ. Откуда, говорятъ они, эти одинаковымъ образомъ и умышленно искаженные трупы маленькихъ невинныхъ дѣтей? Почему находятъ ихъ тамъ только, гдѣ есть жиды? Почему это всегда дѣти христіанъ? И наконецъ почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или около пасхи? Какъ объяснить, что могло побудить кого бы то ни было къ безсмысленному звѣрскому поступку, если это не какая-либо таинственная кабалистическая или религіозно-изувѣрская цѣль? Отчего, переспрошу я въ свою очередь, происходитъ то, что доносчики и уличители евреевъ, являясь въ такомъ качествѣ добровольно, заявляя искреннее желаніе открыть истину, показывая иногда даже раскаяніе въ своемъ соучастіи въ уличаемомъ ими преступленіи, даютъ на слѣдствіи то и дѣло разнорѣчивыя, а иногда и прямо противорѣчивыя показанія? Отчего масса подробностей въ ихъ показаніяхъ оказывается очевидною и категорически опровергаемою ложью? Откуда въ ихъ разъясненіяхъ, наряду покрайней-мѣрѣ съ вѣроятнымъ и возможнымъ, является масса невѣроятнаго и недопустимаго, очевидно выдуманнаго и ложнаго? Отчего обыкновенно только послѣ многихъ передопросовъ и очныхъ ставокъ, послѣ многихъ усилій и разъясненій, сглаживанія противорѣчій и устраненія очевидныхъ несообразностей оказывается возможность остановиться на чемъ нибудь существеннномъ? Отчего эти доносчики и уличители — всегда люди, которымъ терять нечего, люди самой нехорошей репутаціи, люди кабаковъ и остроговъ? Отчего доносъ всегда падаетъ на людей достаточныхъ? Отчего эти многочисленные, безпрестанно мѣняемые оговоры то утверждаемые, то отрицаемые и объясняемые или запамятованіемъ, или ошибкою? Эти вопросы напрашиваются сами собою при чтеніи дѣлъ велижскаго и саратовскаго. Если тѣ и другіе вопросы подставить одни противъ другихъ, то разгадку найти не трудно. Были выгоды объ обвиненіи евреевъ въ средніе вѣка, есть они и въ наши дни. Ребенка убиваетъ и увѣчитъ тотъ, кто дѣлаетъ потомъ доносъ. При изувѣчиваніи держатся обыкновенно тѣхъ классическихъ внѣшнихъ признаковъ, понятіе о которыхъ держится въ разсказахъ народныхъ. Доноситель повидимому самъ себя предаетъ правосудію, но это только повидимому. Въ сущности себѣ онъ отводитъ весьма скромную долю участія; онъ обыкновенно случайный свидѣтель преступленія, подъ вліяніемъ угрозъ и страха, согласился вывезти и скрыть трупъ, а потомъ подъ тѣмъ же вліяніемъ не рѣшался нѣкоторое время донести о преступленіи, но который теперь подъ вліяніемъ угры-

зеній совѣсти рѣшается все открыть правосудію и выяснить дѣло. Разъ онъ попалъ въ роль разъяснителя дѣла, — его цѣль достигнута и каррьера сдѣлана. Теперь онъ сила, человѣкъ великаго значенія. Отъ его слова теперь зависитъ судьба многихъ. Теперь его безсовѣстный, въ глаза брошенный, оговоръ можетъ заставить дрожать человѣка сильнаго и богатаго, считавшаго его до сихъ поръ ничтожествомъ. Теперь этотъ богачъ будетъ раболѣпно смотрѣть ему въ глаза, заискивать въ немъ, ублажать, довольствовать. Самъ доноситель въ острогѣ. Но что для него острогъ? Кому — тюрьма, а ему — родной домъ. Онъ пожалуй и жизнь-то увидалъ только съ тѣхъ поръ какъ попалъ въ тюрьму въ качествѣ доносителя по важному дѣлу. И смотритель тюрьмы относится къ нему съ почтеніемъ: не простой вѣдь воришка—генералъ-отъ-преступленія. И слѣдователь его цѣнитъ какъ человѣка нужнаго для дѣла, которое воспламенило слѣдователя своею грандіозностью. А въ перспективѣ за собственное умѣренно себѣ отмежеванное участіе въ преступленіи — смягченное наказаніе, въ виду заслугъ, оказанныхъ по раскрытію преступленія, какъ это и случилось по саратовскому дѣлу. Вотъ, гг. судьи, истинная, тяжелая разгадка недоумѣніямъ, возбуждаемымъ трупами классически изувѣченныхъ дѣтей. Смѣю васъ увѣрить, эта разгадка взята прямо изъ опыта, и ея справедливость пойметъ всякій, кому, подобно мнѣ была возможность долго изучать преступленіе, доносы и оговоры по живымъ лицамъ и во-очію видѣть примѣры этихъ доносовъ и оговоровъ при порядкахъ стараго судопроизводства. Простите, гг. судьи; я, быть можетъ, злоупотребляю вниманіемъ вашимъ. Но, въ виду того высокаго общественнаго значенія, которое долженъ имѣть настоящій процессъ, первый гласный процессъ по обвиненію такого свойства, я желалъ бы исполнить долгъ мой не только какъ защитника, но и какъ гражданина, ибо нѣтъ сомнѣнія, что на насъ, какъ общественныхъ дѣятеляхъ, лежитъ обязанность служить не только интересамъ защищаемыхъ нами, но и вносить свою лепту, если къ тому представляется возможность, по вопросамъ общественнаго интереса. Я впрочемъ не буду многословенъ и хочу сказать только нѣсколько словъ о состоятельности другихъ доказательствъ обвиненія противъ евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Люди, хорошо знакомые съ еврейскою литературой, даже тѣ изъ нихъ, которые враждебно относились къ іудейству, пересматривали всевозможныя еврейскія книги, взвѣшивали самыя ничтожныя изреченія въ нихъ, съ цѣлью обличенія евреевъ, и все-таки не нашли ни малѣйшаго намека на то, что евреямъ дозволяется употребленіе крови для какой нибудь религіозной или врачебной цѣли. Показанія свидѣтелей, на которыхъ опираются, опровергаются множествомъ крещеныхъ же евреевъ, называющихъ обвиненіе въ употребленіи христіанской крови клеветою и наглою выдумкою. Къ числу послѣднихъ при-

надлежатъ лица, занимавшія по принятіи святого крещенія высокіе посты въ іерархіи римско-католической церкви и люди съ высокимъ научнымъ образованіемъ. Это говорю не я; это говоритъ профессоръ Хвольсонъ; это говоритъ въ своей рецензіи на книгу Лютостанскаго русскій протоіерей Протопоповъ, который конечно не можетъ быть заподозрѣнъ въ угодливости еврейству. На какихъ же однако литературныхъ и ученыхъ авторитетовъ опирается въ своемъ обвиненіи Лютостанскій? Монахъ Неофитъ, Серафимовичъ и его воспроизводитель Пикульскій, унтеръ-офицеръ Савицкій, рядовой Ѳедоровъ, крещеный еврей Грудинскій, Мошко изъ Медзержинца, работница Настасья, солдатка Терентьева, крестьянка Максимова. Вотъ, кажется, и всѣ его авторитеты. Относительно монаха Неофита трудно рѣшить, говоритъ Хвольсонъ, былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ крещеный раввинъ или назвался крещенымъ раввиномъ и монахомъ для того, чтобы придать болѣе вѣса своему произведенію. Серафимовичъ находился въ сумасшедшемъ домѣ, составилъ басню о своемъ чудесномъ исцѣленіи и, найдя себѣ, благодаря этой баснѣ, гостепріимный уголокъ въ стѣнахъ монастырской обители, написалъ сочиненіе противъ евреевъ, ссылаясь на Талмудъ, столь мало ему извѣстный, по удостовѣренію Хвольсона, что онъ даетъ его трактатамъ вымышленныя заглавія и цитируетъ параграфы, тогда какъ Талмудъ вовсе не дѣлится на параграфы. Съ беззастѣнчивою развязностью Серафимовичъ увѣряетъ, что одни литовскіе евреи употребляютъ ежегодно 120 штофовъ крови и что онъ самъ, будучи еще раввиномъ, закололъ одно христіанское дитя ударомъ въ бокъ, откуда вытекла осьмушка крови, бѣлой какъ молоко. Если съ этими 120 штофами ежегодной надобности крови сопоставить показаніе одной свидѣтельницы по саратовскому дѣлу, говорившей, что за бутылку крови было прислано евреямъ шесть милліоновъ изъ Волынской губерніи, вы поймете, во сколько должно обходиться литовскимъ евреямъ удовлетвореніе одной изъ ихъ религіозныхъ потребностей. Говорить ли о другихъ авторитетахъ Лютостанскаго? Вотъ его собственная аттестація о нихъ. Рядовой Ѳедоровъ уличенъ былъ въ неправильныхъ показаніяхъ, когда вздумалъ распространяться въ подробныхъ объясненіяхъ. Многія изъ показаній Грудинскаго оказались неправильными. Въ этихъ же видахъ, есть основаніе полагать, не было принято властями и предложеніе унтеръ-офицера Савицкаго, который брался обнаружить все относительно употребленія евреями крови. Максимова, аттестуетъ ее Лютостанскій, была безнравственная женщина, вѣрная слуга за деньги и вино; Терентьева—сомнительной репутаціи, готовая на все, какъ и Максимова, за тѣ же деньги и водку. Не много прибавляютъ къ этимъ авторитетамъ и разныя свидѣтельскія заявленія тѣхъ принявшихъ христіанство евреевъ, которые мѣняли свою религію не вслѣдствіе искренняго убѣжденія въ правотѣ христі-

анства, а ради избавленія отъ предстоявшаго наказанія, тѣхъ или другихъ выгодъ или просто потому, что имъ все единственно было оставаться негодяями и бездѣльниками какъ въ еврействѣ, такъ и въ христіанствѣ, въ которыхъ ровно ничего не потеряло еврейство и не пріобрѣло христіанство. И на такихъ авторитетахъ хотятъ утвердить существованіе кроваваго дѣла. Такіе авторитеты противопоставляются людямъ науки и религіи. Мало того, по такимъ авторитетамъ хотятъ устанавливать догматы. Когда разсуждавшіе объ умерщвленіи евреями дѣтей встрѣтились съ весьма естественнымъ вопросомъ, отчего евреи, умерщвляя ребенка и оставляя на немъ очевидные знаки своего изувѣрства, въ родѣ обрѣзанія, кровоточивыхъ ранъ и проч., не скрываютъ подобныхъ труповъ, къ чему они имѣютъ всѣ средства, будучи солидарны между собою, а напротивъ какъ-будто нарочно выставляютъ ихъ на показъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ тотчасъ же находятъ, то одинъ изъ авторитетовъ, Мошко изъ Медзержинца, объяснилъ, что это противно ихъ вѣрѣ и что по требованію религіи убитаго младенца нужно выкинуть или пустить на воду, а не зарывать, а работница Настасья присовокупила, говоритъ Лютостанскій, что еврейка-хозяйка ея сказала ей, что если бы предать трупъ землѣ, то всѣ евреи погибли бы. Если Мошко и работницу Настасью считать хранителями догматовъ, хотя бы и сектантскихъ, то можно составить такую догматику, предъ которой пожалуй сконфузятся и самые беззастѣнчивые обвинители еврейства. Средневѣковое суевѣрное предубѣжденіе, порожденное и поддерживавшееся варварствомъ и невѣжествомъ, стоившее многихъ жертвъ и страданій для еврейскаго племени, покончило въ Западной Европѣ свое существованіе при свѣтѣ истины, просвѣщенія, цивилизаціи и гласности. Оно живетъ еще, оно, надѣемся, доживаетъ свой вѣкъ у насъ. Оно держится въ тайникахъ того же породившаго его невѣжества и добродушнаго легковѣрія, доступнаго всему фантастическому, странному, необычайному; оно поддерживается корыстнымъ обманомъ, оно питается непровѣренными слухами, народною молвою, незнающею и нехотящею знать своихъ основаній; оно существуетъ еще, благодаря архивной и канцелярной тайнѣ судебныхъ разбирательствъ прежняго времени, благодаря тому, что еще мало свѣта внесено во всѣ тѣ обвиненія, которыя возникли въ разное время противъ евреевъ въ употребленіи ими христіанской крови; оно повторяется отъ времени до времени тѣми, кто не хочетъ знать критики и повѣрки и для которыхъ создать обвиненіе - значитъ уже доказать его, для которыхъ всякій споръ и борьба противъ ихъ гнусныхъ замысловъ и мнѣній есть дѣло нечистое, недобросовѣстное, позорящее репутацію честнаго человѣка, навлекающее на него подозрѣніе въ наемной продажности. Суевѣріе живетъ, благодаря только глупости и наглому обману;

но оно должно перестать жить. Тяжелое время пришлось пережить девяти несчастныхъ подсудимыхъ, отцамъ и дѣтямъ, вмѣстѣ перенесшимъ долгіе мѣсяцы тюремнаго заключенія, тяжкаго обвиненія, непосильнаго спора за свою невинность, борьбы за право оставаться тѣмъ, чѣмъ они родились. Тяжело пережитое несчастіе, но оно, не сомнѣваемся, будетъ искупительною жертвою, полною благихъ послѣдствій. Нѣсколько дней, и дѣло, которое прошло предъ вами въ живыхъ лицахъ, станетъ достояніемъ всей читающей Россіи. Много поучительнаго представитъ оно русскому общественному мнѣнію. Встанутъ въ своихъ арестантскихъ халатахъ эти страдальцы тюрьмы, выдвинется эта тѣнь шестидесятилѣтняго старика, вмѣстѣ съ сыномъ раздѣляющаго тяжкое несчастіе, запечатлѣются въ памяти эти изувѣрные послѣдователи легально-свободной и нелегально презираемой религіи. Пройдутъ и люди свободы, судомъ неопороченные, прокуроромъ не заподозрѣнные, къ слѣдствію не привлеченные,—люди христіанства, религіи мира и любви; откроетъ шествіе отецъ, не отецъ, принесшій сюда на судъ тяжкое горе о погибели своего ребенка, но отецъ, который изъ погибели этого ребенка задумалъ извлечь приличную выгоду и, смотря на шестилѣтнее дитя, какъ на подспорье въ хозяйствѣ, оцѣнилъ его въ тысячу рублей. Увидятъ эту старуху бабку, со вздохами прижимающую къ груди рубище своей погибшей внучки и безъ вздоха, безъ сожалѣнія, безъ состраданія къ чужой судьбѣ говорящей наглую ложь о видѣнныхъ будто бы ею порѣзахъ на ногахъ трупа. Пройдутъ и мать, и сестра умершей, повторяющія безъ совѣсти ту же ложь, лишь бы помочь своему отцу и мужу получить желаемую выгоду цѣною осужденія людей, въ невинности которыхъ онѣ сами не имѣютъ повода сомнѣваться. Пройдетъ и серія самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей, готовыхъ помочь своему собрату обобрать жида при счастливой удачѣ и которые по несчастію оказались очень глупы, чтобы не обнаружить лживости своихъ показаній: Увидитъ русское общественное мнѣніе, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ легкомысленное отношеніе къ баснямъ, питающимъ племенную рознь и презрѣніе къ религіи, когда-то первенствовавшей и давшей соки самому христіанству. Заставитъ это дѣло и нашу печать пересмотрѣть тѣ основанія, на которыхъ зиждется обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Ретроспективнымъ свѣтомъ озаритъ настоящее первое гласное дѣло по обвиненію такого свойства и прежніе судебные негласные процессы. Оно зажметъ безсовѣстные рты многимъ, которые въ прежнихъ оправданіяхъ видѣли подкупы и происки евреевъ Оно объяснитъ, отчего лучшіе представители еврейства не оставались глухи и нѣмы по поводу такихъ обвиненій. Оно напомнитъ русскимъ людямъ о справедливости, одной справедливости, которая только и нужна, чтобы такія печальныя дѣла не повторялись. Скажетъ настоящее дѣло свое поучительное слово и

нашимъ общественнымъ дѣятелямъ, держащимъ въ своей власти нашу честь и свободу. Оно скажетъ русскимъ слѣдователямъ, что не увлекаться имъ слѣдуетъ народнымъ суевѣріемъ, а господствовать надъ нимъ, не поддаваться вполнѣ лжесвидѣтельству и ложному оговору, а критически относиться къ фактамъ и воспринимать ихъ послѣ тщательной и всесторонней повѣрки, для которой даны имъ законами всѣ средства. Оно скажетъ русскимъ прокурорамъ, что дороги и любезны они обществу не только какъ охранители общества отъ преступныхъ посягательствъ, но и въ особенности какъ охранители его отъ неосновательныхъ подозрѣній и ложныхъ обвиненій. Оно скажетъ и слѣдователямъ, и прокурорамъ, что для правильности судебнаго убѣжденія нуженъ тяжелый трудъ изысканія реальной правды, а не полетъ воображенія художественно правдиваго драматурга. Оно, не сомнѣваемся, привлечетъ вниманіе и высшаго представителя прокураторы въ здѣшнемъ краѣ въ сторону тѣхъ, благодаря завѣдомому лжесвидѣтельству которыхъ создалось настоящее дѣло, и укажетъ болѣе твердую и вполнѣ надежную почву для выполненія тяжелаго долга обвиненія. Я окончилъ; мнѣ не очень нужно просить васъ, гг. судьи. То, что составляетъ конечную цѣль защиты, вы дадите намъ не въ силу нашей просьбы, а въ силу нашего убѣжденія и справедливости. Мнѣ остается поблагодарить васъ за то вниманіе, съ которымъ вы терпѣливо выслушали меня и съ которымъ еще ранѣе вы предоставили намъ полную возможность выполнить лежащій на насъ долгъ. Съ полнымъ спокойствіемъ за участь защищаемыхъ мною, непоколебимый накакими опасеніями, я вручаю судьбу ихъ вашей мудрости и правосудію. И да будетъ настоящее дѣло послѣднимъ дѣломъ такого свойства въ лѣтописяхъ русскаго процесса.

Затѣмъ слово было предоставлено Прис. пов. Купернику. Гг. судьи: Почти годъ тому назадъ въ деревнѣ Перевиси случилось у крестьянина Іосифа Модебадзе семейное несчастіе: у него пропала дѣвочка, трупъ которой найденъ былъ спустя два дня близъ селенія Дорбаидзе. Нельзя сказать, чтобы подобное несчастье было рѣдкостью, чтобъ этотъ случай представлялъ что нибудь рѣдкое, необыкновенное — смертность дѣтей въ Россіи чрезвычайно велика и нѣтъ основаній думать, чтобъ Кавказъ представлялъ въ этомъ отношеніи какое-либо исключеніе. Дѣти мрутъ у насъ въ громадномъ количествѣ отъ болѣзней и отъ недосмотра, вязнутъ въ грязи, угараютъ на печахъ, умираютъ оттого, что ихъ съѣдаютъ свиньи, тонутъ въ корытахъ и т. п. Нечего повторять, что необыкновеннаго въ подобномъ происшествіи ничего не было и быть не могло. Нельзя не остановиться при этомъ на пренебреженіи, съ которымъ вообще у насъ въ простомъ народѣ смотрятъ за дѣтьми. Что крестьяне больше заботятся о лошадяхъ, свиньяхъ, баранахъ, чѣмъ о своихъ дѣтяхъ, лучшимъ

доказательствомъ представляется настоящее дѣло. Когда Сарра Модебадзе ушла съ того мѣста, гдѣ она была, если не подъ наблюденіемъ, то покрайней-мѣрѣ въ сосѣдствѣ съ Турфою Цхададзе,—въ этотъ моментъ дворянинъ Дмитрій Церетели нашелъ погоду настолько сомнительною, что боялся, чтобъ скотина не пропала и пошелъ розыскивать ее въ лѣсъ, между тѣмъ Турфа оставалась совершенно спокойной и не смотря на то, что дѣвочки не оказалось, что ея не было, когда сестра ея Маія вернулась съ дровами, все таки, по словамъ этой свидѣтельницы, онѣ остались за приготовленіемъ косметическихъ средствъ — за выжиганіемъ бѣлилъ и затѣмъ Маія отправилась домой, но не для того, чтобы розыскивать сестру, а для того чтобы, получить разрѣшеніе матери остаться ночевать около бѣлилъ. Этотъ случай представляетъ рѣзкій примѣръ того, какъ мало обращаютъ вниманія на дѣтей тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Разумѣется, на пропажу дѣвочки должно было обратить главное вниманіе, какъ на главное событіе, какъ на фактъ, который служитъ исходной точкой и всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, и всего обвиненія. Но слѣдствіе сразу стало на путь совершенно ложный: задавшись мыслью, что дѣвочку похитили евреи, оно оставило неизслѣдованными вопросы о томъ, какъ пропала дѣвочка, дѣйствительно ли смерть ея была насильственная, или она умерла отъ естественной причины. Разъ пойдя по этому пути, слѣдствіе дошло до настоящаго критическаго момента. Я называю этотъ моментъ критическимъ потому, что тяжелый грѣхъ лежитъ на тѣхъ, кто довелъ дѣло до теперешняго положенія. Они не только продержали подъ судомъ и слѣдствіемъ 9 человѣкъ, ни въ чемъ неповинныхъ, они оставили неизслѣдованнымъ вопросъ о погибели дѣвочки Сарры Модебадзе, они своимъ судебнымъ и оффиціальнымъ авторитетомъ поддержали нелѣпую, дикую сказку и оставили неизслѣдованнымъ вопросъ о тѣхъ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ, которыя довели Сачхерскихъ евреевъ до тюрьмы и скамьи подсудимыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни Іосифъ Модебадзе, ни его многоумная мать Тинія, которая, по ея словамъ, моложе своего сына на восемь лѣтъ, не выдумали этого дѣла, не создали обвиненія, что Сарру похитили евреи; тутъ видѣнъ другой элементъ, тутъ видна другая рука, которая свидѣтелями обвиненія, по настоящему дѣлу, играла изъ-за ширмъ, какъ фокусникъ маріонетками. Чтобъ не повторять подробнаго разбора уликъ, сдѣланнаго моимъ предшественникомъ, не повторять тѣхъ основаній, которыя онъ представилъ вамъ, я ограничусь только тѣмъ, что сгруппирую факты и разберу въ послѣдовательности тотъ рядъ доказательствъ, которыя мы находимъ въ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи мы прежде всего встрѣчаемся съ свидѣтелями, которые должны были доказать, что дѣвочка находилась въ такомъ положеніи, что евреи могли ее похитить. Доказали ли они, что дѣвочка была на дорогѣ въ то время, когда евреи должны были

проѣхать. Нѣтъ не доказали. Въ этомъ отношеніи вы припомните, конечно, гг. судьи, тотъ разсчетъ, который представленъ моимъ предшественникомъ, относительно мѣста и времени. Я долженъ прибавить, что, обративъ вниманіе на показанія свидѣтелей, которые первые слышали крикъ дѣвочки—ихъ двое: Григорій Модебадзе и Дмитрій Церетели, мы увидимъ, что Д. Церетели у мостика слышалъ слова дѣвочки. Если мы за тѣмъ обратимъ вниманіе, что, по мнѣнію свидѣтелей обвиненія, дѣвочка, какъ только была похищена, была помѣщена въ переметную сумку и заложена разными вещами, то будетъ ясно, что изъ этой сумки словъ ея нельзя было услышать, слѣдовательно Д. Церетели говоритъ о томъ моментѣ, когда дѣвочку схватили евреи, когда она не была еще въ переметной сумкѣ. Если сопоставить тотъ разсчетъ о времени и мѣстѣ, который былъ сдѣланъ предъ вами, съ показаніями Церетели, то этотъ разсчетъ еще болѣе усиливаетъ недовѣріе къ нему. Оказывается, что дѣвочка была похищена у мостика, слѣдовательно на значительномъ разстояніи отъ того пункта, гдѣ тропинка выходила на садзаглихевскую дорогу, т. е. на такомъ мѣстѣ, куда дѣвочка никакъ не могла попасть не только раньше евреевъ, но и въ одно время съ ними, если только не предполагать, что евреи поджидали дѣвочку—а на это предположеніе обвиненіе не рискнуло. Д. Церетели имѣетъ еще большое значеніе въ томъ отношеніи, что крикъ, слышанный имъ и Гр. Дат. Модебадзе, есть единственный крикъ, который издалъ ребенокъ, когда его похитили евреи и положили въ переметную сумку. Мнѣ какъ-то это кажется совершенно не естественнымъ: ребенокъ долженъ былъ долго и много кричать, пока евреи брали его, а не ограничиваться однимъ восклицаніемъ: „вай ми дэда митвель“. (мать, помоги). Это невозможно допустить и я вполнѣ присоединяюсь къ тому мнѣнію, что Д. Церетели говоритъ неправду. На людной дорогѣ, по обѣимъ старонамъ которой были разсѣяны люди, видѣвшіе и слышавшіе все происходившее на дорогѣ, евреи не могли схватить и везти дѣвочку такъ, чтобъ никто не видѣлъ, чтобъ никто не слышалъ ее, а этого въ дѣлѣ нѣтъ: покрайней-мѣрѣ тѣ свидѣтели, которые видѣли евреевъ, ничего не говорятъ про дѣвочку. Оказывается, что первые признаки жизни дѣвочка подаетъ уже въ Короти, гдѣ евреи проѣзжали, по мнѣнію обвинителя, въ то время, когда дѣвочка была уже у нихъ въ сумкѣ. Въ это время евреи останавливаются и покупаютъ гуся; они разговариваютъ, торгуются. Одного этого факта уже достаточно, чтобы сказать, что съ ними не было дѣвочки. Дальнѣйшая група свидѣтелей та, которая говоритъ о пріѣздѣ евреевъ въ Сачхери. Изъ этихъ свидѣтелей Бичія Душіашвили показываетъ, что евреи здоровались, разговаривали съ нимъ. Опять-таки совершенно невозможно. Если предполагать, что ребенокъ былъ въ сумкѣ, они должны были бояться, что онъ чѣмъ-нибудь обнаружитъ свое

присутствіе. Дальше двигаются евреи по Сачхери и мы видимъ цѣлую группу свидѣтелей, которые слышали крики ребенка. Относительно свойства этихъ криковъ я долженъ сдѣлать одно небольшое обобщеніе, которое имѣетъ очень важное значеніе. Свидѣтели, которые по маршруту слышали прежде крики ребенка, Соломея Кольмахилидзе и Максимъ Надырадзе, слышали звуки закрытые и, чтобы изобразить эти звуки, они закрывали ротъ рукою Послѣдніе свидѣтели, Кесарія Черквіани и Пепа Ялымова, которыя по маршруту должны были послѣднія слышать крики, слышали звуки открытые. Это опять-таки доказываетъ, что свидѣтели эти сочинили свои показанія. Въ этомъ тѣмъ болѣе можно убѣдиться, если вспомнить показанія свидѣтеля князя Абашидзе, который говоритъ, что Сачхерская группа въ первый разъ вспомнила, что слышали крики ребенка, спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ слышала эти крики и около мѣсяца спустя послѣ того, какъ въ Сачхере узнали, что ребенокъ похищенъ евреями. Дальнѣйшія доказательства, собранныя слѣдствіемъ, относятся къ тому, какъ дѣвочка была вывезена изъ Сачхери Мошею Цоціашвили и другимъ евреемъ, оставшимся неизвѣстнымъ. Въ этой группѣ доказательства опираются, главнымъ образомъ, на слѣдахъ двухъ лошадей, найденыхъ около мѣста нахожденія трупа Сарры Модебадзе. Слѣды эти представляются болѣе чѣмъ апокрифическими, болѣе чѣмъ сомнительными. Къ тому, что было сказано моимъ предшественникомъ, по этому предмету, я нахожу излишнимъ что-либо добавлять, скажу только, что, по показаніямъ двухъ свидѣтелей, сумка, въ которой, какъ полагали, былъ вывезенъ трупъ, была не у Моши Цоціашвили, а у другого еврея, ѣхавшаго съ нимъ. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ обвинять Мошу Цоціашвили въ томъ, что онъ вывезъ трупъ Сарры Модебадзе изъ Сачхери, невозможно. Можно, пожалуй, говорить, что онъ участвовалъ въ этомъ, но тогда слѣдовало-бы выяснить и степень его участія: вѣдь могъ-же онъ ѣхать съ тѣмъ, который вывозилъ трупъ и не знать что у него въ сумкѣ. Кромѣ этихъ доказательствъ, относящихся прямо къ дѣлу, представляется еще третья група доказательствъ, основанная на словахъ, слышанныхъ Якобишвили отъ мальчика. Совершенно лишнее разбирать въ частности показанія Якобишвили, я долженъ замѣтить только, что моментъ, о которомъ онъ говоритъ, принадлежитъ къ тому времени, когда въ Сачхере знали о пропажѣ дѣвочки и знали о томъ, что евреи обвиняются въ ея похищеніи. Вопросъ мальчика вовсе не доказываетъ, чтобъ мальчикъ былъ посвященъ въ тайны этого преступленія и чтобъ 11-ти лѣтній сообщникъ выдалъ соучастниковъ своихъ по преступленію. Скажу откровенно: если евреи, какъ я вполнѣ увѣренъ, не похищали дѣвочки, если въ невѣжественной толпѣ возникло противъ нихъ обвиненіе, то не только мальчикъ, но и всякій взрослый, который предлагалъ бы вопросъ:

„когда наши вывезли трупъ убитаго ребенка?“ вполнѣ заслужилъ бы и пощечину и названіе осла, которыя далъ ему еврей, разговаривавшій съ нимъ — если и повѣрить Якобишвили. Другой косвенной уликой въ настоящемъ дѣлѣ служитъ обвиненіе Михаила Еликашвили, который, прибѣжавши на дворъ предводителя дворянства князя Церетели, говорилъ, что онъ слышалъ объ убійствѣ евреями Сарры Модебадзе. Но распространяться о немъ было-бы излишнимъ. Допустимъ, что онъ говорилъ приписываемыя ему слова, но какимъ образомъ съ точки зрѣнія обвиненія можно обвинять его въ недонесеніи, если онъ только-что узналъ о преступленіи, совершенномъ его собратьями, прибѣжалъ на дворъ предводителя дворянства и сталъ говорить объ этомъ? Неужели требуется, чтобъ доноситель подавалъ прошеніе по формѣ въ надлежащее мѣсто? достаточно, чтобъ онъ огласилъ совершенное преступленіе. Поэтому, я думаю, что М. Еликашвили нельзя обвинять въ недонесеніи,—имъ можно развѣ только пользоваться, какъ доказательствомъ виновности остальныхъ подсудимыхъ. Послѣдняя группа доказательствъ сводится къ тому, что трупъ Сарры Модебадзе былъ найденъ, что на немъ усмотрѣны нѣкоторые знаки и эти знаки, по мнѣнію обвиненія, доказываютъ, что Сарра Модебадзе умерла насильственною смертью. Какимъ образомъ эта насильственная смерть произошла, — обвиненіе отказывается объяснить, мы тоже отказываемся объ этомъ говорить потому что мы искренно убѣждены, что она умерла естественною смертью, а не насильственною. Но обвиненіе настаиваетъ на томъ, что смерть Сарры была насильственная и въ подтвержденіе этого ссылается на то, что платье и рубашка дѣвочки были разорваны. Но если вы посмотрите на эти вещи, то убѣдитесь, что онѣ и не были сшиты, слѣдовательно и не могли быть разорваны. Еслибъ онѣ были разорваны, то видны были бы слѣды разрыва или слѣды нитокъ въ такомъ количествѣ, которое доказывало бы, что онѣ были сшиты, между тѣмъ мы видѣли двѣ — три нитки довольно длинныя, какъ бы для того, чтобъ можно было завязывать. Я полагаю далѣе, что судъ отнесется иначе, чѣмъ представители обвиненія, къ показаніямъ врача Гульбинскаго. Мнѣніе этого эксперта было настолько авторитетно, научно, настолько состоятельно само по себѣ, настолько мотивировано, настолько сильно по своему внутреннему содержанію, что, подходя къ нему съ цѣлью опровергнуть его, надо быть достаточно вооруженнымъ, надо имѣть данныя, а не ограничиться заявленіемъ недовѣрія и очень сомнительными житейскими доводами. Мнѣ кажется, что врачъ Гульбинскій представилъ такую полную картину положенія Сарры Модебадзе, что обвиненіе едвали въ силахъ сказать что-либо противъ него. Онъ далъ обвиненію всѣ шансы: онъ предполагалъ такія условія, которыхъ конечно не было въ дѣйствительности и которыхъ не могло быть, но при которыхъ всетаки, по его мнѣнію, на тѣлѣ Сарры Модебадзе оказались бы какіе-нибудь знаки, оказались бы знаки отъ тренія, неудобнаго положенія въ сумкѣ, оказались бы знаки, если-бы дѣвочка была сколько-нибудь и чѣмъ-нибудь связана. Между тѣмъ противъ этихъ доводовъ, противъ этихъ вполнѣ научныхъ выводовъ обвинитель выступаетъ съ сравненіемъ исключительно кавалерійскаго свойства. Онъ сравниваетъ положеніе дѣвочки въ сумкѣ съ положеніемъ человѣка, ѣдущаго верхомъ на лошади. Онъ могъ бы, пожалуй, сказать еще, что Сарра Модебадзе была также удобно помѣщена въ переметной сумкѣ, какъ помѣщаемся мы въ вагонахъ перваго класса. Но дѣло заключается въ томъ, что сравнивать верховую ѣзду, когда человѣкъ сидитъ совершенно свободно и удобно на лошади, пользуется своими руками и ногами, опирается на стремена и сидитъ въ сѣдлѣ,—съ положеніемъ дѣвочки, положенной въ переметную сумку, гдѣ она трясется больше, чѣмъ всякій верховой ѣздокъ,—совершенно невозможно. Да и нельзя сказать, чтобы и отъ верховой ѣзды, если ѣздокъ не особенно опытенъ и искусенъ, не оставалось никакихъ знаковъ, и, я думаю, обвинителю не трудно будетъ, при его знакомствѣ съ кавалерійскимъ дѣломъ, указать, гдѣ будутъ эти знаки. Не мѣшаетъ прибавить, что вопросъ о положеніи Сарры Модебадзе и о неудобствахъ, которыя она должна была претерпѣть, возникъ слишкомъ поздно. Если бы онъ возникъ на предварительномъ слѣдствіи, то, конечно, нашлись бы свидѣтели, которые доказали бы, что у евреевъ была подушка, была вата, былъ даже одеколонъ для того, чтобы дѣвочка лучше выдержала путешествіе... Если врачъ съ такой основательностью доказываетъ, что смерть была не насильственная и если обвиненіе не приводитъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе насильственной смерти, то мы должны остановиться на мысли, что смерть не была насильственная. Вотъ все, что обвиненіе приводитъ, какъ улики и доказательства по настоящему дѣлу. Я не разбиралъ ихъ подробно потому, что это было сдѣлано уже предъ вами, но я нахожу, что эти улики, всѣ эти доказательства, будь ихъ столько, будь ихъ больше или меньше, не имѣютъ важнаго, сами по себѣ, значенія. Это только узоръ; канва настоящаго дѣла— обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Мой товарищъ по защитѣ съ достаточной ясностью и подробностью доказалъ, что конкретно настоящее обвиненіе недостаточно, я хочу доказать, что оно и абсолютно негодно. Когда бы и гдѣ бы ни возникало подобное обвиненіе, оно всегда встрѣтится въ заколдованномъ кругу. Оно разсуждало такимъ образомъ: евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей потому, что имъ нужна христіанская кровь и наоборотъ: евреямъ нужна христіанская кровь, поэтому они убиваютъ христіанскихъ дѣтей. Вотъ изъ этого заколдованнаго круга ни одно изъ обвиненій, подобныхъ настоящему, не выходило и выйти не можетъ. Конечно, въ настоящемъ обвинительномъ актѣ, благодаря

тому, что мы живемъ во второй половинѣ XIX вѣка, вопросъ этотъ какъ бы закрывается легкой вуалью, его обходятъ, о немъ не говорятъ, но свидѣтели въ своеи дикости и наивности говорятъ, что евреямъ нужно это преступленіе, что евреи ловятъ дѣтей, мучатъ ихъ.—для чего и зачѣмъ свидѣтелиэтого не могли объяснить, такъ какъ не были свидѣтелями ни одного подобнаго факта. Обвинительный актъ говоритъ намъ только о похищеніи, объ оскорбительномъ обращеніи, и какъ послѣдствіи этого—о смерти. Но я полагаю, что такъ такъ настоящій случай единственный во всемірной исторіи случай разбора подобнаго дѣла въ гласномъ судѣ, то мы должны эту маску сорвать, открыть, въ чемъ состоитъ обвиненіе и выставить дѣло во всей его наготѣ, разсмотрѣвъ, насколько возможно и насколько позволяютъ предѣлы судебныхъ преній, вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови. Люди не рѣшительные, люди, желающіе угодить и нашимъ и вашимъ, люди либерально—консервативные или консервативно—либеральные люди, о которыхъ говорятъ, что они ни Богу свѣча, ни черту кочерга, конечно, скажутъ: „Помилуйте, зачѣмъ поднимать такіе вопросы, можетъ быть и есть таковая секта, а впрочемъ Богъ знаетъ... Наконецъ Высочайшее повелѣніе 1817 года....“ Такимъ скажу: избавьте насъ отъ друзей, а съ врагами мы сами справимся. Вопросъ долженъ быть поднятъ и рѣшенъ: нельзя оставлять сомнѣній; нельзя оставлять ни одной искры, чтобъ потомъ изъ нея опять не разгорѣлся новый пожаръ. Въ подобномъ дѣлѣ всякое даяніе благо, всякое содѣйствіе, чтобъ уничтожить нелѣпый предразсудокъ, должно принести пользу. И хотя еще Гёте сказалъ: Cegen die Dummheit kämpften Cötter selbst vergebens, но мнѣ кажется, что глупость, о которой мы говоримъ, столько разъ повторялась, что пора наконецъ ее похерить. Вы знаете, гг. судьи, что вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови, вопросъ не новый; надъ его разработкою трудились многіе, преимущественно благочестивые люди и всѣхъ больше постарался нашъ соотечественникъ іеромонахъ Лютостанскій. Онъ въ своей книгѣ выражаетъ—я могу это совершенно смѣло сказать — необыкновенное пристрастіе и весьма замѣтное незнаніе предмета; тѣмъ не менѣе онъ собралъ все, что можно было сказать противъ евреевъ. Нѣтъ той басни, нѣтъ той нелѣпости, которой онъ не выставилъ бы въ своей книгѣ и не сказалъ бы: вотъ вамъ фактъ, вотъ доказательство того, что евреямъ нужна христіанская кровь и что они ее употребляютъ. Дѣлая этотъ перечень, Лютостанскій ссылается на множество авторовъ, сочиненія которыхъ впрочемъ не восходятъ далѣе тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Разбирать этихъ авторовъздѣсь не мѣсто и не время, нужно сказать только, что это все большею частью монахи, отцы и дѣти инквизиціи, проповѣдники фонатизма и мрака освѣщаемаго лишь костромъ ad majorem Dei gloriam, ученики

Лойолы, которыхъ не выкурила даже и великая французская революціи и которые, какъ бурбоны, ничего не забыли и ничему не научились; впрочемъ есть два крещенныхъ евреея, но кто бы ни были эти писатели, все это господа ничѣмъ не замѣчательные, какіе то проходимцы въ мірѣ литературы науки, все это имена никому неизвѣстныя, о которыхъ ничего и нельзя сказать, кромѣ того, что они писали скверныя книги. Между противниками этихъ господъ мы встрѣчаемъ имена великихъ ученыхъ и мыслителей: Лютера, Гуго Гроціуса, кардинала Флёри, Маколея, Неандра, Ганса, Петермана и множество другихъ. И если въ литературѣ этого вопроса мы не встрѣчаемся съ учеными и мыслителями новѣйшаго времени, то потому, что въ Европѣ этотъ вопросъ давно порѣшенъ и тамъ о немъ нечего говорить. Что касается случаевъ, приводимыхъ предшественниками Лютостанскаго и Лютостанскимъ въ ихъ книгахъ, то надо сказать прежде всего что ни одинъ изъ нихъ въ западной Европѣ не относится къ новѣйшимъ временамъ, всѣ они не восходятъ далѣе 1665 г., слѣдовательно относятся къ періоду инквизиціоннаго процесса, пытокъ, религіозныхъ войнъ и преслѣдованій, процессовъ вѣдьмъ и т. п. проявленій человѣческаго разума и справедливости, отъ которыхъ мы съ ужасомъ отворачиваемся и сосѣдство съ которыми невольно подрываетъ довѣріе къ принципамъ о евреяхъ. Въ книгѣ Лютостанскаго есть глава седьмая, подъ заглавіемъ: хронологическій перечень фактовъ убійства евреями христіанскихъ дѣтей для религіозныхъ цѣлей. Случаевъ этихъ насчитано 135. Судъ, навѣрное знакомый уже съ этой книгой, согласится съ тѣмъ, что если Лютостанскій насчиталъ 135 случаевъ, то уже больше 135 случаевъ и не было. Какъ много и какъ мало? Мало потому, что если евреямъ нужна христіанская кровь, какъ говорятъ, для пасхи, для пуримъ, для умирающихъ, для трудно рождающихъ, для брачущихся, то значитъ имъ много нужно этого продукта, и странно, какъ это на 5 милліоновъ евреевъ втеченіи 700 вѣковъ хватило крови изъ труповъ 135 дѣтей. Нужно разрѣшить вопросъ, какіе это случаи, о которыхъ говоритъ Лютостанскій. Я разберу ихъ и постараюсь доказать, что и этихъ случаевъ, фактовъ или покрайней-мѣрѣ большинства изъ нихъ не существовало. Какъ„ говорится: “конецъ вѣнчаетъ дѣло“, и вотъ въ книгѣ Лютостанскаго послѣдній 135 случай изображенъ такимъ образомъ: Въ 1875 г. въ Перми предъ праздникомъ пасхи изъ общественныхъ бань былъ похищенъ младенецъ и полиціи удалось отыскать евреевъ, которые похитили его. Придя въ домъ еврея, полиція ничего не находила и собиралась уже удалиться, какъ вдругъ въ одномъ мѣстѣ послышались звуки, стали прислушиваться и нашли младенца въ потайномъ шкафу зарѣзаннымъ, висящимъ внизъ головой, а подъ нимъ стояла чаша съ наливгшеюся кровью„. И хатя, прибавляетъ Лютостанскій, пермскій губернаторъ, (котораго прибавлю отъ себя, кіевскій раввинъ Цук-

керманъ просилъ по телеграфу извѣстить о дѣйствительности случая) опровергъ его офицiально, тѣмъ менѣе не лишено значенiя то обстоятельство, что общественное мнѣнiе и теперь, какъ прежде, какъ и всегда приписываетъ извѣстный родъ преступленiй евреямъ. Этотъ случай чрезвычайно характеренъ и не лишенъ значенiя не только для гг. Лютостанскихъ, но и для всякаго справедливаго, безпристрастнаго человѣка: никакого преступленiя не было, никакого мальчика не было похищено евреми, не было найдено чаши съ кровью,—и не смотря на все это, фактъ заносится въ исторiю, писатель подводитъ его подъ особый № и видитъ въ немъ доказательство обвиненiя евреевъ. Въ то время, когда самаго факта не было, общественное мнѣнiе въ лицѣ Лютостанскихъ, пишущихъ книги, издающихъ газеты, Лютостанскихъ, занимающихся извозомъ, торгующихъ быками, Лютостанскихъ насущихъ свиней и теперь какъ прежде, какъ и всегда и столь же основательно приписываетъ несуществующiя преступленiя евреямъ. Изъ остальныхъ 134 случаевъ 73 принадлежитъ Польшѣ и польскимъ областямъ и восходятъ до 1867 г. 4 Кавказу, одинъ древнему Кiеву, одинъ Саратову и только 55 западной Европѣ. Изъ числа этихъ случаевъ ни одинъ не восходитъ далѣе 1669 г. Это врмя, какъ вамъ конечно хорошо извѣстно, гг. судьи, было время пытокъ, костровъ, время инквизицiонныхъ судовъ, когда при помощи ужаснѣйшихъ мученiй судьи эти добывали свѣдѣнiя о такихъ вещахъ, которыя имъ были нужны, но которыя въ дѣйствительности даже не существовали. Я только на выдержку разсмотрю нѣсколько случаевъ, приводимыхъ въ книгѣ Лютостанскаго и судъ убѣдится, насколько они выдерживаютъ историческую критику и насколько они правдоподобны. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ подъ № 130, принадлежащемъ городу Баку, Лютостанскiй разсказываетъ, что въ Баку съ 1866 по 1869 г. производилось слѣдствiе о евреяхъ, которые развозили засушенную христiанскую кровь въ ватѣ въ отдаленныя мѣста своимъ единовѣрцамъ. Если производили дѣло въ Баку, то оно чѣмъ нибудь да кончилось. Вѣроятно оно кончилось не въ пользу Лютостанскихъ, но они всегда умалчиваютъ, когда исходъ не соотвѣтствуетъ ожиданiямъ и выясняется невиновесть евреевъ. Подъ № 36 Лютостанскiй приводитъ разсказъ о томъ, что въ 1454 г. евреи похитили трехъ дѣтей, за что было сожжено 300 евреевъ и при этомъ ссылается на Ланина и Мосмоса. Что такое этотъ Мосмосъ и какую книгу онъ написалъ? Это Лютостанскiй оставляетъ подъ секретомъ Но фактъ этотъ разсказанъ у Кардозо въ книгѣ Las excolencias, изданной въ Амстердамѣ въ 1679 г. Тамъ, на стр. 410 (цитирую по сочиненiю профессора Хвольсона) объ этомъ событiи разсказано такъ: Зимою 1454 г. въ Вѣнѣ пропало три взрослыхъ христiанина; въ умерщвленiи ихъ обвиняли евреевъ; они подъ пыткою сознались и были казнены. Но когда весною Дунай вскрылся, трупы всѣхъ этихъ

трехъ человѣкъ были найдены въ водѣ безъ всякихъ признаковъ насилiя. Et voila comme on écrit l'histoire! Подъ № 5-мъ Лютостанскiй разсказываетъ, что въ Патерикѣ Печерскомъ есть сказанiе объ угодникѣ Евстафiи, который былъ похищенъ въ 1096 г. пиловцами, продавшими его потомъ жиду. Жидъ подвергалъ его разнымъ пыткамъ и мукамъ и наконецъ къ празднику своей Пасхи распялъ его и потомъ бросилъ въ море. Тѣло его нашли русскiе христiане и привезли въ Кiевъ. Конечно, Патерикъ Печерскiй документъ весьма важный, какъ историческiй памятникъ, но придавать ему значенiе доказательства очень трудно: тогдашнiе пути сообщенiя между южнымъ берегомъ Крыма и Кiевомъ, трудность констатировать личность, похищенную половцами и брошенную въ море—все это позволяетъ сильно усумниться въ дѣйствительности факта. Вѣдь и древняя бумага была также терпѣлива, какъ и нынѣшняя. Подъ № 11 Лютостанскiй разсказываетъ, какъ въ Браѣ, во Францiи, евреи подкупомъ получили отъ герцогини позволенiе казнить христiанина подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ разбойникъ и убiйца. Онъ умалчиваетъ о томъ, былъ-ли этотъ христiанинъ дѣйствительно разбойникъ, что весьма возможно, или нѣтъ, точно также какъ умалчиваетъ о томъ, что это сдѣлано было съ дозволенiя герцогини Брюи-Сюръ-Сейнъ. Извѣстiе это было передано королю Филиппу-Августу, какъ одинъ изъ случаевъ употребленiя евреями христiанской крови; онъ явился на мѣсто, сжегъ 80 евреевъ и завладѣлъ ихъ имуществомъ. Подъ № 117 Лютостанскiй разсказываетъ, что въ 1821 г. на берегу рѣки Двины найдено тѣло дѣвицы Слѣповронской и въ убiйствѣ ея подозрѣвались евреи, хотя ничего не было открыто. Вопросъ: почему-же на евреевъ пало подозрѣнiе? Подъ № 20 Лютостанскiй разсказываетъ о томъ, что въ 1234 году евреи похитили ребенка и держали его втайнѣ нѣсколько мѣсяцевъ до Пасхи, очевидно съ намѣренiемъ убить и взять кровь, но не успѣли совершить своего злодѣянiя. Ребенокъ былъ отысканъ, а евреи казнены. И это № въ перечнѣ фактовъ убiйства евреями христiанскихъ дѣтей! Мнѣ кажется, что скорѣе это должно быть однимъ изъ №№ въ несоставленномъ еще перечнѣ фактовъ убiйства дѣтей Израиля. У Лютостанскаго есть № 12: Средневѣковые писатели Гечинъ и Наудеръ свидѣтельствуютъ въ общихъ словахъ, что парижскiе евреи XII вѣка похитили къ Пасхѣ младенцевъ и предавали ихъ въ подвалахъ мученической смерти. Какъ ухитриться сдѣлать изъ этихъ словъ отдѣльный № въ хронологическомъ перечисленiи фактовъ—я не понимаю. Еще два №№ 52 и 53. Въ Нарвѣ и Бѣльскѣ евреи подозрѣвались въ умерщвленiи христiанскихъ дѣтей, но успѣли исходатайствовать по сему предмету повелѣнiе короля Сигизмунда, коимъ опровергалось это подозрѣнiе, какъ нелѣпое. Такъ говоритъ Лютостанскiй и я къ этому ничего не имѣю прибавить. № 92. Въ 1665 году въ Вѣнѣ евреи

умертвили женщину, которая найдена изрѣзанною на части въ озерѣ и такъ какъ подобныя злодѣянія повторялись и впослѣдствіи, то въ 1701 году евреи были изгнаны императоромъ изъ Вѣны. Дешево же они отдѣлались при тогдашнемъ процессѣ. Можно-ли себѣ представить, что если-бъ виновность евреевъ была чѣмъ нибудь доказана ихъ оставили-бы въ покоѣ въ теченіи 36 лѣтъ и только потомъ изгнали. Лютостанскій умалчиваетъ о томъ, обобралъ-ли императоръ евреевъ при изгнаніи ихъ изъ Вѣны. № 79. Крестьянинъ Мендикъ, подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти, донесъ на себя, что онъ продалъ евреямъ ребенка, котораго они замучили. Евреи упорно отрицали это и судъ ихъ оправдалъ это было въ 1639 году въ Польшѣ), а Мендика четвертовали. Изъ этого случая Лютостанскій дѣлаетъ слѣдующій выводъ: Это было для христіанъ урокомъ впредь и самимъ не сознаваться и не уличать евреевъ въ подобныхъ преступленіяхъ. Еще два №№ 131 и 132, случаи, гдѣ евреи только хотѣли убить дѣтей, но не успѣли. Въ обоихъ случаяхъ они были оправданы. Вотъ такіе-то №№, такіе-то случаи приводитъ Лютостантскій въ доказательство справедливости обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Я не стану далѣе утомлять судъ выписками изъ его книги, я не полемизирую противъ Лютостанскаго, это не входитъ въ мою задачу, да и книга-то этого не заслуживаетъ. Знаменитый гебраистъ Хвольсонъ, на вопросъ, почему онъ не разобралъ этой книги, сказалъ, что будучи профессоромъ, онъ считаетъ неудобнымъ вступать въ полемику съ извощиками. Я пользуюсь этой книгой, какъ каналомъ, чрезъ который стекаютъ въ умъ читателя всевозможные предразсудки, ничѣмъ неоправдываемые, вся іезуитски фальшивая, невѣжественно-легендарная или легендарно-невѣжественная клевета противъ евреевъ, радуя однихъ и огорчая другихъ. О такихъ книгахъ Гейне говоритъ: Jedes Wort ist ein Nachttopf und kein leerer. Пусть судъ удѣдится изъ примѣровъ, приведенныхъ мною и другихъ, которые онъ найдетъ въ книгѣ, сколько правды, исторической вѣрности и логической возможности въ громадномъ большинствѣ этихъ чудовищныхъ обвиненій. Вѣдь находимъ же мы въ этой книгѣ и въ другихъ ей подобныхъ сказанія о томъ, какъ въ средніе вѣка евреи обвинялись въ похищеніи гостій, какъ они распинали эти гостіи, какъ эти гостіи летали, какъ изъ нихъ текла кровь, какъ онѣ плакали. Но этого мало, что мы встрѣчаемъ разсказы объ этомъ, мы находимъ несомнѣнные факты, что по подобнымъ обвиненіямъ евреи были преслѣдуемы, напримѣръ, указывается, что въ 1298 году около Франкфурта по обвиненію въ похищеніи и убійствѣ гостій было убито и разграблено около 10,000 евреевъ; въ 1510 году 38 евреевъ были зажарены живыми на сковородѣ, такъ какъ они сознались въ похищеніи и убійствѣ гостій, изъ которыхъ текла кровь. Что же, вѣрить этому или нѣтъ? Остается или вѣрить тому и другому или не вѣрить тому и другому. Не знаю, чтобъ кто-нибудь задумался надъ выборомъ... Но если выбросить всю ложь и фальшь и изъ этой мнимой массы 135 фактовъ выдѣлить тѣ немногіе, которые имѣютъ за себя тѣнь исторической достовѣрности, то мы должны сказать, что конечно въ теченіи всемірной исторіи могли представляться случаи, когда евреи убивали христіанскихъ дѣтей и взрослыхъ христіанъ, но это еще не значитъ, что они убивали ихъ потому, что имъ нужна христіанская кровь. Точно также какъ никто не скажетъ и не станетъ дѣлать вывода изъ преслѣдованій евреевъ христіанами, что они употребляютъ еврейскую кровь. Слѣдуетъ-ли изъ всѣхъ фактовъ, что евреи пьютъ христіанскую кровь, да еще съ религіозною цѣлью? Почему явилось это обвиненіе? Откуда оно возникло? Какъ вы слышали уже, гитские язычники обвиняли въ употребленіи крови самихъ христіанъ и до V вѣка христіанамъ приходилось бороться съ обвиненіемъ въ томъ, что они въ своихъ таинствахъ убиваютъ дѣтей. Но до XII вѣка обвиненіе это не обращалось противъ евреевъ. Въ теченіи первыхъ одиннадцати вѣковъ нашей эры въ Византійской имперіи и другихъ христіанскихъ земляхъ издавалось много постановленій противъ евреевъ, собирались вселенскіе соборы, на которыхъ обсуждали еврейскій вопросъ; но въ чемъ ихъ обвиняли во всѣхъ этихъ случаяхъ? Ихъ обвиняли въ безвѣріи въ упорствѣ, въ держаніи христіанскихъ рабовъ, въ томъ, что они непотребно и безъ должнаго почтенія обращаются съ церковной посудой, закладываемой имъ духовенствомъ и только съ XII вѣка мы встрѣчаемся съ казнями и разграбленіемъ евреевъ за то, что они употребляютъ будто-бы христіанскую кровь. Въ XVII вѣкѣ обвиненія эти въ Западной Европѣ покончились и остались только въ Польшѣ и на Кавказѣ. Такимъ образомъ изъ этого краткаго сопоставленія мы видимъ, что по времени это обвиненіе соотвѣтствуетъ періоду крестовыхъ походовъ, усиленію папства и униженію свѣтской власти. Это былъ періодъ всеобщаго мрака и страшнаго экономическаго и соціальнаго гнета феодальной системы: рыцарство съ одной и рабство съ другой стороны поставили евреевъ въ исключительное положеніе и это положеніе было главною причиною обвиненій противъ нихъ. Мало того. Мы встрѣчаемся въ исторіи съ непреложнымъ фактомъ нелюбви, нерасположенія и ненависти къ евреямъ. Гдѣ причины этого? Есть-ли это первоначальная братская ненависть, возгорѣвшаяся непосредственно послѣ сотворенія міра между Каиномъ и Авелемъ изъ-за вопросовъ о богослуженіи, или религія служитъ только предлогомъ, а люди ненавидятъ другъ друга для того, чтобъ ненавидѣть, какъ любятъ для того чтобъ любить? Было-бы очень трудно и долго отвѣчать на эти вопросы вообще и въ примѣненіи къ юдофобіи въ особенности. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей (Гейне) влагаетъ въ уста недоброжелателя евре-

евъ слѣдующія размышленія по этому поводу: „Я не осуждаю ненависть, съ которой простой народъ относится къ евреямъ, я осуждаю только тѣ злосчастныя заблужденія, которыя ее породили. Народъ въ сущности всегда правъ и въ основаніи его ненависти, какъ и любви, всегда лежитъ вѣрный инстинктъ. Онъ только не умѣетъ формулировать свои ощущенія и гнѣвъ его обрушивается вмѣсто дѣла на лицо, на невиннаго козла отпущенія мѣстныхъ или временныхъ золъ. Народъ нуждается, у него нѣтъ средствъ къ жизни. И хотя жрецы господствующей религіи увѣряютъ его, что человѣкъ созданъ для того, чтобы страдать и, не взирая на голодъ и жажду, повиноваться начальству, —тѣмъ не менѣе народъ жаждетъ средствъ къ жизни и наслажденію и ненавидитъ тѣхъ, которые хранятъ эти средства въ своихъ ларяхъ и сундукахъ. Онъ ненавидитъ богатыхъ ирадъ, когда религія позволяетъ ему предаваться этой ненависти. Простой народъ всегда ненавидѣлъ въ евреяхъ обладателей денегъ и молніи его гнѣва притягивались всегда скопленнымъ у евреевъ металломъ. Духъ времени давалъ каждый разъ этой ненависти только пароль. Въ средніе вѣка этотъ пароль носилъ на себѣ мрачный отпечатокъ католическаго фанатизма. Евреевъ убивали за то, что они „распяли Христа“ въ силу той же логики, съ которою на островѣ С. Доминго негры - христіане во время возмущенія бѣгали съ изображеніемъ распятія и кричали: les blancs l'ont-tué. tuons les blancs!“ „Мой другъ, вы смѣетесь надъ бѣдными неграми: увѣряю васъ, что вестъ-индскіе плантаторы въ то время не смѣялись и были убиваемы во имя Христа, какъ нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ евреи въ Европѣ. Но черные на С. Доминго были тѣмъ не менѣе правы. Бѣлые жили праздно и наслаждались жизнью въ то время, какъ негры должны были въ потѣ своихъ черныхъ лицъ работать за нихъ, получая въ вознагражденіе очень немного рисовой муки и очень много палочныхъ ударовъ; негры были простой народъ“.—„Средніе вѣка миновали, даже простой народъ сталъ просвѣщеннѣе. не убиваетъ болѣе евреевъ и не маскируетъ болѣе свою ненависть религіею. Наше время не такъ наивно, не такъ горячо относится къ дѣламъ вѣры и облекаетъ свой гнѣвъ въ модныя фразы. Чернь кабаковъ и палатъ депутатовъ выступаетъ противъ евреевъ съ аргументами меркантильными, индустріальными, научными и даже философскими. Теперь истинное основаніе ненависти къ евреямъ выступаетъ съ своей настоящей физіономіей. Это не мрачная, фанатическая физіономія монаха, это слабая, просвѣщенная физіономія лавочника, боящагося конкурренціи“.

„Но виноваты-ли евреи въ томъ, что торговый духъ развился въ нихъ до такихъ грозныхъ размѣровъ? Вся вина лежитъ въ той средневѣковой нелѣпости, которая считала торговлю занятіемъ неблагороднымъ, а дѣла денежныя позорными, вслѣдствіе

чего эти послѣднія были предоставлены исключительно евреямъ.
Такимъ образомъ евреи, исключенные изъ всѣхъ другихъ отраслей
промышленности, сдѣлались тончайшими. рафинированнѣйшими
купцами и банкирами. Ихъ заставляли богатѣть, а потомъ ненавидѣли за это. И хотя въ настоящее время христіане отказались
отъ своихъ предразсудковъ относительно торговыхъ оборотовъ и
сдѣлались такими же богачами и мошенниками, какъ и евреи,
но традиціонная ненависть осталась удѣломъ евреевъ. Народъ
видитъ въ нихъ представителей капитала и ненавидитъ ихъ. Вишины
дите-ли, во всемірной исторіи одинаково правы и молотъ и наковальня“. Одним изъ поразительныхъ примѣровъ основательности
этихъ словъ и вѣрности этого заключенія служатъ поступки
французскаго короля Филиппа-Августа, который вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ въ 1180 и 1182 гг. возбуждалъ противъ
евреевъ обвиненіе въ употребленіи христіанской крови, казнилъ
многихъ евреевъ, грабилъ ихъ и наконецъ окончательно изгналъ
изъ предѣловъ своихъ владѣній, забравъ все ихъ имущество. Затѣмъ
въ 1198 г., находясь въ затруднительномъ денежномъ положеніи,
этотъ же король снова пригласилъ евреевъ въ свои владѣнія. Значитъ, онъ пересталъ бояться того, что они убивали
христіанъ и подобныя обвиненія служили ему только предлогомъ,
чтобы взять съ нихъ деньги! Съ паденіемъ католицизма и наступленіемъ
реформаціи въ Европѣ, это обвиненіе упало: но оно сохранилось
въ Польшѣ, гдѣ католицизмъ сохранилъ свою интенсивность
въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя возникали въ Россіи уже
въ нынѣшнемъ столѣтіи, нельзя не замѣтить присутствія польскаго
элемента. Такъ, Велижское дѣло возникло въ Витебской
губерніи, отошедшей къ намъ отъ Польши; въ Саратовскомъ дѣлѣ
главный обвинитель евреевъ былъ Богдановъ, рядовой изъ поляковъ.
Весьма важно обратить вниманіе на то, что въ Англіи со
временъ Кромвеля не возникало такихъ обвиненій, что въ Сѣверо-Американскихъ
Штатахъ никогда не возбуждалось такого
рода дѣлъ. Ни Голландія, ни Франція со временъ предшествовавшихъ
революцій, ни Швейцарская республика не знали такихъ
дѣлъ. Гдѣ же причина этого явленія? Очевидно, причина
заключается не въ томъ, чтобы евреи сами себя передѣлали,
чтобы они отказались отъ своего ученія. Вы знаете, что нѣтъ
народа, который бы болѣе цѣпко держался за самую мелочь въ
своей религіи, какъ евреи, и если-бы употребленіе христіанской
крови входило въ догматы еврейства, то мы не видимъ,
какимъ образомъ евреи, населяющіе эти страны, вдругъ отказались
отъ даннаго догмата. Нѣтъ, дѣло заключается тутъ не въ
исправленіи обвиняемыхъ, а въ просвѣщеніи обвинителей, въ широкой
свободѣ, ученіи о равенствѣ и братствѣ, въ совершенствѣ
законодательства и учрежденій. Втеченіи долгаго времени обвиненія
въ употребленіи христіанской крови сыпались на евреевъ, но

вмѣстѣ съ тѣмъ находились и люди, которые за нихъ заступались. И что же дѣлаютъ Лютостанскіе съ такими людьми? Они, не задумываясь, обвиняютъ ихъ во взяточничествѣ, въ подкупности. Обвинители евреевъ не стѣсняются бросать упрекъ въ подкупности на всѣхъ тѣхъ папъ, государей, епископовъ и государственныхъ людей, которые оправдывали евреевъ; въ этомъ обвиняется даже нашъ соотечественникъ графъ Сперанскій. Я могу только сказать, что евреи были бы очень счастливы, если бы всѣ басни объ употребленіи ими христіанской крови, были настолько же вѣрны, какъ басня о подкупности графа Сперанскаго, одной изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей въ нашей исторіи. Я не буду, гг. судьи, перечислять предъ вами всѣхъ тѣхъ папъ, епископовъ и королей, которые издавали по этому случаю постановленія и буллы; ихъ очень много и изъ множества ихъ можно убѣдиться, какъ съ одной стороны сильно было обвиненіе противъ евреевъ, а съ другой стороны, какъ сильно представители власти духовной и свѣтской старались подавить это зло. Папы издавали одну за другой буллы, въ которыхъ буквально говорилось, что это обвиненіе воздвигается противъ евреевъ корыстолюбцами, жаждущими еврейскихъ денегъ. Въ одной изъ папскихъ буллъ говорится, что злоумышленники нарочно подкидываютъ трупы дѣтей и взрослыхъ христіанъ въ еврейскіе дома, чтобы имѣть возможность обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Итакъ, я говорю, что папы, короли и даже турецкіе султаны находили невозможнымъ молчать о такомъ нелѣпомъ обвиненіи евреевъ, и на всѣ лады повторяли, что это обвиненіе несправедливо и что по самымъ тщательнымъ разслѣдованіямъ оказывается, что догмата или обычая объ употребленіи крови въ еврействѣ не существуетъ. Разсмотримъ и мы этотъ вопросъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, я долженъ обратить вниманіе суда на одну небольшую ариѳметическую выкладку. Въ Россіи живетъ почти 3 милліона евреевъ, а въ Европѣ болѣе 5 милліоновъ. Если послушать обвинителей, то евреи отъ рожденія до могилы употребляютъ христіанскую кровь: и при рожденіи, и при смерти, и при вѣнчаніи, и на пасху и т. д. Если считать, что на каждаго еврея приходится въ годъ 1 скруцулъ крови, то русскимъ евреямъ нужно 3 милліона скрупуловъ или около 10,000 фунтовъ крови, слѣдовательно, нужно, чтобы ежегодно 1,000 дѣтей пало жертвою этого предразсудка. Видя такую несообразность, обвинители евреевъ сейчасъ дѣлаютъ диверсію налѣво и начинаютъ увѣрять, что не всѣ евреи держатся этого догмата а только какая-то тайная секта. Вообще обвинители евреевъ поступаютъ совершенно какъ набаловавшіе школьники или проворовавшіеся лакеи; на каждое замѣчаніе они тутъ изобрѣтаютъ отвѣты, но такіе, что если сопоставить всѣ отвѣты вмѣстѣ, то выйдетъ нелѣпость. Противъ приведенной ариѳметической выкладки обвинители отвѣчаютъ изобрѣтеніемъ секты, не замѣчая того, что

по ихъ же разсказамъ убіеніе христіанскихъ дѣтей производится въ синагогѣ обще-еврейской, а не сектантской (такъ было въ Саратовскомъ дѣлѣ), что по возбужденіи обвиненій противъ евреевъ они собираются для обсужденія всѣ. Обвинителямъ замѣчаютъ, что евреямъ не можетъ быть нужна христіанская кровь для пасхи, потому что пропажи дѣтей случаются и въ ноябрѣ и въ декабрѣ, и лѣтомъ и зимою и осенью. Обвинители возражаютъ на это, что евреи похищаютъ младенцевъ въ разное время, но сохраняютъ ихъ до пасхи, кормятъ ихъ хорошо и затѣмъ, когда дѣти достаточно подготовлены, мучатъ ихъ и пьютъ ихъ кровь. Иные отвѣчаютъ, что кровь мучениковъ не портится и кровь, добытая изъ христіанскихъ дѣтей осенью, отлично сохраняется до пасхи. Когда на обвиненіе въ томъ, что евреи похищаютъ дѣтей для нагляднаго изображенія распятія Христа, замѣчаютъ, что еврейская пасха очень часто и не совпадаетъ съ страстной недѣлей, тогда возражаютъ, что евреямъ нужна христіанская кровь для того, чтобы ихъ жены лучше рожали. Когда оказывается, что сотни тысячъ еврейскихъ женщинъ рожаютъ при помощи христіанскихъ акушерокъ и докторовъ, тогда выдумываются другія объясненія, но всегда post factum: найдутъ ребенка исколотымъ, говорятъ, что по ученію евреевъ ребенка нужно исколоть, для каковой цѣли у нихъ существуютъ особыя бочки, утыканныя гвоздями, куда кладутъ ребенка и катаютъ. Найдутъ трупъ разрѣзаннымъ на куски, говорятъ—по ученію евреевъ похищенное христіанское дитя должно изрѣзать въ куски. Найдутъ ребенка гдѣ-нибудь спрятаннымъ, говорятъ, что это согласно ученію, найдутъ трупъ въ открытомъ мѣстѣ и это предписано ученіемъ. Я бы нисколько не былъ удивленъ, если послѣ нынѣшняго дѣла догматъ объ употребленіи евреями христіанской крови будетъ излагаемъ въ какой-нибудь книгѣ какого-нибудь Лютостанскаго въ такомъ видѣ, что евреи должны похитить его на проѣзжей дорогѣ, положить въ переметную сумку, въ другой половинѣ которой долженъ быть козелъ, что они должны по дорогѣ купить гуся и затѣмъ, покусавъ у ребенка руки, вывезти его и бросить у каменнаго забора. Я возвращаюсь къ вопросу о сектѣ. Существуетъ-ли въ еврействѣ такая секта, которая бы учила своихъ послѣдователей употреблять христіанскую кровь? Я не буду говорить о томъ, что въ еврействѣ чрезвычайно мало сектъ, что всякая секта евреями сейчасъ же выдѣляется изъ среды ихъ, что евреи не терпятъ сектаторства, что караимы, напримѣръ, выдѣлились почти въ совершенно особую націю. Я скажу только о такъ-называемой сектѣ хасидовъ, которые будто-бы держатся этого обычая. Хасидизмъ весьма извѣстенъ особенно русскому правительству, которое долго занималось этимъ вопросомъ и очень хорошо знаетъ, что отличіе хасидовъ отъ нехасидовъ чрезвычайно ничтожно, что оно касается только обрядовой стороны религіи; хассидизмъ возникъ только во второй по-

ловинѣ XVIII столѣтія и евреи нехасиды очень долго и ревностно боролись противъ него, прибѣгая въ этой борьбѣ ко всевозможнымъ мѣрамъ: они жаловались правительству, дѣлали доносы и все-таки ни разу не поднимали противъ нихъ такого обвиненія. Западныя губерніи: подольская, волынская и кіевская — главный центръ хасидовъ, а между тѣмъ тамъ ни разу не было возбуждаемо дѣла, подобнаго настоящему, даже во время борьбы Украйны съ Польшей, когда казаки и запорожцы вымещали всю свою злобу на евреяхъ и тогда противъ нихъ никогда подобнаго обвиненія не поднималось. Казаки говорили только, что жиды распяли Христа и за это ихъ нужно бить. Честная, открытая злоба и месть казацкая никогда не могла дойти до тѣхъ утонченностей и придумать такія козни, какія сочиняли католическіе монахи и ренегаты изъ евреевъ. Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается сущность обвиненія противъ евреевъ и чѣмъ оно доказывается со стороны такъ-сказать научной. По этому поводу я долженъ сказать, что насчитывается очень много пунктовъ обвиненія противъ евреевъ, по которымъ будто-бы евреямъ нужна христіанская кровь. Какъ на источникъ этихъ указаній, какъ на матеріалы, изъ которыхъ получается это обвиненіе, мы можемъ указать на сочиненіе нѣкоторыхъ крещеныхъ евреевъ. Этимъ послѣднимъ принадлежитъ большая доля въ литературной разработкѣ обвиненій противъ евреевъ. Такъ, въ 1614 г. крещеный еврей Бренцъ написалъ книгу, въ которой доказываетъ, что можетъ быть при трудныхъ родахъ еврейки употребляютъ христіанскую кровь; это мнѣніе подхватилъ іезуитъ Радергисъ, утверждая уже, что не только при трудныхъ, но и при всякихъ родахъ еврейкамъ необходима христіанская кровь. Венгерецъ Бонфоній утверждаетъ, что у евреевъ не только женщины, но и мужчины подвержены періодическимъ менструаціямъ и лечатъ себя отъ этого христіанской кровью. Въ Торнау въ 1494 г. нѣсколько старыхъ жидовъ сознались въ этомъ (понятно подъ пыткой) и были въ числѣ 14 человѣкъ сожжены живыми. Далѣе ученый монахъ Дудулей разсказываетъ самымъ отчетливымъ образомъ о распятіи Спасителя и о томъ, какъ вели себя при этомъ представители всѣхъ 12 колѣнъ іудейскихъ и какими они за то до сихъ поръ страдаютъ тайными болѣзнями, отъ которыхъ нѣтъ другихъ средствъ излеченія, кромѣ христіанской крови. О Серафимовичѣ и Пикульскомъ—его послѣдователѣ вамъ уже говорили. Они важны для насъ въ догматическомъ отношеніи, такъ какъ они говорятъ и не только говорятъ, но стараются доказать ссылками на религіозныя предписанія евреевъ, откуда взято это ученіе. Чудотворный Серафимовичъ, дѣлая многочисленныя ссылки на талмудъ и другія книги, систематизируетъ такъ сказать ученіе объ употребленіи евреями христіанской крови. Онъ утверждаетъ, что кровь нужна и при вѣнчаніи и при похоронахъ и на пасху и на праздникъ „Пуримъ" и наконецъ для чаръ. Ни

оказывается, что всѣ цитаты, дѣлаемыя этимъ господиномъ и его учениками отъ начала до конца фальшивы — это просто подлогъ. Они ссылаются на книгу, которую называютъ Зивхелевъ, но оказывается, что такой книги нѣтъ да и быть не могло, потому что на еврейскомъ языкѣ это слово или эти слова не имѣютъ никакого смысла. Еще они ссылаются на книгу подъ названіемъ „Хахмесъ-Нитеръ. Такой книги тоже никогда не существовало и не могло существовать, потому что уже въ самомъ ея заглавіи является безграмотность. Первое слово, означающее „мудрость", поставлено во множественномъ числѣ, а второе, означающее „темный", поставлено въ единственномъ. Слѣдовательно, Серафимовичъ перепуталъ слова и сочиненія. Наконецъ, они ссылаются на талмудъ и нѣкоторыя мѣста его цитируютъ. Но оказывается, что тѣхъ мѣстъ, которыя они приводятъ, въ талмудѣ нѣтъ и быть не можетъ. Напр. они дѣлятъ талмудъ на главы, параграфы и страницы, между тѣмъ какъ талмудъ дѣлится и цитируется по главамъ, но не по числу ихъ, а по первому слову главы и по листамъ, а не страницамъ. Вслѣдствіе этого у Лютостанскаго цитируется изъ трактата Сангендрикъ стр. 508, между тѣмъ какъ въ немъ всего 128 листовъ, слѣдовательно страницъ 256; изъ трактата Авайда Зора цитируется глава 71, между тѣмъ какъ ихъ всего 5. Но и это еще не все. Далѣе цитируется одно мѣсто изъ трактата Сангедринъ; замѣчу, что въ этомъ трактатѣ говорится объ уголовныхъ наказаніяхъ за преступленія, совершенныя евреями. Цитата эта въ устахъ Серафимовича, Пикульскаго и Лютостанскаго гласитъ: что христіанъ убивать можно. Тутъ двѣ фальши: во 1-хъ рѣчь идетъ не объ убійствѣ, а о смертной казни, во 2-хъ, рѣчь идетъ не о христіанахъ, а объ евреяхъ, отпавшихъ въ идолопоклонство. Всѣ эти Лютостанскіе и т. п. или не знаютъ, или притворяются незнающими того, что слово Акумъ, которое они переводятъ словомъ христіане, значитъ въ буквальномъ переводѣ „поклонники звѣздъ и планетъ", какими, кажется, христіане никогда не были. Дальнѣйшее обвиненіе евреевъ и указаніе тѣхъ способовъ, которыми они добываютъ себѣ христіанскую кровь, находится у Савицкаго и Ѳедорова и наконецъ въ Саратовскомъ дѣлѣ. Объ одной особенности этого послѣдняго дѣла я хочу сказать нѣсколько словъ. Саратовскіе обвинители Богдановъ и Крюгеръ, которые, съ точки зрѣнія еврейскаго или новаго русскаго уголовнаго процесса, гроша мѣднаго не стоятъ, и которымъ нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, говорятъ, что евреи, прежде чѣмъ замучить христіанскаго ребенка, должны совершить надъ нимъ обрядъ обрѣзанія. Но это такая очевидная нелѣпость, дальше которой нельзя идти, потому что если допустить, что евреи прежде умерщвленія христіанскаго младенца обрѣзаютъ его, то слѣдовательно они добываютъ кровь уже отъ еврейскаго ребенка, а не отъ христіанскаго. Всѣ эти

господа обвинители вѣроятно не знаютъ и не слыхали изреченія Талейрана, что излишнее усердіе всегда вредитъ. Я не буду разсматривать всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя взводились противъ евреевъ, а разсматриваю лишь нѣкоторыя изъ нихъ, относящіяся главнымъ образомъ къ Пасхѣ и имѣющіе поэтому ближайшее отношеніе къ настоящему обвиненію, тоже пріуроченному къ Пасхѣ. Изъ обвиненій непасхальнаго свойства я разсмотрю только одно. Говорятъ, что евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей изъ ненависти къ христіанамъ и христіанству. Многое могъ бы я сказать по этому поводу. Я бы могъ спросить, что рѣзче манифестировалось въ исторіи и литературѣ—ненависть евреевъ къ христіанамъ или ненависть христіанъ къ евреямъ? Что страшнѣе и опаснѣе: тайная, скрытая, безсильная ненависть одного человѣка къ шестидесяти или явная, ничѣмъ несдерживаемая, а нерѣдко поощряемая ненависть 60 къ одному? Но я не буду распространяться объ этомъ, а сошлюсь только на профессора Хвольсона, цитирующаго въ своей книгѣ до 50 ученыхъ и раввиновъ, имѣющихъ величайшій авторитетъ въ юдаизмѣ, который предписываетъ тѣ же правила человѣколюбія, тѣ же правила гуманности, какія мы встрѣчаемъ въ ученіи Христа. Если-бы наконецъ допустить, что евреи совершаютъ эти убійства изъ ненависти къ христіанамъ, то можно-ли съ этимъ совмѣстить, что они выбираютъ время, мѣсто, способы совершенія преступленія? Тотъ, кто совершаетъ преступленіе изъ ненависти, изъ мести, онъ, находясь подъ вліяніемъ афекта, употребляетъ то средство, которое находится у него подъ руками. Перехожу къ пасхальнымъ обвиненіямъ; говорятъ, что евреи похищаютъ и мучатъ дѣтей для того, чтобы возобновить въ своей памяти распятіе Христа. Я допускаю на мгновеніе, что это дѣйствительно такъ, что евреи такіе страстные любители кровавыхъ зрѣлищъ, не жалѣющіе жизни для наслажденія сценическими эффектами. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ та сцена, на которой ставятся эти спектакли и съ которыхъ всѣ евреи или всѣ сектанты видятъ его? Говорятъ, что есть секта, которая распространена по всему міру, что ежегодно бросается жребій, въ какой мѣстности долженъ быть поставленъ спектакль. Выпадаетъ жребій на Сачхере и тамъ похищаютъ ребенка. Допустимъ это, но какимъ же образомъ тогда Саратовскіе евреи будутъ видѣть распятіе, изображаемое въ Сачхере? Значитъ, они ограничиваются воображеніемъ, а въ такомъ случаѣ имъ незачѣмъ такъ рисковать каждый разъ, а весьма удобно вообразить себѣ то, что происходило 1857 лѣтъ тому назадъ. Говорятъ, евреямъ нужна кровь для заготовленія пасхальнаго агнца и они замѣняютъ его христіанскимъ ребенкомъ. Но это также не выдерживаетъ критики, потому что по предписанію ветхаго завѣта необходимъ агнецъ, а не ребенокъ и закланіе агнца предписывается непремѣнно въ храмѣ: Это извѣстно всѣмъ даже необу-

чавшимся въ семинаріи. Но вообще богословы и всѣ эти господа крещеные евреи завѣдомо лгутъ; они очень хорошо знаютъ, что евреямъ пасхальнаго агнца не нужно. Затѣмъ есть еще обвиненіе: говорятъ, что на праздникъ Пасхи евреи должны вымазать косяки своихъ дверей христіанской кровью. Это обвиненіе было-бы чрезвычайно важно, давая правосудію самыя лучшія, всѣмъ очевидныя вещественныя доказательства во всякомъ подобномъ дѣлѣ. Но ни въ одномъ дѣлѣ объ умерщвленіи евреями христіанскихъ дѣтей не нашли такого доказательства. Наконецъ, и какъ говорятъ нѣмцы Da ist der Hund begraben, послѣднее обвиненіе заключается въ томъ, что евреямъ нужна христіанская кровь для приготовленія мацы (опрѣсноковъ). Объ этомъ обвиненіи много говорить не буду, и укажу только суду на слова протоіерея Протопопова, который говоритъ, что въ священномъ писаніи восемь разъ повторяется запрещеніе употреблять евреямъ какую-бы-то ни было кровь, даже кровь рыбью. Но могутъ сказать: Ветхій завѣтъ и священное писаніе одинъ законъ, а то другой, въ силу котораго и совершаются эти убійства. Но отчего же ни одной книги не указано, въ которой былъ-бы изображенъ этотъ законъ. Въ настоящее время наука ушла очень далеко впередъ; наука предсказываетъ появленіе планетъ, она читаетъ по пластамъ земли, какъ по книгѣ; нѣтъ документовъ, нѣтъ ученія, нѣтъ книги, которая не была бы извѣстна и вдругъ существуетъ цѣлая секта людоѣдовъ съ обычаями, догматами, законами, ученіями, о которыхъ неизвѣстно ничего, кромѣ того, что болтаютъ невѣжды, плуты, ренегаты, іезуиты и сумасшедшіе, сорвавшіеся съ цѣпи, какъ Серафимовичъ. Гг. судьи! Благодаря долгому историческому процессу, русская жизнь сложилась въ настоящее время уже такимъ образомъ, что мы обезпечены во всѣхъ нашихъ житейскихъ отношеніяхъ. Наша жизнь, имущество, честь, свобода и образъ мыслей достаточно ограждены; у насъ есть прокуроры, слѣдователи по важнымъ и менѣе важнымъ дѣламъ, существуетъ полиція внѣшняя и внутренняя, простая и сыскная, тайная и явная; у насъ есть цензура, есть всевозможные спеціальные суды, у насъ нѣтъ habeas corpus act'а, нѣтъ тайны корреспонденцій. Неужели недостаточно всѣхъ этихъ средствъ, чтобы открыть существованіе такой секты. Открытіе это очень важно для массы евреевъ; оно важно и для всего человѣчества. Вѣдь никто не обезпеченъ, что въ нынѣшнемъ, въ будущемъ году жребій не выпадетъ на мѣстность, въ которой онъ живетъ и что на улицѣ не будетъ находиться его ребенокъ. Если существуетъ такая секта, то ее нужно розыскать, раскрыть, искоренить; послѣдователемъ такой секты не можетъ быть ни снисхожденія, ни пощады, отъ нихъ дѣйствительно нужно съ ужасомъ и негодованіемъ отвернуться. Но нѣтъ, гг. судьи, такой секты нѣтъ и не можетъ быть и покуда мы должны съ негодованіемъ отвернуться отъ мысли о существованіи

ея и отъ обвиненій, построенныхъ на этой мысли. Я заключу свою рѣчь словами Наполеона I, когда онъ онъ готовилъ свои войска къ битвѣ при пирамидахъ, онъ сказалъ имъ: солдаты, сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ. И на васъ, гг. судьи, смотрятъ гораздо больше 40 вѣковъ: на васъ смотритъ и прошедшее и будущее, весь міръ, вся цивилизація и я надѣюсь, что вашъ приговоръ оправдаетъ надежды, возлагаемыя на приговоръ суда гласнаго и просвѣщеннаго.

Присяжн. повѣр. Кикодзе въ судъ не явился.

Частный повѣр. Лолуа въ дополненіе къ сказанному его сотоварищами по защитѣ, произнесъ краткою рѣчь, въ которой проводилъ мысль, что Сарра Модебадзе, отправившись домой по садзаглихевской дорогѣ, попала, вслѣдствіе тумана, на не надлежащій поворотъ къ дому, заблудилась и умерла отъ изнеможенія.

Стороны еще разъ помѣнялись возраженіями, послѣ чего предсѣдательствующій объявилъ, что судъ для постановки вопросовъ отлагаетъ засѣданіе до 13-го марта.

Въ этотъ день судъ утвердилъ установленные вопросы о виновности подсудимыхъ и удалился для совѣщанія. Черезъ два съ небольшимъ часа онъ вынесъ оправдательный приговоръ для всѣхъ подсудимыхъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ

ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ И ЛИТВѢ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Помѣщаемые ниже документы относятся къ исторіи юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Юго-Западной Россіи. Документы эти извлечены мною изъ актовыхъ книгъ Центральнаго Кіевскаго Архива, находящагося при кіевскомъ университетѣ. Время, которое обнимаютъ эти акты, составляютъ почти три столѣтія т. е. отъ половины XVI до конца XVIII.

Причина, почему, при сравнительно небольшомъ количествѣ актовъ, захваченъ такой обширный періодъ времени, заключается главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, что изъ находящагося въ моемъ распоряженіи матеріала я старался выбирать лишь такого рода документы, которые или пополняли бы пробѣлы, существующіе въ напечатанныхъ уже источникахъ, или же давали бы иное освѣщеніе фактамъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ публикѣ.

При чтеніи документовъ у большинства читателей родится, вѣроятно, прежде всего вопросъ: что же это за актовыя книги Кіевскаго Центральнаго Архива, каково ихъ содержаніе; на чемъ основывается дѣленіе ихъ на „записовыя, поточныя, декретовыя, кондемнаціонныя, магистратскія“ и т. п., названія которыхъ выставлены при концѣ каждаго акта.

Имѣя въ виду, что для большинства публики нѣтъ возможности рыться въ источникахъ первой руки, я постараюсь вкратцѣ, на сколько позволяютъ мнѣ мои свѣдѣнія, отвѣтить на поставленные вопросы.

На основаніи государственнаго устройства Польши къ концу

XVI ст. народомъ въ государственномъ смыслѣ была шляхта. Въ интересахъ шляхтичей, этихъ полноправныхъ гражданъ, складывались и всѣ государственныя учрежденія. Если законодательство заботилось о чемъ-либо, то по преимуществу объ охраненіи и расширеніи правъ шляхетной части націи.

Городское сословіе, послѣ слабыхъ попытокъ выступить на политическую арену о бокъ съ шляхтою, скоро принуждено было смириться и занять подчиненное мѣсто: развитіе шляхетскаго „можновладства“ и шляхетскихъ вольностей кладетъ непреходимыя преграды для развитія промысловъ и торговли. Даже турецкіе порядки больше способствовали развитію торговли *. Вообще на каждомъ шагу наталкиваешься въ старой Польшѣ на средневѣковые порядки; разница только въ томъ, что въ то время какъ на Западѣ развивается, въ противовѣсъ поземельному капиталу, капиталъ движимый, а вмѣстѣ съ нимъ выступаютъ на сцену и новые общественные классы—въ Польшѣ города, *какъ торгово-промышленные центры* по большей части были экзотическими растеніями. При тѣхъ льготахъ, которыми пользовалась шляхта по вывозу и провозу произведеній своихъ земель, и при той свободѣ отъ пошлинъ и всякихъ „целъ и мытъ“, которыя сопровождали повсюду шляхетское добро, очевидно невозможно было развиться ни мѣстной производительности, ни внутреннему торговому обороту. Кому надобность покупать за дорогую цѣну предметы домашняго производства, когда всегда есть возможность получить эти же товары, притомъ гораздо высшаго качества и по болѣе дешевой цѣнѣ, изъ-за границы. Какъ развиваться торговлѣ, когда для купеческаго товарнаго воза на каждомъ мосту, перевозѣ, городскихъ воротахъ и т. д.—заставная пошлина, двигаться можно по извѣстнымъ только путямъ, останавливаться должно въ опредѣленныхъ мѣстахъ и выставлять товары на продажу въ теченіи извѣстнаго времени; а возъ шляхетскій можетъ путешествовать безданно, безпошлинно отъ одного конца Рѣчи Посполитой до другого.

О сельскомъ населеніи говорить много нечего.

---

* Balinski i Lipinski. Starozytna Polska, II, 2, 1054, гдѣ приводится тотъ фактъ, что за короткое время своего пребыванія подъ властью турокъ, Шаргородъ достигъ такой степени богатства, что былъ названъ „Кучукъ Стамбуль“—Маленькій Константинополь; послѣ возвращенія же подъ польское владычество скоро опять пришелъ въ прежнее ничтожество.

Различіе между свободнымъ и несвободнымъ крестьянствомъ сохраняется развѣ гдѣ-нибудь на татарскомъ рубежѣ, по всему остальному королевству хлопъ—существо безправное быдло, misera plebs contribuens.

Сообразно съ этими соотношеніями сословій должны были сложиться и учрежденія, имѣвшія въ виду защиту принадлежавшихъ каждому изъ сословій правъ.

Первою инстанціею въ мѣстности для шляхты было выросшее изъ національной жизни учрежденіе—*гродъ*: его присуду подлежали шляхтичи данной мѣстности по *всѣмъ* своимъ дѣламъ. Гродскому же присуду подлежали и евреи, королевскіе подданные по всѣмъ дѣламъ съ лицами, принадлежащими шляхетскому сословію, а также и по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ.

Мѣщане судились по всѣмъ дѣламъ передъ магистратомъ. (Часто впрочемъ встрѣчаются исключенія для уголовныхъ дѣлъ).

Хлопы особаго суда не имѣли. Древніе *копные* суды мало по малу исчезаютъ (удерживаясь развѣ въ *околицахъ*)—и хлопы подлежатъ вполнѣ произвольному суду своего помѣщика, или, что встрѣчалось еще чаще, суду его эконома или арендатора *.

Книги, въ которыя заносились судебное производство гродскихъ судовъ, такъ и многіе иные акты (какъ мы это сейчасъ увидимъ) раздѣляются на три большія категоріи: книги Записовыя, Поточныя и Декретовыя.

Самый обширный кругъ дѣлъ обнимаютъ собою книги Записовыя. Ихъ можно отчасти приравнять къ современнымъ нотаріальнымъ книгамъ, но съ тою особенностью, что въ нотаріальныя книги у насъ вносятся безспорные акты, между тѣмъ какъ всякій процессъ въ Польшѣ начиналъ свое теченіе именно съ этихъ Записовыхъ книгъ. Побьютъ ли кого, ограбятъ, сдѣлаютъ ли наѣздъ,—первое заявленіе должно быть внесено въ Записовыя книги, иначе нѣтъ мѣста и дальнѣйшему процессу. Отдѣлъ подобнаго рода заявленій, соообразно съ духомъ того времени, одинъ изъ наиболѣе обширныхъ.

---

* Сравн. Памятники Временной кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, т. I, 2 отд., актъ IX, 19 мая 1595: Арендный листъ князя Пронскаго п. Буркгацкому и жиду Турейскому Абрааму на городъ и замокъ Локачи, съ принадлежащими къ нему селеніями, крестьянами и правомъ казнить крестьянъ смертію. Также №№ X, XI, (изъ которыхъ видно, что въ аренду отдаются и церкви).

Обыкновенно эти заявленія дѣлались сейчасъ послѣ происшествія, вкратцѣ; заявлявшій оставлялъ за собою такъ-называемую „салву“ (Salva meliorationis) т. е. право полнѣе обставить впослѣдствіи свои показанія.—Кромѣ занесеній въ эти книги актовъ совершенно частноправнаго характера, напр. арендныхъ контрактовъ, долговыхъ обязательствъ, куплей-продажей на движимости и недвижимости, договоровъ о поставкахъ и т. п., мы встрѣчаемъ акты административнаго свойства, которые, по современнымъ понятіямъ, ужъ никакъ не могутъ попасть въ нотаріальныя книги: постановленія сеймовъ и сеймиковыя инструкціи шляхетскимъ депутатамъ, королевскія распоряженія о порядкѣ сбора пошлинъ, уставы объ отбываніи повинностей, и т. п. Мало того, такъ какъ единственнымъ условіемъ для внесенія акта въ книги была уплата извѣстной постраничной платы, а форма и содержаніе акта были безразличны, то мы встрѣчаемъ въ книгахъ и такого рода документы, которые врядъ-ли часто встрѣчаются въ какихъ бы то ни было актовыхъ книгахъ. Набожный шляхтичъ вноситъ въ актовыя книги: литанію Божіей Матери, поданную черезъ святого Бенедикта; другой, болѣе шутливаго нрава, приноситъ жалобу отъ п. Кгорзалковскаго (Водкина) на п. Килишковскаго (Рюмкина) въ томъ, что этотъ послѣдній укралъ у п. Кгорзалковскаго изъ погреба 10.000,000 ведеръ водки *). Воинственный п. Дубинскій пишетъ п. Журовницкому бранное посланіе **), а обманутый женихъ представляетъ въ судъ цѣлую кипу любовныхъ писемъ, требуя отъ измѣнницы возмѣщенія проторей и убытковъ ***). Иногда встрѣчаются даже стихи и весьма недурные †).

Такимъ образомъ изъ этихъ книгъ мы можемъ изучить жизнь современнаго этимъ книгамъ общества съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ.

Государственная администрація, судъ, политическое и общественное положеніе сословій и ихъ взаимныя отношенія; органи-

*) Книга Житомірская гродская Записовая и Поточн., № 14, г. 1630. Лид. 174, на оборотѣ.

**) Книга Гродская Кіевская Записовая и Поточная № 4, годъ 1689—90, листъ 56.

***) Книга градская Овруцкая Записовая и Поточная, № 3245, годъ (1750—51) листы 159, 663, 664, 840.

†) Кн. гродская Луцкая Записовая и Поточная, № 2300, годъ 1742, листъ 663, на оборотѣ.

зація торговопромышленной дѣятельности населенія; примѣненіе и отмѣна законовъ жизнію; формы сдѣлокъ и т. п. проходятъ въ яркихъ образахъ, не прикрашенныхъ, не извращенныхъ тѣми или другими теоріями. Стоитъ изъ-за созерцанія этой картины преодолѣть нѣкоторыя затрудненія, представляемыя особенностями почерковъ, рѣчи, отсутствіемъ знаковъ препинанія и т. п....

Поточныя книги берутъ свое названіе отъ того обстоятельства, что въ нихъ изображено теченіе процесса, показано „какъ точится справа“.

По количеству и качеству матеріала онѣ составляютъ переходъ къ книгамъ Декретовымъ, которыя обыкновенно содержатъ въ себѣ краткое рѣшеніе по дѣлу, начатому въ Поточныхъ книгахъ.

Въ дѣйствительности не всегда соблюдалось строгое раздѣленіе книгъ Записовыхъ и Поточныхъ, нерѣдко можно встрѣтить въ одной и той же книгѣ соединеніе всѣхъ трехъ родовъ актовъ. Соединенными встрѣчаются чаще всего Записовыя и Поточныя книги, Декретовыя же только въ видѣ исключенія. Въ большинствѣ случаевъ онѣ существуютъ отдѣльно.

Что до Магистратскихъ книгъ, книгъ магдебургій, то въ нихъ мы не встрѣчаемъ раздѣленія книгъ на отдѣльные виды, всякаго рода акты вносились въ одну и туже книгу.

Что до языка, на которомъ писаны актовыя книги, то преобладающимъ, въ особенности въ 16 и 17 вв., является актовый русскій языкъ, затѣмъ польскій, отчасти латинскій; французскій и нѣмецкій какъ рѣдкіе гости.

Есть впрочемъ книги, писанныя сплошь по армянски; таковы книги каменецъ-подольской армянской юрисдикціи съ 1554—1643.

Можно встрѣтить нѣсколько документовъ на еврейскомъ языкѣ.

Къ большей части гродскихъ книгъ были приложены описи, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились при книгахъ и до нашего времени; обыкновенно же передъ каждымъ актомъ помѣщено и краткое его содержаніе.

Письмо въ большинствѣ гродскихъ книгъ можетъ считаться весьма удовлетворительнымъ, а нѣкоторыя въ каллиграфскомъ отношеніи могутъ смѣло поспорить съ любою изъ книгъ здѣшней Литовской Метрики. Начинаясь въ 16 ст. съ полуустава, письмо переходитъ черезъ колеблющіеся, а вслѣдствіе того часто весьма

неразборчивые почерки 17 ст., къ опредѣленной современной скорописи.

Книги обыкновенно переплетены и вообще дошли къ намъ въ довольно удовлетворительномъ видѣ; не безъ того, конечно, чтобы чернила въ иныхъ не вылиняли, бумага не пожелтѣла и т. п.

Шляхта заботилась о томъ, чтобы книги, хранящія свидѣтельства о ея правахъ и значеніи, велись какъ слѣдуетъ и сохранялись въ надежныхъ и приличныхъ помѣщеніяхъ. Книги эти составляютъ предметъ ея особенныхъ заботъ, и трудно встрѣтить постановленія мѣстнаго сеймиковаго съѣзда, въ которыхъ не говорилось бы и объ этихъ книгахъ, о мѣрахъ къ ихъ содержанію, сбереженію и т. п.

Что касается до магистратскихъ книгъ, то ихъ легко отличить отъ гродскихъ, въ большинствѣ случаевъ, не читая, по „наружному виду". Писаны онѣ обыкновенно неискусною рукою, плохо сохранились, переплетовъ или вовсе нѣтъ, или такіе, что невольно наводятъ на мысль, не пожертвовалъ ли кто изъ магистратскихъ судей или райцевъ своихъ голенищъ на общественную пользу. Естественно, что какой-либо Теофильполь или Выжва, „могдебургін", бурмистръ и райцы которыхъ засѣдали въ покосившейся на бокъ хижинѣ, не могли ничего удѣлить изъ своего годоваго дохода въ 100 злотыхъ на храненіе и опрятность книгъ.

Съ введеніемъ въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ „Учрежденія о губерніяхъ", старые гродскіе суды были отмѣнены, магистраты преобразованы на новыхъ основаніяхъ. Актовыя книги гродскихъ судовъ были переданы на храненіе въ архивы губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, магистратскіе же въ архивы магистратовъ и ратушъ.

Но такой порядокъ храненія книгъ представлялъ важныя неудобства. Лица, имѣвшія надобность въ отысканіи какихъ-либо документовъ, должны были часто странствовать не только изъ уѣзда въ уѣздъ, но часто изъ губерніи въ губернію, потому что при прежнихъ порядкахъ дозволялось обывателямъ одного воеводства вносить акты въ книги другого воеводства. Кромѣ того, архивы сплошь и рядомъ не имѣли безопасныхъ и удобныхъ помѣщеній, и книги часто даже хранились въ углу какой-либо обывательской хижины; оттого многія погорѣли или сгнили.

Кромѣ того, открылась масса поддѣлокъ, какъ документовъ о дворянскомъ происхожденіи, такъ и относительно правъ на недвижимыя имущества. Поддѣлки открыты были первоначально въ Вильнѣ и самогитскихъ уѣздахъ. По этому поводу учреждена была въ 1833 г. коммиссія, которой поставлено было въ обязанность скрѣпить и прошнуровать книги, что она и исполнила къ 1835 г.

Но вскорѣ обнаружились новыя злоупотребленія и безпорядки, почему въ 1846 г. возложено было на уѣздныхъ предводителей дворянства, судей и стряпчихъ, съ прикомандированіемъ губернскаго „прокурора", пересмотрѣть со всею тщательностію актовыя книги, составить для каждой книги особыя описи, съ объясненіемъ № каждаго документа, краткаго содержанія его, года, мѣсяца и числа, когда актъ состоялся и когда явленъ, и т. п... Но подобнаго рода задача не подъ силу была коммиссіямъ, которыя состояли изъ чиновниковъ, занятыхъ дѣлами службы, и кромѣ того въ средѣ ихъ не было лицъ, знающихъ языки латинскій, польскій, западно-русскій и умѣющихъ читать акты, писанные древнимъ шрифтомъ.

Въ 1843 г. учреждена была въ Кіевѣ временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ.

Обративъ вниманіе на важность актовыхъ книгъ, какъ на незамѣнимый историческій матеріалъ, коммиссія ходатайствовала черезъ бывшаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова въ 1850 г. объ учрежденіи въ Кіевѣ центральнаго архива при университетѣ Св. Владиміра для храненія актовыхъ книгъ Кіевской, Подольской и Волынской губерніи. Указомъ, даннымъ сенату 2 апрѣля 1852 г., повелѣно учредить центральные архивы въ Кіевѣ, Витебскѣ и Вильнѣ подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства. Непосредственное же наблюденіе принадлежитъ: въ Кіевѣ—правленію университета Св. Владиміра; въ Витебскѣ—мѣстному губернатору; въ Вильнѣ—управленію тамошнимъ учебнымъ округомъ. Въ архивы были собраны древнія актовыя книги включительно до 1799 г.

Въ настоящее время въ кіевскомъ архивѣ находится около 6,027 актовыхъ книгъ и до 453,381 отдѣльныхъ документовъ; въ Вильнѣ, какъ говорятъ, число книгъ доходитъ до 15,000, за то отдѣльныхъ документовъ почти нѣтъ; въ Витебскѣ архивъ сравнительно не великъ—около 1,500 книгъ.

Списокъ актовымъ книгамъ кіевскаго архива напечатанъ въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ 1862—64 гг. *).

Что касается подробныхъ описей отдѣльныхъ книгъ, то, за недостаткомъ у кіевскаго архива средствъ, до сихъ поръ наявились описи всего 16 № актовыхъ книгъ.

Изъ книгъ кіевскаго архива, сперва, Временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ извлечено и издано 4 т. актовъ, такъ назыв. *Памятники.* Съ 1859 г. акты начали издаваться по новой программѣ и подъ новымъ заглавіемъ: „Архивъ юго-западной Россіи." До сихъ поръ появились IX т., каждый въ 2—3 частяхъ. Виленская и витебская коммиссіи напечатали каждая тоже по IX т. документовъ.

Къ 5 изъ, предлагаемыхъ въ настоящемъ томѣ, документовъ на западно-русскомъ языкѣ сдѣланъ переводъ, чтобы облегчить для лицъ, встрѣчающихся впервые съ подобнаго рода документами, первоначальное знакомство съ языкомъ. При небольшемъ же навыкѣ всѣ документы понимаются довольно легко.

Польскіе д[illegible]ументы оставлены безъ перевода потому, что языкъ поль[illegible]актовъ мало разнится отъ современнаго польскаго, а объясненіе юридическихъ терминовъ и устарѣлыхъ словъ будетъ приложено къ имѣющимъ появиться въ будущихъ томахъ „Еврейской Библіотеки" документамъ изъ Литовской Метрики.

Впрочемъ, для облегченія знакомства съ актами, я привожу въ заголовкѣ каждаго акта существенное его содержаніе.

Печатая эти немногіе акты, я не могу не выразить чувства искренней благодарности В. Б. Антоновичу и И. П. Новицкому за ихъ участіе и за тѣ весьма важныя указанія на опорные пункты въ актахъ, которыя мнѣ въ значительной мѣрѣ помогли розыскать „еврейскіе острова" въ безграничномъ „актовомъ морѣ".

С. Бершадскій.

С.-Петербургъ.
Января 25, 1879 г.

---

*) Изъ предисловія къ нему я почерпнулъ свѣдѣнія объ исторіи образованія Центральнымъ архивомъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ.

ДОКУМЕНТЫ

ИЗЪ АКТОВЫХЪ КНИГЪ КІЕВСКАГО ЦЕНТРАЛЬНАГО АРХИВА.

№ I. Жалоба королевскаго урядника Богуша Несвецкаго и повѣренныхъ Эски Шломича, арендатора питейныхъ домовъ и солодовень города Луцка, на ксендза поддекана Луцкаго и его викаріевъ въ томъ, что они не только дозволили, въ ущербъ королевской казнѣ, куреніе водки, вареніе пива и сыченіе медовъ въ домахъ, находящихся подъ ихъ присудомъ; но еще, кромѣ того, изломали замки и сорвали печати, которыя онъ, королевскій урядникъ, наложилъ на дома, въ которыхъ производилась корчемная выдѣлка питей.

Тогожъ мца августа 31 дня, року 1561.

Внебытности пана Бориса Ивановича Совы, подъста[illegible] луцъкого, наместцы его Василей Дешковъскій, писаръ замку Луц[illegible]

Пришодъчи до мене, дворенинъ господаръскій панъ [illegible]ъ Богушевичъ Несвецъкий восполоrъ з шафаромъ Еска Шломича, мытъника господаръскаго, аранъдара коръчомъ и солодовней мѣста Луцъкого, то естъ с Перцомъ жидомъ, зъ его товарышомъ, оповедалъ тымъ обычаемъ, ижъ дей Господарь Король Его М. рачилъ расказати до мене листъ свой господаръскій писати о домы коръчомные мѣста Луцъкого, которые домы подъ присудомъ бискупълимъ, проборъщовъскимъ и плебанъскимъ, у которыхъ домехъ бровары, абы черезъ то в нихъ пивъ не варенѳ и медовъ несычоно, а кроме тыхъ шафаровъ аранъдаровыхъ у броварехъ ихъ. О што дей семи не по одъно кротъ передъ вижами враду замку луцъкого князя подъяканего проборъща и князя Грегора навпоминалъ, абы болъшей того

Переводъ.

№ I. Мѣсяцъ Августа 31 дня, 1561 года.

Въ отсутствіе пана Бориса Ивановача Совы, подстаросты Луцкаго, замѣститель его Василій Дешковскій, писарь замка Луцкаго.

Королевскій дворянинъ панъ Ильяшъ Богушевичъ Несвицкій, явившись ко мнѣ вмѣстѣ съ повѣреннымъ Эски Шломича, королевскаго мытника (сборщика пошлинъ) и арендатора шинковъ и солодовень города Луцка, т. е. съ евреемъ Перцемъ и его товарищемъ, объявилъ слѣдующее: что Государь, Король Его Милость приказалъ написать ко мнѣ свое королевское посланіе на счетъ тѣхъ домовъ города Луцка, которые состоятъ подъ Епископскимъ, пробащовскимъ и плебанскимъ присудомъ, и въ которыхъ находятся пивоварни, чтобы въ нихъ никто, кромѣ тѣхъ повѣренныхъ арендатора, не варилъ пива и не сытилъ медовъ.

О чемъ уже не разъ я напоминалъ въ присутствіи вижовъ замковаго Луцкаго уряда ксендзу Поддекану, пробощу, и ксендзу Грегору, чтобы болѣе въ

у тыхъ домехъ пивъ не варено и медовъ несычоно, якобы далей шкодъ скаръбу его кролевское милости не было; на што дей и листъ господаръский, до мене писаный, передъ ними есми показовалъ, у которомъ естъ росказанъе Его Кролевское М., пана нашого милостивого, ижъ быхъ я в тыхъ своволънынхъ у солодовъняхъ горъны, а въ броварехъ печи поламалъ и побилъ.

Они дей, ничого недъбаючи на листъ господарский, предъ ся в тыхъ домехъ своволъне пива варити и меды сытити казали.

А я, хотечи росказанъю господаръскому досытъ вчинити, взявъши з собою двохъ вижовъ врядовыхъ: одного отъ пана ключъника, а другого отъ пана подъстаростего, шодъчи на место до тыхъ домовъ плебанъскихъ, позамыкалъ и позапечатовалъ.

То пакъ дей князь подъяканий и инъшие вси викареи костела Луцъкого, пришодъчи моцъно кгвалътомъ назавтрес, замъки поотъбивали и печати поотърывали, пива варити и меды сытить казали.

Якожъ той вижъ врадовый, на имя Матысъ, ставъши передо мною, тымижъ словы сознаалъ: ижъ при немъ тые бровары были запечатаны, а теперичи вже печати поотрываны и пива в тыхъ броварехъ варятъ.

И просилъ панъ Илъяшъ Несвецъкий, абы то было записано. А такъ я тое оповеданъе его и вижово созънанъе до книгъ замковыхъ записати казалъ.

Книга [illegible]я замковая, записовая и поточная 1561 года, № 2035 страница 1[illegible]

№ II. Жалоба бурмистровъ, родцевъ и всѣхъ мѣщанъ города Луцка на повѣренныхъ Ески Шломича въ томъ, что они не только своими измышленными наборами, въ противность привилегiи мѣщанъ Луцкихъ, причинили имъ огромный убытокъ, собирая какъ съ самихъ мѣщанъ Луцкихъ, такъ и съ прiѣзжихъ гостей огромныя пошлины за право торговли напитками во время ярмарки, бывшей на св. Симеона, чѣмъ заставили гостей удалиться, а мѣщанъ принудили скитаться по деревнямъ „какъ цыганамъ“; но и вообще воспрещаютъ мѣщанамъ выѣзжать изъ города съ хмѣльными напитками, вслѣдствiе чего мѣщане входятъ въ долги и принуждены бѣжать, куда глаза глядятъ. Кромѣ этого, въ противность арендному условiю, до сихъ поръ не выстроено арендаторами ни пивоварень, ни солодовень и они, продолжая производство напитковъ въ мѣщанскихъ пивоварняхъ и солодовняхъ, не только не заключаютъ съ мѣщанами условiя, какъ бы это слѣдовало на основанiи Брестской конституцiи, но еще взимаютъ съ нихъ излишнiя пошлины съ солода

Року 1561 г., тогожъ мца Октебра 28 дня.

Приподъчи до мене, Бориса Ивановича Совы, подстаростего луцъкого, Григорей Посолейко, Стецъко Ленъковичъ а Томило Костюковичъ, Васко Лукашовичъ а Федоръ Грибковичъ, буръмистры и радъцы места Луцъкого, з многими людъми суседы своими, з мещаны Луцкими, жаловали и оповедали на Перца Лазаровича и на Шмонъка Племенъника, шафаровъ Еска Шломича, аранъдара Его Кор. Милости корчомъ, броваровъ и солодовенъ места Луцъкого: ижъ дей они надъ привилей, листъ господарьский, предъкомъ нашимъ намъ, самымъ и потомкомъ нашимъ месту Луцкому наданый, въ противъностъ и шкоду великую Господарю Королю Его М-ти и намъ подъданънымъ господарьскимъ вчинили: На перъвей, о светомъ Семени, ярмаръку луцкомъ волномъ, намъ, мещаномъ, и людемъ приежъчимъ пожитокъ отъдалили и ку великой шкодѣ приправили.

Што бывало волъно намъ, мещаномъ, такъ тежъ и гостемъ, людемъ приежъчимъ, горелъкою, виномъ, меды и пивы шинъковати, чимъ хто хотячы торъговати.

Тогды тые жидове з насъ мещанъ и з людей приежъчихъ не водъле

тѣхъ домахъ не варили пива и не сытили медовъ, дабы не причинялось дальнѣйшихъ убытковъ казнѣ Его Королевской милости.—Въ подтвержденiе своего требованiя я показывалъ адресованное ко мнѣ королевское посланiе; въ посланiи этомъ находится приказанiе Его Королевской Милости, пана Нашего Милостиваго, чтобы я въ тѣхъ своевольныхъ солодовняхъ изломалъ горны, а въ пивоварняхъ разрушилъ печи.

Они же, не обращая ни малѣйшаго вниманiя на королевское предписанiе, приказали на свой страхъ продолжать въ тѣхъ домахъ своевольно варить пиво и сытить медъ.

Я же, заботясь объ исполненiи королевскаго предписанiя и взявши съ собою двухъ урядовыхъ вижей (одного отъ пана Ключника, а другого отъ пана Подстаросты), отправился въ городъ къ вышеупомянутымъ домамъ и ихъ позапиралъ и позапечаталъ.

Тогда ксендзъ поддеканъ и всѣ остальные викарiи Луцкаго костела, пришедши на слѣдующiй день нагло и самоуправно поотбивали замки, посрывали печати и приказали варить пиво и сытить медъ.

И урядовый вижъ, по имени Матысь, ставши передо мною, точно также объявилъ, что вышеупомянутые бровары были запечатаны при немъ, а теперь печати сорваны, въ пивоварняхъ варятъ пиво.

Панъ Ильяшъ Несвецкiй просилъ, чтобы все это было записано.

Я же (Дешковскiй) заявленiе его и удостовѣренiе вижа приказалъ записать въ замковыя книги.

№ II. 1561 г., мѣсяца Октября 28 дня.

Пришедши ко мнѣ, Борису Ивановичу Совѣ, подстаростѣ Луцкому, Григорiй Посолейко, Стецько Ленковичъ и Томило Костюковичъ, Васко Лукашовичъ и Федоръ Грибковичъ—бурмистры и радцы города Луцка—вмѣстѣ со многими (иными) людьми, своими сосѣдями,—мѣщанами Луцкими,—жаловались и обвиняли Перца Лазаревича и Шмонка Племеньника,—повѣренныхъ Ески Шломича, арендовавшаго у Его Королевской Милости шинки, пивоварни и винокурни города Луцка,—въ томъ, что они (повѣренные) въ противность привилегiи Государя, данной нашимъ предкамъ, намъ самимъ и нашимъ потомкамъ, городу Луцку, причинили Государю Королю Его Милости и намъ, королевскимъ подданнымъ, великiй вредъ и убытки, а именно, во первыхъ: Во время вольной Луцкой ярмарки, бывшей въ день святого Симеона, лишили насъ, мѣщанъ, и прiѣзжихъ людей прибылей и причинили большiе убытки; прежде бывало вольно намъ, мѣщанамъ, точно также и прiѣзжимъ людямъ торговать водкою, виномъ, медомъ и пивомъ, чѣмъ кому угодно, по своему усмотрѣнiю—но вышеупомянутые евреи начали дѣлать съ насъ и прiѣзжихъ людей поборы

аранъды Его Кр; М-ти, только водълугъ вымыслу своего отъ медовъ и отъ пивъ брали, чого на аренъде не маютъ.

Для которой дей крывды въ ярмарокъ гостей много з меды с пивы прочъ з места поехали, и мы мещане с питъемъ по селомъ, якъ одны цигановe, волочилися.

А они предъ ся, пропомнивъши аранъды своей и недбаючы на привелей нашъ а нежалуючи шкодъ нашихъ, на насъ отъ медовъ и отъ пивъ и отъ броваровъ брали и тыхъ, которые мещане з меды и с пивы по ярморъкохъ и по селохъ для вышинъкованъя ежали, грабятъ и забираютъ, ижъ мещане передъ ними з места нигде с питъемъ выехати не смѣютъ, атымъ собе пожитъку жадъного не маютъ и, домы свои позаставълявъши, а иншии пусто оставивъши, прочъ ся росходятъ.

Бо деи они на томъ застановили, ижъ мели бровары и солодовъни свое вмѣсте побудовати отъ светыхъ апостолъ Петра и Павла до светого Марцина року теперешънего, шестъдесятъ первого.

А мы мещане до того часу мели в нихъ солоды брати кожъдую мацу по тринадъцатъ грошей, а они в насъ бровары наймовати мели. А отъ того часу святого Марцина солодовъни и бровары свое побудовавъши, мели ся з нами справити водлугъ уставы Берестейской.

То пакъ дей и теперъ, солодовенъ и броваровъ своихъ не збудовавъши, з солодовъ отъ кажъдае мацы, кромъ броваръщины, берутъ в насъ по три гроши, не водъле аранъды своей.

О, што есмо тогожъ часу в ярмарокъ Луцкий и потомъ вжо не по

не на основаніи арендного контракта отъ Короля Его Милости, но по собственному своему вымыслу, и брали отъ медовъ и отъ пивъ такіе поборы, на какіе не имѣютъ никакого права.

Вслѣдствіе такой несправедливости многіе изъ гостей, явившіеся на ярмаркѣ съ медомъ и пивомъ, уѣхали прочь, а намъ, мѣщанамъ, пришлось скитаться по селамъ съ напитками, какъ бы цыганамъ.

А они (повѣренные арендатора), забывши объ условіяхъ арендного контракта и не обращая вниманія на нашу привилегію и не печалясь о нашихъ убыткахъ, продолжаютъ брать (пошлины) съ нашихъ медовъ, пивъ и пивоварень; а тѣхъ мѣщанъ, которые выѣзжали съ пивами и медами для распродажи ихъ по селамъ и ярмаркамъ, грабятъ и арестуютъ. Такъ что мѣщане не смѣютъ никуда изъ города выѣхать съ напитками, а поэтому, не имѣя никакихъ прибылей, позакладовавши или даже просто бросивши свои дома, расходятся въ разныя стороны.

А между тѣмъ арендаторы должны были построить въ городѣ собственныя пивоварни и винокурни въ теченіи времени отъ праздника Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла до праздника Святого Мартына въ нынѣшнемъ 1561 году. До того же времени мы, мѣщане, обязаны были брать у нихъ солодъ, за каждую мацу по 13 грошей, а они—нанимать у насъ пивоварни.—А отъ праздника святого Мартына, построивши свои винокурни и пивоварни, обязаны были заключить съ нами условіе согласно съ Брестскою конституціею.

Однако и доселѣ они не построили ни винокурень, ни пивоварень; а съ солодовъ, кромѣ „броварщины", берутъ еще отъ насъ, по своему произволу, по 3 гроша.

Обо всемъ этомъ какъ тогда же, во время Луцкой ярмарки, такъ и потомъ не одинъ разъ заявляли твоей милости, замковому уряду, панъ Подста-

одно кротъ твоей милости, вряду замковому, пане подъстаростий оповедали и, хотячы з ними ото мовити, просили, абы то было записано.

А такъ я тую жалобу и оповеданъе ихъ до книгъ замковыхъ записати казалъ.

Книга Луцкая замковая Поточная и Записовая 1561 г., № 2035, страница 233.

№ III Передача евреемъ Батъко Мисановичемъ, названнымъ въ недавнемъ крещеніи Сименомъ, сыну своему отъ перваго брака Мошкѣ всѣхъ своихъ долговыхъ претензій, въ вознагражденіе за вѣно матери Мошковой, первой жены Батъко Мисановича.

Року (1583) осъмъдесятъ третего мца Априля семого дня.

Передо мъною Александромъ Пронъскимъ, столъникомъ великаго князъства Литовъского, старостою Луцъкимъ, в замъку господарскомъ Луцъкомъ, ставъши очевисто *Батъко Мисановичъ*, а новокрещенъный Семенъ, доброволъне ку записованъю до книгъ кгродъскихъ созъналъ,-водъле листу опису своего, сыну своему Мошъку, (ку) нагорожаючи ему внесенъе в домъ жоны своее перъшое *Стерлибы, матъки Мошковы*, дарованъе всѣхъ долъговъ, што ему хто виненъ, подъ печатъю и с подъписомъ руки своее по жидовъску и тежъ подъ печатъми нѣкоторыхъ людей добрыхъ, даною, што естъ ширей меновите на томъ листе описано; и тотъ листъ передо мъною покладалъ и просилъ, абы тотъ листъ до книгъ кгродъскихъ Луцъкихъ былъ вписанъ. Котораго я огледавши, его передъ собою достаточнъне вычитать давши, слово отъ слова до книгъ кгродъскихъ Луцъкихъ записати расказалъ, и такъ ся в собе маетъ: *Я, Батъко Мисановичъ, а новокрещенный Семенъ*, не будучи ни отъ кого ничимъ примушонымъ, а ни намовенымъ, лечъ по доброй воли своее, вызънаваю и чиню явъно симъ листомъ доброволънымъ описомъ моимъ, кому того потреба, в кажъдого права

роста. И желая съ ними (повѣренными) начать тяжбу, просили, чтобы заявленіе это было записано.

Вышеупомянутую жалобу и заявленіе ихъ (мѣщанъ) я приказалъ записать въ замковыя книги.

№ III 1583 г., Апрѣля 7.

Передо мною Александромъ Пронскимъ, стольникомъ Великаго княжества
Литовскаго, старостою Луцкимъ, въ государевомъ Луцкомъ замкѣ, явился лично
Батко Мисановичъ, а въ недавнемъ крещеніи названный Симеономъ, предъ-
явилъ добровольно для записанья въ градскія книги, согласно съ записью, дан-
ного имъ своему сыну Мошко въ вознагражденіе за вѣно, принесенное первою
женою Батки Мисановича Стерлибою, матерью Мошки, обязательство на передачу всѣхъ своихъ долговыхъ претензій на комъ бы то ни было, данное за
печатью и подписью, какъ своею собственною по еврейски, такъ и нѣкоторыя
иныхъ уважаемыхъ людей; все это точнѣе выражено въ подлинномъ обязатель-
ствѣ, которое Батко Мисановичъ, положивши предъ мною, просилъ вписать въ
градскіе Луцкіе книги. Я, осмотрѣвши этотъ документъ, и приказалъ его пе-
редъ собою прочесть и записать затѣмъ отъ слова до слова въ градскія Луцкія
книги. Содержаніе его слѣдующее: Я, Батько Мисановичъ, въ недавнемъ крещеніи
Симеонъ, безъ всякаго принужденія или наговора съ чьей либо стороны, а по
своей доброй волѣ объявляю и свидѣтельствую этою бумагою, моей доброволь-
ною записью, всѣмъ кому нужно вѣдать, передъ этимъ судомъ, теперь и впредь,

ведати належи сей часъ потомъ завжды, ижъ я, дозънавши добрую приязнь и верные послуги ку собе сына моего милого Мошка, к тому што небожъчица жона моя перъшая, а матъка мошкова, Стерълиба Мошиевна Зудачева внесла вѣна в домъ мой такъ гроши готовые, яко клейноты: перъла шаты; которое вѣно внесенъе небожъчицы жоны моее перъшое, а матъки Мошковы, я *Батъко Мисановичъ*, а новокрещенъный Семенъ, на свое властные потребы оберънулъ и, не маючи на сейчасъ чимъ сыну моему Мошку оного вѣна, внесенъя *матки его*, чимъ платити, за тое вѣно *небожъчицы* жоны моее перъшой, которое правомъ *прирожонымъ ни на* кого инъшого, лечь на сына моего Мошка, яко по матъце его, спада; долъги мои, хто мнѣ на листехъ своихъ записаныхъ виненъ зосталъ, симъ листомъ моимъ вызънанымъ сыну моему Мошъку отъписую и даю, то естъ на перъвей: Аренъда на горелъку Луцъкую пана Ивана Яцковича, а пана Ивана Олехъновича Боръзо-богатыхъ Красенъскихъ, войтовъ и целъниковъ бывъшихъ Луцъкихъ, а теперешънего владыки Луцъкого, отъ нихъ мне и сыну моему Мошку, с печатъми и с подъписми властъныхъ рукъ моихъ, на три годы; даю другой листъ записъный оныхъ же пановъ Боръзо-богатыхъ Красенъскихъ за двесте лашътовъ попелу—семъ сотъ золотыхъ; листъ тежъ записъный небожъчика пана Андрея Молътовта на тридъцатъ копъ и на осмъ копъ грошей и на двадъцатъ осмъ локотъ едамашки; листъ записъный небожъчика пана Богдана Хренъницкаго на сто мацъ жита, который не заплативъши з сего свѣта зшолъ; листъ записъный небожъчика пана Александра Жоравъницъкого, старосты и ключъника Луцкого, на двесте и на пятънадьцатъ золотыхъ полъскихъ; листъ пана Анъдрея Коровая на одинънадьцатъ копъ грошей; аренъда пана Федора Загоровъского яко мне аренъдовалъ и сыну моему Мошку пожитки Малевъские и Ахъматловъские за двесте копъ грошей; листъ пана Василъя Ощевского на двадъцатъ пять

навсегда; что я, признавая истинную ко мнѣ пріязнь и вѣрную службу сына моего милаго Мошки, а сверхъ того, имѣя въ виду что покойница первая моя жена, мать Мошки, Стерлиба Моисеевна Зудачева, принесла въ домъ мой вѣно, состоявшее какъ въ наличныхъ деньгахъ, такъ и въ драгоцѣнностяхъ: жемчугѣ, одеждахъ — и что я, Батько Мисановичъ, обратилъ это вѣно, приданное покойницы моей первой жены, матери Мошки, на свои собственныя нужды, и въ настоящее время не имѣя чѣмъ заплатить моему милому сыну Мошкѣ за вѣно, принесенное его матерью, отписую и передаю ему на уплату этого вѣна моей покойной жены, которое на основаніи прирожденнаго права приходится никому иному, какъ только сыну моему Мошкѣ, какъ наслѣдство по его матери, симъ моимъ заявленнымъ обязательствомъ всѣ мои долговыя претензіи на лицахъ, отъ которыхъ въ обезпеченіе долговъ имѣю росписки, то есть: Во первыхъ, право на водочную Луцкую аренду, выданное отъ пана Ивана Яцковича и пана Ивана Олехновича Борзо-богатыхъ-Красенскихъ, бывшихъ Луцкихъ войтомъ и сборщиковъ податей, и отъ нынѣшняго владыки Луцкаго мнѣ и сыну моему Мошкѣ съ печатями и собственноручными ихъ подписями, на три года; затѣмъ, передаю другое обязательство отъ этихъ же пановъ Борзо-богатыхъ-Красненскихъ за двѣсти лаштовъ пеплу семьсотъ злотыхъ, обязательство покойника пана Андрея Молтовта на 38 копъ грошей и на 28 локтей едамашки. Обязательство пана Богдана Хрѣницкаго на 100 мацъ жита, который умеръ не заплативши; обязательство покойника пана Александра Жоравницкаго, старосты и ключника Луцкаго, на 205 злотыхъ польскихъ. Арендная запись отъ пана Федора Загоровскаго, которою переданы мнѣ и моему сыну Мошкѣ доходы Молевскіе и Ахматовскіе за 200

мацъ овса; *листъ тежъ на дворищи которомъ купилъ у суседа своего Пъсаха Аврамовича, жида луцъкого*, которое дворище никому ни в чомъ не заведено; *листъ записъный Ножки жида, на которомъ мне зосталъ виненъ тридъцатъ копъ и три копы грошей*; листъ записъный пана Василъя Рогичевского на пятънадъцатъ копъ грошей; листовъ два записъныхъ пана Миска Шашъка: оденъ листъ на сто мацъ жита, а другой листъ, на тринадъцатъ копъ грошей тридъцатъ шесть; *листъ записний Лавровъ Аврамовича, караима, на двесте золотыхъ* и на два золотыхъ за волы, што онъ далъ на долъгъ; листъ записъный на пана Станислава Волъчковича з Литвы на тридъцатъ пять копъ грошей. Листъ записный Шахълъманъцыра Касимовича, ротъмистра татаръского з Литвы, на двадъцатъ копъ грошей. Листъ записъный пана Яна Доролстойского на сто двадъцатъ мацъ жита. Которые листы вышей помененые отъдалъ есми до рукъ сыну моему Мошку, и за тыми листы маетъ моцъ зуполъную оныхъ долъговъ у кажъдого права нихъто инъшой, лечь сынъ мой мошко, доходити и справедливости собе доводити и тымъ шафовати ведле воли своее, яко властъность своею, вечъными часы. А я самъ Батько Мисановичъ, а новокрещеный Семенъ, при животе и по животе моемъ, с тыхъ долъговъ и листовъ вырекамъ; такъ тежъ жона моя, Стехъна Яцковна, а ни сынъмой, Аврамко, Шоломъко и Кгасенъко, и нихъто з близъкихъ кревныхъ моихъ в тые долъги вступовати и ихъ поисковати и никоторые перекази, трудъносъти и поволоки до права сыну моему Мошку задавати, а ни личъбы никому с тыхъ долъговъ чинити не маетъ такъ при животе и по животе моемъ, вечъными часы. Бомъ-то ему отъдалъ и отъписалъ за властъную материзънину его, што она, небожъчица матъка его, вѣна в домъ мой унесъ-

копъ грошей. Обязательство пана Василія Ощевского на 25 мацъ овса. Купчую на дворъ, который я купилъ у своего сосѣда Песаха Аврамовича, еврея Луцкого, дворъ этотъ ни у кого не заложенъ. Обязательство еврея Ножки, по которому онъ остался мнѣ долженъ 33 копы грошей. Обязательство пана Василія Рогачевскаго на 15 копъ грошей. Два обязательства пана Миска Шашка: одно, на 100 мацъ жита, другое, на 13 копъ и 36 грошей. Обязательство Лавра Аврамовича, Караима на 202 злотыхъ за воловъ, которыхъ онъ взялъ въ долгъ. Обязательство пана Станислава Волчковича, изъ Литвы, на 35 копъ грошей. Обязательство Шахманцыра Кассимовича, ротмистра татарскаго изъ Литвы, на 20 копъ грошей. Обязательство пана Яна Доролстойскаго на 120 мацъ жита.

Всѣ вышеупомянутыя обязательства я передаю въ руки сына моего Мошки; и на основаніи вышеупомянутыхъ обязательствъ сынъ мой Мошко, и никто иной, имѣетъ власть отыскивать свое право и долги передъ всякимъ судомъ и распоряжаться всѣмъ по своей волѣ, какъ своею собственностью на всегда. Я же самъ, Батько Мисановичъ, въ недавнемъ крещеніи Симеонъ, отказываюсь отъ правъ своихъ на тѣ долги и записи какъ при моей жизни, такъ и по смерти; точно также ни жена моя Стехна Яцковна, ни сыновья мои Аврамко, Шаломко и Кгасенко и никто изъ близкихъ кровныхъ моихъ не могутъ вступать въ тѣ долговыя претензіи и ихъ отыскивать, а также дѣлать какія либо затрудненія моему сыну Мошкѣ или привлекать его къ какому либо суду; а онъ, Мошко, съ тѣхъ долговыхъ претензій не обязанъ дѣлать никому никакихъ уплатъ, какъ при моей жизни такъ и послѣ, потому что все то отдалъ и отписалъ я ему въ вознагражденіе за наслѣдства по матери, за вѣно, которое она, покойница, принесла въ мой домъ.

ла. А если быхъ часамъ дети мои, вышей помененые, о тые листы дольжные сына моего Мошка до права котораго векъ позъват мели, тогды перъвей по-винъни будемъ, каждый з насъ особно, на тотъ урядъ, до которагo мели быхъмо Мошъка позъвати, заруки двесте копъ грошей, не вступуючи у право, заплатити, а особно Мошку также за-руки другую двесте копъ грошей заплатити, а заплативъши тые заруки предъ ся о то все вечъне молъчати маемъ. А ижъ тые долъги, которые вышей в семъ листе моемъ написали, за вѣно и внесенъе жоны моей перъшое, которое приходитъ сыну моему Мошку, не стоитъ, тогды которые бы листы записанъные на долги и речи рухомые по смеръти моей зостать мели, никому инъшому не отъписую, лечь тому жъ сыну моему Мошку за оное жъ вѣно и внесенъе матъки его, а не за жадную отъчизъну. И на то даю сыну моему милому Мошку сей мой листъ, доброволъный описъ, подъ моею печатью и с подписомъ руки моей властъное по жидовску. А при томъ были и тому добре сведали и, за очевистою устною прозъбою моею, печати свои к сему листу приложити рачили: его милость панъ Петръ Хомякъ Сморъдовъскій а панъ Анъдрей Киверецкий, а панъ Балътромей Бунъведь, староста Добратинъский, Писанъ в Бущи, року божего нароженъя тисеча пятъ сотъ осмъдесятъ третего, мца Маръца, двадъцатъ перъвого дня.

Книга Луцкая гродская записовая, № 2062, годъ 1583, листъ 148, на оборотъ.

№ IV. Аренда «десятой недѣли» Епископомъ Володимірскимъ Өеодосіемъ еврею Якубу Кгейкгалу.

Року восемьдесять восьмаго (1588) месяца Марца двадцать первого дня.

Предо мною Яномъ Шастовицкимъ, будучимъ на месце пана Андрея Романовскаго, падстаростего Володимерскаго, ставши очевисто на вряде кгродскомъ, жидъ места Володимерскаго Якубъ Длукгашевичъ покладалъ передо мною листъ арендовный Его Милости въ Бозе велебнаго отца Өеодосія Епископа Володимерскаго и Берестейскаго, жиду Володимерскомужъ Якубу Кгейкгалу на арендоване десятое недели въ месте Володимерскомъ, подъ печатю съ подписомъ руки Его Милости даный, и просилъ Якубъ Длукгашевичъ, абы тотъ листъ до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ былъ вписаный, которого я, принемши, слово въ слово вписати, есми казалъ, и такъ ся въ собе маетъ: Я, Өеодосій, зъ воли Божое, Епископъ Володимерскій и Берестейскій ознаймую тымъ моимъ листомъ, ижъ арендовалъ есми Якубу Кгейкгалу, жиду места Володимерского, неделю десятую въ месте Володимерскомъ, которая зъ давнихъ часовъ приналежитъ ко церкови соборную Володимерскою и на насъ Епископовъ, то естъ мыто: мостовое, возовое. подужное, померное. Яко и иншие отъ насъ передъ тымъ арендари тую десятую неделю державали и изъ нихъ собе пожитокъ привлащавали, такъ тежъ и теперь подъ тою же моцью Якубу Кчейкгалу арендовалъ есми. Кроме того, заховуючи то на себе, до кухни нашое, т. е, мясо, соль, горшки, яко и передъ тымъ, што если на себе зоставовалъ, до того Якубъ Кчейкгалъ, арендаръ тое десятое недели, ничого мети не маетъ т. е. меновите, почавши отъ того часу въ року теперешнемъ 1587 месяца Мая 29 дня, ажъ до року таковогожъ мѣсяца и дня, яко выше есть описано; а то тотъ теперешній рокъ южъ за все про все досыть учинилъ. При выдержаню року того ничего вже намъ дати не повиненъ будетъ, хиба если зновъ на другой рокъ арендовати схочетъ, то намъ волно будетъ. А въ той аренде ему такъ ся яко и потомось: мы въ року те-

---

А если бы случилось, что мои дѣти призвали, по поводу вышеупомянутыхъ долговыхъ претензій, моего сына Мошки передъ какой либо судъ, тогда каждый изъ насъ особо будетъ обязанъ, не приступая къ судебному состязанію, уплатить тому суду, передъ который будетъ позванъ Мошко 200 копъ грошей штрафа, а сверхъ того Мошкѣ штрафъ въ 200 копъ грошей. А заплативши тѣ штрафы мы обязываемся все таки замолчать навсегда.

А если бы оказалось, что вышеупомянутые долги не хватаютъ для полнаго удовлетворенія сына моего Мошки за материнское вѣно, тогда я ему, и никому иному, передаю всѣ долговыя обязательства и всякую движимость, которыя бы могли остаться послѣ моей смерти, и все это въ вознагражденіе за вѣно, приданное его матери, нисколько не уменьшая этимъ слѣдуемой ему отцовской части.

Въ потвержденіи всего вышеизложеннаго даю моему милому сыну Мошку эту мою добровольную запись съ моею печатью и собственноручною моею подписью, на еврейскомъ языкѣ. А при томъ были, свидѣтельствовали и, за моею личною устною просьбою, пожелали приложить къ этому листу свои печати: Его милость панъ Петръ Хомякъ-Смордовскій, панъ Андрей Киверецкій и панъ Балтромей Буньведъ, староста Добрятинскій.

Писанъ въ Бущѣ, лѣта отъ Рождества Христова тысяча пятсотъ восемьдесятъ третьяго, мѣсяца Марта, двадцать перваго дня.

№ IV. 1588 года, мѣсяца Марта 21 дня.

Въ гродскомъ судѣ, передо мною Яномъ Шастовицкимъ, исправляющимъ должность пана Андрея Романовскаго, подстаросты Владимірскаго, явился лично

Переводъ:

Якубъ Длукгашевичъ, еврей изъ города Владиміра, и положилъ передо мною арендную запись, данную Его Милостью преосвященнымъ отцомъ Өеодосіемъ, Епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ, подъ печатью и подписью руки Его милости, еврею Владимірскому Якубу Кгейкгалу на арендованіе десятой недѣли въ городѣ Владимірѣ,—и просилъ, чтобы эта запись была вписана во Владимірскія градскія книги.

Я, принявши эту запись, приказалъ вписать ее (въ книги) слово въ слово, и содержанія ея —слѣдующее: Я, Өеодосій, Божимъ соизволеніемъ, Епископъ Владимірскій и Брестскій, объявляю настоящею моею записью, что я арендовалъ Якубу Кгейкгалу, еврею изъ города Владиміра, десятую недѣлю въ городѣ Владимірѣ, которая (недѣля) издавна принадлежала соборной Владимірской церкви и намъ, Епископамъ, т. е.: мыто мостсвое, возовое, подужное, помѣрное. Эту десятую недѣлю я арендовалъ Якубу Кгейкгалу на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ прежде держали эту десятую недѣлю и получали отъ нея доходы иные арендаторы.

Изъ этого побора, впрочемъ, мы исключаемъ для себя то, что можетъ понадобиться для нашей кухни, какъ-то: мясо, соль, горшки, (какъ это было и прежде) и въ такомъ случаѣ Якубъ Кгейкгалъ, арендаторъ той „десятой недѣли“, не получаетъ ничего съ этихъ предметовъ (идущихъ на епископскую кухню) т. е. начиная отъ 29 мая 1587 г. до того года, мѣсяца и дня, какъ выше написано. А за нынѣшній годъ онъ уже удовлетворилъ за все и про все; поэтому при окончаніи срока (аренды) онъ уже не обязанъ намъ ничего платить, развѣ только въ томъ случаѣ, если захочетъ взять аренду на другой годъ—въ чемъ мы представляемъ, однако, себѣ полную свободу.

И въ этой арендѣ мы обязуемся не чинить ему какъ теперь, такъ и впредь

перешнемъ жадное переказы чинити не маемо; и на то есмо ему, Якубу Кгейкгалу, дали сей нашъ листъ съ печатью нашею и съ подписомъ властное руки нашое. Писанъ въ Володимере, року Божого тысяча пятьсотъ восемьдесять седмого, месяца Мая двадцать девятого дня. Рука властная Матвей Василевичъ Орковскій, писарь.

Книга гродская Владимірская записовая, поточная и декретовая № 964, годъ 1588, листъ 128, на оборотѣ.

№ V. Обвиненіе паномъ Кушкгуромъ Медунскимъ мѣщанъ и евреевъ Локацкихъ въ нападеніи на дворъ жалобщика въ Локачахъ, побитіи и ограбленіи.

Пришедши на врядъ кгродскій Володимерскій, до мене Адама Наруцевича Крывоблоцкаго, будучаго на месцу пана Андрея Романовича, подстаростего Володимерскаго, служебникъ его Милости пана Яна Кшезаца, шляхетный Кушкгуръ Медунскій, жалобливо оповедалъ на подданныхъ его милости Князя Романа Сангушки Воеводича Брацлавскаго, мещанъ и жидовъ Локацкихъ, тымы словы: Ижъ дей року теперешняго осьмдесять осмого, месяца Октября 26 дня мещане и жидове Локацкіе, вдаривши въ звонъ, а нашедши моцно а кгвалтовне на господу мою тамъ, въ месте Локачахъ, мене безвине збили и змордовали; при которомъ збитью взяли и пограбили у мене за поясомъ мешокъ, въ которомъ было семь червоныхъ золотыхъ, шапку малгерку, за которую даломъ шесть грошей литовскихъ, хустку тавцю, которая коштовала золотыхъ пять. И просилъ тотъ менованый, служебникъ о придане возного на огледанье збитья и зраненія своего. Я ему на то придалъ возного повету Володимерскаго пана Михаила Гноенскаго. Который возный, на той справе бывши дня сегоднешнаго, месяца Ноября четвертагонадцать дня, ку записаню до книгъ кгродскихъ вызналъ тыми словы: Ижъ дей року теперешняго осьмдесять осмого, месяца Ноября

никакихъ препятствій, въ подтвержденіе чего и дали ему, Якубу Кгейкгалу эту нашу запись, съ печатью нашею и съ собственноручною подписью.

Писанъ во Владимірѣ, лѣта Божьяго 1588, мѣсяца Мая 29 дня. Собственноручно. Матфей Васильевичъ Орковскій, писарь.

Переводъ:

Ко мнѣ, Адаму Норуцевичу Кривоблоцкому, исправляющему должность пана Андрея Романовича, подстаросты Владимірскаго, въ градскій судъ явился служебникъ Его Милости пана Яна Кшеваца, шляхтичъ Кгрикгуръ Медунскій и принесъ жалобу на подданныхъ его Милости Князя Романа Сангушки, воеводы Брацлавскаго, мѣщанъ и евреевъ Локацкихъ, въ слѣдующихъ словахъ: Въ нынѣшнемъ 88 году, мѣсяца Октября 26 дня, мѣщане и евреи Локацкіе, ударивши въ набатъ и сдѣлавши наглое и дерзкое нападеніе на мой дворъ въ городѣ Локачахъ, меня, безъ всякой причины избили и изувѣчили; при побояхъ взяли, отняли у меня изъ за пояса мѣшокъ, въ которомъ было семь червоныхъ злотыхъ, шапку малгерку, за которую далъ шесть литовскихъ грошей, шелковый платокъ стоившій пять злотыхъ. Упомянутый выше служебникъ вмѣстѣ съ тѣмъ для освидѣтельствованія нанесенныхъ ему побоевъ и ранъ просилъ о командированіи вознаго. Я отправилъ къ нему вознаго Владимірскаго повѣта, пана Михаила Гноенскаго.

Этотъ возный, исполнивъ вышеупомянутое порученіе, объявилъ сегодня, мѣсяца Ноября, 14 дня, для записанья въ гродскія книги слѣдующее: Нынѣшняго

четвертогонадцать дня, за приданемъ Вашей милости очевистымъ, маючи я при собе шляхту, людей добрыхъ, пана Юрка Дцадковскаго и пана Станислава Клевинскаго, былъ есми на справе и потребе пана Кушкгара Медунского, также за оказанемъ его видель есми на левой сторонѣ, въ голове две раны шкодливые, рубаные, также и голова вся сбита, плечи, хрыбетье. Изранене свое менилъ быти отъ мещанъ и жидовъ Локацкихъ за кгвалтовнымъ настьемъ ихъ на господу его року теперешнего 88, месяца Октября 20 дня.

И просилъ тотъ менованый служебникъ, абы тое оповеданье его и очевистое сознанье возного до книгъ кгродскихъ Володимерскихъ было записано, што я, за просбою его, до книгъ записати велелъ.

Книга гродская Владимірская записовая, поточная и декретовая, № 964, годъ 1588, листъ 851.

№ VI. Жалоба Рижскаго мѣщанина Вильгельма Крума на пана Витвинскаго «судью жидовъ Луцкихъ» (назначеннаго луцкимъ старостою) въ томъ, что Витвинскій, не получивъ отъ Крума требуемой имъ взятки: 5 червоныхъ злотыхъ или коня, на выборъ, не только рѣшилъ дѣло въ пользу еврея (отвѣтчика), произведши судъ не на основаніи «купецкаго майдеборгскаго права» и соединивъ въ своемъ лицѣ судью и защитника, но, кромѣ того, не выдалъ истцу декрета; а отвѣтчика, вмѣсто того, чтобы посадить въ тюрьму, самъ взялъ на поруки.

Року тисеча пять сотъ деветъдесятъ третего, мца Февраля шостого дъня.

Навряде кгродъскомъ, въ замку господарскомъ Луцкомъ, передо мною Щаснымъ Кгалезскимъ, подъстаростимъ Луцкимъ, постановившися обличне славетъный Вилъгелмъ Крумъ жаловалъ, обтежъливе оповедалъся на пана Войтеха Витъвинского, *судью жидовъ Луцкихъ*—отъ его милости пана старосты Луцкого, тыми словы: штожъ дей дня онегдашънего точилася справа передъ нимъ, помененымъ паномъ Витвинскимъ, мне, за Моцъю отъ брата моего даною Гануса Крома, з жидомъ Луцкимъ Юзефомъ Аароновичомъ о сто пятъдесятъ и чотыри таляри за церокграфомъ того жида; топакъ панъ Витвинскій, нимъ до справы мене с тымъ жидомъ припустилъ, примусилъ мя и казалъ собе дати десетъ золотыхъ полъскихъ, а потомъ, кгды отъ мене взявши десятъ золотыхъ, росъправу зложилъ а кгдымъ пришолъ с прокураторомъ и з вознымъ до права, казалъ ми собе

---

88 года, мѣсяца Ноября 14 дня, по личному приказу Вашей Милости, имѣя при себѣ шляхту, людей почтенныхъ, пана Юрка Дцадковскаго и пана Станислава Клевинскаго, былъ я у пана Крикгура Медунскаго по его дѣлу и по его надобности и произведши по его указаніямъ осмотръ увѣчій, увидѣлъ на лѣвой сторонѣ головы двѣ опасныя раны, нанесенныя острымъ орудіемъ, равнымъ образомъ избита вся голова, плечи и спина. Въ израненьи своемъ онъ обвиняетъ мѣщанъ и евреевъ Локацкихъ, напавшихъ наглымъ образомъ на его дворъ въ нынѣшнемъ 88 г., мѣсяца Октября 26 дня.

Вышеупомянутый служебникъ просилъ, чтобы его заявленіе и самоличное объявленіе вознаго было записано въ градскія Владимірскія книги. Что я, по его просьбѣ, и приказалъ вписать въ книги.

еще вдати пять золотыхъ чирвоныхъ, альбо коня; которыхъ ижемъ не мелъ, тедымъ ему не далъ. То пакъ панъ Витвинский, тую справу еще умыслне зволокаючи, ми справедливость до завтрея отложилъ; а кгды день завтрешний и година назначоная припала, ямъ до суду становилъся, нижъли панъ Витвинскій мне поведилъ, ижъ дей болшей ничого не даешъ, поедешъ тежъ ни щимъ. А кгды прокураторъ мой справу мою передъ нимъ пропоновалъ, панъ Витвинский самъ и прокуровалъ, и судьею тое справы былъ, и *не такъ яко мя мелъ правомъ купецкимъ майдеборъскимъ судити, але правомъ шляхетъскимъ з жидомъ судилъ. А вказавши жиду самочварътому присегу*, зась тую присегу мне присудилъ. Што все ку великой шкоде моей и ку кривде а кгволи тому жиду и на зъмове с тымъ жидомъ то учинилъ; отъ котораго декрету кгдымъ апелевалъ, апеляциеми до пана старосты, допустивши декрету ми выдати не хотелъ и не выдалъ. А жида, самъ будучи судьею и прокураторомъ тое справы, на рукоему самъ взялъ, а, яко се мелъ водле права зоховать, до везенъя не далъ. За чимъ мене до шкоды и утраты немалое приправилъ и яко се годило, яко гостя, за-разъ не отправилъ, справедливости водле права не вчинилъ и декретъ загамовалъ, и мене целый тежъ день для тое справы тутъ, в Луцку, задеръжалъ.

О што все, хотечи з нимъ правне и съ тымъ жидомъ чинити на своемъ местцу, с кождымъ часомъ, протестовалъ и светчился, и просилъ, абы таковое оповеданъе его до книгъ было записано. Што я записати казалъ и есть записано.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2075, годъ 1593, листъ 105.

VII. Постановленіе Ипатія, епископа Владимірскаго и Берестейскаго, отъ 1597 года и подтвержденіе этого постановленія премникамъ Ипатія—Іоакимомъ Мороховскимъ, по которому евреи имѣющіе свои дома на площади, принадлежащей церкви св. Николая, объявляются свободными отъ взведеннаго на нихъ обвиненія, будто бы они постройками своими стѣснили Никольскую церковь. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановляется, что всѣ платежи отъ нихъ въ пользу Никольскаго причта ограничиваются взносомъ 16 злотыхъ въ годъ. Тѣже платежи установлены и для евреевъ, живущихъ на площади, принадлежащей церкви Введенія.

Року тисеча *шестъ сотъ тридъцатъ осъмого*,

Мца априля шестънадъцатого дня.

Навряде кгродскомъ, в замъку его кор. м. Володимеръскомъ, передомъною Петромъ Сосновъскимъ, бурькграбимъ замку Володимеръского, и книгами нинешними кгродъскими, староститнъскими, становши очевисто неверъные Лейзеръ Ирьшовичъ, Якубъ Цзирьличъ, Левко Мошковичъ и Шмойло Израиловичъ, жиды и месьчане володимерьские *листъ*, — постановеня вечистого одъ его м. отъца Ипатея, Божъю м. Протронего Епиcъкопа Володимеръского и Берестейского *межи жидами Володимеръскими и отъцемъ Поликаръпомъ, свясченикомъ* Николинъскимъ учиненый, подъ датою тутъ, в месте Володимеру, року тисеча *пятъ сотъ деветъдесятъ семого*, марьца семънадьцатого дня, написаный и межи нихъ даный, —

для вписанъя до книгъ нинешныхъ кгродъскихъ Володимеръскихъ перъоблятамъ подали, и такъ се в собе маючий: Я, Ипатей, Божъю м. Прототроней, Епископъ Володимеръский и Берестейский озънаймуемъ симъ листомъ нашимъ теперь и на потомъ будучимъ, кому бы того потреба была ведать, ижъ жаловалъ намъ достойне посвецоный отецъ Поликаръпъ, свясъченикъ Николъской, церъквы святого Николы в месте Володимеръскомъ, на улици жидовъской лежачой, на жидовъ Володимеръскихъ, которые на кгрунъте церъковномъ святого отъца Николы мешкаютъ, *яко бы они жидове домами своими стиснутъ тую церъковъ* Николъскую мели. Которыежъ то жидове, не вдаючи се з нимъ вжадъное право, поведили то передъ нами, ижъ они, здавъныхъ часовъ яко се побудовали, ничого теперъ ново не прибудовали, имъ бы церъковъ тую стиснутъ мели; и жадали насъ обыхъмо выслали для огледанъя того, есъли такъ естъ. Гдѣ,— за высланемъ нашимъ на той кгрунтъ святого Николы певъныхъ особъ духовныхъ с капитулы нашое Володимеръское, то естъ: отъца Дмитрия Прокопенъского, протопопу Володимеръского, и отъца Ивана, аръхидияконa, одъ которыхъ взяли есмо певъную ведомостъ, ижъ яко здавна будоване было, такъ и теперъ ничого нового тые жидове не причинили, чимъ бы тую церъковъ Николъскую стиснутъ мели.

Которыежъ *то жидове показовали передъ нами листъ постановенъя, имъ даного одъ свясъченика овды Николъского*, крылошанина Володимеръского Павла Федоровича, которымъ листомъ своимъ тотъ свясъченикъ постановилъ с тыми жиды, на кгрунъте церъковномъ мешкаючими, ижъ за всю повинъность и болшей жадъному свясъченикови, деръжавъци тое церъквы, даватъ надъ шестънадъцатъ грошей литовъскихъ несутъ повинъны. И то на певъный часъ тотъ чиншъ одъдавать маютъ, то естъ: на денъ святого Семиона у восенъ, в кождый годъ; а где бы который одъдать не мелъ, волъность подецъковатъ собе заставилъ.

Которыхъ же то жидовъ, мешкаючихъ на кгрунъте Николинъскомъ, за прозъбою ихъ, при деръжанъю и вживанъю тыхъ домовъ ихъ вечъными часы заставуемъ и потверъжаемъ имъ симъ листомъ нашимъ, хотечи то мети навеки деръжано, ижъ одъ кождого свясъченика Николинского в покою маютъ бытъ захованы и до жадъныхъ податъковъ новыхъ незвыкълыхъ, надъ шестънадъцетъ грошей литовъскихъ, вытегани бытъ не маютъ, и ни в чомъ ихъ и кгрунътовъ ихъ нарушатъ; але водле того листу попа Николъского Павла Федоровича захованы бытъ маютъ.

Такъже тежъ и другие жидове, мешкаючие на кгрунъте церъковномъ святого Уведения в месте Володимеръскомъ, при волъностяхъ таковыхъ же зостать маютъ, и болшей надъ шестънадъцатъ грошей чинъшу на нихъ жидовехъ свясъченикъ вытегать и ни въ чомъ нарушать з кгрунътовъ ихъ всихъ немаетъ. И на то дали есъмо тымъ жидомъ сей нашъ листъ, подъ печатъю и с подъписомъ руки нашое; такъ же спечатъю капитулъною и с подъписами рукъ ихъ. Писанъ у Володимери року еже по плоти рожъства Господа Бога и спаса нашого Исуса Христа, тисеча пятьсотъ деветъдесятъ семого, Марьца семънадъцатого дня. У того листу печатей притисъненыхъ две, а подъпис рукъ тыми слове: власъною рукою,

Дмитръ Прокопеньский, протопопъ; власною рукою, Павелъ Робсъчичъ, писаръ; Теръ Иоанъ, Аръхидиаконъ, власьною рукою. У того листу, зась на тыле, потверъженье тыми словы: тотъ листъ, даный жидомъ одъ славъное памети предъка нашего, потверъжаю: Иоакимъ Мороховъский, Епископъ Володимеръский и Берестейский, власъною рукою. А такъ я, буръкграбя, тотъ листъ постановенъя, за податъемъ и прозъбою вышъ менованыхъ подаваючихъ, принявши, спочатъку увесь ажъ до конъца, такъ яко се в собе маетъ написаный и поданый естъ до книгъ нинешныхъ кгродъскихъ володимеръскихъ, самътакъ, а неиначе его тымъ же подаваючимъ выдати росъказавши, въписати есъми казалъ. И естъ вписанъ.

Книга гродская Владимірская записовая, поточная и декретовая, № 1005, годъ 1638, листъ 623.

VIII. Заявленіе Луцкихъ евреевъ Шимона Наваховича и сына его Юдка Шимоновича о томъ, что они берутъ на поруки еврейку Гендлю Майзешовую Феликсовую, посаженную въ тюрьму за долгъ въ 500 злотыхъ пану Богушу Горяину.

Року тысеча шесть сотъ первого, мца Априля, двадъцатъ пятого дня.

Передо мною Адамомъ Олшамовскимъ, намесникомъ и *судъею жидовскимъ Луцкимъ*, постановивъшися очевисто навряде в замку Его Кор; М. Луцкомъ, жидове луцкие: Шимонъ Новаховичъ и сынъ его Юдъка Шимоновичъ, отъступивши всѣхъ справъ, прерокгативъ и волности своихъ и подъдавшися сами з добрами и маетностями своими подъ нинейший записъ, сознали, ижъ ручатъ, обликгуютъ и обовезуются жидовъку, именемъ Генъдлю Мойзешовую Феликсовую, которая у мене была у везени, в замку Луцкомъ, за долгъ пятъ сотъ золотыхъ полскихъ отъ пана Богуша Гораина всажона, изъ везеня есмо взяли стороны переводу правъного тутъ в Луцку, передъ его м-ю паномъ Олшамовскимъ, судъею жидовскимъ, зъ его м. паномъ Богушомъ Гораиномъ о долгъ его сталого, яко ширей тая справа в собе обмовляетъ. Теды повиненъ буду стати в замку луцкомъ передъ его м-ю паномъ Олшамовскимъ, самую особою ее. Албо, еслибы, чого Боже уховай, хоробы, я тогды в дому моемъ власномъ, гъде она мешкаетъ, на денъ певный, то естъ: мца Июня осмого дня, року теперешнего тисечу шестъ сотъ первого, до скутечного до сытъ учиненъя до конъца въ въсей той справе. Ажъ де бы, Боже уховай, жидовка умеръла, тогды мы волъни отъ того будеймо; ажъ де бы тое жидовъки на тотъ часъ не поставилъ в замку Луцкомъ, еслибы хора была, тогды въ дому своемъ, где мешкаю. А еслыбый не поставилъ в замку Луцкомъ и тому досытъ не учинилъ, тогды, што справа падетъ, на себе приймуемъ. Которое то созънанъ с преречоныхъ жидовъ Луцкихъ до книгъ кгродъскихъ Луцкихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2415, годъ 1601, листъ 315.

IX. Заявленіе вознаго, что онъ былъ въ синагогѣ при присягѣ «старшихъ жидовскихъ», принесенной по слѣдующему случаю. «Старшіе жиды» Краковскіе и Бохнійскіе, писали къ «старшимъ жидамъ» Луцкимъ, чтобы тѣ распорядились о розысканіи убѣжавшаго изъ Бохніи еврея Якуба. Въ письмѣ своемъ они изложили и примѣты бѣглеца. Старшины Луцкаго «сбора рабанскаго» заявляютъ, что розыски, которые они распорядились произвесть во всѣхъ, подлежащихъ ихъ юрисдикціи мѣстахъ, были безуспѣшны.

Року тисеча шестъ сотъ первого мца Априля тридъцатого дня.

Навряде кгродскомъ, в замку Луцкомъ и передъ книгами нинейшими кгродскими Луцкими, передо мною Стефаномъ Дворецкимъ, будучимъ на тотъ часъ на месцу подъстаросты Луцкого, ставши очевисто возный енералъ, шляхетъный Крыштофъ Шчука, ку записанъю до книгъ кгродскихъ Луцкихъ сознал тыми словы: Ижъ дня оногодашнего, в Пятъницу, мца Априля, двадъцатъ семого, будучи мне на справе старъшихъ жидовъ Луцкихъ, збору рабанъского, тутъ въ Луцку, в школе жидовской, рабанъской, тамже передъ очима моими старшие жидовские тогожъ збору рабанъского присегали: ижъ имъ дано знатъ, же писали до ихъ, старшихъ, жидове, братъя ихъ, з Бохъни; за которыми тежъ писали причиняючися *братъя ихъ старъшие*, старъшие жидове Краковъские, абы они пилъное старанъе и пытанъе чинили о жиде, меновите Якубе, зятю Мойзешовомъ, жида з Бохъни, который отъ тамъ толь, яко пишутъ, зъехати бы мелъ. Даютъ певъное о паръсуне его: же молоды чловекъ, невеликий, лисоватъ, заросъ не барзо. Абы се о немъ довѣдати могли и оного бы тежъ, и на болшей коштовати мело, до Кракова отослати, алъбо тежъ везенъемъ добрымъ опатрили, и о немъ онымъ, яко на борзей, знати дали.

Теды старшие жидове Луцкие заразъ розослали всюды по мѣстехъ и мѣстечкахъ, где одъно колвекъ жидове мешкаютъ, учинили такую инъквызыцыю, яко бы се о немъ довѣдати могли. Але ани его, ани о немъ вѣдомости жадное маютъ. Што тые старшие вси подъ присягою повѣдили, же естъ такъ, а не иначей. Которое жъ то очевистое созънанъе возъного до книгъ кгродъскихъ Луцкихъ принявши, записатъ казалъ.

Книга гродъская Луцкая поточная, № 2415, годъ 1601, листъ 336.

X. Протестація пана Прокопа Хреницкаго противъ судей гродскихъ Луцкихъ, по слѣдующему обстоятельству. Панъ Хреницкій, получивъ отъ трибунальнаго суда декретъ на взысканіе съ еврея Ицхака должной ему суммы, отправился вмѣстѣ съ судьями къ дому Ицхака, лежащему въ Луцкѣ на жидовской улицѣ. Указавъ на имущество отвѣтчика, панъ Хреницкій просилъ, чтобы судьи приказали привести приговоръ трибунала въ исполненіе. Но въ эту минуту появилась жена Ицхака и показала судьямъ какой то пергаментный листокъ, писанный по еврейски. Посмотрѣвъ на листокъ, судьи отказались исполнить просьбу истца, объявивши ему, что домъ принадлежитъ еврейкѣ въ силу вѣновой записи. По-свидѣтельствованіе возныхъ и затѣмъ, объясненіе судей, что они иначе поступить не могли, такъ какъ еврейка предъявила имъ правильно совершоный актъ; а арестовать должника они не могли потому, что послѣдняго небыло на лицо.

Року тисеча шестъ сотъ первого, мца Августа, тридъцатъ первого дня.

Навряде кгродъскомъ в замку его королевское м. Луцкомъ, передо мною Ерошемъ Станишевкимъ, будучимъ на тотъ часъ наместникомъ подъ

старостства Луцького, постановившися панъ Прокопъ Хренъницъкий, оповедалъ и протестовалъ се на ихъ м. пановъ судей кгродъскихъ Луцкихъ о то, ижъ в року тисеча шестъ сотъ первомъ, мца Августа, двадъцатъ осмого дня, способилемъ былъ вашъ м. и вывелемъ водлугъ декрету и съказу трибуналъского на отъправу до жида Ицхака, декретомъ трибунальскимъ выволаного; топакъ коли ваша м. сами панове судовые, пришъли до дому Ицхака жида, в месте *в Луцку у жидовской улицы* лежачый, и указалемъ вашимъ милостямъ домъ и просилемъ, абы есте ми Ваша м. моцную отъправу учинили, где жидовка Ицхакова жона, указала вашей милости *листокъ який-съ жидовскимъ писмомъ на паръкгамина писаный*, Ваша милость, недбаючи на право посполитое, поведаючи мне. же жидовца боронитъ намъ отъправы чинити. *бо маетъ оправу на тыхъ домехъ купоръне мне* на добрахъ того жида. Такъ на домехъ его яко и нарухомыхъ речахъ отъправы чинити не хотѣли куролудее жидови, аку шкоде моей. Которое шкоды собе шацую отъ Васъ мети надъве тисечи золотыхъ полъскихъ, ошто се светъчу правомъ и з Вашими милостями чинитъ уналежномъ суде, иле справа належати будетъ, яко жемъ се заразъ тамъже при васъ будучимъ возъными сведъчилъ на В. м. Где тутъ же, будучи очевисто навряде, возъные енералове воеводъства Волынъского, шляхетъные Станиславъ Янковъский а Григорей Жуковский, ку записаню до книгъ созънали тыми словы: Ижъ были есмо при Вашей милости, панове судовые, кгды сте В. м. ходили на екзекуцыю в справе пана Хренънѝцкого з Ицъхакомъ жидомъ Луцкимъ, и кгдысте В. м. до дому Ицъхакова пришли, теды жона того жида, указавши листъ якисъ, по жидовску писаный, *яко бы за правомъ своимъ веновънымъ*, того увезанъя боронила. Якожъ панъ Хренъницкий оный листъ сей неправъный и кушкоде его учиненый быть указовалъ и домовялсе, абы на особе того жида, яко на *выволанъцу* водъле декрету трибуналъского *экзекуцыю* учинили, нижъли В. м. а ни на маетъности того жида, а ни на особе его екзекуцыи пану Хринъницкому учинити нехотели. Што панъ Прокопъ Хренъницкий нами возъными и шляхтою, при насъ на тотъ часъ будучою, паномъ Иваномъ Баковецъкимъ а паномъ Федоромъ Перекладовскимъ светъчилъ. Где тутже урядъ кгродъский Луцъкий, ихъ милость панъ Матей Стемъпковский *подъстаростий*, панъ Остафей Еловичъ Малинъский *судъя* а панъ Войтехъ Станишевъский *писаръ* сведчиля се тымижъ возъными, ижъ неупорне поступуетъ, але поневажъ сама жидовъка право, по жидовску писаное, на оправу сумы на томъ дому указуе и моцно борони. Которое, ижъ се намъ урядови, кгвалту чинити не годило, а самого тежъ жида дома не было, одъ тое екзекуцыей моцное мусели есмо *суперъсодовать*, а стороне з жидовкою о лепшость права, яко справа приидетъ, чинить наказали. Которыежъ то протестацые до книгъ кгродъскихъ Луцкихъ сутъ вписаные.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2415, годъ 1601, листъ 682, на оборотъ.

XI. *Жалоба Бурмистра, радцевъ и всего населенія города Луцка на евреевъ и караимовъ Луцкихъ въ томъ, что они: занимаясь куреніемъ и продажею водки, нехотятъ ничего платить въ городскую казну; освободили много домовъ изъ-подъ юрисдикціи магистрата, много другихъ выстроили на мѣщанскихъ земляхъ; на городскихъ валахъ возвели пивоварни и винокурни, причемъ самые валы раскопали до основанія; отказываются нести сторожевую и дорожную повинность; встрѣчая за городомъ купцовъ евреевъ съ водкою, ввозятъ ее въ городъ подъ именемъ своей; бранятъ и ругаютъ урядъ магистратскій. Кромѣ того Бурмистръ и радцы жалуются на неправильные и чрезмѣрные поборы со стороны евреевъ мытниковъ и екзакторовъ города Луцка.*

Року тисеча шестъ сотъ тридъцатъ семого, мца Октобра тридъцатъ перъвого дня.

Передъ урядомъ и актами нинешъными кгродъскими Луцъкими и передо мъною, Станиславомъ Зброжъкомъ, буркграбимъ и намесъникомъ подъстароства Луцъкого, становъшы очевисто славетъный панъ Нестеръ Ювъковичъ, бурьмистръ на тотъ часъ Луцъкий, весъполъ съколълекгами своими, паномъ Яномъ Зепънеромъ и паномъ Василемъ Силъневичемъ, райцами, такъ своимъ, яко и именемъ всего уряду своего радецъкого, войтовъского, лавъничого и всего посъполъства того жъ места Луцъка соленъную протестацию учынили и осведъчалисе напротивъко *неверънымъ Якубовц, Кгитлиному зятеви, и Изъраелеви Краковянинови, старъшымъ жыдовъскимъ*, в Луцъку мешъкаючимъ, и всему ихъ обоимъ зборови рабанъскому, яко и караимомъ о то, ижъ они, недъбаючы на право посполитое и вины в немъ объвароваые, не конътенътуючисе ганъдлями своими, которыми сутъ до короны фунъдованые и принятые, важатъ се правамъ месцъкимъ Луцъкимъ кгвалътъ и безъправъе чынити: *горелъку палити, шынъковати оную по коморахъ и на инъшыхъ розъмаитыхъ месъцахъ, а жадъного пожытъку а ни чынъшу до скрынъки месъское урядови рядецъкому одъдавати не хотятъ одъ тое горелъки. Але се выдераютъ и заслоняютъ быти юризъдикъции замъковой*; такъ же пива меды на шынкъ вывараютъ не померъкованъе с претованемъ месчанъ веры католицъкое и релии русъкое, што противъко праву чынятъ, не будучи фунъдованые на таковомъ ганъдлю в короне; што болъшая же, околичъне по всихъ селахъ безъ торъговъ меды и штоено бытъ таковою выкупуютъ, и зутяженъемъ месчанъ продаютъ; *домовъ не мало зъ юрисъдыцыи местъскихъ, такъже и на кгрунъте местъскомъ побудовали, такъ тежъ броваровъ на валахъ местъскихъ,—которые*, з великимъ небезъпеченъствомъ всего места одъ неприятеля Крыжа святого, *ажъ до свенъту поросъкоповавъшы и знесъшы*, — баръзо веле наставяли и набудовали. И про то все месъто в небезъпеченъство неприятелъское подали. До того, податъковъ, ани послушенъства жадъного одъдавать урядови не хотятъ, такъже и сторожи одъ огня. што вси водлугъ повинънъности мешъканъци места повинънни одъправоватъ. Такъже одъ неприятеля Коронъного, шаръваръку на правованя дорогъ, жадъныхъ податъковъ, ани тежаровъ ровно зъ инъшыми мешъчаны одъправоватъ не хотятъ; а ганъдли и вшелякие пожитъки надъ утяжоныхъ месчанъ собе приводятъ, за чимъ

праве до знисченя и зубоженя великого место привели. На остатокъ и въ *провенъте* места *штуковое* таковую шкоду и ошуканъе чынятъ, же гостинъного жыда з горелъкою за местомъ переходятъ, и тамъ переймуютъ и, провадечи до места и складу своего, меначи быть за свое, абы се провенътови месъцъкому шкода деяла; *выдеръства* притомъ розъзомаитые чинятъ, аренъды похвытавъшы, за упоминанъемъ хочъ на пристойнешымъ урядъ лжатъ, соромотятъ непогамованымъ языкомъ. О што все и повторесе протестовалъ помененый урядъ противъко тымъже жыдомъ, заховуючи собе з оными *здоровое право* чынити о то, такъже и шкоды столь походячие, которые собе шацуютъ на десетъ тисечей золотыхъ полъскихъ, о которые часу и местъца правомъ чынити оферовавъшысе, тотъ же славетъный панъ Нестеръ Ювъковичъ, буръмистръ на тотъ часъ Луцъкий, весполъ и сколекгами своими: паномъ Яномъ Гепънеромъ, Василъемъ Силъневичемъ, райцами, такъ имененемъ своимъ яко и уряду своего радецъкого, войтовъкого, лавъничого' и всего посполъства места тогожъ, *соленитеръ етъ кирави кумъ квереля* протестовалисе противъко неверънымъ Якубови, Кгитлиному зятеви, и Израелеви Краковяникови и всимъ жыдамъ, в Луцъку мешъкаючымъ, также Лемеля Юдиного сына и инъшымъ мытъникомъ и экзакторомъ, менячисе податъку и неслушъного вытяганя на его милости пана старосту, которые то, надъ письмо зашълые одъ его м-ти пана старосты, важылисе вытягати мыто незвычайное презъ яръмарокъ Луцъкий: одъ кажъдого воза по грошей полъ осъма, такъ же и одъ кажъдой бочъки пива Отремилецъкого по̂ грошей двападъцатъ; што на великую шкоду чинячи месчаномъ и знисченю местъта, на письмо его м-ти пана старосты ничого недъбаючи, которымъ незвычайныхъ вытяганю податъковъ одъ гостей заказалъ выберати, такъ же на письма, напоминане одъ двору Его Кор. м-ти. О што се противъко помененымъ жыдомъ *итерумъ атъкве итерумъ*, протесътовали; сколъ собе шкодъ, рахуючы на чотыри тысечи копъ литовъскихъ грошей, такъже и вкопсованю яръмаръковъ за неслушънымъ ихъ *лупезствомъ*; о што все *здоровое* право з ними *заховуючи*, жадали, абы тая ихъ протесътация до книгъ принята и записана была.

Которая, за поданъемъ и жаданъемъ ихъ, до книгъ нинешъныхъ урядовъне принята и записана естъ.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2471, годъ 1637, листъ 371, на оборотъ.

№ XII. Заявленіе евреев Марка Зеликсовича и его жены Белы, изъ мѣстечка Каменя, о продажѣ ими за 600 злотыхъ зятю своему Аарону половины принадлежащаго имъ каменнаго дома, а именно нижняго этажа. Домъ находится въ городѣ Краковѣ.

Року тисеча шестъ сотъ шостого, мца Июля, осмогонадъцатого дня.

Навряде кгродъскомъ Володимеръскомъ, передо мною Іаномъ Прилепскимъ, подъстаростимъ Володимеръскимъ, ставши очевисто невѣръный *Марко Зеликсовичъ и Беля, малъ—*жонъкови, жидови з местечка Каменя, самъ Марекъ черезъ себе, Беля зась, зочевистымъ призволенъемъ и притомностъю тогожъ мужа своего, здорови наумысли и на тѣ ли будучи, *од права и юрисдиции своее власное и належачое одступуючи*, а нинейшое зась юрисдицие, оле се акту нинешнего ткне, собе з добрами всими и потомками своими вцеляючи, ясне, волъне и выразъне зознали, и кожъдое з нихъ зособна на свою сторону зознало: ижъ невѣрному Ааронови, зятеви, школъникови, жидови Краковскому и его потомкомъ, добра свои: то есть половицы дому каменицы, нижъшее части, межи домами невѣрныхъ Даниеля, доктора зу одной, Мойзеша, жидовъ Краковскихъ, з другое стороны, подъ божницою жидовскою лежачихъ и вмѣсти жидовъскомъ Краковскомъ положоную, зо всѣмъ справомъ, панъствомъ, властностью и всѣми вобецъ пожитками, доходами, повинъностями, приналежностями, жадныхъ невыймуючи, а ни ихъ на себе и потомки свои, и кого иного заховуючи, але всѣ до одного згромодивъши, за сумму *шестъ сотъ золотыхъ полъскихъ* продали, записали,ресикгновали якъ проданъя залисуютъ, ресикгнуютъ. А остатокъ зась даютъ, даруютъ и записуютъ вѣчъными часы. И вже заразъ тыежъ зознаваючи малъ-жонъкове съ потомками своими, пречечоному Ааронови и его потомкомъ в добра з-вышъ написаные увязанъе истотное и скутечное, спокойную посесию кувживанъе *черезъ возъного, отъ уряду нынешнего вже заразъ приданого, даютъ и оного допущаютъ.* Который то Ааронъ и его потомкове добра прореченые маетъ мети, уживати и на пожитъки свои и своихъ потомковъ, которые бы они лепей знали и собѣ вымыслили, оборочать меть будетъ мочи часы вѣчными. Маютъ зась и повинъны будутъ пророчоные малъ-жонъкови, зознаваючие, якожъ и потомки свои зо всѣхъ добръ своихъ рухомыхъ и нерухомыхъ съ тыхъ, которые маючи потомъ будутъ мети, онеруютъ и обовязуютъ нинешнимъ своимъ записомъ того Аарона и его потомки, взглядомъ пречечоныхъ добръ и въ нихъ отъ вшелякихъ перешкодъ правныхъ, которыхъ колъвекъ особъ толко, колко потреба будетъ, такъ во всѣ яко и в чясти боронить, заступоваетъ и добра пророчоные такъ во всемъ, яко и в чясти отъ вшелякихъ правъ и записовъ такъ тежъ и одъ вшелякихъ позвовъ, на тые добра на себе и потомки свои внесеныхъ, и которые бы потомъ внощоные быть мѣли; венцъ одъзысковъ, презысковъ и поступковъ правныхъ вшелякихъ, на тыхъ добрахъ на собѣ и потомкахъ своихъ одержаныхъ, и которые бы тые то поты одерживать мѣлъ, очистить и елиберовать такъ, бы тые добра такъ во всемъ, яко и въ чясти пречечоные Ааронъ съ потомками спокойне держать могъ. А нимаютъ пророчоные зознаваючие малъ-жонъкове и ихъ потомкове пророчоному Ааронови и потомкамъ его, пророчоного, увязанъя и посесии, передъ урядомъ нинешнимъ допущоное, в тыхъ добрахъ боронити, але повинъни с потомками своими оную скутечне такъ во всемъ, яко и вчясти дать и допустить, а даное черезъ себе и инше свое нато подомкненые особы не одыймовати, ани в ней перешкоды чинить, ани в пречечоныхъ добрахъ того Аарона и потомковъ его кривдити; а то подъ закладомъ шести сотъ золотыхъ полъскихъ внедосытъ учиненъю и невыполненъю пророчоныхъ всѣхъ речей, такъ во всемъ яко и вчясти.

Предпомененые, зознаваючые, малъ-жонъки и потомки ихъ тому Ааронови, купуючему, и его потомкомъ толко, колко потреба буде до заплаченя винънымъ и подпадаючимъ. А который то закладъ и речь самую

истотную тыежъ зо знаваючые малъ-жонъкове с потомками своими, на инъстанъцию пророчоного Аарона и его потомковъ позвани будучи до котораго колъвекъ суду и уряду коруны полъское, заразъ, яко вышей од права и юрисдицие свое власное одступуючи, а тоее, до которое с потомками своими позвани будутъ—што до одъповиданъя належитъ—себе подъдаваючи, на першомъ позве, року яко завитомъ, стати и одъповедати и тамъ заразъ за закладъ и за речъ самую истотную досытъ чинити маютъ и потомкови ихъ повинъни будутъ; оного своего року завитого, изъ нимъ всихъ по немъ идучихъ втой справе роковъ завжды завитыхъ, правдивою хоробою, справою болъшою, недорослыми лѣты потомковъ своихъ, а ни намувимовати, ани жадными инъшими диляцииами и перешкодами поточными припадаючими не зволокаючи, ани жадныхъ моции, аппелации и ихъ просеквуции исчинячи, и спречоныхъ всѣхъ речей винами простыми и троякими, свазиями, давностями правными и земскими, войною, сеймами и инъшими якимъ колъвекъ правъными сродъками не выходечи, анинейший записъ, с тыхъ книгъ а-втентыце вынятыхъ, тыежъ зозноваючие малъжонъкове пререченому Аaронови до книгъ воеводъскихъ Краковскихъ, в небытности своее, перенести позъволяютъ.

Што до книгъ для памяти записано и паметнымъ утвержоно.

Книга гродская Владимирская записовая, поточная и декретовая, № 959, годъ 1606, листъ 360.

№ XII. Жалоба Лейбы Израилевича и Ильи Абрамовича, евреевъ «школьниковъ» Луцкихъ на Кристофа и Валеріана Лесецкихъ, жолнеровъ, что они засыпали на еврейскомъ кладбищѣ могилу приготовленную для погребенія Луцкаго еврея Лейбы Изаковича, разрушили мостъ, ведущій на кладбище, заколотили входныя ворота гвоздями, и за тѣмъ объявили евреямъ, что они, жолнеры, не раньше позволятъ хоронитъ мертвеца, какъ евреи заплатятъ пану Валеріану Лесецкому, потому что кладбище якобы составляетъ его собственность.— Когда же евреи обратившись къ начальнику хоругви Лемпинскому, получили отъ него приказаніе Лесецкимъ, чтобы эти послѣдніе оставили евреевъ въ покоѣ, тогда Лесецкіе предводительствуя вооруженной толпою, разогнали евреевъ и евреекъ, и тѣло бросили въ ровъ. Въ свалкѣ у одной еврейки отняли серебряный поясъ, кромѣ того множество вещей евреи потеряли во время бѣгства. — Для освидѣтельствованія увѣчій и ранъ евреи просятъ вознаго.

Року тисеча шестъ сотъ двадъцатъ пятого, мца марьца шостого дня.

Навряде кгродъскомъ, в замъку его кор: м: Луцъкомъ передо мъною Яномъ Козаковичомъ, буръкграбимъ и намесъникомъ подъстароства Луцъкого, пришедъши очевисто невѣрный Лейбъ Израилевичъ и Иля Абрамовичъ, *жыды и шъкольниковe Луцъкие* збору рабанъскаго, своимъ и всихъ жыдовъ Луцъкихъ старъшихъ своихъ, тогожъ збору, именемъ скаръжилися и жаловливе светъчили и протестовали на урожоныхъ пана Кришътофа Лесецъкого, товарыша роты его м пана Лагодовъского, и брата его пана Валериaна Лесецъкого, тежъ товарыша с подъ хоругъве его м. пана старосты Жыкгволъского, в тотъ способъ: ижъ, кгды в року теперешънемъ

тисеча шестъ сотъ двадъцатъ пятомъ, дня нинешънего шостого мца Марьца, менованые жыдове зынъшими старъшыми своими и всимъ зборомъ,-водълугъ звычаю и права своего для умаръллогосуседа своего, найме Лейба Изаковича, жыда тутошънего, на окописчахъ яму выкопати, казавъши,—тело то умарълое хо вати несъли и провадили, тамъ же менованые панове Лесецъкие, безъданя собе жадъное причины и не маючи до нихъ жадъное справы, але такъ упоръне нарушаючи *привилея ихъ, право посполитое и конъституцие, которыми жыды сутъ покоемъ объвароване*, впередъ зъ слугами и челядъю своею, имены собе ведомыми, до окописъча ихъ тутъ на передъместъю Луцъкомъ будочою, припадъши, яму выкопаную засыпати казали и мостъ презъ который тамъ входятъ розъкидали и вънивечъ зепъсовали, а ворота железными гвоздъми забили, поведаючи, же треба перъвей же бы жыди пареедъналп пана Валериана Лешецъкого, тожъ доперо ховати будутъ того жыда, кгды жъ окописъча сутъ его милости приписаные. Вчымъ, кгды протестуючие справедъливости у его милости пана Лемъпинъского, поручъника хоругъве его милости пана старосты Жыкгволъского жадали, тамъ его милостъ панъ поручъникъ презъ челядъника своего пана Витъковъского, абы того не чинили росказалъ, На што панъ Кришътофъ Лешецъкий ничого не дъбаючи, але, есче розигневавъшисе, на коню с челядъю и зъ розными бронями добытими припадъши, ничого се не обавъ ляючи права посполитого и винъ в нимъ описаныхъ, жыдовъ всихъ и жидовекъ, которые за умеръльмъ шли розигнавъши, речи немало у нихъ пограбили, а другие речи въ тумулъте утекаючи, сами жиди и жидовъки погубили; тело то умерълое, которое ховати несли, отогнавъши всихъ отъ него, въ ровъ вкинули; а самыхъ невинъне побили и раны битые, синые позадавали; же ажъ ледъво челядъникъ тотъ менованый его милоети пана поручъникого, панъ Витъковьский, который отъ его милостц пана поручъника по сланый былъ, угамовалъ ихъ. При которымъ таковымъ бытъю одъного жыда Лейзера Изаковича, збивъши въ левую руку, рану крвавую битую задали и другого Хаима, зятя его, в голову обухомъ ранили, и инъшихъ нотручали киями, побили чапъки з нихъ позъдирали; и въ жыдовьки пасъ сребрный в той буръде згинулъ. Ѳ которое таковое безъправье, побитъе и пораненье, такъ же и починенье шкодъ розъмаитыхъ жиди менованые, зоставивъши собе волъное чиненъе ширъшое протестации и поправу тое, если того потреба будетъ, и повторе светъчили се и протестовали, аферуючи о то з ними правъне чинити, а на тотъ часъ просили о приданье возного на огледованье шкодъ починеныхъ и жыдовъ тыхъ пораненыхъ и побитыхъ. Которымъ я, урядъ, возного, которого собе способятъ, придавъши, то ихъ оповеданъе до книгъ кгродскихъ луцъкихъ записати казалъ, и естъ записано.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2448, годъ 1625, листъ 241, на оборотѣ.

№ XIII. Обвиненіе отцомъ Ѳеодоромъ Дубницкимъ, эклезіархомъ каѳедры Володимірской, еврея Володимірска о Завеля Юсковича въ томъ, что онъ не только самъ не снялъ шапки передъ святыми дарами, съ которыми отецъ Ѳедоръ шелъ къ заключенному въ Володимерскомъ замкѣ, но еще называлъ св. дары суевѣріемъ,

*убѣждалъ окружающихъ не снимать шапки, а крестьянъ, шедшихъ
за св. дарами, поносилъ неприличными словами.*

Року тисеча шестъсотъ тридъцать девятого Мца июня семого дня.

Навряде кгродскомъ в замку Его кор: м: володимеръскомъ передо мною
алексанъдромъ Солъшамовскимъ наместъникомъ на тотъ часъ староства и
замку володимеръского и книгами нинешными кгродъскими старостинъскими.
Становши очевисто велебный впану богу отецъ теодоръ дубницъкий екле-
зиаръха катедры володимеръское светъчилъ и протестовалъ-се на неверъ-
ного зоволя юсковича жида *и суконъника* володимеръского ото, ижъ отъ
часу недавно прошлого в денъ в небо уступеня панъского року теперешн-
него тисеча шестъ сотъ.тридъцать девятого то естъ Мца июня второго дня
змовившисе з велю инъшихъ геретиковъ собе лепей знаемыхъ кгды про-
тестуючи до урожоного пана петра псетрика, въ вежи замъку володимеръ-
скомъ на тотъ часъ будучого, з насвятъшимъ сакраменътомъ з церъквы
соборное володимеръское ишолъ, онъ самъ з меноваными геретиками, собе
знаемыми, зашедъши въ дорогу противко нъсвятъшому сакраменътови, назъ-
невагу и зъ горъшене инъшимъ, не толъко же бы шапъки мелъ зняти,
але есче менъшихъ до того приводечи, абы не здыймовали побужалъ и
намовлялъ, а што на болъшая и тыхъ, которые с побожности своее хре-
стиянское за насвятъшимъ сакраменътомъ ишли, они, протестуючогосе,
словами неуцътивыми, гонореви хрестиянству и вере правдивой хрестиянъ-
ской шкодячими, называючи пренасвятъший сакраментъ *заболонами*
лжилъ, соромотилъ. За чимъ тымъ таковымъ своимъ не . пристой-
нымъ, злымъ, пану Богу и всимъ хрестияномъ брыдъкимъ поступкомъ,
право изолживши, вины за то вправахъ такъ старыхъ, яко и в но-
выхъ написаные и уфаленые, и постановленые, его тому таковому
посътупкови ровные модъные попалъ и на себе и особу свою доброволъне
завзялъ и затяснулъ. О што все такъ озневагу несвятъшого сакраменъту
яко свое и тыхъ, которые. за насвятъшимъ сакраменътомъ ишли, которыхъ
имена часу права елюцидованые будутъ, осветъчившисе и правне ото зме-
нованымъ жидомъ чинити безъ омешкованя оферовалъсе на тотъ часъ
просилъ, абы тая его протестация принята и записана была. Што отры-
малъ, зоставивши одънакъ волъную собе мелиорацию. если бы того потре-
ба указовала, тое теперешнее свое жалобное скаръчи и протестации вца-
ле и зуполъной мощи.

У тое протестации подъписъ руки тыми словы: Theodor Dubniscy,
Eclesiarcha Katedry Volodimirskiey, wlasna renka. Наместъникъ, тую
протестацию принявши, до книгъ записати казалъ, и есть записана.

*Книга гродская Володимирская записовая, поточная и конде-
мнацiонная, № 1006, годъ 1639, листъ 945.*

*№ XIV. Жалоба евреевъ Владимiрскихъ Маера Бужловскаго и
Боруха Кчимбеловича и еврея Остропольскаго Мошки Лейбовича
на отца ректора школъ Владимiрскихъ, протопресвитера и каз-
начея, въ томъ, что онъ, встрѣтивъ жалобщиковъ по дорогѣ на
ярморку въ Локочиху не только самъ билъ ихъ кнутомъ пригова-
ривая я научу васъ, какъ на меня жаловаться отцу владыкѣ, но*

*еще и слугѣ своему приказалъ также бить жалобщиковъ. Спасаясь
отъ побоевъ, Мошка потерялъ 18 злотыхъ, а у Маера и Боруха
пропало съ возу товаровъ на 100 злотыхъ. Посвидѣтельствованiе
двѣий вознымъ.*

Року тисеча шестъ сотъ чотырѣдесятого, Мца Августа, шестънадъца-
того дня.

Навряде кгродъскомъ, в замку Его кор: м: Володимеръскомъ, передо
мною Петромъ Сосновскимъ, буръкграбимъ замку Володимеръского и кни-
гами нинешними кгродъскими, старостинъскими, становши очевисто невер-
ные *Маеръ Бужъковский*, *Борухъ Кчимъбеловичъ*, жиды и месъчане
Володимеръские, тудежъ и Мошко Лейбовичъ. жидъ и месъчанинъ Осъ-
тропольский, противко велебному в Пану Богу его м. отцу Захарияшови
Атаназому форъсови, *протопрезбитерови*, *казнадеи* и *ректорови школъ*
Володимеръскихъ, жалосне се ускаръжали и протестовали ото: Ижъ онъ,
конътенътуючисе розными и розмаитыми крывдами и деспектами презъ
студенътовъ и школяровъ школъ, подъ реименътомъ своимъ маючихъ, такъ
протестатомъ теперешнимъ яко и инъшимъ велюмъ часовъ б ръзо частыхъ
и розмаитыхъ жидомъ и месъчаномъ Володимеръскимъ учинеными и за-
даными, але есче имъ далей тымъ болъшей десъпектовъ до десъпектовъ
придаючи, самъ особою своею року теперешнего, тисеча шестъ сотъ чо-
тырѣдесятого, Мца Августа пятънадъцатого дня, в вилию транъсъ фикчу
рационисъ свята руского, верхомъ самъ едучи, протестанътовъ до Локачъ
такъже возомъ на яръмарокъ едучихъ перъвей оныхъ протестанътовъ score
бы и доколъ ехали питати и инъквировати почалъ, а потомъ вѣдомостъ,
ижъ протестанътесъ жидове володимеръские, яко се оному сами бытъ опо-
ведали взявши, словами непоцътивими водълугъ воли и уподебанъя своего
перъвей золъживши, изъсоромотивши и тое: «же васъ буду училъ, яко се
то на ме е его м. отцу владыце скаръжити потомъ маете». Придавши по-
томъ *канъчукомъ* въ рукахъ своихъ маючимъ, конемъ, на которомъ веръ-
хомъ ехалъ, ку возови присътупивши, *по очахъ*, *по твары и по пле-
чахъ* бити, сечи самъ особою своею, а потомъ и челядъникови свое-
му, за собою едучому, абы такъ, же оныхъ билъ, росъказалъ. Але и
тымъ се есче не конътенътуючи, *кгды уже протестанътесъ з возу
для того битъя уходити почели*, теды тотъ *же его м. отецъ рек-
торъ* и з челядникомъ своимъ, *по поляхъ и ланъкахъ оныхъ гонячи,
билъ толкъ и не мало разовъ канъчукомъ пробитыхъ позадавалъ*.
При которомъ томъ таковомъ зраненъю и побитъю, з воза одогняню по-
мененые протестантътесъ, меновите: Мошко Лейбовичъ-золотыхъ осъмнадъ-
цетъ и грошей три з *занадры* быти выпалые из-гинулые, такъ же и
менованые жиди Володимерские з воза речей немало на яръмарокъ про-
ваденыхъ, на золотыхъ сто згинулыхъ быти оповедали. Ошто и повторе
тыежъ менованые протестанътесъ осветъчивши се. На верыфикацию того
всего ставили возного, шляхетъного Семена Осътапевского, который маючи
при собе шляхетъныхъ: Алексанъдра Млинъковского и Яна Бокгдашинъ-
ского, сторону шляхъту собе до тое справы у житыхъ и присъпособ ле-
ныхъ, вмоцъ правдивого зознанъя своего явне, ясъне и доброволъне зоз-

зналъ: Ижъ онъ, в року теперешнемъ тисеча шестъ сотъ чотыръдесятомъ,
Мца Августа семонадъцетъ дня, за приданемъ урядовымъ у неверныхъ
жидовъ Маера Бужъковича черезъ нусъ и тварь перетятыхъ, синыхъ, крва-
выхъ а на ягоде левой синый спухлый, а на шии разъ такъже синый
кровю отеклый; У Боруха засъ Кчимъбелевича, такъже спухлыхъ, крвю
отеклыхъ разовъ три: оденъ презъ око левое и тварь всю, а другий одъ
ока правого до самое чуприны, крвю сплынелыхъ и на руце правой спух-
лыхъ, крвю отеклыхъ; у Мошка засъ Лейбовича, *месъчанина осътро-
польского*, нашли ранъ спухлыхъ синыхъ, крвавыхъ Видилъ и урядовне
огледалъ, которое побитъе менованые жиды одъ его м. отца ректора са-
мого канъчукомъ быти позадаваные быти менивши, речей немало притомъ
же пораненю и побитъю на золотыхъ сто з гинулыхъ з возу, а менова-
ный Мошко Лейбовичъ, месъчанинъ осътропольский, золотыхъ осъмнадъ-
цетъ и грошей три при томъ же побитъю з губленыхъ быти оповедивши,
просили, абы такъ тая реляция возного яко и протестация оныхъ до книгъ
принятые и записаны были. Што отримали.

*Книга гродская Владимирская записовая, поточная и декрето-
вая, № 1007, годъ 1640, листъ 390.*

*№ XV. Жалоба бѣглыхъ Украинскихъ евреевъ на подданныхъ
пана Потоцкаго въ томъ, что эти послѣдніе напали на похоронную
еврейскую процессію; провожавшихъ изранили и избили, а покой-
ника выбросили изъ гроба. Спасеніемъ своимъ отъ смерти евреи,
какъ они объясняютъ, обязаны лишь тому обстоятельству, что
конь предводителя нападавшихъ, испугавшись трупа сбросилъ сѣ-
дока на землю. Нападавшіе кинулись на помощь предводителю, а
евреи, пользуясь смятеніемъ, разбѣжались. Къ жалобѣ присоеди-
нено посвидѣтельствованіе вознаго.*

Року тисеча шестъ сотъ пятъдесятъ пятого, мца Іюня одинадъцятого дня.

Навряде кгродъскомъ, в замку Его кор: м-ти Луцъкомъ, передомъною
Крышътофомъ Перетятъковичомъ, Намесъныкомъ буръкграбства и замъку
Луцъкого, и кънигами нинешъными кгродъскими луцъкими Перъсоналитеръ,
становъши *неверъный Хаимъ жыдъ школъникъ и мещъчанинъ Олыцкій*
своимъ и всего збору рабанъского жыдовъ олыцкихъ именемъ на протывъко
робочымъ: Иванови Тугаевы, Федорови Шеръшеняты и Трофимови Булъгакови,
солотъвянъцомъ соленъникомъ, яко прыънципаломъ, и инъшымъ веломъ,
самымъ имъ зыменъ и прозъвисъкъ знаемыхъ и ведомымъ, такъже соленъ-
никомъ ихъ табору, которыхъ было килъка десятъ, а протесътансъ на тотъ
часъ о именахъ оныхъ ведаты не можетъ, *салвамъ* едънакъ *спецификацы-
онемъ* оныхъ, *постъкзамъ инъногуерынъть*, заховуетъ собе: подъданымъ
ясъне велъможъного Его м-ти пана Петъра Потоцъкого, вды Брасловъского,
соленитеръ сведъчымъ и протесътовалъсе в тотъ способъ и ото: ижъ по-
мененые соленъники року теперешънего тысеча шестъ сотъ пядъдесятъпя-
того, мца Іюня, дня десятого, прыехавъши з сулю на яръмаркъ до места
Олыка, маючы надъ собою прысътава, з ымена и прозъвисъка онымъ ве-
домого, мимо вси права, кгвалътечы покой посъполитый, кгды жыды збегълые
украинные для *перъвого жыда свою умерълого*, на имя Лейбу, *на око-*

пышъчи свои, алъбо могылъки, ведълугъ звычаю своего для загребеня
оного проводили! не ведаты з якое прычыны и якимъ предъ се взятемъ
пяные, идучы з месъта. Олыки до табору своего, подъ месътомъ Олыкою
будучою, на жыдовъ за змерълымъ жыдомъ идучыхъ с крыкомъ и тумулътомъ
велыкимъ, особливе *прысътавъ* и *прыводъца* до того тумулъту на коню
и добытою шаблею соленъницы засъ с кнами нападъшы, оныхъ немилосъ-
тыве били и секъли такъ далещце же и умеръломy килъка разовъ задали
в друки, на которыхъ трупа несено, посекъшы, трупа на земълю выверъ-
нули: былъ помененый прысътавъ и прыводъца вышъ менованыхъ соленъ-
никовъ, з коня, кгды конъ, трупа выверъненого на земъли прилекъшысе
в бокъ скочылъ. не спалъ а за тымъ, с коня летечы, на колъ головою
ударивъшысе, ранъный не зосъталъ, за чымъ и соленъницы, понехавъшы
предъ се-взята своего до прыводъцы своего кинулисе, певъне не едъного бы
з протестанътовъ на томъ мейсцу тыежъ прицыпалове з своими конъпрынъ-
цыпалами забыли бы, были; и панъ Богъ ведаетъ подъ тые часы трвожъ-
ные до якихъ бы розъруховъ прышъло было.

И такъ протесътанътесъ в велыкомъ страху и небежпеченъстве здо-
ровя своего зостаючы кгде который моглъ утекалъ, с тыхъ засъ, которые
трупа того проводили, веле зосътало посеченыхъ и битыхъ, а трупа вы-
веръненого в килъка годывъ, се дато тумулъту, загребли.

Презъ што обвиненые право посъполитое зневажыли и покой взрушыли,
за чымъ в вины правъные попали, въ чомъ протесътанъсъ, зоставивъшы
салъвамъ мелиорационемъ теперешънее *протесътацыей си етъ, инъ
кванътумъ* бы того потреба была, и оферуючысе о то правъне чыныты,
итерумъ итерумъкве, сведъчылъ и протесътовалъ се. А на доводъ того
тотъ же протесътанъсъ ставилъ возъного, Енерала воеводъства Киювского,
Волынъского, Брасълавского и Черъниговъского, шляхетъного Якуба Бары-
шевъского, который, *перъсоналитеръ* стоячы, явъне и доброволъне созъ-
налъ: ижъ онъ року теперешънего тысеча шестъ сотъ пядъдесятъ пятого,
месяца Июня, дня десятого, ужытый будучы одъ вышъ менованыхъ про-
тесътанътовъ, маючы при собе сторону шляхъту, людей веры годънымъ,
шляхетъныхъ пановъ Войцеха Каненъского и Яна Золъковъского, былъ в
месъте Олыце и тамъ выделъ велю жыдовъ битыхъ и посеченыхъ, особ-
ливе: *Мошъка, жыда* Украинъного, разовъ два въ плечы тятого и киями
разовъ пятъ синихъ по лопатъкахъ заданыхъ; *Юду жыда*, такъ же збег-
лого, разъ в лопатъку тято и киями разовъ синихъ чотыры по плечахъ
задано; *Абрама* з Белогородъка, такъже жыда Украинъного, брата поме-
неного жыда Лейбы умерълого, в голову с тылу разъ тятый и по плечахъ
веле разовъ синихъ битыхъ киами; *Якуба*, такъ же з Украины жыда, по
плечахъ киями бито разовъ семъ, напухълыхъ, кровю набеглыхъ выделъ.

И в томъ же месъте одъ велю людей: одъ жыдовъ и одъ хресътянъ
слышалъ, же помененые *соленъницы* з своимъ *прысътавомъ* тотъ тумулътъ
вчели и трупа секъли и били, и на земълю оного выверънули, чого конъ
прысътавовъ прылякъшы се прысътава з себе скинолъ, за чымъ и прысъ-
тавъ, летечы с коня, ранъный зосъталъ.

Што созънавъшы, просилъ возъный, абы ту релъляцыю, а протесъ-

танъсъ, абы протесътацыю до кънигъ прынятые и записаные были; што отрымали.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2498, годъ 1655, листъ 339.

№ XVII. Заявленіе отъ лица Катерины Теслянки, сироты, и духовнаго уряду Луцкаго «Луце Орнентисъ» (восточнаго вѣроисповѣданія), что еврей Луцкій Аврашко, нанявши вышеупомянутую Катерину Теслянку, не только въ противность закону, держалъ ее у себя въ услуженіи цѣлый годъ, ничего не заплатилъ при разсчетѣ, но еще, кромѣ того, не успѣвъ ее склонить къ нарушенію цѣломудрія, употребилъ противъ нея насиліе. Затѣмъ, Аврашко не выпускалъ Катерины изъ своего дома и уговаривалъ продолжать службу, но Катерина убѣжала къ духовному уряду, съ которымъ вмѣстѣ и дѣлаетъ это предварительное заявленіе. Затѣмъ, слѣдуетъ объявленіе вознаго, что онъ заручилъ еврея Аврашка Кагалу Луцкому въ 10,000 копъ грошей.

Року тысяча шестъ сотъ пятъдесятъ девятого, мца Ноября, десятого дня.

Навряде кгродъскимъ, в замъку Его кор: м-ти Луцъкомъ, передо мъною Александромъ Зилинъска-Илинъскимъ, войскимъ Черъниховъскимъ, буръкграбимъ замъку Луцъкого, и книгами нинешъными кгродъскими Луцъкими, становъшы очевисъто уцътивая Катарына Тесълянъка, сирота, водълегълосъты родычовъ своихъ зосътаючая, с прытомъностю уряду духовъного его милосты ксенъдза Алекъсанъдра Мокгылъницъкого, каноника и официяла Енерального Луцъкого, и велебъного ксенъдза Анъдрея Левинъского, викари его Луцъкого, на тое депутованого, которымъ *винъдикацiя конътумелие хрисътияни номинисъ етъ тутелъля оръфанорумъ де юре належытъ*— з тяжъкимъ жалемъ протесътоваласъ на противъко неверъному и такъ веле акъции крыминалъныхъ о вины, а въ справе нижей менованой подобъные кгвалъты попелъненые, объвиноному жыдовинови Авърашъкови, збору рабанъского Луцъкого о то: Ижъ помененый Авърашъко жыдъ противъко праву посъполитому такъ духовному, яко и свецъкому, на сълужбу свою прынявъшы помененую утъсцивую Катарыну, а презъ целыхъ не малъ рокъ в сълужъбы своей, надъ заказъ права посъполитого, оную трымаючы, ведлугъ умовы, ничого не заплатывъшы и не одъдавъшы, а рожъными способами до попелъненя нижей менованого *нерядъ* нецесысътуючы, кгды рожъными способами до того ее наклонити не моглъ, упатрывъшы часъ и мейсце способъное любо оному таемъное, лечъ здысъпозиции бозъкохъ некоторымъ на тотъ спросъныхъ Ексъцесъ *патдячыхъ* ведомыхъ, дня девятънадъцятого мца Сенътемъбра въ року теперешънымъ, не помъначы не только на боязнъ Божую, але и суровые караня въ праве описаные, умысъливъшы *нерядъный* умыслъ свой: кгвалътовне до ефекъту прывесъты помененую сероту хресътиянъскую, *виоленътеръ опъпресъситъ*, *тоцiесъ квоцiесъ* пястю губу завираючы, биючы и моръдуючы, якосъ то шырей з выведеня инъквизиции, албо скрутиниумъ судови належънему покажетъ. По которымъ поповъненю *нецъноты* рожъне оную страшачы, а потомъ, обетъницами затрымуючы, до дому своего до далъ шое служъбы тягънулъ, знати, хотячы, з невинъносты паненъской одерътую, жывота позбавити,

уходячы караня попалого. А ижъ помененая опъресъса, до суду духовъного его м-ти ксенъдза официала луцъкого утекаючы, съ винъдикационемъ такового крыминалу просила, теды *официумъ оръдынариумъ*, *люце орыенъсемъ*, *инъ симулъ* с помененою серотою о таковый Ексъцесъ хотячы зъ менованымъ объвыненымъ жыдомъ Авърашъкомъ *юре ексъпериры* и з оного *конъдимънасъ* одънесъти, *пенасъ итерумъ атъкве итерумъ* протесътуючысъ и офяруючысъ правъне чынити, менованый крыминалъ урядови нинешънему *детулитъ*. *Етъ инъ конътиненъти* становъшы возъный, Енералъ воеводъства Волынъского, шляхетъный, Федоръ Садовъскiй в моцъ правдивое реляции своее усътне и доброволъне созъналъ. Ижъ онъ, с прыданя урядового, маючы зъ собою шляхъту людей добрыхъ: пана Анъдрея Куръровъского и пана Яна Кглуховъского, будучы *рекъвированымъ* одъ стороны протесътуючый се, дня трыдъцятого окътобра въ року теперешънымъ тысяча шестъ сотъ пятъ десятъ девятымъ, *въ бужъници рабанъской жыдовъской, Луцъкой, у цилого кагалу, албо зъгромаженя старъшыны жыдовъское, помененого жыда Авърашъка арешътовалъ и до ставеня оного до права въ десяты тысечей копъ грошей литовъскихъ прыпоручылъ*. О чымъ тую свою релъляцию созънавъшы, просилъ абы тое было до книгъ прынято и записано. Што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2500, годъ 1659, листъ 647.

№ XVIII. Клятвенное показаніе еврея Израеля Кополевича о томъ, что въ городѣ Острогѣ, въ частяхъ, принадлежащихъ кн. воеводѣ Сендамирскому, а также и воеводѣ Кроковскому осталось еврейскихъ домовъ всего 5. Въ концѣ акта приведенъ текстъ присяги.

Року тысеча шестъ сотъ шестъдесятъ перъвого, мца Сенътебра, пятънадъцятого дня.

Навряде кгродъскомъ, в замъку его кор: м-ти Луцкомъ, передо мъною Томашомъ Савицъкимъ, намесъникомъ подъстароства Луцъкого, а книгами нинешъними кгродъскими луцъкими, становъши перъсоналитеръ, неверъный Изъраелъ Коповичъ з месъта Осътрога, з обудвохъ часътей: такъ ясъне осъвецоного кнежати его м-ти пана воеводыча Краковъского, яко и ясъне велъможъного его м-ти пана воеводы Сенъдомиръского, просилъ мене уряду о прыдане возъного для выданя роты, выконаня юраменъту: веле дымовъ в звышъ помененомъ месъте Осътрокгскимъ жыдовъскихъ зосътаетъ. На которого афекътацию я, урядъ, доситъ чынечы, возъного судового Яна Хлопецъкого прыдалемъ. Который жыдъ, за выданемъ собе роты, юраментъ подълугъ звычайного права ихъ в тые слови выконалъ: Я, Изъраелъ Кополовичъ, жыдъ з месъта Осътрога, прысегаю пану Богу жывому, который сотъворылъ небо и земълю, и вси жывела на томъ свете, и нашъ законъ жыдовъский, на томъ, яко в *месъте Осътрогу вобудвохъ часътехъ*, *ихъ* м-ти пановъ моихъ, *жыдовъскихъ дымовъ немашъ болей толъко пятъ*: Начомъ, яко справедъливе прысегаю, такъ ми пане Боже допомози, А есъли бымъ несправедъливе прысеглъ, теды нехай мене Адонай забиетъ на душы, теле, жоне детъкахъ и маетъности моей; и нехай не прыхожу на лоно Абрамовое, але нехай мене вси злые дыхове на веки вечъные возъмутъ. Который юраментъ до книгъ кгродъскихъ луцъкихъ естъ записано.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2503, годъ 1661, листъ 514.

XIX. Жалоба отъ лица супруговъ Шыбинскихъ на Межырецкихъ евреевъ въ томъ, что они захвативши Хведька и Романа, мѣщанъ Маренинскихъ, находившихся въ залогѣ у Шыбинскихъ, одною изъ этихъ мѣщанъ, Хведька, заключивши въ свою еврейскую тюрьму, подвергли различнымъ истязанiямъ, а другого, Романа ‹установивши какой-то частный судъ›, приказали четвертовать въ городѣ Межирѣчьи.

Року тысеча шестъ сотъ шестъдесятъ третего, м-ца Февраля, перъшого дня.

Навряде кгродъскомъ, в замъку его кор: м-ти Луцъкомъ, передо мъною Томашомъ Савицъкимъ, намесъникомъ буркграбства и замъку Луцъкого, и книгами нинешънеми кгродъскими Луцъкими, становъшы очевисъто урожоный панъ Янъ Корицинъский именемъ урожоныхъ ихъ мм-ти пана Якуба Мокосея Шыбинъского и панее Крисътыны Кгноинъского Шыбинъское, малъ жонъковъ, скоро толъко доведевшысе о сътраченю едъного одъ (?) другого неслыханаго зморъдованя подъданыхъ з месътечъка Маренина презъ особъ нижей менованыхъ, теды заразъ противъко нимъ, то естъ: неверънимъ, одъному, Волъфови; другому, Монови; третему, Козълови Зовелови; четъверътому, Огорилому; пятому, Зеликови; шосътому, Шмойлови и инъшымъ всимъ жыдомъ Медзырицъкимъ, тымъ выжей менованымъ жыдомъ по именахъ и прозъвисъкахъ лепей ведомымъ, сведъчылъ се и протесътовалъ о то: Ижъ *пререченые жыды, маючы нехитъ завше до крве хресътыянъское*, яко до сълаветъныхъ Хведъка и Романа,—мешъчанъ и подъданыхъ Маренинъскихъ, праву ее м-ти панее Шыбинъское заставному подълеглыхъ,—злое серъце до ныхъ завзявшы а упатърившы часъ, кгды менованые мешъчане Маренинъецы року прошълого тысеча шестъ сотъ шестъдесятъ перъшого, м-ца Ноябра, шестънадъцатого дня, ничого се на себе злого несподеваючы, до месъта Корьца прыехали и нешто справоватъ собе почели; теды преречоные жыды, прыбравъшы собе розъныхъ людей до помочы, тыхъ то мешъчанъ Маренинъскихъ, ничого собе невинъныхъ, подъданыхъ ее м-ти панее Шыбинъское, *до Межырича повязаныхъ привезъшы, до везеня своего побрали, а впередъ Хведъка, ланъцухомъ в полъ оковавшы, брухомъ догоры на балъку середъ избы завесывшы*, муки розъмаитые оному задавали: шылами кололи, оцетъ с перъцомъ и чосътномъ сколотывшы в нусъ лели и инъшые морърдиръства презъ два дъни висячому задавали; палъцатами в подошъвы били и, якое се имъ подобало, ничого не помънечи на срокгостъ права посъполитого и вины в немъ сурово на таковыхъ морърдеръцовъ описание, морърдеръства выражались.

Другого: Романа, брата его, такъ же тиранъско змучивъши и зъморъдовавъши, невинъне, *упрятънувъши собе якисъ судъ приватъный, зо злосъти своее ку хресътяномъ, безъ ведомостъ ее м-ти панее Шыбинъское*, на онъ часъ в стане Паневъскимъ будучое, опекуновъ ее въ чимъ бы были винъни, не реквируючи справедъливосъти, *в месъте Межыричу чверътоватъ* казали.

А утишивъшисе на томъ чверътованъни, преречоного Хведъка, барзо зморъдованого и склутого, по которомъ цалени того выпустили. Чого всего объдукъция черезъ возънаго зозънаная будетъ, презъ который тотъ тако-

вый свой посътупокъ пререченые жыды Межирицъкие зо всимъ зборомъ своимъ, право посъполитое зкгвалътивъши, в вины в немъ сурово описаные попадли и оные на особу свою затягънули. О шъто се протесътантъ противъко менованымъ жыдомъ итерумъ атъкве итерумъ сведъчитъ и протесътацию вкротъце записаную заносыть, зосътовивъши пиръсжи (?) ихъ м-тью паномъ Шыбинъскимъ малъ жонъкомъ салъву до учиненъя ширъшое протесътации и мелиорацию тое теперешънее, была ли бы того потреба. А на тотъ часъ о принятъи тое теперешънее протесътантъ мене уряду просилъ, што отрималъ.

Книга гродская Луцкая поточная, № 2505, годъ 1663, листъ 60.

(*Продолженiе актовъ въ слѣдующемъ томѣ*).

Въ актѣ № XIV вкралась слѣдующая ошибка: вмѣсто слова к а з н а ч е я (стр. 30, стр. 3-я снизу) слѣдуетъ читать: к а т а х и з а т о р а (проповѣдника).

Кромѣ того, начиная съ акта № XII порядокъ №№ нарушенъ: слѣдующiе №№ должны быть не XII, XIII и т. д. а XIII, XIV и т. д.

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ.

(Библіографическій очеркъ. **А. Гаркави**).

Предлагая настоящее обозрѣніе всѣхъ выходившихъ и выходящихъ еврейскихъ періодическихъ изданій, я далекъ отъ мысли представить что-нибудь цѣлое и законченное. Еврейская печать, существующая нынѣ, кромѣ еврейскаго, на всѣхъ европейскихъ и даже на нѣкоторыхъ азіатскихъ языкахъ, представляетъ библіографу-обозрѣвателю, особенно живущему въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ не имѣется значительныхъ еврейскихъ книгохранилищъ и куда съ трудомъ проникаютъ заграничныя изданія, непреодолимыя препятствія. Какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что настоящій очеркъ составляетъ первую попытку въ этомъ родѣ, я никоимъ образомъ не могу претендовать на полноту и непогрѣшность. При нѣкоторыхъ изданіяхъ у меня прямо и заявляется, что не могу представить подробныхъ свѣдѣній о нихъ; другія, по всей вѣроятности, совсѣмъ ускользнули отъ моего вниманія и остались мнѣ неизвѣстными, и я буду весьма обязанъ тѣмъ лицамъ, которыя пополнятъ эти пробѣлы. Такъ, напр., мнѣ извѣстно, что въ Америкѣ выходили и выходятъ также періодическія изданія на древне-еврейскомъ и на еврейско-нѣмецкомъ языкахъ, о которыхъ, за исключеніемъ одного, я не имѣю никакихъ данныхъ.

Настоящій очеркъ обниметъ слѣдующія періодическія изданія:

A. На еврейскомъ языкѣ.

a. напечатанныя на древне-еврейскомъ языкѣ.

b. напечатанныя на еврейско-нѣмецкомъ и другихъ нарѣчіяхъ, но еврейскимъ шрифтомъ.

B. На русскомъ языкѣ.

C. На польскомъ языкѣ.

D. На нѣмецкомъ языкѣ.

E. На французскомъ языкѣ.

F. На англійскомъ языкѣ.

G. На италіанскомъ языкѣ.

H. На голландскомъ, ново-греческомъ и другихъ языкахъ.

При каждомъ періодическомъ изданіи обозначаются по возможности слѣдующіе пункты: 1) оригинальное названіе изданія съ переводомъ на русскій языкъ; 2) имя редактора или издателя; 3) мѣсто изданія; 4) время его появленія (и прекращенія); 5) его форматъ; 6) направленіе его, а при изданіяхъ, имѣющихъ научное значеніе, также 7) имена важнѣйшихъ сотрудниковъ.

Для тѣхъ изданій, которыхъ мнѣ не удалось видѣть самому, я пользуюсь указаніями разныхъ библіографическихъ пособій, преимущественно журналомъ д-ра Штейншнейдера „Hebräische Bibliographie" (Berlin 1858—1865, 1869—1877; за послѣдній 1877 годъ журналъ этотъ не доведенъ до конца), каталогами Бодлеянской библіотеки, Британскаго музея, Руста и др. Періодическія изданія на еврейскомъ языкѣ, съ коихъ мы начинаемъ наше обозрѣніе, помѣщены здѣсь по порядку еврейскаго алфавита, при чемъ указательный членъ въ началѣ названій (буква га) не принимается въ разсчетъ.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что я не считалъ себя вправѣ исключить изъ настоящаго обозрѣнія даже и такія изданія, которыя появились на свѣтъ мертворожденными или покончили свое существованіе по выходѣ двухъ-трехъ выпусковъ. Кромѣ, возможной для меня, библіографической полноты, мною имѣлось еще въ виду и то обстоятельство, что нерѣдко въ подобныхъ эфемерныхъ изданіяхъ заключаются важныя въ научномъ отношеніи статьи, на которыя часто ссылаются въ ученыхъ сочиненіяхъ и въ современныхъ журналахъ, такъ что указанія—кѣмъ, когда и гдѣ они были изданы—не должны считаться безполезными. Литературные же сборники включены въ составъ настоящаго библіографическаго обозрѣнія потому во-первыхъ, что нерѣдко трудно разграничить между ними и настоящими литературными періодическими изданіями; во-вторыхъ потому, что почти всегда издатели и редакторы означенныхъ сборниковъ изъявляютъ намѣреніе печатать, если обстоятельства имъ позволятъ, подобные сборники періодически. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что въ обозрѣ-

ніяхъ, подобныхъ настоящему, слѣдуетъ скорѣе допускать „слишкомъ много", чѣмъ „слишкомъ мало".

A. Періодическія изданія и литературные сборники на еврейскомъ языкѣ.

а) Изданія на древне-еврейскомъ языкѣ.

1. Абне незеръ (камни вѣнца или вѣнчальные камни)
—журналъ этотъ выходилъ какъ приложеніе къ нѣмецкому жур-
налу „Wiener Vierteljahrsschrift" Макса Леттериса въ
53-мъ году въ Вѣнѣ, 8°, и въ немъ печатались преимущественно
письма еврейскихъ литераторовъ и ученыхъ въ Галиціи. Всего,
какъ кажется, появились три выпуска.

2. Оцаръ хохма (сокровище мудрости)—издавался Іо-
сифомъ. Когенъ-Цедекомъ въ Львовѣ (въ Галиціи) въ
1861—1865, 8°, собраніе разныхъ мелкихъ и мелочныхъ замѣтокъ
по еврейской литературѣ, довольно плохихъ стихотвореній и т. п.
Всего вышли три тома.

3. Оцаръ товъ (хорошее сокровище) — выходитъ какъ
приложеніе къ нѣмецкому журналу „Magazin für die Wissenschaft
des Judenthums", издаваемому А. Берлинеромъ и Д. Гоф-
манномъ въ Берлинѣ, 1876 — 1879, 8°. Въ приложеніи
этомъ помѣщаются исключительно извлеченія изъ рукописей, пре-
имущественно древнихъ, между прочими и изъ С.-Петербургской
Имп. Публичной библіотеки.

4. Оцаръ нехмадъ (драгоцѣнное сокровище)—учено-ли-
тературный журналъ, который издавался Игнатіемъ (Исаакомъ)
Блюменфельдомъ въ Вѣнѣ. 1856—1863, 8°. Въ этомъ
изданіи печатались научно-критическія письма И. С. Реджіо, С. Д.
Луццатто, А. Гейгера, М. Штейншнейдера, Л. Дукеса, Э. Кармоли,
Р. Кирхгейма и мн. др. ученыхъ, почему оно и цѣнится знатока-
ми еврейской литературы. Всего вышли четыре тома.

5. Оръ тора (свѣтъ торы) — ежемѣсячный журналъ Іо-
сифа Когенъ-Цедека, выходилъ во Франкфуртѣ на
Майнѣ и Львовѣ въ 1874 году, 8°. Направленіемъ немного лучше,
чѣмъ журналъ того же редактора, отмѣченный выше подъ № 2-мъ.

6. Га-эметъ (истина)—ежемѣсячное (?) изданіе Арту-
ра Фримена (Аарона Либермана), въ Вѣнѣ, въ 1878 году,

8°. Редакторъ этотъ возъимѣлъ курьезную мысль — проповѣдывать соціализмъ и коммунизмъ на древне-еврейскомъ языкѣ! Всего вышли три выпуска (см. Га-мелицъ за 1878 г. № 21).

7. Га-асифъ (время жатвы), также подъ англійскимъ заглавіемъ: Harwest, the annual hebrew magazin, contening various literary and critical essays on hebrew literature and general science etc, with an hebrew and english almanac—сборникъ статей и извлеченій изъ рукописей съ календаремъ, изданный Гершелемъ Филиповскимъ, ч. 1-я, Лондонъ 1847, ч. 2-я, Лейпцигъ 1849 (безъ календаря и англійскаго приложенія). 8°. Кромѣ издателя, участвовали еще въ этомъ сборникѣ: Х. З. Слонимскій, М. Корникъ, I. Маіеръ и др.

8. Асифатъ хахамимъ (собраніе мудрецовъ)—ежемѣсячное изданіе, выходящее какъ прибавленіе къ газетѣ Гаколь (см. № 98) Родкинсона, въ Кенигсбергѣ въ 1877—78 годахъ, 8°. Смѣсь всякой всячины изъ мелкихъ замѣтокъ, преимущественно сатирическаго направленія.

9. Га-аріель (Аріель) — трехмѣсячный (?) журналъ, издаваемый М. Когеномъ и А. Зусманомъ въ Іерусалимѣ 1870—1877, 8° [этого изданія не случалось намъ видѣть, см. Hebräische Bibliogr. 1876, p. 121. 1877, p. 49].

10. Бетъ га-оцаръ I (сокровищница)—сборникъ разныхъ учено-литературныхъ статей И. Б. Левинсона, Вильна 1841, 2 части, 8°. Въ первой части помѣщенъ этимологическій словарь еврейскаго языка, а во второй—различныя статьи.

11. Бетъ га-оцаръ II (сокровищница) также подъ латинскимъ заглавіемъ: Bibliotheca, in qua hebraica ejus [sc. S. D. Luzzatto] scripta exegetica, philologica, moralia, poetica, atque rariorum codicum hebraicorum notitiae et excerpta continetur—изданный С. Д. Луццатто и напечатанный въ Львовѣ въ 1847 г., 8°. Почтенный этотъ ученый, для избѣжанія помѣщенія его статей въ журналахъ рядомъ съ произведеніями людей другихъ направленій, захотѣлъ основать изданіе, которое наполнялось бы только его собственными учеными изслѣдованіями, да извлеченіями изъ древнихъ рукописей, что, разумѣется, оказалось неудобоисполнимымъ, и изданіе это, какъ все вышедшее изъ-подъ пера Луццатто, весьма достойное въ научномъ отношеніи, остановилось на первой книжкѣ.

12. Бетъ га-оцаръ III (сокровищница)—собраніе романовъ и повѣстей, оригинальныхъ и переведенныхъ разными лицами, издаваемое подъ редакціей А. И. Шапиры, Варшава 1875—1876, 8°. Всего, какъ кажется, вышли четыре выпуска.

13. Бетъ ваадъ лахахамимъ (собраніе мудрецовъ), также подъ заглавіемъ: Athenaeum, Monatsschrift für jüdische Geschichte und Literatur, Kritik, Exegese und Belleteristik—сборникъ, изданный Леопольдомъ Ландесбергомъ, въ Петербургѣ, 1875, 8°. Изъ этого сборника вышли въ свѣтъ только три книжки, о чемъ, по отзыву Штейншнейдера (Hebr. Bibl. XVI, 73), не слѣдуетъ сожалѣть, ибо въ немъ сотрудничали литераторы весьма сомнительнаго достоинства.

14. Бетъ га-мидрашъ (академія)—сборникъ, изданный Айзикомъ Гиршемъ Вайсомъ, въ Вѣнѣ, 1865—1866, 8°. Изъ этого журнала появились только четыре книжки, отличающіяся хорошимъ научно-критическимъ направленіемъ. Кромѣ издателя, въ немъ участвовали: С. Д. Луццатто, Д. Оппенгеймъ, Н. Бриль (нынѣ раввинъ во Франкфуртѣ на Майнѣ), М. Фридманъ, З. Штернъ и др.

15. Биккуре га-иттимъ I (первенцы временъ). Въ изданіи этого журнала, основаннаго поэтомъ Шаломомъ Когеномъ, въ послѣдствіи принимали участіе М. Ландау, Б. Шлезингеръ и I. Iейтелесъ, и печатался онъ въ Вѣнѣ, 1821—1832, 8°. Главнѣйшіе его сотрудники, кромѣ издателей, суть: С. Д. Луццатто, Реджіо, М. Стрелискеръ и мн. др.; но преимущественно это изданіе прославилось жизнеописаніями извѣстныхъ ученыхъ (Эл. Калира, Саади Гаона, Гаи Гаона, Хананеля, Нисима и Натана Роми, автора соч. Арухъ), составленными отцомъ критическаго направленія въ исторіи еврейской литературы, С. Л. Рапопортомъ, и напечатанными въ послѣднихъ 4-хъ частяхъ этого журнала за 1829—1832 годы.

16. Биккуре га-иттимъ II (первенцы временъ)—попытка возобновить изданіе № 15 Менделемъ Штерномъ, Вѣна, 1844, 8°; вышла только одна тетрадь, не имѣющая значенія въ научномъ отношеніи.

17. Биккуре га-иттимъ га-хадашимъ (новые первенцы временъ)—вторая попытка возобновленія журнала № 15, сдѣланная И. С. Реджіо и Израилемъ Бушемъ, Вѣна,

1845, 8°; вышелъ только одинъ томъ на еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ которомъ участвовали, кромѣ издателей, Шаломъ Когенъ, С. Д. Луццатто, Гиршъ Хаіесъ, Алманци, Делаторе, Леттерисъ, Стрелискеръ—въ еврейскомъ отдѣлѣ, и Іостъ, Цунцъ, Маннгеймеръ, М. Заксъ, Заломонъ, Вертгеймеръ, Л. А. Франкль и др.—въ нѣмецкомъ отдѣлѣ.

18. Биккуре га-шана (первенцы года) — календарь на 1843—44 годъ, съ научнымъ приложеніемъ на еврейскомъ и голландскомъ языкахъ; изданъ Габріелемъ Полякомъ, Амстердамъ. 1843, 8°. Въ еврейскомъ научномъ отдѣлѣ участвовали С. Л. Рапопортъ, Реджіо и др. Носитъ также заглавіе Лухъ га-шана (годичный календарь), и вышелъ только за одинъ вышеозначенный годъ.

19. Биккуре тоэлетъ (полезные первенцы)—собраніе разныхъ еврейскихъ произведеній въ поэзіи и прозѣ, изданное амстердамскимъ литературнымъ союзомъ Хебратъ тоэлетъ (полезное общество), подъ редакціей Самуила Мульдера, Амстердамъ, 1820, 8°. Сборникъ этотъ назначался преимущественно для молодыхъ людей и имѣлъ цѣлью развить вкусъ и вселить любовь къ древне-еврейскому языку. Вышелъ только одинъ выпускъ.

20. Биккуримъ (Первенцы) — календарь на 1864 — 1866 годы, съ научнымъ приложеніемъ, изданнымъ подъ редакціей Нафтали Келлера, Вѣна, 1864—65, 8°. Кромѣ редактора, въ литературномъ отдѣлѣ участвовали А. Г. Вейсъ, Гайлпернъ, Д. Гордонъ, А. Готлоберъ, А. Іеллинекъ, А. Лангбанкъ, Л. Левизонъ, М. Летерисъ, Я. Рейфманъ, С. Санто и З. Штернъ.

21. Бенъ-горни (изъ моей житницы), также подъ голландскимъ заглавіемъ: Hebreeuwsche Lettervruchten — собраніе литературныхъ статей и извлеченій изъ рукописей, изданное Габріелемъ Полякомъ, Амстердамъ, 1851, 8°. Кромѣ редактора, въ немъ участвовали С. Д. Луццатто и И. С. Реджіо.

22. Биккоретъ га-иттимъ (критика временъ), также подъ заглавіемъ: Monatschrift zur Unterhaltung und Belehrung—ни болѣе, ни менѣе какъ Кладдерадачъ на древне-еврейскомъ языкѣ! Этого курьезнаго изданія вышли только три №№, подъ редакціей Бернарда Фишера, Лейпцигъ, 1864, 4°.

23. Га-бокеръ оръ (утро засвѣтило), также подъ заглавіемъ:

Hebräisches Organ für Wissenschaft, Poesie und Literatur—издается
подъ редакціей А. Б. Готлобера, Львовъ, 1876—1878, 8° (въ
настоящее время редакція переселяется въ Варшаву). Кромѣ ре-
дактора, въ этомъ ежемѣсячномъ изданіи участвуютъ Р. Браудесъ
(помощникъ редактора), С. Буберъ, Брукъ, І. Гурляндъ, А. Крох-
малъ, Левенштейнъ, Модилевскій, Перецъ, Рабиновичъ, П. Рудер-
манъ и др.

24. Гинзе Израиль (сокровища Израиля) — собраніе цѣ-
лыхъ рукописей, находящихся въ Петербургѣ и извлеченія изъ
нихъ, изданное Х. Т. Гурляндомъ, Лыккъ, 1865 (ч. 1-я),
С.-Петербургъ 1866—1867 (ч. 2—4), 8°.

25. Гинзе Нистаротъ (тайныя сокровища)—собраніе раз-
ныхъ рукописей и извлеченія изъ нихъ, изданное І. Кобакомъ,
Бамбергъ 1868—1878, четыре части, 8°. Впрочемъ, извлеченія эти
составляютъ отдѣльные оттиски изъ журнала Іешурунъ; см.
ниже (№ 46).

26. Дабаръ бе-итто (своевременное дѣло) — сборникъ пи-
семъ и статей богословскаго и гомилетическаго содержанія, изда-
ваемый подъ редакціей раввина Гешеля Левина, Вильна,
1878, 4°. Въ единственномъ, до сихъ поръ вышедшемъ, выпускѣ
находятся только статьи и письма самого редактора и раввина
Б. М. Лившица, въ Сѣдлецѣ. Носитъ также заглавіе Пеулатъ
цаддикъ лехаіимъ (дѣянія набожнаго для жизни); см. ниже
(№ 86).

27 Дибре хахамимъ (слова мудрецовъ) — сборникъ раз-
ныхъ статей въ поэзіи и прозѣ, извлеченныхъ изъ древнихъ ру-
кописей и изданныхъ путешественникомъ Эліазаромъ Аш-
кенази изъ Туниса, Мецъ, 1849, 8°. Въ концѣ находится пере-
водъ двухъ изъ статей сборника на французскій языкъ.

28. Дибре хефецъ (желанныя слова или вещи) — разныя
извлеченія изъ древнихъ рукописныхъ сочиненій въ поэзіи и прозѣ,
изданныя Гиршемъ Эдельманомъ, Лондонъ, 1853, 8°.

29 Дерехъ товимъ (путь праведныхъ)—собраніе разныхъ
статей нравственнаго содержанія, какъ то: завѣщанія извѣстныхъ
еврейскихъ ученыхъ, притчи и т. п., большею частью извлечены
изъ древнихъ рукописей и изданы Гиршемъ Эдельманомъ,
Лондонъ, 1852, 8°. Къ еврейскому тексту приложенъ англійскій
переводъ М. Бресселау.

30. Госафа мадаитъ (научное приложеніе)—прибавленіе къ газетѣ Гамелицъ (см. ниже № 74), Ц. Г. Рабиновича, С.-Петербургъ 1871, 8°, всего вышли два выпуска, заключающіе популярное изложеніе естественныхъ наукъ.

31. Галихотъ кедемъ (странствованія по востоку), также подъ голландскимъ заглавіемъ: Oostersche Wandelingen—сборникъ статей въ поэзіи и въ прозѣ, изданный Габріелемъ Полякомъ, Амстердамъ, 1846, 8°. Кромѣ издателя участвовали С. Л. Рапопортъ, С. Д. Луццато и И. С. Реджіо; нѣкоторыя статьи перепечатаны изъ № 18.

32. Гехаль га-ибрія (храмъ еврейской литературы) — названіе древне-еврейскаго отдѣла въ еженедѣльной зазетѣ „Israelitische Presse", издаваемой на еврейско-нѣмецкомъ языкѣ Н. Б. Эттельсономъ и С. Л. Маркусомъ, Чикаго (въ Америкѣ) 1877—1879, f°. Объ этой газетѣ будетъ рѣчь при обозрѣніи еврейско-нѣмецкихъ періодическихъ изданій.

33. Хабацелетъ (Лилія) — еженедѣльная газета, издаваемая І. Б. Фрумкинымъ, Іерасулимъ, 1870—1878, f°.

34. Хаіе оламъ (вѣчная жизнь)—ежемѣсячное изданіе, посвященное исключительно обнародованію древнихъ рукописей. Редакторы — Б. Гольдбергъ (польскій еврей, живущій уже давно въ Парижѣ) и М. Адельманъ (изъ Вѣны), Вѣна, 1879, 8°. Первый изъ этихъ редакторовъ посвятилъ многіе годы на списываніе еврейскихъ рукописей въ Парижѣ и Оксфордѣ по заказу или для продажи своихъ копій; къ сожалѣнію послѣднія совсѣмъ не надежны и пользоваться ими слѣдуетъ крайне осторожно. Появилось-ли изъ этого изданія больше одной тетради—мнѣ неизвѣстно.

35. Ге-халуцъ (вооруженный)—журналъ съ самымъ крайнимъ критическимъ направленіемъ, преимущественно въ первыхъ частяхъ, издается Осеемъ Гешелемъ Шорромъ, Львовъ, 1851—57 (ч. 1—3), Бреславль, 1859—1861 (ч. 4—6), Франкфуртъ на М. 1865—1869 (ч. 7—8), Прага, 1873—1877 (ч. 9—10), 8°. Въ первыхъ частяхъ участвовали, кромѣ редактора, А. Гейгеръ, А. Крохмалъ, М. Дубсъ и др.; послѣднія же части принадлежатъ исключительно Щорру.

36. Хемда генуза (сокрытая драгоцѣнность). — Собраніе разныхъ статей, извлеченныхъ изъ древнихъ рукописей въ Оксфордѣ и изданныхъ Гиршемъ Эдельманомъ, Кенигсбергъ 1856, 8°.

37. Хофесъ матмонимъ (исканіе сокрытыхъ вещей), также подъ заглавіемъ: Anecdota Rabbinica — сборникъ статей, извлеченныхъ изъ древнихъ рукописей, съ примѣчаніями издателя Б. Гольдберга, Берлинъ 1845, 8°. Въ этомъ сборникѣ помѣщены между прочимъ: посланіе Шериры Гаона, поэтическое произведеніе Исаака Ибнъ-Гіата, отвѣты на разные вопросы Раши и т. д. Вышла только первая тетрадь и обѣщанное продолженіе не появилось.

38. Таамъ зекенимъ (смышленность древнихъ)—сборникъ статей, извлеченныхъ изъ древнихъ рукописей и изданныхъ Эліазоромъ Ашкенази, Франкфуртъ на М. 1854, 8°. Въ этомъ сборникѣ, между прочимъ, помѣщены: два посланія Гаи Гаона, два другія Моисея Маймонида, письмо раввина Аарона бенъ Мешулламъ, вопросъ раввина Іуды, сына раввина Ашера (Рошъ), у отца на счетъ переселенія душъ и отвѣтъ отца, о томъ же предметѣ, статья Леона ди Модена и т. д. Въ редакціи участвовалъ и прибавилъ разныя примѣчанія Рафаэль Кирхгеймъ.

39. Іегуда вирушалаімъ (Іудея и Іерусалимъ)—газета, выходившая въ Іерусалимѣ; подробныхъ свѣдѣній объ этомъ изданіи не имѣю.

40. Га-іегуди (Еврей)—еженедѣльное изданіе, выходившее подъ редакціей Якова Фишера, Пресбургъ, 1875, 8° (См. Hebr. Bibl. XV, 49).

41. Га-іона (голубь), также подъ заглавіемъ: Die Taube, Zeitschrift für die Wissenschaft des Judenthums — изданіе, предпринятое Сеніоромъ Закcомъ-Кейданскимъ, Берлинъ, 1851, 8°. Въ первомъ и единственномъ выпускѣ этого журнала, кромѣ издателя, участвовали Х. З. Слонимскій и М. Штейншнейдеръ, изслѣдованія коихъ относятся къ вопросу о происхожденіи еврейской системы календарныхъ вычисленій.

42. Іенъ Левановъ (Ливанское вино) — литературное прибавленіе къ газетѣ Левановъ (№ 53), заключающее неизданныя еще рукописи Парижской публичной библіотеки и частной библіотеки барона Гинцбурга и изданное І. Брилемъ, Парижъ, 1866, 8°. Вышелъ только одинъ выпускъ, въ ко-

торый вошли соч. Маймонида, Давида Рока-Мартина и Іосифа Забары, съ предварительною замѣткою Сеніора Закса.

43. Іерушалаіимъ (Іерусалимъ) — Сборникъ научныхъ статей и литературныхъ писемъ, изданный Я. Бодекомъ, А. М. Моромъ и Н. Фишманомъ, и изъ котораго появились три выпуска, Жолкіевъ. 1844. Львовъ и Прага 1845, 8°. Кромѣ только-что названныхъ издателей, въ этомъ изданіи участвовали: В. Блюменфельдъ, Г. Брехеръ, М. С. Гиронди, А. Наткесъ, М. Стрелискеръ и др.

44. Га-яреахъ (Луна) — ежемѣсячный (?) журналъ консервативнаго направленія, изданный А. Зискиндомъ, s. l. (Кенигсбергъ?), 4°. Видѣнный мною выпускъ (№ 6) помѣченъ датою тамузъ 5632 (іюль, 1872). Литературный отдѣлъ его носитъ заглавіе: Мегедъ іерахимъ, а подписанныя имена сотрудниковъ суть: І. Л. Акерманъ, Б. Берковичъ, раввинъ Исаакъ Аронъ и др.

45. Іешурунъ I (Іесурунъ) — названіе учено-критическаго журнала, предпринятаго знаменитымъ С. Л. Рапопортомъ, при сотрудничествѣ С. Д. Луццатто, И. С. Реджіо и др. Въ 1836 году Рапопортъ велъ переписку объ этомъ предпріятіи со своими друзьями и съ австрійскимъ цензоромъ въ Прагѣ. Что помѣшало выходу этого журнала — мнѣ неизвѣстно.

46. Іешурунъ II (Іесурунъ), также подъ заглавіемъ: Ieschurun, Zeitschrift für die Wissenschaft des Iudenthums—издается І. Кобакомъ, Львовъ, 1856 — 1858 (ч. 1—2). Бреславль, 1859 (ч. 3-я), Фюртъ, 1864—1866 (ч. 4, 5), Бамбергъ, 1868—1878 (ч. 6—9), 8°. Въ первыхъ частяхъ этого журнала помѣщены, между прочимъ, труды С. Л. Рапопорта и С. Д. Луццатто, въ слѣдующихъ—принимали участіе: А. Г. Вейсъ, С. Х. Гальберштамъ, І. Л. Дукесъ, Д. Оппенгеймъ, Я. Рейфманъ и мн. др. Начиная съ третьей части, журналъ этотъ выходитъ также и понѣмецки, а помѣщенныя въ еврейскомъ отдѣлѣ рукописи издаются также отдѣльно подъ заглавіемъ Гинзе нистаротъ (см. № 25).

47. Кебодъ га-Леванонъ (честь или краса Ливана)— литературное прибавленіе къ еженедѣльной газетѣ Га-Леванонъ (см. № 53).

48. Кохбе Ицхакъ (звѣзды Исаака), также подъ заглавіемъ: Kochbe Iizchak, eine Sammlung hebräischer Aufsätze, literarhistorischen, philologischen, exegetischen und poetischen Inhalts — журналъ, изданный Менделемъ Штерномъ, Вѣна 1845 — 1869, 8°; всего 36 книжекъ, а по смерти издателя М. Вейсманъ-Хаіесъ издалъ еще одну (37-ю) книжку въ 1873-мъ году. Первыя части этого періодическаго изданія, наполненныя исключительно никуда негодной экзегетикой и дѣтскими безвкусными стихотвореніями, лишены почти всякаго научнаго и литературнаго значенія; въ послѣдующихъ же частяхъ, рядомъ съ незначительными произведеніями попадаются также труды С. Д. Луццатто, женщины-поэта Рахили Морпурго, С. Пинскера, С. Робина, Л. Эйзлера и мн. др. ученыхъ.

49. Га-Кохабимъ (звѣзды), также подъ заглавіемъ: Га-кеховимъ (sic), или литературное политическое изданіе, издаваемое І. М. Вольманомъ, Вильна, 1865, 8°. Появился только одинъ выпускъ, въ которомъ помѣщены произведенія А. Б. Готлобера, Д. Луріе, Я. Рейфмана, С. Робина, К. Шульмана и др.

50. Керемъ хемедъ (пріятный виноградникъ), послѣднія части носятъ также заглавіе: Kerem Chemed, Briefe und Abhandlungen, die jüdische Literatur und die mit ihr verwandten Wissenschaften betreffend—самый важный (послѣ 4-хъ послѣднихъ частей Биккуре га-иттимъ, см. № 15) изъ всѣхъ еврейскихъ періодическихъ изданій въ учено-критическомъ отношеніи (преимущественно 4—7 части, редижированныя С. Л. Рапопортомъ), Вѣна, 1833—1836 (ч. 1—2), Прага, 1838—1843 (ч. 3—7), Берлинъ, 1854 — 1855 (ч. 8—9), 8°, изъ коихъ первыя семь частей были изданы С. Л. Гольденбергомъ, изъ Тарнополя, а послѣднія двѣ — Сеніоромъ Заксомъ. Въ первыхъ семи частяхъ, кромѣ Рапопорта, которому принадлежала въ нихъ львиная доля, главными сотрудниками его были С. Д. Луццатто и И. С. Реджіо. Сверхъ того, въ нихъ помѣстили свои труды Н. Крохмалъ, Х. З. Слонимскій, М. Заксъ, Л. Цунцъ и др. Въ послѣднихъ двухъ частяхъ приняли участіе: И. Бемеръ, А. Гейгеръ, А. Іеллинекъ, И. Бенякобъ, А. Лебенсонъ, Г. М. Пинелесъ, С. Пинскеръ, М. Плунгянъ, Х. З. Слонимскій и др.

51. Керемъ хемедъ II (пріятный виноградникъ)—названіе литературнаго отдѣла въ періодическомъ изданіи подъ заглавіемъ Нога га яреахъ; см. ниже (№ 77).

52. Га-Кармелъ (Кармель) — еженедѣльное политико-

литературное изданіе, подъ редакціей С. И. Фина, Вильна, 1860—1870, 4⁰. Литературный отдѣлъ этого журнала носилъ заглавіе Га-шаронъ (Саронъ). Сверхъ того, нѣкоторое время при немъ выходили русскія и (весьма рѣдко) нѣмецкія приложенія. Начиная съ 1871-го года, изданіе это превратилось въ ежемѣсячное, чисто литературное, причемъ впродолженіе 8-ми лѣтъ журналъ появлялся неаккуратно, и только въ текущемъ году, благодаря соучастнику въ редакціи Х. Л. Маркону, сталъ выходить своевременно. Кромѣ самого редактора, въ изданіи въ разное время принимали участіе: И. В. Шерешевскій, Х. Л. Каценеленбогенъ, М. С Антокольскій и вышеназванный Марконъ. Изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ назовемъ: А. Б. Лебенсона, Я. Рейфмана, М. Страшуна, С. Бобера, С. Гальберштама, М. Плунгяна, Л. Гордона, К. Шульмана, С. З. Залькинда, С. Закса и мн. др. Русскій же отдѣлъ въ разное время редижировали: О. Воль, А. Пумпянскій, Г. Вербловскій, Л. Леванда и др.

53. Га-леванонъ (Ливанъ) — журналъ, издаваемый I. Брилемъ, выходилъ сперва въ Іерусалимѣ ежемѣсячно, 1863—1864, 12 выпусковъ, f⁰, затѣмъ еженедѣльно въ Парижѣ четыре года, 1865—1868, 8⁰, затѣмъ (въ Парижѣ же) 1869—1870, 4⁰, а начиная съ 1872-го года выходитъ въ Майнцѣ, подъ номинальной редакціей раввина М. Лемана, 4⁰. Направленіе журнала—консервативное, причемъ однако крайне-консервативная партія (какъ напр. сотрудники журнала Га-яреахъ, № 44) недовольна имъ, находя, что онъ недостаточно ортодоксаленъ. Литературный отдѣлъ въ этомъ изданіи носитъ заглавіе Кебодъ га-Леванонъ (см. выше № 47).

54. Луахъ га-шана (годичный календарь) — другое названіе сборника съ календаремъ, озаглавленнаго Биккуре га-шана (см. выше № 18).

55. Га-меасефъ (сборникъ) — первый учено-литературный еврейскій журналъ, на древне-еврейскомъ языкѣ, предпринятый учениками и сподвижниками Моисея Мендельсона. Выходилъ сперва въ Кенигсбергѣ, 1783—1786 (ч. 1—3), затѣмъ въ Берлинѣ, 1788—1790 (ч. 4—6), въ Бреславлѣ, 1794 (ч. 7-я), опять въ Берлинѣ, 1809 (ч. 8-я), въ Гамбургѣ, 1810 (ч. 9-я) и въ Дессау, 1811 (ч. 10-я), 8⁰. Первыми редакторами и издателями, подписавшимися на объявленіе объ изданіи журнала, были: Ицикъ Эйхель, Мендель Бреслау, Симонъ Фридлендеръ и Занвель Фридлендеръ; впослѣдствіи въ редакціи принимали участіе: Іоель Бриль, А. Вольфсонъ, Шаломъ Когенъ и др. Кромѣ нихъ, болѣе или менѣе дѣятельное участіе принимали: самъ Мендельсонъ, Гартвихъ Вессели, Давидъ Фридлендеръ, Барухъ Линдау и др. По временамъ къ журналу прибавлялся также отдѣлъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Zugabe zu der hebräischen Monatsschrift. „Der Sammler". Первоначальное направленіе журнала было преимущественно беллетристическое, причемъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду возбуждать въ еврейскомъ юношествѣ любовь къ древне-еврейскому языку (почему издатели и назывались Хебратъ дорше ве-шохаре лашонъ эверъ, обществомъ любителей еврейскаго языка), обращать вниманіе читателей на красоту библейской поэзіи и развивать вообще у евреевъ эстетическій вкусъ; но затѣмъ издатели стали обращать также вниманіе и на современные вопросы и по временамъ полемизировали съ обскурантами. Меасефъ пользовался у евреевъ новаго направленія такою популярностью, что черезъ сорокъ лѣтъ, когда началъ выходить въ Вѣнѣ журналъ Биккуре га-иттимъ (см. выше № 15), издатель нашелъ нужнымъ прилагать къ каждой книжкѣ новаго своего изданія извлеченіе изъ Меасефа подъ заглавіемъ Мибхаръ га-Меасефъ (избранныя мѣста изъ Меасфа). О второмъ изданіи журнала см. слѣдующій нумеръ.

56. Га-меасефъ II (сборникъ), также подъ заглавіемъ: Der Sammler, Jahrbücher der hebräischen Literaturfreunde in Königsberg. Zweite vollständige, mit neuen Beilagen vermehrte Ausgabe — второе изданіе предыдущаго журнала съ прибавленіями Макса Леттериса, Вѣна, 1862, 8⁰. Прибавленія новаго изданія носятъ заглавіе Носафотъ, и въ первомъ (вѣроятно единственномъ) томѣ, который удалось мнѣ видѣть, въ Меасефѣ за 1784 годъ, въ прибавленіяхъ помѣщены: біографіи Ицика Эйхеля и Нахмана Крохмаля, стихотворенія и другія произведенія Леттериса, равно какъ и литературныя письма другихъ извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ.

57. Га-меасефъ III (сборникъ), также подъ заглавіемъ: Der Sammler, bibliographische Monatsschrift zur Orientirung für

den jüdischen Buchhandel—біографическое изданіе на еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ Х. Д. Липпе, Вѣна 1874, 8⁰. Изданіе это возобновлено въ этомъ году подъ названіемъ Асафъ Гамазкиръ тѣмъ же издателемъ.

58. Меасефъ ниддахимъ (собраніе разсѣяннаго)—ежемѣсячное литературное прибавленіе къ газетѣ Га-Мелицъ (см. № 74), издаваемое пишущимъ этихъ строкъ, С.-Петербургъ 1878—1879, 4⁰. Цѣль этого изданія, главнымъ образомъ, познакомить ученыхъ съ еврейскими и арабско-еврейскими рукописями, хранящимися въ здѣшней Имп. Публичной Библіотекѣ.

59. Мибхаръ га-меасефъ (избранныя мѣста изъ журнала Га-меасефъ) — печатались въ журналѣ Биккуре га-иттимъ (см. № 15 и № 55).

60. Га-маббитъ (наблюдатель), также подъ заглавіемъ: Der Beobachter—еженедѣльная газета, издаваемая П. Смоленскимъ, Вѣна, 1878, f⁰. При газетѣ выходитъ особый отдѣлъ, посвященный естественнымъ наукамъ и озаглавленный Га-тебель вицурега (вселенная и всѣ ея созданія).

61. Га-мебассеръ I (вѣстникъ) — журналъ, издававшійся въ Ливорно, въ 1861-мъ году, 8⁰; см. каталогъ еврейскихъ книгъ, находящихся въ Британскомъ музеѣ (Zedner's Catalogue, London 1867, p. 632). Редакторъ журнала тамъ не названъ по имени.

62. Га-мебассеръ II (Вѣстникъ) — еженедѣльная газета, политическая и литературная, издаваемая А. И. Менкесомъ (въ первые два года совмѣстно съ І. Коренъ-Цедекомъ), Львовъ 1861—1870, f⁰ и 4⁰. Въ первые два года литературный отдѣлъ этого изданія носилъ заглавіе Га-нешеръ, (орелъ) и издавался подъ редакціей І. Когенъ-Цедека, см. ниже (№ 80).

63. Мегедъ іерахимъ I (драгоцѣнные плоды луны) —журналъ, издававшійся Іосифомъ Когенъ-Цедекомъ, Львовъ, 1855—1857, 8⁰; всего вышли, какъ кажется, четыре книжки, вполнѣ сходныя по характеру и направленію съ изданіемъ того же редактора, отмѣченнымъ выше подъ № 2-мъ.

64. Мегедъ іерахимъ II — такъ назывался литературный отдѣлъ въ журналѣ Га-яреахъ; см. выше (№ 44).

65. Га-магидъ (вѣстникъ) — еженедѣльная газета, политическая и литературная, издаваемая подъ редакціей раввина Эліазара Зильбермана, Лыкъ (въ восточной Пруссіи), 1857—1879, f⁰. Въ редакціи принималъ первоначально дѣятельное участіе Израиль Бемеръ; нынѣ же состоитъ главнымъ сотрудникомъ, преимущественно по отдѣлу естественныхъ наукъ, Давидъ Гордонъ. Несмотря на то, что газета эта издается только 23-й годъ, она однако самая старшая изъ еврейскихъ еженедѣльныхъ изданій на древне-еврейскомъ языкѣ, и имѣетъ многочисленныхъ сотрудниковъ во всѣхъ странахъ. Литературный отдѣлъ этого изданія носитъ заглавіе Га-цофе (наблюдатель).

66. Магидъ мишне I (двойной вѣстникъ) — періодическое изданіе М. Вейсмана Хаіеса; о немъ не имѣю другихъ свѣдѣній, кромѣ указанія въ 37-мъ выпускѣ Кохбе Іицхакъ (стр. 13 въ примѣчаніи), гдѣ только сказано, что за неимѣніемъ подписчиковъ изданіе это, по выходѣ двухъ выпусковъ, прекратило свое существованіе.

67. Магидъ мишне II (двойной вѣстникъ) — еженедѣльная научно-литературная газета, издаваемая подъ редакціей Давида Гордона, Лыкъ, 1879, f⁰. Редакторъ состоитъ также сотрудникомъ въ изданіи газеты Га-магидъ; см. выше (№ 65).

68. Михтебе бне кедемъ (восточныя письма), также подъ заглавіемъ: Neuer hebräisch - deutscher Briefsteller — изданъ Максомъ Леттерисомъ, Вѣна, 1866, 8⁰. Вторая и третья части этого письмовника составляютъ учено-литературныя письма С. Л. Рапопорта, С. Д. Луццатто, Н. Крохмаля, Г. Делаторре, И. С. Реджіо, С. Блоха, и мн. др.

69. Михтебе ибритъ (еврейскія письма), также подъ заглавіемъ: Hebräisch - deutscher Briefsteller — изданъ тѣмъ же Максомъ Леттерисомъ, Вѣна (Пресбургъ), 1868, 8⁰, при чемъ издателемъ (собственный письмовникъ составленъ Шаломомъ Когеномъ и М. С. Нейманомъ) прибавлена третья часть, содержащая литературныя письма Моисея Мендельсона, Гартвиха Весели, С. Л. Рапопорта, С. Д. Луццатто, С. Блоха, И. Эртера, Н. Крохмаля, И. С. Реджіо, самого Леттериса и мн. др.

70. Михтебе сефатъ кодешъ (письма на священномъ языкѣ) — собраніе писемъ и статей, подобное двумъ преды-

дущимъ, изданное Эмануиломъ Бонди, Прага, 1857, 8° (третье изданіе, отмѣченное Бенякобомъ).

71. Михтабимъ (письма) — такое же собраніе литературныхъ писемъ, изданное Максомъ Леттерисомъ, Львовъ, 1827, 8°. Эти письма частью были перепечатаны въ Керемъ хемедѣ (см. № 50) и въ сборникахъ самого Леттериса, отмѣченныхъ выше подъ №№ 68—69-мъ.

72. Мело хофнаимъ (полная пригоршня) — извлеченія изъ древнихъ рукописей, изданныя раввиномъ Авраамомъ Гейгеромъ, Берлинъ, 1839, 8°. Къ посланію И. С. Дельмедиго, открывающему настоящее собраніе, издатель приложилъ жизнеописаніе Дельмедиго и обширное объясненіе посланія его на нѣмекомъ языкѣ, гдѣ заключается много критико-литеритурныхъ замѣчаній.

73. Мильхама бешаломъ (мирная война)—полемическое изданіе, направленное противъ еврейскихъ реформаторовъ и защищающее старое направленіе. Видѣнный мною выпускъ значится третьимъ и напечатанъ въ Вильнѣ, 1870, 4°. Издатели называютъ себя Хаверимъ маццикеи га-раббимъ (товарищи для распространенія набожничества), а авторы статей подписываютъ свои имена сокращеніями, какъ напр. Кмг, Галом, Іошер и т. п.

74. Га-мелицъ (посредникъ),—еженедѣльная газета, политическая и литературная, издаваемая Александромъ Цедербаумомъ, Одесса, 1860—1870, Спб. 1871—1873, 1878—1879, 4°. Въ началѣ въ газетѣ иногда помѣщались и статьи на нѣмецкомъ языкѣ, почему она носила также и нѣмецкое заглавіе: Ein Centralorgan für jüdische Angelegenheiten. Главнымъ помощникомъ въ изданіи—д-ръ А. И. Гольденблюмъ. Съ 1878-го года литературный отдѣлъ газеты выходитъ подъ редакціей пишущаго этихъ строкъ и носитъ заглавіе Меасефъ ниддахимъ, см. выше (№ 58).

75. Меорере іешенимъ (будители спящихъ), также подъ названіемъ Hebräisch-antiquarische Gesellschaft (The Hebrew Antiquarian Society) — такъ называлось общество, основанное въ началѣ 50-хъ годовъ нашего столѣтія въ Лондонѣ, съ цѣлью изданія древнихъ еврейскихъ рукописей, хранящихся въ различныхъ европейскихъ библіотекахъ. Душою общества и едва ли не единственнымъ дѣятельнымъ его членомъ былъ Гершель Филиповскій (польскій еврей, поселившійся въ Великобританіи), Въ промежутокъ времени 1851—1855, отъ имени этого общества Филиповскій издалъ нѣкоторыя весьма важныя рукописныя сочиненія, а именно: Сеферъ га-иббуръ Авраама Наси, Махберетъ Менахема Ибнъ-Сарука, Тешуботъ Донаша Ибнъ-Либрата, Іухасинъ Авраама Закутто и Мацрефъ Ла-кесефъ Азаріи деи Росси.

76. Мекице Нирдамимъ (будители дремлющихъ)—названіе другого общества съ таковою же цѣлью, основаннаго издателемъ газеты Га-магидъ, Эліазаромъ Зильберманомъ, при содѣйствіи С. Д. Луццатто, М. Закса, М. Страшуна, А. Кона и др. Въ промежутокъ времени 1864—1874, отъ имени этого общества напечатаны нѣкоторыя полезныя сочиненія, какъ напр. нѣсколько томовъ соч. Пахадъ Іицхакъ раввина Исаака Лампронти, Тешуботъ га-геонимъ, часть Дивана славнаго поэта Іегуды Галеви (съ примѣчаніями С. Д. Луццатто), новое путешествіе по Южной Аравіи, подъ названіемъ Эбенъ саппиръ палестинскаго паломника Якова Саппира, Виккуахъ аль га-агава (Dialoghi di Amore) Іегуды Абарбанеля, и мн. др. кн.

77. Ногага-иреахъ (блескъ луны), также подъ заглавіемъ: Nogah Hajareach, Organ für Wissenschaft, Religion und Bildung — журналъ этотъ издавался подъ редакціей Беринша Гольденберга, Львовъ, 1871—1873, 8°, и выходилъ десятью выпусками въ годъ, да сверхъ того еще два приложенія, подъ названіемъ Керемъ хемедъ; см. выше (№ 50) и Hebr. Bibl. XI, 85. XIII, 97.

78. Нософотъ (приложенія) — изданы М. Леттерисомъ какъ прибавленіе къ Меасефу; см. выше (№ 16).

79. Нитенааманимъ (милыя растенія), также подъ заглавіемъ: Sammlung aus alten schätzbaren Manuscripten — сборникъ, изданный С. Л. Гейльбергомъ, Бреславль, 1847, 8°. Въ этомъ сборникѣ, который собственно вышелъ подъ редакціей Авраама Гейгера, заключаются статьи и отрывки изъ сочиненій Нисима Гаона, Іосифа Кары, Моисея Ибнъ-Эзры, Моисея Маймонида и др. Кромѣ критическихъ примѣчаній на еврейскомъ языкѣ, Гейгеръ присовокупилъ еще въ концѣ сборника об-

ширную статью о трактуемыхъ въ сборникѣ предметахъ подъ заглавіемъ: Beiträge zur jüdischen Literaturgeschichte.

80. Га-нешеръ (орелъ)—еженедѣльная литературная газета, выходившая сначала (1861—1863) какъ приложеніе къ газетѣ Га-мебассеръ (см. выше № 62), а начиная съ 1864-го года (по 1872 годъ?) отдѣльно подъ редакціей Іосифа Когенъ-Цедека, 4°.

81. Га-ибри (еврей) — еженедѣльная газета, политическая и литературная, основанная Борухомъ Верберомъ и издаваемая нынѣ сыномъ его Яковомъ, Броды, 1865—1879, 4°. Довольно странно въ библіографическомъ отношеніи является то обстоятельство, что эта газета носитъ также названіе Ибри анохи (я еврей), причемъ оба названія мѣняются по-очередно, такъ что одинъ № носитъ одно названіе, а слѣдующій № второе названіе.

82. Ибри анохи (я еврей)—другое названіе газеты Га-ибри: см. предыдущій нумеръ.

83. Алегадасъ (миртовые листья)—сборникъ литературныхъ писемъ, статей и замѣтокъ, изданный подъ редакціей М. А. Белинсона, Одесса, 1865, 8°; всего вышли четыре выпуска.

84. Га-этъ (время) — періодическое изданіе, о которомъ не имѣю никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ того, что оно цитуется въ 37-мъ выпускѣ журнала Кохбе Іицхакъ (стр. 92 въ примѣчаніи, гдѣ упоминается № 6-й второго года этого изданія); по всей вѣроятности оно выходило (или выходитъ?) въ Галиціи.

85. Плетатъ соферимъ (спасеніе писателей)—богословско-гомилетическое изданіе, предпринятое раввиномъ Гешелемъ Левинымъ, Вильна, 1863, f°. Корреспонденція издателя съ другими раввинами помѣщена въ особомъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ Сафа ленееманимъ (уста вѣрныхъ). Изданіе это остановилось, кажется, на первомъ выпускѣ.

86. Пеулатъ цаддикъ лехаіимъ (дѣйствія праведнаго для жизни) — другое названіе изданія Дабаръ беитто; см. выше (№ 26).

87. Пирхе цафонъ (сѣверные цвѣты)—учено-литературный журналъ, изданный подъ редакціей Э. Л. Гурвича и С. И. Фина, Вильна, 1841—1844, 8°. Это самое старшее еврейское періодическое изданіе въ Россіи. Кромѣ издателей, въ журналѣ участвовали: А. Б. Лебенсонъ, И. А. Бенякобъ, М. Страшунъ, Ц. Г. Каценеленбогенъ и сынъ его Х. Л. Каценеленбогенъ, М. А. Гинцбургъ, М. Натанзонъ, Іуда Клячко (извѣстный нынѣ политическій писатель Юліанъ Клячко) и мн. др.

88. Притоэлетъ (полезные плоды)—другое названіе изданія подъ названіемъ Биккуре тоэлетъ, см. выше (№ 19). Вышло также подъ редакціей С. Мульдера, Амстердамъ, 1825 8°.

89. Га-цофе (наблюдатель) — названіе литературнаго отдѣла въ газетѣ Га-магидъ; см. выше (№ 65).

90. Ціонъ I (Сіонъ), также подъ латинскимъ заглавіемъ: Zion, ephemerides hebraicae, sive collectio dissertationum, maxime theologicarum, variorumque hebraicorum scriptorum, ad ordinem mensium lunarium disposita — ежемѣсячный учено-литературный журналъ, изданный М. И. Іостомъ и М. Крейценахомъ, Франкфуртъ на Майнѣ, 1840—1842, 8°. Этотъ журналъ былъ преимущественно посвященъ критическимъ статьямъ въ области еврейскаго богословія. Кромѣ издателей, въ этомъ изданіи участвовали своими трудами: Р. Кирхгеймъ, С. Д. Луццатто, З. Іолешъ, Я. Айхенбаумъ, Л. Дукесъ. Ц. Г. Хаіесъ и мн. др.

91. Ціонъ II (Сіонъ) — попытка продолжать предыдущій журналъ, подъ редакціей Якова Гольденталя, Лейпцигъ, 1845, 8°. Вышелъ только одинъ выпускъ.

92. Га-цефира I (заря)— литературно-беллетристическое изданіе, вышедшее подъ редакціей Макса Леттериса, Лейпцигъ, 1824, 8°. Это изданіе назначалось, какъ сказано на заглавномъ листѣ, для польскихъ и русскихъ евреевъ, и, кромѣ издателя, въ немъ участвовали: Я. С. Быкъ, Х. Гинцбургъ, А. Гольдбергъ, І. Л. Мизесъ и др. Изданіе это остановилось на первомъ выпускѣ.

93. Га-цефира II (заря) — еженедѣльная газета, издаваемая Х. З. Слонимскимъ, Варшава, 1862, Берлинъ, 1874—1875, Варшава, 1875—1879, 4° и f°. Кромѣ политики, газета посвящена преимущественно популяризаціи естественныхъ наукъ между евреями.

94. Цефиратъ тифара (прелестная заря или прелестное сіяніе) — еврейское ежемѣсячное приложеніе къ нѣмецкому журналу Wiener Blätter, изданному подъ редакціей Макса

Леттериса, Вѣна, 1850 (?), 8⁰; всего вышли 12 выпусковъ (Zedner, Catalogue p. 632).

95. Кебуцатъ хахамимъ (собраніе мудрецовъ), также подъ заглавіемъ: Wissenschaftliche Aufsätze in hebräisch-talmudischer Sprache, enthalten Geschichte, Exegese und Dogmatik—сборникъ литературно-критическихъ статей и извлеченій изъ древнихъ рукописей, изданный В. Варнгеймомъ, Вѣна, 1861, 8⁰. Настоящій издатель и редакторъ этого сборника—С. З. Штернъ, и, кромѣ него, участвовали своими трудами: С. Л. Рапопортъ, С. Буберъ, Я. Гольденталь, Ю. Фюрстъ, Я. Рейфманъ, и мн. др.

96. Га-когелетъ (сборникъ)—періодическое изданіе, извѣстное мнѣ только по цитатѣ въ 37-мъ выпускѣ журнала Кохбе Іицхакъ (стр. 53), гдѣ сказано, что издателемъ этого изданія состоитъ какой-то г. Фельдбау.

97. Кобецъ маасе еде геонимъ кадмонимъ (собраніе произведеній древнихъ гаоновъ) — сборникъ статей и извлеченій изъ древнихъ рукописей, изданный І. Розенбергомъ, Берлинъ, 1856, 8⁰. Въ этомъ сборникѣ заключаются между прочимъ: Комментаріи Гая Гаона на Мишну (отдѣлъ Тагаротъ), литургическія произведенія Іосе бенъ Іосе, Саадіи Гаона, Ильи Закена, Іосифа Ибнъ-Абитура, съ примѣчаніями М. Закса, С. Д. Луццатто, С. З. Штерна, Я. Рейфмана и Х. Я. Унгера.

98. Га-коль (голосъ) — газета, издаваемая М. Л. Родкинсономъ (Фрумкинымъ), Кенигсбергъ, 1876 — 1879, 4⁰. Газета эта сначала выходила разъ, а нынѣ два раза въ недѣлю. При ней выходитъ, начиная съ 1878 года, ежемѣсячный сборникъ Асифатъ хахамимъ (см. выше № 8), какъ приложеніе.

99. Коль га-этъ (голосъ времени)—еженедѣльная газета, политическая и литературная, изданная М. Шульбаумомъ, Львовъ. 1870—1871, 4⁰ (см. Hebr. Bibl. XI, 1).

100. Кикаіонъ іона (дивное дерево Іоны) — изданіе, предпринятое Сеніоромъ Заксомъ, Парижъ, 1860, 8⁰. Собственно, это была попытка возстановленія стараго изданія того же ученаго подъ названіемъ Га-іона (см. выше № 41), но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, и изданіе остановилось на означенномъ выпускѣ.

101. Га-роэ (наблюдатель) — полемическое изданіе, направленное противъ С. Л. Рапопорта, С. Д. Луццатто и И. С. Редждіо, изданное Я. Бодекомъ, А. М. Моромъ, Я. Менчемъ и Н. Фишманомъ, Львовъ, 1837 и Офенъ, 1839, 8⁰. Такъ-какъ главною цѣлью издателей были личные нападки на вышеназванныхъ ученыхъ, то наука почти ничего не выиграла отъ ихъ критики, развѣ только косвеннымъ путемъ, отъ статей Рапопорта въ Керемъ хемедъ (см. выше № 50), служащихъ отвѣтомъ на ихъ мнимую критику.

102. Седе цофимъ (поле для наблюдателей) — сборникъ научно-литературныхъ статей, изданный М. Вольфомъ, Львовъ, 1860, 8⁰. Въ этомъ сборникѣ помѣщены труды М. Дубса, А. Крохмаля, С. Модлингера и др. (Hebr. Bibl. IV, 7).

103. Шомеръ ціонъ га-неемань (вѣрный стражъ Сіона) — изданіе. выходившее какъ приложеніе къ нѣмецкому журналу: Der treue Zionswächter, изданному подъ редакціей С. І. Эноха, Альтона, 1846—1855, 8⁰. Всего изъ еврейскаго изданія напечатаны пять выпусковъ, и, какъ нѣмецкій журналъ, къ коему они служили приложеніемъ, отличаются строго-консервативнымъ направленіемъ.

104. Га-шахаръ (разсвѣтъ)—ежемѣсячный журналъ, издаваемый П. Смоленскимъ, Вѣна, 1869—1879, 8⁰. Сотрудники этого періодическаго изданія, большею частью русскіе и австрійскіе евреи, въ своихъ нападкахъ на раввиновъ и на консерваторовъ, не всегда пользуются умѣренностью. Впрочемъ, въ немъ помѣщены много серьезныхъ научныхъ трудовъ, какъ напр. С. Бубера, І. Визнера, Р. Кирхгейма, Д. Мюллера, Я. Рейфмана, П. Франкля и мн. др., и весьма желательно, чтобъ это во всякомъ случаѣ почтенное изданіе отвело больше мѣста трудамъ послѣдняго рода преимущественно предъ издѣліями разныхъ странствующихъ рыцарей и шарлатановъ-обличителей.

105. Шоаре ціонъ (врата Сіона), также подъ французскимъ заглавіемъ: Les portes de Sion—еженедѣльный журналъ (?) издаваемый Израилемъ Гощиннымъ, Іерусалимъ, 1876 — 1877 (1879?), 4⁰. Объ этомъ журналѣ я не имѣю другихъ данныхъ, кромѣ тѣхъ неполныхъ, которыя сообщены въ Hebr. Bibl. (XVI 74. XVII, 50).

106. Сафале-неемани́мъ (уста вѣрныхъ)—названіе приложенія къ изданію Плетатъ соферимъ; см. выше (№ 85).

107. Га-шаронъ (Саронъ) — названіе литературнаго отдѣла въ газетѣ Га-кармель; см. выше (№ 52).

108. Тебуна (разумъ)—періодическое изданіе, посвященное богословію, гомилетикѣ и нравоученію, изданное раввиномъ Израилемъ Салантеромъ (Липкинымъ), Мемель. 1861, 4°. Объявлено было сначала, что изданіе это будетъ еженедѣльное, состоящее изъ 50 выпусковъ въ годъ; сколько ихъ вышло — мнѣ неизвѣстно. Кромѣ издателя, участвовали еще раввины Іехіель Геллеръ изъ Плунгянъ, Самуилъ Тосфаа изъ Карлина и др.

109. Га-тебель вицурега (вселенная и ея созданія)—названіе литературнаго отдѣла въ газетѣ Га-маббитъ; см. выше (№ 60).

110. Га-торъ (опредѣленное время, или горлица?), также подъ заглавіемъ: Hator, Organ für die Interessen des orthodoxen Judenthums, издаваемый А. Генцлеромъ и М. Сигетомъ Объ этомъ изданіи я не имѣю другихъ данныхъ, кромѣ помѣщенныхъ въ Га-меасефъ Липпе (см. выше № 57), стр. 19.

111. Га-техія (воскрешеніе), также подъ заглавіемъ: Ha-Techijja. Wiederbelebung alter jüdischer Autoren und Werke, mit besonderer Berücksichtigung auf (sic) die Religionsphilosophie des Mittelalters—извлеченія изъ древнихъ рукописей съ объясненіями, изданныя подъ редакціей Сеніора Закса, Берлинъ, 1850—1857, 8°. Всего вышло два выпуска, изъ коихъ второй неоконченъ.

СПИСОКЪ ЛИЦЪ

ПРІОБРѢВШИХЪ

VI томъ „Еврейской Библіотеки“.

Аккерманъ.

1. Гринштейнъ, И.
2. Гуткинъ, А.
3. Михаловичъ І.
4. Рейхманъ, А.
5. Сапира, Я.
6. Шапира А.

Александрія. Херс. губ.

7. Гуревичъ Г.

Александровскъ Екат. губ.

8. Юровскій, Л.

Баускъ.

9. Сегаль, Ш.

Бердичевъ.

10. Пессисъ, Х.

Березное.

11. Кравецъ, равв.

Бердянскъ.

12. Луцкій, Г. Б.
13—17. Мульмачъ равв.

Богуславъ.

18—20. Лоевъ, М. Х. 3.

Брянскъ.

21. Дунаевскій, Р. С.
22. Городской клубъ.

Бѣлая Церковь.

23. Розенталь, Г. И.

Бѣлостокъ.

24. Волковыскій.

Варшава.

25. Бернштейнъ, И.
26. Волковыскій.
27. Вольпертъ, д-ръ.
28. Зильберштейнъ.
29-58. Цуккерманъ, кн. 30.
59. Шапира, Л.

Винница.

60. Розенсонъ, М.
61-80. Сыркинъ. книг. 20.

Викнича.

81-85. Энгельштейнъ, кн. 5.

Волочискъ.

86. Кригсгаберъ, С.

Воронежъ.

87. Вольпертъ М. М.
88. Майзель, Г. А.
89. Поляковъ, Л. М.

Воронцовск. ст. Ф. ж. д.

90. Виткупъ, Н. А.

Гродно.

91. Андресъ, др.
92. Гринбергъ. М.
93. Райхлинъ.
94. Фрумкинъ, І
95. Эльяшевъ. М. М.

Динабургъ.

96. Невяжскій, З.
97. Рафаловичъ,

Дисна.

98. Іоффе, Д, Б.

Дубровна.

99. Гуревичъ, Н.
100. Евр. Училище.
101. Сокеръ. Н.
102. Тумаркинъ, Б.
103. Уринсонъ, М.
104. Фогельсонъ, И.
105. Фрумкинъ, И.
106. Цукерманъ, З.
107. Шевелевъ, М.

Екатеринославъ.

чрезъ С. М. Станиславскаго
108. Болоховскій, М. Н.
109. Бродскій, О. Я.
110. Верьовъ Х. А.
111. Гольденштейнъ, А. М.
112. Грузенбергъ,
113. Гуревичъ, І. Я.
114. Гуревичъ, М.
115. Дублинскій, М. И.
116. Зевинъ, Я. Б.
117. Коломеицъ, Н.
118. Копуловъ.
119. Липскій, А.
120. Майданскій, М. В.
121. Минцъ, А. Н.
122. Полонскій, Я.
123. Розенкранцъ.
124. Самсовъ.
125. Сандомірскій А. С.
126-127. Синайскій, С. 2.
128. Словензонъ, Л. М.
129. Уманскій, Л. Я.
130-133. Хмѣльницкій А. 4.
134. Чернявскій, Л. О.
135. Шехтеръ, М.
136. Штейнъ, С. Б.
137. Щидровичъ.

Житоміръ.

138. Бинштокъ, Л. М.
139. Виноградъ, Г.
140. Гаммерманъ, С.
141. Гаммерманъ, Ш.
142. Готесманъ, О.
143-148 чрезъ Гурлянда 6.
149. Кулишеръ, И.
150. Розенбергъ, И.
151. Холоденко, Мих.
152. Холоденко, Моис.
153. Чернобылвскій, И.

154. Лурье, И.

Задонскъ.

155. Либензонъ, Б. М.

Землянскъ.

156. Гинцбургъ, А. И.

Иркутскъ.

157. Домбровскій, Я. С.
158. Коппъ, В. М.
159. Шмулевичъ. М. И.

Кенигсбергъ.

160. Russischer Verein.

Керчь.

161-180 чрезъ П. Диккера 20.
181. Зидорфъ, Д.

Кишиневъ.

182. Бернадскій, Я.
183. Боровскій, Ф.
184. Городецкій, А.
185-188. Гринбергъ, 4.
189. Духовная семинарія.
190. Калихманъ, Б.
191. Лившицъ, І.
192. Лившицъ. С.
193-207. Ліонъ, А. 15.
208. Мыщенко, А. Е.
209. Рейдель.

Кіевъ.

210-211. Барскій студ. 2.
212. Барбаумова.
213. Бродскій, Л.
214. Бродскій, Л. И.
215. Гребень.
216. Жуховецкій.
217. Заславскій, Л.
218. Куперникъ, Я.
219. Лейбенкопфъ.
220-221. Мендельсонъ, С. 2.
222. Рабиновичъ, студ.
223. Чернобыльскій, З.
224. Шперъ, П. З.
225. Штильманъ, Е.

Корецъ.

226. Вайнштокъ, В.
227. Вайнштокъ, М,
228. Гершенгорнъ, И.

Либава.

229. Ландау, Г.
230. Ростовскій.

Липецкъ.

231. Готлибовичъ, П. М.

Лодзь.

232. Киссинъ, М.

Люблинъ.

233. Блюмель, Г.
234. Броуманъ, І.
235. Графъ, М.
236. Евр. Попечительство.
237. Зайдманъ, І.
238. Каганъ, Л.
239. Клинковштейнъ, Д.
240. Минцъ, А.
241. Мушкатъ, П.
242. Най, Н.
243. Наймановичъ, Г.
244. Перло, К.
245. Розенблатъ.

246. Розенблатъ, А.
247. Розенблатъ Мальвина.
248. Розенблюмъ, О.
249. Розенталь, Д.
250. Цемахъ, Г.
251. Цукерфайнъ, Ф.
252. Цукеръ, І.
253. Шенкеръ, А.
254. Эндвайсъ, І.

Маріинскъ.

255. Будкевичъ, Р. А.

Маріуполь.

256-266 чрезъ Л.С.Дана 11.

Маяки.

267. Ицковичъ, Д. Л.
268. Ицковичъ, О. Л.

Мелитополь.

269. Бершацкій, А. О.
270. Вургафтъ, Д.
271. Гиммельфарбъ, Ф. В.
272. Каминскій, А. В.
273-277. Кипенъ, А. М.
277. Лукинъ, М. И.
278. Рейзинъ, И. Б.
289. Ридникъ, І. Н.
280. Розенталь, С. А.
281. Топерверхъ, Б. В С.
282. Черномординъ, И..
283. Шпиндлеръ, Я. М.
284. Шустерманъ, Я. Г.

Минскъ.

285. Эліасбергъ, С. А.

Миргородъ.

286. Эпельбаумъ, Б.

Могилевъ губ.

287. чрезъ равв. Кагана. 15.

Москва.

288—289. Добринеръ, Н. 2.
290. Массъ, А. П.

Муромъ.

291. Пескинъ, М. Я.

Мстиславль.

292. Гуревичъ, Г. И.

Николаевъ.

293. Идельсонъ, А.

Новгородъ-Сѣверскъ.

294. Быховскій, Г. Б.

Одесса.

295. Атласъ, С.
296. Вайнштейнъ, Э. И.
297. Кругляковъ, А. Б.
298—396. чрезъ М. Г. Моргулиса.
397. Общество «Бесѣда».
398—399. Общ. Прикащиковъ евреевъ. 2.
400 Пурицъ, С. Ф.
401-425 чрезъ г. Штейнфинкеля. 25.

Оренбургъ.

426. Вейсбергъ.
427. Горинъ Д.
428. Хволлосъ М. И.

Орша.

429-430. Биндлеръ, М. 2.

Острогожскъ.

431. Браунштейнъ, М. Л.

Павловка.

432. Дворкиндъ, Б. И.

Павлоградъ.

433. Черниховъ.

Пенза.

434. Іогихесъ, Н.
435. Рясенцовъ, А. А.

Петербургъ.

436-448. Анисимовъ, книгопрод. 13.
449. Антикъ.
450. Бейлинсонъ, студ.
451. Бененсонъ, Ш. Я.
452-453. Битепажъ, книгопрод. 2.
454. Блохъ, В. В.
455. Богровъ, Г. И.
456-458. Бортневскій, книгопрод. 3.
459. Бредау, Г. М.
460. Вайнштейнъ, И. М.
461. Виленкинъ.
462. Вольфзонъ, К. М.
463-465. Вольфъ, книгопрод. 3.
466. Габриловичъ, Е. О.
467. Габриловичъ, И. А.
468. Габриловичъ, С. О.
469-668. Гинбургъ, Г. О.
669. Гольденбергъ, М. Д.
670-672. Глазуновъ, книгопрод. 3.
673. Гурвичъ, И. К.
674. Гурковъ.
675. Гуровичъ. Н. М.
676. Закъ, А. И.
677. Ильманъ, И.
678. Каганъ, Х.
679-682. Карабасниковъ, книгопрод. 4.
673-687. Кехрибаржи, книгопрод. 5.
688. Коробковъ, И. А.
689. Коробковъ, М. А.
690. Левинсонъ, И.
691. Левинсонъ, С. В.
692. Левитъ, М.
693. Лифшицъ.
694-743. Малкіель, И. М.
744-746. Мамонтовъ, книгопрод. 3.
747-651. Медалія, книг. 5.
752. Мышь, А.
753. Муратовъ.
754. Н. Н.
755. Н. Н.
756-805. Кн. Маг. «Нов. Время». 50.
806. Оршанскій, И. Г.
807. Паппе, И. Б.
808. Песковскій.
809. Розенбертъ, П.
810-829. Стасюлевичъ, книгопрод. 20.
30. Тиктинъ, Г. А.
831-855. Фридландъ, Л. П.
856-870. Фридландъ, М. П.
881-873. Фену и К°, книгопрод. 3.
884-876. Черкесовъ, библіотека. 3.
887. Шапира, К.
888. Шаскольскій. Б.
889. Шмерлингъ, студентка.
890. Штейнфинкель, Б.
891. Штризеверъ.

Пермь.

892-893. Хохловъ, А. Я. 2.

Пинскъ.

894-903. Лурье, А. М. 10.

Полтава.

904-914. Зайднеръ, рав. 11.

Поневѣжъ.

915-918. Пахманъ, Л. 4.

Псковъ.

919. Захеръ, М.

Радзивиловъ.

920. Лернеръ, П.

Рига.

921. Черномординъ, М.
922. Шалитъ.

Ростовъ на Дону.

923. Авербахъ, I. И.
924-925. Волкенштейнъ, I.
926. Гнѣсинъ, Ф. О.
927. Гордонъ, А. Н.
928. Гуревичъ, С. Е.
929. Елыскеръ, М. О.
930. Зелекманъ, И. Г.
931. Идельсонъ, Р. Х.
932. Коганъ, Г. Е.
933. Лившицъ, Б. М.
934. Луцкій, А. О.
935. Рипенбергъ, И. А.
936. Рейнгерцъ, А. Г.
937. Файнъ, М. Е.

Рубановка.

938. Литинскій, А.

Рыбинскъ.

939-941. Авербахъ, И. О. 3.
942. Файнбергъ, Д. Ф.

Ряжскъ.

943. Левинъ, Г.

Самара.

944. Айзенштейнъ, В. Г.
945. Бѣлоцерковскій, Ф. К.
946. Волкенштейнъ, I.
947. Гиршфельдъ.
948. Зелигманъ, Л.
949. Каневскій, Б. С.
950. Копеллянскій, Д. М.
951. Норманъ, Б. С.
952. Селикъ, А. Г.
953. Тейтель, Я. Л.
954. Шефтель, М. Г.

Симферополь.

955. Вургафтъ, Л.
956-957. Сахаровъ, М. 2.

Скопинъ.

958. Капланъ, И. Ѳ.

Славянскъ.

959. Гинцбургъ, М. Д.

Слуцкъ.

960-963. Рубиновичъ, Ф. 4.

Староконстантиновъ.

964. Красносельскій, П. Б.
965. Ландау, А. Б.
966. Френкель, Г.

Таганрогъ.

967. Бродскій, П.

968. Позенъ, А. Д.
969. Шикъ.

Тельши.

970. Берманъ, Е.
971. Нафталинъ, Ц.
972. Ростовскій, Д.
973. Ростовскій, Л.
974. Хазановичъ.

Тимъ.

975. Капланъ, С.

Томскъ.

976. Манасевичъ, Ф. И.
977. Петровъ, И. А.
978. Хаимовичъ, Г. О.
979. Цибульскій, З. М.

Трудовая.

980. Теплинскій, В. М.

Шехманъ.

981. Вороновъ.
982. Файманъ.

Шкловъ.

983. Пескинъ, Я.

Юрбургъ.

984. Саметъ, С. И.

Кромѣ того, Комитетъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями пріобрѣлъ 50 экземпляровъ. — А всего продано 1034 экземпляра.

Въ спискѣ этомъ на стр. I и II вмѣсто „Винница“ слѣдуетъ читать *Вильна*, а вмѣсто „Викнича“ слѣдуетъ читать *Винница*.

ПРИ ТИПОГРАФІИ

А. Е. ЛАНДАУ.

Площадь Большаго Театра, д. № 2—32.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

находится главный складъ слѣдующихъ изданій, продающихся также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы и др.

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ

Г. И. Богрова.

Содержаніе: Часть I. Отецъ и его покровитель. — Страданія дѣтства. — Предковъ обвиняли, а дѣти въ отвѣтѣ.—Любовь, отражающаяся на пейсикахъ.—Бѣдный Ерухимъ.—Высшій классъ.—Кто сильнѣе: холера или цадикъ.—Баголесъ (смуты).—Первая побѣда мысли.—Кабинетъ и университетъ.—Кабачный принцъ и музыка.—Два брака.

Часть II. Новая обстановка.—Первые шипы розы.—Музыкальная теща.—Свой Хлѣбъ.—Единственный.—Изъ огня въ полымя.—Кто виноватъ.—Отецъ и сынъ.—Медвѣжья услуга судьбы.—Похожденія Іерухима.—Жена или тюрьма.

Цѣна 3 руб.

ЕВРЕЙСКІЙ МАНУСКРИПТЪ

Г. И. Богрова.

Содержаніе: Предисловіе.—I. Историческій квартетъ.—II. Необыкновенный подарокъ. — III. Три Коршуна.—IV. Смѣлый наѣздникъ.—V. Панская расправа.—VI. Старая рана.—VII. Бой Пауковъ.—VIII. Исторія Мухи.—IX. Услуга за услугу.—X. За ягненкомъ волки.—XI. Катастрофа.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПОВѢСТИ

А. Бернштейна.

Содержаніе: I. Мендель Гибборъ.—II. Фейгеле Маггидъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Цѣна 1 руб.

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

РАЗСКАЗЫ

Л. О. Леванды.

Содержаніе: I Пэшка.—II. Переполохъ въ Н—ской общинѣ.—III. Пейсы моего меламда.—IV. Школобоязнь.—V. Еврейскій Вертеръ.—VII. За границей.

Цѣна 1 руб.

I. РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ

соч. И. Г. Оршанскаго.

Содержаніе: **Русское законодательство о евреяхъ:** Исключительность юриди-
ческаго положенія евреевъ въ Россіи. — Борьба съ еврейскимъ прозели-
тизмомъ.—Характеръ вѣротерпимости русскаго законодательства. — Охраненіе
христіанства отъ вліянія еврейской религіи. — Организація еврейскаго религі-
ознаго быта. — Еврейская семья.—Изолированность евреевъ. — Необходимость
реформы нашего гражданскаго права по отношенію къ еврейской семьѣ.—
Заботы государства о спасеніи евреевъ.—Христіанская буржуазія и еврейская
конкурренція. — Казенный интересъ и евреи — Царствованіе Екатерины. —
Мотивы русскаго законодательства о евреяхъ. — **Къ исторіи „положенія для
евреевъ" 1804 г. — Замѣтки о юридическомъ бытѣ евреевъ:** Очеркъ законода-
тельныхъ мѣръ относительно евреевъ въ послѣдніе годы. — О предполагаемой
реформѣ законодательства о евреяхъ. — Юридическій бытъ евреевъ землѣдѣль-
цевъ. — О положеніи евреевъ-ремесленниковъ во внутреннихъ губерніяхъ.—
Евреи на Бессарабской границѣ.—Евреи въ Прибалтійскомъ краѣ.—Сто лѣтъ
тому назадъ.—Евреи крѣпостные.—**Къ** вопросу о положеніи евреевъ внѣ черты
ихъ осѣдлости. — По поводу новаго городоваго положенія. — Нѣсколько словъ
о рекрутской повинности у евреевъ.—Процесуальное положеніе еврейской рели-
гіи въ Россіи. — Полиція и меламеды. — О еврейской присягѣ свидѣтелей.—О
значеніи еврейской подписи на актахъ.

Цѣна 2 руб.

II. ЕВРЕИ ВЪ РОССІИ

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

соч. И. Г. Оршанскаго.

Содержаніе: **Отдѣлъ I. Очерки экономическаго быта русскихъ евреевъ:** Взглядъ
на экономичеекій бытъ русскихъ евреевъ. — Что такое еврейская торговля
и промышленность. — Еврейская товговля и внутреннія губерніи. — Евреи
и торговля питьями.—Землeдѣльческій трудъ у евреевъ.—Благосостояніе евреевъ
въ Западномъ краѣ.—Къ характеристикѣ одесскаго погрома.

Отдѣлъ II. Очерки общественнаго быта русскихъ евреевъ. — Обрусеніе евре-
евъ. — Политическое значеніе евреевъ въ Польшѣ. — Еврейское землевладѣ-
ніе въ Западномъ краѣ. — Мысли о хасидизмѣ.—О книгѣ кагала.—Раввинскій
судъ.—О замкнутости евреевъ. — Простонародныя пѣсни русскихъ евреевъ.—
Исторія выключки.—Толмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ.

Цѣна 2 руб.

ЕВРЕИ
И ИХЪ
УЧЕНІЕ ОБЪ ИНОВѢРЦАХЪ.
Д. И. Флисфедера.

Содержаніе: **Часть Первая**.—Взглядъ на отношеніе нашей прессы къ еврейскому вопросу.—Еврейская эксплуатація съ экономической точки зрѣнія.—О солидарности и замкнутости евреевъ.—О распаиваніи евреями крестьянъ.—Объ арендованіи и покупкѣ евреями земли въ югозападномъ краѣ.—
Часть Вторая.—Еврейская эксплуатація съ религіозной точки зрѣнія:—I. Моисеевы законы объ иновѣрцахъ.—II. Талмудъ и позднѣйшій раввинизмъ объ иновѣрцахъ.—III. „Бесдинъ" или судъ у евреевъ.—IV. Нѣсколько словъ о Мессіи

Цѣна 1 р. 50 коп.

ТАЛМУДЪ
этюдъ Эм. Дейтша.
БИБЛІОТЕКАРЯ БРИТАНСКАГО МУЗЕЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.
Переводъ съ седьмого изданія.
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.
Цѣна 50 коп.

УПОТРЕБЛЯЮТЪ-ЛИ ЕВРЕИ ХРИСТІАНСКУЮ КРОВЬ?
БРОШЮРА ПРОФЕССОРА Д. ХВОЛЬСОНА.
Цѣна 20 к.

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ЕВРЕЯМИ
ХРИСТІАНСКОЙ КРОВИ
ДЛЯ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ЦѢЛЕЙ.
БРОШЮРА ПРОТОІЕРЕЯ В. И. ПРОТОПОПОВА.
Цѣна 10 коп.

О КНИГѢ КАГАЛА
И. И. Шершевскаго.
Цѣна 50 к.

ГИГІЕНА ВОЛОСЪ
И СРЕДСТВА
ПРОТИВЪ ПРЕЖДЕВРЕМЕННАГО СѢДѢНІЯ
И ВЫПАДЕНІЯ ИХЪ.
Д-ра Пинкуса.
ПРОФЕССОРА БЕРЛИНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
Цѣна 40 коп.

НА-ВСТРѢЧУ
ОЧЕРКИ И СТИХОТВОРЕНІЯ
Василія Маркова.
Цѣна 3 руб.

О БИРЖАХЪ
БИРЖЕВЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ И МѢРАХЪ ОГРАНИЧЕНІЯ БИРЖЕВОЙ ИГРЫ.
Обозрѣніе важнѣйшихъ законодательствъ сравнительно съ русскимъ правомъ.
соч. Л. Н. Нисселовича.
УДОСТОЕННОЕ, ПО ОПРЕДѢЛЕНІЮ СОВѢТА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, НАГРАДЫ
ЗОЛОТОЮ МЕДАЛЬЮ.
Цѣна 1 руб.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ“ (Э. Гартье)

Большая Конюшенная, 6, въ С.-Петербургѣ.

Въ Москвѣ у Н. И. Мамонтова. || **Въ Варшавѣ у гг. Гебетнера и Вольфа.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

Еженедѣльный Вѣстникъ Русской Печати

„РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, УЧЕНЫХЪ и ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ.

Всѣ русскія и польскія изданія.—Важнѣйшія изданія на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и на французскомъ нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

Книги.—Музыкальныя сочиненія. — Географическія карты.— Эстампы.— Учебныя пособія.—Образовательныя игры.—Періодическія изданія и т. д.

Составъ еженедѣльныхъ нумеровъ, выходящихъ по субботамъ:

I. Хроника. II. Алфавитный указатель новыхъ изданій и указатель статей періодической печати.

Ш. Коммерческій отдѣлъ: Частныя объявленія о новыхъ изданіяхъ.—Объявленія о случайныхъ продажахъ и требованіяхъ рѣдкихъ или подержанныхъ книгъ, эстамповъ и пр.

Безплатныя приложенія:

Ежемѣсячный систематическій каталогъ новыхъ русскихъ книгъ.—Ежегодный каталогъ русскихъ учебныхъ книгъ и пособій.—Ежегодный рождественскій каталогъ. — Ежегодный полный алфавитный и систематическій каталогъ русскихъ и польскихъ книгъ, географич. картъ и т. п.

Условія подписки для С.-Петербурга и Москвы:

1) Со всѣми приложеніями, въ годъ безъ доставки 6 руб., съ доставкою 7 р., съ пересылкою 8 р.

2) Со всѣми приложеніями, **кромѣ годовыхъ каталоговъ:**
на **6** мѣс. безъ доставки 3 р., съ доставкою 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
„ 3 „ „ „ 1 р. 50 к. „ „ 1 р. 75 к., „ „ 2 р.
Отдѣльные нумера . . . . 20 к., „ „ 25 к.
„ „ съ ежемѣсячными приложеніями. 30 к., „ „ 35 к.

Пробный нумеръ высылается безплатно по первому требованію.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ“

(Эмиль Гартье)

Большая Конюшенная, № 6, въ С.-Петербургѣ.

Высылаетъ всѣ русскія и иностранныя изданія съ строгою аккуратностью и принимаетъ подписку на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.

ПОСТОЯННЫЕ ПОКУПАТЕЛИ ПОЛУЧАЮТЪ БЕЗПЛАТНО „ЕЖЕМѢСЯЧНЫЕ СИСТЕМАТИЧЕСКІЕ КАТАЛОГИ РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ“.

Редакторъ-издатель **ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ.**

Der

ST. PETERSBURGER HEROLD

erscheint **täglich**, und zwar **ohne** Präventiv-Censur;

Mittwochs mit der Beilage: **Industrie - Zeitung.**
Donnerstags mit der Beilage: **Feuilleton - Beiblatt.**
Freitags mit der **Handels- und Börsen - Zeitung.**
Sonntags mit der **Land - und Hauswirthschaftlichen Zeitung.**

Der „St. Petersburger Herold“ ist das grösste in deutscher Sprache erscheinende politische Organ Russlands, denn der ‹St. Petersburger Herold› wird, abgesehen von den wöchentlichen vier Gratis-Beilagen, täglich (mit Ausnahme Montags) in der Stärke von wenigstens zwei Bogen — Format der Wieuer ‹Presse› — ausgegeben.

Die Montagsnummer des ‹St. Petersburger Herold›, von überwiegend feuilletonistischem Charakter mit interessanten Artikeln aus allen Gebieten, Plaudereien aus allen Hauptstädten, sowie aus den grösseren russischen Provinzial-Städten, Novellen, Humoresken, Kritiken, Biographien u. s. w., nebst politischen Wochenübersichten, neuestbr Post und neuesten Depeschen, hat wenigstens den Umfang von einem Bogeu desselbeu Formats.

Das Programm des ‹St. Petersburger Herold› ist das weitgreifende eines

Internationalen Vermittelungs - Organs;

und zwar ist der ‹St. Petersburger Herold›, ein wahrheitsgetreuer Berichterstatter über alle Vorgänge auf dem Gebiete der Politik und Gesellschaft, des Handels und der Industrie, der Kunst und der Wissenschaft, wie überhaupt aller Länder — **besonders Deutschlands und Oesferreich - Ungarns** —, so in erster Linie

RUSSLANDS,

in welcher letzteren Hinsicbt der ‹St. Petersburger Herold› namentlich auch die Anschauungen der gesammten russischen Presse dem Auslande treu vermittelt und mit unparteiischer Kritik begleitet.

Der **Abonennents preis** für den **„St. Petersburger Herold“ mit Zustellung in St. Petersburg** beträgt: **13** Rub. für das Jahr; **7** Rubel für ½ Jahr; **3** Rub. **75** Kop. für ¼ Jahr; **1** Rbl. **25** Kop für den Monat. **An allen anderen Orten Russlands mit Zustellung: 14** Rbl, für das Jahr; **7** Rbl. **50** Cop. ½ Jahr! **4** Rbl. für ¼ Jahr; **1** Rbl. **50** Cop. für den Monat.

Inserate, sowie Abonements auf den „St. Petersburger Herold“ nebst den vier wöchentlichen Beilagen: „Industrie - Zeitung“, „Feuilleton-Beiblatt“, „Handels- und Börsen-Zeitung“ und „Land - und Hauswirthschaftliche Zeitung“ nehmen an: in St. Petersburg: die Administration (Wosnesseuskij - Prospekt № 3) täglich (mit Ausnahme der Sonn- und Festtage) von 9 Uhr Morg. bis 4 Uhr Nachm.; Kaiserl. Hofbuchhandlung *H. Schmitzdorf* (*Carl Röttger*), Newskij-P.osp 5; Buchhandlung *A. Deubner* (vorm. G. Hässel), Newskij-Prosp. 13; Buchhandlung *Carl Ricker*, Newskij-Prosp. 14; Buchhandl. *A. Wilcken*, Wassili-Ostrow 5 Linie № 2; *C. Krug*, Wassili-Ostrow Kadetten-Linie, Haus Lingen; *Central - Annoncen - Bureau* der *„Russischen Gesellschaft Internationaler Angelegenheiten“*, Moika-Kanal 90. *Im Innern*, ausser *direkter* Bestellung: *in Moskau:* Buchhandl. *J. Deubner;* Buchhandl. *B. Post* (vorm. Sutthoff); *N. A. Meyer*, Ssoljanka, Haus Baburin; *C. E. Stephany*, Miljutinskij-Pereulok, Haus Karloni. *In Warschau: Ed. Wende & Co. In Riga:* Buchhandlung *J. Deubner;* Annoncen-Expeditions-Bureau *Hugo Langewitz*. In *Reval:* Buchhandlung *Kluge & Ströhm;* Buchhandl. *F. Wassermann*. In *Mitau:* Buchhandl. *F. Besthorn;* Buchhandl. *Friedr. Lucas*. In *Dorpat:* Buchhandl. *E. J. Karow*. In *Fellin:* Buchhandl. *E. J. Karow;* Buchhandl. *G. Aerfeld*. In *Walk:* Buchhandl. *Moritz Rudolff*. In *Pernau: R. Jacobi & Co.* In *Goldingen*. Buchhandl. *F. Besthorn*. In *Helsingfors: O. Gesselius*. In *Libau:* Buchhandl. *G. E. Zimmermann*. In *Kijew:* Buchhandl. *H. Laechelin*. In *Lodz:* Buchhandl. *C. Richter*. In *Wilna: E. Th. Lambeck*. In *Bjalostok:* Buchhandl. *Kaplan*. In *Charkow: C. Steiner*. In *Odessa:* Buchhandl. *E. Berndt*.

Insertionen finden bei der grossen, täglich wachsenden Auflage des „Herold“ bei dem **starken Einzelverkaufe** nicht nur in den beiden Residenzen St. Petersburh und Moskau, sondern auch auf den **Stationen sämmtlicher Eisenbahnen Russlands** die *ausgedehnteste Verbreitung*. Die viergespaltene Petitzeile oder deren Raum wird mit 10 Kop. berechnet; bei grösseren Aufträgen wird ein **ensprechender Rabatt** gewährt.

Die Administration des „St. Petersburger Herold“.

3. WOSNESSENSKIJ-PROSPEKT BLAUE BRUECKE № 3.